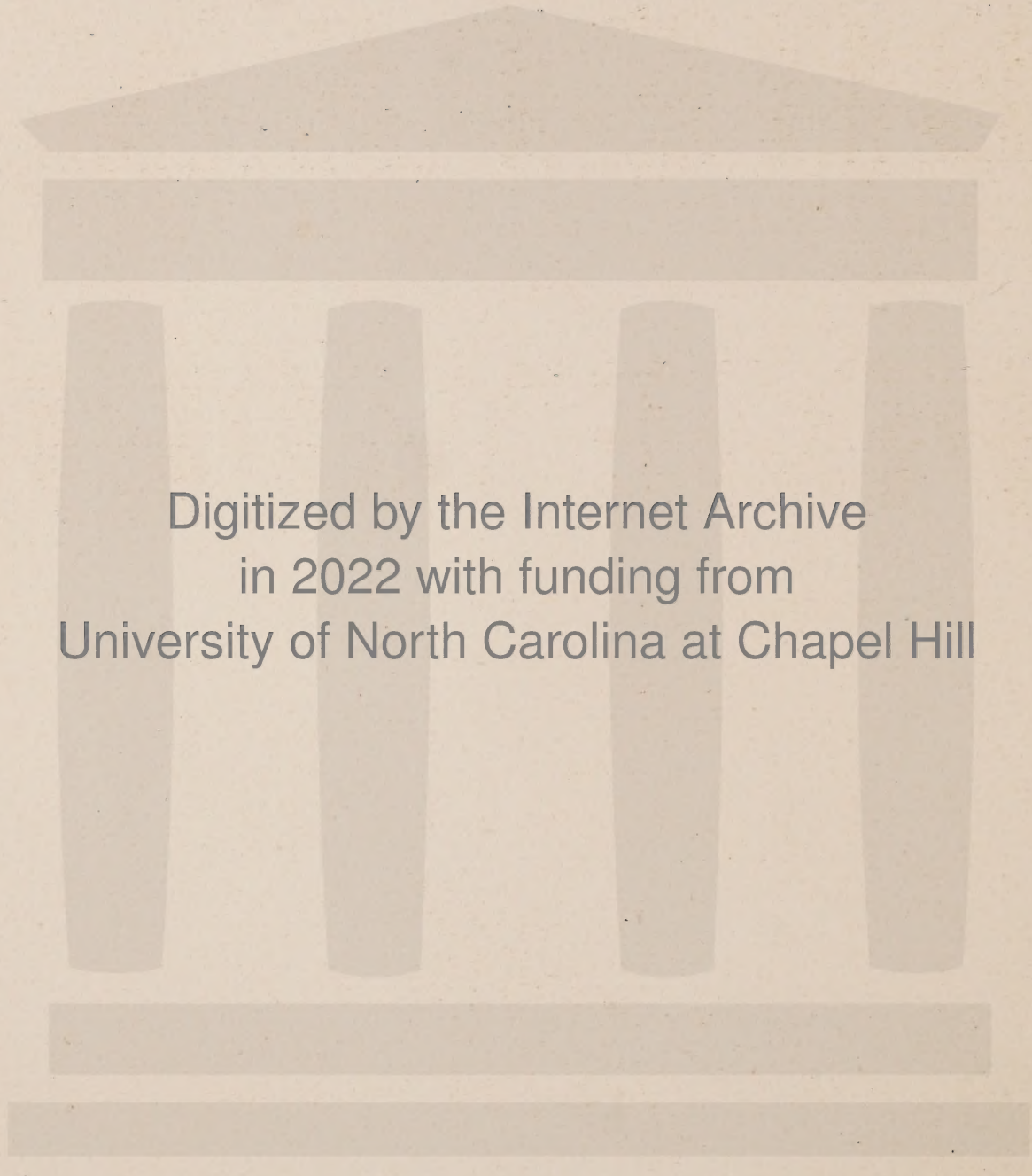
ИСТПАРТ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

„ВПЕРЕД"
И
„ПРОЛЕТАРИЙ"

ВЫПУСК
III

„КРАСНАЯ НОВЬ" 1924



Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/vperediproletari3619unse

ИСТПАРТ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (БОЛЬШЕВИКОВ)

„ВПЕРЕД“ и „ПРОЛЕТАРИЙ“

ПЕРВЫЕ БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ГАЗЕТЫ 1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ИСТПАРТА и со ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
М. ОЛЬМИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ◇ 1924

Главлит № 26247 Тираж 15.000 экз.

Типография „КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“ Пименовская ул., дом 1/16.

„ПРОЛЕТАРИЙ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА—
ОРГАН БОЛЬШЕВИКОВ
ИЗДАВАЛСЯ В ЖЕНЕВЕ В 1905 Г.

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

(№№ 1—7)

ОГЛАВЛЕНИЕ*).

Стр.

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 1.

Извещение о III съезде Российск. Соц.-Демок. Раб. Партии. Н. Ленин . . . 1
Главнейшие резолюции . . . 2
Устав партии . . . 6
Третий съезд . . . 8
Массовая политическая стачка. А. Луначарский . . . 10
Пробуждение крестьянства. В. Карпинский . . . 12

Из рабочего движения.

Москва . . . 14
Петербург. Рабочий . . . —
Рига. Ж. Э. . . . —
Рига. Б.-Ж. . . . 15
Николаев . . . —
Николаев . . . —
Николаев. Рабочий . . . —
Балта. Группа балтских рабочих РСДРП . . . 16
Луганск . . . —
Рабочий класс и его враги. М. Васильев . . . —
Гори . . . 17

Тюрьма и ссылка.

Из тюрьмы. (Письма из Одессы) . . . 17
Иваново-Вознесенск . . . 18
Чердынь . . . —
Онега . . . —

Из партии.

Рига . . . 18
Минск. С. . . . 19
О работе в крестьянстве . . . —
Издания . . . 20
Почтовый ящик . . . —
О поступлениях в кассу Ц.К. . . . —
Примечания . . . —

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 2.

Всероссийский съезд адвокатов. В. Воровский . . . 21
Международное значение русской революции. В. Воровский . . . 24
О временном революционном правительстве. Н. Ленин. —
Первое мая в России. М. Васильев . . . 27

Стр.

Из общественной жизни.

Новочеркасск . . . 30
Самара . . . —
Ярославль . . . —
Харбин . . . —
Харьков . . . —
Николаев (письма матросов) . . . 31
В Манчжурии . . . 33
Советы консервативной буржуазии. Н. Ленин . . . —

Из рабочего движения.

Иваново-Вознесенск. Северный Комитет . . . 34
Тула . . . 35
Ростов. В. М. Величкина. . . . —
Ростов-на-Дону . . . 36
Одесса . . . —
Одесса . . . —
Курск . . . —
Тверь . . . 37
Ярославль . . . 38
Ломжа . . . —

Из партии.

Резолюция 3-го Съезда . . . 39
Резолюция группы заключенных членов РСДРП . . . —
О поступлениях в кассу Ц.К. . . . 40
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . —

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 3.

Разгром. Н. Ленин. . . . 43
Революционная борьба и либеральное маклерство. Н. Ленин . . . 44
Буржуазия и стачки. В. Воровский . . . 47
О временном революционном правительстве. Н. Ленин. 48

Из общественной жизни.

Циркуляр Харбинского Управления Красного Креста . . 51
Хороший ответ либералам . . . —
Воронеж . . . 52
Великие Луки . . . —
Москва . . . —
Олонецкая губерния . . . —
Варшава . . . 53

*) Здесь приводятся фамилии авторов, если они установлены по почерку; в тексте эти фамилии заключены в скобки. В прямые скобки в тексте заключены поправки т. Ленина, если нет оговорки в примечании, что эти поправки сделаны другим товарищем.
Рукописи не все сохранились,—этим отчасти объясняется отсутствие подписей под многими статьями.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Из рабочего движения.

Одесса . . . 54
Николаев . . . 55
Рига . . . —
Харьков . . . 56
Екатеринослав . . . 57
Орехово-Зуево . . . —
Баку . . . —

Иностранное обозрение.

Политическая полиция в Швейцарии . . . 58
Стачка железнодорожных рабочих в Италии. В. Воровский. 59

Из партии.

Памяти товарища . . . 60
Петербургским фармацевтам . . . —
Воронеж . . . —
Москва . . . 61
Ответ Бунду . . . —
Из отчетов . . . 62
Издания . . . —
О поступлениях в кассу Ц.К. . . . —
Заявление Г. Куклина . . . —
Заявление Редакции „Библиотеки Русского Пролетария". —
Примечания . . . —

„ПРОЛЕТАРИЙ" № 4.

Демократические задачи революционного пролетариата . 63
Массовая политическая стачка. А. Луначарский . . . 65
Новый революционный рабочий союз . . . 66
Правительство готовится . . . 68
Либеральные буржуа и русские учителя. М. Васильев. 71

Из общественной жизни.

Петербург . . . 74
Встреча наместника . . . 75
Голодовка в тюрьме. Екатеринославский Комитет РСДРП . . . 76

Из рабочего движения.

Иваново-Вознесенск . . . 76
Баку. Бакинский Комитет . . . —
Казань. Казанский Комитет РСДРП . . . 77
Тверь . . . —
Екатеринослав . . . 78
Екатеринослав. Рабочий . . . 80
Николаев . . . —

Из партии.

Заявление группы товарищей . . . 81
Екатеринослав. Организац. Бюро „Рудничного Союза" РСДРП . . . —
Минск (из отчета) . . . —
Из отчетов . . . 82
Почтовый ящик . . . —
О поступлениях в кассу Ц.К . . . —
Поправка . . . —
Примечани . . . —

„ПРОЛЕТАРИЙ" № 5.

Первые шаги буржуазного предательства. Н.Ленин. . . 85
Буржуазия и стачки. В. Воровский. . . . 87

Стр.

Революционная борьба и политическое руководство. В. Северцев и В. Воровский . . . 90
Два недоразумения. А. Луначарский . . . 91

Из общественной жизни.

Эриванская губерния . . . 92
Г. Остров, Ломжинской губ. Солдат . . . 93
Текст петиции, принятой совещанием земских и городских гласных, городских голов и предводителей дворянства в Москве . . . —

Из рабочего движения

Иваново-Вознесенск (описание очевидца). . . . 93
Кострома . . . 94
Двинск . . . 95
Мелитополь . . . 96
Рига. . . . —
Гомель. Полесский Комитет . . . —
Николаев. Рабочий . . . —
Имеретино-Мингрельский Комитет . . . 97
Елисаветград. Бывший член Елисавет. организ РСДРП . 98

Иностранное обозрение.

5-й Съезд Профессиональных Союзов Германии. В. Воровский. . . . 99

Из партии.

О письме Плеханова. В. Воровский. . . . 101
Москва. Московский Комитет РСДРП . . . —
Предостережение Варшавский комитет В.-Р.О. . . . —
Из отчетов. . . . —
Издания . . . 102
„Революционеры" в белых перчатках. Н. Ленин . . . —
Почтовый ящик . . . 104
Примечания . . . —

„ПРОЛЕТАРИЙ" № 6.

Борьба пролетариата и холопство буржуазии . . . 105
Гоги и Магоги . . . 107
Что делается в войсках. А. Насимович . . . 108
Третий шаг назад . . . 110
Рабочий класс и его враги. М. Васильев . . . 112

Из общественной жизни.

Пермь . . . 115
Петербург . . . 116
Люблин. . . . —
Ветка (Могил. губ.). Полесский Комитет . . . —

Из крестьянского движения.

Имеретино-Мингрельский Комитет . . . 116
Хвойники (Минск. губерн.) Сообщено Полесским Комитетом. . . . 118

Из рабочего движения.

Сестрорецк . . . 118
Саратов. Наборщик . . . 119
Самара . . . —
Одесса . . . —
Речица. Сообщ. Полесским Комитетом. . . . 120
Рига. Рижский . . . —
Орел . . . 122
Лодзь . . . —

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Из партии.

Николаев. Рабочий 123
Кострома . . . . . —
Из отчетов. . . . . —
Восстание в Одессе . . . . . —
Почтовый ящик 124
Опечатка . . . . . —

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 7.

Революционная армия и революционное правительство. Н. Ленин 127
Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана. Н. Ленин 129
Организация монархистов. М. Ольминский и В. Величкина 131
Очерки из истории революционной борьбы западно-европейского пролетариата. А. Луначарский. 132
Конституционный пряник для Николая II. А. Луначарский. 133
Восстание в Одессе 136

Из общественной жизни.

Буржуазия торгуется с самодержавием, самодержавие торгуется с буржуазией. Н. Ленин 139
Точка над i. М. Ольминский. . . . . —
Петербург 140
Протест . . . . . —
Добрянка (Черниговской губернии). Полесский Комитет. —
Нижний-Новгород 141
Подольская губ. . . . . —

Стр.

Из рабочего движения.

Одесса 141
Тверь 142
Ковно 143
Самара . . . . . —
Петербург . . . . . —

Иностранное обозрение.

Вожди, партия и объединение во Франции. Г. Линдов . . 144

Из партии.

Одесса. Оратор из Комитета 145
Заявление Северо-Западного Комитета . . . . . —
Якутск. 146
Из отчетов. . . . . —
Заявление Г. Куклина . . . . . —
Последние известия. Н. Ленин . . . . . —
Почтовый ящик . . . . . —
Издания . . . . . —
Примечания . . . . . —

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Луганск 149
Рига . . . . . —
Резолюции Уральских организаций о партийном расколе —

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Портрет тов. Н. К. Крупской, факсимиле тт. Ленина, Васильева-Южина, Ольминского и Величкиной, фотография бланка редакции „Вперед“.

Надежда Константиновна Крупская.
(Фотография 1905 года).

LE PROLÉTAIRE

Prix: 30 cts.

ЖЕНЕВА. 27 (14) мая 1905 года.

№ 1.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Извещение о III съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Товарищи-рабочие! Недавно состоялся III съезд Р. С.-Д. Р. П., который должен открыть собой новую полосу в истории нашего социал-демократического рабочего движения. Россия переживает великий исторический момент. Революция вспыхнула и разгорается все шире, охватывая новые местности и новые слои населения. Пролетариат стоит во главе боевых сил революции. Он принес уже наибольшие жертвы делу свободы и готовится теперь к решительному бою с царским самодержавием. Сознательные представители пролетариата знают, что свобода не даст трудящимся избавления от нищеты, гнета и эксплоатации. Буржуазия, ныне стоящая за дело свободы, постарается на другой день после революции отнять у рабочих возможно большую часть ее завоеваний, выступит непримиримым врагом социалистических требований пролетариата. Но мы не боимся свободной, объединенной и окрепшей буржуазии. Мы знаем, что свобода даст нам возможность широкой, открытой массовой борьбы за социализм. Мы знаем, что экономическое развитие с неумолимой силой—и тем быстрее, чем свободнее оно пойдет,—будет подкапывать власть капитала и подготовлять победу социализма.

Товарищи-рабочие! Чтобы достигнуть этой великой цели, мы должны сплотить всех сознательных пролетариев в единую Российскую С.-Д. Рабочую Партию. Наша партия начала складываться уже давно, тотчас после широкого рабочего движения 1895 и 1896 годов. В 1898 году собрался первый съезд, основавший Российскую Соц.-Дем. Рабочую Партию и наметивший ее задачи. В 1903 году состоялся второй съезд, давший партии программу, вынесший ряд резолюций о тактике и впервые попытавшийся создать цельную партийную организацию. Правда, эта последняя задача не удалась партии сразу. Меньшинство второго съезда не захотело подчиниться большинству его и начало раскол, принесший глубокий вред с.-д. рабочему движению. Первым шагом этого раскола было нежелание исполнять постановления второго съезда, отказ работать под руководством созданных им центральных учреждений; последним шагом явился отказ принять участие в III съезде. III съезд был созван Бюро, выбранным большинством комитетов, работающих в России, и ЦК-том партии. На съезд были приглашены все комитеты, отделившиеся группы и недовольные комитетами периферии, и громадное большинство их, в том числе почти все комитеты и организации меньшинства, выбрали своих делегатов и послали их на съезд за границу. Таким образом было достигнуто все, осуществимое при наших полицейских условиях, для созыва общепартийного съезда, и только отказ трех заграничных членов бывшего Совета Партии повлек за собой бойкот съезда всем меньшинством партии. III съезд, как видно из приводимой ниже резолюции его, возлагает на этих трех членов всю ответственность за раскол партии. Но тем не менее III съезд, несмотря на отсутствие меньшинства, принял все меры к тому, чтобы меньшинство могло работать вместе с большинством в одной партии. III съезд признал неправильность того поворота к устарелым, отжившим взглядам экономизма, который наметился в нашей партии, но в то же время съезд создал точные и определенные, закрепленные уставом партии, обязательным для всех членов ее, гарантии прав всякого меньшинства. Меньшинство имеет теперь безусловное, обеспеченное уставом партии право отстаивать свои взгляды, вести идейную борьбу,—лишь бы споры и разногласия не вели к дезорганизации, не мешали положительной работе, не дробили наших сил, не препятствовали дружной борьбе с самодержавием и с капиталистами. Право на издание партийной литературы дано теперь уставом всякой полноправной организации партии. ЦК-ту партии вменено теперь в обязанность транспортировать всякую партийную литературу, раз этого требуют пять полноправных комитетов, т.-е. одна шестая доля всех полноправных комитетов партии. Автономия комитетов определена точнее, личный состав комитетов объявлен неприкосновенным, т.-е. у ЦК отнято право исключать членов из местных комитетов и вводить новых без согласия комитета. Единственным исключением из этого является тот случай, когда $^2/_3$ организованных рабочих требуют смещения комитета: тогда по уставу, принятому III съездом, это смещение обязательно для ЦК, раз $^2/_3$ его согласны с решением рабочих. Каждому местному комитету дано право утверждать периферийные органы в звании партийных организаций. Периферии дано право представлять кандидатов в члены к-ов. Границы партии определены точнее, согласно желанию большинства партии. Создан один центр вместо двух или трех. Обеспечено решительное преобладание работающих в России товарищей над заграничной частью партии. Одним словом, третьим съездом сделано все, чтобы рассеять всякую возможность нареканий на злоупотребление со стороны большинства его перевесом, на механическое подавление, на деспотизм центральных учреждений партии и проч., и т. п. Создана полная возможность для всех социал-демократов работать вместе, вступать уверенно в ряды одной партии, достаточно широкой и жизненной,

достаточно окрепшей и сильной, чтобы парализовать традиции старой кружковщины, чтобы стереть следы минувших трений и мелочных конфликтов. Пусть же все действительно ценящие партийность работники социал-демократии последуют теперь призыву III съезда, пусть его постановления послужат исходным пунктом для восстановления единства партии, для устранения всякой дезорганизации, для сплочения рядов пролетариата. Мы уверены, что именно сознательные рабочие, всего лучше умеющие ценить значение сплоченной, дружной работы, всего глубже прочувствовавшие весь вред розни, шатаний и усобиц, будут настаивать теперь со всей энергией на всеобщем и безусловном признании партийной дисциплины всеми членами партии как из низов, так и из верхов ее!

Стремясь сохранить во всех своих организационных и тактических решениях преемственную связь с работами II съезда, III съезд пытался учесть новые задачи момента в резолюциях о подготовке партии к открытому выступлению, о необходимости самого энергичного практического участия в вооруженном восстании и руководства им со стороны партии, наконец, об отношении ее к временному революционному правительству. Съезд обратил внимание всех членов партии на необходимость пользоваться всяким колебанием правительства, всяким юридическим или фактическим расширением свободы нашей деятельности для укрепления классовой организации пролетариата, для подготовки открытого выступления его. Но кроме этих общих и основных задач социал-демократической рабочей партии переживаемый революционный момент выдвигает перед ней роль передового борца за свободу, роль авангарда в вооруженном восстании против самодержавия. Чем упорнее становится сопротивление царской власти народному стремлению к свободе, тем могучее растет сила революционного натиска, тем вероятнее полная победа демократии с рабочим классом во главе ее. Проведение победоносной революции, отстаивание ее завоеваний возлагает гигантские задачи на плечи пролетариата. Но пролетариат не испугается великих задач. Он с презрением отбросит от себя тех, кто сулит ему несчастья от его победы. Российский пролетариат сумеет исполнить свой долг до конца. Он сумеет стать во главе народного вооруженного восстания. Он не испугается трудной задачи участия во временном революционном правительстве, если эта задача выпадет на его долю. Он сумеет отбить все контр-революционные попытки, беспощадно раздавить всех врагов свободы, грудью отстоять демократическую республику, добиться революционным путем осуществления всей нашей программы-минимум. Не страшиться, а страстно желать этого исхода должны российские пролетарии. Победив в предстоящей демократической революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям, сознательным рабочим всего мира, которые так истомились в буржуазной реакции и духовно оживают теперь при виде успехов в России. А с помощью социалистического пролетариата Европы мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами.

Вперед же, товарищи-рабочие, на организованную, дружную и стойкую борьбу за свободу!

Да здравствует революция!

Да здравствует международная революционная социал-демократия!

Центральный Комитет Р. С. Д. Р. П.

(Н. Ленин).

Главнейшие резолюции[1]).

Резолюция о конституировании съезда.

Выслушав доклад Организационного Комитета и комиссии по проверке мандатов и обсудив эти доклады, съезд констатирует, что на нем представлены партийные организации, имеющие больше половины решающих голосов,—что, согласно партийному уставу, ставит законность съезда вне сомнений.

Что же касается того пункта договора между Центральным Комитетом и Бюро Комитетов Большинства, по которому съезд открывается при наличности трех четвертей делегатов российских комитетов, считая и Лигу, то по этому вопросу съезд постановляет:

Согласно докладу Организационного Комитета обе стороны, составившие Организационный Комитет, смысл этого пункта договора видели в том, что необходимо было и ЦК, и БКБ принять самые энергичные меры для достижения полноты представительства на съезде, а также дать партии все гарантии того, что ЦК и БКБ поставили себе целью организовать общепартийный, а не фракционный съезд. Этим пунктом договора отнюдь не имелось в виду устранить действие того параграфа устава партии, по которому съезд действителен при наличности более чем половины общего числа решающих голосов. Что же касается полноты представительства на съезде, то съезд констатирует, что в этом отношении приняты все меры. Известия не получены только от Астраханского Комитета и Крымского Союза. Выбор делегатов и посылка их за границу (в двух случаях—Тверской и Кубанский комитеты—передача мандатов заграничным товарищам) произведены девятью Комитетами *) из числа не представленных на съезде. В совокупности с наличными делегатами от 20 комитетов это составляет 29 комитетов, т.-е. во всяком случае более ¾ 34-х комитетов **).

Если 9 делегатов от названных комитетов не явились на съезд, несмотря на то, что получили от комитетов соответственные мандаты и явились за границу, то отсутствие их на съезде объясняется не виною ОК, а тем, что все усилия ОК создать полноту представительства на съезде разбились о незаконное противодействие трех заграничных членов бывшего Совета Партии. Таким образом, 3 члена Совета Партии не исполнили явной воли партии и тем поставили себя вне партии. Рассматривая такое противодействие, как прямое нарушение доверенными должностными лицами партии определенно выраженной воли их доверителей,

---

*) Донской, Горнозаводский, Киевский, Кубанский, Тверской, Харьковский, Смоленский, Екатеринославский, Сибирский.

**) Число 34 есть максимум правоспособных организаций, первоначально вошедших в список ОК.

съезд возлагает на этих трех членов бывшего Совета Партии ответственность за раскол партии, и, выражая глубокое сожаление об этом расколе, высказывает непреложное убеждение в скором восстановлении единства партии, безусловно необходимого с точки зрения интересов российского пролетариата в переживаемый критический момент его революционной борьбы.

Примечание. В дополнение к этой резолюции, принятой в начале съезда, ЦК считает необходимым добавить, на основании позднейших данных, следующее. Общее число полноправных голосов нашей партии было определено съездом окончательно в 71, т.-е. 62 голоса у 31 полноправной организации и 9 голосов у центральных учреждений партии. Комитеты Кременчугский, Казанский и Кубанский не признаны съездом полноправными. На съезде присутствовали с решающими голосами делегаты комитетов: Петербургского, Московского, Тверского (в конце съезда), Рижского, Северного, Тульского, Нижегородского, Уральского, Самарского, Саратовского, Кавказского Союза (8 голосов, т.-е. равняется четырем комитетам), Воронежского, Николаевского, Одесского, Полесского, Северо-Западного, Курского и Орловско-Брянского. Всего 21 организация с 42 голосами, затем делегаты ЦК и представители ЦК в Совете всего с 4 голосами. Итого 46 голосов из 71. С совещательными голосами присутствовали делегаты Архангельского комитета, Уральского Союза (второй делегат, прибывший к концу съезда), Казанского комитета, Одесского комитета; групп: Екатеринославской, Харьковской, Минской; редакции «Вперед» и Комитета Заграничной Организации. Делегат Кременчугского комитета выразил желание принять участие в работах съезда, но опоздал приездом. Далее, делегаты третьего съезда получили во время его заседаний документ, из которого явствует, что приехали за границу, благодаря усилиями Организационного Комитета создать общепартийный съезд, представители организаций: Петербургской группы ЦК, Одесской группы ЦК, Николаевского к-та, Харьковского к-та, Киевского к-та, Екатерин. к-та, Кубанского к-та, Донского к-та, Донецкого Союза, Сибирского Союза, периферии Московского к-та, Сормовской периферии, Смоленского к-та, Крымского Союза и Украинского С.-Д. Союза. Документ этот есть письмо к «товарищам, собравшимся на съезд по приглашению Организационного К-та», письмо, подписанное представителями всех названных организаций. Отсюда видно, что Организационному Комитету действительно удалось обеспечить возможность общепартийного съезда в полном смысле слова.

Съезд имел всего 26 заседаний. В порядке дня стояли вопросы тактические: 1) Вооруженное восстание, 2) Отношение к политике правительства накануне и в самый момент переворота, 3) Отношение к крестьянскому движению. Затем вопросы организационные: 4) Отношение рабочих и интеллигентов в партийных организациях, 5) Устав партии. Далее, вопросы об отношении к другим партиям и организациям, именно: 6) к отколовшейся части Росс. С.-Д.Р.П., 7) к национальным с.-д. партиям, 8) к «социал-революционерам», 9) к либералам. Далее, 10) улучшение пропаганды и агитации, 11) Отчет ЦК, 12) Отчеты делегатов местных комитетов, 13) Выборы, 14) Порядок оглашения протоколов и решений съезда и вступление должностных лиц в должность.

Издание протоколов съезда поручено особой выбранной съездом комиссии, которая приступила уже к своим работам.

ЦК Росс. С.-Д.Р.П.

(Н. Ленин).

Резолюция о вооруженном восстании.

Принимая во внимание:

1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России;

2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания;

3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;

4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;

5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм, против имущих классов буржуазно-демократической России,—

Третий съезд Р.С.-Д.Р.П. признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников.

Резолюция о временном революционном правительстве.

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма, требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать на основе всеобщего, равного и прямого изби-

рательного права с тайной подачей голосов учредительное собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции, и о необходимости в известный ее момент появления временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программа-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции.

Резолюция об отношении к тактике правительства накануне переворота.

Принимая во внимание:

что в целях самосохранения правительство в переживаемый революционный период, усиливая обычные репрессии, направленные преимущественно против сознательных элементов пролетариата, вместе с тем 1) пытается путем уступок и обещаний реформ политически развратить рабочий класс и тем отвлечь его от революционной борьбы; 2) с тою же целью облекает свою лицемерную политику уступок в псевдо-демократические формы, начиная с приглашения рабочих выбирать в комиссии и совещания своих представителей и кончая созданием каррикатурных форм народного представительства, в роде так-называемого Земского Собора; 3) организует так-называемые черные сотни и поднимает против революции все вообще реакционные, бессознательные или ослепленные расовой и религиозной ненавистью элементы народа,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. постановляет предложить всем партийным организациям:

а) разоблачая реакционные цели правительственных уступок, подчеркивать в пропаганде и агитации их вынужденный характер, с одной стороны, и безусловную невозможность для самодержавия дать удовлетворяющие пролетариат реформы—с другой;

б) пользуясь предвыборной агитацией, разъяснять рабочим истинный смысл подобных мероприятий правительства и доказывать необходимость для пролетариата созыва революционным путем Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов;

в) организовывать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других, стоящих на очереди, требований рабочего класса;

г) организовывать вооруженный отпор выступлению черных сотен и всех вообще реакционных элементов, руководимых правительством.

Резолюция по вопросу об открытом политическом выступлении Р. С.-Д. Р. П.

Принимая во внимание:

1) что революционное движение в России до известной степени расшатало и дезорганизовало уже самодержавное правительство, которое оказывается вынужденным допустить некоторую свободу политического выступления враждебных ему классов;

2) что этой свободой политического выступления преимущественно пользуются теперь буржуазные классы, усиливая таким образом еще более свое экономическое и политическое преобладание над пролетариатом и увеличивая опасность превращения рабочего класса в простой придаток буржуазной демократии;

3) что среди рабочих масс все шире и шире обнаруживается стремление к самостоятельному и открытому выступлению на политическую арену хотя бы и без всякого участия социал-демократии,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. обращает внимание всех партийных организаций на необходимость:

а) пользоваться каждым случаем открытого выступления для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата, для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную социал-демократическую силу;

б) использовать все легальные или полулегальные рабочие общества, союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их по мере возможности в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России;

в) принять меры к тому, чтобы наши партийные организации, на-ряду с сохранением и развитием своего конспиративного аппарата, приступили немедленно к подготовке целесообразных форм перехода во всех случаях, когда это возможно, к открытой деятельности социал-демократической партии, не останавливаясь при этом и перед столкновением с вооруженной силой правительства.

Резолюция об отношении к крестьянскому движению.

Принимая во внимание:

1) что разрастающееся теперь крестьянское движение, являясь стихийным и политически бессознательным, не-

минуемо обращается, тем не менее, против существующего строя и против всех остатков крепостничества вообще;

2) что в задачи социал-демократии входит поддержка всякого революционного движения против существующего общественного и политического строя;

3) что в силу этого социал-демократия должна стремиться очистить революционно-демократическое содержание крестьянского движения от всяких реакционных примесей, развивая революционное самосознание крестьян и доводя до конца их демократические требования;

4) что социал-демократия, как партия пролетариата, должна во всех случаях и при всех обстоятельствах неуклонно стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. поручает всем партийным организациям:

а) пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель;

б) как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение, выдвигать необходимость немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета;

в) в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него, призывать крестьянство и сельский пролетариат к всевозможным политическим демонстрациям, к коллективному отказу от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов;

г) стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с пролетариатом городским под знаменем социал-демократической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты.

Резолюция об отколовшейся части партии.

Съезд констатирует, что в Р.С.-Д.Р.П. со времени ее борьбы с экономизмом сохраняются до сих пор в различной мере и в различных отношениях родственные ему оттенки, характеризующиеся общей тенденцией принижать значение элементов сознательности в пролетарской борьбе, подчиняя их элементам стихийности. Представители этих оттенков в вопросе организационном теоретически выставляют несоответствующий планомерно оформленной работе партии принцип организации-процесса, на практике же проводят в массе случаев систему уклонений от партийной дисциплины, а в других случаях, обращая к наименее сознательной части партии проповедь широкого, не считающегося с объективными условиями русской действительности, применения выборного начала, пытаются подорвать единственно возможные в данное время основы партийной связи. В вопросах тактических они проявляют себя стремлением сузить размах партийной работы, высказываясь против законченно-независимой партийной тактики по отношению к либерально-буржуазным партиям, против возможности и желательности для нашей партии взять на себя организующую роль в народном восстании, против участия партии при каких бы то ни было условиях во временном демократически-революционном правительстве.

Съезд предлагает всем членам партии вести повсюду энергичную идейную борьбу против подобных частичных уклонений от принципов революционной социал-демократии, но в то же время находит, что участие в партийных организациях лиц, примыкающих в той или иной мере к подобным взглядам, допустимо при том необходимом условии, чтобы они, признавая партийные съезды и партийный устав, всецело подчинялись партийной дисциплине.

Резолюция об отношении к национальным социал-демократическим организациям.

Принимая во внимание:

1) что интересы экономической и политической борьбы пролетариата требуют объединения социал-демократических организаций всех национальностей России;

2) что начавшаяся открытая революционная борьба против самодержавного строя и близость вооруженного восстания делают такое объединение особенно необходимым,—

III съезд, подтверждая отношение II съезда к вопросу о федерализме, поручает как Центральному Комитету, так и местным комитетам приложить все усилия к соглашению с национальными социал-демократическими организациями в целях согласования местной работы и подготовления, таким образом, возможности объединения всех социал-демократических партий в единую Р.С.-Д.Р.П.

Резолюция о практических соглашениях с социалистами-революционерами.

Подтверждая отношение Р.С.-Д.Р.П. к партии социалистов-революционеров, определенное резолюцией II съезда, и принимая во внимание:

1) что временные боевые соглашения социал-демократов с организациями социалистов-революционеров в целях борьбы с самодержавием могут быть в некоторых случаях полезными;

2) что такие соглашения ни в каком случае не должны ограничивать полной самостоятельности социал-демократической партии и нарушать цельность и чистоту ее пролетарской тактики и ее принципов,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. поручает Центральному Комитету и местным комитетам в случае надобности входить во временные боевые соглашения с организациями социалистов-революционеров, при чем местные соглашения могут заключаться лишь под контролем Центрального Комитета.

Резолюция об отношении к либералам.

Принимая в соображение:

а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом;

б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии, но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявлялась эта ограниченность и недостаточность,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. настоятельно рекомендует товарищам:

1) разъяснять рабочим антиреволюционный и противопролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках, начиная от умеренно-либерального, представляемого широкими слоями землевладельцев и фабрикантов, и кончая более радикальным, представляемым Союзом Освобождения и многочисленными группами лиц свободных профессий;

2) энергично бороться в силу изложенного против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата или отдельных групп его.

Примечание. Настоящей резолюцией отменяется резолюция об отношении к либералам тов. Старовера, принятая на II съезде.

Резолюция по пропаганде и агитации.

Принимая во внимание:

1) что задача планомерной и стройной организации революционно-пролетарского движения требует при теперешнем колоссальном его росте несравненно большей массы социал-демократических сил, чем когда бы то ни было прежде;

2) что при этом исключительную важность приобретает привлечение к роли руководителей движения,—в качестве агитаторов, пропагандистов и особенно в качестве членов местных центров и центра общепартийного,—возможно большего числа сознательных рабочих, как людей, наиболее непосредственно связанных с этим движением и наиболее тесно связывающих с ним партию,—и что именно недостатком таких политических руководителей среди рабочих объясняется наблюдаемое до сих пор сравнительное преобладание интеллигентов в партийных центрах;

3) что необходимые при таких условиях кадры партийных работников может дать партии только значительно расширенная и улучшенная постановка агитации и пропаганды,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. подтверждает резолюцию II съезда о пропаганде и поручает Центральному Комитету:

а) организовать литературно-пропагандистскую группу для выработки общей пропагандистской программы и для составления применительно к ней ряда популярных брошюр по главным вопросам партийной программы, тактики, организации, при чем обратить особое внимание на издание брошюрной литературы для работы среди крестьянства;

б) озаботиться постановкой издания популярного органа в России;

в) принять меры к организации разъездных групп агитаторов и пропагандистов для содействия местным центрам;

г) озаботиться изданием пропагандистской и агитационной литературы на жаргоне и других языках, входя для этого в случае надобности в соглашения с местными комитетами.

Резолюция по поводу событий на Кавказе.

Принимая во внимание:

1) что особые условия социально-политической жизни Кавказа благоприятствовали созданию там наиболее боевых организаций нашей партии;

2) что революционное движение среди большинства населения Кавказа как в городах, так и деревнях дошло уже до всенародного восстания против самодержавия;

3) что самодержавное правительство посылает уже войско и артиллерию в Гурию, подготовляя самый беспощадный разгром всех важнейших очагов восстания;

4) что победа самодержавия над народным восстанием на Кавказе, облегчаемая иноплеменным составом тамошнего населения, будет иметь самые вредные последствия для успеха восстания во всей России,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. от имени сознательного пролетариата России шлет горячий привет геройскому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых собеседований и так далее, а также к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Устав партии.

§ 1. Членом партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и участвующий личной работой в одной из ее организаций.

§ 2. Верховным органом партии является партийный съезд. Он созывается ежегодно Центральным Комитетом партии. Цнетральный Комитет обязан созвать в течение двух месяцев съезд, если созыва съезда требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. Съезд считается действительным, если на нем представлены организации, имеющие вместе право более чем наполовину решающих голосов.

Примечание 1. В случае отказа ЦК созвать съезд при требовании половины комитетов, съезд созывается Организационным Комитетом, избранным на конференции представителей от полноправных комитетов. ОК по созыву съезда пользуется всеми правами ЦК.

Примечание 2. Список вновь утверждаемых организаций публикуется немедленно в ЦО партии с указанием момента их утверждения ЦК-том.

§ 3. Представительство на съезде имеют: а) ЦК, б) все местные комитеты, не входящие в особые союзы,

в) иные организации, приравненные в этом отношении к комитетам, г) все союзы комитетов, признанные партией. Все означенные организации представляются на съезде каждая одним делегатом, имеющим один голос; ЦК представляется двумя делегатами, имеющими каждый по одному голосу; одним из этих делегатов должен быть ответственный редактор ЦО.

Представительство союзов определяется особыми уставами.

Прим. 1. Правом представительства пользуются лишь те организации, которые утверждены не позже как за полгода до съезда.

Прим. 2. ЦК-ту представляется приглашать на съезд с совещательным голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примеч. 1.

§ 4. Съезд выбирает ЦК-т.

§ 5. Центральный Комитет представляет партию в сношениях с другими партиями, назначает ответственного редактора ЦО из своей среды, организует комитеты, союзы комитетов и другие учреждения партии и руководит их деятельностью; организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение; распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии; разбирает конфликты как между различными учреждениями партии, так и внутри их, и вообще объединяет и направляет всю деятельность партии.

§ 6. Все партийные организации, выполняющие целостную работу (комитеты местные, районные, заводские и т. п.) ведают автономно все дела, относящиеся специально и исключительно к той области партийной деятельности, для заведывания которой они созданы; степень автономий групп, выполняющих частные и специальные функции (группы технические, агитаторские и т. п.), определяется создавшими их центрами.

§ 7. Всякая утвержденная съездом или ЦК-том организация имеет право издавать от своего имени партийную литературу. ЦК обязан транспортировать издание всякой организации, если этого потребуют пять полноправных комитетов. Все периодические партийные издания обязаны по требованию ЦК печатать все его заявления.

§ 8. Помимо организаций, утвержденных съездом партии, другие партийные организации утверждаются ЦК-том; местные периферийные организации—местными центрами. Все постановления ЦК обязательны для всех партийных организаций, которые обязаны также давать в центральную кассу 20 проц. всех своих доходов, кроме Комитета Заграничных Организаций, который обязан отдавать ЦК-ту 90 проц.

§ 9. Местный комитет должен быть распущен ЦК-том, если за распущение выскажутся одновременно ЦК $^2/_3$ голосов и $^2/_3$ местных рабочих, входящих в партийные организации.

§ 10. Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, в праве требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в ЦК, или в редакцию ЦО, или партийному съезду.

§ 11. Всякая партийная организация обязана доставлять и ЦК, и редакции ЦО все средства к ознакомлению со всей ее деятельностью и всем ее личным составом, представляет ЦК подробные отчеты о своей деятельности не реже одного раза в две недели.

§ 12. Все партийные организации решают дела простым большинством голосов; организации автономные имеют право кооптации. Для кооптации и исключения членов требуется $^2/_3$ голосов. В автономные периферийные организации комитеты имеют право вводить членов. На постановление о кооптации или исключении членов допускаются апелляция в ЦК.

Кооптация членов в ЦК производится единогласно. В комитетатах и соответствующих им организациях официальные кандидаты, предложенные ЦК или автономными периферийными организациями, кооптируются простым большинством голосов.

Резолюция о Центральном Органе партии.

Принимая во внимание, что редакция «Искры» не явилась на съезд и не приняла мер к согласованию своей дальнейшей деятельности с решениями и директивами III партийного съезда; что деятельность редакции новой «Искры» отнюдь не является гарантией за правильное разрешение тактических вопросов в будущем,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. постановляет, что газета «Искра» перестает быть Центральным Органом партии, и поручает Центральному Комитету создать новый центральный орган, согласно уставу партии, дав ему имя «Пролетарий».

Принимая во внимание, что только широкая осведомленность всех членов партии и возможно более тесное общение центров с их периферией могут обеспечить дружную и продуктивную работу нашей партии,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. разъясняет, что в обязанности как ЦК, так и местных центров входит возможно полное осведомление партийных организаций о всех общепартийных и местных делах, поскольку этому не препятствуют конспиративные соображения, а также привлечение в пределах тех же конспиративных соображений с совещательным голосом периферийных организаций при обсуждении этих дел.

Резолюция о материальной поддержке партии.

III съезд Р.С.-Д.Р.П. обращает внимание всех членов партии на то, что если, с одной стороны, фактическая невозможность поддерживать партию материальными средствами и не лишает, разумеется, партийного работника прав члена партии, то, с другой стороны, такая поддержка в высшей степени важна для нашей партии, как партии пролетарской. Новые политические задачи, особенно те, которые связаны с восстанием, требуют несравненно больших, чем до сих пор, материальных средств, а между тем развитие самостоятельной организации буржуазных элементов и возрастающая их враждебность по отношению к социал-демократии дают все основания думать, что приток средств извне партии будет все более уменьшаться. Необходимо, чтобы партия могла существовать всецело на свои собственные средства.

Резолюция о периодических конференциях представителей различных партийных организаций.

Принимая во внимание, что объединение партийной работы является неотложным требованием партийной

жизни, что такое объединение всего лучше достигается совместным обсуждением всех вопросов социал-демократической теории и практики, III партийный съезд выражает пожелание, чтобы как Центральный, так и местные комитеты организовывали возможно чаще конференции представителей различных организаций нашей партии.

Резолюция относительно „Вперед".

Принимая во внимание ту революционную инициативу, которую проявила газета «Вперед», выступив с критикой проникших в партию, под официальным знаменем «Искры», уклонений от указаний II партийного съезда, ту революционную чуткость, которую проявила газета «Вперед» в постановке и освещении выдвинутых революционным движением вопросов тактики, ту энергию, с которой «Вперед» вел борьбу против воскресших в партии демагогических приемов, принимая далее во внимание выдающуюся роль, сыгранную газетой «Вперед» в борьбе за восстановление партийности, наконец, ее значение в деле реализации съезда,—

Съезд выражает благодарность редакции «Вперед».

Третий съезд.

Долгая и упорная борьба за съезд в Р.С.-Д.Р.П., наконец, закончилась. Третий съезд состоялся. Подробная оценка всех его работ будет возможна лишь после выхода в свет протоколов съезда. В настоящее время мы намерены лишь наметить, на основании опубликованного «Извещения» и впечатлений участников съезда, главные вехи партийного развития, отлившегося в решения III съезда.

Три главных вопроса стояли перед партией сознательного пролетариата в России накануне III съезда. Во-первых, вопрос о партийном кризисе. Во-вторых, более важный вопрос о форме организации партии вообще. В-третьих, главный вопрос о нашей тактике в переживаемый революционный момент. Рассмотрим решение этих трех вопросов, переходя от менее к более существенному.

Партийный кризис вырешился сам собой одним уже фактом созыва съезда. Основу кризиса, как известно, составляло упорное нежелание меньшинства II съезда подчиниться большинству его. Мучительность этого кризиса и затяжной характер его обусловливались промедлением в созыве III съезда, обусловливались наличностью фактического раскола партии, раскола скрытого и тайного при лицемерном соблюдении внешнего и показного единства и при отчаянных усилиях большинства ускорить прямой выход из невозможного положения. Съезд дал этот выход, поставив перед меньшинством в упор вопрос о признании решений большинства, т.-е. о фактическом восстановлении или полном формальном нарушении единства партии. Меньшинство решило этот вопрос во втором смысле, предпочитая раскол. Отказ Совета участвовать в съезде вопреки несомненно выраженной воле большинства полноправных организаций партий, отказ всего меньшинства явиться на съезд был, как сказано уже в «Извещении», последним шагом к расколу. Мы не будем останавливаться здесь на формальной законности съезда, вполне доказанной в «Извещении». Тот довод, что съезд, созванный не Советом, т.-е. не по уставу партии, незаконен, трудно даже взять всерьез после всей истории партийного конфликта. Для всякого, усвоившего себе основы всякой партийной организации вообще, ясно, что дисциплина по отношению к низшей коллегии обусловлена дисциплиной по отношению к высшей коллегии; дисциплина по отношению к Совету обусловлена подчинение Совета его доверителям, т.-е. комитетам и их совокупности, партийному съезду. Кто не согласен с этой азбукой, тот неизбежно приходит к абсурдному выводу, что не доверенные лица ответственны перед доверителями и подотчетны им, а наоборот. Но, повторяем, на этом вопросе не стоит долго останавливаться не только потому, что не понять дела могут лишь нежелающие понимать, а еще и потому, что с момента раскола спор о формальностях между расколовшимися частями становится особенно сухой и бесцельной схоластикой. Меньшинство откололось теперь от партии, это—совершившийся факт. Одна часть его, вероятно, убедится из решений, и еще более из протоколов съезда в наивности разных басен о механическом подавлении и т. п., в наличности полных гарантий прав меньшинства вообще в новом уставе, во вреде раскола,—и войдет в партию. Другая часть, может-быть, будет упорствовать некоторое время в непризнании партийного съезда. По отношению к этой части нам остается пожелать, чтобы она как можно скорее сорганизовалась внутренне в цельную организацию со своей особой тактикой и особым уставом. Чем скорее это будет, тем легче будет всем и каждому, широкой массе партийных работников, разобраться в причинах раскола и в оценке его, тем осуществимее будут практические соглашения между партией и отколовшейся организацией, смотря по нуждам работы на местах, тем скорее, наконец, наметится путь к неизбежному будущему восстановлению единства партии.

Перейдем теперь ко второму вопросу, к общим организационным нормам партии. III съезд довольно существенно переработал эти нормы, пересмотревши весь устав партии. Пересмотр этот коснулся трех главных пунктов: а) изменение § 1 устава; б) точного определения прав ЦК и автономии комитетов с расширением этой последней; в) создания единого центра. Что касается до пресловутого вопроса о § 1 устава, то его достаточно выяснила уже партийная литература. Неправильность принципиальной защиты расплывчатой формулировки Мартова, доказана вполне. Попытка Каутского защитить эту формулировку не принципиальными соображениями, а удобством с точки зрения русских конспиративных условий, не имела и не могла иметь успеха. Кто работал в России, тот прекрасно знает, что таких соображений удобства не существует. Остается теперь ждать первого опыта коллективной работы партии над осуществлением нового § 1 устава. Мы подчеркиваем, что над его осуществлением надо еще работать и много работать. Чтобы зачислить себя самого в члены партии «под контролем одной из партийных организаций»,—для этого никакой работы не требуется, ибо эта формула есть звук пустой и все время была, от второго до третьего съезда, звуком пустым. Чтобы

создать широкую сеть разнородных партийных организаций, начиная от узких и конспиративных и кончая возможно более широкими и возможно менее конспиративными, для этого нужна упорная, долгая, умелая организационная работа, которая и ложится теперь на наш ЦК, а еще более на наши местные комитеты. Именно комитетам придется утверждать в звании партийных наибольшее число организаций, придется избегать при этом всякой ненужной волокиты и придирчивости, придется пропагандировать всегда и непрестанно среди рабочих идею необходимости создавать как можно больше самых различных рабочих организаций, входящих в нашу партию. Мы не можем здесь останавливаться дольше на этом интересном вопросе. Заметим лишь, что революционная эпоха делает особенно необходимым резкое отграничение социал-демократии от всех и всяких демократических партий. А такое разграничение немыслимо без постоянной работы над расширением числа партийных организаций и укреплением их связи между собой. Делу этого укрепления связи должны служить, между прочим, двухнедельные отчеты, установленные съездом. Пожелаем, чтобы эти отчеты не остались на бумаге, чтобы практики не рисовали себе ужасов волокиты и канцелярщины по поводу этого, чтобы они приучали себя сначала к немногому, к простому хотя бы сообщению числа членов каждой, даже самой мелкой, самой отдаленной от центра партийной организации. «Лиха беда начало», говорит пословица, а там уже видно будет, какое громадное значение имеет привычка к регулярным организационным сношениям.

На вопросе об одном центре мы не будем долго останавливаться. III съезд таким же громадным большинством отверг «двоецентрие», каким II съезд принял его. Причины этого легко поймет всякий, внимательно следящий за историей партии. Съезды не столько творят новое, сколько закрепляют результаты уже выработанные. Ко времени II съезда опорой устойчивости была и считалась редакция «Искры»,—ей дан был перевес. Преобладание российских товарищей над заграничными казалось еще проблематичным при том уровне развития партии. После второго съезда неустойчивой оказалась именно заграничная редакция,—партия же выросла, несомненно и значительно выросла, именно в России. Назначение редакции ЦО Центральным Комитетом партии не могло не встретить при этих условиях сочувствия массы партийных работников.

Наконец, попытки более точного разграничения прав ЦК и местных комитетов, идейной борьбы и дезорганизаторской свары, равным образом с неизбежностью вытекали из всего хода событий после II съезда. Тут перед нами последовательное и систематическое «накопление партийного опыта». Письмо Плеханова и Ленина к недовольным редакторам от 6 октября 1903 г.—стремление разграничить элементы раздражения и разногласия. Ультиматум ЦК от 26 ноября 1905 г. [2])—то же стремление в виде оформленного предложения литературной группы. Заявление представителей ЦК в Совете в конце янв. 1904 г.—попытка призвать всю партию к отделению идейных форм борьбы от бойкота и т. п. Письмо Ленина к русским членам ЦК от 26 мая 1904 г.—признание необходимости формально гарантировать права меньшинства. Известная «декларация 22-х» (осень 1904 г.)—то же в более отчетливой, разработанной в категорической форме. Совершенно естественно, что по этой дороге пошел и III съезд, который «окончательно рассеял, формальными решениями рассеял мираж осадного положения». В чем именно состоят эти формальные решения т.-е. видоизменение устава партии, мы не будем повторять здесь, ибо это видно из Устава и из «Извещения». Заметим только две вещи. Во-первых, позволительно надеяться, что гарантия права издавать литературу и обеспечение комитетов от «раскассирования» облегчит возвращение в партию откололовшихся национальных с.-д. организаций. Во-вторых, установление неприкосновенности личного состава комитетов заставило предусмотреть возможность злоупотреблений этой неприкосновенностью, т.-е. неудобство «несменяемости» абсолютно негодного комитета. Таким образом возник § 9 нового устава партии, устанавливающий условия распущения комитета при требовании этого $^2/_3$ местных рабочих, входящих в партийные организации. Подождем указаний опыта, чтобы решить, насколько практичным оказалось это правило.

Наконец, переходя к последнему и самому важному предмету работ съезда, к установлению тактики партии, мы должны заметить, что перечислять отдельные резолюции и рассматривать подробно их содержание здесь не место. Может-быть, нам придется сделать это в особых статьях, посвященных главнейшим резолюциям. Здесь же необходимо обрисовать общую политическую ситуацию, в которой должен был разобраться съезд. Возможен двоякий ход и исход начавшейся русской революции. Возможно, что царское правительство сумеет еще вывернуться из тисков, в которых оно сжато, посредством ничтожных уступок, посредством какой-нибудь «шиповской» конституции. Такой исход мало вероятен, но если международное положение самодержавия улучшится в случае, например, удачного сравнительного мира, если предательство буржуазии по отношению к делу свободы реализуется быстро в сделке с власть имущими, если неизбежный революционный взрыв или взрывы окончатся поражением народа,—тогда этот исход наступит. Нас, социал-демократов, да и весь сознательный пролетариат, ждут тогда долгие серые будни свирепого, якобы, конституционного господства буржуазии, как класса, всевозможного подавления политической самодеятельности рабочих, медленного экономического прогресса при новых условиях. Мы не падем духом, разумеется, ни при каких исходах революции, мы будем утилизировать всякое изменение условий для расширения и укрепления самостоятельной организации рабочей партии, для политического воспитания пролетариата к новой борьбе. С этой задачей считался, между прочим, съезд в резолюции об открытом выступлении Р.С.-Д.Р.П.

Возможен и более вероятен другой исход революции, именно та «полная победа демократии с рабочим классом во главе ее», о которой говорит «Извещение». Нечего и говорить о том, что мы сделаем что только в наших силах, для достижения этого результата, для устранения условий, допускающих первый исход. И объективные исторические условия складываются благоприятно для русской революции. Бессмысленная и позорная война затягивает мертвую петлю над царским правительством и создает необыкновенно выгодный мо-

мент для революционного уничтожения военщины, для широкой пропаганды народного вооружения взамен постоянных армий, для быстрого проведения этой меры при сочувствии ей массы населения. Долгое и безраздельное господство самодержавия накопило невиданное, пожалуй, в истории количество революционной энергии в народе: на-ряду с громадным рабочим движением ширится и растет крестьянское восстание, сплачивается мелкобуржуазная демократия в лице преимущественно представителей свободных профессий. Ирония истории наказала самодержавие тем, что даже дружественные по отношению к нему общественные силы, в роде клерикализма, должны организовываться отчасти против него, ломая или раздвигая рамки полицейского бюрократизма. Брожение среди духовенства, стремление его к новым формам жизни, выделение клерикалов, появление христанских социалистов и христианских демократов, возмущение «иноверцев», сектантов и т. д. все это играет как-нельзя больше на руку революции, создавая благоприятнейшую почву для агитации за полное отделение церкви от государства. Вольные и невольные, сознательные и бессознательные союзники революции растут и множатся не по дням, а по часам. Вероятность победы народа над самодержавием усиливается.

Эта победа возможна только при героическом напряжении силы пролетариата. Она предъявляет к социал-демократии такие требования, каких ни разу еще и нигде не ставила история перед рабочей партией в эпоху демократического переворота. Тут перед нами не проторенные пути медленной подготовительной работы, а величайшие, грандиозные задачи организации восстания, концентрации революционных сил пролетариата, сплочения их с силами всего революционного народа, вооруженного нападения, учреждение временного революционного правительства. В резолюциях, которые опубликованы теперь во всеобщее сведение, III съезд пытался учесть эти новые задачи и дать посильные директивы организациям сознательных пролетариев.

Россия приближается к развязке вековой борьбы всех прогрессивных народных сил против самодержавия. Никто уже не сомневается теперь в том, что самое энергичное участие в этой борьбе примет пролетариат и что именно его участие в борьбе решит исход революции в России. Нам, социал-демократам, предстоит теперь оказаться достойными представителями и руководителями самого революционного класса, помочь ему добиться самой широкой свободы,—залога победоносного шествия к социализму.

Массовая политическая стачка [3]).

Близкое будущее чревато бурями. Еще нельзя сказать с уверенностью, с какой силой и широтой они развернутся и близок ли час, когда грянет гроза. Одно несомненно—Россия уже кипит, и ей предстоит в предстоящей катастрофе главная роль. Центральной фигурой исторической драмы будет русский пролетариат. Еще есть, разумеется, возможность сравнительно [жалкого], временного конца волнений в России, еще есть вероятность конституционного выкидыша истории, но, с другой стороны, более вероятным является [огромный] и мировой [переворот], потому что весь общественный строй цивилизованного человечества находится в шатком равновесии и горючего материала накопляется все больше.

Само собою разумеется, что не только в Западной Европе, но и в России главной революционной силой явится именно пролетариат. Либеральные земцы поднимают много шуму, но их совещания, на которые полиция смотрит сквозь пальцы, отличаются одной интересной чертой: на них вырабатывают частности грядущего [строя], как-будто частности эти, как и самый [строй] зависят от воли господ либералов; но ни единому оратору не пришло в голову задать собранию солидных конституционалистов вопрос: «какими наличными силами располагаете вы? что противопоставите вы правительственной щуке, когда она вас, красноречивых карасей, постановит немедленно сожрать?» Господа земцы воображают себя чем-то в роде Национального Собрания в 1789 г. Но ведь и Национальное Собрание королевская власть могла бы преспокойно сожрать, если бы оно не опиралось на две силы: на полную возможность фактически отказать правительству от имени страны в платеже налогов и принятии внутренних займов и на вооруженный, революционно-настроенный Париж. Подумали ли российские Мирабо и Барнавы на своих тайных конгрессах о том, чтобы пригрозить правительству Манифестом, подписанным дворянством и земствами и призывающим страну не давать ни гроша преступному, чудовищному правительству? Подумали ли они о том, чтобы пригрозить правительству употребить все свои силы на вооружение революционного народа? О! они умерли бы со страху, эти «радикалы» и «разрушители», если бы хоть кто-нибудь поставил таким образом вопрос на их собрании. Они прекрасно сознают, и счастливы этим сознанием, что они не революционная сила, а «честный маклер»! Катков говорил: «революционер грозит: уступи, или я буду стрелять!—а либерал говорит: уступи, или они будут стрелять!» Катков знал русского либерала! Господа земцы хотят только учесть... победы Того и Ойямы, аграрные беспорядки и революционную готовность всероссийского пролетариата, а также деятельность террористов. И они скромно запрашивают и ждут мановения царской руки, чтобы «влить новые соки» в дряхлое растение самодержавия!

Настоящей революционной силой рядом со стихией, какой является в настоящее время внешняя война, мы можем считать лишь пролетариат, да громыхающую на заднем плане, грозную и темную силу обнищалого крестьянства. Но [крестьянство] явится лишь фоном для революции, совершится [же] она в городах.

Русский пролетариат выступил сразу с удивительной стихийной солидарностью, пуская в ход именно то оружие, о котором так много говорят в последнее время в западно-европейской социал-демократии. Об этом-то оружии пролетариата, которому на наш взгляд предстоит вскоре сыграть огромную роль, мы и хотим поговорить в настоящей статье.

Еще вчера, можно сказать, в известных кругах западно-европейской социал-демократии была непоколебимая уверенность в том, что путем легальной борьбы, путем завоевания голосов на почве всеобщего избирательного права, можно прийти к парламентской победе

над буржуазией, и что такая победа ознаменует собою и победу социализма в данной стране. Эта мысль, свившая себе прочное гнездо в головах представителей правого [крыла] интерн[ациональной] социал-дем[ократии], осложнилась еще другой вредоноснейшей [мыслью] о возможности искреннего и прочного соглашения партии пролетариата с партиями передовой буржуазии в целях достижения «социального мира». Конечно, эти еретические [мысли] всегда [встречали] энергичный отпор со стороны левого крыла социал-демократии. Еще во времена, предшествовавшие полному расцвету «парламентского кретинизма» и [розового] представления об «эволюции» и «реформизме», Либкнехт в энергических выражениях клеймил эту форму оппортунизма. Мы приводим [его слова] с тем большей охотой, что они косвенно заключают в себе превосходную критику той жалкой подделки под парламентскую болтовню, какую представляет из себя земская болтовня. «Запомним хорошенько,—говорит Либкнехт,—болтовня не может иметь никакого влияния на законодательство. Тронуть власть имущих речами в парламенте мы не можем. Влиять на народ можно и помимо парламентской трибуны. Парламентские разговоры сами по себе не могут иметь никаких результатов, а болтать без осязательных результатов,—это удовольствие дураков. А между тем, парламентаризм оказался чреват опасностями: жертвуют принципами, принижают серьезную политическую борьбу до парламентских стычек и приучают народ к мысли, будто парламент может разрешить социальный вопрос. Нет! в такие времена, когда старый мир умирает и новый нарождается,—место защитников прав народа в его рядах!»

«Но допустим,—продолжает Либкнехт,—что мечта о социалистическом большинстве в парламенте осуществилась. Что же предпримет это большинство? Не пришел ли момент перестроить все государство? Парламентское большинство издает исторический декрет: новый мир родился! Но увы! вот рота солдат гонит парламентское большинство из его храма, а если оно сопротивляется, то полиция разводит его по тюрьмам, где его представители найдут достаточно досуга для размышления о своем донкихотстве».

Нельзя сказать, чтобы правящая буржуазия вполне согласилась с Либкнехтом. Она вовсе не склонна допустить издание «исторического декрета», она, несомненно, заранее примет меры, чтобы избегнуть такой неприятности. Опираясь на грубую силу военщины, буржуазные правительства просто отказывают во всеобщем избирательном праве там, где его еще нет, и решаются преспокойно отнимать его там, где оно становится для них особенно неудобным.

Буржуазия доказала уже это уничтожением всеобщего избирательного права в Саксонии и упорным отказом дать его в чистом виде в Швеции, Бельгии, Голландии и других странах. Счастливый сон о [законном] торжестве социализма тем самым разрушен. Но мало того: трагический знак вопроса воздвигается вообще над необходимыми пролетариату политическими правами его, купленными дорогою ценой. Буржуазия приходит к ясному сознанию того, что ее чисто-буржуазный парламентаризм есть парламентаризм цензовый. Конечно, крупной буржуазии приходится считаться с мелкобуржуазными массами, но не всегда и не всюду мелкая буржуазия склонна энергически отстаивать демократию.

Перед европейским пролетариатом стал вопрос: как быть и каким оружием бороться, чтобы защищаться от поползновения буржуазии перейти в наступление и чтобы продолжать наступление пролетариата. И ответ был дан как теоретически, так и практически: одним из важных новых орудий борьбы пролетариата является массовая политическая стачка. В противовес переоценке парламентаризма, внимание переносится, таким образом, из парламентских зал в рабочую среду, без активности которой парламентаризм—пустая игрушка.

Теоретическую сторону вопроса о массовой политической стачке мы разберем в другой раз, а теперь мы хотим познакомить читателя хотя бы коротко с некоторыми практическими опытами этого рода на Западе.

Первой массовой политической стачкой была бельгийская стачка в 1893 году, во время которой лозунгом бельгийского пролетариата было всеобщее избирательное право. Состояние рабочих синдикатов в Бельгии в это время далеко не было блестящим; равным образом и политическая организованность пролетарских масс [была недостаточна]; но пролетариат Бельгии за предыдущие годы привык уже смотреть на всеобщее избирательное право, как на [прямую] цель, ради достижения которой стоит итти на все, а кроме того, он питал больше доверие к руководству Бельгийской Социал-Демократической Партии. По знаку Генерального Совета партии стачка немедленно охватила все важнейшие города и отрасли промышленности. Буржуазию охватил ужас. Оружие массовой стачки было пущено в ход впервые, а каждое новое оружие пролетариата донельзя пугает буржуазию. Так это было в 1890 году при первом праздновании 1-го мая, так это было и в Бельгии в 1893 году. Буржуазия привела в действие всю свою боевую организацию: полицию, армию, тюрьмы. Но страх перед социальной революцией был столь велик, солидарность рабочего класса столь внушительна, что буржуазия предпочла сделать крупную уступку и ввести с некоторыми ограничениями всеобщее избирательное право, чем рисковать дальнейшей борьбой.

Для того, чтобы добиться устранения этих ограничений всеобщего избирательного права, бельгийская рабочая партия прибегла к тому же оружию еще раз, именно в 1902 году. Но на этот раз, хотя в стачке приняло участие 300.000 рабочих, партия не добилась успеха. Причиной неудачи была прежде всего подготовленность буржуазии. Массовая стачка страшно теряет в своей силе, когда она заранее объявляется, когда она не обрушивается неожиданно на головы правящих классов или правительства. Дурно повлиял и временный союз, заключенный для достижения всеобщего избирательного права с радикалами: они, устрашенные энергией рабочей партии, изменили в решительный момент и удручающе повлияли на настроение стачечников. Однакоже, рабочий класс Бельгии совершил отступление в величавом порядке: буржуазия не осмелилась рассматривать его, как побежденного, и отнимать у него его организации и его раньше завоеванные права.

Массовые политические стачки в Голландии в январе и в Италии в сентябре 1904 года также, [если и не] привели к победе пролетариата, то [все же] представляли из себя необыкновенно внушительные дока-

зательства солидарности и мощи рабочего класса; [они остановили] временно производительные силы [страны] и поколебали самые устои общества. Неудачи объяснялись более или менее случайными и устранимыми [недостатками] организации; [эти неудачи] никого не обескуражили; напротив, левое революционное крыло итальянских социалистов и [его газета Вперед] (Avanti) пришли к выводу, что в будущем, при более обдуманной подготовке, массовая политическая стачка станет почти непобедимым оружием в руках пролетариата.

Но особенно удачной была стачка шведских рабочих в 1903 году. Правительство вздумало предложить парламенту в качестве реформы новый избирательный закон, который являлся грубой насмешкой над волей пролетариата, громко требовавшего всеобщего избирательного права. Пролетариат решился показать, что без него рассчитывать не приходится. На время [обсуждения закона] в [парламенте, т.-е.] на три дня, [по почину] шведской социал-демократии рабочий класс приостановил почти всю промышленную жизнь страны: только рабочие кооперативов пекли хлеб, печатались только социалистические газеты. Оробевшая буржуазная палата провалила правительственный законопроект и потребовала от правительства представить новый, демократический.

Стачка миллиона пролетариев, разразившаяся в России после 9 января, показывает, на что способен русский пролетариат. Если бы социал-демократическая партия имела тогда хотя бы достаточно хороший осведомляющий аппарат, какой она, несомненно, будет теперь иметь, если бы грандиозный поток стачечного движения [приурочился повсюду] к одному [и тому же] времени, то кто знает, каковы были бы результаты?

Надо помнить, однако, что для успеха массовой политической стачки, направленной к изменению государственного строя, кроме широты и единовременности движения, кроме его организованности,—необходимы еще следующие условия: 1) стачка должна разразиться более или менее неожиданно; 2) реформа, которой добивается рабочий класс, должна быть симпатична значительной части общества; 3) правительственная власть, напротив, не должна пользоваться симпатиями большей части общества. Все эти условия безусловно даны в России, а при таких условиях, как думает Каутский, массовая политическая стачка имеет все шансы на успех.

Надо помнить, однако, что рабочий класс может ограничиваться одной чистой стачкой лишь там, где дело идет о том, чтобы вырвать более или менее широкую реформу; у нас же дело идет о низвержении самодержавия и самой монархии: массовая стачка может совершенно расшатать устои трона, заставить общество отшатнуться от правительства, может парализовать все его силы, внести раздоры и колебания в самые недра армии и бюрократии, словом, создать все условия для победы вооруженного восстания народа. [Вооруженное восстание] несомненно и неизбежно должно сопровождать в России организованную массовую политическую стачку.

Вопрос о массовой политической стачке настолько интересен и вместе с тем сложен, что мы еще вернемся к нему. Самая постановка его западными нашими товарищами и огромный интерес к нему свидетельствуют об обострении междуклассовых отношений, о резком подъеме революционной энергии европейского пролетариата, а все эти условия крайне важны для дальнейшего хода событий, толчок которым исходит из России.

(А. Луначарский).

Пробуждение крестьянства.

В конце 90-х годов вдумчивые наблюдатели русской жизни впервые отмечали пробуждение политической мысли в широкой массе рабочих, их страстное искание света и правды. Читатели «Искорок» (Рубакина)—а таких не мало среди рабочих—помнят спор одного из этих «взыскующих града» с купцом о том, что такое отечество. «Известно, отечество—Россия,—полагал упитанный представитель буржуазии,—вся держава, подвластная одному царю». «Посадить бы тебя в Камчатку, так сказал бы ты тогда, что в отечестве находишься!—возражал рабочий,—отечество есть доброе для своих граждан общество, на точном основании справедливых законов управляемое».

И вот теперь, через 6—7 лет, когда буржуазия своими патриотическими излияниями и патриотическими жертвами на войну только-что еще раз заявила об отсутствии у ней политического смысла,—мы наблюдаем то же пробуждение политической мысли, ту же жажду «справедливых законов» в широкой массе крестьян. «У меня земли либо всего сажень,—говорит крестьянин (№ 10 «Вперед»), либо совсем нет, а меня гонят защищать отечество. Какое отечество? У меня в отечестве ничего нет, меня здесь только грабят да давят»... И тут же крестьянин указывает на источник света, льющегося теперь в деревню, и на значение для нее войны: «Мастеровщина городская—она ближе к свету живет, она раньше поняла и поднялась, ну да и нам теперь война глаза-то от тумана открыла».—«Такие речи—прямо всеобщи»,—прибавляет корреспондент.

Пробудившаяся мысль крестьянина ищет выхода из тяжелого положения,—она начинает устанавливать правильное взаимоотношение между целью и средствами, между своей исконной «жаждой земли», облегчением своего экономического положения, с одной стороны, гражданским и политическим строем—с другой. «Чего же вы хотите?»—спрашивает наш товарищ крестьянина, только-что описавшего ему свое тяжелое хозяйственное положение, свою нужду в земле, и получает, «к своему удивлению», такой ответ: «Хотим-то мы что? Чтобы скрозь все можно было описывать в газетах... чтобы мы свой голос имели во всех делах,—общее, значит, нам право нужно, чтобы мы все под равноту подошли»... «Деревня идет навстречу политическому возрождению», — замечает автор корреспонденции (№ 11 «Вперед»).

Да, и русская деревня возрождается к политической жизни. Еще в 1902 г. полтавские крестьяне верили в «золотые грамоты», ждали облегчения своей нужды от царя, который будто бы велел им поделить панское добро, смотрели на казаков и войско, как на царских посланников, обязанных наблюдать, чтобы дележ шел по «мирскому равнению», по справедливости. Теперь кре-

стьяне—в некоторых местах по крайней мере—выражают организованное недоверие царю, требуя гарантий политической свободы для выборов в созываемый им Земский Собор; теперь крестьяне знают цену царским штыкам и нагайкам. Правда, русской деревне далеко еще до сознательности движения гурийских крестьян. В ее первых шагах сквозит еще былая вера в царя; она ссылается еще на «божью заповедь» в доказательство своих прав на лучшую жизнь. Но она сделала уже эти первые шаги, и весь ход русской жизни ручается, что она быстро пойдет по намеченному пути.

Московский Комитет нашей Партии опубликовал недавно «письмо крестьянина». Это письмо, указывая, что царь собирается созвать, вместо выборных от всего народа,—предводителей дворянства, городских голов, попов да волостных старшин,—говорит:

«Рабочему народу от таких заступников, конечно, ждать нечего. Вспомним освобождение крестьян. Император Александр II поручил разработать правила освобождения крестьянским комитетам без участия крестьян. Мы знаем на своем горбу, какую волю разработали помещики. Крестьян они освободили от земли. Заставили нас взять на выкуп клочки, которые похуже. Себе оставили всю лучшую землю... А рабочий народ попал в новую зависимость от тех же помещиков, капиталистов и чиновников. Выходит, крестьянам нужно позаботиться о себе самим и взять в собственные руки защиту своих прав. Это давно уже поняли крестьяне, рабочие на фабриках, и они повсеместно требуют своих прав. Также станем действовать и мы.

Во-первых, немедленно и повсеместно станем собирать сходы и отправлять в совет министров приговоры об улучшении нашего благосостояния. Во-вторых, станем сговариваться, какие дать наказы нашим выборным на Всероссийское Народное Собрание. В-третьих, чтобы выбрать, как указано в рескрипте—«достойнейших, доверием нашим облеченных людей», станем просить царя в наших приговорах о самом первом и главном, а именно:

1) Немедленно снять с нас опеку земских начальников и полиции, чтобы мы могли, как сказано в наказе, «откровенно» и без всякого стеснения от начальства сговориться между собой.

2) Выбирать доверенных на Всероссийское Народное Собрание прямо от всех жителей округа, а не через выборщиков, как выбирают волостных старшин и земских гласных в настоящее время.

3) Выбирать без различия сословий, званий, состояний,—будь то крестьянин, дворянин, рабочий, купец, священник, доктор, учитель,—все равно, лишь бы был надежный и неподкупный человек.

4) Выбирать закрыто, а не вьявь, чтобы слабый не опасался сильного».

В этом письме важно,—как правильно отметил наш Московский Комитет в своем ответе на него,—понимание крестьянами необходимости «взять в собственные руки защиту своих прав». Но еще важнее, что крестьянин намечает верный путь к тому, как это сделать: защиту своих «прав» он ставит в связь с борьбой городских рабочих и созывом Учредительного Собрания, выбранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права со свободной предвыборной агитацией (именно это означают четыре пункта его письма о выборах). Социал-демократии остается прибавить сюда требование учреждения революционных крестьянских комитетов для разрешения на местах земельного вопроса, уничтожение остатков крепостного строя и установление новых демократических порядков.

Крестьянин предлагает, в сущности, проделать с затеваемой царем комедией Учредительного Собрания то же самое, что петербургские рабочие проделали с комиссией Шидловского. Но последние, заявляя свои требования, ясно сознавали, что самодержавие ни в коем случае не может их удовлетворить. Крестьянин же предлагает просить царя, надеясь, повидимому, что-то получить от него. Он не знает, что просьб народа цари не удовлетворяют, а таких, как его, и не могут удовлетворить, оставаясь самодержавными царями.

Логика вещей превращает, конечно, такие просьбы в требования. В легальных газетах был опубликован приговор сельского схода, от 29 марта 1905 г., крестьян Ивановского 2-го сельского общества, Балашевского уезда, Саратовской губ. Изложив свои нужды и заявив, что они больше не верят своим «мнимым друзьям», «лживым рачителям»—начальству и попам,—крестьяне говорят: «Мы... поняли, что один путь остается для нашего спасения от нищеты и тьмы—это созыв народных представителей..., а потому... требуем: 1) Немедленного созыва народных представителей для участия в переустройстве нашего государственного порядка; а чтобы представители были действительными истинными выразителями наших нужд, требуем: 2) чтобы нам не мешали выбирать того, кого мы захочем; а для этого нужно дать право всем говорить и писать свободно. По той же причине требуем отмены везде усиленной охраны,—нагайки казаков, штыки солдат не успокоят нас».

Здесь также видно ясное понимание того, что современный политический строй стоит на пути к улучшению экономического и иного положения крестьян. Путь для «спасения от нищеты и тьмы»—один: созыв Учредительного Собрания. Правда, из приговора не видно, чтобы крестьяне сознавали, что это требование равносильно уничтожению самодержавия. Правда, своему праву на труд, землю и волю они дают мистически-религиозную формулировку: «Мы теперь поняли, что Бог сотворил нас равными. Земля-то Божья.., Бог сказал: «живи трудом рук своих» и т. д. Но тут же крестьяне заявляют о своей решимости бороться за Учредительное Собрание, несмотря на штыки и нагайки правительства. Поэтому реальный политический смысл всего происходящего теперь в деревне один: долой царское самодержавие и да здравствует самодержавие народное! В этом отношении партия пролетариата всецело становится на сторону крестьянства. Ее задача—очистить крестьянские требования от слоя мистических и реакционных предрассудков и помочь их рациональной формулировке в крестьянских комитетах.

Каковы социально-экономические тенденции происходящего теперь в деревне брожения и как к ним должна относиться социал-демократия,—об этом мы поговорим особо.

В. Калинин (Карпинский).

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Москва. 1-е мая праздновалось здесь мирными митингами—в Сокольниках за Даниловской заставой, в Грузинском народном доме. Пишу о том, что происходило в Сокольниках, где я был лично. Рабочих собралось очень много: большая Сокольничья роща была полна рассыпавшимся по ней рабочим людом. Нагнали также массу полиции, солдат, казаков. Патрули из солдат по 3—4 расхаживали всюду. Общего митинга не состоялось, потому что, как только скоплялась более значительная толпа, приближались солдаты, подъезжали казаки, а полицейские и околоточные бросались в толпу и схватывали отдельных лиц. В отдельных случаях собирались группы человек 500—600, удавалось сказать краткие речи 3—4 ораторам, а потом опять приходилось расходиться и собираться в другом месте. Большинство ораторов—рабочие. Говорилось о приближении решительного боя с самодержавием, о необходимости политических требований для рабочих, о необходимости объединения пролетариата под знаменем Р.С.-Д.Р.П. Говорили, конечно, спешно, но зато с громадным одушевлением, действовавшим зажигательно. Речи ежеминутно прерывались криками: «долой самодержавие», «долой войну», «да здравствует социал-демократия» и пр. Это еще более затрудняло ораторов. Призывы к восстанию, к вооружению встречались общим криком: «Умрем хоть сейчас, что нам войско, правда за нас, правду штыком не задушишь». Более горячие головы звали сейчас же итти в Москву и умирать. Некоторого труда стоило отговорить толпу от этого. Потом опять полиция, солдаты, и, убеждая друг-друга, все расходятся. Опять выхватывают из толпы нескольких человек без всякого разбора, а может-быть, по указаниям рассеянных в толпе шпиков... Арестованных стали уже потом уводить под сильным конвоем солдат и казаков, потому что толпа каждый раз бросалась и отбивала взятых. Нескольких околоточных и городовых порядочно при этом поколотили. При первом наступлении рабочих полицейские, как зайцы, пускались врассыпную, оставляя свою добычу, и были храбры только в присутствии казаков и солдат. Местами раздавались прокламации, но, кажется, очень немного. Столкновений с войском не было (по крайней мере, в промежуток от 5 до 10 часов вечера, пока я был в роще, да и не слышно было ни о чем подобном до сих пор). Тем не менее, все настроены были в высшей степени нервно, и малейший пустяк мог вызвать панику. Так, стоило кому-то побежать, кто-то крикнул «стреляют», и началось общее бегство. Я застал уже конец этой паники: через парк и по шоссе навстречу мне бежала врассыпную толпа мужчин, женщин, детей, многие с криком и плачем. Потом все остановилось, и никто не мог объяснить, почему бежали, что случилось... Было много зубатовцев, шпионов, воинов черной сотни. В отдельных кучках ораторы громили «студентов», приглашали бить интеллигенцию, «отбивающую будто бы своими бунтами последний кусок хлеба у бедняка» и т. п. Слушали их мало, и говорили они небольшим кучкам более серой публики. Одного зубатовца при мне побили. Кроме речей, в небольших группах велись прения по политическим вопросам, о войне, о стачках, об учредительном собрании. И тут была превосходная почва для агитации. Общее настроение—возбужденное, приподнятое. В воздухе чуялось что-то бодрящее, хорошее, несмотря на полицию, солдат, выходки пьяных и подученных полицией хулиганов, это был настоящий праздник пролетариата, праздник светлого близкого будущего.

Петербург. Мне пришлось увидеть 1-го мая очень мало в виду того обстоятельства, что во время столкновения с казаками мне раздробили ногу. Передаю, что было перед моими глазами. Вместе со своими товарищами патронного завода мы хотели пройти на Невский, чтобы соединиться с остальными. Но на Васильевском острове на Большом проспекте на нас набросилась пешая полиция, с которой мы вступили в отчаянную схватку.

Несмотря на то, что городовые под конец пустили в ход шашки, мы избили их. При чем на земле остались неподвижными два околоточных и городовых. После мы тронулись дальше с пением «Марсельезы», но пройдя две линии, мы встретили около 50 человек казаков. Они набросились на нас, врезались в середину и стали осыпать ударами и давить лошадьми. На подмогу казакам подоспели городовые и с двух сторон стали избивать. Нам пришлось отступить. Один студент получил пролом головы, и жизнь его находится в опасности. Из других мужчин особенно сильно никто не пострадал; три женщины получили серьезные поранения.

Рабочий.

Рига. Кроме первомайской прокламации редакции «Вперед» (печатно), которую мы перевели на латышский язык, а также на немецкий и еврейский (гектограф.), нами выпущено было еще воззвание на русском и латышском языках: рабочие приглашались не работать в понедельник 2-го мая. Воззвания также выпущены были и Латышским Комитетом с приглашением не работать с 12 часов субботы до утра вторника. Их тактика прошла за Двиной, где рабочие на многих заводах явились в красных шапочках, а работницы в красных передниках. Комитетом нашей партии организованные рабочие были приглашены за 10 верст от города в лес на собрание в ночь на первое мая. Собралось около 350 человек, были и рабочие из меньшинства, а также из Бунда. Собрание открылось в 11 час. ночи. Оратором из Комитета было в ярких красках обрисовано положение России; в заключение он призывал к объединению всех национальных партий в Риге под знаменем единой Р.С.-Д.Р.П. Дружно были подхвачены заключительные слова оратора «Да здравствует международный пролетарский праздник 1-е мая! Да здравствует революционный российский пролетариат! Да здравствует вооруженное восстание российского пролетариата!». Эта речь была повторена на латышском и еврейском языках. Затем были дискуссии «об участии социал-демократов во временном революционном правительстве»... Несмотря на сильный дождь, прения велись очень жаркие. Говорилось также о меньшинстве и большинстве. Товарищи из меньшинства, присутствующие на собрании, вполне согласились с нами в вопросе об участии во временном революционном правительстве, это нас сблизило, и мы предложили им работать у нас. Ответом было: «дайте время окончательно нам выяснить тактику большинства». Другой оратор от комитета говорил о 8-часовом рабочем дне. Потом пели Марсельезу, Варшавянку, Интернационалку, затем евреи пели Ди швуе, и латыши свою какую-то песню. А дождь, как на зло, лил до двух часов ночи. Все перемерзли, мокрые, но духом никто не падал, все говорили: «Ничего, больше социал-демократов вырастет! будет время,—и мы будем свое 1-е мая в залах справлять!» В 4 часа ночи стали расходиться. Полиция знала о сходке и всю ночь с казаками разыскивала нас. Но революционеры перехитрили и все благополучно добрались до квартир. Впечатление от сходки сильное. Многие латыши, бундисты и меньшевики переходят к нам. Ощущается огромный недостаток в опытных руководителях; а также нет у комитета еврейской, латышской и литовской литературы.

Днем 1-го мая настроение рабочих было слишком боевое, в Вормском парке днем была стычка с казаками и полицией. Затем вечером была брошена бомба в казачий патруль около парка: из семи человек двое убито, остальные ранены. Через несколько времени врываются казаки в парк, и началось избиение гуляющих; в особенности досталось публике в буфете. Казаки на лошадях прыгали между столами переворачивая все. Бедняки лакеи так наверно и не получат за поданное угощение от буржуазии, которая через заборы удирала без оглядки от опричников. 2-го мая заводы не работали, рабочие в праздничном настроении разгуливали по городу. Кругом ходят патрули из казаков и солдат, только уже не в кучке, а цепью. Музыка в парках была отменена. Шпионы и полиция пробовали-было хватать рабочих, но их отбивали. Организованные рабочие из комитета были все время на-чеку. Было приготовлено знамя и листки. Но пришлось отменить предполагаемые манифестации, потому что в парке были только организованные без оружия. Солдат, казаков и полиции было очень много вокруг парка и в буфете. Так что если бы подняли знамя, то было бы страшное избиение. Когда передали, чтобы расходиться, рабочие говорили, грозя кулаками казакам: «Ну, ладно! Сегодня не удалось, завтра устроим!»

Ж. Э.

Рига. Я, рижский рабочий, хочу довести до сведения редакции «Вперед» нижеследующее. Наш город всколыхнулся от векового сна. Январские события дали громадный толчок всеобщему самосознанию. Кровь, пролитая у нас 13-го января, послужила громадным толчком к активной политической борьбе. На улицах то и дело слышатся революционные речи; говорят о политике, об ужасной войне, поглотившей столько жертв и разорившей столько семейств. «Общество», узнав силу российского пролетариата, его солидарность, ожидает с нетерпением мая месяца. Забастовки у нас не прекращаются: бастуют теперь булочники, требуя повышения платы и сокращения рабочего дня; бастуют также приказчики Базара Берга, выставив свои требования. Работа в массе идет успешно, организуются кружки, устраиваются массовые и организационные собрания. Пропаганда ведется по всем концам города. Борцы за наше освобождение от политического и экономического гнета прибывают каждый день. Наши ряды все становятся теснее, несмотря на то, что полиция тоже не спит; каждый день бывают массовые обыски, выхватывающие из наших рядов много товарищей. В воскресенье я присутствовал в лесу на организационном собрании из 120 человек. Говорили два оратора: один по-русски, другой по-латышски. Первый оратор говорил о современной России, о самодержавии, об его крохотных уступках, о Земском Соборе, о рескрипте на имя министра в. д. Булыгина. Оратор красноречиво разъяснил всю хитрость правительства, указал, что уступки самодержавия не могут удовлетворить ограбленного и обнищавшего народа. Этот нововременский Земский Собор и разные комиссии не удовлетворят пролетариата, не могут стряхнуть тяжелого гнета самодержавных чиновников, которые уже несколько столетий давят русский народ непосильными налогами. Они сковали его цепями так, что он не может ни говорить, ни собираться рассуждать о своих делах. Нам необходима политическая свобода, как вода и воздух, нам нужна свобода слова, печати, собраний, свобода стачек; тогда мы можем вести борьбу с нашими эксплоататорами, с капиталом для достижения нашей конечной цели. Социал-демократия не хочет и не может вести никаких переговоров с самодержавием. Самодержавие не может нам дать свободы, которая нам нужна, так как это значит перестать быть самодержавием. Свободу добудем только собственными руками; революционным восстанием с оружием в руках мы низвергнем проклятого врага. Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права может излечить наши раны, нанесенные нам самодержавным правительством; тогда все граждане России, достигнувшие 20-летнего возраста, без различия пола, религии, национальности могут принять участие в государственном управлении и в законодательстве. Такое управление называется демократической республикой. Латышский оратор повторил его речь по-латышски.

После речей ораторов была торжественно принята резолюция (напечатана в № 17 «Вперед»). Резолюция была принята торжественно с криками «ура», затем пропели «Варшавянку», «Марсельезу». Во время пения «Марсельезы» две женщины плакали. Было собрано на оружие 10 руб. После закрытия собрания практиковались в стрельбе, разошлись с революционными возгласами.

У нас бастовали ремесленники всех мелких производств: столяры, плотники, портные, заготовщики, даже самый серый «элемент», как каменщики, тоже бастовали. *Б.—Ж.*

Николаев. С 1-го по 16-е апреля было 3 массовки в 20, 35 и 75 чел. и одно собрание в 45 чел., принявшее резолюцию о третьем съезде. Летучек или кружков пропагандистов было 15. Работа сильно растет, просят литературы и листков, связи растут и нет сил их удовлетворить. Настроение у рабочих повышенное. Ищем оружия для демонстрации.

Дорогие товарищи, выражаем желание, чтобы съезд был созван во что бы то ни стало. Совет ведет себя так, что он этим уже ставит себя вне партии и считаться с ним не следует.

Николаев. Май мы решили отпраздновать вооруженной демонстрацией, при чем мы поставили себе две цели: воспитать массу и как можно меньше потратить сил. Для празднования состоялось соглашение 4-х революционных организаций: 2 комитета Р. С.-Д.Р.П. (меньшинства и большинства), соц.-революционеры и Поалей-Цион. (Договор соглашения будет прислан после демонстрации). Настроение рабочих повышенное. Мы вели весь месяц агитацию, чтобы масса вооружалась. На-днях нам пришлось видеть результаты. Должна была быть массовка, собралось 80 чел. Нагрянула полиция, но так как рабочие стреляли, то она боялась приблизиться, и всем удалось уйти. Уж после явились казаки, но никого не нашли. Это происшествие будет иметь огромное воспитательное значение.

За апрель было: 1) массовок 11 (от 25 до 150 чел.), всего было 610 чел.; 2) летучек и кружков пропагандистских 25; 3) 1 собрание—145 чел., 6 собр. у кружка ремесл. района, 5 собр. организаторов заводских, 2 собр. пропагандистов и 1 собр. агитаторов.

Николаев. Первое свое письмо я писал во время забастовки на Французском заводе; теперь же все опять вошло в свою колею, и жизнь течет по-старому, хотя не так однообразно. Надо было приступить к работе в виду того, что у рабочих истощились те мизерные финансы, которые у них обыкновенно бывают. Бастовали 22 дня; в последний день забастовки совсем не подпускали к заводу, а все прилегающие к заводу улицы были заняты полицией и казаками; там же, где рабочие в этот день собирались «скопом», их просили расходиться, в чем они, конечно упорствовали до тех пор, пока не были пущены в ход нагайки (все казаки были снабжены веревками); некоторых рабочтх изрядно избили, а одному прострелили ладонь по ее длине; говорят, что когда директор узнал о том, что бьют рабочих, он выбежал на улицу и просил «власть имущих» прекратить начатое избиение и направить всех рабочих во внутрь завода.

Какое великодушие со стороны буржуя!!. После того, как все были впущены в завод, директор совещался с депутатами часа 3—4, после чего он согласился на следующее: 1) прием всех рабочих на завод обратно без исключения кого бы то ни было и 2) чернорабочим, поступившим на завод после забастовки, назначено: тем, которые прослужили менее 6 мес.—8 коп. в час (раньше все получали 7 коп.); тем, кто прослужил 6 мес.—$8^1/_2$ коп. в час и тем, кто прослужил год—9 коп. в час. Это правило распространяется, конечно, на всех остальных, которые поступят на работу. Через несколько дней после того, как приступили к работе, начали опрашивать мастеровых о том, кто сколько получает, давно ли находится на заводе, холост или женат, сколько имеет детей. После этого с 27-го марта набавили некоторым от 1—3 коп. в час, но большинство осталось обойденным; набавляли преимущественно тем, которые давно работают на заводе.

С 20-го апреля начинают работать 9 час. в день, а плата, как за десять. В новое расписание внесен также праздник первого мая. Хотя все забастовки в Николаеве носили почти-что экономический характер, но все-таки 49 рабочих отсидели один день (с 4 час утра до 8 час. вечера) в новой (Алексеевской) тюрьме; выпустили же их под давлением рабочих. После забастовки не показывался в заводе более двух недель помощник директора мерзавец Гречнев, которого все ненавидят.

В начале письма я указал, что жизнь в заводе, хотя и протекает по-старому, но не так однообразно. Разнообразие состоит в том, что с начала работ на заводе, после забастовки, рабочие по вечерам несколько раз собирались внутри завода. Первое собрание было в первый же день начала работ, в рабочее время; собрание было шумное и бурное, здесь обсуждали вопрос, как поступить по отношению к штрейкбрехерам; было очень много абсурдных предложений, как, например, удаление их из завода; конечно, если бы их было несколько человек, то их бы сами рабочие выгнали; но дело в том, что их набралось около 300 чел.; поступать так с бессознательным элементом, мне лично кажется, жестоко. Хотя пришли к некоторым результатам, но в виду того, что их не исполнили, я о них не стану распространяться. Замечательно было в этот день отношение рабочих к одному депутату-штрейкбрехеру; конечно, как и надо полагать, он на это собрание не явился, но когда все рабочие об этом узнали, то в течение некоторого времени был слышен несмолкаемый крик: «На бочку его; мы его видеть хотим!» (Бочка служила помостом для оратора). За этим депутатом направился один из рабочих и

тогда только он нехотя явился и встал на бочку, чтобы оправдать себя; в свое оправдание он нес какую-то чушь и после того, как рабочие кричали ему: «Мерзавец! Под бочку его!» он соскочил с нее. После этого было несколько собраний по поводу 9-час. рабочего дня. Директор требовал, чтобы ему уступили 14 праздников, на что рабочие не соглашались, но он все-таки взял 6 дней, которые рабочие ему уступили (4-й день пасхи, 4-й день рождества и т. п.)

После первой забастовки на Черноморск. зав., рабочие через несколько дней опять забастовали, результатом чего было: 9-час. рабочий день и увеличение некоторым жалования. Теперь некоторых рассчитывают и, быть-может, после праздника им придется опять забастовать, так как администрация предполагает рассчитать уж слишком много рабочих.

Рабочий.

Балта. Праздник 1-го мая (18 апр.) прошел у нас очень хорошо. Днем собралось в поле более 50 рабочих, среди них несколько русских, и представители интеллигентной молодежи. Были речи об объединяющем значении празднования 1-го мая, о международном социалистическом конгрессе, указывалось на солидарность рабочих, как на самый верный путь для достижения царства свободы и равенства. Во всех речах красной нитью проходила мысль, что успешная борьба пролетариата за социализм возможна только при политической свободе. После каждой речи раздавались революционные возгласы, подхватываемые дружными, громкими «ура». В перерывах пели революционные песни. К концу настроение было до того приподнятое, что, отправляясь в город, многие вынули красные платки, прицепили их к палкам и с песней «Дружно, товарищи» мы демонстративно пошли по дороге, не обращая внимания на массу жителей предместья, преимущественно крестьян, глазевших с открытыми ртами на это зрелище и не помышлявших мешать. Надобно заметить, что еще до пасхи полиция, боясь демонстрации, распускала слухи среди еврейских обывателей, что малейшее проявление революционного протеста на улице неминуемо перейдет в погром. Некоторым были посланы прокламации от имени русских патриотов, чтобы они уняли демократов, а если им не нравится монархическая Россия, то они могут отправиться в Японию. Прощаясь мы обменивались пожеланиями в скором будущем выступить на уличную демонстрацию. Всеобщая забастовка в мастерских не совсем удалась и вот по какой причине: в промежуточные дни пасхи забастовали 18 девушек на табачной фабрике Берладира и всем было отказано. В виду страшной безработицы и вышеописанной неудачи была полная забастовка только в одной мастерской, в остальных же забастовали только организованные рабочие. Вечером того же дня была товарищеская пирушка, на которой присутствовало человек 35. Возглашались тосты за наступающую революцию. Опять говорили о социализме, о ближайших задачах пролетарской борьбы в России. «Долой самодержавие» все время стояло в воздухе.

На собрании рабочих 1-го мая старого стиля была принята следующая резолюция:

Мы, балтский пролетариат, посылая наш братский привет товарищам, борющимся в первых рядах против чудовищно-преступного самодержавия, выражаем свой горячий протест против гнусной политики правительства, выразившейся в организации погромов 18—19 февраля в Мелитополе, 27—29 в Житомире, в агитации, направленной к разжиганию грубых инстинктов массы и к раздуванию национальной вражды в междоусобную войну, в организации по всем городам и весям шаек хулиганов для избиения интеллигенции, евреев и рабочих.

Мы глубоко убеждены, что этот белый террор, организованный растерявшимся правительством с целью отвлечь от себя накопившееся неудовольствие массы и тем затемнить классовое сознание пролетариата, что этот террор не отпугнет борющуюся пролетарскую армию, что этой погромной политикой самодержавию не удастся парализовать нашу революционную армию. Это, наоборот, еще теснее сомкнет наши ряды, сплотит наши ныне разрозненные силы, заставит всех честных пролетариев стать под наше красное социалистическое знамя, заставит всех взяться за оружие, чтобы до последнего издыхания бороться со стоглавой гидрой самодержавия. Мы верим, что пожар в Мелитополе запылает пожаром Российской революции, что трупы товарищей, павших в Житомире, увлекут с собою в могилу и самодержавие.

Мы выражаем нашу глубокую солидарность нашим товарищам-борцам, всему организованному пролетариату, в рядах которого будем бороться и не сложим оружия до тех пор, пока не добьемся созыва Всенародного Учредительного Собрания на началах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, без различия пола, религии и нации, пока всем без исключения гражданам и гражданкам России не будет гарантирована широкая полная свобода в форме демократической республики, которая одна может обеспечить рабочему классу возможность социально классовой борьбы против коренных основ капиталистического строя и путем постепенного усиления своей политической власти приблизить момент захвата в свои руки диктатуры с целью осуществить социалистические идеалы будущего. Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует народная милиция! Да здравствует Р.С.-Д.Р.П.! Да здравствует социализм!

Группа балтских рабочих Р. С.-Д. Р. П.

Луганск. После февральской забастовки работа закипела. Растут связи,—и там, где раньше было «кое-что», сейчас создалась крупная работа. Довольно трудно приходится вести работу, когда одновременно с сплочением сагитированных рабочих нужно строить и свой организационный аппарат.

В последнее время Луганской организацией были организованы целый ряд летучек и два массовых собрания, на которых было до 120 чел. Но это были не все, а только заводские рабочие, благодаря некоторым техническим недостаткам. На первой в 80 челов. был произнесен целый ряд речей на темы: о войне, о тактике социал-демократов и т. д. Оратор, говоривший о тактике, в хорошей речи, понравившейся собравшимся, выяснял позицию либералов по отношению к рабочему классу и отношение социал-демократии к либералам. Он подчеркивал стремление либералов опереться на рабочих, как на единственную реальную силу в борьбе с самодержавием, и желание их использовать рабочих в своих классовых интересах. Для того, чтобы рабочий класс явился классом для себя, а не для других, оратор призывал их организоваться в свою самостоятельную рабочую партию, которую мы имеем в Р.С.-Д.Р.П. и не давать себя увлечь красивыми словами певучих сирен, кто бы они ни были. Но это не исключает соглашения между рабочей партией и либералами на почве совместного вооружения народа и боевого соглашения на улицах во время сражения народа с насильниками. Здесь оратор подчеркнул необходимость в сплоченной и сильной всероссийской организации, чтобы в тот момент, когда поднимутся рабочие в больших центрах, поднялись бы на помощь своим братьям-рабочим и рабочие других мест. Закончил он свою речь призывом готовиться к вооруженному восстанию, а для этого, кто чем сможет, пусть вооружится.

Затем некоторые товарищи высказались по поводу присылки казаков, якобы, «для усмирения возможных аграрных беспорядков»; были рассказаны случаи, что так-называемые «усмирители» производят насилия над мирными жителями избивая их, обыскивая и т. д. Собрание по этому поводу приняло резолюцию, в которой подчеркивается произвол казаков, как одно из проявлений самодержавного строя, и предлагается присоединиться гражданам Луганска к протесту собравшихся и к их требованию удалить казаков. Затем был устроен сбор в пользу организации.

На второй массовке из 40 чел. была произнесена речь о том, как должны держаться сознательные рабочие во время погромов. Все в один голос выразили свою готовность пойти против погромщиков, если не удастся направить движение по желательному руслу, т.-е. дать лозунг: «бей полицию!» С этой целью была организована оборона.

Рабочий класс и его враги. Целый ряд удачных стачек в больших городах необыкновенно оживил стачечную борьбу по всей России. С легкой руки московских пекарей, дружной забастовкой добившихся значительных уступок, «хлебное»

движение сразу вспыхнуло во многих других городах: в Одессе, Херсоне, Лодзи, Екатеринославе, Карсе и др. Особым упорством отличается стачка пекарей в Лодзи.

Вслед за стачкой прислуги в Тифлисе, началась стачка буфетной прислуги по станциям Закавказской железной дороги и забастовала прислуга в Эривани.

В Киеве, Екатеринодаре, Вологде, Кишиневе, Москве и др. городах приказчики и служащие в торговых и промышленных заведениях добиваются праздничного отдыха. Бросив старый безнадежный путь петиций и ходатайств, они действуют очень решительно и успешно: устраивают по праздникам манифестации, ходят по городу и требуют немедленного закрытия магазинов. Эта тактика обыкновенно увенчивается успехом.

Точно так же решительно поступают наборщики. После того, как в Петербурге они добились воскресного отдыха, предписав, так-сказать, издателям и редакторам не выпускать после праздничных номеров газет, их товарищи в Киеве, Одессе, Ростове потребовали и добились того же.

Стачки возникают теперь в никому неведомых городках и местечках. В Рассказове, Тамбовской губернии, забастовали рабочие на фабрике Рогозы. В Вязниках прекратили работу и добились удовлетворения своих требований ткачи джутовой фабрики товарищества Сенькова. Бастуют до 500 рабочих в местечке Городок, Белостокского уезда, и т. д.

Особенно много забастовок в Лодзи. Там забастовали даже дворники и сторожа.

Устраивают забастовки и союзники полиции—воры. В городе Влодаве, в Польше, появилась следующая любопытная прокламация (печатаем с сохранением орфографии):

«Мы—воры города Влодавы. Мы уже больше не будем воровать, потому что до тех пор, как «Полиций» только взяла 50 процентов, так нам осталось тоже 50 процентов. А в этом году «Полиций» возьмут 75 процентов, и остается только 25 копеек из рубля. Так мы прошем; если вы хотите жить возьмите только 50 процентов, как всегда. Если нет, так не будет хорошо». Подписано: Компания воров из города Влодавы. Обыватели обрадовались было, надеясь, что систематические и безнаказанные воровства и грабежи прекратятся, наконец. Но, очевидно, оригинальные «предприниматели» и «рабочие» уладили дело мирным образом. Работа возобновилась.

Отношения между рабочими и властями вообще, а полицией в особенности, все больше и больше обостряются. Сделавшиеся обычными в Польше нападения на отдельных представителей полиции начинают все чаще практиковаться и в других местностях России. Но кроме того все чаще и чаще происходят и массовые столкновения рабочих с полицией. В конце апреля в Сормове собрались рабочие и начали петь хоровые песни. Полиция стала разгонять их. Тогда толпа села в лодки и выкинула красный флаг. Один из городовых выстрелил, рабочие, в свою очередь, стали стрелять в городовых, при чем под исправником убили лошадь.

Заигрывать непосредственно с рабочими власти уже перестали. Но рабочие пользуются всяким случаем, чтобы выразить недоверие своим врагам и подчеркнуть свою классовую сознательность и зрелость Комиссии Коковцева предложила городскому управлению Одессы дать свое заключение по вопросу об обеспечении рабочих врачебной помощью. Городской голова устроил в зале городской думы совещание рабочих, чтобы познакомиться с их мнением по этому вопросу. Рабочие вынесли следующее постановление:

«Мы, случайно приглашенные рабочие, в качестве сведующих лиц, заявляем, что решительно отказываемся принимать участие в обсуждении предложенного вопроса, так как мы не являемся выборными всего населения Одессы. Мы требуем, чтобы для выяснения как предложенного вопроса, так и всех нужд рабочего населения Одессы, рабочим было предоставлено право свободы собраний, чтобы на этих собраниях им была гарантирована свобода личности и свобода слова, и чтобы они имели право все свои требования печатать в газетах. На вопрос о подаче медицинской помощи мы смотрим, как на частичный вопрос общего рабочего вопроса, и притом имеющий менее важное, сравнительно с другими вопросами, значение. Мы хотим высказать свое мнение по этому вопросу перед лицом всей России. Если такое избрание рабочих не будет нам разрешено, и, таким образом, городское управление не услышит голоса рабочих; мы считаем невозможным, чтобы городское управление имело право высказывать мнение по рабочему вопросу в комиссии Коковцова от имени рабочих».

Урок с комиссией Шидловского не прошел для рабочих даром!

Начальство строго, но справедливо! Буржуазные варшавские обыватели обратились к генерал-губернатору Максимовичу с ходатайством о следствии по поводу событий 18-го апреля (1-го мая). Указывалось на то, что полиция и войска напали на толпу без всякого повода и предупреждения и производили неимоверные жестокости. Генерал-губернатор отвечал, что употребление оружия было вызвано дерзким (!) поведением толпы. При таком столкновении неизбежны жертвы, о которых он сожалеет (крокодиловы слезы!) Вновь начинать следствие невозможно, так как оно окончено, но если кто-либо из свидетелей может сообщить о важном нарушении закона или привести факты жестокого обращения с отдельными лицами, то генерал-губернатор готов принимать заявления за подписью и с адресом лиц их подающих. Что за гнусная провокация!

Генерал-губернатор Максимович из тех, про которых давно сказано:

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой!

М. Южин (М. Васильев).

Гори. Крестьянское движение сразу охватило все деревни нашего уезда. В тех местах, где наши товарищи подоспели, движение приняло сознательное направление: выставлялись требования, как экономические, так и политические. Я опишу, что сам видел и слышал от товарищей. Движение началось в начале марта без всякой агитации и подготовки от тифлисского комитета. Вначале движение выразилось в поджогах и порубке леса. После этого началось сильное требование в хорошем руководителе, и тут только начали действовать наши товарищи. Собрания в деревнях происходили на открытом воздухе в 80—100 и 1000 человек, приходили из окружающих деревень за 10—15 верст. В деревне Ахалкалаки были собрания: раз—двухтысячное, раз—пятитысячное,—устроили демонстрацию со знаменем. В деревне Али было собрание трехтысячное, такие же собрания происходили во всех деревнях Горийского уезда. Ораторы говорили на чисто-политические темы, на собраниях присутствовали молодые и старики, женщины и дети. Тут же выбирали своих людей и постановляли прекратить всякие сношения с полицией (со старшиной, с приставом и др.), а в случае нужды обращаться к выбранным. Выбранные следят, чтобы в деревне не происходили беспорядки: поджоги, рубка леса, грабеж и т. д.

В одной деревне появились какие-то лица, которые устраивают собрания крестьян и, как я заметил по их поступкам и по переданному мне ихнему разговору, их нельзя причислить ни к одной из существующих партий. Не имея определенной программы, они прямо говорят о разделении земли между крестьянами, собирают деньги, якобы, для комитета, нападают на помещиков и берут оружие, говоря, что понадобится для революции и после будет возвращено собственникам. Они заставили всех слуг оставить своих хозяев-помещиков, которые, оставшись без слуг, направляются в города. Теперь уже послано по деревням несколько сот казаков. Движение мало по-малу улаживается, крестьяне ждут через два месяца новых законов, когда земля будет общая и не будет князей и дворян.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Из тюрьмы. (Письма из Одессы). В то время как либеральные органы печати и либеральные слои общества ожидают от царского правительства амнистии, нас, заключенных избивают здесь в одиночных камерах по всем правилам застеночного искусства, калечат наше тело и душу, издеваются над нашим человеческим достоинством. Человеческое достоинство!... Какое дело до него бесчисленным тюремщикам и палачам, во власть которых отданы мы,

сотни и тысячи борцов, за свободу родины и лучшее будущее! Здесь мы скованы, здесь мы безоружны. Готовые отдать свои силы и жизнь в борьбе, мы задыхаемся здесь, в обстановке постоянного насилия над нами. Наши усердные тюремщики и палачи превращают тюрьму в застенок. Тюремная администрация систематически нас провоцирует, систематически создает невыносимую обстановку, вызывая нас на тюремные протесты, тюремные беспорядки. За последние дни тюремной администрации было предъявлено несколько требований: удаление грубого надзирателя, вызывавшего несколько раз протесты и отказ от прогулки с ним; вежливого обращения и отмены карцера, как унизительного наказания. Этим унизительным наказанием широко пользовался помощник тюремного начальника Орар, за последние дни посадивший в карцер несколько человек; за пустяки, за мелочь, посадил он туда больного ревматизмом и пороком сердца политического. Неоднократные требования вызвать прокурора для объяснения и заявления жалоб были встречены отказом прокурора. Политические отвечали стуком. Что можем сделать мы, запертые в каменных клетках, за железными решетками и железными замками!

Сидевшие в одиночках Поляков, Ильин и Борисов давно уже требовали перевода в общую камеру, как получившие уже судебный приговор. (Поляков—6 л. 4 м. каторги, Ильин—10 л., Борисов—4 года). Им то обещали, то отмалчивались. Перед юношами (все они еще очень юны) была перспектива сидеть долгие годы в одиночных камерах. Накануне пасхи раздался звон разбиваемых стекол, стук в камерах и крики. В камеры к Полякову, Ильину, Борисову, Раде и Савику ворвались надзиратели, связали их и били, истязали... Истязали зверски-утонченно безоружных и бессильных. Били ногами, кулаками, обломками оконной рамы и железными прутьями. Железными прутьями, вырванными из кроватей, били по голым пяткам, сорвавши для этого с избиваемых обувь. Били стиснувши головы, чтобы избиваемые не могли шевельнуться и кричать. Били до того, что у избиваемых пошла кровь горлом и носом. Всем этим избиением командовали: Котляров, старший помощник начальника и два его верных помощника—Орар и Попов. И в то время, как в камерах совершалось это избиение связанных товарищей, Орар давал «честное слово» сидящим вдали от избиения политическим, что никого не бьют и не вяжут, что ни над кем не будет совершено насилия. Коридоры наполнились ордою послушных надзирателей, готовых по приказу начальства вязать и избивать. Начальство оглашало коридоры самой отборной площадной и кабацкой бранью, грозило избить и перевязать всех, если не успокоятся; избитых и связанных посадили в вонючий и темный карцер. Утром Полякова, Борисова и Ильина заковали в ручные и ножные кандалы и отправили этапом в Киев. Так расправляются тюремщики с нами, для которых вы ждете амнистии.

Мы не сомневаемся в том, что все это тюремная администрация предвидела, так как ее неоднократно предупреждали,—предвидела и ждала повода пустить в ход свои продажные кулаки. Мы не виним надзирателей, за грошевое жалованье продавших себя: к избитому Ильину и другим приходили утром христосоваться и просить прощения некоторые избившие их надзиратели. Мы не думаем, что с переменой какого-нибудь тюремщика Орара у нас наступит рай,—тюремный рай! Мы ждем суда не над Ораром, мы ждем суда над всеми тюремщиками нашей родины, над всеми палачами нашей свободы, суда революционного народа над царским самодержавным правительством, превратившим нашу родину в одну смрадную, душную тюрьму, где гибнут лучшие силы, где безвинно гибнет жизнь десятков тысяч людей.

Из второго письма. Мы больше, чем уверены, что Нейгарт поспешит опровергнуть слухи об избиении в тюрьме и будет уверять, что все обстоит благополучно. Не раз уже такие опровержения появлялись в одесских газетах, которым правительство зажимает рот, когда они пытаются высказать голую правду, такую ужасную и жестокую. Нас немного удивляет, зачем эти органы печатают и распространяют наглую ложь Нейгарта (градоначальника). Не так давно градоначальник печатал, что слухи о плохой пище в тюрьме ложны; между тем заключенных все время и теперь кормят отвратительной мутной непитательной жижей, от которой тошнит, которую многие выливают, как помои, не будучи в силах преодолеть отвращения к ней. От недостаточного питания, от спертого тюремного воздуха, насыщенного микробами, у заключенных развивается цынга, желудочные болезни и т. д. У одного уже вывалилось 4 зуба, у других начинают вываливаться... И вот г. Нейгарт печатает новое опровержение, что в тюрьме цынги нет; и в этом гнусном обмане принимают участие специалисты врачи г. Бурда и врачебный инспектор, будто бы осмотревшие заключенных в камерах и в больнице. Из сотни камер политических заключенных они заглянули лишь в две или три камеры, в те, где сидят всего по два или по три месяца. Также осмотрели они и больницу. Они не видели тех, что сидят около года и больше года. Они не видели тех, которые не в состоянии жевать черный арестантский хлеб. Зачем стали бы они расстраивать себя, когда вся благородная задача этих «специалистов врачей» заключалась в том, чтобы подтвердить официальную ложь царского холопа. Они осмотрели всю тюрьму (около 1000 заключенных) в полчаса. Много ли времени нужно, чтобы придумать ложь!

Иваново-Вознесенск. Приводим в сокращенном виде секретное послание губернатора к прокурору (от 18-го февраля за № 180). Это послание говорит само за себя. «В Иванове-Вознесенске проживают... десять лиц, состоящих под особым надзором полиции,—дознания о которых закончены. Названные лица, проживая большей частью без определенных занятий, занимаются пропагандой среди фабричных рабочих, за что неоднократно привлекались к дознаниям. Многие из них поступают на фабрики, чтобы ближе стать к рабочему люду и иметь больше успеха, и здесь являются постоянными агитаторами рабочих. Вследствие сего пребывание этих лиц в таком крупном центре фабричной промышленности представляется крайне нежелательным, удаление же их из города должно принести хорошие результаты, и борьба с пропагандой может скорее достигнуть успеха, так как лица, не проживающие в городе, при приезде туда с целью пропаганды будут лишены возможности иметь верный приют». Далее губернатор просит прокурора о высылке упомянутых 10 лиц на их родину. Вот имена этих рабочих, которые не дают спокойно спать Владимирскому губернатору: Василий Порфирьевич Барашков, Тит Семенович Голубев, Василий Селиверстович Иванов, Андрей Фокиевич Полянин, Михаил Яковлевич Мулов, Алексей Федорович Калашников, Роман Матвеевич Семенчиков, Павел Петрович Новиков, Федор Алексеевич Кокушкин.

Чердынь. (Пермской губ.). В городе и в уезде живут политические ссыльные: 1) Алексей Федорович Витман (бывший студент), по казанскому делу, с.-д. 1903 г., на 4 г. 2) Ногин Пав. Павлович, рабочий, по моск. делу «Искры» 1902 г., на 4 г. 3) Николаев, рабочий, по бакинскому делу, с.-д. 1903 г. 4) Корнеев, рабочий—тоже. 5) Кусмерик, рабочий-солдат по делу П. П. С. 6) Петр Вас. Кадиксов по делу Балмашева 1902 г., на 8 л. в дер. Долгий Плес, Тулпанской волости. 7) Протопопов (канд. прав) с.-д., на 4 г. 8) и 9) учитель Надеждинский и крестьянин Чирков по козловскому делу соц.-рев. 1902 г., на 3 г. Сданы в солдаты и отправлены в Польшу. В деревнях по тому же делу есть несколько крестьян, которые сильно бедствуют, на что просят обратить внимание. 10) Баградзе с.-д. по Бак. делу 1903 г. 11) и 12) Отто Эриксон и Вестлин, бывшие гельсингфорсские студенты, оба на 5 лет по делу о покушении на николайштадского полицеймейстера. 13) Фаина Ив. Рыкова по Сар. делу с.-р. 1903 г., на 6 лет (в Соликамске).

Из Чердынского уезда скрылись: 1) Петр Жилкин раб. по Сам. д. 2) Сергей Ал. Грюнер, ветер. врач, ар. на границе, отправлен в Вологодскую губ. 3) Вл. Юл. Фридолин с.-д. (быв. студ.). 4) Рабочий Беляевский с.-д. 5) Лидия Ал. Коробицына с.-р. 6) Ник. А. Крольницкий с.-д.

Онега. По пути в Кемь удачно бежал Николай Скрыпник (нелег., ар. 1-го июня 1904 г. по делу Екатериносл. Ком. нашей партии, на 4 года).

ИЗ ПАРТИИ.

Рига. (Во многих городах возникают теперь местные газеты. В виду большого интереса, представляемого вопро-

сом об издании местных органов, приводим мнение одного из рижских товарищей. Надеемся, что товарищи из других городов не откажутся принять участие в обсуждении вопроса о местных газетах, не откажутся поделиться своим опытом. Ред.

(*М. Ольминский*).

Товарищи говорят, что необходимо издавать свою местную газету, которая уж наверное уследит за всеми проявлениями общественной жизни. Центральная газета, по их мнению, ни в коем случае не может удовлетворить нужды организации в каждом городе. Для них общерусская газета—общее положение, необходимы местные органы, которые могли бы, руководствуясь лозунгами, выставляемыми в общей газете, развить их для пролетариата данного города. Вопрос об издании газеты для Риги был поставлен еще 2 недели назад на собрании Комитета и был решен в положительном смысле. Товарищи настолько были увлечены этим предприятием, что никакие доводы, никакие доказательства против него с моей стороны не могли их убедить. Дебаты велись часов 10. Я говорил о судьбе, постигшей все местные газеты, я доказывал, какое кустарничество порождается, когда на первую очередь выставляют интересы данного прихода города. Я указывал на то, что местная газета отвлечет все внимание от нашего общего органа. Я, наконец, потребовал гарантии за выдержанность направления.—Напрасно! Газета начала издаваться. Была выбрана редакция, и я тоже в нее попал. Вышел уже № 2. Для первого № не было никакого материала, кроме передовицы. Во 2-й же ухлопали весь материал: несколько корреспонденций, статей, отчетов и проч. После первого № все, так или иначе примыкающие к движению, перестали интересоваться «Вперед», «Искрой» и т. д. Это не значит, чтобы местная газета была интересна (вы ее наверное уже читали). В ней ничего нет *). Такой статьи, как статья о временном революционном правительстве в № 14 «Вперед», у нас никогда не будет и быть не может. Ее надо уметь написать. Мои предсказания сбылись. Издание газет скоро прекратится. Товарищи уже признают, что мы не только перестали интересоваться нашей общей газетой, перестали ее поддерживать тем или другим материалом, но—что еще печальнее—мы совершенно отстали от жизни. Листки не выпускаются, несмотря на широкое требование, которое теперь предъявляется к нам, потому что техника занята печатанием газеты. Нет достаточно людей, которые могли бы справиться с газетой и листками. Кроме того, газета сама тоже запаздывает. Так, например, во втором № хотели поместить статью по поводу неудавшегося русского займа, но, пока приготовили ее (ведь, мы все заняты практической работой), появилась недурная статья на эту же тему в № 13 «Вперед».

Работа ведется очень энергично. Связей много. «Вперед» получаем очень регулярно. 13 № уже распространен. Все остальные номера распространены в большом количестве. Литературы тоже порядочно присылают...

Минск. В конце февраля Минская Группа Р.С.-Д.Р.П. праздновала годичный юбилей своего существования. Организация ознаменовала эти дни двумя собраниями в 80 и 100 чел. христиан и евреев. На этих собраниях, кроме рабочих, присутствовали также интеллигенты. Было произнесено много речей на польском, еврейском и русском языках. Первый оратор прочел отчет о деятельности группы. Следующие ораторы говорили на темы: 1-го марта, об интернациональном характере социал-демократического движения, о значении деятельности социал-демократии в Северо-Западном крае и др. Была произнесена приветственная речь товарища из организации учащихся при группе. Пели и декламировали стихотворения на трех языках. Настроение всех товарищей в то время было приподнятое. Чувствовалось, что здесь нет ни иудея, ни эллина, а что все здесь товарищи, все братья.

К деятельности Группы за этот год следует прибавить и забастовку учащихся, превратившуюся под руководством нашей организации в массовое уличное шествие. Это шествие большой толпой по всем главным улицам города с пением революционных песен и возгласами было внушительно. Первой причиной демонстрации был банкет учащихся, устроенный организацией учащихся при группе и накрытый инспекцией, что вызвало забастовку учащихся. В день забастовки на сходке в 600 чел. в мужской гимназии выступил наш оратор. Была принята единогласно резолюция политического характера, напечатанная в листке, изданном организацией учащихся. В этот же день вечером в обществе любителей изящных искусств организация устроила манифестацию. Сионист читал доклад по национальному вопросу, и в зале было очень много публики. Записалось несколько наших ораторов; они говорили о современном моменте и закончили свои речи революционными возгласами при поддержке почти всей публики. На следующий же день в том же обществе нашей организацией организовано массовое распространение листков. Организация готовится к празднованию 1-го мая. Был устроен ряд собраний, где говорили о 1-м мае. В городе распространяются упорные слухи о готовящемся погроме евреев, поляков и интеллигенции, который взяла на себя организовать, во исполнение известного приказа Булыгина, наша жандармерия. Говорят также, что были разбросаны листки, призывающие к избиению. Группа по этому поводу выпустила листок «К товарищам» и организовала самооборону.

С. (От имени Минской Группы Р.С.-Д.Р.П.).

О работе в крестьянстве. Перепечатываем саратовскую программу для занятий с крестьянскими кружками; эта программа может служить полезным материалом для обсуждения практической стороны работы в деревне.

Лекция 1-я. 9-е января 1905 года и общий обзор событий последнего времени. Связь этих событий с общим ненормальным экономическим (обнищание народных масс, финансовая и податная система, косвенные налоги) и политическим (самодержавие, сословный строй, правовое положение народа) состоянием страны. Война на Дальнем Востоке, ее причины—авантюристская политика правительства, ее цель—укрепление самодержавия путем отвлечения внимания страны от внутренней политики на внешнюю. Влияние войны на экономическое и политическое положение страны. Ближайшая цель рабочего движения в России—политическое освобождение. Российская Соц.-Дем. Раб. Партия—единый и истинный вождь народа в борьбе за политическое освобождение.

Лекция 2-я. История освобождения крестьян. Значительность по количеству и важность для хозяйства отрезанных у крестьян земель. Насколько освобождение действительно закрепостило крестьян? Экономическое и социальное положение крестьян в настоящее время (крепостнические формы эксплоатации: испольная аренда, отработочная аренда, краткосрочная денежная аренда, зимняя кабальная наемка). Сословное положение крестьян (крестьянство, как податное сословие; выкупные платежи, мирские и волостные сборы). Правовое положение крестьян (волостные суды; стеснение переселений; общинный строй, как тормоз для экономического развития деревни; переделы). Общее обнищание деревни, голодовки, эпидемии.

Лекция 3-я. Характеристика и критика современного политического строя в России (образ правления, законодательство, сословный строй, финансовая и податная политика). Правовое положение (суды при закрытых дверях, без присяжных, политические, религиозные и административные суды). Положение печати, цензура. Развитие капитализма в России и освобождение крестьян. Необходимость политической свободы. История борьбы за политическую свободу в России («Декабристы», «Земля и Воля», «Народная Воля», зарождение массового рабочего движения, Северно-Русский и Южно-Русский рабочие союзы. Стихийное бунтарское движение. Экономизм. Политико-экономическая борьба. Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия—вождь рабочих в их борьбе).

Лекция 4-я. Аграрная программа Р.С.-Д.Р.П., ее связь с общей программой. Отношение социал-демократии к захвату и разделу земель. Две стороны в этой форме борьбы: прогрессивная—захват земель, стоящих на пути к экономическому развитию деревни (выгоны, водопой, отрезки земли

*) Товарищ-редактор «Листка Рижского Комитета» слишком строг к своей газете. По интересу статей и полноте содержания № 2 «Листка» превосходит все местные газеты, какие нам пришлось видеть. Прим. Ред.

к краткосрочной отработочной аренде) и утопически-реакционная—стремление созданием мелкой частной собственности задержать общий ход экономического развития. Неосуществимость «черного передела». Программа социалистов-революционеров, ее авантюристский характер. Вопрос о национализации земель. Возможность осуществления аграрной программы Р.С.-Д.Р.П. только в связи с политической революцией. Как бороться до революции.

Лекция 5-я. Рабочий класс—единственный последовательный борец за демократический государственный строй. Что такое демократическая республика? Характеристика политического строя в других странах (Англия, Швейцария, Австралия, Канада, Новая Зеландия). Пролетариат и крестьянство. Необходимость совместной борьбы за политическую свободу. Обзор революций и крестьянских восстаний. Отношение социал-демократии к аграрному террору.

Пособия: К лекциям 1-й и 2-й: Джаншиев. Эпоха великих реформ. Ленин. Аграрная программа («Заря», № 4 или брошюра: Проект программы Р.С.-Д.Р.П.) Изд. Стаховича и Львова, Нужды деревни, I и II. С. Н. Прокопович. «Местные люди о нуждах России».

К лекции 3-й: Коркунов. Государственное право. Ильин. Развитие капитализма в России. Тун. История революционного движения в России. Цыпин. Общественное движение при Александре I. Бурцев. За 100 лет. Степняк. Подпольная Россия. Мартов. Рабочее Дело в России. Мартов. Красное Знамя. Петербуржец. Рабочее движение в С.-П.Б. в 90-х гг. Программа Р.С.-Д.Р.П.

К лекции 4-й: Каутский. Аграрный вопрос. Ленин. Аграрная программа. Ленин. К деревенской бедноте. Изд. «Искры». Революционный авантюризм. («Искра» №№ 22, 23, 34, 35 и др.). «Рев. Россия», № 8 (от крестьянского союза П.С.Р.).

К лекции 5-й: Каутский. Эрфуртская программа. Е. Смирнов. Государственный строй и политическая партия в Зап. Европе и Соед. Шт. Мижуев. Крестьянское царство. Мижуев. Передовая демократия современного мира. Г. Уокер, Развитие Австралийской демократии. В. Б. На рубеже XIX ст. С. Лозинский. История второй Французской республики. Степанов и Базаров. Очерки по истории Германии в XIX в.

В редакцию газеты «Пролетарий» поступили листки, изданные в России: Моск. Ком.: 1) Светлый праздник, 2) Рабочий класс и фабриканты. Тульским Ком.: Резолюция тульских рабочих. Рыбинской группой Северн. Ком.: К рабочим Рыбинска и его окрестностей (№ 7 и 9). Саратовским Ком.: 1) Программа для занятий с крестьянскими кружками; 2) Первое мая; 3) К товарищам-крестьянам. Пермским Ком.: «Вот уже 4 месяца»... Харьковским Ком.: 1) Ко всем работникам и работницам Харькова (майский праздник); 2) К заготовщикам обуви. Екатеринославским Ком.: 1) По пути к социализму; 2) Ко всем; 3) По поводу собрания общества приказчиков; 4) Листок от 11-го апреля. Астраханским Ком: 1) Рабочий листок № 5 (1-го мая); 2) К обществу (о заключенных в тюрьме); 3) К рабочим и служащим трамвая, депо и электрической станции; 4) Отчет за март. Рижским Ком.: 1) 1 мая; 2) Приглашение к забастовке 2-го мая (на русском и латышском языках). Кавказским Союзным Ком.: Что выяснилось? Бакинским Ком.: 1) Первое мая; 2) К солдатам (№ 59); 3) Чего мы хотим (№ 58); 4) К служащим в ресторанах, гостиницах и к домашней прислуге (от Центральной группы домашних служащих); 5) Последний раз встречаем мы 1-е мая рабами; 6) К нашей программе; 7) Бюллетень 15-го апреля; 8) Отчет за март; 9) Армия. Группой Бал. и Эйб. раб.: Листок от 18-го апреля.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Подбородову, Рейнскому, Елецкому, Павлову, Мягкову: писем от вас не имеем. 2кс, Барской, Поповичу: письма получены. Рс. действует ли еще ваш адрес? Спице, Воле, Щетке: где устроились? Авдею: пришлите из нового места свой адрес.

Поступило в ред. «Вперед» и передано в кассу Центральн. Комитета: На револ. цели от неизв.—100 фр., от А. У.—10 р., от Х. У.—10 р., на партийные нужды от Женевск. Гр. П.—346 фр. 95 сант., на нужды восст. по подп. л. № 477 на Market Pl.—15 sh. 8 d, на первомайск. литер.: из Фридб.—7 фр. 56 сант., от Цюрихск. Гр. П. —25 фр., на «Пролетария» от У-у-ы—10 фр. От В. В. 10 фр. Собр. в Кларане на Петерб. стач. через М. и Г. 50 фр.

Адрес для сношений из-за границы: V. Oulianoff, 3, rue de la Colline 3 Genève. (Suisse). Просят обозначать на конвертах: для ЦО, для ЦК, для экспедиции и т. п.

(*Н. Ленин*).

Примечания.

Прим. 1. Примечание к резолюции „о конституировании съезда“ написано тов. Лениным.

Прим. 2. Опечатка в подлиннике: следует читать не 1905, а 1903 г. При проверке ошибки обнаружилось разногласие в определении даты ультиматума, предлагавшего для восстановления „доброго мира в партии“ кооптировать в ЦО 4-х бывших редакторов „Искры“. В брошюре Л. Мартова „Борьба с „осадным положением“, где приводится текст ультиматума, в последнем его пункте (шестом) сказано: „Настоящий ультиматум составлен в заседании ЦК 25 ноября н. с. 1903 г.“ Тов. Орловский (Воровский) в брошюре „Совет против партии“ говорит о заполнении ЦО меньшинством и о кооптации в редакцию „Искры“ Мартова 26 ноября.

Прим. 3. Статья редактирована тов. Ольминским.

LE PROLETAIRE

Prix 30 cts.

ЖЕНЕВА 3 іюня (21 мая) 1905 года.

№ 2

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Всероссийский съезд адвокатов.

Перед нами два отчета о состоявшемся 28—30 апреля всероссийском съезде адвокатов: один—напечатанный в № 69—70 «Освобождения», отчет, очищенный и исправленный опытной рукой либерального публициста, второй—гектографированный, изданный в России и коварно разоблачающий буржуазную сущность т.-наз. «демократов». Мы воспользуемся обоими отчетами, так как только сопоставление их дает более или менее полную картину этого характерного съезда.

Адвокаты представляют своеобразную группу в буржуазном обществе. В обществе, основанном на частной собственности, а следовательно, на постоянной борьбе из-за этой собственности, адвокаты, естественно, занимают очень выгодное и почетное положение. Они являются какими-то прирожденными носителями идеи буржуазного общества, и недаром адвокаты играли такую видную и крикливую роль во всей истории буржуазии, начиная с самых первых, еще робких шагов ее. Адвокаты—защитники буржуазных прав,—и буржуазия всегда выдвигала их на почетное место. Адвокаты—профессиональные болтуны, и они всегда пролезали во все общественные говорильни.

Естественно было ожидать, что и в начавшемся в России движении—этом предисловии к буржуазной революции—адвокаты займут соответствующее место, выступят носителями идеи революционной буржуазии, явятся выразителями ее настроений. И всероссийский съезд адвокатов действительно представляет в этом отношении очень много характерного. «Съезд был резко окрашен тем политическим настроением,—пишет г. Струве,—которое так властно охватило широкие круги русского общества». И это безусловно верно. Российская адвокатура явилась тем чутким и точным показателем настроения буржуазного «общества», каким адвокатское сословие всегда являлось в истории. Мнения, высказывавшиеся на съезде по таким жгучим вопросам, как отношение к различным общественным силам—от пролетариата до самодержавия, как цели и задачи демократии, как методы борьбы для достижения этих целей,—эти мнения явились таким характерным отражением сущности буржуазного революционизма, что достаточно прислушаться к ним, чтобы понять значение, внутреннюю силу и боевую готовность революционно настроенной части буржуазной интеллигенции. Обратимся же к работам съезда.

Первым шагом съезда была организация союза адвокатов. В первый же день было постановлено: «1) провозгласить всероссийский союз адвокатуры, с целью объединения общественно профессиональной деятельности адвокатуры и достижения политического освобождения России на началах демократической конституции; 2) предоставить бюро съезда широкие полномочия по организации союза; 3) присоединиться к союзам других общественных групп, ставящих себе целью достижение политической свободы на тех же началах; 4) уполномочить бюро избрать делегацию для участия в деятельности объединенных союзов». Однако, адвокатская мысль не удовлетворилась этой организационной работой. Выдвинута была новая идея объединения всех интеллигентских профессиональных союзов (врачей, инженеров, учителей, журналистов и т. д.) в один огромный союз союзов. Задачи этого союза разрастались по мере прений, принимая поистине фантастические размеры. Сначала указывалось, что союз союзов может параллельно с правительственными комиссиями выработать прект созыва учредительного собрания, вести агитацию за этот проект в широких слоях общества и, заручившись массой голосов, даже предъявлять правительству определенные требования. Другие подхватывали эту мысль и высказывали предположение, что союз союзов сам сорганизует учредительное собрание, провозгласит его и введет в жизнь. Наконец, некоторые шли еще дальше и высказывались в том смысле, что почему бы союзу союзов или его совету не превратиться прямо во временное правительство.

Такое революционное настроение представителей демократии могло бы только радовать сердце всякого социал-демократа, если бы не возникал один нескромный вопрос: как же этот цвет российской интеллигенции решается превратиться во временное правительство, не имея за собой другой силы, кроме неиссякаемого источника красноречия? Оказывается, что гг. адвокаты считают себя непременными идеологами «народа» и в качестве таковых вполне рассчитывают на его сочувствие и поддержку. Так, известный московский адвокат г. Тесленко прямо заявил, что, «как интеллигенция бессильна без народа, так и народ не может завоевать себе свободу без помощи интеллигенции». Смысл такого либерального народолюбия, конечно, ясен. Более наивные и более доверчивые южные адвокаты, оказывается, ехали в Петербург в полной уверенности, «что союз союзов уже существует, что созданы уже кадры вооруженных рабочих, готовые выступить в защиту союза союзов, лишь только он провозгласит себя учредительным собранием». Не дожидаясь, пока «народ» изъявит желание, чтобы союз адвокатов или союз союзов превратился во временное правительство или учредительное собрание, наши демократы спешат навстречу этому несомненному для них желанию и при этом изыскивают средства, чтобы привязать к себе трудящиеся массы возможно обильными обещаниями. Пра-

нда, некоторые члены съезда, чуждые демократического недуга, резко возражали против «политической авантюры вокруг рабочих», но в первую половину съезда их назидательные голоса тонули среди воплей друзей народа. И вот, чтобы не быть в долгу перед народом, адвокатский съезд обсуждает и впоследствии вносит в свою общую резолюцию требование социально-экономического характера. «Съезд затронул также вопрос о социально-экономических реформах,—пишет по этому поводу г. Струве,—и разрешил его в положительном смысле». Эта скромная формулировка г-на Струве является не более, как фиговым листком. Когда рассматриваемый вопрос был поставлен на очередь, группа московских помощников присяжных поверенных внесла проект социально-экономических реформ более или менее*) в духе нашей программы-минимум. Всякий здравомыслящий человек понимает, конечно, что предлагать съезду адвокатов внесение в резолюцию каких-либо социалистических требований значит заниматься праздной болтовней. Съезд представителей буржуазии, в лучшем случае—буржуазной демократии, не мог, не кривя душой, не обманывая общественного мнения, принимать подобные требования. Но зато он мог и должен был, если он действительно отстаивал демократические требования, принять в свою программу положения нашей программы-минимум; потому-то эти положения и выделены в программу-минимум, в нашу демократическую программу, что они осуществимы в рамках буржуазного общества, что их может принять всякий истинный и последовательный демократ. Принять эти требования в программу союза значило показать, что адвокаты заявляют себя последовательными демократами, что они искренно хотят дать народу социально-экономические реформы, а не только поманить его призрачными благами, чтобы использовать его силу и боевую готовность.

Но съезд адвокатов не пожелал выставить реальных требований, проведение которых в жизнь способно действительно улучшить положение трудящейся массы. Он отказался от родства с последовательно-демократическими течениями русской общественной мысли и предпочел утвердить свою духовную преемственность со щедринским Балалайкиным. И в самом деле, разве не балалайкинским фразерством веет от следующей формулы, принятой съездом и предложенной г-ном Ратнером, адвокатом и сотрудником «Русского Богатства»: «Цель социально-экономической программы союза адвокатов — достижение такого социально-экономического строя России, при котором были бы ограждены и обеспечены действительные интересы всех элементов трудящегося населения, освобожденного от ига современного капиталистического режима».

Население, освобожденное от ига современного капиталистического режима, может быть только населением социалистического общества. От кого же думают ограждать и обеспечивать интересы этого населения гг. адвокаты? В то время, как современное рабочее население стонет под игом капиталистического режима, наши, с позволения сказать, демократы заботятся об ограждении интересов трудящегося населения в социалистическом строе, отвергая в то же время требования, направленные к ограждению и обеспечению интересов рабочего класса в современном обществе. И смысл такой подмены понятен. Выставив сегодня конкретные демократические требования, завтра, быть-может, придется проводить их в жизнь, а это вовсе не в интересах буржуазии, особенно, когда она окажется у власти.

И вот вместо таких неудобных требований выставляется пустопорожняя фраза, заимствованная у социалистов-революционеров и углубленная балалайкинским пустословием.

Но если обсуждение т.-наз. социально-экономического вопроса разоблачило буржуазную и притом антидемократическую сущность адвокатского союза, то дальнейшие прения показали во всей красе убогость мысли и филистерство этих кандидатов во временное правительство. Мечтая о временном правительстве и уповая на поддержку масс, привлеченных обещанием балалайкинского социализма, нельзя было не натолкнуться на вопрос о вооружении народных масс и на вопрос об отношении к тем организациям, которые действительно пользуются влиянием в этих массах, т.-е. к революционным партиям. И в самом деле, были поставлены на очередь оба вопроса, и не только поставлены, но даже под влиянием указанного господином Струве «властного настроения» решены утвердительно. Собрание большинством голосов приняло, что «местные отделения союза союзов должны оказывать всем местным организациям, борющимся с самодержавием, моральное и материальное содействие», а бюро союза должно «выработать соглашение с этими организациями». Точно так же было постановлено собранием, что «организации союза должны содействовать вооружению организованных групп населения». Но тут вдруг произошел крутой поворот. Повидимому, бесконечное количество адвокатского краснобайства начало диалектически переходить в качество, притом очень скверное качество—буржуазный страх за свою шкуру. Едва было принято последнее постановление, как раздались голоса, что некоторые члены бюро хотят выйти из его состава, так как постановление собрания «подводит их под 102 ст. уголовного уложения». Наши революционеры, еще вчера мысленно заседавшие во временном правительстве, сразу спасовали перед уложением о наказаниях. И вот начинается постепенное нисходящее движение из волшебной области мечты в печальную действительность.

Постановляется пересмотреть решение съезда о вооружении и об отношении к революционным партиям. Указывается, что вопрос о вооружении есть вопрос конспиративный, что ставить его в программу не следует, что необходимость вооружения может, конечно, возникнуть, но предугадывать ее нельзя и т. д. Кроме того, внесение такого пункта в программу грозит существованию союза и заставит многих выйти из бюро. Одним словом, после очень благонамеренных речей решено было просто вычеркнуть этот вопрос из программы. Перерешен был и другой вопрос—об отношении к революционным партиям. Из-за этого вопроса чуть не возник раскол. Когда большинство высказалось против содействия революционерам,—южные адвокаты пригрозили, что уйдут со съезда. Тогда была принята такая примирительная формула: «Признавая громадное

*) Некоторые сомнения возбуждает постановка аграрного вопроса, предлагающая своеобразную форму национализации земли.

культурно-политическое значение деятельности революционных партий в России, съезд заявляет полную солидарность с ними в стремлении восстановить в России новый государственный порядок на началах общего, прямого, равного и тайного голосования». Но и эту платоническую резолюцию решено было, как отмечает г. Струве, не вносить в окончательную резолюцию съезда, подводящую итоги его работам.

Покончив, таким образом, с вопросами крупной политической важности и выдав себе полное свидетельство о бедности, наши революционеры поставили на обсуждение следующие вопросы: 1) адвокатская забастовка, 2) неплатеж податей, 3) непотребление казенного вина, в целях сокращения доходов правительства*), 4) изъятие из сберегательных касс всех сбережений. И на этих вопросах особенно ясно сказалось все филистерство этих «демократов», неспособных не только рисковать своей личностью ради той свободы, о которой они так много и так лицемерно болтают, но даже неспособных жертвовать ради нее своим карманом. Адвокатская забастовка, видите ли, оказалось неисполнимой, ибо, как учит опыт после 9-го января, бастует лишь ничтожная кучка, остальные же адвокаты продолжают «добросовестно» выступать на суде. Точно так же неприменимым для гг. адвокатов оказалось и предложение о неплатеже налогов. Адвокаты платят один лишь квартирный налог, и если бы они перестали платить его, то немедленно было бы описано их имущество и продано за недоимку. Другое дело, видите ли,—крестьяне; у тех такая продажа ни к чему бы не привела, ибо можно было бы повлиять на их односельчан, чтобы они имущества не покупали. (Не правда ли, какая идиллия? Гг. адвокаты, вероятно, ничего не слыхали о постоянной продаже крестьянского имущества с молотка и о так-называемом выколачивании податей). Зато с неподдельной симпатией была встречена адвокатами мысль о пропаганде среди рабочих идеи непотребления казенного вина. Какой хороший народ эти рабочие! Уже свыше 6000 петербургских рабочих дали свое согласие не пить монополки; правительство бьют по карману и притом без всякого риска и жертв со стороны адвокатов. Одобрил съезд также и мысль об изъятии из сберегательных касс всех сбережений. Не подумайте, что при этом имелась в виду продажа государственных бумаг, в которые средние слои буржуазии (в том числе немало и адвокатов) вскладывают свои сбережения. О, нет! Такая опрометчивая мера привела бы к обесценению бумаг и имела бы последствием совершенно нежелательные убытки лучшей части «политически настроенного» общества!

Так были рассмотрены все практические предложения, и, в конце-концов, оказалось, что по странной случайности как-раз адвокаты ничем не могут активно помочь делу русской революции. На их долю, вероятно, выпадает зато тяжелая забота заседать во временном правительстве и учредительном собрании, к чему они так предусмотрительно готовятся. Зато сколько пышных речей было произнесено по национальному вопросу! Как распинались гг. адвокаты из-за уравнения политических и гражданских прав всех граждан, без различия национальности и вероисповедания! Ведь, тут такое широкое поле для беспредельного краснобайства, не обязывающего ни к каким поступкам и не подвергающего никакому риску!

За три дня заседаний съезда «политическое настроение» адвокатов успело вознестись на крыльях мечты до самой вершины стоящих перед российской демократией задач и шлепнуться оттуда в болото будничной пошлости. И в этом странном движении адвокатская мысль показала себя и с лицевой стороны, и с изнанки, обнажив за высокопарным фразерством филистерский страх за личную безопасность и неприкосновенность кармана. Неудивительно, что и резолюция, принятая в конце съезда и подводящая итог его работам, отразила на себе это умеренное и лойяльное настроение. Вот ее текст:

«Принимая во внимание:

1) что современный бюрократический (sic!) строй не может удовлетворять потребностям страны;

2) что само правительство (!!) принуждено было признать необходимость участия выборных представителей народа в государственном устроении;

3) что, таким образом (?), ныне наступил момент общественного самоопределения;

4) что все члены съезда, как бы различны ни были их политические и социальные взгляды, сходятся в том, что ближайшей задачей минуты является:

а) замена существующего бюрократического строя демократическим конституционным режимом;

б) освобождение всех трудящихся слоев населения из-под гнета современных экономических условий (?!),—

съезд постановил:

I. Образовать среди присяжной адвокатуры политический союз для достижений названной цели, т.-е. введения в России деомкратически-конституционного строя на началах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, и

II. Опубликовать об образовании этого союза во всеобщее сведение».

Гора родила мышь. Из пышных речей и мечтаний возникла позорная лойяльная резолюция. После речей о временном правительстве выдвигается требование замены «бюрократического» строя конституционной монархией, после угроз превратиться в учредительное собрание требование демократически-конституционного строя мотивируется тем, что «само правительство признало необходимость народного представительства». И рядом с этим благонамеренным лакейством повторяется лицемерная фраза об «освобождении всех трудящихся слоев населения из-под гнета современных экономических условий». В трехдневной болтовне съезда адвокатов отразился, как в капле воды, весь буржуазный либерализм с его блудливым вожделением конституции, с его заячьей боязнью борьбы, с его лакейской угодливостью перед сильным еще самодержавием, с его лицемерным и корыстным народолюбием. И мы не перестанем рекомендовать рабочим обстоятельнее знакомиться с разговорами на подобных съездах *). Разоблачая либеральных болтунов, мы всегда будем говорить: смотрите,

*) Буквально так. Не подумайте, что это шутки социал-демократов.

*) Как жаль, что г. Струве не публикует полученных им полных протоколов съезда! Ведь, ни за что не опубликует он их!

товарищи рабочие, эти господа хотят взять вас в свои руки, хотят руководить вашим движением. Они готовы сулить вам социализм, а сами стукают лбом перед монархом, обагренным вашей кровью!

Смотрите же и помните: если вы хотите действительно свободы, той свободы, которая одна даст вам возможность вырасти в могучий класс и бороться за социализм,— вы должны бороться против самодержавия помимо этих буржуазных болтунов, а если понадобится,— и против них.

(В. Воровский).

Международное значение русской революции.

В статье *), посвященной первомайскому празднику этого года, К. Каутский характеризует начавшуюся в России революцию, как одно из звеньев в общей цепи революционного движения Европы, идущего через ряд правильно повторяющихся потрясений к окончательной революции—социалистической. Каутский указывает, что еще в 1885 г. Энгельс в своем предисловии к брошюре Маркса «Разоблачения относительно процесса коммунистов в Кельне» предсказывал, что «следующие европейские потрясения не заставят себя ждать». В связи с этим он отмечал, что «в нашем столетии европейские революции 1815, 30, 48—52, 70 гг. периодически повторяются через каждые 15—18 лет».

Это предсказание Энгельса основывалось на глубоком анализе современного капиталистического строя. В обществе, полном непримиримых противоречий, всякие трения и столкновения между классами по необходимости приводят, в конце-концов, к сильным политическим потрясениям, к политическим революциям. Конфликты между различными общественными классами,—а они являются характерной чертой капиталистического общества,—не могут быть улажены мирно, не могут быть устранены социально-реформаторскими фокусами во вкусе гг. ревизионистов. Предоставленные на произвол стихийного развития, эти конфликты растут и обостряются, пока не приводят к такому резкому и крупному столкновению общественных классов, которое может быть разрешено лишь путем политической революции. Мало того. Внушительные уроки истории не только не обеспечивают на будущее время безболезненного разрешения конфликтов, но, напротив, делают его все более затруднительным. Они развивают в господствующих классах боязнь тех великих преобразований, которые вносят в общественные отношения эти политические конфликты, и значение которых эти господствующие классы не в силах измерить и оценить. «Таким образом,— говорит Каутский,—препятствия к социальному и политическому прогрессу растут в той же мере, в какой возрастающее социальное напряжение усиливает необходимость энергичных преобразований. Концом этого развития является всегда сильное политическое потрясение — революция, которая насильственно устраняет препятствия к прогрессу и снова делает возможным на некоторое время мирное течение общественного развития». Мы видим, следовательно, что и в политической области замечается то же явление, которое мы наблюдаем в экономической жизни капиталистического общества: именно постоянное разрешение внутренних противоречий этого общества путем периодических революционных потрясений. Как хозяйственная жизнь современного общества неизбежно развивается рядом толчков и скачков от экономического расцвета к кризисам со всеми их бедствиями и от кризисов опять к процветанию промышленности, так и политическая жизнь его обречена на постоянно повторяющиеся катастрофы, ставшие как бы нормальными ступенями развития ка-

*) Maifeier 1905, издание Yorwärts.

О временном революционном правительстве.

Статья первая. Историческая справка Плеханова.

Третий съезд партии принял резолюцию по вопросу о временном революционном правительстве. Резолюция эта выражает именно ту позицию, которую занимали мы в газете «Вперед». Мы намерены приступить теперь к подробному разбору всех возражений против нашей позиции и к разъяснению со всех сторон истинного принципиального смысла и практического значения съездовской резолюции. Начнем с попытки Плеханова поставить этот вопрос на строго принципиальную почву. Плеханов озаглавил свою статью: «К вопросу о захвате власти». Он критикует «тактику, направляемую (очевидно «Вперед») к захвату пролетариатом политической власти». На самом деле, как прекрасно знает всякий знакомый с «Вперед», никогда «Вперед» вопроса о захвате власти не поднимал и никакой «тактики к захвату» не направлял. Плеханов старается подменить действительно обсуждавшийся вопрос другим, вымышленным; чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить ход спора.

Мартынов первый выдвинул вопрос в своих знаменитых «Двух диктатурах». Он утверждал, что если наша партия примет руководящее участие в восстании, то отсюда в случае успеха вытечет необходимость участия ее во временном революционном правительстве, а таковое участие принципиально недопустимо и ни к чему, кроме гибельного и компрометирующего исхода, привести не может. «Искра» защищала эту позицию. «Вперед» возражал, что такой исход, напротив, есть наиболее желательный, что участие социал-демократии во временном революционном правительстве, равносильное демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, допустимо, что без такой диктатуры не удастся отстоять республику. Итак, обе спорившие стороны, отвечая на вопрос, поставленный Мартыновым, принимали два предположения и расходились в выводах из них; обе принимали: 1) руководящее участие партии пролетариата в восстании; 2) победу восстания и полное свержение самодержавия; расходились они в оценке тактических выводов из этих предположений. Неужели это похоже на «тактику, направляемую (!!) к захвату (??) власти»? Неужели не ясно, что Плеханов стре-

питалистического общества. И если опыт учит нас, что экономический цикл завершается приблизительно в 10 лет, то он же показывает, что для политического цикла требуется от 15 до 20 лет.

Этот анализ своеобразных форм политического развития капиталистического общества заставил Энгельса предположить, что после революционного потрясения 1870 г. Европа должна пережить сходное потрясение в конце 80-х—начале 90-х гг. И это его предположение оправдалось. Как известно, после 1870 года центр тяжести политической жизни Европы, находившийся прежде в Англии и во Франции, переместился в Германию. Всем известно, какой громадный экономический подъем, а вместе с тем и какой громадный рост политических сил пережила объединенная Германия после победы над Францией. Ринувшись, очертя голову, в капиталистический водоворот, она попала в сферу действия тех внутренних противоречий капиталистического общества, о которых мы говорили выше. Конфликт между пролетариатом и буржуазией, который, конечно, не мог быть мирно разрешен на почве современных хозяйственных отношений, возрастал и обострялся. Даже та относительная свобода, которая дала пролетариату такое, например, сильное оружие борьбы, как всеобщее избирательное право в имперский парламент, не только не послужила исходной точкой для мирного разрешения конфликта, но, напротив, явилась предметом покушений со стороны буржуазии. Конфликт этот выразился в Германии, как известно, в попытке отнять политические права пролетариата (исключительный закон против социалистов),—попытке, еще более осложнившей самый конфликт и приведшей, в конце-концов, к полному крушению всей политики Бисмарка. Конечно, это крупное потрясение не достигло силы революции. Пролетариат был еще слишком слаб, буржуазный либерализм находился в упадке, и обе эти силы не могли использовать политической катастрофы, чтобы надолго расчистить путь прогрессу. Однако, указывает Каутский, это потрясение имело несомненно общеевропейский характер и повлекло за собой несколько лет интенсивной политической жизни и прогресса. Так, Франция получила в 1892 году 10-часовой рабочий день и довольно крупное представительство социалистов в парламенте; Бельгия приобрела всеобщее, хотя и не равное, избирательное право; в это же время в министерстве Гладстона обсуждался серьезно вопрос о 8-часовом рабочем дне, и заключительным актом этого прогрессивного периода можно считать агитацию за всеобщее избирательное право в Австрии в 1896 г. Да, это не была революция в собственном смысле, ибо она оставила после себя много неразрешенных вопросов, много неразбитых цепей. Но это было несомненно крупное потрясение—результат назревшего конфликта. Оно не оправдало, конечно, надежд многих лиц и дало повод многим впасть в самый мрачный пессимизм. На почве политического застоя, воцарившегося после этого потрясения, возникла та мертвенная теория, которая учила, что такой застой является как-раз самым верным путем прогресса, что именно таким образом движение сильно идет вперед, что на катастрофы и потрясения могут еще рассчитывать лишь те, чья мысль прикована к традициям прошлого. Сторонники этого нового взгляда навсегда прощались с революцией в то самое время, когда уже начали появляться первые признаки надвигающейся революционной катастрофы. Через 15 лет после выборов, нанесших смертельный удар правительству Бисмарка, произошло восстание рабочих 9-го (22) января в Петербурге, начавшее русскую революцию. «Но это будет более мощная революция, чем потрясение 1890 г.,—пишет Каутский.—Она доведет до конца все то, что первое оставило неоконченным. Она является более мощной уже потому, что нападает на очаг всяких реакций и превращает его в центр революции. Если в 1890 г. европейское потрясение носило такой мирный характер, то это объясняет-

---

миться уклониться от мартыновской постановки вопроса, обсуждавшейся «Искрой» и «Вперед»? Мы спорили о том, опасно ли, гибельно ли победоносное проведение восстания, раз оно может привести к необходимости участия во временном революционном правительстве. Плеханов выражает желание поспорить о том, следует ли направлять тактику к захвату власти. Боимся, что желание Плеханова (понятное лишь с точки зрения затушевывания мартыновской постановки вопроса) останется невинным пожеланием, ибо никто на эту тему не спорил и не спорит.

Какое значение имеет этот подмен вопроса во всей аргументации Плеханова, видно особенно наглядно из эпизода с «виртуозами филистерства». Плеханову не дает покоя это употребленное «Вперед» выражение. Плеханов возвращается к нему раз семь, грозно и гневно уверяя своих читателей, что «Вперед» дерзнул Маркса и Энгельса назвать этим не слишком лестным эпитетом, что «Вперед» начинает «критиковать» Маркса и проч., и т. д. Мы прекрасно понимаем, что Плеханову, задавшемуся целью реабилитировать Мартынова и «разнести» «Вперед», было бы весьма приятно, если бы «Вперед» сказал хоть что-либо похожее на приписываемую ему Плехановым нелепость. Но дело-то в том, что ничего подобного «Вперед» не говорил, и всякий внимательный читатель легко разоблачит Плеханова, который запутал интересный принципиальный вопрос совершенно пустяковинной и мелочной придиркой.

Как ни скучно отвечать на придирки, но приходится подробно разъяснять, в чем, на самом деле, состоял этот эпизод с пресловутыми «виртуозами филистерства». «Вперед» рассуждал так. Мы все говорим о завоевании республики. Чтобы завоевать ее на деле, необходимо, чтобы мы стали «вместе бить» самодержавие,—мы, т.-е. революционный народ, пролетариат и крестьянство. Но этого еще недостаточно. Недостаточно даже «вместе добить» самодержавие, т.-е. совершенно свергнуть самодержавное правительство. Необходимо еще «вместе отбить» неизбежно предстоящие отчаянные попытки восстановить свергнутое самодержавие. Это «вместе отбить», примененное к революционной эпохе, есть не что иное, как революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, есть участие пролетариата в революционном правительстве. Поэтому люди, пугающие рабочий класс возможной перспективой этой диктатуры, т.-е. такие люди, как Мартынов и Л. М. в новой «Искре», впадают в противоречие с

ся, между прочим, и тем, что оно совпало с моментом полного подавления всякого оппозиционного движения в России. Царизму удалось еще раз сломить и раздавить его после гигантских усилий 1878—81 гг., и к концу 80-х гг. гробовое молчание царило в громадной Российской империи. Нужно было быть «марксистом-догматиком», чтобы иметь мужество в 89 г. на парижском международном конгрессе предсказывать, как это делал Плеханов, что «революционное движение восторжествует в России, как рабочее движение». Теперь это торжество, наконец, наступило,—торжество не только рабочего движения, но также и «марксистской догмы», которая позволила предугадать не только надвигающуюся революцию, но и ее носителей, в такое время, когда невозможно было открыть ни малейшего признака движения в империи царей».

По мнению Каутского, теперь в России имеется налицо настоящая революция, притом революция, в которой, повидимому, крестьянские вилы сыграют свою роль. Русское самодержавие является как бы символическим воплощением дикой реакции, воплощением всех тех грубых сил, которые только способны в настоящее время тормозить прогресс европейской культуры. Если падение старого порядка во Франции в 18-м веке было падением аристократии, являвшейся носительницей самой высокой и утонченной культуры, то русский «старый порядок» не имеет за собой даже этих заслуг. Напротив, он является тормозом всякой культуры, всякого развития.

Невозможно, конечно, предсказать размеры и последствия русской революции. Несомненно лишь то, что она не ограничится Россией, что она будет иметь громадное, общеевропейское значение.

Падение самодержавия страшно отзовется на экономической жизни Западной Европы и нанесет тяжелый удар капитализму, особенно во Франции и Германии, вложивших миллиарды в дело укрепления русского самодержавия. Страшно отзовется оно также и на политической жизни Европы: оно увлечет национальности, части которых входят в состав Российской империи, оно подкопает самые основы политических конституций граничащих с Россией государств. Оно вызовет глубокое возбуждение в пролетариате всего мира, пробудит в нем надежды, толкнет его на борьбу. «Мы не знаем еще,—говорит Каутский,—будет ли это движение одним из тех потрясений, которые правильно повторяются каждые 15—20 лет в капиталистическом обществе Европы, или же это будет уже началом революции, последней, великой революции, ставящей конец циклу революций капитализма, чтобы создать новые формы развития. Но, что бы ни случилось, нам предстоят великие события, великая борьба, великие победы. Это чувствует пролетариат повсюду; он волнуется и готовится с бóльшим жаром, чем когда-либо раньше».

Перспективы, нарисованные Каутским, при всей их грандиозности, отличаются громадной вероятностью, можно было бы сказать, даже трезвенностью. Они указывают, какая великая и ответственная мировая задача лежит на русской революции и на ее главном деятеле—российском пролетариате. От того или другого исхода восстания в России зависит: толкнуть Европу на путь революционного переворота, или отодвинуть развязку назревшего конфликта в более или менее отдаленное будущее. И сознание этой мировой задачи должно усилить энергию русского пролетариата в деле активной организации восстания против самодержавия, в деле неумолимой борьбы за демократическую республику, в деле беспощадного подавления всяких контрреволюционных попыток. Только в качестве руководителя в предстоящей революции российский пролетариат сможет совершить ту великую освободительную миссию, которую налагает на него настоящий исторический момент.

(В. Воровский).

своим собственным лозунгом борьбы за республику и доведение революции до конца. Эти люди, в сущности, рассуждают так, как-будто они хотят ограничить, урезать свою борьбу за свободу,—именно отмерить себе наперед самый скромный кусочек завоеваний, какую-нибудь куцую конституцию вместо республики. Такие люди, говорил «Вперед», филистерски опошляют известное марксистское положение о трех главных силах революции 19-го (и 20-го) века и трех основных стадиях ее. Это положение состоит в том, что первая стадия революции есть ограничение абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию; вторая — завоевание республики, удовлетворяющее «народ», т.-е. крестьянство и мелкую буржуазию вообще; третья—социалистический переворот, который один только способен удовлетворить пролетариат. «Эта картина верна в общем и целом»,—писал «Вперед». Перед нами действительно подъем на эти три различные схематические ступеньки, различные по тому, какие классы могут в лучшем случае сопровождать нас в этом подъеме. Но если мы эту верную марксистскую схему трех ступеней будем понимать так, что до всякого подъема надо отмеривать себе наперед скромненькую меру, например, не более одной ступени,—если мы по этой схеме будем до всякого подъема, «составлять себе план деятельности в революционную эпоху», то мы будем виртуозами филистерства.

Вот каково было рассуждение «Вперед» в № 14. И вот тут-то вздумал придраться Плеханов к последним подчеркнутым словам. «Вперед»,—объявляет он с торжеством,—тем самым обозвал Маркса филистером, ибо Маркс именно по этой схеме составлял себе план деятельности в самую революционную эпоху!

Доказательство? Доказательство состоит в том, что в 1850 году, когда революционный народ Германии потерпел поражение в борьбе 1848—1849 годов, не сумев добить самодержавие, когда либеральная буржуазия уже получила куцую конституцию и перешла на сторону реакции,—одним словом, когда германское демократически-революционное движение поднялось только на одну первую ступеньку и остановилось, бессильное подняться выше, тогда... тогда Маркс говорил, что новый революционный подъем будет подъемом на вторую ступеньку.

Вы улыбаетесь, читатель? Силлогизм у Плеханова получился, в самом деле, немножечко... как бы это помягче выразиться?.. «диалектический». Так как Маркс в соответствующий конкретный момент демократической

Первое мая в России [1]).

«Сегодня, первого мая, в день международного праздника рабочих, имеет состояться, как мы слышали, «мирная манифестация» московских рабочих в Сокольниках, а по словам Вечерней Почты, и в разных местах города. За границей собрания и манифестации рабочих в первый день мая—явление обычное и повсеместное, но у нас подобный праздник труда—нечто новое и не имевшее прецедента»,—оповещалось в первомайском номере «Русских Ведомостей». Для либерально-буржуазной газеты празднование русскими рабочими 1-го мая, быть-может, действительно «нечто новое и не имевшее прецедента», но мы-то знаем, что для нашего пролетариата это явление вовсе «не новое», и за право на свой праздник русскими рабочими пролито уже немало крови. Тем не менее, в этом году празднование первого мая происходило действительно при необычных условиях. «Последний раз встречаем мы 1-ое мая рабами!»,—гласило воззвание к бакинским рабочим. И эта бодрая мысль одушевляла и волновала сознательный пролетариат по всей России. К сожалению, «день международного праздника рабочих» не совпадает с русским первым мая, а приходится на 18-ое апреля. Бессильное во всем русское правительство не могло до сих пор провести даже такой реформы, как исправление календаря. И рабочие даже в России празднуют свой праздник не в один день: в западной России, преимущественно в Польше, его празднуют 18-го апреля, т.-е. по новому стилю, вместе с рабочими всего мира.

Во многих городах Польши празднование 1-го мая сопровождалось, как известно, жестокими кровавыми столкновениями, в особенности в Варшаве. Празднование вышло необыкновенно дружным и внушительным: везде происходили общие забастовки, часто многотысячные собрания и манифестации. Пролитая кровь не пропадет даром. Она еще больше сплотит борющийся пролетариат.

Не обошлось без крови и при праздновании русского 1-го мая, несмотря на петиции и заявления либеральных инженеров и городских управ, несмотря на высказанное «Русскими Ведомостями» пожелание, «чтобы администрация заявила себя спокойным и корректным отношением, избегая излишнего вмешательства, и чтобы со стороны официальных охранителей порядка не было вызывающего и раздражающего образа действий».

Было, как известно, столкновение между демонстрантами и полицией в Петербурге. Но, по уверению газет, там первое мая прошло «почти вполне мирно и спокойно».

В Москве значительных столкновений, повидимому, не было. Кроме митингов в Сокольниках, у Даниловского монастыря и в Грузинском народном доме, около 7 часов утра была устроена манифестация в Марьиной роще рабочими и работницами с соседних фабрик и заводов. Корреспондент «Arbeiter Zeitung» сообщает: «Рано утром первого мая на многих из московских улиц красовались воззвания социал-демократического комитета. Вместе с тем стало известно, что должны состояться четыре больших митинга. Но места собраний, в видах конспирации, были известны только агентам, агитаторам и пропагандистам, которые к назначенному часу привели туда рабочих. Заранее было роздано до 1000 револьверов (? Ред.), но рабочим советовали пользоваться ими лишь в крайнем случае. Главной задачей вооруженных рабочих было в случае нападения военной силы удерживать натиск до тех пор, пока собрание не разойдется. От «вооруженной демонстрации» комитет из определенных политико-тактических оснований отказался, хотя рабочие требовали оружия и настойчиво повторяли: «Дайте нам хоть столько оружия, чтобы мы посредством его могли достать себе новое». На четырех упомянутых собраниях, продолжавшихся с 9 ча-

---

революции говорил, что после происшедшего подъема на первую ступень предстоит подъем на вторую, то поэтому лишь «критики» Маркса могут называть филистерами людей, которые до подъема на первую ступень пугают нас ужасной перспективой прыжка (в случае особенно удачно организованного и проведенного восстания) на две ступени сразу.

Да, да, нехорошая вещь—«критика» Маркса... и не очень хорошая вещь — неудачная ссылка на Маркса. Мартынов неудачно истолковал Маркса. Плеханов неудачно защитил Мартынова.

И пусть не делает из наших слов какой-нибудь придирчивый читатель того вывода, будто мы проповедуем «тактику, направленную» к обязательным прыжкам через ступеньку, независимо от соотношения общественных сил. Нет, мы никакой подобной тактики не проповедуем. Мы боремся только против влияния на пролетариат людей, способных говорить о республике и о доведении революции до конца и в то же время стращающих себя и других возможностью участия в демократической диктатуре. Мы замечали уже в № 14 «Вперед», что после теперешнего революционного подъема реакция, конечно, будет неизбежна, но она тем меньше отнимет у нас свободы, чем больше завоюем мы теперь, и чем беспощаднее мы будем давить и уничтожать контр-революционные силы в эпоху возможной (и желательной) демократической диктатуры. Мы замечали также в № 14 «Вперед», что самый вопрос об этой диктатуре имеет смысл лишь при допущении такого рода событий, когда демократическая революция доходит до полного низвержения абсолютизма, до республики, а не останавливается на полдороге.

Перейдем теперь от эпизода с «виртуозами филистерства» к содержанию знаменитого «Обращения» (Центрального Комитета Союза Коммунистов к членам Союза в марте 1850 года), цитируемого Плехановым. В этом чрезвычайно интересном и поучительном «Обращении» (которое стоило бы перевести целиком на русский язык) Маркс рассматривает конкретную политическую ситуацию в Германии в 1850 г., указывает на вероятность нового политического взрыва, констатирует неизбежность перехода власти в случае революции к республиканской мелкобуржуазной демократической партии и анализирует тактику пролетариата. Особо рассматривая тактику до революции, в момент ее и после победы мелкобуржуазной демократии, Маркс настаивает на необходимости создания «самостоятельной тайной и открытой организации рабочей партии»,

сов утра до 3 часов пополудни, было много красных знамен с соответствующими надписями, и произносились политические речи, при чем лучшие из них были сказаны самими рабочими. Рабочие расходились с пением «Марсельезы».

Накануне 1-го мая в Москве состоялось многолюдное собрание союза инженеров, на котором высказано было сочувствие желанию рабочих праздновать день 1-го мая как международный праздник труда. Решено было также праздновать 1-ое мая самим, впрочем, не сливаясь с рабочими. О, конечно! Слияние либеральных инженеров с рабочими, во-первых, невозможно, а во-вторых, рискованно: полиция не разберет, [что ты] инженер, и вздует.

Значительные, повидимому, столкновения произошли в Костроме и Ярославле. В Костроме толпа манифестантов собралась на бульваре. Здесь была сказана небольшая речь, и затем манифестанты, разбрасывая прокламации, с революционными песнями и флагами направились к Русиной улице. Произошло столкновение с полицией, при чем были раненые как со стороны манифестантов, так и со стороны охранителей [«порядка»].

В Ярославле, помимо рабочего митинга за городом, произошла демонстрация на Волге. Из лодок образовалась целая флотилия, были выкинуты красные флаги, пелись революционные песни, прерыва[емые] криками «Долой самодержавие», и гремели револьверные выстрелы. На набережной собралась тоже значительная толпа. Высадившись на берег, манифестанты и огромная толпа народа, подняв красный флаг, с пением и «возмутительными криками», как выражаются «Губернские Ведомости», пошли по Казанскому бульвару, переполненному гуляющей публикой. Произошло столкновение с казаками, оказались раненые.

В Уфе, по официальным сведениям, первого мая собралась за городом толпа рабочих и учащихся в 300 слишком человек. Вечером, выкинув красный и черный флаги, демонстранты с революционными песнями двинулись по направлению к городу. Выехавшего навстречу им полицеймейстера Бухартовского толпа встретила «непристойными», по мнению начальства, возгласами и стрельбою из револьверов. Тогда, по сигналу полицеймейстера, на толпу бросились спрятанные войска и полиция. В плен было взято 51 человек. При арестовании захвачено 14 револьверов, кинжалы, ножи и кастеты. Многие из задержанных уже раньше привлекались по политическим делам и отбывали тюремное заключение. 3-го мая был тяжело ранен несколькими выстрелами из револьвера уфимский губернатор, генерал Соколовский.

В Твери тоже была устроена демонстрация с пением и красными флагами. Вызваны были войска, и по городу стали разъезжать отряды драгун. Войска были расположены и на фабриках. Фабричные рабочие устроили манифестации и в нескольких деревнях Тверского уезда.

В Екатеринодаре вечером на площадке городского сада раздались свистки, и над толпой взвились два красных флага. Говорились речи, разбрасывались прокламации, а при вмешательстве полиции и казаков раздавались выстрелы.

В Ревеле, в дачной местности «Екатериненталь», близ императорского дворца, во время обычного гуляния выделилось до 3000 человек, которые с криками и песнями устремились по направлению к городу. Полиция в большом числе, с полицеймейстером во главе, не могла остановить этого движения. На Нарвской улице произошло столкновение с пограничной стражей.

Многолюдные митинги и манифестации за городом и на улицах происходили в Самаре, Саратове, Нижнем-Новгороде, Екатеринославе, Ростове, Новороссийске, Риге и т. д., т.-е. во всех мало-мальски крупных центрах, где есть рабочий люд. Первого мая в России происходил действительно смотр перед боем грозной рабочей

борется всеми силами против «принижения ее до роли придатка официальной буржуазной демократии», подчеркивает важность вооружения рабочих, образование самостоятельной пролетарской гвардии, строгого надзора пролетариев за предательской мелкобуржуазной демократией и т. д.

Во всем «Обращении» ни слова не говорится ни об участии рабочей партии во временном революционном правительстве, ни о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Плеханов выводит отсюда, что Маркс, «как видно, не допускал даже и мысли о том, что политические представители революционного пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием нового общественного строя». Логика этого вывода хромает. Маркс не поднимает вопроса об участии рабочей партии во временном революционном правительстве, а Плеханов заключает, что Маркс решает этот вопрос вообще и принципиально в безусловно отрицательном духе. Маркс говорит только о конкретной ситуации, Плеханов делает общий вывод, не рассматривая вовсе вопроса в его конкретности. А между тем, достаточно взглянуть на некоторые места «Обращения», опущенные Плехановым, чтобы видеть полную неправильность его выводов.

«Обращение» писано на основании опыта двух лет революционной эпохи, 1848 и 1849. Результаты этого опыта Маркс формулирует так: «В то же самое время (т.-е. именно в 48—49 гг.) прежняя крепкая организация Союза Коммунистов значительно ослабла. Большая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало, и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные кружки и организации (Gemeinden) стали запускать свои сношения с центральным комитетом и постепенно прекратили их вовсе. Таким образом, в то время, как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое бо́льшее в отдельных местностях для местных целей и в силу этого попала в общем всецело под господство и под руководство мелкобуржуазных демократов» *). И на следующей

*) Ansprache der Zentralbehoerde an den Bund, von März 1850, K. Marx, «Enthuellungen ueber den Kommunistenprocess zu Koeln», 1885, Anhang IX, S. 75. Курсив в цитатах везде наш.

армии. Столкновения с полицией были почти всюду. Держались наготове и царские войска, словно в Россию вторглась японская армия. В некоторых городах майские забастовки и демонстрации начались еще накануне и продолжались в последующие дни, так как 1-е мая пришлось на воскресенье, и воскресная забастовка не имела интереса. Это—поучительный пример для некоторых западно-европейских товарищей, требующих перенесения майского праздника на ближайшее воскресенье.

В Харькове день первого мая прошел, вопреки ожиданиям, довольно спокойно, ибо город был наполнен войсками. Но рабочие решили «справить» маевку 2-го числа. С раннего утра 2-го мая на фабриках и заводах началось брожение. 2000 рабочих паровозо-строительного завода постановили не работать в этот день. Были вызваны полиция и войска. Рабочие потребовали разрешить им пройти попарно с флагами до своей столовой, а оттуда—в город.

— Мы только маевку хотим отпраздновать,—говорили они.

Полицеймейстер снесся с губернатором и разрешил. Полиция была отозвана. Рабочие [с женами и детьми] торжественно направились к столовой, около которой и [провели] несколько часов. Около 2-х часов рабочие двинулись в город. Остановившись близ завода «Гельферих-Саде», они потребовали, чтобы к ним присоединились местные мастеровые, а затем толпой направились в город, но на одной из улиц, встретив сильный «заслон» войска, вынуждены были разойтись.

В этот же день не работали еще на 3-х заводах и в 4-х типографиях, в том числе и в «Харьковском Листке».

В Баку и его окрестностях всеобщая майская забастовка началась еще 30 апреля. Тогда совет съезда нефтепромышленников и приглашенные на заседание представители крупных бакинских фирм постановили послать министру земледелия и государственных имуществ телеграмму следующего содержания:

«Начиная с утра тридцатого апреля рабочие на промыслах и заводах бакинского района забастовали. По имеющимся частным сведениям, рабочие хотели остановить работы первого мая для рабочего праздника, почему забастовка их тридцатого апреля явилась для всех совершенно неожиданной. Совет съезда нефтепромышленников, соглашаясь с общим мнением промышленников, считает эту непредвиденную остановку недоразумением, вызванным иключительно благодаря полной невозможности для рабочих вступать легальным путем в переговоры с владельцами обслуживаемых ими предприятий и друг с другом, так как рабочие, к крайнему сожалению, совершенно лишены возможности открыто собираться для обсуждения своих нужд. Это обстоятельство вызывает непредвиденные остановки в работах, приносящие неисчислимые убытки как промышленности, так и государству. В виду этого совет съезда нефтепромышленников считает своим долгом довести до сведения вашего превосходительства, что, по мнению бакинских промышленников, для предотвращения таких разорительных остановок, необходимо предоставление свободы слова, собраний, союзов и стачек».

Вот как нужно «подталкивать» и «придавать побольше храбрости» трусливым и жадным буржуа! Их надо бить по самому чувствительному для них месту, по карману. Можно быть уверенным, что они станут тогда радикальными. И рабочие знают, что делать. С первого мая число забастовок, кажется, еще больше увеличилось. Борьба разрастается и вширь, и вглубь. Если она и дальше будет развиваться так же энергично, то мы смело можем воскликнуть вместе с нашими бакинскими товарищами:

«Последний раз встречаем мы первое мая рабами!...»

М. Южин (М. Васильев).

странице «Обращения» Маркс заявляет: «В настоящее время, когда предстоит новая революция..., крайне важно, чтобы рабочая партия выступила возможно более организованной, возможно более единодушной и возможно более самостоятельной, если она не хочет снова, как в 1848 г., быть эксплоатируемой буржуазией и итти у нее на буксире».

Вдумайтесь хорошенько в значение этих категорических утверждений! После 2-х лет открытой революции, после победы народного восстания в Берлине, после созыва революционного парламента, после того, как часть страны находилась в открытом восстании и власть временно переходила в руки революционных правительств,—Маркс констатирует поражение революционного народа и, в отношении партийной организованности, выигрыш мелкобуржуазной демократии, проигрыш рабочей партии. Разве это не указывает яснее ясного на такую политическую ситуацию, когда вопрос об участии рабочей партии в правительстве не к чему было и ставить? После 2-х лет революционной эпохи, когда Маркс в течение девяти месяцев издавал открыто самую революционную газету рабочей партии, приходится констатировать полную дезорганизацию этой партии, полное отсутствие сколько-нибудь резко выраженной пролетарской струи в общем течении (рабочие братства Стефана Борна слишком незначительны), полное подпадение пролетариата не только под господство, но и под руководство буржуазии! Очевидно, что экономические отношения были еще крайне неразвиты, крупная промышленность почти отсутствовала, никакого самостоятельного рабочего движения в сколько-нибудь серьезных размерах не было, мелкая буржуазия господствовала безраздельно. Понятно, что при таких условиях писателю, разбирающему конкретную ситуацию, нельзя было даже допускать мысли о возможности участия рабочей партии во временном правительстве. Понятно, что Маркс должен был в своем «Обращении» вдалбливать (извините за выражение) членам Союза Коммунистов такие истины, которые нам теперь кажутся азбучными. Маркс должен был доказывать необходимость выставления рабочими особых кандидатов при выборах независимо от буржуазной демократии. Маркс должен был опровергать демократические фразы, что-де отделение рабочих «раскалывает» (это заметьте!—раскалывать можно только то, что было вчера еще едино, и что продолжает быть идейно единым!) демократическую партию. Маркс должен был предостерегать членов Союза Коммунистов от увлечения этими

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Новочеркасск. Запутавшееся в своих преступлениях правительство лжет, лжет без конца: лишь хоть на сегодня одурманить темную массу, а о завтрашнем дне и думать некогда! И вот у нас на улицах всюду наклеиваются полицией объявления следующего содержания: «В городе Житомире 300 евреев вышли с портретом государя и начали стрелять в него; русских рабочих это страшно возмутило; они выказали недовольство; тогда евреи бросились на них и стали избивать; наглость евреев дошла до того, что один еврей встретил днем крестьянина на улице и избил его до полусмерти. И вот в виду всего этого предупреждаем евреев, чтобы они удерживали свое юношество от подобных дел, иначе за последствия не ручаемся».

Так переводятся на «язык для народа» лживые официальные донесения, печатаемые в «Правительственном Вестнике»

Самара. Первого мая наша публика блестяще выдержала испытание. В саду во время гулянья раздалось требование играть «Марсельезу». Оркестр отказался. Тогда запели «Отречемся от старого мира». Эффект поразительный: публика бросилась врассыпную, точно зайцы, бросая зонты и палки, вопя: «Спасайтесь». Только группа человек в 50 сплотилась и прошла по улице с пением. Появились конные городовые; топот копыт и нелепые рассказы разбежавшихся буржуазных зайцев переполошили весь город. Были аресты.

На даче было собрание в несколько сот человек. Говорились речи. Часть присутствующих имела оружие, собрание охранялось часовыми. Когда явилась полиция, собрание спокойно разошлось.

Ярославль. Настроение и положение дел странное. В обществе выносятся бурные резолюции, а полиция тем временем обыскивает, арестовывает. Впрочем, она как-будто стала вежливее. На-днях на обыске у студента нашли 4 номера нелегальщины, отобрали их, а студента через два часа отпустили. Еще факт. Один студент забыл в вагоне отчет Северного Комитета, вернулся за ним и был задержан, но через два дня выпущен. Не знают, что делать. Шпиков начали сильно преследовать. Поймали одного в студенческой столовой. Тут же обыск и суд. Нашли уличающие документы, приговорили к смерти через потопление. Привели к проруби: «Прыгай!» Шпик зарыдал. Публика разжалобилась, и раба божьего отпустили. Бьют их частенько.

Предполагается стачка на фабрике Корзинкина.

Харбин. (Из письма врача, далекого до сих пор от политических интересов). Все, даже только-что приехавшие из России офицеры, только и мечтают о мире, совершенно не веря в возможность даже частичного успеха. Кроме выжившего из ума Линевича, все убеждены, что продолжать войну с такой деморализованной армией прямо невозможно. И как бы в Петербурге ни нуждались в победе, надежде наших бюрократов, готовых на все для спасения своей подлой шкуры, осуществиться не суждено: тут даже записные вояки отказываются воевать, находя необходимым как можно скорее кончить эту грязную историю.

Харьков. В конце апреля и в первые майские дни Харьков был в приподнятом настроении. Охранка действовала во-всю, распуская слухи о разгроме евреев, студентов и вообще обывателей,—вообще старалась придать ожидаемым событиями хулиганский характер. В виду полицейских слухов организовалась самооборона из евреев, подкрепленная социал-демократами—рабочими и интеллигентами. Дежурили первые дни пасхи, а также 1-го и 2-го мая. Полицмейстер Бессонов получил хорошую взятку от еврейской буржуазии и был в негодовании на самооборону, сбивающую ему цену; накануне майских дней он произвел массовые, но безуспешные обыски в поисках оружия. Пасха в погромном отношении прошла спокойно, но затем началось брожение другого рода. Реалисты возмутились исключением из училища некоторых товарищей. На сходке в университетском саду было до 200 чел., говорились исключительно революционные речи. Были шпики и агенты черной сотни. Явилась группа родителей, чтобы оградить детей от избиения. На требования и угрозы околодочного отвечали насмешками и криком: долой полицию! После сходки были аресты.

В тот же вечер была массовка в районе паравозо-строительного завода. Накануне 1-го мая кое-где снова собирались группы рабочих; провокаторы старались подбить их на еврейский погром. Но по случаю воскресенья (1-го мая) решено было перенести маевку и забастовку на понедельник. 2-го мая часть города имеет вид военного лагеря. Чем ближе к паровозо-строительному району, тем чаще встречаешь полицию, патрули, наконец, жандармов и роту солдат в боевой готовности. В толпе рабочих летят прокламации (в том числе и от группы «Вперед»). Взвиваются

фразами. Маркс должен был от имени ЦК Союза обещать при первой возможности созыв съезда рабочей партии для централизации рабочих клубов,—в течение революционных лет 1848—1849 не было еще налицо условий для того, чтобы допускать мысль о возможности особого съезда рабочей партии!

Вывод отсюда ясен: в знаменитом «Обращении» Маркс совершенно не касается вопроса о принципиальной допустимости участия пролетариата во временном революционном правительстве. Маркс исключительно рассматривает конкретную ситуацию Германии в 1850 году. Маркс ни слова не говорит при этом об участии Союза Коммунистов в революционном правительстве потому, что при тогдашних условиях не могло возникнуть и мысли о таком участии от имени рабочей партии в целях демократической диктатуры.

Мысль Маркса состоит вот в чем: мы, немецкие социал-демократы 1850 г., не организованы, мы потерпели поражение в первый период революции, мы всецело попали на буксир буржуазии; мы должны организоваться самостоятельно, непременно, безусловно, во что бы то ни стало самостоятельно,—иначе и при грядущей победе усилившей свою организацию и могучей мелкобуржуазной партии мы тоже будем в хвосте.

Мысль Мартынова состояла вот в чем: мы, русские с.-д. 1905 года, организованы в самостоятельную партию и хотим итти на первый штурм против крепости царизма, итти во главе мелкобуржуазного народа. Но если мы очень уж хорошо сорганизуем штурм и, боже упаси, победоносно проведем его, то нам придется, пожалуй, участвовать во временном революционном правительстве или даже в демократической диктатуре. А это участие принципиально недопустимо.

И Плеханов хочет серьезно уверить кого-нибудь, что можно защитить Мартынова по Марксу? Должно-быть, Плеханов считает читателей «Искры» за ребят. Мы же скажем только: одно дело—марксизм, другое дело—мартыновизм.

Чтобы покончить с «Обращением», необходимо еще разъяснить следующее неправильное мнение Плеханова. Он указывает справедливо, что в марте 1850 г., когда писалось «Обращение», Маркс верил в дряхлость капитализма, и социалистическая революция казалась ему «совсем близкой». Очень скоро Маркс исправил свою ошибку: уже 15 сентября 1850 г. он разошелся с Шаппером (Шаппер с Виллихом остался в меньшинстве Союза и вышел из него), который поддался буржуаз-

два красных знамени. Казаки «делают тревогу», вскакивая на лошадей. Рабочих не более 1.000 чел., на сопротивление нет сил в виду массы войска, и знамя спешат спрятать. Толпа потянулась в город,—ее пропускают. Но у казенного винного склада драгуны отрезывают часть толпы, и начинается свалка. Кое-кого избили, нескольких арестовали. В первом участке городовые и шпионы устроили жестокое избиение арестованных. В городе возмущены, слышаться разговоры: «Кто-нибудь поплатится за это жизнью». Полицмейстер Бессонов спешит издать приказ по полиции, воспрещая насилия над публикой.

Николаев. (Письма матросов). Первое письмо. Товарищи, до каких пор будем мы с вами молчать и терпеть такую подлость со стороны наших командиров? На каждом шагу стараются они заглушить все человеческое, в ком еще не уснула честь и кто почерпнул что-либо из окружающей его жизни. Теперь, когда люди всюду борются за улучшение и просвещение всего человечества, у нас нет даже никакой библиотеки, и лишь начальники надоедают нам своими глупыми речами: поставят нас во фронт и наставляют нас на путь, как нам жить, как-будто мы до сих пор еще ребята малые и не можем сами дать себе отчета, как нам жить, и нам непременно нужна нянька. Мы уже выросли из ребят, и никакого ухода за нами не надо.

По приезде нашем из Севастополя в Николаев командир обратился к нам с речью, в которой говорил, что так как мы ни с кем здесь не знакомы, то он и не советует ни с кем знакомиться, иначе будет строго взыскивать. В особенности же советовал он не иметь никаких связей с жидами и студентами и не слушать их агитации и пропаганды. «Они вас введут в беду,—говорил он,—и вы будете пропащими людьми; выйдите со службы, и за вами всюду будут ходить, куда вы не повернетесь. Вот посмотрите на этого: он попал на сходку социалистов, а это—враги нашего отечества, это все идет от жидов проклятых, а мы его учили, сделали из него человека, унтер-офицером назначили, и вот теперь он разжалован, и, куда он ни пойдет, все нам известно, за то, что он послушал каких-то негодяев. Я добра желаю вам. Не поддавайтесь никаким посторонним пропагандам. Теперь военное время, достаточно мне написать рапорт,—и тот человек пропал, его могут расстрелять или законопатить в тюрьму, где он и света божьего не увидит». Так вот всю службу и застилают нам глаза темной пеленой и делают большие подлости с нами: устраивают внезапные проверки, ищут в сундуках, пересматривают книги и карточки, читают письма. Как это подло и бесчестно с их стороны: в их руках власть, а они берут, ни у кого не спрашивая. Мы должны, товарищи, с вами протестовать и не бояться за последствия, но громогласно сказать, что они не имеют права так поступать. Еще они установили правило уходить со двора только после 5-ти час. вечера, и то с билетами от ротного. А ротные так зря билет не дадут, всегда им нужно дать отчет, куда идешь. А без билета никуда не уйдешь, потому, что стены очень высокие и через окна тоже не вылезешь, так как казарма представляет собой тюрьму. Решеток, правда, нет, и для посторонних ничего незаметно, но в подоконниках забиты толстые прутья, так-что не только нельзя уйти из окна, но даже и головы не просунешь. Так и сиди, как арестант. В пять часов окончишь работу, придешь, поужинаешь и не знаешь, куда девать эти два часа, так как поверка у нас в восемь часов. Белье помыть не всегда захватишь места, так как команды у нас до 1.000 человек, а удобства для мойки—всего на 8 чел., и, когда ни придешь, там всегда несколько человек ждут места. Воды тоже всегда недостаток не только для стирки, но часто даже и пить нечего. Посуда—гнилые кадушки и сильно воняют гнилью; волей-неволей приходится мыть речной водой, а она очень соленая, так что не вымоешь белья, а лишь помочишь. И живешь так, не как военный, призванный на службу, а как какой-то арестант. В праздники до поздних часов приходится пользоваться билетом не более одного раза в месяц, и то при хорошем поведении. Тогда не позднее 12-ти часов ночи должен явиться к дежурному офицеру, и он отмечает, кто в какие часы явился, и утром докладывает командиру. Так все глаза они направили, чтобы следить за каждым нашим движением и все в нас заглушить. А вот еще что: градоначальник издал приказ, что так как команда ходит возле его дома и никакого внимания не обращает на дом, то всякий, кто идет в одиночку, должен отдавать честь дому, а если фронтом, то кто есть из старших, должен отдавать команду «смирно!»; а на то не направят свои глаза, каково нам живется, что мы кушаем и как работаем, и что за это они платят нам. Утром греют воду горячую, но она всегда с песком, потому что эти кубы вмазаны наглухо, и их почти никогда не чистят. Чай и сахар мы должны покупать на свои деньги, а на завтрак варят кашу из пшенной крупы и очень жидкую, почти одна вода, сала никогда не бывает, лишь звездочки сальные плавают. Это не завтрак, а просто помои. Хлеб всегда черствый, напече-

---

но-демократическому революционаризму или утопизму до того, что говорил: «Мы должны тотчас достигнуть власти, или же мы можем лечь спать». Маркс возражал Шапперу, что нельзя считать двигателем революции одну только свою волю вместо действительных условий. Пролетариату, может-быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений «не только для того, чтобы изменить эти условия, но и для того, чтобы изменить самих себя, пролетариев, и сделать себя способными к политическому господству». Плеханов рассказывает вкратце об этой перемене взглядов Маркса и умозаключает:

«Политические задачи пролетариата были бы определены ими» (Марксом и Энгельсом после этой «перемены») «уже в том предположении, что демократический строй останется господствующим в течение довольно продолжительного периода. Но именно потому они еще решительнее осудили бы участие социалистов в мелкобуржуазном правительстве» («И». № 96).

Это умозаключение Плеханова совершенно неправильно. Оно сводится именно к тому смешению социалистической и демократической диктатуры, за которое мы не раз упрекали Л. М. и Мартынова. Маркс и Энгельс в 1850 году не различали демократической и социалистической диктатуры, или, вернее, вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм близким. Они не различали поэтому в то время и программы-минимум от программы-максимум. Если же делать это различение (как делаем все мы, марксисты, теперь, воюя из-за непонимания его с буржуазно-демократическим революционаризмом «социалистов-революционеров»), то надо особо разобрать вопрос о социалистической и демократической диктатуре. Не делая этого, Плеханов поступает непоследовательно. Выбирая уклончивую формулировку, говоря вообще об «участии социалистов в мелкобуржуазном правительстве», он тем самым именно подсовывает вопрос о социалистической диктатуре на место ясно, определенно и точно поставленного вопроса о демократической диктатуре. Он смешивает (употребляя сравнение «Вперед») участие Мильерана в министерстве рядом с Галлифэ в эпоху накануне социалистического переворота с участием Варлена в революционном правительстве рядом с мелкобуржуазными демократами, отстаивавшими и отстоявшими республику.

Маркс и Энгельс в 1850 году считали социализм близким и потому недооценивали демократических за-

ный на целую неделю и очень кислый, притом из-под нижней корки идет на вершок синяя полоса. С шести часов идешь на работу и работаешь до одиннадцати, как проклятый. Еще твоего же брата поставят кричать на тебя. В одиннадцать пообедаешь одного борща, тех же помоев, как и на завтрак, перемены никогда не бывает. В армии, например, варят кашу, а у нас этого никогда не бывает, и даже того не берут, что полагается, благодаря тому, что некому всего этого контролировать. На обед на каждого человека ежедневно полагается полфунта мяса, но они совсем не берут хорошего мяса, а только разные кости, жилы, легкое и печень. И это не борщ, а помои, в которых легкое плавает, как пробки. В половине первого идешь опять на работу до 5-ти часов. А в ужин—утренняя каша, изредка кулеш. В 8 часов — поверка, а после поверки по нескольку человек чередуются чистить картофель на следующий день. Словом, так и идет вся служба.

Письмо второе. (Наша жизнь). Наступает день в 5 час. утра. Горнист играет команду вставать. Фельдфебель перекликает команду, затем завтракают. Завтрак состоит из каши, которая варится в чугунных котлах, на дне которых лежит толстый слой накипи. Каша приготовляется из прелой крупы, соли и воды, пополам с песком,—другого ничего не встретишь в ней и, кроме того, от нее страшно пахнет котлом. От такой каши бывает сильная изжога. Хлеб трещит на зубах, от кислоты глаза слипаются. Мы очень рады бываем, когда есть кипяток, но когда пьешь чай, то на $^1/_3$ стакана остается песку. В 6 час. боцман разводит всех по работам. На несколько человек назначается унтер-офицер, который служит бичом начальству и, как ученый попугай, повторяет одно и то же: скорее, скорее, а то доложу старшему офицеру. А старший офицер на праздники сажает в карцер и заносит в штрафной журнал. В 11 час. приходим обедать. Перед нами борщ, в котором в постные дни плавают прелые бычки (рыба), небольшое количество червивых грибов и бураки; капусты в нем самый малый процент. В скоромные дни вместо мяса встретишь гнилую печенку, мослы и жилы,—настоящего мяса совсем не бывает. Но и плохого берут не сполна. Если дежурный и проверит артельщика и спросит, почему так мало мяса, тот отвечает, что часть мяса идет в красный крест, и ротный командир приказал недобирать,—сталобыть; и спрашивать не с кого. Наступил праздник пасхи; на первый день на 200 человек взяли один пуд мяса, а полагалось $2^1/_2$ пуда. Это было по-праздничному. В других ротах была перемена, то-есть два блюда; а у нас этого не было, — сказали, что будет перемена в будничные дни, но обещание их не оправдалось: мы едим тот же неизменный борщ. А, между тем, у нас работают несколько матросов на заводе, с них вычитают половину поденной платы; общий итог этих денег доходит до 300 руб., которые должны поступить на улучшение пищи. Но улучшения пищи никогда не было, а стараются отнять и то, что полагается.

Жилое помещение—сплошные нары, на которых помещается команда; в досках масса клопов и других нечистот. Освещение на всю камеру—одна лампа, да и та горит до 10 ч., читать невозможно, а для письма в помещении нет вовсе столиков. Да читать и не позволяют. От главного командира был приказ нижним чинам, воспрещающий держать при себе книги, а также и продавать им в магазинах. Ротных библиотек не имеется, а если где и есть, то эти книги ни к чему не годные. Баня у нас бывает очень редко. Для стирки белья и времени нет, да и мыть негде. В баню, где с трудом можно поместить 15 человек, они гонят целую сотню. Воду приходится носить на плечах саженей за 100. Вода соленая. Свободного времени очень мало. За ворота днем не пущают, приходится ожидать праздника, а праздником назначают на службу. После 8-ми час. веч. уйти невозможно, в коридорах стоят часовые, в окнах вместо решеток в подоконники забиты железные прутья. Фортка через эти прутья не может открываться, а посторонним глазам незаметно. Когда заболеешь и приходится итти до врача, то врач начинает глумиться над тобой: лодырь, отлыниваешь от работы, уклоняешься от службы, — и кончится тем, что он записывает тебя на службу.

Письмо третье *). (Описание жизни в морских казармах)... Если попадется унтер-офицер с душой, хорошей для команды, и сознанием дела, то этот человек уже не нравится начальству, и его за малейшую оплошность стараются разжаловать, говорят, что он службы не понимает; так что если кто и был хорошим человеком, то он обязательно должен плохим быть для команды, предателем, и каждую пустяковину должен доносить по начальству. А начальство наказывает в карцер или под винтовку, т.-е. насыплют мешок земли, пуда $1^1/_2$, и надевай на шею и стой,

*) Мы не приводим этого письма целиком, так как в нем повторяется описание тех же неустройств матросской жизни и злоупотреблений и издевательств начальства, что и в двух первых. (*В. М. Величкина*).

воеваний, которые казались им вполне прочными в виду несомненной победы мелкобуржуазной демократической партии. 25 лет спустя, в 1875 г., Маркс указывал на недемократический строй Германии—«абсолютизм, обшитый парламентскими формами». 35 лет спустя, в 1885 г., Энгельс предсказывал переход власти в Германии к мелкобуржуазной демократии при грядущем европейском потрясении. Отсюда вытекает как-раз обратное тому, что хочет доказать Плеханов: если бы Маркс и Энгельс понимали неизбежность сравнительно продолжительного господства демократического строя, то они тем больше значения придавали бы демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в целях упрочения республики, полного уничтожения всех следов абсолютизма и полной расчистки арены для битвы за социализм. Они тем больше осудили бы хвостистов, способных накануне демократического переворота пугать пролетариат возможностью революционно-демократической диктатуры.

Плеханов сам чувствует слабость своей позиции, основанной на кривотолковании «Обращения». Он осторожно оговаривается поэтому, что не претендует своей справкой окончательно исчерпать вопрос,—хотя делает выводы «исчерпывающей» категоричности, не приведя ровно ничего, кроме не относящейся к делу справки, и не попытавшись даже разобрать конкретной постановки вопроса, данной «Вперед». Плеханов старается навязать «Вперед» и желание «критиковать» Маркса, и точку зрения Маха и Авенариуса. Это покушение его вызывает у нас лишь улыбку: должно-быть, плоха позиция Плеханова, если он не может найти себе мишени из действительных утверждений «Вперед» и должен выдумывать мишень из сюжетов, совершенно посторонних и газете «Вперед», и рассматриваемому вопросу. Наконец, Плеханов ссылается еще на одно доказательство, которое ему «кажется неотразимым». На самом деле, это доказательство (письмо Энгельса к Турати от 1894 года) совсем уже из рук вон плохо.

Как видно из плехановского изложения этого письма (к сожалению, Плеханов не приводит письма полностью и не указывает, было ли оно напечатано и где именно), Энгельс должен был доказывать Турати различие между социалистической и мелкобуржуазной революцией. Этим все сказано, т. Плеханов! Турати—итальянский Мильеран, бернштейнианец, которому Джиолити предлагал портфель в своем министерстве. Турати смешивал, очевидно, два переворота самого различного классового содержания. Ту-

не шевелись, да еще винтовку держи на плече. Как постоишь так часа два, то и сам себя не чувствуешь, и невольно подумаешь про себя: для чего человек народился на свет, лучше бы и не жил на свете. Несколько раз думал я о своей жизни настоящей и не могу разъяснить ее. Хоть и скажешь кому-нибудь, то не обращают внимания; только и слышишь: на то и служба, надо служить верой и правдой; начальство говорит, что мы за то получим царство небесное, а я подумал, почему же они-то издеваются над нами и не боятся никакого бога... Служба сделала меня не человеком, а каким-то зверем. Когда я пришел на службу, был тихий и смирный человек, а теперь стал просто расстроенной жизни, потому что не могу сам разъяснить свою жизнь.

В Манчжурии. (От ред. Суждения автора печатаемого нами письма тем более интересны, что высказаны они солдатом, далеким от всякой революционной заразы,—«патриотом», который серьезно думает о возможности победы царских войск во внешней войне).

Вы спрашиваете: «Что за несчастье, что нас так сильно бьют?» Да, это вопрос, который все задают, и ни один корреспондент сколько-нибудь верно не определяет причины. Скажите, где им, находясь за десять тысяч верст, писать о причинах наших неудач? Только бумагу марают, и досадно становится, что даже здесь истинные причины стараются затемнять. Вы бы попросили ваших корреспондентов приехать к нам и хоть в одном бою быть под огнем! Тогда можно было бы сколько-нибудь верить им. Если бы вы видели, что делалось в Мукденском бою! Чудеса храбрости выказывали некоторые полки, и эти полки, разбитые на-голову, отступали назад!

Вот вам пример, наш Мокшанский полк. Самый сильный бой был 24—25 февраля. Наш полк был тогда под деревней Тучандзы. Вправо от этой деревни есть холмистое место с деревней, в которой, как обыкновенно в китайских деревнях, толстые глинобитные стенки, фанзы и ограды.

Рано утром 25-го февраля японцы, видя, что у нас значительные пехотные силы без одного орудия, быстро выстроили три батареи (24 орудия) на расстоянии полуверсты от нас. Пехоты по количеству было у них столько же, сколько у нас. Наш командир полка потребовал хоть одну батарею артиллерии и хотел броситься в штыки. Вы бы посмотрели, какая великолепная позиция была для нашей артиллерии в деревне, которая на холме. Будьте уверены, что если бы в свое время была доставлена на эту позицию хоть одна наша батарея,—наш полк разбил бы этих японцев так великолепно, что мы бы забрали все ихние 28 орудий. Но начальник дивизии генерал Артамонов отказал в выдаче хоть одной ботареи. Когда японцы убедились, что у нас артиллерии совсем нет, они заняли этот холм и начали стрелять залпами; от каждого залпа у нас выбывали сотни людей. Мы бросились в штыки, отбили два орудия, и японцы отступили со своей артиллерией.

Наш командир полка опять посылает за артиллерией, но лошадь ординарца по дороге убили, ординарца ранили, и донесение не доходит, а дивизионный и все другие генералы изволят быть за десять верст от боя! Командир полка руки ломает, бесится, ругается, кричит: «Дайте мне дивизионного, я его зарублю. Что за измена! Чего он артиллерии не дает!!». Когда от полка осталось человек полтораста, он приказал спасаться кто куда может. Вы думаете, что у нас не было свободной артиллерии? Нет, была, только, по расчетам дивизионного, находившегося за десять верст, не надо было посылать ее нам.

Вы легко можете заметить по этому примеру, что вся вина—бездарность, трусость, полнейшая негодность наших генералов. И так всюду! Нигде вы не увидите, за единичными исключениями, ни одного генерала в бою под огнем, а в газетах можете постоянно читать, что такие-то генералы награждаются за отличие в боях!

Вторая крупная причина поражений та, что мы воюем во враждебной стране, среди враждебного нам народа. Имеем мы дело с активным неприятелем—японцами, и с пассивным—китайцами. Этого последнего неприятеля мы сами себе нажили. Мы их разоряли, грабили, ни за что ни копейки не платили, били их и обижали женщин; разумеется, им больше ничего не оставалось, как бежать в шайки хунхузов.

Китайцы во время боя всегда сигнализируют японцам; борьба с китайцами невозможна, пока мы не станем платить за все, как следует, и относиться с уважением к мирному населению.

Советы консервативной буржуазии [2]). [Несколько недель тому назад, состоялся в Москве второй съезд земцев]. Русским газетам не позволяют напечатать ни слова об этом съезде. Английские газеты сообщают целый ряд деталей со слов очевидцев, присутствовавших на съезде и передающих по телеграфу не только его решения, но и содержание речей представителей разных оттенков. Суть решений 132-х земских представителей сводится к принятию как-раз той программы конституции, которую опубликовал г. Струве, и которую мы раз[обрали в № 18 «Вперед» («Политические софизмы»)]. Эта программа [предполагает]

рати воображал, что он будет проводить интересы господства пролетариата, а Энгельс разъяснял ему, что при данной ситуации в Италии 1894 года (т.-е. несколько десятилетий спустя после подъема Италии на «первую ступень», после завоевания политической свободы, позволившей пролетариату открыто, широко и самостоятельно организоваться!) он, Турати, в министерстве победившей мелкобуржуазной партии будет отстаивать и проводить на деле интересы чужого класса, мелкой буржуазии. Мы имеем, след., перед собой один из случаев мильеранизма; против смешения мильеранизма с демократической диктатурой «Вперед» прямо восстал и к доводам «Вперед» Плеханов даже не прикоснулся. Мы имеем перед собой характерный пример того ложного положения, от которого Энгельс давно предостерегал вождей крайних партий, именно когда они не понимают истинного характера переворота и бессознательно проводят интересы «чужого» класса. Ради всего святого, тов. Плеханов, неужели это имеет хоть какое-нибудь отношение к вопросу, возбужденному Мартыновым и разобранному «Вперед»? Неужели опасность смешения второй и третьей ступеней людьми, поднявшимися на первую ступень, может служить оправданием того, чтобы нас перед подъемом на первую ступень пугали перспективой возможного подъема на две ступени сразу??

Нет, «небольшая историческая справка» Плеханова ровнехонько ничего не доказывает. Его принципиальный вывод: «участвовать в революционном правительстве вместе с представителями мелкой буржуазии значит изменять пролетариату»—нисколько не подтверждается ссылками на те ситуации, которые имели место в Германии 1850 и Италии 1894 гг., и которые радикально отличаются от русской в январе и в мае 1905 года. Эти ссылки ничего не дают по вопросу о демократической диктатуре и временном революционном правительстве. А если Плеханов хочет применять свой вывод к этому вопросу, если он всякое участие пролетариата в революционном правительстве при борьбе за республику, при демократическом перевороте, считает принципиально недопустимым, то мы беремся доказать ему, что это есть «принцип» анархизма, самым недвусмысленным образом осужденный Энгельсом. Это доказательство мы приведем в следующей статье.

(Н. Ленин).

двухпалатную систему народного представительства [с сохранением] монархии. Верхняя палата—из делегатов земств и дум, нижняя выбрана всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Наши легальные газеты, вынужденные хранить молчание о съезде, начали уже печатать подробные сведения об этой программе, и разбор ее приобретает теперь поэтому особенно важное значение.

Что касается самого земского съезда, то нам, вероятно, придется еще не раз возвращаться к нему. Пока сообщим лишь, на основании английских газет, особенно интересное событие на этом съезде: расхождение или раскол между «либеральной», или оппортунистической, или шиповской и «радикальной» партией. Расхождение произошло из-за всеобщего избирательного права, которого первая партия не хочет. В воскресенье 7-го мая (24-го апреля) обнаружилось, что 52 члена съезда идут за Шиповым и готовы, в случае признания всеобщего избирательного права, уйти со съезда. В понедельник около двадцати из них вотировали вместе с большинством за всеобщее избирательное право. Затем единогласно была принята резолюция о созыве учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, при чем значительное большинство высказалось, кроме того, за прямое избирательное право и за отсутствие (в учред. собрании) представителей от дум и земств. Итак, шиповцы п о к а побеждены на съезде земцев. Большинство пришло к тому выводу, что сохранение монархии и предотвращение революции возможно лишь путем дарования всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, обезвреженного непрямыми и неравными выборами в одну из двух палат.

Чрезвычайно поучительна оценка этого съезда и этого решения со стороны английской консервативной буржуазии. «Для нас, иностранцев,—пишет «Таймс»,—совершенно невозможно оценить политическое значение этого замечательного съезда, пока мы не узнаем из достоверных источников, в какой мере располагает он поддержкой среди широкой массы русского народа. Съезд этот может означать начало настоящего конституционного преобразования; он может быть первой ступенью по дороге к революции; он может быть простым фейерверком, к которому бюрократия отнеслась терпимо, зная, что он сгорит без всякого вреда для нее».

Замечательно верная характеристика! Действительно, дальнейший ход русской революции еще далеко не определяется таким событием, как этот съезд. «Поддержка широкой массы народа» [стоит] еще [под] знак[ом] вопроса, не [в смысле самого факта поддержки со стороны] народа (его поддержка несомненна), сколько [в смысле] силы этой поддержки. Если правительство победит восстание, тогда либеральный съезд окажется именно простым фейерверком. И умеренные европейские либералы советуют, разумеется, золотую середину: конституцию, которая бы предотвратила революцию. Но правительственная растерянность внушает им опасения и недовольство. Запрещение оглашать решения съезда кажется «Таймсу» странным, ибо разъехавшиеся по своим уездам делегаты имеют все средства оповестить все русское общество о своих решениях. «Совершенно запретить съезд, арестовать съехавшихся земцев, воспользоваться их съездом, как предлогом для кажущейся реформы,—все такие меры правительства были бы понятны. Но позволить земцам съехаться и разъехаться, а затем пытаться замолчать их решения,—это уже просто глупо».

Глупость царского правительства, свидетельствующая о его растерянности и о его бессилии (ибо растерянность в революционный момент есть именно вернейший признак бессилия), внушает серьезную печаль европейскому капиталу («Таймс»—орган Сити, солидных финансовых тузов богатейшего города в мире). Эта растерянность увеличивает вероятность настоящей, победоносной, все сметающей на своем пути революции, которая внушает ужас европейской буржуазии. Она бранит самодержавие за растерянность, либералов—за «неумеренность» требований! «В каких-нибудь пять дней,—возмущается «Таймс»,—переменить свои взгляды и принять крайние решения (всеобщее избирательное право), и притом по такому вопросу, по которому самые опытные законодательные собрания Европы поколебались бы высказаться в течение целой сессии». Европейский капитал советует русскому брать с него пример. Мы не сомневаемся, что этот совет будет услышан, но едва ли раньше как после о г р а н и ч е н и я самодержавия. Против абсолютизма европейская буржуазия выступала в свое время еще более «неумеренно», еще более революционно, чем русская. «Неуступчивость» русского самодержавия и неумеренность русского либерализма зависят не от их неопытности, как это следует из постановки вопроса «Таймсом», а от условий, вне их воли лежащих, от ситуации международной, от внешней политики, а всего более от того наследства русской истории, которое приперло к стене самодержавие и накопило невиданные в Западной Европе противоречия и конфликты под его сенью. Пресловутая прочность и сила русского царизма в прошлом необходимо обусловливает силу революционного натиска на него. Это очень неприятно всем постепеновцам и оппортунистам, это внушает страх даже многим социал-демократам из лагеря хвостистов, но это—факт.

«Таймс» оплакивает поражение Шипова. Всего в ноябре еще он был признанным главой партии реформы! а теперь... вот как быстро пожирает революция своих собственных детей». Бедный Шипов! И потерпеть поражение и получить прозвище исчадия революции,—какова несправедливость судьбы! «Радикалы», провалившие Шипова на съезде земцев вызывают негодование «Таймса». Они,—в ужасе кричит «Таймс»,—держатся теоретических принципов французского конвента. Доктрина равенства и равноправия всех граждан, суверенности народа и проч. «оказалась, как показали уже события, одной из самых, может-быть, зловредных среди всех измышлений гибельной софистики, которую Жан-Жак Руссо завещал человечеству». «Это—[главный] краеугольный камень, корень якобинизма, одно уже присутствие [которого имеет роковое значение] для преуспевания справедливой и целебной реформы».

Оппортунисты либерализма трогательно обнимаются с оппортунистами социал-демократии в своем [пристрастии] к употреблению этого пугала «якобинизма». В эпоху демократической революции пугать якобинизмом могут только безнадежные реакционеры или безнадежные [филистеры].

(*Н. Ленин*).

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Иваново-Вознесенск. Великий праздник труда был здесь отмечен массовкой рабочих. После полудня стали собираться в лесу. Предполагалось, что на массовке будет до 500 чел., так как организованных рабочих даже больше, но вследствие многих препятствий, о которых я отчасти упомяну ниже, на место массовки прибыло лишь до 200 человек. Настроение бодрое и, если можно так выразиться, праздничнo-боевое. Рабочие чувствовали и выражали, что этот день—праздник труда, праздник свободы, праздник социализма. Всеми подчеркивалось, что с ними вместе празднует этот день весь рабочий народ, населяющий земной шар, что этот день есть торжество организованного пролетариата. Естественно и то, что приподнятое настроение было создано атмосферой нарастающей революционной борьбы, охватившей все классы. На массовке выступили два оратора. Первый изложил значение первого мая для пролетариата, назвал его днем организации, сплочения пролетариата, смотром его сил; врагам пролетариата, капиталистам и царизму, этот день напоминает о близком и неминуемом смертном часе. Для пролетариата 1-е мая—праздник свободы, для капиталистов—тяжелая угроза. Исходя из идеи о классовой борьбе и социальной революции, оратор коснулся современных событий и, между прочим, выяснил разницу между требованием земского собора со стороны либералов и требованием учредительного собрания со стороны пролетариата. Речь была закончена выяснением роли Р.С.-Д.Р. Партии, как передового борца за интересы пролетариата. Второй оратор коснулся по преимуществу последних событий во всей России, и в частности в Иванове. Изложу последние. Ивановская опричина дрожа за первое мая, чтобы отвратить угрозу от своей головы, пустила в ход свой излюбленный провокаторский метод. Полиция усиленно распускала слухи, что на 1-е мая ожидают избиения евреев (их тут всего несколько семейств), что рабочие собираются поджечь го-

род со всех сторон, что рабочие вместе с учащимися будут разбивать лавки и прочее, на что способна изобретательность наших политиканов Держиморд. К сожалению, эти слухи произвели свое действие, и население пребывало в большом страхе. Говорят даже, что лавочники вооружались. Оратор коснулся этих событий и разъяснил рабочим, зачем это делается и кем делается. Когда оратор обратился к рабочим с вопросом: собирались ли они бить евреев, поджигать дома,—те, конечно, отвечали на это негодующими криками. Оратор далее проводил мысль, что пролетариат сам себя освободит, в противоположность мнению либералов, что они действуют за народ, который «ждет и просит у них помощи». Когда оратор коснулся петербургских событий, рабочие почтили память павших в борьбе за дело пролетариата товарищей. Массовка закончилась принятием следующей резолюции:

«Празднуя 1-е мая, мы, иваново-вознесенские рабочие, выражаем свою солидарность с пролетариями всех стран в борьбе за социальную революцию.

Да здравствует социализм, который выведет нас из омута нищеты, унижений, невежества на широкую дорогу к светлой человеческой жизни. Тогда все фабрики и машины, созданные руками рабочего класса, и земля перейдут в общую собственность. Тогда все человечество будет трудиться на общую пользу, а не на кучку капиталистов. Тогда не будет стоять перед нами и тысячами наших товарищей призрак безработицы и голодной смерти на улице. Мы, чьими руками создается все необходимое для человечества, не будем ходить и униженно, из милости просить работу. Мы знаем, что захватить орудия производства нам удастся только тогда, когда пролетарские массы станут сознательными, когда объединятся в одну могучую партию; мы видим хорошо, что не сможем достигнуть этого, пока не будет политической свободы,—свободы устраивать стачки, собираться, говорить, писать правду, соединяться в союзы и т. д. Та кровь, которую пролило и проливает царское правительство за малейшую попытку со стороны рабочего класса добиться лучшей жизни, убеждает нас еще и еще раз, что интересы самодержавия и рабочих несовместимы, что политической свободы мы добьемся только тогда, когда будет низвергнуто самодержавие и созвано учредительное собрание на основе всеобщего, тайного, прямого и равного для всех избирательного права. Долой же упивающееся народной кровью преступное самодержавие! Да здравствует всенародное учредительное собрание, да здравствует 8-часовой рабочий день! Мы требуем немедленного прекращения ненужной народу войны, затеянной придворной и правительственной шайкой из-за своих алчных интересов и в угоду кучке капиталистов. Долой войну, убившую и искалечившую сотни тысяч наших братьев, оставивших на произвол судьбы свои семьи, сирот-детей.

Мы требуем немедленного освобождения измученных царским правительством наших товарищей из тюрем и ссылки. Мы требуем прекращения всех политических дел. Довольно подставлять спины под нагайки царских башибузуков, довольно выходить на улицу с голыми руками и подставлять открытую грудь под царский свинец! Да здравствует немедленное вооружение народа для восстания! Да здравствует российская революция! Слава и честь товарищам, погибшим в бою за свободу! Вечная славная память петербургским товарищам, зверски расстрелянным царским правительством 9-го января!

«На́ бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!»

Вперед, товарищи, на борьбу под знаменем нашего передового бойца, авангарда пролетариата, Российской Соц.-Демократической Рабочей Партии!»

Северный Комитет.

Тула. (Сообщено Комитетом). Маевка состоялась в субботу, в ночь под первое мая. Было решено расходиться только в том случае, если приедет несколько десятков казаков. Но их было не больше десятка, и держались они в отдалении. Празднество открылось приветствием рабочим от Тульского Комитета. Вот оно дословно. «От Тульского Комитета Р.С.-Д.Р.П. ко всем товарищам рабочим г. Тулы. Братский привет вам, товарищи, и братское поздравление с нашим светлым праздником—днем 1-го мая! В этот день мы празднуем свое пробуждение от рабского, позорного сна; в этот день мы даем друг-другу святую клятву непоколебимо бороться за свое освобождение от цепей самодержавия и капитала. Борьба началась. В этот святой для нас день повторим нашу клятву, повторим слова наших погибших петербургских товарищей: «Свобода или смерть». Братский привет вам, товарищи!»

После приветствия раздались крики «Долой самодержавие!». Начались речи, касающиеся 1-го мая и современного положения России. Очень хорошую речь сказал один рабочий о комиссии Шидловского. Всего выступало 4 оратора. Декламировались стихотворения. Затем Комитетом предложена резолюция, которая принята единогласно. Вот она: «Товарищи! Не первый год мы встречаем под знаменами социал-демократии 1-е мая, не первый год мы даем друг-другу клятву бороться за свое освобождение, но никогда еще мы не встречали этого дня в такое боевое время. Да, товарищи, пришел желанный день. Рабочий класс всей России выступил уже на активную борьбу с самодержавием: близок день его падения, близок день нашей победы. И в светлый день 1-го мая мы, тульские рабочие, принимаем следующую резолюцию: «Признавая 1) важность переживаемого нами исторического момента, когда русско-японская война ясно показала всей России и всему миру всю гнилость, ненужность и вред самодержавия и вызвала всеобщее недовольство им; признавая 2) настоящий момент,—момент растерянности правительства,—наиболее удобным для борьбы с ним за освобождение как русского рабочего класса, так и всего русского народа; признавая 3) настоятельную необходимость заранее обдуманной, планомерной борьбы, одновременной по возможности во всех городах нашей страны,—борьбы, конец которой на первый случай может быть положен лишь созывом учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права; признавая 4) необходимость вооружения рабочих для нанесения решительного удара самодержавию; 5) признавая за рабочими г. Петербурга почетное звание предводителей народного восстания, принадлежащее им по праву,—оно освящено их кровью 9-го января этого года, оно оправдано их стойкостью в комиссии Шидловского,—мы, тульские рабочие, единогласно высказываемся за непримиримую, решительную, вооруженную и планомерную борьбу с самодержавием. Именно в настоящее время мы, тульские рабочие, по первому сигналу нашего главного и заслуженного центра—Петербурга объявим всеобщую забастовку на наших заводах, и, как брат поддерживает родного брата, мы поддержим всем для нас возможным наших братьев—петербургских рабочих. В заключение мы, тульские рабочие, приглашаем рабочих всех других городов присоединиться к нашей резолюции и для успеха дорогого для всех нас дела выступить на открытую борьбу с нашим общим врагом—самодержавием,—борьбу упорную, кровавую и планомерную. Долой самодержавие! Да здравствует народное восстание! Да здравствует революция!»

Ростов. Был ряд забастовок, носивших большей частью стихийный характер. Требования почти исключительно экономические. Первыми забастовали грузчики, потом матросы барж и кочегары. Грузчики совершенно неорганизованы, и связей с ними у местного комитета не имеется, но они сумели все-таки сами организоваться для выработки требований, которые и были удовлетворены через 3 дня; но так как в это время бастовали уже матросы, то и грузчики не принимались за работу. Общие требования всех судовых рабочих состояли в следующем:

1) Увеличение числа судовых рабочих, так как при том ограниченном составе, какой сейчас, рабочие не имеют времени пообедать и даже позавтракать, торопясь закончить в определенный минимальный срок перегрузку в таганрогском рейде на иностранные суда;

2) расчет производить не за каждый рейс (или сходку), как это было ранее, именно по 1 р. 50 к. и 2 р., а с каждой четверти по 5 коп., кроме получаемого жалованья 12—14 р. в месяц;

3) обязать судохозяев лечить заболевшего на свой счет,

а при полной инвалидности—обеспечить средствами к существованию; по выздоровлении же предоставить снова работу и уплатить по расчету за время болезни,

и 4) если же хлеб будет грузиться не на таганрогском рейде, а на керченском, то плату удвоить.

Повидимому и матросы, подобно грузчикам, будут удовлетворены. 2-го мая с самого утра приказчики потребовали закрытия всех магазинов. Но в 10 час. явился полицмейстер и велел открыть магазины. Представители забастовавших приказчиков обратились к градоначальнику с просьбой разрешить им устроить общее собрание для выработки требований улучшения их положения. Градоначальник обещал. В 8 час. вечера группа приказчиков стала ходить по магазинам с листом, в котором хозяева давали подписку закрывать торговлю после 8 часов. При этом не обошлось без курьезов: где хозяева не давали такой подписки, другие приказчики врывались в 8 ч. вечера и требовали закрыть магазин. Хозяин звал городового, и когда тот являлся, бунтарей, конечно, уже не было, а городовой обрушивался на самого хозяина. Большинство торговцев подписало, однако, требование открывать магазины в 7 ч. и закрывать в 8 час. 2-го же мая бросили работу и пекари. Хотя среди них и велась кое-какая агитация, но самая стачка возникла тоже стихийно, так как они по большей части совершенно неорганизованы. Сущность их требований состоит в следующем:

1) работа должна производиться в три смены в течение суток, вместо практикуемой двухсменной (а у некоторых хозяев—и в одну смену; 2) отвод спальных помещений отдельно от рабочих комнат, так как во многих пекарнях спят в тех же комнатах, где замешивают хлеб. Если же хозяин не может дать отдельных и изолированных от хлебопекарень спален, то обязан выдавать квартирные: семейному—пять руб., а холостому—три рубля; 3) увеличение помесячной платы пекарю и его сподручному.

Потом были присоединены еще требования введения расчетных книжек и освобождения от уплаты ежегодного рублевого взноса в ремесленную управу. Через три дня почти все требования были удовлетворены. Позавчера забастовали рабочие ст. Тихорецкой и собрались выехать в Ростов. Их не пустили на поезда; говорят, что они идут в Ростов пешком. А вчера прекратили работу рабочие железнодорожные. Теперь ожидают всеобщей забастовки.

(*В. Величкина*).

Ростов-на-Дону (7-го мая). Стачка судовых рабочих продолжается. 4-го мая началась стачка рабочих мастерских Владикавказской железной дороги, и нельзя сказать, чтобы эта стачка протекала успешно. Рабочие предъявили требования, которые уже были предъявлены после январских событий. Тогда эти требования не были удовлетворены, и теперь администрация дороги, надеясь на трудное экономическое положение рабочих, не делает никаких уступок, если не считать согласия, чтобы врач во время работ все время находился в мастерских. Все усилия полиции сосредоточиваются на том, чтобы потушить стачку, не дать ей перекинуться на город. И кажется, полиция имеет успех. Комитет страшно слаб, и об его влиянии не может быть речи. Периферия ропщет. Хотя и говорят местные работники, что у них много кружков, что великолепно идут агитационные собрания, но на самом деле имеется только один хороший агитатор.

Замечательно, что в то время, как руководители уверяют (за очень редкими исключениями), что стачка носит мирный экономический характер, что рабочие не хотят слушать о политике, сами рабочие говорят, что они только о политике и говорят, только о ней и будут охотно слушать интеллигентов.

Одесса. Бастует весь город. Кроме общего призывного листка, были распространены за время стачки (3—6-го мая) 8 листков к отдельным заводам. Всюду, где есть движение, руководство наше. Наши ораторы говорили (в Дальницком районе) у заводов; консервного, механического Мюльнер, цементного, Арбса. С меньшевиками сталкиваться не приходится, так как на Дальнике их не видно; только у консервного завода после ухода нашего оратора выступил интеллигент-меньшевик. Тут вмешались хулиганы, подговоренные полицией, и начали драку; кроме оратора-интеллигента, избиты один рабочий и один шпик. По всем заводским улицам замечается волнение, собираются группами в 25—50 человек и толкуют о забастовке. На сахарном заводе Бродского уже 3-го мая арестовано трое; завод охраняется эскадроном драгун и 400 пехотных солдат; офицеры пьянствуют в конторе за счет завода, а солдаты получают от Бродского по 60 коп. в день. Интересно начало забастовки на кожевенном заводе. Сначала бастовать не хотели, но 4-го мая на стену взобрались 18 человек, из них один с мешком; он крикнул: «У меня в мешке бомбы, сейчас их брошу»,—и рабочие завода, оставив тотчас работу, пошли останавливать другие заводы.

4-го мая положение обострилось. Конница окружила трактиры «Ялта» и «Коммерческий», полиция ворвалась внутрь и началось избиение. Рабочие защищались: ранили городовых и избили надзирателя. Одному рабочему надзиратель шашкой рассек голову. На улице видели двух извозчиков с арестованными: городовые держали их за шею, прижав лицом к пролетке; потом провезли еще 5 человек окровавленных; в больнице лежат четверо избитых; полиция выводила рабочих из трактира по одному человеку и затем била. Некоторое время по приказанию полиции все ворота на Прохоровской ул. были закрыты дворниками. У солдат настроение хорошее; на усмирение и для того, чтобы разгонять, посылают исключительно казаков да недавно присланных драгун. Характерна следующая сцена. Кожевники «сняли» маслобойщиков. Подъехали драгуны. Рядом казармы запасных. Солдаты заявили драгунам: «Если вы будете бить рабочих, то мы вступимся за них, у нас в казармах есть штыки!».

Настроение на всех заводах приподнятое. Люди рвутся на улицу. Рабочие, даже несознательные, говорят: «Эх, если бы оружие! Где комитет с оружием? Пусть бы вооружал!».

Одесса. У нас сейчас горячее время: со 2—5-го мая идет забастовка. В городском районе бастовала масса ремесленников, бастуют еще и сейчас, но все же в этом районе можно считать, что забастовка пошла на убыль, зато в заводских районах настроение очень повысилось. На Пересыпи полностью или частично бастуют большинство заводов. В Дальницком районе бастуют сахарный завод Бродского, цементный, кожевенный, консервный, Мюльнер, Арбса, газовый Левина, химический Бродского, маслобойный Ген, завод Аркуса, суконный, мельница Имбер, химический завод Шестопалова, металлический Шифмана, завод земледельческих орудий Шель, ваксельный. Эта стачка показала, как много крика и шума у здешней «Группы», и как плоха работа. Проводя стачки на Пересыпи, члены комитетской организации совсем и не встречаются с работниками из Группы.

На Дальнике члены комитетской организации ведут стачечное движение на 16 из 22 дальницких заводов и ни разу не встречались с работниками из Группы; наши утверждают, что в Дальнике у Группы ровно ничего нет. На вокзале у них связей больше нашего, но для забастовки они ничего не сумели сделать, и за последние дни их рабочие стали появляться на комитетских сходках вокзала. В городе, конечно, с ними часто встречались, но и там тактика их вызывает сильный ропот.

Курск. Перед пасхой настроение рабочих было приподнятое. Движение среди парикмахеров и мастериц было очень сильное, несмотря на неудавшиеся забастовки на свечном заводе и у заготовщиков обуви. Стачка заготовщиков окончилась высылкой заготовщиков-евреев из города. Вообще в Курске при 2.000 рабочих и ремесленников, при отсутствии крупных фабрик и мастерских самостоятельное движение пока значения не имеет. В настоящее время можно рассчитывать, что курские рабочие поддержат всеобщую забастовку в Петербурге, если таковая будет, и организация работает в этом направлении, разъясняя в кружках и на массовках значение всеобщих забастовок. Массовых собраний было два—19-го апреля и 1-го мая; рабочих от 35 до 40 человек и 40 учащихся. 1-го мая многие рабочие не были на собрании; они вернулись, так как недалеко от места собрания были городовые. Работа в кружках с наступлением весны оживилась. Рабочих, связанных с организацией, считаем около 120 человек.

Тверь. (Из отчета Тверского Комитета к III съезду партии). Постоянным районом деятельности Тверского Комитета является 30-тысячное фабрично-заводское население Твери и почти весь Тверской уезд; вынесение работы за пределы города в деревню объясняется промышленным характером населения уезда и тесною связью местных фабрично-заводских рабочих с деревней.

Больше половины тверских фабрично-заводских рабочих суть жители окрестных деревень, а все крестьянское население уезда балансирует свой бюджет заработком фабричных и всяких промышленных работников. Однако, промышленный характер здешних крестьян отнюдь не определяет собою их более или менее значительного культурного уровня. Грамотных довольно много. И среди фабрично-заводских рабочих их больше, чем в деревне. Но эта грамотность лишь в редких случаях дает больше нежели возможность читать лубочную литературу. Дело, повидимому, в том, что из здешнего крестьянства рекрутируют работников, главным образом, производства, которые не требуют ничего, кроме простой физической силы. И какой-нибудь извозчик, плотник, маляр или мануфактурный рабочий, прожив несколько лет в городе, обычно не привозит с собой ничего в деревню, чем бы мог освежить идейную атмосферу своих односельчан. Квалифицированный же работник обыкновенно уже не является в деревню, работая в столицах и становясь профессионалом.

Общие условия фабричного труда в Твери почти ничем не отличаются от тех, которые столь характерны для всего московского промышленного района. Отчеты фабричных инспекторов, при всей своей официальности, систематически, начиная с Янжула и до наших дней, констатируют крайне низкую заработную плату, отвратительное санитарное состояние фабрик и рабочих жилищ, существование расплаты товаром, усиленную эксплоатацию детского труда. Здесь необходимо отметить только образование контингента постоянных рабочих на здешних фабриках и заводах. Лет пять назад годичное производство на тверских фабриках резко разделялось на два сезона, расширяясь зимой и сокращаясь летом, соответственно ходу сельскохозяйственных работ; оно занимало, главным образом, пожилых крестьян-домохозяев, нуждающихся в подспорье для своего хозяйства.

Чисто-деревенский уровень потребностей у таких рабочих, их замечательный талант улаживать в пользу фабриканта все недоразумения своей покорностью и «буханьем» в ноги были в высокой степени неблагоприятны для каких-либо боевых начинаний. Стачки этого периода начинались небольшой группой рабочих, естественно, сопровождались дракой, штрейкбрехерством, разрушением машин и прочими признаками стихийного движения.

Теперь настоящие «хозяева» работают на фабриках лишь в качестве исключения, и прорехи крестьянского хозяйства пополняются фабричным заработком молодежи, выделенной для этой цели почти из каждого семейства. Трудовую связь с деревней эти рабочие уже порвали. Зависимость от постороннего заработка и прикрепленность к земле крестьян, с одной стороны, и чисто-фабричная жизненная обстановка тверских рабочих, вместе с необходимостью для них заботиться о деревне, — с другой, создают чрезвычайно сложную психологию среды, где приходится действовать Комитету. Несомненно, что это будет психология переходного момента, психология периода широкой пролетаризации крестьянства. Крестьянин—в деревне и крестьянин—в городе (он же рабочий),—где найти разграничительную линию, когда эти типы постоянно сливаются? Затем большинство здешних рабочих почти еженедельно посещают деревню и вообще очень часто видятся со своими родичами. Все, что навевает на рабочего атмосфера фабричной и городской жизни с ее беспокойной нервозностью, до запаса революционных идей и прокламаций включительно,—все это делается и достоянием деревни.

В области своих желаний крестьянин и рабочий совершенно сходятся: они одинаково заинтересованы в благосостоянии друг-друга, тесная хозяйственная связь заставляет их понимать свои нужды, как общие.

Характерно, что жалобы на мотив: «землицы бы» слышатся здесь довольно редко. Правда, крестьяне чувствуют сильнейшее тяготение к казенным лесам. Но, как это удается установить, казенные леса они намереваются срубить на продажу. Из аграрных мотивов нужно отметить постоянные жалобы на отрезки и чересполосицу, на отсутствие свободы распоряжаться землей. Податное бремя для здешних крестьян непосильно тяжело и сейчас, например, не найдешь ни одного двора во многих деревнях, где бы не были описаны какие-нибудь предметы домашнего инвентаря. Такова среда.

Организационная работа. Низкий культурный уровень здешних крестьян и рабочих является немалым препятствием для организаторской работы.

Конечно, эти и другие препятствия не настолько непреодолимы, чтобы сделать невозможной организаторскую работу. На всех здешних фабриках и заводах удалось устроить вполне прочные рабочие организации, пустившие довольно глубокие корни в широких массах. Одним из характерных признаков последнего является возможность распространять еженедельно по рукам не менее 300 листков. Около 300 человек наших организованных, будучи рассеяны в широких массах рабочих, постоянно ведут, как это удается установить, агитацию по поводу всех текущих событий. И хотя часто сетуют на недостаточную подготовленность, тем не менее считают долгом всякий раз пустить в оборот весь свой социал-демократический капитал. О политиках знают теперь все. Перед комиссией Шидловского здесь на фабриках очень деятельно обсуждался вопрос: а что, если соберется общерусская комиссия по рабочему вопросу,—кого послать на защиту интересов тверских рабочих? И вопрос разрешался так: если послать кого-нибудь, кроме «политиков», то посланные будут только соглашаться с мнением начальства, да и вряд ли обнаружат достаточно познаний, чтобы суметь защитить рабочих. Факт характерный: когда рабочие конкретно нуждаются в защите своих интересов, они не находят лучших защитников, чем социал-демократы. Безусловно, симпатии к с.-д. находятся сейчас в процессе усиленного роста; тем не менее общая атмосфера деятельности организованных не представляется достаточно благоприятной. Хотя среди фабрично-заводских рабочих очень мало встретишь чистых «консерваторов», но боязнь бунта и тюрьмы препятствует рабочим высказывать нам свое сочувствие. Нарасхват читаются сейчас наши прокламации, но при этом соблюдается строжайшая конспирация. Увидя лежащий листок, рабочий оглянется по сторонам и, если никто не увидит, берет и скорее прячет в карман, чтобы уже где-нибудь за углом прочитать. Правда, в казармах и на частных квартирах прокламации читаются иногда сообща, но тут обычно бывает более или менее спевшаяся публика. Большая часть местных организованных рабочих—молодежь, состоящая в очень тесных сношениях с деревней. Довольно много и профессиональных рабочих, но они несравненно труднее поддаются организационному воздействию. Объясняется это, повидимому, такими причинами: среди профессионалов много местных мещан-домовладельцев; виноваты, может-быть, также наши организационные приемы: недостаточно интеллигентные и знающие организаторы из деревенских вряд ли могут импонировать почти всегда развитому профессионалу.

Работа в деревне с постоянными деревенскими жителями представляет только то неудобство, что туда далеко ходить. Значит приходится затрачивать много времени, что при недостатке рабочих рук является довольно серьезным препятствием. Связи с деревнями мы получаем через фабричных и высланных рабочих. Рост деревенских организаций происходит несравненно более усиленным темпом, нежели в городе. В деревне действует в этом направлении несколько оригинальный фактор. Фабричная молодежь, по большей части организованная или, по крайней мере, революционно настроенная, приходя на праздник в деревню, является большинством всей деревенской молодежи. Меньшинство должно примкнуть, дабы иметь возможность вместе «гулять». Конспиративные условия в деревне почти не действуют. На праздниках не поется никаких песен, кроме революционных. Прокламации раздаются открыто. Открыто читаются на улице, в избах, на сельских сходах. На праздниках часто устраиваются демонстрации. При этом старики, хотя и заявляют недовольство, но иногда выходят на середину улицы и, снимая шапки, благодарят «ребят» и просят их порадеть за «люд крещеный, а то совсем тесно

стало жить». Сейчас у стариков происходит перемена во взглядах на «политиканов». Раньше они считали это забавой молодежи, теперь начинают смотреть более серьезно.

Общий тип организаций на фабриках и в деревне—это организационные кружки для распространения литературы, собирания на сходки, привлечения новых товарищей. Представители кружков каждого района (город разделен на четыре района, деревня тоже) объединяются районным организаторским собранием, где под руководством комитетского организатора обсуждают свои районные дела, заведуют районной библиотекой, устраивают пропагандистские кружки. Районные организаторы-рабочие собираются в общеорганизаторское собрание вместе со своими комитетскими организаторами и обсуждают совместно вопросы об общей работе в городе и в деревне.

Пропагандистские занятия в Твери и в деревнях в широких размерах ведутся только летом. Недостаток квартир для кружков—вот обстоятельство, мешающее зимой охватить пропагандой более или менее широкий круг рабочих и крестьян. Между тем, потребность в чистой пропаганде здесь в высокой степени настоятельна, в целях успешности организаторской работы, в виду низкого культурного уровня здешнего населения. Летом дела идут несравненно успешнее. Возможность собираться в лесах разрешает квартирный вопрос, и число кружков ограничивается исключительно количеством наличных пропагандистов. В последнее время, когда цифра организованных рабочих возросла настолько, что количество составленных из них кружков превзошло во много раз наличный состав пропагандистов, в пропагандистские кружки берут из организованных кружков только тех, кто подает больше всех надежды. Что касается пропагандистской программы, то за последние полтора года она очень часто менялась, соответственно изменению в составе пропагандистов. Но центром тяжести этих программ почти всегда было объяснение партийной программы. Вопросы злободневного характера занимали обычно в пропагандистских занятиях второстепенное положение. Пропагандисты считали своей задачей прежде всего поставить рабочих на вполне выдержанную теоретическую и организационную позицию, которая служила бы схемой для оценки всех явлений общественной и партийной жизни.

Для освещения вопросов современной действительности комитет очень часто устраивал сходки. Сходки устраиваются: по районам, общие чисто-деревенские в деревнях по будням, сходки деревенские по праздникам из крестьян и рабочих. Обычно темой для речей служит газетный материал за неделю, особенно различные государственные акты, выдающиеся явления общественной и политической жизни. Иногда на сходках вырабатываются резолюции. Здешние сходки состоят, главным образом, из организованных, заменяя для многих отсутствующую систематическую пропаганду.

Между прочим, в этих видах зимой, когда недостаток квартир парализует пропаганду, приходится очень часто говорить и по чисто-теоретическим вопросам. Вопрос о внутрипартийной склоке на сходках в пропагандистских кружках почти не обсуждался.

Ярославль. Рабочий праздник прошел оживленно. Далеко за городом состоялись два массовых собрания с общим числом участников до 600 чел. В горячих речах ораторы выяснили значение майского праздника, говорили о тяжелом положении рабочего класса, указывали, что только с оружием в руках рабочий будет в состоянии сбросить царское иго, ненавистное для всего русского народа.

После речей рабочие двинулись в город с красным знаменем и пением «Марсельезы» и, проходя подгородные деревни, раздавали крестьянам майские листки. Отношение крестьян в общем пассивное. На всем пути только один крестьянин присоединился к рабочим и, шествуя впереди всех, кричал: «Долой войну! Да здравствует крестьянский и рабочий народ!»

Не доходя до города, рабочие мирно разошлись, а прискакавшим вскоре казакам ничего более не оставалось, как удалиться. Зато в самом городе казакам удалось отвести душу на учащихся. Под вечер группа учащихся (студентов, семинаристов и гимназистов) на 30 лодках, разукрашенных красными флагами и лентами, каталась по Волге и стала петь революционные песни. По распоряжению губернатора казенный пароход отчалил от берега, чтобы рассеять учащихся. Но в виду неповоротливости все усилия его оказались безуспешными: пение продолжалось. Тогда был отправлен паровой казенный катер, который, врезавшись в середину лодок, одну из них опрокинул. Возмущенная молодежь высадилась на берег и с красными флагами и пением отправилась по городскому бульвару. Демонстрантов было около 100 человек; гуляющая публика, преимущественно чистая, поспешно улетучилась. Пройдя с полверсты (до ресторана Бутлера), демонстранты увидели себя окруженными казаками; началось дикое избиение, с остервенением, направо и налево, и правого, и виноватого. Некоторые жестоко пострадали.

Недели две назад арестованы студенты лицея Магистров и Торопов и 3 рабочих. Ни у кого ничего не найдено, не предъявлено никаких обвинений. Видимо, обвинение еще только фабрикуется жандармами и сыщиками.

Ломжа. Как ни незначителен наш город с его 20-тысячным населением, тем не менее и его подняла волна повсеместного движения. Всегда тихий, переполненный военщиной и чиновниками, он начал свою политическую жизнь с того, что ученики гимназии примкнули к всеобщей ученической забастовке. Затем в последнее время кругом него произошло несколько незначительных крестьянских волнений, выразившихся в порубке казенного леса. 15-го же апреля он выступил более серьезно. В этот день происходили проводы воинских частей на войну. Местными организациями (ППС и Военной орг. Р.С.-Д.Р.П.) были распространены прокламации к солдатам. Хотя прокламации здесь и не редкость, но на этот раз власти всполошились и бросились «ловить» и «хватать». Нужно заметить, что Ломжа стоит в 14-ти верстах от железной дороги. На шоссе, ведущем к ближайшей станции (Червонный Бор), жандармы арестовали трех велосипедистов (Чернецкого, Супиского и Мейзина; два бывших гимназиста и один варш. студент), у одного из них нашли запечатанный конверт с прокламациями. Не решаясь арестованных вести прямо в город, их повезли сначала на Червонный Бор и потом тайным образом обратно в город, в жандармское управление. Но весть об аресте быстро облетела город, и в то время, когда арестованных везли в тюрьму, постепенно накоплялась большая толпа народа. Она стала нападать на жандармов, везших арестованных, пытаясь освободить последних. В жандармов летели камни, останавливали лошадей и т. п. Но сил было мало, и жандармы успели доехать до тюрьмы, до которой очень близко от жандармского управления. В тот момент, когда арестованных вводили уже в ворота тюрьмы, прибыла еще публика и побила одного жандарма, но освободить арестованных все-таки не удалось. Тогда полетели камни в окна административного корпуса, и было разбито несколько стекол. После нескольких революционных возгласов толпа человек в 400—500 с пением революционных песен направилась в город, останавливая всех идущих по дороге и заставляя снимать шапки. Чиновники и офицеры снимали, но полицмейстер заупрямился; шапка была сбита с него, а его самого немного поучили палкой. На площади были произнесены речи, говорилось о необходимости примкнуть к празднованию первого мая. После того, как демонстранты разошлись, появились войска. Несколько человек арестовано и административным порядком приговорено к аресту до 1 месяца.

К 18-му апреля всюду были усилены патрули; власти были на ногах. В тюрьму поместили полуроту солдат, а кругом ее расставили часовых, так как боялись демонстрации, да и публика после того, как в тюрьме появились политические, стала постоянно толпиться около нее. С другой стороны, как только политические, привезенные в ломжинскую тюрьму из разных мест России, увидали солдат, так тотчас же стали завязывать с ними разговоры, последствием которых было то, что солдат пришлось «отвести в порядке с передовых позиций на задние».

В городе демонстрации не было: ее не решились устроить из боязни большого кровопролития. Но все мастерские и лавки были заперты,—никто не работал. На улицах была масса гуляющих с красными галстуками, шарфами, шляпами и т. д. Вечером было устроено за городом собрание рабочих. Было человек 300—400. 2-го мая началась всеобщая забастовка. Крупных заведений здесь нет, есть лишь ремесленные мастерские, а потому и требования

забастовщиков не имели такого размаха, как в крупных промышленных центрах. Требовали 10-часового рабочего дня, повышения заработной платы и т. п. В некоторых мастерских уже добились уступок. 3-го мая, в годовщину конституции 1793 г., была другая демонстрация. Начали ее «народовцы»: трехтысячная толпа отправилась к месту, на котором поставлен крест в память повстанцев 63 г. Но толпу не пустили. Тогда сторонники ППС решили воспользоваться моментом и подали мысль итти на католическое кладбище, где и были произнесены речи и пелись революционные песни. Большая часть демонстрантов разбежалась, а 213 человек отправлены в тюрьму,—в их числе только одна женщина, ибо остальных женщин мирно пропустили. Из приведенных задержали лишь 72 чел., которых продержали до полудня следующего дня, а когда была произведена окончательная сортировка, то лишь 10 человек по распоряжению губернатора получили от 2-х недель до 1 месяца ареста. Войска продолжают окружать тюрьму, не показываясь, впрочем, на глаза политическим. В городе вывешено объявление, что на основании положения об усиленной охране воспрещается подходить к тюрьме и разговаривать с заключенными под страхом штрафа до 500 руб. или ареста до 3-х месяцев.

Чувствуется, что город ожил. Хорошо, между прочим, то, что рабочие воочию могли убедиться в трусости и нерешительности либералов «народовцев», не сумевших или по своей природе не смогших пойти дальше самых умеренных требований. Жаль только, что и руководители рабочих не смогли вывести этих последних на путь более радикальных требований, например, не 10-ти, а 8-часового рабочего дня и т. д. Так грозный поток надвигающейся революции мало-по-малу захватывает и такие глухие уголки, как Ломжа.

ИЗ ПАРТИИ.

Резолюция III съезда.

«III съезд Р.С.-Д.Р.П. выражает свое негодование по поводу новых убийств народа, организованных преступным правительством 1-го мая в Варшаве и Лодзи, приветствует мужество и решимость братского пролетариата Польши и выражает уверенность в скором наступлении того дня, когда пролетариат всех национальностей России дружно выступит против ненавистного самодержавия и окончательной победой над ним расчистит себе путь для дальнейшей борьбы за социализм».

Резолюция. (—ская тюрьма 24-го марта 1905 г.).

Ознакомившись с первыми 9-ю №№ «Вперед» мы, группа заключенных членов Р.С.-Д.Р.П., приветствуем редакцию, которая выступила так резко и решительно с целью расчистить нависшую над партией тяжелую атмосферу разброда, шатаний и растерянности, с целью выяснить и осветить с точки зрения революционной социал демократии величайшие задачи, поставленные перед нами настоящим политическим моментом. Наши законные ЦУ, создавшие эту атмосферу, доказали свое полное бессилие, свою полную неспособность охватить задачи рабочего класса в настоящий решающий момент, сплотить российскую социал-демократию в политическую силу. Мы приветствуем поэтому решимость БКБ добиться объединения партии немедленным созывом съезда. Пусть «И.» захлебывается от восторга, оценивая многолетнюю деятельность с.-демократии, вызвавшую к политической жизни огромную массу пролетариата (см. № 86, передовица и ст. Розы Люкс.), мы не можем, не должны забывать, что работа партии по отношению к широким массам до сих пор ограничивается революционизированием этих масс, до сих пор партия далеко еще не является политическим их руководителем (единств. заключение — Кавказ). Пусть «И.» беззаботно относится к факту выступления во главе рабочей массы людей, которых случайно вынесет вперед революционная волна,—мы не можем забыть, что во главе рабочего движения 9-го января стал человек с крестом в одной руке и с царским портретом в другой... Пусть «И.» утешается, что рабочие, в конце-концов, придут к нам, к социал-демократии, потому что мы являемся истинными выразителями их классовых интересов,—мы не можем забыть того, что наша Партия необходимо должна немедленно стать во главе рабочих масс, выступив объединенно, как активная, самостоятельная политическая сила. Но все, что встает пред нами, как неумолимые, неотложные требования политической действительности, не существует для наших «законных, идейных и практических руководителей». Все эти требования ЦО заменяет пустыми трескучими фразами о «самодеятельности», о политическом воспитании масс «методом наглядного демонстрирования классовых противоречий». В момент, когда пролетарские массы копили ненависть и силу, чтобы вслед за тем предъявить свой демократический ультиматум самодержавию, наш ЦО вместе с ЦК выступил с проектом направить партийные силы на собрания буржуазии с целью «врезаться в нее клином» и отделить от нее демократическую часть, способную выставить революционные требования. Этот жалкий проект служит самым ясным показателем политической ограниченности наших центров. Рекомендуя свой «высший тип» демонстрации, ЦО упустил из вида, что буржуазная демократия будет действительно поддерживать демократические требования только в том случае, если пролетариат выступит самостоятельно, как достаточно крупная политическая сила, чтобы осуществить эти требования. Этот последний вопрос о самост. тактике пролетариата с Р.С.-Д.Р.П. во главе был поставлен не ЦУ, а тов. Лениным. Плодом еще большей политической мудрости ЦО явилось открытие широкой политической агитации, которую он противопоставил пропагандистской и организационной работе. Это дикое противопоставление до сих пор еще служит препятствием для организации и централизации общеполитической работы партии и организации планомерного руководства местным движением. Это противопоставление вызывает среди местных работников пренебрежительное отношение к организационной работе, ведет к ослаблению организационного влияния на массу, ведет к раздробленности партийной работы, предоставляя «автономному» местному комитету самостоятельно разрешать политические задачи, предоставляя местной организации выступать в качестве политической величины. В результате в настоящий политический момент Партия представляет собою ряд фактически почти ничем не связанных местных организаций. Она не в силах сделать даже попытки предпринять одновременный шаг, который мог бы иметь общеполитическое значение. По отношению к широким массам рабочих партия в действительности играет лишь роль «революционной бациллы,—роль, от которой мы открещивались уж много лет назад. Единственным залогом того, что партия получит, наконец, возможность выступить планомерно, выступить, как крупная революционно-общественная сила, ставши во главе пролетарских масс,—единственным залогом того, что партия выступит, наконец, активно, является для нас энергичная деятельность редакции «Вперед» и БКБ, их ясное понимание и разрешение классовых противоречий и политических задач момента. Товарищи! У нас так мало времени и много работы! Спешите! Революционный период в жизни России уже наступил! Вы не можете уступить свое место другим! Вы должны стать во главе борющегося рабочего класса, указать ему формы и средства борьбы. Запертые за железной решеткой, мы восторженно прислушиваемся к пробуждению политической жизни нашей родины, невиданному росту сознания и силы рабочего класса. Объедините же, товарищи, ту силу солидарности, которую так могуче проявил уже российский пролетариат, влейте в него ту силу революционного убеждения, которая превращает массу в армию героев, и тогда он в прах развеет твердыню проклятого царского самодержавия! Тогда он добьется демократической республики.

Да здравствует революция! Да здравствует Р.С.-Д.Р.П.!

(Следует 13 подписей).

Поступило в ред. «Вперед» и передано в ЦК. На нужды восстания из Балтиморы: по подписному листу № 416—55 цент., по л. № 417—17 дол., по л. № 422—1 дол. 30 ц., в пользу жертв русск. революции из Балтиморы же: по подп. л. № 409—10 дол. 15 ц., № 410— 1 дол. 25 ц.

Поступило в кассу ЦК. От Bern Hilfscom z. Unterst. d. Opfern d. russ Volksbew. 604 fr. 12 cnts.

Das russische Hilfskomitee zu Bern, welches aus Vertretern verschiedener politischer Organisationen gebildet wurde, bestätigt hiermit den Empfang von 3049 fr. samt 11.40 fr. Zinsen, die ihm von Berner Komitee zur Unterstützung der Opfer der russischen Volksbewegung übermittelt worden sind. Gleichzeitig erlauben wir uns sowohl diesem Komitee als auch allen Spendern für diese materielle und, was uns noch viel wichtiger erscheint, für die moralische Unterstützung der freiheitlichen Bestrebungen in Russland, unsren wärmsten Dank auszusprechen. Die gesammelten Gelder werden zweck-und bestimmungsgemäss von den im Hilfskomitee vertretenen Organisationen verwendet. Zugleich bestätigt das Hilfskomitee den Empfang und die bestimmungsgemässe Vertheilung der von der Arbeiterunion erhaltenen 161,60 fr.

Das russische Hilfskomitee zu Bern.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Мальцеву. Письмо получено. Выслано. Давиду. Na получен. Послано другим способом. Рейнский. Оба письма получили, но шифра не разобрали. Лоло. Получено только одно письмо, а не 7, верно, путаете адрес. Поповичу. Письмо получено, пишите. У. Н. Письмо и деньги получены, будет исполнено.

Примечания.

Прим. 1. Редакционные поправки сделаны тов. Воровским.
Прим. 2. Тоже.

Факсимиле тов. Ленина
(См. примечание в № 9 „Вперед“).

LE PROLETAIRE

Prix: 30 cts.

ЖЕНЕВА. 9 боля (27 мая) 1905 года.

№ 3.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Разгром.

Морской бой в Корейском проливе заполонил внимание политической печати всего мира. Сначала царское правительство пыталось скрыть горькую истину от своих верноподанных, но скоро убедилось в безнадежности такой попытки. Скрыть полный разгром всего русского флота было бы все равно невозможно.

Оценивая политическое значение последнего морского боя, приходится повторять то, что мы говорили в № 2 «Вперед» по поводу падения Порт-Артура. Полный военный крах царской России стал очевиден уже тогда, но балтийская эскадра внушала еще русским патриотам тень надежды. Все понимали, что окончательный исход войны зависит от победы той или другой стороны на море. Самодержавие видело, что несчастный исход войны равносилен победе «внутреннего врага», т.-е. победе революции. Поэтому на карту было поставлено все. Сотни миллионов рублей были затрачены на спешную отправку балтийской эскадры. С бору да с сосенки собран экипаж, наскоро закончены последние приготовления военных судов к плаванию, увеличено число этих судов посредством добавления к новым и сильным броненосцам «старых сундуков». Великая армада,—такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская Империя,—двинулась в путь, расходуя бешеные деньги на уголь, на содержание, вызывая общие насмешки Европы, особенно после блестящей победы над рыбацкими лодками, грубо попирая все обычаи и требования нейтралитета. По самым скромным расчетам, эта армада стоила до 300 миллионов рублей, да посылка ее обошлась в 100 миллионов рублей,—итого 400 миллионов рублей выброшено на эту последнюю военную ставку царского самодержавия.

Теперь и последняя ставка побита. Этого ожидали все, но никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось таким беспощадным разгромом. Точно стадо дикарей, армада русских судов налетела прямиком на великолепно вооруженный и обставленный всеми средствами новейшей защиты японский флот. Двухдневное сражение,—и из двадцати военных судов России с 12—15 тысячами человек экипажа потоплено и уничтожено тринадцать, взято в плен четыре, спаслось и прибыло в Владивосток только одно (Алмаз). Погибла большая половина экипажа, взят в плен «сам» Рождественский и его ближайший помощник Небогатов, а весь японский флот вышел невредимым из боя, потеряв всего три миноносца.

Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно. Полное изгнание русских войск из Манчжурии, отнятие японцами Сахалина и Владивостока—теперь лишь вопросы времени. Перед нами не только изгнание, поражение, а полный военный крах самодержавия.

Значение этого краха, как краха всей политической системы царизма, становится все яснее и для Европы, и для всего русского народа с каждым новым ударом, наносимым японцами. Все ополчается против самодержавия,—и оскорбленное национальное самолюбие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной авантюре, и озлобление против расхищения сотен миллионов народных денег, и опасение неизбежного финансового краха и долгого экономического кризиса вследствие такой войны, и страх перед грозной народной революцией, которую (по мнению буржуазии) царь мог бы и должен бы был избежать путем своевременных «благоразумных» уступок. Растет и ширится требование мира, негодует либеральная печать, начинают грозить даже умереннейшие элементы, в роде землевладельцев «шиповского» направления, требует немедленного созыва народных представителей даже холопское Новое Время.

Европейская буржуазия, этот вернейший оплот царской власти, начинает тоже терять терпение. Ее пугает неизбежная перегруппировка в международных отношениях, растущее могущество молодой и свежей Японии, потеря военного союзника в Европе. Ее беспокоит судьба тех миллиардов, которые она великодушно ссудила самодержавию. Ее серьезно тревожит революция в России, слишком волнующая европейский пролетариат и грозящая всемирным революционным пожаром. Во имя «дружбы» с царизмом она взывает к его благоразумию, настаивает на необходимости мира—мира с японцами и мира с либеральной русской буржуазией. Европа нисколько не закрывает глаз на то, что мир с Японией может быть куплен теперь лишь очень дорогой ценой, но она трезво и деловито рассчитывает, что каждый новый месяц войны извне и революции внутри неизбежно повышает эту цену и увеличивает опасность такого революционного взрыва, который, как песчинку, сметет всю политику «уступок». Европа понимает, что самодержавию страшно трудно, почти невозможно уже остановиться теперь,—слишком далеко оно зашло, и вот она, эта буржуазная Европа, старается успокоить и себя самое, и своего союзника розовыми мечтами.

Вот что пишет, например, газета французской патриотической буржуазии, «Le Siècle», в статейке Корнели, озаглавленной: «Конец одной эпопеи». «Теперь, когда русские разбиты на море после ряда поражений на суше, на их правительство ложится обязанность заключить мир и преобразовать свои военные силы. Прави-

тельства авантюристские бывают иногда вынуждены в силу своих притязаний или в целях своей безопасности вовлекать в войну те народы, над которыми они властвуют. И так как для таких правительств ставкой в борьбе за победу является самое их существование, то они требуют от их народов новых и новых жертв, ведя их, таким образом, к конечной гибели. Такова была во Франции история двух наших империй. Такова была бы история и третьей империи, если бы удалось создать таковую у нас.

«Наоборот, положение русского правительства именно не таково; оно держится за самые недра русского народа, и общие несчастья не разъединяют правительство и народ, а лишь теснее спаивают их друг с другом. Побежденный Цезарь не есть уже Цезарь. Несчастный царь может остаться священным и популярным царем».

Увы, увы! Хвастовство шовинистского французского лавочника «уже слишком ясно», его уверение, будто война не разъединила русского правительства и народа, настолько противоречат общеизвестным фактам, что вызывают улыбку и кажутся наивной и невинной хитростью. Чтобы предостеречь своего друга и союзника, русского самодержца; от неизбежного краха, к которому он, как истинный «Цезарь», идет слепо и упорно, французский буржуа ласково уверяет этого Цезаря, что он не должен походить на других цезарей, что у него есть еще иной, лучший выход. «Чего хочется, тому верится». Французской буржуазии так хочется иметь могущественного союзника—царя, что она убаюкивает себя романтической сказкой о несчастье, спаивающем русский народ с царем. Серьезно и сам г. Корнели не верит, разумеется, в эту сказку,—тем менее нам стоит брать ее всерьез.

Авантюристскими бывают не только правительства цезарей, но и правительства законнейших монархов старейшей династии. В русском самодержавии, отставшем от истории на целое столетие, авантюристского больше, чем в любой из французских империй. Самодержавие именно по авантюристски бросило народ в нелепую и позорную войну. Оно стоит теперь перед заслуженным концом. Война вскрыла все его язвы, обнаружила всю его гнилость, показала полную разъединенность его с народом, разбила единственные опоры цезарьянского господства. Война оказалась грозным судом. Народ уже произнес свой приговор над этим правительством разбойников. Революция приведет этот приговор в исполнение.

(Н. Ленин).

Революционная борьба и либеральное маклерство.

Заграничное «Освобождение», подводящее, без всякой помехи цензуры, итоги бесчисленным выступлениям русских либералов, дает иногда особенно ценный материал для изучения политики буржуазии. Только-что напечатанная им (или перепечатанная из «Новостей» от 5 апр.) «программа Союза Освобождения» с поучительными комментариями г. П. С. служит прекрасным дополнением к решениям земских съездов и к освобожденскому проекту конституции, о коотром мы говорили в № 18 «Вперед». «Выработкой и вотированием этой программы—справедливо говорит г. П. С.—сделан крупный шаг к созданию русской конституционно-демократической партии».

Несомненно, для русских либералов это крупный шаг, выделяющийся среди довольно уже продолжительной эпопеи либеральных выступлений. И как же мелок этот крупный либеральный «шаг» сравнительно с тем, что нужно для создания действительной партии, сравнительно даже с тем, что создано уже для этой цели хотя бы социал-демократией! Буржуазия располагает неизмеримо большей свободой легального выступления, чем пролетариат, неизмеримо большим количеством интеллигентных сил и денежных средств, несравненно большими удобствами для партийной организации,—а между тем перед нами все еще «партия» без официального названия, без общей, ясной и точной программы, без тактики, без партийной организации, «партия», состоящая по отзыву компетентного г. П. С. из «земской фракции» и из «Союза Освобождения», т.-е. из неорганизованного конгломерата лиц плюс организация. Может-быть, впрочем, члены земской фракции являются «членами партии» в том знаменитом смысле, что они, признавая программу, работают «под контролем одной из партийных организаций», одной из групп «Союза Освобождения»? Насколько не соответствует подобное понимание членства партии всему духу социал-демократии, настолько же удобно и целесообразно оно для либералов, настолько же свойственно всему их политическому облику. Из такого понимания партии (выраженного не в писанном уставе, а в реальной конструкции этой «партии») вытекает, между прочим, то, что организованные члены партии, т.-е. члены «Союза Освобождения», стоят в большинстве за однопалатную систему и тем не менее отказываются от нее в своей программе, обходят вопрос полным молчанием в угоду неорганизованным членам партии, в угоду «земской фракции», которая стоит за двухпалатную систему. Соотношение «сил», можно сказать, провиденциальное для политически активной буржуазии: организованные интеллигенты предполагают, неорганизованные дельцы, воротилы, капиталисты располагают.

Г. П. С., от всей души приветствующий программу «С. Осв.», принципиально защищает при этом и неясность, неполноту, незаконченность программы и организационную расплывчатость и тактические умолчания, защищает соображениями «реальной политики»! Мы еще вернемся к этому бесподобному, чрезвычайно характерному для всей сущности буржуазного либерализма, понятию; теперь же перейдем к разбору основ либеральной программы.

Официального названия у партии, как мы уже сказали, нет. Г. П. С. называет ее тем же именем, которое, кажется, фигурирует и на страницах наших легальных газет либерального направления, — «конституционно-демократическая партия». И, как ни маловажен на первый взгляд вопрос о названии, однако, и тут уже сразу мы получаем материал для разъяснения того, почему буржуазия должна, в отличие от пролетариата, удовлетворяться политической расплывчатостью и даже «принципиально» защищать ее,—именно «должна» не по субъективным только настроениям или качествам ее

вождей, а в силу объективных условий существования всего класса буржуазии, как целого. Название «конституционно-демократическая партия» сразу напоминает известное изречение: язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Название «к.-д. п.» придумано для того, чтобы скрыть монархический характер партии. В самом деле, кто же не знает, что вся эта партия, и в лице ее хозяйской части—земской фракции, и в лице «С. О.» стоит за монархию? О республике ни те, ни другие даже не разговаривают, считая такой разговор «несерьезным», а в их проекте конституции монархия признается, как форма правления, прямо и определенно. Значит перед нами партия сторонников конституционной монархии, партия монархистов-конституционалистов. Это факт, не подлежащий ни малейшему сомнению и неустранимый никакими рассуждениями о «принципиальном» признании республики (хотя мы таких рассуждений от «конституционалистов-демократов» пока не слыхали!), ибо дело идет именно не о «принципиальном» только, а о практически-политическом признании, о признании желания завоевать и необходимости бороться.

Но в том-то и суть, что нельзя господам буржуа назвать себя теперь же своим настоящим именем. Это невозможно настолько же, насколько невозможно нагишом выйти на улицу. Нельзя открыто сказать правды, нельзя громко ausschprechen was ist (сказать-то, что есть), потому что это равносильно признанию одной из самых диких и вредных политических привилегий, равносильно признанию своего антидемократизма. Признать же это борющаяся за политическую свободу буржуазия не может не только потому, что это уже очень срамно, конфузно и неприлично. Нет, ни перед каким неприличием не остановятся люди буржуазной политики, раз потребуют этого интересы. Но сейчас их интересы требуют свободы, а свободы нельзя добыть без народа, а поддержку народа нельзя обеспечить себе, не называя себя «демократом» (=сторонником самодержавия народа), не скрывая своего монархизма.

Таким образом классовое положение буржуазии приводит неизбежно к внутренней неустойчивости и фальши самой постановки ее основных политических задач: борьба за свободу, за разрушение вековых привилегий самодержавия, несовместима с отстаиванием привилегий частной собственности, ибо эти привилегии заставляют «бережно относиться» к монархии. Реальная программа монархической конституции облекается поэтому в красивый воздушный наряд демократической конституции. И это подкрашивание реального содержания программы заведомо лживой, показной мишурой называется «реальной политикой»... Идеолог либеральной буржуазии с неподражаемым пренебрежением, с великолепным самодовольством говорит поэтому о «теоретическом самоуслаждении», которым занимаются «представители крайних партий» (Осв., № 69—70, с. 308). Реальные политики буржуазии не хотят услаждать себя ни разговорами, ни даже грезами о республике, ибо они не хотят бороться за республику. Но именно поэтому они чувствуют непреодолимую потребность услаждать народ приманкой «демократизма». Они не хотят обманывать себя на счет своей неспособности отказаться от монархии, и именно поэтому они должны обманывать народ умолчанием о своем монархизме.

Название партии, как видите, вовсе не такая случайная и не такая маловажная вещь, как можно бы подумать с первого взгляда. Иногда самая уже крикливость, манерность названия выдает глубокий внутренний порок всей программы и всей тактики партии. Чем интимнее чувствует идеолог крупной буржуазии свою преданность монархии, тем громче клянется он и божится, уверяя всех в своем демократизме. Чем больше идеолог мелкой буржуазии отражает ее неустойчивость, ее неспособность к выдержанной и неуклонной борьбе за демократическую революцию и за социализм, тем с большим жаром ораторствует он о партии «социалистов-революционеров», о которой верно было сказано, что ее социализм вовсе не революционен, а ее революционность вовсе не связана с социализмом. Остается только, чтобы сторонники самодержавия назвали себя (как они уже и пробовали не раз) «народной партией», и мы будем иметь полную картину того, как классовые интересы преображаются в политических вывесках.

Вывеска либеральной буржуазии (или программа «Союза Освобождения») начинает, как и подобает вывеске, с эффектного вступления: «Союз Освобождения находит, что тяжелый и внешний и внутренний кризис, переживаемый Россией, в настоящее время настолько обострился, что народ должен взять разрешение этого кризиса в свои руки, вместе с другими общественными группами, выступившими против существующего режима».

Итак, да перейдет власть в руки народа, да здравствует самодержавие народа на место самодержавия царя. Не так ли господа? Не этого ли требует демократизм?

Нет, это теоретическое самоуслаждение и непонимание реальной политики. Теперь вся власть в руках самодержавной монархии. Против нее стоит народ, т.-е. пролетариат и крестьянство, которые уже начали борьбу, ведут ее отчаянно и, пожалуй... пожалуй, увлекутся этой борьбой до полного свержения врага. Но рядом с «народом» стоят также «другие общественные группы», т.-е. «общество», т.-е. буржуазия, землевладельцы, капиталисты, профессиональная интеллигенция. Вот и надо поделить власть на три разные части. Одну треть оставить монархии, другую дать буржуазии (верхняя палата, основанная на непрямом и, по возможности, на неравном, фактически, не на всеобщем избирательном праве), остальную треть—народу (нижняя палата на базе всеобщего и т. д. избирательного права). Это будет «справедливой» дележкой, при которой обеспечена твердая охрана частной собственности и возможность обратить организованную силу монархии (войско, бюрократию, полицию) против народа, ежели он «увлечется» каким-нибудь «неразумным» требованием из числа тех, что выдвигают «представители крайних партий из одного только теоретического самоуслаждения». Эта справедливая дележка, сводящая революционный народ к безвредному меньшинству, к одной трети, есть «коренное преобразование на началах демократизма», а отнюдь не на началах монархизма и не на началах буржуазных привилегий.

Как осуществить эту дележку? Посредством чест-

ного маклерства. Это давно уже пророчески указал г. П. Струве, еще в предисловии к записке Витте, отметив, что умеренные партии всегда выигрывают от обострения борьбы между крайними партиями. Борьба между самодержавием и революционным народом обостряется. Надо лавировать между тем и другим, опираться на революционный народ (подманивая его «демократизмом») против самодержавия, опираться на монархию против «крайностей» революционного народа. При искусном лавировании непременно получится нечто в роде вышеуказанной дележки, при чем за буржуазией-то ее по меньшей мере «треть» обеспечена во всяком случае и безусловно, а распределение долей между народом и самодержавием зависит от исхода их решительной борьбы. На кого надо преимущественно опираться, это зависит от момента—такова суть торгашеской, то-бишь «реальной» политики.

В данный момент еще вся власть в руках самодержавия. Поэтому надо говорить, что власть должен взять в свои руки народ. Поэтому надо называться демократом. Поэтому надо выдвигать требование «немедленного созыва учредительного собрания на началах всеобщего и т. д. избирательного права для выработки русской конституции». Теперь народ не вооружен, раздроблен, не организован, бессилен против самодержавной монархии. Всенародное учред. собрание объединит его и явится крупной силой, которая будет противостоять силе царя. Вот тогда-то, когда будут стоять друг против друга власть царя и сплоченная сила революционного народа, тогда и наступит настоящий праздник для буржуазии, тогда только и можно будет с вернейшей надеждой на успех «согласовать» эти две силы и обеспечить наивыгоднейший результат для имущих классов.

Таков расчет реальных политиков либерализма. Расчет неглупый. В этот расчет вполне сознательно вводится сохранение монархии и допущение всенародного учредительного собрания лишь на-ряду с монархией. Свержение существующей власти, замены монархии республикой буржуазия не хочет. Поэтому буржуазия российская (по образцу германской буржуазии 1848 года) стоит за «соглашение» народа и престола. Для успеха этой политики соглашение необходимо, чтобы ни та, ни другая из борющихся сторон, ни народ, ни престол не могли одержать полной победы, чтобы они уравновесили друг друга. Тогда и только тогда буржуазия сможет соединиться с монархией и предписать народу подчинение, заставить народ удовлетвориться одной «третью»... или может быть одной сотой долей власти. Всенародное учредительное собрание будет обладать как-раз достаточной силой, чтобы заставить царя дать конституцию, но оно не будет и не должно (с точки зрения интересов буржуазии) обладать большей силой. Оно должно лишь уравновешивать монархию, но не свергать ее, оно должно оставить материальные орудия власти (войско и проч.) в руках монархии.

Освобожденцы смеются над шиповцами, которые хотят царю дать силу власти, народу силу мнения. Но не стоят ли в сущности на позиции шиповцев и сами освобожденцы? Ведь, они тоже не хотят дать народу всей власти, ведь, они сами стоят за соглашение власти царя с мнением народа!

Мы видим, следовательно, что интересы буржуазии, как класса, совершенно естественно и неизбежно приводят в данный революционный момент к тому, чтобы выставить лозунг всенародного учредительного собрания и отнюдь не выставлять лозунга временного революционного правительства. Первый лозунг есть лозунг или стал лозунгом политики соглашения, торгашества и маклерства. Второй—лозунг революционной борьбы. Первый—лозунг монархической буржуазии, второй—лозунг революционного народа. Первый лозунг обеспечивает всего более возможность сохранить монархию, несмотря на революционный натиск народа. Второй—выдвигает прямой путь к республике. Первый оставляет за царем власть, лишь ограничивая ее мнением народа. Второй есть единственный лозунг, последовательно и безоговорочно ведущий к самодержавию народа в полном смысле этого слова.

Только это коренное различие в постановке политических задач либеральной буржуазией и революционным пролетариатом объясняет нам, кроме отмеченных, целый ряд второстепенных черт «освобожденской» программы. Только с точки зрения этого различия можно понять, напр., необходимость оговорки освобожденцев, что решение их Союза «могут считаться обязательными лишь постольку, поскольку политические условия остаются неизменными», что допускается «временный и условный элемент» в программе. Эта оговорка (подробно и особенно «вкусно» развиваемая в комментариях г. П. С.) безусловно необходима для партии «соглашения» народа с царизмом. Эта оговорка дает понять яснее ясного, что во имя торгашеской («реальной») политики члены «Союза Освобождения» откажутся от очень и очень многих из своих демократических требований. Их программа—не выражение их непреклонных убеждений (таковые несвойственны буржуазии), не указание того, за что обязательно бороться. Нет, их программа—простое запрашивание, заранее считающееся с неизбежной «скидкой с цены», смотря по «твердости» той или другой воюющей стороны. Конституционно-«демократическая» (читай: конституционно-монархическая) буржуазия сторгуется с царизмом на более дешевой цене, чем ее теперешняя программа—это не подлежит сомнению, и сознательный пролетариат не должен делать себе на этот счет никаких иллюзий. Отсюда—вражда г. П. С. к разделению программы-минимум и программы-максимум, к «твердым программным решениям вообще». Отсюда—уверения г. П. С., что программы «Союза Освобождения» (изложенной умышленно не в виде точной формулировки определенных требований, а в виде литературного, приблизительного описания их) «более чем достаточно для партии, задающейся целями реальной политики». Отсюда — умолчание в программе «демократов»-монархистов о вооружении народа, уклонение от решительной формулировки требования отделения церкви от государства, настаивание на неосуществимости отмены косвенных налогов, замена политического самоопределения угнетенных народностей культурным их самоопределением. Отсюда наивно-откровенное признание связи между демократизмом и интересами капитала, признание необходимости вместо «покровительства отдельным предприятиям и предпринимателям усиленного покровительства развитию производительных сил народа», содействие «расцвету промышленности» и т. д. От-

сюда сведение аграрной реформы к чисто-бюрократическому «наделению» крестьян землей при обязательной гарантии «вознаграждения» помещикам за имеющие отойти к крестьянам земли,—т.-е., другими словами, решительное отстаивание неприкосновенности кабальной и крепостнической «собственности». Все это, повторяем, естественный и неизбежный результат самого положения буржуазии, как класса, в современном обществе. Все это—подтверждение коренного отличия пролетарской политики революционной борьбы от буржуазной политики либерального маклерства.

(Н. Ленин).

Буржуазия и стачки.

(Статья первая).

Когда буржуазия борется против отживающего самодержавного строя, она вынуждена в этом восходящем движении отстаивать целый ряд демократических требований, имеющих крупный интерес и для рабочего класса. Вынуждена прежде всего потому, что ей нужна помощь пролетариата против общего врага; вынуждена и нравственно, ибо, на данной ступени ее развития, ей приходится соблюдать политическую невинность, приходится тщательно прятать классовую подкладку ее борьбы и стремлений. Имея за своей спиной громадные слои крестьянства и пролетариата, необходимые ей для борьбы с пережитками дворянско-самодержавного строя, буржуазия, по необходимости, старается отождествлять свои требования с требованиями народными, с требованиями, выдвигаемыми всей демократией. Она затушевывает и смягчает классовую противоположность ее интересов интересам пролетариата, предъявляя и подчеркивая те формально общие лозунги и требования, которые выдвигаются обоими течениями. Добиваясь для себя свободы союзов, буржуазия не может вместе с тем не добиваться такой же свободы и для пролетариата. Отстаивая для себя свободу экономической борьбы, она не может вместе с тем не отстаивать и свободы экономической борьбы пролетариата. Правда, это формальное равенство политических прав далеко еще не дает действительного равенства всех граждан. Основой буржуазного общества является экономическая сила, а потому классы имущие, классы, имеющие за собой богатство, знание, власть, несравненно полнее и шире могут использовать свои права, хотя бы формально эти права были не больше прав других граждан. С другой стороны, пролетарий, наделенный всеми политическими правами, оказывается в буржуазном обществе сплошь да рядом лишенным самого элементарного и, казалось бы, самого естественного права—права быть сытым и одетым. Буржуазия прекрасно понимает истинный смысл всяких свобод в современном обществе, а потому она и не боится даровать рабочим формальные права—пока рабочие не представляют самостоятельной политической силы и пока их помощь необходима буржуазии.

Но со временем картина меняется. Буржуазия, достигнув победы и власти, успокаивается и останавливается в своем движении, чтобы использовать эту победу и эту власть. Перестав бороться и стремиться вперед, она перестает быть прогрессивным элементом общества. Политическая связь, сплачивавшая ее с другими прогрессивными слоями общества—в том числе и с пролетариатом—обрывается. Пролетариат не останавливается на тех приобретениях, которыми довольствуется буржуазия, он идет дальше, берет на себя роль носителя прогресса, ибо его идеалы лежат еще далеко впереди. И в своем дальнейшем стремлении он с роковой необходимостью подрывает основы капиталистического общества, развивая последовательно политические идеи самой же буржуазии, выдвинутые ею на заре ее жизни. Скрытый антагонизм буржуазии и пролетариата прорывается наружу и превращается в открытую классовую борьбу. Маска сброшена. Политическая сила пролетариата уже не нужна буржуазии, добившейся с его помощью всего, что ей нужно. Мало того: эта сила теперь ей опасна, ибо пролетариат, пользуясь крохами буржуазной свободы, все же окреп, сплотился и стал наступать на буржуазию точно так же, как она некогда наступала на старый порядок. Буржуазии приходится повернуть фронт и отбиваться от своего вчерашнего союзника. Но тут оказывается, что конституционные права, завоеванные в борьбе за свободу, оказываются плохим орудием в борьбе против свободы; чтобы успешно бороться против пролетариата, окрепшего под сенью буржуазных законов и опирающегося в своей борьбе на эти же законы, буржуазии остается только одно средство—нарушать созданные ею же законы. Получается та странная перемена ролей, на которую указывал Ф. Энгельс еще 10 лет назад. «Ирония всемирной истории выкидывает злые шутки,—писал он в 1895 г.—Мы, «революционеры», «потрясатели основ», вернее идем к своей цели законными путями, нежели незаконными. А партию порядка, как называют себя наши враги, губит ее же детище—законная почва. В отчаянии она повторяет за Одилоном Барро: «la legalité nous tue, законность—наша смерть, а мы,—мы наживаем на этой законности крепкие мускулы и румяные щеки и выглядим, как сама жизнь».

Но когда буржуазии приходится выбирать между законностью и жизнью, она не колеблется и охотно приносит законность в жертву жизни. История западноевропейской буржуазии знает уже целый ряд более или менее удачных попыток противоречащего конституции лишения пролетариата тех или других прав. Довольно указать на пресловутые исключительные законы против социалистов, во время господства которых германский пролетариат в течение 11 лет лишен был права печати, союзов и собраний, или на отнятие всеобщего избирательного права в Саксонии. Такие и им подобные меры неизбежно будут повторяться в дальнейшем, ибо на карту ставится господство буржуазии, или, что то же, ее жизнь, как класса. В настоящей статье мы остановимся на одном из «прав» пролетариата, на которое все чаще и все настойчивее пытается наложить свою железную лапу буржуазия, именно о праве стачек. Вопрос этот имеет для нас тем большую важность, что он поставлен на очередь самой жизнью. Нами получен официальный доклад министерства финансов, озаглавленный «Об изменении карательных статей закона, касающихся стачек и досрочных расторжений договоров о найме». В нем предлагается уничтоже-

ние уголовного наказания за стачки и признание стачек законным деянием. Доклад этот не только повторяет те соображения в пользу свободы стачек, которые приводились во всех подобных докладах и в парламентских речах в Западной Европе, но вместе с тем сразу же вносит в закон такие ограничения этой свободы, до которых додумалась европейская буржуазия лишь после долгой борьбы с пролетариатом. Русская буржуазия внимательно учится у своей заграничной родственницы, отсюда следует, что и русский пролетариат должен так же внимательно учиться у своих заграничных братьев. Пример борьбы за право стачек на Западе укажет русским рабочим все несовершенства буржуазного законодательства по этому вопросу, а следовательно, укажет ему, чего он должен добиваться у себя дома, когда будет бороться за право стачек.

Право входить в соглашение в целях экономической борьбы, или, что то же, право стачек признано уже давно европейским законодательством и за рабочими, и за предпринимателями. Законы о стачках всех западноевропейских стран знают только один наказуемый поступок: это употребление мер насилия, угроз, опорочение против лиц, не желающих примкнуть к стачке, или желающих возобновить работу. Если мы присмотримся к этим законам, то нам сразу же бросится в глаза характерная черта, общая всем им, и являющаяся отражением самой сути буржуазного правопорядка: несмотря на общую формулировку этих законов, имеющую в виду как рабочих, так и хозяев, в действительности они по существу, а нередко и по форме, обращены только против рабочих, являясь, таким образом, оружием классовой борьбы буржуазии. И действительно. В тех странах, где имеются специальные законы о стачках, они обыкновенно преследуют насильственные меры, имеющие целью прекращение работ или препятствие их возобновлению. Так, германский закон преследует того, кто пытается «принудить других... принять участие в соглашениях (т.-е. соглашениях в целях экономической борьбы), или подчиняться им, или... препятствует... другим отказаться от таких соглашений». Согласно итальянскому законодательству наказуется, «кто... учинит приостановку или прекращение работ... с целью принудить рабочих, работодателей или предпринимателей к понижению или повышению заработной платы, или к принятию других, требуемых по взаимной стачке, условий работ». Австрийский закон карает того, «кто... попытается воспрепятствовать работодателю или рабочему в исполнении их свободных намерений дать или принять работу». Бельгийский закон преследует насильственные деяния «в целях принудительного возвышения или понижения заработной платы или причинения вреда свободному ходу производства или работы». Во всех этих карательных постановлениях говорится о принуждении принять участие в стачке, прекратить или не возобновлять работу, о препятствовании дать или принять работу. Но здесь ни слова не сказано о другого рода принуждении, о принуждении не принимать участия в стачке, не прекращать или возобновить работу, о принуждении дать или принять работу. Если я оказываю на другого материальное или нравственное давление, чтобы заставить его вступить в стачку или воспрепятствовать ему принять работу,—я подлежу наказанию. Если я оказываю на него такое же давление, чтобы помешать ему вступить в стачку, чтобы заставить его принять работу,—я, по законам четырех указанных государств, наказанию не подлежу. В самом деле, ведь, ни один из приведенных законов не упоминает о карах за насилование свободной воли рабочего, раз эта воля выражается в нежелании принять работу, в желании вступить в стачку и добиваться лучших условий труда. А между тем такое насилование воли рабочего—и притом самым грубым образом,—с целью отвлечения его от дозволен-

О временном революционном правительстве.

Статья вторая. Только снизу или и снизу и сверху?

В предыдущей статье, разобрав историческую справку Плеханова, мы показали, что Плеханов неосновательно делает общие и принципиальные выводы на основании слов Маркса, всецело и исключительно относящихся к конкретной ситуации Германии в 1850 году. Эта конкретная ситуация вполне объясняет, почему Маркс не поднимал и не мог поднимать тогда вопроса об участии Союза Коммунистов во временном революционном правительстве. Теперь мы перейдем к разбору общего и принципиального вопроса о допустимости такого участия.

Прежде всего необходимо точно поставить спорный вопрос. В этом отношении мы можем, к счастью, воспользоваться одной из формулировок, данных нашими оппонентами, чтобы устранить таким образом пререкания из-за сущности спора. В № 93 «Искры» сказано: «Лучший путь для такой организации (для организации пролетариата в партию, оппозиционную буржуазно-демократическому государству)—путь развития буржуазной революции снизу (курсив «Искры»), давлением пролетариата на стоящую у власти демократию». И дальше «Искра» говорит про «Вперед», что «он хочет, чтобы давление пролетариата на революцию шло не «снизу» только, не только с улицы, но и сверху, из чертогов временного правительства».

Итак, вопрос поставлен ясно. «Искра» хочет давления снизу, «Вперед»—«не снизу только, но и сверху». Давление снизу есть давление граждан на революционное правительство. Давление сверху есть давление революционного правительства на граждан. Одни ограничивают свою деятельность давлением снизу. Другие не согласны на такое ограничение и требуют дополнения давления снизу давлением сверху. Спор сводится, след., именно к вопросу, поставленному нами в подзаголовке: только снизу или и снизу и сверху? Принципиально недопустимо для пролетариата в эпоху демократической революции давление сверху, «из чертогов временного правительства», говорят одни. Принципиально недопустимо пролетариату в эпоху демократической революции безусловно отказываться от давления сверху, от участия во временном революционном правительстве, говорят другие. Речь идет, таким образом, не о том,

ной конституцией экономической борьбы, встречается на каждом шагу. Это противоречие было бы странно, если бы за ним не скрывалось классовое противоречие буржуазного общества. Лицо, заставляющее другое вступить в стачку, прекратить или не возобновлять работу, есть в 9-ти случаях из 10—рабочий, воздействующий на рабочих же. Лицо, в интересах которого удерживать от стачки, принуждать принять работу—есть предприниматель, оказывающий давление на рабочих. Поэтому-то буржуазное законодательство и подводит первый случай под наказание, а второй нет. Этот классовый характер буржуазного законодательства был своевременно отмечен немецкой социал-демократией. Чтобы разоблачить лицемерие фраз о равенстве всех перед законом, социал-демократические депутаты германского парламента внесли в 1890 г. след. проект закона: «Кто путем телесного принуждения, угроз или опорочения побуждает или пытается побудить других не принимать участия в таких *) союзах и соглашениях, или не подчиняться им, а также тот, кто сговаривается с другими, чтобы затруднить рабочим, за участие в указанных соглашениях или союзах, возможность получить работу, не принимать их на работу или увольнять с работы, наказуется и т. п...» Этот законопроект, направленный как-раз против обычных мер давления со стороны предпринимателей, был, конечно, отвергнут парламентом. Классовый характер буржуазного законодательства был этим самым открыто засвидетельствован.

Но, скажут, ведь, приведенные выше законы европейских стран наказывают покушение со стороны хозяина на свободу рабочего. Чтобы понять действительный смысл этой бумажной наказуемости, нам необходимо присмотреться к тому, какие, в сущности, деяния наказывает закон. Как в четырех указанных законах, так и в законах других стран, не выделяющих свободы стачек из общего понятия свободы законных действий, караются лишь лица, прибегающие к насилию, угрозам, опорочению и оскорблению чести. Чтобы ясно представить себе, кого главным образом имеет здесь в виду закон, достаточно присмотреться к условиям и приемам экономической борьбы как рабочих, так и работодателей.

Предприниматель, как покупщик рабочей силы, находится в неизмеримо более выгодных условиях, чем рабочий, продающий свою силу и теснимый громадной конкурренцией резервной армии. Успех экономической борьбы для предпринимателя зависит главным образом от таких условий, как размер его капитала и кредита, рыночные конъюнктуры, тогда как основным условием успеха для рабочих является их солидарность и сплоченность. Без этих качеств рабочие всегда проиграют, как бы ни были выгодны внешние условия. Отсюда видно, какое громадное значение имеет для рабочих привлечение менее сознательных товарищей к стачке. Отсюда же видно, что именно рабочим особенно легко поддаться покушению прибегать к насилиям и угрозам. Капиталистам это бывает менее необходимо. Уже самый капитал является постоянной угрозой, ибо всякий рабочий понимает, что, вступая в стачку, он рискует остаться без куска хлеба. Но и помимо этого предприниматели имеют тысячи способов применять насилие, угрозы и опорочение, не подвергая себя опасности судебной ответственности. Когда агитирует рабочий, ему приходится делать это на улице, в толпе, на глазах тысячей свидетелей, соглядатаев—мастерков и полицейских шпионов. Капиталист делает тоже самое у себя в конторе, куда он вызывает рабочих поодиночке; капиталист может оказывать давление через своих агентов—мастеров,—при приеме работы, путем браковок и т. п., капиталист может пустить в ход особый вид понуждения—подкуп, пообещав рабочему увеличение платы или дру-

*) Т.-е союзах и соглашениях в целях экономической борьбы.

вероятно ли при данной конъюнктуре, осуществимо ли при таком-то соотношении сил давление сверху. Нет, мы не разбираем теперь совершенно никакой конкретной ситуации, и в виду неоднократных попыток подменить один спорный вопрос другим мы усиленно просим читателей иметь это в виду. Перед нами общий принципиальный вопрос о допустимости перехода от давления снизу к давлению сверху в эпоху демократической революции.

Для разъяснения этого вопроса обратимся сначала к истории тактических взглядов основателей научного социализма. Не было ли в этой истории споров именно из-за общего вопроса о допустимости давления сверху? Такой спор был. Повод к нему подало испанское восстание летом 1873 г. Энгельс оценивал те уроки, которые социалистический пролетариат должен извлечь из этого восстания, в статье «Бакунисты за работой», помещенной в 1873 году в немецкой соц.-дем. газете «Volksstaat» и перепечатанной в 1894 году в брошюре «Internationales aus dem Volksstaat». Посмотрим же, какие общие выводы делал Энгельс.

9-го февраля 1873 г. испанский король Амадео отрекся от престола—«первый король, устроивший забастовку», острит Энгельс. 12 февраля была провозглашена республика. В провинциях баскских вспыхнуло затем восстание карлистов. 10 апреля выбрано было учредительное собрание, провозгласившее 8 июня федеративную республику. 11-го июня конституировалось новое министерство Пи-и-Маргаля. Крайние республиканцы, так-называемые «интрансиженты» (непримиримые), не попали при этом в комиссию по выработке конституции. И когда, 3-го июля, была провозглашена эта новая конституция, интрансиженты подняли восстание. С 5-го по 11-ое июля они победили в провинциях: Севилья, Гранада, Алькой, Валенсиа и ряде других. Правительство Салмерона, который сменил вышедшего в отставку Пи-и-Маргаля, двинуло военную силу против восставших провинций. Восстание было подавлено после более или менее упорного сопротивления: Кадикс пал 26-го июля 1873 г., Карпагена—11-го января 1874 года. Таковы краткие хронологические данные, предпосылаемые Энгельсом его изложению.

Оценивая уроки события, Энгельс подчеркивает прежде всего, что борьба за республику в Испании отнюдь не была и не могла быть борьбой за социалистический переворот. «Испания,—говорит он,—страна настолько отсталая в промышленном отношении, что там и речи быть не может о немедленном полном освобождении ра-

гие блага, и закон этого не воспрещает. Таким образом, предпринимателю гораздо реже приходится пускать в ход такие приемы, которые закон признал бы насилием, угрозой, опорочением, а если он и пускает их в ход, то при таких обстоятельствах, что наличность преступления не может быть доказана. Закон формально запрещает хозяевам вступать в стачку в целях бойкота тех или других рабочих. Но закон не в силах запретить им вести тайно списки неблагонадежных рабочих («черные листы») и фактически бойкотировать непокорных: закон, ведь, не обязывает фабриканта принимать всякого рабочего, ищущего работы. Таким образом ясно, что законы, с виду направленные против проступков как предпринимателей, так и рабочих, на деле обрушиваются всей тяжестью на рабочий класс, давая предпринимателям возможность на каждом шагу безнаказанно нарушать эти законы.

Но в последнее время и этого оказалось недостаточно для того, чтобы оградить буржуазию от давления со стороны пролетариата. Пролетариат сумел использовать даже те несовершенные права, которые представила ему буржуазия, для того, чтобы сложиться в крупную политическую силу и из самого буржуазного законодательства выковать себе могучее оружие борьбы. Для буржуазии наступил такой критический момент, когда соблюдение законности становилось для нее менее выгодным, чем для ее противника, когда законность начала убивать ее. Пришлось прибегать к исключительным мерам, пришлось ограничивать права пролетариата. В различных странах эта тенденция проявлялась в разных формах. В Англии попытка ограничить право стачек выразилась в форме очень характерной для всего английского правопорядка. После одной крупной железнодорожной стачки капиталисты предъявили к железнодорожному трэдъ-юниону судебный иск об убытках. Суд присудил рабочих к уплате громадных убытков, и этот приговор был утвержден 2-мя инстанциями. Такое судебное решение по существу равнозначуще запрещению стачек и профессиональных союзов, как руководителей стачек. Правда, это решение вызвало протест в широких кругах общества, и впоследствии попытки противодействовать стачкам путем гражданских исков не повторялись. Однако, нельзя быть уверенным, что в будущем борьба пролетариата против капиталистов не заставит последних опять прибегнуть к той же мере. В Германии вопрос об усилении наказаний за понуждение к стачкам был поднят в конце 90-ых гг. 26-го мая 99 года был предложен парламенту законопроект, известный под названием «каторжного» и заключавший, между прочим, такую статью: § 8 «если в случаях, указанных в § 1, 2, 4 произойдет стачка или массовый расчет рабочих (Lockout)... которые в силу характера или назначения предприятия могут угрожать безопасности государства... или подвергать опасности человеческую жизнь или имущество, то преступление наказуется тюремным заключением не ниже одного месяца, а вожаки подлежат тюремному заключению не менее 6-ти месяцев». Если же указанное нарушение государственной или общественной безопасности произошло, то виновные наказуются каторжной тюрьмой сроком до 3-х лет, вожаки же—сроком до 5 лет. Этот закон в парламенте не прошел. Однако, независимо от этого, местные власти в отдельных государствах Германии неоднократно издавали специальные полицейские распоряжения против так-называемых пикетов стачечников. *). Путем упорной, и притом не всегда успешной, борьбы приходилось социал-демократии добиваться отмены этих распоряжений, как противоречащих конституции. Тем не менее, полицейская власть старается всеми мерами тормозить стачечное движение, а, судя по настроению крупных капитали-

*) Наблюдательные посты, выставляемые организаторами стачки в целях недопущения рабочих на работу.

бочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания необходимо должна пережить еще различные предварительные ступени развития и устранить с пути целый ряд препятствий. Пройти эти предварительные ступени в возможно более короткий промежуток времени, быстро устранить эти препятствия,—таковы были шансы, которые открывала республика. Но использовать эти шансы можно было лишь посредством деятельного политического вмешательства испанского рабочего класса. Масса рабочих чувствовала это; она стремилась повсюду к тому, чтобы участвовать в событиях, чтобы использовать удобный случай для действия, не представляя, как до сих пор, свободного поприща для действия и для интриг имущих классов».

Итак, дело шло о борьбе за республику, о демократической, а не социалистической революции. Вопрос о вмешательстве рабочих в события ставился тогда двояко: с одной стороны, бакунисты (или «аллиансисты»,—основатели «аллианса» для борьбы с марксистской «интернациональю») отрицали политическую деятельность, участие в выборах и т. д. С другой стороны, они были против участия в революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения рабочего класса, против всякого участия в революционном правительстве. Вот эта последняя сторона дела и представляет для нас особый интерес с точки зрения нашего спорного вопроса. Эта сторона дела и подала, между прочим, повод к формулировке принципиальной разницы между двумя тактическими лозунгами.

«Бакунисты,—говорит Энгельс,—много лет проповедывали, что всякое революционное действие сверху вниз зловредно, что все должно быть организуемо и проводимо снизу вверх».

Итак, принцип: «только снизу» есть принцип анархический.

Энгельс показывает как-раз сугубую нелепость этого принципа в эпоху демократической революции. Из него вытекает естественно и неизбежно тот практический вывод, что учреждение революционных правительств есть измена рабочему классу. И бакунисты делали именно такой вывод, провозглашали именно как принцип, что «учреждение революционного правительства есть новый обман рабочего класса, новая измена рабочему классу».

Как видит читатель, перед нами как-раз те два

стов, можно ожидать, что вопрос об ограничении свободы стачек в более или менее близком будущем будет опять внесен в парламент. Неудачно окончилась также недавняя попытка ограничения права стачек в Швеции. Зато гораздо больше успеха имела в этом деле итальянская буржуазия, нашедшая более удобную форму для своего реакционного предложения. Путь, которым итальянская буржуазия подходит к ограничению права стачек, тем более интересен для нас, что намеки на него имеются и в упомянутом выше проекте министерства финансов. Итальянское законодательство запрещает стачки служащих и рабочих, находящихся на государственной службе. Дальнейшая политика ясна. Несколько недель назад был принят в палате проект выкупа железных дорог и в этом проекте введен пункт, по которому весь железнодорожный персонал числится на государственной службе. Таким образом сразу громадная масса рабочих лишается права стачек. По этому пути можно зайти очень далеко. Все транспортное дело, все предприятия—казенные и частные,—так или иначе связанные с государственной обороной, наконец, все предприятия, рассчитанные на удовлетворение непосредственных потребностей населения (водопроводы, газовые и электрические заводы, угольные копи, пожалуй, и все производство пищевых продуктов) могут быть объявлены на положении государственных предприятий. Интересы общества и государственная безопасность—вот два жупела, которыми прикрывает буржуазия свое покушение на права рабочих. Итальянские капиталисты сумели подкопаться под свободу стачек и показали путь буржуазии других стран. Можно сказать с уверенностью, что рано или поздно, а оно последует примеру итальянцев. Западно-европейская буржуазия достигла уже того положения, когда ей приходится вооружаться против натиска пролетариата и уничтожать те самые демократические права, за которые она так упорно когда-то боролась. И революционная некогда буржуазия начинает говорит забытым языком исчезнувшей давно аристократии. Мертвый хватает живого.

(В. Воровский).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Циркуляр Управления Главноуполномоченного Красного креста господам старшим врачам лазаретов и отрядов Красного креста (7-го октября 1904 г., № 4021. Харбин).

Вследствие приказания Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, прошу пули и куски гранат и шрапнелей, вынутые из ран, препровождать в Окружный Штаб. Желательно было бы, чтобы каждый лазарет прикрепил эти пули к картону, а также приложил бы объяснительную записку с подробным указанием—где, когда, кто и в какую часть тела ранен. Пули с объяснениями, по снятии фотографии, будут возвращены.

Уполномоченный Сулима.

От ред. Лицо, приславшее нам подлинник циркуляра, поясняет, что бумага эта вызвана тем обстоятельством, что наши солдаты стреляют в своих же офицеров и генералов.

Хороший ответ либералам. Приводим резолюцию, принятую на социал-демократических собраниях в Иркутске 20 и 21 марта 1905 года и изданную Иркутским Комитетом нашей партии.

«Выслушав доклад о конституционном ходатайстве Иркутской Городской Думы, собравшиеся обсудили свое отношение к этому ходатайству и вынесли следующую резолюцию:

Принимая во внимание, во-1-х, что Иркутская Городская Дума, «тая в себе эти мысли», не имела гражданского мужества высказать их раньше, а «ждала» призыва с высоты престола»; во-2-х, что, высказываясь теперь, Дума радеет не о благе народном, а «об убытке, вреде и ущербе интересов Его Величества» и господствующих классов; в-3-х, что, признавая войну с Японией ненужной и вредной, Дума не требует прекращения ее и даже обещает, что правительство за реформы «получит нравственную и материальную силу довести войну до желательного конца»; в-4-х, что причиной теперешней «смуты» Дума лицемерно

«принципа», до которых договорилась и новая «Искра», именно: 1) допустимо лишь революционное действие снизу в противоположность тактике «и снизу, и сверху»; 2) участие во временном революционном правительстве есть измена рабочему классу. Оба эти новоискровские принципа суть принципы анархические. Фактический ход борьбы за республику в Испании показал как-то всю нелепость и всю реакционность этих обоих принципов.

Энгельс показывает это на отдельных эпизодах испанской революции. Вот, например, вспыхивает революция в городе Алькой. Это фабричный город сравнительно нового происхождения с 30 тысячами жителей. Рабочее восстание побеждает, несмотря на руководство бакунистов, принципиально чуравшихся идеи организовать революцию. Бакунисты стали задним числом хвастать, что они оказались «господами положения». И что же сделали эти «господа» из своего «положения», спрашивает Энгельс. Во-первых, они основали в Алькое «комитет благосостояния», т.-е. революционное правительство. Между тем, эти самые аллиансисты (бакунисты) на своем конгрессе 15 сентября 1872 года, т.-е. всего за десять месяцев до революции, постановили: «всякая организация политической, так-называемой временной или революционной, власти может быть лишь новым обманом и оказалась бы столь же опасной для пролетариата, как все ныне существующие правительства». Вместо опровержения этих анархических фраз Энгельс ограничивается саркастическим замечанием, что как-раз сторонникам революции пришлось стать «участниками этой временной и революционной правительственной власти» в Алькое. Энгельс третирует этих господ с заслуженным ими презрением за то, что они обнаружили, оказавшись у власти, «абсолютную беспомощность, растерянность и неэнергичность». Энгельс с таким же презрением ответил бы на обвинения в «якобинизме», излюбленные жирондистами социал-демократии. Он показывает, что в ряде других городов, напр., в Сан-Люкар-де-Баррамеда (портовый город с 26 тыс. жителей около Кадикса), «аллиансистам тоже пришлось вопреки их анархическим принципам образовать революционное правительство». Он упрекает их за то, что они «не знали, что делать с своей властью». Прекрасно зная, что бакунистские вожди рабочих участвовали во временных правительствах вместе с интранс и ж е н т а м и, т.-е. вместе с республиканцами, представителями мелкой буржуазии, Энгельс ставит в упрек бакунистам не их участие в правительстве (как это следо-

называет не царское самодержавие, а бюрократизм; в-5-х, что в своем хадатайстве Дума трусливо обходит вопрос о характере народного представительства (совещательное или законодательное); в-6-х, что вместо Учредительного Собрания Дума ограничивается царской комиссией при министерстве внутренних дел, а вместо всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права—всеобщей подачей голосов по сословиям; в-7-х, что, умалчивая о свободе стачек и об уничтожении постоянного войска, Дума ясно показывает, что будущую свободу она требует не для рабочего класса, а для его врагов и, наконец, в-8-х, что это ходатайство Думы вызвано жалким страхом перед народной революцией («Мы смущены отсутствием твердого порядка»...), — принимая все это во внимание, собравшиеся находят, что конституционное ходатайство Иркутской Городской Думы является при настоящих условиях: А) утопичным, так как русско-японская война и внутренняя политика самодержавия сделали невозможной в России конституционную монархию, ибо народ не успокоится до тех пор, пока на русской земле не будет ни одного Романова; Б) реакционным, так как просить и требовать что-нибудь у самодержавия в тот момент, когда уже сам народ рвет цепи и выносит смертный приговор монархии, значит поддерживать и признавать существующий строй; В) преступным, так как требовать «куцую конституцию» в интересах войны, самодержавия и господствующих классов— значит открыто и позорно изменять делу народной свободы.

В заключение, мы считаем необходимым указать, что ходатайство Иркутской Городской Думы ни в коем случае нельзя послать от имени всего городского населения, ибо оно выражает интересы не 70.000 этого населения, а кучки избирателей в 150 человек—кучки чиновников и купцов, содрагающихся перед суровым призраком грядущей Всероссийской Революции».

Воронеж. Наш сонный город оживился. К движению примыкают приказчики, портные, даже прачки. Настроение крестьян очень тревожное, и губернатор принужден был создать особый «мобилизационный план» для их усмирения: так как местные солдаты, главным образом, из крестьян нашей же губернии, то после первых аграрных беспорядков были выписаны солдаты из Рязани и казаки. Воронежским Комитетом (бывшей «Кассой Борьбы») в марте и апреле во многих селах были распространены издания Центр. Комитета: «Крестьяне, к вам наше слово», «Они заговорили», а также изданные местным комитетом программа партии и требования петербургских рабочих.

Губернатор, известный экзекутор Андреевский, устраивает избиения волнующихся крестьян. Так, в деревне Мастягино, Коротоякского уезда, староста по его приказанию собрал всех крестьян в училище; затем казаки окружили толпу, и началась дикая расправа над безоружной массой. Одна женщина умерла во время бойни. Соседняя помещица, приехавшая перевязать раны избитым, никого не нашла: все население пряталось в лесу. Подобные же бойни устраивались и в других деревнях.

Великие Луки. 5-го мая у нас были разбросаны первомайские прокламации, арестовали одного из товарищей, но по снятии допроса освободили.

9-го мая организация решила воспользоваться ярмаркой для распространения воззваний среди крестьян. И на этот раз нашим товарищам не повезло: один из них был схвачен крестьянами, избит и доставлен в участок. При обыске у него на квартире нашли около 20 прокламаций.

Москва. Арестованы: Полина и Мария Розенберг, И. И. Скворцов (Степанов), журналист Серг. Адр. Иванов (из Киева), ст. Евг. Эльденберг, студ. Евг. К. Имшенецкий, Ив. Вишневский, Алекс. Мих. Смирнов, Ал. Григ. Кадыков. Ученики уч. зодч. и ваяния и комм. уч. П. Г Гурин, В. М. Рыбаков, А. Н. Брылев, И. Н. Богомолов, М. Ф. Лылов, И. И. Черилов, Н. М. Филажемнов, П. М. Воронов (Бирюков), И. А. Борисов — препровождены в пересыльную тюрьму. Леонович ст.-техн., Потапов—раб. Мих. Панченко. Арестовано собрание солдат в 25 человек. При аресте была попытка оказать вооруженное сопротивление.

Курсистка Виноградова арестована с транспортом Эрфуртской Программы. В Бутырском районе взято двое рабочих за разбрасывание первомайских прокламаций.

Олонецкая губ. По протесту политич. ссыльных губернии на избиение политиков в г. Каргополе (см. № 17 «Вперед»), каждая колония была уведомлена бумагой губернатора, извещавшей, что на место происшествия выедет прокурор и старший советник губернского правления и что копия дознания будет выдана заинтересованной стороне на случай, если она захочет повести дело судом. Тем временем каргопольская полиция привлекла участников происшествия 15-го марта к ответственности за неподчинение распоряжению местных властей, и земский начальник приговорил всех к аресту на 7 дней. На-днях же по колониям разослано постановление губернского правления такого содержания: «Исправнику, за неуместные и нетактичные его действия, объявить строгий выговор, а полицейскому над-

---

вало бы сделать по «принципам» новой «Искры»), а недостаток организованности, недостаток энергии участия, подчинение их руководству господ буржуазных-республиканцев. Какими уничтожающими сарказмами осыпал бы Энгельс людей, принижающих в эпоху революции значение «технического» и военного руководства, видно, между прочим, из того, что Энгельс упрекал бакунистских вождей рабочих за то, что они, попав в революционное правительство, предоставляли «политическое и военное руководство» господам буржуазным-республиканцам, а сами кормили рабочих пышными фразами, да бумажными прожектами «социальных» реформ.

Как настоящий якобинец социал-демократии, Энгельс не только умел ценить важность действия сверху, не только вполне допускал участие в революционном правительстве вместе с республиканской буржуазией, но требовал такого участия и энергичной военной инициативы революционной власти. Энгельс считал своим долгом при этом давать практически-руководящие военные советы.

«Несмотря на то,—говорит он,—что восстание было начато бессмысленно, оно имело все же большие шансы на успех, если бы оно было направляемо хоть с капелькой смысла*), хотя бы даже по образцу испанских военных бунтов. При таких бунтах поднимается гарнизон одного города, двигается в соседний город, увлекает за собой его гарнизон, распропагандированный уже ранее, и, таким образом, повстанцы, возрастая в числе подобно лавине, идут на столицу, пока счастливое сражение или переход посланных против них войск на их сторону не решит победы. Этот способ был в особенности удобоприменим в данном случае. Инсургенты были давно уже организованы повсюду в добровольческие батальоны; правда, дисциплина в них была жалкая, но во всяком случае не хуже, чем в остатках старой, большей частью распущенной, испанской армии. Единственными надежными войсками у правительства были жандармы, но они были рассеяны по всей стране. Задача состояла прежде всего в том, чтобы помешать этим жандармам стянуться вместе, а это было возможно лишь посредством наступательного

*) Waere er nur mit einigem Verstand geleitet worden. Бедный Энгельс! Жаль, что незнаком он с новой «Искрой»! Тогда он знал бы о гибельности, зловредности, утопичности, буржуазности, технической односторонности и заговорщической узости «якобинской» идеи о проведении (geleitet worden) восстания!

зирателю поставить на вид его неуместное распоряжение по вызову политич. ссыльных в полицию в день прихода этапа; жалобу на политич. ссыльных оставить без последствий и дело считать оконченным».

Варшава. 1-го мая (18-го апреля) вся Варшава была настроена очень нервно. Пройдет ли этот день благополучно, будет ли кровавая бойня или нет,—вот вопрос, который заставлял тревожно биться сердце каждого. День начался хорошо. Не только не дымилась ни одна фабричная труба, но ни одна лавочка не была открыта, ни одна мастерская, даже самая маленькая, не работала. Это могучее действие данного социалистами лозунга—повсюду прекратить работу—произвело на город огромное впечатление. Еще никогда Варшава не видела такого изумительно-почтительного отношения к ясно выраженной воле пролетариата и такой солидарности в среде этого последнего. Руководители рабочих предупредили предержащую власть, что рабочие произведут совершенно мирную первомайскую манифестацию, и если полиция или войска нападут на манифестантов, в результате чего получится бойня, то вся ответственность за пролитую кровь падет на голову представителей власти. Генерал-губернатор Максимович отдал, говорят, распоряжение не стрелять в толпу, если она выстрелами в солдат или полицию не вызовет на подобную меру. Но если даже такое распоряжение и имело место, то оно было подсказано воистину отвратительным лицемерием типичнейшего русского паши, ибо вряд ли можно допустить, что готовившееся избиение манифестантов с помощью провокаторских приемов со стороны полиции было для него полной неожиданностью. А провокация со стороны полиции была несомненная, — об этом с уверенностью, как о неподлежащем сомнению факте, говорят даже в кругах самых реакционных слоев русского чиновничества, заподозреть которое в проявлении симпатий к полякам, да еще при этом рабочим, было бы более, чем неосновательно. Рабочие устроили несколько собраний в этот день, но главная их толпа направилась к Иерусалимской аллее, перерезала Маршалковскую улицу и, согласно плану и ожиданиям полиции, двинулась дальше по той же аллее. Когда она дошла до товарной станции венской жел. дороги, там ждала уже засада. Внезапно появились солдаты, — и впереди их самый отвратительный сорт военных в Варшаве — уланы. Из толпы раздался вдруг выстрел в воздух, несомненно произведенный шпионом. Это послужило сигналом. Пристав 8-й части распорядился, чтоб войска стреляли. Озверелые солдаты, крайне озлобленные тем, что им ни днем, ни ночью нет покоя, не заставили повторять приказания и грянули из ружей. Один за другим последовало т р и залпа... По самому скромному расчету до с т а человек убитых и раненых—разного возраста и пола — осталось на месте. Толпа в ужасе бросилась бежать. Многие искали себе спасения в соседнем дровяном дворе. Но туда ворвались казаки и, бешено рассыпая удары направо и налево, били и калечили не только мужчин, но и женщин и даже детей. Множество лоскутов платья, мужских шапок и женских шляпок, разбросанных по двору, в течение нескольких дней служили предметом любопытства варшавских зевак. Что же касается негодяя пристава, отдавшего приказ стрелять, то он, сделавши свое иудино дело, затем как в воду канул. Многие в защиту его говорят, что он в этот день был пьян и, таким образом, не сумел в критический момент сохранить должного хладнокровия. Но если даже это и так, то тем хуже для правительства и тем безобразнее тот общественный строй, при котором какой-нибудь пьяный полицейский имеет власть «даровать» жизнь или приговорить к смерти многие сотни граждан.

Убитые и раненые были свалены на телеги. Все, подобранные мертвыми, брошены в одну большую яму и похоронены в ту же ночь, при чем многие родственники (напр., я знаю одного сапожника, мужа убитой женщины) напрасно плакали и умоляли отдать им на руки дорогие для них трупы. Трусливое правительство поспешило убрать следы своего преступления. Но раненых все-таки никак уж нельзя было сложить в общую «братскую» могилу и их отвезли в больницу (человек около 60). В первую же ночь 16 человек умерло от ран; мертвецов поместили в морг и позволили публике приходить узнавать своих родных или знакомых.

Глазам посетителей морга представлялась мрачная, ужасная картина. Вот лежит старик с простреленной грудью. Бедный, — он с радостным сердцем и с умиленной душою примкнул к рядам революционной молодежи, и пел вместе с нею своим старческим голосом ее победные песни, и уверовал, на последок дней своих в лучшее будущее для рабочих людей; но озлобленный и не ведающий, что творит, русский солдат сразу погасил эту жизнь... Вот беременная женщина, умершая от раны в живот... Вот молодая интеллигентная девушка с простреленным виском. Это дочь доктора, курсистка. Она случайно шла по улице, и солдатская пуля прикончила ее молодую жизнь... При виде всех этих жертв в душе шевелится беспредельное чувство злобы

образа действий и при смелом выступлении на бой в открытом поле. Большой опасности такой образ действий не представлял, потому что правительство могло выставить против добровольцев лишь столь же недисциплинированные войска, как и сами эти добровольцы. И кто хотел победить, у того не было иных путей к победе».

Вот как рассуждал основатель научного социализма, когда ему приходилось иметь дело с задачами восстания и непосредственной борьбы в эпоху революционного взрыва! Несмотря на то, что восстание было поднято мелкобуржуазными республиканцами; несмотря на то, что для пролетариата не стоял вопрос ни о социалистическом перевороте, ни об элементарно необходимой политической свободе;—несмотря на это, Энгельс страшно высоко ценил активнейшее участие рабочих в борьбе за республику, Энгельс требовал от вождей пролетариата, чтобы они всю свою деятельность подчинили необходимости победы в начавшейся борьбе; Энгельс входил при этом и сам, как один из вождей пролетариата, даже в детали военной организации; Энгельс не пренебрегал, раз это нужно было для победы, и устаревшими способами борьбы военных бунтов; Энгельс во главу угла ставил наступательный образ действий и централизацию революционных сил. Самые горькие упреки направлял он против бакунистов за то, что они возвели в принцип «то, что было неизбежным злом в эпоху немецкой крестьянской войны и во время майских восстаний в Германии в 1849 году, именно р а з д р о б л е н н о с т ь и о б о с о б л е н н о с т ь р е в о л ю ц и о н н ы х с и л, позволившие одним и тем же правительственным войскам подавлять одно отдельное восстание за другим». Взгляды Энгельса на проведение восстания, на организацию революции, на использование революционной власти, как небо от земли, отличаются от хвостистских взглядов новой «Искры».

Подводя итог урокам испанской революции, Энгельс отмечает прежде всего, что «бакунисты оказались вынужденными, как только они очутились перед серьезным революционным положением, выбросить за борт всю свою прежнюю программу». Именно, во-первых, пришлось выбросить за борт принцип воздержания от политической деятельности, от выборов, принцип «уничтожения государства». Во-вторых, «они выбросили за борт тот принцип, что рабочие не должны участвовать ни в какой революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения пролетариата, они участвовали сами в движении заведомо чисто-буржуаз-

и обиды... А на дворе, у двери мертвецкой, толпа рабочих с угрюмыми лицами старается проникнуть в здание морга, чтобы поискать среди мертвецов близких людей. Какой-то студент, весь вспотевший и потерявший фуражку, требует охрипшим от крика голосом, чтобы толпа была терпеливее и ждала очереди. А когда его слова не оказывают должного действия, он и несколько других добровольцев, взявшись за руки, оцепляют дверь и стараются не пустить напирающую сзади толпу. Начинается драка... Крик, шум, женские вопли...

При выходе со двора больницы около забора толпится кучка людей. Они читают наклеенную на заборе прокламацию, в которой П. социал-демократия приглашает рабочих ответить на зверское избиение всеобщей забастовкой. Внизу прокламации карандашом кто-то сделал приписку, — почерк крупный, буквы смотрят в разные стороны; так и видно, что карандашом водила рука, более привыкшая обращаться с долотом, чем с пером: «Дайте нам брони» (дайте нам оружия),—гласила эта красноречивая надпись... О, если бы только оружие и в самом деле было в руках варшавского пролетария! Достаточно одного только беглого взгляда на него, на этого естественного мстителя за поруганный, угнетенный народ, на его угрюмое лицо, на его глаза, в которых светится мрачный, зловещий огонек, чтобы догадаться о вероятной незавидной судьбе всех этих Максимовичей, приставов, жандармов, шпионов и блестящих гвардейских офицеров, хотя и гордых своими победами над безоружной толпой, но не без смущения поглядывающих на фонарные столбы, если бы... если бы по части этой самой «брони» было немножко более благополучно. Но оружия у рабочих нет и, — нервно настроенные, — они поневоле должны довольствоваться партизанскими нападениями на врага. И в этот кровавый день 1-го мая не обошлось без бомбы, которая все более становится обычной, так-сказать повседневной, подробностью варшавской общественной жизни. Бомба была брошена поздним вечером в патруль, проезжавший около Венского вокзала. Сфера ее действия оказалась изумительно громадной. Часы на башне вокзала были разбиты. Окна домов на протяжении саженей 70 разлетелись вдребезги. Но патруль остался цел и невредим, хотя лошади под казаками были убиты. Быстро вскочившие на ноги казаки стали тотчас же стрелять в прохожих.

На другой день, 2-го мая после полудня, по приглашению социалистических партий, вся рабочая Варшава, за небольшими исключениями, забастовала, выражая тем свой протест против вчерашних зверств. Но настоящий протест, настоящая месть за совершонные правительством злодеяния еще впереди. Берегитесь, проклятые палачи!...

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Одесса. (В № 2 мы сообщили подробности о ходе стачки в Дальницком районе. Приводим теперь из бюллетеня Одесского Комитета сведения о забастовках в других районах. Ред.).

В Пересыпи забастовка началась 1-го вечером с мельницы Вайнштейна. Рабочие пошли снимать с работы на другие мельницы. На другой день забастовали все мельницы. 2-го и 3-го забастовали заводы: Гена, Шполянского, Бродского, Новороссийского о-ва, Фендриха и Росталя. 3-го состоялось собрание на заводе Шполянского. Сначала рабочие не хотели пустить на собрание рабочих с фабрики Бродского, но нашему оратору удалось убедить, указав на единство интересов всех рабочих. Всего было свыше 300 человек. Когда наш оратор начал говорить, раздались восклицания, что не надо употреблять «мешающих делу» слов. На это оратор ответил, что все равно собрание незаконно. Тогда раздались крики: «говорите все». Оратор поставил этот вопрос на баллотировку, и собрание решило единогласно, что надо говорить все. Оратор говорил 2 часа; подробно развил мысль о необходимости политической свободы для экономической борьбы. Выработали экономические и политические требования. Требования были приняты по пунктам единогласно. Около собрания стояли пристав и несколько городовых. Пристав пытался разглядеть оратора, который был окружен рабочими. После этого толпа в 100 чел. направилась к пробочной фабрике Юлиуса. Там дан был тревожный гудок; все вышли, при чем незначительная часть рабочих выражала недовольство, не соглашаясь на предложение пришедших итти дальше к Арбсу и Асвадурову. Отсюда толпа человек уже в 200 направилась к Асвадурову, но асвадуровцы, еще раньше, услыхав тревожный гудок с фабрики Юлиуса, сами бросили работу и разошлись по домам. Затем пошли к Арбсу. Дали тревожный гудок, но те не хотели выйти. Туда прибыли казаки, солдаты и полиция, разогнали толпу, при чем задержали трех рабочих: 2-х сейчас же освободили, а третий еще

ном». В-третьих,—и этот вывод дает ответ как-раз на наш спорный вопрос,—«они попирали только-что провозглашенный ими самими принцип: будто учреждение революционного правительства есть лишь новый обман и новая измена рабочему классу,—они попирали его, преспокойно заседая в правительственных комитетах отдельных городов и притом почти везде как бессильное меньшинство, майоризируемое господами буржуа и политически эксплоатируемое ими». Не умея руководить восстанием, раздробляя революционные силы вместо централизации их, уступая проведение революции господам буржуа, распуская прочную и крепкую организацию интернационала, «бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как не следует делать революцию».

* * *

Суммируя вышеизложенное, получаем следующие выводы:

1) Принципиально ограничивать революционное действие давлением снизу и отказываться от давления также и сверху есть анархизм.

2) Кто не понимает новых задач в эпоху революции, задач действия сверху, кто не умеет определять условия и программу такого действия, тот понятия не имеет о задачах пролетариата во всякой демократической революции.

3) Тот принцип, что для социал-демократии недопустимо участвовать вместе с буржуазией во временном революционном правительстве, что всякое такое участие есть измена рабочему классу, есть принцип анархизма.

4) Перед партией пролетариата всякое «серьезное революционное положение» ставит задачу сознательного проведения восстания, организации революции, централизации всех революционных сил, смелого военного наступления, энергичнейшего использования революционной власти.

5) Маркс и Энгельс не могли одобрить и никогда не одобрили бы тактики новой «Искры» в теперешний революционный момент, ибо эта тактика как-раз состоит в повторении всех перечисленных выше ошибок. Маркс и Энгельс назвали бы принципиальную позицию новой «Искры» созерцанием «задней» пролетариата и перепевом анархических заблуждений.

В следующей статье мы перейдем к разбору задач временного революционного правительства.

(*Н. Ленин*).

сидит. 6-го начали работать на мельнице Вайнштейна, а 7-го у Анатра. У Рестеля были выбраны представители для выработки требований. Требовали: 9-час. рабочего дня, повышения платы на 20%, бесплатной медицинской помощи, неувольнения рабочих без согласия самих рабочих, сохранения платы за время болезни. Первые 2 пункта не удовлетворены, 3-й удовлетворен, а к 4-му пункту фабрикант прибавил слова: без «уважительных причин». Рабочие собираются выработать новые требования, в числе которых будет 8-часовой рабочий день. В понедельник были посланы выборные некоторых заводов к градоначальнику просить о разрешении общего собрания. Градоначальник ответил, что общее собрание рабочих излишне. Пусть собираются отдельно по заводам. Ему ответили, что у рабочих есть общие интересы, и что они не предвидят успеха в своей борьбе, если не будут собираться вместе. Наконец, градоначальник послал их к фабричному инспектору Попову. Попов сказал, что ничего не имеет против общего собрания, но что это не в его ведении, и что он всегда защищал интересы рабочих. Рабочие уличили его во лжи, приведя примеры. Это его сильно рассердило; он советовал пойти к градоначальнику, сказав, что и сам сейчас туда поедет. Градоначальник не принял. Рабочие ждали и ни с чем ушли обратно. То же самое повторилось и на другой день. На 3-й день пристав пытался быть посредником между рабочими и фабрикантами, агитировал против политических требований, советовал через выборных подать прошение об учреждении комиссий из рабочих и хозяев для разбора столкновения. Некоторые фабрики поддались на эту полицейскую удочку. Наши агитаторы вели контр-агитацию. Наши листки были распространены в целом ряде фабрик и мастерских.

В городском районе сапожники и заготовщики бросили работу за 4—5 дней до 1-го мая. Требования общепролетарские (эконом. и полит.). Ряд собраний. Держались 4—5 дней. Успех частичный. Через 2 дня стачечное настроение лихорадочно охватило почти все цехи. Бросили работу портные, столяры (руководит Комитет), слесаря-кроватники (руководит исключительно Комитет), слесаря-строительные (соц.-дем. не руководит). Побросали работу резчики по дереву и белошвейки. Растет забастовка модисток. Не работает целый ряд мелких фабрик и заводов. На остальных брожение. Табачные фабрики: у Попова забастовка со 2-го (руководит Комитет и Бунд); брожение на остальных (Ашкинази, Бободан и др.). Был ряд собраний. Типографии: 2-го забастовали у Кульберга и в некоторых других крупных типографиях. Забастовщики толпами ходили от типографии к типографии с криками: «бросайте работу». Было столкновение с казаками. Несколько избитых. Теперь все типографии работают. Типографщиками подана петиция о разрешении собраться и обсудить свои нужды. Во многих цехах рабочие хотели просить о разрешении собраний. Удалось отговорить их от этого. В настоящее время еще почти все цехи держатся. У многих забастовка будет выиграна отчасти, а то и полностью. Влияние социал-демократии возросло во много раз. Почти нет такого цеха, где бы не было связей у той или иной с.-д. организации. Почти везде руководят социал-демократы. Наши листки были распространены в целом ряде фабрик и мастерских.

Что касается Дальницкого района, то там, по сведениям редакции, возбуждение и забастовка продолжались еще 8—9 мая (праздники). Полиция агитирует: городовые и надзиратели доказывают, что во время кризиса стачка не может быть выгодна, что политики нарочно подстрекают рабочих к стачке теперь, так как заботятся не об интересах рабочих, а о своих собственных. У Бродского на сахарном забастовщиков рассчитали. Кое-где произошел раскол: часть рабочих требует возобновления работ.

Меньшевики ведут усиленную агитацию за легальные собрания; был выпущен даже листок с призывом требовать легального собрания. Наш корреспондент прибавляет: «Никаких других лозунгов в нем не было. Мотивируют они свою «новую» тактику таким образом: надо призвать побольше рабочих для обсуждения своих требований. Необходимо заставить их требовать у градоначальника залы для обсуждения своих нужд; он откажет, а мы используем отказ в агитационном смысле. Бедные! Где и какие факты для агитации начали они искать! Ведь, до этого не доходили и рабочедельцы... Как-будто у нас мало фактов, резко бьющих в глаза, которые можно использовать, как агитационный материал! Мы обсуждали листок почти во всех наших группах, и все рабочие выражали меньшевикам порицание; говорят, что и в их рядах «новая тактика» принята и одобрена далеко не всеми».

Николаев. 1-е мая у нас предполагалось праздновать вооруженной демонстрацией. Для этой цели вошли в соглашение оба комитета нашей партии и еще две местных организации. Обещания последних (конспиративного характера, поэтому опускаем их содержание. Ред.) были выполнены в ничтожной мере. Что касается меньшевиков, то на их обязанности лежало остановить французский завод. Когда наш организатор подошел сюда, то нашел только наших организованных рабочих, до 300 человек. Так как решено было демонстрации с одними только организованными рабочими не устраивать, то наш организатор и агитатор предложили рабочим разойтись и дали об этом знать на бульвар.

Первомайское соглашение было поучительно в смысле выяснения взаимных сил: получилось впечатление, что у меньшевиков нет ни рабочих, ни руководителей. И если раньше раздавались голоса рабочих за слияние двух комитетов во имя положительной работы, то теперь и слышать об этом не хотят. Наши связи расширяются помимо наших усилий. Техника работает хорошо: выпущены листки «1-е мая» к солдатам и «Итоги 1-го мая». Пропагандистских кружков в данный момент 19, в них около 200 человек.

Рига. Несмотря на удар, нанесенный организации два месяца назад, когда один из российских вождей меньшинства отколол значительную часть периферии, Комитет успел сорганизовать несколько сотен рабочих (русских, латышей, литовцев, евреев, поляков и немцев), главное—расчистил путь для дальнейшей работы. Существование пяти социал-демократических организаций в одном городе ставит здешнюю работу в худшие условия, чем в других городах, но у нас есть много данных для объединения всех социал-демократов в одну организацию, чтобы развернуться до максимальной широты работы, возможной при самодержавии. Собственно настоящего, сознательного «меньшинства» здесь нет, а есть один дезорганизатор, автор раскола, за которым слепо шли 30—40 человек; но уже возникают опасения, что они скоро свергнут диктатуру своего вождя и, чтобы не итти к «самодержавному» комитету, создадут свою (шестую) рижскую социал-демократическую организацию. Спросят: куда же девались те 300 человек, о которых накричало местное меньшинство? Увы! Большая часть их разбрелась, забыв о самодеятельности, а часть ушла,—стыдно сказать,—к социалистам-революционерам.

Рабочее движение в Риге необходимо сосредоточить под руководством одного комитета, а не комитетов национальных партий, так как нет фабрики, на которой весь состав рабочих принадлежал бы к одной национальности: таким образом организация, преследующая хотя бы и пролетарские цели, но замкнутая в национальные рамки, не имеет возможности организовать весь местный пролетариат. Здесь должна быть организация вненациональная, а таковой может быть только Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.—Замечу, между прочим, что Бунд здесь довольно слаб, и дела его идут на убыль.

От ред. Для характеристики социал-демократической работы в Риге приводим выдержки из листка Рижского Комитета, отпечатанного в количестве 3.000 по-русски и 5.000 по-латышски.

«Майский праздник является праздником борьбы не только с капиталом, но и с самодержавием. И праздновать его мы должны не только забастовкой-протестом против гнета капитала, но и политической демонстрацией-протестом против самодержавного правительства.

«Отчего же у нас в Риге не было этого? Отчего у нас празднование 1-го мая носило такой же неполный характер? Быть-может, нам помешала военная сила царизма, все эти казаки и солдаты, которыми наводнило Ригу царское правительство? Но мы знаем, что и в других городах не меньше тех и других, а все-таки там состоялись демонстрации. Мы знаем, что солдаты были в Риге и в январе, однако, это

не помешало устраивать тогда грандиознейшие демонстрации. И каждый из нас знает, что не жертв мы боялись 1-го мая, каждый из нас знает, что без жертв не бывает борьбы, а без борьбы не бывает свободы и счастья. Нет, на этот раз нам помешала отпраздновать свой праздник наша неорганизованность или, вернее сказать, раздробленность.

Мы, рижские пролетарии, принадлежим к различным национальностям и, хотя всех нас эксплоатируют одни и те же хозяева, угнетает одно и то же правительство, раздроблены на несколько самостоятельных организаций. Работая в одной фабрике и в одной мастерской, живя одними и теми же интересами, мы тем не менее являемся чуждыми друг-другу. Каждый из нас знает свой «Бунд», свою «Латышскую» или «Российскую» партию, как-будто у всех нас не одни и те же интересы, не одно и то же дело? Как-будто фабрикант эксплоатирует рабочего-латыша потому, что он латыш, а не потому, что он пролетарий, как-будто казаки избивают нагайками рабочего-русского за то, что он русский, а не за то, что он «бунтовщик». Пока будет существовать самодержавие, все мы — русские, евреи и поляки будем оставаться бесправными рабами, высшим законом для которых является казацкая нагайка. Пока будет существовать капитализм, все мы — латыши, литовцы и немцы будем влачить жалкое существование рабочего скота, вечным уделом которого является подневольная работа на праздного капиталиста. И мы нисколько не поможем своему горю, если забудем, что мы — пролетарии, а будем помнить, что мы — евреи, латыши, русские.

«Минувший праздник 1-го мая лучше всего показывает это. Наши организации не могли столковаться относительно празднования его, потому что они чужды друг-другу и ведут взаимную борьбу, потому что узнать друг-друга можно только на совместной работе, а без этого не может быть того взаимного доверия и той братской связи, которые необходимы для успеха общего дела. Мы бродили по улицам разрозненные, не зная, куда итти и что предпринять, не зная, что будут делать другие и где собираются. Какая же демонстрация возможна при таких условиях?

«Товарищи! Пусть неудача первомайского праздника будет нам уроком на будущее. Пусть научит она нас понимать и ценить значение самой тесной сплоченности всех наших сил, братской солидарности всех наших действий. Пусть заставит она нас забыть, что мы принадлежим к разным народностям, и помнить всегда и прежде всего, что мы составляем один класс пролетариев».

Харьков. Первомайская агитация началась с 14-го апреля, когда на собрании 25 организованных рабочих обсуждался вопрос о праздновании, в связи с вопросами о вооруженном восстании и демонстрациях. Следующее собрание было 18-го апреля и вынесло резолюцию привета международному борющемуся пролетариату, а также высказало свое отношение (резолюцией) к лицам, угрожающим расколом на съезде или желающим его сорвать. Дальше собрания происходили почти беспрерывно.

Особенно интересные и многолюдные собрания бывали в столовой паровозо-строительного завода, один раз пришлось выставить в ней все рамы для того, чтобы дать возможность слушать стоящим на улице: столовая вмещает только 700 человек, а на этот раз собралось около 1000. Говорили о значении 1-го мая и о способах празднования. Были приняты резолюции привета международному пролетариату, и передать этот привет по назначению просили наши социал-демократические газеты. Отсутствие социалистов-революционеров позволяло собраниям проходить гладко. С меньшевиками были только мелкие стычки; например, они требовали посылки привета для напечатания только в «Искру», а не вообще в с.-д. газеты. — Об этом и заявил оратор в конце-концов, прибавив, что другие могут посылать резолюцию, куда им угодно. Более крупная стычка была по поводу призывов к демонстрациям. Я указывал на агитацию, как цель празднества, которая наиболее полно будет достигнута, если праздновать 1-е мая в воскресенье, бросив в субботу работу пораньше, — и политическими забастовками с митингами в понедельник: ведь, наша цель привлечь к движению еще мало затронутые слои пролетариата. О демонстрации я говорил следующее: указывал на опасность игры в приключения, на то, что револьвер при массовых уличных арестах даст возможность администрации продержать их 3 месяца в участке, но не даст возможности не только победить, но даже сопротивляться. Лучшее средство — разойтись с наименьшими потерями, для чего махорка с перцем лучше револьвера и ножа. Вообще, указывал, что лучше избегать столкновений.

Организованными рабочими нашими и комитетскими за несколько дней до первого мая была вынесена следующая резолюция. Обсудив всесторонне вопрос о дне празднования первого мая, высказалось 13 голосов за празднование его в воскресенье, начав забастовку в субботу, в 12 ч. дня и 13 за празднование в понедельник, 2-го. По вопросу о характере празднования собрание приняло резолюцию, в которой признается необходимым праздновать первое мая путем всеобщей однодневной политической забастовки и путем возможно большего количества собраний, на которых социал-демократами выяснялись бы нужды и задачи пролетариата, находя этот способ в настоящий момент наиболее полезным и вполне достойным пролетариата. Демонстративное выступление на улицу даже с оружием в руках признается теперь не своевременным, так как вооруженную демонстрацию нельзя отделить от вооруженного восстания. Народное восстание, которое вспыхнет стихийно, сознательный пролетариат должен обратить в вооруженное и стать во главе его. Для этого необходимо сорганизовать и собрать все наши силы, не растрачивая их бесследно, так как вооруженная демонстрация при настоящей подготовленности правительства превратится во всяком случае в бойню и дезорганизует наши силы. Собрание находит, что вооруженная демонстрация при настоящих условиях началом восстания быть не может, а потому следует беречь силы для решительного нападения в момент наибольшей растерянности правительства.

В субботу днем, как мне известно, бросили работу некоторые пекарни и мельница Дубинского. Вечером, после концерта Шаляпина, был устроен митинг в народном доме. Воскресенье прошло тихо, только масса шпиков и военных оживляли пустынные улицы. В понедельник рабочие шли на заводы, возбужденные до последней степени, и больше всех паровозостроительные. Там с утра не работали, а около 8 часов раздался призывной гудок. Рабочие паровозостроительного собрались в мастерской. На работу вышло около 1000 из 3000 человек. Все боялись столкновения с войсками.

Паровозостроительные направились к лужайке (по-местному Левада) около столовой. Тут была масса казаков, драгун, солдат, полиции. Приезжал полицеймейстер и сказал, что мирную демонстрацию дозволит, дозволит и флаги, если на них будет написано только «да здравствует первое мая» и «да здравствует 8-часовой рабочий день». Он знает, что кроме этих есть и другие, но их допустить он не может.

На собрании говорили о значении первого мая; вынесли резолюцию привета международному пролетариату и порицание железнодорожным рабочим, не примкнувшим к забастовке. Пели революционные песни. Потом шли вместе по Петинской и Оренбургской улицам; по дороге всех приветствовали с 1-м мая, а войска—«с первым мая» и «долой войну!». Около монополии толпу разъединили, оставшихся около 200—300 постегали нагайками; били не сильно. Одного товарища десять казаков под-ряд даже не тронули, хотя, казалось, нагайками хотели сокрушить. Один из казаков нарвался: офицер увидел, что он сплутовал, вытянул самого казака через плечо нагайкой, тот свирепо замахнулся... товарищ уже закрыл глаза, ожидая удара, но почувствовал не боль, а лишь то, что нагайка легла на плечо: казак все-таки не ударил. Вообще казаки заявляют, и даже публично, на открытых массовых собраниях (тут пользуются всяким удобным случаем для их устройства), что они будут бить лошадей, но не рабочих-демонстрантов. Они говорят, что они не могут к нам перейти, потому что еще мало рабочих выходит на улицу. А тогда — перебейте офицеров, и будьте вы нашими атаманами. Рабочее движение, в связи с общественным подъемом, видимо, влияет на казаков. Другое избиение было немного дальше около депо. Там были полицейские и околоточные, и после казаки, только не с Петинской улицы. Дальнейшие события произошли вечером в городе.

Вечерняя демонстрация в Университетском саду никем не была организована. Настроение должно было во что-нибудь вылиться, и вот в результате неудачная демонстрация. Рабочих было сравнительно мало; многие попали туда случайно.

На канатном заводе Корякина (Новая Бавария, работает 4.200 женщин и 500 муж.) забастовали с обеда (в ночь были аресты и арестовано было пять человек).

Возбуждение, вообще, было колоссальное, и первое мая имело громадное значение.

Екатеринослав. Организованные рабочие Брянского завода просили Комитет Большинства сделать попытку обратить обычное ежегодное скопление огромного числа рабочих на заводе вечером накануне настольного воскресения в политический митинг (собрание). Комитет предвидел много трудностей для выполнения этого плана и считал довольно-таки рискованным выставлять оратора с революционными речами перед толпой, настроенной религиозно или, по крайней мере, привычно-празднично. Он мог опасаться последствий такого выступления тем более, что полиция теперь всегда имеет верных помощников в лице организованных ею черных сотен. Но настроение нашей социал-демократической молодежи было такое повышенное, жажда революционного дела так велика и успех задуманного ими плана казался им столь несомненным, что Комитет не нашел в себе достаточно твердости, чтобы отказать молодым товарищам в согласии на их просьбу. В назначенное время на Брянский завод был отправлен оратор. Как и следовало ожидать, обстановка для произнесения революционно-политических речей была слишком неблагоприятна: попы пели свое «На божественной страже» в устроенном для этой цели открытом павильоне, тысячи людей расположились с пасхальными явствами, ожидая обычного освящения их, полиция в разных концах наблюдала за порядком... И только небольшая кучка в полторы сотни рабочих — социал-демократов, окружив своего вождя плотным кольцом, озабоченно озиралась направо и налево, выжидая благоприятного момента для произведения на толпу должного действия при выступлении оратора с речью. Задуманное предприятие удалось только наполовину. Речи перед толпой в 6.000 человек сказать не пришлось; но когда все стали уже расходиться, были разбросаны прокламации и наш оратор выступил с речью перед толпой в 500 или несколько более человек. В этой речи он указывал, что рабочие всей России — и в Петербурге, и в Варшаве, и на Кавказе и в других местах — уже революционно выступают против самодержавия, а еще более того спешно готовятся к «последнему и решительному бою» с этим чудовищем, — организуются, вооружаются... Указав затем на значение дня 1-го мая, когда рабочий класс как бы производит смотр своим боевым силам, он приглашал екатеринославских рабочих в свою очередь достойно отпраздновать, если не ближайшее (заграничное) 1 мая, в виду неподготовленности к этому моменту, то, по крайней мере, русское 1-е мая. Слушатели отвечали дружным и громогласным «ура» на заключительные возгласы оратора: «Долой самодержавие!» «Да здравствует революция!» «Да здравствует социал-демократия». После речи толпа благополучно разошлась. К сожалению, и русское 1-е мая отпраздновать так, как это предполагалось, не удалось. Накануне этого дня полиция произвела набег на все «подозрительное», и массу лиц арестовала. Демонстрация была отменена. Правда, днем толпа человек в 300 скопилась на проспекте около городского сада, но городовые и казаки быстро, без всякого труда разогнали ее. При этом произошел грустный случай. Проезжал мимо толпы полицмейстер с приставом и, велев этому последнему принять меры к рассеянию толпы, сам проследовал дальше. Пристав же, энергично принявшийся за выполнение возложенного на него поручения, натолкнулся на неожиданное для себя сопротивление: один молодой человек (с очень интеллигентным лицом) послал в пристава пять пуль; пристав к вечеру умер, но и стрелявшему пришлось плохо. Он бросился было бежать, да какой-то казак (или городовой) пустил ему вдогонку пулю и ранил, после чего на него с остервенением набросились городовые и с необычайной жестокостью избили. В участке, куда его затем привезли, снова принялись бить несчастного и избили до полусмерти, так что вряд ли даже он останется в живых. Несмотря на неудавшееся 1-е мая, настроение у рабочих очень боевое. Но нужны руководители, нужна правильно и прочно поставленная на ноги организованная революционная работа. Рабочие, видимо, не хотят выступать открыто в одиночку и ждут момента, когда одновременно повсюду начнется восстание. Думается, что этот момент не за горами.

Орехово-Зуево. В нашем огромном центре скопления рабочих социал-демократическая пропаганда давно свила себе прочное гнездо. Фабриканты и полиция постоянно принимали всевозможные меры строгости и сыска, но... увы! сознание рабочего класса слишком живуче и мощно, чтобы его можно было этими мерами надолго затемнить. Бывало время, когда думалось, что все погибло, все рухнуло, но нет!... один к одному собирались уцелевшие от разгрома и эти одиночки вновь поднимали на своих плечах трудное дело организации и пропаганды. Не успеют они оглянуться, как возле них смелыми побегами уже пробилась молодая, буйная поросль, переполненная кипучими соками жизни.

Так было и в нынешнем году. Рабочие у нас долго волновались, но как-то все неопределенно. Бывали частные аресты. Организация то поднималась, то упадала. Но вот Московский Комитет нашей Партии стал постоянно присылать на подмогу хорошие силы, и мы живее повели работу. К первому мая настроение поднималось. Рабочие ждали маевки. И первого мая к нам приехали комитетчики из Москвы. Была собрана массовка. Когда уже шло собрание, подвалили еще рабочие. Оказывается, они искали массовку и натолкнулись на собрание, где говорил социалист-революционер.

— Приходим это мы, — рассказывали рабочие, — видим какой-сь говорит... Подошли мы. Слушаем... Что-то говорит, кабыть это не наш... Нам сейчас прокламации дают... смотрим, нет, не наши... Да и говорит как-то скучно... Постояли мы там, да ушли искать своих...

Веселое было настроение рабочих, бодрое такое. Но к концу массовки постигла нас неудача. Два оратора уже сказали речи. Только было третий начал, как патрули дали знать, что в большом числе едут казаки. Пришлось спасаться. Три четверти версты, чтобы успеть скрыться, — пришлось бежать бегом. Потом еще долго колесили, пока попали в людные места. Рабочие разбрелись. Комитетских ораторов сопровождали несколько человек, дабы показать дорогу. На улицах масса рабочих. Приход посторонних возбудил любопытство. И так и этак судили на улицах, кто это по улице из новичков идет. — «Мелкая буржуазия»,—решали вслух рабочие, глядя на городской наряд комитетчиков. Кое-как комитетчикам удалось скрыться, но по пути забрели в одном из поселков в какой-то сарай. Оказалось, что сарай-то был поповский, и поп там накрыл всю компанию, — еле от него ноги унесли. На другой день поп произнес в местной церкви проповедь о «крамоле», «потрясателях основ» и «пагубной пропаганде».

Представители Московского Комитета оставили рабочим значительное количество прокламаций, отпечатанных в типографиях Московского Комитета. Первомайское настроение передалось и массе орехово-зуевских рабочих. Чувствовался какой-то подъем духа, ожидание чего-то особенного, торжественного и важного.

Баку. Подводя итоги празднованию 1-го мая, Бакинский Комитет в листке № 64 говорит:

«Праздник труда, 1-е мая, прошел в России всюду, если не считать Польши, по наружности тихо и мирно. Миллионная армия рабочих всей России в этом году ограничилась одной лишь двух-трехдневной грандиозной забастовкой. Рабочей Партии удалось удержать пролетариат от кровавых столкновений с насторожившимися царскими сатрапами, чтобы съэкономить свои силы для приближающегося решительного натиска на самодержавие. День этого решительного натиска слишком близок, чтобы давать нашим угнетателям возможность устроить лишний раз кровавую бойню и тем ослабить наши силы. Теперь приступим к работе,—энергичной и смелой работе для подготовки вооруженного всенародного восстания против деспотизма царского правительства. Время для революционной работы теперь самое благоприятное».

Иностранное обозрение [1]).

Политическая полиция в Швейцарии.

[Более года назад известным вождем рабочего движения в Цюрихе—Грейлихом—было предложено в Кантональном Совете назначить комиссию для расследования дел так-называемой «политической полиции». Недавно комиссия закончила свои занятия и в заседании Совета был прочитан ее доклад, представляющий немало интересного. Нашим читателям, вероятно, не много приходилось слышать об этой политической полиции, опутавшей в последние годы сыском и доносом всю Европу].

До 1888 г. политической полиции в Швейцарии не было. Ближайшим поводом к ее возникновению послужило дипломатическое давление со стороны Германии. При обсуждении в рейхстаге 27-го января 1888 года вопроса о продлении исключительного закона против социалистов, известный вождь немецкой социал-демократии Зингер сделал скандальные разоблачения бессовестнейших проделок двух прусских шпионов Шредера и Гаупта, арестованных как-раз в то время в Швейцарии. Разоблачения эти вызвали огромное возбуждение. Зингер доказал, что эти шпики, состоя на службе прусского правительства и получая от него жалование, в то же время работали над изданием известного анархистского листка «Свобода». У Шредера нашли между прочим ящик с динамитом. Документы, которыми воспользовался Зингер, могли попасть в руки наших прусских товарищей только через швейцарскую администрацию. Это, конечно, возбудило ярость берлинского правительства. Но в еще большую ярость должно было привести его разоблачение и арест другого шпиона—Августа Вольгемута; оскорбление и грубости полились из Берлина на Швейцарию. Бисмарк прямо угрожал нейтралитету Швейцарии. Кстати заметим, что еще несколькими месяцами раньше швейцарское правительство выслало целый ряд товарищей, издававших тогда в Цюрихе «Социал-демократ». В числе их был Эд. Бернштейн, Моттлер, Шультер и другие. Спустя некоторое время Бисмарк сообщал одному из репортеров французской газеты («Petit Journal»): «В деле Вольгемута,—говорил он,—я преследовал одну цель: я стремился заставить Швейцарию, чтобы она сама наблюдала за деятельностью социалистов разных стран. И я достиг этого сверх ожидания удачно,—прибавил он с самодовольной улыбкой,—Швейцария организовалась в том духе, в каком я желал».

Действительно, Швейцария организовалась в том духе, в каком желал Бисмарк: она ввела политическую полицию. Сфера деятельности этой полиции и ее задачи определяются лучше всего окружным письмом, разосланным Союзным Советом по кантональным правительствам в 1888 году. Вот существенная часть этого важного, как бы уставного документа. «Политическая полиция,—читаем мы в нем,—направляет свое внимание на публичные и тайные собрания, на газеты и [издания], в которых обсуждаются вопросы политической и социальной организации нашего государства и других государств. Сведения о собрания и [изданиях] должны сообщаться в союзный департамент полиции без особого приглашения».

«Относительно тех лиц, которые принимают активное участие в таких собраниях или в редакции и распространении подобных изданий, кантональная полиция собирает все сведения об их именах, месте рождения, занятии, источниках средств существования и регулярно присылает эти заметки в союзный департамент».

Для выполнения этой программы [послание] указывает необходимость назначения в каждом более или менее крупном городе и местечке одного или нескольких лиц, «которые, обладая некоторыми знаниями (?) и тактом (?), выполняли бы упомянутые функции». Что эти функции нельзя выполнить без шпионов [это ясно, как божий день]. Важно заметить здесь, что в начале политическая полиция формально предназначалась только для наблюдения за анархистами, и преимущественно за иностранными анархистами. Формально возникновение политической полиции стояло в связи с тем параграфом швейцарской конституции, который дает право Союзу, т.-е. Союзному Совету или Союзному Собранию (в Швейцарии двухпалатная система представительства) высылать из Швейцарии иностранцев, угрожающих внутренней или внешней безопасности страны. Фактически же, как видно из приводимого выше письма, политическая полиция получила гораздо более широкие полномочия: следить за тайными и явными собраниями, [занимающимися] социально-политическими вопросами. Фактически деятельность политической полиции в Швейцарии сводилась и сводится к тайному и явному надзору за местным социал-демократическим движением, за собраниями и прессой рабочих. Не нужно быть правоведом, чтобы понять, что подобная полиция стоит в прямом противоречии с демократической конституцией Швейцарии и конституциями отдельных кантонов. Ею нарушается равенство всех граждан перед законом; ею нарушается свобода союзов, собраний, свобода слова и печати; словом, самый факт существования политической полиции есть нарушение принципов демократии, основ демократической республики. И эти основы демократии в современном классовом обществе должны постоянно нарушаться всюду, как бы далеко ни шла демократизация общества.

Для иллюстрации деятельности политической полиции приведем несколько фактов последнего времени, обративших на себя всеобщее внимание. Прежде всего интересно отметить ту роль, которую сыграла швейцарская политическая полиция в кенигсбергском процессе. Напомним, что процесс этот возник по обвинению наших германских товарищей прусским правительством в основании тайного союза для переправы наших изданий в Россию.

7-го ноября 1904 г. в одной из цюрихских буржуазных газет появилась следующая телеграмма: «Как сообщается в «Hartungsche Zeitung», кенигсбергский прокурор произвел несколько обысков у лиц, обвиняющихся в основании тайного союза. Взят целый склад нигилистических памфлетов, изданных главным боевым комитетом (Aktionskomitée) в Цюрихе».

В тот же день цюрихский начальник полиции телеграфировал кенигсбергскому прокурору, прося его сообщить сведения для расследования дела. Ему любезно прислали несколько русских студенческих адресов. К одной русской студентке явилась полиция. Вся

цюрихская колония в течение нескольких дней [находилась под угрозой обысков и других репрессий].

Нужно заметить, что политическая полиция Швейцарии наиболее внимания уделяет русским и итальянцам. Так, Грейлихом приведен в заседании Кантонального Совета от 11-го февраля с. г. целый ряд официальных писем итальянского консульства к цюрихскому начальнику тайной полиции. Из них совершенно ясно видно, что итальянская полиция рассматривала швейцарскую, как свое отделение. [Солидарность] итальянских шпиков и местных [полная]. В одном из своих докладов «по начальству» цюрихский агент пишет:

...«В тот вечер пошел со мной Дарин (так звали итальянского шпика) в ресторан, который посещается анархистами. Чтобы иметь возможность все слышать, я хотел, чтобы меня заперли в один из шкапов. На другой день пришел ко мне Дарин. Он должен был мне сообщить подробность о личностях некоторых ораторов».

А вот еще несколько мест из разных докладов шпиков.

«С. Г. состоит в близких отношениях к революционерам: Бакунину, Кропоткину и Энгельсу».

«Среди местных русских анархистов появилось одно доверенное лицо, вероятно Кропоткин или Плеханов» (?!).

«D-r Г. А. обручился с Х. У. Празднование у Отто Ланга».

«Д-р мед. В. стремился сблизить анархизм с социализмом. В его квартире каждый четверг происходят дискуссии, при чем он предлагает своим посетителям бесплатно(!) кофе, чай, лимонад и сигары».

В этих цитатах много, конечно, и смехотворного, но уже из-под этой анекдотической формы проглядывает очень интересная сущность. Анархизм, тот анархизм, который так пугает буржуазию во Франции, Италии, Испании, здесь не существует. Швейцарский анархизм очень мирного свойства. И уже факт смешения Плеханова с анархистами указывает, куда направляется в действительности забота политической полиции. Не за анархистами гоняется эта полиция, ибо их террористические действия она никогда не могла предупредить, а под предлогом анархистов старается она следить за социал-демократией, за рабочим движением, которое гораздо опаснее для всего буржуазного строя, чем десятки анархистских покушений. Пришел момент, когда демократические права, из-за которых боролась когда-то буржуазия, стали могучим орудием классовой организации и борьбы пролетариата. Буржуазия еще не решается лишить его этого орудия, но уже начинает бороться путем таких антидемократических мер, как политическая полиция. И чем больше будет пролетариат, по выражению Энгельса, нагуливать румяные щеки, при конституционно-демократических условиях, тем более будет вынуждаться буржуазия нарушать конституцию, прибегать к незаконным мерам, уничтожать свою же прежнюю работу.

2. Стачка железнодорожных рабочих в Италии [2]).

Обструкционистское движение служащих и рабочих на итальянских железных дорогах, о котором мы писали в свое время (см. № 14 «Вперед» «Борьба за право стачек»), было прекращено, как помнят читатели, вследствие падения министерства Джиолитти. Новый министр Фортис заявлял устно и печатно что он устранит из проекта выкупа железных дорог § 71, устанавливавший уголовные наказания за участие в стачках. И, действительно, он сдержал слово, но сдержал, как подобает буржуазному министру. § 71 исчез из проекта, но вместо него появился новый—§ 17. Простой перестановкой цифр достигалась еще большая власть правительства над железнодорожными рабочими. В самом деле: § 17 причислял всех железнодорожных служащих к лицам, состоящим на государственной службе, и тем самым подводил их под действие ст. 181 уголовного уложения. Статья эта следующего содержания: «Государственные служащие, которые в числе 3-х или более после предварительного соглашения бросят свои занятия, наказываются штрафом от 500 до 3000 франков и временным отставлением от должности. Тому же наказанию подвергаются государственные служащие, которые оставляют конторы, чтобы препятствовать исполнению служебных дел, или которые причиняют какой бы то ни было вред общественной службе». Таким образом, новый § в действительности оказывается еще более жестоким для рабочих и в гораздо большей мере ограничивает право стачек, чем прежний § 71. Вместо тюремного наказания, которое едва ли было бы применимо к тысячам и десяткам тысяч рабочих, участвующих, в стачках, новой § вводит денежное наказание, более удобное для правительства. Вместе с тем, исправленный проект Фортиса отвергает экономические требования железнодорожных рабочих, которые в течение 20 лет тщетно добиваются увеличения заработной платы, обещанной им соглашением 1885 года. Таким образом, при выкупе железных дорог в казну, согласно внесенному законопроекту, рабочие ничего не выигрывают в экономическом отношении и попадают в еще худшую политическую кабалу. Неудивительно, что при таких условиях железнодорожным служащим и рабочим оставалось только одно средство—стачка. Стачка эта, начавшаяся по призыву агитационного комитета в понедельник, 17-го (14-го) апреля, продолжалась 5 дней и, можно сказать, редко пролетариату приходилось бороться в столь неблагоприятных условиях. Враждебное отношение всех слоев буржуазии вплоть до самых радикальных, с одной стороны, недостаток организаций для осуществления такого громадного предприятия, как всеобщая железнодорожная стачка—с другой, заставили рабочих, в конце-концов, прекратить стачку и пойти на соглашение. Политическая стачка, не имеющая в виду свергнуть существующее правительство, а расчитывающая лишь на давление на него законным порядком, не может иметь успеха, если ей не сочувствуют широкие слои демократии. Чтобы добиться законодательных уступок, необходимо заинтересовать в своих требованиях парламентское большинство, а это возможно лишь путем привлечения на свою сторону общественного мнения страны. Между тем, итальянские стачечники были совершенно одиноки. Еще всеобщая стачка 1904 г. запугала всю буржуазию и сплотила против пролетариата монархистов и республиканцев, радикалов и реакционеров. Недавняя железнодорожная обструкция, нарушившая правильное движение пассажиров и грузов, еще больше восстановила против рабочих общественное мнение собственников. Неудивительно поэтому, что возникшая стачка навлекала на итальянский пролетариат злобу и бешенство всех буржуа, для ко-

торых правильность железнодорожного обращения важнее и дороже правильности кровообращения в их собственных организмах. В печати и на трибуне парламента слышались голоса защитников порядка, требовавших беспощадного подавления пролетариата. И правительство воспользовалось этой поддержкой общества, чтобы обуздать железнодорожный персонал. Оно пустило в ход военную силу, не остановившись пред кровопролитием в местечке Фоджа, где несколько человек было убито и много ранено. В то же время оно ускорило обсуждение в парламенте нового проекта, который и был принят почти без обсуждения, в двух—трех заседаниях, 306-ю голосами, против 34-х. Одним росчерком пера 100.000 железнодорожных работников было возведено в не особенно почетное звание государственных служащих и лишено навсегда права стачек. Мало того. Над всем итальянским пролетариатом висит угроза § 17-го, ибо в любой отрасли производства, имеющей «общественное значение» и «государственную важность» (а какая не обладает этими странными свойствами?), рабочие могут быть при помощи § 17 возведены в сан государственных служащих, т.-е. лишены права стачек.

Не имея возможности, после принятия парламентом законопроекта «продолжать борьбу», агитационный комитет призвал рабочих к прекращению стачки и в то же время вступил в переговоры с министерством. В совещании с представителями рабочих, депутатами парламента Биссолати, Кабрини, Коста и Моргари было установлено три пункта соглашения:

1) что перед окончательным принятием закона будет поручена Высшему Совету Труда разработка проекта третейского учреждения, в котором рабочие могли бы отстаивать свои экономические требования;

2) что председатель совета министров выслушает представителей рабочей организации, чтобы узнать мнение рабочих по вопросу о добавочной плате и других нуждах железнодорожного персонала;

3) что к стачечникам не будут применены репрессивные меры, в роде удаления со службы или перемещения на худшие должности.

Железнодорожные рабочие, конечно, потерпели поражение, но буржуазии не приходится торжествовать победу. Преграждая искусственными мерами естественный ход развития и роста пролетариата, лишая его возможности вести в законных рамках борьбу за его экономическое положение, буржуазия и ее правительство подготовляют революционную бурю, которая неизбежно обрушится на их головы. Итальянский пролетариат уже теперь обладает удивительным революционным настроением и духом солидарности. Эта могучая сила, не находя исхода, несомненно будет накопляться в революционно-политическую энергию, которая взорвет на воздух все преграды, изобретенные буржуазией.

(В. Воровский).

ИЗ ПАРТИИ.

Памяти товарища. 13-го февраля в Воронеже скончался товарищ Владимир Ефимович Бобков—еще одна светлая, чистая жертва русской революции!.. В. Е.—бывший студент Московского и Харьковского университетов, первоначально был выслан на родину в Старый Быхов, Могилевской губ. Молодой, чуткий, вдумчивый — он старался разобраться во всех явлениях жизни, во всем подметить общественную сторону; в разрешение «всяких вопросов» он вносил часть своей души и как-то невольно заставлял окружающих глубже и серьезнее относиться к жизни, невольно он вызывал в человеке лучшие его стороны. Много дал он за год своего пребывания в провинции молодежи, столь же сильно, как и он, тяготившейся обывательщиной, «человечками в футлярах», столь же страстно, как и он, рвущейся к широкой жизни — борьбе. По окончании срока высылки В. Е. поступает в Харьковский унив., где принимает видное участие в студенческом движении, стараясь придать ему чисто-политический характер... Тогда же он примкнул к социал-демократической организации. Все это не обошлось без обычных арестов, обысков, высидок... После одного из арестов он был снова выслан на родину. Его глубокая натура, болезненно чутко реагирующая на все явления жизни, не мирится с бездействием: он начинает работать среди местных рабочих. Не получив приговора по Харьковскому делу, Владимир Ефимович высылается в Сибирь на 3 года по Быховскому делу. Тяготившее его в Сибири бездействие, полная оторванность от жизни, солдатский режим Кутайсова в конец подорвали его силы. И вот — ирония судьбы — свободный от ссылки, он должен себя сам обречь на добровольную ссылку в Харьковскую клинику, где пробыл по предписанию врачей больше двух месяцев. Особенно он мучился своим бездействием в это время: «В такое время,—писал он,—болеть!..» Из Харькова он направился в Воронеж, где и скончался. Последние его слова в бреду были: «кровь, кровь.., соединяйтесь же скорее, соединяйтесь!..» (Это было после 9-го января). В лице Владимира Ефимовича мы потеряли глубокого, вдумчивого революционера, хорошего, чуткого человека — друга. Мир праху твоему, дорогой товарищ! Да будет тебе утешением, что святое дело, за которое ты так рано и жестоко погиб, растет и растет!..

Петербургским фармацевтам.

Дорогие товарищи!

Мы вам очень благодарны за резолюцию, поручающую нам устройство Российского Союза Фармацевтов,—она доказывает нам, что организация такого союза есть действительная потребность и необходимое условие успешной работы среди фармацевтов. Надеемся, что вы, как и другие сознательные товарищи, приложите все старания, чтобы словом и делом помочь нам в достижении намеченной цели, которая даст нам полное уничтожение разрозненности действий отдельных фармацевтов или групп таковых, беспрерывную пропаганду и агитацию, своевременное снабжение нелегальной литературой, а также моральную и материальную поддержку в борьбе за лучшее будущее. С удовольствием обращаемся к Петерб. Ком. Р. С.-Д. Р. П. за помощью, которую он в силах будет и захочет нам оказать. Согласно вашему предложению, мы совместно с ним позаботимся о выпуске прокламации ко всем фармацевтам России. Вследствие большой нужды просим вас, как и других товарищей, начать сборы денег в нашу пользу. Немедленно вышлите через редакцию адрес и шифр для сношений.

С товарищеским приветом.

«Группа Фармацевтов, организующая Российский Союз Фармацевтов».

P. S. Мы просим все существующие группы, как и отдельных товарищей, высказать, подобно петербургским товарищам, свое отношение к образующемуся Российскому Союзу Фрмацевтов.

Воронеж. С пасхи комитет (бывшая «Касса Борьбы») стал устраивать агитационные собрания, нужда в которых чувствовалась давно, но не удовлетворялась зимой за отсутствием квартир. Зимой поэтому приходилось устраивать собрания из 12—15 человек, а теперь на них является до 80. Рабочие в восторге от этих собраний. Являются и рабочие от так-называемого «старого комитета». При встрече лицом к лицу стало ясно для всех, с кем идут рабочие. Старый комитет, пытавшийся устроить собрания, должен был ограничиться 20—23 человеками. На одном собрании был поднят вопрос о праздновании 1-го мая. Комитет пред-

ложил устроить загородное собрание и тем избежать нежелательного столкновения с полицией, старый же комитет предложил устроить вооруженную демонстрацию. Находя демонстрацию совершенно нежелательной в данный момент и имея более правильное представление о настроении приказчиков, на участие которых рассчитывал старый комитет, Комитет решил устроить загородное собрание, но так, чтобы к 2 часам явиться в город, ибо ожидался погром со стороны черной сотни. На собрании присутствовало 127 чел. Многие не нашли места собрания, а некоторые не пришли потому, что собрание было до обеда, иные—потому, что ходили преувеличенные слухи о готовящемся погроме. На собрании были речи о майском празднике, о задачах социал-демократии, о задачах настоящего момента, об отношении к либералам. Вынесена была резолюция: «Собравшиеся социал-демократы города Воронежа приветствуют 3-й партийный съезд и желают ему успеха в его работе по объединению партии и по выработке поведения партии в настоящий революционный период». По поводу зверств 1-го мая в Польше было решено выразить свое глубокое сочувствие польским товарищам.

За неделю до 1-го мая Комитетом был распространен первомайский листок ЦК (русского, а не заграничного (?) ЦК и «Искры»), каковой в небольшом числе был распространен старым комитетом в количестве более 1000 штук в Воронеже, Козлове и Острогожске, а 29-го апреля распространен листок своего издания (1.200 экз.). Группой социал-демократов-приказчиков был выпущен чисто профессиональный листок к приказчикам.

Столкновения с полицией не было. Войска и казаки, расположенные в городе и в нескольких местах за городом, простояли весь день попусту. Передают такой случай. В одном месте за городом стояла рота. Проголодавшиеся солдаты и офицер были озлоблены; офицер вздумал держать речь о внутренней смуте, в которой после ругни студентов и рабочих обрушился и на бунтовщиков-крестьян. Один солдат не выдержал и дал отпор офицеру. Офицер приказал его арестовать, но никто не тронулся. Тогда офицер, сдав команду унтеру, скрылся, а утром просил роту никому не говорить о случившемся вчера.

В виду того, что в последних номерах «Искры» восхваляется деятельность старого комитета, укажу, в чем она проявилась с февраля. Были выпущены листки: 1) О возобновлении забастовки в Петербурге; 2) Требования рабочих (из № 89 «И»); 3) Что ты спишь, дурачок (гимназическая переделка известного стихотворения); 4) Резолюция Пироговского съезда, — и распространен первомайский листок. Отношение старого комитета к рескрипту 18-го февраля характеризуется следующей резолюцией, предложенной на одном собрании: «Приветствуя рескрипт 18 февраля, предлагаем требовать от Министра Вн. Дел, чтобы он объявил свободу слова, печати, стачек, собраний и союзов».

Воронежским Комитетом за январь — апрель изданы: 1) Явление либералов народу—700; 2) Программа партии—1.000; 3 и 4) К солдатам—800 и 1.000; 5) Всеобщая забастовка—1.000; 6) Требования петербургских рабочих и письмо Гапона—800; 7) Наши требования—1.000; 8) К учащимся—300; К столевским рабочим—250; 19) К обществу—1.200; кроме того, распространены 5 изданий ЦК в количестве 1760 экземпляров.

Москва. Уже в последних числах апреля стало создаваться особенное, переживаемое теперь, кажется, только русскими, — первомайское настроение. Что-то будет? — беспокоил всех один и тот же вопрос.

Комитет Р. С.-Д. Р. П., — после тщательного обсуждения и обследования рабочих районов, — пришел к заключению, что вооруженная демонстрация в переполненной войсками Москве сейчас не желательна, и что хотя возбуждение в рабочем классе очень сильное, но целесообразнее, сохранив энергию для грядущих событий, — широко воспользоваться первым мая для усиленной массовой агитации. В этих целях были сделаны все подготовления. Охранное отделение тоже не теряло времени. Но на этот раз оно попало впросак. Неведомыми путями Комитету были доставлены за три дня до первого мая списки лиц, преднамеченных к аресту. Характерно, что список был до крайности сбивчив, общепринятые клички работников перепутаны, адреса тоже. Целесообразность нашего конспиративного аппарата была вполне подтверждена этими сбивчивыми сведениями охранки, в которых, кстати сказать, были кое-какие указания только на периферийных работников. Само собой разумеется, товарищи немедленно воспользовались этими списками, и явившаяся полиция пришла, понюхала и ушла. Перед первым мая все-таки были произведены аресты, смысл которых мало понятен. Многие были отпущены через несколько дней, кое-кто сидит до сих пор.

Накануне первого мая Москва была переведена на военное положение. Все войска, до артиллерии включительно, были готовы к наступлению. Москва определила Сокольники — загородное место гуляния — центральным пунктом первомайского рабочего празднества, и туда еще накануне были отправлены значительные кадры пехоты, кавалерии и казаков. Наступило первое мая. Массами повалил народ в Сокольники.

Комитетские типографии напрягли свои силы, и не было квартала в городе, где не распространялись бы прокламации. Народ с жадностью набрасывался на них и нередко можно было видеть кучки рабочих и прохожих, читавших комитетские листки.

В Сокольниках собралась десятитысячная толпа. Наши ораторы пытались выступать с речами, но в общем трудно было организовать правильный митинг, так как казаки, солдаты и полиция немедленно направляли все свои усилия именно туда, где появлялись ораторы. На подмогу царской опричине явилась «черная сотня». Говорят, что в рядах этой «сотни» было очень много шпионов, переодетых жандармов и дворников. В Сокольниках было несколько столкновений с полицией; до поздней ночи продолжалось волнение, а войска оставались и на другой день. Первого мая, кроме Сокольников, происходили массовые собрания рабочих, с ораторами от Комитета, в Марьиной роще, в Петровском-Разумовском, за Семеновской и за Даниловской заставами, а также и еще кое-где.

Особенно удачно прошла массовка в Марьиной роще. Сюда приехали казаки, когда все уже кончилось. Оратор от Комитета успел произнести очень длинную и обстоятельную речь.

Оригинальный характер приняла массовка в Петровском-Разумовском. К рабочим пришли крестьяне из окрестных сел. Они со вниманием слушали речи ораторов, братались с рабочими; к ним было сделано особое обращение и разъяснено их положение. Крестьяне, видимо, остались очень довольны собранием: дружественно расстались с рабочими и в деревни унесли значительное количество прокламаций.

Первого мая чувствовалось какое-то смятение в рядах местной администрации. Она, не зная, что делать, хватала кого попало на улицах и арестовала 200—250 человек, из которых многие были выпущены через несколько дней. Комитет остался цел и неприкосновенен. В последние дни были арестованы несколько интеллигентов и рабочих, а также солдат. Техника Комитета, все его типографии, — эта гордость революционной московской социал-демократии,—осталась неприкосновенной. Прокламации по-старому продолжают часто выходить. Особенной популярностью пользуется письмо крестьянина и ответ ему Комитета, которое расходится в городе и по деревням в десятках тысяч экземпляров. Первое мая еще более оживило рабочий класс. Организационная работа делает свое дело и социал-демократия все дальше и дальше проникает в рабочий класс, выковывая социалистическое сознание пролетариата, это могучее оружие в борьбе за классовые интересы рабочих, за свободу всех угнетенных и порабощенных.

Ответ Бунду. «Местная организация Российской Партии объявила себя Комитетом. Какова будет тактика новоучрежденного Комитета, мы пока не знаем. Но организация (сегодняшний комитет) до самого последнего времени не переставала посвящать свои силы дезорганизаторской деятельности: чтобы привлечь пару—другую организованных бундовских рабочих на свои собрания, члены ее в настоящее время не останавливались перед пустой болтовней о «чистоте» своих социал-демократических принципов и о «ересях» Бунда. Ораторы же наши на эти собрания не допускались. Неужели же комитет — вчерашняя организация, не видит более благодарной почвы для применения своих сил?..».

Так кончается первая половина корреспонденции из Двин-

ска в № 232 «П. И.». Эта корреспонденция очень характерна. После второго партийного съезда Бунд, как известно, откололся от Партии, т.-е. дезорганизовал партию во имя культуры национальной обособленности. И он же обвиняет в дезорганизации тех бывших бундистов, которые возвращаются в ряды партии. Что касается собственно Двинской ораганизации, то как-раз она на общем собрании центра и периферии вынесла резолюцию не уделять сил для борьбы с Бундом: 1) в виду того, что организация завалена работой среди христианской массы и бессознательной еврейской, 2) в виду того, что благодаря бездеятельности С.-З. Комитета нет жаргонной литературы. Что же касается до недопущения бундовских ораторов на наши собрания, то этот факт требует пояснения. В марте нами был устроен ряд собраний наших организованных рабочих, на которых должно было выясняться значение современного момента и роль пролетариата. И вот на собрание наших организованных еврейских рабочих вдруг приходит бундовский оратор и заявляет, что он прислан Двинским Комитетом Бунда, так как тот-де слышал, что будут говорить о Бунде и Партии. Наш районный представитель попросил его удалиться, так как вопроса о Б. и П. разбирать не будут, и так как он не получил никаких указаний относительно его присутствия от К-та. Где б-цы научились ходить по чужим собраниям, не заявляя об этом соответствующим центрам, один аллах ведает. Насколько неверно заявление бундовского корреспондента о том, будто мы направляем внимание только на бундовских организованных рабочих, служит доказательством та роль, которую сыграла Двинская Организация в февральских событиях, затем во вторичной забастовке на кожевенных заводах и, наконец, в кампании против губернской комиссии из рабочих фабрикантов.

Бывший член центральной и пропагандистской сходок при Дв. К.Р.С.-Д.Р.П.

Из отчетов: Бакинского Комитета: 1) За март приход 1.031 р. 22 к., расход 1.021 р. 80 к., в том числе на технику 322 р. Издано 13 листков в количестве 40.000 экземпляров и, кроме того: Программа Партии 2.000, стихотворение «На первое мая» 1.200. 2) За апрель приход 1.572 р. 74 к., расход 1.167 р. 65 к., в том числе на технику 218 р. 50 к., и на уплату долга 332 р. 90 к. Издано за апрель 21 листок в количестве 42.900 экз. на русском, армянском и татарском языках.

Астраханского Комитета за март: остаток от февраля 186 р. 50 к., поступило в марте 334 р. 55 к. Расход 453 р. 45 к., в том числе на технику 85 р. 55 к., на организацию массовок 36 р., передано Ц. К. 100 р. Издано 12 листков в количестве 9.480 экз. Распространено изданий Ц. К. 10 названий, 23.120 экземпляров, а всего распространено за март 32.600 листков.

Казанского Комитета за апрель. Приход 441 р. 04 к. Расход: организационные нужды 193 р. 20 к., техника 354 р. 03 к., отчислено в Ц. К. 132 р. 31 к., и проч., — всего 726 р. 29 к. Дефицит 285 р. 25 к. Изданы комитетом: а) печат. на русск. языке: 1) 2-е письмо Гапона 1.200; 2) К товарищам-приказчикам 2.510; 3) К запасным 2.210; 4) Ко всем рабочим (18-го апр.) 7.515; 5) Ко всем нижним чинам 3.240; 6) К гражданам о холере 4.140; 7) Майские требования 3.616; 8) К обществу 1.550; б) на гектографе по-русски 8 названий 3.481; в) на гектографе по-татарски 8 названий 3.324. Распространены присланные Восточным Бюро 3 названия 4.156 экз., а всего распространено за апрель 37.974 листка.

В редакцию поступили листки, изданные: Московским Ком. 1) «Голос Труда» № 3 газ. (Содержание: Правительство и рабочий класс, стих. «9-е января», К рабочим всех стран); 2) В бой за свободу; 3) Ко всем рабочим и низшим служащим городских предприятий; 4) Программа Партии; 5) К товарищам, уезжающим в деревню (нов. изд.); 6) К солдатам; 7) Что дала нам стачка? (изд. от имени Железнодорожного Союза при Моск. Ком.); 8) Ко всем рабочим Иваново-Вознесенска (изд. от имени Ивановской Группы). Бакинским Ком.: 1) Накануне; 2) «В то время, как мы празднуем первое мая» (об обращении с арестованными); 3) Товарищи-солдаты! (№ 65); 4) От рабочих «Арамазда», 5-го мая; 6) Отчет за апрель. Николаевским Ком.: 1) 1-е мая; 2) Ко всем солдатам и матросам Николаева. Казанским Ком.: Отчет за апрель. Астраханским Ком.: 1) К астраханским гражданам (по поводу требования 10.000 р. на перевооружение полиции); 2) Отчет за март; 3) К приказчикам; 4) Резолюции 3-х собраний к III съезду. Рижским Ком.: 1) 1-е мая (на лат. яз.); 2) Итоги 1-го мая. Пермским Ком.: «Капиталистический способ производства»... Иркутским Ком.: Резолюция 20—21-го марта. Харбинской группой: Отчет за янв. и февр. Варшавской Военно-Рев. Орг.: Заявление.

Поступило в ред. «Вперед» и передано в кассу Ц.К. из Пскова на «Вперед» 152 р., из Самары через Киев—50 р., от Неизвестного—100 фр.

Собрано на бундовской вечеринке для нуждающихся товарищей 29 фр. 70 с.

От К. З. О. в кассу Ц. К. поступило 2.831 фр.

В кассу К. З. О. поступило: От Берлинской Гр. Партии 2.970 фр. 55 с., от Цюрихской Гр. П.—216 фр. 11 с., из Лозанны—30 фр. 95 с.

В редакцию Центрального Органа Р. С.-Д. Р. П.

Уважаемые товарищи! Будьте любезны не отказать напечатать в ближайшем номере «Пролетария» прилагаемое при сем мое заявление о признании мной программы Р. С.-Д. Р. П. и о присоединении ко всем решениям партийных съездов.

С товарищеским приветом

Г. Куклин.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Редакция «Библиотеки Русского Пролетария» считает нужным заявить своим читателям, что, начиная с № 46, она, при издании дальнейших выпусков «Библиотеки», будет руководствоваться исключительно программой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и постановлениями съездов Российской и Международной Социал-Демократии.

1-го мая 1905 г.

Примечание.

Прим. 1. Заголовки, первый и последний абзацы написаны тов. Воровским. Редакционные поправки сделаны т.т. Воровским и Ольминским. В прямые скобки заключены лишь поправки тов. Воровского.

Прим. 2. Статья, как и некоторые другие, например, „Борьба за право стачек“, не вся написана тов. Воровским. Он часто прибегал к диктовке своих статей другим товарищам. В таких случаях в текст, написанном разными почерками вклиниваются вставки тов. Воровского, нередко начатые с полуслова. В настоящей статье его рукой сделаны: заголовок, некоторые поправки и последняя фраза.

LE PROLETAIRE

Prix 30 cts

ЖЕНЕВА. 17 (3) іюня 1905 года.

№ 4.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Демократические задачи революционного пролетариата.

Социал-демократия, как сознательная выразительница рабочего движения, ставит себе целью полное избавление всех трудящихся от всякого гнета и эксплоатации. Достижение этой цели, уничтожение частной собственности на средства производства и создание социалистического общества, требует очень высокого развития производительных сил капитализма и громадной организованности рабочего класса. Без политической свободы немыслимо ни полное развитие производительных сил в современном буржуазном обществе, ни широкая, открытая и свободная классовая борьба, ни политическое просвещение, воспитание и сплочение масс пролетариата. Вот почему сознательный пролетариат всегда ставит своей задачей решительную борьбу за полную политическую свободу, за демократическую революцию.

Эту задачу ставит себе не один пролетариат. Буржуазии тоже нужна политическая свобода. Образованные представители имущих классов давно выкинули знамя свободы; революционная интеллигенция, происходящая, главным образом, из этих классов, геройски боролась за свободу. Но вся буржуазия в целом не способна на решительную борьбу с самодержавием: она боится потерять в этой борьбе свою собственность, которая привязывает ее к существующему обществу; она боится слишком революционного выступления рабочих, которые никогда не остановятся на одной демократической революции, а будут стремиться к социалистическому перевороту; она боится полного разрыва с чиновничеством, с бюрократией, интересы которой связаны с интересами имущих классов тысячами нитей. Поэтому буржуазная борьба за свободу отличается робостью, непоследовательностью, половинчатостью. Одна из задач пролетариата—толкать вперед буржуазию, ставить перед всем народом лозунги полного демократического переворота, браться самостоятельно и смело за осуществление этих лозунгов, одним словом—быть авангардом, передовым отрядом, в борьбе за свободу всего народа.

Русским социал-демократам в целях выполнения этой задачи приходилось вести войну уже не раз с непоследовательностью буржуазного либерализма. Напомним, например, как начинал г. Струве свою свободную от цензуры деятельность в качестве политического борца за «освобождение» России. Он начал ее предисловием к «Записке» Витте, где был выставлен совершенно «шиповский» (говоря языком нынешних политических делений) лозунг: «права и властное земство». Социал-демократия показывала всю отсталость, всю нелепость, всю реакционность этого лозунга, требовала определенной и решительной демократической программы, сама выставляла такую программу, как нераздельную составную часть своей партийной программы. Социал-демократия должна была бороться с узким пониманием демократических задач в ее собственных рядах, когда так-называемые экономисты всячески принижали эти задачи, проповедывали «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством», настаивали на необходимости начать с завоевания прав, продолжать политической агитацией и лишь потом, постепенно (теория стадий) переходить к политической борьбе.

Теперь политическая борьба страшно разрослась, революция охватила всю страну, самые умеренные либералы стали «крайними», и может показаться, что такие исторические справки из недавнего прошлого, какие мы сейчас привели, неуместны, не могут иметь никакого отношения к живому, бурному настоящему. Но это может показаться лишь на первый взгляд. Конечно, такие лозунги, как учредительное собрание, всеобщее, прямое и равное избирательное право с тайной подачей голосов (выставленные давно и раньше всех социал-демократами в их партийной программе), стали общим достоянием, приняты нелегальным «Освобождением», вошли в программу «Союза Освобождения», стали лозунгами земцев, повторяются на все лады легальной печатью. Прогресс русского буржуазного демократизма за последние годы и месяцы несомненен. Буржуазная демократия учится у событий, отбрасывает примитивные лозунги (в роде шиповского: права и властное земство), ковыляет вслед за революцией. Но она именно ковыляет за революцией; на место старых противоречий между ее словами и делами, между демократизмом в принципе и демократизмом в «реальной политике» нарождаются новые противоречия, ибо рост революции все повышает и повышает требования от демократии. Буржуазная же демократия, повышая свои лозунги, всегда отстает от событий, всегда тащится в хвосте, всегда формулирует эти лозунги на несколько градусов ниже, чем этого требует действительно революционная, действительная борьба за действительную свободу.

В самом деле, возьмите этот, ставший уже ходячим, общепризнанным, лозунг: учредительное собрание на основе всеобщего и т. п. избирательного права. Достаточен ли он с точки зрения последовательного демократизма? Достаточен ли он с точки зрения насущных революционных задач переживаемого момента? На оба эти вопроса нельзя ответить иначе, как отрицательно. Чтобы убедиться в этом, стоит только разобрать внимательно нашу партийную программу, которую, к сожалению, недостаточно часто вспоминают, приводят и распространяют наши организации. (Как счастливое ис-

ключение, заслуживающее широкого подражания, отметим недавнюю перепечатку программы нашей партии в листках комитетов Рижского, Воронежского и Московского). Наша программа тоже ставит во главу угла лозунг всенародного учредительного собрания (словом «всенародный» мы условимся обозначать для краткости всеобщее и т. д. избир. право). Но этот лозунг стоит у нас в программе не одиноко, а в таком контексте, с такими добавлениями и пояснениями, которые исключают перетолкование его людьми, наименее последовательно борющимися за свободу или даже борющимися против свободы. Этот лозунг стоит у нас в программе в связи с лозунгами: 1) низвержение царского самодержавия; 2) замена его демократической республикой; 3) обеспеченное демократической конституцией самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату.

Можно ли сомневаться в том, что признание всех этих лозунгов обязательно для всякого последовательного демократа? Ведь, слово «демократ» и по грамматическому смыслу, и по политическому значению, приданному ему всей историей Европы, означает: сторонник самодержавия народа. Смешно, значит, говорить о демократизме и в то же время отрицать хотя бы один из этих лозунгов. Но основное противоречие между стремлением буржуазии отстоять во что бы то ни стало частную собственность и желанием добиться свободы так глубоко, что представители, сторонники либеральной буржуазии неминуемо попадают в это смешное положение. Как всем известно, в России с громадной быстротой складывается очень широкая либеральная партия, к которой принадлежит и «Союз Освобождения», и масса земцев, и газеты в роде «Нашей Жизни», «Наших Дней», «Сына Отечества», «Русских Ведомостей», и проч. и т. д. Эта либерально-буржуазная партия любит, чтобы ее называли «конституционно-демократической» партией. На самом же деле, как видно из заявлений и программы нелегального «Освобождения», это—партия монархическая. Она вовсе не хочет республики. Она не хочет одной палаты и вводит для верхней палаты непрямое и фактически невсеобщее избирательное право (ценз по оседлости). Она вовсе не хочет перехода всей верховной государственной власти в руки народа (хотя для показа она очень любит говорить о переходе власти к народу!). Она не хочет низвержения самодержавия, она хочет лишь раздела власти между 1) монархией, 2) верхней палатой (где будут преобладать землевладельцы и капиталисты) и 3) нижней палатой, которая одна только строится на демократических началах.

Таким образом, перед нами на-лицо несомненный факт, что наша «демократическая» буржуазия, в лице ее даже самых передовых, образованных, наименее подчиненных непосредственно капиталу представителей, тащится в хвосте революции. Эта «демократическая» партия боится самодержавия народа. Повторяя наш лозунг всенародного учредительного собрания, она на деле совершенно извращает смысл и значение этого лозунга, она обманывает народ посредством употребления этого лозунга, вернее сказать—посредством злоупотребления этим лозунгом.

Что такое «всенародное учредительное» собрание? Это—такое собрание, которое, во-первых, действительно выражает волю народа; для этого нужны всеобщее и т. д. избирательное право и полная гарантия свободы предвыборной агитации. Это—такое собрание, которое, во-вторых, действительно имеет силу и власть «учредить» государственный порядок, обеспечивающий самодержавие народа. Ясно, как ясен ясный божий день, что без этих двух условий собрание не может быть ни действительно всенародным, ни действительно учредительным. А между тем, наши либеральные буржуа, наши конституционалисты-монархисты (называющие себя для издевки над народом демократами) не хотят реального обеспечения ни одного из этих условий! Они не только ничем не обеспечивают ни полной свободы предвыборной агитации, ни действительного перехода силы и власти в руки учредительного собрания,—они, напротив, обеспечивают невозможность того и другого, ибо они обеспечивают монархию. Реальная власть и сила остаются в руках Николая Кровавого: это значит, что злейший враг народа, созывая собрание, «обеспечит» всенародный и свободный характер выборов. Не правда ли, как это демократично? Это значит, что учредительное собрание не будет никогда иметь и не должно (по мысли либеральных буржуа) никогда иметь всей силы и всей власти; оно должно оставаться вовсе без силы и вовсе без власти; оно должно лишь договориться, согласиться, сторговаться с Николаем II о пожаловании ему, собранию, частички его царской власти! Учредительное собрание, выбранное всеобщим голосованием, ничем не отличается от нижней палаты. Значит, учредительное собрание, созываемое для выражения и проведения воли народа, предназначается либеральной буржуазией на то, чтобы «учредить» над волей народа волю верхней палаты и плюс еще волю монархии, волю Николая.

Неужели не очевидно, что, разговаривая, ораторствуя, крича о всенародном учредительном собрании, господа либеральные буржуа, «освобожденцы» на деле готовят противонародное совещательное собрание? Вместо освобождения народа они хотят подчинить народ конституционным путем, во-первых, власти царя (монархический принцип) и, во-вторых, власти организованной крупной буржуазии (верхняя палата).

Кто желает оспаривать этот вывод, тот пусть попробует утверждать: 1) что возможно действительное выражение в выборах воли народа без полной свободы агитации и без фактического уничтожения всяких привилегий, которые могло бы иметь царское правительство в этой агитации; 2) что собрание представителей, не имеющее в своих руках реальной силы и власти, остающихся в руках царя, на деле не является лишь совещательным собранием. Утверждать то или другое могут лишь продувные шарлатаны или безнадежные глупцы. История неопровержимо доказывает, что представительное собрание, существующее рядом с монархической властью, на деле, пока эта власть остается в руках монархии, является совещательным собранием, которое не подчиняет волю монарха воле народа, а лишь согласует волю народа с волей монарха, т.-е. делит власть между монархом и народом, выторговывает новый порядок, но не учреждает его. История неопровержимо доказывает, что о действительно сво-

бодных выборах, о сколько-нибудь полном ознакомлении всего народа с их значением и характером не может быть и речи без замены борющегося с революцией правительства временным революционным правительством. Если мы даже допустим на минуту невероятное и невозможное, именно, что царское правительство, решив созвать «учредительное» (читай: совещательное) собрание, обеспечит формально свободу агитации, то все-таки в его руках останутся все те гигантские выгоды и преимущества в агитации, которые дает организованная государственная власть: этими выгодами и преимуществами в агитации на выборах в первое народное собрание будет пользоваться тот, кто всеми средствами давил народ и у кого народ стал вырывать силой свободу.

Одним словом, мы приходим опять к тому же выводу, который получили в прошлый раз («Пролетарий» № 3), когда рассматривали этот вопрос с другой стороны. Лозунг всенародного учредительного собрания сам по себе, отдельно взятый, есть в настоящее время лозунг монархической буржуазии, лозунг сделки между буржуазией и царским правительством. Лозунгом революционной борьбы может быть лишь свержение царского правительства и замена его временным революционным правительством, которое должно созвать всенародное учредительное собрание. Пусть пролетариат России не делает себе иллюзий на этот счет: его обманывают под шумок всеобщего возбуждения посредством употребления его же собственных лозунгов. Если мы окажемся не в силах противопоставить вооруженной силе правительства силу вооруженного народа, если царское правительство не будет разбито на-голову и заменено временным революционным правительством,— тогда всякое представительное собрание, какие бы титулы всенародного и учредительного ему ни давали, окажется на деле собранием представителей крупной буржуазии для сделки с царем о дележе власти между ними.

Чем ближе подходит борьба народа с царем к решительной развязке, чем вероятнее быстрое осуществление требования созыва народных представителей, тем строже должен следить революционный пролетариат за «демократической» буржуазией. Чем скорее мы завоюем свободу, тем скорее превратится этот союзник пролетариата в врага его. И для затушевывания этого превращения послужит, во-1-х, неясность, неполность и неопределенность якобы-демократических лозунгов буржуазии, а во-2-х—стремление сделать лозунги пролетариата фразой, заменить реальные гарантии свободы и революции словесными обещаниями. От рабочих требуются теперь удесятеренное внимание и бдительное наблюдение за «демократами». Слова «всенародное учредительное собрание» окажутся пустыми словами, если это собрание не сможет, в силу реальных условий выборов и выборной агитации, выразить волю народа, если оно не в силах будет самостоятельно учредить новый порядок. Центр тяжести передвигается теперь с вопросом о созыве всенародного учредительного собрания на вопрос о способах этого созыва. Мы стоим накануне решительных событий. Не доверяя общедемократическим лозунгам, пролетариат должен противопоставлять им свои собственные пролетарски-демократические лозунги во всей их полноте. Только сила, руководимая этими лозунгами, может обеспечить на деле полную победу революции.

Массовая политическая стачка.

Статья вторая *).

Ортодоксальных марксистов сплошь и рядом упрекают в узости: не за то ли, что они не хотят пренебрегать ни одним орудием пролетарской борьбы? Никогда не приходило им в голову, поскольку они оставались именно ортодоксальными, отделять борьбу экономическую от политической, парламентаризм от идеи социальной революции. Правый ревизионистский фланг социалистической партии, наоборот, склонен в равной мере как к уродливому преувеличению значения парламентаризма, так и к превознесению синдикализма (профессиональной борьбы) и «экономизма».

Французский социалист Лагардель, вечно мечущийся и ищущий и чрезвычайно революционно настроенный, с изумлением констатирует, что именно оппортунисты начинают будто проникаться благоговением к идее «всеобщей стачки», идее, по мнению Лагарделя, истинно пролетарской и истинно революционной,—в то время как «более революционное ортодоксальное крыло» относится к «идее» скептически и осторожно.

Многие имеют то же ошибочное представление: правое крыло—это оппортунисты-парламентарии, центр— это ортодоксальные марксисты, левая, наикрайнейшая левая—анархисты-синдикалисты. Это представление, повторяем, глубоко ошибочно: истинная революционность определяется не фразистикой и не пламенной жестикуляцией. Действительно, господа Бернштейны и компания имеют часто чрезвычайную склонность к тому же противопоставлению «истинно-пролетарского» синдикального движения «узкому политиканству»; оппортунисты выступают одинаково охотно под знаменем кретинизма парламентского и кретинизма трэд-юнионистского.

Лагардель изумлен неожиданным для него сближением оппортунистов и дорогих теперь его сердцу анархистов; но разве огромное большинство анархистов не увлекалось долго, не увлекается еще теперь утопией «революции скрещенных рук!» Первоначально,—и в этом не может быть сомнения,—в анархических кругах «всеобщую стачку» представляли себе так: пролетарии бросают работу, производство останавливается, буржуазия голодает, капитал теряет ценность, буржуазия просит рабочих взять производство в свои руки; рабочие, как некогда римские плебеи, возвращаются в Рим промышленности, машины снова начинают вертеться, зажигаются бенгальские огни и водворяется «в человецех мир».

Редактор «Голоса Народа» анархист Пуше клянется-божится, что это—«вульгаризация» пресловутой «идеи», но можно доказать с полнейшей очевидностью, что первоначально идея,—кстати сказать, выдвинутая впервые ультра-кретином-парламентарием Брианом,—имела именно такой вид. Сам отец «идеи»—Бриан—особенно восхвалял всеобщую стачку за то, что она представляет из себя «революцию в пределах легальности!» Разве это не верх кретинизма? Это не отпугнуло, однако, анархистов. Толстой и толстовцы, эти по преимуществу «непротивленцы», и они нашли идею всеобщей стачки в высокой степени моральной; старец из Ясной Поляны

*) См. «Пролетарий» № 1.

благословил Бриана и его учеников «социалистов-революционеров», как называют себя во Франции анархисты. После этого трудно согласиться с тем, чтобы синдикалисты составляли крайнюю левую человечества.

Но Пуше уверяет, что теперь всеобщая стачка понимается анархистами совсем-совсем иначе. Действительно, так-называемый «Комитет всеобщей стачки» издал брошюру: «Всеобщая стачка реформистская и революционная». В брошюре этой говорится, между прочим: «мы знаем, что буржуазное общество будет защищаться... и необходимо с этим считаться; рабочие не должны будут ограничиться стачкой скрещенных рук, они должны немедленно захватить орудие социального производства». Превосходно! Но, милые мои, ведь, это называется не стачкой, а революцией! Ведь, захватить общественные орудия производства и управлять ими значит приобрести диктатуру в обществе. «Совершенно верно,—говорят анархисты,—всеобщая стачка—это другое название для социальной революции».—«Но стоит ли огород городить из-за названий, разве социал-демократия не партия социальной революции»?—«Мы, собственно, против парламентаризма и реформизма».

Действительно, анархисты приходят теперь к старой, издавна пропагандируемой социал-демократами истине о необходимости подготовлять свои силы для предстоящего переворота; если «идея» кажется им ужасно новой, то только потому, что они все время имеют в виду выродков социализма, в роде отцов «идеи» в ее первоначальном виде—Бриана.

Но почему же социал-демократы осторожно относятся и к новому революционному истолкованию всеобщей стачки? Потому что, как принцип, как идея социальной революции, она давно принята, а как план, который будто бы может быть немедленно приведен в исполнение,—это вредная утопия. Мы знаем, какая громадная степень организованности, какое распространение наших идей в массах, какой фазис капитализма, какие благоприятные обстоятельства нужны для того, чтобы социальная революция возникла; синдикалисты же в роде Пуше воображают, что открыли необыкновенно легкий путь: призвать к стачке, на что легко пойдут и остальные пролетарии, а потом, глядь!—стачка-то перешла в социальную революцию. Естественно, что такой революционизм есть просто наивность, пережиток старого путшизма, точка зрения, давно превзойденная социал-демократией.

Но в то время, как анархисты возятся с утопиями, социал-демократия выработала,—или, по крайней мере, начала вырабатывать,—действительно новую форму борьбы: массовую политическую стачку.

Недавно, в расцвет идеи социального мира и неогармонизма, прекраснодушные ученики профессора Брентано уверяли, что барон Штумм и ему подобные патриархи с железными когтями—просто допотопные фигуры, доживающие свой век мастодонты, что их вытесняет новый тип капиталиста, тип британский: вежливый, понимающий связь своих интересов с интересами пролетария, тип, который в Германии будет еще милее, т.-е. к бухгалтерскому расчету о выгоде высокой заработной платы для предприятия у немецкого капиталиста прибавляются еще указания морали Канта, и он в каждом рабочем видит «самоцель».

И что же? «Шарфмахеры», т.-е. надменные типы, наоборот, стали плодиться. Повсюду чуть не каждую неделю трещат залпы,—то государство защищает позиции того или другого магната-фабриканта, которые он «принципиально» не хочет уступить. Синдикаты капиталистов приобрели страшное могущество, они давят на государство, и их стремление—покончить с рабочими синдикатами. С нетерпением ждут они случая, чтобы накормить свинцом зазнавшихся рабочих: буржуазия переходит в наступление. Кто же защитит рабочих? Не парламент ли? Парламент силен, пока господствующему

Новый революционный рабочий союз.

Нам доставлены напечатанные и распространенные в России воззвания Центрального Комитета Российского Освободительного Союза (Р. О. С.): 1) воззвание без обращения, излагающее цели Р. О. С. и характер его; 2) воззвание к рабочим об основании Рабочего Союза Р. О. С. и 3) устав этого Раб. Союза. Из этих документов видно, что «Р. О. С. не есть какая-либо партия с определенной, ей только присущей программой,—это есть союз всех желающих передачи власти от самодержавия в руки народа при помощи вооруженного восстания путем созыва Учредит. Собрания» на основе всеобщего и т. д. избирательного права. «Неотложная необходимость,—читаем в первом воззвании,—достижения всеобщей ближайшей цели, учредительного собрания, вызвала возникновение Р. О. С., который поставил себе целью сплотить всех желающих политической свободы России и практически выполнить дело революции. И когда эта цель будет достигнута, Р. О. С. прекратит свою деятельность, возложив на организованную гражданскую милицию охрану народных представителей и дело общественной безопасности».

Устав Раб. Союза состоит из 43 параграфов. Цель Рабочего Союза определяется так: «1) организовать дружины для вооруженного восстания; 2) сбор необходимых денежных средств на вооружение и литературу строго пролетарского характера». Организация Раб. Союза состоит из коллегий четырех ступеней: 1) группы рабочих (преимущественно из одной и той же мастерской); 2) Советы завода; 3) районные собрания; 4) Комитеты Раб. Союза. Все высшие коллегии составляются из выборных представителей низшей коллегии, с двумя исключениями: во-первых, в Комитеты Раб. Союза входит по одному члену Ц. К. Р. О. С., во-вторых, о выборности этого Ц. К., о каком-нибудь контроле над ним не говорится ни слова. Об отношении Рабочего Союза к Р. О. С. говорится только: «Через нас (Ц. К. Р. О. С.) Раб. Союз будет связан со всеми другими рабочими и нерабочими союзами». Об организации самого Р. О. С., об отношении его Ц. К. ко всему Р. О. С., не говорится ни слова. В воззвании к рабочим непосредственную задачу свою Ц. К. Р. О. С. излагает так: «Мы выработаем подробный план восстания, укажем вам, как формировать дружину, на-

классу угодно сохранять рамки законности; парламент всегда можно распустить и видоизменить, если за ним не стоит реальная сила. Пока в Западной Европе войска еще повсюду готовы защищать прерогативы буржуазии, а современное войско обладает страшными орудиями смерти и разрушения. Чем же защищаться?

Пролетариат имеет возможность нанести страшный удар могуществу врага, — это возможность широкой стачки. Главное в ней, конечно, то, что она ставит резкую дилемму перед широкими массами общества, которому чужды интересы капиталистов в собственном смысле слова; средние классы, крестьянство, семьи тех же офицеров и чиновников,—все это будет страдать от стачки и должно будет выбирать между горстью надменных миллионеров-провокаторов, тяжелую руку которых чувствует на себе уже все общество, и между миллионами защищающих свои права рабочих. Именно достоинство и сдержанность рядом со стойкостью, такт, дающий возможность избежать прямых столкновений с войсками,— вот силы, которые могут привлечь симпатии на сторону рабочих и заставить общественное мнение страны громко требовать от правительства обуздать зарвавшихся хищников.

Читатель видит ясно, что массовая политическая стачка не имеет ничего общего с социальной революцией. Конечно, в один прекрасный день социальная революция может разразиться, выйдя именно из такой оборонительной или наступательной (требующей той или иной реформы) стачки; но трезво и практически на массовую политическую стачку смотрят теперь, как на опасное, но могучее орудие борьбы с капиталом в недрах буржуазного общества.

Но особенную ценность приобретает это оружие там, где, как у нас, в России, оно может быть направлено против варварского, всеми презираемого правительства, где вызванная массовой стачкой общественная паника обрушится целиком на голову тиранов, где рабочие, мощно доказав, что без их труда общество не может существовать, доказав свой удельный вес, как общественной силы, могут вступить в открытую борьбу с правительством, став во главе восставшего трудового простонародия, где они могут рассчитывать на полную дезорганизованность в армии и бюрократии, на братание с солдатами, на торжество свободы. Как оружие политической революции, массовая стачка с политическими лозунгами может оказать рабочему классу колоссальные услуги. Между тем, политическая революция в России имеет двойной интерес для русского пролетария: ею он завоюет себе необходимые гражданские права, и из нее он может вынести столь стройную и могучую организацию, что период, отделяющий политическую революцию от социальной, может сократиться в чрезвычайной мере. Трудно сказать, как отзовутся в Европе падение оплота европейской реакции и торжество русского пролетариата. Несомненно одно: события пойдут быстрым маршем.

Итак, массовая политическая стачка есть могучее орудие борьбы пролетариата с правительством или тузами-эксплоататорами в недрах буржуазного общества. Когда же время созреет для социальной революции, когда буржуазия не сможет больше полагаться на верность своей армии,—стачка, как оружие, быть-может, отойдет на задний план. Тогда, несомненно, окажутся в высокой степени полезными и государственный опыт парламентариев, и чисто-политические навыки партии, как крайне полезными будут и синдикаты, способные немедленно взять в свои руки производство. Горе партии с тактикой односторонней. «Узкие» марксисты не будут ничем пренебрегать.

(А. Луначарский).

учим, как вооружиться, запасем огнестрельное оружие. Мы, наконец, объединим действие всех желающих освободить Россию, разбросанных во всех городах и местах, от ига самодержавия и, объединив, подадим сигнал ко всеобщему восстанию». Наконец, отметим еще, что в Уставе Р. С. сказано (§ 4): «призыв к образованию Раб. Союза будет распространен на всех заводах С.-Петербурга и его окрестностей».

Из всего изложенного выше видно, что мы имеем дело с попыткой «самостоятельной», внепартийной организации вооруженного народного восстания вообще и восстания петербургских рабочих в особенности. Мы не станем касаться здесь вопроса о том, насколько серьезна эта попытка,—об этом можно судить окончательно лишь по результатам ее, а предварительно—лишь на основании частных и конспиративных сведений о Р. О. С., мы же никакими сведениями о нем не располагаем. Мы хотим остановиться на оценке принципиального значения этой попытки и на тех тактических и организационных задачах, которые он ставит перед социал-демократией.

Несомненно, перед нами одно из веских доказательств того, насколько назрел вопрос о вооруженном народном восстании. Его поднимают уже не теоретики, а практики. Он ставится не как вывод из определенной программы (так ставили, напр., этот вопрос в заграничной социал-демократической литературе в 1902 году), а как насущный, злободневный вопрос практического движения. Речь идет уже тут не об обсуждении вопроса, даже не о подготовке восстания вообще, а о непосредственном проведении восстания. Очевидно, весь ход вещей уперся в восстание, вся борьба за свободу привела к необходимости именно такого решительного исхода. Отсюда видно, между прочим, как глубоко ошибаются те социал-демократы, которые пытаются оттянуть партию назад от непосредственной постановки такой задачи на очередь дня.

Далее, рассматриваемая нами попытка доказывает крупный шаг вперед революционной демократии в России. Мы уже давно указывали, еще в № 7 «Вперед», на появление этой новой группы в числе враждебных самодержавию сил, партий и организаций. Мы указывали, что самый характер происходящей в России революции, именно буржуазно-демократической революции, неизбежно ведет и будет вести к росту и умножению самых разнообразных боевых элементов, выражающих интересы самых различных слоев народа, готовых к решительной борьбе, страстно преданных делу

Правительство готовится.

Пока некоторые социал-демократы с глубокомыслием известного метафизика решают вопрос: что такое есть вооруженное восстание,—правительство, не теряя времени, готовится к борьбе и дает революционерам наглядный пример того, какое значение имеет для революции вопрос технический. У нас имеются 2 тайные инструкции военных властей, точно указывающие план и метод борьбы против народного восстания, или, выражаясь на официальном жаргоне, народных беспорядков. Одна инструкция, подписанная начальником екатеринославского гарнизона, доставлена нам в списке, другая издана на польском языке польской социалистической партией (P. P. S.) Обе инструкции, в общем, тождественны, поэтому мы будем рассматривать их параллельно.

В основу оборонительного плана правительства положено точное изучение города и разделение его на участки (в Варшаве—7, в Екатеринославе—5). Из наличных сил гарнизона распределяются по участкам отряды разной величины, в зависимости от характера населения участков. Наибольшие силы сосредоточиваются в местностях, населенных рабочими. Это особенно ясно заметно на екатеринославской инструкции, т. к. в Екатеринославе заводской элемент играет очень крупную роль. Вот некоторые фактические данные. У Брянского завода—и представьте, в народной аудитории (!!) завода—ставятся 2 роты солдат для поддержания порядка в районе и препятствования движению рабочих в город. Во 2-ом участке ставятся 3 роты, с целью «не допустить проникновения в город лиц, производящих беспорядки, со стороны заводов и Чечеловки». В 3-м участке опять три роты и опять та же задача «не допустить проникновение лиц, производящих беспорядки, со стороны Брянского завода, и идущих с поселка Амур через железнодорожные мосты». В 4-м участке опасность не так велика, и там ставятся 2 роты, «как частный резерв отрядов, расположенных в 1-м и 2-м участках». Наконец, в 5-м участке оставляется совершенно ничтожная военная сила, именно, одна рота, и то со специальным назначением: караулить водопровод, водокачку, отделение государственного банка и казначейство. Кроме того, отряды конницы высылают специальные разъезды в рабочие кварталы, чтобы не допустить сборищ на улицах. Итак, приступая к организации обороны, правительство прежде всего старается запереть рабочих в их районах при помощи военной силы, не давая им возможности сноситься с рабочими других районов или проникнуть в центр города, где обыкновенно находятся все правительственные учреждения. Произвести восстание в каком-нибудь одном районе, конечно, немыслимо; поэтому главное внимание военных властей и направлено на разъединение сил пролетариата и подавление восстания в зародыше.

Второй заботой правительства является охранение всех тех общественных и государственных учреждений, захват которых восставшим народом дал бы ему в руки большую силу. Екатеринославская инструкция дает довольно подробный перечень этих учреждений, с указанием числа солдат, командируемых для охраны их: 1) водопровод и водокачка (по 10 чел.), 2) государственный банк и казначейство (по 10 чел.), 3) телеграфная контора (10 чел.), 4) электрическая станция (20 чел. при офицере), 5) казенный винный склад (10 чел.), 6) склад оружия при управлении воинского начальника (20 чел.). Варшавская инструкция дает гораздо более полный и подробный список военных постов (77), при чем в большинстве случаев эти посты охраняются полуротами, а особо опасные места целыми ротами. Независимо от этого, начальники отдельных участков обязаны «осмотреть и ознакомиться со своими участками и обратить внимание на важнейшие пункты»,

---

свободы, готовых принести все жертвы этому делу, но не разбирающихся и неспособных разобраться в историческом значении происходящей революции, в классовом содержании ее. Быстрый рост таких общественных элементов крайне характерен для такой эпохи, когда весь народ угнетен самодержавием, и когда открытая политическая борьба не могла еще окончательно размежевать классы и создать ясные, понятные даже широким массам партии. А все такие неразмежевавшиеся, неопределившиеся элементы и образуют именно кадры революционной демократии. Их боевое значение для демократической революции очень велико: их внепартийное, неопределенное положение служит, с одной стороны, симптомом того, что поднимаются на отчаянную борьбу и на восстание промежуточные слои населения, такие слои, которые менее всего слились с тем или иным из двух враждебных классов капиталистического общества, слои крестьянства, мелкой буржуазии и т. д. С другой стороны, выступление на революционную дорогу этих беспартийных революционеров служит залогом того, что теперь легче, шире и быстрее будут встряхиваться и привлекаться к борьбе наиболее далекие от классовой определенности, наиболее отсталые во всех отношениях народные слои. В старые времена в России была революционной одна только интеллигенция. В новые времена стал революционен городской пролетариат. Теперь становится революционным против самодержавия целый ряд других, глубоко «народных», теснейшим образом связанных с массой, социальных элементов. Выступление этих элементов необходимо для дела народного восстания. Боевое значение их, повторяем, очень велико. Но их политическое значение для пролетарского движения может быть иногда не только мало, оно может даже быть отрицательно. Эти элементы являются только революционерами, только демократами именно потому, что им чужда связь с одним определенным, строго отмежевавшимся от господствующей буржуазии классом, т.-е. с пролетариатом. Борясь за свободу вне тесной связи с пролетарской борьбой за социализм, эти элементы тем самым играют роль, объективное значение которой сводится к проведению интересов буржуазии. Кто служит делу свободы вообще, не служа специально делу пролетарского использования этой свободы, делу обращения этой свободы на пользу пролетарской борьбы за социализм, тот тем самым служит, в последнем счете, борцом за интересы буржуазии, не более того. Мы не умаляем геройства таких людей. Мы отнюдь не ума-

в число которых входят все винные лавки и все частные магазины с оружием и огнестрельными припасами.

Насколько серьезно оценивает правительство народное восстание и насколько серьезно оно к нему готовится, видно из дальнейших указаний инструкции. Не довольствуясь двумя отмеченными нами мерами, оно допускает возможность такого крупного революционного взрыва, который заставит его пустить в дело все наличные силы. На этот случай выработана особая инструкция, распределяющая весь гарнизон с точным указанием, какие части куда должны быть направлены, в случае надобности. В казармах остаются лишь по одному дежурному на роту да дневальные «из молодых солдат». Писаря, лазаретная прислуга, мастеровые, музыканты и обозные вооружаются ружьями; все остающееся оружие прячется в цейхгауз и охраняется сильным караулом. Предусмотрительное правительство допускает, таким образом, возможность, что войска будут вытеснены восставшими хотя бы из отдельных районов, и самое гнездо военной силы—казарма—может подвергнуться нападению.

Правительство не шутит. Войскам, выступающим против народа, раздается по две пачки боевых патронов на каждого нижнего чина. Варшавская инструкция предвидит даже случай, когда вытребованы будут пушки, и предписывает вывозить их без зарядных ящиков, но захватывая по 10 зарядов на орудие. В случае стрельбы никоим образом не допускается, чтобы стреляли холостыми зарядами или на воздух. Если толпа позволяет себе враждебные по отношению к войскам действия, как-то: выстрелы, бросание камнями или палками, у г р о з ы каким-нибудь оружием,—военные отряды могут, без особого распоряжения, стрелять, и при этом им напоминается, что устав о гарнизонной службе освобождает их в подобных случаях от обязанности предупреждать толпу сигналом на рожке или барабане. Роль войска, выведенного из казармы для поддержания «порядка», очень откровенно характеризуется следующим пунктом варшавской инструкции: § 12. «Вообще, говоря, войско, пришедшее на место столкновения, никоим образом не «должно оставаться зрителем уличных происшествий, но обязано держаться соответственно своему достоинству, как сила, которой все должны беспрекословно повиноваться». Но, ведь, если не быть «зрителем», то придется принять активное участие в столкновении, т.-е., попросту говоря, стрелять в толпу. Правительство насильников не может себе даже представить, чтобы сила могла сохранить свое достоинство, не производя кровопролития. Кстати, уместно здесь обратить внимание на один чисто-технический прием, рекомендуемый варшавской инструкцией: § 44. «В случае прекращения на улицах движения конок и извозчиков, войско должно, по мере возможности, удалять прохожих с тротуаров, побуждая их ходить посреди улицы. В этих случаях патрули могут итти по тротуару». Эта мера имеет, повидимому, в виду отрезать восставших от дворов и домов, могущих дать им убежище или прикрытие при стрельбе. Как известно, в последние годы, во время демонстраций, полиция запирала ворота домов и ставила на-страже дворников. Для вооруженного восстания такая мера, конечно, так же недостаточна, как недостаточны и сами дворники. Но едва ли предлагаемый прием достигнет желанной цели. Напротив, он часто может быть на-руку восставшим или демонстрантам, устраняя обычное разделение на активные элементы, занимающие середину улицы, и любопытных, толпящихся на тротуарах.

Правительство недаром сохраняет эти инструкции в тайне. По «счастливой случайности» две из них попали в руки революционеров, но десятки таких же инструкций—а они составлены, вероятно, для всех сколько-нибудь крупных городов России—предстоит еще раздобыть работающим на местах товарищам. А раздобыть эти документы весьма важно. В них местные власти волей-неволей вынуждены раскрывать свои

ляем их громадной роли в деле завоевания свободы. Но мы утверждаем и утверждаем самым решительным образом, что их деятельность еще ни капли не гарантирует утилизацию плодов победы, плодов свободы для пролетариата, для социализма. Кто стоит вне партий, тот тем самым, хотя бы против своей воли и помимо своего сознания, служит интересам господствующей партии. Кто борется за свободу вне партий, тот тем самым служит интересам той силы, которая неизбежно будет господствовать при свободе, т.-е. интересам буржуазии. Вот почему мы назвали выше внепартийную организацию восстания самостоятельной в кавычках. На деле внепартийность, обеспечивая кажущуюся самостоятельность, является наибольшей несамостоятельностью, наибольшей зависимостью от господствующей партии. На деле только революционеры и только демократы являются не более, как передовым отрядом буржуазной демократии, а иногда просто служебной силой ее, даже пушечным мясом для нее.

Перейдем теперь от этих общих положений к более подробному ознакомлению с нашими документами. «Оставим на-время партийные споры и принципиальные несогласия,—восклицает Ц. К. Р. О. С. в своем первом воззвании,—сплотимся в одно могучее целое, в Российский Освободительный Союз, и понесем свои силы, средства и знание народу в его великой борьбе с общим врагом—самодержавием. До учредительного собрания мы все должны итти вместе: только оно даст политическую свободу, без которой немыслима правильная партийная борьба». Сколько-нибудь сознательный рабочий прекрасно знает, что народ, борющийся с самодержавием, состоит из буржуазии и пролетариата. Буржуазия очень хочет свободы, буржуазия всего более шумит теперь, выступает и в печати, и на собраниях против самодержавия, но неужели найдется такой наивный человек, который бы не понимал, что буржуазия не только не откажется от частной собственности на землю и капитал, а, напротив, будет отчаянно отстаивать их от посягательств рабочих? Для рабочего оставить принципиальные несогласия с буржуазией, рядом с которой он борется против самодержавия, значит о с т а в и т ь с о ц и а л и з м, оставить мысль о социализме, оставить подготовительную работу к социализму. Для рабочего, одним словом, это значит оставить мысль о своем экономическом освобождении, освобождении трудящихся от нищеты и гнета. Ведь, везде на свете буржуазия боролась за свободу и завоевала ее, главным образом, руками рабочих с тем, чтобы потом бороться бешено

карты и обнажать свои слабые места. Теперь, когда на очередь выдвинут вопрос о вооруженном восстании, готовясь к нападению, очень важно знать, как готовится противник к обороне. Присмотримся, например, к екатеринославской инструкции. Нападающие, т.-е. рабочие, живут, обыкновенно, на окраинах города в фабрично-заводских кварталах. Чтобы не допустить сосредоточения сил пролетариата в центре города, правительство вынуждено распределить свои силы по этим окраинам. Это— уже одно из слабых мест военной организации. Разрозненные военные отряды сплачиваются в единую и планомерно действующую силу лишь посредством телеграфа и телефона да ординарцев, приносящих известия в главный штаб и обратно. В случае прекращения этих способов сношения отдельные военные отряды оказываются отрезанными, деморализованными и, тем самым, значительно обессиленными. Недаром же правительство так заботится об охране телеграфа. Далее. Указывая в инструкции места расположения главных отрядов, правительство тем самым указывает, каких путей следует избегать, по каким улицам и мостам не ходить, где не собираться. Принимая меры против толпы, против действий скопом, военная власть почти бессильна против отдельных личностей. Если 10 лиц, идущих по данной улице, немедленно будут рассеяны конным патрулем, то те же 10 лиц без особого труда могут притти к назначенному месту, идя по-одиночке или по разным улицам. Правительство не в силах приостановить всякое движение. Далее. Планомерные действия военной силы нуждаются в одном из самых элементарных условий—в наличности света. Недаром правительство так заботливо охраняет газовые заводы и электрические станции. Уничтожение освещения может предоставить ночь в полное распоряжение восставших и значительно облегчить им возможность соединиться. Указание мест, специально охраняемых военной силой, а следовательно, очень важных для правительства, а также размеров этой силы, является тоже очень ценным указанием для революционеров. Ознакомление с расположением частных и казенных оружейных складов и силой караулов, охраняющих их, должно, несомненно, определять собою план действия революционеров. Таким образом, изучение подобных инструкций, раскрывающих планы и недостатки планов правительства, играет громадное значение при подготовке восстания. Можно, не преувеличивая, сказать, что знакомство с планом организации обороны правительства должно в главных чертах определять план организации нападения. Весь план правительства рассчитан на массовые действия, и, действительно, такая громадная и громоздкая сила, как войско, плохо приспособлена для борьбы против маленьких групп или одиночек. Необученным, плохо вооруженным борцам почти всегда приходилось прибегать к своеобразным, более приспособленным к их силам и средствам, способам борьбы. Вместо открытой уличной борьбы масс нередко придется организовать ряд мелких нападений бесчисленных, но неуловимых отрядов, доводящих до отчаяния и деморализации войска. Для нападений придется, пожалуй, предпочесть ночь, ночь темную благодаря разрушению газовых труб или электрических проводов. Куда не в силах пройти толпа, легко пройдет один человек с оружием более разрушительным, чем десяток ружей.

Такая партизанская война—а все народные восстания против организованной военной силы всегда носят партизанский характер—открывает, на-ряду со строгим проведением плана восстания, широкий простор личной инициативе, личной смелости и находчивости. Вот почему мы считали бы очень важным, чтобы во всех партийных кружках, не только в военно-технических, основательно знакомились с планом кампании правительства и тщательно изучали инструкции в роде рассмотренных нами. Как бы презренной ни казалось некоторым революционерам эта «техническая» задача, все

против социализма. Значит, призыв оставить разногласие есть призыв буржуазный. Под видом беспартийности Ц. К. Р. О. С. дает рабочим буржуазные фразы, вливает в них буржуазные идеи, развращает их социалистическое сознание буржуазным туманом. Сочувствовать мысли об оставлении на-время разногласий между рабочими и буржуа могут сознательно лишь враги социализма, либеральные буржуа, освобожденцы, а бессознательно лишь беззаботные на-счет социализма революционные демократы в роде социалистов-революционеров. Рабочие должны бороться за свободу, ни на минуту не оставляя мысли о социализме и работы над его осуществлением, подготовки сил и организации для завоевания социализма.

Ц. К. Р. О. С. говорит: «Выясняя вопрос об отношениях к существующим партиям и организациям, мы, Ц. К. Р. О. С., заявляем, что мы не предвидим возможности возникновения принципиальных несогласий с социал-демократическими партиями, так как идея Союза— не противоречить их программам»... Эти слова показывают, до какой степени Ц. К. Р. О. С. не понимает социализма. Ц. К. даже не предвидит возможности возникновения несогласий с с.-д., а мы уже показали наличность глубокого принципиального несогласия! Ц. К. не видит противоречия идеи Союза и программы с.-д., а между тем, мы уже показали, что это противоречие так же глубоко, как противоречие между пролетариатом и буржуазией. Наше коренное несогласие с Р. О. С. состоит именно в том, что Р. О. С. совершенно умалчивает о социализме. Всякое политическое направление, допускающее умолчание о социализме, коренным образом противоречит программе с.-д.

Приведенные нами слова показывают, что Р. О. С. сочувствует социал-демократии. Не зная ничего о Р. О. С., кроме выпущенного им листка, мы пока не можем оценить искренность этого сочувствия; мы никогда не удовлетворимся, во всяком случае, одним платоническим сочувствием, нам мало одной платонической любви. Мы хотим, чтоб нам не только сочувствовали, но чтобы нас понимали и чтобы нашу программу разделяли те, кто не хотел бы противоречия своих идей с этой программой. Р. О. С. говорит о своей задаче «широкого распространения среди рабочих литературы, проводящей строго пролетарское (курсив наш) мировоззрение». Это очень хорошие слова, но одних слов еще мало. А если эти хорошие слова будут противоречить делам, то никакая искренность не помешает авторам этих слов на деле оказаться проводниками буржуазных

же приходится признать, что в таком «техническом» вопросе, как уличная борьба, знакомство с техническими преимуществами и техническими недочетами противника может оказать решающее влияние на успех дела.

Либеральные буржуа и русские учителя.

Революционная гроза надвигается все более грозно, волнуя застоявшуюся российскую атмосферу, энергично очищая ее от скопившейся веками затхлости, пыли и миазмов. Чистый воздух дерзко врывается в щели клоповников и берлог, в которых вяло копошился сонный обыватель, с унылой и гнусной покорностью позвякивая сковывавшими его кандалами. Сонные пробуждаются!.. Торопливо протирают они заспанные глаза, жадно глотают свежий воздух, все громче и громче звенят своими цепями, все настойчивее и настойчивее требуют у своих тюремщиков свободы. Достопочтенные обыватели! действовать нужно, а не пустословить!.. Пора вам понять, что свобода—не милостыня: с бою ее берут, а не выпрашивают!

Но встрепенувшиеся мещане недоверчиво относятся к надвигающейся революции и боятся ее не меньше, чем самодержавная орда. «Свобода-то—вещь хорошая, а вдруг при революции пострадает «священный институт частной собственности!» — смущенно думает беспокойный обыватель-собственник:—«ведь, вон эти упрямые социал-демократы знать ничего не хотят, толкуют о какой-то классовой борьбе, о самосознании пролетариата, устраивают стачки... А вдруг ограбят!» И перетрусивший обыватель напрягает все силенки, чтобы задержать грозно и быстро шагающую революцию. Наиболее догадливые из них понимают уже, что только решительные освободительные реформы, только «революция сверху» может, если не остановить, то значительно смягчить страшную «революцию снизу». Под освободительными реформами они разумеют, конечно, лишь реформы политического характера: экономические преобразования старательно ими замалчиваются или трактуются крайне туманно и неопределенно. Но как заставить одуревшее чиновное правительство произвести спасительную «революцию сверху»? Для этого необходимо сплотиться и оказать на него давление!

«Прежде всего я не могу не высказать крайнего сожаления, что в столь тяжкое для России время многие видные общественные деятели отказываются сплотиться в одну тесную группу, чтобы силою единения способствовать по мере возможности водворению порядка в государстве и предотвращению надвигающегося серьезного революционного движения. Мы, земцы, без сомнения, люди порядка, мы лично заинтересованы в спокойном, мирном развитии государства, мы не можем не страшиться революционного движения, и мы можем предотвратить это движение, если, крепко сплотившись, будем дружно указывать правительству пути к мирному выходу из настоящего обостренного положения»—откровенно заявляет один из вождей московских прогрессистов Ф. Головин. Горький упрек в начале этой цитаты бросается им в лицо тем «видным общественным деятелям», которые по своей близорукости и жадности полагают вместе с чиновниками, что даже политические преобразования должны быть числом поменее и ценою подешевле. В грядущем эта последняя партия, партия Шиповых и Самариных, будет, несомненно, самым сильным и жестоким врагом социал-демократии, но покуда наибольшим влиянием и среди земцев, и среди промышленников пользуется, повидимому, партия прогрессистов. Чтобы увеличить свои ряды, они стараются привлечь к себе сторонников из всевозможных слоев общества. Заигрывают они с рабочими, кокетничают с крестьянами

идей в рабочий класс. В самом деле, подумайте о том, что значит это «строго пролетарское мировоззрение». Кто будет судить о том, есть ли данное мировоззрение строго пролетарское? Мыслимо ли разрешить этот вопрос, «оставляя на-время партийные споры и принципиальные несогласия»? Не придется ли для этого «оставить на-время» распространение среди рабочих литературы?

Ц. К. Р. О. С. пускает снова в ход лозунг рабочей «самодеятельности». Наша партия уже не раз переживала попытки создания особого направления в социал-демократии под знаменем этого пресловутого лозунга: так было с «экономистами» в прошлом, так обстоит с меньшевиками или новоискровцами в настоящем. Всякий раз и всегда оказывалось, что этот лозунг (независимо от того, сознают это или не сознают пускающие его в ход люди) пригоден лишь служить службу элементам, наименее ценящим принципиальную выдержанность и идейность движения. Посмотрите на это новое применение старого лозунга: разве призыв к «самодеятельности», в оценке того, что есть «строго пролетарское мировоззрение», не соединяется перед нашими глазами с «самодеятельным» повторением антипролетарских, буржуазных фраз, с проповедью буржуазной идеи внепартийности? Мы же ответим Ц. К-ту Р. О. С.: строго пролетарское мировоззрение есть только одно, именно марксизм. Строго пролетарская программа и тактика есть программа и тактика международной революционной социал-демократии. Об этом свидетельствует нам, между прочим, именно пролетарский опыт, опыт пролетарского движения во всем мире, от Германии до Америки и от Англии до Италии. Прошло больше полувека с тех пор, как это движение впервые вышло на широкую политическую арену в 1848 году; партии пролетариата сложились и выросли в миллионные армии; они пережили ряд революций, прошли через самые разнообразные испытания, пережили уклонение и вправо, и влево, борьбу с оппортунизмом и с анархизмом. И весь этот гигантский опыт служит подтверждением марксистского мировоззрения и социал-демократической программы. Весь он ручается за то, что и те рабочие, которые идут теперь вслед за Р. О. С., придут в массе своей, неизбежно и неминуемо придут к социал-демократии!

Продолжаем цитату из воззвания: ...«Как организация практическая по преимуществу, Р. О. С. не расходится в своей деятельности и с партией социалистов-революционеров постольку, поскольку нас соединяет с

ми, делают глазки социалистам-революционерам, но особенно благосклонное внимание уделяют всякого рода интеллигенции—докторам, адвокатам, инженерам, профессорам, учителям и т. д.

Ни для кого не тайна, что целый ряд съездов и союзов из лиц всевозможных интеллигентских профессий был устроен по инициативе и под руководством наших «конституционалистов-демократов». Профессиональные по составу, эти организации должны выступить, согласно замыслу их устроителей, как политические единицы с определенной политической программой. Какова эта программа? О, она теперь достаточно широко известна и не так давно окончательно принята большинством земских представителей на московском съезде. Это—программа, рекомендующая новой России две законодательных палаты,—одну для «панов», а другую для «смердов»,—и царя во главе армии, с правом объявлять войну и заключать мир! Неужели вы серьезно думаете, господа прогрессисты, что ваша «конституция» очень соблазнительна? Двойной страх подсказал вам ее: неисчезнувший еще страх перед бюрократией и ее эмблемой—самодержавным царем—с одной стороны, и панический ужас перед восставшим народом—с другой. Да, вы боитесь этого народа, во имя и для блага которого вы так много кричите и так охотно проливаете... чернила и крокодиловы слезы! Вы настолько боитесь его, что для с в о е г о уже блага любезно и предупредительно предлагаете царю оставаться во главе России и верных ему казаков, жандармов и других башибузуков. Вы предлагаете это царю, с головы до ног залитому пролетарской кровью... Эх, вы... освободители!.. «Царь нам всыпал, ну, и мы ему всыпем!»—говорили петербургские рабочие после январской бойни. Как бы не пришлось рабочим «всыпать» и вам, чтобы вы были и порадикальнее, и попрямодушнее.

Под таким-то политическим знаменем собирает свои полки и вербует интеллигентские отряды Союз Освобождения, союз перетрусивших собственников. Русские интеллигенты, если таковыми называть представителей умственного труда, в большинстве случаев в политическом отношении—младенцы невинные. Мы не говорим, конечно, об отдельных исключениях, ни о тех многоопытных политиканах, которых не мало среди профессоров и адвокатов. Но масса, большинство интеллигенции, как и большинство русских обывателей, только теперь и на скорую руку знакомится с различными политическими требованиями и программами, только теперь начинает понимать, что кроме плоской клички «обыватель» есть еще заманчивое звание «гражданин». Самодержавный режим старался превратить всех жителей огромной России в жалких улиток, интересующихся лишь своей раковиной. «Всяк сверчок знай свой шесток»—вот старый принцип, с детства вбивавшийся в головы российских обывателей. Жизнь сокрушила этот пошлый противообщественный принцип, сокрушит она и всех поклонников его. В поисках за новыми основами общественной жизни, проснувшийся обыватель, не разбираясь, идет на первый либеральный призыв, с восторгом подписывается под каждым требованием, в котором есть слово «свобода». Но, ведь, и свобода свободе рознь, гг. будущие граждане! Ловкие буржуазные «освободители» или «освобожденцы» пользуются случаем и обильно уловляют «малых сих» в свои пестрые сети. Это удается им тем легче, что правительство, перепуганное «красным призраком» и грозным требованием «демократической республики», сравнительно много дозволяет им, дозволяет, по крайней мере, говорить и писать.

Нет ничего удивительного, что на призыв буржуазных освободителей дружно отозвались инженеры и адвокаты. Эти элементы всегда и везде в массе были верными союзниками, скорее—челядью буржуазии. Несколько удивительнее, что под буржуазные знамена так охотно пошли и учителя, в особенности сельские учи-

---

нею общность средств—вооруженная борьба с самодержавием, и общность цели—созыв учредительного собрания на демократических началах»... После всего изложенного выше нас не может удивить, конечно, это сближение революционной демократии с соц.-рев. Подчеркивая именно в данном месте воззвания практический характер своей организации и ограничивая свою солидарность с соц.-рев. («постольку, поскольку») общностью средств и ближайшей цели, Р. О. С., видимо, воздерживается пока от определения отношения «принципов» соц.-рев. к принципам «строго пролетарского мировоззрения». Такое воздержание очень плохо рекомендовало бы социал-демократа, но оно очень хорошо рекомендует революционного демократа. К сожалению, однако, следующая фраза воззвания показывает, до чего может довести «беспартийная» позиция... «Мы даже ничего не имеем,—говорит Ц. К. Р. О. С., — против «Союза Освобождения», несмотря на коренную рознь наших политических убеждений, если, конечно, С. О. проникнется сознанием неизбежности вооруженного восстания для созыва учредительного собрания».

Во-первых, заметим мы по поводу этого, если Р. О. С. расходится коренным образом только с политическими взглядами С. О., значит, он как-будто не расходится с экономической программой С. О.,—значит, он прямо отказывается от социализма и становится всецело на почву революционной б у р ж у а з н о й демократии! Этому выводу противоречит, конечно, сочувствие Р. О. С. «строго пролетарскому мировоззрению», но сущность «беспартийной» позиции именно состоит в том, что она порождает бесконечные и безысходные противоречия.

Во-вторых, в чем собственно состоит коренная рознь политических убеждений Р. О. С. и С. О.? Ведь, Р. О. С. сейчас же побил самого себя: только-что он приглашал «до учредительного собрания итти вместе» и «оставить на-время» (очевидно, на-время до учредительного собрания) «партийные споры и принципиальные несогласия», а теперь как-раз Р. О. С. еще до учредительного собрания поднимает спор и выражает несогласие с С. О., который принял в свою программу созыв всенародного учредительного собрания на демократических началах!!! Каким образом Р. О. С., выражая желание «пропагандировать свои политические убеждения», умалчивает о том, в чем же состоят эти убеждения? Является ли Р. О. С. республиканцем в отличие от монархического С. О.? Входит ли в политические убеждения Р. О. С. требование, например, уничтожения постоян-

теля. В средних числах апреля в Москве состоялся съезд педагогов и деятелей по народному образованию для выработки оснований и проекта устава «Всероссийского учительского союза». Собралось на съезд 152 представителя 30 губерний; впрочем, 58 из них приходилось на Петербург и Москву. Сельских учителей было 71. Собрание большинством 96 голосов против 23 приняло следующую резолюцию: «Собрание признает, что всероссийский учительский союз должен иметь не только профессиональные, но и политические задачи». Голосовавшие против настаивали, чтобы задачи предстоящего союза были ограничены одними профессиональными вопросами для того, чтобы люди всех партий и направлений могли вступить в него, не опасаясь встать в противоречие со своими убеждениями. Здесь имелись в виду, конечно, не консервативно-чиновные элементы, ибо таковые не пойдут ни в какие организации без разрешения, точнее—без приказа высшего начальства. Здесь имелись в виду люди твердых, определенных убеждений, партийные люди, не привыкшие менять свои взгляды, как перчатки. Организоваться, конечно, следует и должно, но заранее навязывать членам профессиональных организаций определенную политическую программу—это значит заранее ограничивать размеры своих организаций. Но какой же это тогда «всероссийский» союз? Назовите его «освобожденским», «буржуазным», «либеральным» учительским союзом, но только не всероссийским!

Какое хочешь имя дай
Своей поэме полудикой:
Петр длинный, Петр большой,—но только Петр
Великий
Ее не называй!

Мы не знаем в точности политической программы, принятой на московском учительском съезде; в газетном отчете коротко сказано, что среди других задач учителя ставят себе задачей и «борьбу за политическое освобождение России и за широкие социально-экономические реформы». Но затем указывается, что для этого необходима «совместная политическая деятельность с другими профессиональными союзами в достижении общих целей». Вот тебе и «широкие социально-экономические реформы»! Несомненно, тут имеется в виду совместная политическая деятельность с другими интеллигентскими же профессиональными союзами, но из них покуда ни один не выставил такой программы, которая действительно соответствовала бы понятию «широкие социально-экономические реформы». Впрочем, лягушкам и болото кажется привольным...

Из сказанного, конечно, не следует, что члены профессиональных союзов не должны принимать участие в политической борьбе. Но политическая борьба ведется между классами под руководством соответствующих партий. Это—истина, которой давно, кажется, пора бы стать азбучной. Политические партии могут и должны влиять на профессиональные союзы, вовлекая их в борьбу, побуждая на определенные акты, но это совсем не то, что создавать профессиональные союзы с заранее определенной политической программой. Так партии не создаются. Только неразборчивый шумливый Союз Освобождения способен заполнять свои ряды представителями всевозможных классовых интересов от перепуганного, поневоле либеральничающего земца и фабриканта до радикально-демократического социалиста-революционера. Такой партии грозит неминуемый и близкий крах; она скоро распадается на свои составные части.

Учителя, и в особенности народные учителя, могли бы быть, во всяком случае, более осторожными при выборе того или иного политического знамени. Помимо того, что они сами близко знают и великие нужды народа, и всех его больших и малых мучителей и грабите-

---

ной армии и замены ее народным вооружением? требование полного отделения церкви от государства? полного уничтожения косвенных налогов? и т. д. Желая упрочить и облегчить дело отодвиганием партийных споров и принципиальных несогласий, Р. О. С. на самом деле усложнил и затруднил дело полной неясностью своей позиции!

В-третьих, как узнаем мы о выполнении Союзом Осв-ия того условия, которое ставит ему Р. О. С., т.-е. как узнаем мы, что С. О. действительно «проникся сознанием неизбежности вооруженного восстания»? Будем ли мы ждать официального заявления С. О. об этом? Но С. О. не желает ничего говорить о средствах осуществления его программы. С. О. предоставляет простор своим членам не только в выборе этих средств, но даже в видоизменении самой программы. С. О. считает себя частью «конституционно-демократической» (читай: конституционно-монархической) партии, другую часть которой составляет земская фракция, не желающая связывать себя ровно никакой программой и никакой тактикой. Какое же значение после этого имеет условие, предъявляемое Р. О. Союзом Союзу Осв-ия? Далее, кто не знает, что «освобожденцы» не связывают себя никакой вполне определенной программой, никакой тактикой именно для того, чтобы в отдельных случаях иметь полную свободу высказываться (особенно официально) и за террор, и за восстание? Следовательно, мы приходим к тому несомненному выводу, что влиятельным членам и даже влиятельным группам Союза Освобождения вовсе не трудно будет, раз они этого пожелают, войти в Рос. Осв. Союз и занять в нем руководящее положение. При беспартийной позиции Р. О. Союза целый ряд независящих от его воли условий (источники крупных денежных средств, общественные связи и т. д.) будет складываться в пользу такого исхода. А этот исход означал бы превращение вооруженных народных дружин в орудие либеральной буржуазии, подчинение рабочего восстания ее интересам. Этот исход означал бы политическую эксплоатацию пролетариата буржуазией в русской демократической революции. При этом исходе дело свелось бы к тому, что буржуазия дала бы деньги на вооружение пролетариата, позаботилась бы посредством проповеди общепартийности отвлечь его от социализма, ослабить его связь с социал-демократией и, таким образом, имела бы наибольшие шансы превратить рабочих в свое орудие, лишать их возможности отстоять свои, особые, «партийные», пролетарские интересы в революции.

лей, им на собственной шкуре больше, чем кому-либо из рядовых интеллигентов, приходится испытывать всю гнусность существующего строя. О беспредельных унижениях, которым подвергаются русские учителя, распространяться нечего. Они лично, можно сказать, должны быть заинтересованы в окончательном и надежном свержении всероссийского безобразия в пропасть былого. Только истинно-демократические реформы и политического, и экономического характера, которые ставит на первую очередь социал-демократическая рабочая партия быстро поднимут морально и материально рабочий и крестьянский люд, только демократическая республика может обеспечить России широкую свободу. А свобода, которую проектируют для новой России буржуазные освободители, есть лишь смена одних цепей на другие. Новые цепи будут немного потоньше, немного подлиннее, но они будут, несомненно, крепче, чем перержавевшие цепи царизма. Нет, не в этом цель начавшейся революции!

Учителя уже по своему положению скорее, чем другие интеллигенты, могли бы проникнуться великим социалистическим идеалом, могли бы вместе с организованным пролетариатом всего мира стремиться навстречу неизбежному социалистическому строю. Они меньше всего связаны с существующим буржуазным строем, полным несправедливостей и насилий. А что же делают русские учителя в то время, как пролетариат с гигантской энергией расчищает путь к будущему строю? Они заключают союз с лицемерными буржуазными либералами, совершают нечто в роде «купли-продажи». Организованный либералами учительский союз считает, между прочим, необходимым «привлечение и органов общественного самоуправления к защите учащих от произвола администрации и к материальной поддержке лиц, пострадавших за политическую и общественную деятельность». Что это такое? Ведь, это значит: мы—вам, а вы—нам! Нехорошо, и очень нехорошо, господа учителя! Пролетариат, выступая на кровавую борьбу с самодержавным деспотом и его лакеями, не спрашивает, кто его будет кормить; петербургские рабочие сплошь да рядом отказывались с презрением от буржуазной помощи. Следовало бы вам поучиться у них, гг. нравственные руководители и учителя подрастающего поколения!

И учителя там, где народное движение приобрело уже внушительные размеры, лучше поняли дух времени и истинные нужды народа. Учителя народных школ Кутаисской губернии на 5 съездах пришли к заключению о невозможности продолжать занятия в настоящее смутное время и постановили прекратить занятия и требовать:

1) немедленного созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права для всех, без различия пола и национальности; 2) свободы слова, совести, печати, собраний, союзов и стачек; 3) уничтожения национального и религиозного гнета; 4) полной амнистии всех пострадавших за политические и религиозные убеждения; 5) немедленного прекращения истощающей страну войны.

Прекращая занятия, кутаисские учителя непосредственно выступили на путь борьбы, т.-е. на тот путь, который единственно может привести к настоящей свободе. Ибо истинную свободу берут с бою, а не выпрашивают!

М. Южин (М. Васильев).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ [1]).

Петербург. 22-го мая Союз Союзов затеял устроить в Павловске на музыке чисто-интеллигентскую демонстрацию по поводу гибели эскадры Рождественского. Были приглашены члены всех союзов. Поезда уходили из Питера битком набитые публикой. Полиция, конечно, заранее знала о го-

* * *

Из всего сказанного вытекают сами собой те тактические задачи, которые ставит перед социал-демократией появление нового союза Заслуживает ли доверия или нет этого союза Р. О. С., и особенно его бесконтрольный и неответственный Ц. К., мы не знаем. Мы будем говорить не о Ц. К. Р. О. С., а о рабочем союзе Р. О. С., и даже не о данном рабочем союзе, а о таких рабочих союзах вообще. В той или иной форме, под тем или иным названием, в тех или иных размерах, такие «союзы», организации, группы, кружки везде и повсюду возникают теперь в России. Вся политика самодержавия, вынуждающая народ браться за оружие и готовиться к восстанию, вызывает неизбежно образование таких групп. Разношерстный, неопределенный в классовом отношении, часто случайный состав этих групп при крайне недостаточной его широте и глубине социал-демократической работы неизбежно придает этим группам характер общепартийных революционно-демократических групп. Вопрос о практическом отношении к ним со стороны социал-демократии—один из самых насущных вопросов нашей партии.

Мы должны прежде всего и безусловно пользоваться всеми средствами, чтобы разъяснять членам таких групп вообще, а рабочим в особенности, социал-демократическую точку зрения, не допуская ни малейшей неясности, ни малейшего умолчания на этот счет, доказывая необходимость именно партийной и непременно партийной социал-демократической организации пролетариата, если он не хочет быть политически эксплоатируем буржуазией. Но было бы страшным педантизмом, если бы мы вздумали махнуть рукой на такие группы или если бы мы «прозевали» их образование и их гигантскую роль в деле борьбы за свободу. Было бы непростительным доктринерством, если бы социал-демократы стали с чванством или презрением относиться к «общепартийным» рабочим, входящим в такие группы. От этих ошибок, возможных особенно благодаря оживлению печальной памяти экономизма и узкого хвостистского понимания наших задач в рядах соц.-дем.,—от этих ошибок мы хотели бы в особенности предостеречь всех членов партии. Необходимо приложить все усилия для осуществления взаимного обмена услуг между этими группами и организациями нашей партии в целях вооружения возможно большего числа рабочих. Необходимо чрезвычайно осторожное, тактичное и товарищеское отношение к рабочим, которые готовы уме-

товящейся демонстрации и потому принимала соответственные меры. В тех же поездах, которые увозили будущих демонстрантов, в багажных и иных вагонах ехали жандармы, городовые и околодочные.

В зале А. И. Новиков взял слово; он говорил о бессмысленности войны, о необходимости ее прекращения и о необходимости созыва народных представителей. Толпа громко выражает свое сочувствие, но в это время врывается взвод городовых, они выхватывают Новикова из толпы. Присутствующие (при криках «долой полицию! вон мерзавцев!») бросаются на городовых с тростями и обращают их в бегство (не могу выразиться иначе, так как городовые, придерживая рукой свои «селедки», форменно бежали), но арест Новикова как-то прошел вначале незамеченным, и после изгнания городовых ораторы продолжали говорить. За шумом их довольно плохо слышно, но смысл их речей все тот же: долой войну, да здравствует созыв народных представителей. Если память мне не изменяет, то предлагают принять следующую резолюцию: «Граждане, собравшиеся 22-го мая в Павловске, потрясенные событиями на Дальнем Востоке, требуют немедленного прекращения войны и созыва народных представителей». Толпа приходит в страшное возбуждение, кричит, стучит зонтами. В это время в зал вторично врываются городовые в большем количестве. Толпа встречает их крайне враждебно и готова вторично прогнать, но они выхватывают шашки из ножен, и тогда начинается бегство. Часть публики вооружается стульями и бросает ими в городовых, которые возвращают их тем же способом толпе. Происходит безобразная свалка. Военные, находящиеся в толпе, действуют за одно со всеми и энергично защищают статских от ареста. Зал очищен и вся публика толпится на площадке перед ним. Является полурота солдат стрелкового батальона под командой офицера Веревкина. Толпа встречает их возгласами отвращения и возмущения. Одни ругают и солдат и офицера, другие пытаются повлиять на них разговорами. Офицер, видимо, сильно взволнован. Из публики к нему обращаются с убеждениями не стрелять. Он отвечает, что его прислали водворить порядок, что «ни я не пойму вас, ни вы—меня, а потому я прошу вас, господа, разойдитесь!» Арест Новикова уже всем известен, и потому Веревкину отвечают: «освободите Новикова, и мы сейчас разойдемся». Разговоры, повидимому, ни к чему не привели бы, но в это время горнист заиграл какой-то сигнал. Толпа шарахнулась в стороны, а к офицеру подошел какой-то артиллерийский генерал и потребовал, чтобы стрельбы не было. Солдат отвели в сторону. А затем полиция заняла все выходы с площадки в парк и требовала, чтобы публика очистила площадку. После долгих переговоров и убеждений все ушли, при чем в конце-концов городовые и околодочные готовы были действовать силою и пытались даже «просить честью», но некоторая часть публики возмутилась и потребовала от полицмейстера, чтобы нахалы были убраны, что и было сделано. Всех выпроводили на площадку перед вокзалом. А тут уже была заготовлена «черная сотня», в виде дворников и хулиганов. И вот сии последние вздумали учинить пробу: бросились бежать прочь с криками. Толпа частью побежала за ними, но большинство осталось на месте. Поднялись толки, что же делать. Решили не уезжать до освобождения Новикова и отправили к полицмейстеру депутацию. Она добилась того, что по составлении протокола Новиков будет выпущен. Так и было. Толпа встретила его криками «ура» (к этому времени, конечно, оставалось всего несколько сот человек, вероятно, но все же толпа была порядочная). Сели в вагоны и поехали. В Царском Селе поезд встретила громадная толпа народа с криками «ура». Из окон вагонов раздавались крики: «Долой Романовых, долой царя-убийцу, долой войну!» И все эти возгласы встречались криками «ура». Картина получилась довольно внушительная.

Встреча Наместника. Под этим заглавием Бакинский Комитет Партии выпустил листок в котором, между прочим, сказано следующее.

Товарищи! На-днях либеральные болтуны встречали царского наместника Воронцова льстивыми речами. Десять лет свирепый держиморда выбивал у либералов охоту холопствовать перед властью, но—увы—труды его пропали даром! Стоило только Воронцову сказать два-три ласковых слова, как наши либералы пустились опять друг перед другом вперегонки превозносить царского сатрапа, как великого реформатора, который осчастливит Кавказ!.. Посмотрим же, что это за реформатор.

Чтобы водворить мир и тишину, Воронцов обещал созвать в Тифлисе совещание представителей от всех сословий и городов. Но что это будет за совещание, созываемое не для блага населения, а ради полицейского спокойствия и тишины? Конечно, тут обязательно будут предводители дворян, городские головы, протопопы, мещанские старосты и сельские старшины.

Не будет в совещании только крестьян да рабочих. Для того, чтобы их избрали туда, необходимо всеобщее, прямое и равное для всех избирательное право, необходима свобода печати и собраний; для агитации за крестьянских

реть за свободу, которые организуются и вооружаются для борьбы, которые всецело сочувствуют пролетарской борьбе и которых отделяет от нас недостаток у них социал-демократического миросозерцания, предрассудки против марксизма, переживание тех или иных устарелых революционных взглядов. Нет ничего легче метода немедленного разрыва с такими несогласномыслящими рабочими или простого отстранения от них, но нет и ничего глупее такого метода. Мы должны помнить, что социал-демократия может быть сильна лишь единством широких масс пролетариата, а это единство создается, в силу раздробляющих, разъединяющих, отупляющих условий капитализма, не сразу, а лишь ценою упорного труда и громадного терпения. Мы должны помнить опыт наших европейских товарищей, которые считают своим долгом осторожное товарищеское отношение даже к рабочим—членам католических союзов, не отталкивая их презрительным отношением к их религиозным и политическим предрассудкам, а настойчиво, тактично и терпеливо используя всякий акт политической и экономической борьбы для их просвещения и сближения с сознательным пролетариатом на почве совместной борьбы. Во сколько же раз более обязательно с нашей стороны заботливое отношение к рабочим-революционерам, готовым бороться за свободу, которые чужды еще социал-демократии! Повторяем: ни малейшего замалчивания соц.-дем. взглядов и ни малейшего пренебрежения к революционным группам, не разделяющим этих взглядов. Пока такие группы не примкнули официально к какой-нибудь несоциал-демократической партии, до тех пор мы не только в праве, но и обязаны рассматривать их, как примыкающие к Р. С.-Д. Р. П. Именно так мы должны рассматривать, например, и Раб. Союз Рос. Осв. Союза. Мы должны приложить все усилия для ознакомления членов этого союза с социалистической литературой, для устной пропаганды наших взглядов во всех собраниях всех разветвлений этого союза. Даже в свободных европейских странах признается утопичной мысль о том, чтобы можно было при капитализме сделать всех пролетариев сознательными социал-демократами. Но ни в Европе, ни в России не утопична мысль о руководящем влиянии с.-д. на всю массу пролетариата. Надо только учиться осуществлять это влияние, надо помнить, что лучшим союзником нашим в просвещении несознательных рабочих будут наши враги, правительство и буржуазия,—и тогда мы добьемся того, что в решительный момент вся рабочая масса откликнется на призыв социал-демократии!

и рабочих депутатов необходима также неприкосновенность личностей всех избирателей и избираемых от мала до велика. Но ни о чем этом царский сатрап и не заговаривает, и газетам не дает права писать. А это значит, в совещание рабочие не попадут, и некому там будет защищать интересы рабочих... Значит, все это совещание будет одной только комедией для отвода глаз, и мы, товарищи, не должны допустить, чтобы царский сатрап разыграл ее перед нами.

Товарищи, будем осторожны. Не будем брать примера с легкомысленных либеральных душонок и будем дружно требовать, как этого потребовали петербургские рабочие от комиссии Шидловского, всеобщего избирательного права, свободы печати, собраний и организаций и неприкосновенности личности, если царский сатрап предложит нам избрать депутатов в свое совещание. А если он не даст нам этих прав, тогда — долой совещание, долой обманщика!.. Пусть он разыгрывает свою комедию без нас, а мы должны делать свое дело, организовать наши силы для вооруженного восстания всего народа против деспотизма самодержавного правительства. Не либеральными бумажными петициями, а только вооруженной силой мы можем свергнуть ярмо рабства и угнетения, ибо только силой завоевывается право на свободу.

Голодовка в тюрьме. Кратко, без всяких лишних слов, сообщили нам товарищи из тюрьмы, что у них голодовка. Их попытка действовать легальным путем разбилась о дикое упорство и сознательную жестокость местных холопов царизма: губернатора, тюремного инспектора и других чинов. Товарищи хотели послать телеграмму министру юстиции, но в этом отказали. Товарищи вызвали губернатора,—он не явился. Единственным выходом из такого безнадежного положения была голодовка.

Представляете ли вы себе, граждане, что такое 10 суток голодовки? А наши товарищи уже 9 суток не принимают пищи. —Это значит, что десятки жизней поставлено на карту; это значит, что, в лучшем случае, навсегда будут унесены здоровье, силы, молодость десятков людей; это значит, что безысходное горе грозит десяткам семейств и близких; это значит, что «красный смех», смех человеческой крови встал над царской могилой-тюрьмой!

Нельзя молчать!

Граждане! пусть весть об ужасах тюрьмы разнесется, как набат по городу; пусть она пробудит всех, в ком чувства человека и совесть гражданина еще не вытравлены; пусть весть о грозящей нашим товарищам опасности умереть от голода заставит содрогнуться все сердца.

Екатеринославский Ком. Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Иваново-Вознесенск. У нас творятся небывалые дела. В 1 час 12-го мая стали 4 фабрики: Бакулина, Бурылина, Никанора Дербенева и Маракушева. К вечеру стали решительно все фабрики. К утру побросали работу заводы, железнодорожное депо, типографии Ильинского, Соколова и др., бросили работу ремесленники, землекопы,—остановилась вся рабочая жизнь, закрылись магазины. С утра 13-го, насколько глаз хватал, перед управой была переполнена площадь: ждали главного фабричного инспектора. Требования рабочими были представлены еще раньше по отдельности каждой фабрикой: везде подавалась бумажка с 27-ю гектографированными требованиями, изданная Иваново-Вознесенской Группой Северного Комитета нашей партии. Требования эти, под руководством Группы, были выработаны 9-го мая в лесу 50 рабочими со всех фабрик, где была решена всеобщая забастовка.

13-го с утра картина необычайная. Город на окраинах весь вымер. Тихо, тихо. Воздух чистый, дышать свободно, дыму нигде не видно. Трубы безжизненно подпирают небо. Только в центре города перед управой—море людских голов. Гул замирает, тихо становится, и явственно слышатся отчетливые слова 3—4 ораторов-рабочих, сидящих на плечах товарищей. С горящими глазами впилась в них толпа. Одного оратора может слышать толпа не более 15 тысяч (? ред.). Порою громом раскатится могучий голос толпы: «верно», «требуем», «не выдадим, небось», «не смеют арестовать» (оратора), «отобьем» «ура», «спасибо»! Читают и разъясняют требования, рассказывают, как и за что борются рабочие во всей России и за границей. Толпа в порыве благодарности по собственному почину собирает грошами рубли для организации. Выходит главный фабричный инспектор. Ведет переговоры. Предъявляют общие для всех ивановских рабочих требования. Рабочие решают, кроме того, выработать и предъявить от каждой фабрики местные, частные требования, решают сойтись к 5 часам вечера на Талку (речка в 2-х верстах от города), сделать каждой фабрике отдельный флаг, собраться под него, выработать требования, избрать депутатов (послать депутатов только в том случае, если хозяином и властями будет дано честное слово, что депутаты не будут ни уволены, ни арестованы). Предложение инспектора выработать требования по фабрикам отклоняется: «Нет! лучше на вольном воздухе, на свободе, бок-о-бок с другими товарищами, подальше от хозяйских и других глаз!».

Толпа на площади ревет, грозит кулаками по направлению верхних окон Управы. «Закройте окна, не шпионьте (там помещается полицмейстер и подозрительная публика), отойдите от окон, а то расправимся». Окна захлопываются.

Все кончено. Оратор-рабочий приглашает разойтись пообедать, а потом на Талку. Завтра к 12 часам опять сход на площади. Потекла река голов людских, отошли уже порядочно. Вдруг тревога. Кричат: «Товарищи! собирайтесь, нас обманули!» (Фабричный инспектор обещал, что никто не будет арестован). Толпа вновь нахлынула, вновь возбужденная наполнила площадь. Оратор проверяет: «верно ли, что арестовали в ночь 16 человек?» Называют фамилии. Полицмейстер дает слово, что никто не арестован, предлагает осмотреть тюрьмы. Толпа смеется над его честным словом. Решают проверить завтра, справившись на квартирах тех, кого называли. На Талке, кажется, разъясняется, что никто не арестован. Громадный луг рядом с железной дорогой переполнен народом, видимо-невидимо. Развеваются десятки флагов; около них группы. У одной фабрики красное знамя и на нем слова: «Кровь рабочих на нем». По выработке требований рабочие читают газеты, жадно расхватывают листки... Здесь какой-то молодой рабочий говорит о социализме, там—о том, чтобы держаться твердо до конца. Наконец, один оратор собирает вокруг себя толпу; народ садится; задним все-таки не слышно. Говорит о 1-м мая; толпа кричит: «да здравствует международный праздник рабочих». Говорит о петербургском движении, о всероссийском движении. С замиранием сердца слушают об ужасах 9-го января. Единодушно обнажают головы. «Вечная память погибшим товарищам». Слушают про море слез и крови, принесенное войной,—кричат «долой войну!» Слышатся сзади единичные протесты: «мы фабричными делами пришли заниматься»,—голоса эти приводятся к молчанию. Единодушно поддерживается требование немедленного возвращения товарищей, пострадавших за политические и религиозные убеждения. Всеми горячо признается необходимость свободы собраний, слова, печати, союзов, стачек. Наконец, все соглашаются о необходимости созыва учредительного собрания на основе всеобщего, тайного, прямого и равного голосования. К 10 час. стали расходиться. Депутаты человек 50 отдельно обсуждают требования и дальнейшее поведение. Утром 14-го приехал губернатор с войсками.

Баку. И нашего города не миновали заботы и попечения ревнителей самодержавия,—волна комиссий докатилась до железнодорожных рабочих и служащих г. Баку. В середине марта рабочим и служащим были розданы книжечки-инструкции, в которых министерством путей сообщения предполагалось произвести среди рабочих выбор делегатов в комиссию по улучшению быта жел.-дор. служащих и рабочих. В свое время эти «инструкции» были перепечатаны в легальных газетах. Они представляют одно из многочисленных поползновений бюрократии «взять в свои руки рабочее движение». Среди железнодорожников «инструкции» вызвали бурю негодования. На 20-е марта были у нас назначены выборы. Утром того же дня нами было созвано собрание наиболее влиятельных и развитых рабочих. Мы решили

достойно ответить на эту пародию выборов. На собрании присутствовало до 80 чел. После рассуждений о комиссиях вообще и данной в частности было решено во что бы то ни стало провалить жалкую попытку заботливой опеки радетелей «народного блага». Приняли резолюцию по пунктам, изобличающую истинный характер «инструкций» и фактически уничтожающую будущее комиссии.

Утром 20-го марта все рабочие депо и службы движения собрались в здании железнодорожного театра. Раздали по рукам резолюцию 80-ти, напечатанную в типографии К., очень сочувственно принятую. Через некоторое время по требованию рабочих является начальник. Ему вручается резолюция и заставляют читать по пунктам. Последний из них гласит, что если до 1-го апреля изложенные здесь требования не будут удовлетворены, то рабочие прибегают к обычному средству борьбы—к забастовке. (Передаю смысл). Не обошлось без курьезов. Дочитав до последней строчки: «Бакинский Ком. 20-го марта 1905 г.», начальник воскликнул: «Как же это успели напечатать, ведь, только 10 ч. утра?!» В ответ на это наивное замечание—дружный хохот рабочих.

От 20-го по 1-е апр. настроение было весьма возбужденное; состоялось несколько бесед общеполитического характера. 27-го во время постановки «На дне» в театре арестовали, якобы, за распространение прокламаций двоих рабочих. Арест одного из них, очень влиятельного в депо товарища, особенно возмутил рабочих, и 28-го в обед на собрании в депо потребовали «до гудка освободить арестованного». Удовлетворили немедленно. В продолжение от 28-го по 1-е апр. жандармы, полиция и казаки странствовали по мастерским и всяческими угрозами, застращиваниями удерживали от забастовки. Ответ на поданную резолюцию, как и следовало ожидать, получился отрицательный. 29-го марта состоялось собрание, на котором был выработан ряд требований.

1-го апр. началась забастовка. В половине третьего по гудку были брошены работы. Немедленно появились начальник и жандармский ротмистр. Им заявили, что рабочие желают поговорить между собою о проведении стачки без начальства и жандарма. После этого тут же был прочитан и принят единогласно ряд требований. Затем выступили с речами, в которых предлагалось малосознательным товарищам удержаться от пьянства, буйства и т. п. беспорядков. До объявления губернатора, что стачечники будут преданы военному суду, речи политического содержания принимались сухо и сдержанно, после же него, напротив, настроение подогрелось и уже не охотно слушали разглагольствование вообще об экономическом быте.

При вручении требований начальнику депо последний указывал на отсутствие подписей, на что был дан ответ: «формальностей не признаем; не угодно ли министру путей сообщения приехать лично осведомиться о происходящем», после чего собрание разошлось. Вскоре забастовали, покинув локомотивы и разойдясь по домам, машинисты и их помощники. Шли 1—2 поезда, только пассажирские и на Сабунчи. Машинистов насильно тащили из квартир солдаты, нередко избивая их беспощадно по дороге. 3-го апр. происходили собрания, специально посвященные вопросу защиты от насильников. Администрация была предупреждена, что если не прекратятся зверские обращения, то на насилия ответят тем же. В тот же день в здании жел.-дор. театра происходило собрание мишинистов и мастеров. Собралось до 110 человек. Сперва ораторы указывали на их неподготовленность к забастовке, но потом присоединились к бастующему депо. Решено было поездов, кроме № 3 (почтовый Тифлис), не пропускать. Бастовали, за исключением троих, все машинисты.

Конторщиков, кондукторов, телеграфистов и проч. забастовка не коснулась, хотя добрая половина из них отнеслась сочувственно. 6-го апр. предполагалось обсудить на собрании ответ на требования. Забастовавших загнали в сарай, продержали там с 10 ч. утра до 4 ч. дня и заявили: «желающие работать могут выйти из сарая». Публика проголодалась. Сарай быстро опустел, и у дверей стоял жандарм и переписывал уходящих. Однако, очутившись на свободе, никто и не думал стать на работу. Конечно, нашлось несколько малодушных, но единицы. 7-го апр., утром, в ответ на приглашение стать на работу, рабочие требовали: 1) освобождения арестованных товарищей, 2) платы за прогульные дни. На последнее требование быстро согласились. Относительно первого обещали поговорить с ген.-губ. Амилахвари, для чего было выбрано 7 чел. Между прочим, на собрание явился один из оторствующих офицеров. В речи старался бить на патриотические чувства, указывая на критическое положение отечества, чуть ли не гибель родины и т. д. Один из рабочих задал вопрос; «знает ли оратор, что такое отечество?»—«Как это не знать?». Следует небольшая речь, в которой оратор-рабочий объясняет, что «сейчас у нас отечества нет, а есть холопы да бюрократия, всюду сующаяся». Делегация из 7 человек заявила Амилахвари требование освободить арестованных товарищей, при чем напомнила об обещании рассмотреть их требования сейчас же по приезде наместника Воронцова-Дашкова. Амилахвари, не дав окончить слова, обругал негодяями, угрожал погромом. Приказал рабочим замолчать, в противном случае, обещал тут же арестовать их. Объяснил им, что рабочие ему нравятся только в том случае, когда они бессловесны, как скоты, работают день и ночь и создают для негодяев, подобных ему, богатства. Если же рабочие бастуют, то их ждет эшафот и виселица. Выходило, что рабочие должны быть слепым орудием в руках администрации и бюрократии. Напрасно Амилахвари метал перед ними перлы своего красноречия. Рабочие все теперь пришли к сознанию, что при современном политическом положении рабочим невозможно мечтать улучшить свое положение. Бывало, было довольно 500 экз. листков с политическим характером, а теперь нехватает и 2.000 экз.

Арестовано 9 чел. Из арестованных держат двоих, у них были найдены револьверы. Пока идут всякие «комиссии» с «представителями» служащих, реального ничего нет пока. После забастовки Комитет укрепляется и на жел. дор.: организуются кружки телеграфистов, конторщиков. Устраиваются частые массовки и собрания. Но на-ряду с этим организуются разные «комитеты русских тружеников» зубатовского толка, выпускающие прокламации. Ответ этим «комитетам» на-днях выйдет из печати.

Бакинский Комитет.

Казань. Комитетом решено было праздновать первое мая исключительно путем собраний. Поэтому, начиная с 18-го апреля, был устроен целый ряд собраний, на которых выяснялось значение майских лозунгов нашей партии.

18-го апреля было за городом собрание из восьмидесяти рабочих и около двухсот интеллигентов. По окончании его было некоторыми ораторами предложено устроить демонстрацию; в виду отрицательного отношения Комитета, большая часть рабочих в город не пошла, но толпа более ста пятидесяти человек, почти все учащиеся, с песнями, раздавая листки, дошла до центра города, где только была встречена полицией и разошлась без столкновения. Затем в течение 2-х недель было устроено 9 районных массовок чисто-рабочих; присутствовало от двадцати до девяноста человек.

Были две массовки у организации средней школы от ста пятидесяти до двухсот человек. 1-го мая ст. стиля была общая маевка (около двухсот рабочих и работниц и около ста шестидесяти интеллигентов). Место собрания—на разливе реки Волги, и доступ только на лодках. По окончании собрания публика произвела маленькую «морскую демонстрацию», двинувшись в 31-й лодке вниз по течению с красными знаменами и пением наших песен. Так доехали до весенних пристаней, где знамена были убраны. По дороге раздавали на пароходы, лодки и плоты майские прокламации, которые всеми брались нарасхват, так что их нехватило для всех желающих.

За все время было два инцидента с полицией, задержавшей несколько посторонних лиц, которые тут же были освобождены. Между прочим арестован 30-го апреля портной Сторожев и выпущен 3-го мая.

Казанский Комитет Р.С.-Д.Р.П.

Тверь. На пасхе были наши демонстрации в деревнях Андриановo, Пучнино, Мельниково, Пепелышево, Казино и Грибово—Тверского уезда. Фабричная и деревенская молодежь проходила по улицам со знаменем и революционными

песнями, произносились речи комитетскими агитаторами. Ни в одной деревне демонстранты не встретили сопротивления. Были, правда, отдельные протестующие голоса пожилых мужчин, но они быстро умолкали под градом насмешек. Картина: перед знаменем, ругая молодежь, вертится мужик. «И что тебя корчит?—спрашивают его из толпы,—ну, красное знамя и больше ничего! Говорят, что чорт корчится перед крестом,—а тебя хуже чорта перед знаменем ломает!» Сконфуженный протестант смолкает. На той же неделе комитетом был устроен в деревнях ряд сходок: в Пречистом Бору (75 ч.), в Андрианове (1-я—70 и 2-я—30 ч.), в Габово (50), в Дмитровской (60), в Неготино (1-я—37, 2-я—33, 3-я—25) и Крутых Горках (150). Явились на сходки преимущественно фабричные рабочие из местных крестьян, в меньшем количестве были крестьяне-земледельцы. Говорилось о майском празднестве, а затем по крестьянскому вопросу; о вооруженном восстании; об учредительном собрании и временном правительстве; а на последних собраниях и о всеобщей забастовке. Много внимания было уделено революционным крестьянским комитетам, проводилась параллель между ними и временным правительством. На сходках в Неготино и Пречистом Бору проведены социал-демократические резолюции. На этой же неделе состоялось несколько сходок в деревнях Новоторжского уезда. На 1-е мая в Жолтиковской роще Тверским комитетом был назначен митинг. В решении вопроса и выработке плана принимали участие все организаторы и представители кружков; решено было устроить после митинга демонстрацию только в том случае, если будет много народу и хорошее настроение. Митинг назначен был в 5 час. Рассчитывали на то, что в роще по обыкновению будет много гуляющей публики. Появление на фабрике войск еще в субботу и слухи «о бунте» напугали публику: в рощу пошли немногие. Но и эти разбежались, когда в лесу начала раздаваться бестолковая и ненужная стрельба. В роще к 5 часам не было почти никого, кроме сознательно явившихся на митинг. У всех на груди были приколоты красные банты. Какой-то социалист-революционер пытался собрать толпу, чтобы, воспользовавшись нашей работой по подготовке митинга, устроить свою демонстрацию, но нашим организаторам удалось помешать этой попытке сорвать митинг. Организаторы предложили товарищам рассеяться и ждать условленного сигнала, так как ожидалось прибытие рабочих с вагоностроительного завода. Еще не было дано условленного сигнала, когда комитетский оратор, заразившись настроением толпы, поднял красное знамя. Товарищи начали собирать других товарищей, рассеянных по роще, и подняли второе знамя (оба с надписями). Запели «Долго в цепях нас держали, долго нас голод томил»... и двинулись по роще. С первого же момента митинг был превращен в демонстрацию. Организаторам едва удалось остановить толпу. Оратор встал на скамейку со знаменем в руке и начал свою речь. Речь о значении 1-го мая длилась не больше 20 минут. К толпе подходило три безоружных солдата, кто-то крикнул об этом, произошло замешательство, раздались возгласы: «Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует 1-е мая!». Оратор, не посоветовавшись с организаторами, опять повел толпу, как он объяснял после, для того, чтобы вовлечь в митинг публику, сгруппировавшуюся на опушке леса.

Это был самый лучший момент торжества. За развевающимся знаменем шло больше трехсот человек; неслись боевые песни, у всех были красные банты, все были воодушевлены. Вышли из рощи и подошли к переезду через железнодорожную линию. С трудом удалось организаторам остановить здесь толпу, чтобы возобновить митинг. Но тут с насыпи посыпались каменья: там собралась черная сотня, сорганизованная на Морозовской фабрике еще в январе. Человек десять с револьверами бросились навстречу черносотенным и выстрелами заставили их спрятаться за фабричные ворота. Но митинг уже не мог продолжаться: не смолкали бестолковые выстрелы, все кричали. Одни предлагали итти в город, другие звали назад в рощу. Организаторы предлагали толпе разойтись, но она была страшно возбуждена и ни за что не хотела уходить,—все рвались в схватку. В это время соц.-революционеры подняли свое знамя; их оратор пытался говорить, но дальше «слушайте, товарищи!» не пошло. Из фабричных ворот выходили солдаты. Наши товарищи употребили все силы, чтобы заставить демонстрантов разойтись. Большая часть ушла благополучно.

Из организации никто не пострадал. Избит черносотенными и затем арестован прис. пов. Щукин, но Елкин, нанесший ему удар по голове, сейчас же свалился с ног, раненый 4 пулями. Избита и арестована А. В. Мешикова (? фам. неразборчиво написана. Ред.), только-что вышедшая из тюрьмы. Она повела Щукина прямо через двор черной сотни и жестоко поплатилась за свой геройский поступок. Рыцари черной сотни, только-что убегавшие толпой перед двумя товарищами, набросились на беззащитную девушку и жестоко избили ее. Арестован еще гимназист Рождественский, но на другой день выпущен под залог. На другой день арестован Петр Борисов, обвиняемый в участии в демонстрации.

Из черной сотни ранено револьверными выстрелами 3 человека. Один (Сакин) при смерти. Распространился было слух о его смерти, и комитет сообщил об этом в своем листке, но слух оказался преждевременным. Говорят, что ранен один из драгун, принимавших участие в ловле демонстрантов. В этот же день состоялись демонстрации и в некоторых деревнях Тверского уезда: в дер. Палагино принимали участие фабричные рабочие около 100 человек, а в деревнях Киево и Лясково демонстрация была устроена исключительно деревенскою социал-демократическою молодежью в количестве 50 человек; у всех были красные значки.

9-го мая произошла демонстрация в слободе Никола Малица, в 6 верстах от города. В этот день бывает перенесение иконы из монастыря в этой слободе в город. Комитетом были приглашены городские и деревенские товарищи на митинг после крестного хода. В условленном месте собралось мало, и назначенный комитетом оратор хотел было распустить собравшихся. Но когда рабочие запели, из деревни начал подходить народ, и оратор открыл митинг. Говорил о неизбежности и необходимости революции и об учредительном собрании. Пошел дождь и заставил прервать речь, хотя больше четверти часа публика стояла под дождем, слушая оратора. По требованию рабочих пришлось устроить демонстрацию. Было поднято красное знамя. Запели: «Дружно, товарищи, в ногу». Двинулись в слободу. За знаменем сначала шло человек 200, но толпа быстро возрастала. Было много женщин; интеллигенция отсутствовала. Прошли через всю слободу. На улице была сказана другая речь об избирательном праве. Интересно, что сама публика потребовала речи: «Все песни да песни, надо бы поговорить, благо никто не мешает»—говорили в толпе. Вторую речь слушало человек 700, и народ продолжал подходить. Это была чудная минута! После дождя сияло солнце, оратор с красным знаменем взобрался на скамейку, из всех окон высунулись головы, торопливо подходил празднично одетый народ, много было пожилых. Речь закончилась дружными криками толпы: «Долой самодержавие, да здравствует всенародное учредительное собрание, да здравствует социал-демократия!» Особенно сильно подхватывался возглас: «Долой войну!». Опять запели песни и медленно прошли по слободе и обратно к роще. Здесь толпа уже превышала тысячу человек. Пели русскую марсельезу и дубинушку. Особенно хорошо выходило: «Дружно, товарищи, в ногу!». В роще оратор распустил демонстрантов. Впечатление огромное. Спокойный и открытый характер демонстрации, тысячная толпа, полнейший порядок; ни одного выстрела, ни одного пьяного рабочего. Вначале торговки принялись было укладывать свой скарб, но сами обыватели успокоили их: «разве, мол, фабричные станут кого зря трогать!». Особенно важно, что толпа была со всего округа, и демонстрация произведет впечатление на широкий район. Весь этот период усиленной деятельности с самой пасхи ничего не стоил организации в смысле жертв, но дал нам очень много. Это была для нас хорошая школа. 9-го мая уже можно было отметить значительные успехи по части дисциплины и выдержки.

Екатеринослав. Екатеринослав пользуется репутацией «гиблого места». И действительно, по части прочной постановки революционной работы Екатеринославу положительно не везет. Провалы следуют за провалами необыкновенно часто. Но, несмотря на постоянные полицейские нашествия, все но-

вые и новые толпы наших товарищей стремятся сюда на работу. И это понятно. Дело в том, что Екатеринослав имеет характер специфически-промышленного уголка России. В то время, как, напр., Киев или Одесса производят впечатление торговых и умственных центров, главной фигурой в здешней общественной жизни является фабрично-заводский рабочий. Достаточно сказать, что на одном Брянском заводе работает около 7.000 ч. да в железнодорожных мастерских не менее 4.000 чел. К сожалению, работа социал-демократов, протекавшая все время при наличности каких-то роковых неблагоприятных обстоятельств, далеко не увенчалась удовлетворительными результатами. Особенно несчастным в этом отношении является последний год. Было, например, время, когда на одном Брянском заводе насчитывали около 400—500 сознательных организованных рабочих, теперь же таковых наберется не многим более сотни! Ужасная, можно сказать, чудовищная растрата революционной энергии! Не последнюю роль в деле этой растраты сыграл партийный кризис. В период партийной анархии и паралича партийных центров, местный комитет, окончательно обнищавший и по части людей, и средств, и литературы, ниоткуда не получавший помощи, не мог не потерять своего влияния на массы и на организованных рабочих. Его злополучным положением не замедлили воспользоваться меньшевики, которые наехали сюда в большом количестве; весь смысл их нашествия сводился к тому, чтобы посредством демагогии переманивать от «большинства» на свою сторону наименее развитых рабочих, а не к тому, чтобы самостоятельно преследовать задачи социал-демократической работы. События, происшедшие перед пасхой в железнодорожных мастерских, должны быть приведены в несомненную связь с деятельностью меньшевистского комитета. Рабочие этих мастерских давно уже пользуются репутацией «беспокойного» и «неблагонадежного» народа. В 1902 году, например, они первые в Екатеринославе дали толчок всеобщей стачке в городе. Администрация мастерских с превеликим бы удовольствием раскассировала добрую треть рабочего состава мастерских, чтобы очистить эти последние от весьма неприятных для нее элементов. Поэтому она непрочь даже той или иной провокаторской выходкой вызвать рабочих на стачку, чтобы довести таким образом дело до раскассирования рабочих и замены их—или, по крайней мере, части их—новым запасом более смирного «рабочего мяса». Впрочем, смело хватаясь за такого рода рискованные средства, она, повидимому, не учитывает одного очень важного обстоятельства. Дело в том, что без екатеринославских мастерских железная дорога еще может, с грехом пополам, обойтись на короткое время, но одновременное прекращение работ в мастерских как екатеринославских, так и александровских и луганских, было бы для дороги смертельным ударом и неминуемо повело бы за собой ее паралич. В расчете же, что здесь бог милостив, и другие мастерские в минуту екатеринославского кризиса работы не прекратят, железнодорожное начальство бросило екатеринославским рабочим вызов. Оно выкинуло на улицу без всяких церемоний 7 человек, выбранных рабочими для переговоров с администрацией мастерских, и этим вынудило крайне возмущенных рабочих объявить стачку.

Какая же задача стояла в это время перед руководителями стачечников? Было бы несомненной ошибкой с их стороны погашать воинственное настроение рабочих и приводить их к смиренному признанию своего бессилия и отступлению назад. Руководителям предстояло во что бы то ни стало поддержать вспыхнувшую борьбу и, пользуясь всеобщим революционным настроением пролетариата, добиться того, чтобы стачка перекинулась и на александровские, и на луганские мастерские, на что имелись большие шансы (не говоря уже о том, что она могла бы, в лучшем случае, разрастись до размеров всеобщей стачки на протяжении, быть-может, всего промышленного юга). На самом же деле офицеры этой четырехтысячной рабочей армии оказались совершенно не на высоте своей задачи. Направляемые очень плохими советчиками, воспитанными на идеях меньшевистской излюбленной проповеди «самодеятельности» пролетариата, рабочие вступили на очень скользкий путь: отправились для мирных переговоров к губернатору, якшались с полицмейстером и, разумеется, потерпели поражение по всей линии: им не только отказали в удовлетворении главного их требования,—обратного приема уволенных товарищей,—но и, явно издеваясь над ними, прогнали еще 3 человек из депо, которое имело неосторожность присоединиться к ним и поддержать их. На последней сходке, где присутствовало около 4.000 чел., выступил оратором один из вождей вышеуказанной школы. Его речь имела следующий характер: нужно, дескать, уступить... Пока у нас законных путей для борьбы нет, борьба невозможна... Подождем, что скажут нам комиссии, занятые теперь разрешением рабочего вопроса. Правда, у нас нет большой веры в эти комиссии, а все-таки ничего не остается, как подождать результатов их работ. Потом будет виднее, что делать, а сейчас нужно уступить... Изгнанных товарищей мы поддержим отчислением известного процента из своего заработка, а если и еще кого-либо удалят,—ну что ж поделаешь, поддержим и тех... Впрочем, идя на уступки, мы вовсе не должны складывать рук... Мы будем действовать, устроим кассу взаимопомощи... Откажемся от водки... Объединимся на почве экономических требований... и т. д., и т. д.—все в этом роде. Характерно то, что на сходке рядом с оратором красовалась фигура полицмейстера, который время-от-времени вставлял свои замечания, в роде, например, следующего: «мы (полиция) в ваше дело с администрацией не вмешиваемся. Об этих делах говорите, сколько хотите. А вот если станете рассуждать о политике, ну тогда мы вас вздуем»...

Любопытно также, что тот же самый оратор не счел для себя зазорным заискивающе благодарить полицмейстера за то, что тот разрешил сходку. Пытался было выступить перед толпой один большевик, но натолкнулся на сопротивление организованной черной сотни, которая зорко следила за тем, чтобы все было благополучно, и большевик был таким образом прогнан со сходки, получив напоминание, что посторонним лицам вход на сходку воспрещен. Комитет большинства выпустил к рабочим мастерских 2 прокламации с призывом продолжать свою борьбу, но уже не мог оказать должного действия.

Рабочие, совершенно сбитые с толку своими руководителями, смущенные и сконфуженные жалкими результатами своего выступления, взялись за работу, но утешали себя тем, что в ближайшем будущем они повторят попытку померяться силами со своими эксплоататорами, при чем так скоро не уступят и доведут свою борьбу до более желательного конца. Вообще, несмотря на жалкий конец всего этого случая, он обнаружил, что недостатка по части революционной энергии в рабочей среде нет, хотя, с другой стороны, он подтвердил еще раз и то общее впечатление, которое получается у многих наблюдателей русской жизни,—это именно впечатление сдержанности, осторожности и выжидательного положения, характеризующих настроение рабочих после кровавых событий в Петербурге, на Кавказе, в Варшаве и в других местах. Рабочие как бы инстинктом теперь сознают, что выступление в-одиночку, без общего революционного плана, без одновременной мобилизации всех революционных сил может повести лишь к растрате революционной энергии российского пролетариата. В виду этого, если судить даже по настроению наших екатеринославских более или менее сознательных рабочих, взоры всех друзей пролетариата обращены на готовящийся и, быть-может, теперь уже близкий к осуществлению, III съезд партии. Если там, на этом желанном съезде представители наших организаций успеют столковаться друг с другом и в дружной работе наметить общие директивы для дальнейшей революционной работы, если наша партия, хотя бы даже не в полном своем составе (ведь, периоды внутренней розни и острой борьбы не-так-то легко и благополучно ликвидируются), приобретет, наконец, столь нужные для нас единство, сплоченность и организованность, — тогда революционный пролетариат успеет доказать, какая могучая революционная сила таится в нем. Тогда перед нами, социал-демократами, откроются светлые и прекрасные перспективы «последнего и решительного боя» с чудовищем-самодержавием. Итак, да здравствует дружный, отвечающий историческому моменту и достоинству пролетарской партии, III съезд!... Мы ждем от него многого и прежде всего создания нужных условий для общего руководства нашей революционной работой!..

Екатеринослав. (Арматурный завод). Прошу многоуважаемую редакцию напечатать следующее.

Так как 1 мая было в воскресенье, то по обыкновению в этот день завод не работает. Но нам желательно отпраздновать в рабочий день. И мы бросили работу 2 мая. Не успели мы отойти от завода, как явилась целая свора башибузуков: пристав в сопровождении 6 околодочных и 10 верховых. Но мы успели разойтись. 3 мая мы вышли все на работу, но достаточно было искры, чтобы пламя вспыхнуло. Рабочим живется здесь очень плохо. Принимают мальчиков-учеников, а потом их здесь воспитывают, т.-е. учат известной профессии. Завод имеет такую привычку: принимает сначала мальчика на 3 месяца бесплатно, а по истечении этого срока платят ему 20 коп. Это у них такой порядок. Но, между тем, почти никто из мальчиков не прослужит 3 мес. Завод, не допуская, когда кончится 3 месяца, рассчитывает его и принимает другого опять же на 3 мес. бесплатно. Один мальчик Шатров был тоже принят на 3 мес. бесплатно. Но вот ему уж через несколько дней должен кончиться этот срок; администрация завода искала случая его рассчитать. Утром 11-го мая он опоздал на 10 минут. И вот мастер Баленко (ходят слухи, что шпион) выскакивает из конторы, хватает его за руку и выгоняет его за ворота. В 1 час мы идем все на обед и встречаем этого мальчика в столовой рыдающим. Начали расспрашивать. Когда мы узнали все происшедшее, то все были недовольны подобным произволом и тут же решили защитить беззащитного мальчика, во что бы то ни стало, хотя и самим пришлось бы пострадать. После обеда мы вышли на работу. Но за работу не принимались. Подошли все к конторе. Идет этот подлец мастер Баленко, и обращается к нам: «Почему вы не становитесь на работу?». Но мы с таким негодяем не нашли нужным даже говорить. Тогда потребовали Лозовского (уполномоченный от хозяина) и заявили ему, чтобы был немедленно принят мальчик, в противном случае мы никто не станем на работу и даже согласны забастовать. Он категорически отказал. Тогда мы заявили забастовку. 12 мая был фабричный инспектор, нас приглашают в контору. Мы дошли до конторы, но, к сожалению, дверь заперта; как оказывается, они (инспектор и Лозовский) сидят за выпивкой перед шампанским и десертом. После уж, когда они подпили, вдруг отворяется дверь, и вылетает оттуда фабричный инспектор с триумфом и кричит:

«Вы не имели права бросать работу! это не на законном основании! Если мальчика выгнали, то пусть он придет ко мне, и я сам разберу все. А то вот нашлись какие защитники! Вас всех рассчитают, и тогда вы будете с голоду пропадать».

Но его угрозы не подействовали, и он встретил должный отпор со стороны наших передовых товарищей. Он, видя такое дело, сразу смягчился и стал ниже травы, тише воды. Мы тут указали обязанность, которая лежит на инспекторе. После переговоров, которые длились 3 часа, он пытался примирить обе стороны. Хозяин решился принять мальчика. Но, когда мы заявили, чтобы нам уплатили за полтора дня, которые мы не работали, так как вина была со стороны администрации, то Лозовский категорически отказал. 13-го мая мы еще продолжаем забастовку. Ожидаем расчета всех рабочих. Выставили 25 требований. В числе их есть мелкие экономические, а также и политические. Я приведу их полностью [2]).

Требование Арматурного завода.

1) Удаление мастера Баленко, подозреваемого в шпионстве.

2) Безусловно вежливое обращение со стороны администрации к рабочим.

3) За стачку уплатить полностью, так как стачка была вызвана поступками администрации завода.

4) Мальчикам-ученикам платить с первого дня поступления; плата должна быть не менее 20 коп.

5) За стачку никто не должен пострадать в течение 3-х месяцев.

6) Администрация завода не должна иметь никакой претензии к ученикам.

7) Уплатить рабочему Куракину жалованье полностью за время болезни; а также за больницу и лечение.

8) Завод должен иметь больницу, в крайнем случае иметь одну кровать в одной из местных лечебниц.

9) Заменить куб старый новым медным вылуженным, который должен мыться еженедельно.

10) Рабочему, который поставлен на обрубку меди, поденная плата должна быть не менее 80 коп.; если работа дается сдельно, должна быть не менее 20 коп. пуд без исключения.

11) Вода, предназначенная для питья, должна быть переваренная; бочка, которая поставлена для воды, признана негодной.

12) Проба и назначение жалованья поступающему должны объявляться через три дня; а для чернорабочих с первого дня поступления.

13) Восьмичасовой рабочий день.

14) Мальчикам-ученикам прибавлять жалованье через каждые 6 месяцев.

15) Клозет должен быть исправлен и приведен в санитарный порядок.

16) Отмена обыска, как позорящего личность каждого рабочего.

17) Всякие недоразумения, возникающие с администрацией завода, должны разбираться третейским судом с участием представителя от рабочих.

18) Законодательная охрана труда.

19) В мастерской должны быть вывешены часы.

20) Недопущение малолетних учеников к непосильному труду, что крайне подрывает их здоровье.

21) Ввести в правило внутреннего распорядка празднование 1-го мая, в который день завод не должен производить работу.

22) Гигиеническое устройство столовой, а также и мастерской.

23) Солидарность с общими требованиями всех рабочих.

24) При расчете выдать всем рабочим удостоверения или аттестаты.

Рабочий.

Николаев. 1-го мая в Народном саду было развернуто 3 знамени Р.С.-Д.Р.П. и 1 знамя соц.-рев. Разбрасывали прокламации «1-ое мая» Николаевск. комит. Р.С.-Д.Р.П. (большевиков). Рабочие в числе 200—300 чел., с криками «долой самодержавие» и пением революционных песен вышли на Католическую ул. Отсюда по приглашению организатора разошлись, спрятав знамена. В начале демонстрации рабочие стреляли в воздух, что привело в бегство находившихся в саду околоточных и городовых. Музыканты казачьего полка побросали свои инструменты и бросились также бежать. К сожалению, некоторые несознательные рабочие увлеклись стрельбой (первый выстрел был сделан, как сигнал соединиться) и подняли такую канонаду, что испугали мирно гуляющую публику. Это помешало провести намеченный план, т.-е. устроить огромный митинг. Рабочие уверяют, что в числе стрелявших был один заведомый шпион. Когда демонстрировавшие рабочие ушли, явилась в сад полиция и казаки. За время до 1-го мая и во время 1-го мая арестовано около 23-х человек. Многих арестовывали прямо на улице по указаниям агентов сыскной полиции. У многих найдены револьверы. Большинство уже выпущено. Среди обывателей носились упорные слухи, что 1-го или 3-го мая рабочие непременно устроят бунт. Полиция усиленно готовилась. В воскресенье вся Соборная была буквально запружена полицией; на каждом углу по 2 околоточных и по нескольку городовых. Во дворах были спрятаны казаки. Солдатам розданы боевые патроны. Когда произошла демонстрация, в городе поднялось сильное возбуждение. Говорили о десятках убитых и раненых. Пристав одесской части передал по телефону градоначальнику, что в «Народном саду брошены 3 бомбы, сорвана вышка, много убитых и раненых». Тотчас же было послано 3 врача и карета скорой помощи. Жена градоначальника вместе с детьми уехала на военный пароход. Полицмейстер Иванов совсем удрал из города перед 1-м мая. Вот как трепещут наши недавние палачи при одном только известии о нашем выступлении, товарищи! Они боятся недаром. Они чувствуют, что их конец близок, они видят, что волны народной революции все ближе и ближе

подбираются к их домам, что они скоро разрушат их, покоющееся на народном горе, благополучие. И, когда подымется мстительная рука народа, не спасут вас, народные кровопийцы, ни казацкие нагайки, ни солдатские пули! Готовьтесь, ваш конец близок.

Вышедший после 1-го мая листок «к матросам и солдатам» распространен среди них и вызвал сочувственное отношение. Свет истины начинает проникать к казакам; они говорят: «мы не будем бить народа,—это только калмыки и киргизы нападают на рабочих, а не мы».

ИЗ ПАРТИИ.

Заявление. Ознакомившись с открытым письмом Центрального Комитета к Председателю Совета Партии тов. Плеханову и будучи совершенно солидарны с Центральным Комитетом, мы находим необходимым—по причинам, которые поймут товарищи, осведомленные в ходе внутрипартийной жизни—заявить о нашей солидарности с Ц. К-м публично. Ма, Бем, Владимир, Инокентий, Андрей, Ворон.

Екатеринослав. В типографии Комитета Большинства отпечатан листок (500 экз.) следующего содержания.

Принимая во внимание: 1) особенности условий труда рудничных рабочих и рабочих заводов, особенность состава этих рабочих и их несравненно более низкий духовный уровень; 2) многочисленность шахт, разбросанность их на территории Донецкого бассейна, равной приблизительно площади Бельгии; 3) малое знакомство соц.-дем. организаций с бытом шахтеров и невозможность, благодаря этому, быть руководителем их во время всякого рода стихийных движений, которые, однако, весьма нередки; 4) крайнюю слабость так-наз. Донецкого Союза, который опять же является чисто-заводской организацией,—принимая это во внимание, является настоятельно необходимым создание особой организации, посвящающей себя, главным образом, работе на рудниках, а на заводах лишь постольку, поскольку это требуется общностью территории и отсутствием работы на них со стороны других соц.-дем. групп.

Цели и средства «Рудничного Союза» таковы:

1) Организация местных кружков сознательных рабочих для пропаганды соц.-дем. программы и руководства местным движением. 2) Издание и распространение литературы Р.С.-Д.Р.П. 3) Издание непериодических листков, освещающих и выясняющих требования шахтеров и ход работы на рудниках, знакомящих рабочих с главнейшими русскими и мировыми событиями, и ознакомление их с деятельностью партии. 4) Пропаганда и агитация соц.-дем. идей среди инженеров и мастеров, как лиц, непосредственно соприкасающихся с рабочей массой.

Организационное Бюро «Рудничного Союза» Р.С.-Д.Р.П.

Минск. (Из отчета). Здешняя Группа Рос. С.-Д.Р.П. образовалась в марте 1904 г. В городе и его районе работали до того времени две революционные организации: Бунд и партия с.-р. С.-р. хотя и пользовались связями с массой и с обществом благодаря долгой работе и случайно сложившемуся многолетнему влиянию отдельных единиц, не были, однако, сплочены в сильную организацию. Наибольшее значение принадлежало Минскому комитету Бунда. При спокойной поверхности в глубине этого последнего происходили взрывы недовольства. Из его состава выделились последовательно несколько оппозиционных групп: 1-я, 2-я и 3-я оппозиции. Причины несогласия были первоначально чисто-организационного характера. Затем в виду все более выяснявшегося нового направления Бунда, закончившегося на 2-м съезде выходом Бунда из партии, появились новые причины несогласия, приведшие к окончательному разрыву между Минск. К. Б. и частью оппозиционеров. Путем переговоров между ними и некоторыми товарищами из партии было установлено соглашение, давшее Р.С.-Д.Р.П. новую организацию в лице Минской Группы. Тяжелы были первые шаги группы. Несогласия внутри партии и противодействие со стороны Бунда сильно тормозили работу. Однако, мы можем сказать, что все эти препятствия, как и препятствия вследствие недостатка сил и средств, теперь сброшены нами с пути, и мы спокойно можем итти к цели. Этому содействует в некоторой степени и Северо-Западный Комитет, объединивший группы Северо-Западного края. Первое время работа шла в сторону наименьшего сопротивления—в еврейскую среду, как наиболее революционно-настроенную. Работа же среди христианской массы, не затронутой социал-демократией, до возникновения Группы, подвигалась медленно. Приходилось начать совершенно новое дело, и много труда было потрачено раньше, чем удалось устроить прочные связи и поставить надлежащим образом работу. Постепенно возникали связи с обществом, и была создана организация учащихся, примыкающая к Группе. Работа Группы за этот период времени выразилась приблизительно в следующем. В самом начале своей деятельности Группа организовала стачку пекарей. Принимали участие все пекаря. Был выпущен гектографированный листок: «Ко всем пекарям». Стачка продолжалась недолго; почти все требования были удовлетворены. Семейных пекарей Группа поддерживала во время забастовки. Дальнейшая работа Группы сводилась к устройству массовых собраний, занятиям в пропагандистских кружках, организации ряда мелких стачек, распространению партийной литературы и дальнейшему укреплению связей. Из числа листков, распространенных Группой, упомянем следующее: 1) Извещение ЦК о втором съезде, 2) Ко всем гражданам (по поводу образования ЦК), изд. ЦК, 3) К русскому пролетариату, ЦК, 4) Ко всему пролетариату, ЦК, 5) Война против войны, ЦК, 6) Извещение С.-З.К., 7) Война и безработица С.-З.К., 8) К народу (по поводу казни Плеве), изд. С.-З.К., 9) Ко всем товарищам (по тому же поводу), ЦК, 10) Пора, изд. С.-З.К., 11) К учащимся (по поводу лиги спасителей отечества) М. Гр., 12) Порт-Артур и Ляоян, изд. С.-З.К., 13) По поводу голодовки в Виленской тюрьме, Вил. Группы, 14) По поводу открытия памятника Ек. II, в Вильне, Вил. Гр. (на рус. и польском яз., 15) Порт-Артур и Ляоян (на польском яз.), 16) Своеобразные руководители (о Бунде), М. Гр., 17) Рабочие и вы все, русские граждане, изд. С.-З.К., 18) Новая мобилизация, изд. С.-З.К., 19) К солдатам, изд. С.-З.К., 20) Царские победы и наши требования, С.-З.К., 21) Ко всем, М. Гр. П. и МКБ (совместно), 22) К солдатам, М. Гр. (по поводу погрома), 23) Слово и дело, ЦК, 24) Купля-продажа, ЦК, 25) Политическое обозрение, ЦК, 26) Правда о войне, ЦК, 27) К учащимся, М. Орг. Уч., 28) К минским гражданам (по поводу забастовки учащихся) М. Гр., 29) Ко всем гражданам, С.-З.К., 30) Царь, попы и рабочие, М. Гр., 31) Ко всем рабочим, С.-З.К., 32) К цивилизованному миру, изд. С.-З.К., 33) По поводу приезда царя, М. Гр., 34) К солдатам, М. Гр. И мн. др.

За январь 1905 г. Группой были устроены 7 раб. собраний: 1 в 12 человек, 4 по 100 чел., 1 в 75 чел., 1 в 20 чел. Предметы обсуждения были: о С.-Р. 2 раза; Бунд и партия 2 раза; о современных событиях 1 раз; о классовой борьбе 1 раз; о русско-японской войне 1 раз. Были прочитаны для рабочих рефераты: Б. и партия 2 раза и об С.-Р. 2 раза. Наиболее выдающимся событием в жизни Группы были: мобилизация, демонстрация в думе, всеобщая забастовка, забастовка учащихся и последовавшие за тем демонстрации. Во время демонстрации Группа напрягала все свои силы для агитации среди запасных и для предотвращения погрома. В это время организация распространяла по рукам и иными способами среди вызванных на военную службу запасных массу листков, встречавших сочувственный прием. В виду ожидавшегося со стороны солдат погрома был выпущен к последним специальный листок. Демонстрация в думе была устроена М. Гр. совместно с МКБ. После прочтения либеральной резолюции одним из гласных наши ораторы прочли с.-д. требования, поддержанные дружными кликами многочисленной толпы, собравшейся в думу по призыву вышеупомянутых организаций. Откликом на петербургские события явилась попытка организовать всеобщую забастовку в Минске. По этому поводу Группа вошла в соглашение с МКБ. К сожалению, забастовка не вполне удалась. Так, в железнодорожные мастерские, на завод Якобсона и в некоторые другие предприятия были приведены войска прежде, чем удалось рабочих этих заводов привлечь к участию в забастовке. Бастовало в общем несколько тысяч человек.

Далее важным событием в жизни Группы была всеобщая забастовка учащихся и последовавшие за ней демонстрации. Ближайшей причиной этих событий был устроенный по инициативе нашей организации учащихся банкет, накрытый инспекцией. Допросы инспекции до того раздражили гимназистов, что последние стихийно забастовали и вышли на улицу. К ним присоединялись одно учебное заведение за другим. Шествие учащихся под руководством Группы превратилось в грандиозную демонстрацию, сопровождавшуюся криками в честь нашей партии и революционными песнями. Участвовало в ней не менее 7.000 чел. На устроенные во время этой забастовки собрания нашей организации учащихся Группа посылала своих агитаторов и пропагандистов. В тот же день на заседании литературной секции общества Люб. Изящн. Искусств Группой был организован политический митинг с демонстрацией. Выступил с речами ряд партийных ораторов; а затем громадная толпа разошлась с революционными возгласами. Наконец, на междупартийной демонстрации в том же обществе, устроенной в ближайшую пятницу, Группой было организовано массовое распространение листков.

За время существования Группы ей пришлось считаться и с полицейскими гонениями. Несмотря, однако, на все неблагоприятные условия, Группа быстро развивалась. Особенно чувствительным тормозом для деятельности Гр. в настоящее время является полное отсутствие жаргонной литературы. В настоящее время в Группу входит свыше 300 организованных рабочих, из них евреев 200 человек, христиан более 100. 120 евреев и почти все христиане организованы в пропагандистские кружки. Еженедельно устраиваются массовые собрания двух типов: отдельные для евреев и христиан и смешанные; речи бывают на еврейском, русском и польском языках.

Из отчетов: Тверского Комитета за апрель. Изданы: 1) Первое мая (по тексту ЦК), 10.000, 2) К крестьянам Кумардинской волости, 650, 3) Первитинской вол., 500, 4) К служителям и рабочим Бурашевской колонии, 200, 5) «Летучий Листок» № 1—230, 6) Солдатская памятка, 500, 7) По поводу погрома, произведенного офицерами в саду, 500, 8) Майские лозунги (карточки), 550, 9) Майские требования (с издания «Искры»), 8.000. Всего 21.180 штук.

Костромской Группы за время стачки 20—26-го мая. Изданы листки: Требования рабочих фабрик: 1) Кашина, 1.050, 2) Михиной, 275, 3) Зотова, 720, 4) Чумакова, 50, 5) добавочные требования раб. фабр. Михиной, 200, 6) тоже фабрики Кашина, 200, 7) от сушильщиков Кашина, 50, 8) Бюллетень № 1—500 экз., 9) Ко всем рабочим и работницам Костромы, 1.250. Всего 4.295 экз.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

М. Х. К сожалению, на этот раз неудачно. Собирайте, группируйте и освещайте побольше фактов. Иж. Письма матросов напечатаны в № 2 «Пролетария».

Неаполю: получено 4 письма. Цукеру: письмо получили, шифра не разобрали, пишите обо всем, не надеясь на других. Моньке. Послали вам три письма, очевидно, адрес не годен, пришлите новый. Дедову. Получили ли наши письма? из вашего письма этого не видно. Давиду. а и б получено. Феде и Кроniду. Материалы получаем аккуратно, но писем не получаем, пришлите еще адрес для переписки. Тарасу и Нищему. Давно от вас ничего не имеем. Константину. Подтвердите получение писем. Лакову. Каковы результаты поездки? Где обосновались? Нине. Письмо получено, ждем дальнейших известий. Инокентию. Ждем от вас вестей. Воле. Где вы? не можем добиться толку. Спице. Пришлите свой адрес. Максу. Пишите. Авдею. Перебрались ли на новое место? Мальцеву. По обоим адресам получили. Евсееву. Сообщите подробности. Тори. Что нового? 12. Спасибо за письмо. 333. Писем не получаем.

Поступило в ред. «Вперед» и передано в кассу ЦК От Агиса за январь и февраль—200 руб.

Поправка. Нас просят сообщить, что в резолюции студентов-армян социал-демократов, отколовшихся от националистического «Союза армян-студентов в Европе», генчакисты упоминаются рядом с дрошакистами по недоразумению. В резолюции в том виде, как она была принята участниками конгресса, слова «генчакисты» не было. О генечакистах не могло быть и речи уже по одному тому, что ни на конгрессе, ни, как нам известно, вообще среди армянского студенчества в Европе не было и нет ни одного генчакиста.

Примечания.

Прим. 1. В оригинале (старой газете) отдел „Общественная жизнь“ был напечатан после отдела „Рабочее движение“. Для установления единообразия в настоящем издании располагаем материал соответственно всем номерам „Вперед“ и „Пролетария“.

Прим. 2. В газете приводятся не 25, а 24 требования (см. ниже). Проверить по рукописи не оказалось возможным: ни одна рукопись этого номера не сохранилась.

Рабочій (класъ) и ихъ враги. Цѣлый рядъ удачныхъ стачекъ въ большихъ городахъ необыкновенно оживилъ стачечную борьбу по всей Россіи. Съ легкой руки московскихъ пекарей, дружной забастовкой добившихся значительныхъ уступокъ, „хлѣбное" движеніе сразу вспыхнуло во многихъ другихъ городахъ: въ Одессѣ, Херсонѣ, Лодзи, Екатеринославѣ, Харьковѣ и др. Особымъ упорствомъ отличается стачка пекарей въ Лодзи.

Вслѣдъ за этой стачкой пришли въ Тифлисѣ, началась стачка буфетной прислуги по станціямъ Закавказской желѣзной дороги и забастовала прислуга въ Эриванѣ.

Въ Кіевѣ, Екатеринодарѣ, Вологдѣ, Кишиневѣ, Москвѣ и др. городахъ приказчики и служащіе въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ добиваются праздничнаго отдыха. Бросивъ старый безнадежный путь петицій и ходатайствъ, они дѣйствуютъ очень рѣшительно и успѣшно: устраиваютъ (по праздникамъ) манифестаціи, ходятъ по городу и требуютъ немедленнаго закрытія магазиновъ. Эта тактика обыкновенно увѣнчивается успѣхомъ.

Точно такъ же рѣшительно поступаютъ наборщики. Почти тогда какъ въ Петербургѣ они добились воскреснаго отдыха, предписавъ, такъ сказать, издателямъ и редакторамъ не выпускать послепраздничныхъ номеровъ газетъ, ихъ товарищи въ Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ потребовали и добились того же.

Стачки ширятся теперь въ несмѣтныхъ десяткахъ городковъ и мѣстечекъ. Въ Бѣлокаловѣ Тамбовской губерніи забастовали рабочіе на фабрикѣ Рязова. Въ Вязникахъ прекратили работу и добились удовлетворенія своихъ требованій

Факсимиле тов. Васильева-Южина
(см. стр. 16).

LE PROLETAIRE

Prix: 30 cts.

ЖЕНЕВА. 26 (13) іюня 1905 года.

№ 5.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Російсской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Первые шаги буржуазного предательства.

Женева, среда, 20 (7) июня.

Телеграф принес вчера известие, что в понедельник земская делегация была принята Николаем II, который в ответ на речи князя Сергея Трубецкого и г. Федорова решительно подтвердил свое обещание созвать народных представителей.

Чтобы оценить правильно значение этого «события», надо восстановить прежде всего некоторые факты, сообщенные в заграничной прессе.

24-го и 25-го мая старого стиля состоялись в Москве три собрания представителей земств и городов, числом около 300. Имеющийся у нас литографированный текст принятых ими петиции к царю и резолюции, присланный из России, не содержит указаний на число делегатов, упоминая лишь, что в совещании участвовали, кроме земских и городских гласных, городские головы и предводители дворянства. Представители помещичьего землевладения и городского капитала обсуждали политические судьбы России. Прения были, сообщают иностранные корреспонденты, очень жаркие. Большим влиянием пользовалась партия Шипова,—умеренная, богатая придворными связями. Всех радикальнее были провинциалы, всех умереннее—петербуржцы; «центр» составляли москвичи. Обсуждали каждое слово петиции, за которую, в конце-концов, вотировал и Питер. Петиция получилась патриотическая и верноподданническая. «Движимые одной пламенной любовью к отечеству», почтенные буржуа откладывают в сторону «всякую рознь и все различия, их разделяющие», и обращаются к царю. Они указывают на «великую опасность для России и для самого престола», грозящую не столько извне, сколько от «внутренней усобицы» (Россия стоит, правда, впереди «престола», наши патриоты обратились сначала к престолу, лишь грозя—приватно и под-сурдинку—обратиться к народу). Как водится, петиция полна казенной лжи, сваливая вину на советчиков царя, на искажение его предначертаний и предуказаний, поведшее к усилению полицейской власти, к преграждению «голоса правды», восходящего до престола, и т. д. Вывод—просьба, «пока не поздно», «без замедления созвать народных представителей, избранных для сего равно и без различия всеми подданными». Народные представители должны «в согласии» с царем решить вопрос о войне или мире и «установить (тоже в согласии с царем) обновленный государственный строй». Таким образом, в петиции нет ни точного требования, принятого, якобы, «конституционно-демократической» партией всеобщего прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов (прямое и тайное голосование совсем опущено и, конечно, не случайно), ни требования хоть каких-нибудь гарантий свободы выборов. Авторы петиции говорят жалостливо: «Угнетение личности и общества, угнетение слова и всякий произвол множится и растет», но мер против этого не выдвигают. «В согласии» с царем растет произвол,—в согласии с царем да «обновляется» государственный строй... Представители буржуазии прочно держатся за теорию «соглашения» не народа, конечно, а буржуазии с угнетателями народа.

Совещание избрало делегацию для представления петиции царю из господ Гейдена, Головина, Петрункевича, Г. и Н. Львовых, Петра и Павла Долгоруких, Ковалевского, Новосильцева, Родичева, Шаховского и Серг. Трубецкого. От Петербурга присоединились потом, на приеме Николаем II, гг. Корф, Никитин и Федоров.

Затем это же совещание приняло следующую резолюцию, о которой заграничные газеты не сообщают, но которая воспроизведена в русском листке:

«Совещание объединенных групп земских и городских деятелей, проникнутое, несмотря на различие мнений по отдельным политическим вопросам, общим убеждением, что коренной причиной настоящего тяжелого внутреннего и внешнего положения России является доныне неотмененный приказный строй, отрицающий личную и общественную свободу, подавляющий народное самосознание и народную самодеятельность, устраняющий население от участия в государственной жизни и порождающий ничем не ограниченный и все усиливающийся произвол безответственной администрации, что этот строй, в течение многих лет вносивший насилие, ложь и разложение в нашу внутреннюю жизнь, ныне роковым образом привел к грозной внешней опасности, вовлекши государство в гибельную войну, вызывая и поддерживая в течение ее междоусобную вражду и доведя страну до ряда поражений, завершившихся беспримерным в русской истории истреблением наших морских сил, полагая, что дальнейшее существование этого строя угрожает не только внутреннему миру, порядку и благосостоянию народа, но также твердости престола, целости и внешней безопасности России,—признает безусловно необходимым для спасения страны:

1) безотлагательный созыв свободно избранного всенародного представительства для совместного с монархом решения вопроса о войне и мире и установления государственного правопорядка;

2) немедленную отмену законов, учреждений, постановлений и распоряжений, противных началам свободы личности, слова, печати, союзов и собраний, и объявление политической амнистии;

3) немедленное обновление состава администрации путем призвания к руководству центральным управлением лиц, искренно преданных делу государственного преобразования и внушающих доверие обществу».

В каком отношении стоит эта резолюция к петиции и к поручениям делегации, т.-е. обязалась ли эта последняя изложить содержание резолюции или вручить ее вместе с петицией,—неизвестно. Может-быть, петиция—официальный документ, для «престола», а резолюция—неофициальный для «народа»?

О характере прений на совещании корреспондент французской газеты «*Le Matin*» г. Гастон Леру сообщает, что наиболее «передовые» делегаты, провинциальные земцы, стояли за двустепенные выборы, боясь, что при прямых выборах их подавят «города» (очевидно, боялись они того, что при прямых выборах не вполне будут обеспечены привилегии помещиков над крестьянством). Корреспондент «Франкфуртской Газеты» писал:

«Русское земство, как политическая партия, распадается на три фракции: либеральное земское большинство (вождь—граф Гейден); умеренно-либеральное националистически-славянофильское земское меньшинство, с г. Шиповым во главе, и группа радикальных земцев-конституционалистов. Характерно, что при выборах делегатов прошли именно «феодальные» представители. Умеренные хотели, чтобы их достойными представителями перед царем явились лица почтенных старых фамилий. Радикалы же, не делавшие себе никаких иллюзий насчет результатов петиции, хотели, чтобы представители старых фамилий собственными глазами убедились в том, что правительство добровольно не уступит ни пяди».

Удобства воспетой г-ном Струве расплывчатой организации «конституционно-демократической» (читай: монархической) партии не замедлили сказаться на деле очень быстро. Для сделок и торгашества, для виляний и ухищрений неудобна крепкая и прочная организация партии. Пусть в «партию» входит и Союз Освобождения (может-быть, это и есть «группа радикалов», о которой писал корреспондент «Фр. Газеты») и «земская фракция» (т.-е. и сторонники Гейдена, и сторонники Шипова, от которого г. Струве официально старается теперь открещиваться?). А в земскую фракцию входят и сторонники Гейдена, и шиповцы, и... «радикалы». Разберись, кто может! Сошлись все они, влекомые пламенной любовью к отечеству и к привилегиям буржуазии, на теории соглашения, которую мы не раз разъясняли уже в «Пролетарии» и которая явно выступает и в «петиции», и в «резолюции».

Резолюция, должно-быть, должна была питать «идеальные» запросы радикалов. А петиция в истолковании «умеренных» делегатов служить для материальной сделки с царизмом. От непосвященной черни и распределение фракций совещания, и полномочия делегации, и условия сделки, и дальнейшие намерения земцев усерднейшим образом скрывались. «Народу», от имени которого гг. буржуа торгуются с царизмом, не к чему знать высшей политики «конституционно-демократической партии»! Гг. буржуа будут беседовать с царем об угнетении слова, о подавлении голоса правды, о народных представителях, о России, «сплотившейся вокруг единого стяга народного, и т. д., а народу знать всей правды о политике либеральных и «освобожденских» торгашей совсем не надобно... Да, да, недаром г. Струве недавно упрекал в «Освобождении» «крайние партии» (т.-е. социал-демократов в особенности) в неумеренном пристрастии к узкой, заговорщической, якобинской «конспирации». Мы, социал-демократы, конспирируем от царя и царских ищеек, заботясь в то же время о том, чтобы народ знал все о нашей партии, об оттенках внутри ее, о развитии программы и тактики ее, даже о том, что сказал тот или другой делегат партийного съезда на этом съезде. Гг. просвещенные буржуа, освобожденцы конспирируют... от народа, ничего не знающего в точности о пресловутой «конституционно-демократической» партии, но зато они откровенничают с царем и с ищейками царя. Ну, как же не демократы?

О чем откровенничали делегаты земцев с придворной шайкой, не желавшей пустить их к царю, мы не знаем. А откровенничали и переговаривались они долго. Иностранные газеты жадно ловили вести о каждом шаге «высшей политики» гг. делегатов.—«Петербург, 9 июня (27 мая). Делегация земцев прежде всего повидаст г. министра вн. дел Булыгина, чтобы пожаловаться на Трепова.—10 июня (28 мая). Булыгин заявил делегации, что она не будет принята царем, и посоветовал уехать из Петербурга.—12 июня (30 мая). Считают вероятным, что царь примет делегацию.—15 (2) июня. Специальная телеграмма г. Гастона Леру в газету «*Le Matin*»: «Делегаты земцев приняли те условия аудиенции у императора, которые им ставило министерство двора. После этого барон Фредерикс отправился сегодня вечером в Царское Село, чтобы узнать у царя, решил ли он принять депутацию».

Слышите ли вы это, русские рабочие и крестьяне? Вот как поступают «демократы»-«освобожденцы», враги заговорщичества, ненавистники конспирации! Они устраивают заговоры с министерством двора его полицейского величества, они конспирируют против народа вместе со шпионами. Желая быть представителями «народа», они принимают шпионами поставленные условия насчет того, как следует говорить с царями о нуждах «народа»!

Вот как поступают люди богатые, независимые, просвещенные, либеральные, «движимые пламенной любовью к отечеству». Это не то, что грубая, невежественная, зависимая от всякого приказчика рабочая чернь, которая прет прямо и открыто к царю с каким-то дерзким попом, не поговорив даже с влиятельными шпионами об условиях разговора с царем. Разве можно допустить республику или хотя бы прямые выборы и однопалатную систему при такой политически необразованной народной массе? Политически образованные люди знают ходы и понимают, что сначала надо зайти с заднего крыльца к шпионам,—может-быть, даже посоветоваться с ними о содержании и слоге обращения к царю,—вот тогда уж действительно «голос правды» будет «восходить до престола».

На чем сторговались «представители», с позволения сказать, «народа» с царскими шпионами, мы не знаем. Мы знаем из телеграмм, что на приеме делегации «длинную речь» держал князь С. Трубецкой, в течение получаса излагавший царю трудное положение России и

условия, вынудившие земцев обратиться прямо (а не через шпионов?) к царю. Речь произвела на царя глубокое впечатление. Г. Федоров говорил от имени представителей Петербурга. Царь ответил длинной речью. Он выразил сожаление по поводу тех огромных жертв, которых стоила война, он оплакивал последнее поражение на море. Он закончил словами: «Благодарю вас, господа, за выраженные вами чувства» (должно-быть, хороши были эти чувства «демократа» Трубецкого, о выражении которых он советовался со шпионами!). «Я верю в ваше желание работать вместе со мною» (царь верит либеральной буржуазии; либеральная буржуазия верит царю; рука руку моет), «над учреждением нового государственного устройства, основанного на новых началах. Мое желание созвать народное собрание» (когда? выборных ли представителей? как и кем выбранных?—неизвестно. Г. Трубецкой явно скрыл от обожаемого монарха «резолюцию» совещания. Должно-быть, шпионы посоветовали не говорить с царем на эту тему!) «непоколебимо. Я думаю об этом каждый день. Моя воля будет исполнена. Вы можете сегодня же объявить это населению городов и деревень. Вы поможете мне в этом новом деле. Народное собрание восстановит единение между Россией и ее императором» (между Трубецкими и Федоровыми—и императором?). Оно будет основанием устройства, которое будет покоиться на русских народных началах». Делегаты вынесли из аудиенции—гласит официальная телеграмма—превосходное впечатление. Царь тоже казался довольным...

А, ведь, это похоже на правду! Доволен царь, довольны либеральные буржуа. Они готовы заключить прочный мир друг с другом. Довольно самодержавие и полиция (истинно русские народные начала). Доволен денежный мешок (с ним будут отныне постоянно и правильно советоваться).

Довольны ли будут рабочие и крестьяне, интересы которых проторговывают буржуазные предатели?

(Н. Ленин).

Буржуазия и стачки.

Статья вторая *).

Между русским самодержавием и русской буржуазией до последнего времени господствовало по вопросу о свободе стачек самое трогательное единение. Стачки неукоснительно подавлялись полицейской или военной силой, зачинщики наказывались тюрьмой и ссылкой, тысячи участников высылались на родину, и порядок торжествовал. Торжествовало правительство, потирая окровавленные руки; торжествовали предприниматели, подсчитывая плоды победы. Так продолжалось дело к удовольствию всех правящих, пока под шумок не подрос рабочий класс и не заставил призадуматься победителей. Никакие меры насилия и зверства не в силах были остановить развитие пролетариата. Жестокие законы против стачек были бессильны перед массовым движением, в тюрьмах нехватало места для стачечников; а на улицу выходили все новые и новые тысячи и десятки тысяч, и стачки становились повседневным явлением. Мало того. Правительственные насилия над стачечниками привели к тому, что рабочие сознали, наконец, что самодержавие является их непримиримым врагом. Мирные экономические стачки начали все чаще принимать политический характер, переходя сплошь да рядом в чисто-политические демонстрации. Правительство начало понимать, какую опасность накликало оно на свою голову, и попыталось отвлечь рабочих от политики, обратив их внимание исключительно на экономическую борьбу. Началась зубатовщина. Но это заигрыванье с рабочими неизбежно должно было восстановить против правительства предпринимателей. Буржуазия постольку лишь мирится с самодержавием, поскольку оно отстаивает ее экономические интересы. Политическая власть является лишь орудием экономического господства, и пока это господство обеспечивалось существующей политической властью, русской буржуазии невыгодно было поднимать спор за-за власти. Но зубатовская политика посягнула на хозяйственное положение буржуазии. Увлекшись демагогией, зубатовцы поощряли стачки, оказывали давление на фабрикантов, нарушали сплошь да рядом ближайшие интересы капиталистов. Буржуазия поняла, что самодержавие, спасаясь от гибели, не остановится перед попиранием ее интересов, раз это даст ему хоть какую-нибудь выгоду. Правительственный аппарат оказывался испорченным, он не мог гарантировать буржуазии последовательное проведение политики насилия и подавления в духе старых законов. Становилось ясно, что с этим аппаратом далеко не уйдешь, а тем самым и старые законы утрачивали смысл. Становилось выгоднее создать новые правовые отношения, которые, хотя бы путем уступки некоторых прав, обеспечивали бы правильное осуществление остальных.

Выразителем этого настроения явилось то государственное учреждение, которое ближе всего стоит к промышленным кругам и скорее всего воспринимает их взгляды. В 1901 году министерством финансов была составлена тайная докладная записка «О пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме и о желательности установления организации рабочих в целях самопомощи». Эта записка, в свое время изданная и разобранная социал-демократами *), предлагала отмену уголовных наказаний за стачку и замену их гражданской ответственностью. Последствий упомянутая записка не имела. Она осталась под сукном, а судьба стачек попрежнему зависела от дипломатических соображений полицейской власти. И только теперь, четыре года спустя, когда грандиозное рабочее движение встряхнуло общественный и государственный организм, был опять поднят вопрос о свободе стачек. Мы не будем здесь останавливаться на тех признаниях права стачек,—признаниях не всегда добровольных и искренних,—которые слышались нередко на собраниях буржуазной интеллигенции. Таким признаниям, даже самым чистосердечным, конечно, грош цена, ибо решать этот вопрос будут не говоруны либеральных митингов, а действительные хозяева жизни—фабриканты и заводчики. Поэтому нам особенно интересно их мнение по данному вопросу, и это мнение они уже неоднократно заявляли.

*) См. «Пролетарий» № 3.

*) См. брошюру «Самодержавие и стачки».

Так, в записке г. Глезмера, говорящего от имени с.-петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности *), делается шаг в сторону признания свободы стачек. Эта записка различает два типа стачек: стачки «в виде одновременного прекращения работ с предупреждением» и стачки «внезапные, без предупреждения, особенно сопряженные с насилием со стороны подстрекателей над рабочими». С признанием первого типа стачек г. Глезмер в принципе соглашается. Против второго типа он призывает громы небесные и «строгий закон». Правда, и принципиальное признание стачек «с предупреждением» носит у г. Глезмера чисто-платонический характер: несколько ниже он говорит, что «всякая уступчивость под гнетом стачек порождает новые требования, границ которым нет». Таким образом, он признает стачки с тем, чтобы им не уступать. Представление о стачках довольно своеобразное, но не следует забывать, что записка г-на Глезмера, помеченная 11-м февраля, писана еще только в начале переживаемого революционного движения. За истекшие с тех пор четыре месяца Россия много пережила, и мысль буржуазии более определилась.

В комиссии Коковцева, занимающейся рабочим вопросом, приглашенные туда представители промышленников высказались по поводу стачек гораздо определеннее и яснее. Они безусловно согласны на отмену уголовного наказания за стачку, но, как «реальные политики», они стараются тут же обеспечить и свои интересы. Признавая свободу стачек за рабочими, они считают необходимым признать и свободу стачек промышленников, т.-е. свободу объединения в синдикаты и тресты, «давно уже проявившие свою жизнеспособность». Далее предприниматели считают необходимым, чтобы закон сделал «одинаковыми для обеих сторон материальные последствия стачки». Фабрикант за нарушение договора отвечает всем своим имуществом, иск рабочего, следовательно, вполне обеспечен. «С рабочего же при нынешних условиях взять нечего». В виду этого промышленники находят весьма желательным, чтобы закон предоставил фабриканту право удерживать в виде залога известную часть заработной платы рабочего. Этот залог обеспечивал бы возможный иск фабриканта. Далее, промышленники считают весьма существенным, чтобы понятие стачки было точно определено, чтобы фабрикант имел бесспорное право считать договор расторгнутым, раз у него прекращены работы, будут ли они прекращены самими забастовщиками, или «под давлением посторонних лиц». По отношению к третьим лицам, т.-е. заказчикам, стачка должна рассматриваться, как «непреодолимая сила» (!!), избавляющая от ответственности фабриканта, как это имеет место в случаях пожара, наводнения и т. п.

В том же духе высказывается и докладная записка, представленная в ту же комиссию Коковцева группой горнозаводчиков и промышленников Московского района. Подтверждая общий взгляд на данный вопрос представителей промышленности в комиссии, авторы записки подчеркивают два случая, когда, по их мнению, необходима вся строгость уголовных законов: 1) в случаях угроз и насилий «в отношении лиц, желающих продолжать работу, и лиц, желающих вновь за нее приняться»; 2) если рабочие бросят работу, «не докончив ее и сознавая, что неокончание это сопряжено для предпринимателя не только с убытком, но и с порчей имущества». Буржуазия сознает, что свобода стачек является уже тем «злом», которое волей-неволей приходится признать, и стремится только с обычной сообразительностью свести это зло до наименьших размеров, да при этом заработать на нем приличный процент. После того, как закон стал фактически бессилен против стачек, предложение промышленников по существу ничего не дает рабочим, зато очень много и очень крупных выгод дает предпринимателям.

Естественно, что под напором могучего движения пролетариата и правительство не могло дольше отмалчиваться от назревших вопросов. Мы уже имели случай высказаться по поводу комиссии Коковцева, которой была поручена задача разрешить рабочий вопрос возможно выгоднее для господствующих классов (см. «Вперед» № 15). Теперь перед нами доклад, представленный в эту комиссию министерством финансов и касающийся изменения статей закона о стачках. На этом докладе мы и позволим себе остановиться. Уже поверхностное знакомство показывает нам, что мы имеем перед собой не что иное, как знакомую нам уже докладную записку Витте по тому же вопросу. Записка, изготовленная 4 года тому назад, подверглась теперь некоторым изменениям, и, надо признать, довольно существенным. Так, прежде всего из нового проекта исчезает идея принудительных рабочих организаций. Как помнят читатели брошюры «Самодержавие и стачки», цель этих организаций заключалась: 1) «во взаимной материальной поддержке и содействии к приобретению знаний», 2) «в содействии чинам фабричной инспекции при выяснении недоразумений между фабрикантами и рабочими». В новом проекте об этом не говорится ни слова, напротив, высказывается даже вскользь мнение, «что только правильная организация профессиональных рабочих союзов и привычка обсуждать и решать свои дела сообща... сдерживают рабочих... от необдуманных решений». Исчезает также из нового проекта взгляд на стачки, как на деяния, угрожающие общественной безопасности. В проекте Витте была внесена статья закона, предусматривающая этот случай. В новом проекте она отпадает, но на место ее вводится новая статья, наказующая арестом до 3-х месяцев за стачку рабочих и хозяев в предприятиях «по водоснабжению, канализации и освещению населенных мест». Отпадает также в новом проекте и усиление наказания для «зачинщиков и подстрекателей».

Мы уже указывали в первой статье (см. «Пролетарий» № 3) на примере западно-европейского законодательства, как односторонне разрешает оно вопрос о праве стачек, подводя под наказание, главным образом, деяния рабочих и давая возможность предпринимателям, совершая такие же деяния, избегать ответственности. И статьи законопроекта, предложенного рассматриваемым докладом, страдают тою же классовой однобокостью. Правда, § 1, карающий насилия, угрозы и опорочение как со стороны рабочих, так и со стороны предпринимателей, формулирован полнее и лучше в западно-европейских законодательствах, однако, и здесь совер-

*) См. «Вперед» № 13 — «Либеральные принципы и реакционные замашки».

шенно отсутствует указание на те специфические приемы, которыми пользуются промышленники. Если предприниматель применяет меры давления, которые формально не подходят под понятия «насилия, угрозы или опорочения» по отношению «к личности или имуществу» рабочего, он наказанию не подлежит. Фабрикант, без «насилия, угроз или опорочения», рассчитывающий рабочих за стачку, является перед законом невинным, как младенец; рабочий, говорящий другому, что хороший товарищ должен подчиниться решению большинства вступить в стачку, может быть привлечен к суду за «угрозу» или «опорочение». Фактически весь класс предпринимателей изъемлется из действия этого закона; закон этот будет—если его примут—чисто-«рабочий». Еще резче проглядывает классовая точка зрения в § 2. Здесь прямо говорится: «За совершение соединенными силами многих лиц деяний, предусмотренных в статье 1-й, участники такого скопища подвергаются тюремному заключению до шести месяцев». Тут уж ясно, о ком идет речь. Стачки предпринимателей, прибегающих к угрозам (напр., угрозам массового расчета) или опорочению («черные листы»), не происходят «скопом». Фабриканты договариваются посредством «конфиденциальных» писем или интимных бесед. Статья, направленная против «скопищ», есть специальное мероприятие против рабочих.

Однако, «гвоздь» законопроекта—это § 3. Он вводит совершенно новую оговорку в принципиальное признание свободы стачек и ограничивает ее весьма существенно. Вот его текст: «Рабочий в заведениях по водоснабжению, канализации и освещению населенных мест, виновный в самовольном отказе от работы до срока найма, и собственник или заведующий такими заведениями, виновный в досрочном изменении условий найма, если от этого произошла остановка действия заведения, подвергается аресту до трех месяцев». Мы указывали в первой статье, что попытка лишить права стачек рабочих определенных отраслей производства на том основании, что эти производства имеют «общественно-необходимый» характер, намечает лишь путь, которым можно вообще подкопаться под свободу стачек. И введение этого § 3 в законопроект министерства финансов (в старом проекте Витте его еще не было!) является лишь стремлением использовать опыт западно-европейской буржуазии и наперед обеспечить за собой возможность ограничения свободы стачек. Соображения, приводимые в самой же докладной записке, противоречат этому § закона. Вот послушайте. «Наибольшее количество забастовок,—говорит доклад,—возникает на почве экономических условий найма и материального благосостояния рабочих, как-то: размер заработной платы, продолжительность рабочего времени, условия работы и т. д.». «Спор и столкновения рабочих и нанимателей в области договорных отношений найма,—говорится в другом месте,—необходимо требуют для достижения справедливых соглашений равновесия прав обеих сторон, что достигается правом рабочих сообща влиять на условия и выполнение договора найма». Прибавьте к этому еще чистосердечное признание доклада, «что фабрично-заводские рабочие вовсе не обнаруживают особой склонности нарушать договоры найма путем самовольного отказа от работы», и «что владельцы промышленных заведений в три раза чаще, чем рабочие, без достаточных оснований нарушают договор». Спрашивается: чем же гарантировать при этих условиях права рабочих в предприятиях, указанных в § 3? Ведь, предприятия эти остаются частной собственностью своих хозяев, ведь, эти хозяева сохраняют полную свободу эксплоатации своих рабочих, ведь, «общественно-необходимый» характер этих предприятий не ограничивает права предпринимателей загребать возможно больше барыша! Право же рабочих отстаивать свои экономические интересы оказывается, видите ли, несовместимым с «общественно-необходимым» характером предприятий. Это—чистейшее лицемерие. Если есть отрасли производства, правильная деятельность которых имеет такое важное значение для всего общества, тогда они не должны быть предметом барышничества частных лиц. Такие производства должны быть изъяты из частного владения и отданы в заведывание общественных учреждений, и в них должны быть введены такие условия труда, которые не давали бы ни малейшего повода к неудовольствию со стороны рабочих. Только таким путем можно действительно оградить интересы общества. Пытаться же. под предлогом ограждения их усилить эксплоатацию рабочих и давать предпринимателям возможность выжимать из них добавочные барыши—значит предавать интересы общества интересам кучки капиталистов.

Буржуазное законодательство всегда будет стремиться отстаивать интересы буржуазии, и никакое формальное уравнение прав предпринимателей и рабочих не изменит дела. Пока рабочему, вынужденному продавать свою рабочую силу и теснимому конкуренцией, будет противостоять всемогущий капитал, до тех пор всякие законодательные уравнения будут пустой комедией. Чтобы установить действительное равенство, нужно свергнуть власть капитала, и пролетариат идет к этой цели, когда борется против капиталистического строя за строй социалистический. Но чтобы обеспечить себе возможно больше прав, чтобы сделать неравенство сторон возможно меньшим, пролетариату необходимо добиваться свободы борьбы: свободы союзов, свободы стачек, избирательного права во все общественные учреждения. Только борясь, только пробуждая широкие массы к борьбе, сумеет пролетариат сплотиться в могучую силу, способную свергнуть власть капитала. И в этой борьбе стачка является самым обычным, можно сказать, специально пролетарским приемом. Поэтому весьма важно добиться возможно полной свободы стачек. Если фактически немыслимо установить равенство рабочих и предпринимателей в стачечной борьбе, то необходимо настойчиво добиваться равенства всех рабочих. Лишение рабочих тех или других отраслей производства права бороться путем стачек за лучшие условия работы—есть покушение на неотъемлемые права пролетариата, и против таких покушений пролетариат должен вести самую упорную борьбу. Опыт Западной Европы показывает, что «общественно-необходимые» производства будут той позицией, на которую буржуазия направит свою главную атаку в борьбе против права стачек. Этого достаточно, чтобы рабочие грудью отстаивали эту позицию, отвоевывая у реакционной буржуазии полную свободу стачек.

(В. Воровский).

Революционная борьба и политическое руководство [1]).

Кровавый пожар майских дней ярко осветил будущую политику самодержавия. Теперь никто не сомневается, что, сделав маленькие уступки умеренным, оно готовится [начать решительную и беспощадную] борьбу с крайними элементами, готовится к гражданской войне. Внутреннему театру военных действий уделяется много внимания. Так, иностранные газеты сообщают, что около Петербурга сосредоточено 280 тысяч войска; эта цифра, конечно, ложная, но войск там все-таки много, и намерение запугать все население очевидно. Варшавское избиение и стрельба в тех местах, где пытались праздновать первое мая (н. ст.), показывают, что самодержавие решило итти напролом. Революционеры не пожалуются на такую тактику. Вызов будет принят, и борьба закипит по всему фронту. Майские события далеко не достигли размаха январских дней, но зато в них слышался другой тон: выстрелы, бомбы, нападения...

Однако, не все еще прониклись необходимостью вооруженной борьбы: одни надеются на стачки, другие на дружный натиск всех классов, большинство же просто не имеет мнения на этот счет и с беспокойством оглядывается, ища выхода; а жизнь быстро гонит вперед, царизм штыками толкает на путь гражданской войны. Нам нечего бояться открытого произнесения этих слов, ибо пора перейти от неорганизованной анархии, царствующей в России, к организованной борьбе. И чем скорее этот шаг будет сделан, тем больше шансов на победу. Теперь, когда самодержавие связано внешними затруднениями, когда, благодаря войне, финансы окончательно запутались, а масса войск в Манчжурии,—именно теперь мы должны начать нашу великую освободительную кампанию..

Всякая крупная борьба за освобождение распадается на три части: на техническую, революционно-боевую и политическую. Лишь та партия может рассчитывать на руководящую роль в государственном перевороте, которая сумеет соединить в своих руках эти три элемента. Техника всецело зависит от денежных средств, и ее мы касаться не будем. Революционно-боевые силы социал-демократии довольно велики. Если она и не охватывает своими организациями широких масс, то она пользуется среди пролетариата известным престижем, который дает точку опоры для собирания сил в момент борьбы. Нет недостатка в элементах, готовых итти в революционную борьбу,—массы стихийно рвутся дать отпор хулиганам правительства. С самого 1848 года, «безумного» года, ни одна страна в мире не охватывалась таким революционным настроением, так что революционно-боевая сторона русской социал-демократической партии хотя и далека от идеала, но и далеко не способна внушать уныние.

В другом виде представляется политическая [сторона дела]. Едва ли еще где-нибудь в революционный период была она в таком плачевном состоянии, меж тем как это один из важнейших факторов всех переворотов. Народ, решивший упорно бороться, всегда побеждал, но далеко не всегда умел политически использовать то, что доставалось ему годами страданий и потоками крови. История не раз зло смеялась над народными победами. Самым замечательным примером может служить Италия в 1848 году, когда она дружно восстала против австрийского гнета, против метерниховской системы, душившей всю Европу. Милан в пятидневной баррикадной борьбе разбил на-голову войска Радецкого, победа была полная, измученные, голодные солдаты едва брели, отступая по пересеченной каналами болотистой долине, но никого не нашлось, кто бы повел победоносный народ на преследование разбитого врага, когда даже партизанские отряды могли бы если не окончательно раздавить австрийцев, то сильно затруднить их отступление. Спокойно отступив, Радецкий оправился, получил подкрепления и через полгода взял Милан без боя: там ничего не было готово, некому было организовать отпор.

Иное случилось в Венеции: там нашлись люди, которые, став во главе движения, верно поняли задачи момента. По всей Италии поток революции высоко поднимал некоторые личности, но лишь те из них заслужили имена политических вождей, кто жил не победой дня, а закреплял завоеванное, расширял сферу действий. Благодаря дерзкой смелости Манина, венецианская революция совершилась почти без боя: с несколькими десятками людей он захватил арсенал, и войска, увидев перед собой не безоружную толпу, которую расстреливали накануне, быстро очистили город. Группа Манина оказалась фактическим хозяином города и провозгласила республику. Через полгода (август 1848 г.) обнаружилась роль Манина, как политического вождя: вся Италия снова была у ног прежних владык, и только республика св. Марка отказалась от всяких компромиссов. Началась долгая упорная борьба, целый год длилась осада,—Манин, Пене и вся группа республиканцев блестяще провели эту кампанию; замкнутые с суши и моря, при недостатке съестных и боевых припасов, венецианцы не падали духом, они дорого продали свою свободу,—лишь в августе 1849 г. город капитулировал, опасаясь мести войск в случае последнего штурма.

Если пересмотреть историю всех революций, то можно сказать, что силы революционных партий возрастали во много раз, когда им удавалось выдвинуть талантливых политических вождей, а при отсутствии таковых царствовала полная сумятица. Примером последнего может служить Германия; ее революционные партии не знали, что им делать, когда народ одержал победу, и утопали в болтовне. Французские революции 1830, 1848 и коммуна 1871 года тоже не могли выдвинуть людей, которые формулировали бы их требования. Великая революция в этом отношении, конечно, не может быть с ними сравниваема, однако, и в ней выступающие на политическую сцену группы больше заботятся об уничтожении соперников, чем о формировании собственных сил. Зато английская революция может служить прекрасным примером политического руководства: группа Кромвеля, Мильтона, Эйртона и Лильборна стояла на высоте своей задачи, эти люди поняли, что сила заключается не в тех или иных соглашениях, а в оружии; прежде всего они создали армию и били врага без всяких соглашений. Закончив борьбу со старым порядком, они не бросили войска, а обратили его в вооруженную партию, которая проявила свою силу тотчас же при

столкновении с бывшими друзьями, хотевшими остановить революцию на полдороге,—можно сказать, что республиканские войска покончили с монархией, возведя Карла на эшафот. Это были истинные вожди: офицеры—в бою, агитаторы во время отдыха, они умели использовать всякий политический факт, пропагандой и памфлетами превратить его в общенациональное событие, ни одной ошибке врагов они не давали пройти незаметно.

Очень интересен и поучителен для социал-демократии вопрос: почему О. Кромвель, лучший в мировой истории политический вождь революционеров, оказался предателем? Потому что он был пришлым человеком среди английских республиканцев. Его политические идеалы не совпадали со стремлениями партии, лидером которой он был. Кромвеля не без основания обыкновенно называют вождем не .республиканцев, а индепендентов. Он принимал религиозную сторону доктрины левых и иногда даже открыто выступал против республиканских тенденций своих солдат. С английскими республиканцами случилось то же самое, что рекомендует нам «Искра»: «Мы будем только рады, если вслед за священником, популяризировавшим в массах наше требование разрыва государства с церковью, вслед за монархическим рабочим обществом, организовавшим народный поход за Зимний дворец, русская революция обогатится генералом, который поведет народные массы на победный бой против царского войска» (№ 85). Если мы дождемся этого проблематического «генерала», то при дележе победы он окажется даже помимо своей воли,—и в том-то весь ужас,—предателем тех самых «народных масс», которые он только-что водил в бой: [случайный союзник пролетариата, он будет зависеть от буржуазии] и в то же время обладать фактической силой лишить пролетариат результатов его же победы.

Политическое руководство—вещь серьезная, и социал-демократическая партия должна обратить на него особое внимание. У всех партий во все времена бывали политические вожди, но важно качество последних; к тому же следует помнить, что не беда, если нет всеобъемлющих личностей: хорошо работающая коллективность может их заменить. Революционные движения в этом отношении несколько похожи на войны: вопрос о вождях там играет огромную роль, и немецкий штаб в 1870—71 году показал, что́ может сделать группа способных, образованных лиц, хотя бы порознь даже и не талантливых. [Этот штаб], как выражаются военные теоретики, анализировал и воссоздал талант Наполеона. Разве не то же на наших глазах проделывает японский штаб, где имена Оямы и других известных генералов служат лишь ширмами Кодаме, Фушиме и проч. офицерам генерального штаба, умеющим вырабатывать единую талантливую тактику? Недаром же раздаются голоса, что военное дело превратилось теперь в науку, что время всеобъемлющих талантов прошло, а нужны группы умных и деятельных специалистов.

Однако, непростительную ошибку допустил бы тот, кто стал бы заключать отсюда, что для политического руководства д о с т а т о ч е н штаб способных и образованных руководителей. Как на войне руководство штаба возможно и осуществимо лишь благодаря сильной и широко разветвленной организации, так и при народном движении такое руководство может осуществиться лишь путем организационного воздействия на массу. Самые верные политические принципы, оторванные от организационной подготовки и руководства классового движения, не могут обеспечить народу плодов его победы. Эти принципы могут толкнуть его на верный путь борьбы, могут привести его к победе, но для удержания плодов победы, для борьбы со вчерашним союзником нужна организованная сила, способная к планомерной, сознательной деятельности. И эту силу, а вместе с ней и реальное политическое руководство может дать революционному классу только организация. Военная организация строится на варварской дисциплине; революционная организация кладет в основу совсем другой принцип. В солдата, унтера, фельдфебеля вколачивается слепое повиновение приказу,—деятельность революционера определяется ясным сознанием его долга перед партией и классом. Организация, обладающая такими сознательными элементами, удесятеряется в силе и удесятеряет тем самым действие масс вообще.

Таким образом, мы видим, что в целях действительной победы пролетариата (и демократии вообще) необходимо дельное политическое руководство. Такое руководство может дать только коллектив, состоящий из образованных, преданных и энергичных вождей и опирающийся на крепкую и широкую организацию. Только дружное сотрудничество центра и всей организации может создать условия, при которых политическое руководство революционным народом останется за партией пролетариата, и плоды победы не ускользнут из рук победителей.

В. С. (В. Северцев и В. Воровский).

Два недоразумения.

Допустим, что правоверный меньшевик читает № 100 «Искры». Худо ли, хорошо ли, добирается он, наконец, до третьего столбца третьей страницы и читает резолюцию съезда адвокатов, которая гласит:

«Признавая громадное культурное значение деятельности революционных партий, съезд адвокатов высказывает свою полную солидарность с ними в стремлениях установить в России новый государственный порядок на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права».

Прочитав резолюцию, правоверный меньшевик с удовольствием думает: «адвокаты—наши союзники, они самым удовлетворяющим образом реагируют на «лакмусову бумажку» Старовера. И вдруг... читая дальше, правоверный новоискровец узнает, что это... резолюция, ни к чему не обязывающая. Очевидно, что спор, возникший из-за остроумной лакмусовой теории Старовера, был недоразумением; на деле тары да бары гг. адвокатов и компании об учредительном распреучредительном собрании на основе лучшего в мире избирательного права сама «Искра» совершенно справедливо считает ни к чему не обязывающей болтовней.

Один из наших товарищей по «Впереду», скажем, один «впередовец», говорил в одном реферате: «Социал-демократия не может и не должна основываться ни на

каких, даже клятвенных и даже на гербовой бумаге написанных уверениях и программах буржуазии, ибо либералы и радикалы по самой своей сущности не могут исполнить своих прекрасных обещаний рабочему классу,—рано или поздно антагонизм скажется, и «передовая буржуазия» постарается обворовать или ограбить рабочий класс и лишить его широких политических прав. Поздно будет тогда,—говорил товарищ референт,—«напоминать клятвы и совать вперед выданный в былые времена политический вексель: где тот трибунал, который рассудит обманутого с обманщиком? Не к господу ли богу нести пролетарию свое обязательство, попранное либералом? Нет, будем реалистами,—говорил референт: «хочет буржуазия реально помочь нам? хочет быть нашим реальным союзником?—пусть она поможет пролетариату вооружиться. Вооруженная сила—единственная для пролетариата гарантия, что его не надуют, ибо, если буржуа, вооружив народ, попробует его обжулить,—мы будем стрелять в него из его же ружей». В результате этого реферата возникло недоразумение. По невнимательности, недобросовестности или слабоумию некоторые слушатели, по странной случайности исключительно из числа новоискровцев, стали кричать после этого, что референт говорил: «Кто даст нам ружье, тот и наш союзник». При этом они возмущались.

Но пусть мне скажут, хорошо это или нет, если нам дают ружье теперь, когда отсутствие оружия является проклятием переживаемого момента? Явился ли бы союзником тот, кто пришел бы в комитет и сказал: «Нате вам, господа, ружье», затем повернулся бы и ушел. Думаю, что да. Но так как господа правоверные меньшевики учили, что техническая организация революции может быть отдана в руки священника или генерала (см. знаменитую передовую статью в № 85), то, естественно, в уме их возникло такое представление: «А что, если либералы нас вооружат, заставят нас сражаться и лить кровь, да нас же и объегорят, потому что, ведь, техническая руководящая роль не нам будет принадлежать. Где уж, куда уж нам... Может-быть, он, либерал, ружье даст с ехидством! Боюсь данайцев, даже приносящих дары!»

Только с этой точки зрения могу я понять опасения и негодования «дорогих товарищей» даже перед такой грубой формулировкой мысли референта: «кто даст ружье, тот и союзник». Но так как для нас в понятие союза не входит понятие каких бы то ни было уступок либералам, так как мы за ружье ничего давать не намерены, а будем при его помощи итти лишь к собственным нашим целям, то весь шум по поводу мысли референта оказывается лишь неумным и злым жужжанием раздраженных ос.

И что же? Теперь правоверный новоискровец прочтет в № 100 «Искры» в вышецитированной статье, что «единственно реальной формой борьбы либералов является всестороннее обслуживание пролетариата», при чем фраза эта разъясняется в послании к съезду адвокатов ЦК, из которого она взята: «материальная поддержка на нужды вооружения».

Итак, вы видите, читатели, и лакмусова бумажка, и ужасная ересь о ружье—два недоразумения, из которых выясняется, что впередовцы были правы, и жизнь заставляет новоискровцев становиться на их же точку зрения.

Допустим на минуту невозможное. Допустим, что съехались бы шиповцы и рядом с умереннейшей программой постановили бы: «передать в распоряжение ЦК Р.С.-Д.Р.П. столько-то сот тысяч рублей на вооружение пролетариата». А рядом адвокаты доболтались бы до демократической республики, но на деле ничем бы нас не поддержали. Скажите, кто реально оказался бы нашим союзником? Но новоискровцам мерещится, что за эти несколько сот тысяч мы, пожалуй, отказались бы от презрительной критики шиповской программы, или допустили бы либералов к мало-мальски руководящей роли (хотя бы технической!) в движении: об этом, разумеется, не может быть и речи ни при каких условиях, этого нельзя делать ни за тысячи рублей, ни тем менее за адвокатскую болтовню об учредительном собрании. Мы приглашаем либералов нас обслуживать. «А что же вы нам за это?»—спрашивает либерал. А за это мы сначала будем бить правительство, а потом вас, получает он в ответ. И такая его судьба, что если он хочет чего-нибудь серьезно для себя добиться, он все-таки будет обслуживать.

(А. Луначарский).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Эриванская губ. В Нахичевани повторились ужасы Баку. Четыре дня продолжалась бойня, и вырезано громадное число армян, составляющих здесь приблизительно 2% всего населения (главная масса населения—мусульмане). Пока нет данных судить о том, насколько администрация способствовала бойне, но некоторые факты говорят за это. Войска, посланные через день, вместо того, чтобы немедленно отправиться на выручку гибнущего населения, не воспользовались предоставленным им экстренным поездом, а предпочли ночевать на станции. Меж тем, телеграммы получались одна тревожнее другой. Были ограблены все магазины (конечно, армян), начались поджоги, грабежи, убийства. Пожар перекинулся на ближайшие деревни. Армяне, благодаря своей малочисленности, не могли оказать должного сопротивления. Старательно раздуваемая администрацией национальная вражда дала и другие плоды: поднялись курдские племена и, напав на город, довершили дело насилия. Но вместе с тем они разнесли и таможню, убили несколько человек и угнали лошадей. Администрация теперь встревожена, посылает войска, вытребованы пушки из Александрополя. В Эривани страшно напряженное состояние, которое лучше было бы назвать вооруженным миром. Мусульмане не решаются напасть, ибо численностью не превышают противников. Каждая сторона принимает свои меры. Администрация смотрит сквозь пальцы. Но зато гг. офицеры и русский поп сеют среди татар «патриотизм» и наставляют их на верноподданнический путь. Их несколько раз видели на татарских собраниях. Один офицер даже учит татар стрельбе. Недавно в публичном саду, напившись, он пригласил к себе татар и казаков и держал к ним речь об их единении и обязанности искоренения врагов—армян. Группе же грузин, сидевших недалеко от него, он посоветовал присоединиться к ним с целью проучить армян за то, что они убили бакинского губернатора Накашидзе. Последние передали все слышанное комиссии, состоящей из 11 татар и 11 армян, на которых возложена ответственность за столкновение. Среди татар образовалось нечто в роде организации, члены которой занимаются пока только мордобитием своих же соплеменников за пьянство и агитацией против интеллигенции. К великому несчастью татарской массы, она находится всецело в руках невежественных мулл, а последние эксплоатируют темноту этой массы в пользу своих карманов. Боясь влияния социал-демократии, они оберегают массу таким из-

вращением социал-демократических идей, что ужас охватывает бедные головы.

Г. Остров, Ломжинской губ. В городе два пехотных полка. Организованной работы в войсках нет и в помине. Между тем, настроение солдат таково, что его необходимо немедленно использовать в целях пропаганды. Кое-какие прокламации получаются солдатами из других городов и довольно широко читаются в казарме. В каждой роте имеется по нескольку чел., уже более или менее сознательных. Разговоры на политические темы—очень нередкое времяпрепровождение солдат. Отношение к войне и к ее виновникам—в массе—не сочувственное, а среди сколько-нибудь сознательных—и совершенно отрицательное. По части усмирения внутренних врагов приходится слышать такие речи: «Мы сами такие же рабочие, как и они»... Влияния со стороны местных работников, повторяю, нет, а оно крайне необходимо. В какой-нибудь месяц работы и то можно было бы сделать многое.

Солдат.

Текст петиции, принятой на совещании земских и городских гласных, городских голов и предводителей дворянства, состоявшемся в Москве 24-го и 25-го мая 1905 г.: «Ваше императорское величество! В минуту величайшего народного бедствия и великой опасности для России и самого престола вашего мы решаемся обратиться к вам, отложив всякую рознь и все различия, нас разделяющие, движимые одной пламенной любовью к отечеству.

Государь, преступным небрежением и злоупотреблениями ваших советчиков Россия ввергнута в гибельную войну, наша армия не смогла одолеть врага, наш флот уничтожен, и, грознее опасности внешней, разгорается внутренняя усобица.

Увидав вместе со всем народом вашим все пороки ненавистного и пагубного приказного строя, вы положили изменить его и предначертали ряд мер, направленных к его преобразованию. Но предначертания эти были искажены и ни в одной области не получили надлежащего исполнения. Угнетение личности и общества, угнетение слова и всяческий произвол множатся и растут. Вместо предуказанной вами отмены усиленной охраны и административного произвола, полицейская власть усиливается и получает неограниченные полномочия, а подданным вашим преграждается путь, открытый вами, дабы голос правды мог восходить до вас.

Вы положили созвать народных представителей для совместного с вами строительства земли, и воля ваша осталась без исполнения доныне, несмотря на все грозное величие совершающихся событий, а общество волнуют слухи о проектах, в которых обещанное вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказный строй, заменяется сословным совещанием.

Государь, пока не поздно для спасения России, во утверждение порядка и мира внутреннего, повелите без замедления созвать народных представителей, избранных для сего равно и без различия всеми подданными вашими. Пусть решат они в согласии с вами жизненный вопрос государства, вопрос о войне и мире, пусть определят они условия мира или, отвергнув его, превратят эту войну в войну народную. Пусть явят они всем народом Россию, не разделенную более, не изнемогающую во внутренней борьбе, а исцеленную, могущественную в своем возрождении и сплотившуюся вокруг единого стяга народного. Пусть установят они в согласии с вами обновленный государственный строй.

Государь, в руках ваших честь и могущество России, ее внутренний мир, от которого зависит и внешний мир ее. В руках ваших держава ваша, ваш престол, унаследованный от предков.

Не медлите, государь,—в страшный час испытания народного велика ответственность ваша перед богом и Россией».

От ред. Печатаем эту петицию в интересах противопоставления ее требованиям рабочих. Пролетариат поддерживает свои требования угрозой вооруженного восстания,—либералы думают осуществить свои путем низкопоклонства и лакейского угодничества.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Иваново-Вознесенск. (Описание очевидца). Иваново-Вознесенск—один из богатейших городов России. В центре его—прекрасные мостовые, электрическое освещение, роскошные дворцы буржуазии, украшенные причудливой рукой художника, банки, где ежедневно звенит золото—пот и кровь рабочего класса, клубы, где разряженная буржуазия играет в азартнейшие игры, развратничает и т. д.

Загляните на окраины города—рабочие кварталы. От безумной роскоши вы перейдете к полуголодному прозябанию измученного ткача, рабочего ситцевых, отбельных фабрик, химических заводов. Улицы, где весной и осенью ни проходу, ни проезду—море грязи. Воздух пропитан гарью, изрыгаемой десятками труб гигантов, наполнен ядовитыми испарениями от р. Увода, из которой буржуазия устроила себе сток для краски и нефти. Вместо дворцов—искривленные домишки, где в нестерпимой духоте спят вповалку десятки рабочих. А рядом мрачные казармы, в которых, как в каменных мешках, в грязи и духоте томятся десятки тысяч рабочих, как дети, связанные неусыпным наблюдением хозяйских церберов.

В будничное время все на работе—и женщины, и подростки; в это время буржуазия выкачивает из рабочих кровь, отнимает здоровье и жизнь у матерей и их грудных детей, железными молотами мочалит мускулистое тело пролетария, чтобы его потом, как выжатый лимон, бессильного и дряблого, выбросить на улицу, на голодную смерть. Долгий томительный рабочий день в $11^1/_2$ час. в ужасной атмосфере, почти без вентиляции. Дышать нечем, голова кружится от неустанного грохота колес и машин, в глазах темнеет от удушливых испарений ядовитых газов в отбельных, а тут еще на каждом шагу грубая брань, оскорбления злых хозяйских псов-мастеров.

А женщины? Бросив голодного ребенка, не спавши всю ночь от его болезненного плача, идет она, шатаясь, на фабрику, чтобы там, отдавая свои последние силы, подвергаться приставаниям табельщиков, мастеров и т. п. господ.

А если не поддаешься, доймут тебя штрафами, уволят при первом же случае.

50 тысяч человек ежедневно создают горы богатств буржуазии, а сами живут полуживой жизнью. Заработок ткачихи спустился до 7 р. 50 к. в месяц. Рабочие и по праздникам не видят говядины, целый год справляют пост. Такова жизнь иваново-вознесенского рабочего. Вот он, бледный, со впалыми щеками, с понурой головой, плетется домой, где тоже нет ничего отрадного, все так же серо, постыло!

И так вся жизнь! Долго, долго терпел ивановский рабочий. Пришел конец и его терпению, не стало сил больше терпеть. 12-го мая забастовали фабрики, 13-го к ним присоединилось все рабочее население города: заводы, типографии, сапожники, кондитеры, прачки, железнодорожные рабочие и т. д. Утром 13-го в рабочих кварталах пусто. Весь народ на Воздвиженской площади; здесь, сколько глаз охватит, волнуется море голов. В здании Городской Управы, возвышающемся над толпой, заседают капиталисты во главе с губернатором и другими властями. В бинокли, монокли со страхом и недоумением смотрят они на толпу, на которую они привыкли смотреть, как на бессловесный скот, создающий им сытую и роскошную жизнь. А теперь перед ними грозная, могучая сила, требующая себе человеческой жизни. Они хотят дышать полной грудью, хотят разорвать ту сеть, в которую их запутали, вырваться из омута нищеты и бесправия. «Да здравствует борьба за лучшую жизнь!», «Нам не на кого надеяться, кроме как на самих себя», «В единении сила, все за каждого, каждый за всех!»—вот что с горящими глазами кричит-гудит многотысячная толпа. Одни за другими товарищи-ораторы в горячих и страстных речах обличают буржуазию. И толпа то злобно сжимает кулаки, то слезы брызнут у ней из глаз, когда оратор вспоминает про каторжную жизнь пролетария, то смехом раскатится, когда оратор раскроет, какую хитрую механику строят буржуазия и правительство, чтобы обмануть рабочих. Обличают наш насквозь прогнивший политический строй. Сломать нужно стену, ставшую нам на пути к нашему освобождению от гнета капитала, долой самодержавие, мы должны добиться

широкой политической свободы, свободы печати, собраний, слова, союзов, стачек, неприкосновенности личности. Нужна упорная борьба: не дадут нам все это миром. Самодержавное правительство, с царем во главе, залило всю Россию кровью, не хотят оторваться от народного пирога, хотят попрежнему произвольничать, безвозбранно хозяйничать в стране через своих опричников.

Мы, иваново-вознесенские рабочие, должны присоединиться к общему революционному движению всей России, итти на борьбу под знаменем передового борца рабочих—Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Единодушно вся толпа, как один человек, поднятием рук принимает требование учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права.

5 дней происходят собрания на площади перед домом буржуазии, охраняемым царскими опричниками, 5 дней раздаются смелые обличительные речи. Завеса отдернута, на все открывают глаза. К оратерам-социал-демократам, которым трибуной служат пустые ящики, поставленные друг на друга, тянутся со всех сторон омоченные слезами описания каторжной жизни всех униженных и оскорбленных—прачек, каменщиков, землекопов, белошвеек, рабочих кирпичных заводов, прислуги. Они просят вспомнить про них, прийти к ним на помощь,—одни они бессильны.

По вечерам собрания на Талке (речка в 1 в. от города). На зеленом лугу развеваются десятки флагов-значков. Это рабочие разделились по своим фабрикам и заводам, каждая фабрика у своего значка. Вот у Бутурлинской фабрики красный флаг, и на нем из бумаги слова: «Кровь рабочих на нем». Рабочие выбрасывают свои частные требования, каждая фабрика отдельно выбирает своих депутатов. Общие требования, изданные Иваново-Вознесенской группой Северного Комитета, были уже предъявлены всеми в первый день забастовки. Ежедневно собираются рабочие на Талке поговорить о деле и послушать речи своих опытных товарищей социал-демократов. Многое услышали рабочие, многому научились на 13-ти массовых собраниях, состоявшихся до 21-го мая. Собрания стали заканчиваться пением революционных песен.

Город наполнился войсками. Начальство старалось оберегать солдат от общения с рабочими, чтобы рабочие не рассказали солдатам о своей борьбе за правое дело и чтобы солдаты не перешли на сторону народа. Оружия в ход не пускали. Правительство боялось гнева народной массы,—по ее требованию были освобождены трое арестованных (один с прокламациями). Рабочие сами охраняли порядок, и по их же требованию с первого дня были закрыты казенки,—не пьянствовать мы вышли, а бороться за рабочее дело.

Было выбрано всего более 150 человек депутатов, но капиталисты не захотели говорить со всеми депутатами вместе,—они, мол, нас забьют, мы хотим говорить с депутатами каждой фабрики отдельно. Рабочие настаивали, и тогда фабриканты поручили старшему фабричному инспектору вести переговоры со всеми депутатами. Последний вел себя, как хозяйский лакей. Он не постеснялся даже потребовать от рабочих-депутатов подписаться под протоколом, который составила полиция, обвинявшая ораторов в произнесении «преступных речей». Депутаты все, как один, отвергли это предложение. «Что, за шпионов вы нас принимаете что ли?»,—спросили они у лакея хозяев. Тот замялся и стал бормотать что-то несвязное.

Рабочие показали, как они относятся к царским шпионам и к черной сотне. Со стороны рабочих эти встречали дружный отпор, и с быстротой молнии они скрывались, как только раздавались угрозы по их адресу.

16-го мая депутаты выбрали из себя стачечную комиссию. Стали собирать пожертвования в пользу нуждающихся стачечников. Стали приходить небольшие пожертвования и из других городов.

Между тем, фабриканты на своих собраниях перессорились и переругались. Часть хотела уступить, другая говорила, что скорее дадут зубы вырвать, но не уступят.

17-го мая фабриканты через главного фабричного инспектора передали свой ответ на общие требования,—груды бумаги и пакетов не пожалели. Депутаты вскрывали их, и оказалось, что почти на все общие требования у фабрикантов нашелся один ответ: эти требования могут быть осуществлены только законодательным путем, т.-е. через правительство. Уступок почти никаких. Все рабочие решили отнести ответ обратно, а если не будут брать, бросить и уйти.

Решили бороться, стоять твердо, говорили: «Борьба только начинается». Депутаты отнесли ответ обратно. Теперь ежедневно идут собрания на Талке, и рабочие упорно и крепко отстаивают свои требования. 19-го мая к Иваново-Вознесенску присоединились шуйские и тейковские рабочие (10.000 человек); со всех сторон Владимирской губернии идут вести о начавшихся забастовках на всех фабриках Владимирской губернии.—*Моск. К-т Р.С.-Д.Р.П.*

Кострома. Как только узнали о всеобщей забастовке в Иваново-Вознесенске, местная группа стала готовиться вызвать ее и в Костроме. Отчасти это нам и удалось. Третий день бастуют рабочие Т-ва Новой Костромской льнопрядильной м-ры Ф. Кашина. На ней свыше 6.000 рабочих. Это самая большая фабрика в Костроме. 18-го февраля она не бастовала. Условия труда на ней лучше, чем на всех других здешних фабриках. Забастовка эта произвела большое впечатление на всех местных рабочих. По чисто-местным условиям работы к ней не могли тотчас же присоединиться рабочие других фабрик. Надеемся, что через несколько дней станут и другие фабрики, если только кашинцам удастся удержаться несколько дней.

Рабочие Костромы страшно серые, отсталые, многие из них еще не порвали связи с деревней. К политике относятся отрицательно. Но последние события сделали свое дело и расшевелили дотоле спящих, казалось бы, непробудным сном костромских рабочих. Чтобы вы имели хоть приблизительное представление о положении рабочего класса в Костроме, приведу кое-что из условий жизни рабочих на фабрике Кашина. Заметьте, что эти условия лучше, чем на других фабриках. Вот что пишет рабочий сушильного цеха:

«Работа сушильников производится на двух сменах. Первая смена работает с 7-ми часов утра до 2-х часов дня. Вторая смена—от 2-х часов дня до 9-ти вечера. Первая смена—от 9-ти часов вечера до 4-х утра. Но так как сушильщики не успевают подрабатывать всю пряжу, то им приходится работать сверхурочную работу. С 4-х часов утра они работают до 7-ми часов. В праздник они работают с 4-х часов утра до 8-ми и 10 часов вечера, то-есть это будет 18 часов без обеда и без отдыха»... Заработок—нищенский. Многие вырабатывают 8 руб. в месяц. Обращение возмутительное. За каждый пустяк—штрафы, расчет.

При фабриках имеется лабаз. Рабочие получают не деньги, а продукты. Выдача производится с таким расчетом, что рабочие получают больше, чем они вырабатывают. Таким образом, рабочие—вечные должники фабрикантам. В случае тревожного настроения рабочих лабаз ничего не выдает. Так, на Зотовской фабрике (около 3.000) теперь из лабаза не выдавали, и потому зотовцы затрудняются присоединиться к забастовке.

Теперь несколько слов о забастовке. 20-го обсуждали с организаторами призывный листок к всеобщей забастовке. 21-го состоялось собрание организованных рабочих Кашина (25 чел.). Рабочие представили листок. Тут же его обсуждали, и были выработаны требования. Рабочие других фабрик также после предварительного обсуждения представили листки с требованиями. 22-го, в воскресенье, было устроено общее собрание организованных рабочих. Присутствовало свыше 100 рабочих,—далеко не все организованные. Забастовка решена окончательно. Было произнесено несколько речей. Говорил и один рабочий-кашинец. Речь его произвела большое впечатление. Тут же были выработаны добавочные требования.

23-го утром на кашинской фабрике забастовали. 24-го директор предлагал рабочим стать на работу, тогда только он их выслушает. Фабричный инспектор говорил на тему, что теперь, мол, война, не время бастовать, нужно подождать, призывал к терпению. После инспектора стал говорить наш товарищ. Тут инспектор, увидев оратора, громко сказал: «Я его знаю, это—студент такой-то!». Тут часть рабочих заволновалась. «Не нужно нам студентов, мы не бунтовщики!». Но их скоро успокоили, объяснив, что это не студент, а рабочий другой фабрики. К сожалению, не знаю фамилии этого провокатора-инспектора.

Нашего оратора слушала толпа человек в 800. Затем

пошли останавливать фабрику Зотова. Но не удалось, так как тем ничего из лабаза не выдали.

Сегодня—массовка. Чувствуется недостаток в рабочих-агитаторах.

За последние дни выпущены 9 листков в количестве 4.295 экземпляров.

Двинск. В то время, как в других городах Сев.-Зап. края население занято, главным образом, торговлей, здесь большинство—рабочие: в городе и окрестностях много фабрик и крупных мастерских. Либерального движения почти нет. и вся общественная жизнь находится под непосредственным воздействием пролетариата, численность которого доходит до 20.000 человек, не считая окрестностей. Движение среди еврейских рабочих, существующее уже лет 7—8, увлекло почти всю еврейскую массу, а только среди христианских рабочих была «тишь, да гладь, да божья благодать». При таких условиях в марте 1904 г. несколько отошедших от Бунда интеллигентов и рабочих, признавая неверность занятой Бундом позиции, решили примкнуть к Р. С.-Д. Р.П. Тяжело приходилось им первое время. Вокруг чувствовалась искусственно создавшаяся атмосфера недоверия. Не было ни средств, ни квартир. Но мало-помалу трудности преодолевались, работа налаживалась. Были установлены связи на всех почти фабриках и заводах и среди ремесленников. Организация была утверждена Центральным К-том с правом представительства в Партии через организовавшийся тогда Сев.-Зап. Комитет. Но тут некоторые товарищи были арестованы, другие должны были скрыться, и работа приостановилась, так как не было еще прочно организованного ядра среди самих рабочих. Сколько ни писали в С.-З. К., сколько его ни просили помочь, он ограничился только присылкой одного из своих членов, который, констатировав провал, опять уехал. Во вторую половину декабря и в начале января по собственной инициативе приехало несколько товарищей, и работа снова закипела: удалось установить старые связи, привлечь уже совершенно было упавших духом старых рабочих. В короткое время были установлены 4 района: фабрично-заводский, железнодорожный, старо-форштадский и мелко-ремесленный. За самое последнее время установили еще два: петербурго-варшавский и солдатский, и, кроме того, установили связи по ту сторону Двины, на так-называемой Гривке. Прежде всего пришлось, конечно, популяризировать несколько организацию среди рабочей массы и всего населения. Устроен был ряд рефератов для интеллигенции, и чуть не ежедневно происходили по 1—2 массовки. Интеллигентские рефераты дали большие связи с христианским и еврейским обществом, а также с учениками. Теперь уже существует организация учащихся, имеющая связи во всех учебных заведениях и насчитывающая свыше 150 членов. Влияние наше все росло. Необходимо было начать регулярную пропагандистскую работу. Но для всего этого не было сил: часто товарищам приходилось бывать на 2—3 собраниях в один и тот же вечер. В это же время шла широкая агитация по поводу 9-го января. Но февральские события, о которых речь будет ниже, доказали с полной очевидностью, что необходимо во что бы то ни стало заняться созданием более сплоченного пролетарского ядра.

В начале марта подъехали еще товарищи. Была составлена пропагандистская сходка, образованы кружки, в которые вошло около 300 человек. Параллельно образовано несколько интеллигентских кружков. Занятия велись регулярно каждую неделю по программе, выработанной центром и принятой пропагандистской сходкой. В самое последнее время в виду очень сильного наплыва решено систему кружков, несколько реорганизовать. Для учащихся, помимо кружков, в которых они занимаются под руководством своих товарищей из ученического центра, был устроен ряд рефератов. Темы: «9-е января», «Что такое социализм», «Классовая борьба», «О партийной дисциплине» и т. д. Темы рефератов для интеллигенции: «О Бунде и Партии», «Сущность либерального движения», «9-е января», «С соц.- револ.», «О Фейербахе и Марксе» и т. д. Кроме того, были две дискуссии: одна с «Бундом», другая с «Поалей-цион». Было распространено несколько листков Сев.-Зап. Комитета, а также изданные нами: «В бой за свободу», «Формулировки требований рабочих различных фабрик», «Призыв к забастовке учеников реального училища», «К учащимся», «На улицу» и «О прекращении политической забастовки»,—изданы совместно с Комитетом Бунда; 3 листка ко всем рабочим по поводу погрома и один по этому же поводу к христианскому обществу «По поводу созываемой в Витебске комиссии» и «Об образовании комитета». Издательская деятельность была в общем очень затруднена неимением типографии.

Теперь перейду к изложению тех крупных политических событий, в которых наша организация принимала самое близкое участие.

13-го февраля началась забастовка в реальном училище под непосредственным руководством организации. Забастовали 5, 6 и 7 классы. Был выпущен специальный листок, призывавший к забастовке. На сходке были выработаны резолюции и переданы затем директору. Забастовка продолжалась 4 дня и кончилась полной моральной победой учеников. Революционная волна, которой положило начало 9-е января, докатилась и до нас. Как только организация узнала окольными путями,—я подчеркиваю это последнее выражение, имеющее важное значение для дальнейших выводов,—о петербургских событиях, так тотчас было принято решение устроить всеобщую политическую забастовку для выражения солидарности. С этой целью вступили в соглашение с Комитетом Бунда. Два раза назначали день, уславливались о плане действий, и оба раза кончилось неудачей вследствие невозможности согласовать действия. Видя невозможность подготовиться вместе, организация решила выполнить эту задачу самостоятельно. Пошла деятельная агитация в массе. Ежедневно происходили массовки. Наконец, 16-го апреля на собрании районных представителей вполне выяснилось, что у нас все шансы на успех, и было принято окончательное решение назначить забастовку на 17-е февраля. В час ночи разошлись мы с собрания полные тревожного ожидания, не думая еще, что на этих самых улицах в последующие дни будет литься человеческая кровь...

На другой день все заводы, фабрики и мастерские уже не работали. Вся бундовская масса, состоящая почти исключительно из ремесленников, лишь только узнала о происшедшем, бросила работу, не дождавшись призыва своего Комитета. Это объясняется ее политической воспитанностью, которая подсказала ей важность момента. Начиная с 11 часов утра, еврейская масса уже манифестировала по улицам. Тотчас же весь город был запружен войсками. В час дня состоялся первый митинг у железнодорожных мастерских, приблизительно в 2.000—3.000 человек; говорил наш оратор, встреченный толпой с громадным энтузиазмом. Рядом стояли жандармы и солдаты, но не осмелились тронуть его. Первое массовое выступление христианского пролетариата производило сильное впечатление. Во время речи развивалась наша черная лента с надписью: «Честь и слава павшим борцам за рабочее дело; проклятье и смерть палачам». В два часа дня состоялось соглашение с Бундом и было назначено в 4 часа собраться на бульваре. Действительно, к 4½ бульвар и прилегающие улицы были запружены народом. Христианская масса в общем терялась в еврейской, и это было следствием отсутствия у нас того прочно сорганизованного ядра, которое повело бы за собой массу. Всего было до 6.000 чел. По знаку руководителей толпа соединилась и двинулась по Петербургской с возгласами и пением. На углу Петербургской и Кресславской дорогу преградили войско и полиция. Известный взяточник и мерзавец пристав Курляндский смертельно ранен выстрелом из револьвера одного рабочего. Так кончился первый день массового выступления двинского пролетариата. За ним последовали еще четыре дня такой же мужественной и самоотверженной борьбы. Промышленная жизнь города замерла. Магазины, аптеки—все было закрыто. Как ни уговаривали наши держиморды открыть магазины, владельцы не сделали этого, пока не был выпущен соц.-дем. листок о прекращении политической забастовки. Главную тяжесть на сей раз вынесла на себе, конечно, еврейская масса, как более политически воспитанная. Как только кончилась политическая забастовка, началась экономическая. Были формулированы требования для всех фабрик и выпущены отдельными листками. Забастовка кончилась победой. Социал-демократия была господином положения. Все прислушивались к ее голосу.

И только две вещи мешали нам: отсутствие единого центра на месте и фактическое отсутствие общерусского социал-демократического центра.

Не успело еще все успокоиться, как хозяева кожевенных заводов стали увольнять наиболее выдающихся рабочих и, наконец, подписали расчет всем рабочим и мастерам. Расчет подписали в субботу, а в понедельник мы уже объявили забастовку, и все рабочие бросили работу. Это был для хозяев страшный удар, так как масса товара лежала в чанах и должна была гнить. На 7-й день хозяева сдались и не только удовлетворили все старые требования, но и много новых: школа, доктор вместо фельдшера, и т. д. Почти одновременно началась агитация против созываемой в Витебске комиссии из хозяев и представителей рабочих; перед тем, на собрании фабрикантов последние заявили, что волнения происходили на почве политического недовольства, между тем как вице-губернатор утверждал, что почва для недовольства—чисто-экономическая. Нами был выпущен листок, разъясняющий провокаторский характер этой комиссии; агитаторы (наши и бундовские) посетили все фабрики и заводы, и выборы блестяще провалились: ни одна фабрика не выбрала делегатов.

Предмайская агитация совпала у нас с агитацией против погрома, и потому наши ораторы говорили на обе темы. Была сорганизована на случай погрома самооборона, в которую вошло свыше 100 чел. Так как в первый день еврейской пасхи ночью хулиганы совершили нападение на еврейское семейство и тяжело ранили несколько человек, то организация, опасаясь, что погром начнется ночью, устроила ночные патрули, которые дежурили каждую ночь на так-называемом «Новом строении», где живет вся беднота. Более подробные сведения о 1-м мая сообщу в следующий раз. Быстрый рост наших сил, помимо общего революционного подъема, должно приписать и той беззаветной энергии, с которой все товарищи отдались делу. Немало трудностей пришлось нам преодолеть, главным образом, и из-за бездеятельности С.-З. К-та. Не помогая нам в трудные минуты, не снабжая нас ни прокламационной, ни брошюрочной литературой, он в то же время стоял на пути самостоятельного сношения с центральными учреждениями Партии. Организация неоднократно обсуждала этот вопрос и, наконец, объявила себя Комитетом.

Мелитополь. Погром сильно затормозил работу: в течение 3 недель было всего 3 или 4 летучки (15—20 чел.); теперь занятия оживились: на этой неделе было уже 6 летучек, на которых выступали централисты-рабочие. Была интеллигентская летучка, собрание деповской централки, ученическая массовка. Массовки рабочих немыслимы теперь, при наших натянутых отношениях с обывателями, которые грозят даже выдать «демократов».

Крымский союз созывает конференцию. Программа занятий: А) Программные и тактические вопросы: 1) характер и содержание пропаганды и агитации, 2) работа в крестьянстве, 3) работа в армии и во флоте, 4) наше отношение к либералам, 5) отношение к правительственным уступкам, 6) вопрос о восстании (террор массовый и единичный), 7) временное правительство; Б) Организационные вопросы: 1) наше отношение к другим соц.-дем. организациям, 2) устав партии, 3) устав местной организации; В) Третий съезд; Г) Доклады делегатов.

Рига. 17-го мая. Сегодня забастовала «Этна»—800 чел. Рабочие завода «Унион» просят Комитет обратиться к Берлинскому Комитету и отделению «Унион» с просьбой поддержать их стачкой или бойкотом. Дело в том, что 28-го мая старого стиля всех их (800 чел.) рассчитывают за следующий случай: контролер Вайндорф позволял себе с ними самое нахальное обращение, ругал быками и т. п.; они, наконец, не вытерпели и в мешке вывезли его за ворота завода. После этого он не считает возможным оставаться в России и уезжает на то же место в берлинское отделение. И вот рабочие «Униона» просят немецких товарищей с завода «Унион» доказать на деле международную солидарность рабочих и поддержать их. Это обращение—их собственная инициатива.

Гомель. Прошли уже эти оба дня, полные тревожного напряжения, боевой готовности, призраков крови и смерти..., но Гомель не забыл их, и нам хочется рассказать вам о них, товарищи. На четверг 12-го мая гомельской организацией Полесского К-та и Гомельского К-та Бунда была назначена всеобщая политическая забастовка—протест против житомирской бойни. Все магазины, заводы, мастерские были закрыты. Железнодорожные мастерские еще раз покрыли себя позором. Несмотря на затишье во всем городе, там попрежнему дымились трубы, гудели машины, сновали закоптелые люди,—только там шла работа. А по улицам города с раннего утра, особенно по Кузнечной, бродили небольшие группы пролетариев. Еще заранее решено было провести день в мирных манифестациях. Начались они с «биржи» (о ней в следующей корреспонденции). То-и-дело на различных углах и переулках собиралось человек 30—40, кто-нибудь произносил 5—10-минутную речь, раздавалось «долой самодержавие! — да здравствует революция!», и к появлению «славного казачества» манифестанты уже расходились и «производили беспорядок» в другом углу. У окон и крылечек виднелись группы зрителей,—все жили волнением дня. Нелепое впечатление производили казаки, растерянные, бросавшиеся из стороны в сторону, предводительствуемые казачьим офицером с букетом сирени (!) в руках. Иногда, правда, казакам удавалось настичь кого-либо, и тогда они действовали во-всю. 3—4 товарища были арестованы (скоро выпущены), избита старуха, а на Кузнечной казак выстрелил в мирно стоявшего там юношу (Яков-Мейше Агранов, 17 лет, член бундовского Bildung jung ferein'a) и убил его.

Мирные манифестации кончились. «В городе все спокойно», как пишут газеты. Сионисты-социалисты выпустили прокламацию, спрашивающую: «что день грядущий нам готовит?»

Частичная забастовка продолжается. У больницы, где лежит убитый, с утра толпится народ. Тут чуть ли не весь город: пролетариат, буржуазия, «интеллигенция», учащиеся, дети, папаши, мамаши, конвоировавшие своих детей. Тела не выдавали до вскрытия, а оно произошло к 5 час. Лил непрерывный дождь, грязь стояла непроходимая, но никто не уходил; все оставались на местах, сначала во дворе, а затем на улице, оцепленные солдатами, «пугаемые» казаками, демонстративно разъезжавшими взад и вперед! Незадолго до этого была выпущена прокламация (Гом. орг. Полесск. и Гомельск. Ком. Бунда), объявляющая мирные похороны и призывающая кровь жертвы на голову тех, кто вызвал кровавое столкновение. Листок, очевидно, успокоил нашу администрацию, и полицмейстер заявил о том, что он прочел его и «вполне согласен» с нами, дал честное слово нескольким подходившим к нему обывателям не стрелять.

Громадная, почти 8-тысячная толпа, двинулась к кладбищу. Впереди несли гроб с несколькими венками и лентами с надписями: «Слава павшему», среди венков были и от товарищей гр. Р.С.-Д.Р.П. и «Бунда». Многие из толпы были украшены красно-черными бантами. Очевидно, экстренно вызванный, прибыл в Гомель губернатор. Полицмейстер и стража входят на кладбище, где у могилы, покрытой знаменем Рос. Соц.-Дем. Раб. Парт., раздавались уже речи о том, как рано, как беспощадно жизнь выбрасывает на улицу многие неокрепшие силы. Неприветливо встречает их улица, наполняя жаждой борьбы и свободы их сердца, обрекая их на долю вечного страдальца, раба беспощадной нужды. Полиция спокойно выслушала, иногда только уговаривала поскорее кончать. Им отвечали: «Успеется». А затем все нестройными рядами двинулись к городу, который с тревогой и нетерпением ожидал процессии, медленно-медленно подвигавшейся к нему.

Полесский Комитет.

Николаев. 27-го апреля уезжал начальник черноморского завода, шрапнельного отдела. Этот начальник пользовался уважением среди рабочих всего черноморского завода. В день его отъезда рабочие всего завода, приблизительно около трех тысяч человек, не вышли на работу и пошли на пристань, чтобы проводить своего начальника. Все рабочие были превосходно настроены, иные поговаривали о демонстрации. Один сказал: «Вот хороший человек, как, напр., наш начальник, и не прослужит долго, а подлец какой-нибудь, так тот служит и служит до тех пор, пока рабочим невтерпеж совсем уже станет, да не вывезут его

в мешке за ворота». Некоторые рабочие усмехнулись на эту тираду, а один из них заметил: «Что толку вывозить их в мешках, вот взять бы сегодня,—кстати нас много,— и пройти бы по городу с красным флагом, вот бы нагнали холоду всем; это, пожалуй, подействовало бы получше на всех наших кровопийц, чем вывоз за ворота какого-то начальника». В таком духе велись беседы у собравшихся проводить начальника. Но вот появился и начальник: какой-то рабочий прочел адрес... Начальник с своей стороны сказал что-то рабочим, распрощался с ними и пошел на пароход; когда пароход стал отходить, кричали «ура», «долой самодержавие», и, запев марсельезу, вся толпа двинулась к городу; выкинули знамя. Но, пройдя квартала два, т.-е. до депо конки, рабочие решили разойтись, так как невдалеке были в засаде солдаты, а так как рабочие не были вооружены, то, во избежание кровавой расправы, разошлись. Через несколько времени, после того, как разошлись рабочие, прибыли дикие защитники самодержавия—казаки. Но они прискакали слишком поздно и, погарцевав, неудовлетворенные должны были вернуться восвояси. Когда казаки скакали к пристани разгонять рабочих, то рабочие, возвращающиеся домой, говорили: «Ишь, подлецы, уже пронюхали, посылают уже этих палачей, крови захотели». Такая поспешность властей сильно, повидимому, озлобила рабочих.

29-го апреля, на судостроительном заводе был арестован один рабочий с прокламациями; рабочие в два часа, бросив работу, стали требовать его освобождения у заводской администрации. Потом все рабочие собрались; им выяснили, у кого надо требовать освобождения товарища, и они в количестве около 4 тысяч чел. пошли к градоначальнику потребовать освобождения арестованного рабочего. Дорогой шли они тихо, полиция не вмешивалась. Рабочие были сильно возбуждены и то-и-дело повторяли: «Да если мы им будем молчать, то они будут каждого из нас арестовывать; нет, прошли уж те времена, когда мы молчали, теперь мы сумеем постоять за себя». Дорогой организованные рабочие думали, судя по настроению массы, превратить это мирное шествие в демонстрацию, но так как это было перед первым мая, то они, чтобы не ослабить свои силы, решили сами ничего не начинать.

Когда подошли к дому градоначальника, и депутаты от имени всех рабочих потребовали градоначальника, то он, повидимому, струсив, не вышел, а послал вместо себя какого-то чиновника, и этот чиновник заявил рабочим, что градоначальник сам не выйдет, а просит к себе депутатов и там с ними переговорит. Рабочие не согласились на это предложение и начали кричать: давайте нам градоначальника. Но никто не показывался; через несколько времени явилось войско и стало недалеко от рабочих. Полиция, все время бывшая здесь и молчавшая, когда прибыло войско, начала кричать: расходитесь! Рабочие не расходились, а все настаивали, чтобы вышел градоначальник. Но когда прибыли казаки во главе с пьяным офицером, и когда офицер скомандовал врезаться в толпу и колотить ее нагайками, тогда рабочие с возгласами: долой самодержавие! проклятые опричники!—разошлись. Арестов не было.

Рабочий.

Имеретино-Мингрельский Комитет. Многознаменательные предреволюционные события, разыгравшиеся в России в последнее время, нашли сильный и резкий отклик у нас. Всюду Комитет являлся руководителем и организатором, и за весь стачечный период не было почти ни одного примера стихийного проявления революционной энергии. Взоры всех были обращены на Комитет, на который привыкли смотреть, как на официальное учреждение. Туда стекались запросы и требования, и Комитет работал без устали, печатал и редактировал листки, организовывал демонстрации, приурочивал моменты стачек с целью придать движению характер всеобщности и, главным образом, характер революционно-политический. В Кутаисе стачка началась демонстрацией 24-го января. Масса рабочих и интеллигентов численностью до 2.000, скопившись у городского бульвара, открыла шествие с громом револьверных выстрелов и революционных песен, что не прекращалось до окончания демонстрации. Полиция сочла за лучшее совсем не показываться. Демонстрация прошла довольно корректно, чем все городское население осталось очень довольно. Только по дороге были выбиты стекла в здании губернского правления, после чего демонстранты, обойдя бульвар, мирно разошлись. Тут уже явились башибузуки, и началась травля по всему городу. Хотя многих избили в кровь, но арестов не было. Стачка затянулась на целую неделю. Жизнь остановилась, ни торговли, ни экипажей, ни электричества; все учебные заведения, магазины, аптеки, мастерские были закрыты. Заупрямившиеся-было хозяева принуждены были смириться пред стойкостью рабочих, и стачка кончилась совершенной победой стачечников.

Волнения в учебных заведениях, начавшись с этого момента, не прекращались, пока училища не были закрыты до начала следующего учебного года. 14-го февраля группа бастующей молодежи столкнулась с нарядом казаков. Засвистели нагайки, началось немилосердное побоище. Учащиеся, запершись в городском саду, осыпали градом битого камня скакавших вокруг казаков и стражников, которые, недолго медля, пустили в ход огнестрельное оружие. Послышался глухой треск ружейного залпа, затем другой, третий... Казаки обстреливали сад. Пули свистели у самых ушей собравшейся в разных пунктах массы обывателей, сверля стены, попадая в людей. Крики мести и отчаяния, плач женщин и детей оглашали воздух... Из сада и из массы раздавались по временам револьверные выстрелы. Несколько стражников свалились с лошадей. Между тем, природа приняла мрачный вид, на небе залегли черные тучи, на город спустился мрак, подул сильный ветер, и эта ужасная картина сделалась еще ужаснее. На улице, из кровавой лужи товарищи подняли трех убитых, обезображенных от ран рабочих. Раненых доставили в городскую больницу. Улицы опустели, и с наступлением ночи кончилась эта дикая вакханалия; но в городе воцарился неудержный произвол казаков: каждую ночь они грабили прохожих и винные лавки, избивали встречных, воровали. Над населением повисла нагайка пьяного казака. Жалобы обывателей начальству оставались гласом вопиющего в пустыне. 16-го утром и вечером были похороны двух рабочих. И утром, и вечером 20.000-ая толпа из рабочих, обывателей и учащейся молодежи сопровождала гроб. Впереди несли десятки венков с красными лентами и революционными надписями (от Комитета, от рабочих, от интеллигенции и т. д.). Несколько хоров рабочих и учащихся в разных местах этой бесконечно-длинной процессии пели революционные песни. На улице было произнесено несколько прочувствованных речей, на что колоссальная толпа отвечала единодушным гулом: «Долой самодержавие!». Свидетелем этой грандиозной процессии был и губернатор, мимо дома которого нарочно был пронесен гроб. Полсотни казаков следовало за похоронным шествием. На другой день с таким же шествием похоронили и третью жертву царской опричины.

В Чиатурах стачка вспыхнула 26-го января. Во всем районе нашего комитета Чиатуры представляют наиболее крупный промышленный центр. Здесь ежегодно добываются десятки миллионов пудов марганца руками десятка тысяч рабочих. Местный пролетариат уже два года назад вступил на путь экономической борьбы, но борьба эта, лишенная организационного руководства, носила чисто-стихийный характер (ломка весов, зданий и т. д.) и повела ко многим весьма нежелательным результатам. Теперь же чиатурские рабочие, вовлеченные в социал-демократические кружки, выступают, как одна сплоченная, организованная революционная сила, готовая при первом же призыве стать на баррикады. Демонстрация, предшествовавшая стачке, продолжалась шесть часов. Рабочая масса ходила по всем улицам с развевающимися знаменами, пением и стрельбой. В трех местах были устроены митинги во время демонстрации, было произнесено несколько речей (при чем один оратор говорил с крыши дома), и рабочие начали расходиться с полным сознанием своей силы и братской солидарности, с удесятеренной решимостью и энергией, в то время как пристав и стражники являлись пассивными зрителями этой довольно интересной картины. Стачка продолжалась два месяца и кончилась в пользу рабочих.

24-го февраля там же был убит стражником товарищ, передовой рабочий Шакро Гиунашвили. Желая спасти от смерти раненого товарища, неудачно покушавшегося на

жизнь шпиона Мхеидзе, он выскочил на улицу и преградил стражнику дорогу. Бежавший товарищ спасся, но Шакро, пораженный на-смерть, упал на землю, успев только крикнуть: «Товарищи! отомстите!». Смерть Шакро, бывшего общим любимцем, отчаянного смельчака, как громом поразила все чиатурское рабочее население. Его последние слова облетели все шахты и тоннели, переходя из уст в уста, и вот на следующий день весь рабочий люд встал для мести во исполнение завета товарища. 5.000 рабочих с вооруженным боевым ядром осадили пост стражников. Стражники, срывая с плеч погоны, бросились бежать; в доме скрылись только двое: убийца Шакро и убийца двух крестьян в близлежащей деревне. Дом был обращен в пепел; убийцы с подгоревшими шинелями выскочили на двор, стали на колени и, делая крестное знамение, просили о помиловании. Но рабочие, не внимая их мольбам, ответили ружейным залпом и повернули к дому шпиона Мхеидзе, которого постигла та же участь. Убитых не позволили хоронить в Чиатурах; их повезли в Квирилы, но тут население ответило категорическим запрещением хоронить. Затем они были доставлены в Кутаис, при чем в пути по ошибке тело Мхеидзе было подменено телом русского стражника, и родные долго не могли взять в толк, почему у их родственника сразу выросла такая большая борода.

27-го февраля хоронили товарища Шакро. Пятнадцатитысячная толпа сопровождала гроб с беспрерывным пением революционных песен; впереди несли 25 венков (от комитета, рабочих, крестьян и т. д.) с развевающимися красными лентами и надписями.

21-го января в Самтреди все местные рабочие (железнодорожные) бросили работу и вышли на демонстрацию. К ним присоединились крестьяне из окрестных деревень. Масса численностью в 2.000 человек демонстрировала на улицах местечка в продолжение нескольких часов. Полицейского пристава рабочие схватили и, вручив ему знамя, заставили шествовать впереди. Старшина же из ближайшей деревни, обвиняемый в шпионстве, отказавшись нести знамя, получил смертельную рану. В Квирилах демонстрация была 25-го января. Знаменосец был тяжело ранен стражником. В Ткибулах (каменноугольные залежи) 800 рабочих присоединились к всеобщей стачке 26-го января. Словом, не осталось ни одного самого маленького торгово-промышленного пункта, откуда бы не донесся протестующий голос рабочих.

Политические стачки и майские празднества, имевшие до сих пор место только в городах и промышленных центрах, теперь перекинулись у нас и в деревни и нашли здесь вполне готовую почву. Суббота и воскресенье (30-го апреля и 1-го мая) были объявлены комитетом днями празднования маевки. Небывалое зрелище представляли деревни в эти два дня. Все работы были прекращены; дома были пусты. По всем проселочным дорогам и шоссе тянулись бесконечные пестрые толпы крестьян, женщин и детей в праздничных нарядах. Пение марсельезы оглашало воздух и разносилось далеко-далеко по окрестностям. Все вдохновленные одним чувством, просветленные одной идеей, с оживленными лицами и глубокой радостью в сердцах спешили на условленные места слушать «проповедников», как обыкновенно привыкли называть агитаторов в деревнях. Согбенные старики, до сих пор по своей старческой слабости не переступавшие двора; больные, с трудом передвигающие ноги; слепые, вцепившиеся в зрячих, и нищие на костылях,—словом, все от мала до велика, подхваченные волной, стремились туда, куда текли толпы народа. По недостатку сил митинги были устроены в восьми районах. Общее число собравшихся простиралось до 82 тысяч. Такая громадная масса народа, собравшаяся под знаменем социал-демократии, торжественно справляла праздник международного пролетариата. Это был настоящий международный праздник. Ораторы разъяснили массе смысл празднования 1-го мая, знакомили ее с борьбой европейского пролетариата; указывали на скорую и неминуемую гибель самодержавного уклада, толковали смысл учредительного собрания, указывали на необходимость вооруженного восстания и утверждения демократической республики для свободной борьбы за лучший мир социализма. Со всех сторон неслись настойчивые крики, толпа гудела, как один человек: «Оружие... оружие... дайте оружие!». Были случаи нападения казацкой своры, но без серьезных результатов. Так кончился этот светлый праздник, оставив глубокий, неизгладимый след в сердцах народа. В эти два дня замер и город (Кутаис), замерли и местечки (Чиатуры, Хони, Квирилы, Шарапани). Сплошная забастовка сильно дала себя почувствовать населению. Все меры местной администрации остались тщетными: в этот день никто не работал, улицы были пусты. От общего торжества не отстала местная тюрьма. Заключенные товарищи, собрав все тюремное население, устроили митинги (были произнесены 4 речи) и подняли красное знамя. Солдаты не только не помешали, но сочувственно улыбались при криках «долой царя!». Весть о маевке разнеслась во все стороны, облетела все уголки, у всех возбудила интерес; и там, где до тех пор движение подвигалось слабо, оно теперь разрослось, забурлило, оживилось.

Елисаветград. На-днях я прочел в одном из последних №№ «Революционной России» корреспонденцию из Елисаветградского уезда, где, между прочим, корреспондент уверяет, будто крестьяне заявили ему, что в виду бездеятельности социал-демократов они не хотят с ними иметь больше дела. Эти смелые утверждения побуждают меня, как активного члена организации, недавно только оставившего Елисаветград, дать краткое представление о нашей организационной работе в уезде, которое может послужить наглядным опровержением приводимых социалистами-революционерами данных.

Последние несколько лет соц.-демократической работы в городе сопровождались сильным подъемом революционного настроения деревни. Помимо устраиваемых царскими ставленниками массовых аукционных продаж последней скотины и имущества задолжавшихся крестьян, это настроение питалось и усугублялось еще помещичьим гнетом. Наиболее крупные соседние помещики, с одной стороны, все более повышали арендную плату за землю,—а чаще всего совсем не отдавали ее крестьянам, с другой—имея в виду ослабить единодушные действия крестьян, часто бойкотировавших помещиков, выписывали для летних полевых работ батраков из окрестных губерний (Киевской, Харьковской), чем еще туже затягивали петлю нужды на обнищавших, задолжавших и голодающих крестьянах. Все это еще более обостряло отношение между враждующими лагерями, революционное настроение все повышалось и выливалось на первых порах в чисто-стихийных формах. Каждой весной, каждым летом пламя пожаров все шире и грознее занималось над помещичьими усадьбами всего Елисаветградского уезда. Помещики спешили застраховываться, а жандармские и уездные власти в погоне за крамолой, которая чуялась за этими проявлениями крестьянского недовольства, объезжали из конца в конец уезд в поисках поджигателей, но все тщетно. За первыми проявлениями стихийного недовольства неминуемо должен был последовать период отрезвления. Крестьяне самою жизнью убеждались в бесплодности их средств борьбы и стали серьезнее и глубже задумываться над своим обездоленным положением...

Надо к этому прибавить, что Елисаветградский социал-демократический комитет еще в первый период своей организационной работы по мере возможности проникал в деревни и снабжал их литературой и листками. Однако, все это носило тогда случайный, эпизодический характер, и за недостаточностью сил и связи комитету не удавалось взять на себя постоянное руководство организацией крестьянского движения. Но почва для работы в деревне стала настолько богатой, что и первые, случайно попадавшие в нее семена скоро дали обильные ростки. Наиболее вдумчивые из крестьян скоро отшатнулись от своих непосредственных и менее разборчивых собратьев, склонных к борьбе посредством пожаров и частичных насилий. Наиболее сознательными крестьянами устраивались легальные библиотеки из народной литературы, крепли связи с комитетом, который охотно пошел навстречу благотворным попыткам самой крестьянской массы пробиться к свету. Характерно, что прошлым летом в разных концах уезда к представителям деревенской интеллигенции являлись целыми группами крестьяне и спрашивали советов—как быть, что делать, жалуясь на то, что их собственные пути и средства ни к чему не приводят. Благодаря таким обращениям все более крепли связи с городским комитетом, который снабжал крестьян литературой, листками, а время-от-времени собиравшиеся на тайные

сходки крестьяне приглашали агитаторов из комитета, который стал для них авторитетным учреждением. Борьба посредством пожаров и частичных насилий сменилась тесной организацией на почве общеполитических и общероссийских нужд крестьянства и пролетариата. В иных деревнях редкие крестьяне не входили в эти конспиративные организации, и то потому, что не принимались, как ненадежные. Листки и брошюры ходили по рукам чуть ли не под носом старшин, урядников и прочего начальства. К Рождеству 1904 года комитетом предполагалось созвать съезд делегатов организованных деревень, который имел целью основать один тесный Крестьянский Союз для объединения и закрепления под его руководством разрозненной работы разбросанных по уезду деревень. Обрушившаяся в конце этого года на комитет провокация и провал техники и людей задели также и уезд, из которого было вырвано несколько жертв в лице народных учителей и крестьян, что на-время отсрочило организацию Крестьянского Союза. По мере восстановления работы в городе восстановлялись вновь и крепли связи с деревней, и за последнее время Комитет сносился и распространял свое влияние агитацией и пропагандой на множество деревень, разбросанных по уезду, которые из конспиративных соображений считаю лишним перечислять. В целях наибольшей производительности и объединения разрозненных действий среди сельского пролетариата товарищам, ведущим работу в этой области, придется поставить в тесное взаимодействие движение города и деревни, приучить последнюю поддерживать городской пролетариат и реагировать на его лозунги и тактику.

Думаю, что изложенное может послужить достаточно красноречивым ответом на скороспелые уверения социалистов-революционеров о бездеятельности социал-демократии в деревне и злорадное торжество за крестьян, якобы отказавшихся иметь дело с нашими товарищами. Свежеиспеченной группе соц.-революционеров, объявившейся в Елисаветграде лишь 2 месяца назад, не мешает помнить, что томящиеся и теперь в тюрьме крестьяне и народные учителя—социал-демократы, и что они первые понесли свет и знание в темное крестьянское царство. В одном лишь могу согласиться с корреспондентом,—что нужды и духовные запросы деревни велики, а людей и литературы для крестьян весьма мало. Будем надеяться, что эти пробелы будут возможно скорее заполнены Р. С.-Д. Р. П.

Бывший член Елисав. организации Р.С.-Д. Р.П.

Иностранное обозрение.

5-й съезд профессиональных союзов в Германии.

Последнее десятилетие в истории рабочего движения в Германии знаменуется необычайно быстрым ростом и развитием профессионального движения. Еще 12 лет назад, на съезде германской социал-демократической партии в Кельне, в 1893 г., преобладало осторожное и недоверчивое отношение к профессиональному движению: не верили, чтобы оно было жизнеспособно, чтобы оно могло развиться в действительно крупную силу. Пятый съезд профессиональных союзов (Gewerkschaften), заседавший в конце мая в том же самом Кельне, блестяще опроверг все опасения и сомнения, касавшиеся жизнеспособности профессиональных организаций в Германии. В то время, как на первом съезде этих организаций было представлено только 300.000 рабочих, теперь явились депутаты от 1.252.000 организованных рабочих. Громадный рост движения подтверждается и кассовыми отчетами. В 1891 году доход профессиональных союзов равнялся в среднем 1 р. 81 к. с человека. В 1903 г. он возрос до 8 р. 32 к. Кассовая наличность в 1891 г. была равна 191.250 р., т.-е. 69 коп. на человека. В 1903 г. уже 7.249.050 руб., или 6 руб. 57 к. на человека. Этот рост числа членов и особенно взносов красноречивее всего доказывает, что профессиональные союзы нужны и выгодны рабочим, что рабочие сознают эту выгоду, что сама жизнь заставляет пролетариат организоваться и превращает его этим путем в могучую и сплоченную силу. Правда, докладчики отмечали, что еще предстоит громадная работа, что миллионы рабочих еще не вовлечены в движение, не примкнули к организации. Однако, это обстоятельство не умаляет громадных успехов профессионального движения за последнее десятилетие.

Но если опасения и сомнения относительно жизнеспособности профессиональных союзов, высказывавшиеся на кельнском съезде социал-демократии, оказались неосновательными, то кельнский съезд профессиональных союзов доказал, что процветание этих союзов подготовило почву для другого рода сомнений и опасений. По мере роста и развития профессионального движения начали раздаваться голоса, противопоставлявшие «экономику» «политике», настаивавшие на необходимости для профессиональных союзов держаться в стороне от всякой «политики», вести свою мелкую, будничную борьбу с хозяевами за мелкие будничные требования экономического характера. Эта проповедь умеренности, постепеновщины велась целые годы и прививалась все более широким слоям рабочих. Сравнительный успех мелких стачек, устраивавшихся отдельными цехами за свои местные требования, с одной стороны, неудачи таких громадных стачек, как в Криммичау или Рурском бассейне,—стачек, уже по самым своим размерам носивших политический оттенок—с другой, еще больше развивали среди рабочих враждебное отношение к «политике» и усиливали желание делать свое «маленькое дело» «маленькими средствами».

Эта умеренная тенденция ярко сказалась на Кельнском конгрессе. Она проходит красной нитью через все работы съезда, подчеркивает повсюду отрицательное отношение к «политикам», вызывает столкновение по таким вопросам, которые, казалось бы, не представляют ни малейшей принципиальной почвы для столкновений. Уже самый факт объединения отдельных цеховых союзов в одну общенациональную организацию имеет политическое значение. Естественно поэтому, что сторонники чисто-цехового движения (Nur-Gewerkschaftler) должны косо смотреть на такую централизацию и на центральные учреждения. И действительно, на съезде все время замечалось стремление со стороны представителей цеховых союзов урезывать власть и влияние так-называемой генеральной комиссии (центральное учреждение профессиональных союзов). По мере хода работ съезда все резче сказывалось разделение на сторонников централизации—«политиков», и чистых цеховиков, сторонников цеховой самодеятельности—«экономистов». Резкая стычка произошла уже по вопросу о так-называемых камерах труда. Докладчик Умбрейт, принадлежащий к революционному крылу социал-демократии, выставил лозунгом организацию камер труда из представителей рабочих и предпринимателей для рассмотрения и разрешения конфликтов между трудом и капиталом. Против него выступил ревизионист Гюэ с очень резкой речью, полной полемических выходок и

личных нападок, и противопоставил его лозунгу—требование организации рабочих камер. Подобно тому, как существуют официальные, признанные законом торговые камеры, состоящие из представителей купечества, говорил он, так же должны быть созданы рабочие камеры, состоящие из представителей от рабочих. Из прений выяснилось, что ни одна сторона, в сущности, не считает вопроса принципиальным, а потому несомненно, что та резкость, с которой Гюэ нападал на Умбрейта, объяснялась желанием «экономистов» дать генеральное сражение «политикам». Инцидент с рабочими камерами дал возможность подсчитать силы обеих сторон. Предложение Гюэ прошло значительным большинством. Настоящее же сражение было приурочено к вопросу о массовой политической стачке,—к вопросу, как бы нарочно внесенному в порядок дня в демагогических целях.

Вопрос о массовой политической стачке поднят был в Западной Европе в самое последнее время. Сейчас же после известной рурской стачки Каутский выдвинул этот вопрос в связи с опытом этой стачки и новыми общественно-экономическими отношениями, созданными развитием капитализма *). Вскоре после указанной статьи Каутского появились в печати результаты анкеты, устроенной по этому вопросу Лагарделем. Мнения всех выдающихся вождей международной социал-демократии, собранные в этой книжке, показывают, какое громадное значение приобретает в настоящее время вопрос о политической стачке, и как властно требует он разрешения. Можно себе представить, какие чувства должна была возбудить идея массовой политической стачки в тех кругах, которые были убеждены, что наибольших успехов рабочий класс достигнет путем медленного, постепенного прогресса. Боязнь, что этот важный вопрос рано или поздно может быть разрешен положительно руководящей политической организацией рабочего класса—социал-демократической партией, заставила сторонников чисто-цехового движения поднять вопрос теперь же, на съезде профессиональных союзов. Докладчик по этому вопросу Бемельбург откровенно заявил, что профессиональные союзы должны теперь же высказаться по этому вопросу, «иначе грозит опасность, что им придется подчиняться решениям, принятым где-нибудь в другом месте» (т.-е. на съездах социал-демократической партии). Вся речь Бемельбурга, направленная против политической стачки, являлась характерным образчиком той беззастенчивой демагогии, к которой всегда прибегают всякие сторонники «самодеятельности» широких масс, противопоставляемой политическому руководству сознательных элементов. Сколько неимоверных усилий, сколько громадных жертв понадобилось,—восклицал Бемельбург,—пока громадное профессиональное движение достигло такой высокой ступени развития. «Для дальнейшего развития нам нужно спокойствие, но тут являются литераторы и пишут, и пишут... Чтобы ни делали литераторы, услуги рабочему движению они не окажут. (Оживленное одобрение). Кто с легким сердцем говорит о применении массовой политической стачки,—продолжает оратор,—тот ничего не понимает в практическом рабочем движении. («Совершенно верно!») Но, спрашивают, что мы будем делать, когда мы лишимся избирательного права? Мы употребим тогда в борьбе те средства, которые сочтем своевременными. И если реакционеры, несмотря на это, отнимут у нас избирательное право, неужели думаете вы, что тогда нам уже будет конец? (Многочисленные возгласы: «Нет, далеко еще нет!») И если у нас, кроме того, отнимут право союзов, думаете ли вы, что тогда нам будет конец? (Новые возгласы). Сознание, что с нами обращаются несправедливо, пустило глубокие корни в рабочей массе. Мы знаем, какие человеческие права нам принадлежат, и никакая реакция не будет в состоянии убить в народе эту мысль. Если мы усилим наши организации и воспитаем их членов так, чтобы они стали сознающими свои классовые интересы и верными своим убеждениям товарищами, тогда мы можем спокойно и мужественно смотреть в будущее. Тогда, если раздастся клич: бороться!—рабочий класс будет на своем посту, он победит и достигнет поставленной себе цели. (Оживленные, долго несмолкающие рукоплескания)».

Это демагогическое фразерство, в котором революционное кликушество заменяет логические доводы, очень поучительно сопоставить с той задачей профессионального движения, которую отстаивает Бемельбург, нападая на идею политической стачки. Пропаганда этой идеи,—он называет ее «бессмысленной»,—по его мнению, опасна, «так как она отвлекает от медленного прогрессивного развития, посредством которого мы постепенно достигнем цели рабочего движения». Итак, по мнению Бемельбурга, «медленным шагом, робким зигзагом» можно достигнуть всего, даже «цели рабочего движения», т.-е. социализма. Будьте только умеренны и лойяльны, товарищи рабочие, и вы так очаруете этими добродетелями гг. предпринимателей, что Бемельбургу ничего не будет стоить убедить их передать свои фабрики и заводы обществу. Только поосторожнее, полегоньку да по маленьку, поменьше политики, побольше благонамеренности.

Однако, настроение на съезде было таково, что речи Бемельбурга сопровождались почти беспрерывными рукоплесканиями. Резолюция, предложенная им, была принята почти единогласно и даже пункт 3-й, осуждавший пропаганду массовой политической стачки, вызвал при голосовании протест только 30-ти человек. Цеховики победили политиков. И, как бы для того, чтобы особенно демонстративно отметить эту победу, была внесена резолюция о праздновании 1-го мая. В этой резолюции предлагалось перенести празднование на вечер, «чтобы дать всем рабочим возможность участвовать в нем!» Эта попытка принизить международный праздник рабочих, упрятав его в свободное от работы время, и тем самым лишить его всякого демонстративного характера. встретила резкий отпор со стороны целого ряда ораторов. В горячей речи т. Глоке из Берлина горько упрекал вожаков цехового движения, что за 15 лет они растеряли весь свой идеализм. «Мы должны не ослаблять, а, напротив, усиливать идеализм рабочей массы, а потому мы должны стремиться к поддержанию и распространению внушительной майской демонстрации». Майский праздник удалось на этот раз отстоять. Большинство не решилось итти против постановлений Амстердамского и Бременского съездов, и резолюция была взята обратно.

Настроение съезда профессиональных союзов впер-

*) Смотри «Вперед» № 17, «Итоги рурской стачки».

вые показало так наглядно, до каких опасных выводов может дойти культ стихийного рабочего движения, культ чисто-экономической борьбы, противопоставляемой борьбе политической, руководству сознательных социал-демократических элементов. Сосредоточивая свое внимание на узких, цеховых интересах, рабочие невольно подпадают под политическое руководство оппортунистов (а нередко и открыто-буржуазных элементов), потакающих этому отстаиванию групповых интересов в ущерб интересам класса и влекущих рабочее движение в русло умеренности и аккуратности. Но, как ни печальна картина Кельнского съезда, мы все же можем быть уверены, что немецкие рабочие, имеющие за собой такую блестящую политическую историю и имеющие над собой такое реакционное правительство, не смогут надолго уклониться от правильной политики революционной социал-демократии. Залогом такой уверенности является уже тот факт, что вся партийная социал-демократическая пресса единодушно восстала против попытки принизить движение, изгнать из него душу живу революционности. Инстинкт пролетариата как класса, т.-е. как политической силы, восстает против узкого кругозора отдельных групп рабочих, не видящих за деревьями леса, упускающих из-за минутных частных экономических выгод интересы борьбы за освобождение всего класса.

(В. Воровский).

ИЗ ПАРТИИ.

В № 101 «Искры» напечатано след. письмо Г. В. Плеханова: «Товарищи, решения конференции, нанесшие смертельный удар центральным учреждениям нашей партии, заставляют меня сложить с себя звание редактора Ц.О. и пятого (выбранного вторым законным съездом) члена совета.

Плеханов.

P. S. Пользуюсь этим случаем, чтобы печатно спросить ту часть партии, которая признает обязательными решения «третьего» съезда, желает ли она, чтобы я попрежнему представлял эту, теперь—увы!—разорванную партию в Международном Социалистическом Бюро? Я могу остаться представителем российской социал-демократической партии только в том случае, если этого пожелают обе фракции. Montreux, 29-го мая 1905 г. *Г. П.*».

От редакции. По поводу P. S. т. Плеханова мы можем заявить, что вопрос о представительстве партии в Международном Бюро т. Плехановым поставлен в настоящее время на разрешение Ц. К-та Партии.

(В. Воровский).

Москва. На-днях состоялась конференция из представителей всех районов с участием представителей от центральной агитаторской пропагандистской и технической групп. Участвовало около 100 человек, из них 30 рабочих. Собрание продолжалось около 8 часов. В порядке дня значились следующие пункты: 1. Доклад районных комитетов о положении дел в районах. 2. Реферат о партийных разногласиях. 3. Доклад о III съезде.

Из докладов районных комитетов, опубликовывать которые по конспиративным соображениям мы считаем неудобным, выяснилось, что почти во всех еще районах перед районными организациями стоит важная и крупная задача—закрепить влияние социал-демократии на московский пролетариат путем создания подвижной и тесно связанной с массой организации, при чем оказывалось, что массовки, поставленные на широкую ногу, могли бы оказать громадное революционизирующее влияние на пролетариат, жаждущий услышать правдивое и горячее слово социал-демократа.

В связи с последним вопросом возник вопрос о том, какой тактики держаться при появлении полиции.

Конференция решила, что собрание должно расходиться только тогда, когда перевес силы находится на стороне полиции; в противном случае собрание должно отказаться разойтись, не останавливаясь перед вооруженным столкновением с полицией. С этой целью конференция решила в каждом районе организовать боевой отряд, снабженный огнестрельным оружием, и вместе с тем призывать всю массу приходить на собрание вооруженными, чем кто может.

Боевые отряды будут служить также, по решению конференции, и при всяком столкновении с темными силами реакции.

Второй доклад—о партийных разногласиях—вызвал длинные прения, в которых деятельное участие принимали рабочие. После принципиального освещения вопроса о тактических и организационных разногласиях речь перешла к вопросу о деятельности местных меньшевиков. Целый ряд ораторов-рабочих указывал на те демагогические приемы, к которым прибегает московская группа меньшинства при вербовке себе членов из рядов нашей организации.

Конференция, осудив эти приемы и присоединяясь к партийной точке зрения большинства, решила вынести резолюцию по отношению к меньшинству лишь после выслушания доклада о III съезде. Затем последовал доклад о III съезде.

Докладчик, за поздним временем, успел лишь перед слушателями изложить в кратких чертах историю первых съездов, отметить наметившиеся уже на II съезде разногласия и выяснить принципиальную разницу между обоими уставами (II и III съездов). Докладчиком были переданы также подробности того, как держалось меньшинство по отношению к съезду.

Конференция, приветствуя состоявшийся III партийный съезд и всецело присоединяясь к его резолюциям, постановила, что, выслушав доклад о партийных разногласиях, познакомившись с деятельностью местной меньшевистской группы, выслушав историю III съезда и историю переговоров с меньшинством, веденных на съезде, она всецело присоединяется к резолюции III съезда о меньшинстве и возлагает на всех партийных работников деятельное проведение ее в жизнь.

С пением марсельезы члены конференции разошлись.

Московский Комитет Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии.

В перечне листков, полученных нами, в № 1 «Пролетария» было помечено «Заявление», изданное, якобы, военно-революционной организацией. По этому поводу товарищи из названной организации просят нас напечатать следующее предостережение, изданное ими отдельным листком:

«В виду появившегося листка, озаглавленного: «Заявление официального представителя Варшавского Комитета Военно-Революционной Организации», считаем необходимым предостеречь товарищей и лиц, сочувствующих В.-Р.О., перед шантажом автора данного листка.

Он никогда не был официальным представителем В. К. В.-Р.О.; будучи исключен из нашей организации, захватил часть материальных ее средств, после чего и объявил в упомянутом листке об образовании так-называемой Варшавской Центр. Группы В.-Р.О.

Что же касается утверждения автора пресловутого листка о, якобы, происшедшем в организации расколе, равно как и все его нападки на С.-Д.П. и Л., то все это является таким низким пасквилем, возражать на который Варшавский Комитет В.-Р.О. считает ниже своего достоинства.

Варшавский Комитет Военно-Революционной Организации.

Варшава, май 1905 г.».

Из отчета Московского Комитета по распространению листков и брошюр за месяц, с 19-го апреля по 19-е мая. За отчетный месяц листков распространено 84.952, включая сюда листки, брошюры, майские песни и газету «Вперед». Листков распространено 84.029. Майских песен—500. Бро-

шюр—308. Газеты «Вперед»—115 экз. Из них в провинции 3.700 экз. Из листков в Москве были распространены следующие: «О комиссии Шидловского»—3.351, «В бой за свободу»—3.600, «Майские»—58.300, «Экономика или политика»—4.832, «Голос труда» № 3—1.397, «Партийная программа»—6.520, Стих. «9-е Января»—500, «Рост и нужды С.-Д. организации»—290, «Крестьяне, к вам наше слово»—180, остальные в количестве 530—разного содержания.

Из брошюр наибольшее количество выпадает на след.: «Они заговорили»—57, «Первый шаг»—93, «Эрфуртская программа»—16. Остальные по нескольку экземпляров.

Из №№ газеты «Вперед» были распространены в Москве: № 12—20 экз., № 13—35 экз., № 14—52 экз.

Листки доставлены в следующие провинциальные города: Тула, Симбирск, Рыбинск, Вятка, Благовещенск и Иваново-Вознесенск.

Из отчета Черногородского районного к-та Бакинского к-та за апрель. Приход: от завода Левенсон по книжке № 27—16 р. 12 коп. Собрано, помимо книжки, 3 р. 50 коп. От завода Мальникова по книжке № 28—9 р. 10 к. От депо—15 р. 47 коп. Всего—44 р. 47 коп. Расход: технический расход—1 р., провизия жел.-дор. тов. в тюрьму—3 р. 75 коп., то же левенс. тов. 1 р. 50 коп., разные расходы 1 р. 90 коп., безработным товарищам—1 р., передано в комитет 23 р. Итого—32 р. 15 коп. Остается в кассе 12 р. 32 коп.

От ред. Обращаем внимание товарищей на систему сбора денег и отчетности, введенную бакинским комитетом. Каждый плательщик занесен в книжку под определенным № с обозначением сумм взноса. Вот образец отчетной таблички:

№№ по порядку:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	и т. д.
Взнос:	30	30	30	20	25	20	20	20	25	50	и т. д.

Таких №№ на заводе Левенсона, напр., 42, у Мальникова 26 и т. д. Эта система облегчает ведение записей и отчетности, устраняя клички, имена и фамилии, неудобные в конспиративном отношении.

Редакцией «Пролетария» получены следующие листки, изданные местными комитетами: Бакинского К-та—Ответ «Комитету русских тружеников» (составлен организованными ж.-д. рабочими-социал-демократами), Последняя ставка! Ко всем бакинским рабочим, Встреча наместника, Наши неудачи, Требования рабочих механических мастерских Баку, Требования служащих в ресторанах, гостиницах и домашней прислуги г. Баку, К рабочим завода Левенсон, Отчет Черногорского районного Комитета (все печат.); Екатеринославского К-та: О царском манифесте 18-го февраля, Ко всем организованным товарищам (обе печат.), Ко всем гражданам России (гект.); Московского К-та: 1-е мая (листок «Вперед» и Б.К.Б.), 1-е мая («Настал светлый день...»), 1-е мая («1-е мая—праздник рабочих...»), Программа Партии, «В России идет забастовка за забастовкой...», «Борьба началась...», На Дальнем Востоке..., Экономика или политика, Ко всем рабочим и работницам г. Москвы (все печат.), К обществу, О конференции районных представителей (обе мимеогр.), Крестьяне, к вам наше слово... (Ц. К-та), «Голос труда» № 4 (печат.); Серпуховской группы моск. к-та: К рабочим лесопильного завода Шибаева, Жел.-дор. Союза при моск. к-те.: К железнодорожным рабочим Тульских мастерских, К рабочим Московско-Брестской жел. дор. (обе мимеогр.). Николаевского К-та: Ко всем работникам и работницам Николаева (гибель балтийской эскадры), Ко всем приказчикам и служащим г. Николаева (обе печат.); Одесского К-та: В комиссии Коковцева (из № 15-го «Вперед»—печат.); Пермского К-та: Требования рабочих завода Мотовилихи, «Товарищи рабочие, все мы можем...», «Стачка началась...» (все гект.), 14-го мая по произволу полиции... (мимеогр.); Петербургского К-та, Выборгского района: К рабочим патронного завода (гект.); Рижского К-та: К солдатам (40 человек, 8 лошадей), Месть Капитала (по-русски—2.000, по-латыш.—3.000), Ко всем рижским рабочим (по-русски—3.000, по-латыш.—5.000, все печат.); Центрального К-та: Наши задачи, «Свершилось...» (обе печат.).

„Революционеры“ в белых перчатках.

Пятница, 22 (9) июня.

Заграничные газеты дают уже некоторую оценку приема царем земской делегации. Буржуазная печать холопствует, как водится, умиляясь по поводу уступчивости царя и благоразумия земцев, хотя некоторые сомнения насчет серьезности обещаний, данных в такой неопределенной форме, все же проскальзывают. Социалистические газеты заявляют прямо и определенно, что этот прием есть комедия.

Самодержавию выгодно выиграть время и водить за нос либеральную буржуазию. С одной стороны, диктаторские полномочия Трепову. С другой стороны, ничего не говорящие и ничего не стоящие обещания либералам, чтобы вызвать новое колебание в их и без того колеблющихся рядах. Тактика самодержавного правительства неглупая. Либералы играют в лойяльность, умеренность и скромность. Отчего бы не воспользоваться, в самом деле, правительству их глупостью и их трусостью? «Коль война, так по-военному». Не бывает войн без военных хитростей. И когда «враг» (либеральная буржуазия) не то враг, не то друг-простак,—отчего же не провести его за нос?

Г. Гастон Леру, о котором мы уже говорили в передовой статье, сообщает о приеме депутации следующие подробности, не очень достоверные, но, во всяком случае, характерные и знаменитые. «Барон Фредерикс, министр двора, сказал депутатам, что, несмотря на все его желание, ему трудно добиться приема императором г-на Петрункевича, у которого, говорят, есть революционные связи. Министру ответили, что император австрийский имел же в числе министров Андраши, хотя он был в свое время осужден. Этот довод устранил последние препятствия, и депутаты все были приняты».

Довод хороший. Западно-европейская буржуазия сначала все же сражалась по-настоящему, была кое-когда даже республиканской, ее вождей «осуждали»,—осуждали за государственные преступления, т.-е. не только за революционные связи, а за настоящие революционные действия. Потом, много лет, иногда десятилетий спустя, эти буржуа вполне мирились с самой убогой и куцой конституцией, не только без республики, но и без всеобщего избирательного права, без настоящей политической свободы. Либеральные буржуа окончательно мирились с «престолом» и с полицией, сами становились у власти и зверски подавляли и подавляют постоянно всякое стремление рабочих к свободе и к социальным реформам.

Русская либеральная буржуазия хочет соединить приятное с полезным: приятно считаться человеком с «революционными связями»,—полезно быть способным занять министерское кресло при императоре Николае Кровавом. Русским либеральным буржуа вовсе не хочется рисковать «осуждением» за государственные преступления. Они предпочитают прямо перескочить к тем временам, когда бывшие революционеры в роде Андраши стали министрами партии порядка! Граф Андраши в 1848 г. участвовал настолько энергично в революционном движении, что после подавления револю-

ции был приговорен к смертной казни и заочно (*in effigie*) повешен. Он жил затем в качестве эмигранта во Франции и в Англии, и только после амнистии 1857 года вернулся в Венгрию. Тогда началась его «министерская» карьера. Русским либералам не хочется революции, они боятся ее, им хочется сразу, не бывши революционерами, прослыть бывшими революционерами! Им хочется сразу перескочить от 1847 к 1857 году! Им хочется сразу сторговаться с царем на такой конституции, какие бывали в Европе во времена бешеного разгула реакции после поражения революции 1848 года.

Да, да, пример Андраши великолепно выбран. Как солнце в малой капле воды, отражается в этом сравнении Андраши с Петрункевичем параллель между революционной и республиканской в свое время буржуазной демократией Европы и монархической конституционалистской (даже после 9 января 1905 года) буржуазной «демократией» России. Европейские буржуа сначала дрались на баррикадах за республику, потом жили в изгнании, наконец, изменяли свободе, предавали революцию и шли на службу конституционным монархам. Русские буржуа хотят «учиться у истории» и «сократить стадии развития»: они хотят сразу предать революцию, сразу оказаться изменниками свободе. В интимных беседах они повторяют один другому слова Христа к Иуде: «Что делаешь, делай скорее!»

Когда депутатов привели в ту комнату дворца, куда должен был выйти царь,—продолжает г. Гастон Леру,—«вдруг заметили, что у революционера Петрункевича нет белых перчаток. Полковник лейб-гвардии Путятин немедленно снял свои и поспешно дал их революционеру Петрункевичу».

Начался прием. Князь Трубецкой держал свою речь. По передаче г. Гастона Леру, он начал с благодарности за то, что царь «соизволил принять их, доказав этим свое доверие к ним». Князь Трубецкой уверял (не от имени ли всей «конституционно-демократической» или «освобожденской» партии?), что «мы люди порядка и мира», что «царь обманут» его советчиками. Самое «смелое» место в его речи состояло в том, что собрание представителей по сословиям, как проектирует Булыгин, «недопустимо»... почему бы вы думали?.. потому что «вы, ваше величество, не царь дворян, купцов и крестьян, а царь всей России». «Представительство должно включать весь народ без изъятия». О резолюции земского совещания, которая напечатана нами в передовой статье, ни звука, как и следовало ожидать.

Г. Федоров в своей речи держался финансовой стороны... «революции в белых перчатках». Бюджет государства увеличится на 300—400 миллионов после войны, потребуется «громадный труд прогресса и цивилизации», а для сего нужна «независимость общества» и «призыв к жизни всех людей таланта из народа» (избранный под контролем Трепова?).

Ответ царя известен. «Окончив свою речь, царь,—телеграфирует г. Гастон Леру,—очень любезно разговаривал с каждым депутатом. Он дошел даже до того, что спросил у знаменитого революционера (Петрункевича), не состоит ли он предводителем дворянства. Тот ответил, что нет. Тогда царь выразил надежду, что придет день, когда он станет предводителем дворянства, и затем перешел к другому депутату. Когда он вышел из комнаты, депутатов отвели в заднюю комнату дворца, где им предложили завтрак ценой, по их мнению, копеек в 75. Как бы то ни было, депутаты были довольны происшедшим». (Если не сразу министром, то предводителем дворянства все же пообещали назначить! Ведь, и Андраши начинал, вероятно, с чего-нибудь в роде предводителя дворянства!) «Они уже стали рассылать повсюду бесчисленные телеграммы (на тему о том, что теперь доверие между царем и «народом» восстановлено?), когда им сообщили официальный текст царского ответа. Велико было их изумление, когда они не нашли там единственной важной фразы, которая, казалось, обещала хоть что-нибудь. Фраза: «Моя царская воля созвать народных представителей непоколебима», оказалась переданной так: «Моя царская воля непоколебима». Депутаты тотчас отослали назад этот официальный текст, которого они не могли принять. Сегодня, с некоторым нетерпением они ждали присылки им того текста, который содержал бы слова, всеми ими слышанные. Один из депутатов говорил мне сегодня вечером (телеграмма г-на Г. Леру помечена 20 (7) июня) по поводу этой странной замены слов: «это уж не самодержавие, это какое-то фокусничество».

Недурно сказано, или недурно выдумано, если г. Леру все это выдумал. Фокусничество тут, во всяком случае, есть, даже если обещание созвать народных представителей включено в официальный текст речи. Белые перчатки, и притом лакейские белые перчатки,—настоящая эмблема политического акта гг. Петрункевичей и Родичевых. Они сами начали с фокусничества не только тем, что договаривались об условиях аудиенции, но и тем, что прятали в карман свою резолюцию и свои настоящие желания, говорили неприличные вещи об обмане царя и т. д., и т. п. Они не в праве теперь жаловаться на то, что им ответили фокусничеством на фокусничество. Ибо обещание созвать народных представителей вообще ровно ничего не означает и ровно ничего не дает, оставляя полный простор и булыгинской, и треповской «конституции», и всяким оттяжкам. Все остается по-старому,—только либералы, одураченные, как мальчишки, опозоренные обещанием предводительского звания, оказали услугу самодержавию рассылкой телеграмм о «доверии» и такими докладами о приеме, какой сделал, напр., г. Никитин в петербургской думе.

Нам не хотелось бы брать на себя роль Кассандры. Не хотелось бы пророчествовать смешной и постыдный конец русской революции. Но мы обязаны прямо и открыто говорить рабочим, говорить всему народу: дело идет к такому концу. Конституционная, якобы, демократическая партия и все эти господа освобожденцы ведут дело именно к такому, а не к другому концу. Не обманывайтесь треском и звоном радикально-освобожденских речей и земских резолюций. Это—размалеванные кулисы для «народа», а за кулисами идет бойкая торговля. Либеральная буржуазия умеет распределять роли: радикального болтуна—на банкеты и на собрание, прожженного дельца—на «подготовку почвы» среди придворной шайки. А так как вся власть остается попрежнему и нисколько не урезанная в руках самодержавия, то неизбежный исход из такого течения дел—«конституция», во сто раз более похожая на булыгинскую, чем на освобожденскую.

Судьба русской революции зависит теперь от пролетариата. Только он может положить конец этому торгу. Только он может новым геройским усилием поднять массы, разъединить колеблющуюся армию, привлечь на свою сторону крестьянство и вооруженной рукой взять свободу для всего народа, раздавив без пощады врагов свободы и отбросив в сторону корыстных и шатких буржуазных звонарей свободы.

(Н. Ленин).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Криту. № 1-й получен. Наборщику. Корресп. в 2-х экз. получена, спасибо. Буркину. Письмо и прокламацию получили. Моньке. Ваши письма получаем, ваш адрес, очевидно, негоден—писали по нему несколько раз. Феде. Вашей шифрованной приписки не разобрали, адреса в ваш город не имеем, писали 3 раза по данному через «жену», очевидно, ничего не доходит. Лисину. Ваше письмо и корр. получили, адреса ваши недействительны, послали вам по ним письма. Рейнскому. Письма получены. Старосте. Первых двух писем не получили, 3-е получено. Неаполю. № 4-й получен. Дедову. № 5 получен.

Примечания:

Прим. 1. Последние два абзаца написаны тов. Воровским, заменившим авторский текст своим.

LE PROLETAIRE

Prix: 30 cts.

ЖЕНЕВА, 3 іюля (20 іюня) 1905 года.

№ 6.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Борьба пролетариата и холопство буржуазии.

Восстание и вооруженная битва на баррикадах в Лодзи, побоище в Иваново-Вознесенске, всеобщие стачки и стрельба в рабочих в Варшаве и Одессе, позорный конец комедии с земской делегацией,—таковы главные политические события истекшей недели. Если прибавить к этому сообщенные в сегодняшних (28—15 июня) женевских газетах вести о крестьянских волнениях в Лебединском уезде, Харьковской губернии, о разгроме пяти имений и посылке туда войска, то перед нами в событиях одной недели отразится характер всех основных общественных сил, так открыто и отчетливо выступающий теперь во время революции.

Пролетариат волнуется беспрерывно, особенно после 9-го января, не давая ни минуты отдыха врагу, наступая преимущественно в виде стачек, воздерживаясь от прямых столкновений с вооруженной силой царизма, готовя свои силы к великому, решительному бою. В местностях, наиболее развитых в промышленном отношении, где рабочие наиболее подготовлены политически, где к экономическому и общеполитическому гнету прибавляется гнет национальный,—полиция и войска царизма действуют особенно вызывающе, прямо провоцируют рабочих. И рабочие, даже неподготовленные к борьбе, даже ограничивавшиеся сначала одной обороной, показывают нам, в лице пролетариата Лодзи, не только новый образец революционного энтузиазма и геройства, но и высшие формы борьбы. Их вооружение еще слабо, крайне слабо, их восстание еще попрежнему частично, оторвано от связи с общим движением, но все же они делают шаг вперед, они с громадной быстротой покрывают городские улицы десятками баррикад, они наносят серьезный ущерб войскам царизма, они защищаются отчаянно в отдельных домах. Вооруженное восстание растет и вглубь и вширь. Новые жертвы царских палачей—в Лодзи убито и ранено до 2.000 чел.—зажигают пламенной ненавистью к проклятому самодержавию новые десятки и сотни тысяч граждан. Новые вооруженные битвы показывают все нагляднее и нагляднее неизбежность решительной вооруженной борьбы народа с вооруженными силами царизма. Из отдельных вспышек все больше вырисовывается картина общероссийского разгорающегося пожара. Пролетарская борьба захватывает новые, наиболее отсталые районы, и опричники царя усердствуют на пользу революции, превращая экономические столкновения в политические, разъясняя рабочим везде и повсюду на их собственной судьбе безусловную необходимость свержения самодержавия, воспитывая из них будущих героев и борцов народного восстания.

Вооруженное народное восстание,—к этому лозунгу, который так решительно выдвинут партией пролетариата в лице 3-го съезда Росс. С.-Д. Рабочей Партией, все ближе и ближе подводят сами события, сам стихийный процесс расширяющегося и обостряющегося революционного движения. Пусть же исчезнут скорее всякие колебания и сомнения, пусть сознают скорее все и каждый, как нелепы, как недостойны в настоящее время отговорки от этой неотложной задачи—готовиться самым энергичным образом к вооруженному восстанию,—как опасно промедление, как настоятельно объединение и сплочение тех частичных восстаний, которые возникают повсюду. Эти вспышки бессильны каждая поодиночке. Организованная сила царского правительства может раздавить повстанцев одних за другими, если движение так же стихийно-медленно будет перекидываться с города на город, с района на район. Но объединенные вместе, эти вспышки могут слиться в такой могучий поток революционного пламени, перед которым не устоит никакая сила на свете. И это объединение идет, идет тысячами путей, которых мы не знаем и не подозреваем. Народ учится революции на этих отдельных вспышках и схватках,—наше дело только не отставать от задач момента, уметь показывать всегда следующую, высшую ступень борьбы, извлекая опыт и указания из прошлого и настоящего, призывая смелее и шире рабочих и крестьян вперед и вперед, к полной победе народа, к полному уничтожению той самодержавной шайки, которая борется теперь с отчаянием осужденного на смерть.

Как часто находились среди социал-демократии люди, особенно из интеллигентского крыла ее, которые принижали задачи движения, которые малодушно изверивались в революционную энергию рабочего класса. Некоторые думают и теперь, что так как демократический переворот буржуазен по своему общественно-экономическому характеру, то пролетариату не следует стремиться к руководящей роли в нем, к самому энергичному участию, к выставлению передовых лозунгов свержения царской власти и учреждения временного революционного правительства. События учат и этих отсталых людей. События подтверждают боевые выводы из революционной теории марксизма. Буржуазный характер демократической революции не означает, что она может быть выгодна только буржуазии. Напротив, она всего более выгодна и всего более нужна пролетариату и крестьянству. События показывают все очевиднее, что только пролетариат способен на решительную борьбу за полную свободу, за республику, вопреки ненадежности и неустойчивости буржуазии. Пролетариат может встать

во главе всего народа, привлекая на свою сторону крестьянство, которому нечего ждать кроме гнета и насилия от самодержавия, кроме измены и предательства от буржуазных друзей народа. Пролетариат, в силу самого своего положения как класса, в современном обществе, способен раньше всех других классов понять, что великие исторические вопросы решаются в последнем счете только силой, что свобода не дается без величайших жертв, что вооруженное сопротивление царизма должно быть сломлено и раздавлено вооруженною рукою. Иначе нам не видать свободы, иначе Россию ждет судьба Турции, долгое, мучительное падение и разложение, мучительное в особенности для всех трудящихся и эксплоатируемых масс народа. Пусть буржуазия унижается и холопствует, торгашествует и клянчит подачек, добиваясь жалкой пародии на свободу. Пролетариат пойдет на бой, поведет за собой истерзанное самым подлым и невыносимым крепостничеством и надругательством, крестьянство, пойдет к полной свободе, которую может отстоять только вооруженный народ, опираясь на революционную власть.

Социал-демократия не сгоряча выдвинула лозунг восстания. Она всегда боролась и будет бороться с революционной фразой, будет требовать трезвого учета сил и анализа момента. Социал-демократия говорила о подготовке восстания еще с 1902 года, никогда не смешивая эту подготовку с бессмысленным подстраиванием бунтов, искусственное устройство которых только бесплодно растратило бы наши силы. И лишь теперь, после 9-го января, лозунг восстания выдвинут на очередь рабочей партией, признана необходимость восстания и необходимость задачи готовиться к нему. Самодержавие само сделало этот лозунг практическим лозунгом рабочего движения. Самодержавие дало первые широкие и массовые уроки гражданской войны. Эта война началась и ведется все шире, все в более острой форме. Мы должны лишь обобщать ее уроки, разъяснять весь великий смысл слов «гражданская война», извлекать практические указания из отдельных сражений этой войны, организовывать силы, готовить непосредственно и немедленно все, что необходимо для настоящей войны.

Социал-демократия не боится смотреть в глаза правде. Она знает предательскую натуру буржуазии. Она знает, что не успокоение, не мир принесет рабочему свобода, а новую, еще более великую борьбу за социализм, борьбу с теперешними буржуазными друзьями свободы. Но тем не менее—и именно поэтому—свобода непременно нужна рабочим, свобода нужна им больше, чем кому бы то ни было. За полную свободу, за демократическую республику, способны бороться во главе народа только рабочие, и они будут бороться за нее не на жизнь, а на смерть.

Слов нет, много еще темноты и забитости в народе, масса еще труда должно пойти на развитие самосознания рабочих, не говоря уже о крестьянстве. Но посмотрите, как быстро выпрямляется вчерашний раб, как сверкает огонек свободы даже в полупотухших глазах. Посмотрите на крестьянское движение. Оно разрозненно, бессознательно, мы знаем лишь крохи правды о его размерах и характере. Но мы знаем твердо, что сознательный рабочий и поднимающийся на борьбу крестьянин, поймут друг-друга с двух слов, что каждый луч света сплотит их теснее для борьбы за свободу, что они не уступят тогда в руки презренно-трусливой и корыстной буржуазии и помещиков с в о е й революции, той демократической революции, которая может дать землю и волю, дать все мыслимые в буржуазном обществе облегчения жизни трудящимся, для дальнейшей борьбы за социализм. Посмотрите на центральный промышленный район. Давно ли казался он нам спящим глубоким сном, давно ли считали там возможным только частичное, дробное, мелкое, профессиональное движение? А там уже разгорелась всеобщая стачка. Поднялись и поднимаются десятки и сотни тысяч. Необыкновенно растет политическая агитация. Тамошним рабочим еще далеко, конечно, до геройского пролетариата геройской Польши, но царское правительство быстро просвещает их, быстро заставляет «догонять Польшу».

Нет, не мечта всенародное вооруженное восстание. Не праздная мысль о полной победе пролетариата и крестьянства в настоящей демократической революции. А какие великие перспективы открывает такая победа для европейского пролетариата, которого вот уже много лет искусственно сдерживает, в его стремлении к счастью, военная и помещичья реакция! Победа демократической революции в России будет сигналом к началу социалистической революции, к новой победе наших братьев, сознательных пролетариев всех стран.

По сравнению с могучей и геройской борьбой пролетариата, каким отвратительно мизерным кажется верноподданническое выступление земцев и «освобожденцев» на знаменитом приеме Николая II. Комедианты понесли заслуженное наказание. Не успели высохнуть чернила, которыми они писали свои хамски-восторженные отчеты о милостивых словах царя, как настоящее значение этих слов выступило перед всеми в новых делах. Цензура свирепствует. Газета «Русь» приостановлена за одно напечатание скромного-скромного адреса. Диктатура полиции с Треповым во главе преуспевает. Слова царя разъясняются официально в том смысле, что он обещал с о в е щ а т е л ь н о е собрание народных представителей при неприкосновенности исконного и «самобытного» самодержавия!

Князь Мещерский в «Гражданине» оказался прав в оценке приема делегации. Николай сумел donner le change земцам и либералам,—писал он. Николай сумел п р о в е с т и и х з а н о с!

Святая истина! Вожди земцев и освобожденцев проведены за нос. Так им и надо. За холопское выступление, за скрытие своих настоящих решений и мыслей о конституции, за подлое молчание в ответ на иезуитскую речь царя, они наказаны по заслугам. Они все торговались и торгуются, стараясь получить «безопасную» для буржуазии пародию на свободу. Шипов торгуется с Булыгиным, Трубецкой торгуется с Шиповым. Петрункевич и Родичев торгуются с Трубецким. Струве торгуется с Петрункевичем и Родичевым. Они торгуются, соглашаясь «временно» на чисто-шиповской программе земской делегации. Этим торгашам хорошо ответили... пинком солдатского сапога.

Неужели и это опозорение вождей русского буржуазного «освобожденства» не окажется началом конца? Неужели те, кто способен быть искренним и честным д е м о к р а т о м, не отвернутся даже теперь от этой пресловутой «конституционно-демократической партии»? Неужели они не поймут, что они безнадежно позорят

себя и предают дело революции, поддерживая «партию», в которой «земская фракция» ползает на брюхе перед самодержавием, а Союз Освобождения ползает на брюхе перед земской фракцией?

Приветствуем финал земской делегации! Маска сорвана. Выбирайте, господа помещики и господа буржуа. Выбирайте, господа образованные люди и члены всяких «союзов». За революцию или за контр-революцию? За свободу или против свободы? Кто хочет быть демократом на деле, тот должен бороться, тот должен порвать с пресмыкающимися и с предателями, тот должен создать честную партию, уважающую себя и свои убеждения, тот должен становиться решительно и бесповоротно на сторону вооруженного восстания. А кто хочет продолжать игру в дипломатию, игру в недомолвки, торговаться и холопствовать, пускать словесные угрозы, которым никто не верит, и с восторгом встречать обещание предводительского места от обожаемого монарха,— тот должен быть публично заклеймен всеобщим презрением сторонников свободы.

Долой буржуазных предателей свободы!

Да здравствует революционный пролетариат! Да здравствует вооруженное восстание за полную свободу, за республику, за самые кровные и насущные интересы пролетариата и крестьянства!

Гоги и Магоги.

Получилось, наконец, и для петербургской публики перехваченное-было правительством известие о разгроме в Корейском проливе. И вот являются в роскошном зале заседаний коковцевской комиссии господа капиталисты с Четвертинниковым во главе, представляющие в ней русскую промышленность. Лица у них вытянутые, облик погребальный. Приходят и финансисты и немножко сконфуженный Коковцев. И начинается комедия. Г. Четвертинников от лица «излюбленных» представителей толстосумов в трогательной речи заявляет, что сердца его товарищей столь сокрушены печальной вестью, умы в такой мере заняты скорбными мыслями о невзгодах дорогого отечества, что они решительно не в состоянии сколько-нибудь внимательно раздумывать над таким «частным» вопросом, как сокращение рабочего времени. Коковцев делает вид, что тронут: «Я понимаю, господа, ваши патриотические чувства. Верьте, я сам страдаю: я, ведь, уж два дня тому назад узнал о несчастии, но «долг службы»!». Глубокий вздох. Затем царский казначей прибавляет с усмешкой: «Однакоже, господа, все-таки как же так? Ведь, если вы покинете теперь комиссию, то, ведь, рабочие, пожалуй, скажут, что вы были рады случаю уклониться от вполне назревшего вопроса о сокращении рабочего дня? Ведь, нехорошо выйдет». Но г-да промышленники, вздыхая и потея, повторяли: «Нет, уж увольте... нет, уж ослобоните, потому как скорбь... дорогое отечество». Тогда Коковцев умыл руки и отпустил их, выразительно подчеркнув, что ответственность за последствия падает на их головы.

И что же? «Скорбь» отнюдь не помешала предпринимателям собраться частным образом и обрушиться резкой критикой на правительственный проект.

В главнейшем правительственный законопроект сводится к следующему: он «устанавливает максимальную продолжительность рабочего дня для рабочих в 10 часов вместо существующих 11½ час., по субботам и в кануны праздников—в 9 час. вместо 10 час., а при непрерывных производствах—в 8 час., и совершенно уничтожает сверхурочные работы, ограничивая область их применения лишь случаями государственной и общественной необходимости и так-называемыми сезонными работами». («Русск. Вед.», № 133).

Промышленники еще на первых заседаниях комиссии упорно настаивали на том, что сама по себе промышленность русская в себе никаких причин для рабочих волнений не носит, а волнуются рабочие единственно в силу недовольства своим гражданским бесправием; теперь они постарались отпарировать угрозу своему карману, усиленным подчеркиванием этого обстоятельства. По их мнению, «...проект этот критики не выдерживает: никаких данных, насколько реформы эти посильны для промышленности, проект не приводит, точно так же, как не указывает исходных точек, почему именно остановились на тех, а не других нормах. Одним словом, ни мотивы, ни цели законопроекта совершенно неизвестны, и остается лишь предполагать, что проведением его в жизнь предполагается успокоить рабочих и улучшить их благосостояние» (там же).

Промышленные Гоги, однако, энергически протестуют против желания чиновных Магог свалить на их голову причину «беспорядков» и уладить рабочий вопрос исключительно на их счет. Гоги выдвигают целую любопытнейшую батарею аргументов: во-первых, «сокращение рабочего времени не успокоит и не удовлетворит рабочих масс, так как те, которые пользуются ныне 10-часовым днем, напр., на механических заводах, получат лишь стимул к требованию 8½-часового дня, если только не 8-ми часов, к каковому лозунгу присоединятся, конечно, и остальные рабочие».

Это верно, что и говорить! Рабочие до тех пор не удовлетворятся вполне, пока не разрушат самый капиталистический строй и не создадут на его месте социалистический. Отсюда Гоги делают вывод: так как рабочие всегда требуют большего, то лучше всего ничего им не давать. Умно и практично! Только, ведь, рабочий класс есть сила, а с силой, хочешь не хочешь, а будешь считаться.

Во-вторых, «отмена сверхурочных работ также не придется по сердцу рабочим, так как работы эти являются весьма важным коррективом, регулирующим заработок рабочего».

Но, милые Гоги, не лучше ли спросить об этом самих рабочих?

В-третьих, отметив, что идея нормировки рабочего времени перешла в Россию из Западной Европы, промышленники указывают, что в России, при дезорганизации общественных сил, минимальной самодеятельности, заброшенности всего крестьянского люда, гораздо меньшей культурности всего народа и зачаточном положении фабрично-заводской промышленности, государству предстояло для защиты производительных сил рабочего люда озаботиться развитием его самосознания и самодеятельности и лишь параллельно с этим, в период его младенчества, оградить от злоупотреблений законодательными нормами.

У нас правительство избрало исключительно второй путь.

Это бесподобно! Разозленные Гоги кричат: «Вы виноваты, Магоги! Почему страна нищая и безграмотная? Почему у рабочих нет своих газет, касс, союзов? Извольте-ка дать им права, которых они недвусмысленно требуют! А, не хотите, рыло воротите? На наших плечах едете!»

Но рядом с совершенно правильным обвинительным актом против Магог в мундирах и вицмундирах г-да миллионщики наговорили пропасть наивного вздора, повинуясь голосу своего корыстного интереса: государство, видите ли, только в период младенчества должно охранять рабочих от их алчности; но, ведь, западно-европейские рабочие из младенчества уже вышли, однако, они самым энергичным образом настаивают на развитии фабричного законодательства. К чему обольщаться, гг. заводчики? Рабочий знает, кто его враг, и своею выросшею самодеятельностью он воспользуется, главным образом, против вас, своих вампиров. Но, во-первых, раздраженные капиталисты хотят сорвать зло на правительстве, которое для своего спасения расплачивается из их бумажника, во-вторых, они вынуждены теперь стремиться освободиться от грузной, глупой опеки бюрократии, и они заигрывают с политическим протестом пролетариата. «Правительство избрало второй путь»—удовлетворять рабочих, ограничивая капитал, сохранять свою шкуру, спуская немножко сала с господ индустриалов, а те тычут ему в глаза «первый путь»—расширения прав рабочего и доступности образования для него. Третий радующийся при этом—мы. Пусть дерутся и бранятся испуганные баре, пусть трещат их чубы, хлопцам остается только напирать энергичнее и энергичнее!

Указав на обнищание страны, вызванное преступлениями правительства, наши либеральные тузы заканчивают: «При таком положении улучшение благосостояния рабочего класса, обусловливаемое процветанием промышленности, возможно не нормировкой труда, а развитием производительных сил народа, для чего необходимо, в первую очередь, широкое развитие среди него грамотности и самодеятельности».

И отсюда откровенные и изящные в своей простоте выводы: «1) Признавая в принципе излишней законодательную нормировку рабочего времени, сохранить нормы его продолжительности, установленные законом 1897 года, в виду того, что таковые уже существуют.

2) Сохранить необязательные сверхурочные работы, ограничив лишь число урочных и сверхурочных рабочих часов в неделю 75-ю».

Это премудрые промышленники с большим юмором называют «изменениями», которые нужно внести в законопроект.

Еще в самом начале заседания комиссии в приветственной речи Коковцев говорил, что рабочие беспорядки, конечно, обусловливаются в значительной мере «зловредной пропагандой», но «болезнь обыкновенно поражает наиболее слабые части организма, а именно такою является промышленность с ее чрезмерным рабочим днем и зачастую недостаточным вознаграждением и не вполне корректным отношением к интересам рабочих».

И они рисуют портреты друг друга, и ясно становится даже ребенку, что это два разбойника, перепуганные протестом их жертвы, грызущиеся между собой. «Ты обсчитываешь рабочего, удлиняешь день, держишь его в нищете!—кричит один. «Ты держишь его в невежестве и рабстве!»—орет другой.

Браво, браво! Дружнее напирайте на них, братья-пролетарии, пока они не сгинут оба, сначала один, потом другой.

Коковцев говорил между прочим: «Правительство обвиняют в том, что оно ускорило работы по ограждению интересов рабочего класса после беспорядков в рабочей среде. Но, мне кажется, это вполне нормально!»

О, вполне, вполне! нормальна и злоба против правительства гг. тузов, которым оно нужно только как грубая сила, направленная против рабочих. Рабочие принудили правительство со страху изменить ради своего спасения интересам класса капиталистов. Этим правительство погубило себя в глазах самых своих близких приятелей, и приятели, видя, что тонущее и барахтающееся чудовище, ища спасения, хочет схватить их за горло, в свою очередь изменяют ему и топят его.

Крепче же на них, пролетарии, под знаменем социал-демократии! Начинается праздник и на нашей улице, в борьбе с правительством число невольных союзников наших растет вместе с нашей энергией, а вместе с тем никакое правительство, не считающееся с нашими интересами, становится абсолютно немыслимым.

Что делается в войсках.

I.

В числе наиболее острых вопросов, выдвинутых историческим моментом и подлежавших обсуждению третьего съезда, был вопрос о вооруженном восстании. Разрешенный в общем удовлетворительно, он не был, к сожалению, закреплен в достаточно детальной резолюции. Особенно бросается в глаза упущение важного вопроса о поведении войска в момент восстания. Упущение тем более грустное, что самый исход предстоящего боя будет зависеть в значительной мере от этого поведения. Напрасно стали бы мы искать пункт об агитации в войсках и в общей резолюции о пропаганде. Во всех опубликованных работах съезда о нем нет ни слова; нет даже намека на необходимость такой агитации; нет указания на то, с чем подойти к солдату, какие конкретные лозунги именно теперь следует выдвинуть; не сделано попытки идейного и практического объединения этого рода работы. Характерно на наш взгляд и то, что выработанный проект резолюции о пропаганде в войсках не был рассмотрен в заседавшей одновременно с партийным съездом меньшевистской конференцией—«за недостатком времени», как сказано в брошюре о работах конференции (о внутренней ценности этого проекта поговорим особо). Не значит ли это, что должного значения вопросу не придавали, что сунули вопрос, как маловажный, в самый конец порядка заседаний, а рассмотреть его так и не удосужились? Обращаясь далее к постановлениям второго съезда партии, мы видим, что и он в свое время почти ни словом не обмолвился об агитации в войсках (о ней помечено только в «порядке дня»), меж тем как вынес довольно обстоятельные резолюции о пропаганде среди

сектантов, среди учащихся. Ни с важностью вопроса, ни с специфическими особенностями работы в войсках опять-таки, повидимому, не считались.

Явление это, нам думается, далеко не случайное. Оно всецело соответствует тому печальному положению работы на местах, которое, за очень малыми исключениями, наблюдается всюду в России. Местами о работе в войске не поднималось даже вопроса, как не возникло его и на съезде. В среднем случае, работа носит чисто-кустарнический характер, не будучи связана с общей работой местной организации. Иными словами, попадают на службу один или несколько человек, так или иначе прикосновенных к работе, и потихоньку-полегоньку принимаются «сеять крамолу» в казарме. На полное отсутствие влияния со стороны местных работников сетует и товарищ-солдат, корреспонденция которого (из г. Острова, Ломжинской губ.) напечатана в № 5 «Пролетария». Даже литература, оказывается, получается солдатами с родины, т.-е. более или менее случайно. Меж тем, почва в казарме чрезвычайно благодарная: прокламации «читаются довольно широко», разговоры ведутся тоже довольно определенные. «Даже в какой-нибудь месяц работы,—уверяет корреспондент,—можно было бы сделать многое»... Так обстоит дело в среднем случае. Лучшие случаи, когда агитация не только ведется, но и носит характер организованности, донельзя редки, при чем работа лишена единства и систематичности. Таковы, напр., города Севастополь и Рига, а также некоторые другие, где созданы специально военные социал-демократические, но чисто-местные, не связанные с центрами организации. Что же касается так-называемой «военно-революционной организации» и прочих, возникавших ранее «военных союзов», то о деятельности их известно очень мало.

Крайне грустно, что даже такие первостепенной важности события, как русско-японская война, создавшая благоприятную почву для общего недовольства, и петербургские события 9-го января, с такою убедительностью доказавшие необходимость агитации в войсках,—нас мало чему научили. Увеличилось количество отдельных воззваний к солдатам и—это чуть ли не все. Мало того, обращаясь к этим самым прокламациям, находим, что большинство их—и огромное большинство—страдает полной неопределенностью намерений их авторов, полной расплывчатостью мысли и самым печальным разнообразием выдвигаемых лозунгов. Получается такое впечатление, что писали люди, потому что грешно было не писать, а в полезность своих писаний, в их целесообразность и сами не твердо верили. О каких же практических лозунгах может быть речь при таких условиях? Особенно не посчастливилось в этом отношении войне: вряд ли найдется сколько-нибудь заметное количество прокламаций (мы нашли таковых только две-три), где после более или менее красноречивых рассуждений на тему о ненужности войны указывался бы хотя какой-нибудь практический выход для солдат, проникшихся сознанием этой ненужности,—если не считать, разумеется, общих призывов примкнуть к нашей партии. Виновато тут, может-быть, и то, что даже сами мы, сторонники социал-демократического учения, так-таки и не успели выработать для самих себя единого и выдерживающего всестороннюю критику отношения к войне. Чему тут удивляться, если бывшие центральные учреждения партии могли додуматься только до буржуазного лозунга «мир во что бы то ни стало», а вопрос о конкретном поведении солдат, как таковых (т.-е. о том, итти ли на войну или отказываться и в какой именно форме), в литературе этих центров даже не ставился! «Протестуйте!»—вот тот общий лозунг, который, между прочим, был выдвинут «Искрой» в воззвании «Война против войны» (ко всем гражданам, а в том числе—в том числе только—и к солдатам). Как именно «протестовать»,—об этом благоразумно умалчивалось.

Гораздо легче было, конечно, дать соответствующий клич для войск по отношению к восставшему народу. И действительно, во всех почти прокламациях к солдатам, изданных после и во время январских событий, мы видим попытку выдвигания конкретных лозунгов. Но что за странное разнообразие! Одно воззвание требует, чтобы солдаты и офицеры оказывали содействие по вооружению народа и дали ему в нужный момент вождей; другое умоляет солдат переходить с оружием в руках на сторону восставших; третье ограничивается просьбой пассивного отношения (стрелять через головы, в воздух); четвертое говорит о необходимости открытого отказа от стрельбы; пятое сводит все требование к тому, чтобы солдаты, вместо стрельбы в восставших, стреляли в распоряжающихся офицеров, и т. д. Есть и прямо юмористические лозунги: один, напр., комитет требует, чтобы солдаты, «побросав оружие, переходили на сторону восставших». Так и сказано: сначала побросать оружие, а потом уже присоединиться к восставшим! И в этом разнообразии кличей—от чисто-революционного до чисто-юмористического—опять-таки нет ничего удивительного. Ведь, вот как ни просто, повидимому, пустить в данном случае клич чисто-революционный, а та же новая «Искра», напр.,—никогда не грешившая, впрочем, определенностью выдвигаемых лозунгов,—сочла за лучшее, наговорив целую кучу хороших и красивых слов («К солдатам», листок № 14), отделаться следующим расплывчатым и ровно ничего не говорящим требованием: «Сложите оружие перед народом и, братски протянув ему руку, помогите обсудить, как помочь народному горю»... Комментарии к этому, с позволения сказать, «лозунгу» были бы очень и очень нелишни.

Кто присмотрится к живой русской действительности, тот увидит, что работа в войсках становится все более и более необходимой. В самом деле, стоит взять хотя бы слухи о подробностях сдачи эскадры Небогатова, или слухи о десятках бунтовщиков матросов, вздернутых Рождественским на мачту во время продолжительного плавания эскадры,—чтобы понять, насколько велико то брожение, то открытое недовольство, которые создались в многотысячной русской армии под влиянием всего хода преступной войны. Разве не о том же говорит и циркуляр главноуполномоченного от Красного Креста, перепечатанный в № 3 «Пролетария»,—циркуляр, требующий от заведующих полевыми лазаретами обязательного доставления по начальству пуль и осколков гранат и шрапнели, извлеченных из раненых русских,—и вызванный, по уверению доставивших его лиц, тем, что русские солдаты стреляют в своих же собственных офицеров? Не поучительны ли, наконец, эти бесконечные бунты солдат и запасных еще в пределах России, вроде

бунта, бывшего 16-го мая в окрестностях Екатеринослава, где, на станции «Чаплино», следовавший по железной дороге эшелон нижних чинов учинил, по выражению «Приднепровского Края», ряд «буйств и бесчинств» и сильно избил местных жандармов, пытавшихся увещевать солдат?

О чем же, как не об открытом озлоблении, не о массовой панике или полном отчаянии (когда терять уже больше нечего) свидетельствуют нам эти многоговорящие факты? Войска дезорганизованы до последней степени, бессмысленность и жестокость войны так очевидна, что разъяснений уже больше не требуется...

В несколько иные формы облекается это глухое брожение, а то и открытое недовольство, там, где более или менее систематическое влияние извне проясняет затемненное всей казарменной выучкой сознание солдат. И вот на этих то примерах мы убеждаемся, какую громадную роль может сыграть разбившее оковы дисциплины войско в решительный момент всеобщего восстания.

Припомните хотя бы то, с каким восторгом было встречено известие из Севастополя, известие, развертывавшее перед нами совершенно неожиданные перспективы, о грандиозной демонстрации, устроенной отрядом моряков, заявивших коллективный отказ итти на войну с резко выраженной политической мотивировкой. Казарма была разгромлена; среди пения революционных песен и возгласов—«Долой войну!» «Долой самодержавие!»—были выкинуты красные знамена; прибывшие войска отказались стрелять в моряков, и целый город в течение нескольких дней был фактически в руках восставшего войска. Припомним, далее, с каким чувством глубокого нравственного удовлетворения слышали мы об отказе целого гвардейского полка стрелять в рабочих в Петербурге, и о схватке с войсками другого полка, выступившего на защиту восставшего пролетариата. Не говорим уже о прочих явлениях подобного рода, но меньших по размерам,—а их было в эти дни достаточно.

Не хуже, если не лучше нашего поняло ту выдающуюся роль, которую может сыграть революционно настроенное войско при встрече с «внутренними врагами», само правительство. Поддерживаемое одними штыками и нагайками, больше всего боится оно проникновения революционной заразы в казарму. Красноречиво говорят об этом многочисленные циркуляры и приказы по войскам всякого рода оружия. Как на образчик, можно указать хотя бы на недавно изданный морской приказ флигель-адъютанта, капитана 1-го ранга Руднева, который командиры рот обязывались прочитать войскам и «разъяснить его, напомнив о долге присяги, в особенности, молодым солдатам». «Я глубоко убежден,—пишет Руднев в приказе,—что члены вверенного мне экипажа останутся попрежнему верными сынами царя и отечества и не будут обращать внимания на разговоры подлых агитаторов (!) и читать листки, раздаваемые прислужниками наших врагов, постоянно памятуя о святости данной присяги».

О том, какое впечатление производят на солдат подобные приказы, говорить вряд ли приходится: впечатление, в большинстве случаев, получается как-раз обратное тому, какое имелось в виду начальством. Бывают на этой почве и любопытные инциденты, вроде рассказанного недавно воронежским корреспондентом «Пролетария» (№ 3). В день первого мая части местных войск, под командою офицера, было отдано приказание отправиться заранее за город, где, будто бы, должно было произойти рабочее собрание. Долго ждали солдаты начала собрания и—все напрасно. Поднялся ропот. Тогда находчивый начальник, решив использовать «удобный случай», произнес длинную речь о «прислужниках наших врагов», «подлых агитаторах» и т. д.

Третий шаг назад.

Из резолюций III съезда Р.С.-Д.Р.П. всем товарищам известно, каково должно быть принципиальное и организационное отношение к так-называемому меньшинству или новоискровцам. Признавая необходимость идейной борьбы с пережитками «экономизма», III съезд «признал возможным вступление в партийные организации сторонников меньшинства при условии признания съездов партии и подчинения партийной дисциплине. Раз этого условия нет налицо, все группы «меньшинства» следует рассматривать, как стоящие вне партии, при чем практические соглашения с ними, разумеется, допустимы, по усмотрению ЦК и местных комитетов, на тех же началах, как соглашения с «Бундом» и т. п.».

В настоящее время мы можем сообщить товарищам лишь некоторые сведения о заграничной части отколовшегося от партии меньшинства. ЦК сейчас же после съезда послал письмо и в «Лигу» и заведующим техникой и кассой партии, прося первую высказаться о своем отношении к III съезду, вторых—передать партийное имущество ЦК-ту. Ответа ни на одно письмо не последовало. Новоискровцы не прочь были от имени всей партии пользоваться партийной типографией и складом, получать деньги от немецкой социал-демократии, от заграницы вообще, но дать отчет партии в употреблении партийного имущества и расходовании партийных средств, они не пожелали. Комментировать такое поведение мы считаем излишним.

В статье о III съезде («Прол.» № 1) нами выражено пожелание, чтобы отколовшаяся часть партии по крайней мере сорганизовалась поскорее как можно цельнее внутри себя: тогда легче будут отдельные соглашения и яснее путь к будущему единству. К сожалению, и это наше пожелание оказывается почти неисполнимым. Резолюции «конференции» меньшинства теперь опубликованы (см. крайне интересную брошюру: «Первая общерусская конференция партийных работников», Отд. Приложение к № 100 «Искры», а также № 100 «Искры»). Мы настоятельно рекомендуем всем партийным организациям ознакомиться с этой брошюрой, ибо лучше этого материала для идейной борьбы с отколовшейся частью партии мы не могли бы ничего себе представить. Резолюции эти обнаруживают полную неспособность меньшинства организовать даже своих собственных сторонников. Они не могли даже созвать своей собственной конференции: их конференцию созвали мы, Б.К.Б. и ЦК, объявившие созыв III съезда. Делегаты меньшевист-

Ропот, однако, не уменьшился, а один возмущенный солдат, не вытерпев, дал очень резкий отпор офицеру. На приказ последнего о немедленном арестовании солдата никто не тронулся с места. Тут уж догадливый начальник счел более благоразумным ретироваться, а на следующий день усиленно просил солдат никому о случившемся не рассказывать.

Резюмируя все сказанное, мне хотелось бы подчеркнуть, что вопрос об агитации в войсках, находящий такое слабое выражение в нашей партийной литературе и практике, заслуживает со стороны социал-демократических организаций самого серьезного и вдумчивого отношения. Мое глубокое убеждение, что в настоящее время нет в целой России такого местечка, где бы глухое брожение в войсках на почве недовольства военной авантюрой не давало себя чувствовать,—являясь лучшей платформой для сближения казармы с революционной социал-демократией. Далее, я уверен, что в огромном большинстве российских пунктов процесс накопления революционной энергии в войсках уже дошел до той необходимой степени, когда энергия эта требует выхода. И не вина солдата в том, если непосредственное чувство, а порой и безумное отчаяние, подсказывают ему выход, с нашей точки зрения, не всегда желательный. Наша обязанность пойти навстречу тому исканию выхода, которое наблюдается в солдатских массах, помочь им разрешить вопрос о том, «что нужно делать»; наша обязанность возможно шире использовать ту огромную революционную энергию, которую может развить войско, в интересах восставшего пролетариата.

На очереди перед нами целый ряд вопросов о работе в войске: как подойти к солдату и с чего начать; как продуктивнее вести занятия; какого рода организация может являться наиболее устойчивой и целесообразной при данной специфической обстановке; каким образом связать отдельные ячейки в единую, сильную, общероссийскую организацию; какие, наконец, единые конкретные и истинно-революционные лозунги следует выдвигать на те или иные случаи. Посильному выяснению намеченных вопросов и будут посвящены наши последующие очерки.

Н. Чужак. (А. Насимович).

От редакции. В виду крайней важности выяснения вопроса о постановке агитации в войсках как в смысле подведения итогов уже сделанного в этом направлении, так и дальнейшей разработки вопроса о пропаганде редакция убедительно просит всех товарищей, живущих в России или за границей, а также все местные организации партии доставлять ей сведения по следующему вопроснику: 1) Количество войск в данной местности, с подразделением их по роду оружия, и состав по губерниям; 2) Ведется ли работа в войсках и каким способом: кустарнически или организационно; 3) Характер организации: кружки, военные группы,—при комитете, самостоятельно и т. д. (подробнее); 4) Как завязывались сношения с казармой; 5) С чем подходили к солдату, с чего начинали (с выяснения ли бесправного положения солдата, или с указания на преступность войны, и т. д.); 6) Как далее (и где) велись занятия; 7) Были ли работники из среды солдат; 8) Число организованных солдат; 9) Количество и характер выпущенных прокламаций к войскам (желательно их получить); 10) Делались ли попытки использовать объявление мобилизации в целях восстания (описать); 11) Какие конкретные (общие и частные) лозунги выдвигались и выдвигаются по отношению к войне, к восстанию; 12) Общее настроение войск и возможное поведение их в случае восстания; 13) Какие улучшения необходимы в работе; 14) Сведения о

ских организаций ехали по поручению своих организаций на съезд, а попали на конференцию! Конференция постановила не признавать решений III съезда, и отменить устав партии, принятый на II съезде! Конференция не смогла конституироваться как съезд,—ее решения суть решения совещательного собрания, подлежащие утверждению каждой отдельной организации. Полного перечня участников конференции нет, протоколов тоже нет. Организации меньшинства могут, следовательно, отвечать лишь да или нет на вопрос о признании ими той или другой резолюции. Таким образом, решающие голоса будут подаваться при невозможности видоизменять тексты резолюций и при отсутствии перед голосующими всего хода прений о резолюциях. Как будут подытоживаться эти решающие голоса, могущие разойтись при утверждении одной части и отмене другой части резолюции, аллах ведает. Перед нами—принцип бонапартистских плебисцитов в противоположность общепринятому в международной социал-демократии принципу демократического представительства. У нас — демократически выбранные и подотчетные представители полноправных организаций совещаются и решают. У них—представители плюс гости совещаются и предлагают, а полноправные организации говорят задним числом: да или нет. Трудно представить себе систему, более способную дезорганизовать социал-демократов. На практике эта система плебисцитов всегда вырождается в комедию.

«Организационный устав», принятый конференцией и состоящий из 13-ти параграфов, есть в своем роде перл. Созидается партийное здание из шести этажей в следующем порядке снизу вверх: 1) руководящий коллектив, 2) комитет, 3) областной съезд, 4) областной комитет, 5) конференция и 6) исполнительная коммиссия. Вообще говоря, низшая коллегия выбирает высшую. Но отношения между руководящим коллективом и комитетом определяются не началом выборов, а началом «соглашения», как думают новоискровцы, или началом «путаницы», как кажется нам. С одной стороны, комитет входит весь в состав руководящего коллектива вместе со всеми членами не только районных комитетов, но и «групп, работающих среди особых слоев населения». С другой стороны, «в районный комитет входит также представитель от комитета»!! С одной стороны, все существенные решения должны исходить от руководящего коллектива, с другой стороны, в экстренных случаях комитет действует самостоятельно «до опроса (!) районных комитетов». С третьей стороны, «комитет обязан периодически давать районным комитетам отчет о своей деятельности». При выражении комитету недо-

существующих военно-революционных организациях—районных и местных; 15) Как создать единую общероссийскую организацию.

Рабочий класс и его враги.

Решительная борьба российского рабочего класса со своими ненавистными врагами ничуть не уменьшается в своей напряженности и страстности, как бы ни кричали эти явные и тайные враги и сомнительные друзья об «утомлении» рабочих, о неудаче «майских демонстраций». Все ваши надежды и заверения, господа хищники, пустой самообман, показывающий лишь всю меру вашего страха! Борьба скорей разрастается, захватывая все новые и новые места рабочей России, обнаруживая все больше сознательности и солидарности в рабочем классе. Если рабочие не строют еще баррикад, то это показывает только, что для баррикад еще не приспело время, обнаруживает чуткость рабочих, купленную дорогой ценой кровавых январских дней. Но уже не далек, повидимому, тот момент, когда пролетариат также победоносно поведет борьбу за свои и народные политические права, как победоносна его экономическая борьба.

А экономические приобретения в общем довольно уже значительны. В целом ряде производств рабочие добились значительного повышения заработной платы и улучшения условий труда. Но особенно важны завоевания в смысле сокращения рабочего дня. Кое-где введен уже 8-часовой рабочий день, напр.: в Петербурге на патронном заводе, на заводе военно-врачебных заготовлений и на мебельно-столярной фабрике Мельцера; на сахарно-рафинадных заводах Киевской губернии, и на сахарном заводе Бродского в Соснице (Черниговской губ.); в Одессе на сахарно-рафинадном Александровском заводе и для всех пекарей; на большой фабрике бр. Морозовых в Твери, для рабочих-кузнецов города Бобруйска, для наборщиков Самары и некоторых других городов, для трамвайных рабочих в Тифлисе, для приказчиков в Лодзи, наконец, на рудниках у Владивостока. 9-часовой рабочий день само правительство вынуждено было ввести в своих железно-дорожных мастерских, во всех заводах морского ведомства и во всех портовых мастерских. Кроме того, в Петербурге 9-часовой рабочий день установлен на Обуховском сталелитейном заводе, а на Путиловском заводе его ввели сами рабочие. В Баку, в Варшаве, в Бердянске и некоторых других городах хозяева вынуждены были тоже согласиться на 9-часовой рабочий день. Еще больше можно указать случаев установления 10-часового рабочего дня.

Но без законодательного закрепления все эти завоевания не могут иметь очень важного значения, так как они не распространяются на весь рабочий класс, и, кроме того, легко могут быть утеряны. И удачи, и неудачи одинаково приводят рабочих к сознанию необходимости добиться влияния на законодательство. Царское правительство, обжегшись на коммиссии Шидловского, не решается уже больше играть с огнем, и поняло, что обморочить прозревший рабочий класс ему уже не удастся. Но тем сильнее должен быть его страх перед «красным призраком». История с комиссией по рабочему вопросу министра финансов Коковцева, ясно показывает это. Занятия этой комиссии прекратились, по слухам, на неопределенное время, так как некоторые члены комиссии, в которую были приглашены представители от промышленников, нашли правительственный законопроект о стачках и союзах рабочих слишком либеральным. Между прочим, противником законопроекта явился сенатор Шидловский, столь жестоко обиженный петер-

---

верия большинством членов районных комитетов он реорганизуется «по взаимному соглашению областного комитета и районных комитетов». Ни права, ни состав других партийных организаций (в том числе и районного комитета) вовсе не определены. Понятие членства партии, из-за которого меньшевики принципиально сражались на II съезде, вовсе выброшено за борт! До сих пор принцип «соглашения» между членами одной и той же организации или партии, во всех существенных вопросах программы и тактики между собою спевшихся, считался принципом анархизма. Социал-демократы всего мира в таких случаях проводили и проводят принцип подчинения меньшинства большинству. Новоискровцы хотят явить миру неувядаемый образец того, как оба эти принципа могут перемешиваться в самом «поэтическом» беспорядке. Недавно как-то попался нам на глаза экземпляр одной немецкой газеты с девизом: «Weder Autoritaet noch Majoritaet»—«ни авторитета, ни большинства». Принцип сродни новоискровской организации-процессу. Газета эта—орган немецких анархистов: «Der Anarchist».

При выборе центра («органа, объединяющего всю партийную работу») новоискровцы предпочитают прямым выборам непрямые, через выборщиков. Исполнительная комиссия выбирается не прямо представителями руководящих коллективов, а посредством четырехстепенных выборов! Отчего вдруг явилась нелюбовь к прямым выборам—аллах ведает. Некоторые думают: не повлиял ли уже на новоискровцев пример г. Струве, желающего установить для верхней палаты всеобщие, но не прямые выборы? Как именно будут производиться эти четырехстепенные выборы, это ведает тоже один Аллах, ибо в «уставе» об этом ни слова.

Само собою разумеется, что этот устав, красоты которого мы исчерпали далеко не все, брать всерьез было бы смешно. Никогда он применяться не будет. Шестиэтажная колымага, даже если бы ее удалось построить, не сможет сдвинуться с места. Значение этого устава не практическое, а принципиальное. Это—великолепная, бесподобная иллюстрация знаменитой теории «организации-процесса». Отныне даже слепому должно быть видно, что организация-процесс есть дезорганизация. До сих пор меньшевики выступали как дезорганизаторы по отношению к своим оппонентам, по отношению ко II съезду и созданным им органам. Теперь меньшевики выступают как дезорганизаторы по отношению к своим единомышленникам. Это уже настоящее возведение дезорганизации в принцип.

Нас не удивляет, что меньшевики начали с нарушения своего собственного устава. Никакого деления Рос-

бургскими рабочими во время его паясничества по поручению Николая. «Либерализм» Коковцева, конечно, историческая насмешка, но все-таки очевидно, что даже царское правительство, несмотря на все свое недомыслие и легкомыслие, начинает если не понимать, то чувствовать, что положение становится опасным.

А рабочие все сознательнее и решительнее начинают выступать, как политические борцы. В Петербурге и Москве в последних числах мая было несколько рабочих политических митингов, доходивших до нескольких тысяч человек. Так, напр., в Петербурге 30 мая на Косой линии Васильевского острова состоялась вечером сходка рабочих балтийского завода. Собралось до 6.000 человек. Вся улица буквально была запружена народом. Обсуждались текущие события, гибель флота, созыв народных представителей. Было постановлено добиваться немедленного созыва учредительного собрания. В тот же день в Москве, за Дорогомиловской заставой, состоялось с такой же целью многолюдное собрание рабочих, при чем произошло столкновение с полицией и казаками. 27-го мая на Путиловском заводе рабочие устроили митинг возле здания конторы, а накануне, 26 мая, в Серпуховской части Москвы была сходка рабочих, которая закончилась тем, что демонстранты стали стрелять в явившуюся полицию и конных жандармов. В Москве многолюдные сходки рабочих устраивались и 29-го мая в Сокольниках и за Калужской заставой.

В то же время экономическая борьба идет своим чередом. Самой яркой и дружной стачкой во второй половине мая является, несомненно, иваново-вознесенская, начавшаяся еще 12 мая и немедленно превратившаяся во всеобщую. Десятки тысяч рабочих собирались на площади перед управой и за городом на берегу Талки, жадно слушая горячие речи ораторов. Явившийся вскоре с войсками губернатор не отважился, повидимому, пустить сразу в ход оружие. 23-го мая рабочим стали мешать собираться на площади, но около полудня толпе в несколько сот человек удалось проникнуть туда. Тотчас выступил оратор. Так как войска мешали спокойному течению сходки, то стали раздаваться голоса: «На Талку!» И вот толпа рабочих, уже около 2.000 человек, сплотилась, выкинула красные флаги и двинулась с пением «Марсельезы», «Дубинушки» и «Варшавянки» через город на Талку, быстро увеличиваясь по пути. На Талке состоялось обсуждение событий этого дня. Через 1½ часа туда явился полицейский чиновник с «бумагой» от фабрикантов, в которой они соглашались начать переговоры с депутатами от рабочих. Но соглашение, повидимому, еще не состоялось. Рабочие разделили свои требования,—экономические направили к хозяевам, а политические послали министру финансов. Несмотря на продолжительность стачки, настроение у рабочих твердое. «Что же,—говорят они,—нам скверно, но и хозяевам не очень хорошо: карман-то похудеет! Невмоготу будет, станем на работу, месяца два поработаем, поправимся, а там опять забастуем!»

Вот какая гигантская сила пробуждается в русском рабочем!

В соседней с Иваново-Вознесенском Шуе тоже вспыхнула всеобщая забастовка. Начали ее рабочие с фабрики Небурчилова с целью поддержать иваново-вознесенских товарищей. «Дружное настроение стачечников особенно удивительно, если вспомним, что уровень развития шуйских рабочих очень низок и организации у них никакой не существует»,—наивно восклицает шуйский корреспондент «Русских Ведомостей», считающий себя стоящим, вероятно, на очень высоком уровне развития.

Солидарность, сознание общности интересов и необходимости всячески поддерживать друг-друга—явление естественное и понятное в среде пролетариата, крепко

сии на области они не наметили. Никакой исполнительной комиссии, даже предварительно, впредь до утверждения комитетов и организаций, они не выбрали. Конференция выбрала Организационную Комиссию, уставом не предусмотренную, и дала ей особые поручения! Теперь даже временные и частные соглашения с меньшевиками страшно затруднены, ибо никакого официального положения эта Организационная Комиссия не занимает и никакого решающего значения ее шаги иметь не могут. Кто хочет иметь дело с меньшевиками, пусть позаботится снестись с каждой отдельной их организацией и даже с каждым отдельным «паном», который может сказать: «не позвалям!»

Наконец, особенно поразительным является полное умолчание в «уставе» меньшинства о партийных органах и партийной литературе вообще. Органы есть («Искра», «Социал-демократ») и будут, но никакой связи между ними и партией «устав», принятый конференцией, не установляет. Это чудовищно, но это так. Литераторы—вне партии, над партией. Никакого контроля, никаких отчетов, никакой материальной зависимости. Нечто в роде того, что было в худшие времена оппортунизма французских социалистов: партия сама по себе, литераторы сами по себе. С этой точки зрения не случайно, может-быть, следующее постановление конференции. Резолюция о партийной (?) литературе: «Конференция признает необходимым, 1) чтобы Организационная Комиссия приняла меры к расширению возможности для партийных литераторов вести в легальной печати борьбу за теоретические принципы партии». Некоторый прообраз меньшевистской организации: группа неответственных и «независимых», незаменимых и незаменяемых, «партийных литераторов». А при них — комиссия, озабочивающаяся... легальным издательством!

Об этом типе организации трудно говорить серьезно. Чем ближе революция, чем ближе возможность открытого выступления в «легальной» печати социал-демократов, тем строже должна блюсти партия пролетариата принцип безусловной ответственности «партийных литераторов» перед партией, зависимости их от партии.

Что касается до тактических резолюций конференции, то они замечательно подтверждают заявление III съезда об оттенках с.-д., «родственных экономизму», о «суживании размаха партийной работы». Не будем говорить уже о невероятно небрежном редактировании резолюций, больше походящих на наброски мыслей, афоризмы, рассуждения и отрывки из черновых записей. В этом отношении с резолюциями конференции может конкурировать лишь «программа Союза Освобождения». Перед

связываемого воедино общим трудом и общей борьбой. В Одессе 3.000 рабочих Русского общества пароходства и торговли приступили к работам, когда Общество удовлетворило их требования о сокращении рабочего дня до 9 часов и о прибавке всем рабочим 20 коп. в день. При этом рабочие решили отчислять по 5 коп. с рубля в пользу тех рабочих, требования которых еще не удовлетворены (на заводе Рестеля, Фендерта и др.). Точно так же все рабочие железнодорожных мастерских на станции Одесса-товарная вычитают ежедневно по 4 коп. с рубля в пользу нуждающихся семей рабочих.

В конце мая экономическая борьба вообще стала вновь оживленнее. Стачки вспыхивают в разных местностях России, все больше захватывая и чисто-русские губернии.

В Москве забастовали ломовые извозчики, сначала находящиеся близ товарной станции Брянского вокзала, а затем и на товарной станции Ярославской дороги; последние, приехав утром, забаррикадировали ворота телегами и прекратили движение. В Москве же забастовали служащие городского трамвая, при чем «либеральная» управа решила, если они не станут в назначенный срок на работу, набрать новый штат. Кроме того, забастовали рабочие чайных фирм «Высоцкий», «Губкин» и «Кузнецов». А 26-го мая на Сухаревской площади собралась толпа приказчиков и потребовала закрытия магазинов. Явилась полиция и казаки, и произошла свалка.

Близ Москвы, в селе Богородском, была забастовка на фабрике резиновой мануфактуры, а также на фабрике Шибаевых, и вообще во многих пунктах Московской губернии «обнаружилось за последнее время с большой интенсивностью рабочее движение». Везде посланы предупредительным начальством войска.

В Орехове-Зуеве забастовали рабочие на фабрике Викулы Морозова. Из Москвы сообщают, что сей муж вследствие несогласия рабочих на его предложения хочет рассчитать 10.000 человек и набрать новых.

В Костроме бастовали 6.000 рабочих Кашинской мануфактуры.

В Ярославле местные капиталисты образовали под председательством Вахромеева тайный комитет для охраны своего имущества, жизни и здоровья. По их просьбе присланы казаки, которых члены комитета содержат на свой счет.

В Бердичевском и Таращанском уездах просходили забастовки на сахарных заводах и свекловичных плантациях.

В Харькове бастовали железнодорожные рабочие. Начальство старалось запугать числящихся в запасе рабочих тем, что они будут отправлены в распоряжение воинского начальника. Самодержавие даже из своих поражений хочет извлечь пользу! Но дела патриотов плохи. Харьковское общество ремесленников исключило из своего состава рабочих, состоящих членами «Русского собрания».

В Одессе бастовали телефонистки и служащие городской больницы, а также железнодорожные рабочие станции Одесса-порт. В Николаеве—черноморского котельного завода, в Александрии (Херсонской губ.)—все рабочие и приказчики; всеобщая забастовка происходила в Сухуме.

Но одно перечисление стачек заняло бы очень много места. Отметим еще лишь некоторые, наиболее удачные. Из Вильны сообщают, что общее присутствие полесских дорог постановило впредь никаких штрафов на рабочих и служащих не накладывать, в мастерских и депо ввести 9-часовой рабочий день, а по субботам—7-часовой; обращаться на «вы» и учредить в мастерских, с участием выборных от рабочих, коммиссию для разбора недоразумений между рабочими и железнодорожным начальством.

нами не точные, ясные директивы, даваемые высшим органом партии, а... проба пера некоторых партийных литераторов.

Возьмите содержание их. По жгучему вопросу о восстании вам не скажут, что оно стало «необходимо», что надо разъяснять не только политическое значение, но и «практически-организационную сторону» его, что надо «организовать пролетариат» с этой целью и «создавать по мере надобности особые группы» (резолюция III съезда). Нет. Вам скажут сначала, что возможность приурочить восстание к назначенному сроку и подготовить его конспиративно-организационными средствами «исключается»,—а затем вы прочтете, что при расширении агитации и организации возможно превращение стихийных движений в «планомерные восстания». И эта путаница должна дать идейное руководство партии пролетариата! III съезд Р.С.-Д.Р.П. повторяет и подтверждает все старые истины о пропаганде, агитации, об общедемократическом движении и т. д., но добавляет к этому новую задачу: организовывать пролетариат для восстания, выяснять «практически-организационную сторону» новых приемов борьбы, решительной борьбы за свободу. Конференция говорит только о «подготовке восстания» вообще, повторяет только зады об агитации и организации вообще, не решаясь наметить самостоятельно никакой новой задачи, не давая никакого руководящего лозунга о необходимости шага вперед, от подготовки вообще, о которой мы говорим с 1902 года, к практически организационной постановке дела. Точь в точь старые экономисты. Когда выступили на сцену новые задачи политической борьбы, их стали принижать, разменивать на стадии, соподчинять задачам экономической борьбы.

Не только экономическая борьба, но и политическая в самых широких и смелых формах,—говорили революционные социал-демократы. Лучшее средство для политической агитации есть экономическая борьба,—отвечали экономисты. Не только пропаганда и агитация вообще,—говорят теперь революционные социал-демократы,—не только выяснение политического значения восстания, но и создание особых групп, немедленный приступ к практически-организационной работе, «самые энергичные меры к вооружению пролетариата». Планомерное восстание исключается,—отвечают новоискровцы,—надо расширять агитацию, укреплять организацию, подготовлять превращение стихийного в планомерное; только на этой почве «может быть приближен момент восстания», «могут приобрести более или менее серьезное значение технически-боевые приготовления»...

Для них еще не «приблизился» момент восстания! Для

Установлен 9-часовой рабочий день и в Минске на чугунно-литейных, механических и машиностроительных заводах. Там же удовлетворены все требования рабочих в типографии Некрасова.

В Гродно длившаяся месяц забастовка на табачной фабрике Шершевского кончилась. Плата увеличена до 30%.

Вспыхнула дружная общая забастовка в Тюмени. 30-го мая собрание заводчиков согласилось удовлетворить целый ряд требований рабочих: 9-часовой рабочий день, увеличение платы на 25%, праздничный отдых и медицинская помощь.

Борьба, таким образом, не прекращается ни на минуту. В ней рабочие выковывают себе опыт и понимание зависимости между своим экономическим и политическим положением. Как борьба экономическая приводит их к сознанию необходимости свержения полицейско-самодержавного порядка, связывающего их по рукам и ногам, так и политическая борьба раскрывает им причины их недостаточного политического развития—бедность, каторжный труд, отупляющую обстановку жизни. И обе эти сферы интересов рабочего, сталкиваясь и способствуя одна другой, все настойчивее заставляют его бороться на оба фронта: за экономические реформы с капиталистами, за политическую свободу с самодержавием. И то упорство, с которым российский пролетариат уже пять месяцев борется за лучшие условия жизни, то упорство, с которым он уже отвоевал столько позиций, как это я старался показать в моей заметке, ручается нам за то, что и его политическая борьба не будет бесплодной, что она даст ему свет и воздух, необходимые для роста и развития рабочего класса.

М. Южин (М. Васильев).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Пермь. В последнее время наш город был разбужен целым рядом событий. 14-го мая были две политические демонстрации. Поводом послужило следующее обстоятельство: в этот день, в 12 час. утра, было назначено частное собрание педагогов в доме Мешкова, для ознакомления со всероссийским союзом учителей и для образования такового у нас. Но, к великому удивлению, дом оказался окружен полицией, конной и пешей. Уже тут было несколько столкновений с полицией, она арестовала несколько лиц (7 чел.), а публика отбивала и никого арестовать не дала. Публика была вся интеллигентская (рабочих мало), человек 300 толпились около дома, потом двинулись к Сибирской ул., запели марсельезу и с обычными возгласами «долой самодержавие» и др., дошли до губернаторского дома. На Сибирской еще примкнула публика, так что было около 1.000 ч. Тут толпа была встречена полицией, которая вежливо просила разойтись. Толпа потребовала удаления полиции. Полиция удалилась и толпа разошлась. Тогда чел. 60—70 собралось в частном дворе для выработки плана дальнейших действий,—предполагали жаловаться на администрацию. Все были здесь переписаны и разогнаны, при чем солдаты пускали в ход кулаки и нагайки. Однако, по всей улице стояла громадная толпа, крича: «долой самодержавие». Попытки разогнать водой (вызвали пожарную команду) не привели ни к чему: толпа продолжала двигаться по Сибирской и разошлась только к 5 час. вечера. В 8½ ч. вечера на бульваре (городской сад) была произведена новая демонстрация. Было тысячи 1½ рабочих и интеллигентов. С красным знаменем и пением марсельезы прошлись по главной аллее раз 5, затем остановились и ораторы произнесли несколько политических речей. Оттуда толпа направилась к проспекту. Он оказался заперт, но ворота в нем были разломаны. На проспекте, у Б. Ямской, манифестанты были встречены полицией. Были выстрелы как с той, так и с другой стороны. Ранен полицейский (кажется, уже умер), из демонстрантов никто не пострадал. Полиция после выстрела рассеялась. Здесь уже было тысячи три. Один запасной пытался-было отнять знамя, но был избит и вытолкан из толпы. Затем толпа двинулась по Б. Ям-

---

них практические приготовления только еще «могут приобрести» «более или менее серьезное значение»! Разве это не хвостизм чистейшей воды? Разве это не принижение «неотложной» (по мнению III съезда) задачи, для выполнения которой нами сделано еще страшно мало? Разве не пятятся эти люди назад, от восстания к агитации, как пятились экономисты от политической борьбы к экономической борьбе с хозяевами и с правительством? Прочтите, как пятится г. Струве в № 71 «Освобождения» от лозунга: вооруженное восстание, как оспаривает этот вождь либеральной буржуазии его неизбежность (стр. 340), как старается он принизить значение «революции в техническом смысле», как «у г л у б л я е т» он лозунг восстания указанием на «социально-психические условия», как заменяет он этот лозунг лозунгом «пропитывания масс идеями демократического преобразования»,—и вы поймете, какое глубоко-развращающее влияние на пролетариат должен оказывать хвостизм новоискровцев, кому играет он на руку.

Другой насущный политический вопрос: о временном революционном правительстве. Резолюция III съезда ставит его ясно и отчетливо. В мотивировке—борьба за республику; возможность завоевать ее лишь при полной победе восстания; необходимость созыва учредительного собрания временным революционным правительством для действительного обеспечения свободы и правильности выборов; необходимость готовиться к борьбе с буржуазией за охрану завоеваний революции. Выводы съезда и директивы его: надо выяснять пролетариату необходимость временного революционного правительства. От этого правительства пролетариат должен требовать точно определенных вещей, именно: осуществления всей программы-минимум. Участие социал-демократов в правительстве (действие «сверху») допустимо; цель этого участия указывается точно (беспощадная борьба с контр-революцией и отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса). Условия участия указываются не менее определенно; формальное условие—строгий контроль партии; материальное условие, т.-е. условие целесообразности участия,—неуклонное охранение независимости социал-демократии, подготовка условий социалистического переворота. Этот перечень условий участия в правительстве, условий давления сверху, как новой, только революционной эпохе свойственной формы деятельности, дополняется указанием на формы и цель постоянного и во всяком случае обязательного давления снизу,—давления на временное революционное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата. В общем и целом перед нами—полный ответ на н о в ы й политический вопрос, точное указание

ской к Сибирской с пением марсельезы и, дойдя до дома губернатора, произвела в его окна несколько выстрелов. Часов в 11 вечера нагнали солдат и стали просить разойтись, грозя в противном случае стрелять. Толпа разошлась. Подъем настроения у публики громадный.

25-го началась забастовка в Мотовилихе. Выставили 21 требование, часть их удовлетворена. Принялись за работу 30-го. Массовки доходили до 3.000 чел. Речи произносились чисто-политического характера.

27-го забастовали ж.-д. мастерские и 28-го опять приступили к работе. Бастуют рабочие мастерской Кузовникова.

Петербург. 20-го июня (н. ст.) во всех иностранных газетах появилась чрезвычайно интересная телеграмма (агентства Гаваса), в русских газетах не прошедшая, — о попытке русских офицеров собраться в Красном Селе для обсуждения положения войска в данный момент по отношению к обществу. Приводим полный текст телеграммы по «Matin».

«Петербург, 19-го июня (6-го по русскому стилю). Много известных офицеров собралось в Красном Селе для обсуждения положения войска в данный момент по отношению к обществу. На собрание явился прикомандированный к начальнику гвардии генерал Ребиндер и потребовал немедленного прекращения собрания, в виду его нелегальности. Но тут выделилась группа офицеров и, начав с изъявления своей верности царю, заявила, что они ни в коем случае не могут оставаться на положении полиции, до которого они низведены уже в течение нескольких месяцев. Положение это совершенно отделило их от общества, по отношению к которому они играют в некотором смысле роль палачей; с целью обсудить это положение они и решили собраться. Генерал Ребиндер все-таки потребовал, чтобы они разошлись, и обещал созвать их в ближайшем будущем на легальное собрание».

Так неизбежно, под влиянием событий, раскрываются глаза у самих «палачей» и столь же неизбежно ускользает из рук самодержавия все большее и большее число его вчерашних защитников.

Люблин. Собственный корреспондент берлинской газеты «Lokal-Anzeiger» из Лемберга сообщает следующий факт. Два унтер-офицера из стоящего в Люблине 67-го уланского полка, командированного в Манчжурию, прибыли в Лемберг и рассказали, что они вместе со 160 чел. их эскадрона, под начальством ротмистра Тумаковского, в полном вооружении перешли границу в Цишанах, где оставили своих лошадей и оружие в окружном управлении, а сами рассеялись по всей Галиции. Мотивом к такому поступку является нежелание эскадрона итти на верную смерть в Манчжурию.

Ветка (Могилевск. губернии). Настроение обывателей было очень возбужденное. Когда услыхали о приезде товарища из Полесского к-та, целый день не уходили с улицы, боясь пропустить речь. В половине девятого вечера на одной из улиц, вблизи рабочего клуба, собралась маленькая группа людей. Со всех сторон тотчас начали примыкать к ней другие, и моментально собралась толпа до 2.000 человек. Присутствовали все слои местного общества.

Оратор в горячей речи выяснил недостатки существующего строя и призывал предъявить требование прекращения войны и созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов. Полиция бездействовала. Один из представителей местной администрации спокойно стоял на углу улицы, слушая довольно отчетливо долетавшие до него слова оратора.

Пол. Ком.

ИЗ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

Имеретинско-Мингрельский Комитет. Движение у нас растет не по дням, а по часам. Там, где год назад с трудом можно было собрать двадцать-тридцать человек, теперь по первому же зову собирается несколько тысяч. Главным и единственным импульсом движения являются разыгрывающиеся на глазах массы политические события, и массы с болезненною чуткостью прислушиваются ко всяким известиям и слухам, идущим из городов России. Поток стихийного движения сразу поглотил крестьянство Шарапанского, Кутаисского, Рачинского и Лечхумского уездов.

Началось сильное брожение, лишенное всякой организованности и сознательности, а потому сопровождаемое грабежами, насилиями и поджогами, направленными, главным образом, против помещиков-дворян и князей. Сословная

значения новых форм борьбы, цели их, программы этой борьбы, условий допустимости их.

А в резолюции конференции? Начинается эта резолюция вопиюще неверным утверждением, будто «решительная победа революции над царизмом» может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, «либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать всенародное учредительное собрание».

Можно и должно давать партии тактические указания и на случай победы и на случай поражения восстания, и на случай созыва действительно учредительного собрания революционным путем, и на случай созыва царем какой-нибудь карикатуры на народное представительство. Но называть решительной победой то, в чем недостает самого решительного условия для победы, значит вносить смуту в революционное сознание, а не руководить таковым. Любое «решение» любого представительного учреждения организовать учредительное собрание так же далеко еще от решительной победы, как слово далеко от дела, ибо царская власть держит в руках силу, способную помешать слову стать делом. Резолюция новоискровцев—точь в точь утверждение старых экономистов, что-де решительной победой рабочих может быть либо завоевание ими 8-часового рабочего дня, либо дарование правительством 10-часового рабочего дня, от которого рабочие перейдут к 9-часовому.

Резолюция конференции повторяет несомненные положения марксизма о буржуазном характере демократической революции, но придает им узкое или неправильное толкование. Вместо боевого лозунга: республика, нам дает описание процесса «ликвидации монархического строя». Вместо указания условий и задач нового приема борьбы «сверху», возможного и обязательного при успехе пролетарского восстания в эпоху революции, нам дают положение «оставаться партией крайней революционной оппозиции». Положение это очень хорошо для парламентской борьбы, очень хорошо для действия снизу, но оно как-раз недостаточно во время восстания. В такое время задача «оппозиции» состоит в насильственном свержении правительства, а по этому вопросу конференция не умела дать руководящего лозунга.

Допуская частичный и эпизодический «захват власти» в отдельных городах и районах, резолюция конференции отказывается от «принципа» новой «Искры», будто участие во временном революционном правительстве вместе с буржуазией есть измена пролетариату, миллеранизм и т. п. Частичная и эпизодическая измена не перестает быть изменой. Но ограничение задачи отдельными городами или районами не решает ее, а только раздробляет внимание и разбивает вопрос на частности,

рознь и вражда все обострялась и близился час жестокой кровавой расправы. Комитет был застигнут врасплох; в его распоряжении не оказалось достаточного контингента пропагандистских сил, чтобы сразу взять все движение в свои руки, между тем, как эти дикие проявления недовольства поднявшейся на ноги крестьянской массы стали приписывать инициативе социал-демократии. Наконец, комитет, стянув пропагандистов из других мест, а отчасти завербовав их из бастующей учащейся молодежи, собрал необходимые силы и стал во главе движения. Началась усиленная работа во всех уездах: организация кружков, агентур, судов, распространение листков, пропаганда и агитация. Успехи этой работы сразу начали обнаруживаться: крестьянство, просветленное лучами сознания, уняло расходившиеся страсти и начало действовать более вдумчиво, рассудительно. Однако, по мере того, как работа углублялась и движение разрасталось вширь, все с большей остротой ощущался недостаток пропагандистских сил. Рост революционного движения всегда далеко обгонял рост кадра сознательных социал-демократов, но теперь это явление стало наблюдаться в самых широких размерах и потому оно не могло не отразиться на характере пропаганды и агитации среди крестьян.

Наша организация овладела движением посредством массовых агитационных сходок и митингов; программа, выработанная на-спех для руководства, носит характер полупропагандистский, полуагитационный. Она представляет, главным образом, популяризацию социал-демократической программы-минимум, широко обсуждает вопрос о самодержавии и исторической необходимости его свержения. Она касается в общих чертах также конечной цели пролетариата — социализма, роли социал-демократии, как руководительницы пролетарского движения, и организации российской партии. Недостаток времени и сил, к сожалению, не позволяет широко и детально популяризовать нашу программу-максимум. Эту работу приходится поневоле вести в более тесных рамках.

Организованы социал-демократические кружки по деревням из наиболее пролетаризованных, сознательных и революционных элементов, с которыми ведутся систематические занятия. Наличность таких социал-демократических ядер в деревнях обеспечивает дальнейший успех работы и руководство нашей партии как в революционную, так и послереволюционную эпоху, в эпоху борьбы за парламент и в парламенте. Эти ядра являются центром тяготения для нашей все более и более пролетаризирующейся крестьянской массы, проводниками социал-демократического сознания в сельский пролетариат, сильным оплотом нашей партии в ее работе. Все деревенское население здесь подразделяется на три экономические категории: на пролетариат, полупролетариат и мелкую буржуазию, и все эти категории пока одинаково вовлечены в движение. Дворянский элемент распределяется по категориям, но присутствие его сильно чувствуется в среде сельской буржуазии. Мелкое дворянство при первых шагах движения пыталось сохранить и защитить свою юридическую привилегированность, свою сословную обособленность. Теперь, убедившись в тщете своих усилий, оно почти везде повально переходит на сторону крестьян и скоро мирится с идеей юридического равноправия. Но оно, как и всякая буржуазия, проникнутое буржуазными классовыми интересами, падкое на эксплоатацию чужого труда, не так легко и скоро соглашается на те арендные нормы, которые вырабатываются комитетом и представляются арендаторами-крестьянами, — нормы, урезывающие их экономическое благосостояние в пользу неимущего класса. Во вновь вовлеченных в движение районах сельская буржуазия некоторое время продолжает обыкновенно упорствовать, оставляя земли без обработки, но безвыходность положения скоро дает себя чувствовать, и упорство разбивается о несокрушимую и единодушную стачку крестьян-арендаторов. Интересы землевладельцев и малоземельных крестьян сталкиваются, разгорается борьба — жестокая и упорная там, где движение только начинает пускать корни, мирная и кратковременная там, где оно уже окрепло; но результаты борьбы приходится наблюдать почти везде одни и те же: дворянство уступает напору разрастающегося движения, силе крестьянской стихии; оно волей-неволей складывает оружие, но в сердце продолжает таить злобу и недовольство.

Как в борьбе с землевладельцами, так и в борьбе с духовенством и правительственными учреждениями организация является крепостью, а бойкот — боевым оружием. Во всех деревнях и во всех районных центрах — местечках давно уже фактически упразднены все канцелярии, суды и полицейские правления. Их несоответствие развившимся жизненным потребностям уже сознано всеми, и эти учреждения

запутывая его. Наконец, лозунг: «революционные коммуны», данный в резолюции конференции, по своей неясности приближается просто к фразе, в отличие от лозунга: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Вся резолюция новоискровцев о временном революционном правительстве грешит тем же грехом, что и их резолюция о восстании: неумение определить новые тактические задачи момента, повторение задов вместо призыва итти вперед, отсутствие руководящего лозунга для передового класса в демократической революции, принижение задач и размаха деятельности этого класса, его революционного энтузиазма и революционной энергии. Политическая тенденция этой ошибочной тактической линии—приближение новоискровства к освобожденству, уступка руководящей роли в демократическом перевороте либеральной буржуазии, превращение пролетариата в простой придаток ее.

На других, менее важных, резолюциях конференции указанный основной недостаток тоже сказывается. Например, вместо лозунга: осуществление революционным путем 8-часового рабочего дня (резолюция III съезда), выдвигается лишь старый, недостаточный в настоящий момент, лозунг агитации за законодательное установление 8-часового рабочего дня. Вместо немедленной организации революционных крестьянских комитетов предлагается лишь предъявление требования об их учреждении к учредительному собранию. Вместо лозунга: борьба с непоследовательностью, ограниченностью и недостаточностью освободительного движения буржуазии, везде, где эти свойства проявляются (резолюция III съезда),—резолюция конференции, повторяя ошибку Старовера, преследует химерическую задачу: найти «лакмусову бумажку», перечислить «пункты», выполнение которых позволяет назвать буржуазного демократа не лицемерным другом народа. «Пункты» новоискровской резолюции оказались, конечно, сразу неполными. Отсутствует лозунг республики. Выходит, что демократическая группа вроде «Рос. Освоб. Союза» («Пролетарий», № 4) подходит под эти «пункты», хотя на деле никаких гарантий против преобладания освобожденцев в этой группе нет.

Само собою разумеется, что в газетной статье мы могли только в самых общих и кратких чертах наметить основную ошибку всей тактической линии новоискровства, выразившейся в резолюциях конференции. Насколько несерьезна их «организация-процесс», настолько серьезны и важны для партии ошибочные тенденции их тактики. Поэтому мы подробно разберем эти тенденции в особой брошюре, которая уже печатается и выйдет в свет в самом непродолжительном времени.

потеряли всякий смысл в деревне и прекратили свое зловредное существование. Духовенство постигла также горькая участь. Высасывавшее последние соки из крестьянского населения, распространявшее тьму и разврат, привыкшее нахальничать и насильничать, оно разбито теперь наголову и робко ползает у ног победителя. Крестьяне перестали платить им ежегодный подымный налог, а норма вознаграждения за священнодействия, до сих пор произвольно определяемая самими священниками, теперь определяется крестьянами, и хотя вознаграждение это представляет, может-быть, десятую долю того, что было раньше, но священники и за это премного благодарны, потому что «не те времена» *). На бойкот все смотрят, как на самое ужасное несчастие, которое может постигнуть человека. Сельчанин, подвергшийся бойкоту, живет как прокаженный, все без исключения—и родственники, и соседи, и товарищи — порывают с ним всякие отношения: не здороваются, не говорят, не принимают в свою среду. Даже в моменты семейных несчастий — болезни или смерти члена семьи — никто к нему не заглядывает, и ему одному при помощи своих же приходится тащить гроб на кладбище. Бойкот снимается только тогда, когда бойкотируемый перед всем сходом сознается в своей вине, кается в своих грехах и дает клятвенное обещание быть с народом и служить ему. Ячейкой организации является кружок, состоящий из десяти человек со своим представителем, называемым десятским. Десятские связаны с одним или двумя (зависит от территориальных размеров деревни и густоты населения) сотскими, а сотские с общественными представителями (сельское общество включает в себя средним числом 6 деревень), выбранными всеми сельчанами при участии агента комитета, назначенного комитетом для всего района (каждый район включает средним числом 7 обществ). А в непосредственных сношениях с этим последним находятся общественные представители. Комитетское решение, касающееся какого-нибудь кружка в какой-нибудь деревне, идет следующим путем: через агента оно передается общественному представителю, через него сельскому представителю, а через этого последнего кружковому представителю. Таким же путем идут в деревни пропагандисты, агитаторы, литература и т. д. Таким же путем поступают из деревень различные требования, жалобы, кассовые взносы и т. д. Этот путь организационно закреплен, он известен всякому, и иным путем в деревнях с хорошей организацией нет никакой возможности проникнуть в массу.

Хвойники. (Речиц. уезд., Минск. губ.). Четыре года назад в речицком окружном суде хвойницкие крестьяне проиграли «дело» с помещиком Куриндиным о спорном участке земли. Тогда же крестьяне, возмутившись несправедливым решением суда, по которому они должны были отказаться от своих законных прав на землю, составляющую их прямую собственность, решили не уступать этой земли и продолжали обрабатывать ее. Куриндин вызвал сюда войсковые части и ему удалось усмирить «взбунтовавшихся» крестьян. К тому времени крестьяне раздобыли где-то «документы», которые ясно говорили за то, что спорная земля принадлежала их отцам и дедам, и они снова решили прибегнуть к правосудию. Переправили они куда следует эти самые «документы» и ждут крестьяне, дожидаются повестки о пересмотре их дела. Волнения улеглись на-время, так как крестьяне, уверенные в справедливости суда, избегали всяких осложнений и стычек с помещиком.

Прошло с тех пор три года, а повестки не получаются, о «документах» и апелляции ни слуху, ни духу... Тут-то крестьяне поняли свою роковую ошибку и стали чинить свой суд и расправу. Они отмежевали себе принадлежащую им землю и лес, которыми и стали пользоваться по своему усмотрению.

Помещик вытребовал сюда две роты солдат для усмирения «мятежников», но солдаты оказались мало пригодными для этой цели: они — запасные и, сочувствуя своим друзьям, отказываются действовать вооруженной силой. После того, как солдаты не повиновались троекратной команде «стрелять!», потребовали экстренно казаков. Казаки теперь уже прибыли туда, обласканные помещичьими пятирублевками, стали по своему обыкновению неистовствовать... Как только приехали, сейчас же зарезали корову, заставили крестьян очистить свои квартиры для них, начали их объедать и разорять. Крестьяне пока держатся крепко. Скот они угнали в соседние деревни, опасаясь расправы над ним казаков. Собрали между собой 500 руб. для пострадавших и упорно отстаивают свои права.

Все эти волнения, как передают, происходят стихийно, а не под руководством какой-нибудь организации.

(Сообщено Полесским Комитетом).

*) Для курьеза привожу следующие, вполне верные факты: в некоторых деревнях священники по требованию крестьян пропускают в ектениях упоминание царя с его семейством. А в Сванетии пошли еще дальше: в ектениях, вместо пропущенных слов, вставляется благословение имеретино-мингрельскому социал-демократическому комитету.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Сестрорецк. Сестрорецкий оружейный завод до сих пор стоял вне рабочего движения. За все его почти двухсотлетнее существование здесь не было никаких, даже чисто местных волнений. Изолированность сестрорецкого района и некоторые неблагоприятные местные условия до самого последнего времени препятствовали развитию здесь организованной пропаганды, а попытка «Союза Борьбы» присоединить сестрорецкий оружейный завод к общей петербургской забастовке 1896 г. кончилась полной неудачей. В настоящее время все препятствия, мешавшие присоединению к партии этого крупного и важного во многих отношениях завода, могут считаться устраненными. Рабочие сестрорецкого оружейного завода бесповоротно захвачены общероссийским освободительным движением, и наша пропаганда делает здесь быстрые успехи. Уже 10-го января, немедленно по получении известий о петербургском избиении, завод начал забастовку, первую за все время своего существования. Забастовка продолжалась три дня и прошла сравнительно спокойно, хотя на другой же день в Сестрорецк нашли нужным вызвать по телеграфу два батальона Печерского полка и эскадрон драгун. Рабочими была отслужена панихида по убитым в Петербурге, а затем предъявлен к заводской администрации ряд экономических требований, согласованных в общих чертах с нашей программой-минимум (в том числе и требование 8-часового рабочего дня). Администрация, не без основания опасавшаяся, что движение может принять политический характер, предоставила в распоряжение аудиторию народной читальни и усиленно завертела лисьим хвостом.

Начальник завода генерал Дмитриев-Байцуров «благосклонно» беседовал с рабочей депутацией, а явившаяся на сходку полиция уверяла рабочих, что все их требования будут удовлетворены, если они не коснутся «политики» (характерно, что не далее, как за два дня до начала стачки местная полиция «ручалась» петербургскому губернатору за спокойствие сестрорецких оружейников). Администрация сделала несколько уступок. Были отменены «обыски», увеличена заработная плата на 20% (не исключая и чернорабочих), изменен прежний порядок расплаты и полностью выплачена заработная плата за время рождественских праздников (за 2 недели). Кроме того, было удовлетворено требование рабочих об удалении помощника начальника завода, полковника Залюбовского, применявшего здесь зубатовскую политику. Вторая забастовка, также на почве экономических требований, продолжалась три дня и прошла без особых инцидентов. Агитационное значение этих стачек, при всей скромности выставленных тогда требований, было громадное. Даже менее развитые рабочие стали собираться в кружки и нарасхват брать социал-демократическую литературу. С половины марта здесь удалось систематически устраивать ряд агитационных собраний (массовок), на которых собиралось до 200 рабочих. В конце апреля был распространен сработанный на мимеографе листок к сестрорецким оружейникам (в количестве тысячи экземпляров), призывавший местных рабочих в ряды российской партии. Впечатление, произведенное этим листком, в связи с успехом устной агитации, настолько подняло дух местных рабочих, что ими ре-

шено было отпраздновать свое присоединение к партии забастовкой и демонстрацией, приуроченной к 1-му мая (по новому стилю).

Сделанная в этом направлении попытка, к сожалению, не увенчалась успехом, что следует приписать исключительно некоторым чисто-техническим ошибкам, допущенным при устройстве демонстрации. В настоящее время, как пропаганда, так и массовая агитация успешно продолжаются, несмотря на заметный недостаток литературы.

Насколько успешно воспринята здесь политическая пропаганда, можно судить по состоявшемуся 20-го мая приговору сестрорецкого сельского общества (коренные сестрорецкие рабочие составляют сельское общество). Большинством голосов постановлено требовать: 1) созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, 2) амнистия всем политическим, 3) уничтожения всех полицейских обязанностей избираемых обществом должностных лиц.

Настроение как местных, так и пришлых рабочих (таких здесь до 500 человек) бодрое и приподнятое. До сих пор не было ни одного обыска и ареста.

Саратов. До первой (январской) забастовки среди нас, типографов, было очень мало сознательных рабочих. Совсем другое дело после забастовки, когда местный комитет социал-демократической партии принял горячее участие в составлении наших требований и руководстве нашими собраниями (собрания типографщиков устраивались в помещении общества книгопечатников), где нам впервые выясняли необходимость и значение политической борьбы. Тотчас же после забастовки стали организоваться кружки типографов. В эти кружки мы ходили охотно и передавали своим товарищам в мастерских все то, что нам в этих кружках говорилось. К майской забастовке мы готовились заблаговременно. 10 апреля было собрание за городом (на Лысой горе) рабочих всех цехов: слесаря, столяры, портные, типографы. Собрались наиболее сознательные в количестве 150—200 чел. Оратор социал-демократического комитета сказал речь, в которой говорилось о предстоящем рабочем празднике и о том, что необходимо его отпраздновать и нам. Как его отпраздновать, высказывались сами рабочие, и, за исключением человек 6-ти, все единодушно высказались за то, чтобы 1-е мая отпраздновать забастовкой, которая должна носить политический характер. На 3-й день пасхи было тоже назначено собрание на том же месте. Рабочих пришло гораздо больше; но мы были встречены драгунами и казаками (очевидно, администрация была кем-то оповещена), и собрание не удалось. Недели за 3 до первого мая было собрание типографов за городом, но уже в другом месте. Собралось нас человек 80—90 (были по нескольку представителей от каждой типографии), и все типографии, кроме губернской, которая работала и в первую забастовку, решили первого мая бросить работу и выставить вместе с экономическими и политические требования. Требования вырабатывались совместно с соц.-дем. комитетом.

1-го мая собрание происходило в Парусиновой роще. Собралось около 2.000 человек; из них рабочих была половина. Выкинули красное знамя соц.-дем. рабочей партии с надписью: «Да здравствует 1-е мая, учредительное собрание, 8-часовой рабочий день! Да здравствует демократическая республика!» Собрание открылось речью оратора от комитета. Затем говорили рабочие механического завода Беринга и др. При входе в рощу стояли солдаты, но не мешали, а на самое место собрания приезжали 3 казака и, прочитавши развешенные на деревьях первомайские прокламации, уехали и больше не появлялись. 2-го мая первыми бросили работу три газетные типографии, а потом и все частные. Частные типографии бастовали $2^1/_2$ дня и, почти ничего не добившись, принялись за работу. Вечером 2-го мая собралось в Парусиновой роще более 3.000 рабочих. Первую политическую речь сказал комитетский оратор. Потом говорили рабочие: слесаря, типографы, портные, столяры и т. д. Собрание прошло в порядке. Солдат и казаков стояло вдалеке еще больше, чем 1-го мая; но они не вмешивались. 3-го мая рабочих собралось еще больше. Говорили политические речи почти одни рабочие. Говорилось также и о том, чтобы держались, как можно дольше. Некоторыми ораторами было предложено пройтись мирной демонстрацией по городу. Но оратор соц.-дем. комитета заявил, что комитет этого делать не советует и слагает с себя всякую ответственность за последствия демонстрации. Огромное большинство рабочих согласилось с этим заявлением, и собрание разошлось. Мельницы не бастовали потому, что посланную к ним депутацию из механических заводов арестовали на дворе одной мельницы. Любопытное столкновение произошло у нас, газетных наборщиков с нашими либеральными редакторами-издателями двух газет: «Саратовского Дневника» и «Саратовского Листка». Когда мы предъявили им наши требования, то они и слушать не хотели. «Можете, говорят, получить расчет, если не хотите работать». Расчет мы получили. Между тем, в третьей газете—«Приволжский Край» все требования были сразу удовлетворены. Тут мы смекнули, что нам нужно соединиться вместе и действовать сообща. Решили оказать давление на хозяев этих двух газет. Взяли все общими силами, да и набрали телеграммы для «Приволжского Края». Распродали их массу. Не выдержали наши либералы хозяева и в этот же день вечером звонят нам по телефону (в это время мы все были в типографии «Приволжского Края»): согласны, мол, на все ваши требования. Таким образом, мы сразу поняли уже на деле, что значит «единение». После этого между нами решено было организовать «Союз Типографщиков». В настоящее время часто устраиваются собрания типографов. Под руководством соц.-дем. комитета вырабатывается устав нашего союза.

Во время забастовки были распространены следующие прокламации: «1-е мая», «Манифест петербургских рабочих», «Призывной листок», «К гражданам». Потом: «Извещение о конференции соц.-дем. съезда» (?), «Крестьяне, к вам наше слово»; «Они заговорили»; «О войне»; «К гражданам» (Манифест и рескрипт 18-го февраля и задачи революции) и много других.

Наборщик.

Самара. Сегодня, 6-го июня, у нас за городом было массовое собрание. На собрании присутствовало около 200 человек. До начала занятий публика пела революционные песни. Сначала говорил один товарищ об отношении социал-демократии к мелкой буржуазии. Охарактеризовав мелкую буржуазию, он перешел к тем лозунгам, которые она выставляла во время, например, французской революции, и какие выставит у нас, и затем отсюда вывел отношение к ним. Из вопросов, заданных ему слушателями, особенно интересным был вопрос о том, что сделает революция для крестьянства. Здесь товарищу пришлось говорить о социалистах-революционерах и о нашей аграрной программе. Потом говорил другой товарищ о той петиции, которую выработали представители земств и городов. Этот товарищ очень живо сказал свою речь и разобрал буквально по косточкам почтенных земцев и думцев, составлявших эту петицию, и потом определил наше отношение к ним. Собрание прошло очень живо и интересно. Характерно то, что на собрания являлись целыми семьями. Когда возвращались с собрания, товарищи начали петь и так с песнями доехали почти до самого города. Работы у нас после майской забастовки очень много. Связи с рабочими страшно увеличились. Среди солдат, которые, между прочим, тоже были на собрании, тоже работаем, хотя до сих пор трудно налаживалась организация. Но теперь, надо полагать, работа среди солдат пойдет успешнее, так как несколько товарищей взялось специально за организацию солдат.

Одесса. Майская забастовка в Одессе, начавшаяся 27-го апреля с фабрики Левина, продолжается до сих пор, охватив большую часть фабрик и заводов. Прежде всего вспыхнуло движение в районе слободки Романовки и носило здесь несколько особенный характер благодаря чисто-топографическим условиям. Кругом слободки, по соседству фабрик и заводов, находятся сады, пустыри, откосы и тому подобные места, мало посещаемые и удобные для собраний, чем широко воспользовались рабочие. 2-го мая забастовали рабочие железного завода Шполянского и спичечной фабрики Бродского; 3-го мая утром они начали обсуждать требования для предъявления фабриканту. Рабочие завода Шполянского собрались на откосе холма вблизи завода; их было больше 300 человек. К ним подошли рабочие Бродского, уже успевшие выработать свои местные требования. Вначале настроение заводских рабочих было очень натя-

нутое: они не желали присутствия товарищей со спичечной фабрики, как посторонних, изъявляли намерение обсуждать только свои местные требования, и высказывались против того, чтобы слушать постороннего оратора, не своего заводского рабочего. Но с первых же слов оратора, заговорившего об общности интересов всех рабочих, настроение изменилось; слушали оживленно, помогая оратору выяснять и формулировать их экономические требования, а когда он перешел к выяснению необходимости политических требований и к формулировке этих последних, охотно приняли их. Те же политические требования приняли и рабочие фабрики Бродского, присутствовавшие на собрании. Затем большая часть толпы двинулась к пробочной фабрике Юлиуса (работ. 800 человек) и дала гудок. Рабочие высыпали из фабрики не без протестов,—это народ малосознательный,—но, убежденные пришедшими, отчасти разошлись по домам, отчасти присоединились к толпе и двинулись останавливать спичечную фабрику Асвадурова. Но рабочие этой фабрики, услыхав гудок на пробочной, сами бросили работу и ушли.

Следует отметить, в высшей степени корректное поведение шедшей от фабрики к фабрике толпы; они остерегались повредить что-либо; если ворота фабрики были заперты, то толпа не взламывала их силою, что было бы очень легко сделать, а кто-нибудь перелезал на другую сторону и отпирал засов; во дворе Асвадурова по земле были разложены для просушки палочки спичек и ни один рабочий, несмотря на возбуждение, не задел и не разбросал их: обходили осторожно. Толпа все росла, дойдя больше, чем до тысячи человек. От Асвадурова двинулись к фабрике Арбса; здесь ворота удалось едва приоткрыть и проскальзывали по одному. Когда был дан гудок и часть рабочих направилась кругом через сад, в другие ворота, подоспели конные и пешие казаки и окружили фабрику. Однако, уцелели почти все, кроме двух рабочих, забранных и через несколько дней выпущенных. Толпа, преследуемая казаками, разбежалась.

В последующие дни на заводе Шполянского, под влиянием пропаганды бывших зубатовцев, опять-было возникло течение против политических требований и посторонних ораторов; но явившийся оратор-рабочий преодолел это настроение и вполне подчинил себе массу. «Когда бастуют водопроводчики, — говорил он, — и труба есть, и источники есть, а воды нет,—значит, не по трубам только она текла, а и по нашим жилам! Когда бастуют конки, то и лошади есть, и конки есть, а движения нет: значит, не на лошадях одних ездят люди, а на наших спинах!.. Рабы вы, или нет? Если да, то бойтесь, трепещите, сносите все; если нет, то требуйте же себе свободной человеческой жизни».

Было проведено несколько собраний под-ряд, при чем понемногу расширялся политический кругозор рабочих и выяснялось им значение солидарности. На последнем собрании рабочие, когда им выяснили значение социал-демократической партии, подняли руки и клялись принадлежать к партии. Под конец собраний прибегали бабы с ребятами: «мы хотим слышать, как они крикнут» (т.-е. крикнут «долой самодержавие»). Теперь завязано много связей, и работа по окончании забастовки может быть поставлена широко. Забастовка все продолжается. Хозяева тянут, не давая определенного ответа, рабочие изголодались и измучились. Настроение в высшей степени напряженное. на днях 200 рабочих с завода Шполянского проникли во двор завода и кричали хозяину: «долго ли будешь еще нас водить? Пока мы себе или кому другому головы разобьем?». Никакие систематические занятия теперь невозможны. 17-го мая вечером на улицах слободки произошел довольно интересный эпизод. В виду спешного заказа в этот день пробочная фабрика приступила к работе, взяв для этого 15 работниц из города. Часам к 6—7 толпа человек в 2.000—3.000 собралась на площади перед фабрикой. Стояли и ходили молча, спокойно. Прислана была пожарная команда: промчалась сквозь толпу, сопровождаемая свистом сотни-другой мальчишек, остановилась на минутку как бы в раздумьи и умчалась назад, под градом шуток и насмешек толпы. Прискакали 2 отряда казаков. «Мы не уйдем!—кричали в толпе,—давите нас!» Казаки спешились; сперва они стояли отдельно от толпы, потом рабочие понемногу стали окружать их и начались разговоры.

«Что вы делаете?—кричала пожилая женщина с ребенком на руках,—кого вы бьете? Ведь, мы ваши братья. Ведь, вы тоже были рабочими». «А потому,—отвечает казак,—что кроме внешних врагов, в тяжелую для России минуту, нам приходится бороться еще с внутренними врагами—вами». «Почему мы внутренние враги? Потому, что хотим себе человеческой доли? Хотим себе куска хлеба? Не даем фабрикантам душить нас? Поэтому мы враги ваши и вы убиваете нас? А кто же друзья ваши?». И казак грустно смотрел, ничего не отвечая. У одного были слезы на глазах, у совсем еще молодого. В другом месте говорил рабочий: «Прошли те времена, когда казаки стояли за правду, защищали слабых и невинных. Теперь они убивают слабых, заступаясь за фабрикантов». «Да, ведь, нам начальство велит!» «То-то и дело, бедные! Так у вас забиты головы, что все вы врозь и ничего даже подумать не смеете!» Такие разговоры слышались повсюду. Через час часть казаков села на коней. Толпа-было шарахнулась. Не бегите, стойте,—раздались голоса рабочих,—пусть бьют, мы не уйдем! Но казаки уехали. Часа через два уехал и другой отряд, и толпа мирно разошлась.

Речица. В последнее время и в этом захолустном городке заметно повышенное настроение. Каждый вечер организованные рабочие собираются на бирже *), где происходит живой обмен мнений по злободневным и общим вопросам. В воскресенье, 29-го мая, речицкая группа нашего комитета устроила открытую массовку возле кладбища, на которой выступил товарищ, посланный нами. Присутствовало более 50 человек русских и еврейских рабочих. Оратор говорил о поражении балтийской эскадры, о том, какое значение для нас имеет это поражение, для чего нужна была русскому правительству война, как Р. С.-Д. Р. П. относилась к этой войне все время.

Затем оратор, обрисовав успехи самодержавия на Дальнем Востоке, перешел к оценке его успехов внутри России. Коснувшись политики разжигания национальной розни и обрисовав общее положение вещей в России в настоящий момент, оратор закончил свою речь призывом к дружной работе. Как только оратор кончил, раздались дружные возгласы и крики: «Долой самодержавие!» Не обошлось, конечно, как в большинстве случаев в здешнем районе, без инцидента. Когда все уже начали расходиться, какой-то шальной социалист-революционер пытался произнести хвалебный гимн своей партии. Однако, ему это не удалось, так как многие товарищи запротестовали.

(Сообщено Полесским Комитетом).

Рига (условия работы). Рига, один из крупнейших промышленных центров России, насчитывающий более 300 тыс. жителей и до 70 тыс. рабочих крупной и мелкой промышленности, очень мало известна нашим партийным работникам. Все как-то свыклись с мыслью, что говорить серьезно о вовлечении местного пролетариата в сферу влияния партии—нелепо, что работа в Прибалтийском крае, а значит и в Риге, является и должна являться привилегией Латышской партии. Виноваты в этом, отчасти, местные партийные работники, слишком мало сделавшие для того, чтобы ознакомить партию с условиями местной соц.-дем. работы и ввести ее в широкое русло всероссийского рабочего движения. Я постараюсь показать, что партийная работа в Риге не только возможна, но в силу некоторых причин прямо-таки необходима. Поставить здесь сколько-нибудь широкую работу среди русского пролетариата нет никакой возможности. Хотя общая численность русских рабочих доходит тысяч до 10—15, но они разбросаны по всему городу и за исключением железной дороги, Кузнецовской фабрики и еще 2—3 заводов совершенно поглащаются латышской массой, так что работу пришлось бы ограничить узкими рамками каких-нибудь 3—4 фабрик и одиночными разрозненными связями на остальных. Всякая местная организация, рассчитывающая на сколько-нибудь широкое влияние на рабочие массы, на сколько-нибудь заметное значение в городе, должна стремиться поставить работу среди преобладающего здесь латышского пролетариата. Создать чисто-русскую или еврейскую, или еще какую организацию, значит либо влачить

*) Так в нашем крае называются те улицы, на которых рабочие фактически завоевали право собраний.

жалкое существование, как это было с нашим комитетом в первый год его деятельности, либо превратиться в организацию для добывания денег, каковой фактически является местный Бунд. Кроме того, всякая организация, являющаяся партийной не только по названию, принципиально не может замыкаться в рамках одной какой-либо национальности. Таким образом, и по принципиальным и по чисто-практическим соображениям работа Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии в Риге должна носить широкий интернациональный характер, должна быть «Российскою», а не «Русской», иначе это название явилось бы пустым ярлыком. Местные партийные работники решили этот вопрос в положительном смысле еще при основании группы. Но тогда волей-неволей приходилось ограничиться работой только среди русских рабочих, так как в то время (1903 г.) уже прочно сложились и окрепли и бундовская, и латышская организации, группа же была почти без всяких средств. Кроме того, русский пролетариат являлся наиболее отсталым и совершенно не затронутым социал-демократической агитацией. Это был период дружественных товарищеских отношений к Латышской и Бундовской организациям. Группа вошла в основанный в это время «Объединенный К-т»; с другой стороны, и латышские товарищи относились к ней, и к партии вообще весьма симпатично, даже выпустили несколько листков с заголовками Р. С.-Д. Р. П. и подписали совместно с группой заявление по поводу тогдашнего петербургского раскола. Но эти дружественные отношения продолжались очень не долгое время и с выходом Бунда из партии и образованием в начале 1904 г. Рижск. К-та Р. С-Д. Р. П. стали все более и более охлаждаться. Латышская организация резко повернула в сторону федерализма и решительно отказалась войти в партию иначе, как на началах федерации, с своей стороны, и наш К-т отказался войти в «Рижск. Федерат. К-т», организованный Бундом и Латышским К-том. С 1905 г. начинается уже новый период,—период междуорганизационной борьбы. К-т нашей партии начинает с этого времени работу среди латышских рабочих, которая дала вскоре блестящие результаты. В течение 2—3 мес. ему удалось завести обширные связи и сорганизовать до 300 латышей-рабочих. Вместе с тем была поставлена пропаганда на латышском языке и стали распространяться латышские листки. Таким образом, Российская и Латышская партии столкнулись лицом к лицу. Как же отнеслись к этому латышские товарищи? Ответ на это дают следующие два отрывка из их газеты «Борьба» (№ 11 февраль—март) и из прокламации «Под усиленной охраной», изданной в апреле Ц. К-том Латышской партии. Перепечатав из «Искры» корреспонденции из Воронежа о неудачном выступлении социал-демократов на рабочей сходке, редакция «Борьбы» добавляет следующее замечание: «Из этого большинство товарищей поймет, почему Латышская партия не может соединиться с русской на тех условиях, которые предлагают русские. Нам, латышским товарищам, надо сохранять свою самостоятельность, мы не можем положиться на этот темный народ, в руках которого сама русская партия является игрушкой. Мы из опыта знаем, что русская партия не могла удержать русских рабочих и крестьян от избиения евреев в Кишиневе и Гомеле, не могла защитить своих ораторов от нападения бессознательных рабочих. На все упреки со стороны русских товарищей в национализме и сепаратизме, мы ответим, что они сами виноваты в этом; их влияние на массы еще так ничтожно, что они не имеют права называться представителями и защитниками народа и рабочих». Прокламация Ц. К-та Латышской партии выражается еще определеннее. «Мы приглашаем товарищей определить свое отношение к нашей партии,—говорит она,—и к соц.-дем. организациям других наций, в особенности к русским товарищам. Русские никогда не желали объединяться с другими партиями на основе равных прав и равных обязанностей, но требуют, чтобы только их партия признавалась представительницей всероссийского пролетариата, хотя они не объединили даже всех сознательных русских рабочих, не говоря уже о других народностях. Сама их партия раскололась на 2 группы, но все же они укоряют латышей в сепаратизме. Русские забывают, что для них совершенно чужды—язык, культурный уровень и условия жизни латышских рабочих. Чего же искать латышским товарищам там, где говорят на непонятном для них языке и читают непонятную им литературу. Когда русские товарищи улавливают бессознательных латышей, которых не принимают в наши кружки, мы можем только пожалеть их, но мы решительно протестуем против попыток русских товарищей организовать сознательных членов нашей партии и искусственно создавать раздоры в нашей организации (так, очевидно, называют авторы прокламации одну или две дискуссии, которые латышская организация должна была признать по требованию рабочих). Мы приглашаем всех латышских товарищей, к которым русские обратятся с предложением соединиться, отсылать их к законному представительству Латышской партии—Ц. К., который уже давно сделал, со своей стороны, все, чтобы объединиться со всеми соц.-дем. организациями России, а в том числе и с Русской партией. Всюду, где в момент революции у мелких народностей не было соц.-дем. организаций, их подавляли крупные народности, как, напр., в Австрии—славян, в Германии—поляков и т. д. Особенно важно помнить нам это теперь, когда мы, пролетарии, составляющие большинство Латышской народности, должны считаться с культурными требованиями всего народа (язык, школы, местное самоуправление и т. д.), поэтому мы не имеем права преуменьшать значения нашей организации». Такую-то духовную пищу преподает Латышский Ц. К. латышскому пролетариату. Здесь есть все: и немножко умолчания, и немножко искажения и немножко клеветы. Авторы листка «Под усиленной охраной», подчеркивая свои «объединительные» стремления и взваливая всю вину на «русских товарищей», совершенно умолчали о переговорах между их и нашей организацией весной 1904 г. Во время этих переговоров русские товарищи настойчиво, но, к сожалению, безуспешно убеждали представителей Латышской организации, что они стремятся только к объединению всех местных социал-демократических сил в одну организацию, работающую на всех местных языках; «русские товарищи» настойчиво, но, к сожалению, безуспешно, доказывали, что истинно социал-демократической работой в Риге может быть только работа интернациональная, что федерализм способен лишь затемнять классовое сознание пролетариата, отравляя его ядом националистических предрассудков. Авторы листка «Под усиленной охраной» умалчивают о том, что «русские», прежде чем начать «улавливать бессознательных латышей», неоднократно обращались к тому самому «законному представительству», к которому рекомендуется теперь отсылать их, и что лишь после того, как это «представительство» неоднократно отвергло все предложения «русских», они приступили к самостоятельной работе среди латышских рабочих. И латышские рабочие массы, так заботливо охраняемые своими «вождями» от всяких «инородческих» влияний, охотно идут навстречу объединительным стремлениям нашего к-та; они охотно читают к-тские листки, охотно идут на организуемые им собрания и вместе с тем весьма неохотно содействуют «охранительным» мерам Латышского к-та: цитируемая мною прокламация была распространена лишь после усиленных споров и, как говорят рабочие, не обошлось без некоторого дисциплинарного воздействия. И это симпатичное отношение латышских рабочих к деятельности местного партийного к-та и травля Латышским Ц. К. всего того, что исходит не от него, достаточно ясно показывают, насколько необходима работа нашей партии в Риге. Положение создалось здесь очень тягостное. Федеративный К-т и партийный стоят друг против друга, как злейшие враги, не доверяя ни в чем друг-другу, взаимно опасаясь всяких подвохов. И выхода из этого положения два: или Росс. К-т должен отказаться от своей принципиально-правильной точки зрения, прекратить работу среди нерусских рабочих и войти в федерацию на правах уже «Русского» К-та, или Латышская организация должна отказаться от дальнейшей защиты своей узко-национальной позиции и стать на широкую классовую точку зрения, слившись программно, организационно и тактически с Росс. С.-Д. Р. П. Мне думается, уступить здесь должен не Росс. К-т, ибо его точка зрения более широкая и вполне соответствует как принципам международной социал-демократии, так и духу партийной программы. Но чтобы иметь возможность вести упорную и успешную борьбу, ему необходима самая энергичная поддержка со стороны партии в лице ее центральных учреждений. Латышский Ц. К. при-

нимает самое деятельное участие в борьбе против «русских». То же самое должен сделать и наш Ц. К., тем более что это не представляет для него особых трудностей. В настоящее время Рижский К-т испытывает в своей работе, главным образом, технические затруднения, и главным из них является отсутствие латышской литературы. Наш Ц. К. мог бы оказать значительную помощь местной работе, если бы на-ряду с русским транспортом поставил транспорт латышской литературы, уже имеющейся в обращении; кроме того, можно было бы поставить также и собственное издательство. Если Рижск. К-ту будет обеспечено правильное получение латышской литературы, его работа не пропадет даром. Здесь невозможно надеяться сделать что-нибудь исключительно собственными силами, ибо местные национальные организации давно уже окрепли и пустили в массах прочные корни, ибо борьба с ними означает борьбу со стоящими за ними национальными партиями, что, во всяком случае, не под силу местному К-ту.

Рижский.

Орел. До последнего времени работа носила у нас чисто-кружковый характер; она была раздроблена по отдельным мастерским и маленьким заводам. Однако, постепенный рост движения делал свое и к 1 маю оказалось возможным устроить общее собрание. Собрание это состоялось 8-го мая и в нем участвовало около ста человек (предполагалось 300 чел., но благодаря некоторым ошибкам явилась только треть). Выступали, главным образом, рабочие. Говорили сначала об экономическом положении рабочего класса, о борьбе с капиталистами; потом перешли к вопросу о роли правительства, о современном политическом положении, о партиях, о лозунгах социал-демократии. В перерывах пелись революционные песни. В заключение, товарищ из комитета произнес небольшую речь, в которой призывал присутствующих к дружной борьбе с самодержавием под знаменем Р. С.-Д. Р. П. При криках: «да здравствует Р. С.-Д. Р. П.», «долой самодержавие» и с пением революционных песен собрание разошлось. В настоящее время влияние в массе растет, завязываются все новые и новые связи.

27-го мая забастовали все парикмахерские, за исключением одной. Прежде парикмахеры работали по будням от 9-ти до 11-ти, 12-ти и даже 1 часу ночи, а в праздники нередко кончали работу в 9 и 10 часов вечера. Такое положение стало, наконец, невыносимым, и на нескольких предварительных собраниях было решено бросить работу. Забастовка продолжалась до 31-го мая и шла под руководством организации. Уже 30-го вечером хозяева, по общему уговору, вывесили объявление, которое гласило: с 1-го июня работа в будни продолжается с 9 до 9-ти, в праздничные дни с 9-ти до 4-х. Вместо занятого праздничного дня, устанавливается свободный, будничный день. Стачка, таким образом, была выиграна. В других отраслях производства здесь господствует невероятная эксплоатация, и агитация находит благодатную почву. К сожалению, на каждом шагу чувствуется недостаток литературы, особенно популярной; без нее здесь прямо невозможно работать, а она попадает к нам лишь в единичных экземплярах.

Лодзь. В воскресенье 18-го (5-го) июня рабочие возвращались с обычного загородного агитационного собрания с песнями и красными знаменами. Перед городом толпа разделилась на небольшие группы и спрятала знамена. Только одна группа рабочих продолжала итти со знаменем до самого центра города. Вдруг неожиданно на шедших мирно рабочих наскочил казацкий патруль и открыл пальбу. 10 человек было убито, много ранено, в том числе двухлетний ребенок. Этот случай возбудил страшное негодование среди всего рабочего населения Лодзи. Среди убитых было 7 рабочих—5 христиан и 2 еврея. Во вторник хоронили христианских рабочих. Двадцатитысячная толпа провожала на кладбище трупы жертв насилия. По всему пути были расставлены войска, но они не решались вмешиваться, и торжественные похороны произошли в полном порядке. На кладбище говорились революционные речи. На следующий день, в среду, должны были хоронить еврейских товарищей. Почти все рабочее население Лодзи собралось около 6 часов вечера к фабрике Познанского, откуда предполагался вынос тел убитых. 70.000 человек запрудили все прилегающие улицы. Каково же было удивление и негодование толпы, когда она узнала, что полиция заблаговременно тайком увезла мертвых и похоронила их. Толпа двинулась к кладбищу. Выкинув красные знамена с пением революционных песен и криками «долой самодержавие», потекла эта река голов по улицам Лодзи. Полиция и войска отсутствовали. Все были уверены, что препятствовать манифестации не будут, что дадут ей мирно окончиться. Но когда толпа дошла до Петроковской улицы, неожиданно из боковых переулков бросились казаки и драгуны, и началось варварское избиение. Не ограничиваясь расправой холодным оружием—шашками и пиками, они начали стрелять в толпу из ружей. Застигнутая врасплох толпа начала защищаться, чем могла и как могла; у многих рабочих были револьверы, и началась перестрелка, стоившая не мало жертв и царским слугам. Только в 9 часов вечера толпа, не имея возможности оказывать дальнейшее сопротивление, рассеялась, оставляя на поле битвы несколько десятков убитых и раненых. Но она рассеялась с тем, чтобы на другой день собраться для новой борьбы. Немедленно же была провозглашена всеобщая стачка.

На другой день, 22 июня, был очень популярный среди католического населения праздник «божьего тела», во время которого происходят крестные ходы по всему городу. Рабочие воспользовались этим случаем и, присоединившись к крестному ходу превратили его в грандиозную демонстрацию. Громадная толпа манифестировала по всему городу с красными знаменами. Полиция и войска не вмешивались. День прошел спокойно. К вечеру опять начались стычки с войсками, стрелявшими в отдельные небольшие группы рабочих. Ночью рабочие начали строить баррикады. Они снимали телеграфные и телефонные проволоки и натягивали их поперек улиц, из крестьянских телег, бочек, досок возводили громадные баррикады, доходившие до 2-го этажа. Таких баррикад, по имеющимся сведениям, было построено до 30.

С этого дня началась открытая уличная борьба, продолжавшаяся по официальным сведениям вплоть до 26 июня. День и ночь раздавались по улицам залпы. Войскам приходилось брать и разрушать баррикаду за баррикадой. Рабочие дрались с небывалым воодушевлением. Несмотря на недостаточное вооружение (далеко не у всех были даже револьверы, а хороших систем—напр., Браунинга—насчитывалось всего несколько сот), борьба была очень упорной. В солдат стреляли из окон и с крыш, обсыпали их камнями, обливали кипятком и горячей смолой. В нескольких местах были брошены бомбы. Боевое настроение охватило все рабочее население. На-ряду с взрослыми дрались на баррикадах дети; молодые девушки произносили агитационные речи под градом пуль. На воодушевление рабочих войска отвечали самой дикой жестокостью. Убивали ни в чем неповинных прохожих, стреляли во всякого рабочего, выходившего на улицу или хотя бы только высовывавшегося в окно. Масса мертвых и раненых лежала целыми днями на улицах, при чем раненые тут же умирали, не получая никакой медицинской помощи. Трудно определить число убитых и раненых жертв этого пятидневного восстания. Госпитали охранялись военной силой, проникнуть в них никому не удавалось, а потому невозможно было и установить число раненых. Кроме того, много раненых было унесено в частные квартиры. Что касается убитых, то их целыми возами увозили с улиц, под сильным конвоем, прямо на кладбище. Число 2000 убитых и раненых, которое было опубликовано в иностранных газетах, вероятно, далеко не соответствует действительности. К концу недели Лодзь была наводнена войсками, было провозглашено военное положение и восстание подавлено. 26-го июня появилась официальная телеграмма, что порядок восстановлен и работы на фабриках возобновлены. Это означает только, что массовых открытых стычек с войсками больше не происходит. Зато мелкие столкновения, нападения на патрули, револьверные выстрелы и взрывы бомб продолжаются попрежнему, свидетельствуя о том, насколько поверхностно восстановлен так называемый «порядок».

Известие о лодзинских событиях не замедлили отозваться и на Варшаве. Социал-демократами был выпущен листок, призывающий рабочих к всеобщей стачке с 27-го июня. Стачка началась даже раньше назначенного срока, так как

уже 24-го многие рабочие забастовали. Правительство поспешило вызвать в город войска, ушедшие, было, в летние лагери, но открытой уличной борьбы, по примеру лодзинской, не произошло. Было, правда, построено несколько баррикад, например, на Вроней и Крахмальной улицах, но в общем, дело пока ограничилось стачкой, да отдельными нападениями на членов полиции и солдат Так, например, 26-го июня была брошена бомба в проходившую роту солдат, убившая 3-х и тяжело ранившая 30 человек. В другом месте был убит, неизвестно кем, стоявший на посту полицейский.

Одновременно с лодзинскими событиями произошли кровавые столкновения в Ченстохове. Здесь как-раз происходила стачка пекарей, и 23-го июня была устроена громадная демонстрация. Когда многотысячная толпа проходила по городу с красными знаменами и пением революционных песен, войско дало несколько залпов, убив 20 чел. и ранив более 80-ти. Через два дня после этого в местного полицмейстера была брошена бомба, ранившая его и нескольких прохожих.

Телеграммы от 28-го июня сообщают, что началась стачка во всех копях и фабриках домбровского района.

Таким образом, лодзинское восстание, подавленное, как казалось правительству, воскресает опять в форме массовой политической стачки, охватывающей все более широкие районы царства польского. «Победители» употребляют все меры, чтобы искоренить из лодзинского населения крамолу. На основании военного положения из Лодзи выселяют всех не-местных жителей, которые в течение 3-х дней не получат постоянного занятия. Дворники должны неотлучно дежурить у ворот с 6-ти утра до 9-ти вечера. Рестораны и трактиры (кроме первоклассных!) должны быть закрыты в 8 часов вечера. Все, у кого имеется оружие, обязаны сдать его в полицию, иначе им угрожает военный суд. Если из какого-нибудь дома будет произведен выстрел в солдат или полицейских, то все жители изгоняются из дома, а домовладелец или управляющий подлежит военному суду. Наконец, еще одна замечательная мера: при похоронах могут присутствовать только родственники умершего и то в количестве, определенном полицией!

И такими мерами думают подавить народное восстание, подавить сопротивление людей, которые за день перед тем доказали, что в борьбе за свободу они охотно готовы поставить на карту свою жизнь!

ИЗ ПАРТИИ.

Николаев (11-го мая). В № 16 «Вперед» я прочел корреспонденцию из Николаева, написанную мной еще в начале марта, но напечатанную только теперь и не помеченную числом или месяцем, когда она была написана. Во избежание недоразумения спешу исправить следующие мои слова. Я писал, что до последнего времени, т.-е. до марта, работал примиренческий комитет, но это были неверные сведения, полученные мною. Все время работал и работает комитет большинства. После провала сейчас же был комитет, но мы, рабочие, по стечению обстоятельств известный период времени не могли снестись с ним. В то же время появился комитет меньшинства и завязал сношения с одним товарищем-организатором из портового района, у которого они выхватили группу в 10 человек, а его устранили; и поработав одну неделю, затем они провалились. С тех пор об их особенной деятельности ничего не слышно. Работа у нас идет превосходно. Агитация приняла широкие размеры, о чем пишут вам в иных корреспонденциях.

Рабочий.

Кострома. Работа с каждым днем поправляется. При моем приезде сюда тут было три кружка пропаганды, теперь двенадцать. В среднем рабочих в кружке от 8 до 25 чел. Вчера, в одном кружке было 59 да 10 еще не пришло. Но это объясняется тем, что завтра ждем стачки. Массовки каждое воскресенье. На первой было 30, на последних свыше 100 чел. Приходят далеко не все организованные рабочие.

Из отчета Тверского К-та за 1/4 года (февраль—апрель). I) Касса. Доход: февраль—169 р. 93 к., март—202 р. 72 к., апрель—186 р. 49 коп. Всего—559 р. 14 к. Остаток к 1-му февраля—77 р. 20 коп. Итого—636 р. 34 коп. Расход за 3 месяца: помощь—336 р. 04 к., техника—179 р. 78 коп., литература—70 р., конспиративные расходы—51 р. 39 коп., разные расходы—71 р. 50 коп. Всего—708 р. 11 коп. Дефицит в 72 р. 37 коп. покрыт займом.

II) Издательская деятельность К-та:

Февраль: 1. Ответ царю (Петерб. группа). Тип. Тв. Ком. (8.000). 2. Какое страхование нам нужно? (с изд. «Искры») тип. Тв. Ком. (8.000). 3. Отчет Тв. Ком. за 1/4 года (ноябрь—январь) гект. (200). 4. Ко всем гражданам (с изд. «Искры») мимеограф. (1.250). 5. Учащимся (мимеограф.) (300).

Март: 6. Опять мобилизация! (тип. Тв. Ком.) (6.000); 7. Комиссия Булыгина (Петерб. группа) тип. Тв. Ком. (6.000); 8. «Милостию пушек, пулеметов, ружей и нагаек»... (Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П.) мимеограф. (2.000); 9. Рабочим и работницам Залогинской фабрики (мимеограф.) (450); 10. Русский рабочий и Зимний дворец. (Памяти Степана Халтурина). Отд. оттиск из № 86 «Искры» (мимеогр.) (1.400); 11. Пора кончать! (с изд. «Искры») тип. Тв. Ком. (6.000); 12. «Он прощает»—отд. оттиск из № 86 «Искры» (мимеограф.) (2.400); 13. Рабочим вагоностроительного завода (мимеограф.) (500); 14. Крестьянам (тип. Тв. Ком.) (6.000).

Апрель: 15. Первое мая (Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.) тип. Тв. Ком. (10.000); 16. Крестьянам Курмординской волости (мимеограф.) (650); 17. Крестьянам Первитинской волости (мимеограф.) (550); 18. Служителям и рабочим Бурашев. колонии (мимеограф.) (200); 19. Летучий листок № 11 (мимеограф.) (200); 20. Солдатская памятка (с изд. «Искры») (мимеограф) (500); 21. По поводу столкновения с офицерами (мимеограф) (450); 22. Майские лозунги (гектогр. карточки) (550); 23. Майские требования (с изд. «Искры») тип. Тв. Ком. 8.000.

Всего за четверть года около 70.000 шт.

Привозной литературы получено за февраль 1 пуд, за март 1½ п., за апрель 1½ п., а всего около 4 пуд. Было получено несколько сот экземпляров «Искры» (№№ 75—95); («Вперед» №№ 1—12); «Социал-демократа» (около 250 шт. №№ 1, 2 и 3). Из брошюр: Парвус—«Война и революция»—около 150 шт.; Эрфуртская программа—50 шт.; «Они заговорили»—около 300 шт.; «На первое мая»—75 шт. и др. в более ограниченном количестве. Затем была получена листовка «Первый шаг» около 2.500 шт. и около 4.000 шт. разных листков Центрального Комитета.

III. Арестовано за 1/4 года было 6 чел., все рабочие.

Из отчета Уфимского К-та за май: Приход—371 р. 10 к., остаток от апреля—6 р. 25 к., всего—377 р. 35 к. Расход 338 р. 75 к. (в том числе Центр. К-ту отчислено 75 р.); остается на июнь—38 р. 60 к.

Из отчета Северного К-та за май: К-том изданы и распространены след. листки: 1-е мая (ред. «Вперед» и Б. К. Б.), 1-е мая (оба 7.000 экз.). Ко всем (3.000), К железнодорожным рабочим (1.000), К иваново-вознесенским рабочим (5.000), Ко всем ярославским рабочим (по поводу иваново-вознесенск. стачки (4.000), К солдатам (5.000), Листок Ц. К-та о морском сражении (7.500).

Восстание в Одессе.

Царь и его приближенные буквально подавлены вестью о событиях на броненосце «Потемкин»,—телеграфируют в заграничные газеты из Петербурга. «В Россия началась революция со всеми ее ужасами»,—восклицает умеренная немецкая газета. Наступает час возмездия,—говорим мы: возмездия за реки крови, за все муки и бедствия, виновником которых является самодержавие. 9-го января народ шел к царю с иконами; 15-го июня царские слуги увидели перед собой пушечные жерла. На одном из лучших черноморских броненосцев стало развеваться красное знамя революции.

Телеграфные известия заграничных газет неполны, сбивчивы, противоречивы. Постараемся передать русским читателям лишь то, что представляется более или менее вероятным и правдоподобным. В ночь на 15 июня в Одессу пришел броненосец «Князь Потемкин» в сопровождении миноносца. К удивлению властей, на броненосце развевалось красное знамя.

Рано утром вооруженная шлюпка доставила на берег труп матроса Омельчука, который был убит капитаном за то, что осмелился принести ему жалобу на дурное качество пищи. Возмущенные матросы убили капитана и нескольких офицеров, а другую часть офицеров взяли в плен (по другим известиям эти офицеры присоединились к матросам).

Казаки пытались увезти с набережной труп Омельчука, но матросы прогнали их. В этом случае матросам уже помогали портовые рабочие, приступившие ко всеобщей забастовке при первой вести о событиях на «Потемкине». Около трупа Омельчука собирались толпы народа; быстро росло негодование против царских приспешников, виновников этой новой жертвы дикого самодержавного режима.

Депеши от 16 (29) июня сообщают о сожжении многих складов в порту, о пожаре на нескольких пароходах (в том числе сгорел пароход добровольного флота «Саратов»). В то же время начались столкновения рабочих с войсками на городских улицах. По одним известиям, население быстро берет верх; по другим—столь же быстро войска восстановляют в городе «порядок», обычный порядок кладбища. Число убитых по одним известиям считается сотнями, по другим—тысячами. 17 (30) июня в парижский Petit Journal телеграфируют, будто вечером (в четверг) явилась эскадра из Севастополя, и после короткой перестрелки «Князь Потемкин» со всем экипажем был потоплен. Это известие противоречит другому, согласно которому только в этот вечер вышла из Севастополя эскадра, посланная для усмирения восставших матросов (броненосцы «Три Святителя», «Двенадцать Апостолов», «Ростислав», «Синоп» и один крейсер).

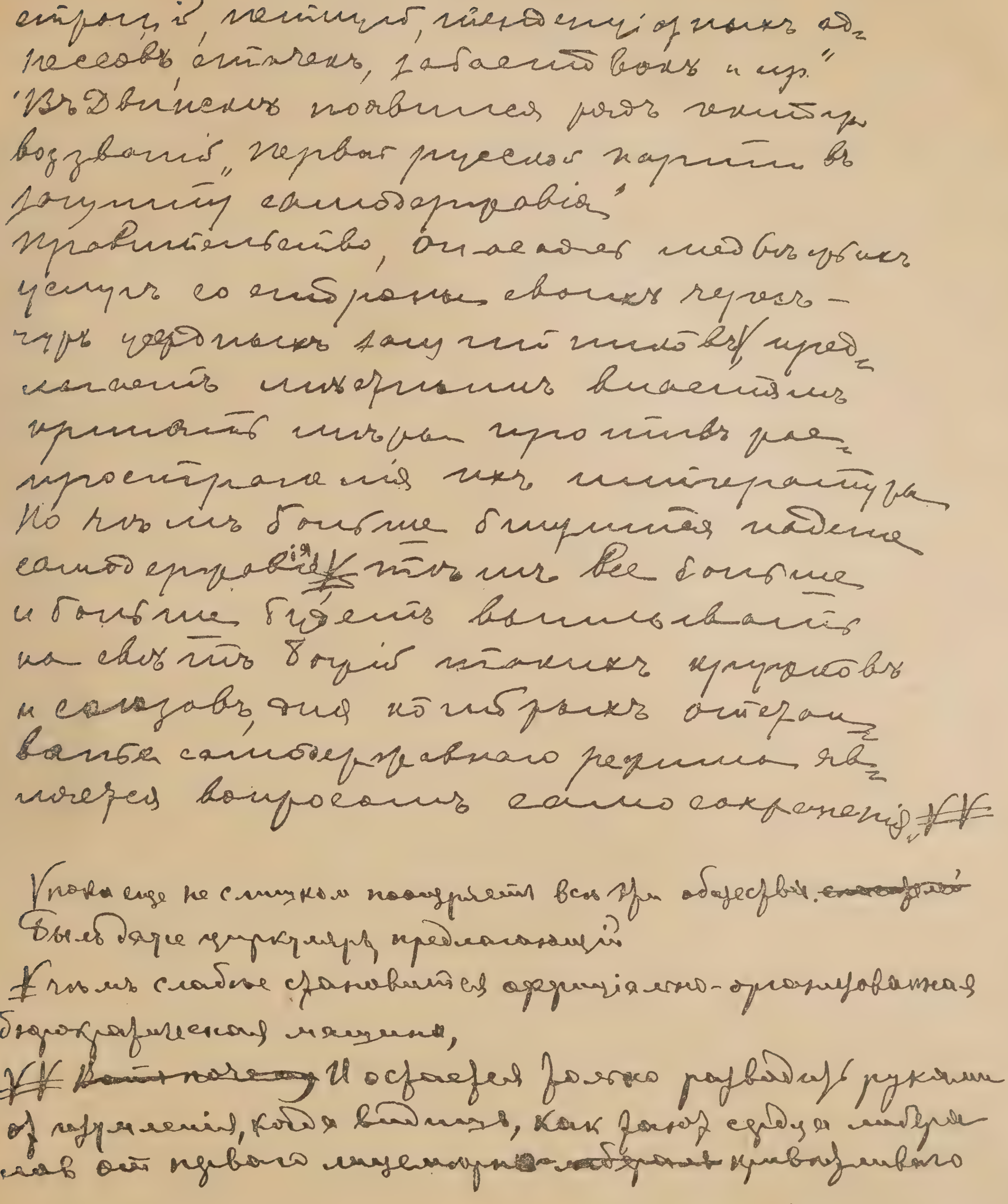
В то же время появляются известия о военном транспорте «Веха»; по одному рассказу, экипаж этого судна возмутился по пути из Николаева в Одессу, по другому—транспорт просто захвачен броненосцем «Князь Потемкин». Как бы то ни было, в дальнейших известиях говорится уже не о двух (броненосце и миноносце), а о трех возмутившихся военных кораблях. Экипаж с этих трех судов грозит бомбардировать город, если сухопутные войска не перейдут на сторону восставших. Еще в первых телеграммах сообщалось, что пушечным выстрелом с броненосца убито на набережной 4 и ранено до 20 казаков. 16-го вечером были сделаны в город еще два выстрела, причинившие повреждение частным домам.

Матросы встретили, судя по всему, энергичную поддержку со стороны одесских рабочих. Были также известия о крестьянском волнении в окрестностях Одессы. Все силы—войско, рабочие и крестьяне, соединяются, чтобы нанести удар проклятому царизму. Устоит ли чудовищный идол самодержавия перед этим дружным напором? Каково бы ни было ближайшее течение событий, ясно одно: революционное движение в России вступило в фазис открытой гражданской войны, всенародное вооруженное восстание явилось логическим выводом из событий 9-го января, и народ сделал этот вывод.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Мальцеву. № 2-й получен. П-ца. Корр. получена. Давиду в. В 2-х экзем. получено. Подбородову. Не имеем от вас известий. Барской. Получили ли письмо? Евсееву. Кроме № 2 ничего не получали.

Опечатка: В № 5 «Пролетария» на стр. 6, столб. 1-й, строка 49 сверху следует читать вместо «30 рабочих»—«80 рабочих».



стачекъ, петицій, гимназическихъ ад-
ресовъ, статей, забастовокъ и пр."
"Въ Двинскѣ появился рядъ печатныхъ
воззваній „первой русской партіи въ
защиту самодержавія."
Правительство, отказавшись [illegible]
услугъ со стороны своихъ черес-
чуръ усердныхъ защитниковъ, пред-
лагаетъ мѣстнымъ властямъ
принимать мѣры противъ рас-
пространенія ихъ литературы.
Но чѣмъ больше близится паденіе
самодержавія ✗ тѣмъ все больше
и больше будетъ выплывать
на свѣтъ божій такихъ кружковъ
и союзовъ, для которыхъ отстаи-
ванье самодержавнаго режима яв-
ляется вопросомъ самосохраненія ✗✗

✓пока еще не слишком поощряет всю эту общественность. [illegible]
Был даже циркуляр, предлагающий
✗чем слабее становится официально-организованная
бюрократическая машина,
✗✗ И остается только разводить руками
от изумления, когда видишь, как такой сброд [illegible]
[illegible] от первого [illegible] привлекательного

Факсимилэ тт. В. М. Величкиной и М. Ольминского
(Из статьи „Организация монархистов". См. стр. 131).

LE PROLETAIRE

Prix: 30 cts.

ЖЕНЕВА. 10 іюля (27 іюня) 1905 года.

№ 7.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Революционная армия и революционное правительство.

Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потемкин» ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия. События с поразительной быстротой подтвердили своевременность призывов к восстанию и к образованию временного революционного правительства,—призывов, обращенных к народу сознательными представителями пролетариата в лице 3-го съезда Росс. С.-Д. Рабочей Партии. Новая вспышка революционного пламени проливает свет на практическое значение этих призывов и заставляет нас точнее определить задачи революционных борцов в переживаемый Россией момент.

Всенародное вооруженное восстание зреет и организуется на наших глазах под влиянием стихийного хода событий. Не так уже далеки те времена, когда единственным проявлением народной борьбы с самодержавием были бунты, т.-е. возмущения несознательные, неорганизованные, стихийные, иногда дикие. Но рабочее движение, как движение самого передового класса, пролетариата, быстро выросло из этой начальной стадии. Сознательная пропаганда и агитация социал-демократии сделали свое дело. Бунты сменились организованной стачечной борьбой и политическими демонстрациями против самодержавия. Дикие военные расправы в течение нескольких лет «воспитывали» пролетариат и городское простонародье, подготовляли его к высшим формам революционной борьбы. Преступная и позорная война, в которую бросило народ самодержавие, переполнила чашу народного терпения. Начались попытки вооруженного отпора толпы царским войскам. Начались настоящие уличные сражения народа с войском, битвы на баррикадах. Кавказ, Лодзь, Одесса, Либава показали нам в самое последнее время образцы пролетарского геройства и народного энтузиазма. Борьба переростала в восстание. Позорная роль палачей свободы, роль прислужников полиции не могла не открывать постепенно глаза и самой царской армии. Армия стала колебаться. Сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот или полков стрелять в своих братьев—рабочих. Затем—переход части армии на сторону восстания.

Громадное значение последних одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма,—целый броненосец, — перешла открыто на сторону революции. Бешеные усилия и всевозможные уловки употребляло правительство, чтобы скрыть от народа это событие, чтобы потушить восстание матросов в самом начале. Ничто не помогло. Посланные против революционного броненосца «Потемкина» военные суда отказались бороться против товарищей. Распространив по Европе известия о сдаче «Потемкина», о царском приказе потопить революционный броненосец, самодержавное правительство только окончательно опозорило себя перед всем миром. Эскадра вернулась в Севастополь, правительство спешит распустить матросов, разоружить военные суда; ходят слухи о массовой отставке офицеров черноморского флота; на сдавшемся броненосце «Георгий-Победоносец» опять начались возмущения. В Либаве и Кронштадте матросы тоже восстают; учащаются столкновения с войском; идет (в Либаве) бой на баррикадах матросов и рабочих против солдат. В заграничной печати сообщается о возмущениях на целом ряде других военных судов («Минин», «Александр Второй» и т. д.). Царское правительство оказалось без флота. Самое большее, чего ему удалось пока добиться, это—удержать флот от активного перехода на сторону революции. А броненосец «Потемкин» остался неподвижной территорией революции, и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии.

Никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром. Новые, еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в черноморском флоте. Наше дело теперь—поддержать всеми силами эти попытки, разъяснить самым широким массам пролетариата и крестьянства общенародное значение революционной армии в деле борьбы за свободу, помочь отдельным отрядам этой армии выдвинуть общенародное знамя свободы, способное привлечь массу, объединить силы, которые бы раздавили царское самодержавие.

Бунты — демонстрации — уличные сражения — отряды революционной армии,—таковы этапы развития народного восстания. Теперь мы дошли, наконец, и до последнего этапа. Это не значит, разумеется, что все движение стоит уже в целом на этой новой высшей ступени. Нет, в движении еще много неразвитости, в одесских событиях есть еще явные черты старого бунта. Но это значит, что передовые волны стихийного потока докатились уже до самого порога самодержавной «твердыни». Это значит, что передовые представители самой народной массы дошли уже не в силу теоретических сообра-

жений, а под давлением растущего движения до новых высших задач борьбы,—окончательной борьбы с врагом русского народа. Самодержавие все сделало для подготовки этой борьбы. Оно годами толкало народ на вооруженную борьбу с войском, и теперь оно пожинает то, что сеяло. Из самого войска выходят отряды революционной армии.

Дело таких отрядов—провозгласить восстание, дать массам военное руководство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить,—сначала хотя бы в небольшой части территории государства,—полную политическую свободу, начать революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов, которые мало участвуют в этом творчестве в мирные времена, но которые выступают на первый план в эпохи революции. Только сознав эти новые задачи, только поставив их смело и широко, отряды революционной армии могут одержать полную победу, послужить опорой революционного правительства. А революционное правительство—такая же насущно необходимая вещь на данной стадии народного восстания, как революционная армия. Революционная армия нужна для военной борьбы и для военного руководства массами народа против остатков военной силы самодержавия. Революционная армия необходима потому, что только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация. И кроме остатков военной силы самодержавия есть военные силы соседних государств, у которых молит уже поддержки русское падающее правительство, о чем мы расскажем ниже.

Революционное правительство необходимо для политического руководства народными массами,—сначала в той части территории, которая уже отвоевана у царизма революционной армией, а потом и во всем государстве. Революционное правительство необходимо для немедленного приступа к политическим преобразованиям, во имя которых идет революция, для устройства революционного народного самоуправления, для созыва действительно всенародного и действительно учред. собр., для проведения тех «свобод», без которых невозможно правильное выражение воли народа. Революционное правительство необходимо для политического объединения восставшей части народа, которая на деле и окончательно порвала с самодержавием, для политической организации ее. Эта организация может быть, конечно, только временная, как только временным может быть и революционное правительство, берущее в руки власть от имени народа, для обеспечения воли народа, для деятельности посредством народа. Но эта организация должна начаться немедленно, в неразрывной связи с каждым успешным шагом восстания, ибо политическое объединение и политическое руководство не могут быть отложены ни на минуту. Для полной победы народа над царизмом это немедленное осуществление политического руководства восставшим народом не менее необходимо, чем военное руководство его силами.

Каков будет окончательный исход борьбы между сторонниками самодержавия и массой народа, в этом не может сомневаться ни один человек, сколько-нибудь сохранивший способность рассуждения. Но мы не должны закрывать глаза на то, что серьезная борьба только еще начинается, что нас ждут еще великие испытания. И революционная армия, и революционное правительство представляют из себя «организмы» настолько высокого типа, требуют учреждений таких сложных, гражданского самосознания такого развитого, что было бы ошибкой ждать простого, немедленного, верного осуществления этих задач сразу. Нет, мы не ждем этого, мы умеем ценить значение той упорной, медленной, часто невидной работы политического воспитания, которую всегда вела и всегда будет вести социал-демократия. Но мы не должны допускать также еще более опасного в настоящий момент неверия в силы народа, мы должны помнить, какой громадной просвещающей и организующей силой обладает революция, когда могучие исторические события силой вытаскивают обывателей из их медвежьих углов, чердаков и подвалов и заставляют их становиться гражданами. Месяцы революции скорее и полнее воспитывают иногда граждан, чем десятилетия политического застоя. Задача сознательных руководителей революционного класса—всегда итти впереди его в деле такого воспитания, разъяснять значение новых задач и звать вперед к нашей великой конечной цели. Неудачи, которые неизбежно ждут нас при дальнейших попытках образования революционной армии и учреждения временного революционного правительства, только научат нас практическому решению этих задач, только привлекут новые и свежие, таящиеся теперь под спудом, народные силы к их решению.

Возьмите военное дело. Ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений. Социал-демократия никогда не спускалась до игры в военные заговоры, она никогда не выдвигала на первый план военных вопросов, пока не было налицо условий начавшейся гражданской войны *). Но теперь все социал-демократы выдвинули военные вопросы, если не на первое, то на одно из первых мест, поставили на очередь изучение их и ознакомление с ними народных масс. Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса,—вопроса о свободе.

И задача учреждения революционного правительства так же нова, так же трудна и сложна, как задача военной организации сил революции. Но и эта задача может и должна быть решена народом. И в этом деле каждая частная неудача вызовет усовершенствование приемов и средств, упрочение и расширение результатов. Третий съезд Росс. С.-Д. Р. П. наметил в своей резолюции общие условия решения новой задачи,—пора браться

*) Ср. «Задачи русск. соц.-дем.» Ленина, стр. 23, о несвоевременности (в 1897 г.) вопроса о способах решительной атаки на царизм.

уже за обсуждение и подготовку практических условий ее осуществления. У нашей партии есть программа-минимум, законченная программа тех преобразований, которые вполне осуществимы немедленно в рамках демократического (т.-е. буржуазного) переворота и которые необходимы пролетариату для его дальнейшей борьбы за социалистический переворот. Но в этой программе есть основные требования и требования частные, вытекающие из основных или подразумевающиеся сами собой. Важно выдвинуть именно основные требования при каждой попытке учреждения временного революционного правительства, чтобы показать всему народу, всей, даже наиболее темной, массе в кратких формулах, в резких, ясных очертаниях цели этого правительства, его общенародные задачи.

Нам думается, можно указать шесть таких основных пунктов, которые должны стать политическим знаменем и ближайшей программой всякого революционного правительства, которые должны привлечь к нему сочувствие народа, и на которых должна сосредоточиться вся революционная энергия народа, как на самом насущном деле.

Вот эти шесть пунктов: 1) всенародное учредительное собрание, 2) вооружение народа, 3) политическая свобода, 4) полная свобода угнетенным и неполноправным народностям, 5) 8-часовой рабочий день, и 6) крестьянские революционные комитеты. Разумеется, это только примерный перечень, это только заглавия, обозначения целого ряда преобразований, необходимых немедленно для завоевания демократической республики. Мы не претендуем тут на исчерпывающую полноту. Мы хотим лишь наглядно выяснить свою мысль о важности известных основных задач. Необходимо, чтобы революционное правительство стремилось опереться на народные низы, на массу рабочего класса и крестьянства,—без этого оно не может держаться, без революционной самодеятельности народа оно есть нуль, хуже нуля. Наше дело—предостеречь народ от авантюризма громких, но нелепых обещаний (в роде немедленной «социализации», которой не понимают сами говорящие о ней), выдвинув в то же время преобразования, действительно осуществимые в данный момент и действительно необходимые для упрочения дела революции. Революционное правительство должно поднять «народ» и сорганизовать его революционную активность. Полная свобода угнетенных народностей, т.-е. признание не только культурного, но и политического самоопределения их, обеспечение настоятельных мер к охране рабочего класса (8-час. раб. день, как первая из ряда этих мер), наконец, гарантия серьезных, не считающихся с корыстью помещиков мер в пользу крестьянской массы,—таковы, по нашему мнению, главные пункты, которые должно особенно подчеркнуть всякое революционное правительство. Мы не говорим о первых трех пунктах, которые слишком ясны, чтобы требовать комментариев. Мы не говорим о необходимости практического осуществления преобразований даже на небольшой отвоеванной, к примеру скажем, у царизма, территории,—практическое осуществление важнее в тысячу раз всяких манифестов и труднее, конечно, тоже в тысячу раз. Мы обращаем внимание лишь на то, что нужно теперь уже и немедленно всеми мерами распространять правильное представление о наших общенародных и ближайших задачах. Нужно уметь обратиться к народу—в настоящем смысле этого слова—не с одним только общим призывом к борьбе (этого достаточно в эпоху до образования революционного правительства), а с непосредственным призывом к немедленному осуществлению самых основных демократических преобразований, к немедленному самостоятельному проведению их в жизнь.

Революционная армия и революционное правительство, это—две стороны одной медали. Это—два учреждения, одинаково необходимые для успеха восстания и закрепления плодов его. Это — два лозунга, которые необходимо должны быть выдвинуты и разъяснены, как единственные последовательные революционные лозунги. У нас много теперь есть людей, называющих себя демократами. Но много званных, да мало избранных. Много говорунов «конституционно-демократической партии», да мало среди пресловутого «общества», среди, якобы, демократического земства истинных демократов, т.-е. людей, которые искренно стоят за полное самодержавие народа, которые способны бороться не на жизнь, а на смерть с врагами народного самодержавия, с защитниками царского самодержавия.

У рабочего класса нет этой трусливости, этой лицемерной половинчатости, которые свойственны буржуазии, как классу. Рабочий класс может и должен быть вполне последовательным демократом. Рабочий класс своей кровью, пролитой на улицах Петербурга, Риги, Либавы, Варшавы, Лодзи, Одессы, Баку и массы других городов, доказал свое право на роль авангарда в демократической революции. Он должен оказаться на высоте этой великой роли и в переживаемый решительный момент. Сознательные представители пролетариата, члены Р. С.-Д. Р. П., должны, ни на минуту не забывая о своей социалистической цели, о своей классовой и партийной самостоятельности, выступить перед всем народом с передовыми демократическими лозунгами. Для нас, для пролетариата, демократический переворот только первая ступень к полному освобождению труда от всякой эксплоатации, к великой социалистической цели. И поэтому тем скорее должны мы пройти эту первую ступень, тем решительнее должны мы разделаться с врагами народной свободы, тем громче должны мы проповедывать лозунги последовательной демократии: революционная армия и революционное правительство.

(Н. Ленин).

Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана.

Заграничная печать всех стран и всех партий полна известиями, телеграммами, статьями по поводу перехода части судов Черноморского флота на сторону русской революции. Газеты не находят слов для выражения своего изумления, для достаточно сильной характеристики того позора, до которого довело себя самодержавное правительство.

Верхом этого позора было обращение царского правительства к Румынии и Турции с просьбой о полицейской помощи против вос-

ставших матросов! Вот когда сказалось, что «турки внутренние» страшнее для русского народа, чем всякие «турки внешние». Турецкий султан должен защитить царское самодержавие от русского народа; царю нельзя опереться на русские военные силы, и он молит о помощи чужие державы. Трудно представить себе лучшее доказательство полного краха царской власти. Трудно подыскать лучший материал для разъяснения солдатам русской армии их роли.

Вот что пишет в передовой статье 4-го июля (н. ст.) газета «Таймс»,—надо заметить, что это—одна из самых богатых и наилучше осведомленных во всем мире газет, орган консервативной английской буржуазии, находящий даже наших «освобожденцев» непомерно радикальными, сочувствующий «шиповцам» и т. д. Одним словом, в преувеличении сил и значения русской революции никто уже не заподозрит эту газету.

«Бессилие русского правительства на море,—пишет «Таймс»,—нашло себе поразительное подтверждение в той ноте, с которой, как сообщают, оно обратилось к Порте (т.-е. к турецкому правительству) и к румынскому правительству. В этой ноте русское правительство просит названные государства рассматривать возмутившихся матросов русского флота, как обыкновенных уголовных преступников, и предостерегает их, что в противном случае возможны международные осложнения. Другими словами, правительство царя унизилось до того, что умоляет турецкого султана и короля румынского быть настолько добрыми и выполнить для него ту полицейскую работу, которую оно само для себя выполнить уже не в состоянии. Остается выждать, соблагоизволит ли Абдул Гамид оказать царю просимую им помощь, или нет. До сих пор единственным результатом восстания матросов с точки зрения его влияния на турецкие власти было то, что оно побудило их к более строгому, чем обыкновенно, надзору, при чем первой жертвой этого надзора оказалось в субботу русское судно береговой обороны, на котором вечером, когда уже было темно, въезжал в Босфор русский посол. Турки выстрелили по этому судну холостым зарядом. Год назад турки вряд ли решились бы таким способом осуществить свой надзор. Что касается румынского правительства, то оно поступило правильно, игнорируя просьбу рассматривать восставших матросов, как уголовных преступников. Этого, конечно, и следовало ожидать от правительства нации, уважающей самое себя. Румынское правительство приказало не давать ни припасов, ни угля «Потемкину», но оно сообщило в то же время его 700 матросам, что если они высадятся на берег в Румынии, то их будут рассматривать лишь как иностранных дезертиров».

Итак, румынское правительство отнюдь не на стороне революции, ничего подобного! Но унижаться до полицейской службы всеми ненавидимому и презираемому царю всей России оно все же не хочет. Оно отказывает царю в его просьбе. Оно поступает, как только и может поступать «правительство нации, уважающей себя».

Вот как говорят теперь в Европе о русском самодержавном правительстве, говорят те люди, которые еще вчера подобострастно кланялись «великому и могучему монарху!».

Теперь и в немецких газетах есть подтверждение этого нового неслыханного позора самодержавия. В «Франкфуртскую Газету» телеграфируют из Константинополя от 4 июля н. ст.: «Русский посол Зиновьев передал вчера турецкому правительству ноту петербургского кабинета, в которой сообщается, что около 400 русских матросов, потопив один крейсер, спаслись третьего дня на одно английское торговое судно, шедшее по направлению к Константинополю. Русский посланник требует от Турции безусловного задержания этого торгового судна при переходе его через Босфор, а также ареста и выдачи возмутившихся русских матросов. Турецкое правительство в тот же вечер собрало на экстренное заседание совет министров, который обсудил русскую ноту. Турция ответила русскому посольству, что исполнение его требования для нее невозможно, ибо по международному праву Турция не имеет прав полицейского надзора за судами, идущими под английским флагом, даже тогда, когда эти суда находятся в турецких гаванях. Кроме того, между Россией и Турцией нет договора о выдаче преступников».

Турция ответила «мужественно»,—замечает по этому поводу немецкая газета. Турки не хотят быть полицейскими прислужниками царя!

Сообщают также, что когда миноносец «Стремительный» *) вместе с несколькими другими военными судами пришел в Констанцу (Румыния) в поисках за «Потемкиным», то румынское правительство указало русским властям, что в румынских водах за порядком наблюдает румынская армия и румынская полиция даже в том случае, если бы «Потемкин» находился еще в румынских водах.

Оказывается, таким образом, что вместо беспокойства иностранным судам со стороны «Потемкина» (чем пугало Европу царское самодержавие) неприятности сыпятся теперь на них от русского флота. Англичане возмущены задержанием и обыском в Одессе их судна «*Granley*». Немцы негодуют по поводу слухов о том, что турки остановят и обыщут по просьбе русских идущее из Одессы в Константинополь немецкое судно «Пера». Может-быть, при таких обстоятельствах не так-то легко будет России получить помощь от Европы против русских революционеров. Вопрос об оказании такой помощи обсуждают очень многие заграничные газеты, но большей частью они приходят к выводу, что не дело Европы помогать царю бороться против «Потемкина». В немецкой газете «*Berliner Tageblatt*» появилось сообщение, что русское правительство обратилось и к державам с просьбой послать их военные суда из Константинополя в Одессу, чтобы помочь восстановить порядок! Насколько верно это сообщение (опровергаемое некоторыми другими газетами),—покажет недалекое будущее. Несомненно одно, что переход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами.

Этого обстоятельства не надо забывать при оценке того сообщения, которое делает г. Леру в телеграмме от 4/VII н. ст. из Петербурга в парижскую газету

*) На «Стремительном», говорят, нет матросов. Почти вся команда состоит из одних офицеров. Аристократия против народа!

«Le Matin»: «Во всем этом происшествии с «Потемкиным»,—пишет он,—поразительна непредусмотрительность русских властей, но нельзя не отметить также недостатка в организации революции. Революция овладевает броненосцем,—событие, невиданное в истории!—не зная в то же время, что с ним делать».

Тут есть большая доля правды, несомненно. Мы повинны, спора нет, в недостаточной организованности революции. Мы повинны в слабости сознания некоторых социал-демократов насчет необходимости организовывать революцию, поставить восстание в числе неотложных практических задач, пропагандировать необходимость временного революционного правительства. Мы заслужили то, что нам, революционерам, делают теперь буржуазные писатели упреки по поводу плохой постановки революционных функций.

Но заслужил ли этот упрек броненосец «Потемкин»,—мы не решимся сказать. Может-быть, его команда преследовала именно ту цель, чтобы показаться в гавани европейской державы? Разве русское правительство не скрывало от народа вестей о событиях в Черноморском флоте до тех пор, пока «Потемкин» не пошел свободно в Румынию? И в Румынии революционный броненосец передал консулам прокламацию с объявлением войны царскому флоту, с подтверждением того, что по отношению к нейтральным судам он не позволит себе никаких враждебных действий. Русская революция объявила Европе об открытой войне русского народа с царизмом. Фактически русская революция делает этим попытку выступить от имени нового, революционного правительства России. Несомненно, что это лишь первая, слабая попытка, но «лиха беда начало»,—говорит пословица.

По последним известиям, «Потемкин» пришел в Феодосию, требуя припасов и угля. Городское население волнуется. Рабочие требуют удовлетворения просьбы революционного броненосца. Дума постановляет отказать в угле, но дать провизию. Весь юг России волнуется так, как никогда. Число жертв гражданской войны в Одессе исчисляется в 6000 человек. Телеграфируют о расстреле 160 инсургентов военным судом, о том, что из Петербурга дан приказ «не давать пощады!». Но войска бессильны, войска сами ненадежны. В фабричных предместьях Одессы волнение не утихает. В прошлую ночь (с 4 на 5 июля н. ст.) убито 35 человек. Большая часть войск по приказу генерал-губернатора выведена из города, потому что среди войск обнаружился серьезный недостаток дисциплины. В Николаеве и Севастополе произошли волнения в правительственных арсеналах. В Севастополе убито 13 человек. В пяти уездах Херсонской губернии идут крестьянские восстания. В последние четыре дня убито до 700 крестьян. «Начинается, повидимому,—так гласит телеграмма из Одессы в Лондон от 5/VII н. ст.,—борьба не на жизнь, а на смерть между народом и бюрократией».

Да, настоящая борьба за свободу,—борьба не на жизнь, а на смерть, только еще начинается. Революционный броненосец еще не сказал своего последнего слова. Да здравствует же революционная армия! Да здравствует революционное правительство!

(*Н. Ленин*).

Организация монархистов [1]).

[Глумов у Щедрина говорит о либералах:

«Ведь, мы как радуемся! И день, и ночь, и день, и ночь! И дома, и в гостях, и в трактирах, и словесно, и печатно! Только и слов: слава богу! дожили! Ну и нагнали своими радостями страху на весь квартал!».

После приема царем земской депутации сердца либералов растаяли. Радостно приветствовали они начало новой эры,—эры единения Николая Кровавого с народом. Не спросили они только у народа: желает ли он единения с извергом бесчисленных дней «9 января»! Не спросили они и ту клику казнокрадов и мундирных разбойников, которой так тепло живется под усиленной охраной! А, между тем, как мало требуется наблюдательности, чтобы видеть, что не мундирные разбойники существуют для самодержавия, а самодержавие для мундирных башибузуков! Как немного нужно ума для понимания того, что за спиной Николая-марионетки его окровавленными руками играет определенная общественная сила. В последнее время эта сила все более выдвигает принцип «самодеятельности»].

Защитники [самодержавия] поняли, что почва колеблется под их ногами, и почувствовали необходимость организовать свои силы для самозащиты. [И вот] в абсолютистской России возникла своя монархическая партия. Воззвание этой партии призывает всю «благомыслящую Россию, воспрянув духом, сплотить свои силы и приступить к внутренней культурной работе по оздоровлению нашей общественной мысли... ждать дальше не приходится... широко несется пропаганда об ограничении власти русского царя-самодержца»... Все паразиты, питающиеся у разлагающегося самодержавия, стремятся встать на защиту источника своего благополучия. Правда, «Гражданин» попытался-было возразить против организации особой монархической партии в монархической стране. «Монархисты—это весь русский народ»,—хочет он уверить читателя. Но чувство самосохранения берет верх у него, и он тоже призывает к соединению в «одну дружную семью» и к дружному отпору «опасным внутренним врагам отечества». Орган же князя Мещерского «Дружеские Речи» защищает черные сотни, прямо заявляя, что «черная сотня—это православный народ русский», а весь русский народ, это и есть, по его мнению, монархическая партия. Монархическую партию в Москве так и называют партией черной сотни или партией Чудова монастыря, потому что во главе ее стоит московский епископ Никон. Он напечатал брошюру под заглавием «Голос из обители преподобного Сергия о печальных событиях последнего времени на Руси». Брошюра эта призывает к борьбе с прогрессивными партиями, с интеллигентами, которые «желают свободы личности, народного представительства, гражданского равенства и контроля над администрацией». Но с особенным раздражением и ненавистью относится автор брошюры к революционерам и рабочим. «На улицах городов, на улицах столиц,—пишет он,—бушуют толпы рабочих, требуют невозможного, часто даже того, о чем и сами не имеют понятия, не слушают никаких увещаний и готовы обратиться в диких зверей, коих выпустили из клеток... Против же зверей — одно средство—

оружие»... И орган монархической партии предлагает действительно сильные средства, чтобы «сразу положить конец уже слишком нагло разбушевавшейся в России революционной крамоле. Достигнуть же этого можно только диктатурой... Всю Россию со всеми ее окраинами необходимо теперь же объявить на военном, а где нужно, и на осадном положении, которое прекратится только тогда, когда прекратится вся внутренняя смута». Так велик страх монархистов перед «врагами внутренними»!

Монархическая партия заявляет в своем воззвании, что она «всецело основывается на манифесте 18-го февраля. Указ 18-го февраля является залогом нашего будущего прогресса, так как он устраняет всякую идею о конституционном народном представительстве и этим сохраняет незыблемость и целость царского самодержавия».

Программа монархической партии вполне определенна. Она состоит только из трех пунктов. Первый пункт заключается, конечно, в усмирении «врагов внутренних», так как вся монархическая партия и сложилась-то только для борьбы с этим страшным для реакционеров пугалом. Второй пункт предлагает диктатуру для усмирения этих «врагов внутренних». И, наконец, когда будет одержана победа над «врагами внутренними» и победоносно закончена война с Японией,—тогда только наступит время для реформ, при чем партия будет стараться, чтобы реформы эти привели к еще большему укреплению неограниченной самодержавной власти и к «возвеличению православной церкви». Следующими пунктами программа намечает первые важнейшие реформы, а именно: окончательную руссификацию окраин; уничтожение земства и бюрократии, что, разумеется, предполагает замену их крепостными отношениями; опеку высших сословий над материальной и особенно духовной жизнью пролетариата и крестьянства; преобразование судопроизводства и школы; укрепление права частной собственности вообще и особенно на землю; рациональную организацию переселенческого дела для улучшения положения крестьян (очевидно, что оставлять их голодать без всякой надежды на лучшее не совсем безопасно и при военном положении). Последний пункт программы реформ представляет собой, так-сказать, общий вывод из всех намеченных реформ и требует создания вообще единой, неделимой, крепко сплоченной российской империи. Программа реформ составляет третий пункт программы монархической партии. Мы видим, что вся эта программа представляет собой все тех же трех китов: самодержавие, православие, народность, при чем эта последняя выражается в руссификации окраин и крепостных отношениях внутри России.

Практическая деятельность [монархической партии] состоит в организации черных сотен. Она ведет усиленную пропаганду листками и брошюрами среди самых темных слоев населения, но в своей достойной работе она встречает себе поддержку только со стороны полиции. [От нее отвернулись даже представители консервативных течений. Что касается последних, то одной из наиболее] серьезных [консервативных] организаций является Союз русских людей или, как его иначе называют, Шереметьевская партия.

Программа ее тоже состоит из трех пунктов: первый пункт толкует о сохранении монархии. Второй, основываясь на словах рескрипта 18-го февраля, говорит о выборе народных представителей, но, разумеется, только с правом совещательного голоса в предварительном обсуждении законов. Третий [пункт] касается усмирения внешних и внутренних врагов, смущающих верные монархические сердца. «Московские Ведомости» очень вооружаются против 2-го пункта этой программы, говорящего о народном представительстве; но представительство это совсем не опасно для самодержавия, потому что оно нисколько его не ограничивает. Подобные же монархические кружки организуются кое-где и в других городах. Так, в Киеве образовалась строго консервативная партия под именем Национально-патрио-

Очерки из истории революционной борьбы западно-европейского пролетариата.

V. Падение королевской власти.

Прошел год со дня падения Бастилии. К его годовщине со всех сторон Франции стеклись в Париж пламенные друзья самоосвобождения народа, и решено было с торжеством отпраздновать на Марсовом поле день 14 июля 1790 года.

Но неоконченная революция полна лжи. Народ с энтузиазмом готовился к своему революционному празднику, но не так относились к нему разбитые, полураздавленные элементы старины—духовенство и король, которые благодаря частью трусливой нерешительности, частью сантиментальности умеренной буржуазии все еще пользовались почетом и властью, лишь наполовину скрыв свое полное ненависти лицо под маской официального признания половинчатых результатов недовершенной революции. Праздник вышел холодный и фальшивый. Месса известного предателя еп. Талейрана и натянутые речи короля—все это было крайне неуместно.

И все же это курьезное празднество, на котором старые господа, поклявшиеся в глубине души задушить революцию и отомстить за поругание своего величия, лицемерно прославляли геройство толпы, разбившей их оплот,—это смешное празднество имело крупный результат: войска приняли за истину признание королем революции, они радостно братались с народом, народная мысль широкими волнами стала проникать в солдатские сердца, и... король потерял армию окончательно. Грозный солдатский бунт в Нанси показал это ясно, страшно встревожив придворное гнездо заклятых врагов революции, лицемерно с ней примирившихся. «Нет ничего более жалкого,—говорит один из историков революции,—как власть, имевшая единственной опорой силу и потерявшая войско». При этом надо заметить, войско не просто потеряно—оно переходит открыто на сторону революции. Недаром наши великие князья заявили Николаю на одном из военных советов после Цусимы: «Пусть лучше японцы уничтожат манчжурскую армию, чем возвращать ее в Россию, где она может

тического общества, состоящего, главным образом, из представителей купечества.

Из тайного циркуляра министра внутренних дел мы видим, что в Петербурге образовалось «Тайное общество террористов-консерваторов «Белый Передел», поставившее своей задачей борьбу с представителями революционного движения, вплоть до бомб. В Тамбове появилось гектографированное «воззвание к русским патриотам» от имени «Тамбовской партии патриотов». Во Владимирской и Тульской губерниях появляется печатный листок: «Издание Народного Союза», направленный к агитации против представителей интеллигентного общества, земцев и вообще «господ», желающих [как сказано], ограничить самодержавную власть в личных своих видах. В Бессарабской губ. распространялось воззвание «Союза истинно русских людей, патриотов Бессарабии», обращенное «К солдатам» с приглашением не слушать политических агитаторов и передавать их в распоряжение властей. Кроме того, в той же Бессарабии появился «Устав Бессарабской патриотической лиги», имеющей целью служить интересам правительства и быть подмогой администрации в борьбе за сохранение существующего государственного строя; в числе средств для достижения этих целей имеется в виду «возбуждение в массе враждебного отношения к агитационной деятельности членов революционных партий с целью добиться протеста в форме демонстраций, петиции, тенденциозных адресов, стачек, забастовок и проч.». В Двинске появился ряд воззваний «Первой русской партии в защиту самодержавия».

Правительство, опасаясь медвежьих услуг со стороны своих чересчур усердных защитников, [пока еще не слишком поощряет все эти общества. Был даже циркуляр, предлагающий] местным властям принять меры против распространения их литературы. Но чем больше близится падение самодержаия, [чем слабее становится официально-организованная бюрократическая машина], тем все больше и больше будет выплывать на свет божий таких кружков и союзов, для которых отстаивание самодержавного режима является вопросом самосохранения. [И остается только разводить руками от изумления, когда видишь, как тают сердца либералов от первого лицемерно-приветливого слова, обращенного к ним кровавой марионеткой самодержавного театра. Когда же, наконец, наши либералы достигнут хотя бы самой элементарной политической зрелости? Когда перестанут они «нагонять своими радостями страху на весь квартал»?

Россия уже вступила в период гражданской войны. И вопрос о политической свободе решится не «милостивыми» словами, а силой оружия восставшего пролетариата].

(М. Ольминский и В. М. Величкина).

Конституционный пряник для Николая II.

«Монарх» находит конституцию ужасно горькой. «Но поверьте,—говорят ему либералы,—это—лекарство, оно освободит вас от вечного озноба, сопровождаемого сильнейшим расстройством желудка, которым вы страдаете уже два года, если не больше».—«Горько!»,—стонет «монарх».—«Проглотите, проглотите, Ваше Величество, иначе болезнь обострится, и вам придется подвергнуться неприятному хирургическому лечению, освободившему от страданий и колебаний Карла I и Людовика XVI; мы, гомеопаты, хотим только, чтобы вы проглотили несколько крупинок горьких, но целебных, а за нами наступает хирург,—слышите его неумолимые шаги?».

Но так как «монарх» колеблется, то известный историк и правовед М. Ковалевский, весьма уважаемый либерал, решил поманить пациента еще пряничком, который Николай получит по принятии лекарства. Для

стать под знамя бунта». Россия восстала против Романовых, и теперь их задача—ослабить Россию, как мечтою Людовика было унизить Францию оружием иностранцев.

Королевская власть колебалась. Но не один король трепетал перед грозно вздымавшимися новыми и новыми валами революции: желала сохранить достигнутое, желала заворожить вызванные ею силы и либеральная буржуазия, считавшая свою умеренную и аккуратную конституцию, «принятую» королем, верхом юридической и политической мудрости. Король не мог не изменять. От него невозможно было и требовать верности принципам, противным его воспитанию, религии, всей его натуре. Нация не могла не следить за королем миллионами недоверчивых глаз, не могла не готовиться покончить с установленными умеренной буржуазией порядками, при которых верховные права защиты Франции были доверены ее врагу, заклятому врагу новой, народной Франции. И либеральные политики, те, по крайней мере, у которых, кроме сантиментального прекраснодушия и краснобайства, был политический смысл, должны были выбирать: с королем или с народом. Итти с королем значило изменить народу, значило ковать против него оружие, пряча его до поры, до времени. И на этот путь вступил великий трибун буржуазного либерализма—Мирабо.

Если нам, русскому народу, предстоит пережить конституционное переходное время, то у нас, конечно, не появится таких великих либеральных трибунов, как Мирабо, но, наверное, появятся столь же великие предатели-либералы. Мирабо советовал королю бежать в какую-нибудь хорошо укрепленную крепость, стянуть туда дворянство и оставшееся верным войско, опереться на дружественную помощь иностранных тиранов и объявить беспощадную войну Парижу, осадить его извне, изолировать и разгромить.

Мирабо умер. Но именно для исполнения этого плана король бежал с семьею 20 июня. Мне, разумеется, нечего рассказывать общеизвестную историю о том, как почтмейстер Друэ узнал Людовика XVI, как его арестовали в Варэнне и привезли под стражей назад в Париж.

Удивляются тому сосредоточенному озлоблению, с каким толпы простонародья и национальная гвардия конвоировали беглого короля. Солдаты шли, подняв вверх приклады, как на похоронах, все время гремел клич: «Да здравствует нация!», в котором звучало уже осуждение королю. Озлобление было так велико, что,

своего весьма дипломатического шага высоколиберальный ученый выбрал не «Русские Ведомости, не «Нашу Жизнь», вообще не какую-нибудь добропорядочную газету, а крикливую, то фарисейски велеречивую, то шутовски кривляющуюся «Русь» г-на Суворина-сына. «Статья-пряник» озаглавлена: «Монарх не может делать зла». Суворин-сын предпослал ей несколько «крылатых слов»:

«В статье М. М. Ковалевский дает настоящее объяснение подписи министров под указами монархов в западно-европейских государствах. У нас общество, начитавшись истории западно-европейских государств, все еще не может отстраниться от привычки полемически понимать отношение между верховной властью и народным представительством.

В объяснении М. М. Ковалевского ярко рисуется, напротив того, возвышенное представление о государственной верховной власти, которое лежит в основе выясняемого им принципа английского строя».

Содержание статьи заключается в полемике против той шиповской «севрюжины с хреном», которую несколько политических шарлатанов хотят выдать наивным людям за конституцию. Но полемика эта особого и хитроумного рода. М. Ковалевский доказывает не то, что шиповская конституция есть обман народа и подлая капитуляция умеренных земцев перед троном, а то, что конституция эта... невыгодна монарху. «В чем беда монарха?»—спрашивает англоман Ковалевский.—«В том, что монарха обвиняют во всех мерзостях и преступлениях правящей шайки». (О, г. Ковалевский так, конечно, не выражается, это я для краткости передаю его мысли «своими словами»). При шиповской конституции «монарх» остается ответственным и все еще будет подвергаться опасности лично против него направленного народного гнева. Но при английских порядках «монарх» совершенно безопасен: «ешь, пей и веселись, душа! ибо запасы твои велики», как говорится в библии. Министры будут отдуваться, министров будут по шее гонять, а ты только носи венец и порфиру. Спокойствие, честь и роскошь—все к твоим услугам, монарх, и ни бомб, ни гильотины уж не будешь страшиться...

Англо-либеральные и ангельски-сладостные серенады уважаемого конституционалиста вряд ли будут услышаны. Но нас более занимает не это, а другой аргумент М. Ковалевского, открывающий нам, как представляет он себе, грядущую свободу.

Ковалевский отмечает крайнюю опасность при шиповских порядках требуемого Шиповым права запроса безответственных министров. И вот в чем опасность:

«Когда этим правом в Англии и по ее образцу на всем европейском Западе пользуются члены оппозиции, они имеют в виду взамен правительственной провести в жизнь собственную программу. Они знают, что с поворотом общественного мнения в их пользу им придется, в свою очередь, сделаться правительством; они предлагают поэтому только меры, в их глазах вполне назревшие и практически осуществимые,—меры, с проведением которых они связывают свою ответственность. Раз не имеется того сдерживающего влияния, какое представляет страх быть вынужденным в любой момент перейти от предложения к исполнению, от теории к практике, депутату в рядах оппозиции откроется возможность дать полный простор своей реформаторской фантазии. В этом лежит и его прямой интерес».

Ковалевский поясняет:

«Чем смелее будут предлагаемые им решения, тем больше он возбудит нервы той бесчисленной аудитории, которая питается газетными известиями. Так как все депутаты проникнуты тем же сознанием своей зависимости от анонимной толпы читателей—будущих избирателей, то явится понятное соревнование в captatio benevolentiae: каждый постарается обогнать других широтою своих схем».

Видите ли, чем объясняются «по социологу психо-

когда какой-то дворянин раскланялся с королем, толпа сорвала на нем свое бешенство, и голова его на пике поплыла впереди кортежа.

Но если все это удивительно, то лишь в смысле удивительности этого верного инстинкта, чутья, подсказавшего революционному народу несомненную наличность преступления, крайней опасности, скрытой за бегством Людовика. Что касается либеральных конституционалистов, то бегство короля их ничему не научило, никакого расследования его планов не было сделано. Если такие героические младенцы, как Лафайет, могли и после Варэнна надеяться на возможность быть и за короля, и за народ, то другие ясно сознавали, что в виду опасности со стороны нежелающей остановиться на полпути революции, пожалуй, не рациональнее ли предоставить королевским планам свободу развития? Конечно, так думала лишь самая умеренная и дряблая часть буржуазии, более же энергичная и самоуверенная часть либеральной буржуазии слишком дорожила приобретениями революции и боялась королевских измен. Она мало-помалу переходила на республиканскую точку зрения. Таковы были жирондисты. Но они не понимали, что великая революция не может остановиться и на буржуазной республике с властью привилегированных граждан, а стать на чисто-демократическую точку зрения, на которую стала позднее «Гора», они не могли, так как они были выразителями идей и интересов зажиточной буржуазии и научно образованной, хорошо оплачиваемой интеллигенции.

Как я уже сказал, недоверие и озлобление народа росло, а либералы-конституционалисты, так-наз. фельяны, бывшие у власти, решились изо всех сил защищать короля. Это повело к гнусному преступлению 17 июля 1791 года. Незадолго до этого дня учредительное собрание издало декрет о неприкосновенности и неответственности того короля, в измене которого народ был убежден (и совершенно правильно), и власть которого, навязанную и поддерживаемую либералами, он сносил с нетерпением и горечью.

По предложению некоторых демократических ораторов и публицистов мелкая буржуазия и примыкавшая к ней беднота решили протестовать против издевательства «умеренных». На Марсовом поле семь тысяч человек,—и заметьте, мужчин и женщин,—подписали протестующую против декрета петицию.

Это было не по вкусу новым слугам короля, новым

логической школы» «смелые проекты»?—Каждый хочет наловить побольше «анонимных читателей газет». Ни слова, ни звука о том, что в стране существуют классы с совершенно разнородными интересами, и что 99 из 100 «смелых проектов» суть просто выражение настоятельнейших нужд классов, наиболее угнетенных. О! на-ряду с консервативной правящей партией г. Ковалевский согласен допустить и оппозицию, он, пожалуй, сам не прочь занять кресло среди этой оппозиции; но, сдерживаемая спасительным, несколько напоминающим мартыновщину страхом оказаться у кормила правления, оппозиция эта будет двигаться вперед лишь черепашьим шагом. Г. Ковалевский приводит далее образчик тех безумных мер, которыми депутаты будущей русской палаты будут улавливать «анонимных читателей газет», если перед ними не будет грозной перспективы самим получить министерские портфели. И—странно!—все эти примеры суть не что иное, как слегка лишь утрированные требования социал-демократии.

Послушайте:

«Сегодня министры будут запрошены насчет необходимости ввести в России шестичасовой рабочий день, помимо предварительного уговора с прочими державами, благо его предлагает «утопия» Моруса; завтра поставлен будет вопрос о национализации земель, по возможности без вознаграждения их теперешних собственников; найдется досужий оратор, которого не испугает мысль об отмене войска в виду возможности сделать из России, покрывающей одну шестую часть материков, подобие вечной нейтральной Бельгии. Химеричность самых проектов не может служить препятствием к их предложению: ведь, о практическом применении их самим автором не может быть и речи!».

Все эти меры на деле вовсе не так уж неисполнимы при допущении пролетарско-крестьянской диктатуры. Но это пока оставим в стороне и спросим лишь уважаемого профессора: как понять его маленький трактат? Неужели профессор допускает, что, кроме «оппозиции его величества», над головой которой, как Дамоклов меч, будет висеть министерский портфель, в палате не будет еще крайних оппозиционных партий? Эти партии, несомненно, будут предлагать множество «химерических», с точки зрения сытой буржуазии, проектов, на наш взгляд, потому, что они явятся представителями обездоленных классов, на взгляд «психолога» Ковалевского—ради уловления «анонимных читателей»... Как же быть? Ведь, химерические проекты все же будут и при ответственных министрах? Ведь, кроме танцующих кадриль вокруг министерских кресел наших доморощенных Сольсбери и Гладстонов, будут же у нас и Парнели, и Брайты? Мало того,—будут Бебели и Либкнехты? Как уберечься тогда от завоевания этими не устрашенными близостью портфеля людьми «анонимных читателей газеты»? Не начинаете ли вы догадываться? Очевидно, в грядущей палате им просто не должно быть места. И—странный психологический факт, г. Ковалевский!—стоит лишь ввести ценз и лишить полноправия бедняков и пролетариев, и палата сразу очистится от этих «демагогов», уловляющих химерами умы. «Психологически» это странно, но это совершенно ясно с точки зрения классовой. О, хитроумный Одиссей! В одном вы ошиблись: если вы не позволите раздаваться голосам «утопистов» в палате, они загремят на улицах: вы хотите спасти от взрывов народного гнева монаршую главу, не придумаете ли вы остроумной машины для спасения от них вашей милой палаты, где любезное большинство всегда с улыбкой готово уступить место любезному меньшинству, ибо и то, и другое—один чорт, одинаковые эксплоататоры! С точки зрения рабочей, нашей, далеко ли ушел М. Ковалевский от Шипова? Испеченный им конституционный пряник, быть-может, покажется достаточно вкусным Николаю II, но от него слишком мало толку рабочим, на счет которых должна будет производиться вся стряпня по рецептам Ковалевского для взаимоуслаждения государя, министер-

---

хранителям изменнического трона, хранителям во имя лживой и нежизненной конституции. На Марсовом поле произошла случайная потасовка, возникшая по недоразумению: нашли двух скрывавшихся мужчин, быть-может, воров, и избили их, уверенные в какой-нибудь изменнической западне. Мгновенно добродетельный седовласый Байльи, мэр Парижа, и донкихотствующий Лафайет явились на место демонстрации во главе национальной гвардии. Демонстранты гордо заявили, что не разойдутся, так как они пользуются лишь своим правом. В свое время так ответили либералы учредительного собрания на королевский приказ разойтись: король, самодержец, не решился пустить в ход силу и волей-неволей склонился перед правом; но господа либералы, прекраснодушные старцы и героические генералы, герои полусвободы и золотой середины, не задумываясь, пролили кровь народную. Национальная гвардия стала теснить народ, он решился защищаться неустрашимо. Тогда было дано несколько залпов в безоружную толпу, наполовину состоявшую из женщин. 400 мертвых и раненых были трофеями сладостного и рыцарственного Лафайета, этого «святого генерала» либерализма.

Либералы порвали с народом. Эта кровь им была отомщена позднее.

Учредительное собрание, выработав свою половинчатую конституцию, закончило свое существование, передав свои полномочия первому законодательному собранию. Под давлением общественного мнения всей Франции король, все время измennически переписывавшийся с иностранными тиранами, время-от-времени серьезно обсуждавший вопрос о том, кого надо будет казнить и кого миловать после разгрома революции, вынужден был торжественно объявить войну австрийскому императору и всей европейской реакции. Сердцем он был с ними, против Франции, которая стала ему чужой, но благодаря либералам он в одно и то же время для себя был абсолютным монархом и ненавидел «мятежный народ», а для них, для «умеренных» вождей народа,—«конституционным монархом»—другом революции. Торжественно читая членам законодательного собрания высокопарный адрес, он в частной переписке называл их «подлецами!». Это было 20 апреля 1792 года. Король думал, что теперь бдительность нации усыплена. Но усыпил он лишь вечно колеблющихся умеренно-буржуазных политиков.

ства его величества и оппозиции его величества...

Но высказывайтесь, высказывайтесь, господа либералы! Мы, «анонимные читатели», вас слушаем с большим вниманием.

(*А. Луначарский*).

Восстание в Одессе.

Одесса. 13-го июня тысяча рабочих собралась у завода Гена, чтобы итти снимать другие фабрики и заводы. Вызвали казаков, рабочие встретили их камнями и заставили казаков отступить на несколько кварталов. Затем запас камней кончился, и рабочие остановились. Остановились и казаки, спешились. Слезая с лошади, каз. офицер запнулся и упал. Рабочие бросились бить офицера. Казаки дали залп и убили троих рабочих. После этого кровопролития Комитет начал агитировать за всеобщую политическую забастовку и призывал рабочих требовать выдачи трупов убитых для похорон без участия войск и полиции. На эту тему велась агитация 13-го. 14-го пошли снимать, снимали дружно, к 5 час. вечера стояло почти все; конки перестали ходить, на Преображенской лежало 2 вагона—остатки баррикад. 14-го вечером разнесся слух, что из Севастополя на усиление войск пришел броненосец. В этот день были баррикады в двух местах, и происходили стычки с войсками и полицией, убито 2 полицейских. 15-го июня утром с.-д. организации получили листок от матросов с пришедшего броненосца, в котором те извещали, что они покончили со своим начальством и присоединяются к рабочим. На берегу Карантинной гавани в палатке лежал убитый матрос, и на груди его листок. Оказалось, что матрос жаловался на пищу, офицер приказал замолчать. Матрос отказался молчать, и офицер тут же убил его. Команда в 700 чел. взбунтовалась, убила 7 офицеров и сбросила их в море, больше десяти человек офицеров перевязала и позапирала по каютам и на свободе оставила только молодого мичмана. На броненосец отправлено по одному человеку от каждой с.-д. организации—военный совет. Матросы заявили, что если полиция или войско тронут убитого, лежащего на берегу, то броненосец начнет тотчас же бомбардировать город, а всем рабочим на этот случай предлагают собраться в Карантинной гавани, где они будут. Сегодня убитый матрос лежал весь день с листком на груди. Над шалашом развеваются ленты с надписями: «Слава погибшим борцам и долой убийц», и ни полиция, ни войска не подходят. Вытребованы 2 броненосца для усмирения, а матросы ждут прихода остальных броненосцев, так как настроение во всем флоте одинаковое, и тогда можно устроить похороны и выступать рабочим под охраной 2 тысяч вооруженных моряков. Ведется усиленная агитация среди войска, и, говорят, власти на войско не надеются. Толпа в несколько тысяч рабочих провела сегодня день в Карантинной гавани, речи говорились беспрерывно, от возгласов стон в воздухе стоял, а полиция и войско виднелись только на почтительном расстоянии. К вечеру оказалось, что рядом в гавани сложена масса ящиков с водкой, босяки стали напиваться; очевидно, полиция поставила водку, рассчитывая споить толпу и направить на погром. Организованные рабочие, которые уже разошлись-было, отправились топить ящики с водкой.

15-го и ю н я. С 13-го числа объявлена всеобщая забастовка. Два дня мы толпами ходили по улицам и всюду снимали с работы несознательных рабочих. Были мелкие стычки с полицией, но мы выходили победителями. Разъяренные шайки казаков беспощадно бьют и режут, не разбирая, детей, стариков, женщин. На третий день арестованы были 25 человек (высланных нами депутатов). Это взволновало всю массу, и началось шествие по улицам, на которых начали строить баррикады. Я никогда не забуду одной сцены, происходив-

---

Ободренный военной заносчивостью и чванством эмигрантов и немецких военачальников, король прогнал навязанное ему было жирондистское министерство и наотрез отказался подписать декрет против духовенства, не принесшего присягу конституции. Конечно, господа политики, «излюбленные мужи» зажиточного класса, которые благосклонно допускали кровавую защиту Лафайетом измышленной ими конституции от народа, не нашли средств для защиты ее от короля. Но тут уж народ не мог стерпеть. Ясно, что если бы король одержал верх в этом вопросе, если бы не нашлось силы, готовой противостать новым поползновениям короны,—дело революции было бы проиграно.

Народ решился напомнить собранию высокомудрых законодателей их обязанность защищать конституцию и сверху. Историки и юристы возмущаются, что народ решился оказать непосредственное давление на собрание представителей нации. Но забывают, что Париж, народный Париж секций, т.-е. мелких самоуправлений беднейших пригородов, действительно отстаивал права всего трудящегося и терпящего лишения многомиллионного населения, а пресловутые «представители нации» были на деле представителями лишь зажиточных слоев ее; забывают также историки и юристы, у которых всегда готово слово осуждения для «бестактного простонародья», что в день 17 июля 1791 г. либералы уже отделили свою политику от политики демократии красной полосой пролитой ими республиканской крови.

Да, народ решил еще раз выступить самолично на сцену, потому что момент был критический; революционный Париж снова заговорил 20 июня 1792 года, почти ровно через год после «либеральной» бойни.

В этот день 8 тысяч вооруженных людей, с демократическим деятелем Сантерром во главе, вышли из беднейших предместий Парижа и стройной колонной отправились к законодательному собранию. Их требования, вернее—их напоминания собранию были в высшей степени практичны: они хотели, чтобы жирондисты, замешанные в измене, были вновь призваны к управлению страною, чтобы декрет о мерах против неприсягавших конституции священников вошел в силу, и чтобы около Парижа был собран лагерь из 20.000 человек добровольцев, готовых до последней капли крови отстаивать завоеванную дорогую свободу. Народ желал отдать революцию под единственно действительную и надежную защиту—под защиту вооруженного народа.

шей на моих глазах. Представьте себе толпу детей (11—14 лет) с воодушевленными, вспотевшими личиками, стаскивающих своими маленькими ручонками бревна и камни для баррикады. Они так поглощены своей работой, что не обращают ни на что внимания, не слушают ни топота казацких лошадей, ни свиста нагаек. Праздная, глазеющая публика да и все мы содрогаемся, завидев их бешеный бег... Еще один момент, еще один скачок, и слетят, быть-может, невинные головки, перестанут биться эти еще чистые детские сердца... Раздался залп, и на несколько минут все покрылось как бы туманом. В воздухе запахло кровью. Когда туман рассеялся, мы увидели красную от крови мостовую, несколько убитых и раненых товарищей, в том числе и одну молодую девушку.

15-го и ю н я. Сегодня утром в порт прибыл эскадронный броненосец Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический» с восставшими матросами. Недовольство матросов вспыхнуло по поводу убийства командиром товарища. От имени всех матросов Григорий Вакулинчик заявил протест против отвратительной пищи—борща с червивым мясом. Старший офицер застрелил его. На броненосце начался ропот. Офицеры прибегли к оружию и ранили несколько матросов. Тогда все начальство броненосца было перевязано, 6 офицеров убиты и спущены в море, остальные арестованы на броненосце, за исключением одного мичмана, которого матросы знают, как своего. Он заявил, что готов умереть вместе с матросами. С арестованными офицерами обращение очень корректное. Все это произошло в 40 верстах от Одессы. Узнав, что в Одессе восстание, матросы отправились туда, чтобы присоединиться к восставшим.

Утром на броненосец отправилась вся местная высшая администрация для переговоров и потребовала труп убитого матроса. Матросы заявили, что труп принадлежит народу и будет отдан в его распоряжение. Труп перевезен на берег и лежит на моле под палаткой. На груди убитого—листок от матросов следующего содержания:

«Господа одесситы! Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакулинчика, убитого старшим офицером эскадронного броненосца «Князь Потемкин Таврический» за то, что Вакулинчик заявил, что «борщ не годится». Осеним себя крестным знаменем и скажем: мир праху его! Отомстим кровожадным вампирам! Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам! Да здравствует свобода!

Команда эскадронного броненосца
«Князь Потемкин Таврический».

Один за всех, все за одного!»

Около трупа несколько импровизированных трибун. Одна из трибун украшена черною лентою с надписью: «Слава павшим товарищам!». Вокруг многотысячная толпа, слушающая революционные речи ораторов. Толпа приветствует ораторов революционными возгласами и подхватывает революционные лозунги. Настроение небывалое. Были попытки со стороны полиции вызвать еврейский погром, агитация в этом смысле велась все время. Толпа убила 2 шпионов, призывавших к погрому; трупы убитых шпионов бросили в море при криках «ура!». Шпионы пытались организовать черную сотню, но тоже безуспешно; за речи о пользе самодержавия их избивали без дальнейших разговоров.

Тут же в гавани все время заседают представители социал-демократических организаций—Комитета, Группы и Бунда—и руководят действием агитаторов и организаторов. Прибывают все новые и новые массы народа, прочитывают вслух воззвание и восторженно подхватывают призыв к революции. На броненосце образовали совет с участием представителей социал-демократических организаций; он открыл сначала собрание в каюте, но потом перенес его наверх, и положение дел обсуждалось при всей команде. Матросы со вниманием прислушивались ко всему, что говорилось. Настроение

Законодательное собрание не посмело отказать народу в аудиенции. Длинной вереницей потянулись суровые граждане, вооруженные чем попало; немало среди них было и гражданок. Народ вел себя лойяльно: пики склонялись перед представителями нации, но угроза чувствовалась в этом шумном шествии доподлинных представителей народа через зал заседаний. Сантерр изложил в строгой речи народные требования, а потом «санкюлоты», люди в простонародном платье, пропели у трибуны «ça ira» и протанцевали революционный танец. Народ весел во время революции, он поет и пляшет. Господам чистым барам эти песни и танцы кажутся «людоедскими». На наш взгляд, не более ли людоедские танцы совершаются в высоких и блестящих залах под томные звуки изысканных вальсов, там, где бриллианты и кружева оплачены слезами и изнуряющим трудом, где, танцуя, топчут в могилу сердца тех, кто родился, чтобы быть «мясом для машин», каторжником и рабом веселящихся господ.

Из собрания народ отправился во дворец. Никто не смел противостоять ему. Король, ведя за руку своего сына, вышел к народу. Он собрал все свое мужество. Молча выслушал он требования народа и упорно отказал во всем. Этого слабого, мечущегося из стороны в сторону человека превратило в упрямого героя настойчивое воздействие духовенства: во имя бога и религии оно воспретило ему уступать, и обманутый, как последний мужик, Людовик ради царствия небесного, стиснув зубы, отвечал народу «нет!». Толпа сдерживала свои страсти. Она лишь предложила королю надеть на себя и на дофина фригийские красные шапки, какие носили защитники свободы. Король не отказался. И медленно толпа разошлась. Упрямство короля на этот раз лишь подтвердило республиканский инстинкт масс, но не возбудило стихийного гнева. Народ давал срок законодательному собранию действовать.

(*А. Луначарский*).

(Продолжение будет).

боевое и прочное. Все сознают серьезность и важность шага и его политическое значение. Подготовлялись к этому давно уже. Теперь ждут прибытия остальных судов эскадры, на присоединение которых к восставшим серьезно надеются.

Часов в 6 босяки начали громить товарные склады и монополию. Вино разливали и разбивали здание. Вспыхнул пожар, быстро охвативший всю гавань. Сгорели огромные склады пароходных обществ, все портовые здания, много пароходов и судов, пристань, эстакада; горит Пересыпь. Море пламени бушевало всю ночь. В городе невероятная паника. На вокзале давка. Буржуа уезжают. В пламени гибнут десятки миллионов. Весь порт и гавань заняты войсками, казаками и полицией. Никому не дают выйти оттуда, всех пытающихся выйти расстреливают. Слышны непрерывные залпы. Вслед за залпами среди треска и воя пламени вырываются возгласы «ура!». (Сообщено представителем Комитета).

15-го и ю н я. В 4 часа дня представителями социал-демократических организаций собрание в гавани было распущено в виду того, что матросы отказались высадиться на берег. Отказ этот мотивировали они тем, что не могут высадиться, пока не придут еще 3 броненосца, которых они ждали. После заявления ораторов все рабочие разошлись по домам, решив утром собраться опять для обсуждения дальнейшего плана действий. Гавань очистилась от рабочих, но громадная толпа осталась, преимущественно из босяков да частью из несознательных рабочих. Первым актом их действий было убийство стражника, который охранял товар на берегу; после этого начался грабеж. Сначала набросились на водку и вино, много бочек вина было брошено в море. Настроение толпы было зверское, озлобленное, но вся злоба была направлена против полиции. Во время грабежа один из босяков произнес речь приблизительно такого содержания: правительство прислало нам водку для того, чтобы мы напились и пошли разбивать жидов, но этому не бывать; от водки мы, конечно, не откажемся, но бить будем только полицейских чиновников, а не евреев, потому что они—наши товарищи, наши братья и т. д. В толпе раздавались крики «ура!», «долой полицию!» и т. п.

16-го и ю н я. Город объявлен на военном положении. Вчера не работали, но в городе было тихо. Утром пришел броненосец «Князь Потемкин» с двумя миноносками и транспортом. Свезли на берег убитого матроса (убит офицером) и положили в палатку. На труп его положили прокламацию за подписью матросов (текст см. выше).

Среди матросов и портовых рабочих произносились горячие речи орготорами из социал-демократических организаций. Речи были приняты очень хорошо. Братались с народом.

Часов в 5—6 матросы стали упрашивать публику разойтись до следующего дня, так как к ним ожидается присоединение остальной эскадры. Матросы говорили, что если в них будут стрелять, то они начнут бомбардировать город. Знак—красный флаг на броненосце. Сначала в гавань приехали казаки и солдаты. Матросы выкинули красный (боевой) флаг, и войска немедленно ушли из порта. Матросы потребовали под той же угрозой угля, им дали. Сегодня они потребовали баржу воды и получили. Их угрозы приняты всем городом очень серьезно. Они условились действовать заодно с организацией. На другое утро они решили хоронить товарища и понесли его через город на кладбище. Часть экипажа осталась на броненосце для угрозы, если остальным сделают какое-нибудь зло. В тот же день они отправили одну миноноску к остальной эскадре. Они сильно уверены в себе и в своих.

В 7—8 часов вечера босяки и мальчишки начали грабить в порту товары. Уже тогда появились и пьяные среди них, а днем держались сознательно, рассуждали. Между прочим, один стражник вступился за самодержавие (по словам одних) или говорил, чтобы бить жидов (по словам других), его сейчас же убили.

В 9 часов, возле памятника Екатерины бросили бомбу в казаков, не допускавших публику к бульвару. В порт никого не пускали. Легко ранено несколько казаков. В то же время начался пожар в порту. Поехала пожарная команда, но ее заставили вернуться назад... Все небо стало багряно-красным, порт—одно сплошное море огня. Видно было, что огонь не перебрасывается сам, но что поджигают. Горели: Андросов мол, военный и тот, что перед карантином. Горели суда, стоявшие возле брекватера. Загорелись стоявшие и за брекватером. Горели склады товаров, пакгаузы, эстакады на больших расстояниях. Часов в 11—12 ночи начались один за другим залпы: очевидно, появились войска. В кого стреляли, много ли жертв, неизвестно. Там море огня, а кругом темно. Потерпевших, говорят, 1000; минимальная цифра 800. До залпов каждый раз раздавалось снизу «ура», очевидно, при каждом новом поджоге. После начала залпов «ура» прекратилось.

Броненосец освещает город рефлектором. Стал он теперь у конца брекватера в боевую позицию к городу. Сегодня с 5 часов утра на бульвар везли орудия, штук 30. Везде стреляют при малейшей попытке приблизиться. Сегодня утром слышна была канонада.

17-го и ю н я. Вчера поехали 8—12 матросов хоронить убитого товарища. По их требованию им дали «церемонию». Провожала масса народу. Ультиматум поставили следующий: если не вернутся товарищи, отправившиеся на похороны, в 7 или 7½ час. вечера (т.-е. если их арестуют),—будут бомбардировать. Вдруг страшный гул, а за ним как-будто полгорода валится. Стрелял броненосец. Матросы думали, что товарищи их задержаны: не вернулись во-время. Опять тот же страшный звук, но еще сильнее, ближе. Одни бегут из парка, другие в парк. Броненосец приблизился к карантинному молу, возле него миноносец. Стоит носом к берегу. Теперь все сомнения пропали. Рубикон перейден. Вся публика—под влиянием этого чувства разрыва с прошлым. Целили, очевидно, в Соборную площадь, где настоящий военный лагерь: ядро перелетело один квартал. Сорвало крышу на Спиридоновской. Вечером на улицах пусто, как никогда. Идем по Преображенской в 9 час. На квартале встречается 1—2 человека. Доходим до Троицкой улицы,—перегорожена войсками. Пришлось свернуть на другую.

Сегодня в 2 часа собралась вся эскадра. По словам одних, эскадра против «Потемкина», и он, будто бы, после переговоров сдался; по словам других, эскадра

присоединилась к нему, в городе всюду войска. Ланжерон занят артиллерией, не пускают туда. Только в один парк еще пускают, но лишь в один уголок и на 20 саженей подальше от этого уголка.

От ред. Из иностранных, а отчасти и из русских легальных газет теперь уже известно, что из эскадры временно присоединился к «Потемкину» только броненосец «Георгий Победоносец». Но из поведения эскадры ясно также, что она отказалась стрелять в «Потемкина». После того революционный броненосец побывал в Румынии (порт Констанца), а затем прибыл в Феодосию. Последние телеграммы сообщают, что броненосец бомбардирует, а верноподданные сухопутные войска грабят этот город.

(От ред. М. Ольминский).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Буржуазия торгуется с самодержавием, самодержавие торгуется с буржуазией. Чуть не каждый день приносит подтверждения этой «торговли», на которую мы так давно обращаем внимание русских пролетариев. Вот интересная телеграмма г. Леру из Петербурга от 2 июля н. ст.: «Собрание представителей городов и земств 28 и 29 июня (15 и 16 ст. ст.) выработало еще раз (сотый раз!) конституционные требования и по телеграфу послало их в министерства. Требования выше обычных: народное представительство требуется непременно на конституционных началах; «булыгинская» конституция прямо отвергается; требуется немедленное провозглашение неприкосновенности личности, свободы слова и т. д. На совещании принято, будто бы, единогласно (но не включено в петицию,—когда торгуешься, не следует показывать всех своих карт!) требование всеобщего избирательного права».

Как же судит корреспондент буржуазной газеты по поводу этого знаменательного повышения требовательности гг. помещиков и фабрикантов? О, он судит очень трезво:

«Очевидно, — пишет он, — что делегаты запрашивают побольше, чтобы получить хоть немногое. Но несомненно также, что это немногое, чтобы быть приемлемым для них, должно находиться посредине между тем, чего они требуют, и тем, что Булыгин им предлагает».

Настоящий базар, на котором буржуазия проторговывает интересы и права русских рабочих и русских крестьян. Как на базаре, покупщица—буржуазия и продавец—царь хлопают друг-друга по рукам, выкрикивают сотый раз свое «последнее слово», божатся, что «себе дороже», грозят уйти и никак не решаются разорвать своей тесной дружбы.

Если царь не исполнит наших требований,—говорил «один из самых выдающихся представителей земского совещания» господину Леру,—тогда мы «обратимся к народу».

Что, собственно, следует понимать под этим пресловутым «обращением к народу»?—спрашивает себя и своих читателей французский корреспондент. И отвечает: здесь нет «предместия св. Антония» (рабочий квартал Парижа: сравни фельетон в № 3 «Вперед»). Народ склонен не выходить на улицу, а сидеть дома, протестовать по-толстовски отказом от платежа податей!..

Не клевещите на народ, господа буржуазные предатели свободы! Вам не смыть с себя никакими клеветами своей позорной трусости. Народ проливает свою кровь по всей России. В ряде городов, в массе деревень растут у нас свои «предместия св. Антония». Народ ведет отчаянную борьбу. Если вы хотели действительно «обратиться к народу» (а не грозить только своему союзнику, царю, этим обращением), то вы должны были бы ассигновать не сотни и тысячи рублей на ваши говорильни, а миллионы на вооруженное восстание. Вы должны были бы выбрать делегацию не для обивания порогов у царя, а для сношения с революционными партиями, с революционным народом.

Царь и его шайка прекрасно знают, что вы не в силах сделать это из страха за свой денежный мешок, из страха перед народом. Поэтому царь вполне прав, когда третирует вас, как лакеев, когда кормит вас все теми же посулами, все той же булыгинской конституцией, когда рассчитывает, что вы не посмеете даже протестовать решительно, на деле и против булыгинской подачки. Недаром специальный корреспондент женевской «солидно»-либеральной газеты «Journal de Genève» сообщал недавно: «Либералы не скрывают от себя несовершенств (!) проекта Булыгина, но они думают, что необходимо принять его в интересах дела прогресса и дела порядка... Отвергнуть правительственный проект значило бы сознательно разрушить последнюю надежду на мирный исход теперешнего конфликта между народом и бюрократическим режимом» (последняя фраза подчеркнута самим корреспондентом).

Буржуазия хочет мира с царем и боится народной войны против царя. Царь хочет мира с буржуазией, не боясь, однако, начатой им и беспощадно продолжаемой войны с народом. Неужели не очевидно, что неизбежным исходом из этого положения, если народ не одержит полной победы, несмотря на предательство буржуазии, будет булыгинская конституция?

(Н. Ленин).

Точка над i. Когда в № 5 «Пролетария» мы назвали явление либералов царю «первыми шагами буржуазного предательства», мы не ожидали, что жизнь так скоро подтвердит наше мнение. «Созыв представителей или земский собор нужен либералам не для колебания, а для укрепления трона»,—таков вывод, который мы делали всегда из анализа дел и слов наших либералов. Теперь посмотрите, что написано в адресе С. Н. Трубецкому, подписанном, якобы, несколькими тысячами петербургских, будто бы, рабочих (не из охранного ли отделения?). «Наш обожаемый монарх,—сказано в адресе,—принял вас и сказал свои царственные слова... Да хранит бог государя императора и вас на многие лета!». Либеральная газета «Рассвет», рассыпающаяся в комплиментах Трубецкому и рядом печатающая такой адрес, дала кн. Трубецкому и себе такую моральную пощечину, дальше которой итти некуда. И далее, в том же № 99 почувствовавшая опору в Николае Кровавом либеральная газета раскрывает либеральные карты устами Домогацкого.

За бойню 9 января Домогацкий обрушивается не на палачей, а на жертв: «Где, прежде всего, то страдание непосильное, жизненная нужда, которая заставила этих рабочих людей русского народа итти открытым бунтом против сложившегося исторически порядка государственной жизни, когда недочеты этого порядка всего менее (так!) ложатся на этих рабочих людей, «любимчиков» законодательства и забот отвергаемого правительства?» Слышите, товарищи рабочие? По мнению либералов, вы—любимчики правительства! Из любви, только из одной любви к вам правительство вмешивается в вашу борьбу с хозяевами, насылает на вас казаков, войска и шпионов! Только из одной любви к вам правительство наполняет вами тюрьмы, чтобы вы отдохнули от работы. Не так ли?

«И мы также знаем, — продолжает Домогацкий, — что эта рабочая толпа отдавала и отдает своим работодателям не полноту своего труда и своих сил, а только часть расцененного, действительного труда». Какие ужасные люди, эти рабочие! Они не весь свой труд отдают фабриканту в виде прибавочной стоимости, они имеют дерзость требовать оплаты части своего труда! Либерал до того обозлен на рабочих, не дающих выжимать из себя все соки, что договорился до явной нелепости.

Но он продолжает: «В государстве нашем идет колоссальная жизненная работа обновления... И обществу пора осудить строго это явление (речь идет о прокламациях Гапона, издаваемых революционерами) и поставить слуг его в должное к себе положение. В этом первая (курсив наш. Ред.) обязанность созревшего государственно общества... обязанного не забывать, что взявшийся за меч от меча и погибнет».

Итак, товарищи рабочие, взявшиеся после 9 января за

оружие для борьбы против самодержавия, помните: либералы, став во главе правления, считают первой обязанностью своей не забывать, что вы, взявшиеся за меч, от меча должны и погибнуть. История революций в Западной Европе свидетельствует, что устами Домогацкого глаголет подлинная либеральная душа. Объединяйте, г. Струве, объединяйте всех сторонников «обновления» русской монархии.

(М. Ольминский).

Петербург. 7-го июня открылся всероссийский съезд учителей. Утреннему собранию помешала полиция. Вечером все-таки собралось до 200 человек. Выслушаны доклады отделений. Наиболее интересным моментом было заявление москвичей. Как социал-демократы, они еще на московском съезде заявили о невозможности для них принимать участие в союзе, если он не будет только профессиональным. Тогда же они вышли из союза, в программе которого прямо указан его политический характер. Теперь делегаты от Москвы сразу поставили этот вопрос на очередь, указав, что если съезд не является учредительным, и если признаются нормы, выработанные на московском съезде, то они могут присутствовать только с совещательным голосом, так как не состоят членами союза.

Интересные данные сообщены прибалтийской группой. Недавно их районный съезд вынес приблизительно такую резолюцию: существование нормальной школы возможно только при демократической республике, отсюда для истинных сторонников просвещения—необходимость борьбы за демократическую республику. Программа учительского союза, выработанная в Москве, не удовлетворяет прибалтийской группы, которая и не находит принципиально допустимым для себя, как для социал-демократической группы, участие в союзе не только профессиональном (аплодисменты).

Делегаты Подольского уезда Моск. губ. поддерживают товарищей москвичей.

Близкой к соц.-демократам называет себя группа Череповецкого у. Новг. губ. Основное требование ее—народное правительство. Она считает, что деятельность союза должна быть двусторонней: легальная—профессиональной, а нелегальная—конспиративно-политической (ее выражение).

Делегат Оренб. губ. привел характерные эпизоды борьбы директора Тарновского, который грозит Сибирью за одно желание быть членом союза. Петербургская группа устроила несколько рефератов: о социал-демократии, о германских социал-демократах, об аграрном вопросе, и принимала участие в демонстрации в Павловске. Комично заявление саратовского делегата: они, по его словам, принимают аграрную программу соц.-революционеров, а политическую—социал-демократов. Иркутская группа имеет нелегальную библиотеку и постоянные связи с «политическими организациями». Череповецкая группа постановила, что в критических случаях жалованье членов ее организации может быть экспроприировано в общественную пользу.

P. S. Съезд признан учредительным, и все делегаты участвуют с решающим голосом.

Протест. Мы, нижеподписавшиеся, проживающие в г. Баку грузины, настоящим выражаем свое глубокое негодование тем своим бакинским соотечественникам,—кучке чиновников и промышленников,—за то, что они, произнося речь на погребении бакинского губернатора кн. Накашидзе и возложив венок на его гроб, не решились назвать свои настоящие имена, а прикрылись фирмой «бакинского грузинского общества». Оставляя в стороне вопрос о мотиве убийства, мы заявляем, что в покойном всякий здравомыслящий грузин видел лишь важного русского чиновника, губернатора, но никак не гордость грузинской нации, как многие из грузинских почитателей величают его.

Пока не выяснено, кем совершено убийство, но молва считает это делом рук армянских революционеров и рассматривает его в связи с бойней 6—9 февраля. Стало-быть, рассматривая смерть кн. Накашидзе, как национальное горе и выставляя покойника гордостью грузинского народа, господа почитатели тем самым возбуждают братоубийственные инстинкты в той части грузинского общества, которая не может разобраться в сложном национальном вопросе, и для которой достаточно знать, что кн. Накашидзе составлял гордость Грузии, и эта гордость убита, хотя и армянскими революционерами, чтобы считать всех армян своими национальными врагами.

Этим обстоятельством уже воспользовались темные силы, уже выпустившие прокламацию к грузинам, призывающую последних соединиться с татарами и бить армян.

Последнее обстоятельство еще больше усугубляет наше негодование против тех бакинских соотечественников, которые не имеют мужества ясно, определенно выразить свою мысль на свой собственный риск и страх и пользуются нашей общей фирмой для своих целей.

Следует 167 подписей. (От ред. Подлинный протест с подписями сдан редакцией в Женевскую Библиотеку и Архив Р. С.-Д. Р. П. Лицо, приславшее протест, прибавляет, что имеются еще другие листы, число подписей на них достигает 1000).

Добрянка (Черниговской губернии). Со всех сторон нас окружают громадные и частые деревни. Крестьяне здесь большей частью бедные, так как земли у них мало, да и та песчаная. Отхожие промыслы сильно развиты, так что молодые крестьяне уходят до отдаленных городов юга. Однако, крупных помещичьих имений здесь поблизости не имеется, и до сих пор крестьяне были спокойны. Но в последнее время и это стоячее болото начало резко менять свою физиономию; почти каждый день приходится слышать о распространении социал-демократических прокламаций то в одной деревне, то в другой. Начальство с ног сбилось и жалуется, что демократы им «спокою не дают». В одной-двух деревнях крестьяне встретили прокламации враждебно и обещали даже убить распространителей, говоря, что те возбуждают их к такому делу, от которого толку не будет, и за которое они только могут поплатиться. В других деревнях прокламации встречены сочувственно: говорили, что «студенты про нас думают». Одна деревня раз, в пятницу, ночью, сплошь была усеяна прокламациями; были оклеены заборы, столбы, ворота, церкви, журавли колодцев. Стражник и урядник ходили по домам отбирать прокламации («К крестьянам»). Одни отдавали беспрекословно, другие дразнили, требуя другой бумаги для «цыгарок», а третьи прямо отказывались давать их, говоря, что раньше сами прочтут.

Часто приходится слышать от крестьян, что, дескать, все это правда, что в листках пишут, только зачем же «долой царя»?

Но некоторые деревни переросли и это затруднение и принимают уже прокламации с очень серьезным видом. Так, когда в одной деревне после частых распространений несколько недель не было прокламаций, крестьяне решили, что «комитет», верно, обеднел, и соглашались дать в пользу комитета по 1—2 и даже 3 копейки. Но наши деревенские товарищи еще боятся заявить себя открыто.

В некоторых случаях крестьяне обращались к молодым евреям, прося их достать им листки, так как у крестьян еще и теперь живо представление, внушенное им начальством, что демократы—это евреи и студенты. Темные силы стараются и теперь об этом, но мы в праве надеяться, что недолго им удастся еще держать в своих руках сознание народа.

Добрянская организация Полесского Комитета.

Примечание. Посылая письмо Добрянской организации нашего Комитета, мы считаем небезынтересным отметить, что тот же самый вопрос («зачем же долой царя?», «Как же быть государству без главы?») сильно занимает умы почти всех крестьян, с которыми нам приходится иметь дело. Не имея соответствующей литературы, мы, конечно, поручаем разъяснение нашим разъезжающим агитаторам; но не приходится и говорить о том, что громадная часть крестьянства не может получить ответа на этот важный интересный вопрос. Наше положение тем более трагично, что, разбрасывая прокламации в десятках деревень и сел, вызывая всюду сильное революционное брожение, мы не можем овладеть им и направить в необходимое для нашей партии русло.

Ответить на этот вопрос нужно подробно и обстоятельно, а в нашей типографии мы должны покамест огра-

ничиться лишь выпуском прокламации. Хочется верить и надеяться, что ЦК скоро даст весточку о себе выпуском соответствующей литературы.

Полесский Комитет.

Нижний-Новгород. Из частного письма 6-го июня. Вот уже две недели в Сормове по вечерам идут массовки человек от 600 до 3.000, говорят наши пропагандисты и сами сормовцы. Образовались какие-то гулянья и со вчерашнего дня открылся «народный университет», где будут читаться систематические курсы, разъясняющие социал-демократическую программу. В массе чувствуется большой подъем настроения. Никто не вмешивается, не разгоняет. Туда, как по колоколу, собирается народ. До сего времени там говорилось на текущие темы. После поражения Рождественского была панихида в клубе, потом стали говорить речи либералы, а затем и социал-демократы. Толпа человек в 300 вышла на улицу, с пением прошла по Покровке; остановились, произнесли незначительные речи, приехали казаки, и толпа разошлась. Арестовано было на улице человек до 10.

11-го июня. Вчера Тан читал реферат на тему «Современное положение России». Во всесословном клубе собралось не менее 1.000 человек. Реферат рекламировал образовавшийся в Петербурге «союз рабочих», отрицал революцию, вооруженное восстание и проч. Были прямо перлы. Революцией он называл то, что приносит много крови, много смертей. Этим, по его мнению, и определяется революция. Заявил, что во всей истории была одна только революция—французская. «Нужно захотеть свободы, и она придет,—возглашал оратор.—Разве, например, мы сейчас не пользуемся свободой собраний!»...

Оратор порицал социал-демократов за то, что они не желают объединиться с другими партиями. По его мнению, с.-д. опередили массу и тащат ее на веревках за собой (чего он не хвалит). Главный козырь у него против социал-демократов: сами могут стоят за всеобщее, равное и прямое избирательное право, а организация у них централистическая...

Возражали 3 социал-демократа. Развязного гастролера разбили по всем пунктам. Собрание продолжалось до $3^1/_2$ часов ночи. Вынесена резолюция, осуждающая стремление буржуазной демократии совлечь рабочее движение с его единственно верного революционного пути. Референту выражено порицание за сравнение социал-демократов с офицерами русской манчжурской армии, которые ничего не делают, а посылают массу на гибель.

Разумеется, говорил и социалист-революционер; он разносил социал-демократов, пытаясь бить на чувство слушателей и, разумеется, не по существу.

Подольская губ. Аграрное движение в России разлилось гораздо глубже и шире, чем о том знают за границей даже из русских нелегальных газет. Причина, впрочем, вполне ясна: крестьянские «бунты» сделались теперь таким обыденным явлением, что сообщают уже только о крупных, более или менее сенсационных происшествиях в деревне. Кожух и «свита» дают о себе знать, они заговорили, и заговорили с поднятой головой. Повсюду только и слышно, особенно в провинции, что там убили помещика, тут подожгли барскую усадьбу, здесь пасут без спроса и т. д. Приведу несколько фактов для иллюстрации; знаменательны они тем более, что имеют и имели место в местах заброшенных, глухих, с населением мирным, забитым. В селе Рыбнице, Подольской губернии, владелец его Грушецкий (отчаянный изверг) должен был прибегнуть к защите роты солдат, так как крестьяне заявили, что не считают нужным спрашивать его дозволения и к жатве будут убирать его хлеб. С солдатами произошла метаморфоза. Сначала на вопрос: будут ли они стрелять, когда им прикажут, они отвечали: «Чаво ж нет? Пущай не бунтуют». Но через некоторое время они стали такими надежными защитниками престола и дорогих ему Грушецких («Бей помещиков, режь их!»,—кричали они, уезжая поездом по окраине деревни), что их пришлось отослать, заменив новыми. Нужно надеяться, что крестьяне не замедлят и этих склонить на свою сторону. В селе Мокром, той же губернии, крестьяне самовольно начали вырубать помещичий лес. Управляющий, видя это, начал грозиться и, наконец, выстрелил, ранив одного или двух. На другой день крестьяне обступили дом, где жил управляющий, требуя его выдачи. Не имея возможности выломать ворота, они подожгли дом; управляющий прыгнул из окна и был буквально растерзан толпой. В селе Окнах начали без спросу пасти скот на помещичьем выгоне. Помещик кн. Гагарин (гуманный человек, говорят) к военной силе не прибегает, и крестьяне пасут... В имении Сахарна крестьяне разогнали служащих и экспроприировали помещичью собственность. Много можно было бы и еще привести примеров. Интересно отметить одну черту. О «социализации» нигде никто ни слова; просто—«земли мало», «пасти негде» и пр. Сельскохозяйственные рабочие также не молчат, требуют увеличения платы до рубля и больше в день, укорочения рабочего дня, назначения двух смен, если работа спешная, как, например, уборка и возделывание бураков для сахарных заводов и пр.,—требования те же, что у фабричных рабочих. Вообще волнения в деревне приняли эпидемический характер. Пример одного села заразителен для других. Нужно все это оформить, осмыслить. Нужны люди, нужна литература, почва благодарная, момент подходящий.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Одесса. (От ред. Благодаря событиям в Черноморском флоте внимание всего цивилизованного мира приковано к Одессе. Мы печатаем здесь письмо, написанное еще до прибытия броненосца «Князь Потемкин». Оно дает некоторые характерные черты настроения рабочих).

(М. Ольминский).

Теперь, когда стачечное движение, разлившееся по городу с такой силой, начинает затихать, у меня явилась, наконец, возможность писать. Во время же стачки приходилось часов с 7 утра спешить на работу и возвращаться в 11—12 часов ночи. Если прибавить, что жить мне приходилось «в углу», то вам окончательно выяснится причина моего долгого молчания.

Стачка идет на убыль. Во многих заводах и ремеслах требования удовлетворены целиком или отчасти. Без удовлетворения требований становятся на работу очень редко: я даже сейчас не могу вспомнить такого случая. В начале стачки почти всюду замечалось отрицательное отношение к «политике». Из-за этого у организации был ряд столкновений с рабочими. Например, табачники фабрики Попова отрезали политические требования, принятые частью их на собрании (под руководством нашим и Бунда); тогда стачечная комиссия, назначенная обеими организациями, отказалась руководить стачкой; не имея в своей среде других вождей, рабочие на другой день под влиянием организованных товарищей принесли покаянную и просили о руководстве, которое мы и приняли вновь. Фотографы одной мастерской поставили условием, чтобы с листка требований была срезана подпись стачечной комиссии из нас и Бунда; один наш групповец смалодушествовал и срезал, за что был удален из стачечной комиссии и исключен из организации. В каждом цехе первые собрания уходят на то, чтобы, кроме рассмотрения требований, сломить боязнь политики у серяков. Смотря по талантливости агитатора, это удается с первого, со второго, иногда с третьего собрания. Меньшевики идут по линии наименьшего сопротивления и подписывают листки с одними экономическими требованиями. Хотелось бы поговорить побольше о действиях меньшевиков, в роде прошений градоначальнику, собраний в ремесленной управе, касс взаимопомощи, но об этом в другой раз.

Стачка показала, что нужно позаботиться еще о расширении связей; они имеются у нас в каждом цехе и заводе, но в недостаточном количестве; подтвердила стачка и всю важность заводских или цеховых ядер. До стачки распределение связей по цехам шло туго, так как централисты все-таки не вполне усвоили идею этого распределения; теперь сама стачка многое сделала в этом отношении, и во всех цехах заводятся «ядра», при чем в каждом руко-

водит один централист с помощью групповцев данного цеха. Как бы то ни было, почти во всех цехах стачка протекала под нашим руководством (совместно с Бундом и—реже—с меньшевиками); связи социалистов-революционеров обнаружились только в 2—3 случаях. С Бундом до последнего времени дело шло прекрасно; во всех пунктах мы были солидарны, включая и борьбу с оппортунистическими выходками меньшевиков и с их демагогией. Когда же приходится учитывать результат стачки, закреплять связи,—словом, каждой организации отделяться от другой, тогда Бунд проявляет свои специфические черты. Бундисты пытаются доказывать, будто слушатели не понимают наших ораторов (говорящих по-русски); но им приходилось попадать в неловкое положение: вся масса заявляла, что прекрасно понимает по-русски. Проповедь бундистов о необходимости отдельной организации еврейских рабочих преломляется в умах массы в такие ереси, что сами бундисты испугались бы! Относительно меньшевиков выяснилось, что они—страшные рекламисты; их действительные связи далеко не соответствуют распускаемым слухам; кроме того, они посылают мало пригодных людей, делающих забавные, а иногда и вредные промахи. Мне говорил один из них: «Я-то прекрасно понимаю значение политических требований, а вы поговорите-ка с голодной массой!». Я спросил: «А если голодная масса будет кричать: «Бей жидов!»—присоединится ли он?». Бедняга растерялся и ушел. (Дело было в трактире, спор наш произвел впечатление). Имеются факты перехода к нам сознательных рабочих, недовольных тактикой меньшевиков. За время стачки все мы страшно распустились в отношении конспиративности. Членам комитета приходилось ходить по трактирам, где сидели стачечники, и вести там кучковую, а иногда и общую агитацию; приходилось ходить «под заводы», бывать на «бирже», то-есть на улице, куда в назначенный час приходят рабочие одного или нескольких цехов; приходилось говорить открыто, чуть не на глазах у полиции; забыто правило, запрещающее признавать друг-друга на улице: все подходили друг к другу, делились сведениями, уговаривались о делах. Явки у организаторов тянулись целый день, на них бывало до 40—50 человек в день; ежедневно приходилось менять явочную квартиру. И при всем этом ни одно собрание не провалилось! Впрочем, шпики, вероятно, заприметили многих, и теперь начнется улов.

Перехожу к агитации. По плану, ответственный агитатор вместе с другими образует агитационный центр: здесь обсуждаются темы, рассматриваются планы и последовательность речей. В каждом районе имеется районное агитационное собрание, куда входят все агитаторы-рабочие данного района, затем готовящиеся быть агитаторами и один или два члена агитационного центра; оно обсуждает планы, вносимые центром, составляет конспекты речей. Каждый начинающий агитатор посещает массовки, проводимые опытными агитаторами; потом выпускают его самого на небольшую массовку в присутствии ответственного агитатора. Стачка нарушила проведение плана: пришлось выпускать непроверенных ораторов и работать так много, что не было возможности созвать собрание. Теперь, когда стачка стихла, мы установили регулярные собрания и центра, и районов. Темы: 1) уроки стачки, 2) война (в виду последних поражений), 3) комиссия Коковцева, 4) учредительное собрание и земский собор, 5) демократическая республика. Рабочие агитаторы (таковыми, в сущности, являются все централисты и некоторые групповцы) очень довольны районными собраниями. Во время стачки агитация велась единообразно: требования цеха или завода связывались с политическими требованиями, затем — объяснение капиталистического и социалистического строя, значение социал-демократической партии, необходимость политической свободы, характеристика самодержавного строя, пункты программы-минимум, вооруженное восстание, призыв организоваться. Такая агитация привела к нам множество людей, раньше боявшихся «политики», считавших ее чем-то чуждым. Собрания бастующих бывали в городе от 20 до 50 человек, в заводских районах от 300 до 500 чел. Очень хороших агитаторов у нас наметилось 2—3; остальные вялы, не влияют на массу; есть интеллигенты, хорошо подготовленные теоретически, но без огня: их приходится уступить пропаганде. Некоторые рабочие подают надежды.

Среди солдат дело налажено плохо; в одном полку организовано человек двадцать. Ослабил работу и отъезд многих из наших на войну. Скоро предстоят новые отправки, и ожидание этого у многих убивает энергию. Мы выпустили один листок к солдатам.

Денег нехватает. Многие голодают, перебиваясь брынзой с хлебом; за время стачки народ измотался, устал, исхудал. Необходимо было бы поддержать силы, а средств нет.

Тверь. Работы обилие необычайное. Тут и пропаганда, и сходки, и писание листков, и организаторские собрания, и наблюдение за начинающими пропагандистами, и разъезды по губернии, и гектограф, и мимеограф, и типография, и распределение литературы, и открытые выступления в обществе, и сборы денег, и Красный Крест, и, в конце-концов, постоянные запросы, постоянные жалобы на то, что туда не поспел, там-то пропагандиста нехватило, такому-то в тюрьму денег не послал, туда-то не приехал. Мы захватили громадный район. Почти со всеми городами губернии завелись связи, всюду требуют литературы и агитаторов. Мы уже устроили две больших демонстрации-митинга в деревнях. Выступали люди, которых каждая собака знает. Один раз сошло благополучно, другой раз агитатору скрыться пришлось. А на крестьян эти митинги производят страшно благоприятное впечатление. Крестьяне, не говоря уже об организованных, постоянно просят устраивать открытые собрания. Сейчас по летнему сезону пропаганду расширили. Человек 100 входит в кружки, а желающих остается еще не менее 400. Уж пришлось по этому случаю программу занятий посократить и публику рассортировать. Весь курс рассчитан на 6—7 уроков и сводится почти к изучению текста партийной программы. В настоящее время функционируют кружки двух типов: подготовляющие к ведению пропаганды (14) и рядовые первого разбора. Программа одна и та же, только у первых занятия носят более практический характер. И те, и другие скоро пройдут свои курсы, тогда первые получат кружки, а из вторых выберем людей для второго, более широкого концентра занятий. Конечно, количество пропагандистов увеличится, а это даст нам возможность за лето еще человек 200 через кружки провести. Сходки устраиваются почти каждую неделю по нескольку раз и в городе, и в деревне. Бывают на них, главным образом, организованные. В деревнях Тверского и Новоторжского уездов заняли настолько прочную позицию, что сейчас подыскиваем почву для устройства крестьянских комитетов. У нас есть в деревнях районные организаторские собрания, но по своему составу они еще совсем почти непригодны для самостоятельной роли: публика молода и недостаточно подготовлена. Солидных мужиков в организацию трудно залучить: семейные обстоятельства мешают им, да и тюрьмы боятся. На сходку, так и сяк, еще придут, а больше всего любят, чтобы и в лес вовсе не ходить. Устраивайте, мол, сходки в деревне: там-де мы будто из любопытства, без всякого злого умысла вас слушаем. В общем деревня всего больше нас утешает. Дело в том, что на фабрике организуются черные сотни, да и вообще консерваторы здесь активнее, про полицейские условия и говорить нечего. Правда, на фабрике муха не пролетит без нашего ведома: всюду организованные есть, всюду какое ни на есть социал-демократическое слово скажут. Ну, а в деревнях уже не мы господами событий являемся; там солидные мужички, которых редко удается перед всяким мирским политическим актом в кружке наставить. Зато организации растут в деревне вдвое быстрей. Публичного оказательства—хоть отбавляй.

Открытых выступлений в обществе тоже было некоторое количество. В конце зимы часто устраивали рефераты. Референты были приезжие, а оппоненты с.-революционерам и либералам местные. Имели успех. Недавно разбили попытку организовать здесь кружки женского союза. Народных учителей подействовали в том смысле, чтобы они не примыкали к московскому союзу с освобожденческой программой, а устроили бы свой профессиональный союз. Имели успех, и наш оратор был даже избран в комиссию для разработки программы этого союза. Вообще заставляем признать себя.

17-го мая сельские старосты Первитинской волости были созваны в камеру земского начальника за объяснениями

по поводу неуплаты продовольственных («магазейных») денег и всяких недоимок. Земский требовал немедленно приступить ко взысканию. Старосты ответили, что крестьяне платить не соглашаются да и денег не имеют. Земский спрашивал: не виноваты ли здесь молодежь и «политиканы», предлагая в таком случае избивать смутьянов. Старосты ответили, что избивать друг-друга они не желают, а платить не соглашается никто. Земский потребовал взыскать во что бы то ни стало и приступить к описи имущества. Старосты отказались, указывая на возможность бунта, и предложили земскому прислать солдат для описи, чтобы вся ответственность за бунт пала на начальство. После этого, обругав старост и пригрозив им арестом, земский распустил их по домам.

Ковно. Здесь имеется несколько крупных заводов и фабрик. Преобладающий элемент рабочих—поляки; дальше идут немцы, литовцы, латыши; евреи же, за исключением немногих заводов, отсутствуют. Зато ремесленники, главным образом, евреи. Работа среди евреев ведется уже около 9-ти лет: вся она в руках Бунда и отчасти—сионистов разных фракций. В разное время были попытки поднять рабочих, но безуспешно. 9-ое января и их расшевелило. Под влиянием петербургских событий была и здесь общая забастовка. Первыми забастовали рабочие гвоздильного и проволочного заводов Тильмана; они же заставили и остальных бросить работу. Все это было неожиданно для Бунда, который во время забастовки и после нее пытался проникнуть на эти заводы и что-нибудь сделать, но был бессилен. Брожение продолжается и до сих пор, выражаясь нередко в расправах над самыми ненавистными мастерами, а то и хозяевами, путем набрасывания на голову мешков и вывоза на тачках на улицу. Накануне еврейской пасхи забастовали в пекарнях, где пекли «мацу»; затем бастовали перевозчики через реку Вилию. После пасхи начался ряд забастовок у ремесленников. Бастовали маляры, портные, наборщики и рабочие типографий, ювелиры, столяры, приказчики разных магазинов, модистки, швеи, работницы и рабочие гильзовых фабрик и много других. Бастуют уже второй день служащие конно-железной дороги, кондуктора, кучера и служащие на пароходах. Забастовали сегодня (31-го мая. Ред.) сторожа, метельщики улиц, все исключительно христиане. Требования обычные: короткий рабочий день, повышение заработной платы, время на обед и много других. 18-го апреля местным комитетом Бунда устроена была манифестация, прошедшая удачно. 26-го апреля вечером также была демонстрация, но крайне неудачная. Участвовали исключительно евреи-ремесленники. По городу в субботние, воскресные и праздничные дни разгуливают сильные патрули драгун и пехоты. По городу расклеены объявления губернатора, призывающие к порядку, с угрозами принять все меры, вплоть до военной силы. Расклеены также объявления об обязательном закрытии магазинов в 9 часов, по ходатайству думы. Со времени житомирского погрома местное еврейское население переживает очень тревожное состояние, ожидая ежеминутно и здесь того же. Малейшее недоразумение между христианином и евреем дает повод думать о начале погрома. Вмешивается полиция, и начинается беспокойная суетня по улицам, разговоры, приготовления к защите. Результатом последнего появилось объявление губернатора, требующее на-ряду с успокоением населения чтобы организация самообороны не посмела отвечать, если христиане начнут погром. Между тем, христианская масса рабочих почти совершенно не затронута деятельностью Бунда. А это крайне необходимо. Нужны люди, средства, и многое можно сделать. Нет никакой литературы. Есть много связей среди рабочих. Что же касается евреев-бундистов, то многие из них готовы не только оказывать услуги, но и принимать деятельное участие в партии. Таких задыхающихся в ограниченных рамках Бунда немало. Выдающееся положение Ковно, как города, где имеется крепость и масса войска, где происходит еженедельная отправка солдат на место военных действий, указывает на крайнюю необходимость и иной работы,—работы в войсках.

Самара. На месте маевки за городом было потом еще две массовки, человек по 500; но в виду полицейских патрулей массовки были затем перенесены за реку Самарку, куда собиралось уже не больше 300 человек, так как ехать на лодках стоит довольно дорого. Речи говорились комитетчиками, рабочие не выступали. Темы: о социализме, о всеобщей стачке, об отношении пролетариата к буржуазии, о разгроме эскадры Рождественского. Кружковые занятия ведутся нерегулярно, а где и совсем их нет. Связи благодаря забастовке очень расширились. Город поделен на районы по профессиям, организация охватила все отрасли, но все же еще слаба по признанию рабочих. Железнодорожная забастовка произошла стихийно, сознательные же рабочие говорят: «Нам нужно, чтобы мы сами могли назначать и устраивать забастовку, вполне организованную, держаться долгое время и бить наверняка».

Результатом забастовки было удовлетворение части требований типографских и железнодорожных рабочих.

Здесь образовалась организация «Союза Освобождения»; она выпустила брошюрку, отпечатанную в типографии соц.-революционеров. За последнее время из деревни идет много запросов на литературу, а у нас ее нет. Поэтому нечего удивляться, что соц.-революционеры наводнили губернию своей литературой, раздавая ее направо и налево.

29-го мая было за городом собрание всех представителей районов (человек до 50). Здесь в первый раз знакомили рабочих с расколом в партии и с резолюциями съезда и конференции. Сначала референт познакомил с возникновением раскола от 2-го съезда, сказал вкратце о мартовском и ленинском определении членства в партии. Дальше он поставил на обсуждение три пункта: 1) правильно ли созван съезд; 2) вопрос о вооружении пролетариата; 3) о временном правительстве. Возникли горячие споры, в которых принимали участие человек семь. Раскололись на два лагеря. Обсуждали эти вопросы часа 4 и все-таки к окончательному решению не пришли. Постановили собраться еще раз. Под-конец рабочие заявили протест против комитета, который раньше совершенно не знакомил их с расколом в партии, а теперь почему-то счел нужным пригласить их для обсуждения незнакомых им предметов, в которых они не в силах разобраться. Разошлись бурно. Раскол, хотя он и не желателен для большинства, вряд ли минует самарскую организацию.

Петербург (Вагонные мастерские Александровского завода). 2-го июня была однодневная забастовка в сборно-товарной мастерской (200 чел.). За май многие рабочие выработали лишь цеховую плату, некоторые лишь по 60, 80% сверх того. Обыкновенно же зарабатывали более 100% сверх цеховых. Потребовали дополнения заработной платы за май до 100%. В мастерских идет спешная сборка вагонов, требующихся на железные дороги в виду массовой отправки старых вагонов на Дальний Восток. Поэтому заводская администрация уступила. Интересно отметить, что сборно-товарная мастерская отказалась участвовать в общей забастовке в феврале, считая ее невыгодной для себя. Поэтому рабочие остальных мастерских заявили, что присоединятся к забастовке сборных только через несколько дней,—так-сказать, хотели их поучить. И теперь, по окончании своей забастовки, сборно-товарные единодушно говорят, что «если бастовать, так всем сразу, всем заводом. Раз все решат, так остальные должны присоединиться, хотя бы для них лично это и не так было необходимо». «Все за одного, один за всех»,—говорят они теперь. А еще в феврале они заявляли, что встретят топорами тех, кто придет их звать на забастовку. Жизнь учит. Борьба лучше всяких слов учит рабочих пролетарской дисциплине, сплачивающей их в могучую силу. Наши заводские агитаторы постарались использовать забастовку в этом отношении, и, несмотря на всю свою незначительность, она все-таки принесла свои плоды. В Невском районе начинается очень своеобразное движение, так-называемая «квартирная стачка». Рабочие Обуховского завода в виду переживаемого экономического стеснения, вызванного войной, и стремления домовладельцев переложить тягости ее на рабочих повышением квартирной платы решили платить домохозяевам на 20% меньше прежнего. Комнатосниматели квартирохозяевам должны платить на 10% меньше. Движение началось помимо организации, но в нем принимают участие на-ряду с другими и организованные рабочие. Выбрана рабочими «комиссия квартирного бойкота». Решено, если полиция будет выселять из

квартир, устраивать сопротивление и не давать выселять никого. Александровский механический завод присоединился, приняв резолюцию, в которой ставит движение в связь с войной, вызванною самодержавием, и новыми налогами на предметы необходимости. Это предложил наш заводской кружок. На Александровских вагонных мастерских приняли было обращение в полицейский участок с требованием созыва правительством квартирной комиссии с участием рабочих. (Обуховцы Ал. мех. маст. отвергли подобное предложение). Но я видался с вагонными, и должно быть это обращение не будет подано. Семянниковский завод тоже постановил платить на 20% меньше. Так как повышение квартирных плат не повсеместное явление, то движение по отношению к домовладельцам носит, по-моему, наступательный характер, будучи в то же время и оборонительно-наступательным по отношению к правительству. Ядро движения составляют семейные рабочие, наиболее заинтересованные. Обуховцы заявляют, что в случае выселений устроят также забастовку. Комитет пока не высказался относительно этого движения в виду его невыясненности и местного характера. Но, говорят, уже и среди путиловских этот вопрос поднялся. Для устранения разрозненности и для выяснения характера движения на днях устраивается собрание из членов стачечных комиссий невских заводов.

Иностранное обозрение.

Вожди, партия и объединение во Франции[2]).

Как [известно], оппортунисты [очень любят] произносит такие красивые слова, как: «самодеятельность», «самостоятельность», «демократизм», «автономия» и т. д.; и [что же?]—в конце-концов, все это сводится к господству произносящих эти слова над рабочим классом, над партией. Вся история развития теоретического и практического оппортунизма подтверждает это. Всегда и всюду хвостисты, к какой бы породе они ни принадлежали, метали и мечут громы и молнии в тех узких сектантов и доктринеров, которые, [мол], не считаются с [желанием] массы, не прислушиваются к [«гласу народа»], навязывают партии свои программы, свою тактику, свои организационные планы, оторваны от рабочего класса. Логически эти господа рассуждают так: рабочий—социалист по натуре, но он этого не знает. Стоит только сказать ему, что он социалист, и он становится [тем самым] членом социал-демократической партии. Он способен обсуждать программные вопросы, вырабатывать партийные уставы, намечать линию деятельности... Оппортунист не замечает или не хочет замечать, что так как он еще не потрудился над выработкой классового сознания рабочего, не воспитал [его для роли] сознательного члена социал-демократической партии, то его рабочий—социалист—на самом деле мыслит головой интеллигента, который руководит им, принимает решения, которые «вождь» ему предсказывает, вотирует так, как «вождю» это удобно и выгодно. В конечном выводе происходит [подмена] пролетарского сознания интеллигентским мышлением, партийного свободного решения—указаниями интеллигентов... Происходит это, конечно, до того момента, когда рабочий с достаточно развитым классовым сознанием сбрасывает с себя иго «оппортунизма» и начинает мыслить по-своему, по-пролетарски, т.-е. революционно. Но оппортунист-вождь остается все тем же неисправимым иллюзионистом. Для него рабочий находится все в том же младенческом состоянии сознательности: образ мыслей его крайне упрощенный; он не умеет еще разбираться в серьезности произносимых им слов. Заметьте, например, что всегда и всюду говорили и говорят оппортунисты по поводу объединения социалистических фракций. Кто сеет расколы и раздоры? Сектанты, последовательные социал-демократы, вожди революционного крыла; так некогда французские бруссисты—[эти сливки] оппортунизма—обвиняли гедистов, что они сеют расколы, и что в частности Гед из-за личных неприязней (всегда что-нибудь личное) не хочет объединения. Рабочие бы рады-радешеньки, да вожди не пускают! И Брусс, и Альшан, и Жорес, все слезно плачутся, что мы, мол, все социалисты, что рабочие жаждут объединения, что, если бы не генеральные штабы, все шло бы прекрасно.

Повторяю: во всех этих случаях, поскольку оппортунисты говорят о сознательных рабочих - социал - демократах, они [принижают уровень] их сознательности, приравнивают их к тем рабочим-массовикам, на которых [почти] исключительно опираются оппортунисты. Рабочему, мол, достаточно сказать, что мы социалисты, мы жоресисты, бернштейнианцы, турахисты, социалисты-революционеры и т. д..., чтоб он поверил. Рабочему достаточно произнести слащавую речь о блаженстве объединения,—он будет требовать объединения жоресистов с гедистами, новоискровцев с большевиками, ревизионистов с революционерами. Ведь, все мы называем себя социалистами.

«Искра», рассказывая об объединении французских социалистических фракций, сообщает, что объединение это произошло под давлением рабочих обеих фракций, вопреки желанию вождей. Гед и Жорес должны были подчиниться [«гласу народа»]. Некий г. Смирнов пишет в московской «Правде»: «Пропаганда идеи объединения, начатая с дипломатическими целями, была принята массами «всерьез», и вскоре общественное мнение обеих фракций обнаружилось с такой внушительностью, что переговоры об объединении приняли в самом деле серьезный характер. «Вожди», которые уже хотели бы пойти назад, фактически не могли этого сделать»; и дальше: «конгресс профессиональных рабочих организаций лишний раз показал..., что если обе главные фракции рабочей партии будут продолжать враждовать между собою, то они рискуют привести к полному отделению профессионального рабочего движения от социалистической партии»... Читая эти строки корреспондента «Правды», всякому знакомому с [предварительными переговорами] и ходом обоих конгрессов, о которых говорит г. Смирнов, остается только в изумлении развести руками: или г. Смирнов не знает того, о чем пишет, или имеет какой-нибудь интерес изображать дело не так, как оно на самом деле, а так, как ему диктует его... воображение...

Из его слов выходит, что рабочие - жоресисты и рабочие - гедисты одинаково хотели, а Жорес и Гед одинаково не хотели объединения. На самом деле было не так, и всякий внимательно следящий за партийными органами во Франции, всякий слышавший то, что произошло накануне объединительного съезда на предварительном гедистском съезде, прекрасно знает, как энергично и с каким поразительным большинством, чуть ли не единогласно, высказалось «общественное мнение» гедистов против объединения. Рабочие-гедисты, кото-

рые являются во Франции наиболее сознательными и развитыми социалистами, ни за что не хотели объединяться с оппортунистами, прекрасно зная, что жоресисты останутся тем же, чем были и до объединения, что революционерам придется постоянно расхлебывать кашу, которую будет заваривать «правое крыло», разделять ответственность перед рабочим классом за те постоянные отступления от принципов социализма, которыми постоянно грешит компания Жореса, Вивьяна, Бриана и проч... Сам же Гед, Вальян и другие вожаки «левого крыла» высказывались с самого начала за объединение (а не п р о т и в, почтеннейший г. Смирнов и почтеннейший корреспондент «Искры»!). И если все-таки гедистская партия согласилась на объединение*), то потому, что, во-первых, она обязалась устами Вальяна на Амстердамском конгрессе перед всемирным пролетариатом, во-вторых, уже начаты были «исполнительной комиссией» партии переговоры (в свое время партия протествовала против поступка исполнительной комиссии, которая начала переговоры, не опросив федерации), и жоресисты приняли предложенную комиссией революционную декларацию, и, в-третьих, наконец, в тайной надежде, что при строго проведенном уставе и контроле большинства партии (а гедисты составляют большинство объединенной партии) размах оппортунистической деятельности будет сильно ограничен. Надежда эта начала уже отчасти оправдываться, так как наиболее откровенные и последовательные оппортунисты, как Оганьер, Вивьяни, Зэваэс, Бриан и т. д., вышли из объединенной партии.

В лагере Жореса произошло обратное явление (и в этом Смирнов прав). Жорес вернулся с Амстердамского конгресса в очень воинственном настроении и решительно не хотел объединения, которое, по его мнению, угрожало интересам республики, правильному развитию демократии, нормальному ходу прогресса и проч., и проч... Партия же Жореса, наоборот, не менее решительно высказалась за объединение. [Объясняется это отчасти] причинами чисто-временного характера, как, напр., падением министерства Комба и приближением законодательных выборов, но еще более тем, что [даже] эти [социалистически] наименее сознательные, [наименее последовательные] элементы начала уже отталкивать от Жореса слишком [заботящаяся] о сотрудничестве классов тактика «вождей оппортунистов».

А теперь стоит ли останавливаться на столько же глубокомысленных, сколько и неверных рассуждениях о том, что показал конгресс (Буржский) профессиональных организаций. Показал он только то, что огромное большинство этих организаций высказалось за революционную тактику и [решительно] осудило умеренное оппортунистическое крыло; [он показал], что если бы гедисты объединились с жоресистами без всяких предварительных условий, то такое объединение действительно повело бы к «полному отделению профессионального рабочего движения от социалистической партии».

Впрочем, и до сих пор большинство синдикалистов (просмотрите, г. Смирнов, номера «Voix du Peuple u Avantgarde») решительно осуждает с революционной точки зрения происшедшее объединение и помириться с ним никак не хочет. Но это, вероятно, потому, что они не [имеют возможности пользоваться] советами наших соотечественников новоискровцев. *(Г. Линдов).*

*) Сами же делегаты на гедистском съезде говорили: наше положение очень парадоксально,—мы все не хотим объединения и все-таки идем на объединение.

ИЗ ПАРТИИ.

Одесса. 13-го июня вечером. На железнодорожном мосту Нарышкинского спуска собралось тысячи три рабочих. Оратор от Группы призывал к демонстрации. Комитетский оратор, исполняя постановления Комитета, призывал готовиться к вооруженному восстанию, заявляя, что не время теперь высказывать протесты. Оратор от Группы говорил о необходимости отомстить за двух убитых рабочих. Толпа в сильном возбуждении отправилась останавливать электрическую станцию, при чем, несмотря на все убеждения, стала бить окна и машины. После выстрелов толпа рассеялась. Человек 100 пошли к Херсонскому участку требовать освобождения арестованных.

14-го июня. У завода Гена собрались рабочие от многих заводов со своими выборными. Требовали освобождения арестованных. Фабричный инспектор Попов стал говорить, что за границей рабочим живется хуже, их также бьют, но они не устраивают бунтов. Рабочие запротестовали, и Попов удрал. Тогда начали говорить выборные. Оратор от Группы останавливал комитетского оратора, говоря, что выборные рабочих сумеют сказать лучше. Выборные же стали убеждать рабочих, что организация их обманула, что социал-демократы всегда их обманывают, и убеждали итти к градоначальнику п р о с и т ь выдать трупы. Оратор от Комитета, несмотря на протесты меньшевиков и их заявление, будто толпа настроена против социал-демократов, выступил вперед и стал говорить. Его возглас: «Да здравствует социал-демократическая рабочая партия!»— был принят восторженно. Комитетом было предложено устроить всеобщую забастовку и т р е б о в а т ь выдачи трупов. Толпа решила итти останавливать заводы. Тогда выборщики (выборные? Р е д.) заявили, что они слагают с себя полномочия. Толпа выразила удовольствие, и они удалились.

15-го июня. (Опускаем рассказ о появлении «Потемкина». Р е д.). Убитый матрос—член Крымского Союза нашей партии, был известен под кличкой Владимира. В Одессе матросы явились на явку соц.-дем. К ним отправились депутации от всех трех социал-демократических организаций. Депутации от социалистов-революционеров матросы не приняли, сказав, что признают только социал-демократические организации. В порту говорили речи представители всех партий, толпа всех принимала восторженно. Когда выяснилось, что матросы в этот день не высадятся, от имени депутаций было объявлено, что только по приходе всей эскадры может быть принято окончательное решение. Толпа стала расходиться. Против нас велась агитация с призывом «бить жидов», но виновник агитации был тотчас убит и оказался переодетым околоточным. К вечеру начался грабеж порта и вспыхнул пожар. Войска (только-что прибывшие из Николаева) стали без оклика стрелять во всех проходящих. *Оратор из Комитета.*

Заявление Северо-Западного Комитета. В извещении о конференции на 3—4 стр. говорится: «Сев.-Зап. Ком., приславший уже делегата на съезд, по получении известий об отношении к последнему части партии, прислал нам сообщение о том, что он отзывает этого делегата, как не выполнившего постановленных ему условий. (NB. Делегат не счел нужным последовать указанию комитета).

Сев.-Западн. Комитет заявляет:

1) Из слов «прислал нам» можно заключить, будто С.-З. К. прислал сообщение конференции. В действительности никаких сообщений конференции С.-З. К. никогда не посылал.

2) С.-З. Ком. никогда не принимал постановления об отозвании своего делегата со съезда.

3) Письмо к делегату С.-З. Комитета за подписью С.-З. К., опубликованное в «Искре» без всякой просьбы

со стороны С.-З. К. и послужившее основанием для возводимых на делегата С.-З. К. обвинений, было написано лишь от имени С.-З. К. исполнительной комиссией С.-З. К., и содержание его, с одной стороны, не представляет собой никакого решения самого комитета, а с другой—не заключает в себе вообще категорического постановления об отозвании делегата.

4) Телеграмма, отправленная т. Мартову, приславшему письмо в С.-З. К. по вопросу о мандате и условившемуся о посылке ему телеграммы в одно слово: «abgeschaft», в случае отозвания делегата, также была послана исполнительной комиссией, при чем были добавлены слова: «Brieflich ausführlich», указывающие, что категоричного постановления об отозвании принято не было.

5) По точному смыслу мандата, данного С.-З. К. своему делегату, последний принял участие на съезде, не нарушив ни одного из поставленных ему условий. (Принято единогласно).

5-го июня 1905 г. *Северо-Западный Комитет.*

Резолюция. С.-З. К., выслушав своего делегата на III съезде и ознакомившись с извещением конференции о ее работах, принял следующую резолюцию:

1) Принимая во внимание, что на съезде присутствовали делегаты полноправных организаций, имеющих вместе право более чем наполовину решающих голосов, принадлежащих всей партии, С.-З. К. считает III съезд с формально-уставной точки зрения законным. (Принято единогласно).

2) С.-З. К. принимает устав, выработанный на III съезде. (Принято 2 при одном воздержавшемся).

Якутск. Резолюция товарищеского суда. Обвинения, возведенные на Китаева в крайней непорядочности и на Рузера в измене протесту,—преступления, которые, будто бы, были ими совершены во время плавания первой летней партии 1904 г. (партии, начальником которой был Сикорский, убитый тов. Минским),—комиссия, избранная на собрании ссыльных соц.-дем. Якутского округа, единогласно нашла совершенно неосновательными: таковое решение комиссии санкционировано собранием 8 апреля 1905 г.

Данная резолюция является выводом из подробного доклада комиссии, сделанного собранию.

Просим все революционные издания перепечатывать.

Из отчета Борисоглебской группы с 15-го апреля по 15-е мая: Приход—96 р. 22 к., остаток с предыд. мес.—29 р. 02 к., итого—124 р. 24 к.; расход—107 р. 12 к. (в том числе Центр. К-ту отчислено 45 р.); в кассе осталось 18 р. 12 к. Распространено изданий: Война и революция (35), Рабочее дело (6), Брошюр различного содержания (182), хроника 1 (45), Хроника 2 (100), Они заговорили (71), Песни (76), 1-е мая 1903 г. (204); прокламации: Порт-Артур и Ляоян (70), К рабочим и гражданам (100), Слово и дело (225), Первый шаг (263), К крестьянам (600), О политической свободе (125), Правда о войне (75), Канун революции (150), О страховании (8), Извещение о конференции (37), К гражданам (12), Черная сотня (180), Первое мая (1000), Наши задачи (5). К обществу (Воронежск. К-та—72), Отчет за предыдущий месяц (60); всего 3.600 экз. [3]).

Из отчета Костромской группы Северн. к-та за апрель: приход—642 р. 87 к.; расход—302 р. 06 к.; в кассе—340 р. 81 к. Издано в апреле: Отчетов кассы—100 л., Солдатская памятка—625 л., К обществу (перепеч. прокл. Пет. к-та из «Вперед»)—500 л., 1-е мая (перепеч. прокл. Б. К. Б. и «Вперед»)—3.000 л., 1-е мая (перепечатка другой прокл. Б.К.Б. и «Вперед»)—500 л., Иваново-вознесенским рабочим—4.000 л. Всего 8.725 л.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прекращая на некоторое время всякую издательскую деятельность и передавая типографию «Библиотеки Русского Пролетария» и склад как моих изданий, так и изданий социал-демократической организации «Жизнь» в полную собственность Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, я заявляю всем читателям «Библиотеки Русского Пролетария», что означенные издания можно получать из экспедиции Р. С.-Д. Раб. Партии. Издатель-редактор «Библиотеки Русского Пролетария» Г. Куклин. 10-го июля 1905 г.

Последние известия.

«Потемкин» появился у Феодосии. Он запасся провиантом и отплыл по неизвестному назначению, захватив одно русское торговое судно с грузом скота. Сообщают, что он добыл и угля с одного английского торгового судна. О сдаче нет и речи: «Потемкин» задается целью поднять восстание во всех прибрежных городах. Вот текст манифеста, который распространяется «Потемкиным» (по сообщению одной немецкой газеты из Бухареста):

«К цивилизованным гражданам и к рабочему народу! Преступления самодержавного правительства истощили всяческое терпение. Вся Россия, объятая пламенем возмущения, восклицает: долой цепи рабства! Правительство хочет залить всю страну кровью, забывая, что войско состоит из сыновей угнетенного народа. Экипаж «Потемкина» сделал первый решительный шаг. Мы не хотим больше быть палачами нашего народа. Наш лозунг: смерть или свобода для всего русского народа! Мы требуем прекращения войны и немедленного созыва учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. За эту цель мы будем бороться до конца: победа или смерть! Все свободные люди, все рабочие будут на нашей стороне в борьбе за свободу и за мир. Долой самодержавие! Да здравствует учредительное собрание!».

(*Н. Ленин*).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Соловьеву. Письмо получено и разобрано. Книга тоже получена, сообщите адрес для писем. Дедову. № 6-й получен. Клементию. Письма получаем аккуратно. Лоло. Получили вашу корреспонденцию, дайте адрес для писем вам, с комитетом переписка у нас не клеится. Рабочему Юга. Письмо получено. Сообщите свою явку и ключ через Б. К. Мягкову. Письмо получено, в явке разобрали только пароль. Повторите ее, а также адрес для писем. Дяде Минаю. Шифр нам еще не сообщен. Игорю. Ваше письмо получили, послали ключ и адреса через Антона. Лине. Письмо получено. Лэди. Послали вам письмо, Получено ли? Нищему. Где вы теперь? Отчего ничего не пишете? Варшавскому. Все получено, пойдет. Рижскому. О местных органах получено.

Вышли новые издания: 1) Дикштейн. «Кто чем живет». Ц. 40. 2) Приказ по войскам екатеринославского гарнизона с приложением статьи «Правительство готовится». Ц. 40 с. и 3) Три конституции (листок). Ц. 10 с. Печатается: Северцев. «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию».

Примечания:

Прим. 1. Статья в рукописи называется „По поводу либерального маклерства“. Части статьи, заключенные в прямые скобки, а также и редакционные поправки принадлежат тов. Ольминскому.

Прим. 2. Статью редактировал тов. Воровский.

Прим. 3. Ошибка в оригинале: приход в кассу не 124, а 125 руб. и распространено изданий не 3.600, а 3.701.

Parti Ouvrier
Démocrate-Socialiste
de Russie
Николаевъ.
„VPERIOD"
(En Avant!)
RÉDACTION
ADRESSE:
Vl. Bontch-Brouèvitch
3, Rue de la Colline, 3
GENÈVE (Suisse)

Genève, le 190

Мы, организованные рабочіе Порта, Французскаго и Черноморскаго заводовъ г. Николаева, собравшись въ числѣ 45 человѣкъ и выслушавъ докладъ товарища о созывѣ 3-го партійнаго съѣзда, пришли къ тому заключенію, что съѣздъ долженъ былъ быть созванъ годъ тому назадъ, т. е. тогда, когда только начался расколъ въ нашей партіи, и только партійный съѣздъ могъ предотвратить его, не давъ ему такъ обостриться и дойти до такихъ размѣровъ. Еще годъ тому назадъ были неотложные тактическіе и организаціонные вопросы, требовавшіе немедленнаго разрѣшенія. Разрѣшивъ ихъ тогда, наша партія не пришла бы къ такому истощенію и безсилію, въ какомъ она

Бланк редакции „Вперед".

ПРИЛОЖЕНИЕ.

МАТЕРИАЛ, НЕ ВОШЕДШИЙ В ГАЗЕТУ.

Луганск. 10-го мая. Мы, рабочие агитаторы и организаторы заводского и городского района в количестве 22-х чел., после тщательного разбора позиций двух борющихся сторон в партии пришли к следующему заключению: существование какой бы то ни было партии возможно лишь при условии подчинения меньшинства большинству, что не исключает борьбы каждого направления за торжество своих идей, но в партийных рамках, обеспеченных большинством. Меньшинство нашей Р. С.-Д. Р. П., несмотря на свое торжественное обещание подчиниться решениям съезда, начало рвать партию, устроило тайную организацию в пролетарской партии, в результате чего мы можем оказаться в хвосте надвигающихся событий в России, не использовав должным образом борьбы пролетариата в интересах его. Констатируя такое положение дел, порожденное дезорганизаторской работой «меньшинства», выносим ему полное свое порицание; еще раз напоминаем, что борьба за торжество своих идей исключает дезорганизацию партии. Мы выражаем свое полное согласие с принципами большинства Второго партийного съезда и прибавляем следующее: если меньшинство откажется пойти на III съезд Партии, созываемый БКБ и ЦК, этим самым оно покажет свою истинную физиономию, этим самым оно покажет, что интересы своего кружка ставит выше интересов партии, и злой иронией будут звучать его слова о самодеятельности и т. п.; с другой стороны, фактом неучастия на III съезде и непризнания его решений оно откалывается от Р. С.-Д. Р. П. Тем товарищам, которые пойдут на съезд, наш привет, и их решения станут решениями Партии, и им мы подчинимся.

Да здравствует Р. С.-Д. Р. П.! Да здравствует революционная социал-демократия!

Мы поручаем центру нашей луганской организации послать наше решение для напечатания во «Вперед».

Рига. (Запоздало доставкой) [1]). Первым районом принята следующая резолюция: «В виду того, что раскол в Партии между «большинством» и «меньшинством» принимает все более острую форму, мы, организованные рабочие, состоящие в первом районе Р. К. Р. С.-Д. Р. П., просим Третий партийный съезд восстановить единство в Партии: пусть тот, кто не хочет подчиниться решению Третьего партийного съезда, выйдет из Партии, а остальные объединятся, оставив свои дезорганизаторские замашки. Для более точного определения членства в Партии предлагаем Третьему партийному съезду принять во внимание формулировку т. Ленина: «Членом Партии считается всякий признающий ее программу и поддерживающий Партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Принимая во внимание великое значение старой «Искры» в деле объединения Партии и новой «Искры» в деле дезорганизации Партии, мы находим, что достойным преемником старой «Искры» является орган «Вперед», который, стремясь к объединению и дисциплинированию Партии, высоко держит знамя социал-демократии, и предлагаем Третьему партийному съезду назначить этот орган центральным, переиздавать его в России, чтобы дать ему широкое распространение в среде рабочих масс, способствуя этим выработке из рабочих социал-демократов. Просим редакцию «Вперед» как можно полнее осветить вопрос о временном правительстве в виду важности его в грядущих событиях».

Члены центров 1-го района (на подлиннике, доставленном в редакцию, следуют 30 подписей).

Резолюции Уральских организаций о партийном расколе *) [1]).

Группа ответственных работников Уфы, признавая состоявшийся съезд III съездом Партии, присоединяется к выработанным на нем резолюциям, подчиняется новому уставу Партии и в особенности приветствует объединительные стремления съезда.

18-го мая 1905 г.

Резолюция Пермского Комитета о присоединении к Центральному Комитету, избранному на III съезде, была вынесена еще в мае, после доклада делегата Уральского Комитета.

Резолюция Екатеринбургского Комитета. «Выслушав товарища делегата, присутствовавшего на III съезде Р. С.-Д. Р. П. от имени Уральского Союза, и принимая во внимание:

а) что в настоящее время, когда рабочее движение в России открыто переходит на явно революционную почву, является настоятельно необходимым всеми силами охранять единство Р. С.-Д. Р. П. в целях дости-

[1]) Корреспонденция сохранилась в гранке.

[*) Редакция „Пролетария“ получила эти резолюции с большим запозданием].

[1]) Редакционные поправки сделаны тов. Теодоровичем.

жения наибольшего руководства в предстоящем вооруженном восстании рабочего класса России;

б) что принятый на III съезде организационный план Рабочей Социал-Демократической Партии вполне соответствует стоящим перед нею задачам, и

в) что III съезд должен быть признан законно состоявшимся, так как на нем присутствовало фактическое большинство полноправных партийных организаций, и так как в тех условиях, при которых приходилось созывать III съезд, Организационным Комитетом было сделано все, что только ему было доступно,—

Екатеринбургский Комитет и техническая группа при нем единогласно решили:

а) признать все постановления III съезда Р. С.-Д. Р. П. для себя обязательными,

б) признать избранные на нем центральные партийные учреждения законными, и

в) стать под политическое руководство составленного Ц. К-та.

Что же касается отколовшейся [от] Центрального Комитета Партии фракции «меньшинства», то Екатеринбургский Комитет, признавая принципиальные разногласия по вопросам революционной тактики между «большинством» и «меньшинством» слишком ничтожными и недостаточными, как повод для расхождения, но в то же время считая группу «меньшинства» неспособной из-за ее организационных воззрений осуществить задачи Партии, отказывается видеть в этой группе партийное учреждение. Тем не менее, Екатеринбургский Комитет признает необходимым принимать отдельных товарищей из «меньшинства» в свои организации при условии признания ими постановлений III съезда Р. С.-Д. Р. П.

Екатеринбургский Комитет Уральского Союза Р. С.-Д. Р. П.

Июнь 1905 г.».

Резолюция работников Уфы. «Неотложная необходимость во что бы то ни стало восстановить единство Партии диктует нам обязанность, опираясь на многочисленные примиренческие элементы Партии, противиться всякой попытке двух частей Партии стать в отношения взаимного бойкота. В ответ на заявления обеих частей расколовшегося Восточного Бюро мы, ответственные работники Уфы, объявляем, что, становясь под политическое руководство выбранного на III съезде Партии Центрального Комитета и подчиняясь всем его решениям, мы будем отдавать в его распоряжение как сведения, так и средства, согласно новому уставу Партии. Но в то же время, не видя в резолюциях конференции меньшинства принципиальных отличий от резолюций III съезда по самым крупным вопросам революционной тактики и констатируя в этих резолюциях полное освобождение меньшинства от оппортунистических веяний, мы не закрываем двери нашей организации перед товарищами из меньшинства, которые так же, как и мы, желают прекращения нелепого, позорного по своей беспринципности раскола великой революционной Партии пролетариата как-раз в момент решения ее гигантской задачи предводительства пролетариатом в русской революции. [Принята] единогласно.

9-го июня 1905 г.».

(Примечание. Необходимо сказать по поводу этой резолюции, что организацион[ный] план меньшинства тогда еще не был известен).

[Примечание редакции. Насчет полного освобождения меньшинства от оппортунистических веяний «в резолюциях» общерусской конференции редакция держится взглядов, прямо противоположных мнению уфимских товарищей].

«Челябинская группа Южного Уральского Комитета Р. С.-Д. Р. П., ознакомившись с резолюциями III съезда Партии и «конференции меньшинства», признает состоявшийся съезд III Партийным съездом, принимает выработанные на нем резолюции и становится под политическое руководство Центрального Комитета, избранного на этом съезде, обязуясь подчиняться ему и предоставляты в его распоряжение средства и силы, согласно новому уставу Партии. Товарищи из меньшинства будут приниматься на работу лишь в том случае, если признанием Центрального Комитета, съезда и устава откажутся от дезорганизаторской политики. Стремясь к скорейшему восстановлению организационного единства Партии, мы считаем присоединение всех партийных работников к Центральному Комитету кратчайшим путем к такому объединению.

Принято единогласно.

20-го июня 1905 г.».

Курганская группа Южного Уральского Комитета Р. С.-Д. Р. П. присоединилась к этой резолюции тогда же.

Резолюция Вятского Комитета. «Выслушав доклады официальных делегатов уральских организаций (Уральского Комитета и Уральского Союза), Вятский Ком[итет] принимает, как обязательные, все постановления III съезда. Вследствие невозможности за отсутствием документов разрешить на местах вопрос о законности созыва съезда Вятский Комитет находит желательным передать данный вопрос на рассмотрение международной социал-демократии, полагая, что авторитетный голос ее в деле разъяснения всех неясных и спорных вопросов порядка созыва съезда должен в значительной степени способствовать присоединению отколовшейся части Партии».

[Эта резолюция принята большинством двух третей. Меньшинство же одной трети вотировало за такую резолюцию:]

«Выслушав доклад официальных делегатов Уральской организации (Уральского Комитета и Уральского Союза), Вятский Комитет признает съезд законным и все постановления его для себя обязательными».

«Периферия Пермского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (рабочий центр и пропагандистская группа), выслушав доклад о работе III съезда, признает этот съезд партийным, считает его решения для себя обязательными, признает и подчиняется новому уставу партии и Центральному Комитету, одобряя выработанный съездом организационный план.

Июль 1905 г.».

Что касается Пермского Комитета в июле, то по отношению к меньшинству он был более мягок: часть его соглашалась принимать товарищей из меньшинства, лишь требуя от них подчинения дисциплине в пределах

Пермского Комитета (подчинения большинству Комитета). Эта часть очень скоро откололась и перешла к меньшинству. Другая осталась на прежней твердой позиции[1]).

Здесь недостает еще резолюций **Тагильской** Группы Екатеринбургского Комитета. Она в общем сходна с Екат[еринбургской и] принята всеми против одного.

Доклады о III съезде и конференции были сделаны: Вятскому Комитету и его периферии дел[егатом] Уральского Комитета; Пермскому Комитету—делегатом Уральского Комитета; Вятскому Комитету, периферии Пермского Комитета, Тагильской Группе Екатеринбургского Комитета, Екатеринбургскому Комитету, периферии Екатеринбургского Комитета, Челябинской Группе Южно-Уральского Комитета, Уфимской группе, интеллигентской периферии Уфимского Комитета, рабочему центру Уфимского Комитета и Восточному Бюро Центрального Комитета—делегатом Уральского Союза.

[**Уфимский** Комитет] примыкает к Центральному Комитету Партии, избранному III съездом, и подчиняется вполне его политическому руководству; [Комитет] просит Центральный Комитет приложить все усилия к скорейшему объединению Партии; приветствуя всякий шаг в этом направлении, [Комитет] будет бороться против всяких попыток к расколу, от кого бы они ни исходили.

Уфимский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Сентябрь 1905 г.

[1]) Это сообщение в рукописи вычеркнуто.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

В первом выпуске.

Напечатано:	*Следует читать*:
На стр. 19.	
Написаны и кекоторые другие статьи.	Написаны и некоторые другие статьи.
На стр. 106.	
Факсимиле тов. А. И. Елиазаровой.	Факсимиле тов. А. И. Елизаровой.

Во втором выпуске.

На стр. V оглавления.	
Батум. Рабочий . . . . . 13.	Батум. Рабочий . . . . . 14.
Изобретатели разногласий. М. **Ольминский.**	Изобретатели разногласий. В. **Воровский.**
На стр. 41.	
„Об уличной борьбе"; см. стр. 24.	„Об уличной борьбе"; см. стр. 27.
На стр. 189.	
Была послана ов. Ленину.	Была послана тов. Ленину.

ИСТПАРТ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

„ВПЕРЕД" И „ПРОЛЕТАРИЙ"

ВЫПУСК V

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1925

ИСТПАРТ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (БОЛЬШЕВИКОВ)

„ВПЕРЕД“ и „ПРОЛЕТАРИЙ“

ПЕРВЫЕ БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ГАЗЕТЫ 1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ИСТПАРТА и со ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
М. ОЛЬМИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 32158. Тираж 15.000 экз.

Типография „КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“, Пименовская ул., дом 1/16.

„ПРОЛЕТАРИЙ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА —
ОРГАН БОЛЬШЕВИКОВ,
ИЗДАВАЛСЯ В ЖЕНЕВЕ В 1905 Г.

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

(№№ 15—20)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 15.

В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства? Н. Ленин. 1
Финансы России и революция. 5
Самое ясное изложение самого путаного плана. Н. Ленин. 8

Из общественной жизни.

Москва 9
Тифлис . . . . . —
Полесье . . . . . —
Ковно . . . . . —
Калиш . . . . . —
Минск . . . . . —
Николаев 10
Плоцк. Солдат . . . . . —
Кишинев . . . . . —
С театра войны (из частного письма) 11

Из рабочего движения.

Москва 11
Памяти Александра Цулукидзе (некролог). Из „Борьбы Пролет.“, № 1 . . . . . —
Курск 12
Муром . . . . . —
Село Кохма, Шуйского уезда. Рабочий . . . . . —
Екатеринослав 13
Екатеринослав . . . . . —
Баку 14
Вильна . . . . . —
Вильна . . . . . —
Добрянка . . . . . —
Копысь (сообщ. рабочими из организации) 15
Ошмяны. Член организации. . . . . —

Тюрьма и ссылка.

Одесса. Л. 16

Из партии.

Осведомление международн. социал-дем. о наших парт. делах 16
Конференция Южных Комитетов 17
Объявление Комитета . . . . . —
Либава . . . . . —
Казань 18
Тифлис . . . . . —
Тифлис . . . . . —

Стр.

Чиатуры 18
Издательская деятельность Кавказского Союза РС-ДРП . 19
Из отчетов. . . . . —
Издания . . . . . —
Почтовый ящик. . . . . —
Примечания 20

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 16.

Отношение социал-демократии к крестьянскому движению. 21
Тревоги господ либералов. А. Луначарский 24
Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа? . . 25
Задачи пропаганды 27
Страничка из истории. В. Воровский 30
Теория самопроизвольного зарождения 31
Два либерала. (Баллада) 34
Июльские дни в Риге 36

Из общественной жизни.

Новочеркасск 38
Саратов . . . . . —
Тверь . . . . . —
Белосток . . . . . —
Вильна . . . . . —
Копысь. Копысьская группа 39
В деревне . . . . . —
Либава . . . . . —
Резолюция . . . . . —
Минск 40
Финляндская партия активного сопротивления . . . . . —
В войсках 41
Письмо из Вашингтона 42

Из рабочего движения.

Краткий очерк деятельности Окружной Организации Московского Комитета по июль. Окружной организатор 42
Рига. 43
Петербург . . . . . —
Таганрог 44
Варшава . . . . . —
Кострома. Костромской Комитет РС-ДРП . . . . . —
Кострома . . . . . —
Тверь 45
Тула. Соц.-дем. жел.-дор. союз Тульского Комитета. —
Воронеж. Литейщик. . . . . —
Вильна . . . . . .

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Из партии.

Съезд групп . . . 46
Листок Виленской Группы . . . —
„Рабочий“ . . . —
Сибирский Социал-демократич. Листок . . . —
Одесса. **Рабочий из большинства** . . . —
Меньшевистский комитет о Булыгинской думе. . . . 47
Побеги . . . —
О поступлениях в заграничную кассу ЦК . . . —
Издания . . . —
Почтовый ящик . . . —

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 17.

Мир и реакция. **В. Воровский** . . . 49
Массовая политическая стачка. **А. Луначарский** . . . 51
Письмо из Петербурга . . . 54
Заявление группы московских помощников присяжных поверенных . . . 55
Армия и народ. **В. Северцев** . . . 57

Из общественной жизни.

Москва . . . 59
Москва. **Н. Ц.** . . . —
Рига . . . —
Новая Александрия (из письма солдата) . . . —
Лондон . . . 60
В войсках . . . —
Крестьянский Съезд . . . —

Из рабочего движения.

Петербург . . . 61
Красноярск. **Проезжий** . . . —
Воронеж . . . —
Либава . . . —
Нижний-Новгород . . . 62
Кострома . . . —
Иваново-Вознесенск . . . 63
Колпино . . . —

Тюрьма и ссылка.

Херсон . . . 64
Херсон . . . 65
Москва . . . —
Побеги . . . —

Иностранное обозрение.

Из Франции. Поход буржуазии на биржу труда. **В. Воровский** . . . 65

Из партии.

Первая областная конференция Сев.-Зап. Края . . . 66
Борисов . . . 67
Одесса . . . —
Таганрог . . . —
Таганрог . . . —
Армавир . . . —
Воронеж . . . —
Из отчетов. . . . 68
Почтовый ящик. . . . —
Примечания . . . —

Стр.

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 18.

Встреча друзей. **Н. Ленин** . . . 69
Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги! **Н. Ленин.** 71
Либеральные союзы и социал-демократия. **В. Воровский и Н. Ленин** . . . 72
Игра в парламентаризм. **Н. Ленин** . . . —
От обороны к нападению. **Н. Ленин** . . . 76

Из общественной жизни.

Центральный Комитет РС-ДРП в листке „К рабочим и крестьянам“ . . . 78
Самарский Комитет РС-ДРП в листке „Ко всем рабочим“. —
О высших учебных заведениях . . . 79
К моменту . . . —
Конституционалисты по неволе . . . —
Москва . . . 80
Саратов. . . . —
Тула. . . . —
Крестецкий уезд . . . 81
Псков . . . —
Два воззвания . . . —
Из секретных циркуляров. . . . 82
Воронеж . . . —

Из рабочего движения.

Тифлис. **Кавказский Союзный Комитет.** . . . 83
Льется кровь, готовьтесь к восстанию! **Тифлисский Комитет** . . . —
Баку. **Член Комитета** . . . —
Баку . . . 85
Темная полоса. **Бакинский Комитет** . . . —
Витебск . . . —
Нижний-Новгород . . . 86
Красноярск . . . 87
Либава . . . 88

Из партии.

Решение Одесского Комитета . . . 88
Из отчетов . . . —
Издания . . . —
Почтовый ящик . . . 89
Примечания . . . —

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 19.

Революция и контр-революция. **В. Воровский** . . . 91
Центральный Комитет о Государственной Думе . . . 93
Земский Съезд. **Н. Ленин** . . . 94
Литература жандармов. **В. Бонч-Бруевич** . . . 96
Пролетарии ли фармацевты? **Фармацевт** . . . 97
Открытое письмо к заграничным товарищам . . . 98

Из общественной жизни.

Витебск . . . 99
Псков (из частного письма) . . . 100
Из секретных документов . . . —
В войсках . . . 101

Из рабочего движения.

Петербург . . . 102
Петербург. **Организатор Городского Района.** . . . 103

ОГЛАВЛЕНИЕ

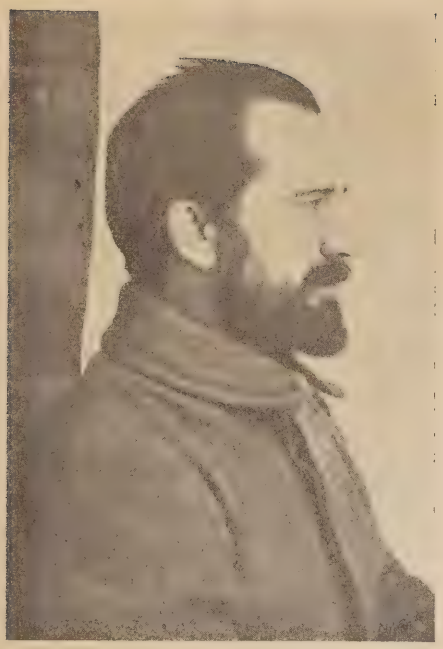
	Стр.
Колпино	103
Тифлис	—
Казань	104
Рига	105
Курск	—
Воронеж. **Рабочий**	—
Казань.	106
Резолюция Съезда Германской Соц.-Дем. Рабочей Партии в Иене. — Перевод с немецкого **В. Величкиной**	107
Из партии.	
Памяти тов. Гусенко. **Красноярский Комитет РС-ДРП.**	108
Минск. **Член Минской группы**	—
Сморгонь. **Сморгонская группа РС-ДРП**	109
Издания	—
Побеги	—
О поступлениях в заграничную кассу ЦК	—
Новые издания	—
Почтовый ящик	110
Примечания	—

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 20.

Социализм и крестьянство. **Н. Ленин**	111
Ко всей учащейся молодежи. **Центр. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии**	114
Буржуазия сытая и буржуазия алчущая. **Н. Ленин**	115
Очерки по истории революционной борьбы западно-европейского пролетариата. **А. Луначарский**	116
Помещики о бойкоте Думы. **Н. Ленин.**	118
Из бесед с читателями. **С. Гусев**	119
К вопросу о партийном объединении	122
Из общественной жизни.	
Киев	124
Баку	—
Казанский Комитет	125
Северо-Западный Союз о Государствен. Думе	—
Проект приговора	—
Петербург	—
Резолюция, принятая на сходке в Петербургском Университете	125
Петербург	126
Симбирск	—
Тоже „Из впередовского арсенала“. **А. Насимович**	—
Ошибка или недоразумение? **А. Насимович**	127
Сердитый ответ. **Н. Ленин**	—
Из рабочего движения.	
Петербург	127
Петербург	128
Петербург	—
Николаев. **Рабочий**	129
Николаев	—
Екатеринослав	—
Иваново-Вознесенск	—
Кострома	—
Коломна	130
Тула	—
Письмо в редакцию. **Секретарь Рижского Комитета РС-ДРП**	—
Брянск	—
Иностранное обозрение.	
Съезд Германской Соц.-демократии в Иене	132
Из партии.	
Новая меньшевистская конференция. **Н. Ленин**	135
Представительство РС-ДРП в Международном Соц. Бюро. **Н. Ленин**	—
Резолюция Костромского Комитета	136
Нижний-Новгород	—
Издательская деятельность Курского Комитета	—
Из отчетов	—
Побеги	137
Издания	—
Почтовый ящик.	—
Примечания	—

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Портреты: тт. И. А. Теодоровича, В. М. Величкиной, В. А. Карпинского и М. Васильева-Южина; **Факсимиле:** С. И. Гусева.



И. А. Теодорович
(1909—1910 г.).

В. М. Величкина
(фотография 1903 г.).

В. А. Карпинский
(фотография 1903 г.).

М. Васильев-Южин
(фотография 1904 г.).

LE PROLETAIRE

Prix: 30 cts.

ЖЕНЕВА. 5 сентября (23 авг.) 1905 г.

№ 15.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?

Тактика социал-демократии по отношению к Государственной Думе продолжает стоять на очереди дня во главе всех остальных вопросов революционной борьбы. Разногласия насчет этой тактики, обнаружившиеся между оппортунистическим (Искра) и революционным (Пролетарий) крылом Р. С.-Д. Р. П., должны быть разобраны со всей тщательностью не в целях придирчивой полемики (иногда вырождающейся в свару), а в целях полного уяснения вопроса и содействия работникам на местах в выработке возможно более точных, определенных и единых лозунгов.

Сначала пару слов о возникновении этих разногласий. В № 12 «Пролетария», еще до выхода закона о Государственной Думе, мы изложили основы нашей тактики и нашего расхождения с «Искрой». Мы требовали 1) поддержки идеи бойкота в смысле усиления агитации и обращения к народу, в смысле поддержки пролетариатом левого крыла буржуазной демократии и неуклонного разоблачения в предательстве правого крыла ее; 2) непременно активного бойкота, а не «пассивного отстранения», т.-е. «удесятерение агитации» вплоть до «насильственного проникновения в избирательные собрания», и, наконец, 3) «ясного, точного и прямого лозунга агитации», именно: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Мы решительно отвергли лозунг «Искры» (№ 106): «организация революционного самоуправления», как путаный и играющий на-руку освобожденцам, т.-е. монархической буржуазии. Мы сразу оговорили при этом, как бы предвидя, что «Искра» будет опять «плодить» разногласия, наше согласие с осуждением «Искрой» идеи пассивного бойкота.

Поэтому, если теперь «Искра» в № 108 бросает какие-то намеки на теорию «невмешательства», «абсентеизма», «воздержания», «скрещенных рук» и т. под., то мы прежде всего отодвигаем подобные «возражения», ибо это не полемика, а лишь покушение «царапать» оппонента. Такими приемами «полемики», которые увенчиваются инсинуацией, будто некоторые вожди сами хотели попасть во временное правительство, новая «Искра» давно уже вызвала среди самых широких кругов социал-демократии вполне [определенное отношение к себе] [1]).

Итак, суть разногласий свелась к тому, что «Искра» не принимает нашего лозунга агитации, который мы считаем центральным (воор. восст., революционная армия, временное революционное правительство). «Пролетарий» же считает безусловно недопустимым «заслонять или хотя бы отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления» (№ 12 Прол.). Все остальные пункты разногласий имеют сравнительно менее важное значение. Наоборот, особенно важно, далее, то, что в № 108 «Искра» начинает уже (как это не раз с ней бывало) пятиться, вилять, выворачиваться: к лозунгу организации революционного самоуправления она добавляет лозунг «активных боевых выступлений народных масс» (чем это отличается от вооруженного восстания, Аллах ведает). «Искра» договаривается даже до того, что «организация революционного самоуправления это и есть единственный способ действительной «организации» всенародного восстания». № 108 «Искры» помечен 13 (28)-го авг. [2]). А 24-го авг. н. ст. появилась в венской «Рабочей Газете» статья т. Мартова, излагающая «план» «Искры» вполне в духе № 106, а не в духе «поправок» № 108. Эту ценную статью т. Мартова мы приводим ниже в ее главной части, как образец «социал-демократической маниловщины».

Попробуем разобраться в этой путанице.

Чтобы выяснить дело, необходимо прежде всего дать себе отчет в том, какие силы и как именно «творят историю» русской революции в данный момент. Самодержавие приняло теорию «совещания» царя с народом. Желая совещаться с просеянной через полицейский надзор кучкой выборных от помещиков и лавочников, оно начинает с отчаянной свирепостью подавлять революцию. Более широкие круги монархической буржуазии стоят за теорию соглашения царя с народом (освобожденцы, или конституционно-«демократическая» партия). Буржуазия выражает теорией свое предательство революции, готовность сначала поддержать ее, а затем соединиться с реакцией против нее. Революционный пролетариат, поскольку им руководит социал-демократия, требует самодержавия народа, т.-е. полного уничтожения сил реакции и прежде всего фактического свержения царского правительства и замены его временным революционным правительством. Пролетариат стремится (часто бессознательно, но неуклонно и энергично) к тому, чтобы присоединить к себе крестьянство и с его помощью довести революцию до полной победы вопреки неустойчивости и предательству буржуазии.

Государственная Дума есть, несомненно, уступка революции, но уступка, сделанная (это еще более несомненно) с целью подавить революцию и не дать конституции. Буржуазные «соглашатели» хотят добиться конституции с целью подавить революцию; г. Виноградов (в «Русск. Вед.») выразил это стремление либеральной

буржуазии, неизбежно вытекающее из ее классового положения, с особенной ясностью.

Спрашивается теперь: какое значение имеет при таком положении дел решение бойкотировать Думу, принятое «Союзом Союзов» (см. № 14 «Пролетария»), т.-е. самой широкой организацией буржуазной интеллигенции? Буржуазная интеллигенция в общем и целом тоже хочет «соглашения». Она тоже колеблется поэтому, как много раз уже показывал «Пролетарий», между реакцией и революцией, между торгашеством и борьбой, между сделкой с царем и восстанием против царя. Это и не может быть иначе в силу классового положения буржуазной интеллигенции. Но было бы ошибкой забывать, что эта интеллигенция более способна выражать широко-понятые, существенные интересы всего класса буржуазии в отличие от временных и узких интересов одних только «верхов» буржуазии. Интеллигенция более способна выражать интересы широкой массы мелкой буржуазии и крестьянства. Она более способна поэтому, при всей ее неустойчивости, к революционной борьбе с самодержавием, и при условии сближения с народом она может стать крупной силой в этой борьбе. Бессильная сама по себе, она могла бы дать весьма значительным слоям мелких буржуа и крестьян как-раз то, чего им недостает: знание, программу, руководство, организацию.

Суть идеи «бойкота», как она возникла у Союза Союзов, состоит, след., в том, что первый шаг крупной буржуазии к совещанию—соглашению с царем неминуемо вызвал первый шаг мелкобуржуазной интеллигенции к сближению с революционным народом. Помещики и капиталисты качнулись вправо, буржуазная интеллигенция, представительница мелкой буржуазии, качнулась влево. Первые идут к царю, далеко не отказываясь грозить ему еще не раз силой народа. Вторые подумывают, не итти ли им к народу, не разрывая еще окончательно с теорией «соглашения» и не становясь вполне на революционный путь.

Вот в чем суть идеи бойкота, возникшей, как мы уже указали (№ 12 «Пролетария»), внутри буржуазной демократии. Только очень близорукие и поверхностные люди могли бы усмотреть в этой идее невмешательство, абсентеизм, воздержание и т. п. Буржуазной интеллигенции нечего воздерживаться, ибо высокий ценз сам ее удерживает вдали от Гос. Думы. Буржуазная интеллигенция в своей резолюции о бойкоте на первый план ставит «мобилизацию всех демократических элементов страны». Буржуазная интеллигенция есть самый деятельный, решительный и боевой элемент освобожденской, конституционно-«демократической» партии. Обвинять эту интеллигенцию за идею бойкота, в воздержании и т. п. или даже отказать этой интеллигенции в поддержке ее идеи и развитии ее — значит, по близорукости, сыграть на-руку крупной монархической буржуазии, орган которой, «Освобождение», недаром воюет с идеей бойкота.

Правильность изложенного взгляда, помимо общих и основных соображений, подтверждается ценными признаниями г. С. С. в № 75 «Освобождения». В высшей степени знаменательно, что г. С. С. относит сторонников идеи бойкота к «радикальной», а противников к «умеренной» группе. Первых он обвиняет за «народовольчество», за повторение ошибок «активных революционных групп» (обвинение, почетное для того, против кого оно выдвигается «Освобождением»); про вторых он прямо говорит, что они стоят меж двух огней: между самодержавием и «социальной (sic!) революцией», при чем бедный г. С. С. со страху даже чуть не смешал демократическую республику с социальной революцией! Самое же ценное признание г. С. С. следующее: «Для радикалов,— говорит он, сравнивая съезд Союза Союзов со съездом земцев,—центр тяжести, несомненно (слушайте!), лежал в требовании изменения системы выборов, тогда как для более умеренной группы главный интерес заключался в распространении прав Думы».

Этим все сказано! Г. С. С. выболтал сокровенные «думы» помещиков и капиталистов, которые мы сотни раз разоблачали. «Главный интерес» для них не в привлечении народа к выборам (они этого боятся), а в расширении прав Думы, т.-е. в превращении крупнобуржуазного собрания из законосовещательного в законодательное. Вот где зарыта собака. Крупная буржуазия никогда не сможет удовлетвориться «законосовещательной» думой. Отсюда—неизбежность конституционных конфликтов в Гос. Думе. Но крупная буржуазия никогда не сможет стать надежным и верным сторонником самодержавия народа. Она всегда будет одной рукой брать конституцию (для себя), а другой рукой отбирать права у народа или противодействовать расширению прав народа. Крупная буржуазия не может не стремиться к конституции, обеспечивающей привилегии, крупной буржуазии. Радикальная интеллигенция не может не стремиться к выражению интересов более широких слоев мелкой буржуазии и крестьянства. Правое крыло буржуазной демократии, получив синицу в руки, сразу начало «умнеть» и отказывается уже, как мы видели, от «нелегальных съездов». Левое крыло увидело, что оно осталось даже без синицы, что помещики и капиталисты, попользовавшись услугами «3-го элемента» (агитация, пропаганда, организация печати и т. д.), готовы предать их, направив усилия в Гос. Думе не на народные права, а на свои, антинародные права. И вот, почуяв начало предательства, буржуазная интеллигенция клеймит Гос. Думу, как «дерзкий вызов» со стороны правительства всем народам России, объявляет бойкот, советует «мобилизацию демократических элементов».

При таком положении дел обрушиться на идею бойкота значило со стороны с.-д. сыграть роль политических [простáков] [3]). Верный классовый инстинкт революционного пролетариата подсказал большинству российских товарищей идею активного бойкота. Это значит: поддерживать левое крыло и тянуть его к себе, стараться выделить элементы революционной демократии, чтобы с ними вместе ударить на самодержавие. Радикальная интеллигенция протянула нам палец,—хватай ее за руку! Если бойкот не хвастовство, если мобилизация не фраза, если возмущение дерзким вызовом не актерство,—тогда вы должны порвать с «соглашателями», стать на сторону теории самодержавия народа, принять, на деле принять, единственно-последовательные и цельные лозунги революционной демократии: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правитель-

ство. Присоединить к себе тех, кто на деле принимает эти лозунги, втоптать перед всем народом в помойную яму тех, кто остается на стороне «соглашателей»,—такова единственная правильная тактика революционного пролетариата.

Наши новоискровцы прозевали и классовое происхождение, и реальное политическое значение идеи бойкота, открыв стрельбу... в воздух. Т. Череванин пишет в № 108: «Как видно из листков Донского К-та и С.-Петерб. Группы, обе эти организации (N. B.: меньшевистские. Примеч. ред. «Прол.») высказываются за бойкот. Участие в выборах в такую Думу они считают позорным, изменой делу революции и заранее клеймят тех либералов, которые примут участие в выборах. Таким образом исключается возможность сделать Гос. Думу орудием демократической революции и отвергается, очевидно, агитация, направленная в эту сторону». Подчеркнутые нами слова показывают именно очерченную сейчас ошибку. Ведь, те, кто декламирует против «невмешательства», только заслоняют действительно важный вопрос о способах вмешательства. Есть два способа вмешательства, два типа лозунгов. Первый способ: «удесятерение агитации, устройство собраний везде и всюду, утилизация избирательных собраний хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. д., и т. п.». («Прол.» № 12): Лозунги этой агитационной кампании мы уже изложили. Другой способ: брать «революционное обязательство итти в Г. Думу с тем, чтобы добиваться превращения ее в революционное собрание, ниспровергающее самодержавие и созывающее учред. собрание» (т. Череванин в № 108 «Искры»), или «давить на выборщиков в том смысле, чтобы в думу выбирались только решительные сторонники демократического и свободного представительства (т. Мартов в венской «Р. Г.»).

Вот это различие способов и отражает разницу «двух тактик» социал-демократии. Оппортунистическое крыло с.-д. всегда склонно «давить» на буржуазную демократию посредством взимания обязательств с нее. Революционное крыло с.-д. «давит» на буржуазную демократию и толкает ее налево тем, что клеймит ее за повороты вправо, тем, что распространяет в массе лозунги решительной революции. Теория «взимания обязательств», эта знаменитая теория Староверовской лакмусовой бумажки, есть величайшая наивность, способная лишь сеять смуту в пролетариате и развращать его. Кому предъявит ко взысканию полученное им «обязательство» тов. Череванин? Не господу ли богу? Неужели тов. Череванин не знает, что под давлением материальных интересов класса все и всякие обязательства полетят к чорту? Неужели не ребячество мысль того же тов. Череванина связать буржуазных депутатов Г. Думы с революционным пролетариатом посредством «императивных мандатов»? Ведь, тов. Мартову, если бы он на деле стал выполнять свой план, пришлось бы заявлять перед рабочим классом, что N. N. или М. М. из данного собрания помещиков суть «решительные сторонники свободного и демократического представительства!». Делать такие заявления значило бы сеять величайший политический разврат!

И заметьте еще вот что: все эти «революционеры обязательства» господ Петрункевичей, Родичевых и tutti quanti, все эти «императивные мандаты», все эти подписки о «решительной поддержке демократического и свободного представительства» (можно ли выбрать более общий, неясный, туманный термин?) брались и давались бы от имени с.-д. за спиной пролетариата. Ведь, открыто этого сделать нельзя, да даже и при открытой агитации в свободных странах политические деятели обязываются не столько частными сделками, сколько программами партий, а, ведь, у нас нет и не будет определенных и оформленных партий при выборах в Г. Д.! Посмотрите же, товарищи новоискровцы, как вы опять залезли в болото: на словах у вас все «масса», «перед массой», «с участием массы», «самодеятельность массы», а на деле ваш «план» сводится к секретным сделкам об обязании господина Петрункевича быть не предателем революции, а «решительным» сторонником ее!

Новоискровцы сами довели себя до абсурда. В России никто и нигде, даже из их сторонников, и не подумает заключать этих нелепых «революционных обязательств». Нет. Вмешиваться надо не так. Вмешиваться надо самым беспощадным клеймением теории соглашения и буржуазных соглашателей, всех этих Петрункевичей и т. п. Разоблачать их буржуазное предательство революции, объединять против самодержавия (а на всякий случай и против Думы) революционные силы для восстания,—вот единственный надежный способ реально «давить» на Думу, реально готовить победу революции. Только с этим лозунгом должны мы вмешиваться в избирательную агитацию, не для избирательных маневров, сделок, обязательств, а для проповеди восстания. И только реальная сила вооруженного народа даст возможность использовать в пользу революции (а не в пользу узкобуржуазной конституции) возможные и вероятные будущие конфликты внутри Г. Думы или Г. Думы с царем. Поменьше доверия к Г. Д., побольше доверия к силам вооружающегося пролетариата, господа!

Мы подошли теперь и к лозунгу: организация революционного самоуправления. Рассмотрим его повнимательнее.

Во-первых, чисто-теоретически неправильно выдвигать на первый план лозунг революционного самоуправления вместо лозунга: самодержавие народа. Первый относится к управлению, второй—к устройству государства. Первый совместим поэтому с предательской буржуазной теорией «соглашения» (самоуправляющийся народ с царем во главе, который «не управляет, а царствует»), второй безусловно несовместим. Первый—приемлем для освобожденцев, второй неприемлем.

Во-вторых, отождествление организации революционного самоуправления с организацией всенародного восстания совершенно вздорно. Восстание есть гражданская война, а война требует армии. Между тем, самоуправление само по себе не требует армии. Есть страны, где существует самоуправление, но нет армии. И революционное самоуправление не требует революционной армии там, где революция происходит по типу Норвегии: «рассчитали» короля и произвели опрос народа. Но когда народ угнетен деспотизмом, опирающимся на армию и начинающим гражданскую войну, тогда отождествлять революционное самоуправление с

революционной армией, выдвигать первое и замалчивать второе есть прямо-таки несказанная пошлость, выражающая либо предательство революции, либо крайнее недомыслие.

В-третьих, и история подтверждает ту самоочевидную, впрочем, истину, что только полная и решительная победа восстания обеспечивает вполне возможность организации действительного самоуправления. Возможна-ли была бы во Франции муниципальная революция в июле 1789 года, если бы 14-го июля поднявшийся и вооруженный Париж не победил царских войск, не взял Бастилии, не сломил в самом корне сопротивление самодержавия? Или, м.-б., новоискровцы сошлются при этом на пример города Монпелье, где муниципальная революция, организация революционного самоуправления произошла мирно, где была даже вотирована благодарность интенданту за любезность, с какою он содействовал своему собственному низложению? Не ждет ли новая «Искра», что во время нашей агитационной кампании выборов в Думу мы будем благодарить губернаторов за самоустранение до взятия русских Бастилий? Не характерно ли, что во Франции 1789 года время муниципальной революции есть время начавшейся эмиграции реакционеров, а у нас лозунг революционного самоуправления вместо лозунга восстания выдвигают тогда, когда существует еще эмиграция революционеров? Когда одного русского сановника спросили, почему 6-го августа не дарована амнистия, он ответил: «С какой же стати освободим мы 10.000 человек, которых нам стоило не малого труда арестовать, и которые завтра же начали бы отчаянную борьбу с нами?». Этот сановник рассуждал умно, а те, кто говорит о «революционном самоуправлении» до освобождения этих 10.000, рассуждают неумно.

В-четвертых, современная русская действительность наглядно показывает недостаточность лозунга: «революционное самоуправление» и необходимость прямого и точного лозунга восстания. Взгляните, что было в Смоленске 2-го августа ст. ст. Гор. Дума признала беззаконием расквартировку казаков, прекратила выдачу им денег, организовала для защиты населения городскую милицию, обратилась с воззванием к солдатам против насилия над гражданами. Мы желали бы знать, находят ли это достаточным наши добрые новоискровцы? Не следует ли рассматривать эту милицию, как революционную армию, как орган не только обороны, но и наступления, и наступления не только против смоленской казачьей сотни, а против самодержавного правительства вообще? Не следует ли пропагандировать эту идею о провозглашении революционной армии и о задачах ее? Можно ли считать действительно народное самоуправление гор. Смоленска обеспеченным, пока революционная армия не одержала решительной победы над царской армией?

В-пятых, факты свидетельствуют неопровержимо, что лозунг революционного самоуправления вместо лозунга восстания или в смысле (?) лозунга восстания не только «приемлем» для освобожденцев, но и принят ими. Возьмите № 74 «Осв.». Вы увидите решительное осуждение «безумной и преступной проповеди вооруженного восстания» и в то же время защиту городских милиций и организаций органов местного самоуправления, как элементов будущего временного правительства (ср. № 12 «Прол.»).

С которой стороны ни подойдете вы к вопросу,— неизменно окажется, что новый лозунг новой «Искры» есть лозунг освобожденский. Социал-демократы, заслоняющие или отодвигающие лозунг вооруженного восстания, революционной армии, временного правительства лозунгом организации революционного самоуправления, тащатся в хвосте у монархической буржуазии вместо того, чтобы итти во главе революционного пролетариата и крестьянства.

Нас упрекают за то, что мы «вдалбливаем» упорно одни и те же лозунги. Мы считаем этот упрек за комплимент. Наша задача в том и состоит, чтобы на-ряду с общими истинами с.-д. программы вдалбливать неустанно насущные политические лозунги. Мы добились широчайшего распространения ненавистной либералам «четыреххвостки» (всеобщее, прямое, равное, тайное голосование). Мы ознакомили рабочие массы с «шестеркой» политических свобод (слова, совести, печати, собраний, союзов, стачек). Мы должны миллионы и миллиарды раз повторять теперь «тройку» ближайших революционных задач (вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство). Народные силы для выполнения этих задач растут стихийно не по дням, а по часам. Попытки восстания множатся, организация его растет, вооружение подвигается вперед. Из рядов рабочих и крестьян, одетых в зипуны, пиджаки и мундиры, выдвигаются неведомые герои, которые неразрывно слиты с толпой, и которые все глубже проникаются благородным фанатизмом народного освобождения. Наше дело позаботиться, чтобы все эти ручейки слились в могучий поток, чтобы стихийное движение осветил, удесятеряя его силы, свет сознательной, прямой, ясной и точной революционной программы наших ближайших задач.

Итоги. Наша тактика по отношению к Госуд. Думе может быть выражена в пяти пунктах: 1) усиленная агитация по поводу закона о Г. Думе и по поводу выборов в нее, устройство собраний, использование выборной агитации, демонстрации и пр. и т. д.; 2) сосредоточение всей этой агитационной кампании вокруг лозунгов: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство; распространение программы этого временного правительства; 3) присоединение для этой агитации и для вооруженной борьбы всех элементов революционной демократии и только их, т.-е. только тех, кто принимает на деле вышеуказанные лозунги; 4) поддержка идеи бойкота, возникшей у левого крыла буржуазной демократии, с тем, чтобы это был активный бойкот в смысле очерченной выше самой широкой агитации. Привлечение левых представителей буржуазной демократии на сторону революционно-демократической программы и к деятельности, сближающей их с мелкой буржуазией и крестьянством; 5) беспощадное разоблачение и клеймение перед самыми широкими массами рабочих и крестьян буржуазной теории «соглашения» и буржуазных «соглашателей»; оглашение и разъяснение каждого предательского и нетвердого шага их, как до Думы, так и в Думе; предостережение рабочего класса от этих буржуазных предателей революции.

(Н. Ленин).

Финансы России и революция

Бедственное положение русских финансов давно уже общеизвестно. Искусственно задерживаемое развитие производительных сил, отсутствие культурно-политических условий, соответствующих развившемуся капиталистическому способу производства, с одной стороны, и выступление на политическом поприще в качестве мировой капиталистической державы с безграничным стремлением к территориальным захватам и к расширению и укреплению своего влияния на все государства земного шара—с другой,—вот то, что неудержимо гнало Россию как к военной катастрофе, так и к финансовому банкротству. И если западно-европейские государства при всем развитии их производительных сил и, следовательно, большей платежеспособности населения изнемогают под тяжестью системы «вооруженного мира» и милитаризма, то что нужно сказать о России с ее многомиллионной массой пролетаризованного крестьянства, с слабым сравнительно развитием индустрии и с военными расходами, превышающими расходы всех западно-европейских держав?

Однако, нужно заметить, с внешней стороны наши финансы, судя по ежегодным всеподданейшим докладам министра финансов, до войны могли казаться, если не блестящими, то во всяком случае не внушающими серьезных опасений. Но это только на первый поверхностный взгляд. За внешней стройностью министерских цифр можно разглядеть,—правда, не без тщательного анализа,—всю гнилость и негодность нашей финансовой системы, вопиющее нарушение основных принципов бюджетной техники и лживость числовых данных. Самодержавие давно уже состоит неоплатным должником и рабом западно-европейских бирж. Оно могло существовать только займами, прибегая к новым займам для уплаты процентов по старым долгам. Государственный долг России достиг к 1-му января 1904 года 6,63 миллиардов рублей. Меньше чем за год войны он возрос до 7,07 миллиардов и к этому времени Россия должна была уплачивать ежегодно заграничным капиталистам свыше 300 миллионов рублей. За последние 16 лет, с 1888 года по 1904 г., государственный долг возрос на целых 50 процентов. Ничто так не характеризует безысходное положение русских финансов, как тот факт, что в 1888 году на погашение долга предназначалось 53 милл. рублей, а проценты вносились в сумме 213,2 милл. руб., а в 1904 году на погашение пала ничтожная сумма в 24,3 милл. руб., а на уплату процентов по долгам шло 264,5 милл. р. Государственный долг растет в угрожающей прогрессии. Чтобы выполнить хоть часть своих долговых обязательств, Россия должна занимать по меньшей мере 90 милл. руб. ежегодно. При этих условиях и принимая во внимание, что самодержавие сделало уже народ нищим в такой степени, как ни одно правительство,—неизбежность рокового конца могла быть видна до войны. Война сорвала маску и воочию всем указала ту пропасть, в которую неудержимо летит самодержавие. И даже люди, наиболее опьяненные призрачным величием военных сил России, блеском ее «золотого запаса» и «свободной наличности»,—мы говорим здесь о таких признаных финансистах, прославлявших недавно еще состояние русских финансов, как профессор берлинского университета Гельфферих и Поль Леруа-Болье, а не о полуподкупленной биржевой прессе Запада,—даже они начали протрезвляться по мере развития военной катастрофы на Дальнем Востоке.

Еще недавно эти господа, далеко, конечно, не бескорыстные идеологи капитала, кричали изо всей силы, что России нечего бояться займов, что по величине своего государственного долга она занимает третье место (французский государственный долг достигает, по Леруа-Болье, 35 миллиард. франков, английский 20-ти). У нас есть под руками данные, что русский государственный долг не ниже английского, как говорит Леруа-Болье, а выше. Но не будем здесь говорить об этом. Если даже принять, что Россия по величине долга занимает третье место, то разве возможно, исходя уже из чисто-технических соображений, сравнение английского долга с русским? Ни одна страна в мире не имеет такого твердого кредита, как Англия; она быстро погашает свои государственные долги и может, как показал опыт южно-африканской войны, без особых усилий значительно увеличить налоги. Самодержавие же не только не может погашать своих долгов, но и не может, благодаря своей нелепой финансовой системе, приведшей к неслыханному разорению крестьянского хозяйства, увеличить свои доходы. И не нужно при этом забывать, что Россия еще в 1887 г., по вычислениям Кауфмана, занимала первое место в ряду других по величине издержек, идущих на уплату процентов и погашения займов. На это уходила почти третья часть ее дохода (29 проц.), в то время как Англия на уплату долгов и процентов расходовала в том же 1887 году 17 проц., а Франция—24 проц. своего бюджета.

Витте, главный герой российских финансовых фокусов, держался того же взгляда, что России нечего бояться займов. Вся финансовая политика Витте направлялась не только к достижению равновесия между доходами и расходами, достигшими колоссальных размеров в два миллиарда, но и к накоплению «свободных средств». Необходимость последних выводилась из роли России, как первоклассной мировой державы. «Политические судьбы России, как мировой державы,—читаем мы во «всеподданейшем докладе по росписи на 1901 год»,—ставят ее жизнь в тесную связь с жизнью других стран. Где бы ни совершились те или иные важные события,непосредственные интересы каких бы отдельных стран они ни затрогивали,—события эти большею частью отражаются на положении нашего отечества. Иногда они находятся в прямой зависимости от отношения к ним России, в других случаях побуждают нас самих принять серьезные меры, чтобы обеспечить за нашим отечеством сохранение принадлежащего ему мирового значения». Долг России, как капиталистич. мировой державы, вмешиваться во все события, в каком углу земного шара они не происходили бы. А для ведения агрессивной политики необходимы деньги. И вот политика Витте характеризуется двумя на первый взгляд противоречивыми явлениями: увеличением, и весьма крупным, государственного долга, с одной стороны, и блестящим будто бы положением бюджета, систематическим превышением доходов над расходами, получением «избытков» или так-называемых «перевыручек»—с другой. С 1892 года, когда «перевыручки» достигали 59,5 милл. руб., рост этих «избытков» идет в усиливающейся

прогрессии, точно так, как и рост задолженности. В 1896 г. и в 1898 г. перевыручки эти достигают 139,7 и 226 милл. рублей. В общем же за десять лет, с 1892 года по 1902 г., они составляют колоссальную сумму чуть ли не в полтора миллиарда рублей!

В начале войны наши финансисты указывали, между прочим, на огромный запас средств России—чуть ли не миллиард руб. Эти средства представлялись, как в форме пресловутой «свободной наличности», достигавшей к 4-му января 1904 года свыше 300 милл. руб., так и золотого запаса в 700 милл. рублей. Отстраняя, однако, всякую возможность пользования «золотым запасом», который служит обеспечением кредитных билетов, находящихся в обращении, финансовое ведомство заявило категорически, что металлический запас будет служить для цели, точно определенной в основном законе обращения. При этом оно вынуждено было сказать, что видит источники для покрытия военных расходов: 1) в так-называемой «свободной наличности»; 2) в бюджетных сокращениях по росписи на 1904 год и 3) в займах. «Свободная наличность» слагается из «накопленных избытков». Она есть не что иное, как результат искусственного разделения бюджета на «обыкновенный» и «чрезвычайный». Если из номинальных избытков в обыкновенном бюджете вычтем так-называемые «обыкновенные расходы» из чрезвычайного бюджета, производившиеся, главным образом, на расширение старых железнодорожных линий и постройку новых (в том числе и Сибирск. ж. д.), то никаких почти избытков не получится. Наоборот, для четырех лет из десяти мы видим в преобразованном таким образом бюджете дефицит (для 1901 г. свыше чем в 60 м. р.). Таким образом, нечего и говорить, что покрытие военных расходов не может быть произведено из пресловутой «свободной наличности» уже потому, что эта последняя по существу является сплошной фикцией.

Расходы России на войну составляли, вероятно, никак не менее 100 милл. руб. в месяц. Смешно поэтому думать, что сокращение бюджета по росписи на 1904 год может служить, как заявило правительство, средством покрытия военных издержек. Остаются, следовательно, только займы. И вот самодержавное правительство пустилось, что-называется, во все тяжкие. Напрягая все усилия, оно заключило уже в течение 1904 года и первой половины 1905 года ряд внешних заграничных займов (пятипроцентный заем в 200 милл. рублей в мае 1904 г. во Франции, займы в январе и мае 1905 г. в 231 милл. и 150 милл. руб. в Германии) и ряд внутренних займов по меньшей мере в полмиллиарда рублей.

Дальше итти в этом направлении некуда. Западноевропейские биржи для нас теперь закрыты. Какими бы гениальными шулерами ни были наши титулованные финансисты, к каким бы ловким кунсштюкам для поддержания курса государственных бумаг они ни прибегали, едва ли им удастся извлечь хоть один миллион еще из карманов заграничных банкиров. С другой стороны, дальнейшие внутренние займы, нет сомнения, ни в коем случае не смогут реализироваться: слишком мало для этого у нас имеет кредита самодержавие, слишком малой покупательной способностью обладают наши средние классы. В кассах русских коммерческих банков еще и поныне лежит на 32 милл. руб. бумаг последнего пятипроцентного займа, и есть надежда, что они еще пролежат там довольно долго.

Остаются налоги. Но вообще повышением налогов нельзя покрыть колоссальных издержек войны. А затем, сколько-нибудь значительное повышение налогов у нас неосуществимо. Не нужно забывать, что четыре пятых населения (77 проц.) принадлежит к разоренному земледельческому населению, из которого самодержавие, как вампир, высосало все жизненные соки. Незначительную же часть имущих классов городского населения царское правительство не решится, конечно, сколько-нибудь чувствительно обложить. Дальнейшее обложение крестьянства невозможно: растут недоимки по прямым платежам, уменьшается потребление предметов, обложенных косвенными налогами. Так, когда так-называемые «китайские замешательства» привели в 1900 году к крупнейшему повышению косвенного обложения на предметы потребления,—спирт (повышение акциза с 10 до 11 руб.), пиво (с 30 до 40 коп.) на табак, фрукты, кофе и другие предметы,—малозаметное увеличение доходов (всего в 44 милл. руб.), вполне определенно и наглядно показало, что дальнейшее увеличение косвенных налогов может вести лишь к уменьшению потребления. Около двух третьих чистого бюджета составляется у нас путем взимания косвенных налогов, при чем одна треть всех бюджетных ресурсов, достигающих двух миллиардов, дает питейный доход, доход с монополии.

За последние сто лет быстрый рост косвенного обложения, т.-е. перенесение налогового бремени почти целиком на народные массы, есть явление, общее всем капиталистическим странам Европы. Но перед беспощадным грабежом русского народа самодержавием бледнеют все картины Запада. Достаточно заметить, что в 1880 г. прямые налоги относились у нас к косвенным, как 4 к $2^2/_3$, а в 1901 г., как 1 : 5, т.-е. в 1901 г. косвенные налоги были в 5 раз больше прямых. С 1871 года, когда на каждого жителя приходилось по 3 рубля косвенных налогов, они поднялись в 1905 году до 6 рублей. В 1900 г. прямые налоги составляли всего 228,1, а косвенные—772 милл. рублей, а уже в следующем 1901 г. прямые—220,9 милл. руб., а косвенные—819,6 м. р.

Общеизвестно, что главнейшая, наибольшая часть налогов падает у нас на крестьян. Как во Франции до великой революции налоги поглощали часто до семидесяти процентов чистого дохода, в среднем же равнялись пятидесяти процентам, так и у нас чистый доход с крестьянских земель, например, в Воронежском уезде, в среднем достигает 3 рубля 62 коп., а одних только прямых платежей на ту же десятину падает 22 руб. 55 к. Говоря об условиях существования земледельческого населения, А. А. Радциг указывает, что в Балашовском, например, уезде чистый доход в сельском хозяйстве достигает 18-ти руб. на каждого жителя. Но если вычесть все прямые налоги, то ежегодно остается на каждого жителя всего 8 руб. В упоминаемом уже Воронежском уезде из 333 общин только 174 получают чистый доход, превышающий податные платежи, а по 159 общинам чистый доход не покрывает даже прямых платежей. Отсюда понятно, что в той же Воронежской губернии находятся «вымирающие» селения как прославленные исследованием доктора Шинга-

рева деревни Животиное и Моховошка, в которых жители по полутора года не варили щей, в которых даже клопы и тараканы поразбежались из изб от хронической голодовки, а голодный тиф, цынга и другие эпидемические заболевания не перестают свирепствовать. И разве чуть ли не вся «мужицкая Русь» не представляет одного сплошного «вымирающего» селения? Разве голодающие Моховошки и Животиные не разбросаны тысячами по всей широкой Руси? Где, в какой культурной стране возможно такое систематическое ограбление сельского населения, такое варварское по способам и по размерам выколачивание податей. В какой из современных капиталистических стран экспроприация населения производилась в таких грандиозных размерах, таким усиленным темпом? И что может быть омерзительнее спора наших патентованных финансистов перед разгорающимся движением голодного крестьянства о том, что лучше для мужика-недоимщика: отобрание ли сперва движимого имущества, продажа инвентаря, отдача в заработки и, наконец, обращение взыскания на землю или, наоборот, прежде продажа земли, затем инвентаря и т. д.?

Самодержавному правительству остался один путь, на который оно уже вступило. Этот путь—восстановление бумажного обращения, выпуск кредитных билетов. Несмотря на категорическое заявление министерства финансов в начале войны, что ресурсы государственного банка не будут сливаться с ресурсами казначейства, выпуск бумажных денег, вызываемый не требованиями промышленности и торговли, а войной, производится в усиленных размерах. Опубликованный на-днях баланс Государственного банка по 1-е июля 1905 года, указывает, что в течение последнего года выпущено на 243 милл. руб. кредитных билетов, и общая сумма, находящихся в обращении бумажных денег достигает, таким образом, миллиарда рублей. Кредитные билеты вытеснили золото, следствием чего были: с одной стороны, уход золота за границу по погашению платежей частных лиц и с другой—увеличение золотого запаса на 157 милл. р. Золотая валюта, доставшаяся нам с такими жертвами, вновь заменяется бумажным обращением. Финансовая катастрофа надвигается ускоренным темпом и в таких грозных размерах, что может затемнить все происходившее в этом отношении в других странах.

Что же остается делать самодержавию? Как вывернется оно из создавшегося положения даже в том случае, если мир в недалеком будущем будет заключен? Где найдутся средства на контрибуцию и на покрытие всех убытков, причиненных войной? Могут ли проценты по старым займам уплачиваться далее новыми? Сможет ли самодержавие справиться с государственным долгом,—с уплатой одних только процентов, не говоря уже о погашении,—если он достигнет, что весьма вероятно, 15—20-ти миллиардов? Возможно ли еще предотвратить финансовое банкротство России? *).

Этим вопросом занимается, между прочим, недавно вышедшая на немецком языке книга о русских финансах Георга Бернгардта, «Бедная богатая Россия». На основании детального анализа русских финансов автор приходит к следующим выводам:

1) Ни один русский бюджет, опубликованный за последние 15 лет, не заслуживает никакого доверия ни по своему техническому составлению, ни по достоверности числовых данных.

2) Займы русского государства достигли высоты, ни в коем случае не соответствующей платежеспособности населения.

3) Эти займы только в весьма незначительных случаях делались для продуктивных целей; в огромном же большинстве случаев они были необходимы или для приведения бюджета в равновесие, или для того, чтобы иметь запас золота на случай краха.

4) Русские железные дороги не являются доходным государственным имуществом, а, наоборот, приносят убытки. Они построены не с экономическими, а с стратегическими целями. Они далеко не представляют той действительной ценности, которая стоит в государственном балансе.

5) Русское лесное хозяйство находится в отчаянном состоянии.

6) Основа русского народного хозяйства, земледелие, было принесено в жертву чисто-финансовым интересам отдельных министров финансов. Усиление экспорта зерна привело к ценам, не вознаграждающим труд; русский крестьянин не в состоянии выносить тягостей налогов.

7) Данные об индустриальном развитии, опубликованные Витте, частью фальшивы и способны ввести в заблуждение.

8) Русские банковые дела ведутся с полным произволом и совершенно не представляют никаких гарантий, что в будущее время будут поставлены лучше.

Мы не можем останавливаться на отдельных вопросах, затронутых и разобранных в книге Бернгардта. Основная мысль, проходящая через всю книгу, заключается в том, что единственным выходом для России является реорганизация ее политического строя на конституционных началах. Формы государственного хозяйства, кредитоспособность страны совершенно не отделимы от ее политического строя, а потому анализ ее финансового хозяйства неизбежно должен привести к анализу ее политических форм.

Абсолютизм привел Россию на край пропасти. Противоречие между тенденциями капиталистического развития страны и ее отсталыми культурно-политическими формами может быть разрешено только устранением самодержавия, или же дальнейшее пребывание русского народа в цепях азиатско-деспотического режима приведет к необходимости поставить русские финансы и все народное хозяйство под контроль его западноевропейских кредиторов.

Только революция может спасти еще Россию.

От ред. Замечательным подтверждением выводов автора является только-что вышедшая в Берлине книга Рудольфа Мартина под заглавием: «Будущность России и Японии». Мы не имели еще возможности ознакомиться с этой книгой и отметим пока, на основании сведений иностранных газет, лишь главные ее выводы. Автор стоит на чисто-деловой точке зрения, чуждой всякого политического увлечения. Статистик по специальности он тщательно разбирает финансовое поло-

*) Статья написана до заключения мира.

жение России и приходит к выводу, что объявление банкротства неизбежно, как в случае продолжения войны, так и при заключении мира. Русское земледелие в полном упадке, и чтобы поставить его на ноги, требуется капитал в 50 миллиардов рублей. Дефицит в бюджете в ближайшее десятилетие будет не менее 300 миллионов рублей в год. Государственный долг России, доходящий теперь, по расчету автора, до 8 миллиардов рублей, должен возрасти через пять лет до 12 миллиардов. Покрыть проценты по займам нечем, ибо никто не даст теперь денег России. Параллель между Россией в 1905 году и Францией при Людовике XVI поразительна. Рудольф Мартин усиленно советует Германии как можно скорее сбыть с рук (по возможности, в Америку) русские займы, в которые вложено до полутора миллиарда рублей немецких денег. Европейская буржуазия спешит вывернуться, предвидя неизбежность русского краха.

Самое ясное изложение самого путаного плана.

В передовой статье мы указывали на путаность нового плана «думской кампании» новой «Искры». Вот самое ясное изложение его самим Мартовым в венской «Рабочей Газете» (от 24 августа н. ст.). (Курсив в цитате везде самого Мартова).

«План следующий,—говорит т. Мартов, ссылаясь на «поддержку его многими русскими организациями»,—рабочие организации берут на себя инициативу основания народных агитационных комитетов, которые должны быть избираемы всеми элементами населения, неудовлетворенными царской реформой. Задача таких комитетов состоит в том, чтобы прежде всего развернуть агитацию за действительное народное представительство во всей стране. Эти комитеты формально образуются в целях участия массы населения в предстоящих выборах. Так как они в силу избирательного закона исключены из прямого участия, то граждане государства могут участвовать в выборах косвенно, сообщая свои мнения и требования более узким коллегиям привилегированных избирателей. Комитеты оказывают давление на коллегии избирателей в том смысле, чтобы в Думу выбирались только решительные сторонники демократического и свободного представительства. При этом комитеты стремятся создать вне «легального» представительства нелегальное представительство, которое в известный момент могло бы выступить перед страной в качестве временного органа народной воли. Комитеты призывают население избирать своих представителей посредством всеобщей подачи голосов; эти представители в известный момент должны съехаться в один город и провозгласить себя учредительным собранием. Такова, так-сказать, идеальная цель этой кампании. Дойдет ли до этого дело или нет, движение по этому пути создаст организацию революционного самоуправления, которая сломит рамки царской легальности и положит фундамент грядущему триумфу революции. Элементы такого революционного самоуправления образуются мало-по-малу по всей России, как, напр., уже теперь в двух кавказских губерниях официальные власти бойкотируются всем населением, и население управляется своими собственными властями. (В скобках: крестьяне Гурии требуют утверждения этих властей нашим комитетом).

«Организация такого повсюду публично функционирующего самоуправления есть та форма, в которой должна произойти ликвидация самодержавия, не желающего добровольно открыть (инаугурировать) конституционной эры. Само собою разумеется, что самая возможность такой организации создается растущей дезорганизацией правительственного аппарата и ростом действенной силы (wirkenden Kraft) в народе».

Рекомендуем товарищам этот бесподобный план, как идеальную цель монархической (освобожденской) буржуазии, как идеальную цель ликвидации русской пролетарско-крестьянской революции либеральными помещиками.

Освобожденская, т.-е. монархическая буржуазия, как мы уже сотни раз указывали, хочет именно такой «ликвидации», когда бы переход власти к буржуазии совершился без народного восстания или хотя бы без полной победы народного восстания. Маниловские планы «выборов» при сохранении власти за самодержавием всецело на-руку либеральной буржуазии, которая одна только способна произвести хоть нечто, приближающееся к таким выборам.

На частностях этого смехотворного плана мы остановимся лишь кратко. Не наивно ли забывать, что на Кавказе (не в двух губерниях, а в нескольких волостях) самоуправление опирается на вооруженное восстание? Не ребячество ли думать, что возможное в нескольких селах горных местностей далекой окраины возможно в центре России без победы народа над самодержавием? Не является ли идеальным педантством этот план многостепенных «выборов» при сохранении власти за самодержавным правительством? «Недовольные элементы населения» (?) выбирают народные агитационные комитеты (без программы, без ясных лозунгов). Комитеты создают «нелегальное представительство» (заменяющее, должно-быть, нелегальную организацию социалистической рабочей партии просто освобожденской организацией!). Что замена ясного революционного термина «временное правительство, как орган восстания», неясным термином «орган народной воли», всецело на-руку земско-буржуазной партии, это очевидно. Всеобщие выборы учредительного собрания по инициативе «нелегальных» комитетов и при оставлении власти за Треповым и К⁰ есть идея совсем уже детская.

В спорах полезен иногда бывает «адвокат дьявола»—защитник нелепого, всеми отвергаемого взгляда. Эту роль взяла теперь «Искра». План ее очень удобен для учебных целей опровержение нелепости в кружках, на летучках, массовках и т. д., для более отчетливого противопоставления лозунгов революционного пролетариата и лозунгов монархической либеральной буржуазии.

(Н. Ленин).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Москва. Как известно, советы Московского общества сельского хозяйства, отделения русск. технич. общ. и педагог. общ., состоящего при Московском университете, обратились в различные общественные учреждения России со следующим заявлением-протестом: «Признавая меры, принятые администрацией по отношению к этим обществам (различные репрессии), незаконными, советы не считают, однако, совместимым с достоинством общественных организаций прибегать к обжалованию незаконных действий бюрократии перед какими-либо высшими, также бюрократическими, инстанциями, но в то же время они готовы предстать перед судом, если правительственная власть может обвинить их в каких-либо незаконных действиях. Вместе с тем, советы выражают перед всем русским обществом горячий протест против грубого нарушения законных прав обществ актом административного произвола и считают своим нравственным долгом указать, что подобная политика правительства неминуемо должна привести к общенародному взрыву (! ред.). В сознании своего гражданского долга соединенное собрание советов решило, вопреки распоряжениям администрации, продолжать деятельность представляемых ими обществ в прежнем направлении и выразило полную уверенность, что все общественные учреждения и организации в России будут неустанно работать над делом политического освобождения страны» (подписано Н. Рожковым, В. Ржевским, А. Тесленко и А. Левицким).

Совет Гдовского сельскохозяйственного общества в одном из недавних заседаний, обсудив настоящее письмо, нашел, что «теперь, когда бюрократия прилагает все силы, чтобы погубить Россию и истребляет русский народ как на Дальнем Востоке, так и по всей России,—все, что чувствует себя русским, должно встать на спасение родины и, конечно, нет возможности для соблюдения законности подчиняться незаконным требованиям бюрократии. Почему решения советов, изложенные в письме, не только следует приветствовать, но надо пожелать, чтобы С. М. О. сельского хозяйства, как московского, старейшего и центрального, принял немедленно меры к устройству съезда представителей всех сельскохозяйственных обществ для обсуждения совместной деятельности и организации съезда в целях политического освобождения страны».

О проектированном Гдовским обществом съезде пока, однако, ничего не слышно.

Тифлис. Дворяне Гурийского уезда составили «дружину» для «самозащиты». Разочаровавшись в полицейских средствах для защиты своих сословных интересов, эти обанкротившиеся шарлатаны решили сами приняться за искоренение «крамолы». Группа инициаторов, во главе с Зураб Абдумелишвили (юрист), который во время управления имениями кн. Баратова отличился зверскими истязаниями армянских крестьян, начала объезжать дворян и князей Гурийского уезда и с каждой семьи забирала по одному человеку с лошадью и полной амуницией. В короткое время их набралось человек 300. И вот эта банда принялась преследовать сельских (с.-д.) пропагандистов и агитаторов, не брезгая одновременно набегами на селения и налагая на них контрибуцию натурой. В легальной грузинской газете «Ивериа» некий Цицишвили рассказывал яркий случай издевательства новых «милиционеров» над беззащитными обывателями, заподозренными в пропаганде. Но случаев этих так много, что всех не перескажешь.

Среди незначительного меньшинства дворян деяния новой шайки вызывают протест, но значительное большинство на их стороне; на очередном собрании дворян Тифлисской губернии даже хотели выдать им субсидию.

Примеру гурийцев последовали и в Лечхумском уезде, Кутаисской губ., где предводители «милиционеров» являются князья Гарданхадзевы, убившие пропагандиста (с.-д.) Головани. В Мингрелии дворяне решили для искоренения крамолы лучше поступить в земскую стражу *).

*) Не безынтересно отметить, что среди «милиционеров» Гурийского уезда уже возникли разногласия на почве старшинства. Более «доблестные» дворяне заставляют молодых присматривать за лошадьми и оказывать личные услуги, что очень раздражает последних.

Мощное движение грузинских крестьян под руководством социал-демократии заставило беспечных феодалов сорганизоваться, и обезземеленное разбойническое дворянство приступило к защите своих «прав» с оружием в руках. Самодержавное правительство, усердно занимавшееся устройством армянских погромов, дружелюбно протянуло руку новому союзнику. Но не долго придется шайке феодалов заниматься разбоями. Организованному крестьянству теперь легче будет раздавить выступивших на открытую арену бандитов, которые, до сих пор, скрываясь за спиной правительства, охотно пользовались услугами казацких нагаек.

Полесье. Все более и более разгорающиеся страсти «черносотенников», усиленно разжигаемые правительством и его—не многими уже—сторонниками, поневоле вынуждают революционеров прибегать к крайним мерам. В Семеновке, по тщательно проверенным сведениям, организаторами «черной сотни» оказались следующие лица: П. Ф. Чвань, Радченко, Карнеев, И. Г. Барсуков, Т. М. Самофалов, Я. Янчул (? неразобр.), Я. Н. Муляров, И. Е. Евдокименко, С. М. Котлов, Н. Солодевник, И. Солодевник, урядник Варенко. Семеновская организация Полесского комитета Р. С.-Д. Р. П. выпустила по этому поводу прокламацию, в которой заявляет: «Семеновская С.-Д. Организация в своем заседании от 27-го июля, приговорила этих личностей, если только произойдет какой бы то ни было погром, к смертной казни. Приговор этот будет приведен в исполнение, куда бы эти лица ни скрылись».

Ковно. 25-го июля. Мы, ковенцы, теперь переживаем часы очень напряженного состояния. Пишу под впечатлением только-что случившегося. В 6 часов вечера, когда рабочие фабрики Декош уходили домой, мимо проходили три драгуна с офицером; все были пьяны и, завидя толпу, решили «подавить восстание». Строгий приказ разойтись на рабочих не подействовал, и это разозлило солдат. Один из них наступил на проходящую мимо восьмилетнюю девочку и изранил ее. Служащий рассыльным фабрики просил не трогать ребенка, за что поплатился жизнью: он убит наповал, а также убиты проходившая мимо женщина и конторщик—все теми же солдатами. Кроме того, семь или восемь человек ранены. Моментально об этом узнали все фабричные рабочие, шедшие с работы. Они собрались на месте происшествия, и один из них сказал краткую речь, в которой призывал отомстить за невинно-пролитую кровь товарищей. Вызвали по телефону губернатора, жандармского полковника, помощника полицмейстера и других. Явился губернатор. В карету его полетели камни; помощника полицмейстера ударили куском железа в спину, после чего он не мог встать; убили одного жандарма и одного помощника тоже почти до смерти убили. Жандармского полковника избили. Боясь преследования толпы, все солдаты и администрация скрылись. Раненых увезли в больницу, а убитых убирать не позволяют. Завтра ожидается всеобщая забастовка.

Калиш. Мастер шпион Цеблинский сделал политический донос на товарища Пизарского, работавшего под его надзором. Пизарского арестовали, страшно избили в участке и в заключение повесили на снятом с него кушаке. В ответ на это зверство в среду 2-го августа (нов. стиля) была объявлена всеобщая забастовка. Похороны товарища послужили поводом к грандиозной демонстрации. С революционными песнями направилась толпа через главную улицу на кладбище. Высоко над головами развивалось красное знамя, залитое солнечными лучами. На кладбище священнику не дали говорить, заглушив его слова пением «Красного знамени». После пения выступил оратор (социал-демократ), который разъяснил перед массой смысл этого застеночного убийства. После погребения толпа демонстративно направилась обратно в город. Около дома жандармского полковника с криками—«долой самодержавие», «долой убийц—полицию», «да здравствует революция!»—она стала расходиться. Полиция отсутствовала. Шпион, втершийся в толпу, был изрядно помят.

После демонстрации было несколько арестов.

Минск. 28-го июля у нас была устроена всеобщая забастовка. Пало 5 жертв: в первый день забастовки 3 и во второй день 2. Один товарищ был арестован и отпра-

влен во 2-ю часть, где на голову его надели мешок, которым он и был задушен.

Теперь у нас бастуют казаки. Они выставили 8 требований, из которых я узнал только четыре: 1) замена черного хлеба белым, 2) не разъезжать в патруль с городовыми, 3) не разъезжать ночью и 4) не стрелять в своих братьев. Чем это кончится, пока неизвестно. Полиция страшно озлоблена. Желая отомстить, она, как видно, стремится прибегнуть к старому своему способу, т.-е. устроить еврейский погром. На-днях был такой случай. На Кайденовском тракте в доме С. Клюева живет еврей, который продает хлеб. К нему явился жандарм еще с одним железно-дорожным служащим и просит у него водки. Еврей заявляет, что водки он не продает. Тогда жандарм посылает человека принести; еврей протестует. В это время жандарм обращается к своему товарищу: «Нужно всех евреев вырезать». И с этими словами вынимает нож, бросается на еврея и бросает ему вдогонку нож. Нож попал в дверь и был сломан на две части. Тогда жандарм выхватывает свою шашку и бросается бежать за евреем. Выбежав на улицу, еврей закричал. На крик сбежалось несколько человек из христиан, которые обратили жандарма с его товарищем в бегство. Спрашивается, что было бы, если бы христиане были на стороне жандарма? Наверно, цель полиции была бы достигнута. Несмотря на то, что было подано заявление жандармскому полковнику и в полицию, а также представлен сломанный нож, мер никаких не было принято, и жандарм этот попрежнему продолжает свою «полезную деятельность».

Николаев. Арестованные 30-го июня за участие в сходке рабочие приговорены николаевским градоначальником к 2-месячному аресту при полиции. Тому же наказанию подвергнут хозяин помещения, где пьют бузу, за то, что не донес полиции о сходке. Приговор последовал на основании военного положения, без всякого суда и следствия. В ночь с 7-го на 8-е июля по постановлению градоначальника арестованы И. Биск и Тамара Эмме; оба они высылаются в Курск под гласный надзор полиции. Военное положение окончательно развязало руки нашему помпадуру, и он делает все возможное, чтобы успокоить свой заячий страх. Все сколько-нибудь выдающиеся и интеллигентные рабочие высланы; трудно даже подсчитать все количество жертв произвола: их сотни... Брали в домах, на улице, всюду... Высылают же обыкновенно ночью, под усиленным конвоем солдат и казаков. Несмотря на все это, в порту опять была стачка и готовится другая, потому что рабочие не добились удовлетворения своих требований.

Среди казаков и войска сильное недовольство своим положением. Казаков 2 сотни; они переутомлены, кормят их плохо. Солдат 2.000, но из них 1.000 отсутствует. Солдаты без разрешения уходят домой, потом опять возвращаются. Дисциплина страшно упала. Раздражение против офицеров очень сильное. Открыто говорят, что офицеры их обкрадывают. Пища отвратительная, да и та дается в недостаточном количестве. Жалованье (45 к. за два месяца) выдается крайне неаккуратно и задерживается по полугоду. Солдаты хотят устроить забастовку, чтобы потребовать увеличения жалования и нарезки земли после окончания службы. На этой почве можно успешно вести среди солдат агитацию. Политически же они еще очень незрелы, хотя от недовольства положением не трудно довести их до сознания негодности и всего существующего строя.

Плоцк. В ответ на запрос редакции (№ 6, «Что делается в войсках») сообщу, что знаю, о работе в войсках в настоящем городе. В Плоцке стоят 2 стрелковых полка, драгунский и батарея. Пропаганда и агитация у нас поставлены плохо, так как город недавно лишь присоединился к общему движению. Велась работа кустарнически. Были кружки. Но работа велась с большим трудом, так как солдаты—элемент по преимуществу крестьянский и о «бунтах» имели слабое представление. Начинали мы с того, что выясняли бесправное положение солдат, указывали на сплошной обман, который окружает солдат в их казарменной жизни и т. д. Понятно, солдаты охотно слушали. Но большого труда стоило разъяснять, что весь этот обман находится в самой тесной связи с нашим политическим строем. Солдаты говорили, что министры многого «не доводят до царя» и т. д. Начавшаяся война очень помогла нашей работе. После первых же поражений солдаты стали высказывать недовольство войной, критиковали весь ход ее и не раз слышалось, что «России, вероятно, конец наступит». Потом уже озлобленно стали толковать и о самом правительстве. В виду того, что самый город только недавно втянулся в общереволюционную жизнь страны, никаких прокламаций к солдатам не выпускалось. Работа велась внутри казармы—более сознательными солдатами. Последние события сильно революционизировали казарму. На стрелковые полки можно надеяться во время восстания, так как они не раз проявляли свое неудовольствие, выражавшееся в том или другом случае отказом от службы.

Солдат.

Кишинев. Здесь расположены два пехотных полка, два кадра запасных батальонов, одна артиллерийская бригада и драгунский полк. В общем насчитывается до 8.000 нижних чинов. Последние призваны почти все из запаса (88—98 гг.) из уездов Сорокского, Сергеевского, Белецкого (Бессарабской губ.) и из Херсонской губ. Кадровые солдаты призваны с Кавказа, Польши, частью из губ. Рязанской и Орловской. Но преобладающим элементом являются малороссы и грузины.

Работа ведется в настоящее время довольно усиленно, но преимущественно кустарнически. Незначительная часть гарнизона (главным образом, пехотные полки) имеет связи с комитетами «Бунда» и «Искры». Связи эти, впрочем, слишком ничтожны для организованных занятий. Имеются 2—3 самостоятельных кружка, по 7—8 человек в каждом. Как комитеты входили в сношения с казармой,—не знаю. Кустарническая же работа вполне возможна и производится сознательными нижними чинами.

Почва для работы среди солдат нашего гарнизона в высшей степени благотворна, тем более, что почти все солдаты (запасные) отцы больших семей, теперь, за отсутствием кормильцев, сильно бедствующих. Поэтому-то и начинать здесь всего лучше с указаний на бесправность положения солдат, на преступность войны и на те бедствия, какие принесла война лично солдату. Зловеще сверкают глаза несчастных отцов солдат, когда начинаешь говорить об отношении правительства к семье его. Вот тут-то и необходимо переходить к изложению причин, породивших такое положение.

Не лишним было бы, как я убедился на опыте, заслужить себе предварительно некоторое доверие со стороны начальства, а тогда работа не сопряжена почти ни с какими трудностями. Интеллигентам—нижним чинам обычно поручается тогда заведывание ротной школой, на занятия в которой, при условии некоторого доверия, не является никто из начальства. Занятия приходится начинать с истории русского народа, русского государства. Известного рода освещение исторических фактов дает, как это мне пришлось тоже проверить на опыте, весьма благоприятные результаты. Солдаты больше всего интересуются историей. Необходима картинность изложения, уменье сильнее и ярче всего освещать те события, которые могли бы иметь отношение к бедственному экономическому и правовому положению народа.

С отдельными солдатами также необходимо входить в близкие отношения, для чего нужно им писать письма, побольше беседовать с ними и т. д.

Во время мобилизации разбрасывались социал-демократические прокламации: «К запасным нижним чинам» и «К солдатам». Прокламации читались с захватывающим интересом. С мобилизации же началось повальное бегство из гарнизона. В течение недели сбежало до 18 человек из одной только роты.

Открытый протест выражался в нежелании итти на работы, становиться на занятия, для чего прибегали к следующему: солдаты разбегались по всем сторонам—кто в кабак, кто в ближайшую лавчонку, и все старания приходившего на занятия офицера созвать их, не приводили ни к чему. На ругань офицера из строя слышались голоса: «А ты, брат, не больно матушайся, потому не боимся! Все одно умирать,—так сначала разделаемся с тобой!». На вопросы полковника, не хочет ли кто добровольцем итти на Дальний Восток «за царя-батюшку постоять»,—ответом было гробовое молчание: каждый скрежетал лишь зубами,

проклиная мысленно и «царя-батюшку», и полковника, и собственную жизнь, безвольную, горемычную... Неоднократно слышались крики: «Долой войну!». То тут, то там раздавались революционные песни.

Общее настроение войска приподнятое в смысле недовольства положением и обращением. Ротные командиры стали осторожнее в обращении с солдатами, чувствуя сжатый, пока только припрятанный кулак.

Да, необходима связь с комитетами, необходимо возможно больше внимания обратить теперь на солдат: время слишком уж удобное. При наличности достаточных связей с комитетами, возможно, по моему мнению, и создание сначала гарнизонных, затем военно-окружных, а там дальше и единой общероссийской военно-революционной организации.

С театра войны. (Выдержки из частного письма). На коммуникационной линии, т.-е. на Сиб.-Забайк. и К.-В. жел. дор. продовольственный вопрос стоял и стоит из рук вон плохо. Хлеба часто нет. А если и есть, то в большинстве случаев он совершенно не съедобен—из затхлой, горькой муки, отвратительной выпечки. Щи часто из гнилой капусты и тухлого мяса. Когда я ехала на санитарном поезде, мимо прошел поезд с капустой. Минут 10 нельзя было дышать от смрада, ворвавшегося в открытые окна. На станции пограничная часть платформы, где сложены интендатские запасы рыбы, все обходят на большое расстояние. Когда подъезжает поезд, то приходится зажимать нос. Вода в баках для кипятку непрокипяченая и очень грязная... Во Владивосток был командирован известный своей глупостью санитарный генерал Езерский. Теперь он собирает врачей и читает им лекции о том, что надо по военному времени считать острой болезнью и что хронической. «Вот вы, господа врачи,—говорил генерал,—очень любите разводить насчет чахотки или сердечного порока. Здесь, если солдат стоит на ногах и может держать в руках винтовку, то это острый больной и гоните его вон из лазарета в строй. Чахоточный на чистом воздухе еще лучше поправится, чем в госпитале. Ну, а умрет, так, ведь, по вашей же науке—это люди, все равно обреченные на смерть. Лучше же им умереть за отечество, чем в своей избе на лежанке валяться в тягость себе и другим!..». Таким-то образом, благодаря преступности и невежественности больших и малых Езерских, уменьшается боевая готовность армии, выставляется армия полуголодных оборванцев, разбавленная в большой дозе больными, слабосильными, калеками... В японской армии всего этого нет, и потому японцы, как кошки, карабкаются на сопки...

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Москва, 12-го июля. В ночь с 9-го на 10-е июля состоялась в Москве конференция комитета и представителей организованных рабочих в числе около 250 человек.

Среди других постановлений, которые своевременно будут сообщены, постановлено послать петербургским товарищам след. письмо:

«Товарищи, 9-го января ваши братья тысячами умирали под пулями царского войска. Недаром пролилась эта кровь. Русский народ мстит за нее. Революционное движение разлилось с тех пор по всей России. Это движение сметет остатки гнусного самодержавия и водворит на его место светлое царство народной свободы. Мы, представители организованного пролетариата г. Москвы, обнажаем головы в день полугодовщины смерти дорогих товарищей. Мы зовем вас продолжать, но уже с оружием в руках, ту геройскую борьбу, которую начали ваши братья. Мы клянемся итти вместе с вами! Мы клянемся отдать делу революционной борьбы нашу мысль, наши чувства, нашу жизнь! Клянемся же, братья! Вечная память жертвам 9-го января!».

Памяти Александра Цулукидзе (некролог). 9-го июня в г. Кутаисе скончался один из лучших товарищей—«Сандро», Александр Цулукидзе. Скончался он после 24-х дневных мучительных страданий от туберкулезного менингита. Болезнь эта, по мнению врачей, развилась в нем вдруг и быстро, на почве крайне возбужденного состояния,—бациллы легко овладели его ослабевшими нервами, и все усилия спасти так сильно жаждущего жизни и деятельности борца-революционера остались тщетными... Пал борец на поле борьбы!..

«Дыханье пошлости тебе дышать мешало»—вот слова, которые красовались на красной ленте венка кутаисских учениц... И действительно, смрад, испускаемый истлевающим трупом самодержавия, отравлял его, нисколько не принижая размаха революционной энергии, а, наоборот, возбуждая его к самой кипучей борьбе за счастье и радость угнетенного человека... И хрупкий от природы организм, зараженный еще в последние 4—5 лет туберкулезом, не выдержал...

Пролетариату Кавказа и особенно его части—грузинскому пролетариату—он достаточно известен! Похороны, происходившие 12-го июня в м. Хони (Кут. губ.), служат лучшим доказательством огромной популярности т. Сандро. При сильном проливном дожде гроб с останками покойного несли на своих плечах, главным образом, рабочие и крестьяне на расстоянии 25—26 верст от г. Кутаиса до м. Хони.

Десятки венков (их было свыше 80) от кавказского пролетариата и крестьянства; красные знамена, развевавшиеся во главе многотысячной массы народа; два хора рабочих, певших марсельезу и другие революционные песни; вся эта масса народа, воодушевленно следовавшего с пением за гробом, несмотря на грозу и ливень; бесчисленные речи на грузинском, русском и армянском языках,—речи рабочих, крестьян и многих других товарищей, все речи оканчивались возгласами:—«Долой самодержавие! да здравствует социализм!»—подхватываемыми многотысячной массой... Вот как кавказский пролетариат провожал останки своего товарища борца! Все это невероятно, сказочно для читателей, не бывших свидетелями этих исторических похорон...

Администрация сдалась на капитуляцию: несмотря на угрозы губернатора и полицмейстера накануне, вся процессия с 9-ти часов утра до 9-ти часов вечера прошла «мирно» и без казаков... Видно было, полиция после бурных похорон в начале настоящего года наших товарищей в г. Кутаисе «поумнела» и благоразумно ретировалась при еще более грандиозной демонстрации 12-го июня...

Вот краткие биографические сведения о покойном товарище Сандро. Происходя из фамилии князей Цулукидзе, он рано был выброшен на волю диким режимом школы. Но он не погиб в омуте «достославного» грузинского дворянства, как многие его сородичи! С 1896 года (ему тогда было около 19—20 лет) он сошелся с группой молодых грузин марксистов социал-демократов, начавших тогда работать практически. Жажда знания и лучшей подготовки для социал-демократической работы увлекла его в Москву, где он основательно изучил классиков политической экономии, и через два года вернулся с несколько пошатнувшимся здоровьем в Тифлис. Здесь он вместе со своей семьей живет, как пролетарий, зарабатывая непосильным трудом средства к жизни. Он с успехом занимается в кружках рабочих и принимает деятельное участие во всей партийной работе в Тифлисе. То же самое он делает через год в г. Батуме.

С 1902 года его здоровье начинает ухудшаться,— он вынужден бросить работу из-за куска хлеба и переселиться в г. Кутаис, где принимает активное участие в организации Гурийского и Имеретино-Мингрельского Комитетов... На II съезде Кавк. Союза он является как делегат Им.-М. К-а. Его выбирают в Союзный Комитет, в котором он оставался членом до смерти... Он являлся одним из деятельнейших товарищей Кавк. Союза, серьезно подготовленным и самым горячим сторонником партийного «большинства»... Ясно представляя положение вещей на Кавказе, он, несмотря на кризис в партии, бодро восклицал перед смертью: «а идея все же победит!».

Да, товарищ-друг, «идея победит»—и в этой победе партия будет немало обязана и тебе!

Пролетарии и деревенская беднота не забудут тебя, как одного из искренних борцов за свободу и социализм!

(Из «Борьбы Пролетариата», № 1).

Курск. 10-го июля у нас была шестая (с пасхи) удавшаяся массовка (были еще две, неудавшихся по случаю дождя). На массовке было 88 чел. рабочих. Говорили 3 оратора: о тактике Булыгинской комиссии, о либералах, о рабочем движении за последний месяц, о событиях в Одессе,— при чем особенно подробно разбиралось стачечное движение, предшествующее революционным дням 13—18-го июля. Почтили память погибших 9-го января. Собрание разошлось в приподнятом настроении, с пением революционных песен.

Речь о стачках пришлась особенно во-время. У нас в Курске идет брожение среди мелких ремесленных цехов, при чем в тех случаях, когда влияние социал-демократии незначительно, ремесленники готовы прибегать к подаче прошений на имя губернатора или полицмейстера. Начали приказчики, которые легальной борьбой с хозяевами добились праздничного отдыха и 12-часового рабочего дня (обязательное постановление думы). Полицмейстер ходил с толпой приказчиков и закрывал лавки. Примеру приказчиков последовали официанты в садах и собирались-было последовать парикмахеры, но под влиянием соц.-дем. решили ждать удобного момента и забастовать. Приходится бороться со стремлением администрации развращать рабочих. Полицмейстер и вице-губернатор подлаживаются к недовольным, возмущаются хозяевами и рекомендуют легальные пути воздействия. Так, столярам вице-губернатор говорил: «Какие ужасные условия работы! Как вы еще до сих пор не забастовали! Обращайтесь, немедленно обращайтесь к полицмейстеру!». Влияние социал-демократии возрастает. Организация захватывает все большее и большее число рабочих.

24-го июля была 7-я массовка. Было 130 человек рабочих. Выступал приезжий товарищ. Говорил о крестьянских волнениях и об отношении социал-демократов к крестьянскому движению. Следующий оратор говорил о погромах и об отношении к ним социал-демократов (в Курске распространяются полицией прокламации с призывом «бить жидов, студентов и прочую сволочь»).

Слухи о погроме способствуют росту недавно народившейся здесь организации Поалей-Цион, которая называет себя «Еврейским социал-демократическим органом» и насчитывает в настоящее время до 50 рабочих. Эта организация обратилась к нашей с предложением совместно организовать самооборону. Комитет выработал план действий самообороны, выяснил свои силы, и представитель комитета войдет в переговоры с представителем от организации Поалей-Цион о согласовании действий.

Муром, Владимирской губ. Муром—один из медвежьих уголков нашей родины. В нелегальную печать отсюда до сих пор посылались только курьезы. То привлекается к ответственности простак жандармский полковник за «распространение» запрещенных брошюр (давая читать знакомым несколько книжонок), то распространяются разношерстные прокламации, то новый ультра-энергичный жандарм производит «избиение младенцев», искореняя среди юнцов-реалистов крамолу. Но уже в конце 1903 г. замечается движение в рядах немногочисленного Муромского пролетариата. «Энергичный» жандарм Сомов направляет сюда свои удары и человек пять пролетариев попадают в тюрьму. Местное рабочее движение терроризируется массовыми обысками. Но движение не заглушается, волна его растет все выше и выше... И вот недавно мы были свидетелями демонстрации сил муромского пролетариата. 10-го июля вечером на луговой стороне Оки, за городом, местной с.-д. организацией была назначена массовка: предполагалось почтить память петербургских борцов 9-го января. Собралось человек 200. Нужно сказать, что к массовкам Муром еще не привык, и сюда собрались только более или менее сознательные рабочие. Среди них виднелось несколько студентов и кое-кто из «чистой публики», привлеченной необычным явлением. Начались речи. Говорили свои ораторы-рабочие. Вдруг в самом начале собрания из-за ближайшего бугра появилась вся муромская полиция под предводительством пристава и с криками «ура!» и револьверами в руках бросилась на толпу. От неожиданности собравшиеся частью разбежались, частью отступили. На прежнем месте только развевалось красное знамя с черной каймой, да одна девица не успела отойти. Добыча была немедленно захвачена. Но толпа уже оправилась и, быстро вооружившись кольями из стогов сена, двинулась отбивать девицу и знамя. Дружным натиском полиция немедленно была приведена в смущение, несмотря на крики пристава, предлагавшего своему воинству «умереть». Несколько ударов тупыми обнаженными шашками только озлобили нападавших. Полиция поспешно отступила, оставив девицу и производя по временам выстрелы (очевидно, холостые или вверх). В ответ им тоже загремели выстрелы. При этом отступлении толпой был захвачен в плен помощник исправника, благодаря чему отряд полиции успел далеко оставить за собой нападавших. Тут же возникла мысль устроить демонстрацию (еще первую в Муроме). Под звуки «марсельезы» отчалил паром. Затем двинулись по улицам. К демонстрантам присоединилась масса публики. Отряд полиции их сопровождал. Вечернюю тишину (было около 10 ч. веч.) тихого городка будили мощные звуки свободных песен. По временам толпа останавливалась, и среди тишины раздавались короткие, но резкие и сильные речи, какие умеют произносить только ораторы из рабочих. В центре города на базарной площади полиция, подкрепленная жандармами и пожарными, снова сделала нападение, стараясь, главным образом, разъединить демонстрантов с публикой. Но послушное голосу дисциплины ядро демонстрантов плотной стеной двинулось на полицию. И другой раз полиция была разбита и рассеялась, укрывшись по ларям и лавочкам, откуда открыла пальбу. Демонстранты отвечали тоже выстрелами и кольями. Кругом была паника, зрители разбегались, закрывались окна и сыпался частый-частый сухой треск револьверов. Раненых, говорят, не оказалось, но избитых городовых много. С пением «марсельезы» победители расходились. Это было первое открытое выступление муромского пролетариата и первая его победа. Затем начались массовые обыски, допросы и аресты. Муром—маленький город, и демонстрантов почти всех полиция знала в лицо. Местный жандармский подполковник Сомов, конечно, ни перед чем не останавливался. На допросы таскали даже малолетних (одного реалиста младших классов). Взяты и отправлены во владимирскую тюрьму 2 рабочих и 2 студента. Не потянулись, конечно, и услугами «черной сотни». У нескольких лиц разбили окна. Некоторые лица получили письма с угрозами. Местный жандарм торжествует. Несчастный! Он думает, что задавил рабочее движение!.. Местной организацией с.-д. группы выпущен листок (на гектогр.) относительно текущих событий.

Село Кохма, Шуйского уезда. У нас в селе 5 тысяч рабочих. В прошлом году образовалась организация, которая велась силами местных рабочих; иногда попадалось немного нелегальной литературы, и организация постепенно расширялась и крепла. После 9-го января, когда рабочее движение охватило всю Россию, наша Кохма не осталась глухой на призыв революции: все рабочие забастовали, выразив солидарность петербургским товарищам и выставив свои экономические требования (правда, очень ма-

ленькие). После 10-ти дней забастовки фабриканты сделали маленькую уступку, но когда пришла пасха, рабочим выдали расчет, а зачинщиков совсем уволили. В организации осталось очень немного сознательных рабочих и—все молодые, не пользующиеся большим влиянием среди рабочих. Большинство же здешних рабочих так-называемые «ближняки» (из ближайших деревень), народ очень серый и забитый, к организации относится враждебно. Когда вспыхнула всеобщая забастовка в Иваново-Вознесенске, тогда опять зашевелились рабочие Кохмы, но фабриканты и администрация сейчас же поспешили с обещаниями, что «все то, что будет исполнено в Иваново-Вознесенске, исполним и мы,—только не бастуйте». Большинство рабочих «ближняков» поверили красивым обещаниям фабрикантов, остались работать и ожидать, когда хозяева улучшат их положение. Но вот прошло уже более двух месяцев ожидания... В Иваново-Вознесенске некоторые фабрики удовлетворили часть требований рабочих. Тогда потребовали исполнить обещание от своих хозяев и мы, угрожая в противном случае забастовкой. Вот тут-то наши «благодетели» и поспешили призвать на помощь из Иваново-Вознесенска казаков и солдат, а фабрикант Ясюнинский, который корчил из себя крайнего либерала на съезде промышленников в Москве, теперь с налитыми кровью глазами бегал по корпусу и выдавал ненавистных ему рабочих в руки полиции и казаков, а те тут же на его глазах истязали их до потери сознания, а одного рабочего сам Ясюнинский сбросил по чугунной лестнице вниз; тот потерял сознание и теперь лежит в больнице. Не обошлось без содействия черной сотни и «ближняков». В результате, человек пятнадцать избитых и выброшенных на улицу либеральным Ясюнинским,—тем самым Ясюнинским, который раньше говорил рабочим об их благе, просвещении, культуре, об их здоровье и т. д. Попытка забастовки была подавлена самым жестоким образом тем, который лицемерно болтает о свободе и равенстве. А как поступают наши либеральные земские учреждения? Вот пример. Местная земская больница совершенно отказала в медицинской помощи избитым товарищам, мотивируя это тем, что у рабочих есть свои фабричные больницы, и—рабочие оказались выброшенными на улицу.

Иваново-Вознесенский комитет отозвался на кохменские события, выпустив прокламацию (гект.) к рабочим и работницам села Кохмы с выяснением им их положения и с призывом к организации под знаменем Р.С.-Д.Р.П. Прокламации подняли дух и настроение среди рабочих (Кохма в 11 верстах от Иваново-Вознесенска), и организация опять начинает бойко функционировать. *Рабочий.*

Екатеринослав. 17-го июня рабочие завода Лащавера прекратили работу и, выбрав четырех депутатов, предъявили хозяину ряд требований (до 20-ти) чисто-экономического характера. На другой день депутаты объявили собравшимся рабочим, что хозяин не только не удовлетворил их требований, но даже выразил желание закрыть завод. Рабочие решили тогда требовать у хозяина платы за две недели вперед. Это встретило с его стороны также решительный отказ. Старший фабричный инспектор, вызванный рабочими, стал, конечно, защищать хозяина и заявил рабочим о незаконности их требования. Рабочие в ответ заявили, что они не станут на работу до тех пор, пока их претензии не будут удовлетворены.

Прошло два дня. В это время по городу разнесся слух, что на 21-е число готовится всеобщая политическая забастовка. Слухи эти сильно подняли настроение рабочих и они, тотчас же собравшись на сходку, решили послать для переговоров с хозяином депутатов. На собрании один из товарищей произнес речь, в которой говорил, что рабочим нашего завода необходимо присоединить свой голос к протестующему голосу всего российского пролетариата и поддержать требования всех екатеринославских товарищей. Депутаты от имени рабочих заявили хозяину, что теперь они не пойдут на работу до тех пор, пока не окончится политическая забастовка. Хозяин, испугавшись такого оборота дела, пошел на уступки, начал убеждать рабочих прекратить забастовку и стать на работу, обещая удовлетворить некоторые требования. Но все это ни к чему не привело, и рабочие решили не сдаваться.

Когда на другой день завод за заводом стали приостанавливать работу, когда рабочая масса стала выходить на улицу и на Чечеловке разнесся громовой клич—«Долой самодержавие! Смерть палачам!»—тогда весь город встрепенулся, и правительство, и весь буржуазный мир поняли, что восстала грозная пролетарская сила. На всех напал необъятный страх, одни только рабочие, чувствуя свою мощь, ходили по городу радостные и сияющие... Все это подействовало на Лащавера так, что он начал окончательно сдаваться и из 20 требований согласился удовлетворить все, кроме семи. Рабочие и на этом не уступали и, только истощив все свои запасы, стали на работу, согласившись на те тринадцать требований, которые хозяин обещал удовлетворить.

Прошла неделя, и рабочие увидели, что хозяин Лащавер их жестоко обманул, не выполнив ни одного пункта соглашения. Даже условие, чтобы в мастерскую ставили свежую и чистую воду со льдом, и это не было им выполнено. 6-го июля пришел на завод старший фабричный инспектор, и рабочие заявили ему обо всем этом. Отобрав предварительно все расчетные книжки, инспектор отправился в контору. Что там у них происходило с хозяином, неизвестно. Только через несколько времени появилось объявление, что рабочие через две недели рассчитываются, а завод закрывается. Рабочие моментально бросили работу и потребовали к себе инспектора для объяснений. Тот не явился. Тогда рабочие сами зашли в контору. Инспектор ласково, как лисица, говорит: «Знаете, что? Я хотел составить протокол на хозяина за то, что он не объявил вам, что начал работать по новым правилам и что не переменяет расчетные книжки. Ему грозит штраф в 500 руб. Но это дело я могу уладить. Я могу сорвать объявление о расчете, а вы будете работать на прежних условиях». Однако, рабочие не поддались на удочку и стали расходиться...

После обеда, когда все собрались в мастерской, приходит конторщик и хочет сорвать объявление. Рабочие не дают. Тогда в мастерскую вбегает инспектор, в гневе срывает объявление и грубо кричит: «Что вы? Бунтовать собираетесь? Пошли на работу!..». Пока-что рабочие решили подчиниться. Чем кончится вся эта история,—неизвестно.

Екатеринослав. Последние события пробудили чувство полной солидарности в среде екатеринославского пролетариата, и даже малосознательные рабочие требовали политической забастовки. 20-го июня стало известно, что местный комитет Р.С.-Д.Р.П. (большевистский) призывает ко всеобщей политической забастовке. В 10 часов в Брянский завод прорвалось человек 5 посторонних рабочих и направились в литейный цех, крича: «бросайте работу!». Сейчас же явилась заводская полиция и арестовала четверых. Возмущенные рабочие решили бросить работу и собрались около 6-й полицейской части, требуя освобождения товарищей и угрожая в противном случае разнести весь участок. Товарищи были освобождены. Одновременно рабочие предъявили требование о полном упразднении заводской полиции. После этого были произнесены политические речи, и рабочие направились снимать с работы другие заводы. К вечеру прекратили работу все заводы, а на несколько времени приостановлено было движение и на Екатерининской железной дороге. Многотысячная толпа рабочих собралась на Брянской площади, где выступили ораторы, и были выставлены пролетарские требования. Отсюда с песнями и красными знаменами толпа направилась в город, но тут помешал дождь, и рабочие стали расходиться. Полиция в это время нигде не появлялась.

На следующий день рабочие, предъявив заводской администрации требования и соединившись вместе, пошли через вокзал с солдатами в город. По дороге остановили трамвай. Идя с солдатами, навешивали им на штыки прокламации. Потом стали ломиться в управление Екатер. жел. дороги, но там были расставлены солдаты. Тогда рабочие выломали ворота, и в управлении бросили занятия. Далее направились-было в центр города, но в это время галопом налетела сотня казаков и стала избивать нагайками. Рабочие давали отпор, но за неимением оружия ничего не могли поделать. После этого на Чечеловке были столкновения между казаками и рабочими. Казаков-таки крепко прижали к забору. Со стороны рабочих есть убитые и раненые.

Баку. Договор, заключенный между капиталистами и рабочими после всеобщей забастовки в декабре 1904 г., почти нигде не исполняется. На промыслах положение рабочих так же тяжело, как год или два назад. То, что рабочие безропотно переносили раньше, теперь переносить они не в силах. Под влиянием всего происходящего в России, среди рабочих разрастается глухое брожение. Татары (их на промыслах более 60%) поняли, как обманули их ханы и беки во время майской забастовки, наобещав кучу и заставив противодействовать забастовке. Обещания не исполнены, и татары сами требуют всеобщей забастовки. Они жадно слушают агитаторов и рвут листки из рук. Один завод бастует за другим. Бастовали промыслы Вотона, Беккендорфа, сейчас бастуют у Ротшильда, в Московском Товариществе и в целом ряде мелких заводов и промыслов. Бастовали служащие пароходных обществ; сейчас бастуют матросы «Кавказа и Меркурия». Выдвигают экономические требования и легко поддаются политической агитации. Многие заводы приготовили требования, но решили подождать всеобщей забастовки. Все ждут ее и все уверены, что она неизбежна. Четыре района почти единогласно высказались за нее.

В Балаханах управляющие промыслов наняли сотни вооруженных берданками татар, готовых оружием противодействовать забастовке. Балахановский район требует организации вооруженных отрядов и сплочения татарской массы. Балаханские рабочие готовятся к забастовке и также считают ее неизбежной. С каким негодованием говорят рабочие о поведении нефтепромышленников! Мы выпустили на-днях листок «Наши умиротворители», в котором разоблачаем их. Помните, как эти нефтепромышленники протестовали против вмешательства вооруженной силы в отношении труда и капитала. Теперь эту силу они нанимают! Свинец—вот ответ на все требования пролетариата... Нефтепромышленники требовали милицию для защиты промыслов от постоянных грабежей, разбоев, убийств, от хулиганов и татарских атаманов. Мы дождались милиции,—она оказалась составленной из этих самых хулиганов и разбойников!

В негодование приводит рабочих то, что на основании военного положения нам не дают собираться, отнимают последние револьверы. Капиталистам же военное положение не мешает закупать оружие и вооружать целые орды. Среди управляющих, которые нанимают татар (за 8—10 р. в сутки), есть и армяне, есть и члены комитета по умиротворению татар и армян. Чем же занялся комитет этот первым делом? Он поставил задачею предотвратить стачку (вызовет-де бойню!) и обратился ко всем редакциям с предложением не печатать ничего, рисующего тяжелое положение местных рабочих... Это, дескать, вносит раздражение в отношения между трудом и капиталом и мешает делу умиротворения.

P. S. Судя по последним данным, возможно будет провести забастовку под знаменем политических требований.

Вильна. Как ремесленный пролетариат, так и разные крупные фабрики Вильны не сосредоточены в одном районе, а разбросаны по разным углам города. Отсутствие повседневной связи между многочисленными мастерскими в сильной степени мешает централистическому объединению пролетариата и, за исключением кожевенного района, все остальные отрасли труда материально не имеют непосредственного объединяющего звена. Кроме того, объединению виленского пролетариата препятствуют как разнонациональный состав его здесь вообще, так и наличность 7—8 политических организаций в Вильне в частности. Кроме того, особая полицейская охрана, необычайно развитые сыск и шпионство, которые систематически насаждаются в Вильне, не позволяют более или менее широко развить свою деятельность какой-нибудь политической партии. Стоит только устроить незначительную массовку за городом, человек в 30—40, как место массовки для вторичного собрания считается уже проваленным.

Наиболее активными выступлениями местного пролетариата следует считать биржевые, носящие характер мирных демонстраций. Обыкновенно на бирже стекаются многие сотни рабочих со всех концов города к заранее условленному месту, в большинстве случаев к центральным улицам. Начиная с 7 часов вечера, когда ремесленный пролетариат освобождается от работы, можно заметить на всех перекрестках главных улиц многочисленные кучки рабочих, направляющихся подчас в сопровождении конных и пеших патрулей к месту биржи. Подобные собрания достигают часто весьма больших размеров и представляют довольно внушительную силу. Несмотря на все старания «охранителей» провоцировать эти открытые собрания, ослаблять их массовыми арестами или отпугивать новичков казацкой ордой, им все-таки не удается «предупреждать и пресечь» их. Необходимость этих бирж вошла, можно сказать, в плоть и кровь местного ремесленного пролетариата. К сожалению, на-ряду с еврейскими рабочими очень редко фигурируют здесь не еврейские. Это объясняется тем обстоятельством, что не еврейские ремесленники почти-что не затронуты агитацией и совершенно не вовлечены в политическую борьбу; широкая масса русского, польского и литовского происхождения, за некоторыми исключениями, дальше экономизма самого низшего сорта не пошла. Недавняя стачка сапожников-ремесленников под руководством жандармского управления и двух-трех попов является хорошей иллюстрацией степени политического воспитания христианского ремесленного пролетариата. Что же касается фабрично-заводских рабочих, то по условиям их рабочего дня они с большим трудом могут участвовать в устраиваемых биржах: последние происходят исключительно по окончании работ в ремесленных районах перед уходом домой, а окончание работ на фабриках бывает на полтора-два часа раньше.

На бирже 27-го июля произошли особенно возмутительные сцены. Обыкновенно во время биржи некоторые агенты сыскного отделения провоцировали биржу тем, что вызывали вмешательство казаков внезапными выстрелами или бросанием камней в полицейских и этим вносили часто смятение в среду мирно демонстрировавших «биржевиков». В последнее время был даже организован специальный патруль для наблюдения за подобной провокацией. На бирже в среду едва успели собраться несколько сот рабочих, как со всех дворов Новгородской и Александровской улиц понеслись заранее спрятавшиеся казаки и с яростью набросились на незначительную толпу гулявших рабочих. В течение часа происходило избиение публики, в числе которой находилось много женщин и детей. Казацкая орда свирепствовала с таким бешенством, что пришлось 7 человек отправить в больницу, при чем двое находятся при смерти. У одной девушки оказался перелом черепа, и после трехдневных мучений она скончалась. Много избитых и раненых среди «обывателей», случайно попавших на биржевые улицы. Арестовано около 60-ти человек, проходивших и гулявших в это время на бирже.

Вильна. 29-го июля. Вот уже 3 недели, как на местных кожевенных заводах ведется упорная стачка под руководством Виленской группы Р.С.-Д.Р.П. На всех виленских кожевенных заводах работает около 1.000 чел.; наибольшее число заводов находится в «Зверинце» возле главного центра города. Главный контингент работающих на этих заводах—поляки и литовцы; евреи и русские вместе составляют лишь около 13 процентов. Условия труда непомерно тяжелые. Стачка имела уже огромное моральное значение. Вильна впервые увидела открытые рабочие митинги, на которых выступали ораторы из Группы. В «Зверинце» к 2 часам дня, в течение целой недели, собирались сотни рабочих и обсуждали ход стачки; здесь произносились речи на русском и польском языках и раздавались прокламации Виленской Группы. Особенно удачно была использована речь губернатора, попытавшегося «мягким» словом повлиять на стачечников. Был созван специально десяток выборных от рабочих, и губернатор глубокомысленно объяснил им крайний убыток... фабрикантам от этой стачки. Конкуренция губернатора с соц.-дем. убедила рабочих в необходимости довести стачку до конца.

Добрянка, Могил. губ. В четверг 30-го июля забастовали рабочие паровой мельницы и кожевенного завода Белянкина, требуя сокращения рабочего дня до 10 часов (до сих пор они работали от зари до зари). Они обратились к организации за помощью; было сейчас же устроено одно собрание а затем через несколько часов и другое собрание забастовщиков для выработки требований. На это

собрание явились и рабочие кожевенных заводов Герчикова и Зильбера, решившие также забастовать. Выработано было 12 требований. Герчиков и Зильбер грозили закрыть заводы, говоря, что им невыгодно продолжать производство на новых условиях, которые в корне подрывают патриархальную эксплоатацию. Белянкин же заявил, что «во всем виноваты жиды», и обещал устроить погром, как только приедут осенью рабочие-каменьщики. Старики-евреи трусили и говорили, что нужно выдать полиции всех «демократов»; один доброволец просил денег на поездку в Могилев, обещая с корнем вырвать крамолу из Добрянки. Слухи распространялись один другого нелепее: говорили, что раввин хочет провозгласить пост, чтобы бог образумил «демократов»; что старики пойдут по домам демократов и отнимут у них оружие, которым они особенно страшны; что вышлют учителя и учительницу, которых почему-то считали главными виновниками забастовки. Местную учительницу грозили даже убить за ее мнимое участие в подстрекательстве рабочих к забастовке. Всем этим хотели воздействовать на местную социал-демократическую организацию, чтобы она отказалась помогать забастовщикам. Действовали также через «начальство» и попа соседнего села Марковичей, где живет большинство рабочих этих заводов. Писарь, чтобы запугать рабочих призраком голода, предлагал им отказаться от заводов и позволить хозяевам брать других рабочих; поп тоже старался, елико возможно, своими речами склонить рабочих отказаться от сношений с крамольниками и приступить к работе на благо себе и хозяевам, «благодетелям рабочего люда». Но ни уговоры, ни угрозы не помогали: рабочие попрежнему стояли на своем, тем более, что многие из них были заняты косьбой сена, а неимущие получали денежную помощь от организации; местные же рабочие социал-демократы каждый день, а раз даже и ночью, снимали с работы штрейкбрехеров. Хозяева все-таки держались стойко, между тем как забастовщики почти не являлись в Добрянку, несмотря на неоднократные приглашения организации. Последняя оказалась в затруднительном положении, не имея возможности получать точные сведения о положении дел и, таким образом, руководить, как следует, забастовкой. Наконец, однажды ночью некоторые рабочие заставили сторожей от Герчикова и Зильбера уйти с заводов; это сильно повлияло на хозяев. Повлияла также, как рассказывают, поездка Белянкина в Гомель: увидев там рабочую биржу, он будто бы воскликнул: «Пропал наш царь, пропала наша Россия!». Хозяева пытались подкупить одного рабочего, которого считают главным бунтовщиком»: ему предлагали по десяти рублей с завода, чтобы он уговорил рабочих работать летом одиннадцать с половиною часов, вместо десяти. В настоящее время работают уже на заводах Герчикова и Зильбера; у Белянкина же начнут работать в понедельник 18-го июля. Почти все требования рабочих удовлетворены, кроме требования о повышении платы. Во все время забастовки в местечке, где расположены заводы, особой полиции не было,—вероятно, потому, что исправник был занят усмирением крестьян в селе Глебовке или Дятловичах; в посаде же, расположенном по ту сторону ручейка, в Городнянском уезде, около завода Белянкина находились прибывшие из уезда стражники и почти вся тамошняя полиция, начиная от надзирателя и кончая 12-ю городовыми. Вообще Белянкин сильно боялся своих рабочих, так как обращался с ними очень скверно и даже бил их. Всего бастовало человек 60—70, потому что в летнее время производство здесь вообще сокращается наполовину. Любопытно отношение крестьян к забастовке: они сердились на демократов, что те возбуждают народ против «государя нашего императора» и против купцов, от которых можно по временам и заработать; по их мнению, нужно бунтовать против помещиков и—только. Надо заметить, что наше влияние на крестьян не так велико, как оно могло бы быть: причина та, что литературы у нас вообще мало для крестьян, а та, которая имеется, написана не на белорусском языке, а на мало понятном крестьянам литературном или, что еще хуже, народном великорусском языке. На рабочих же забастовка произвела хорошее впечатление, и поговаривают уже о готовящихся забастовках среди бараночников, «колодочников» и кузнецов.

Копысь, Могилевской губ. На кафельных заводах Копыси около 800 рабочих (2/3 из них христиане, остальные—евреи). За последние шесть недель (вторая половина июня и июль) было около 5 массовок; на каждой—от 500 до 800 рабочих. Темы: о необходимости бороться, о политической борьбе, о задачах пролетариата, о современных событиях и т. п. (ораторы присылались Полесским К-том). В начале июля было общее собрание (около 600 чел.) рабочих всех кафельных заводов для обсуждения и решения вопроса «о резке» кафель. Рабочие получают за свою работу 90% авансом. Они за него отвечают круговой порукой. Несмотря на круговую поруку, хозяева за резку кафель выдавали аванса на 20% менее. Рабочие на собрании решили, что в виду круговой поруки следует настоять на том, чтобы и за резку выдавалось полностью 90% аванса. На собрание явилась вся полиция (10—12 челов.), с приставом во главе. Рабочие вооружились чем попало (кольями) и стали в оборонительное положение. Так как полиция не уходила, то рабочие, взявшись за руки, сплоченной массой с песнями двинулись в город. Около часу продолжалось шествие. Разошлись на Базарной площади.

Через день собрались вновь (на лужке, как и в прошлый раз) для решения того же дела. Мы воспользовались состоявшимся собранием для произнесения политической речи. Собрание и речь очень понравились. Какой-то старик-рабочий заявил, что на собрании, право, лучше, чем в церкви. Не успел оратор кончить, как вновь явилась полиция. Боевой отряд организации выступил вперед. Полиция удалилась. Но вследствие замешательства в толпе кончить речь не удалось. Опять вся масса, с боевым отрядом впереди, двинулась в городок. Здесь ждала полиция с целью отметить по возможности бывших в толпе. Решено было заставить полицию удалиться. При общем напоре на полицию произошло небольшое столкновение (обменялись, приблизительно, 8-ю выстрелами). Были легко ранены с обеих сторон, — между прочим, пристав. Требование рабочих об увеличении аванса за резку до 90% удовлетворено.

В понедельник после 9-го июля праздновали полугодовщину петербургских январских событий. Листки Копыс. организации, распространенные накануне, звали ко всеобщей забастовке. Забастовка удалась вполне. Закрылась даже казенка. Жницы в окрестности не вышли на работу. Утром было собрание (около 40 человек), на котором были и крестьяне из ближних деревень. Произнесена была речь о значении январских дней, о необходимости открытых массовых выступлений. В час дня пошли в город со знаменем, песнями, салютами. Народу на демонстрации было до 1.500 человек. Вечером было большое гулянье, зажигали огни (магний и т. п.).

Дня через два из Могилева явились 2 роты солдат, жандармский полковник, могилевский полицмейстер, вице-губернатор. Стали производить розыски, дознание. Начались аресты, обыски, которые продолжаются и до сих пор (конец июля). Рабочие держат себя хорошо. Солдаты же, присланные в Копысь, сами стали предъявлять начальству требования: например, они требуют вместо сараев, в которых их поместили, квартир. Когда одну роту отправляли в Горки, она не захотела итти пешком, требуя подвод. К солдатам Копыс. организации выпущены листки (один—местный, остальные—перепечатки о волнениях во флоте и в армии). Несмотря на солдат, на обыски и аресты, в конце июля опять была массовка.

(Сообщено рабочими из организации).

Ошмяны. 27-го июля. 21-го июля мы устроили массовое собрание, на котором собралось около трехсот человек организованных и неорганизованных рабочих. Оратор в двухчасовой речи обрисовал положение рабочего класса в России, его борьбу за лучшее будущее, говорил о последних событиях в Одессе, Лодзи и кончил речь призывом продолжать начатую борьбу. На обратном пути вся масса с пением революционных песен вошла в город, где и разошлась.

22-го июля наша организация решила устроить демонстрацию по поводу последних казней революционеров в Одессе. Мы предложили бундовской организации присоединиться. Предложение было принято, и демонстрация

была назначена на 25-е июля. В этот день, в пять часов вечера организованный боевой отряд обеих организаций—около пятнадцати человек—явился в назначенное место, где наш оратор в краткой речи разъяснил значение боевого отряда и его обязанности. В 6 часов вся масса была сконцентрирована за городом. Оратор от группы произнес на русском языке речь о последних событиях, о казнях в Одессе борцов за свободу, кончив горячим призывом итти в город и выразить наш протест самодержавному правительству. «В город, в город!»—раздались крики и вся масса двинулась. Войдя в город, по указанию распорядителя подняли 3 знамени: два—одно красное, а другое черное—знамена Ошмянской организации Р.С.-Д.Р.П.—и третье знамя Бунда.

Когда были подняты знамена, все сняли шапки и раздались возгласы: «Долой самодержавие!» и проч. На Виленской улице, в центре города, наш оратор остановил толпу и произнес пламенную речь на русском языке. По окончании речи боевой отряд дал до ста револьверных выстрелов. Посторонняя публика стояла, сняв шапки, и прислушивалась к речи оратора. Потом—с пением революционных песен—толпа направилась на Супранскую улицу, где живут все местные власти. На обратном пути оратор опять остановил толпу и произнес краткую, но горячую речь и объявил, что демонстрация кончена. Знамена были сняты и масса разошлась.

Демонстрация продолжалась 1½ часа. Во время шествия распространялись прокламации. Столкновений с полицией не было: она куда-то попряталась. Когда начали расходиться, то вдали показался помощник исправника с десятью городовыми и несколькими солдатами конвойной команды. На другой день было арестовано несколько рабочих.

Член организации.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Одесса. Мучительно-тяжелое положение революционеров, вынужденных томиться за решетками тюрем, когда пламя революции разгорается все сильнее и ярче, когда до напряженного слуха доносится эхо героической борьбы пролетариата с сатрапами и войсками царского правительства. В недавно пережитые Одессой великие революционные дни, когда восставший экипаж «Потемкина» терроризировал правительство и войско, а пролетариат чуть не завладел городом, мы, заключенные в Одесской тюрьме, думали, что уже пробил час нашего освобождения и с страшно нервным напряжением ждали нападения на тюрьму освободителей-рабочих. Не только мы, но и администрация тюрьмы к этому готовилась, с трепетом ожидая близкого конца своей власти, а может-быть,—и жизни: надзиратели повесили носы и старались нам доказать, что служат не по своей воле, а только из нежелания итти на войну, а помощники избегали показываться нам на глаза. Но зато, когда броненосец ушел, и стянутые со всех сторон войска одержали победу над восставшим пролетариатом, и в городе со всей жестокостью и свирепостью стали господствовать военные силы, тюремная администрация решила отомстить за пережитые ею тревоги и всеми средствами стала провоцировать избиение. Так, в женском корпусе (находящемся на другом дворе) администрация пыталась на политических натравить уголовных арестантов, распространяя среди них нелепые толки о том, что рабочие, если они придут освобождать политических, уголовных не только не выпустят из тюрьмы, но будут их избивать. А в нашем (мужск.) корпусе 26-го июня было совершено администрацией возмутительнейшее насилие над одним товарищем: в 7 часов вечера в камеру юноши Гейденблика, мирно лежавшего на койке, ворвались надзиратели, потащили его в контору и высекли его казацкой нагайкой. Осмотревшие его на следующие утро товарищи нашли, что вся задняя часть тела у мальчика (ему всего 16 лет) иссечена глубокими кровавыми шрамами, а кальсоны располосованы на кусочки. Но тюремный врач—этот продажный жандармский чиновник—не постеснялся сказать, что «шрамы и раны старого происхождения». Окруженные солдатами, лишенные всяких средств активной борьбы, мы только могли выразить свой протест голодовкой и дали знать о происшедшем прокуратуре. На другой день голодовки в тюрьму явился прокурор с двумя врачами осматривать Гейденблика, а нас уведомили, что «делу дан законный ход». Не трудно, однако, догадаться, что прокурор устроит «дело» так, что еще нас обвинит в «клевете»...

Вслед за тем пошли репрессии за репрессиями: за малейшее ослушание надзирателям политических бросают в темный вонючий карцер. Чтобы беспрепятственно ввести новый режим и лишить нас всех «вольностей», которые завоевали наши предшественники долгой борьбой, стоившей многих молодых жизней, часть товарищей разослали по разным провинциальным тюрьмам (Курск, Чернигов, Орел, Смоленск, Калуга, Самара, Житомир).

10-го июля из тюрьмы ушла партия политических—около 100 человек: большинство административным порядком в северные и северо-восточные губернии. На другой день после отправки товарищей мы узнали, что по распоряжению военного губернатора мы лишены свиданий с родными на неопределенное время. Вместе с тем закрыли нашу библиотеку, запретили выписку за наличные деньги, а табаку не позволяют выписывать и по квитанциям, запрещают разговаривать из окон. При малейшем протесте с нашей стороны к камерам являются вооруженные команды солдат... Многих товарищей, взятых на баррикадах, скоро будет судить военно-окружной суд по законам военного времени. Многих борцов за народную свободу царское правительство собирается еще повесить и расстрелять. Но близок час расплаты. Боевые репетиции пролетариат уже проделал во всех крупных центрах, теперь настало время для всероссийского, вооруженного, народного восстания, руководимого организованным с.-д. пролетариатом. Только организованное народное восстание покончит навсегда с властью тьмы и насилия. Не царские комедии, не государственная дума чиновников, но завоеванная революцией демократическая республика расчистит нам путь к борьбе за наше полное освобождение!

P. S. После переговоров с начальником тюрьмы, на третий день библиотеку снова открыли.

Л.

ИЗ ПАРТИИ.

Осведомление международной социал-демократии о наших партийных делах составляет одну из самых серьезных обязанностей всех живущих за границей социал-демократов. Мы напоминаем т-щам об этом и призываем к самой энергичной агитации в защиту позиций III съезда Р.С.-Д.Р.П. Агитация должна вестись неустанно, по всякому поводу, при всяком удобном случае, перед всеми решительно кружками заграничных рабочих и отдельными членами заграничных с.-д. партий. Агитация должна вестись способами, достойными сознательных социал-демократов и членов рабочей партии. В основу агитации должно быть положено полное осведомление с документальной стороной дела. На первом плане тут стоит распространение изданных нами и по-французски (приложение к газете «Le Socialiste», центр. органа французских социалистов; Rue de la Corderie 16, Paris), и по-немецки (брошюра Berieht über den 3 Parteitag. Адрес издателя: Birk et C°, Buchdruckerei und Verlagsanstalt in München. Wittelsbacher-platz 2. Preis 20 pf.) резолюций III съезда Р.С.-Д.Р.П. И французский, и немецкий переводы резолюций можно получать также из экспедиции нашей партии.

В добавление к этому основному материалу следует переводить важнейшие документы и статьи из нашей литературы. Следует разоблачать при этом неуклонно все неприличие хлестаковской новой «Искры». «Искра» не издает ни по-немецки, ни по-французски полного текста резолюций своей конференции (изобличающего ее в самозванном и узурпаторском присвоении титула ЦО). «Искра» помещает в европейской с.-д. печати «статистику» организованных рабочих, вызывающую один смех (достаточно сказать, что по-русски новая «Искра» до сих пор не ре-

шилась опубликовать этой «статистики», боясь осрамиться, но мы перепечатали эту статистику целиком в № 9 «Пролетария»). «Искра» рассылает теперь по всем заграничным колониям письмо за подписью редакции, которое содержит такие же забавные хлестаковские уверения в силе меньшинства, до сих пор стыдливо скрываемые от русских читателей наших социал-демократических газет. Бороться с рекламистами надо всеми силами, но бороться достойно, добиваясь полного осведомления публики и уяснения дела, без всякого хвастовства и литературного наездничества, отнюдь не опускаясь до сплетен и приватных сообщений, боящихся света гласности.

Конференция южных комитетов, назначенная на конец июля, не состоялась, так как прибыло только 6 членов ее. Они обсудили, тем не менее, некоторые вопросы, при чем пригласили на свои собрания еще нескольких товарищей, находившихся в том городе, где должна была собраться конференция. Собрание пришло к следующим решениям:

По вопросу об открытом выступлении. Констатируя необходимость в целях приобретения широкого организационного влияния на рабочие массы открытого выступления партии, собрание рекомендует следующие формы открытого выступления: 1) использование всех рабочих организаций, сплачивающих широкие рабочие массы, и создание с этой целью особых открытых политических рабочих организаций, в роде рабочих союзов, собраний депутатов и др.; 2) открытая пропаганда идей научного социализма и создание для этого библиотек из легальных книг; 3) организация открытых рабочих митингов, рефератов и лекций. Руководство открытым выступлением должно быть возложено на все автономные партийные организации, выполняющие целостную работу.

Об отношении к влиятельным социал-демократам, до сих пор стоявшим в стороне от партийных организаций. Констатируя, что многие влиятельные социал-демократы не участвуют в партийной работе, мы считаем насущно необходимым привлечь их к работе, поручая им по возможности такие функции, которые способны их наиболее удовлетворить. К числу таких функций принадлежит открытое выступление в разных его формах. Однако, отнюдь не следует создавать особые организации для открытого выступления из этих элементов и совершенно устранять от открытого выступления членов конспиративной организации. Напротив, члены конспиративной организации, пользуясь услугами и помощью разных элементов, не входящих в состав организации, и сами должны выступать во всех случаях, когда это возможно; иначе организация может утратить свое влияние и это влияние может перейти к группам, не участвующим в организации и специализировавшимся на функции открытого выступления. С другой стороны, следует по возможности стремиться к тому, чтобы влиятельные социал-демократы из рабочей среды, не участвовавшие до сих пор в организации, привлекались в организацию в качестве членов руководящих центров.

Об отношении к профессиональным союзам рабочего класса. Признавая, что в число задач социал-демократии вообще входит организация профессиональных союзов среди рабочего класса, мы полагаем, тем не менее, что в переживаемый нами революционный период, социал-демократия не должна брать на себя инициативу образования проф. союзов, напротив—она должна вести агитацию в том смысле, что в настоящий момент все силы и вся энергия рабочего класса должны быть направлены на политическую борьбу, и организация чисто профессиональных союзов способна была бы ослабить революционную энергию рабочего класса и отвлечь его внимание от политических задач, чем и объясняется покровительственное отношение либералов и правительства к профессиональным союзам. Что же касается профессиональных организаций, уже существующих и вновь возникающих помимо влияния социал-демократии, то мы должны стараться использовать эти организации в целях внесения революционного соц.-дем. сознания в широкие массы рабочего класса.

Об отношении к союзам. Принимая во внимание, что так-называемые профессиональные союзы, организуемые союзом союзов и примыкающие к союзу союзов, по существу организации политические, социал-демократы должны указывать на буржуазный характер таких союзов, разоблачать половинчатость и непоследовательность их политической платформы и требовать выставления полной демократической программы. В частности по отношению к союзам интеллигенции вообще, социал-демократия может только приветствовать ее стремление сорганизоваться в демократическую партию. Союзы тех слоев интеллигенции, положение которых приближается к положению промышленного пролетариата, социал-демократы должны привлекать в ряды с.-д. партии, доказывая им солидарность их интересов с интересами пролетариата. То же отношение и к крестьянским союзам. Что же касается союзов рабочих, организуемых конституционалистами-«демократами», то с.-д. должны бороться с попытками организовать таковые и обращаться к ним с пропагандой идеи классовой борьбы, разъяснять антагонизм их классовых интересов с интересами буржуазии и таким путем склонять их на сторону с.-д. Часть членов считала нужным прибавить к резолюции следующее. Так как политические союзы, не принявшие целиком с.-д. программы, как бы демократичны они ни были, будут, в конечном счете, служить интересам буржуазии, собрание находит недопустимым для членов с.-д. партии вступление в члены таких союзов, в том числе и в так-называемые профес. союзы, примыкающие к союзу союзов. Другие считали это прибавление излишним, так как из предыдущего ясна тактика соц.-дем.

По вопросу о подготовке вооруженного восстания. Признавая крайнюю необходимость в объединении деятельности местных комитетов на почве подготовки вооруженного восстания и считая, что вопрос о всеобщем вооруженном восстании может быть поставлен на серьезную почву только в том случае, если партия будет располагать значительными средствами для закупки оружия и будет иметь в своем распоряжении большие запасы взрывчатых веществ, собрание предлагает ЦК: 1) создать соответствующую группу специалистов, которая ознакомила бы комитеты с техникой вооружения и с военной стороной предстоящей кампании; 2) образовать фонд народного вооружения путем регулярных сборов среди всех слоев населения и путем соглашений с другими политическими партиями; 3) позаботиться о союзе с остальными с.-д. партиями России и о боевом единении с П.С.-Р., П.П.С. и др. револ. партиями; 4) озаботиться постановкой массового заготовления разрывных снарядов и доставки их по комитетам. Затем собрание обсуждало отдельные вопросы местной и общерайонной работы и высказалось, между прочим, в пользу создания южного районного органа и необходимости связать между собой все комитеты для немедленной рассылки описаний всех важных событий (в роде 9-го января, одесских, нижегородских и др.).

Объявление комитета. В виду нежелания меньшевистского Харьковского Комитета объединиться с местной группой «Вперед» на организационных началах, выработанных III съездом партии, Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П. счел необходимым предоставить права комитета Харьковской группе «Вперед», которая будет отныне называться Харьковским Комитетом Р.С.-Д.Р.П.

Либава, 4-го августа. Наша группа возникла в мае; до этого времени в Либаве существовали лишь комитет латышской партии и организация Бунда (последняя—лишь с начала этого года). Рабочее население Либавы состоит в своей главной массе из латышей, но в железнодорожных мастерских, в военном порту и крепости преобладают рабочие других национальностей: русские, поляки и литовцы; кроме того, на некоторых крупных фабриках и заводах состав рабочих весьма смешанный. Это обстоятельство заставило латышский комитет выйти из рамок узко-национальной организации и распространить свою организационную работу и на русских, и поляков, и литовцев. Местная организация Бунда, между которой и латышами существуют самые тесные отношения, деятельно помогали и содействовали латышскому комитету, доставляя пропагандистов и агитаторов. При возникновении нашей группы, между нею и латышским комитетом, по инициативе последнего, начались переговоры, ни к чему, однакож, не приведшие, так как латыши потребовали федерации, а группа в этом отказала. Работа вширь у латышского коми-

тета идет довольно успешно: они устроили и устраивают периодические массовки и большие собрания, посылают ораторов в мастерские, обещали доставить и польскую литературу, и польских ораторов; но зато вглубь у них никакой работы нет, и их деятельность рабочих мало удовлетворяет.

У группы в первое время крепких связей в массе не было; имелись только слабые, случайные связи, которые позволяли лишь время-от-времени распространять листки и прокламации—да и эти связи появились всего в конце июня. С того времени группою распространено шесть или семь изданий в количестве 3.750 экземпляров на русском и латышском языках. Из прокламаций самой группы вышли: 1) Царское правительство доживает свои последние дни и 2) К полугодовщине январских дней. В последнее время связи наши окрепли; постоянные связи имеются с железнодорожными, портовыми рабочими и с некоторыми крупными фабриками. Имеются свои районные центры и пропагандистские кружки. Две недели назад удалось устроить первую нашу массовку, на которой присутствовало 60 чел. Происходила она на открытом воздухе (в зимней гавани). Среди военных групп имеются связи во всех местных полках и батальонах. В мае группою был отгектографирован в количестве 200 экземпляров листок «8 лошадей—40 человек» и распространен среди солдат, отправляемых на Дальний Восток. В настоящее время по инициативе группы из представителей всех либавских с.-д. организаций устроена общая военно-социалистическая организация. Последняя издала: 1) прокламацию к солдатам по поводу приказа коменданта (гект. 550 экз.) и 2) проклам. по поводу предстоящего военного суда над 137-ю матросами (печат. в типографии латышской партии, 5.000 экз.).

Казань. За последнее время сфера влияния местного комитета значительно расширилась. Все большие и большие слои рабочих как городских, так и окрестных фабрик и заводов захватываются нашей агитацией. Январская всеобщая стачка оказала свое влияние и дала возможность развиться широкому массовому движению на-ряду с увеличением пропагандистских кружков. Комитетом были организованы массовые собрания за городом в 100, 200, 300 и 400 человек, на которых товарищами ораторами разъяснялась наша политическая и экономическая программа. В качестве ораторов выступали и рабочие из присутствовавших на собрании, и вообще собрания носили характер дебатов. Кончались они пением и прогулками на лодках с красными флагами. Столкновения с полицией происходили очень редко, благодаря сравнительно далекому расстоянию от города. На этих массовых собраниях присутствовали и солдаты из пехотного батальона, один из них тоже обыкновенно говорил речи от имени товарищей солдат. О нашей работе в войсках уже писали в № 13 «Пролетария». Для борьбы с растущим движением в Казань прибыла сотня казаков. Но эти башибузуки пока только занимаются грабежом мелких лавок и потому причиняют больше вреда мирным обывателям буржуа, чем соц.-дем. движению.

У нас теперь опять начала проявлять себя черная сотня и уже насчитывают 3—4 жертвы дикого насилия этих рыцарей самодержавия. Поговаривают о повторении Нижегородских событий и в нашем городе. Полицмейстер Панфилов говорил, что он не сможет остановить такого побоища, если оно начнется. Правительству бы очень хотелось направить на интеллигенцию татар. Но пока это не удается благодаря сильному влиянию соц.-дем. комитета на татарскую организацию. Между прочим, все почти прокламации комитета переводятся на татарский язык и распространяются среди татар, которые читают их с большим интересом. Многие рабочие татары посещают кружки и массовые собрания.

Чтобы удовлетворять спрос на прокламации, выросший очень сильно за этот год, комитетом были поставлены две типографии, из которых одна, к сожалению, была недавно арестована, что, однако, не повлияло на выпуск прокламаций, которыми город прямо наводняется.

Тифлис. (1-го июля). Недель пять назад здесь совсем не было организации большинства, были отдельные лица, кучки, но этим все и ограничивалось. Наконец, состоялось в начале июля общее собрание всех разрозненных элементов, при чем выяснилось, что во всех частях города есть связи, что повсюду существуют кружки сознательных рабочих большевиков, которые только в виду отсутствия своей организации примыкали к меньшинству, что почва для создания организации есть налицо. Начался период собирания, в котором мы пока еще находимся. Отношение массы к нам переменилось. Из резко враждебного оно превратилось в колеблющееся. Прежде большевиков травили, отказывались слушать, объясняя тем, что не стоит отрывать рабочих от дела, теперь со всех сторон обращаются к нам с просьбой поговорить о разногласиях. Отношение совершенно другое. Устраиваем на днях ряд рефератов здесь и в окрестностях о разногласиях, врем. прав. и т. д. Постоянно устраиваются дискуссии, образуются кружки. В начале их было 7 с 60 раб., теперь 13 (около 100 чел.).

Комитет выпустил «Три конституции» (на русск. яз.—1.500 экз., арм.—1.500, груз.—2.500)—читают, нравится. Организация складывается. Пропагандистов человек 30, человек 7 одновременно и агитаторы. Впрочем, массовки только теперь начинают устраивать. Комитет думает выпускать раза два в неделю листки пропагандистского характера. Работа скоро закипит.

Тифлис. На собрании пропагандистов был сделан доклад представителем от ЦК о переговорах с местными меньшевиками и о нашем отношении к комиссии Булыгина. Попытка представителя ЦК завязать дружественные отношения с меньшевиками, конечно, не увенчались успехом. Был он на нескольких собраниях у них, где устраивали дискуссию. Но меньшевики мало интересовались теоретической стороной дела и на строго принципиальную критику отвечали: «а вы украли у нас типографию», «а Союз распустил комитет в 24 часа» и т. д. Слова «воры», «мошенники» сыпались по адресу большевиков в изобилии. На апеллирование к защите председателя последний отвечал, что если бы это говорилось по адресу одной какой-либо личности, то было бы недопустимо, а по адресу коллектива—можно. Так ничего из переговоров и не вышло. К вопросу о Булыгинской комиссии сопоставлялись, главным образом, две точки зрения: наша и меньшевистская. Как вам, вероятно, известно, меньшевики вынесли здесь резолюцию, в которой говорится, что они будут участвовать в Булыгинской думе. Одним из пропагандистов был предложен вопрос, как примирить точку зрения меньшевиков на временное правительство с таковою же на Булыгинскую комиссию: там они отказываются, как партия крайней оппозиции, здесь соглашаются участвовать. Я лично, наоборот, нахожу даже логику и там, и здесь, равно как и в известной земской кампании они поручают дело либеральным святителям.

Чиатуры, Кутаисской губернии. 5-го августа. Чиатуры—центр марганцевой промышленности. Рабочих, занятых теперь в производстве, около 7 тысяч человек. Самой влиятельной организацией является у нас большевистская (районная орг. Имер.-Мин. комитета), к которой примыкает $^9/_{10}$ чиатурских рабочих. Есть и меньшевики, но они менее влиятельны... Бывают «нашествия» «соц.-революционеров», федералистов, анархистов, прогрессистов и прочих «истов». Но волна классового самосознания рабочих каждый раз со смехом сбрасывает их со сцены. Недавно была дискуссия с ними. Присутствовало около 2 тысяч рабочих. Прения окончились полным поражением противников. Под конец дискуссии рабочие принесли 3 знамени и демонстративно обошли все Чиатуры при криках: «Долой несоциал-демократические партии! Да здравствует Российская Социал-дем. Раб. партия!»—и при пении марсельезы. Это была демонстрация против всех несоциал-демократических партий. Быть-может, читатель удивится моему сообщению о собрании из 2 тысяч рабочих. Но это возможное удивление само собой пройдет, если он узнает, что у нас в Чиатурах фактически—полная демократическая республика. Дело в том, что господами положения у нас являются рабочие и крестьяне. Администрации не видать—над ней все смеются, ее все презирают. Крестьянским группам и чиатурской соц.-демократической организации приходится действовать в качестве временного революционного правительства в малом виде.

Издательская деятельность Кавказского Союза Р.С.-Д.Р.П С января по июнь 1905 г. Издания Союзного Комитета: Прокламации: 1) «К запасным» на русск. 4.800, груз. 6.000, арм. 3.000. 2) «К организованным рабочим» русск. 400, груз. 800, арм. 400. 3) «К крестьянам» груз. 6.000, арм. 3.000. 4) «Что выяснилось?» груз. 14.000, арм. 5.000, русск. 5.000. 5) «К солдатам» арм. 3.000, русск. 5.000, груз. 4.200. 6) «Ко всем рабочим и работницам» груз. 10.000, русск. 2.900, арм. 2.500. 7) «Первое мая» на груз. 10.000, на русск. 2.500, на арм. 2.500. Брошюры: 1) «О социализме» (Рядового) груз. 2.600, арм. 2.500, русск. 2.000. 2) «Кто чем живет» арм. 2.000. 3) «Пауки и мухи» груз. 6.000. 4) «К деревенской бедноте» (Ленина) груз. 3.000. 5) «На новый путь» (Галерки) русск. 1.000. 6) «Революционные песни» русск. 1.300. 7) «Четыре брата» груз. 4.000. 8) «Вскользь о партийных разногласиях» груз. 2.000, арм. 1.500, русск. 1.500. 9) «Разновидность оппортунизма» русск. 1.300, арм. 1.000. 10) «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (из «Вперед») груз. 2.000, русск. 1.000 и арм. 1.000. 11) Устав, принятый на III партийном съезде, арм. 400, русск. 600, груз. 500. 12) Союз. Орган «Борьба Пролетариата» № 5 арм. 1.200. 13) «Борьба Пролетариата» № 9 груз. 2.500, № 6 арм. 1.000, № 1 русск. 1.200.

Из отчета Бакинского К-та за май 1905 г.: I) Приход 1.081 р.; расход 1.081 р. (в том числе техника 289. 95, тов., раб. в орган. 100, мусульманское издание 5. 38, за библиотеку 52, ЦК за литературу 50.).

II) Издательская деятельность за отчетный период: 1) Товарищи! (500), 2) Отчет Бак. К-та (500), 3) Товарищи! (200), 4) Товарищи-солдаты! (2.000), 5) Ответ «Ком. Русск. Труж.» (2.500), 6) К раб. завода Левинсона (500), 7) Треб. раб. мех. мастер. (100), 8) Требования служ. в ресторан. и дом. присл. (500), 9) Требов. раб. табачн. фабр. Мирзабекова (200), 10) Конституц. базар (1.500), 11) Наша неудача (2.200), 12) Последняя ставка (.500), 13) Суд над судом (1.500), 14) Отчет Кассы Красного Креста (250), 15) Товарищи! (2.300), 16) Ко всем полицейск. (250), 17) Отчет Биби-Эйбатск. Район. К-та (250), 18) Песня рабочих (1.500), 19) Рабочие и самодержавие (1.500), 20) Еще о холуях его величества (1.500).

Из отчета Черногородского района Бакин. К-та за июнь 1905 г.: Приход 77. 18; расход 17. 90; остаток к июлю 59. 28.

Из отчета Грозненской группы Бакинского К-та. За июль группой распространены след. листки: 1) К рабочим Владикавказской линии 300 экз. 2) Ко всем рабочим г. Грозного 300 экз. 3) Резолюция Бакинских (?) рабочих по поводу «Временных правил» о выборных от рабочих в комиссии 300 экз. 4) К солдатам 300 экз. 5) К обществу 300 экз. 6) Бюллетень об июньских событиях 300 экз. 7) Три конституции, изд. «Пролетария», 300 экз. 8) «Борьба Пролетариата»—орган Кавказского Союза № 1, 15 экз. Всего—2.115 экз.

Из отчета Ярославского Комитета. За июль Яр. Ком. изданы и распространены по району следующие листки: «Ждать нельзя» (10.000) Яр. К.; «Земская депутация» (ЦК) изд. Яр. К. (10.000); «Булыгинская дума (20.000) Яр. Ком.

Из отчета Полесского К-та с конца мая по 1-е июля: Приход 880 р.; расход 880 р.

Из отчета Витебской группы с 20-го мая по 20-е июня: I) Приход 276 р. 70 к., расход 346 р. 21 к. Дефицит 69 р. 51 к.

II) Издательская деятельность группы за отчетное время: 1) 2 листка «К рабочим фабрики Калбановского» по 75 экз., всего 150; 2) «Ко всем гражданам» (900); 3) Программа Р.С.-Д.Р.П. (брошюра в 8 листков) (40); 4) «На 9-е января» (стих. из № 18 «Вперед») (250); 5) «К борьбе» (1.200); 6) «К рабочим и работн. фабр. Калбановского (100) (все гектогр.); 7) «Крестьяне, к вам наше слово» (2.000, печати.).

Из отчета Заводского района Екатерин. К-та с 1-го июня по 5-е июля: от брянск. зав., жел.-дор. маст., литейн., желез.-прок. и зав. Гантке поступило 43 р. 88 к.

Из отчета Воронежского К-та. Ноябрь 1904 г.: приход 194. 35.; расход 192. 70.; остаток 1.65.; декабрь 1904 г. приход 292.46.; расход 136. 70.; остаток 155. 76.; январь 1905 г.: приход 423.61.; расход 296.60. (в том числе техн. 40.10); остаток 127.01.; февраль: приход 194.53; расход 134.03 (в том числе: техника 27.42); остаток 60.50.; март: приход 179.17.; расход 121.10 (в том числе техника 101.50.); остаток 58.07.; апрель: приход 199.83; расход 193.15 (в том числе: техника 39., литерат. 20); остаток 6.68.; май: приход 210.63, расход 152. 42 (в том числе: техника 18.92., стачечникам 95); остаток 58.21. Кроме того, при посредстве К-та в декабре и январе собрано и передано на места в пользу бастовавших тт. 700 р. За период октябрь—март издано и распространено до 45.000 листков и около 1 пуда литературы. В апреле и мае издано и распространено: 1) К обществу (1.200), 2) К рабочим завода Столя (200), 3) К солдатам (1.000), 4) К 1-му мая (1.200). Распространено изданий Центр. К-та: 1) Наши задачи, 2) Извещение о конференции, 3) 1-е мая, 4) К крестьянам,—всего до 1.000 экз.

Из отчета Борисоглебской группы Р.С.-Д.Р.П. от 15-го июня по 15-е июля 1905 г.: I) Приход 135. 41., расход 73. 13 (в том числе: литература 20., техника 12. 62., Центр. К-ту 7.84). Остаток к 15-му июля 62. 28 и долги от прошлого месяца 29. Всего 91.28.

II) Распространено изданий: Прокламаций: 1) Политическое обозрен. (33), 2) Какая политическая свобода нужна народу русск. (105), 3) В бой за свободу (200), 4) К цивилизованному миру (90), 5) Купля-продажа (225), 6) Извещение о конференции (58). 7) К гражданам (161), 8) Какое страхование нам нужно (280), 9) Правда о войне (24), 10) Письмо к Плеханову (10), 11) Черная сотня (138); Брошюр: 1) Хроника № 1 (29), 2) Война и революция (22), 3) О войне с Японией (2), 4) Они заговорили (33), 5) «Искра» разн. ном. (53), 6) «Соц.-Дем.» № 3 (13), 7) «Соц.-Дем.» № 4 (5). 8) Эрфурт. прогр. (4), 9) Коммун. ман. (5), 10) Рабочее дело (1), 11) Год войны (230), 12) Дан. Учредительное Собр. (33); Изданий группы: 1) Отчет за прошлый мес. (80), 2) К раб. железнодор. мастер. (80), 3) К рабочим ж.-д. мастер. (216), 4) К плотн. и друг. рабоч. (80), 5) К солдатам и их матерям (532), 6) Нов. царск. милости (310), 7) Восстание в Одессе (132), 8) К солдатам (65). Обысков и арестов в отчетном мес. не было.

Из отчета Красного Креста в г. Баку за июнь: Приход 241.30., расход 241. 30.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Бакинским К-том: 1) Наши умиротворители (печат.); Рижским К-том: 1) Долой государственную думу (печат., 3.000 шт. по-русск., 5.000 шт. по-латыш.); Рижской группой: 1) Всеобщее вооружение народа (печат.); Иркутским К-том: 1) «Летучий Листок» № 5 (печат., 1.500); Саратовским К-том: 1) Рост сознания пролетариата (гект.); 2) Товарищи-мельники! (печат.); Либавской соц.-дем. группой: 1) Все остается по-старому; Либавской военно-социалистической организацией: 1) К матросам и солдатам гор. Либавы (печат.); Гомельской Орган. Полесского К-та: 1) Ко всем (печат.); Борисоглебской группой: 1) Гражданам гор. Борисоглебска; Иваново-Вознесенским К-том: 1) Ко всем рабочим и работницам (печат. (4.000).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Й. Письмо из Т. получено. ААА. Будет посылаться. Оле. Посланное с оказией не получено. Неизвестному товарищу. Спасибо за справку. Теофилии. Написали массу писем по дачному адресу. Товарищу из Мингр.-

Имер. Ком. Письмо и кор. получены, письма через П. либо пропали, либо попали не по назначению; ваших адресов у нас не было; будет все послано.

Организатору II района Рижск. Ком. Вашу подробную кор. получили. Бодрому. Получили, спасибо. Тов. из Н. Кор., начинающаяся словами «Гражданская война объявлена!»,—получена. Кр. Большое письмо из Нового города получили. Фекле. О Н-ем не имеем никаких сведений. Семеновой. Оба экз. получены. Миньоне. Адреса, данные вам, действительны; от вас до сих пор не получили ничего.

Примечания.

Прим. 1. Редакционные поправки сделаны тов. Ольминским. В тексте рукописи вместо слов „определенное отношение к себе“ читаем: „заслуженное презрение к ней“.

Прим. 2. В оригинале ошибка: по новому стилю № 108 „Искры“ вышел не 28, а 26 августа.

Прим. 3. Вместо слова „простаков“ в рукописи тов. Ленина читаем „дурачков“.

LE PROLETAIRE

Prix: 30 cts.

ЖЕНЕВА, 14 (1) сентября 1905 года.

№ 16.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Отношение социал-демократии к крестьянскому движению.

Громадное значение крестьянского движения в переживаемой Россией демократической революции много и много раз уже разъяснялось всей социал-демократической печатью. Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. принял, как известно, особую резолюцию по этому вопросу, чтобы точнее определить и объединить деятельность всей партии сознательного пролетариата по отношению именно к теперешнему движению крестьянства. Несмотря на то, что резолюция эта была подготовлена заранее (первый проект был напечатан в № 11 «Вперед», 10 (23) марта с. г.), несмотря на то, что она была тщательно обработана съездом партии, старавшимся формулировать установившиеся уже взгляды всей российской социал-демократии, несмотря на это резолюция вызвала недоумение среди ряда работающих в России товарищей. Саратовский Комитет единогласно признал эту резолюцию неприемлемой (см. № 10 «Пролетария»). К сожалению, выраженное нами тогда же пожелание получить разъяснение этого вердикта осталось пока неосуществленным. Мы знаем лишь, что Саратовский Комитет признал неприемлемою также и аграрную резолюцию новоискровской конференции,—следовательно, его не удовлетворило то, что обще обеим резолюциям, а не то, чем они отличаются одна от другой.

Новым материалом по этому вопросу является доставленное нам (изданное в виде гектографированного чистка) письмо московского товарища. Печатаем это письмо полностью:

Открытое письмо Центральному Комитету и товарищам, работающим в деревне.

Товарищи! Окружная Организация Московского К-та вплотную подошла к работе среди крестьянства. Недостаток опыта в организации такого рода работы, особые условия нашей центральной деревни, а также недостаточная ясность директив резолюций III съезда по этому вопросу и почти полное отсутствие литературы как в периодической печати, так и в общей о работе среди крестьянства заставляют нас обратиться к ЦК с просьбой прислать нам детальные директивы как принципиального, так и практического характера, а вас, товарищей по работе, просим ознакомить нас с теми практическими данными, которые дал вам ваш опыт.

Считаем необходимым поделиться теми недоумениями, которые возникли у нас при чтении резолюции III съезда «об отношении к крестьянскому движению», и тем организационным планом, который мы начинаем уже применять у себя в деревне.

«§ а) Пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель» (из резолюции III съезда Р. С.-Д. Р. П.).

В этом параграфе прежде всего неясно, каким образом партийные организации будут и должны вести пропаганду. Пропаганда требует прежде всего организации, стоящей совсем близко к тем, кого хотят распропагандировать. Будут ли такой организацией комитеты из сельского пролетариата, или возможны и другие организационные пути как для устной, так и для письменной пропаганды—вопрос открытый.

То же самое можно сказать и про обещание энергичной поддержки. Поддерживать, да еще энергично, возможно тоже только при организации на местах. Вопрос об «энергичной поддержке» нам вообще кажется крайне смутным. Может ли социал-демократия поддерживать экспроприацию тех помещичьих земель, которые подвергаются обработке самым интенсивным способом с применением машин, высших культур и т. д.? Переход таких земель в руки мелкобуржуазных собственников, как ни важно было бы улучшить их положение, является шагом назад в смысле капиталистического развития данного хозяйства. И мы, оставаясь социал-демократами, должны были бы, по нашему мнению, сделать в этом пункте о «поддержке» оговорку: «Если экспроприация этих земель в крестьянскую (мелкобуржуазную) собственность будет высшей формой развития данного хозяйства на данных землях».

Затем дальше:

«§ г) Стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с городским под знаменем социал-демократической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты».

Сомнения возникают относительно последней части этого параграфа. Дело в том, что буржуазно-демократические организации в роде «Крестьянского союза» и реакционно-утопические в роде соц.-революционеров организуют под своим флагом как буржуазные элементы крестьянства, так и пролетарские. Вводя своих представителей из организаций сельского пролетариата в такие «крестьянские» комитеты, мы будем противоречить самим себе, нашим взглядам на bloc и т. д.

И тут, нам кажется, необходимы поправки, и очень солидные поправки.

Вот некоторые общие замечания к резолюциям III съезда. Желательно их разобрать как можно скорее и как можно детальнее.

Что же касается плана «деревенской» организации в

нашей Окружной Организации, то нам приходится работать в таких условиях, о которых резолюции III съезда совсем умалчивают. Прежде всего необходимо отметить, что район нашей деятельности—Московская губерния и соприкасающиеся с ней уезды соседних губерний—по преимуществу занят в индустриальной промышленности с сравнительно слабо развитыми кустарными промыслами и с очень незначительной частью населения, занимающегося исключительно сельским хозяйством. Огромные мануфактуры с 10-ю—15-ю тысячами рабочих перемежаются с маленькими фабриками в 500—1000 челов., раскиданными по захолустным селам и деревням. Казалось бы, что при таких условиях социал-демократия найдет для себя здесь очень подходящую почву, но дело показало, что такие предпосылки с птичьего полета не выдерживают критики. Наш «пролетариат» в огромном большинстве еще до сих пор, несмотря на то, что некоторые фабрики существуют по 40—50 лет, не разделался с землей. «Деревня» так крепко присосалась к нему, что все те психологические и иные предпосылки, которые создаются в процессе коллективного труда у «чистого» пролетариата, у нашего пролетариата не развиваются. Земледельческое хозяйство наших «пролетариев» представляет из себя какие-то ублюдочные формы. Ткач на фабрике нанимает батрака для обработки своего клочка. На этом же клочке работают его жена (если она не на фабрике), дети, старики, инвалиды, и сам он будет работать на нем, когда состарится, получит увечье или будет изгнан за буйное или неблагонадежное поведение. Таких «пролетариев» трудно назвать пролетариями. По своему экономическому положению это—пауперы. По своей идеологии—мелкие буржуа. Они невежественны и консервативны. Из них вербуются «черносотенные» элементы. Но и у них за последнее время самосознание начинает пробуждаться. Мы через зацепки из «чистого» пролетариата будим эту темную массу от векового сна, и не безуспешно. Зацепки растут, местами крепнут, пауперы подчиняются нашему влиянию, воспринимают нашу идеологию как на фабрике, так и в деревне. И мы думаем, что насаждение организаций в среде не «чисто»-пролетарской не будет неортодоксально. У нас другой среды нет, и если мы будем настаивать на ортодоксальности, организовывать только сельский «пролетариат», то нам придется распустить нашу и соседние с нами организации. Мы знаем, что нам будет трудно бороться против жажды экспроприации заброшенных помещиком пахотных и иных угодий или тех земель, на которых отцы в клобуках и рясах не сумели поставить хозяйства, как следует. Мы знаем, что буржуазная демократия, начиная «демократически-монархической» фракцией (такая существует в Рузском уезде) и кончая «крестьянским» союзом, будет бороться с нами за влияние на «пауперов», но мы вооружим последних против первых. Мы используем все социал-демократические силы в округе, как интеллигентские, так и пролетарско-рабочие, чтобы поставить и закрепить наши социал-демократические комитеты из «пауперов». И мы сделаем это по такому плану. В каждом уездном городе или большом промышленном центре мы поставим уездные комитеты групп Окружной Организации. Уездный комитет организует, кроме фабрик и заводов в его районе, «крестьянские» комитеты. Такие комитеты не должны быть многочисленны из конспиративных соображений, и состав их определяется наиболее революционно настроенными и способными крестьянами-пауперами. Там, где имеются и фабрики, и крестьяне, необходимо сорганизовать их в один комитет подгруппы.

Прежде всего такой комитет должен ясно и отчетливо разбираться в окружающих условиях: А. Земельные отношения: 1) крестьянские наделы, аренда, форма владения (общин., подворн. и т. д.); 2) окружающие земли: а) кому принадлежат, б) сколько земли, в) какие отношения крестьян к этим землям, г) на каких условиях пользование этими землями: 1) отработки, 2) чрезмерная арендная плата за «отрезки» и т. д., д) задолженность кулакам, помещикам и др. Б. Подати, налоги, высота земельного обложения крестьянских и помещичьих земель. В. Отхожие и кустарные промыслы, паспорта, нет ли зимнего найма и пр. Г. местные фабрики и заводы: условия труда на них: 1) заработная плата, 2) рабочий день, 3) отношение администрации, 4) жилищные условия и т. д. Д. Администрация: земские начальники, старшина, писарь, волостные судьи, стражники, поп; Е. Земство: гласные от крестьян, земские служащие: учитель, врач; библиотеки, школы, чайные. Ж. Волостные сходы: их состав и ведение дел. З. Организации: «Крестьянский союз», с.-р., с.-д.

Ознакомившись с этими данными, крестьянский соц.-демокр. комитет обязан проводить на сходах те постановления, которые будут вытекать из того или иного ненормального положения дела. На-ряду с этим такой комитет ведет также усиленную пропаганду и агитацию идей социал-демократии в массе, устраивает кружки, летучки, массовки, распространяет прокламации и литературу, собирает деньги в партийную кассу и поддерживает сношения через уездную группу с Окружной Организацией.

Если нам удастся поставить целый ряд таких комитетов, то успех социал-демократии будет обеспечен.

Окружной организатор.

Само собою разумеется, что мы не возьмем на себя задачи выработать детальные практические директивы, о которых говорит товарищ: это дело работников на местах и практически руководящего русского центра. Мы намерены воспользоваться содержательным письмом московского товарища для разъяснения резолюции III съезда и насущных задач партии вообще. Из письма видно, что недоразумения, вызванные резолюцией III съезда, лишь отчасти порождены теоретическими сомнениями. Другой источник их—новый, не возникавший раньше вопрос о соотношении «революционных крестьянских комитетов» и «соц.-дем. комитетов», работающих в крестьянстве. Самая уже постановка этого последнего вопроса свидетельствует о значительном шаге вперед с.-д. работы среди крестьянства. На очередь дня выдвигаются уже вопросы сравнительно детальные, порожденные практическими потребностями «деревенской» агитации, которая стала упрочиваться и отливаться в крепкие, постоянные формы. И автор письма забывает неоднократно, что, упрекая резолюцию съезда в неясности, он, в сущности, ищет ответа на такой вопрос, которого съезд партии не ставил и не мог ставить.

Так, например, не совсем правильно мнение автора, что и пропаганда наших идей, и поддержка крестьян-

ского движения возможны «только» при организации на местах. Разумеется, такие организации желательны и при росте работы необходимы, но указанная работа возможна и необходима даже там, где таких организаций нет. Во всей своей деятельности даже среди одного городского пролетариата мы должны не упускать из виду крестьянского вопроса и распространять заявление, сделанное всей партией сознательного пролетариата в лице III съезда: мы поддерживаем крестьянское восстание. Крестьяне должны знать это через литературу, через рабочих, через особые организации и т. д. Крестьяне должны знать, что с.-д. пролетариат не остановится в этой поддержке ни перед какой конфискацией земли (т.-е. экспроприацией без вознаграждения собственников).

Автор письма поднимает здесь один теоретический вопрос: не следует ли ограничить особой оговоркой экспроприацию крупных имений в «крестьянскую мелкобуржуазную собственность». Но, предлагая эту оговорку, автор произвольно сузил смысл резолюции III съезда. В резолюции ни слова не говорится о том, чтобы партия с.-д. обязывалась поддержать переход конфискованных земель именно в руки мелкобуржуазных собственников. Резолюция говорит: мы поддерживаем «вплоть до конфискации», т.-е. вплоть до отнятия без вознаграждения, но вопрос о том, кому отдать отнятое, совсем не решается резолюцией. Оставление этого вопроса открытым не случайно: из статей газеты «Вперед» (№№ 11, 12, 15) видно, что решать этот вопрос наперед признавалось неразумным. Там указывалось, напр., что при демократической республике с.-демократия не может зарекаться и связывать себе рук по отношению к национализации земли.

В самом деле, в отличие от мелкобуржуазных с.-р-ов для нас центр тяжести теперь—революционно-демократическая сторона кр-ских восстаний и особая организация сельского пролетариата в классовую партию. Не в прожектах «черного предела» или национализации суть вопроса теперь, а в сознании крестьянством и осуществлении им революционной ломки старого порядка. Поэтому с.-р. напирают на «социализацию» и т. п., а мы на революционные крестьянские комитеты: без них, говорим мы, все преобразования—ничто. С ними и опираясь на них возможна победа крестьянского восстания.

Крестьянскому восстанию мы должны всячески помогать до конфискации земель, но вовсе не вплоть до всяких мелкобуржуазных прожектов. Мы поддерживаем крестьянское движение, поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит, как реакционное, противопролетарское. Вся суть марксизма в этой двоякой задаче, которую упрощать или сплющивать в единую и простую задачу могут только не понимающие марксизма люди.

Возьмем конкретный пример. Допустим, что крестьянское восстание победило. Революционные крестьянские комитеты и временное революционное правительство (опирающееся отчасти именно на эти комитеты) могут произвести любую конфискацию крупной собственности. Мы стоим за конфискацию, мы уже заявили это. Но кому посоветуем мы отдать конфискованные земли? Тут мы не связали себе рук и никогда не свяжем заявлениями в роде тех, которые неосторожно предлагает автор письма. Автор забыл, что в той же резолюции III съезда говорится об «очищении революционно-демократического содержания крестьянского движения от всяких реакционных примесей», это раз, а второе: о необходимости «во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельского пролетариата». Вот наши директивы. Реакционные примеси в крестьянском движении всегда будут, и мы заранее объявляем войну им. Классовый антагонизм между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией неизбежен, и мы заранее вскрываем его, разъясняем его, готовимся к борьбе на почве его. Одним из поводов такой борьбы очень может явиться вопрос о том: кому и как отдать конфискованные земли? И мы не затушевываем этого вопроса, не обещаем уравнительного раздела, «социализации» и т. п., а говорим: там мы еще поборемся, опять поборемся, на новом поприще поборемся и с иными союзниками: там мы будем безусловно с сельским пролетариатом, со всем рабочим классом против крестьянской буржуазии. Практически это может означать и переход земли к классу мелких хозяев-крестьян там, где преобладает кабальная, крепостническая крупная собственность, где нет еще материальных условий крупного социалистического производства, и национализацию при условии полной победы демократической революции, и передачу крупных капиталистических имений ассоциациям рабочих, ибо от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как-раз в меру нашей силы,—силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути. Если мы не обещаем сейчас же и немедленно всяких «социализаций», то именно потому, что мы знаем действительные условия этой задачи и не затушевываем, а разоблачаем зреющую новую классовую борьбу в недрах крестьянства.

Мы сначала поддерживаем до конца всеми мерами, до конфискации, крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще. Усчитать сейчас комбинацию сил внутри крестьянства, «на другой день» после революции (демократической),—пустая утопия. Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешовенькой популярностью, мы можем сказать и говорим лишь одно: мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы тем легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче—революции социалистической. Мы не обещаем никакой гармонии, никакой уравнительности, никакой «социализации» из победы теперешнего крестьянского восстания,—напротив, мы «обещаем» новую борьбу, новое неравенство, новую революцию, к которой мы и стремимся. Наше учение менее «сладко», чем россказни с.-р-ов, но, кто хочет, чтобы его поили одним только сладеньким, тот пусть и идет к с.-р-ам; мы скажем таким людям: скатертью дорога.

Эта марксистская точка зрения решает, на наш взгляд, и вопрос о комитетах. Социал-демократических крестьянских комитетов, по нашему мнению, быть не должно: если с.-д-ский, значит не только крестьянский; если крестьянский, значит не чисто-пролетарский, не с.-д-ский. Смешивать два эти ремесла есть тьма охотников, мы не из их числа. Везде, где можно, мы будем стремиться организовывать свои комитеты, комитеты с.-д. рабочей партии. Туда войдут и крестьяне, и пауперы, и интеллигенты, и проститутки (нас недавно спрашивал один рабочий в письме, почему не агитировать среди проституток), и солдаты, и учителя, и рабочие,—одним словом, все с.-д. и никто, кроме с.-д. Эти комитеты будут вести с.-д. работу всю, во всей ее широте, стремясь, однако, сорганизовать специально и особо сельский пролетариат, ибо социал-демократия есть классовая партия пролетариата. Находить «неортодоксальным» делом организацию пролетариата, не вполне очистившегося от разных пережитков старины,—величайшее заблуждение, и мы хотели бы думать, что относящиеся сюда места письма основаны на простом недоразумении. Городской и промышленный пролетариат неизбежно будет основным ядром нашей социал-демократической рабочей партии, но привлекать к ней, просвещать, организовать мы должны всех трудящихся и эксплоатируемых, как говорит и наша программа, всех без исключения, и кустарей, и пауперов, и нищих, и прислугу, и босяков, и проституток,—разумеется, при том необходимом и обязательном условии, чтобы они примыкали к социал-демократии, а не социал-демократия к ним, чтобы они переходили на точку зрения пролетариата, а не пролетариат на их точку зрения.

При чем же тогда революционные крестьянские комитеты?—спросит читатель. Значит, не надо их? Нет, надо. Наш идеал: повсюду в деревнях чисто-с.-д. комитеты, а затем соглашение их со всеми революционно-демократическими элементами, группами, кружками крестьянства для образования революционных комитетов. Тут полная аналогия с самостоятельностью с.-д. рабочей партии в городе и союзом ее со всеми революционными демократами в целях восстания. Мы—за восстание крестьянства. Мы—безусловно против смешения и слияния разнородных классовых элементов и разнородных партий. Мы за то, чтобы в целях восстания социал-демократия подталкивала всю революционную демократию, помогала всей ей организоваться, шла рядом с ней, но не сливаясь с ней, на баррикады в городах, против помещиков и полиции в деревнях.

Тревоги господ либералов.

Господа либералы боятся теперь пуще огня одного: как бы народ и общество всерьез не бойкотировали пресловутую Государственную Думу. Самые густо-розовые из них, и те видят в Думе возможность наладить совместно с правительством дело государственного и общественного умиротворения. Как лиса в сказке, либералы просят позволить им только их пушистый хвостик положить на телегу, а там понемногу и вся Патрикеевна уляжется и начнет потихоньку жевать рыбку. «Только выберите нас в Думу,—умоляют господа либералы,— и мы постепенно оборудуем самую настоящую конституцию!» Настоящая конституция—это монарх с правом veto, более или менее соответственное министерство, две палаты, из которых вторая—из людей «житиих», и черепаший марш по тропочке мизерных реформ. И все эти блестящие перспективы могут рухнуть от бестактности нервничающей радикальной интеллигенции и особенно рабочих!

«Русские Ведомости» в горячей статье взывают: «Теперь, в ближайшие месяцы и недели, будет решено, пойдет ли Россия через Государственную Думу мирным путем, который может быть открыт ее стремлениям к великой цели, или же брожение продолжится и пойдет помимо Думы окольными путями, могущими обречь страну на новые тяжелые испытания. Условия вступления на первый, желательный мирный путь диктуются всеми обстоятельствами нашего времени: это—свобода предстоящих первых выборов в Государственную Думу, а свобода выборов, в свою очередь, предполагает свободу выборной агитации,—иными словами, свободу печати, свободу собраний и неприкосновенность прав личности».

Газета патетически заканчивает: «Какова бы ни была судьба нового государственного учреждения, каково бы ни было ближайшее будущее страны, зародившаяся новая свободная Россия должна крепнуть и развиваться. От обстоятельств зависит, как она будет расти: в мирном ли наслаждении творческою работой или в гневе и печали незаслуженного унижения, но ничто не может остановить ее роста, и ей принадлежит будущее...»

Тут не только угроза правительству, что «новая свободная Россия все равно будет «крепнуть и развиваться», тут стон либерала по мирному развитию и угрозы по адресу демократии, что путь бойкота чреват печалями и осложнениями. По мнению газеты, стоит лишь дать свободу выборов в карикатурную Думу, и мирное развитие России обеспечено. Газета умалчивает об одном лишь: этот желательный путь не есть ли путь черепашьего прогресса, путь хронической болезни, всю тяжесть которой вынесет на своих плечах народ? И не есть ли путь «гнева и печалей» короткий и освежающий, как гроза, наиболее экономный путь для народа, конечно, для крестьянства и особенно для пролетариата, а не для господ помещиков и фабрикантов?

На ту же тему Гессен напечатал в «Праве» элегию «о трех возможностях». Вот она:

«Нам предстоит либо раскол, и тогда будут стоять друг против друга уже не объединенное общество и бюрократия, как теперь, а возникнет разлад между рядами общества, что, очевидно, сделает борьбу гораздо более трудной, а может-быть, на долгие годы и безнадежной. Или же раскол сменится объединением на почве отказа от участия в выборах; в таком случае существующие отношения не изменятся, они будут, так-сказать, итти мимо Думы, но бюрократия в лице нового учреждения, состоящего из Нарышкиных, Шараповых и т. п., получить новую силу, которою можно будет долго давить, пока не последует страшного взрыва,

размеров и последствий которого никто не в состоянии предвидеть. На это и указывали в своей известной записке губернские предводители дворянства, говоря, что если бы удалось силою отсрочить взрыв, не устранив причин, то каждый месяц такой отсрочки отозвался бы в грядущем несоразмерным усилением кровавой беспощадности и безумной свирепости. Либо, наконец, объединение наступит на почве положительного отношения к участию в выборах, и тогда и предвыборный момент, и выборы, и Дума дадут новые несоизмеримые ни с чем до сих пор бывшим в их распоряжении силы освободительным элементам. Если те лица, которые пока выступали в качестве «самозванцев», теперь скажут то же самое, как народные представители, то от голоса их падут иерихонские стены без новых жертв, которых и без того русская жизнь принесла более чем достаточно».

Как я уже сказал, это—элегия, а от поэтического выражения грустного раздумья никто не в праве требовать объективности. Три возможности в изложении Гессена очень неравноценны. «Расколы» общества в глазах либеральных министров всегда составляют предмет ужаса и плод недоразумений, они и слышать не хотят о том, что «раскол» есть социологическая необходимость при наличности классовой борьбы в обществе; они жаждут «объединения», при чем объединение может, конечно, произойти путем «вынесения за скобки» частных требований «крайних» классовых партий и провозглашения общей целью осуществление минимальной программы минимально-либеральных земских «отцов». Но на сей раз Гессен допускает объединение на почве бойкота Думы. Допускает, конечно, лишь для того, чтобы нарисовать столь ужасную картину происходящих от сего последствий, чтобы у врачей и писателей из «Союза Союзов» кровь в жилах застыла! В самом деле, Шафапов и Парамонов, неведомо, как и почему, придадут правительству «новую силу» и будут «долго давить», пока не вызовут бунта, отличающегося нарочито «кровавой беспощадностью и безумной свирепостью». На деле, конечно, если бы правительству при наличности активного бойкота даже удалось смести вместе «правительство государственной сволочи», то действия этой сволочи отнюдь не способствовали бы усилению правительства, а только вызвали бы бурю негодования в народе, если только, повторяю, народ допустил бы вообще самое возникновение государственного стока нечистот. Есть только одно средство сделать революцию короткой и менее свирепой, это всячески содействовать передовому пролетариату в его просветительно-революционной работе и в предпринятом им деле самовооружения. Но г. Гессену в миллион раз больше улыбается «третья возможность», ему хочется, чтобы те лица, «знакомые все лица!»—Трубецкой, Феодоров, украшенный перчатками Петрункевич—заговорили языком народных представителей! А тогда падут стены Иерихона, и войдут в оный град «представители народа», и воссядут одесную и ошую царя, и распорядятся заменить рухнувшие ветхие стены самоновейшими земляными окопами; они поуменьшат давление во всероссийском котле и станут господами положения.

Но заметьте, как похож тон Гессена на тон того социал-демократического (гм!) политического руководителя (гм! гм!), который написал в кавказском «Социал-Демократе» столько об экономном пути революции! *).

Уже не сотрудничает ли под сурдинку Гессен в новом кавказском рабочем (гм! гм! гм!) органе?

(А. Луначарский).

Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?

У нас, в России, политическое воспитание народа и интеллигенции совсем еще ничтожно. У нас ясные политические убеждения и твердые партийные воззрения совсем еще почти не выработаны. У нас слишком легко берут на-веру любой протест против самодержавия, относясь с недоброжелательством ко всякой критике характера и сущности этого протеста, как к вредному разъединению освободительного движения. Неудивительно, что под этим общим флагом освобождения и издаваемое под редакцией г. Струве «Освобождение» широко распространяется среди всех и всяких вольномыслящих интеллигентов, ненавидящих анализ классового содержания «освобожденского» либерализма.

А, ведь, освобожденский либерализм есть лишь более систематическое, свободное от цензуры выражение основных черт всего русского либерализма. Чем дальше идет вперед революция, тем больше разоблачает себя этот либерализм, тем непростительнее становится боязнь взглянуть истине прямо в лицо, понять действительную суть этого либерализма. Чрезвычайно характерны в этом отношении «Политические письма» известного историка г. Павла Виноградова в известном либеральном органе «Русских Ведомостях» (5 августа). Не менее характерно и то, что другие либеральные газеты, в роде «Нашей Жизни», перепечатали выдержки из этого почтенного произведения без единого слова возмущения и негодования. Г. Павел Виноградов с редкой рельефностью выразил интересы, тактику, психологию своекорыстной буржуазии: его откровенность, может-быть, была бы сочтена неуместной теми или иными более ловкими либералами, но тем ценнее она для сознательных рабочих. Вот заключительные слова статьи г. Виноградова, выражающие всю ее квинт-эссенцию:

«Я не знаю, удастся ли еще России пройти к новому строю дорогой, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 году, но не сомневаюсь, что надо употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1789 г.

«Сырому, дурно сплоченному, полному междоусобной злобы русскому обществу грозят на последнем пути неслыханные опасности, если не погибель. Нежелательно дожить до предметных уроков на темы о власти, порядке, национальном единстве, общественной организации, тем более, что эти предметные уроки будет давать или собравшийся с новыми силами урядник, или немецкий вахмистр, которому анархия в России откроет провиденциальную миссию».

Вот о чем думает больше всего русский буржуа: о неслыханных опасностях «пути» 1789 года! Буржуа не прочь от пути Германии в 1848 году, но «все

*) См. брошюру Ленина «Две тактики» и след. статью.

усилия» он употребит для избежания пути Франции. Поучительное изречение, над которым стоит очень и очень задуматься.

В чем коренная разница между обоими путями? В том, что буржуазно-демократический переворот, осуществленный Францией в 1789 году, Германией в 1848 году, в первом случае был доведен до конца, а во втором нет; в первом случае дошел до республики и полной свободы, а во втором остановился, не сломив монархии и реакции; во втором случае прошел под руководством, главным образом, либеральных буржуа, ведших за собой на буксире недостаточно окрепший рабочий класс, в первом случае проведен хотя бы в известной части активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших хотя бы на-время в сторону солидную и умеренную буржуазию;—во втором случае быстро привел к «успокоению» страны, т.-е. к подавлению революционного народа и к торжеству «урядника и вахмистра», в первом доставил на известный период господство революционному народу, раздавившему сопротивление «урядников и вахмистров».

И вот ученый лакей российской буржуазии выступает в «почтеннейшем» либеральном органе с предостережением против первого «французского» пути. Ученый историк желает «немецкого» пути и прямо говорит это. Он знает превосходно, что немецкий путь не обошелся без народного вооруженного восстания. В 1848 и 1849 гг. был целый ряд восстаний и даже временных революционных правительств в Германии. Но ни одно из этих восстаний не было вполне победоносным. Самое успешное восстание, берлинское восстание 18 марта 1848 года, кончилось не свержением королевской власти, а уступками сохранившего свою власть короля, который очень быстро сумел оправиться от частичного поражения и отобрать назад все эти уступки.

Итак, ученый историк буржуазии не боится восстаний народа. Он боится победы народа. Он не боится того, чтобы реакция, бюрократия, ненавистная ему бюрократия, была проучена слегка народом. Он боится свержения реакционной власти народом. Он ненавидит самодержавие и всей душой желает свержения его, но погибели для России он ждет не от сохранения самодержавия, не от отравления народного организма медленным гниением неумерщвленного паразита монархической власти, а от полной победы народа.

Он знает, этот муж алтынной науки, что время революции есть время предметных уроков для народа, и вот он не хочет предметных уроков по части уничтожения реакции, пугая нас предметными уроками по части уничтожения революции. Он пуще огня боится того пути, когда революция хоть на небольшое время одерживала полную победу, и он жаждет всей душой такого исхода, в роде немецкого, когда реакция на долгие и долгие периоды одерживала полнейшую победу.

Он не приветствует революции в России, а лишь старается смягчить вину ее. Он желает не победоносной революции, а неудавшейся революции. Он считает реакцию явлением законным и правомерным, естественным и прочным, надежным и благоразумным. Он считает революцию явлением незаконным, фантастическим, неправомерным, которое может быть в лучшем случае оправдано до известной степени неустойчивостью, «слабостью», «несостоятельностью» самодержавного правительства. Он смотрит на революцию, этот «объективный» историк, не как на законнейшее право народа, а лишь как на греховный и опасный прием исправления крайностей реакции. Для него революция, победившая вполне, есть «анархия», а реакция, победившая вполне, не есть анархия, а только небольшое преувеличение известных необходимых функций государства. Он не знает другой «власти», кроме монархической, другого «порядка» и другой «общественной организации», кроме буржуазных. Из тех европейских сил, которым революция в России «откроет провиденциальную миссию», он знает только «немецкого вахмистра», но не знает и знать не хочет немецкого социал-демократического рабочего. Ему противна больше всего «гордыня» тех, кто «собирается обгонять западную «буржуазию» (г. профессор пишет слово «буржуазия» в иронических кавычках: нашли, дескать, такой нелепый термин в применении к европейской,—ев-ро-пей-ской,—культуре!). Он благодушно закрывает глаза, этот «объективный историк», на то, что именно благодаря застарелой самодержавной мерзости в России Европа вот уже десятки и десятки лет стоит на месте или пятится назад в политическом отношении. Он боится предметных уроков «собравшегося с новыми силами урядника» и поэтому—о, вождь народа! о, политический деятель!—он пуще всего предостерегает от решительного разгрома всех «сил» современного урядника. Какая презренная холопская фигура! Какое гнусное предательство революции под соусом якобы-ученого и якобы-объективного рассмотрения вопроса! Копните русского, и найдете татарина, говорил Наполеон. Копните либерального российского буржуа, скажем мы, и найдете одетого в новенький мундир урядника, которому оставляют $^{9}/_{10}$ его старой силы по тому глубокомысленному, «ученому» и «объективному» соображению, что иначе он захочет, пожалуй, «собраться с новыми силами»! У всякого идеолога буржуазии—насквозь торгашеская душонка; он думает не об уничтожении сил реакции и «урядника», а о том, чтобы подкупить, подмаслить, умягчить этого урядника посредством возможно более быстрой сделки с ним.

Как бесподобно подтверждает этот ученейший идеолог буржуазии все то, что мы не раз уже говорили в «Пролетарии» о сущности и характере российского либерализма. В отличие от европейской буржуазии, которая была в свое время революционной и десятки лет спустя становилась на сторону реакции, наши доморощенные мудрецы сразу перепрыгивают или хотят перепрыгнуть через революцию к умеренному и аккуратному господству реакционной буржуазии. Буржуазия не хочет и не может по классовому положению хотеть революции. Она хочет лишь сделки с монархией против революционного народа, она хочет лишь прокрасться к власти за спиной этого народа.

И какой поучительный урок дает этот мудрец либеральной буржуазии тем доктринерам социал-демократии, которые договорились до следующей резолюции, принятой кавказскими новоискровцами и специально одобренной редакцией «Искры» в особом листке. Эта резолюция (вместе с одобрением «Искры») перепечатана полностью в брошюре Н. Л.

«Две тактики» (стр. 68—69), но так как товарищам в России она мало известна, так как редакция «Искры» сама не пожелала перепечатать в своей газете этой «весьма удачной», по ее мнению, резолюции, то мы приводим ее здесь целиком в поучение всем социал-демократам и в посрамление «Искры»:

«Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления социал-демократического сознания пролетариата, конференция (кавказская конференция новоискровцев) в целях обеспечения для партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя высказывается против образования социал-демократического временного правительства и вступления в него, а считает наиболее целесообразным оказывать давление извне на буржуазное временное правительство для посильной демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социал-демократами временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от соц.-дем. партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма, с другой—заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит ее размах».

Эта резолюция—позорная, ибо она выражает (помимо воли и сознания писавших ее, которые встали на наклонную плоскость оппортунизма) предательство интересов рабочего класса в руки буржуазии. Эта резолюция освящает превращение пролетариата для эпохи демократической революции в хвост буржуазии. Эту резолюцию достаточно поставить рядом с вышеприведенной цитатой из г. Виноградова (а подобных цитат всякий найдет сотни и тысячи в либеральной публицистике), чтобы видеть, в какое болото залезли новоискровцы. Ведь, г. Виноградов, этот типичнейший идеолог буржуазии, уже отшатнулся от дела революции. Не ослабил ли он этим «размаха революции», господа новоискровцы? Не следует ли вам пойти с повинной к господам Виноградовым и умолять их ценой вашего воздержания от руководства революцией не «отшатываться от дела революции?».

Задачи пропаганды.

Следующие резолюции приняты на съезде литераторов-пропагандистов — группы, образованной при ЦК Р. С.-Д. Р. П.

Принята резолюция о популярном органе: признано необходимым приступить возможно скорее к изданию популярного органа, который выходил бы по возможности еженедельно в объеме печатного листа в 80.000 букв (первые №№ могут быть меньшего объема). Орган должен давать подробную информацию о текущих событиях, их освещение и освещение партийной программы, тактики и организации. Название органа—«Рабочий». Состав №№: 1) руководящие статьи по текущей политике, 2) хроника внутренней и иностранной жизни, 3 сообщения ЦК (опровержения правит. сообщений, партийные дела и пр.), 4) популярные статьи по вопросам партийной программы, тактики и организации, 5) желательны беллетристические приложения. Технические и материальные средства для органа должен доставлять ЦК. Принята резолюция о брошюрной литературе. Признано, что для удовлетворения потребности пролетариата в разъяснении программных, тактических и организационных вопросов необходимо пополнить существующий литературный материал как новыми брошюрами, так и перепечаткой некоторых старых. В этом последнем случае, согласно установившемуся обычаю пользоваться всей старой соц.-дем. литературой по мере надобности. Признано наиболее целесообразным в первую очередь перепечатать (в зависимости, конечно, от того, имеются ли эти брошюры в достаточном количестве в транспорте): 1) «Красное Знамя» (при чем ответственный литератор должен в случае надобности снабдить эту брошюру предисловием), 2) «К деревенской бедноте», 3) «О социализме» (NB. Возможно большее количество экземпляров). Намечены и распределены ближайшие темы для новых брошюр: 1) «Революция в России», 2) «История революционных партий в России». По обсуждении вопроса об организации пропаганды на местах признано необходимым составить две схемы общих пропагандистских программ,—одну применительно к пропагандистским кружкам низшего типа, охватывающую вопросы программы, тактики и организации в 6—7 лекциях, другую—для кружков высшего типа, с большей подготовкой, рассчитанную на 18—20 лекций. Предложена и собранием одобрена нижеследующая схема 1-го рода: введение к пропагандистской программе. Группа, выработавшая предлагаемый проект, считает нужным предварительно высказать следующие соображения: как известно, III съезд по вопросу о пропаганде и агитации вынес резолюцию, гласящую:

«Принимая во внимание: 1) что задача планомерной и стройной организации революционно-пролетарского движения требует при теперешнем колоссальном его росте несравненно большей массы соц.-демокр. сил, чем когда бы то ни было прежде; 2) что при этом исключительную важность приобретает привлечение к роли руководителей движения в качестве агитаторов, пропагандистов и особенно в качестве членов местных центров и центра общепартийного возможно большего числа сознательных рабочих, как людей, наиболее непосредственно связанных с этим движением и наиболее тесно связывающих с ним партию, и что именно недостатком таких политических руководителей среди рабочих объясняется наблюдаемое до сих пор сравнительное преобладание интеллигентов в партийных центрах; 3) что необходимые при таких условиях кадры партийных работников может дать партии только значительно расширенная и улучшенная постановка агитации и пропаганды,—III съезд Р. С.-Д. Р. П. подтверждает резолюцию II съезда о пропаганде и поручает ЦК: а) организовать литературно-пропагандистскую группу для выработки общей пропагандистской программы и для составления применительно к ней ряда популярных брошюр по главным вопросам партийной программы, тактики, организации, при чем обратить особое внимание на издание брошюрной литературы для работы среди крестьянства; б) озаботиться постанов-

кой издания популярного органа в России; в) принять меры к организации разъездных групп агитаторов и пропагандистов для содействия местным центрам; г) озаботиться изданием пропагандистской и агитационной литературы на жаргоне и других языках, входя для этого в случае надобности в соглашение с местными комитетами».

Основываясь на этой резолюции и принимая во внимание, что состав различных пропагандистских кружков по уровню развития и степени сознательности его членов представляет значительные различия, группа предлагает две программы: одну более сокращенную как по содержанию, так и по объему, для низшего типа кружков, состав которых комплектуется из посетителей так-наз. «летучек» (последние отличаются от массовых собраний меньшей численностью, бо́льшим постоянством состава и известной систематичностью в содержании речей); другую—для кружков высшего типа, состав которых образуется обыкновенно из наиболее способных членов низших кружков и вообще лиц способных и развитых. Но и во второй из этих программ, предназначенной, как сказано, для кружков высшего типа, дается лишь тот минимум знаний, который безусловно необходимо усвоить каждому партийному работнику по теории, истории, тактике и организации социал-демократии. Что же касается таких, напр., отделов, как политическая экономия, история культуры, общая гражданская история и пр., то они в программе совершенно опущены, так как здесь имеется в виду специальная революционная пропаганда; изучение же этих отделов должно быть предоставлено самим рабочим на дому по указаниям пропагандиста. Поэтому пропагандист должен всячески содействовать наиболее способным членам своего кружка расширять и дополнять по окончании программы свои познания, чтобы из таких членов могли выработаться вполне самостоятельные партийные работники, способные занять ответственные посты в партии. Кроме того, пропагандист должен рекомендовать своим слушателям после каждой лекции соответствующую литературу для прочтения дома, способствующую лучшему усвоению прослушанной лекции. Что касается самого ведения пропаганды, то необходимо, чтобы каждая лекция сопровождалась обменом мнений по возможности между всеми слушателями и разъяснительными беседами лектора. Наконец, пропагандисту рекомендуется по возможности держаться фактической, конкретной почвы при изложении каждой лекции и широко пользоваться в качестве иллюстраций современными событиями русской жизни, и в частности войны и ее последствиями. Что касается сделанных в проекте указаний на литературу, то необходимо заранее оговориться, что указания эти являются далеко не исчерпывающими (благодаря некоторым особенным условиям, при которых они составлялись).

Доложен проект схемы пропагандистских занятий с кружком высшего типа. Проект одобрен с некоторыми изменениями в следующем виде: Лекция 1-я. Краткий обзор внутреннего состояния России. Разорение страны и дезорганизация государства. Небывалый рост революционного пролетариата. Движение в других непролетарских слоях населения. Тактика самодержавия накануне его падения. Лекция 2-я. Историческая неизбежность классовой борьбы пролетариата. Повсеместное возникновение стихийного пролетарского движения на известной стадии развития общества (картины разных форм этого движения). Основные причины, необходимо вызывающие эту борьбу. Противоположность и непримиримость интересов рабочих и капиталистов. Отношение правительства к этой борьбе. Лекция 3-я. Государство есть организация классового господства. Буржуазный характер современного государства вообще и феодально-буржуазный характер государства русского. Непримиримое противоречие интересов пролетариата самым основам этого государства. Вытекающее отсюда неизбежное превращение экономической борьбы в политическую. Лекция 4-я. Организованная революционно-пролетарская борьба в разных странах. Возрастающая организованность пролетарского движения. Образование пролетарских партий. Их современное состояние. Социал-демократия—революционный авангард рабочего класса. Лекция 5-я. Революционные движения в России в прежнее время. Утопический и непролетарский характер этих движений—народничество, народовольчество. Неуспех этих движений и его историческая необходимость. Первые проблески рабочего движения в России. Северный и Южный рабочие союзы, их распадение, стихийные стачки 80-х годов. Лекция 6-я. Первые шаги социал-демократии в России. Появление социал-демократической литературы и единичных пропагандистских кружков, образование местных соц.-дем. организаций («Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и пр.). Массовые петербургские стачки и последующие стачки в других городах. I съезд Р. С.-Д. Р. П. Дальнейшее развитие стачечного движения. Экономизм и «Рабочее Дело». Возникновение «Искры». Борьба с экономизмом. Лекция 7-я. Переход русского пролетариата к открытому политическому выступлению. Возрастающее влияние социал-демократии на пролетарское движение. События харьковские (1-е мая 1901 года), ростовские, южные стачки и демонстрации. Лекция 8-я. Конституирование партии. Организационная работа «Искры». II съезд Р. С.-Д. Р. П. Партийная программа. Программа-максимум и минимум; их соотношение с точки зрения оппортунизма и революционной социал-демократии. Лекция 9-я. Учредительное собрание и демократическая республика. Уничтожение самодержавия. Необходимость демократической республики с точки зрения интересов пролетариата. Учредительное собрание и его задачи. Избирательное право и его виды. Существующие системы избир. права в разных странах. Классовый характер его ограничений. Одно- и двухпалатное представительство, значение того и другого. Лекция 10-я. Личная гражданская свобода. Свобода слова, печати, собраний, стачек, союзов. Неприкосновенность личности и жилища. Свобода передвижения. ция 11-я. Остальные пункты программы-минимум. Отделение церкви от государства и школы от церкви. Уничтожение постоянной армии и замена ее всеобщим народным вооружением. Право каждого гражданина привлекать чиновников к суду. Равенство полов, языков, национальностей. Право национального самоопределения и международная солидарность пролетариата. Лекция 12-я. Финансовая и экономическая программа-минимум. Уничтожение косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом. Свобода промы-

слов, 8-часовой рабочий день и другие пункты рабочего законодательства. Лекции 13-я и 14-я. Аграрная программа. Сельский пролетариат. Тождество его интересов с городским пролетариатом. Крепостническая опека и крепостническая кабала. Борьба с ними. Поддержка крестьянством пролетариата, как единственный выход для крестьянства. Крестьянские революционные комитеты и их задачи. Возвращение отрезков. Возвращение выплаченных выкупных платежей. Отмена выкупных и оброчных платежей. Урегулирование судом арендных договоров. Права крестьянина свободно распоряжаться своей землей. Лекция 15-я. Тактика партии по отношению к правительству и к другим партиям. Либеральная оппозиция, ее антиреволюционный характер. Социалисты-революционеры, антипролетарский характер партии, отношение к ней. Партия Польская Социалистическая и подобные ей национальные партии. Временные соглашения. Другие соц.-дем. организации и отношения к ним. Лекции 16-я и 17-я. Организация пролетариата и народное восстание. Необходимость самостоятельной партийной организации пролетариата под знаменем соц.-дем. Руководящая роль в предстоящей революции, как ближайшая историческая миссия пролетариата. Значение успешного выполнения этой миссии для интересов самого пролетариата. Необходимость вооруженного восстания. Политическое и организационное его значение. Подготовка восстания. Всеобщие политические стачки и вооруженное восстание. Идейное и практическое руководство социал-демократии в этом восстании. Временное правительство, его историческая роль и практические задачи. Условия, при которых возможно участие в нем соц.-демократии. Возможное значение этого участия для интересов пролетариата. Тактика пролетариата по отношению к временному правительству, независимо от участия в нем социал-демократии. Лекции 18-я и 19-я. Организационные принципы нашей партии. Значение организационного единства партии для интересов пролетариата. Партийный устав. Что такое съезды, конференции, ЦК, ЦО, местный комитет, периферия? Принципы партийной организации: централизм и демократизм. Партийная дисциплина. Степень автономии различных партийных организаций. Почему в настоящее время в партии невозможно широкое применение выборного начала? Подробный анализ партийного устава по пунктам.

Намечены были некоторые указания относительно литературы для рабочих, при чем приняты вместе с тем резолюции об ее пополнении. К лекции 1-й материал можно найти в революционных газетах, легальных и т. п. В целях систематизации материала поручено написать брошюру на тему этой лекции. К лекции 2-й—литература для рабочих. Беллетристика: «Ткачи» Гауптмана, «Жерминаль» Золя, «Дурные пастыри» Мирбо; исторические произведения: 1) «Русский рабочий в революционном движении» Плеханова, 2) «Десятилетие Морозовской стачки», 3) «Чартистское движение» Кричевского, 4) «Английское рабочее движение», изд. союза соц.-дем., 5) «Как боролись бельгийские рабочие за свободу», 6) Кампфмейера «Очерки из истории немецкой культуры» (легальн.). Далее «Наемный труд и капитал» Маркса (лег.), его же «Труд, прибыль и заработная плата», «Самодержавие и стачки», «Красное Знамя». Признано желательным составление брошюры на эту тему. К лекции 3-й литература: «Семья, собственность, государство» Энгельса (легальн.), «Национальность нашего времени» Каутского (легальн.), «Социализм и политическая борьба» Плеханова. Поручено написать брошюру на эту тему. К лекции 4-й: «Очерки истории международного общества рабочих» В. Засулич, «Чартистское движение» Кричевского, «Как боролись бельгийские рабочие». Материал также можно найти в буржуазных легальных книжках: «Социализм и социалистич. движение» Зомбарта, «Рабочий вопрос на Западе» Геркнера и пр. Желательна сводная брошюра на эту тему. К лекции 5-й: «История революционного движения в России» Туна, «Подпольная Россия», «Русский рабочий в революц. движ.», «Речь Петра Алексеева», «Красное Знамя», «Десятилетие Морозовской стачки» и др. К лекции 6-й, кроме перечисленных в предыдущем §: «Исторический очерк рабочего движения в Петербурге», «Екатеринославское рабочее движение», «Стачки в Иваново-Вознесенске» и др. с подобными заглавиями. Манифест I съезда Р. С.-Д. Р. П., «Рабочая Газета Р. С.-Д. Р. П.», «Рабочая Мысль», «Рабочее Дело», «Искра» 20 первых номеров, «Что делать?» Ленина. К лекции 7-й: «Искра» дальнейшие №№ до 50-го, «Правда о ростовских событиях» Амвросия, «Из тифлисского рабочего движения» Рабочего и т. д. К лекции 8-й: «Что делать?», Протоколы II съезда, «Заря» статьи Плеханова, «Социальная революция» Каутского. Брошюру на темы лекций 5—8 поручено написать. К лекции 9-й: Дан—«Учредительное собрание», «Голос Труда» №№ 5—6, «О формах народного представительства», изд. «Молота», Рабочее дело в России», «О сущности конституции» Лассаля (легальн.). Поручено развить в брошюрке тему этой лекции в связи с лекцией 3-ей. К лекции 10-й: «Рабочее дело в России». Поручено написать брошюру. К лекции 11-й: «Милитаризм и рабочий класс», материал можно найти у А. Менгера «Новое учение о государстве», Мускатблит «Народное представительство», за исключением главы о соц.-демокр. К лекции 12-й: «О податях и налогах», «О штрафах», «Рабочий день», «Рабочее дело в России», «О косвенных налогах» Лассаля. Желательна брошюра о финансовой программе. К лекциям 13 и 14: «К деревенской бедноте», «Заря» ст. Ленина и ст. Плеханова. Желательна брошюра. Поручено ознакомиться с саратовской брошюрой и в случае пригодности издать. К лекции 15: статьи «Искры» и «Зари» о либералах и соц.-революционерах, Протоколы II съезда, «Либеральные программы» Рядового, «План земской кампании» Ленина. Поручено переработать брошюру «Либералы и соц.-дем.» применительно к резолюциям III съезда. Желательна брошюра на эту тему этой лекции. К лекциям 16 и 17: «Резолюция и протоколы III съезда», статьи «Вперед» и «Пролетария» о восстании и временном правительстве. Брошюра Ленина «О временном правительстве». К лекциям 18 и 19: Протоколы III съезда, «Летучие листки ЦК» №№ 1 и 2.

Предложена в более развитом и конспективном виде схема пропаганды для кружков низшего типа; схема собранием одобрена.

Проект программы для кружков низшего типа («Летучки высшего типа» Моск. К-та): Лекция 1-я. Современное положение России, экономическое и политическое. Рабочий и капиталист. Эксплоатация рабочего ка-

питалистом. Особые условия, усиливающие у нас эту эксплоатацию. Крестьянин и помещик. Отрезки, кабальная аренда: отработки, половничество. Особые условия продажи рабочей силы в деревне. Кулак и первоначальное накопление. Пролетаризация крестьянства. Самодержавное правительство. Бесправие крестьянина и рабочего, паспортная система, налоговая система. Милитаризм и хищение. Пауперизация крестьянства. Вмешательство правительства в борьбу рабочего с капиталистом и крестьянина с помещиком. Разорение русского народа. Лекция 2-я. Экономическая программа-минимум. Классы. Классовая борьба. Борьба с капиталистами. Стихийное рабочее движение и организованные стачки. Борьба за фабричные законы. Наша экономическая программа - минимум. Необходимость ее. Уступки фабрикантов и правительства. Незначительность их и уничтожение их фактическим неисполнением и циркулярами. Невозможность добиться исполнения требований рабочего класса одной экономической борьбой. Лекция 3-я. Политическая программа-минимум. Классовый характер государства вообще. Феодализм и капитализм в России. Всякая классовая борьба—борьба политическая. Неизбежность борьбы с самодержавием. Наша политическая программа - минимум. Демократическая республика. Личная и гражданская свобода. Необходимость всего этого для рабочего класса. Прогрессивно-подоходный налог. Постоянная армия и народное вооружение. Лекция 4-я. Программа-максимум. Необходимость борьбы с капитализмом. Развитие капиталистического строя и его противоречий. Неизбежность его крушения. Что такое социализм? Классовая борьба пролетариата—борьба против всякого господства. Социал - демократия—авангард пролетариата в этой борьбе. Лекция 5-я. Социал-демократия и другие партии. Классовый их характер. Непримиримость интересов пролетариата и других классов. Либералы (освобожденцы), профессиональные союзы, их стремления. Заигрывание с рабочими. Революционная роль буржуазии и боязнь революции у буржуа. Оппозиция и революция. Социалисты-революционеры и их мелкобуржуазность. Постановления II и III съездов о либералах и соц.-революционерах. Соглашение с ними и борьба против них. Лекция 6-я. Пролетариат и народное восстание. Необходимость демократической республики для пролетариата. Борьба за нее. Необходимость народного восстания. Его организация Р. С.-Д. Раб. Партией. Временное правительство и воздействие на него вооруженного народа. Учредительное собрание и его задачи. Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Законодательное собрание. Однопалатность народного представительства. Лекция 7-я. Партийная организация. Необходимость организации пролетариата в Р. С.-Д. Р. Партии. Централизм и его необходимость. Члены партии, их права и обязанности. Устав партии. Партийная дисциплина. Затем приняты резолюции относительно разъездных пропагандистов при ЦК. При ЦК образуется группа агентов - пропагандистов с ответственным пропагандистом ЦК во главе, ставящая себе целью содействие правильной постановке дела пропаганды на местах и правильное распределение пропагандистских сил между комитетами. В видах выполнения этой задачи группа берет на себя привлечение лиц, пригодных для дела пропаганды, подготовку их, контроль за постановкой пропаганды на местах путем объезда местных организаций, обмен мнений с местными работниками и чтение рефератов по сложным вопросам тактики и организации. Ответственный пропагандист есть член группы пропагандистов-литераторов. Затем при-

Страничка из истории.

С тех пор, как русская революция вышла на улицу и разразилась рядом грандиозных демонстраций, массовой террористической борьбой и частичными попытками вооруженного восстания, мы неоднократно указывали, что единственный путь для пролетариата добиться радикальных политических преобразований—это путь революционной борьбы до конца, низвержения самодержавия, [учреждения временного революционного правительства]. Мы неоднократно указывали, что путь соглашения с самодержавием, который предпочитает крупная буржуазия, — антидемократичен, что он знаменует собой отказ от революции, ликвидацию революции, удовлетворение интересов незначительной кучки капиталистов за счет интересов всего остального народонаселения. И не только интересам [народа] вообще изменяет буржуазия, входя в соглашение с самодержавием; она изменяет в равной мере и интересам широких кругов буржуазии, главным образом, мелкой буржуазии, т.-е. интересам своего же класса. Группа выделяется из класса и предает его существенные интересы ради своих частных интересов, ради привилегий. Мы имели также случай указывать, как в известные исторические моменты, при определенном сочетании общественных сил, крупно-капиталистические группы буржуазии оказываются не в состоянии отрешиться от своих узко-групповых интересов и подняться до классовой точки зрения. Именно этот групповой эгоизм, эта неспособность взять на себя крупную историческую задачу толкает известные круги буржуазии в объятия монархии, заставляет их менять борьбу на соглашение, отрекаться от своих младших братьев и таким путем брать, в конце - концов, то, что им соблаговолит уступить самодержавие. Исход соглашения между двумя общественными элементами зависит от реальной силы этих элементов. Вступая в соглашение с самодержавием, крупная буржуазия тем самым отделяется от своего класса. Интересы буржуазии, как класса, несовместимы с существованием монархии, как самостоятельной силы; поэтому между классом буржуазии и монархией не может быть соглашения, между ними может быть только борьба. Но, раз отделившись от своего класса, крупная буржуазия утрачивает самую реальную силу, на которую она могла бы опираться. Ее успехи могут зависеть [лишь] от того, насколько она нужна монархии, как союзница против демократии, насколько само существование монархии побуждает ее к уступкам буржуазии. Таким образом, вступая на путь соглашения с самодержавием, буржуазия становится на тот скользкий путь торга, на котором очень легко и совсем проторговаться.

Как известно, страны более передовые являют странам отсталым картину их будущего. Россия—самая от-

няты резолюции о ближайших темах для солдатской и крестьянской литературы. Для специально солдатской литературы намечены две ближайшие темы: 1) Война и народное правление, 2) Армия постоянная и народное вооружение. В этих брошюрах по возможности должен быть рассмотрен вопрос о присяге. События в Либаве, Кронштадте и на Черном море должны составить сюжет особой брошюры, которую желательно издать возможно скорее. Крестьянское движение в Гурии должно составить предмет особой брошюры. Предложенные проекты пропагандистских программ постановлено опубликовать в издании ЦК в качестве материала для обсуждения в партии.

Вопросы, относящиеся к пропаганде на местах: 1) Есть ли ответственный пропагандист в комитете или иной местной организации? 2) Ведется ли пропаганда по определенной программе (желательно получить экземпляр такой программы)? 3) Организована ли пропаганда в особую группу; численность ее, есть ли в этой группе пропагандисты-рабочие и сколько именно? 4) Как понимает ответственный пропагандист свою задачу по отношению к руководимой им группе? Устраиваются ли регулярно собрания всех пропагандистов с участием отв. пропагандиста? Как и кем разрешаются наиболее сложные вопросы партийной программы, тактики и организации? 5) Сколько типов проп. кружки устраиваются (одного или нескольких)? 6) Как и из кого набираются члены кружков тех и других типов? 7) Число кружков каждого типа. 8) Общее число членов кружков каждого типа. 9) Средняя продолжительность существования кружков различного типа. 10) Принимаются ли меры и какие именно для привлечения и подготовки новых сил к делу пропаганды? Кто этим занимается? 11) Откуда черпаются эти силы?

Теория самопроизвольного зарождения.

«Искра» показала, что учредительное собрание может образоваться путем самопроизвольного зарождения, без содействия какого бы то ни было правительства, сталобыть, и временного. Отныне этот ужасный вопрос может считаться исчерпанным, и все приуроченные к нему споры должны прекратиться».

Так пишет Бунд в № 247 «Последних Известий», помеченных 1 сен.—19 авг. Если это не ирония, то лучшего «развития» искровских взглядов нельзя себе и представить. Во всяком случае, теория «самопроизвольного зарождения» установлена, «ужасный вопрос» исчерпан, споры «должны прекратиться». Какая благодать! Мы будем теперь жить без споров об этом ужасном вопросе, лелея эту новую, только-что открытую, простую и ясную, как слеза ребенка, теорию «самопроизвольного зарождения». Правда, эта теория самопроизвольного зарождения не самопроизвольно зародилась, а явилась на глазах у всех плодом сожительства Бунда с новой «Искрой», но, ведь, важно не происхождение теории, а ценность ее!

Как недогадливы были эти несчастные российские социал-демократы, обсуждавшие «ужасный вопрос» и на III съезде Р. С.-Д. Р. П., и на конференции новоискровцев: одни все толковали о временном правительстве для зарождения, несамопроизвольного зарождения, учредительного собрания; другие допускали (резолюция конференции), что «решительная победа революции над царизмом» «может быть ознаменована» и «решением какого-либо представительного учреждения созвать под

сталая среди крупных европейских стран, и с того момента, как она вступила на путь капиталистического развития, она начала проделывать все то же, что раньше ее проделали опередившие ее соседи. Поэтому нам очень поучительно знакомиться с историей Западной Европы, ибо эта история является для нас своего рода «книгой пророков», где намечены возможности политического развития России. Нужно уметь только вычитать эти возможности, чтобы вынести поучительные уроки из богатейшего опыта европейских народов. И одним из этих уроков является в высшей мере нравоучительная, как бы нарочно придуманная для назидания россиян судьба теории соглашения. Именно прусская буржуазия в 1848 г. проделала совершенно такой же опыт «соглашения» с самодержавием, какой собираются проделать теперь в России государственные мужи нашей буржуазии. И прусский опыт наглядно показал, какой реальный смысл имеет соглашение с монархией, силы которой ослаблены внутренним или внешним потрясением, но далеко еще не сломаны. Перед лицом предстоящего соглашения [либеральных] земцев с правительством своевременно и уместно напомнить в общих чертах плачевный исход прусской революции.

18-го марта 1848 г. вспыхнуло в Берлине восстание. После упорной баррикадной борьбы войска вынуждены были на другой день оставить Берлин. Город вместе с королем оказался во власти буржуазии. Ее поддерживало 400-тысячное население, в ее руках оказались склады оружия. Повсюду в стране началось крестьянское движение. Обстановка для коренного переворота была в высшей степени благоприятная. Перед буржуазией было два пути: вооружить поголовно все население, и прежде всего, следовательно, многочисленный фабричный и ремесленный пролетариат, арестовать короля, перекинуть революцию на всю страну. Или же удовлетвориться победой дня, закончить на этом революцию, войти в соглашение с самодержавием. В другой момент, быть-может, прусская буржуазия сумела бы подняться до высоты стоявших перед ней задач и довела бы так удачно начатую революцию до конца. Но перед ней рисовались картины февральской революции в Париже, этой в значительной мере пролетарской революции, перед ней рисовались картины недавнего бунта силезских ткачей, она со скрытым опасением смотрела, как на главных улицах Берлина толпились рабочие—вчерашние победители на баррикадах. И страх перед подрастающим врагом пересилил ненависть к врагу дряхлеющему. Буржуазия в страхе отшатнулась от решительной и последовательной революции и пошла на соглашение с монархией. На другой же день после победы началось предательство буржуазии. Она прежде всего поспешила обеспечить себя и свою «священную собственность»... не от самодержавия, нет, от пролетариата. Оружием из цейхгауза

непосредственным революционным давлением народа учредительное собрание», и никто, даже вся редакция новой «Искры», вместе с Плехановым присутствовавшая на конференции, не додумался до того, что теперь «Искра показала», а Бунд резюмировал, закрепил, окрестил великолепным словечком. Как все гениальные открытия, теория самопроизвольного зарождения учредительного собрания сразу внесла свет в хаос. Теперь все стало ясно. Не к чему думать о временном революционном правительстве (вспомните знаменательное изречение «Искры»: да не оскверняет ваши уста сочетание слов «да здравствует» и «правительство!»), не к чему брать с членов Гос. Думы «революционное обязательство» «превратить Г. Д. в революционное собрание» (Череванин в № 108 «Искры»). Учредительное собрание может зародиться самопроизвольно!! Это будет непорочное рождение его самим народом, не оскверняющим себя никаким «посредством» правительства, хотя бы и временного, хотя бы и революционного. Это будет рождение «без истления», чистым путем всеобщих выборов, без всякой «якобинской» борьбы за власть, без всякого загрязнения святого дела предательством буржуазных представительных собраний, даже без всяких грубых акушерок, которые до сих пор в этом оскверненном, греховном, нечистом мире являлись аккуратно на сцену всякий раз, когда старое общество бывало беременно новым.

Да здравствует самопроизвольное зарождение! Да оценят теперь все революционные народы всея России его «возможность», а следовательно, и его необходимость для них, как самого рационального, легкого, простого пути к свободе! Да будет воздвигнут скорее памятник в честь Бунда и новой «Искры», самопроизвольных родителей теории самопроизвольного зарождения!

Однако, как ни ослепляет нас яркий свет нового научного открытия, мы все же должны коснуться слегка и некоторых низменных особенностей этого возвышенного творения. Если луну делают в Гамбурге прескверно, то и новые теории фабрикуют в редакции «Последних Известий» не очень тщательно. Рецепт простой, издавна излюбленный людьми, которые никогда не грешили ни единой самостоятельной мыслишкой: взять противоположные взгляды, смешать вместе и разделить пополам! У «Пролетария» возьмем критику народных выборов при самодержавии, у «Искры»—осуждение «ужасного вопроса»; у «Пролетария»—активный бойкот, у «Искры»—негодность восстания, как лозунга... «как пчелочка с каждого цветочка берет взяточку». И добрые бундовцы самодовольно охорашиваются, радуясь прекращению споров об ужасном вопросе и любуясь собой: как они превзошли узость и односторонность взглядов обеих спорящих сторон!

Некругло выходит у вас, товарищи из Бунда. Других «путей самопроизвольного зарождения», кроме новоискровского, вы не показали. А насчет новоискровского вы сами должны были признать, что «в обстановке самодержавия и против воли правительства, имеющего в своих руках всю государственную машину», выборы народных представителей могут быть только потешными выборами. Не покидайте же нас на полдороге, о, творцы новой теории: скажите, каким «путем», кроме новоискровского, «мыслите» вы себе «самопроизвольное зарождение?»

«Пролетарий» писал против «Искры», что при самодержавии выборы смогут провести лишь освобожденцы, которые охотно выдадут их за народные. Бунд отве-

---

снабдила она только лиц, «имеющих самостоятельные источники дохода», т.-е. только буржуа. И эта гражданская гвардия, прежде всего обрушилась на «бунтовщиков»-пролетариев. Но и этой охраны казалось недостаточно, и вот 30-го марта по просьбе буржуазии король вытребовал обратно в Берлин полк кавалерии и два батальона пехоты. Так начала буржуазия разменивать свою победу на соглашение с «обожаемым монархом»!

В то время, как буржуазия употребляла все усилия, чтобы подавить революционное настроение рабочих, и не могла налюбоваться на свое первое буржуазное министерство Кампгаузена и Ганземана [(немецкие Петрункевичи и Родичевы)], редакция собирала свои силы и готовила контр-революцию. Реакционная клика понимала, что, раз буржуазия встала на путь соглашения, она вынуждена будет сама заботиться об уничтожении всех и всяких революционных проявлений, а тем самым отрежет себя от народа, ждавшего радикальных преобразований, и вынуждена будет, в конце-концов, принять то, что ей даст монархия.

22-го мая открылось «национальное собрание», которое должно было выработать конституцию. Правительство назвало его «собранием, выбранным для соглашения с короной относительно конституции». Это собрание было почти сплошь буржуазное *): в него попало только 16 представителей дворянского сословия; оно являлось представителем и выразителем интересов буржуазии, той самой буржуазии, которая [завладела властью после] революции 18-го марта. Ему оставалось только властно выразить волю своего класса, объявив себя учредительным собранием и взяв на себя задачи закрепить завоевания революции в интересах своего класса. Но перед этим собранием представителей «народа» носилась идиллическая картина соглашения, и они отказались превратиться в суверенное учредительное собрание, предпочтя остаться, по выражению Маркса, собранием «соглашателей». И как бы в доказательство своего разрыва с событиями мартовских дней, собрание отвергло большинством 19-ти голосов предложение офи-

---

*) Здесь кстати указать на тот классовый инстинкт, который проявила масса (т.-е., главным образом, мелкая буржуазия: пролетариат был еще очень не многочисленен) во время выборов. Приступив впервые ко всеобщим выборам, население Пруссии выбрало 31 купца, 28 самостоятельных ремесленников, 68 крестьян, 41 лицо свободных профессий, 146 чиновников, 28 городских служащих, 52 духовных, 4 офицеров, 1 коммивояжера, 1 ремесленного подмастерья, 1 рабочего и 16 дворян. При этом следует заметить, что чиновники, среди которых преобладали юристы (98 чел.), по большей части являлись представителями интересов буржуазии.

чает: «Этот довод не выдерживает никакой критики, так как не подлежит никакому сомнению, что самодержавие никому—в том числе и освобожденцам—не позволит производить выборы вне рамок, установленных законом». Мы почтительно заметим: выборы земцами, городскими и гласными членами «союзов» произведены и производятся. Это—факт. Доказательство налицо: их многочисленные бюро.

Бунд пишет: «Поднять агитацию против Думы во имя вооруженного восстания вообще (!) нельзя, так как восстание, будучи только средством совершения политического переворота, не может в данном случае (а не «вообще»?) служить агитационным лозунгом. Ответить на Думу можно и должно расширением и углублением политической агитации за учредительное собрание на основе всеобщей и т. д. подачи голоса». Мы ответим: во-первых, если бы бундовцы подумали немного или даже просто справились с нашей партийной программой, то они увидели бы, что и учред. собрание тоже есть лишь «средство». Неразумно объявлять одно «средство» пригодным для лозунга, а другое «вообще» непригодным. Во-вторых, мы уже давно и много раз обстоятельно разъясняли, что один лозунг учред. собрания никуда не годится, ибо он стал освобожденским лозунгом,—лозунгом буржуазных «соглашателей» (см. «Прол.» №№ 3 и 4). Со стороны либерально-монархической буржуазии вполне естественно, что она оставляет в тени вопрос о способе созыва учр. собрания. Со стороны представителей революционного пролетариата это совершенно непозволительно. Первым вполне пристала теория самопроизвольного зарождения. Вторых она может только осрамить перед сознательными рабочими.

Последний довод Бунда: «Вооруженное восстание необходимо, к нему надо готовиться, готовиться и готовиться. Но пока-что мы не в силах его вызвать, поэтому (!!) и не для чего связывать его с Думой». Мы ответим: 1) Признавать необходимость восстания и подготовки к нему, а в то же время презрительно морщить нос по поводу вопроса о «дружинах» («взятого из впередовского арсенала», как пишет Бунд)—значит побивать самого себя, значит доказывать непродуманность своих писаний. 2) Временное революционное правительство есть орган восстания. Это положение, прямо выраженное в резолюции III съезда, в сущности своей принято и новоискровской конференцией, хотя выражено, нам думается, менее удачно (врем. рев. правительство, «выходящее из победоносного народного восстания»; и логика, и исторический опыт показывают, что временные революционные правительства возможны, как органы восстания, вовсе не победоносного или не вполне победоносного; кроме того, временное революционное правительство не только «выходит» из восстания, но и ведет восстание). Бундовцы не пробуют оспорить этого положения, да и нельзя его оспорить. Признавать необходимость восстания и подготовки к нему и требовать в то же время прекращения споров об «ужасном вопросе», о временном правительстве—значит писать, не думая. 3) Фраза об образовании учред. собрания «без содействия какого бы то ни было правительства, стало-быть, и временного, есть анархическая фраза. Она стоит целиком на уровне знаменитой искровской фразы об «осквернении» уст сочетанием слов «да здравствует» и «правительство». Она показывает непонимание значения революционной власти, как одного из величайших и высших «средств» совершения политического переворота. Дешовенький «либерализм», каким щеголяет здесь вслед за «Искрой» Бунд (вовсе,

---

циально признать заслуги борцов 18—19-го марта перед отечеством.

Так, уже в первые дни после мартовского восстания буржуазия оттолкнула от себя самого деятельного своего союзника—пролетариат. Но страх за «священный институт частной собственности», который вооружил буржуазию против рабочих, не исключал еще возможности борьбы. Буржуазия могла привлечь на помощь многочисленный класс населения, изнывавший под тягостью феодальных поборов и повинностей, жаждавший вырваться из мрака средневековья и обосновать свое благополучие на буржуазном принципе частной собственности: классом этим было крестьянство. Уже вскоре после мартовских дней начало оно волноваться, нападая на замки феодалов и уничтожая документы, касающиеся феодальных повинностей крестьян. Все лето продолжалось крестьянское движение. Крестьяне послали в «палату соглашения» 60 своих представителей, они заваливали эту палату рядом адресов и петиций, и, если бы она имела мужество призвать крестьянство к борьбе, она имела бы в своем распоряжении грозную армию, способную смести все пережитки средневековья вместе с королем и «благородным» рыцарским сословием. Но палата мечтала не о революции, а о соглашении с монархом, этим ярым защитником феодализма. И когда был поставлен на очередь вопрос об уничтожении крепостных повинностей крестьян, собрание не решилось посягнуть на «частную собственность» и «права» дворянства и предоставило крестьянам лишь право выкупа повинностей. Чтобы избавиться от многовекового грабежа, крестьянам предоставлялось «право» откупаться от грабителей. Естественно, что крестьянство отвернулось от этого собрания торгашей, продававших интересы своего класса за милости монархии. Так мало-по-малу палата соглашения оттолкнула от себя все революционные элементы. Надежда страны превратилась в ее позор.

Между тем, реакция не теряла времени. Понемногу сплачивала она свои силы, рассеянные мартовскими событиями, и готовила контр-революцию. Сама буржуазия в своем лакейском восторге перед принципом соглашения помогала ей в этом. Мы уже видели, как вскоре после 18-го марта по просьбе берлинских буржуа была возвращена в город часть войск. Вскоре после открытия собрания усилиями той же буржуазии был возвращен из Англии, куда он вынужден был уехать после 18-го марта, ненавистный всему народу принц прусский, наследник престола, будущий император Вильгельм I. С его возвращением реакция приобрела вождя способного сплотить ее силы для контр-революционного удара. И действительно, правительство понемногу готовило государственный переворот. Незаметно стянуло оно в окрестности Берлина армию в 40—50 тысяч человек и, пользуясь постоянным присутствием около здания, где заседала палата, волную-

дескать, без правительства, хотя бы временного!), есть именно анархический либерализм. Образование учр. собрания без содействия восстания есть мысль, достойная лишь буржуазных пошляков, как это видят и товарищи бундовцы. А восстание без содействия временного революционного правительства не может стать ни общенародным, ни победоносным. Паки и паки мы должны с сожалением констатировать, что бундовцы совершенно не сводят концов с концами. 4) Если надо готовиться к восстанию, то в подготовку эту необходимо входит распространение и разъяснение лозунгов: вооруженное народное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Надо нам и самим изучать новые приемы борьбы, их условия, их формы, их опасности, их практическое осуществление и т. д. и массу просвещать относительно них. 5) Положение: «Мы пока-что не в силах вызвать восстание»—неправильно. История с «Потемкиным» показала скорее то, что мы не в силах удержать от преждевременных вспышек подготовляемого восстания. Матросы «Потемкина» были менее подготовлены, чем матросы иных судов, и восстание вышло менее полным, чем могло бы быть. Какой вывод из этого? Тот, что в задачу подготовки восстания входит задача удерживать от преждевременных вспышек подготовляемое или почти подготовленное восстание. Тот, что стихийно растущее восстание обгоняет нашу сознательную и планомерную работу его подготовки. И теперь мы не в силах удержать вспышки восстания, происходящие раздробленно, разъединенно, стихийно то здесь, то там. Тем более обязаны мы спешить с распространением и разъяснением всех политических задач и политических условий успешного восстания. Тем более неумны, след., предложения прекратить споры об «ужасном вопросе» насчет временного правительства. 6) Правильна ли та мысль, что «не для чего связывать восстание с Думой»? Нет, она неправильна. Определять заранее момент восстания нелепо, особенно нам здесь, из-за границы. О «связывании» в этом смысле нет и речи, как указывал много раз «Пролетарий». Но агитацию за восстание, проповедь его необходимо «связывать» со всеми важными и волнующими народ политическими событиями. Весь спор у нас идет теперь именно из-за того, какой агитационный лозунг должен стоять в центре всей нашей агитационной «думской» кампании. Есть ли Дума такое событие? Несомненно, да. Будут ли рабочие и крестьяне спрашивать нас: как лучше бы всего ответить на Думу? Непременно будут и уже спрашивают. Как ответить на эти вопросы? Не ссылкой на самопроизвольное зарождение (это годится только для смеха), а разъяснением условий, форм, предпосылок, задач органов восстания. Чем большего добьемся мы таким разъяснением, тем больше вероятности будет за то, что неизбежные вспышки восстания смогут развиться легче и скорее в успешное, победоносное восстание.

Два Либерала.

(Баллада).

По Невскому с видом уныло-больным
Шли медленно два либерала,
Убитые мыслью, что в бороду им
Правительство вновь наплевало.

щейся толпы (в значительной мере—дело рук провокации), начало указывать устами министерства, что собрание терроризируется берлинским населением, что достоинство собрания подвергается [опасности] и т. п. К сентябрю—октябрю реакция была уже во всеоружии и только [ждала] удобного случая. События не заставили ее ждать. 1-го ноября было получено в Берлине известие о взятии восставшей Вены войсками Виндишгрэца. Реакция восторжествовала в Австрии, ей оставалось только восторжествовать в Пруссии, а эгоизм и близорукость буржуазии подготовили это торжество. Немедленно было назначено новое министерство гр. Бранденбурга, дяди короля и ярого реакционера-солдафона. 9-го ноября новый министр прочел собранию послание короля, в силу которого заседания палаты переносились из Берлина в маленький городок Бранденбург, а пока отсрочивались до 27-го ноября.

Теперь, наконец, буржуазия поняла, к чему привело ее пристрастие к соглашению. У нее была еще последняя возможность прибегнуть к революционному пути, призвать население к активному сопротивлению. Берлинские рабочие призывали собрание к этому решительному шагу, обещая защищать его до последней капли крови. Еще существовала вооруженная гражданская гвардия, еще берлинское население готово было поддержать палату в ее борьбе, и если бы не удалось победить, можно было, по крайней мере, спасти честь собрания и вынудить у правительства более существенные уступки. Но принцип соглашения настолько развратил этих «правителей народа», настолько пропитал их чувством лакейской лойяльности, что они отвергли все революционные предложения и решили оказывать «пассивное сопротивление». Правительство поняло, что оно может сделать еще один шаг. 11-го ноября постановлением министерства была распущена гражданская гвардия, эта последняя опора собрания. И здесь берлинские рабочие призывали эту буржуазную милицию к сопротивлению, обещая ей свою поддержку. Но лойяльные герои отказались от поддержки пролетариата и аккуратно сдали правительству свое оружие. Чтобы окончательно добить противника, правительство ввело осадное положение, приостановив действие законов о печати, союзах, собраниях. Еще несколько дней собирались злосчастные депутаты, гоняемые из помещения в помещение полицией и истощая свои силы бесконечным пустословием. И когда, наконец, правительству надоела эта комедия, и оно послало солдат, чтобы разогнать штыками остатки карикатурного собрания, тогда в последнюю минуту это собрание вотировало отказ от платежа податей. Мера, которая могла возыметь революционное действие несколько месяцев назад, оказалась теперь лишь жалкой пародией английской и американской революций.

Когда остатки палаты собрались 27-го ноября в Бран-

«Мой друг, Петрункевич!—сказал Трубецкой,—
Нас царь околпачил прескверно,
И земцы, и думцы смущенной толпой
Нас встретят укором наверно.

«Предчувствую я: социал-демократ
Начнет зубоскалить над нами,
И Струве, наш верный и мудрый собрат,
В Париже зальется слезами.

«Довольно приличен был царь на словах,
За завтрак я сел с аппетитом
И с радостью в княжеском сердце... но, ах!
Надежды жестоко разбиты!

«В бумажке печатной царь все переврал,
Лишил свои речи значенья...
О, плачь, Петрункевич, о, плачь, либерал!
Исчез этот миг упоенья».

В ответ Петрункевич, качнув головой,
Сказал: «Не в слезах наша сила!
Ты видишь—рабочий поднялся на бой,
И буря в деревне завыла.

«Пусть веет дыханье народной грозы
На парус ладьи либеральной,—
Тогда-то, юля на манер егозы,
Проникнем мы в порт феодальный.

«Хоть страшен и земцам анархии взрыв,
Но трону страшнее он вдвое,
И только союз меж собой заключив,
Мы властвовать можем в покое.

«Верховная власть это скоро поймет
И сделает шаг нам навстречу;
И я, либерал, но в душе патриот,
На скидочку скидкой отвечу.

«Тогда мы стихию смирим, Трубецкой,
Наступят иные порядки!
Недаром лакей из дворцовой людской
Поднес мне вот эти перчатки;

«Ежовых прошли времена рукавиц,
И в этой перчатке лакейской
Уймем мы теперь необузданных лиц
Манерой уже европейской.

«Да, царь призовет нас, я верю, к себе:
Нас ждут министерские кресла!
Тогда препояшут и мне, и тебе
Мечом либеральные чресла!

«Порядок строжайший мы будем хранить
Совместно с второю палатой:
Прогресс должен медленным, медленным быть,—
Так мыслит помещик богатый.

«Мать прочности—медленность!—вот что гласит
Смысл всех вековых конституций,
И то же в твореньях своих говорит
Китайский философ Конфуций.

«Не бойся же, княже! Не пал либерал,
От царственной лжи безобразной,—
Я даже и в «Искре» на-днях прочитал:
«Власть будет всегда буржуазной!»

денбурге, они провели несколько дней в беспорядочных и пустых прениях, пока, наконец, правительство не распустило окончательно палаты. Вместе с роспуском собрания король пожаловал стране конституцию, заключавшую в себе свободу прессы и собраний, свободу религии, ответственность министерства, всеобщее избирательное право и ряд других требований; но наряду со всеми этими демократическими требованиями в конституцию была введена двухпалатная система. Получилось что-то в роде «основного государственного закона» наших земцев, только с ответственным министерством,—все-таки несколько либеральнее. Но прочным оказывается только то, что завоевано силой, и что сила же умеет отстоять. Пожалованная «милостью монарха» конституция оказалась весьма непрочной. В мае 1849 г. она была уже заменена действующей и поныне конституцией, основанной на трехклассной выборной системе,— на «самом жалком из всех избирательных законов», по выражению Бисмарка. Так кончилась печальной памяти история соглашения прусской буржуазии с монархией.

Не правда ли, поучительный урок? Как-будто нарочно заставила история пережить Пруссию эту трагикомедию, чтобы дать наглядный образец российской буржуазии, чего не делать. Редко какой-нибудь общественный класс имел перед собой такой поучительный пример, редко имел он такую возможность избежать политической ошибки, не повторять промахов своих собратий, «делать историю» по кратчайшему пути, а не по пути наименьшего сопротивления. Но для этого русской буржуазии [вообще], русской крупнокапиталистической буржуазии [в особенности] необходимо отрешиться от своих групповых интересов, подняться до интересов всего класса, отрешиться от теории соглашения, подняться до [теории самодержавия народа]. Сумеет ли это сделать наша буржуазия? Мы имеем слишком много оснований сомневаться в [этом]. Разве... разве только ее принудит к этому сам класс буржуазии, масса мелкобуржуазных элементов, поднявшихся делать радикальную революцию во имя своих радикальных потребностей.

[Только в том случае решительная победа русской революции может быть вполне обеспечена, если судьбы ее возьмет в свои руки пролетариат, поднимая и присоединяя к себе крестьянскую массу. Это—трудная, но великая задача, и за выполнение ее рабочие будут бороться с удесятеренной энергией, бороться до последней капли крови].

(В. Воровский).

Июльские дни в Риге.

На заводе «Феникс». Утром 12 июля появилось во всех мастерских вагоностроительного завода «Феникс» (2.500 раб.) объявление от директора, в котором обещалась награда в 1.000 рублей тому, кто укажет лиц, застреливших за несколько дней до этого в глухом переулке конторского служащего Кактина. Как один человек, поднялся весь завод, требуя немедленного снятия объявления, и после отказа немедленно забастовал. Объявление было снято, но было уже поздно: слишком глубоко было нанесенное оскорбление. 13 июля были выбраны делегаты от всех мастерских (52 чел.), созвано на дворе завода общее собрание, на котором при участии оратора из латышской партии были выработаны новые требования (прибавка жалованья, беспл. медиц. помощь, свобода собр., бесплат. обучение, прием и увольнение рабочих зависит от самих рабочих, освобождение арестованных, плата за стачечные дни и пр.). 14-го июля на заводском дворе с утра начался митинг, на котором тот же оратор прямо перешел к политическим речам. Оратору, посланному местным комитетом партии, удалось только 15-го июля проникнуть на завод, где он встретил самый радушный прием со стороны рабочих. В 6½ час. утра начался митинг. Громадный луг был почти весь покрыт 2.000-й толпой, которая с напряженным вниманием прислушивалась к речам ораторов. Чередовались речи на латышском и русском языках (большинство раб.—латыши, но знают русский язык). Кроме товарищей из нашей партии, говорил еще лат. оратор из латышской партии. Говорили о связи экономической борьбы с политической, о тред-юнионизме и соц.-дем., о программе нашей партии, о программе - maximum'е и minimum'е, о социализме, о несовместимости самодержавия с интересами рабочего класса, о войне и др. Во время речей между ораторами и публикой установилось такое тесное общение, что трудно было различить, кто является более активным—оратор или публика. Масса поражает своей сознательностью, своим вдумчивым отношением к делу. Не было и следа узкого экономизма, боязни «политики». Чувствовалось, что именно политические вопросы наиболее интересуют толпу. Часов в 10 директор сообщил, что желает переговорить с делегатами (накануне он отказался вступить в какие бы то ни было переговоры). Собрание решило послать делегатов, но лишь с условием, что будут присутствовать ораторы из латышской и российской партий. Директор отказался-было вести переговоры в присутствии «чужих» лиц, но по настоянию собрания примирился с их присутствием. На лугу продолжался митинг, а делегаты за это время старались втолковать директору справедливость всех выставленных требований. Много неприятных вещей пришлось выслушать от нас директору; для делегатов же наше состязание было незаменимым уроком политической мудрости. В 5 час. ораторы прервали переговоры, отложив их на следующий день, и вернулись на митинг, где мы отдали подробный отчет, пользуясь каждым удобным фактом для агитации. Бодрое и радостное, собрание разошлось. 16-го июля с 6 часов уже начался новый митинг. Говорили об избирательном праве, о демократической республике, о «трех конституциях». Последняя речь особенно понравилась публике, которая забрасывала оратора вопросами. Переговоры с директором закончились. Обещал через несколько дней дать ответ, а пока сообщил, что закрывает завод. В полдень пришел делегат с Русск.-Балтийского вагонного завода (3.000 раб.), забастовавшего накануне, с просьбою подвинуться туда, чтобы вместе устроить демонстрацию. Ни у меня, ни у товарища из латышской партии не было соответствующих полномочий, поэтому я предложил собранию выйти плотной массой из завода, подвинуться через Алекс. ул. мимо завода «Фельцер», «Этна» к Балт. зав., при чем поднять знамя лишь по соединении с рабочими других заводов; в случае появления казаков расходиться. Собрание согласилось с таким условным решением, и все вышли. Скоро к нам присоединились рабочие завода Пирвица (150 чел.), потом с завода «Этна» (около 500 чел.). Масса возросла до 3—4 тысяч, развернулись знамена, и с песнями пошли дальше через Перновскую на Звездовую. Там мне сообщили, что рабочие Балтийского завода, вышедшие навстречу, разогнаны казаками. Поэтому остановились около Ревельской. Несколько ораторов говорили еще краткие речи, и потом все разошлись без всяких столкновений с полицией. Всего демонстрировали в течение часа на расстоянии 1—1½ версты.

Дальнейшее распространение стачки. В то время, как развернулись события на Фениксе, стачка постепенно стала охватывать весь город. Забастовали грузчики на товарной станции, в гавани, пароходные служащие; стали: за Двиной—проволочный завод, машиностроительный Мантеля, «Мотор», Засенгофская мануфактура, Мауснер, Кассель, и др.; в городе: «Этна», «Эрбе», Данцигер, Пирвиц, Каплан, Балтийский вагоностр., Лейтнер, игольный, стальных перьев, 4.000 каменщиков, 2.000 маляров, трамвайное депо, кондуктора трамвая,—всего забастовало около 25.000 чел. Особенно повлияла на настроение города остановка трамвая 20 июля. Улицы как - будто вымерли. Повсюду стояли кучки взволнованных рабочих, чувствовалось, что надвигается генеральная забастовка. На заводах развевались красные и черные знамена, и буржуазия испуганно жалась по сторонам, не будучи в состоянии сразу понять все, что кругом совершается. Жутко ей стало от надвигающейся грозы, непонятен ей был этот внезапный взрыв пролетарской солидарности, эта стройная организованность движения. Если понятны еще были буржуазии отдельные стачки, то никак она не могла уяснить себе «стачки сочувствия», шарахнулась в сторону от политических митингов, от красных знамен и устами продажных газет («Düna Zeitung» и др.) кричала в исступлении: «Caveant consules!», «Побольше нам солдат, побольше крови!».

Митинг у завода «Феникс». В понедельник 14-го июля «Феникс» был закрыт, и рабочие устроили митинг на улице перед заводом. В течение всей недели происходили тут многотысячные митинги, на которых, главным образом, выступали ораторы из нашей и латышской партий. На куче камней стояли ораторы, кругом почти вся улица была запружена народом, который жадно прислушивался к смелым политическим речам. Собирались обыкновенно к 10 часам утра. Приходили ба-

стующие со всех концов города, приходила «чистая» публика, присоединялись во время обеденных перерывов рабочие некоторых работающих поблизости заводов, останавливались мужички, едущие в город, привязывали своих лошадей к фонарным столбам и принимали участие в митинге. Несколько раз казацкие наряды, стоя в почтительном отдалении, прислушивались к речам и т. д. Говорили почти исключительно на политические темы: о связи экономической борьбы с политической, о сущности политической социал-демократической борьбы здесь и на Западе, несовместимости самодержавия с интересами пролетариата, о старой и новой России, свободе совести, религии, о налогах, конституции, о трех конституциях, о внешней политике и международной социал-демократии и др. Жилось какой-то особенной жизнью на этих митингах. Казалось, что за проездом, у Александровских ворот (около «Феникса») не действуют больше царские законы, что каким-то чудом нам досталась кратковременная политическая свобода. Атмосфера была какая-то особенная, праздничная.

Конец стачки. Под влиянием кровавых стычек, агитации «черной сотни», а, главное, благодаря голоду, настроение массы начало падать. Фабриканты говорили: «Пусть проголодаются, потом придут к нам на прежних условиях». Так поступила администрация Балт. вагоностроительного завода, Джутман, зав. Пихлау, Бартушевича, «Этна», Мантель и др. Уступили: Сириус, товарная станция, в порту, лесопильня Михельсона, отчасти «Феникс», где недавно стали на работу. Интересна история на товарной станции. Там поденные получали по 70 коп., требовали 1 руб. Начальство ни на шаг не уступало, несмотря на то, что сотни вагонов с продуктами портились от жары. Купечество, наконец, само раскошелилось и через Биржевой Комитет дало требуемую прибавку. На «Фениксе» сошлись на компромиссе (после 3-нед. стачки): прибавка 10% поденным, плата за 10 стачечных дней, свобода собраний, улучшение мед. помощи; право каждой мастерской не принимать или увольнять нежелательных рабочих и др. Работа там началась 4-го августа. Балт. вагоностроительный завод еще стоит: там орудует полиция. Рабочие уже сильно проголодались. То же самое на Джутовой мануфактуре, Пихлау и др. Помощь страшно нужна, а взять неоткуда. Буржуазия наотрез отказывается помогать «стачечникам». Страшно теперь проходить по рабочим кварталам: тихо, как на кладбище, бледные, изможденные лица. Скоро, вероятно, стачка кончится, потянутся опять серые трудовые дни. Но люди уже иные. Широко разлилась сознательность по рабочим кварталам. Напряженно работает мысль, массы рвутся в «свою» партию, в победоносную борьбу.

10 августа на Балтийском заводе удалось созвать рабочих и устроить митинг, который продолжался свыше 3 часов. После того, как по предложению нашего и латышского ораторов принято было несколько решений, касающихся стачки, наш оратор, воспользовавшись удобным моментом, заговорил о Государственной Думе. В короткой, сжатой, но сильной речи оратор разоблачил весь смысл царского обмана, подверг строгой критике Госуд. Думу, обнаружил всю ее несостоятельность, призвав к борьбе за учредительное собрание на основах равной, тайной, всеобщей и прямой подачи голосов; громкими возгласами «ура» покрыла масса определенно выдвинутый оратором лозунг: «Долой Госуд. Думу!». К речи оратора прислушивались и мирно стоявшие у стены казаки. Посреди речи оратор обратился к ним с несколькими словами. Последнее обращение произвело на массу сильное впечатление. Неподалеку стояли городовые с полицейским офицером. Говорят, с крыши соседнего дома казак и полицейский целились в оратора. Спасла его, видимо, случайность.

Деятельность партии и междупартийные отношения. В июльские дни Рижский Комитет партии самостоятельно вел стачки: на заводе Пихлау, Эрбе, Данцигера, товарн. станции, лесопилке Берлина и др. Главной целью комитета была агитация, что ему действительно и удалось. Широкая масса узнала о нашей программе и заинтересовалась партией. В последние недели комитет часто устраивал массовки (в 100—200 человек) вновь организованных рабочих, где разбирались главным образом организационные вопросы. На двух таких массовках (в 30 и 140 человек) принята следующая резолюция (на лат. яз.): «Мы, рабочие и работницы г. Риги, собравшись и выслушав доклад об организационных принципах Р. С.-Д. Р. П., выражаем свое полнейшее согласие с ними, самым энергичным образом осуждаем националистические с.-д. организации и обязуемся приложить все свои силы к тому, чтобы восторжествовали принципы Р. С.-Д. Р. П.». Особенно расширилась теперь работа среди латышск. и немецк. пролетариата. До сих пор латышские рабочие знали нас, главным образом, по характеристике Лат. пар., теперь же они круто изменили свое мнение о нас. Ни орган Лат. парт. («Zehna»), ни ее руководители не выражают мнений большинства даже организованных Лат. парт. рабочих, которым совершенно чужды фанатизм и организационный патриотизм «верхов». Никаких соглашений между всеми действовавшими здесь партиями не было, что, конечно, не могло не отразиться на руководстве движением. Лишь благодаря тактичности ораторов не было острых конфликтов, а в каждом отдельном случае ораторы сговаривались о плане действий. «Латыши» страшно не хотели, чтобы мы затрогивали на митингах организационные вопросы, и когда мы излагали свою принципиальную позицию по национальному и организационному вопросам, не входя при этом в междупартийную полемику, лат. ораторы не могли придумать ничего более остроумного, как старую ссылку на раскол в партии. Если не считать этих «мелочей», отношения наши с представителями Лат. парт. были самые лучшие. За время стачки Рижским К-том партии издано: Революция началась (4.000 лат., 2.000 русск.), Они сговорились (8.000 л., 3.000 р.), Ковсем рижским рабочим (5.000 л., 3.000 р.), К рабочим завода «Феникс» (8.000 л., 400 р.), К рабочим Балтийск. зав. (1.000 л., 400 р.), Свобода буржуазная, свобода пролетарская (7.000 л., 3.000 р.), Одна, а не две палаты (3.000), Три конституции (1.500 л., 1.500 р.). Кроме того, издано на гектографе: К рабочим зав. «Феникс», раб. Джутовой мануфактуры, рабоч. зав. Пихлау, раб. зав. Эрбе, раб. зав. Данцигера, раб. Балтийск. зав. (на русск., лат. и немецк. яз.).

P. S. Редакции доставлен список речей, которые произносились социал-демократическими ораторами на Бал-

тийском и красильном заводе Данцигера во время происходивших там массовых митингов. На Балтийском заводе: Первый день стачки. Оратор из Росс. партии выступил с речью на тему: «Современное положение вещей и задачи соц.-дем. партии»; на ту же тему говорил и оратор Лат. партии. Второй день. Выступил оратор из Росс. партии, тема: «Положение рабочего класса»; оратор из группы «меньшинства» говорил без определенной темы; затем говорились речи на латышск., русск. и немецк. яз. на след. темы: «О программе-минимум», «Современное положение вещей и призыв организоваться в Р. С.-Д. Р. П.», «О социализме» (общая часть программы). Третий день. Латышск. оратор из Росс. партии: «Программа-минимум»; по-немецки: «О социализме». Четвертый день. По-русски: «Револ. восстан., революц. прав., учредительное собр.»; по-латышски (ор. из Лат. П.): «О всеобщем избират. праве», по-немецки: «О ближайших задачах Р. С.-Д. Р. П.». Пятый день. По-русски: «О национальн. вопросе»; по-латышск. (оратор из Лат. п.) без. опред. темы; по-немецки: «Политические требования прогр.-минимум»; по-латышск. (орат. из Росс. п.): некоторые пункты из прогр.-минимум, особенно о национальн. вопросе. Шестой день. По-латышск. (из Лат. партии орат.): «О федерации (в ответ нашим орат.); по-русски: «О крестьянском вопросе». На красильном заводе Данцигера речи говорились на темы: 1) Чего хотят социал-демократы? 2) Сущность демокр. республики; 3) Программа-максимум; 4) Картина развертывающихся событий с 9 янв. до настоящего времени (мобилизация реакции и революции); 5) Тактика соц.-дем. борьбы (террор и единоборство); 6) Как должен организоваться росс. пролетариат (федерация или централизм); 7) «Партия дворян, как партия буржуазная».

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Новочеркасск. Среди крестьян и казаков большой спрос на литературу, которой слишком недостаточно в обращении среди них. Если им попадается нелегальщина, то они читают ее всем обществом. Волостной старшина слободы Криворожье арестован за допущение чтения в волостном правлении. Заседателю (офицеру) было приказано окружным атаманом арестовать еще несколько человек крестьян, но те воспротивились. Тогда заседатель, видя общее возбуждение крестьян и свое бессилие, поехал за советом к самому наказному атаману. Что ему сказал атаман, не говорит, но хочет бросить службу. «Все они (крестьяне) поднялись,—говорит он,—что я поделаю, еще убьют». Такое настроение и в других волостях и селах. Отовсюду одна просьба: прислать подходящую литературу. Особенно мало подходящей литературы для казаков. «Казачья Воля»,—кажется, военная группа Д. К.,—в первую мобилизацию выпустила листки к казакам, но, к сожалению, из них выносишь только одно,—что писавший совершенно незнаком с экономическим положением казаков; вероятно, поэтому-то в теперешней мобилизации ничего не было распространяемо среди них (по крайней мере, в Новочеркасске), тогда как казаки или совершенно отказывались итти (теперь их уже уговорили) на внутреннего врага, или же заявляли, что идут с неохотою.

Саратов. По городу ходят тревожные слухи о готовящемся погроме. Сообщают о таинственных собраниях хулиганов, о листках с призывом к избиению интеллигентов и рабочих, о приехавших из Нижнего погромных агитаторах. Называют имена купца Уварова, попа Владыкина, биржевика Селиванова, как вдохновителей и организаторов бойни; говорят о тысячах вооруженных громил, назначают даже день погрома—30-ое июля. Комитет партии выпустил листок к объяснениям значения погромов. Листок заканчивается так: «Революционный пролетариат смелой рукой отразит нападение громил... Комитет организует пролетарскую самооборону: сотни передовых борцов стекаются под их знамя, полные энтузиазма, готовые на все. Граждане! Мы призываем вас помочь нам всем, чем возможно: давайте нам людей, оружия, денег на приобретение оружия». День 30-го июля прошел спокойно. Арестовано несколько человек, найдены револьверы. В конце июля взята заново поставленная соц.-дем. типография. 24-го июня захвачена типография соц.-революционеров.

Тверь. В выборах в Гос. Думу здесь (как и в Костромской, Владимирской, отчасти Моск. и Ярославской губ.) будет в праве принять участие и часть рабочих, которые бывают на сельских и волостных сходах: их деревни недалеко от фабрик. Тактика по отношению к выборам, изложенная в тактическом листке Центрального Комитета, встретила полное сочувствие организации. Я лично думаю, что бойкот Государственной Думы может состояться и на собраниях избирателей, и на собраниях выборщиков. Во всяком случае, сделаем все, что возможно. Вышневолоцкая и Новоторжская группы растут и крепнут. В Вышнем-Волочке полтора месяца назад всего было 15 организованных рабочих, а теперь 6 кружков в составе 62 человек.

Белосток. 13-го авг. (31-го июля). Вчера наш город представлял страшное зрелище. Полиция устроила настоящую резню. Убитых свыше ста чел. Начиная с 4 ч. дня, стрельба продолжалась до поздней ночи. Сегодня во время похорон одного из убитых стреляли в его родных, провожавших жертву на кладбище. Среди убитых масса стариков, женщин и детей. Началось следующим образом. На Сураж-ской ул., где живут исключительно евреи, стояла небольшая кучка народа. Проходивший мимо патруль велел разойтись. Часть группы послушалась, а часть медлила. Тогда солдат выстрелил и убил 18-летнего юношу. Спустя полчаса, когда собралась порядочная группа солдат, была брошена в них бомба. 8 солдат были убиты, 12 ранены. Тогда началась резня: была открыта стрельба направо и налево, всюду, куда только было возможно; стреляли в окна, во двор, в прохожих. Передают, что один солдат подошел к проходившим мимо и стрелял без разбора; так он убил четверых. Выстрелами, направленными в окна, были убиты две барышни—сестры, сидевшие на балконе; были убиты также мать с ребенком на руках. Между прочим, убили одну бундовскую интеллигентку, нелегальную. Невозможно описать все ужасы. В городе настоящее военное положение, хотя оно официально и не объявлено. Извозчики боялись перевозить раненых в больницы. Их обязанности исполняли городовые. Раненых тащили за ноги. Убитые—преимущественно евреи. Передают, что убитых христиан всего 6. Массовый протест белостокского пролетариата по поводу этих убийств вызвать очень трудно, так как масса все же слабо революционизирована. С.-революционеры и анархисты сделали свое дело, деморализовали массы, что, конечно, несравненно легче, чем поднять революционный дух.

Вильна. В среду 3-го авг. должен был в Вильне состояться военный суд над двинским рабочим Израилем Персиным, обвинявшимся в покушении на убийство пристава Курляндского. По этому поводу с утра в городе забастовали почти все фабрики, заводы и мастерские (особенно еврейские). Магазины были хотя открыты, но приказчики отсутствовали. Днем отдельные группы рабочих стали собираться к зданию суда на Георгиевском пр., но полиция всех их перехватывала и отправляла в манеж, где большинство пробыло до вечера, а кое-кто из рабочих отправлен в тюрьму. Суд был отложен до следующего дня. Приговор, конечно,—смертная казнь.

Наглость и безнаказанность казаков все увеличиваются. Недавно они жестоко избили в Зверинце публику, расхо-

дившуюся с разрешенной вечеринки. Около того же времени они страшно избили толпу рабочих возле еврейского кладбища (она возвращалась с похорон утонувшего товарища) без малейшего повода со стороны рабочих. Особенно неистовствуют казаки по отношению к евреям, избивая даже отдельных встречных, и все это проходит безнаказанно, не встречая должного отпора.

(Из «Листка» Вил. Гр.).

Копысь. Группа получила извещение об утверждении 8-го июля. За две недели были распространены прокламации: «Царь и либеральные депутаты» (Минск. гр.) и «Ко всем рабочим гор. Минска»; брошюры: «Пауки и мухи», «Стачка лжи», «Крестьяне, к вам наше слово!». Было три собрания: одно общее христиан и евреев и два еврейских. На первом говорилось о необходимости объединения в одну партию, на втором—о вооружении, на 3-м—о национальном вопросе. 1-го должна была состояться продажа за недоимки имущества местных крестьян; было организовано сопротивление; продажа не состоялась. Престиж группы поднялся.

Копысьская группа.

В деревне. (Не можем назвать места по конспир. причинам. Ред.). Наш товарищ Н. развил в уезде такую напряженную с.-д. работу, что приходится только руками развести. Талантливый, речистый, страстный, он приковал к себе внимание большой половины уезда. Его вездесущее составляет какую-то загадку. Каждый день вы можете видеть его в десятке деревень, говорящим на сельских сходах, устраивающим сходки в лесу. Он же стоит среди деревни, окруженный толпою баб и мужиков, подает им юридические и хозяйственные советы, читает газеты, раздает брошюры и прокламации. Ни один сельский сход не сделает важного постановления без того, чтобы предварительно не посоветоваться с ним. Какое-нибудь недоразумение с помещиками, и крестьяне за 20—30 верст посылают к нему ходока. Через 4—5 часов он уже на месте. Все «недоразумения» крестьян с помещиками протекают при его участии. Одна волость выбрала волостного старшину и кандидата—социал-демократов,—опять результат его агитации. Сейчас этот человек закаляет свой соц.-дем. дух в постоянных схватках с с.-р. и либералами. Картина: громадный сход; выступают один из видных освобожденцев, с.-р. и Н. Крестьяне с вниманием слушают политические программы трех партий. С.-р. сквернословит по адресу с.-д-тов и плетет такую утопию по аграрному вопросу, что даже крестьяне в затылках почесывают. Либерал спокойно и объективно, без всяких прикрас излагает свою программу и получает резкий отпор от Н., базирующегося на классовой точке зрения. Социал-демократия торжествует. Либералы устраивают очень много крестьянских собраний, но их речи не носят характера избирательных платформ. Они относятся к своей работе пока лишь, как культуртрегеры. Да и опасно им переходить в наступление: крестьяне прежде всего видят в них земцев. А земство во многих местах считается чуть ли не бо́льшим врагом, чем самодержавие. Правда, иногда отрицательное отношение к земцам принимает нелепый почти характер: «Не надо нам врачей и школ!»,—говорили крестьяне на одном сходе члену управы. А один крестьянин говорил мне: «Вот все время хлопочут об отмене закона о предельности земского обложения. Посмотрели бы земцы, можно ли нас облагать еще больше. Хлопотали бы сначала, чтоб у нас в мошне-то побольше стало, а потом уже и облагали бы». По деревням всюду слышны разговоры о Государств. Думе. Сильно боятся крестьяне, как бы их не надули. Даже самые заскорузлые, и те высказывают свои опасения. Ведем усиленную агитацию. На этой неделе в городе состоялось уже 4 сходки, на которых перебывало свыше 400 чел. На следующей неделе сделаем натиск на деревню.

Товарищ, о котором я писал выше, сообщает о своей позиции в аграрном вопросе на крестьянских сходах: пропагандируя идею крестьянских комитетов, он предоставляет самим крестьянам определять размеры своих вожделений. И вообще буквальное следование резолюции III съезда о крестьянах он считает наиболее выгодной тактикой. Крестьяне высказываются, главным образом, о желательности черного передела или заведывания землей всем миром. (Но это не значит «социализация»). Экспроприацию земель считают вопросом решенным.

Либава. Вслед за объявлением военного положения объявлен указ о мобилизации. Латышским Комитетом объявлена всеобщая стачка. Наша Группа поддержала этот призыв листком (1.000 экз.). Сверх того, выпущен специальный листок к запасным (1.000 экз.). События грозят разрастись.

Резолюция (23-го июля). Бюро Киевского Отдела Союза адвокатов констатирует, что: 1) несмотря на продолжительность существования Союза адвокатов и других союзов, эти политические организации не развили достаточно широкой, согласованной политической деятельности, и 2) что такая согласованная политическая деятельность является особенно необходимой в настоящий момент и в том случае, если правительство, вынуждаемое на уступки, осуществит созыв Гос. Думы по проекту Булыгина, и в том случае, если оно этого не сделает. Исходя из этих основных положений, Бюро полагает, что союзам целесообразно было бы усвоить себе следующую тактику:

А) В случае созыва Гос. Думы по проекту Булыгина: 1) принять деятельное участие в избирательной кампании путем устного и печатного слова. 2) Что касается содержания агитации, то, помимо развития основных положений политической программы Союза, рекомендовать избирателям следующий образ действий: при выборе депутатов Гос. Думы в виду исключительности условий, вопреки законопроекту Булыгина, снабжать их императивными мандатами. 3) Содержание императивного мандата должно определяться следующим образом: помимо солидарности с программой Союза, депутат должен дать избирателям обязательство, что он в случае избрания его в первом же заседании думы будет настаивать на том, чтобы она, не приступая к исполнению повседневной работы и в то же время отказываясь разойтись, предъявила бы правительству требование предоставления народным представителям законодательных прав и полной законодательной инициативы, изменения избирательного закона на началах четырехчленной формулы и установления гарантий свободы слова, сходок и т. д., и в том числе, в качестве одной из крайне важных гарантий,—учреждения национальной милиции для охраны неприкосновенности народных представителей и защиты дела национальной свободы от реакционных происков. Осуществление указанной программы должно быть произведено учредительным собранием. 4) В случае, если бы Гос. Дума отвергла такой образ действий, депутат должен уйти из ее состава. 5) Сельским и волостным сходам, уездным избирательным съездам рекомендовать при избрании выборщиков давать им полномочие на выбор только тех депутатов, которые согласятся на принятие указанного выше императивного мандата. 6) Наметить теперь же кандидатов в депутаты в городах и уездах в пределах влияния Союза и войти с этими кандидатами, равно как и с другими нашими единомышленниками, в сношение и переговоры по изложенным вопросам. Кроме того, желательно войти по тем же вопросам в переговоры с действующими в данной местности партиями. 7) Немедленно по опубликовании закона о Гос. Думе организовать народные митинги и сделать попытки к изданию воззваний и афиш в духе изложенных выше положений. Организовать рассылку и распространение этих воззваний и афиш, их чтение и разъяснение на избирательных собраниях всех типов и видов. 8) Предложить Бюро Союза Союзов одновременно с заседанием Государственной Думы устроить соединенный съезд всех объединенных союзов, а также и земских городских деятелей, если такой съезд по условиям времени окажется возможным, и если первый состав Гос. Думы не даст достаточных гарантий в том, что изложенная программа тактических действий будет осуществлена самой Думой.

Б) В случае же, если созыв Гос. Думы не будет объявлен в ближайшем будущем, до 1-го сентября, Бюро Киевского Отдела Союза адвокатов считает необходимым, чтобы Центральное Бюро Союза Союзов созвало не позже 1-го января соединенный съезд всех объединенных союзов, а также земских и городских деятелей для предъявления правительству требований, изложенных в 3 пункте.

Минск. Минская группа с самого начала обратила внимание на работу среди учащихся, как на источник молодых сил, столь необходимых для только-что возникшей организации. Элементов, сколько-нибудь подготовленных и годных к образованию партийной организации учащихся, налицо не было. Приходилось действовать со стороны, устраивая рефераты, распространяя литературу, образовывая кружки и т. д., чтобы встряхнуть публику и отобрать более активных и способных.

В результате этой подготовительной работы, к осени 1904 г. был среволюционизирован довольно значительный круг молодежи, получило партийную подготовку несколько человек, из которых стало возможным образовать организацию партийного характера. Деятельность организации была очень успешна. К весне 1905 года в кружках состояло 150 человек. Программы чтений были разнообразны, в зависимости от уровня подготовки членов; чаще всего проходилась политическая экономия, разбирались пункты партийной программы, изучалась история общественных течений в России. Руководителями кружков состояли как пропагандисты от Группы, так и более подготовленные члены Ученической Организации. Число членов кружка в среднем 7—8. Рефератов устраивалось очень много, и читались они обыкновенно лицами, командированными Группой. Чаще всего читались рефераты на тему об отношении Р.С.-Д. Р. П. к другим партиям, так как в среде учащихся работали и Бунд, и с.-р., и познакомиться с этими вопросами из литературы для молодой публики было трудно. Темы рефератов: Бунд, П.С.-Р., классовая борьба в современном обществе, исторический материализм и др. На каждом из этих рефератов (в общем числом до 10) присутствовало 40—50 чел., иногда значительно больше. Сверх того, для избранной публики читалась целая серия лекций: марксизм и ревизионизм, философия марксизма, национальный, аграрный вопрос, либеральное движение и т. д.; таких лекций было числом около 10; присутствовало человек 17—20 на каждой. Под конец года Орг. Уч. обратила внимание на то, чтобы сами ее члены подготовлялись к чтению рефератов; впрочем, лишь один раз выступил с рефератом член Уч. Орг. Рефераты, устраиваемые Орг. Уч., пользовались в среде учащихся большой популярностью. Что касается агитационных собраний, то они устраивались для незатронутых или малозатронутых революционным словом. Выступали на них как агитаторы группы, так и (очень нередко) члены Орг. Уч. Особенно энергична была работа на агитационных собраниях во время ученической забастовки (см. ниже). Как вид агитационных собраний, следует рассматривать и устраивавшиеся Орг. Уч. ученические «банкеты». На этих банкетах члены Уч. Орг. и другие учащиеся с.-д. произносили речи, освещавшие обыкновенно с партийной точки зрения явления текущей общественной жизни или популяризировавшие тот или иной пункт программы; выступало обыкновенно человек 10 «ораторов». В июне было собрание, на коем прочитан отчет У. Орг. за истекший год, а затем произнесены речи, каждая из которых разбирала пункт партийной программы или какую-либо из резолюций II съезда. Таким образом, перед слушателями прошла в разъясненном и подробном виде вся партийная программа и главнейшие резолюции. Это собрание как бы подвело итоги годичной работы Уч. Орг.; сошло оно очень удачно. Сверх агитационного и пропагандистского значения, «банкетные» собрания приучали членов говорить перед собранием. Сбор денег производился разными способами: брались деньги прямо, откровенно «для группы Р.С.-Д.Р.П.»; продавались революционные издания, карточки и проч.; устраивались «денежные» рефераты. Листков Уч. Орг. за своей подписью выпустила мало, так как распространялось громадное число прокламаций ЦК, С.-З. К. и Группы. Один раз пришлось выпустить листок по поводу ученической забастовки, другой раз, после окончания выпускных экзаменов—«к абитуриентам». Распространение литературы тормозилось, конечно, как всегда и везде, не недостатком спроса, а малым количеством ее. Все, передаваемое представителем Группы, жадно поглощалось. В обеих женских гимназиях, семинарии, гимназии, реальном и коммерческом училищах читало нелегальную литературу подавляющее большинство учащихся старших классов. Распространение прокламационной литературы было поставлено образцово: в один и тот же день во всех учебн. заведениях агенты Уч. Орг. распространяли один и тот же листок. Существовавшая раньше легальная библиотека оказалась в руках Уч. Орг. Интересным явлением, сильно поднявшим и настроение учащихся, и престиж Уч. Орг., была забастовка всех минских учебных заведений. Когда один из банкетов был закрыт начальством, все ожидали репрессии, и настроение стало необычайно напряженным. Уч. Орг. высказывалась против забастовки, если не воспоследует репрессии. Но настроение было таково, что Уч. Орг. сдержать его была не в силах. Забастовавшие коммерсанты и гимназисты ходили громадной толпой по всему городу и «сняли» все учебные заведения, до начальных школ включительно. Понятно, к ним присоединились тысячи рабочих и глазеющей публики. На сходке после демонстрации выступил ряд ораторов Группы и Уч. Орг., была принята (504 чел.) резолюция, воспроизведенная потом в печатном листке. Забастовка и демонстрация не вызвали никаких репрессий. Организационная работа Уч. Орг. состояла в подборе новых лиц для центра Уч. Орг., установлении агентуры для распространения и сборов, подыскивании квартир для собраний, организации конспиративного привода учащихся на собрания и проч. Первоначально центр Уч. Орг. состоял из 2 чел.; к концу года он состоял из 14 чел., считая в том числе представителя группы. Дела центр решал на очередных еженедельных собраниях и на экстренных. Работала Уч. Орг. автономно, при чем представитель Группы по своему усмотрению некоторые вопросы передавал на перерешение Группы. Центр к концу года старался в каждом учебн. заведении образовать «подцентры». Мобилизация всех лучших сил во всех учебных заведениях вызвала, в свою очередь, мобилизацию темных сил. Не без руководства со стороны жандармско-шпионских сфер образовалась «лига» спасителей отечества от крамолы, и нашей Орг. Уч. пришлось вступить в борьбу с «лигой». К концу года влияние лиги было совершенно ничтожно; сидели они смирно и под-конец шпионские повадки почти забросили; некоторые покаялись и перешли в стан «либералов». Орг. Уч., особенно под конец года, оказывала Группе разного рода технические услуги.

Орг. Уч. приходилось иметь дело с работой в среде учащихся со стороны Бунда, с.-р., польских националистов и сионистов-социалистов. Влияние с.-р. на учащихся было равно нулю и свелось к нескольким выходкам на рефератах. Бунд имел некоторое влияние на часть учащихся евреев, в общем слабое. Националистические течения в среде учащихся-поляков под влиянием работы Уч. Орг. сильно ослабели; сионисты-социалисты приобрели довольно прочные связи в коммерческом училище.

Финляндская партия активного сопротивления. Нам прислано следующее интересное сообщение о программе и организации этой партии.—Программа. Задачи и деятельность партии. § 1. Партия стремится разбудить население страны к пониманию того беззакония, которое ныне господствует в стране, связи его с русским самодержавием, необходимости и права энергичного, активного и беспощадного сопротивления тирании и ее орудиям, к пониманию освободительного движения в остальных частях Рос. империи и пользы совместной работы с русскими оппозиционными партиями. Партия стремится расшатать врожденное чувство лойяльности населения к монарху и усилить его стремление к свободе: а) выпуская и распространяя различного рода издания на эти темы; б) содействуя распространению оружия среди населения; в) поддерживая материальными средствами боевую организацию, состоящую из членов партии, которая получает название: «Боевая организация финляндской партии активного сопротивления». Примеч. Боевая организация ведет свое дело самостоятельно, но если она пожелает выпустить прокламации за подписью «финляндская партия активного сопротивления», то она обязана в каждом отдельном случае заручиться согласием «внутреннего кружка» (см. ниже); г) и другими зависящими от обстоятельств, способами. § 2. Партия поддерживает ту работу, которую уже давно ведет с отдельными лицами с целью способствовать русским революционерам.—Организация партии. § 3. Партия составлена из местных групп. В каждую такую группу входят

по правилу не более 25 членов. В округах, в которых не насчитывается более 25 членов партии, не следует образовывать более одной группы. § 4. Каждый член партии, вступая в группу, должен обещать тому лицу, которое его вводит, хранить абсолютное молчание касательно всех дел партии. § 5. Дела партии находятся в ведении центрального учреждения, которое первоначально назначается на учредительном собрании. Отдельные группы партии имеют право образовывать местные органы управления. Каждая группа находится в связи с центр. учреждением при посредстве лишь двух ее членов и не более чем с двумя членами центр. учреждения. Сельские группы находятся вообще в прямом сношении только с группой того города, который является центром данной области. § 6. Центр. учреждение выделяет из себя и из групп «внутренний кружок», который один сносится с боевой организацией. § 7. Отдельные группы могут действовать самостоятельно при соблюдении, однако, правила, что все издания, распространяемые от имени партии, должны быть одобрены для распространения центр. учреждением. § 8. Все члены партии вносят ежегодно в кассу партии не менее одного процента годового дохода. Пожертвования принимаются также и от лиц, стоящих вне партии. Отдельные группы должны передавать центр. учреждению $^2/_3$ собранных средств. § 9. Партия ежегодно собирается на конгрессе где-нибудь за границей. На этом конгрессе центр. учреждение представляет годовой отчет, производится ревизия отчетности учреждения и избирается ЦУ для следующего года. Центр. учреждение должно быть представлено на конгрессе двумя членами, путевые расходы которых покрываются средствами партии. Каждая группа, состоящая из не менее, чем 10 членов, имеет право послать на конгресс одного представителя, который предварительно заявляет о себе центр. учреждению. Группы же, образовавшиеся за границей, имеют право, и при меньшем составе, иметь своих представителей на конгрессе. Все члены центр. учреждения, а также и пр. члены партии, исходатайствовав себе предварительно разрешение центр. учреждения, имеют право присутствовать на конгрессе, но без права голоса.

В войсках (по русским и заграничным известиям). В Варшаве недовольство среди солдат и дух протеста постоянно растут, особенно в частях, куда принимали запасных. Эти запасные очень разношерстны. Есть петербургские рабочие, и среди них много переживших январские дни. Эти сразу же заявили, что они на войну не пойдут, в народ стрелять не будут. Есть, с другой стороны, совершенно серые полешуки, нуждающиеся еще в разъяснении преступности погромов, к которым их зовут какие-то темные личности.

Из последних событий здесь надо отметить отказ 400 ч. из нескольких варшавских полков от землекопных работ. Уговоры офицеров ни к чему не привели, и на работу солдаты так и не пошли. Арестовано пять человек.

В Пултусском полку солдаты отказались есть свой совершенно неудобоваримый ужин и вылили его обратно в котел, подсыпав еще песку, так как щи были так жидки, «что хоть купайся в них». То же повторилось на другой день с кашей. Офицеру, пришедшему убеждать, предложили самому съесть. Арестован один ефрейтор.

В Радоме назначенная-было отправка на Дальний Восток пехоты и артиллерии не состоялась, так как пехота итти отказалась.

В Екатеринославе солдаты двух батальонов пехотного полка заявили коллективный протест против ужасных злоупотреблений на кухне: вместо супа, были какие-то помои. Весь суп, около 55 ведер, был вылит на пол кухни, и солдаты группами пошли жаловаться к офицерам. Офицеры были до того перепуганы, что никто не вышел сначала к солдатам. В результате они обратились чуть ли не с извинением к солдатам, выдали им чай, сахар и по $^1/_4$ ф. колбасы. Этот факт был прекрасно утилизирован с.-д. Когда один из офицеров, после того, как все улеглось, захотел поставить одного из зачинщиков «под ружье» (по уставу за это следует два года дисциплинарного батальона), то немедленно по настоянию с.-д., работающих в войске, вся рота стала снаряжаться, чтобы также стать под ружье. Это было таким грозным симптомом, что офицер поспешил освободить солдата от наказания, передав это приказом через позванного в его комнату фельдфебеля и приняв вид ничего не знающего о том, что делается в казарме.

В Киеве запасные побили ни за что околоточного и двух городовых и часто отказывались отдавать честь офицерам. Дисциплина страшно пошатнулась.

В Лодзи во дворе казармы Олонецкого полка на-днях были разбросаны еврейские и польские прокламации. 150 солдат евреев и поляков были тотчас же переведены в Ломжу.

В Ташкенте взбунтовался весь саперный ташкентский батальон: в видах экономии новый полковник уменьшил порцию мяса и лишил батальон выдачи чаю и сахару (привилегия местных войск, вызванная климатическими условиями). Батальон взбунтовался весь, и против него выслали казаков, но так как саперы заявили, что они минировали лагери и в случае нападения взорвут и себя, и нападающих, то казаки отступили. В результате полковник удовлетворил требования батальона.

В Брест-Литовске в 119 саперном батальоне запасные не явились на строевые учения. Капитан третьей роты собрал их утром в казармах (днем они разбегались, и собрать их было нельзя) и начал им читать нотацию. Запасные окружили его плотным кольцом и заявили, что если он их отец, а они его дети, то пусть он им сперва покажет, как он о них печется, и тогда они, со своей стороны, видя его старания, постараются для него. Толпа солдат вела капитана сажен 30 до его квартиры, якобы качая, а в действительности толкая его. Капитан еле вырвался и больше не заводил уже речи о дисциплине и плохой службе.

В Елисаветградском и Уманском уездах во время крестьянских беспорядков усмиряли драгуны-татары, русские же колебались и многие плакали. Пехота в нескольких местах прямо говорила крестьянам: «Мы в вас стрелять не будем».

Солдаты необыкновенно поражены полным отсутствием хотя бы частного успеха русских войск. «Воевали мы с туркой,—говорят они.—На что уж с ним трудно было, а все-таки то он нас победит, то мы его, а тут хоть бы раз победа была!»—говорит бравый солдат, в недоумении разводя руками, а в голосе звучит неподдельная обида. «Нет, видно, порядки у нас плохие», заключает он, и затем идет критика, и самая беспощадная, всего строя. «Японец, он—образованный, у каждого солдата карта и компас, он лучше дело понимает, чем наш офицер». Отношение к «Потемкину» самое определенное—сочувствие полное, и, главное, говорят все откровенно, не стесняясь, что всякий слышит.

В английскую газету «Standard» сообщают из Петербурга: «Мы узнали из верного источника, что правительство решило распустить батальон финляндской гвардии после возвращения его из лагерей в Красном Селе. Решение будет принято вследствие неблагоприятного отзыва о полке со стороны великого князя Владимира. Батальон, намеченный к раскассированию, представляет из себя последние остатки военной финляндской организации. Здесь полагают, что отзыв Владимира вызван тем, что в отношении дисциплины, ни на солдат, ни на офицеров нельзя положиться (агентство Havas'a *).

То же агентство сообщает, что в Либаве в настоящее время военно-морской суд рассматривает дело 136 матросов, обвиненных в участии в последних беспорядках.

По русским известиям, военно-морскому суду предаются 78 матросов, участвовавших в волнении на броненосце «Георгий Победоносец». Севастопольский военно-морской суд рассматривает дело о беспорядках на броненосце «Синоп». Пятеро обвиняемых оправданы, 11 присуждены к лишению некоторых прав, переводу в разряд штрафованных и отдаче в дисциплинарный батальон на сроки от двух до трех лет. Всех арестованных матросов в Севастополе теперь около 1.000 человек. Содержатся они на «Пруте» и на Константиновской барже.

---

*) Согласно последним известиям, раскассирование батальона уже состоялось. Ред.

Во Владивостоке в военно-морском суде слушалось дело о четырех матросах, обвинявшихся в нанесении удара камнем подпоручику. Один матрос приговорен к смертной казни, а трое остальных к отдаче в дисциплинарный батальон на 3 года.

Из области организованной работы в войсках отметим образование особой военно-революционной организации в Либаве. Из числа прокламаций к солдатам, полученных редакцией, нельзя не упомянуть о дельно написанном воззвании «К солдатам харьковского гарнизона», изданном харьковской группой «Вперед». По просьбе группы артиллерийских офицеров Моск. Ком. партии издано и распространено между артиллерийскими солдатами и офицерами воззвание, заканчивающееся словами: «Когда нас потребуют для той же гнусной цели (подавления восстания), мы откажемся быть палачами, а в решительный момент станем бок-о-бок с народом и направим грозные дула наших орудий в толпу полиции, «рыцарей нагайки» и прочих царских опричников».

Воззвание «К офицерам русской армии и флота» выпустил и освобожденский «союз офицеров». В пункте 4-ом воззвания офицеры-освобожденцы пишут: «Если, цепляясь за свою власть, бюрократия пожелает прибегнуть к силе войск, то мы, члены союза офицеров, отказываемся поднять оружие против народа, который борется за свою свободу и за освобождение своего государя (!?) из-под ненавистной и корыстной опеки». Мизерное и жалкое впечатление производит эта освобожденская прокламация рядом с решительным воззванием артиллерийцев!

В заключение приведем некоторые выдержки из письма рядового Мочедлобера, стрелявшего в командира за его приказ расстреливать матросов с «Потемкина» и приговоренного к смертной казни.

«Дорогие товарищи! Я объясню вам мой поступок. В то время, когда стреляли в наших товарищей матросов, и я видел, как они падали мертвыми и ранеными от наших рук, у меня потемнело в глазах. С тех пор начал я думать: кто я? Разве я противник свободы и нашего идеала, с которым я поздно ознакомился. Немало труда потратил Варшавский с.-д. комитет, пока убедил меня в правоте своих взглядов! Я, наверно, не смогу оправдаться перед товарищами Феодосийской организации в том, что в такое время, когда возможно работать в полку, разъяснять страшный поступок солдат по отношению к матросам товарищам, бороться против религиозных предрассудков, я оставил работу. Да! я оставил работу и решил протестовать. С тех пор, как стал сознательным, я жаждал такой смерти, которая запечатлелась бы в душе каждого.

Я очень досаждал начальству своими разговорами и желал бы, чтобы к вам проникла моя речь. Я бы страстно хотел вашего присутствия при моей казни, которая, может-быть, будет вечером или на рассвете. Привет всем братьям и сестрам. Из диких стен тюрьмы желаю вам победной революции!»...

(Н. Чужак—А. Насимович).

Письмо из Вашингтона. Мы в мае послали в Японию С. для пропаганды среди пленных. Дела пошли блестяще. С. получил доступ во все крепости, где находятся пленные, устроил в разных местах библиотеки и правильную раздачу литературы. Но теперь у него разошлась уже вся имеющаяся литература, и он просит прислать еще как для солдат, так и для офицеров. Затем вам, вероятно, уже известно, что Япония освободила политических на Сахалине. В этом деле посылка С. тоже оказала влияние. Он писал еще до взятия Сахалина, что ему обещано освобождение политических, как только остров будет взят. Единственное затруднение японское правительство видело в денежной стороне дела. Но С. на этот счет успокоил, заявив, что на отъезд деньги будут. Теперь, значит, нужны деньги. Нам здесь в точности неизвестно, сколько там человек, но имейте в виду, что проезд стоит 150 долларов. Деньги надо посылать по телеграфу по адресам Ж. Кеннана и С. Адрес Кеннана: George Kennan care of American Cousulate Iokohama, Japan. Адрес С-ского: D-r Nicholas Russel, care of United States Consulate Iokohama Japan.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Краткий очерк деятельности Окружной Организации Московского Ком. по июль. Московская губерния представляет из себя огромный промышленный центр. Фабрики и заводы раскиданы по всей губернии, кроме того, масса крестьянского населения на заработках в Москве и др. губ. Кустарные промыслы играют тоже значительную роль в хозяйственной жизни населения. Сельское хозяйство в большинстве случаев стоит на втором плане, и видеть крестьянку за плугом обычное явление. Все это в целом создает благоприятные условия для работы с.-д-тии, и Моск. Ком. партии давно уже считал необходимым использовать все связи в губернии и поставить для этой цели специальную организацию. Недостаток сил и средств надолго оттягивал приведение этой мысли в исполнение. Между тем, связи настойчиво требовали литературы и каких-либо организационных установлений. В конце 1904 г. один из организаторов МК предпринял объезд наиболее крупных центров. Установлены были связи с Москвой, кое-где выпущены листки на местные темы, но без подписи, указывающей какое-либо организационное отношение к МК.

После вечно памятных событий 9-го января появление новых сил и приток денежных средств в кассу МК дали возможность выделить из комитетских работников специального организатора с наименованием «окружного». Связи в округе были приравнены к району, а связи в каждом промышленном центре—к «заводскому» комитету. На первых порах «окружному» организатору пришлось вести стачку в Орехово-Зуеве. Подробности о ней были своевременно напечатаны в «Искре», но из фракционных соображений сильно искажены. Теперь поздно восстановлять истину, да, пожалуй, и не к чему. Необходимо только отметить, что стачка в смысле проведения в широкие слои рабочих идей социал-демократии была использована удовлетворительно. Организация в Орехово-Зуеве окрепла, и листки стали расходиться в большом количестве. Сейчас читающих можно насчитать до тысячи человек, между тем, как раньше, до стачки, их читали только десятки. После ор.-зуевской стачки быстро завязались и начали разрабатываться связи и в других местах. В апреле и мае окрепли егорьевская и коломенская группы. В июне были конституированы группы в Серпухове, Богородске и Подольске. В это же время необходимо было произвести некоторую реорганизацию в постановке направляющего «центра». Одному окружному организатору справиться со всей массой связей, которые с каждым днем росли, стало невозможно. Необходимость целой коллегии, «Комитета Окр. Организации», выдвигалась самой жизнью. Помощникам окр. организатора необходимо было предоставить полную самостоятельность в делах подрайона, оставив за ком. организатором роль контролера. Соответствующее предложение было принято Моск. Ком., и Ком. Окружной Организации начал функционировать.

Между тем, связи расширялись. Целый ряд ближайших к Москве фабрик и заводов был втянут в организацию. Теперь их число упало до 8 станций, раньше было до 10. Кроме того, Тверск. Ком. партии была передана в «Окружн. Организацию» группа в Кимрах. Через фабричных были завязаны связи в Рузск. уезде, а потом в Подольском и Серпуховском. Группы, в свою очередь, заводили связи в своих уездах. Все эти связи обслуживались, главным образом, листковой литературой по общим вопросам и кое-где местными профессиональными листками. Удовлетворить в полной мере все запросы на листки Окр. Организация не могла. Из 10—15 тыс. экз. листков, выпускаемых МК, в Окр. Организацию поступало 1—1½ тыс., между тем, как требование было минимум на 5—6 тысяч. Принимая во внимание, что центр тяжести в деятельности Окружн. Организации пока сводится почти исключительно к широкой письменной и устной агитации, Ком. Окружн. Организации решил организовать свою типографию как для профессиональных, так и для перепечатки общих листков МК. С этой целью он вошел в соглашение с с.-д. жел.-дор. союзом, который, находясь в положении Окр. Орг., обещал свою поддержку, с условием печатать листки и для него. Затем были опрошены мест-

ные группы, которые обещали поддерживать типографию своими средствами и дали деньги на обзаведение. Теперь типография поставлена и начала работать. Относительно брошюрочной литературы дела очень печальны: ее все нет и нет. Какие-нибудь 1—2 пуда в 2—3 месяца, получаемые МК,—капля в море. В Окр. Организацию из этой капли попадали только случайные брошюрки. Крестьянская литература крайне необходима, но ее нет совсем. Листок ЦК «Крестьяне, к вам наше слово» читается нарасхват и на фабриках, и в деревне. Желательно было бы, чтобы ЦК издал популярную брошюрку по аграрному вопросу, в роде изданной Саратовским Комитетом «К товарищам крестьянам». Кроме того, на страницах «Пролетария» необходимо было бы также разобрать ту формулировку резолюции III съезда, которая говорит об энергичной поддержке вплоть до захвата и т. д.

Кроме литературной агитации за все время деятельности Окр. Организации в наиболее центральных пунктах велась пропагандистская работа в кружках и летучках и устраивались кое-где время-от-времени массовки. Втянутых в кружки и летучки и работающих в организации можно насчитывать до 100 чел. Если считать посетителей летучек, разбрасывающих и распространяющих листки, и всякие отдельные связи, то всех причастных к организации наберется человек до 500. Недостаток пропагандистских и агитаторских сил у МК вредно отзывается и на деятельности Окр. Организации. Сознательность растет страшно медленно. Широкие слои захватить чрезвычайно трудно, а такие методы широкой агитации, которые применялись коломенской группой, очень рискованы. В Коломне выпустили агитатора при выходе рабочих с завода. Говорил он минут 20. Масса встретила его речь сочувственно и дружно кричала: «Долой самодержавие». При второй такой же попытке дело кончилось тем, что агитатор чуть не влетел. Невозможно трудные конспиративные условия работы в округе и недостаток сил—одна из причин медленного развития сознательности и расширения организации. Связи растут по количеству мест, но не по количеству расширения этих местных связей.

В конце мая в Москве была конференция представителей от групп в округе по вопросу о всеобщей стачке. Всего было человек 30. Большая половина—рабочие, приехавшие на счет организации. Конференция прошла оживленно. Мысль о всеобщей стачке была встречена очень сочувственно большинством, но рабочими были сделаны указания, что поднять фабрики и заводы в округе—дело очень трудное, и если они и забастуют, то только тогда, когда станет вся Москва. Соответственно этому была принята и резолюция: «Примкнуть к забастовке Москвы и вести пока усиленную агитацию, а где возможно, начать и забастовку». В назначенный МК день Москва забастовала в самых скромных размерах, но под влиянием ли агитации за всеобщую стачку, или по чисто-местным причинам, забастовали кое-где и в округе. В июне бастовали: Ор.-Зуево, Богородск, Люберцы, Мытищи, Тарасовск, платформа фабр. Чернышева, отдельные цехи в Коломенском заводе. Использовать эти забастовки для широкой агитации удалось очень недостаточно. Так, в Ор.-Зуеве фабрикант Викула Морозов в ответ на требование забастовавших, закрыл фабрику на неопределенное время. Организованные рабочие растерялись и не знали, что делать. На собраниях в 2—3 тысячи человек они выступали с обычными политическими речами, но неудачно, и боевого настроения в массе им создать не удалось. Приехавший агитатор уже не имел возможности выступать перед массой, так как собраний созвать не удалось. Выдача денег, расчет,—часть рабочих запила с горя, часть разбрелась по деревням, часть трусила и сидела по квартирам, и благодаря всему этому на собрания приходило человек 50—60 из организованных. Через неделю началась приемка через фильтр. Теперь фабрика работает. В Богородске бастовала Шибаевская фабрика. Держались 5 дней, но ничего не добились. Терроризованные казаками рабочие почти не выходили на улицу и сидели по домам. Мытищенский вагонный завод бастовал всего 40 мин. Фабрика Чернышева ½ дня,—прибавили 20 коп. на кусок. В Коломне затыкали рты 5-копеечными прибавками. В Люберцах (500 ч.) было 5—6 собраний с 200—250 чел., где выступал агитатор. Уступок нет, и, кажется, завод закрыт до сентября. В Серпухове на Коншинских фабр. поспешили предупредить забастовки, вывесив объявление об уплате больным и роженицам ½ обычной платы в течение 6 недель. В апреле была стачка в Кимрах, добились сокращения дня и увеличения платы. Крестьянского движения в районе Моск. губ. мало-мальски серьезного не было. Происходили кое-где недоразумения, но как-то все быстро успокоивалось, и такое брожение замечалось только в местностях с кустарными промыслами. Денежные поступления от организованных рабочих поступают очень нерегулярно, так как это совсем раньше не прививалось. Существование Окр. Организации на эти взносы невозможно, и поэтому приходится брать деньги на расходы из кассы МК.

В заключение необходимо добавить, что в будущем Окр. Орг. еще больше расширится, и тогда придется подумать и о новом плане организации для нее, чем существующий. Теперь уже в некоторых местах намечается такой будущий план работы. В общем он заключается в большей самостоятельности местных групп, которым, может-быть, необходимо будет дать права полноправных комитетов партии.

Окружной организатор.

Рига. Мы, организованные рабочие г. Риги, члены Росс. С.-Д. Р. П., собравшись в количестве 300 ч. и всесторонне обсудив выработанное царским правительством положение о Государственной Думе, единогласно приняли резолюцию:

Принимая во внимание: 1) что положением о выборах в Государственную Думу пролетариат совершенно лишен избирательного права; 2) что вследствие сословной организации выборов с исключительно высоким имущественным цензом Государственная Дума является представительством лишь незначительной части высших классов населения; 3) что установленный царским правительством порядок двух- трехстепенных выборов представляет полный простор произволу царского чиновничества и полиции и давления их как на избирателей, так и на выборщиков; 4) что избранная на этих основаниях Государственная Дума при сохранении в полной неприкосновенности самодержавия и полном подчинении высшим бюрократическим учреждениям неминуемо будет обречена на полное политическое бессилие и ничтожество,—мы пришли к единодушному заключению, что учреждение Государственной Думы является плохо замаскированной попыткой политического обмана с целью укрепить самодержавие, пошатнувшееся под влиянием грозного роста революционного движения российского пролетариата и крестьянства и военного разгрома, и восстановить его финансовый престиж за границей. В виду этого мы выражаем свой решительный протест против предпринимаемого царским правительством политического обмана и заявляем о своей твердой и непоколебимой решимости вести нашу освободительную борьбу вплоть до окончательного низвержения этого правительства и установления демократической республики на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, которая только и может обеспечить российскому народу необходимую степень политической свободы и в частности пролетариату возможность законодательной охраны его интересов и свободной классовой борьбы за социализм. Вместе с этим, исходя из самой сущности самодержавия, как организации неограниченного господства бюрократии над народом, и из указаний политического опыта, мы высказываем глубокую уверенность, что ждать от правительства самодержавного царя сколько-нибудь искренних и широких реформ невозможно, и что только временное революционное правительство, созданное победоносной всенародной революцией, в состоянии осуществить это коренное преобразование политического устройства России, в виду чего мы призываем все слои населения с презрением отвергнуть царскую «реформу» и примкнуть к борьбе пролетариата, чтобы путем всенародной революции низвергнуть самодержавное правительство и осуществить демократическую республику. Долой самодержавие! Долой Государственную Думу! Да здравствует всенародное правительство! Да здравствует демократическая республика и социализм!

Петербург. В воскресенье 14-го августа в первый раз состоялась массовка недавно образованного ремесленного

района. Обсуждался, главным образом, вопрос о Государственной Думе. В результате прений единогласно была принята следующая резолюция:

Принимая во внимание: 1) что так-называемая Гос. Дума не будет обладать никакой законодательной властью, а является лишь совещательным учреждением; 2) что даже, как таковая, она будет всецело зависеть от произвола царя, который может распустить ее простым указом и по капризу созывать или не созывать ее вновь; 3) что она, стало-быть, окажется новым изданием лицемерного царизма и тем фиговым листком, которым самодержавие хочет прикрыть свою отвратительную наготу; 4) что избирательное право получат только фабриканты, купцы, крупные землевладельцы и кулаки-крестьяне, а рабочий класс и мелкое крестьянство останутся без политических прав; 5) что Государственная Дума не гарантирует ни личных, ни гражданских прав,—мы, петербургские рабочие и работницы, собравшись на сходку в числе 70 человек, решительно и единодушно высказываем презрение этой жалкой попытке сохранить разложившееся самодержавие, обмануть рабочий класс и оставить его в положении рабов, лишенных всяких политических и гражданских прав.

Признавая, далее, все потуги самодержавия ни к чему не ведущими, а самое самодержавие совершенно неспособным удовлетворить запросам страны, мы заявляем, что будем с оружием в руках добиваться созыва учредительного собрания, выбранного всеобщею, прямою, тайною и равною подачей голосов.

Таганрог. Здешняя организация ведет свое начало с весны этого года. Старая организация провалилась зимой 1903 г. Новые аресты, произведенные в 1904 году, довершили разгром. В апреле 1905 года появилось около шести интеллигентов. Они разыскали восемь рабочих из старой организации и сорганизовали их в центральный кружок. Одновременно повели работу учащихся. Организация разрослась (рабочих до 30, интеллигентов до 9, учащихся до 30). Стали устраивать собрания, на которые приходило 100—300 человек. Завязаны связи с солдатами и казаками. После собрания, на котором было до 300 человек, создалось настроение, и рабочие толпой с песнями направились в город. Полиция, очевидно, заранее выследивши собрание, устроила засаду, скрываясь за деревьями в канавах. Около полуночи она окружила толпу сплошным кольцом и без всякого предупреждения открыла огонь. Рабочие отвечали выстрелами. Ранено 3 рабочих, одному гимназисту рассекли лицо, да околодочному разбили голову камнем. Арестовано 26 человек, остальным удалось убежать благодаря сочувственному отношению казаков. (Стреляла только полиция). Через 4 дня арестованных выпустили. После этого по желанию рабочих была организована боевая дружина, которая существует и теперь. Работа продолжалась успешно, еженедельно происходили массовки. Для организованных устраивались собрания («летучки»). Кроме того, начали правильно функционировать пропагандистские кружки. 23-го июля на железной дороге началась забастовка. Организация отнеслась к забастовке отрицательно, так как время было неподходящее. Забастовка все же состоялась. К депо и мастерским присоединились работницы казенного винного склада. Металлургический завод (4.000 раб.) и котельный (800 раб.) отказались принять участие в забастовке, так как в виду застоя в делах администрация только и ждет предлога закрыть заводы. Одного товарища рабочего, предложившего поддержать забастовкой стачечников, хотели бросить в доменную печь. Забастовкой организация воспользовалась для открытого выступления. Устраивались митинги, выступали ораторы. В июле организация устроила побег двум казакам, которых заподозрели в распространении прокламаций. Данные о таганрогской промышленности: металлургический завод—4.000 чел., котельный завод Нев и Вильде—800 чел., депо жел. дор.—100 чел., мастерские жел. дор. 200 чел., табачная фабр.—80 чел., кожевенный завод—100 чел., портовых маст.—100 чел., драгиля (ломовики и грузчики)—800 чел., «тивадоры» (грузчики на рейде) 500 чел., мелкие мастерские, мыловаренный, кирпичные и др. заводы в окрестностях.

Варшава. 19 (6) авг. (Из органа С.-Д. Ц. П. и Л. «Z Pola Walki»). По поводу белостокской резни местная организация Бунда предложила нам (С.-Д. Ц. П. и Л.) устроить совместно однодневную всеобщую забастовку. Мы предложение приняли и назначили забастовку на 18 (5) авг. 16-го уже появились в рабочих кварталах наши листки с призывом к забастовке; одновременно с этим была начата и устная агитация. 17-го вечером появились карточки от Бунда, также назначавшие забастовку на 18-е число. Забастовку на фабриках и в мастерских, где работают христиане, можно было считать обеспеченной. Накануне дня предполагавшейся забастовки на всех значительных фабриках выступали наши ораторы и везде встречали сочувственное отношение. Поэтому-то 17-го числа повсюду говорили об ожидавшейся забастовке, как о факте неизбежном. Действительно, ожидания оправдались. 18-го числа с полудня стояли уже все фабрики и мастерские; в большей части фабрик забастовка началась с раннего утра. Выказала свою солидарность с забастовкой значительная часть частных учреждений: банкирских контор, торговых домов и контор. Торговля и трамвайное сообщение в Вольском участке прекратились. Таким образом забастовка вполне удалась. 19-го наша организация в особом листке выяснила значение происшедшего протеста.

P. S. Несколько слов об участии социал-патриотов (P. P. S.) в забастовке. Об их агитации ничего не было слышно. Лишь в самый день забастовки появились их листки, помеченные задним числом. Очевидно, партия, скромно и беспристрастно характеризующая себя, как «позвонок и мозг пролетариата, штаб революционного движения», считала необходимым наклеить свою партийную этикетку на движение среди варшавского пролетариата, вызванное одними нами, чтобы доказывать потом, будто «польский пролетариат слушается исключительно призывов и приказаний (!) П. П. С.».

Кострома. На михинских воротах красовалось объявление, подписанное старшим фабричным инспектором. Он объявил, что фабриканты Михин, Кашин и Зотов предлагают начать переговоры с депутатами рабочих.

Однако, фабрикантам и инспектору нужно выудить таких депутатов, которых можно было бы гладить против шерсти. Им надо, чтобы депутатам было по 25 лет, а не моложе. Оно и понятно,—молодые депутаты не так легко сдаются, как семейные, связанные семьей и забитые семейной жизнью. Им надо, чтобы депутат служил на фабрике не меньше года. Им надо, чтобы выбраны были люди, не разгибавшие спину по 30 лет, а не молодые, которым нечего терять, и которые будут грудью отстаивать интересы не только свои, а всех бастующих рабочих. Им, нашим грабителям, надо знать про депутатов всю подноготную, чтобы выловить всех честных, преданных людей и наметить бы наших предателей—«черносотенцев», для которых нет ни святого дела, ни братской любви, ни честной, трудовой борьбы. Однако, эту думу думали не одни фабриканты. Ихним пособником был наш губернатор Князев. Это он их науськал сделать так, чтобы лучше было выловить лучших, преданных нам депутатов. Сам губернатор к нам не обращается; однако, он за спиной фабрикантов строит нам свои полицейские ловушки.

Мы порешили всей массой позвать на Костромку фабричного инспектора Горбунова. Мы хотели заставить его перед всем рабочим народом рассказать да растолковать обстоятельно все, что он напечатал в листке. «Не пойду и не выйду я к рабочим!»—ответил нам инспектор. Еще бы! Ведь, он знает, что весь народ сразу увидит, в чью дудку он играет; сразу увидит, что инспектор такой же кровопийца, как и наши фабриканты. Да и с какой рожей бы пришел он к нам? Ведь, он прежде приходил к нам, но для того, чтобы лаяться на рабочих. А теперь, когда рабочие сплотились одной каменной стеной, не посмел бы лаять на них и заерзал бы, как хитрая лисица.

Костромской Комитет Р.С.-Д.Р.П. (из бюллетеня № 3).

Кострома. В моей корреспонденции из Костромы, помещенной в № 6 «Пролетария», имеется одна фраза, которая может быть истолкована—и некоторыми действительно истолковывается—не в том смысле, какой она действительно имеет. Эта фраза следующая: «При моем приезде сюда тут было три кружка пропаганды, теперь их 12». Можно

подумать, что увеличение числа кружков поставлено в зависимость и связь с моим пребыванием здесь. Между тем, этой неудачной фразой я хотел лишь указать, что за последние 2—3 месяца на моих глазах количество кружков быстро возросло.

15-го июля 1905 года.

Тверь. 11-го авг. началась стачка на стекольном заводе. Комитет партии выпустил листок с требованиями. 12-го утром на сходке было ползавода (всего работает до 300). 12-го забастовала фабрика Залогина (до 1.500). Решение бастовать принято на сходке организованных рабочих в ночь на 12-е; утром 12-го была сходка на фабричном дворе (около 700), где окончательно намечены требования. 13-го стала морозовская фабрика (15.000 рабочих),— все отделения. Приняты требования, которые раньше предлагались в комитетских листках. При остановке работ избиты полицейский и пристав. Настроение бодрое. Нехватает агитаторов, впрочем, 5 сходок Комитет уже провел.

Тула (из листка 3-го авг.). Закон 10-го июня 1903 года разрешил выбор старост от мастеров и рабочих на фабриках и заводах. Не прошло и года, как всем стало понятно, зачем была дана эта, якобы, милость. Старосты, находясь постоянно в сношениях с администрацией и под ее влиянием, становились незаметно для себя в положение шпионов и изменников. Понравилось это министру путей сообщения, и он утвердил «временные правила 8-го февраля 1905 года о выборных от рабочих». Посмотрим же, что дали эти временные правила? Избирать старост могли не все, а только внесенные в списки избирателей; поэтому и старосты не являлись представителями всех рабочих. Выбирать тоже нельзя было кого-угодно, а лишь из указанных. Наконец, из 4-х выбранных старост утвержден был только один, на которого больше надеялись, что будет держать сторону начальства. Расчеты министра и администрации оправдались. Старая лиса Бауман живо оплел старост-овечек, и они стали петь под его дудку. Он их обласкал, а они за это понемногу продают товарищей. Что просят рабочие, о том старосты молчат; что велит Бауман, то они делают. Тарифа чернорабочих они не поддержали, на выполнении требований мастеровых не настаивают, за слесаря Ермолюка не хотят заступиться, а дело с ним такое. Был он в командировке на Дальнем Востоке и уехал оттуда 6-го числа, а 16-го на него там составили протокол, будто он раскидывал листки. За это Бауман его увольняет. Тоже молчат они про Громова и Чесунова. Старосты наши не знают правил, циркуляров и хода дел. Когда их упрекают в том, что они не соблюдают интересов товарищей,—у них одна отговорка: мы своих прав не знаем. По циркуляру в минувшую субботу нас не могли назначить в работу дольше 12-ти часов. Старосты сунулись в воду, не зная броду, и просили работать до двух с половиной часов за ту же плату, Бауман обрадовался, но поломался, наврал про телеграмму, а в конце-концов заставил работать лишних 3 часа. При 900 рабочих это, ведь, 2.700 рабочих часов, даром проработанных.

Товарищи! нам не нужны старосты—лакеи нашего начальства, нам нужны рабочие организации, рабочие союзы. Вы видете, как сумели одурачить нас со старостами. И всякая правительственная мера такова, что предатели-чиновники умеют ею крепче прижать рабочего. Не нужно нам никаких временных правил, никаких подачек; нам нужны свобода союзов, собраний, свобода слова и печати. При этих условиях мы сами сумеем устроиться, как нам надо, устроиться так, чтоб нас не обманывали.

Соц.-дем. жел.-дор. союз Тульского Комитета.

Воронеж. Трудно придумать что-нибудь отвратительнее литейной мастерской Юго-Вост. ж. д. Когда работаешь, голова кружится, в груди хрипит от дыма и копоти, грязи, пыли и жары. Ко всему этому нас еще штрафуют ни за что, например, во время отливки, когда нечаянно плеснешь на пол чугуна. Расскажу, однако, прежде о том, что происходило накануне февральской забастовки и после нее у нас в литейном цехе, и как мы живем солидарно с начальством. Мастер Мещерин собрал 3-го февраля литейщиков всего цеха и обратился с такой речью: «Вот, гг. литейщики, я вас собрал для того, чтобы предостеречь вас: идут забастовки рабочих по матушке Руси, и оканчиваются эти забастовки неблагоприятными последствиями как для мастеровых, так и для правительства, а именно: голодовкой, удалением со службы, ссылкой, наконец, избиением. Я слыхал, что и у нас хотят устроить забастовку. Я прошу вас, господа, не вступать в согласие с другими цехами. Так как вы пользуетесь особой популярностью у администрации, то, прошу вас, не осрамитесь перед вашими начальниками. И вот за тишину и поведение ваше хорошее жалует вас начальство большей прибавкой жалованья (начинает читать): Егору—5 копеек, Семену—5 коп., Ивану—5 коп...». А некоторые счастливцы удостоились десяти копеек,—по счету человек пять или шесть из свиты Мещерина. «А тем, которых нет по счету (половина мастерской), будет прибавка жалованья на следующий раз». Мы развесили уши, а он нам масла подливает, сыплет словами, как все равно горохом. «А теперь я, господа, с вами поговорю о другом: так как я родился среди рабочего класса и живу тоже среди своих братьев-рабочих и хочу помереть среди своих братьев-рабочих, то прошу вас, не смотрите на меня косым взглядом. Какое будет недоразумение среди нас, давайте его решать скрытно, чтобы никто не знал; не скрывайте от меня своих нужд; обращайтесь ко мне за советом! Давайте жить солидарно!» Мы давай его превозносить: «Отец наш родной! Не покидай нас, и мы вас не покинем! Благодарим за прибавку». И разошлись, довольные судьбой. На другой день забастовали все мастерские и даже все конторщики и телеграфисты Ю.-В. ж. д. Мещерин бегал, словно угорелый: из конторы в контору, от начальника мастерских к начальнику тяги. А с нами такой ласковый, разные советы дает: «Бастовать-то здесь бастуйте, не выходите из мастерских, не присоединяйтесь к столевским, гаусманским и ивановским рабочим». Составили мы 20 параграфов. На третий день получаем ответ: «Ваши петиции не выполнены; когда министерство разрешит дать, тогда и получите». Мы озлобились; ну, думаем, пойдем на улицу. В эту критическую минуту ублаготворили наш один параграф, а именно дали нам фельдшера! Да, товарищ редактор, я увлекся своим рассказом и немножко съехал с дороги, пора и к делу. Но вот кончилась забастовка, вышли мы на работу; мастер наш собрал нас всех и говорит: «Ну, братцы, заявите ваши петиции, которые касаются только одного литейного цеха». Ну, думаем, есть надежда на спасение,—благодетель наш похадатайствует за нас! Мы предъявили шесть требований. Мещерин взялся ходатайствовать. Ждали неделю, другую, наконец, третью,— все нет; наконец, спрашиваем: «Когда же нас ублаготворят?—«Да вот скоро; начальство разбирает и обсуждает ваши требования!». Ну и правда, начали удовлетворять! Вот примеры. Один литейщик не вышел на работу по болезни, но не заявил о том Мещерину. На другой день он говорит: «Ты, сукин сын, скотина, почему не работаешь?». Оштрафовал его; целый день бедняга сработал задаром, да еще в книгу записан. Один литейщик с полным ковшом расплавленного металла споткнулся и плеснул немного на пол. Мещерин на него напустился, как кобель борзой, и давай ругать, да еще оштрафовал. Но если бы литейщик сгорел, так как это часто бывает во время отливки! За неимением хороших кранов литейщики таскают ковши вручную, а котлы—приблизительно весом со всем чугуном будут пудов десять; таскают их вдвоем, да еще на искре, так как отлитые вещи огненные, то от них жар-то и несет.

Однажды мы покончили работу минут за десять; ну, думаем, не к чему начинать, а он давай нас записывать: «Я, говорит, вас припомню во время прибавки жалованья, сегодня вы сработали полдня за день». И, действительно, на другой день вывесил половину дня.

О другом, что будет делаться в мастерской, напишу после.

Литейщик.

Вильна (авг.). 3-ю неделю закрыт завод Посселя за то, что постояли рабочие за своего товарища, не хотели допустить, чтобы рассчитали его без всякой причины. Наскакали казаки, понаехали солдаты... Администрация и не думает открывать завода. Только городской голова Мо-

зырь призывал рабочих, предлагал им стать предателями: выдать своих же товарищей «зачинщиков». Разрешил он также и побить их и обещал за это награду от губернатора.

ИЗ ПАРТИИ.

Съезд групп, входящих в состав Северо-Западного Комитета. В съезде принимали участие представители С.-З. К-та, Виленской, Минской, Витебской и Бобруйской Групп и Сморгоньской организации. Выработан новый устав, основной которого является § 2 (очередные съезды групп собираются 2 раза в год) и § 4, по которому очередной съезд выбирает С.-З. К. в составе 3 лиц на 1 год, при чем, если на очередном съезде две трети групп высказываются против данного состава К-та еще до истечения его полномочий, то происходят новые выборы. С.-З. К. имеет право кооптации. Постановления съездов обязательны для С.-З. К. и для групп, в него входящих. В вопросах местной работы, как и в своем отношении к III съезду группы вполне автономны. Из постановлений съезда отметим следующее. Сморгоньская организация признается самостоятельной группой, при чем Виленской группе впредь до мобилизации сил С.-З. К-та рекомендуется оказывать ей всевозможные услуги. Ошмянская организация находится под непосредственным руководством Виленской группы и ею обслуживается. С.-З. К-т переименовывается в С.-З. Союз. Съездом приняты следующие резолюции: 1. В виду важности в настоящий политический момент объединения борьбы российского пролетариата с самодержавием, 1 съезд групп С.-З. Союза, оставаясь по вопросу об отношении к национальным социал-демократическим партиям на точке зрения II партийного съезда, приветствует инициативу Ц. К-та по созыву междупартийной соц.-дем. конференции и, с своей стороны, считает необходимым: 1) для руководства совместной борьбой в революционный период учредить постоянную комиссию из представителей центральных учреждений партии, 2) для согласования работы и общих выступлений на местах учреждать постоянные комиссии из представителей местных партийных организаций. При этом Евр. Соц.-Дем. Р. Партия попрежнему считает необходимым организовать под своим знаменем пролетариат всех национальностей и оставляет за собой право идейной борьбы с националистическими соц.-дем. партиями.

2. Съезд приветствует первые шаги ЦК и ОК по пути к объединению обеих частей Р.С.-Д.Р.П. и, обсудив протокол совещания 12-го июля между представителями ЦК и ОК, вынес следующую резолюцию: 1) полное объединение может быть достигнуто путем соглашения между центральными учреждениями, с одной стороны, и местными организациями—с другой, 2) съезд находит предоставление периферии решающего голоса в местных делах принципиально желательным и рекомендует всем местным организациям осуществлять принцип демократизма. Решение же вопроса, как далеко можно проводить этот принцип в данной организации, предоставляется местному комитету или соответственному учреждению; 3) съезд считает «центральные конференции» не только желательными, но и вполне возможными и осуществимыми; 4) в интересах окончательного устранения трений между обеими частями партии съезд признает желательным временно оставить заголовок: «ЦО» и за «Искрой», и за «Пролетарием»; 5) Съезд требует, чтобы центральные учреждения приложили все усилия к скорейшему осуществлению объединения обеих частей партии.

3. Съезд признал желательным устройство демонстраций только при наличности сильных вооруженных отрядов, к созданию которых организации должны приложить все усилия.

Листок Виленской Группы (№ 1). Мы уже отмечали и приветствовали почин Саратовского Комитета в деле осведомления организации о деятельности местного центра путем специальных листков. Та же потребность осведомления путем отдельных изданий признана и Виленский группой. Ее «Листок» (тетрадка в 12 страниц) вызван к жизни тем, что по мере того, как расширяется наша работа и растет число организованных рабочих, все больше чувствуется потребность в таком местном органе, который бы время-от-времени ознакомлял всех здешних товарищей с важнейшими событиями местной и общепартийной жизни и восполнял бы недостаток постоянных собраний всех организованных рабочих. Содержание листка № 1 следующее: 1. «Долой комедию», статья о Гос. Думе, заканчивающаяся так: «Наш лозунг—долой комедию! долой царя с его уступками! Презрение такой Гос. Думе, которая согласится собраться при теперешних порядках! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика!». 2. Стачка виленских кожевников. 3. О съезде групп, входящих в состав Сев.-Зап. Комитета. 4. Первая областная конференция Сев.-Зап. края. 5. Хроника. 6. Деятельность Виленской группы. 7. Отчет Вил. группы с 1-го июня по 10-е авг. (приход 718 р. 10 к., расход 593 р. 43 к.). 8. Отчет по забастовке кожевников. Деятельность группы расширяется: много новых связей и рабочих кружков, ряд массовок; образовалась группа пропагандистов. С конца июля изданы: 2 листка, напечат. в тип. Сев.-Зап. К-та (3.000 и 10.000); затем на гектографе 6 экон. листков по-русски и по-польски в числе (в общем) 800 экз.

«Рабочий». Нами только-что получен № 1 газеты «Рабочий», издание ЦК Р. С.-Д. Р. П. (август 1905 года). Пока ограничимся сообщением содержания: От редакции. Революция и контр-революция в России. Земство и рабочий класс. Насилие и обман. Памяти Сазонова. Хроника. (Страниц 12 в два столбца).

«Сибирский Социал-Демократический Листок» издается Союзным Сибирским К-том Р. С.-Д. Р. П. Орган этот, как объясняет в своем предисловии редакция, возник по инициативе состоявшейся недавно общесибирской конференции партийных работников. Необходимость издания местной газеты конференция мотивировала тем, что общепартийные органы как благодаря своей отдаленности от центров движения, так и благодаря тому, что доставка их по необходимости запаздывает, не в силах в настоящее время удовлетворять жгучей потребности растущего и обостряющегося революционного пролетариата в партийной литературе, которая бы отзывалась на политические вопросы дня, общерусские и местные. Исходя из этих соображений, конференция и признала желательным «издание в Сибири популярного периодического органа, имеющего целью по возможности восполнить существующие в этом отношении пробелы». Содержание №1 газеты следующее: Предисловие от редакции. Царская война и всеобщая сибирская стачка. За полгода (краткий обзор соц.-дем. деятельности в Сибири 1-го янв.—1-го июля 1905 г.). Политическое обозрение (июль 1905 г.). Хроника Сибири: Кутайсов-либерал; первый открытый митинг в г. Томске; Томск. Корреспонденции из Оби, Омска и Каинска. По России: К одесским событиям.

Одесса. Уважаемые товарищи! Обращаюсь к вам с просьбой поместить в нашем ЦО мое письмо, которое, по моему мнению, имеет некоторое значение. На-днях мне пришлось столкнуться со следующим фактом. Один рабочий, знавший меня, просил, чтобы я зашел к нему по делу. На мой вопрос: для чего? он ответил, что некий молодой человек, приезжий, хочет вступить в организацию большинства, но не имеет связей и потому просит свести его с кем-нибудь из нашей организации. Придя к нему, я застал у него того, о ком он мне говорил. Завязался разговор о минувшей забастовке. Мой собеседник, который оказался меньшевиком, спросил, состою ли я еще в организации. Я ответил, что работаю при организации большинства, как и прежде. «Но я,—возразил мой собеседник,—слышал о недовольстве вашем своей организацией». Я ответил, что он неверно слышал. «В таком случае,—говорит он,—мне неверно передали. Если вы работаете еще при своей организации, то я вас отговаривать не стану. Но вообще теперь, в виду частых провалов и особо ощущаемой недостачи работников, «большинство» ликвидирует свои дела и передает нам свои связи. В виду

этого, чтобы не остаться без организации, я предлагаю вам и вашим товарищам перейти в нашу организацию». (Передаю дословно). Я заметил, что эти слухи неверны, и что вообще недостойно социал-демократа такими путями переманивать менее сознательных рабочих (так как более сознательные ему не поверят). Он стал уверять, что я могу этому верить, так как это сущая правда. Затем он стал меня расспрашивать о связях, но я не желая продолжать этой пустой болтовни, простился с ним и ушел. Я думаю, что поступил вполне логично, не вступая с ним в дальнейшие разглагольствования, так как, допуская охотно борьбу идейную, путем убеждения, я в то же время (думаю, со мною каждый должен согласиться) совершенно не представляю себе возможным и достойным для социал-демократа стараться обманным путем перетягивать к себе несознательных рабочих, внося этим раздор и нередко даже разочарование в среду рабочих. Считаю нужным прибавить, что описанный мною случай—не первый. Еще недели три назад были сделаны такие же попытки и в городском районе (этот случай имел место в Пересыпском районе). Но благодаря сознательности рабочих, к которым обращались с этими предложениями, эти попытки не имели никакого успеха. И вот после того, как этот факт имел место в разных районах, было предложено послать описание случившегося у нас в ЦО с просьбой напечатать. Цель этого,—в виду того, что подобный факт проявился в нескольких местах, так что не может быть случайным,—выяснить, действуют ли работники из «меньшинства» по заранее составленному плану, или же это просто инициатива добровольцев. Я думаю, что орган «меньшинства» не оставит нас без надлежащего ответа.

Рабочий из большинства.

Меньшевистский комитет о булыгинской Думе. Редакцией «Пролетария» получены три первых номера «Летучего Листка» Иркутского комитета Р. С.-Д. Р. П. В № 2-м этого листка находим, между прочим, чрезвычайно интересную статью (передовая—«Министерская стряпня»), из которой приводим некоторые поучительные (для новой «Искры») выдержки.

В начале статьи идет резкая критика проекта булыгинской думы. Дальше читаем: «Как отнесутся к этому проекту господа либералы, демократы и буржуазные партии?»... «Таким самоуправлением (т.-е. думой) не удовлетворятся теперь и либералы». «Рабочий же класс с негодованием вернет самодержавию этот ответ на требование всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Никогда рабочий класс не примирится с имущественным цензом»... «И все те, кто примирится с этим ограничением избирательного права, кто готов забыть, что мы требуем всеобщего и равного для всех избирательного права,—все они—изменники народному делу, все они—враги наши! И с ними, будь это партии или люди, мы будем вести борьбу такую же, как и с самодержавием! Ни сладкие, медовые речи о дружбе, о том, что у нас сейчас один общий враг, никакие заискивания не обманут нас! Маски долой!—скажем мы им. Если вы не хотите иметь в нас, рабочих, своих смертельных врагов и в данную минуту всеобщего натиска на самодержавие,—вы должны так же твердо, как и мы, оставаться при вашем требовании!»... «Если вы от него отступитесь,—вы для нас сливаетесь в одно целое с самодержавием! Нашей кровью мы не хотим покупать свободу только вам!»... «Поймите это!»...

Иркутский комитет думал прочитать горячую отповедь правому крылу либералов и совершенно неожиданно для себя прочитал ее новой «Искре». Предоставляем читателю сделать выводы из этой красноречивой отповеди и сравнить их с маниловским планом «Искры» или сопоставить с откровенно-популярной пошлостью, изложенной в № 11-м «Социал-Демократа». В чем, думаете вы, заключается главное возражение этой «рабочей газеты» против бойкота? А в том, что «для рабочих тут своего собственного дела, своей собственной политики не оказывается. Они должны просто сидеть, сложа руки». Нет, дорогие новоискровцы,—напоминает редакции «Социал-Демократа» меньшевистский комитет,—вы позабыли (или «готовы забыть»), что у рабочего класса всегда есть свое собственное дело, своя собственная политика. И «эта министерская стряпня, которую, как обглоданную кость, бросает теперь России самодержавие, она не разобьет силы напирающей на самодержавие революции!».

«Товарищи!—цитируем уже по 3-му номеру «Летучего Листка»,—Можем ли мы верить этим людям (читай: «решительным и крайним» цензовикам), что они останутся стойки в своих требованиях? Что, раз вступив на скользкий путь соглашения с самодержавием, они не предадут ему всего? Что страх перед просыпающимся народом не заставит их все теснее и теснее сливаться с самодержавием? Ответ ясен! Нет им доверия рабочих! И если мы всегда вносили в наше отношение к либералам недоверие, то теперь должно быть усугубленное недоверие!»... Только самостоятельная рабочая партия может верно защищать интересы рабочих!»...

Правильно, товарищи иркутские меньшевики!

Бежали и прибыли за границу: 1) Константин Фельдман (по делу «Потемкина») из Севастопольской военной тюрьмы. Одновременно с ним скрылись тюремный надзиратель и часовой; 2) А. Мичник из с. Урик Иркутской губ.; 3) Павел Ногин из Чердыни; 4) Виктор Ногин из с. Кузомень, Кольского у., Арх. г.; 5) оттуда же Петр Гусев, раб.; 6) оттуда же Антон Новохатка, раб.

В заграничную кассу ЦК поступило: Из России 200 руб., от «Сибиряка» на нужды восстания—125 фр., через т. Ад.—15 фр., «Спорные деньги»—15 фр. Из Лейпцига на нужды восстания по подп. л. №№ 705 и 707—21 м. 05 пф.; на поддержку пострадавших 9-го января в Петербурге (по подп. л. № 44)—20 м. 60 пф.; для «Потемкина»—4 марки.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Центральным Комитетом: Летучие Листки ЦК № 1 и 3. Бакинским К-том: 1. Ко всем бакинским рабочим, 2. Наши умиротворители, 3. Требования ремесленников, 4. К рабочим Белого городка о заводе Ротшильда, 5. Постановления выборных представителей от мастеровых и рабочих Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества, 6. К рабочим завода Восточного О-ва в Белом городке (все печат.); Рижским К-том: 1. Кто и как будет выбирать представителей в Государственную Думу (3.000 рус., 5.000 лат.), 2. К запасным (2.000 р., 3.000 лат.), 3. К рижским гражданам (1.000) (все печат.), 4. Чего хотят соц.-дем. (программа для интелл. кружков); Иркутским К-том: 1. «Летучий Листок» № 1, 2. «Летучий Листок» № 2, 3, «Летучий Листок» № 3, 4. Приложение к «Летучему Листку» № 2, 5. Приложение к «Летучему Листку» № 3 (все печат.); Либавской Группой: В Либаве вспыхнула всеобщая забастовка (гект.), 2) По поводу мобилизации (гект.); Саратовским К-том: По поводу слухов о погроме (печ.); Тверским К-том: К рабочим стекольного завода Куровой (гект.); Костромским К-том: Бюллетени № 3 и 4; Виленской Группой: «Листок В. Гр.» № 1; Иваново-Вознесенским Комитетом: О черной сотне (10.000 печ.); Томским Ком.: 1. В Томскую Гор. Думу (№ 99), 2. К солдатам и казакам (№ 100), 3) Чему учит нас стачка? (№ 101), (все печат.); Сибирским Союзом: «Сибирский Соц.-Дем. Листок» (печ. газета, 8 страниц).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Просим все организации сообщить, по каким именно адресам ими получается «Пролетарий». Достаточно сообщить одни фамилии.

Каразину, Вяземскому, Канскому, Чудной, Оле 333, А. Н-авану, Сергею С.—получено. Ка-

навино, Организатору-рабочему. Постараемся поскорее исполнить вашу просьбу. Пропагандисту. То же. Шугар. Не посылайте заказных писем. Нищему. Куда просили—написано. Алеше. Адрес для писем напутан. К. А. Ваши корреспонденции, к сожалению, получены только теперь—по вине адресата. Алексею. Все получаем аккуратно. Давид. Письмо Д. получено. Топкину. Напишите, где и как устроились, необходимо связаться. Фридову. Дайте адрес для писем. Измаилу, 3. 4711. Отчего не пишете? Челябинской группе. Адрес разобран, будет послано. Людмиле и Георгию. Получили ли наши письма? Послано 3. Ване. То же. Послано 2. Мальцеву и Ольге. Нет ни явок, ни адресов для писем. Евсееву. Отчего ничего не пишете? Ваши адреса, верно, не действуют, пришлите новые. Вареньке. Не можем разобрать письма, у вас, верно, другое издание, надо второе. Лисину. Сообщите адреса своим ключом.

LE PROLETAIRE

Prix: 30 cts.

ЖЕНЕВА. 14 (1) сентября 1905 года.

№ 17.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Мир и реакция.

Мир заключен. После ряда поражений, небывалых в истории, царскому правительству удалось при помощи европейской и американской буржуазии добиться [ценою тяжелых уступок остановки победоносного натиска Японии. Вопреки всем дипломатическим уловкам и увертках царское правительство на деле признало себя побежденным. Россия теряет часть своей территории. Позорный конец позорной войны на долгие годы оставит свои следы. Но европейский и американский капитал соединились, чтобы не позволить Японии добить самодержавие, ибо быстрый крах его грозит революционным пожаром в Европе, восстаниями пролетариата против буржуазии] [1]). Правящая клика [царских слуг] с облегчением вздо[ыхает]: одна гора свалилась с ее плеч. Но может ли тоже сказать русский народ?

Когда пришло известие о заключении мира, известный американский писатель, Марк Твэн, воскликнул: «Думаю, что благо, принесенное этим миром, не может даже отдаленно сравниться с причиненным им злом. Еще одно поражение и с миллионов и миллионов еще не родившихся русских спали бы цепи. Я желал этого нового поражения русских. Я думаю, что Портсмутский мир — одно из печальнейших событий истории».

Мы не разделяем мрачного пессимизма Марка Твэна. Нам кажется, что судьба «миллионов и миллионов еще не родившихся русских» зависела и зависит не только от исхода войны. Но одно несомненно: поскольку развитие русской революции, а следовательно, и полное освобождение русского народа от цепей самодержавного порядка, зависит от военного поражения царизма, постольку это развитие тормозится и осложняется Портсмутским миром. Развитие политического самосознания [в рабочем классе и] в широких слоях народа [вообще шло за последние годы русской жизни с невиданной прежде быстротой] [2]). Народ начал сознавать себя [верховной], суверенной силой в государстве. Идея учредительного собрания на началах всенародных выборов, как политического выражения [самодержавия] народа, стала ходячим лозунгом дня, проникла во все уголки России, отразилась даже в приговорах волостных сходов. Но две [самодержавные] власти не могут существовать в одном государстве. [Либо самодержавие царя, либо самодержавие народа. Между тем и другим неизбежна] [3]) беспощадная борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. И эта борьба началась. Народ, с революционным пролетариатом во главе, вел эту борьбу, [проникаясь] сознанием своего верховного права, жгучей потребностью свободы. Творческим элементом народной революции правительство противопоставило разрушительные силы «порядка»—пулю и штык. Но военное могущество самодержавия—его единственная опора—подверглось в это время тяжелым испытаниям войны с Японией. Поражения шли за поражениями, одно тяжелее другого, одно позорнее другого. И всякий новый удар, нанесенный военной силе царизма, пробивал брешь, в которую устремлялись [новые волны] революци[онного потока]. Победеносная Япония являлась таким образом невольным союзником,—далеким, незнакомым, стихийным союзником русского освободительного движения. Как разрушительные силы природы способствуют нередко творческой деятельности человека, так и эта кровавая, гибельная война расчищала путь для русской революции.

Война сама по себе, независимо от ее исторического значения, есть великое народное бедствие. Она уносит десятки и сотни тысяч молодых жизней, она разоряет семьи убитых и изувеченных, лишая их работников, она останавливает промышленную жизнь страны, выбрасывая на улицу целые армии безработных, она бессмысленно поглощает миллиарды народных денег. Да, война—это великое народное бедствие. Но социал-демократ не может рассматривать войну независимо от ее исторического значения. Для него не может быть абсолютного бедствия, как не может быть и абсолютного блага и абсолютной истины. Он должен рассматривать и оценивать значение войны с точки зрения интересов своего класса, пролетариата, интересов его развития и освобождения. Он должен оценивать войну не по количеству жертв, а по ее политическим последствиям. Выше интересов личностей, гибнущих и страдающих от войны, должны стоять интересы класса. И если данная война служит интересам пролетариата, как класса, пролетариата в целом, если она освобождает его от части уз, дает ему свободу борьбы и развития, то такая война есть явление прогрессивное, независимо от жертв и страданий, которые она влечет за собой.

С абсолютной точки зрения революция есть такое же бедствие, как и война. Революция—тоже война, гражданская война, война более разрушительная и ужасная, происходящая всецело на территории данного народа и вовлекающая в борьбу все слои населения. Революция, как и война, несет с собою смерть, пожар, разорение, голод. Но разве повернется хоть у одного революционера язык, чтобы протестовать против революции, выдвигать против нее то соображение, что она есть бедствие, независимо от ее результатов? А между тем, именно с этой сантиментально-этической точки зрения раздавался в известной части русской социал-демократии протест против войны. В то время,

как левое крыло российской социал-демократии, клеймя войну, протестуя против нее, требуя ее прекращения, связывало это прекращение с созывом учредительного собрания, ставило одной из первых задач учредительного собрания прекратить преступную войну,—«Искра» выдвигала лозунг: «мир во что бы то ни стало». Мир во что бы то ни стало—это значит мир, хотя бы ценой сохранения самодержавия, хотя бы ценой подавления революции. Такая постановка вопроса противоречит всей позиции социал-демократии, такой лозунг противоречит самым жизненным интересам пролетариата. Мы указывали в свое время (см. «Вперед» [№ 2, «Падение Порт-Артура» и] № 13 «Европейский капитал и самодержавие»), что лозунг, выдвинутый «Искрой», играет на руку реакции. После того, как военное могущество самодержавия было разбито, после того, как всем неослепленным стало ясно, что царское правительство не сможет уже оправиться от разгрома и закончить войну—если не победоносно, то хоть с честью,—лозунгом европейской реакции, [европейской буржуазии] стал «мир во что бы то ни стало», мир—с целью не допустить падения самодержавия. Ведя агитацию за «мир во что бы то ни стало», проводя в рабочих собраниях соответствующие резолюции, мы играли бы на руку реакции, создавая тот «глас народа», который мог бы быть очень удобно использован правительством, если бы крайняя необходимость спасения самодержавия заставила его по своей инициативе начать переговоры о мире.

Насколько правы были мы, протестуя против безоговорочного требования мира, против выдвигания таких двусмысленных лозунгов, как «мир во что бы то ни стало», показала теперь действительность. Мир теперь заключен—и заключен [в точном соответствии с лозунгом] «Искры» «во что бы то ни стало». Он заключен без участия какого бы то ни было народного представительства, заключен самим царским правительством и, конечно, не ради интересов народа. Те, кому нужен и важен был *такой* мир, начинают теперь высказываться откровенно. «России... пришлось вести параллельно *две* войны за свое международное и государственное положение,—пишут «Московские Ведомости» в № от 18 (31) августа,—войну внешнюю и *войну внутреннюю*. Если она ни той, ни другой не вела с достаточной энергией, а потому ни в той, ни в другой не достигла желанных успехов, то это отчасти может объясниться тем, что *одна война мешала другой*, и Россия не могла в достаточной степени сосредоточиться ни на внешних, *ни на внутренних своих врагах*».

«Если теперь, как нужно полагать,—продолжает реакционная газета,—война на Дальнем Востоке прекратится, то России *будут, наконец, развязаны руки, чтобы победоносно прекратить и внутреннюю войну*. Это ей будет тем легче, что здесь уже не будет надобности в торжественных «мирных переговорах» с представителями враждующего государства, а следовательно, не нужно будет и назначать для этих переговоров особенного «уполномоченного», вверяя ему честь и достоинство России; нет, *положить конец внутренней войне* правительство имеет не только право, но и обязанность без всяких переговоров с врагом, а *посредством энергичных, разумных и последовательных мер, клонящихся к окончательному его подавлению*».—«С прекращением войны все внимание России сосредоточится на внутренней ее жизни и *главным образом на усмирении смуты*». Мир развязал руки реакции, и она начинает высказываться прямо и откровенно. И эта прямая и откровенная речь «Московских Ведомостей» лучше всяких трактатов выясняет политическое значение войны с Японией для всей общественной жизни России, для русской революции вообще, для российского пролетариата в частности. Она показывает, насколько близок к правде был Марк Твэн, говоря: «еще одно поражение—и с миллионов и миллионов еще не родившихся русских спали бы цепи».

Мы сказали выше, что не разделяем мрачного взгляда Твэна на последствия Портсмутского мира. Мы думаем, что судьба «миллионов и миллионов еще не родившихся русских» зависит не только от исхода войны. Война явилась очень важным и очень сильным подспорьем русской революции, она [в некоторых отношениях вполне] заслуживает название [войны] революционной, но все же она была только подспорьем, только сторонней помощью. История знает еще более сильные разгромы самодержавных государств, вызывавшие, однако, не революцию, а, напротив, взрыв патриотизма. Следовательно, основным социальным фактом является не война, а [внутренние экономические условия жизни страны, развитие которой несовместимо с существованием самодержавия] [4]). Война, несомненно, сильно революционизировала умы, она восстановила против правительства широкие круги крестьянства, разоряющегося вследствие мобилизаций, она озлобила массы несознательных рабочих, изнуренных безработицей, она дезорганизовала армию. Но все же главное влияние оказала война не на усиление революции, а на ослабление правительства. В этом основное прогрессивное значение минувшей войны, и это прекрасно понимает сама реакция, как мы слышали уже из уст «Московских Ведомостей».

Но если с прекращением войны прекращается и непосредственный разгром сил самодержавия, то далеко еще не прекращается от этого революция. Напротив, есть основание ожидать, что в ближайшем будущем революция может получить новый толчок. [Во-первых, толчком этим непременно явится агитация против Государственной Думы, по поводу выборов в Думу, по поводу конституционных конфликтов внутри Думы, если она все же соберется. Во-вторых, тяжелые экономические последствия войны начнут сказываться с особенной силой лишь спустя некоторое время после заключения мира, когда все яснее и яснее станет бремя расплаты за войну. В-третьих] [5]), толчка этого следует ожидать от возвращения манчжурской армии и солдат из японского плена. Несмотря на варварскую военную цензуру, в заграничные газеты проникали известия о революционном настроении в армии, широкой социал-демократической агитации, о массе листков, о полевых судах и расстрелах за агитацию. И теперь, когда правительству приходится вернуть в Россию этот рассадник революции, оно оказывается в критическом положении. Уже носятся слухи—они распространяются от «Света» до «Сына Отечества»—будто правительство намерено оставить армию на Дальнем Востоке. По до-

говору о мире оно выговорило себе право увести войска в течение 18 месяцев. Теперь в связи с протестом японского народа против мира выдвигаются доводы, что необходимо оставить войска на театре военных действий, так как нельзя доверять «коварным» японцам, нельзя полагаться, что они не нарушат мира. Из этой двусмысленной политики ясно одно: правительство хочет всеми силами оградить себя от революционизированной манчжурской армии. Но, с другой стороны, и оставление армии на Дальнем Востоке чревато для правительства новыми бедами: каждый месяц промедления грозить превратить революционизированную армию в армию революционную. Так мечется царское самодержавие между двух огней, теряя голову и не способное сообразить, который из них для него гибельнее.

Марк Твэн не дооценивает значения народной революции. Он упускает из виду, что новое поражение царской власти только тогда снимет цепи с миллионов не родившихся еще русских, когда миллионы [угнетаемых теперь] русских [сумеют воспользоваться] этим поражением, произведя с своей стороны натиск на самодержавие. Полагаясь гораздо более на борьбу самого народа, чем на благоприятные международные осложнения, более на войну внутреннюю, чем на войну внешнюю, мы, естественно, не разделяем пессимизма Твэна. Крайности нередко сходятся в оценке событий,—и мы смотрим на Портсмутский мир так же, как и «Московские Ведомости», именно, как на поворотный пункт в революции. Реакция освободила свои руки и стягивает свои силы. Революция не должна уступать ей в этом; она должна стянуть свои силы, должна удвоить энергию и напряженность своей работы, чтобы подготовить решительный удар. Реакция готовится подавить народное движение «без всяких переговоров»,—народ должен также без переговоров раздавить реакцию. Необходимость вооруженного народного восстания роковым образом диктуется всей политической позицией настоящего момента, насущными нуждами русского народа, классовыми интересами пролетариата. Японии не [позволили] добить царского могущества—эта задача [целиком] выпадает на долю революционного народа. Его свобода, его судьба в его руках. Он должен нанести окончательный удар самодержавию и тогда «с миллионов и миллионов еще не родившихся русских» действительно спадут цепи.

(В. Воровский).

Массовая политическая стачка.

Статья V.

Может ли массовая стачка быть побежденной?

Как известно, идея массовой политической стачки встречает сопротивление со стороны оппортунистически настроенных вождей экономических рабочих стачек Германии, которые увлечены накоплением денег в рабочих кассах и с великой досадой смотрят на все, что ведет за собою расходы. Сильные рабочие кассы—вещь, конечно, очень хорошая, но, к сожалению, на малосознательных «вождей» они часто производят развращающее влияние.

Берне острил, что если бы у него был фарфоровый сервиз, он не мог бы больше быть радикальным общественным деятелем: как совместить переезды, бегства, беспокойства жизни преследуемого правительством «врага общества» с владением столь дорогим и столь хрупким предметом? Так и «экономисты», обременяемые постепенно толстеющими кошельками, теряют подвижность,—из того серебра, которое должно бы было быть оружием рабочего класса, они делают ему цепи.

От перспективы всеобщей стачки, которая потребует напряжения всех средств, эти господа накопители приходят в ужас и прежде всего начинают доказывать, что это предприятие безнадежное. Доводы их сводятся к следующему: «Пролетариат слишком слаб для того, чтобы провести стачку без поддержки других классов, между тем о такой поддержке смешно было бы и говорить. Нельзя надеяться на такое распространение стачки, чтобы она могла нанести действительно серьезный удар политическому обществу, между тем рабочим придется жестоко голодать, и голод доведет их до отчаяния. Между тем, первым же взрывом страстей правительство воспользуется, чтобы при аплодисментах всего напуганного «общества» потопить движение в крови».

Прежде всего нужно заметить на это, что не всякая стачка должна длиться до тех пор, пока правящая компания не почувствует огромного вреда,—стачка в 2—3 дня, как демонстрация, может в иных случаях оказаться действительной. Это доказывает ряд примеров из истории стачечного движения еврейского пролетариата [6]). Но, конечно, когда дело идет о чем-нибудь очень существенно затрагивающем привилегии господствующих, нужно быть готовым к упорной экономической войне. Если бы задачей рабочих при массовой стачке было принудить капиталистов голодом к уступкам, то, конечно, вся затея была бы анархической бессмыслицей. Но, ведь, мы говорим не о всеобщей стачке в духе анархистов, а о политической массовой стачке, рассчитанной прежде всего на относительную или полную победу над государством.

Прежде всего массовая стачка окажет могучее косвенное давление на правительство, дезорганизуя общественную жизнь, охрана которой есть смысл существования государства. Крупная промышленность, сообщения, обмен известиями—все это будет более или менее парализовано; цены на предметы необходимости начнут быстро подниматься. Освещение, санитарная служба, может-быть, доставка воды станут в высшей степени нерегулярными. Население будет жить словно в неприятельской стране, средний класс, торговое сословие подымут ропот. Каждый имущий будет обуреваем всяческими страхами за свою жизнь и свою собственность. Все будут вопить к правительству о помощи, о восстановлении порядка. Но как может правительство заставить миллионы рабочих вернуться в их мастерские и копи? Грубой военной силой тут ничего не поделаешь. К тому же и она будет крайне ослаблена. Для энергичного усмирения правительство нуждается в единстве плана, следовательно, в постоянных и быстрых сношениях остальных частей с центром, между тем именно это будет невозможным, как невозможным станет и быстрое передвижение войска: государство распадется, каждая провинция будет предоставлена себе самой. К тому же в тех случаях, когда рабочий класс не сможет рассчитывать на от-

каз со стороны войск подымать руку на братьев своих, рабочие будут настолько осторожны, что нигде не дадут возможности вызвать бойню: они воздержатся от всяких насилий, они будут расходиться по требованию полиции, чтобы собраться снова в другом месте, а фабрики, заводы, копи и железные дороги все-таки ни с места!

Но, ведь, придется голодать? Да. Конечно, кое-какую помощь рабочим окажет сочувствующая публика, мелкие торговцы будут давать в кредит, поддержат их и потребительные общества (рабочие же), но все же нужда будет налицо, оно будет расти с каждым днем. Но разве не бывает того же при всякой мало-мальски затянувшейся стачке. Выносливость человеческая становится изумительной, когда люди имеют перед собой великую цель, когда они воодушевлены, и когда их сдерживает дисциплина. Но какой же класс может сравниться с рабочим классом по высоте преследуемых целей и по силе дисциплины?

Организованность и дисциплина—это главные силы пролетариата. Вот почему самым странным преступником перед ним является всякий, кто подрывает дух дисциплины, кто под какими бы то ни было предлогами дезорганизует его ряды. Не знаю, сможет ли кто привести пример того, чтобы дурачили рабочих и сбивали их с их истинного пути под флагом пролетарской дисциплины? Были ли примеры, чтобы вождь, честно-открыто призывающий пролетариат к сохранению дисциплины, заботился лишь о том, чтобы верховодить над рабочими или отравлять их оппортунизмом? Таких примеров я не знаю, но под флагом «рабочей самодеятельности»,—под этим красивым флагом работали свою преступную работу оппортунисты в роде Брусса, дезорганизаторы-анархисты в роде Домелы Ньювэнгайса. Где в социал-демократии, в ее истории цезари и диктаторы, которые, требуя дисциплины, злоупотребляли бы своим положением признанного вождя? Кого обвиняли в такой диктатуре? Маркса, Лассаля, Бебеля! Правильны ли были эти вопли—читатель сам знает. Бывали ли в истории социализма демагоги, обиженные честолюбцы, которые делали свое разрушительное дело, прикрываясь лозунгом «рабочая самодеятельность»? Таких примеров сотни! К «самостоятельности» взывал Бакунин, терзая на части Интернационал. К самодеятельности взывал Брусс, разрывая еще молодую рабочую партию Франции. Против теоретиков, литераторов и «непримиримых пап» в роде Каутского орут теперь немецкие экономисты и апеллируют тоже к самостоятельности рабочих. И самодеятельность рабочих после недолгих колебаний проявляется всегда тем, что рабочие посылают к чорту дезорганизаторов и вновь убеждаются в том, что их *главная сила—дисциплина и организация.*

Организация,—говорит Роланд-Гольст,—дает рабочему то, что давало оружие феодалу, деньги—буржуа: стойкость, гордость, чувство собственного достоинства. Без организации рабочий самое беззащитное существо на свете, он должен сгибаться перед всякой угрозой, он становится трусом и рабом. В организации он научается владеть собою, подгонять свои маленькие и случайные интересы к интересам всего целого, в организации он научается дисциплине. Пролетарская дисциплина учит подчинять свои влечения и капризы—своей разумной личности, которая крепнет в среде других таких же личностей,—на этом покоится добровольное подчинение свободно избранным вождям, выразителям общей разумной воли. Дисциплина солдатская принижает человека потому, что она принуждает его безропотно служить чуждым, даже противным целям; пролетарская дисциплина возвышает человека, делая возможным достижение общими усилиями таких целей, которые превосходят единичные силы. Только свободная пролетарская дисциплина делает для нас возможной победу над нашим могучим врагом. Она дает массам доверие к вождям, вождям—веру в массы, каждому—уверенность в товарищах. Только она дает возможность победить кампанию лжи, провокации, запугиваний и лживых обещаний со стороны правительства. В начале неорганизованный и недисциплинированный пролетариат возбужденно и как-будто решительно начинает борьбу, пожалуй, даже решительнее и охотнее, чем впоследствии, потому что его жизнь слишком безотрадна и ему нечего терять, но выносливым он не может быть. Неорганизованный пролетариат находится во власти изменчивых порывов и настроений: сегодня он с геройской дерзостью бросается на бесконечно сильнейшего врага, а завтра отступает перед совершенно мнимою опасностью. Между тем, ничто не нужно борющемуся пролетариату в такой мере, как стойкость и спокойствие, а их могут гарантировать только организация и дисциплина. Допустим, что штыками правительству многого добиться не удастся, если стачка поведена разумно и дружно. Но разве у правительства нет других средств? Оно может прибегнуть к массовым арестам наиболее видных рабочих у них на квартирах, оно может выгонять рабочих из их жилищ, если эти жилища принадлежат государству или городу; оно может распространять ложные известия о мнимой измене, о том, что в той или другой местности работы начались и т. д. Правительство может подкупать босяцкие элеманты, компрометировать стачку погромами; оно заставит прессу травить стачечников, а церковь проклинать их. Разве русское правительство не пыталось вызвать в невежественном люде озлобление против стачек в январе обвинениями рабочих в том, что они подкуплены японцами? Чтобы рабочий стойко выдержал все эти испытания, надо, чтобы в своей повседневной борьбе он сознавал свою великую пролетарскую миссию, гордую волю пересоздать общество на новых, высших началах. Классовое самосознание, которым вооружает рабочего социал-демократия, спасает его от поспешности, заносчивости, а также и от уныния, и робости.

На энтузиазм и стойкость рабочих, на их дисциплинированность и организованность приходится прежде всего рассчитывать в борьбе с врагом. Но, кроме того, рабочий закален житейскими невзгодами. Существует ли хоть одна рабочая семья, которой не приходилось бы переживать период хронической нужды вследствие безработицы или болезни кормильца? Нужда не новость рабочему, и ею не запугать его, когда он начал серьезную борьбу.

Кроме того, Роланд-Гольст указывает на тот метод ведения всеобщей стачки, который стихийно выработался в практике русского пролетариата. Этот метод позволяет тянуть стачку месяцами, не доходя в то же время до истощения своих сил. Движение принимает

характер постоянно чередующихся, возникающих, замирающих и вновь возникающих стачек по всему лицу страны и во всех отраслях производства. Конечно, действие такой формы стачки не может быть быстрым, она напоминает не столько приступы, сколько осаду, но она все же подрывает экономические основы общества и создает то состояние общей неуверенности и беспокойства, непрерывно поддерживать которое нам и важно.

Конечно, и при такой форме движения организация и дисциплина необходимы в той же мере. Доведенная до совершенства добровольная дисциплина, всеобщее согласие—это то, чем рабочий отличается от государственной машины. Эта машина только кажется прекрасно организованной,—на деле она слаба. Казалось бы, превращение феодального государства в новейшее централизованное военно-полицейское есть шаг вперед. Не надо забывать, однако, что в буржуазно-капиталистическом государстве настоящие господа, капиталисты, всецело отдаются приобретению, дело управления поручают наемникам, как бы последние ни назывались, в каких бы коронах ни ходили. Таким образом, современное буржуазное государство не есть организация самого господствующего класса, а служебная организация. Чиновники служат капиталистам ради заработка, армия в своей массе—под давлением насилия: ни та, ни другая не заинтересованы прямо в господстве буржуазии. Далеко не все слуги государства относятся к нему с одинаковой любовью: мелкое чиновничество, солдаты, городовые сами терпят эксплоатацию и надругательство, и чувство застарелой обиды легко может в решительный момент бросить их в лагерь врагов их начальства. Если рабочим удастся продолжительное время держать в осаде государство и общество, в среде господствующих начнется раскол. Одни из них будут кричать о необходимости кровавого урока бунтовщикам, другие будут рекомендовать политику лжи и хитрости, провокации и мнимых уступок, третьи будут доказывать, что необходимо успокоить народные массы действительными уступками, четвертые подымут толки о неспособности правителей, давая волю долго скрывавшемуся недовольству лицами или порядками. Чем тревожнее становится положение, тем заметнее растет раскол господствующих и единство стачечников. Каутский следующим образом рисует этот момент:

«Если стачечникам удастся, наконец, хоть в какой-нибудь частности дезорганизовать государственный механизм, склонив ли на свою сторону какую-нибудь часть его, или принудив правительство в замешательстве привести к беспорядку путем противоречивых приказов и отказов—тогда пролетариат близок к победе; господствующие классы теряют доверие к правительственной власти (этот момент, собственно говоря, уже наступил в России), они перестают верить в его способность охранять их интересы, страх овладевает ими, продолжение сопротивления грозит им гибелью, они осаждают правительство требованиями пойти на уступки, они покидают его и сами вступают в переговоры с революционными силами, чтобы спасти, что можно; правительство теряет почву под ногами и правительственная власть переходит к тому классу, спокойствие и стойкость которого наиболее импонировали незаинтересованным непосредственно массам, к классу, рассудительная сила которого обезоружила противника—к социал-демократически воспитанному пролетариату». Так говорит Каутский.

Роланд-Гольст довольно скептически относится к вооруженному восстанию народа и очень восхваляет методы борьбы, стихийно выработанной пролетарскими массами в России. Но в данном случае с положениями Роланд-Гольст можно согласиться лишь с оговорками. Вот что пишет она о нынешнем революционном рабочем движении в России:

«Общая попытка рабочих и интеллигенции поднять вооруженное восстание, несомненно, кончилась бы страшным поражением и сделала бы пролетариат слабым и неспособным к борьбе на многие годы. После целых месяцев стачек пролетариат остается не только не надломленным, но сознавшим в борьбе свою силу и свою важность для общества. В течение этих месяцев он нанес абсолютизму такие удары, каких интеллигенция не могла причинить ему и десятилетиями героической борьбы. Потрясши всю общественную жизнь, заставив войско и полицию жить в постоянном напряжении, пролетариат сделал победу революции неизбежной. Конечно, уличная борьба имела место, и кровь лилась; революция против азиатски-жестокого самодержавия, конечно, не может обойтись без жертв. Но если бы главной формой движения была не стачка, а вооруженное восстание, то пало бы не несколько сот или тысяч пролетариев, а весь пролетариат русский лежал бы теперь, истекая кровью, как парижский пролетариат после коммуны».

Бесспорно то, что делалось до сих пор, было наиболее выгодной подготовительной формой борьбы *). Невооруженный пролетариат, непосредственно поднявшись для войны с самодержавием, был бы, конечно, разбит. Но, ведь, сама Роланд-Гольст говорит, что великолепно проведенной стачкой пролетариат сделал победу революции неизбежной. Да! он расшатал устои самодержавия. «Потемкин», недавний бунт трех полков под Варшавой и множество более мелких событий говорят нам о том, как быстро обезоруживает пролетариат самодержавие, сам же он в то же время вооружается и прямо, создавая революционные отряды, и косвенно, подготовляя прямой переход отдельных частей армии на сторону революции. Вооруженное восстание, невозможное в январе, рискованное сейчас, станет единственно разумным шагом через немного месяцев. Победа революции подготовлена, да, но какой революции? и какая победа? Без вооруженного восстания народных масс под руководством сознательного пролетариата невозможна полная победа демократической революции; если, подготовив почву для натиска на правительство стачками и стихийными взрывами, пролетариат не закончит начатого столь геройски, столь блестяще дела восстанием, то революция закончится выкидышем—победой либералов, т.-е. сделкой отдельных клик с царем. Неужели же такую победу такой революции подготовлял пролетариат?

*) Громадное значение массовых политических стачек «в начале и в самом ходе восстания» не подлежит сомнению, и резолюция III съезда Р.С.-Д.Р.П. о восстании признает это вполне определенно.

Восстание народа и победа над верной правительству армией—вздорная утопия, но восстание народа и значительной части армии против кучки деспотов и грабителей—это действительность завтрашнего дня.

Из этого отнюдь не следует, чтобы стачечное движение уже сделало все, что оно могло сделать: оно будет бить, как тараном, в твердыню самодержавия, так что все устои его станут дрожать и шататься, оно пробьет бреши в толстой стене, и в эти бреши победоносно ринется тогда народ и народная армия под знаменем вооруженного восстания.

(А. Луначарский).

Письмо из Петербурга.

«Пролетарий» в № 10 от 2-го августа посвятил статью выяснению отношений буржуазии и пролетариата к великой российской революции. Основная мысль этой статьи может быть формулирована ее заглавием: пролетариат борется, буржуазия крадется к власти. Но такая формулировка была вполне правильна 2-го августа, а теперь, 25-го, она уже не вполне точно выражает позицию буржуазии. Наша общественная жизнь, с ее быстрым, колоссально быстрым темпом, ежедневно вносит новые и новые поправки, определяет все более и более классовые интересы различных слоев населения и, определяя их, все настоятельнее и настоятельнее требует как от отдельного гражданина, так и от целых слоев дать определенный ответ: «против самодержавия, какую бы личину оно на себя ни одевало, с народом за народное правление,—или против народа, с самодержавием за сохранение старого порядка».

Давно ли все эти г.г. Петрункевичи, Водовозовы, Новиковы и К⁰ распинались так, что многим слабым душам казалось, что наша критика хватает через край, что эти великие мастера малых дел являются «последовательными» демократами, ни в коем случае не примиряющимися с таким строем, которым не будет обеспечены политические права всех граждан и гражданок известной четырехчленной формулировкой. Было время, когда «слабые души» негодовали на нас, социал-демократов, за нашу «непримиримость» и т. д. Они не верили нам, не хотели верить; теперь сама жизнь, этот великий и непогрешимый учитель, заставит их признать как правы были мы. Теперь, когда буржуазия уже не крадется к власти, а подкралась к ней и с цинизмом готова начать упражняться в честном маклерстве, теперь должны же прозреть все те, кто еще столь недавно был слеп.

Буржуазная демократия подкралась к власти — это факт, которого нельзя не видеть: она входит в Гос. Думу, эту антинародную побрякушку, брошенную русскому народу самодержавием для дальнейшего поддержания своего гнусного существования, и входит не просто, а все еще продолжает прикрываться фиговым листком; но теперь понадобился новый, другой листок: приходится доказывать, что интересы всего народа могут быть представлены в Гос. Думе: дескать, власть может оказаться в руках... народа. Эту лживую, цинично наглую мысль определенно проводит легальный орган освобожденцев «Наша Жизнь» в передовой статье № 230 от 25-го августа. Указав на то, что «видимо вопрос об участии в выборах решается в положительном смысле», «Н. Ж.» находит, что «едва ли возможно иное решение этого вопроса». Конечно, она стоит на высоте своей задачи и умышленно обходит молчанием важный вопрос, кем, какими группами, слоями и классами этот вопрос решен в желательном для нее смысле. До сих пор за выборы высказались определенно правые освобожденцы с земцами, съезд которых только-что закончился, и часть союзов, этих ласточек нашей буржуазной демократии. В последнее время начал поворачивать вправо и союз союзов, этот современный наиболее чувствительный флюгер, собирающийся «пересмотреть» вопрос о бойкоте; заранее наметились и тенденции этого «пересмотра»—отвергнуть бойкот. К этому сонму буржуазных голосов присоединила отчасти свой голос и «Искра», лозунг которой, сбивающийся на освобожденский, на практике привел бы неминуемо к тому, что господами «революционного самоуправления» в том случае, если ему не будет предшествовать победа восставшего народа, явятся все те же честные маклеры, уже и теперь не задумавшиеся предать народное дело (см. № 12 «Прол.»). Важно отметить, что от лозунгов «Искры» ее российские единомышленники, как слышно, открещиваются. Что же касается крестьянства и пролетариата, то до сих пор мы не слыхали, чтобы они по интересующему нас вопросу дали желательный для «Н. Ж.» ответ; а пролетариат уже сделал больше: он ответил вполне определенно: «долой Гос. Думу». Пусть «умный» передовик «Н. Ж.» побывал бы на вчерашнем (24 авг.) митинге Семянниковского завода, пусть послушал бы он, как тысячная толпа пролетариев подхватила наши лозунги, в числе которых он услыхал бы и определенно враждебный по отношению к защищаемому им государственному учреждению.

«Наша Жизнь» не ограничилась только констатированием своего положения, а пытается и подкрепить его, так-сказать, аргументами. Бойкот Думы, по ее мнению, приведет или «к устранению наиболее передовых элементов», или... к революции. Что «демократ» боится революции—это азбучная истина, поэтому понятен, с его точки зрения, этот аргумент, а первый...—фиговый листок. По мнению «Н. Ж.», дело обстоит так, что наиболее передовые элементы, т.-е. представители пролетариата, могут попасть в Думу. Как это вам понравится? При наличности такой цензовой «конституции», какой не знает мир, при полном отсутствии свободы слова, собраний и т. д., при существовании таких юридических норм, при которых всякому соц.-демократу, в силу того, что он социал-демократ, грозит ежеминутно перспектива познакомиться с одиночным заключением,—при всем этом «Н. Ж.» находит, что «каждое направление будет иметь возможность... высказываться» и даже ей представляется возможность, «чтобы в самой Гос. Думе оказались представители всех существующих направлений». Что это? Наглая ложь, злостный обман или грубая ошибка? Последнее не может быть, так как небезызвестно же органу демократов, с либеральными профессорами во главе, что цензовая конституция Пруссии является причиной того, что ни один социал-демократ до сих пор не попал в ландтаг, а г.г. пруссаки собственники, несмотря на то,

что среди них есть, по выражению Бебеля, белые вороны, которые являются идеологами пролетариата, все еще не выражают намерения подавать свои голоса за представителей рабочего класса. Конечно, нелепо было бы ожидать, чтобы наши «российские» собственники на стоящую пред ними дилемму—или «изменить собственному классу, или же пожертвовать интересами пролетариата»—пошли бы иным путем, чем их собратья пруссаки. Нет, россказни «Н. Ж.» о том, что представители пролетариата могут попасть в Булыгинскую Гос. Думу, являются злостным обманом, при посредстве которого г.г. демократы предполагают обезвредить для себя пролетариат, предав его интересы, и воспользоваться сделкой, на которую идет самодержавие, в виду постоянной, непрекращающейся борьбы пролетариата. Но г.г. демократы забыли, что социал-демократия стоит на-страже классовых интересов пролетариата! И она не замедлит разоблачить их ложь, их обман, их предательство, не замедлит пред лицом всего мира заявить, что буржуазная демократия предала народное дело, и этим дала ответ, что идет с самодержавием против народа. Они забыли это! И, позабыв, убаюкивают народы России тем, что центральным вопросом теперь является вопрос о Гос. Думе. Ложь! Опять обман! До полной победы восставшего народа, результатом которой явится временное революционное правительство, выборы, какие бы то ни были, не могут быть центральным вопросом; они займут важное место только после этой победы, а не раньше ее! А пока лозунг: «да здравствует вооруженное восстание»—вот центральный лозунг данного момента. Этот лозунг в России привлекает все больше и больше сторонников, все более и более конкретизируется, и недалеко то время, когда мы позовем и вас, предатели-демократы, к справедливому народному суду... Одно хорошо: снята еще одна маска, волк сбросил овечью шкуру, и рабочий класс уже обеспечен от нападения с этого фронта: ведь, теперь всякий, самый несознательный рабочий хорошо поймет как природу буржуазного демократа, так и то, чьи интересы он защищает. Это хорошо! Да здравствует вооруженное восстание!

Заявление группы московских помощников присяжных поверенных.

Принимая во внимание: 1) что всероссийский союз адвокатов является политической организацией; 2) что программа союза, несмотря на свою неопределенность—особенно в части социальных требований—свидетельствует о том, что союз является партийной организацией либеральной части адвокатуры; 3) что такой партийный характер союза особенно виден из проявившегося на съезде адвокатов отношения к революционным партиям; 4) что отказ съезда от принятого им решения содействовать вооружению населения и мотивы этого отказа ограничивают деятельность союза рамками легально допустимого; 5) что вступление в союз означает принятие его программы—социалистическая группа («сословно-общественная») московских помощников присяжных поверенных, убежденная, что только революционный пролетариат явится той активной силой, которая избавит Россию от самодержавного ига, что коренное переустройство страны на демократических началах возможно лишь в результате народного восстания, что политикой компромиссов с преступным правительством, обагренным народной кровью, в лучшем случае возможно достигнуть жалкой, уродливой реформы, в духе булыгинского проекта, отвечающего «самобытным русским началам», считает невозможным вступить в либерально-буржуазный союз адвокатов и присоединяется к программам наших революционных партий.

К настоящему заявлению приложена записка «к вопросу о союзах».

К вопросу о союзах.

Освободительное движение, охватившее всю Россию, вступило уже в тот фазис, когда голое отрицание отживших форм сменяется положительной работой над созданием условий нового общественно-политического строя. Общественные силы, соотношением которых определяется конечный результат всех общественных движений, готовятся к участию в предстоящем им деле обновления страны. Сознавая важность и серьезность выдвинутой временем исторической задачи, прогрессивные элементы русского общества, не имевшие до настоящего времени организации, стремятся к объединению своих разрозненных сил. Возникает целый ряд союзов лиц, принадлежащих к одной профессии. Эти союзы, в свою очередь, объединяются в один орган: союз союзов. Момент возникновения этих общественных соединений, их программы, резолюции, принимаемые на их собраниях,—все это свидетельствует о том, что организации эти являются не чисто профессиональными, а политическими по преимуществу.

Что же представляют собой политические союзы, какие реальные силы стоят за ними, выразителями чьих интересов являются они?...

Вопрос о характере и значении союзов и об отношении к ним существующих политических партий обсуждался в легальной печати *). Сторонники такой формы организаций общественных сил утверждают, что союзы—это беспартийные организации, а потому в них могут вступать лица, принадлежащие к различным партиям, не поступаясь будто при этом программой своей партии **). Наиболее видный представитель идеи политических союзов, как внепартийных организаций, г. Милюков, следующим образом обосновывает возможность объединения в союзах деятельности различных партий. Причины разногласия, говорит г. Милюков, могут быть следующие: 1) разногласие принципиальное, «вытекающее из разницы основных взглядов, из разницы целых мировоззрений, как, напр., коллективизм и индивидуализм»; 2) разногласие в понимании ближайшей программы и 3) разногласие в тактике. Каждая такая причина в отдельности недостаточна еще для расхождения или, по крайней мере, для немедленного расхождении в виду

---

*) В обсуждении этого вопроса на столбцах «Сына Отечества» принимали участие г. г. Милюков, Рожков, Ландау, Салазкин.

**) См. любопытное воззвание к рабочим, выпущенное центральным комитетом Союза Освобождения.

общности у различных партий ближайших очередных задач.

Однако, действительно ли союзы не имеют никакой партийной окраски, действительно ли вступление в союзы членов определенных политических партий, обладающих определенной программой и тактикой, неравносильно измене своей партии?

По нашему крайнему убеждению союзы представляют собой объединение интеллигенции, выражающей общественное мнение либеральной и демократической буржуазии. Чтобы доказать правильность нашей мысли, нам не нужно рассматривать и анализировать программу и деятельность каждого отдельного союза. Тождественность программ и задач всех союзов в их главных частях позволяет ограничиться и одним союзом.

Прежде всего характерным признаком для некоторых союзов является отношение к социальной программе. Последняя, если не игнорируется совершенно, то часто настолько туманна и неопределенна, что решительно никого ни к чему не обязывает. Такова, например, социальная программа союза адвокатов, которая гласит ни более, ни менее, как «освобождение трудящихся классов населения от гнета современных экономических условий». Союз Освобождения, выставивший несколько пунктов социальной программы, лишил их, как, впрочем, и всю свою программу, всякого смысла заявлением, что вся программа является условной, и что решение Союза Освобождения «могут считаться обязательными лишь постольку, поскольку политические условия остаются неизменными» *).

Уж такое отношение союзов к социальному вопросу в состоянии возбудить сомнение в «беспартийности» этих организаций. Это сомнение более увеличится, если мы посмотрим на отношение союзов к революционным партиям, этим единственным выразителям интересов трудящихся масс, и, наконец, всякое сомнение в истинном характере союзов исчезнет, когда мы постараемся уяснить характер положительной деятельности этих организаций.

Если революционные партии представляют интересы народных масс, в течение десятков лет проливающих кровь за ту свободу, которую только теперь решилась просить либеральная часть нашего общества, то, казалось бы, что союзы, выставляющие демократическую программу, должны были бы—в виду исключительности роли и значения пролетариата в борьбе с самодержавием—стать в определенное отношение к революционным партиям, признав обязательным хотя бы поддержание этих партий. Это, по крайней мере, обнаружило бы политическую зрелость союзов, понимание, что силу самодержавия может сломить только организованная сила пролетариата. Однако, поскольку нам известно, программы союзов обходят полным молчанием вопрос об отношении к революционным партиям **).

Наиболее характерным в этом отношении является союз адвокатов. На всероссийском съезде адвокатов 28—30 апреля, на котором был учрежден всероссийский союз адвокатов, вопрос об отношении союза к революционным партиям был решен в начале в смысле обязательной моральной и материальной поддержки этих партий. Но в тот же день по настоянию некоторых членов бюро вопрос этот был пересмотрен, и принятая резолюция отвергнута. Невозможность принять такую резолюцию некоторые члены союза мотивировали тем, что она заключает в себе полный состав преступления по 102 ст. Угол. Улож. *). Той же участи и по тем же соображениям подвергся и другой пункт первоначальной резолюции, именно, пункт о содействии вооружению населения. Отвергнув и это свое решение, съезд вполне обнаружил свою «беспартийную» физиономию. Жалкая, ничего не говорящая, а главное, совершенно безопасная уступка, которую съезд должен был сделать под давлением более демократических членов, уступка, выразившаяся в принятии следующей формулы: «Съезд, признавая громадное культурно-политическое значение деятельности революционных партий, заявляет свою полную солидарность с ними в стремлении установить в России новый государственный порядок на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»,—эта уступка тоже показалась съезду опасной, и предложение о включении этой формулы в окончательную резолюцию съезда, резюмирующую его итоги, было отвергнуто.

Установив свое довольно недвусмысленное отношение к революционным партиям и отвергнув содействие вооружению населения, съезд тем самым обрек учрежденный им союз на полную бездеятельность. И действительно, все принятые съездом резолюции не обязывают членов союза ни к какой положительной работе, которая могла бы потребовать от них незначительных жертв **).

Что не только для союза адвокатов, но и для всех других союзов и для союза союзов недоступна положительная деятельность, это подтверждается тем фактом, что ни одна из многочисленных организаций не проявила ничего деятельного, ничего активного, несмотря на довольно продолжительное существование некоторых союзов.

После всего сказанного мы считаем себя вправе утверждать, что политические союзы являются ничем иным, как своеобразной организацией буржуазных, либеральных и демократических партий, главную, если не исключительную цель которых составляет достижение политической свободы. Понимая, что без участия широких народных масс завоевание политической свободы невозможно, они выставляют в своих программах социальные требования, рассчитывая тем привлечь на свою сторону трудящиеся массы.

Итак, политические союзы являются буржуазными партийными организациями, вступление в которые лиц, разделяющих принципы революционных партий, возможно лишь путем измены программам этих партий. Разногласие не ограничивается здесь одним из трех пунктов, указанных г. Милюковым, разногласие выражается во

*) «Освобождение» № 69—70.

**) Мы должны сделать оговорку относительно союза инженеров, программа которого хотя и не выражает определенного отношения к революционным партиям, но который, как нам известно, сделал кое-какие шаги в этом направлении.

*) См. «Пролетарий», № 2 и «Искра», № 100. Вышедший отчет о съезде в числе пунктов первоначальной резолюции не упоминает о решении съезда содействовать революционным партиям.

**) Выраженному съездом желанию воздерживаться от отправления профессиональной деятельности едва ли придают значение и сами члены союза.

всех трех пунктах одновременно. Здесь есть принципиальное разногласие, «вытекающее из разницы основных взглядов, из разницы целых мировоззрений, как, например, коллективизм и индивидуализм», здесь есть разногласие в понимании ближайшей программы и, наконец, разногласие в тактике. Тактика буржуазных союзов легальная, вся проникнутая компромиссами, путем адресов и представлений рассчитывающая преобразовать Россию на демократических началах. Тактика революционных партий основана на убеждении, что коренное переустройство государства возможно лишь путем революционным, не считающимся ни с какими статьями уголовного кодекса.

Армия и народ [7]).

Заговор или восстание?

Разразилась великая буря. Флот, одна из опор мнимого величия царской империи, поднял красный флаг. Вздрогнула не только Россия, но и вся Европа, смотревшая на царские войска, как на твердыню всемирной реакции; немало черных мыслей возбудил революционный броненосец в головах буржуазных политиков; но самое сильное впечатление получилось, конечно, в родственных ему военных сферах. О том, как принято войсками выступление «Потемкина», и вообще о настроении в войсках—подробно рассказывалось и рассказывается в очередных обзорах «Пролетария» («Что делается в войсках»). И вот в связи с этим новым настроением, с этими новыми, но уже сильными течениями во флоте и в армии, для нас, революционеров (не говоря уже о революционерах из военных), возникает крайне важный вопрос,—вопрос о способах действия.

В истории революции различаются два способа борьбы за свободу со стороны военных: проведение восстания по собственной инициативе—военный заговор, и переход на сторону восставшего народа. Сочетать одно с другим невозможно: заговор и переход на сторону народа требуют слишком различной подготовки. Для одного нужна небольшая замкнутая организация, [осуществляющая свой план врасплох, смелым ударом], для другого нужна массовая пропаганда, [революционное] настроение [в широких слоях населения]. История революций доставляет нам немало примеров и того и другого образа действий и даже попыток сочетать заговор с народным восстанием.

Наше отечество может считаться классическим рассадником военных заговоров, нашедших наиболее полное выражение свое в декабристском восстании. Но заговор декабристов был устроен в широких размерах, а главное—носил некоторые черты, позаимствованные декабристами с Запада.

В Европе разлад между массой и [привилегированным] обществом никогда не был так глубок, как в России; там существовало связующее звено в виде 3-го сословия, передового по идеям и близкого к народу по политическому бесправию. Лишь в один период новой истории интеллигенция оказалась оторванной от народа,—в период реставрации: народная масса была утомлена долгой борьбой, принесшей ей отрицательные результаты, третье сословие, наоборот, сделало огромные экономические завоевания. Это создало пропасть между прежними союзниками, а потому на борьбу с архаическим политическим строем реставрации, [восторжествовавшей] по всей Европе, двинулись лишь верхи общества. Это было огромное движение первой четверти XIX века, известное под названием карбонаризма.

Замечательно, что карбонарии зародились еще в средние века, во время борьбы гвельфов с гибелинами; тогда они носили военно-заговорщический характер и окончательно сложились в тайное общество под влиянием масонства, но на протяжении своей долгой истории не имели серьезного влияния и ютились в южной Италии. С момента же реставрации они, как поток, распространились по Италии, захватили всю Европу—романскую, как обыкновенно добавляют историки, реставрированную, скажем мы, т.-е. ту часть Европы, где интеллигенция и народ разошлись в стремлении бороться с существующим политическим строем. Там, где не было надежды на самостоятельное народное восстание, создалась почва для заговоров, и прозябавший веками карбонаризм в несколько лет дал пышные цветы. Испания, Италия и Франция были охвачены сетью тайных обществ, которые искали опоры в войсках, так как не питали надежды на близкое народное восстание. Но их вожди, воспитавшиеся на великой революционной эпопее, в которой главная роль принадлежала массе, не могли всецело замкнуться в узкие рамки государственного переворота и создали эклектическую теорию революционных движений: начало восстания принадлежит войскам, а завершение—народу. И в этом направлении происходит целый ряд удачных и неудачных революционных попыток.

Первая начала Испания, находившаяся в самых ужасных [политических] условиях. В ответ на тиранию Фердинанда, в 1820 г., вспыхнул в Андалузии военный мятеж; революционеры быстро захватили Кадикс и, опираясь на народное сочувствие, принудили дать конституцию и созвать народных представителей. Но революционеры, не имевшие опоры в народе, не могли продержаться долго; в 1823 г. французская армия заняла Испанию по распоряжению священного союза и усмирила восстание, совершив ряд безумных жестокостей.

Заразительность революционных вспышек необычайна: в том же 1820 г. два итальянских офицера подняли знамя восстания, и революция буквально в несколько часов охватила неаполитанское королевство. Полки один за другим становились под знамя конституционалистов, народ приветствовал своих избавителей, но сам прямого участия в движении не принял. Отсутствие глубоких корней движения сказалось здесь очень скоро. С этой революцией покончили еще быстрей, чем с испанской, австрийские войска: народ был пассивен, солдаты так же быстро смирились, как и восстали, а люди, начавшие движение и руководившие им, неопытные в политике, совершили ряд ошибок, так метко очерченных известным историком Италии Больтон Кингом.

Другие попытки карбонариев были совсем неудачны: они провалились в Пьемонте, благодаря измене нескольких заговорщиков; во Франции случилось то же самое, благодаря чисто-случайным обстоятельствам. И эта зависимость [всего дела] от измены или ошибки

тех или других лиц, [немыслимая] в народных движениях, очень характерна для всяких заговоров. Во Франции карбонарии создали огромную, цельную организацию, но фактически она оказалась бессильной, так как инициатива действий была передана военным, которые подняли и провалили два восстания: в Бельфоре и Ла-Рошели. Карбонаризм начал усиленно распространяться с 1810-го года и действовал в 20-х годах, т.-е. как-раз в то время, когда наши войска бесцельно бродили по Европе, разыгрывая роль всесветного жандарма. В записках многих декабристов отразилось впечатление контрастов между Западом и Россией. Офицеры прониклись свободолюбивыми идеями; они видели, что народ глухо шевелится под тяжестью крепостных цепей, но что он не способен к активным действиям: вот где была самая подходящая почва для карбонаризма.

Однако, традиции чистого заговора еще были крепки, преимущественно в гвардии; эта двойственность и сказалась в движении декабристов. Северное общество, более умеренное, склонялось к [государственному перевороту], желало возвести Константина, как конституционного монарха, опираясь исключительно на войска. Южане же, мечтавшие о республике, смотрели на дело иначе: их вождь, Муравьев, начал с того, что всегда пытались сделать карбонарии: во время остановки своего отряда по дороге к Белой церкви, он велел прочитать на площади свой республиканский катехизис; жители, хотя и не оказывали активного содействия, все же провожали пожеланиями успеха. Дело свободы было раздавлено теми же войсками, в рядах которых находились даже члены тайных обществ.

На Западе карбонаризм пал почти так же быстро, как и расцвел; уже в 1825 г. начало замечаться движение массы, а в революции 1830 г., выросшей на экономическом кризисе, влияние карбонариев почти незаметно. Лишь в Италии, сильно отсталой экономически, карбонарии просуществовали несколько дольше, но и там они скоро растворились в «молодой Италии», выдвинувшей уже принцип народного восстания.

Разобрав период революционного движения, когда армия считалась элементом, могущим с успехом начинать народное движение, я попрошу читателя заметить те условия, которые могут служить почвой для заговора: последние имеют место, когда народ по своей революционности стоит позади общества, а вожди движения не верят в возможность чисто-народного восстания; тогда революционерам-невоенным отводится роль агитационно-пропагандистская, а боевая передается армии.

Но в момент широких народных движений у войск совсем другая роль; когда революционные массы [идут впереди], тогда не [время] создавать военные заговоры,—[тогда нелепо] отдавать инициативу действия армии. Солдаты это часто понимают лучше, чем кто-нибудь другой. Характерным примером может служить самое знаменитое из когда-либо бывших народных восстаний—14 июля 1789 года, день падения Бастилии. В этот день один драгунский полк, вызванный из Версаля усмирять парижан, дал ответ, который можно пожелать всем солдатам. Драгуны заявили офицерам: «мы повинуемся, но когда прибудем, заявите министрам, что если нам прикажут совершить хоть малейшее насилие над нашими согражданами, то первый ружейный выстрел будет в вас».

И не один полк, а вся французская армия того времени готова была бороться за свободу. Но ни одному из великих агитаторов революции,—а тогда было немало Демуленов,—[не пришло в голову] передавать инициативу действий войскам; агитаторы прежде всего заботились о том, чтобы вооружить народ, чтобы его превратить в реальную боевую силу, так как понимали, что вооруженному народу обеспечено содействие войск. И если просмотреть историю всех народных революций, то станет ясно, что большую роль играют не те войска, которые пытаются самостоятельно начать восстание, а те, которые переходят на сторону народа в момент восстания. Пошедшие за народом войска взяли Бастилию. 29 июня 1830 г. переход двух полков на сторону революционеров завершил народную победу. В 1848 г. колеблющийся гарнизон своею нерешительностью погубил монархию. Вообще способ военных мятежей, как начала восстания, совершенно оставлен революционерами Запада после неудачной практики карбонариев: подобные восстания легко подавляются, а в случае победы выдвигают вперед такой элемент, который редко идет до конца с революционерами, а скорее бросает их на пол-пути, легко соглашаясь на сделки и охотно поддерживая всевозможных претендентов и авантюристов.

После попытки декабристов в России революционеры долго еще чувствовали невозможность народного восстания, и самая практическая и решительная группа—Народная Воля, отлично сознавая свою изолированность от масс, как известно, обращала серьезное внимание на подготовку военного восстания. Кажется, в наши дни было бы архаизмом выдвигать на первый план борьбы военные элементы, военные заговоры, но такие идеи и практические попытки всплывают в нашей соц.-дем. литературе. Началось это с того, что объявили народное восстание «идеей без содержания», которую следует отбросить, как неприложимую к русской действительности; когда же 9-ое января показало не только возможность восстания, но и его близость, стали отрицать необходимость вооружения, подменяя его «жгучей потребностью самовооружения» и т. п. фразами. Но близость кровавого переворота гражданской войны чувствуется все сильней и сильней, с этим приходилось считаться и нашим оппортунистам, которые тотчас же поспешили свалить с себя бремя борьбы.

Сначала заговорили об этом неопределенно, наконец всплыл совершенно бессмысленный Ново-Александрийский заговор, который будто бы потому провалился, что на место действия не явилось одно лицо. (Народные восстания от этого не проваливаются). Все это завершилось тем, что в № 97-ом «Искра» выдвинула офицеров с демократическими убеждениями, как вождей пролетариата во время восстания. Это говорилось как-раз накануне предательства, совершенного офицерами-демократами, принявшими участие в черноморской эпопее. И как на одну из главных причин поражения черноморцев-революционеров можно указать на то, что они замкнулись в узком круге военного восстания. Один корреспондент «Искры» справедливо указывает их основную ошибку: они дожидались эскадры, а не слились с восставшим народом,

не вооружили его; это удесятерило бы их боевые силы, и дало бы моральную опору массе.

Задача партии—направить силы не на подготовку военных мятежей, а на подготовку народного восстания; задача военных—не растрачивать силы на самостоятельные заговоры, а сказать решающее слово в момент столкновения между народом и правительством и тем [решить] великую борьбу за общенациональное освобождение.

В. С. (В. Северцев).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Москва. «Отцы города» решили официально порадоваться за всю Москву по поводу дарованной «конституции». К сожалению, мы слишком поздно узнали об этом, так как день и час заседания были обставлены конспиративно; лишь путем усиленных разведок удалось узнать накануне вечером, что «торжество» назначено на 2 ч. дня. Нужно отдать справедливость либеральной управе,—она приложила все старания, чтобы «радование» прошло гладко: день рабочий, посторонняя публика не знает, удастся все устроить шито-крыто. Но наши товарищи нашли, что будет несправедливо лишить думское празднество хоть некоторой полноты и решили усилить сладкозвучный аккорд сердец г. г. гласных пролетарским хором. Около 60 товарищей, оповещенных накануне вечером, бросили 9-го после обеда работу и направились в думу. В зале оказалось достаточно и «интеллигентной» публики; всего собралось человек 350—400. «Отцы» заседали в соседней комнате и «негласно» совещались. Ждем около часу; жара, духота; конца ожиданию не предвидится. Вдруг раздается среди тишины громкий голос одного из товарищей: «Господа! Чего ради мы будем ждать, пока г. г. гласные выработают свои верноподданические чувства? Я думаю, мы можем и без них выразить наше отношение к Гос. Думе. Собрания у нас запрещены; надо пользоваться всяким удобным случаем. Предлагаю открыть собрание и выбрать председателя». Раздаются дружные возгласы: «Верно!» «Будьте вы председателем!» Публика оживляется; несколько робких и солидных фигур торопливо пробираются к выходу. Слово взял товарищ-рабочий. Он говорил о роли, какую по замыслу правительства должна сыграть в его руках Гос. Дума, как средство еще большего и окончательного подавления революционной борьбы пролетариата; о том, как встретит это сознательный пролетариат, как он попрежнему непримиримо будет бороться за учредительное собрание, и закончил возгласом: долой самодержавие! долой государственную думу! да здравствует учр. собрание! При громе рукоплесканий эти возгласы были дружно подхвачены. Второй оратор говорил о двух путях, которые открываются после 6-го августа перед буржуазией: союз с самодержавием, или поддержка революционной борьбы пролетариата. «Взвивается занавес перед последним актом великой драмы русской революции, и главный герой ее, пролетариат, первый выходит на сцену и громко заявляет, что его путь, единый до конца: от свержения самодержавия через учредительное собрание к демократической республике». Закончил оратор возгласом: долой самодержавие! долой союзников самодержавия, врагов народа! Да здравствует демократическая республика! Опять рукоплескания и возгласы; крики в честь Р.С.-Д.Р.П., а затем, по предложению председателя, все товарищи, а за ними значительная часть публики, с дружным пением марсельезы покинули зал и здание думы. Полиция явилась в более чем достаточном количестве, но—увы! поздно. Минут через 15 вышли г. г. гласные в пустую залу, прочли известную из газет резолюцию и поспешно разошлись. «Радование» было испорчено «нетактичными» пролетариями.

Москва (25-го авг.). Академический съезд постановил занятия открыть, но с предупреждением (начальству), что без академической автономии, свободы слова, собраний и печати никак нельзя ручаться за правильный ход занятий. Прения первого дня не обошлись без курьезов: один оратор, желая изобразить бедственное положение Одессы под гнетом военного губернатора, заявил, что последний—не лучше «матроса Матюшенки». Другой очень обижался на то, что с профессорами обращаются, как «с рабочими, которых можно разогнать и опять набрать».

Н. Ц.

Рига (16-го августа). Я уже писал вам о стачке солдат Усть-Двинской крепости. Забыл тогда упомянуть, что они, между прочим, требовали права переодеваться в партикулярное платье и заниматься своими личными делами в свободное от занятий время. Требовали свободного пропуска в казармы книг, при чем указывалось, что невежественные офицеры совершенно некомпетентны в вопросах о выборе и цензуровании книг. Это иллюстрировалось примером, когда в одной и той же роте был запрещен Короленко и пропущена «Эрфуртская программа». Удовлетворены лишь более или менее мелкие требования в роде улучшения пищи и т. д. Стачка завершилась военной демонстрацией с музыкой. С тех пор порядки в крепости неузнаваемы: правила отдания чести почти вовсе не соблюдаются, начальство в высшей степени осторожно и обходительно с солдатами, офицеры буквально терроризованы. Был случай, когда солдаты освободили своего товарища, арестованного офицером за неотдание чести. Недавно бастовали 3 дня саперы. Требование выдачи новых шаровар удовлетворено. Солдатские кружки из наиболее передовых и организованных собираются регулярно. На последнем собрании из 18 чел. было 12 унтер-офицеров. Отношение к разбираемым вопросам и прочитанным книгам в высшей степени серьезное и вдумчивое. Задавались солдатами вопросы: в какой мере борьба Гракхов и плебеев с патрициями носила классовый характер, почему мирный конфликт между Швецией и Норвегией называется в газетах революцией и т. п. Сегодня из крепости прислали в Комитет за красными флагами, которые хотят там вздернуть над гимнастическими лестницами. Крепость наводнена жандармами. В самом городе с войсками дело обстоит не лучше... для правительства. Напр., в Изборском полку ружья находятся под замком и выдаются лишь на ученье. Запасным ружья вовсе не выдаются. В 99-м запасном батальоне, «пригнанном» в прошлом году, новобранцам было запрещено под страхом дисциплинарных взысканий вступать в разговоры со старослужащими солдатами и с запасными. Поддержка восстанию и переход на сторону народа обещается не отдельными кружками или ротами, а от имени целых батальонов. В городе готовимся к крупным событиям. Дело в том, что самонадеянно наглое и упрямо-недальновидное правительство, так недавно описав картинно и пространно поистине революционное состояние Прибалтийского края, назначило мобилизацию в самой Риге. Невольно напрашивается предположение о провокаторском характере этой меры, не готовится ли правительство устроить кровавую баню рижскому пролетариату. Во всяком случае, рабочие этот дерзкий вызов примут, исполненные решимости померяться силами со своим злейшим врагом—самодержавием. Местные соц.-дем. организации призывают запасных к пассивному сопротивлению, а рабочих—к активной поддержке их. Впрочем, рабочие сами опережают всякие призывы. Перенесши недавно почти месячную забастовку, изголодавшиеся, изнервничавшиеся, они, узнав о мобилизации, немедленно побросали работу. Сегодня бастуют почти на всех крупных заводах. На Венденской ул. уже была одна стычка сегодня: 1 казак убит, ранены—казак и городовой. Сегодня уже разграблена оружейная лавка: взято 40 револьверов и около 20 винтовок. Само собою, для охраны порядка и усмирения вызваны «чужеземные» войска: полк драгун из Мариамполя, Сувалкской губ., и, конечно, казаки. Впрочем, говорят, что пропаганда «вредных идей» и воздействие «злонамеренных» лиц коснулись уже и этих драгун на месте их прежней стоянки. Не дремлют и черносотенники. Недавно полицией вооружены 400 хулиганов, уже раздаются крики: «бей жидов!» Еврейские магазины закрыты. Говорят, что мобилизация черных сотен дело рук нового губернатора Звягинцева. Будем думать, что организованный рижский пролетариат сумеет дать должный отпор царским башибузукам.

Новая Александрия. (Из письма солдата). Генерал, провожая солдат в Манчжурию, сказал им, что император на-

деется, что они сломят упорство коварного врага и что он, генерал, желает им счастливого пути. В ответ на эту напутственную речь из двух полков ответили только человек десять, а другие свистали. Наш генерал, взбешенный, выхватил револьвер, на лошади подскочил к одному ефрейтору и крикнул на него, спрашивая, кто свистел. «Никто не свистел у меня»—ответил ефрейтор, и тут же свалился замертво, пораженный генеральской пулей. Другой пулей наш генерал убил нашего ротного командира. И тут, дорогие мои, случилось что-то ужасное: от блестящего генерала остались куски бесформенного окровавленного мяса; тут остальное начальство, испугавшись, вызвало казаков. Когда они подъезжали, наши солдатики дали залп, и когда пыль рассеялась, на земле лежало около трехсот трупов. Приехал командующий войсками и объявил солдатам, что, расследовавши дело, он их, солдат, не винит, а винит во всем убитого уже генерала и что никто из них не понесет никакого наказания.

Лондон. В воскресенье 10-го сентября состоялся в Уайтчэпеле массовый митинг по случаю издания закона о Государственной Думе. Митинг был организован по инициативе группы нашей партии. Присутствовало около 3.000 человек. Были произнесены речи представителями обеих групп РСДРП, бундовского ферейна «Веккер», ПСР и ПСП, и принята единогласно при громе аплодисментов следующая резолюция:

«Настоящий митинг граждан, которых невыносимый гнет со стороны царского правительства принудил покинуть отечество, в убеждении, что только путем вооруженного народного восстания возможно уничтожение в России самодержавия и установление демократической республики, устранение национального порабощения и проведение социально-экономических мер, настоятельно требуемых пролетариатом и крестьянством,—осуждает и отвергает издевательское народное представительство, созданное законом о Гос. Думе, в которой будут принимать участие в обсуждении государственных дел представители лишь ничтожной доли населения, да и то лишь с совещательным голосом, и шлет братский привет и пожелание скорой победы над врагом революционному народу».

В войсках (по русским и иностранным известиям). По делу о беспорядках на «Пруте» 15 обвиняемых оправданы, 4 приговорены к смертной казни, 3—к бессрочной каторге и 21—к дисциплинарным наказаниям. Военно-морской суд постановил ходатайствовать о замене казни бессрочной каторгой, а бессрочной каторги—каторгой десятилетней. Тем же судом в Севастополе оправданы 5 обвиняемых по делу о беспорядках на «Синопе», а 11 присуждены к лишению некоторых прав и разным дисциплинарным взысканиям.

Согласно сообщениям легальных газет, будущая амнистия коснется и военных политических. Мотивировка чрезвычайно любопытная. «За последнее время,—читаем в газетах,—при наблюдавшейся в войсках пропаганде социал-демократических брошюр (где?), в военных судах значительно увеличились случаи применения высших карательных мер за хранение и распространение означенных брошюр. В настоящее же время, когда многие из названных брошюр выпущены уже на книжный рынок и признаны легальными, представляется необходимым применить амнистию и к названным лицам».

В связи с ходом событий и работой в войсках усиливается и брожение среди военных. Последний месяц работы в Екатеринославе, напр., дал очень осязательные результаты. В разное время удалось провести 6 бесед, на которых присутствовало каждый раз не менее 40 солдат (организованных солдат 23). В двух ротах солдаты единодушно заявили, что стрелять не будут.

Настроение солдат в Лодзи также не совсем надежное. Замечается брожение и среди казаков. Один казак был расстрелян офицером при заявлении о недоброкачественности пищи. Казаки забушевали. Была вызвана пехота. После столкновения с ней—арестовано 8 «зачинщиков»... Недавно некоторые полки местной пехоты отказались итти в караул, в виде протеста против невыдачи им некоторой суммы денег. Начальство сейчас же уступило...—Образовалась «Военная соц.-дем. организация», которая выпустила воззвание к солдатам по поводу невыдачи денег; прокламация произвела сильное впечатление.

«Крамольные» полки из Лодзи переведены в Скерневицы, а на их место прибывают новые. Военной с.-д. организацией выпущена по этому поводу прокламация. Связи и сношения с солдатами упрочиваются.

Крестьянский съезд. Недавно состоявшийся в Москве первый съезд делегатов «крестьянского союза» имел, по сообщению корреспондента одной английской газеты, два заседания. Присутствовало 200 представителей—крестьян разных губерний (от 3-х до 5-ти от каждой). Около десяти из них, получившие сельское образование, явились вождями. Съезд имел ярко выраженный освобожденский характер. Маленький диссонанс—и то уже во второе заседание—внесли было какие-то «три члена различных социалистических организаций», но скоро прения «опять пошли своим нормальным ходом»... Мы не будем передавать тех «страхов», которыми сопровождались оба заседания съезда и которыми крестьянское собрание резко отличается от текущих пролетарских. Перейдем прямо к постановлениям.

Большинство их рисует недостатки сельскохозяйственной системы и вообще вращается вокруг вопроса о «землице»... Много рассказывалось делегатами о гнете бюрократии, при чем—ужасается корреспондент английской газеты—«если даже четверть рассказанного справедлива, то это одно уже могло бы почти оправдать все эксцессы великой французской революции». По вопросу о булыгинской думе делегаты вынесли полное осуждение проекта. Любопытно отметить, что многие крестьяне с негодованием высказывались против нападок «революционных агитаторов» на царя. «Нападки на царя не в натуре русского крестьянина,—говорили они,—мы совершенно согласны ограничить его самодержавную власть, но у нас все-таки должен быть царь». По отношению к земцам общим мнением было то, что они «не имели права говорить, как самоконституировавшиеся представители крестьянства». Один крестьянин выразил это так: «рабочие наши кровные братья, земцы же—только дальние родственники. Нам нужны законы, которые мы составим сами себе, но нам нужен также и царь, чтобы наблюдать за их исполнением».

В речах ораторов, замечает корреспондент, наблюдалось иногда «довольно основательное знакомство с экономическими аграрными теориями (какими? Ред.). Однако, в большей части случаев, сознается он, я слышал довольно безрассудные практические предложения в интересах одних только крестьян». По вопросу о «земельном голоде» почти всеми было принято мнение, что «бог создал землю для всех, и она должна быть так же свободна, как свет и воздух». «Только один оратор,—успокаивает англичанин,—показал ошибочность этого аргумента, объяснив, что в конце-концов земля эта будет бесполезна без капитала». «Но я боюсь,—наивно опасается далее корреспондент,—что мало кто поверил ему»... Потом завязались горячие споры по вопросу о «национализации земли—с выкупом или без него». Решено было, что «для государственных, монастырских и церковных земель не должно быть выкупа; для частных же владельцев выкуп должен иметь известные границы. Землю нужно наделять в достаточном количестве на каждого отдельного владельца. Ни один человек не имеет права на землю, если он не работает, и количество земли должно определяться соответственно тому, сколько он может обработать» (курсив везде наш)...

На съезде принята такая организация крестьянского союза. Учреждается центральное бюро, при чем подобные же бюро должны быть организованы и для каждой губернии. Ниже этих бюро стоят районные комитеты, на обязанности которых лежит организация центров в каждой отдельной деревне. Съездом признано, что «невозможно говорить или действовать открыто, пока организация не может рассчитывать на поддержку большинства населения» (вниманию г.г. либералов: уж не призренная ли эта конспирация, так беспощадно клеймимая «Освобождением» в организации социал-демократов? Ред.). «Но всюду надо протестовать против незаконных поступков власти, апеллируя в каждом отдельном случае к местному общественному мнению (вот этой ультра-революционностью сфабрикованного либералами союза «Освобождение» должно быть очень довольно! Ред.)...

В заключение приведем (в переводе с английского) выпущенную от имени съезда прокламацию, в которой выдвигаются следующие требования (Москва, от 15-го августа):

1) При выборах в национальное собрание—всеобщее прямое избирательное право для всех лиц выше двадцатилетнего возраста, без различия пола. 2) Учредительное собрание должно иметь законодательную власть, контролировать национальные финансы и наблюдать за администрацией. 3) Неприкосновенность депутатов. 4) Требование необходимых приготовлений к установлению системы крестьянского землевладения при передаче народу государственных земель, а также и всех принадлежащих монастырям и другим религиозным учреждениям (а удел? Остается царю? Ред.). 5) Введение обязательного первоначального обучения, без обязательности религиозного обучения, в соединении с секуляризацией школ. 6) Открытие свободных библиотек и читален».

«С наступлением ночи.—заканчивает английский корреспондент,—члены съезда разошлись, вполне удовлетворенные успешным осуществлением первого крестьянского парламента (!) в самой пасти полицейских репрессий»...

О том, до какой степени «удовлетворенно» чувствуют себя г. г. либералы, сфабриковавшие союз, по поводу постановлений съезда (особенно—по поводу «известных границ» выкупа частно-владельческих земель),—об этом говорить, разумеется, излишне.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. Перед 9-м июля состоялась массовка Обуховского завода. Был агитатор большевик и меньшевик. Темы о современном положении,—около 400 чел. 9 июля митинг в церкви (на Обуховском заводе человек 300), митинг в Семянниковском заводе (400 чел.), массовка в Колпине (чел. 300). До 9-го была еще массовка в Сестрорецке (чел. 60). После 9-го июля митинг в Семянниковском заводе. Речи на тему: «пролетарий, вооружайтесь!» (около 3.000 человек) и митинг в Балтийском заводе (21-го июля) по поводу выбора старост,—тоже около 3.000 чел. Массовка в Колпине по поводу современных событий человек 250—300. Массовка в Невском районе в 50 чел. организованных рабочих; темы: «государственное страхование и отношение к нему рабочего класса» и «социализм» (конечные цели). Было еще 2—3 массовки в разных районах человек по 30. Число рабочих, посещающих массовки, не растет за счет массовиков, а держится приблизительно на одинаковом уровне. Да и те организованные рабочие, которые посещают массовки, не удовлетворяются ими. Основная причина такого неудовольствия, на мой взгляд, заключается в том, что мы приходили на массовку с такими планами и такими предпосылками, которые не соответствуют действительности. Предполагая. что массовку посещают, главным образом, люди, не затронутые пропагандой, мы преподносим рабочим азбучные политические истины, сводящиеся к лозунгу: «долой самодержавие!», и общеизвестные факты избиений, деятельности черной сотни и другие, мало нуждающиеся в особом освещении. И так как массовка растягивается часа на 2, то получается социал-демократическое биение в груди, не дающее настроения, ибо оно слишком длинно, не дающее знаний и практических указаний за счет предстоящей деятельности. Трудно говорить, что массовка способствует подъему настроения: если люди говорят о революции, а в то же время оглядываются, не едут ли казаки и не пора ли бежать,—то пропадает всякий подъем и остается фальшь, инстинктивно чувствуемая всеми присутствующими. Результатом такого явного несоответствия слов делу является не подъем настроения, а скорее понижение его. Исходя из таких соображений, я прихожу к следующим выводам:

1) Чисто агитационным путем могут вестись только митинги в заводах. Они крайне необходимы, и нужно напрячь все силы, чтобы увеличить их число.

2) Содержание массовок должно измениться: они должны стать расширенными летучками, на которых читаются популярные лекции по отдельным принципиальным вопросам. Словом, массовки должны давать знания, а не настроения, которого создать они не могут. (Из доклада ответственного агитатора).

Красноярск. Рабочие (главным образом, железнодорожных мастерских и депо) на целом ряде собраний, устроенных за городом, решили предъявить ряд требований правительству: немедленное прекращение войны, созыв учредительного собрания вместо Гос. Думы и проч. Требование это должно было быть поддержано всеобщей стачкой по всей линии Сибирской жел. дороги. Было получено известие, что подобные же требования предъявлены рабочими Читинских железнодорожных мастерских (на Забайкальской ж. д.) и Иркутских (вернее, Инокентьевских). Рабочие боготольского депо решили прибегнуть к другому, очень остроумному, средству для прекращения движения воинских поездов: они принялись разбирать паровоз, и только прибытие войск прекратило это их занятие. В среду и четверг (10-го и 11-го августа) рабочие собрались в мастерских и после предъявления своих требований вышли с красными знаменами на улицу. На них бросились казаки, при чем было несколько убитых с обеих сторон. Забастовка была решена подавляющим большинством голосов, при чем п р о т и в голосовали лишь несколько десятков человек. В пятницу было решено устроить демонстративное погребение убитых товарищей. Весь город в большом волнении. Сообщаю об этом вкратце с целью вызвать более подробное описание происшедших событий, свидетелем которых мне быть не пришлось.

Проезжий.

Воронеж. 6-го августа была массовка (больше 100 ч.). Говорило 4 рабочих и 2 интел. Очень сильно говорил один рабочий. Тема его речи: «Самодержавие и царь». Закончилось собрание речью интеллигента о Гос. Думе. На вопрос оратора: «Будем ли мы протестовать против Гос. Думы?» раздался единодушный крик: «Долой Гос. Думу!» Разошлись с песнями.

Либава. В день объявления забастовки (16-го авг.) на проволочном заводе состоялось собрание до 3.000 рабочих, устроенное Латышским комитетом. Полиция не вмешивалась. Казачий офицер был встречен выстрелами и ранен. Забастовка охватила все фабрики, заводы, ж.-д. мастерския, трамвай. На собрании 17-го авг. было до 1.500 чел. Сначала говорил оратор от Латышского комитета, затем от нашей группы, от Бунда (оба по-русски), наконец, наш организованный рабочий по-польски. Все речи на политич. темы. На следующий день на собрании в 800 чел. выступали ораторы: латыш, бундовец и от группы. Затем был объявлен конец забастовки.—18-го, при выходе из проволочного завода, был момент, когда столкновение с войском казалось неизбежным. Выходили с песнями и возгласами. На требование офицера замолчать ответили криком ура. Один из латышей, во избежание кровопролития, предложил разойтись мирно,—и все разошлись. Влияние нашей группы за это время усилилось, завязаны новые связи, особенно среди поляков, благодаря польскому оратору.

20-го Либава получила первое боевое крещение. Провожать запасных собралась огромная толпа; улицы были оцеплены полицией, казаками и солдатами, вокзал окружен. В момент посадки в вагон толпа смешалась с запасными и отрезала их от войска. Запасные наотрез отказались садиться. Когда солдаты стали наступать, в них полетели камни; толпа вооружилась кольями из забора. Часть запасных разошлась по домам; оставшиеся ночью были отправлены. На следующий день настроение было страшно напряженное; гроза готова была разразиться от одной искры. Трудно установить, что явилось этой искрой. Происшедшее потом было так дико, убийства так ошеломили всех своей зверской, бесцельной жестокостью, что ни у кого не сохранилось ясного представления о начале бойни. По одним рассказам запасные выбили камнем из седла драгунского офицера, который, уже лежа, скомандовал нападение; тогда из толпы раздались выстрелы, и началась общая пальба. По другим известиям, на бегущую толпу бросились драгуны и прижали ее к стене дома; из окна раздались выстрелы, драгуны ускакали, а солдаты стали стрелять залпами. Как бы то ни было в начале, но затем, во всяком случае, факт тот, что в бегущую толпу стре-

ляли, из толпы отстреливались. Один очевидец насчитал 20 залпов; один солдат хвастался, что выпустил 36 пуль; городовой около вокзала выстрелом в упор убил раненого, пытавшегося подняться. Один казак был сброшен с лошади, на нее вскочил рабочий и, стреляя помчался вперед: его скоро сняли с седла выстрелами. Вооруженные рабочие умирали храбро, стреляя до последнего патрона. Число пострадавших установить трудно; цифру убитых солдат и городовых тоже определяют разно, от 4 до 40. Среди убитых и раненых много женщин и детей. Говорят, что первый день солдаты наотрез отказывались стрелять, а казаки боялись солдат. На второй день казаки опять не принимали деятельного участия, отличались лишь драгуны и отдельные пехотинцы.

Нижний-Новгород. Перед 1-м мая публика в Сормове стекалась к железнодорожному мосту полюбоваться разливом Волги. Комитет воспользовался этим. Когда 29-го апреля оратор начал речь, около него сразу собралось около 2 тысяч чел. После горячей речи были подняты знамена, и с пением «Дружно, товарищи!»—толпа двинулась к Сормову. На главном шоссе полиция хотела остановить демонстрантов, но не выдержала столкновения и быстро начала улепетывать, как только демонстранты открыли стрельбу, она засела в ближайших домах и оттуда стала посылать выстрелы в расходившихся демонстрантов. Со стороны рабочих ранено человек 8, со стороны полиции—6, из которых, по слухам, один умер. Один полицейский, убегая от рабочих, сбросил с себя все форменное платье; только это и спасло его. Настроение после демонстрации было роскошное: рабочие чувствовали себя победителями. Они уже не хотели больше собираться тайком. Тотчас после 29-го за заводской больницей стали собираться кучки в 20—30 человек. Сначала велись беседы о заводских делах, читались прокламации, обсуждались газетные известия. Полиции были не понутру эти собрания, но они тщетно пытались прекратить их. Вскоре начали выступать ораторы от комитета, что еще больше привлекло рабочих. Небольшие собрания превратились в грандиозные митинги от 700 до 6.000 чел., происходившие буквально каждый день, несмотря ни на какую погоду. Старые и молодые, женщины с грудными ребятами,—все тянулись туда, где раздается свободное слово, где выясняются причины их тяжелой жизни, где указывается светлый идеал будущего и путь к нему. Так продолжалось до 11-го июля, два месяца непрерывно. О чем только не говорилось в этом народном университете! Здесь разбирались местные нужды рабочих, популярно излагалась наша программа, ни один пункт, которой не остался неразобранным. Но вот газеты приносят вести о новых выступлениях рабочих, новых зверствах правительства, и льются горячие речи о современных событиях. Кулаки слушателей сжимаются, и мощно несутся соц.-дем. лозунги, подхваченные толпой в несколько тысяч человек. В первых числах июля начались массовки и по ближайшим селам,—в с. Колине (10 верст), в с. Коносове. Там собирались человек 150—200. Иногда не хватало оратора,—тогда вниманием слушателей овладевали организованные рабочие, которые с местных нужд переходили к общим вопросам. А местных дел было много: то один, то другой цех бросали работу. Открытые собрания оказывали рабочим громадную услугу: здесь обсуждались их дела, собирались деньги на стачки. Здесь поддерживали товарищей не только словом, но и делом. Однажды узнали, что наняты новые рабочие на место стачечников. На другой же день штрейкбрехеров выгнали, несмотря на защиту их полицией.

Приближалось 9-е июля. Комитет решил устроить однодневную политическую забастовку с мирными митингами. Вошли в соглашение с группой меньшевиков и с соц.-революционерами. Почти целую неделю выяснялось на собраниях значение 9-го января и важность политического выступления рабочих в полугодовщину этого события. В городе были использованы все легальные собрания приказчиков, типографов; устраивались нелегальные массовки. Комитетом выпущено 7.000 листков и перепечатано в нескольких тысячах стихотворение рабочего «9-е января». Группой выпущен листок. Усилия не пропали даром. Но прежде, чем говорить о 9-е июля, нужно отметить одну попытку заводоуправления сорвать политическую забастовку: оно вдруг выдвинуло праздник «тысячного паровоза», который давно уже был выстроен; при этом оно обещало 10.000 руб. рабочим паровозо-строительного цеха. И вот на одном из собраний вдруг был поднят вопрос об этом праздновании. Комитетские ораторы и организованные рабочие все усилия употребляли на то, чтобы доказать всю позорность постановки на голоса обоих этих праздников. И праздник «паровоза» был с треском провален. Наступило 9-е июля. Весь город, за немногими исключениями, замер. Магазины заперты, типографии, булочные, мелкие мастерския не работают; заводы в городе и Канавине тоже стоят. Собрание было назначено в 11 час. за Народным домом. Собралось больше 1.000 человек. Плавно развевалось черное знамя с надписью: «Вечная память павшим борцам за свободу 9-го января»—над головами ораторов. Собрание продолжалось около 2 часов, говорило 5 ораторов. В час дня толпа двинулась к городу, пройдя сквозь цепь казаков, но без песен, как было решено; заворотили назад трамвай, который один только работал весь день. Всю дорогу разбрасывали прокламации; спокойно прошли кварталов 6, но на углу Б. и М. Покровки появились казаки, конная полиция, и толпа принуждена была остановиться. При появлении полицмейстера раздались свистки; он приказал разогнать толпу; казаки бросились с нагайками, но толпа быстро рассыпалась и побоища не произошло. В 5 часов было решено вновь собраться на прежнем месте. Часам к 6 собралось человек 300 и решили открыть собрание. Пошел проливной дождь, и мы уже думали, что собрание не состоится. Но публика терпеливо мокла, а когда дождь прошел, то народ повалил толпами к месту собрания, и к половине 8-го было уже до трех с половиной тысяч. Выступило уже 6 ораторов, говорили о 9-е января, о социализме, демократической республике, как вдруг появился отряд казаков. Серая масса и «чистая» публика бросилась бежать, но центр, чел. в 500, не тронулся. Приехала полиция и потребовала, чтобы разошлись. Рабочими было выставлено требование убрать казаков, на что полиция согласилась. Убегавшие опять вернулись и собрание начало расходиться. Весело было смотреть на возбужденные лица рабочих, настроение было праздничное. Но без побоища в этот день все-таки не обошлось. Вечером ни с того, ни с сего казаки набросились на мирно гуляющую на Б. Покровке публику и избили несколько человек. В этот и следующий день и казаки, и полиция были напоены. Перенесемся в Сормово. Заводоуправление даже и не пыталось звать рабочих на завод: свистка не было. Стал также завод Тер-Акопова, закрыты все лавки и магазины. Около полудня по требованию рабочих были прекращены рейсы финляндского пароходства, а также железнодорожное сообщение между городом и Сормовым. По улицам расхаживали и разъезжали (на велосипедах) члены охраны против хулиганов, устроенной с.-д. организацией. День прошел спокойно. Не было на улице ни полиции, ни публики. Первая боялась рабочих, публика боялась хулиганов, а темная масса боялась «политиканов», которые, по рассказам полиции, должны были разграбить 9-го июля все Сормово. В 7 час. веч. открылось собрание. Место собрания хотели перенести ближе, но это не удалось. Часам к 9-ти было уже до 2-х, а к концу и до 3-х тысяч человек. Бывали прежде и более многочисленные собрания, но тогда приходили многие любопытные, а здесь было наше Сормово, которое пришло сюда, зная, что их могут сегодня избить и даже убить. Величественное было зрелище. Грехтысячная толпа рабочих, над ней 7 красных и черных знамен чуть-чуть колышатся в воздухе, звучат речи ораторов. На этот раз говорили особенно хорошо. Кто был на этом собрании, кто слышал пение «Замучен тяжелой неволей» этого трехтысячного хора, тот не забудет этого вечера никогда. Выступало 4 оратора от к-та, 2 от группы меньшевиков, 2 от с.-р., невдалеке ходили человек 70 рабочих. Это боевая дружина, готовая во всякое время задержать первый натиск башибузуков и дать возможность толпе спокойно разойтись.

Кострома. Дружный натиск рабочих на капиталистов и правительственную власть заставил их пойти на переговоры.

Эти переговоры были начаты под давлением губернатора. Правительство подбивало фабрикантов скорее пока-

зать вид, что уступают, а исподтишка так же выжимать сок из рабочих, как и прежде. И вот фабриканты вывесили объявление, в котором заявляют, что в депутаты должны итти 25-летние люди, служащие не менее 1 года. Если бы так сделать, то из наших депутатов пришлось бы исключить почти всех наиболее передовых и сознательных товарищей. Правительство и фабриканты хотели посеять рознь между депутатами и всей массой, но это им не удалось. Вся масса, как один человек, заявила, что кто выбран в депутаты, тот пусть так и остается. Капиталисты увидали, что масса не сдается. Они решили начать переговоры на тех условиях, на которых захотели рабочие.

Фабриканты начали изо всех сил стараться, как бы опутать депутатов. Но товарищи-депутаты отбивали всякие нападения. Фабриканты предлагают заключить с ними договор теперь же. Депутаты говорят, что мы будем делать то, что скажут все рабочие, а сейчас, не думавши, не станем ничего делать. Фабриканты говорят, что они вывесят объявления в конторах о своих уступках. Депутаты говорят, что это тоже уловки: разобьют наши издеватели всех по конторам, а там, глядишь, бабы или малосознательные товарищи, не подумавши хорошенько, да под наветами «черной сотни» или полиции, согласятся работать. Депутаты сказали, что уступки фабрикантов сначала надо обсудить всей массой на Костроме, а потом уж и расклеивать. Что же нам уступили наши «благодетели»? Рабочий день сбавили на час, да расценки повысили. Расценки повысили только на четверть того, что мы просили. Но это как-никак уступки. Все-таки помазали по губам. А все остальные требования наши не уважены. Штрафы так же будут драть, женщины так же будут мучиться и бедствовать без помощи во время родов, обращаться будут с нами так же грубо, как и прежде. За забастовочные дни не заплатят, даже и за те 4 дня, за которые прежде хотели заплатить.

Мы просили, между прочим, чтобы наши депутаты были и действовали не только во время стачки, чтобы мы могли через них давать нашим кровопийцам отпор. На это нам сказали, что, дескать, не в нашей власти, хотя мы этому сочувствуем. Лицемеры! Они сочувствуют, а на властей смотрят. Правительство не хочет, чтобы у нас были депутаты, правительство любит только «черную сотню».

Иваново-Вознесенск. С 1-го июля рабочие решили приступить к работе. В 1-й день проработали очень недолго и ушли по домам, а на другой день работа производилась в полном порядке, но, тем не менее, разошлись раньше обыкновенного. 4-го июля, когда рабочие пришли на работу, они не были допущены на фабрики. Администрация просила, чтобы все рабочие собрались в 10 часов к своим фабрикам. В 10 часов на глазах рабочих было вывешено объявление о том, что хозяева не желают делать никаких уступок рабочим, что самовольное прекращение работ не может быть далее терпимо и что, если кто желает работать на старых условиях, пусть заявит об этом фабричному инспектору и, кроме того, пусть даст расписку в этом. А затем заявлялось, что фабрики будут закрыты, если рабочие не приступят к работам до 11-го июня. Рабочие сильно были возмущены этим объявлением и решили, ни в каком случае, не уступать до тех пор, пока хозяева не удовлетворят все их требования. На угрозу же закрыть заводы потребовали полного расчета с платой за время забастовки и за две недели вперед; потребовали также, чтобы объявление было утверждено старш. фабр. инспектором и губернатором. Напрасно депутаты старались убедить рабочих согласиться на требования хозяев, напрасно они говорили, что масса не в силах больше бороться, что необходимо подкрепить свои силы, что касса уже пуста,—ничто не могло повлиять на рабочих: они категорически заявили, что работать не станут, а тех, кто примется за работу, будут снимать силой. Высказывались даже подозрения, что депутаты подкуплены хозяевами. Депутатам ничего, в конце-концов, не оставалось и они пошли за массой. Теперь работают Грязнов и Шапов, а также две маленькие фабрики Кашинцева и Дарьинского,—там, видимо, сделаны уступки. Заводы тоже скоро приступят к работам, ибо заводчики согласились на следующие требования: согласны заплатить за время забастовки,—только не сразу, а в несколько получек; обещаются построить бани, а покуда будут выдавать деньгами; вводится 10-часовой рабочий день; плата будет выдаваться во время работ; расценки слесарям и литейщикам повышены с 40 и 60 копеек до 60 и 75 коп. В городе тихо. Улицы запружены войсками. С 1-го числа собрания на Талке прекратились. 5-го числа депутаты снова послали губернатору заявление, чтобы он позволил собираться. Ответа еще нет. (От ред. Как сообщалось в легальных газетах, около ста человек Иваново-Вознесенских рабочих преданы военному суду).

Колпино. Введение 9-часового рабочего дня на заводах морского ведомства послужило поводом к стачке на Ижорских заводах (Колпино, около 5 тыс. рабочих). История 9-часового рабочего дня вкратце такова. В начале мая, на Обуховском, Путиловском, вагонно-строительном и других заводах рабочие начали самовольно уходить, отработав 9 часов. Утомленная непрерывной борьбой и волнениями администрация не знала, что делать, и в докладах начальнику Обуховского завода Власьеву говорила, что с рабочими не справиться и нет возможности работать. Он, говорят, ответил, что и ему все это надоело и он ничего не имеет против 9-часового рабочего дня. Доложили министру. Тот тоже сказал: «дать им что ли 9-час. раб. день, я бы ничего против этого не имел». Власьев принял это за разрешение. Между тем доложили царю. Тот отвечал, что есть по этому вопросу комиссия и пока она не кончит работ, ни в чем не уступит. Но было уже поздно. Пришлось докладывать снова в том смысле, что ждать нельзя. Тогда придумали дать в виде милости. Как только на Обуховском заводе ввели 9-час. раб. день, колпинцы заволновались. Администрация обещала справиться и через день-два для механической части завода был объявлен 9-час. раб. день, вместо 10-час., тогда как для металлургических цехов, где производство непрерывное, был оставлен прежний 12-час. день. Металлурги, народ самый некультурный, из крестьян (так как выучки не требуется), в периоды январских и февральских стачек тормозившие их, теперь возмутились и дружно забастовали (16-го мая). Когда дневная смена ушла, требуя 9-час. дня, ночную уж само начальство не пустило на завод. Механические цехи к забастовке не примкнули. Среди массы металлургов почти нет у нас связей, и вначале трудно даже было выяснить, чего они хотят. С этой целью было организовано собрание, но было мало металлургов. Порешили собрать их побольше, а пока выяснили значение 8-час. раб. дня и общее положение. Принципиально решили, что надо поддержать товарищей, но до выяснения требования не примыкать. Тут же выяснилось, что стачка имеет мало шансов на успех, что всего вернее она может привести к увольнению наиболее сознательных элементов, и потому к ней надо отнестись осторожно. На следующем собрании наш оратор говорил о необходимости готовиться ко всеобщей стачке и вооруженному восстанию,—что только таким путем мы добьемся улучшения своего положения, а единичные стачки отдельных заводов в данное время ни к чему не приведут. Приглашал стать на работу и готовиться ко всеобщей стачке во всем Петербурге. Но стачечники, услышав о всеобщей стачке, заявили, что будут лучше бастуя, ждать этой стачки и ни за что не пойдут кланяться начальнику завода. На этом же собрании был вынесен протест против войны (это было вскоре после Цусимского поражения) и дружно кричали: «долой самодержавие». Стачечники решили требовать 8 ч. и 3 смены. Слухи о всеобщей стачке в Питере улеглись, но колпинцы уперлись и продолжали бастовать. «Мужик—как вол, пояснял такое упорство один из стачечников нашему организатору: трудно заставить его сдвинуться, но когда он упрется, ничего с ним не поделаешь. Так и мы уперлись; изголодаемся, разъедемся, а не поклонимся». Это была энергия отчаяния. Высказываться за стачку было невозможно (между прочим, стачечники просили стачкой их не поддерживать, надеясь так скорее добиться цели), тем более, что по справкам оказалось: срочных заказов нет, смета осталась старой и расценки после зимних стачек повышены, так что уже был перерасход, и администрация

охотнее закрыла бы завод на месяц-другой, чем стала бы хлопотать об увеличении сметы. Затеяли капитальный ремонт и никаких предложений рабочим не делали. Организация старалась использовать стачечное настроение, почти через день назначались массовки, иногда неудавшиеся из-за дождя или полицейских условий. Все же состоялось собраний 7—8 от 50—150 и до 500 ч. На них наш организатор и ораторы говорили о стачке и в связи с ней о современном положении и единственном выходе из него—вооруженном восстании для установления демократической республики, о классовой борьбе, политической свободе и пр. Между тем, стачка продолжалась. Вскоре был объявлен расчет механической мастерской и части других мастерских в виду недостатка в материале, который изготовлялся металлургами. В то же время заседала комиссия из чиновников и частных заводчиков и порешили сбавить только час в броневом и прокатном, в сталеплавильном же двенадцатый час считать за 1½, как сверхурочный. Комиссия давно пришла к этому решению, но оно долго ходило на подписи, а рабочие все голодали. Через месяц только (9-го июня) было вывешено объявление о сбавке часа; рабочие, согласные работать, приглашались дать подписку. Сюда же присоединили еще пункт, что опоздание даже на одну минуту будет равно потере полудня. (После зимних стачек опоздание на 5 минут не штрафовалось). Все это еще больше возмутило рабочих; забастовала и часть работавших, а бастующие не стали на работу. К вечеру отменили подписку. Механической мастерской предложили «погулять», якобы, по своей воле, т.-е. не получая платы. Кроме того, начальник хотел было не принимать некоторых «по своему выбору». Но депутация рабочих заявила, что рассчитывать—так рассчитывать всех. Забастовка затягивалась, число бастующих увеличилось, хотя литейная вернулась на работы, и треть завода работала. На собрании человек в 150 под руководством нашего организатора выработан ряд требований с 8-час. днем во главе. Собрание кончилось, как всегда, политической речью. Требования не были отпечатаны, так как события быстро сменялись. Кредит иссякал, слышались голоса, что изголодались. Видя, что начальство не прочь притти к соглашению, мы стали настаивать, чтобы выставлены были только минимальные требования. На собрании (самом большом за это время, человек 500) это предложение и было принято. Стачка возникла и протекала стихийно. В смысле агитации она была использована (был выпущен еще и листок общеагитационного характера), но управлять ею не удалось. Главная масса стачечников (более 1.000 чел.) на собрания не ходила, нигде не собиралась, а влияние через отдельных представителей было недостаточно. Темная масса все еще не могла поверить, что царь, давший их товарищам 9 час., о них забыл. Организация в Колпине еще слаба; после январских дней наиболее развитые рабочие и выборные были уволены или высланы. Вообще Колпино, удаленное от Петербурга на 24 версты, не имеет возможности широкого общения с тамошними рабочими и культурой. Народ боевой, но мало сознательный. Все же большинство молодежи на стороне социал-демократов. После усиленной агитации во время стачки значительно увеличился интерес к листкам и литературе и замечался подъем смелости и солидарности. В результате этого—удачно происшедший неподготовленный переход митинга в заводе в демонстрацию. 20-го июня представители «меньшинства» экстренно попросили наших организованных помочь им уберечь и защитить оратора. Большинство рабочих нашей организации не работало и они могли подойти только толпой к заводу; у меньшевиков же, главным образом, были связи в работавших мастерских. Наши согласились. В заводе речь оратора длилась 4—5 минут, по словам рабочих; но выйдя из завода, он встретил значительную толпу, преимущественно из наших организованных, что дало ему возможность продолжать речь на улице. После речи толпа с криками «долой войну», «долой самодержавие» и революционными песнями прошла по улице. Вышло это довольно неожиданно и красного знамени не было. Казаки не вмешались. Как иллюстрацию возбуждения и солидарности можно привести еще факт, Мастер Бекк уволил рабочего, производившего ревизию потребительской лавки и раскрывшего там злоупотребления, вообще державшего руку рабочих. Рабочие дружно стали за него и решили вывезти Бекка на тачке. («Еще ни разу у нас не вывозили»,—говорят рабочие). Все было приготовлено, но раньше удалось добиться немедленного приема товарища-рабочего обратно, так что тачка и рогожи «погрязнее» не понадобились. Также дружно была отбита попытка отнять чаепитие на заводе, с введением 9-час. дня. Стачка несколько мешала организационной работе и пропаганде. Происходит постоянная смена работников, что не может не отражаться вредно. Привыкнут к организатору, видимо появляется уважение к нему, теплые товарищеские отношения; на собрании десятки рук неорганизованных товарищей протягиваются к нему и приветливые, какие-то радостные улыбки появляются на лицах, прежде только любопытных, иногда недоверчивых,—начинают обращаться за советом в трудных вопросах; открывается возможность для более широкого и глубокого воздействия,—а тут приходится уходить... Литература легальная и нелегальная читается охотно, листки буквально рвут из рук. Прежняя система подмета почти оставлена,—идет раздача по рукам. Идешь на собрание—на ветвях дерев, по дороге, висят прокламации; дальше, на открытом месте стоит товарищ-рабочий и раздает листки. Вокруг него толпа рвет из рук и совсем затормошила его. «Товарищи, мы еще не свергли самодержавия,—смеюсь я,—пока надо бы поконспиративнее».—«Нет, ничего, у нас это просто».—Не только матросам, охраняющим завод, но и казакам ухитряются передавать листки, и те читают охотно. После листков о событиях на «Потемкине», матросы волновались и отказались работать на грядах начальства, находя, что это не входит в круг их обязанностей. Часть их перевели в Петербург. 9-го июля, в полугодие 9-го января, в Колпине не было стачки. Рабочие решили выйти на работу, отслужить в заводе панихиду; организованные же решили после нее устроить митинг в заводе же. Нашему оратору удалось сказать речь, хоть и короткую. При выходе из завода казаки и полиция были наготове. Одного человека задержали по подозрению в произнесении речи. Укажу еще на характерный факт, замеченный не только в Колпине,—особый интерес к вооружению: жажду оружия. Здесь многие запасаются, чем попало, но жаждут револьверов.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Херсон. Сквозь крепкие решетки и высокую ограду и до нас, заключенных в херсонской тюрьме, доходят вести с воли. Каждый день, чуть ли не каждый час вносит новое в дело русской революции; особенно знаменательны последние события в армии и флоте. Отрезанные от жизни в такой счастливый для русского революционера момент, мы жадно ловим всякую весть, стараемся вникнуть в смысл событий, чтобы хотя мыслью и чувством слиться с общереволюционным потоком.

Но вот случай дал нам возможность непосредственно столкнуться с фактом, сильно отразившим нынешнее время. Мы говорим о покушении солдат в дисциплинарном батальоне на начальника Давыдова.

В другой тюрьме содержатся солдаты и матросы, обвиняемые в этом бунте. Мы, несмотря на трудности, завязали с ними сношения и, поскольку могли, старались ободрить их и научить, как держать себя до суда и на суде. Скоро после суда их привели в баню в ту тюрьму, где мы находимся.

Под конвоем чуть ли не целой роты солдат привели их (девять человек) в две партии: сначала осужденных на каторгу, а затем и приговоренных к смерти. С первыми нам удалось переговорить, крикнуть им несколько слов ободрения. Один из них произнес даже маленькую речь: «Теперь еще их воля, их право, теперь еще он над нами царь-бог, но не долго еще»... Но особенно поднялось наше настроение, когда мы увидели осужденных к расстрелу. Несколько минут молчания... и вдруг все мы сразу запели марсельезу. Все в эту минуту почувствовали себя бодрыми, смелыми и готовыми итти на смерть.

Солдаты бледные, измученные (их держат все время в темных подземных карцерах) только радостно и растроганно улыбались нам. На следующий день они прислали нам записку следующего содержания:

«Да здравствует политическая свобода! Дорогие товарищи! Посылаем вам сочувственное нижайшее почтение, да поможет вам всемогущий достигнуть той цели, которой вы желаете, а также за которую и мы провалились. Очень, очень не можем описать даже того, что мы чувствуем к вам. Все мы вам товарищи и благодарны, что вы нас так радостно приветствовали и таким великолепным маршем провожали. Мы этого никак не можем забыть и не забудем. Да здравствуют ваши отклики в народе! Ваши предсмертные друзья, бывшие солдаты».

В следующих их письмах, особенно в письмах одного из них, самого развитого (Рогачева), много говорится о том, что они не страшатся смерти, что смело смотрят ей в глаза, что «умирая, будем сознавать, что долго ли, коротко ли, а все-таки дорого обойдется жизнь наша царским псам и палачам, и что до последнего издыхания будем просить товарищей, чтоб они не смягчали сердца своего, а чтобы мстили и мстили врагам нашим за братьев наших».

Событие это в батальоне бледное в сравнении с другими, не остановившее на себе, может-быть, большого внимания, ярко, однако, иллюстрирует современную русскую действительность. Встают перед нами знакомые русскому сердцу картины дикого произвола, насилия, самого беспощадного попирания человеческого достоинства. Томят солдат в казармах, избивают, забивают, преследуют всякое проявление свободной личности; непокорных, не сумевших приспособиться к этим условиям, отправляют в дисциплинарные батальоны, где жизнь еще несчастнее. Нет, кажется, выхода! Но вот всего этого темного царства коснулось влияние сознательно борющегося пролетариата, и сразу стало светлее. Среди этих забитых, приниженных людей есть такие, которые работали на фабриках и сталкивались с сознательными рабочими; есть такие, которых просветил «студент», и вот в результате такой факт, как данный, солдаты в дисциплинарном батальоне задумывают убить ненавистных начальников, вооружиться и «пойти сначала освободить политических из тюрьмы, а затем дальше уничтожить врагов народа» (слова солдат). Пусть план не удался, пусть он не удался бы и при более благоприятных условиях, но одно возникновение его уже знаменательно.

Русский передовой пролетариат сумел внести этот свет в народные массы, сумел разбудить, повлиять на них; теперь его задача организовать их и сознательно повести к намеченной цели.

Херсон. В настоящее время в Херсонской политической тюрьме находятся: А. Кульчинский (арест. по делу Елисав. Орган. 1903 г. в окт.), М. Заславский (тип.), С. Розенбойм (инт., ноябрь 1904 г.), Х. Беленькая (раб.), М. Зафтонов (нар. уч., 1904 г., окт.), Ар. Плесков (инт., 1905 г., март), Ал. Ухов, Н. Ровнер (раб. по делу Ник. к-та, окт. 1903 г.), А. Гаузнер, Краснобродский (март 1904 г.), И. Друян (перен., апр. 1904 г.), Л. Срулевич (раб.), И. Кржистоновский (раб., декабрь 1904 года), М. Теверьбянов, А. Штейтнайдер (фотог., февр. 1905 г.), М. Орженский (Никол. к-та, февр. 1905 г.), И. Хаборовский (март 1905 г.), Б. Спектор (раб.), И. Гофбард (прик.), Рубинштейн, Зиглин (раб.). Все вышепоименованные товарищи социал-демократы. С. Бамбарчук (инт.), А. Сапожников (раб.). (Оба Поалей-Цион). С. Гончаров (раб. соц.-рев.), П. Смена (нар. уч., июль 1905 г.). Кроме того, в губернской тюрьме сидят: Слобабский, Злокинди, Слехман (соц.-демократы).

Москва. В Пречистен. части находятся следующие лица: Ив. Павл. Сазонов (с.-д., арест. 15-го июля, найдена колл. соц.-дем. проклам.), Андреев (соц.-дем., арестов. после 20-го на Ходынском поле солдатами, с которыми разговаривал; найдено небольшое количество соц.-дем. лит.), Евг. Филип. Монистов (арест. 10-го июля, найден револьвер, соц.-дем.), Фомин (арест. в авг., отобран револьвер, рабочий), Давыдов (арест. 5-го июля на дому; обвин. в устройстве демонстрации в Нар. доме—в произнесении речи и стрельбе из рев.), Гурин (арест. в нач. июля), Седачев, Ев. Ф. (арест. в нач. июля), Канаев (арест. в нач. июля), Рыковский (соц.-дем., ар. в конце июля, найдена с.-д. литер.). Сведения эти по 12 авг.

Бежали: 1. Мариана Айзенберг из Акатуйской каторжной тюрьмы (была пригов. на 12 л. по Роман. делу). 2. Моисей Урицкий из Олекминска, Якутской обл. 3. Людмила Громозова, сосланная на поселение, из Пелыми, Тоб. губ. 4. Яков Коростышевский оттуда же. 5. Михаил Штейман из Туринска. 6. Мунгалов из Туринска. 7. Шапиро из Пелыми (по делу Черниг. тип. соц.-револ.). 8. Каменецкая из Туринска. 9. Абрам Криницкий из Пелыми. Оттуда же. 10. Самуил Глуз. 11. Яков Чертин.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Из Франции.

Поход буржуазии на биржу труда.

Недалеко от площади республики, в самом центре Парижа, находится цитадель рабочего класса — биржа труда. Здесь заседает Исполнительная Комиссия «всеобщей конфедерации труда», здесь находится редакция револ.-синдикальной газ. «Голос Народа», здесь собираются профессиональные рабочие организации—вместе или отдельно по корпорациям—для обсуждения своих пролетарских нужд и дел, здесь обсуждаются средства борьбы с капиталом-эксплоататором, организуются профессиональные курсы, лекции, собрания...

Здание биржи труда принадлежит государству, т.-е. буржуазии; субсидии рабочим организациям выдаются государством, т.-е. той же буржуазией, и последняя, привыкшая покупать за деньги не только материальные блага, но и такие моральные блага, как любовь, совесть и прочие возвышенные вещи, желала бы иметь в своем доме и за свои деньги тихих, робких, скромных, показных тружеников, ну нечто в роде наших... зубатовцев...

Но, о скандал!—рабочие биржи труда смеют думать по-своему, по-пролетарски; биржа труда все больше и больше становится рассадником революционных идей; там не чтут законом установленных авторитетов, не проливают крокодиловых слез при воспоминании об Эльзас-Лотарингии, не признают благотворного сотрудничества классов, не восторгаются великими парламентскими реформами. Там ведут усиленную антимилитаристскую пропаганду, приглашают рабочих организоваться для борьбы с буржуазией, угрожают с первого мая 1896 г.—в силу решения Буржского конгресса—работать только 8 часов в день, устраивать враждебные манифестации против коронованных особ, удостоивающих революционный Париж своими милостивыми визитами, там смеются над квасным патриотизмом и от сердца распевают «карманьолку» и «интернационалку»... Словом, ужасы ужасов... И что хуже всего (horribile dictu!) биржа труда в силу закона 17 июля 1900 г. управляется собственной административной комиссией, свободно избираемой профессиональными организациями...

Буржуазия сердится, негодует, придумывает меры и способы положить предел такому скандалу. Газеты ее всех оттенков от монархического «Gaulois» до псевдо-социалистической (зубатовской) «Petite Republique» изо-

щряются в выдумках, прожектах о «предупреждении и пресечении», гениальнейших регламентах в пользу рабочего класса... Испуганному воображению благородных Лепинов, высоконравственных Жалюзо и целомудренных Сивтонов рисуются в бирже труда адские машины, несказанные воровства, классические оргии... После долгих и частых размышлений префект полиции и свободомыслящие газеты, министерство внутренних дел и демократическая дума пришли к единодушному решению—дать бирже труда свой, полицейский регламент, подчинить ее своей префекторской феруле... Сказано—сделано; кампания начинается. Первое военное действие: пользуясь своим законным правом, административная комиссия изгнала из биржи труда организацию типографщиц, сыгравшую несколько лет тому назад роль настоящих Streikbrecher'ов. Во время стачки типографов в Нанси, организация эта послала туда своих членов занять места стачечников, благодаря чему стачка была, конечно, проиграна. Сразу организованные парижские типографщицы («желтые») стали идеальными работницами в глазах буржуазии. При восторженных аллилуя подкупленных газет полиция величественно водворяет в бирже труда прогнанную оттуда организацию. Водворение происходит со взломом замков, так как помещение было заперто, и администраторы биржи не имели, понятно, никакого намерения давать ключи полиции.

Второе военное действие: из полицейских, чиновников и фабричных инспекторов префект составляет контрольную комиссию, задача которой «организовать» выборы новой административной комиссии. Предусмотрительное начальство само регулирует функции, способ избрания, полномочия администраторов, подлежащих контролю упомянутой полицейской комиссии. Чтоб дать перевес маленьким, подчас фиктивным союзам над крупными, большей частью, революционно-настроенными организациями, выборы устраиваются пропорциональные. А надо заметить, что на корпоративном Буржском конгрессе подавляющее большинство рабочих синдикатов высказывалось против системы профессиональных выборов. Но что до этого буржуазным защитникам пролетарских интересов?.

План прекрасный, хитроумный, и господин Лепин от удовольствия потирает себе руки. Журнальные шавки ликуют: биржа труда укрощена.

Беда только одна: свыше 200 рабочих организаций, заседающих в бирже, решили игнорировать навязанный им регламент и продолжать попрежнему самоуправляться: всего лишь 24 несчастненьких союзов приняли участие в выборах административной комиссии...

Результат, неправда ли, блестящий! Это победа à la Kouropatkine.

Правда, говорят, что у префекта полиции есть задняя мысль (как у всех великих стратегов): введя своих покорных слуг в биржу раздражать мало-помалу мелкими стычками и придирками рабочих, вывести их из терпения, провоцировать их на насильственные действия и, воспользовавшись предлогом, изгнать революцию, т.-е. пролетариат manu militari из биржи труда.

Сей великий план удастся ли? Вот вопрос.

ИЗ ПАРТИИ.

Первая областная конференция С.-З. Края. Состоялась 1-ая областная конференция С.-З. Края, в которой приняли участие с решающими голосами делегаты Полесского комитета (2 голоса), Двинского к-та, Рижского к-та, С.-З. Союза, Виленской, Минской, Витебской, Сморгонской и Гомельской групп и Варшавской военно-революционной группы (по 1 голосу) и с совещательными голосами представители Ц. К-та, Смоленского к-та и Бобруйской группы. Из приглашенных не явились представители ОК и Рижской группы. Постановлениям конференции решено придавать значение лишь совещательных, имеющих обсуждаться в организациях. Приняты следующие резолюции:

А. По вопросу о Государственной Думе.

Принимая во внимание: 1) что интересы освободительной борьбы российского пролетариата против имущих классов за социализм требуют полного уничтожения самодержавия и замены его демократической республикой; 2) что по царскому манифесту Государственной Думе из так-называемых «народных» представителей предоставляется лишь совещательный голос, и тем самым существующий самодержавный строй остается неприкосновенным; 3) что выборы в Государственную Думу будут производиться при отсутствии гарантии свободы слова, печати, собраний и союзов, вследствие чего самые выборы превратятся в комедию; 4) что правительство в манифесте 6-го августа о созыве Государственной Думы путем не всеобщей, не прямой системы выборов, с одной стороны совершенно устраняет от участия в выборах пролетариат, а с другой—заранее обеспечивает в Государственной Думе подавляющий перевес представителям крупной и средней буржуазии и тем делает представительство от крестьян в действительности фиктивным; что в виду всего этого, возвещенная манифестом Государственная Дума совершенно не отвечает действительным интересам народа и является лишь гнусной попыткой царского правительства в целях самосохранения привлечь на свою сторону буржуазию и обмануть пролетариат и крестьянство призрачным народным представительством,—конференция, присоединяясь принципиально к предложению ЦК, постановила: а) разоблачать путем широкой агитации среди пролетариата и крестьянства реакционные цели правительства, учреждающего Государственную Думу, доказывая необходимость в интересах рабочих и крестьян созыва революционным путем учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов; б) выносить на всех агитационных собраниях соответствующие резолюции; в) пользуясь предвыборной агитацией во всех стадиях предвыборной кампании, оказывать самыми энергичными мерами давление на избирательные собрания, побуждая их отказываться от выборов; г) принять самые энергичные меры к подготовке пролетариата к открытому выступлению в форме всеобщих забастовок, вооруженных демонстраций и вооруженного восстания—как теперь же, после объявления правительства о созыве Гос. Думы, так и во время выборов.

Б. По вопросу об объединении партии.

Первая конференция представителей организации С.-З. края, констатируя единодушное стремление всех работников края объединить нашу партию и отсутствие достаточных тактических и организационных разногласий, оправдывающих существование двух партий, и не веря в возможность прочного и действительного объединения партии только путем соглашения между ЦК и ОК, считает необходимым немедленно приступить всюду к объединению на местах. С этой целью 1-ая конференция предлагает: 1) созыв периодических областных конференций из представителей всех организаций, независимо от отношения их к тому или другому из течений к партии, на которых особенно детально должны быть выяснены организационные нормы, соответствующие современным условиям нашей социал-демократической работы; 2) созыв в ближайшем будущем центральной конференции из представителей областных конференций, ОК, ЦК и редакции «Искры» и «Пролетария» для решения вопроса об окончательном объединении партии; 3) предложить ЦК и ОК принять все меры для облегчения созыва как областных, так и центральной конференции; 4) в местах, где существуют парал-

лельные организации, необходимо устройство систематических совещаний из работников обеих организаций, где будет обсуждаться вопрос о способах к объединению обеих организаций; 5) предложить ЦК объявить, на каких условиях он считает для себя возможным соглашение с ОК и 6) придавая громадное значение областным и центральной конференциям в деле объединения партии, конференция вместе с тем признает, что работы таких конференций могут, главным образом, подготовить объединение партии, при чем наилучшим средством для окончательного объединения является созыв общепартийного съезда. Поэтому конференция предлагает ЦК и ОК наряду с устройством областных и центральной конференций принять немедленно самые энергичные меры для выработки основ и способа созыва общепартийного объединительного съезда. С своей стороны, конференция считает необходимым, чтобы областные конференции определили те организации своего района, представители которых должны участвовать с решающими и совещательными голосами на съезде. За 2 месяца до съезда программа его должна быть сообщена всем организациям.

В. Отношение к национальным социал-демократическим партиям.

Оставаясь в вопросе об отношениях к национальным социал-демократическим партиям на точке зрения II партийного съезда и считая необходимым организовать под знаменем Р.С.-Д.Р. партии пролетариат всех национальностей, конференция считает необходимым для усиления работы и влияния Р.С.-Д.Р. партии в крае издания литературы на местных языках. Вместе с тем, в виду важности в настоящий политический момент объединения борьбы российского пролетариата за демократическую республику, конференция признает необходимым соглашение между Р.С.-Д.Р. партией и национальными с.-д. партиями и предлагает: 1) для объединения борьбы пролетариата в переживаемый революционный момент созывать периодически конференции из представителей социал-демократических партий России, на которых могут выбираться исполнительные комиссии для проведения в жизнь постановлений, принятых конференциями, и 2) для организаций общих выступлений пролетариата учреждать на местах временные или постоянные комиссии из представителей местных социал-демократических организаций, при чем общие основы для образования таких комиссий вырабатываются между партийными конференциями. Конференцией выбран делегат на имеющую состояться междупартийную социал-демократическую конференцию. Выбрано также бюро, которому, помимо созыва следующей областной конференции, поручено подготовить вопрос об издании на местных языках общей областной газеты.

Борисов (Минской губ.). Здешняя группа партии официально существует пятый месяц. Основателями ее являются рабочие без помощи интеллигентов. Теперь имеется пять пропагандистских кружков (свыше 100 чел.). Читающих литературу и бывающих на собраниях до 300 чел., по преимуществу христиан. В одном кружке из 40 человек было 7 собраний. Распространены листки (11 названий), брошюры и газеты: «Вперед», «Пролетарий», «Искра». Во втором кружке (20 чел. русских рабочих) было 3 собрания; кроме того, они присутствовали на трех агитационных собраниях в 80, 70 и 60 человек. На стеклянном заводе Гутта, у Эпштейна и др. имеются кружки. Под руководством группы проведены 8 стачек с частичным успехом, на одной бумажной фабрике удовлетворены все требования, в том числе удаление директора. В двух-трех местах, из боязни забастовки, хозяева сами поспешили увеличить заработную плату.

Одесса. Исходя из резолюции III съезда и постановления ЦК по вопросу об отношении к отколовшейся части партии, Од. комитет постановил: 1) предложить всем районным комитетам обратиться к районным комитетам группы с предложением объединиться на основе выработанных третьим съездом организационных норм, а в случае их несогласия на это—с предложением устраивать периодические конференции из представителей параллельных организаций комитета и группы; 2) обратиться к Од. гр. с тем же предложением. На первой конференции комитет считает нужным обсудить вопрос о Гос. Думе.

Таганрог. 2-го июля. I. Мы, работающие в Таганроге социал-демократы, после двухмесячной деятельности считаем насущной потребностью присоединиться к российскому и международному движению путем признания нас Центральным Комитетом Р.С.-Д.Р.П. за партийную организацию.

10-го июля. II. Принимая во внимание, что III съезд Р.С.-Д.Р.П. вызван необходимостью принять тактические организационные решения в целях единства действий организованного пролетариата; что Р.С.-Д.Р.П. необходимо прежде всего объединение; что на призыв БКБ и ЦК откликнулось большинство правоспособных организаций, мы, работающие в гор. Таганроге соц.-дем., признаем III съезд партийным и все решения его для себя обязательными.

6-го августа. III. Обсуждая вопрос об организации работы в Донском районе, Таганрогская группа Р.С.-Д.Р.П. пришла к следующим выводам: чтобы покончить с дезорганизацией, чтобы поставить работу на должную высоту и встретить надвигающиеся события во всеоружии, необходимо немедленно объединить деятельность всех южных групп организации, необходимо установить правильные сношения между ними, необходимо создать прочный жизнеспособный областной центр. Работая под непосредственным политическим руководством ЦК, этот организационный центр должен установить самое полное взаимодействие между всеми южными организациями, он должен держать на учете и распределять все наличные силы, он должен создать постоянный осведомляющий аппарат. он должен, наконец, создать достаточный кадр инструкторов и агитаторов, обслуживающих местные организации. Поручая товарищу вступить в переговоры с соседними комитетами о созыве конференции для решения поднятых вопросов, Таганрогская организация предлагает для конференции следующий порядок дня: 1) Текущая организационная работа (вопр. о Донском районе); 2) Разработка плана кампании к выборам в Гос. Думу; 3) Вопрос о вооруженном восстании с точки зрения конкретных условий юга; 4) Тактика южных организаций на случай частичного восстания (аналогичного одесским событиями); 5) Техника восстания; 6) Тактика организации в период, непосредственно следующий за восстанием; 7) Объединение работы в южном районе, создание областного организационного центра.

14-го августа. IV. Резолюция: Общее собрание всех организованных работников Таганрогской группы Р.С.-Д.Р.П. единогласно постановило: 1) Признавая III съезд партийным, выражая солидарность с ним по тактическим вопросам и принимая партийный устав, предложить ЦК включить Таганрогскую группу в состав партии. 2) Соглашаясь с резолюцией Таганрогской группы (центра) от 11-го августа, признать необходимым созыв конференции южных комитетов и групп. 3) Признать необходимым скорейшее слияние с партией отколовшейся ее части, а пока поддерживать с Донским ком. соседские отношения, обмениваясь отчетами, литературой и различными услугами. 4) От участия в южной конференции меньшинства отказаться.

Таганрог. Было 10 массовок от 50 до 150 человек. Одну массовку окружили, дали до 70 выстрелов; с нашей стороны были ответные выстрелы, 26 чел. арестованы, через 3 дня выпущены. Распространено изданий 4.500 экз.

Армавир, Кубанской обл. Недавно здесь провалилась социал-демократическая типография (по другим сведениям, арестовано лицо за печатание прокламаций на гектографе. Ред.). При типографии арестована и заведующая. Когда последнюю отправили на вокзал с целью отвезти в тюрьму, к вокзалу привалила огромная толпа рабочих. Увидев толпу, арестованная вскочила на подоконник и выпрыгнула в толпу, которая оцепила ее плотным кольцом. Арестованной удалось благополучно скрыться.

На 12-е июля здесь была объявлена забастовка служащих Владикавказской железной дороги.

Воронеж. С 15-го июня по 1-е авг. в Воронеже происходили еженедельно агитационные собрания, которые окончились массовкой в 130 чел. Таких собраний за это время

было 9. В среднем на них перебывало около 600 чел. Темы агитационных собраний: «Двухпалатная система», «Проект Булыгина», «Что даст революция рабочим», «События в Иванове», «События в Лодзи», «Одесса», «Стачка Влад. жел. дороги», «Положение женщин», «Положение ремесленников». Кроме того, за это время было 4 собр. организованных рабочих, на которых перебывало человек до 150. За истекший период было 6 собраний Юго-вост. района, 6 собраний городского района, 4 собрания Иваново-Столевского района. Еженедельно правильно происходят собрания пропагандистов, организаторов и агитаторов.

Выпущены следующие листки: 1) «Ко всем воронеж. рабочим»—1.200 шт. 2) «К городск. району»—500 шт., 3) «К юго-вост. рабочим»—500 шт., 4) «К крестьянам»—7.000 шт.

Из отчета Городск. район. Бакин. к-та за июнь 1905 г.: Приход 29.80.; расход 21.80.; остаток к июлю 8. 10.

Из отчета Красного Креста в г. Баку за май 1905 г.: приход 761 р. 80 к.; расход 600 р. 95 к.; остаток на 1-е июля 160 р. 85 к.

Из отчета «Библиотеки и Архива Р.С.-Д.Р.П.» (в Женеве) с 1-го по 15-е июня 1905 г. Почти весь май и часть июня были посвящены общей ревизии библиотеки. При ревизии оказалось налицо 7.572 книги, в том числе 125 библ. редкостей. Газет и журналов получается 107, в том числе: на англ. яз. 9, армян. 3, болгар. 2, груз.1, еврейск. 6, итал. 2, латыш. 1, литовск. 2, малорос. 2, немецк. 12, польск. 12, русск. 39, словенск. 3, франц. 9, японск. 1. Широкое развитие библ. дела привело к необходимости снять под библ. новое помещение за 300 фр. в год. Текущая работа поглощала около 40 час. ежедн. труда. Наличность кассы по 1-е июня была 213 фр. 64 с.; с 1-го по 15-е июня поступило 457 фр. 38 с. (итого 671 фр. 2 с.). Расход за то же время—671 фр. 85 с. (главные статьи расхода на переплет 193 фр. 90 с., за транспорт книг 178 фр. 45 с., квартира 75 фр.).

Из отчета с 1-го по 15-е июля (данные с 15-го июня по 1-е июля приведены в № 12 «Прол.»). Новых книг поступило 223 и документов в архив 62. Абонентов по 15-е июля было 114, в том числе 20 бесплатных. Приход кассы состоял из 13 фр. 17 с. наличности и 179 фр. 25 с. новых поступлений. Расход—140 фр. 50 с.

Адрес библиотеки: 91, Rue de Carouge, 91, Bibliothéque Centrale Russe. Genéve, Suisse.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Саше. Спасибо, пишите. Канский получ. Неаполю № 2 получен. Нищему. Получено. Василию. Тоже. Льву. Вы забыли назвать город, куда вам писать. Дяде Минаю. Шифр получили, корреспонденции получаются, пришлите адрес для писем. Сталь. Напишите. Спц. Писали в комитет, ответа не имеем. Игорю. Ждем обещанного письма, пришлите также явку.

Примечания.

№ 16 и № 17 помечены одним числом: 14 (1) сентября. Очевидно, в № 17 корректурная ошибка.

Прим. 1. Здесь мы восстанавливаем измененный редактором, авторский текст не весь, а лишь в местах, подвергшихся наибольшему изменению. Редактором вычеркнуты слова: „сравнительно выгодных условий мира. Правда, этот мирный договор не вычеркнет из жизни военного разгрома царского могущества, правда, Россия выступает как сторона побежденная—однако, дипломатия употребила все усилия, чтобы пощадить самолюбие российского самодержца, и позор мира далеко не соответствует позору поражения. Теперь“... и заменены другими,—заключенными в прямых скобках.

Прим. 2. В тексте тов. Лениным зачеркнуто: „достигла такой высокой степени и такой напряженности, что“...

Прим. 3. В рукописи зачеркнуто: „Они могут существовать в нем лишь при условии“...

Прим. 4. Зачеркнуто: „назревшая потребность политического переворота“.

Прим. 5. Вся эта часть абзаца вставлена тов. Лениным.

Прим. 6. Очевидно, европейского пролетариата В рукописи эта фраза отсутствует.

Прим. 7. Статья редактирована тт. Воровским, Ольминским и Чужаком. В скобки заключены лишь поправки, сделанные тов. Воровским.

LE PRCLETAIRE

Prix: 30 cts.

ЖЕНЕВА, 26 (13) сентября 1905 года.

№ 18.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Встреча друзей.

В последние дни иностранные газеты, следящие чрезвычайно внимательно за развитием политического кризиса в России, принесли ряд интересных вестей о деяниях земцев и освобожденцев. Вот эти вести.

«Конференция предводителей дворянства в Петербурге после двухчасового обсуждения пришла к полному соглашению с министром внутренних дел относительно выборов» в Гос. Думу («Voss. Ztg.», 16/IX). «Из всех русских губерний и городов сообщают о полном равнодушии большинства избирателей по отношению к предоставленным им политическим правам» (там же). Головин (предс. Моск. Г. Земск. Управы) ведет переговоры с Дурново (моск. ген.-губ.) о разрешении съезда земцев. Дурново сказал Головину, что вполне сочувствует земцам, но что ему приказано всеми силами помешать съезду. Головин сослался на съезд профессоров. Дурново ответил, что «это—вещь совсем иная, ибо студентов во всяком случае следовало уговорить возобновить занятия» («Frf. Ztg.», 17/IX). «Съезд земцев разрешен в Москве на 25 сент. в целях обсуждения избирательной программы с тем, чтобы он строго держался этого вопроса» («Times», 18/IX, телеграмма из С.-Пб.). «Г. Головин посетил сегодня ген.-губернатора для переговоров о предстоящем съезде земцев. Его превосходительство заявил, что съезд разрешен, но что его программа должна быть ограничена тремя вопросами: 1) участие земств и городов в выборах в Гос. Думу; 2) организация избирательной кампании; 3) участие земств и городов в помощи голодающим» (там же, тел. из Москвы).

Друзья встретились, и друзья сговорились. Соглашение между Головиным (вождь земской партии) и Дурново достигнуто. Только младенцы могли бы не видеть того, что соглашение основано на взаимных уступках, на принципе do ut des (я даю тебе, ты даешь мне). Что уступило самодержавие, это ясно: оно разрешило съезд. Что уступила земская (или освобожденская? Аллах их разберет! Да и стоит ли их разбирать?) партия, этого никто не говорит. Буржуазия имеет все основания скрывать свои переговоры с самодержавием. Но если мы не знаем деталей, подробностей, то мы превосходно знаем суть уступок буржуазии. Буржуазия обещала самодержавию сбавить свой революционный пыл, который состоял в том, что Петрункевича считали при дворе бывшим революционером... Буржуазия обещала на скидочку скидкой ответить. Размер скидки нам неизвестен. Но мы знаем, что «запросная цена» буржуазии была двоякая: для народа—монархическая конституция с двумя палатами; для царя—созыв народных представителей, и только (ибо о большем знаменитая делегация земцев не осмелилась говорить Николаю II). Вот с этой-то двойной запросной цены буржуазия обещала теперь скидку самодержавию. Буржуазия обещала быть верноподданной, лойяльной, легальной *).

Друзья встретились, и друзья согласились.

Приблизительно в то же время начали встречаться и соглашаться другие друзья. Петербургский корреспондент биржевой «Франкф. Газеты» (15 сент.) сообщает, что состоялся тайный съезд «Союза Освобождения», повидимому, в Москве. «На собрании было решено превратить «С. Осв.» в демократическо-конституционную партию. Предложение это было сделано земцами, принадлежащими к «С. Осв.», и съезд (или конференция?) принял его единогласно. Затем выбрано было 40 членов «С. Осв.» для выработки программы партии и для редактирования ее. Эта комиссия вскоре начинает свои работы». Обсуждали вопрос о Г. Думе. После оживленных дебатов решили участвовать в выборах, «однако, с тем условием, чтобы выбранные члены партии принимали участие в Гос. Думе не в целях занятия текущими делами, а в целях продолжения борьбы внутри самой Думы». В дебатах указывали на то, что широкий (или всесторонний, weitgehender) бойкот невозможен, а только такой бойкот имел бы смысл. (Неужели никто не воскликнул на вашем собрании, господа: не говори «не могу», а говори «не хочу»?—Прим. Ред. «Прол.»). «Но собрание полагает, что Г. Дума есть хорошее поприще для пропаганды демократических идей. «Всякий истинный друг народа, — сказано в протоколе собрания, — всякий друг свободы пойдет в Гос. Думу лишь затем, чтобы бороться за конституционное государство». (Припомните освобожденского С. С., который разъяснял всем и каждому, что для радикальной интеллигенции центр тяжести лежит в расширении избир. права, а для земцев, для помещиков и капиталистов—в расширении прав Гос. Думы.—Ред. «Прол.»). «При этом собранием было указано на то, что демократические члены Думы должны иметь в виду при этой борьбе полный разрыв с существующим правительством (курсив оригинала) и не должны бояться такого разрыва. Эти решения собрания будут, разумеется, отпе-

*) От 21-го сент. н. ст. в заграничных газетах сообщалось из Петербурга, что бюро земского съезда получает много отказов участвовать в съезде 25-го сентября на том основании, что программа съезда значительно урезана правительством. Не ручаемся за верность этого сообщения, но даже и в качестве слуха оно безусловно подтверждает наш взгляд на значение переговоров Головина с Дурново.

чатаны и распространены». (Ред. «Пролетария» пока не имеет ни этого листка, ни сведений о нем из России). «Влияние «освобожденцев», как называют себя члены «С. Осв.», очень велико. К числу их принадлежат представители самых различных кругов общества, во главе их стоят земские деятели. Поэтому их избирательная агитация в близких им кругах общества, удовлетворяющих требованиям ценза, приобретает большое значение. Не подлежит сомнению, что крепкое ядро освобожденцев проникнет в Гос. Думу и составит в ней левую, как только Гос. Дума превратится в настоящее народное представительство. Если этим радикалам удастся привлечь на свою сторону кандидатов умеренных земств и городов, то дело может дойти до провозглашения учредительного собрания».

«Участие русских политических партий в выборах является, таким образом, вопросом, повидимому, решенным, ибо и Союз Союзов, в конце-концов, высказался за участие. Против выборов в Думу агитирует только еврейский Бунд, да рабочие в разных городах устраивают большие митинги, категорически протестуя п р о т и в Гос. Думы, из которой они исключены»...

Так пишет историю русской революции корреспондент немецкой буржуазной газеты. Вероятно, в его сообщениях есть частные ошибки, но в общем и целом они, несомненно, близки к истине,—разумеется, что касается фактов, а не предсказаний.

Каков же истинный смысл описываемых им фактов?

Буржуазия российская, как мы уже сотни раз указывали, маклерствует между царем и народом, между властью и революцией, желая использовать последнюю для обеспечения с е б е власти в своих классовых интересах. Поэтому, пока она еще не достигла власти, она д о л ж н а стремиться к «дружбе» и с царем, и с революцией. Вот она и стремится. Именитого Головина она посылает дружить с Дурново. Анонимного борзописца она посылает дружить с «народом», с революцией. Там друзья встретились и согласились. Здесь они протягивают руку, ласково кивают головой, обещают быть истинными друзьями народа, друзьями свободы, клянутся участвовать в Думе только для борьбы, исключительно для борьбы, божатся, что они совершенно рвут, окончательно рвут с существующим правительством, сулят даже перспективу провозглашения учредительного собрания. Они радикальничают, забегают перед революционерами, заискивают у них для получения звания друзей народа и свободы, они готовы посулить, что угодно,—а в о с ь к л ю н е т!

И клюнуло. Клюнула новая «Искра» с Парвусом во главе. Друзья встретились и начали переговоры о соглашении. Надо взять с освобожденцев, идущих в Думу, революционное обязательство,—кричит Череванин («Искра» № 108).—Мы согласны, вполне согласны,—отвечают освобожденцы.—Мы провозгласим учредит. собрание.—Надо оказывать давление, чтобы выбирали только решительных сторонников свободного и демократического представительства, — вторит Череванину Мартов («Венская Раб. Газета», переведено в «Пролетарии» № 15).—Разумеется, разумеется,—отвечают освобожденцы,—мы, ей-богу же, самые решительные, мы идем на полный разрыв с существующим правительством.—Надо напомнить им, что они обязаны выражать интересы народа, надо заставить их выражать интересы народа,—гремит наш Ледрю-Роллэн — Парвус.—О, да,—отвечают освобожденцы. Мы даже в протоколе записали, что мы—истинные друзья народа, друзья свободы.—Надо образовать политические партии,—требует Парвус.—Готово!—отвечают освобожденцы.—Мы уже называемся конституционно-демократической партией. — Надо иметь ясную программу,—настаивает Парвус.—Помилуйте,—отвечают освобожденцы,—ды мы сорок человек посадили писать программу, да мы сколько угодно, помилуйте!..—Надо заключить соглашение о поддержке социал-демократами освобожденцев,—заключают все новоискровцы хором. Освобожденцы проливают слезы умиления. Головин едет с поздравительным визитом к Дурново.

Кто тут комедианты и кто одураченные?

Все ошибки искровской тактики в вопросе о Думе привели теперь к их естественному и неизбежному финалу. Позорная роль, которую сыграла «Искра» своей войной против идеи активного бойкота, видна теперь всем и каждому. Кому п о ш л а н а п о л ь з у искровская тактика,—это не подлежит теперь сомнению. Идея активного бойкота похоронена большинством монархической буржуазии. Искровская тактика похоронена будет неизбежно большинством российской социал-демократии.

Парвус зарапортовался до того, что заговорил о формальном соглашении с освобожденцами («демократами»), о связывании их и с.-д. общей политической ответственностью, о поддержке освобожденцев социал-демократами на основании точно определенных условий и требований,—от этой нелепости и от этого позора будут, вероятно, открещиваться даже новоискровцы. Но Парвус только прямее и грубее выразил основную идею новоискровства. Формальная поддержка, предложенная Парвусом, есть лишь неизбежный вывод из той м о р а л ь н о й поддержки, которую все время оказывала новая «Искра» монархической буржуазии, осуждая активный бойкот Думы, оправдывая и защищая идею вступления в Думу демократов, занимаясь игрой в парламентаризм при условиях, когда нет налицо никакого парламента. Недаром было сказано: парламента у нас еще нет, а парламентского кретинизма сколько угодно.

Основная ошибка новоискровцев проявила себя. Они все время прикрывали глаза на т е о р и ю с о г л а ш е н и я, эту основную политическую теорию освобожденства, это глубочайшее и вернейшее выражение классовой позиции и классовых интересов российской буржуазии. Они напирали и напирают на одну сторону дела, на конфликты буржуазии с самодержавием, оставляя в тени другую сторону дела: с о г л а ш е н и е буржуазии с самодержавием против народа, против пролетариата, против революции. А, между тем, именно эта вторая сторона дела выступает все более и более на первый план, приобретает все более и более коренное значение с каждым шагом вперед российской революции, с каждым месяцем затяжки того положения, которое так невыносимо для буржуазных сторонников порядка.

Основная ошибка новоискровцев повела к тому, что они в корне неправильно оценили способы использования социал-демократией конфликтов между буржуазией и самодержавием, способы р а з ж и г а н и я этих конфликтов нашими усилиями. Да, мы обязаны безусловно и всегда разжигать эти конфликты, и без Думы, и до Думы, и в Думе, если она соберется. Но

средство этого разжигания видят новоискровцы совсем не там, где следует. Вместо того, чтобы разжечь огонек, сломав окна и дав простор притоку свободного воздуха рабочих восстаний, они потеют, сочиняя игрушечные мехи и раздувая освобожденский революционный пыл скоморошескими требованиями да условиями, предъявляемыми к освобожденцам.

Да, мы обязаны поддерживать буржуазию всегда, когда она выступает революционно. Но эта поддержка всегда состояла у нас (вспомните отношение «Зари» и старой «Искры» к «Освобождению») и всегда будет состоять у революционной социал-демократии прежде всего и больше всего в беспощадном разоблачении и клеймении всякого ложного шага этой «демократической», с позволения сказать, буржуазии. Поскольку мы можем влиять на демократизм буржуазии, это влияние будет реальным лишь тогда, когда всякое выступление буржуазного демократа перед рабочими, перед сознательными крестьянами будет казнью всех измен, всех ошибок этой буржуазии, казнью за неисполненные обещания, за опровергаемые жизнью и делами красивые слова. Когда эта буржуазия вчера кричала на все Европы о бойкоте Думы, а сегодня уже сподличала, взяла свои обещания назад, перерешила решения, переделала резолюции, столковалась о легальном образе действия со всеми Дурново,—тогда мы должны не поддерживать морально этих лгунов и лакеев самодержавия, не давать им выпутаться, не позволять им соваться к рабочим с новыми обещаниями (которые так же точно полетят к чорту, когда Дума превратится из законосовещательной в законодательную), нет, мы должны клеймить их и внушать всему пролетариату неизбежность и неминуемость новых измен этой буржуазной «демократии», этих соглашателей конституции с Треповым, социал-демократии с освобожденством. Мы должны доказывать и показывать всем рабочим на основании, между прочим, и обмана буржуазией народа в вопросе о бойкоте,—показывать, что все эти Петрункевичи и К⁰—вполне уже оперившиеся Кавеньяки и Тьеры.

Допустим, что мы не осилим задач сорвать эту Думу до ее появления на свет. Допустим, что Дума собралась. В ней неизбежны конституционные конфликты, ибо буржуазия не может не стремиться к власти. Мы обязаны и тогда поддерживать это стремление, ибо конституционный порядок дает кое-что и пролетариату, ибо господство буржуазии, как класса, расчистит почву для нашей борьбы за социализм. Все это так. Но здесь не кончается, а именно только начинается наше коренное расхождение с новой «Искрой». Это расхождение не по вопросу о том, надо ли поддерживать буржуазный демократизм, а по вопросу о том, чем его поддерживать в революционную эпоху, как на него давить. Оправдывая их предательство или закрывая глаза на него, спеша заключить сделки с ним, торопясь играть в парламентаризм, взимая с них обещания и обязательства, вы достигаете лишь того, что они давят на вас, а не вы на них! Мы дожили до революции. Времена одного только литературного давления уже прошли. Времена давления парламентского еще не настали. Действительное, а не игрушечное давление может оказать только восстание. Когда гражданская война охватила всю страну,—давление оказывают военной силой, прямым сражением, и всякие иные попытки давления—пустая и жалкая фраза. Ни один человек не решался еще утверждать, что эпоха восстания миновала для России. А раз это так, то всякое отстранение от задачи восстания, всякая отговорка от ее необходимости, всякая «скидка» в наших требованиях к буржуазной демократии с требования участвовать в восстании есть складывание оружия перед буржуазией, есть превращение пролетариата в ее прихвостня. Пролетариат нигде еще в мире и ни разу не выпускал из рук оружия, когда начиналась серьезная борьба, ни разу еще не уступал проклятому наследию гнета и эксплоатации без того, чтобы не померяться силами с врагом. Вот где теперь наши орудия давления, наши надежды на давление. Никто не сможет предсказать исхода борьбы. Победит пролетариат,—и революцию будут делать рабочие да крестьяне, а не Головины да Струве. Будет разбит пролетариат,—тогда буржуазия получит себе новые конституционные награды за помощь самодержавию в этой борьбе. Тогда, и только тогда, начнется новая эпоха, выступит новое поколение, повторится европейская история, парламентаризм станет навремя действительным оселком всей политики.

Вы хотите теперь же оказывать давление?—готовьте восстание, проповедуйте его, организуйте его. Только в нем возможность того, чтобы комедия Думы не была концом русской буржуазной революции, а стала началом полного демократического переворота, зажигающего пожар пролетарских революций во всем мире. Только в нем залог того, что наш «соединенный ландтаг» станет прелюдией к учредительному собранию не франкфуртского типа, что революция не кончится одним 18 марта (1848), что у нас будет не только 14 июля (1789), но и 10 августа (1792). Только в нем, а не в подписках, взятых с освобожденцев, порука в том, что из их рядов могут выйти отдельные Іоганны Якоби, которых оттолкнет, наконец, мерзость головинского пресмыкательства, которые в последнюю минуту пойдут сражаться за революцию в рядах пролетариата и крестьянства.

(Н. Ленин).

Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги!

Спор о тактике по отношению к Гос. Думе все разгорается. Разногласие между «Искрой» и «Пролетарием» становится все глубже, особенно после статьи Парвуса в «Искре».

Спорить о тактике необходимо. Но обязательно при этом добиваться полнейшей ясности. Вопросы тактики—это вопросы политического поведения партии. Обосновывать то или иное поведение можно и должно и теорией, и историческими справками, и анализом всей политической ситуации, и т. д. Но партия борющегося класса обязана при всех этих спорах не упускать из виду необходимости совершенно ясных, не допускающих двух толкований ответов на конкретные вопросы нашего политического поведения: да или нет? делать ли нам теперь же, в данный момет, то-то, или не делать?

Эти ясные ответы обязательны и для того, чтобы не преувеличивать, не запутывать разногласий, и для того, чтобы рабочий класс знал с полнейшей точностью, какие именно конкретные советы дают ему те или иные с.-д. в данный момент.

В видах внесения полной ясности в наши споры с «Искрой» мы даем следующий список конкретных вопросов политического поведения с.-д. в настоящей агитационной думской кампании. Не претендуя нисколько на исчерпывающую полноту этого списка, мы будем очень рады всяким указаниям на необходимость его дополнения, изменения или расчленения тех или других вопросов. Само собою разумеется, что относящееся к избирательным собраниям относится также ко всем и всяческим собраниям вообще.

Какие советы дают соц.-дем. пролетариату по отношению к Государственной Думе?	„Искра".	„Пролетарий".
1. Проникать ли рабочим в избирательные собрания?	Да.	Да.
2. Проникать ли рабочим в избирательные собрания даже силой?	Да.	Да.
3. Говорить ли на этих собраниях о полной негодности Государственной Думы и о всех целях, о всей программе социал-демократии?	Да.	Да.
4. Призывать ли на этих собраниях рабочих и весь народ к вооруженному восстанию, образованию революционной армии и временного революционного правительства?	?	Да.
5. Делать ли из этих (п. 4) лозунгов центральный пункт всей нашей „думской" кампании?	Нет.	Да.
6. Клеймить ли идущих в Государственную Думу „освобожденцев" (или „конст.-дем."), как буржуазных предателей, проводящих „соглашение" с царем?	Нет.	Да.
7. Говорить ли нам, соц.-дем., народу о предпочтительности выборов в Государственную Думу Петрункевичей или Стаховичей и т. п. ?	Да.	Нет.
8. Заключать ли какие бы то ни было соглашения с освобожденцами о поддержке их нами на основании тех или иных условий, требований, обязательств и т. п.?	Да.	Нет.
9. Делать ли из лозунга „Революционное самоуправление!" центральный пункт нашей агитации?	Да.	Нет
10. Призывать ли народ теперь же к выборам всеобщим голосованием органов революционного самоуправления", а через них и учредит. собрания?	Да.	Нет.
11. Выбирать ли нам соц.-демократические избирательные комитеты? Выставлять ли наши, соц.-демократические, кандидатуры в Государственную Думу?	Да.	Нет.

(Н. Ленин).

Либеральные союзы и социал-демократия.

В последнее время перед товарищами, работающими на местах, возник вопрос: как относиться к организуемым либералами союзам, так-называемым «профессиональным» союзам адвокатов, инженеров, учителей и т. д., вплоть до объединяющего их Союза Союзов. По мере роста демократического движения вопрос этот возникает повсюду: его обсуждала конференция южных комитетов (см. «Пролетарий» № 15), о нем высказываются в своей резолюции московские помощники присяжных поверенных (там же № 17). Но если в обоих указанных случаях вопрос решается самым недвусмысленным образом отрицательно, то нельзя не отметить, что в других местах он вызывает сомнения, разногласия, споры. Вот как описывается положение данного вопроса в одном из комитетов. Приводим письмо в главнейших выдержках:

«С конца апреля у нас организовалось несколько так-называемых профессиональных союзов, которые примкнули к Союзу Союзов. В члены этих союзов всту-

Игра в парламентаризм.

Мы уже неоднократно (в № 12 «Пролетария» до закона о Гос. Думе, в №№ 14—17 после 6 августа) развивали нашу тактику по отношению к Государственной Думе и теперь должны вновь рассмотреть ее в сопоставлении с новыми взглядами, которые высказал Парвус (отд. оттиск из № 110 «Искры», статья «Социал-демократия и Г. Дума»).

Проследим сначала шаг за шагом основное рассуждение Парвуса. «Мы должны до последней крайности бороться против подставного парламента, этой смеси подлости и ничтожества»,—начинает он свою статью, и к этому справедливому положению добавляется сейчас же не менее справедливое следующее: «Свергнуть Г. Думу... мы можем только народным восстанием. Заставить правительство изменить избирательное право и расширить права Думы мы можем опять-таки только народным восстанием». Превосходно. Каковы же, спрашивается, должны быть наши лозунги агитации по поводу Гос. Думы? Каковы главные и особенно важные формы организации борьбы против смеси подлости и ничтожества? Парвус ставит вопрос, в сущности, так же: «То, что мы можем внести с своей стороны для подготовки восстания, это—агитация и организация». И вот как решает он первую часть этого вопроса, об отношении к избирательным собраниям.

«Если мы будем мешать этим собраниям,—пишет Парвус,—если мы будем срывать их, мы только окажем услугу правительству».

Итак, Парвус против того, чтобы рабочие мешали кучке помещиков и купцов ограничивать предмет обсуждения на избирательных собраниях подлой и ничтожной Госуд. Думой? Парвус против того, чтобы рабочие пользовались избирательными собраниями для критики «подлой» Г. Думы и развития своих социал-демократических взглядов и своих лозунгов?

Выходит так, но вслед за приведенной фразой Парвус говорит уже другое: «То, чего рабочим не дают добровольно,—читаем в его статье,—они должны взять силой. Они должны массами являться на сходки избирателей и превратить их в рабочие собрания (курсив в цитатах везде наш.—Ред. «Прол.»). Вместо рассуждений о том, выбрать ли Ивана Фомича, или Фому Иваныча, они поставят на очередь политические

пали социал-демократы, сначала—не принадлежащие к организации, а затем и некоторые члены наших организаций. Так, один состоит членом профессионального союза учителей, другая вошла в союз равноправия женщин, выбрана в его бюро и в бюро местных профессиональных союзов. В союзе статистиков и агрономов есть также один из членов нашей организации. Наконец, на днях наша крестьянская группа (она, как ведущая целостную социал-демократическую работу, находится на положении районных комитетов) привозит в город крестьян, принадлежащих к нашей организации, и вводит их в крестьянский союз, организуемый наиболее видными либералами по поручению бюро бюро. Крестьянская группа принимает следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что организованные в настоящее время профессиональные союзы, и в частности крестьянский союз, представляют собою удобную почву для агитации и пропаганды социал-демократических идей и расширения влияния социал-демократии на широкие массы, деревенская группа признает допустимым участие в таких союзах при непременном условии, что таковой союз не имеет политической программы, противоречащей программе Р.С.-Д.Р.П., и если со стороны партийной организации, в которой состоит данный товарищ, не последует протеста». Группа предложила комитету утвердить эту резолюцию. Комитет большинством голосов отвергает резолюцию крестьянской группы и выносит свою резолюцию следующего содержания: «Принимая во внимание, что всякая политическая организация, не принявшая целиком всей социал-демократической программы, в конечном счете будет служить интересам буржуазии, комитет считает недопустимым для членов своей организации входить членами в политические организации, не выставившие полностью всей социал-демократической программы. В частности же по отношению к так-называемым профессиональным союзам, примыкающим к Союзу Союзов или организованным Союзом Союзов, комитет постановляет: в виду того, что, во-первых, так-называемые профессиональные союзы, возникающие в последнее время по инициативе и под руководством конституционалистов-демократов, профессиональные только по уставу и суть организации чисто-политические; во-вторых, что программа их, принятая Союзом Союзов, есть программа чисто-буржуазная, и что хотя некоторые из союзов, организованные конституционалистами-демократами, не приняли явно программы Союза Союзов, и устроители их стремятся даже отрицать существование программы, союзы эти все же являются политическими союзами, так как замалчивание существования программы является одним из приемов конституционалистов-демократов,—в виду этого комитет не считает возможным для членов своей организации входить в так-называемые профессиональные союзы, примыкающие к Союзу Союзов или организуемые им. Вместе с тем комитет рекомендует членам своей организации являться на организационные учредительные собрания профессиональных союзов, особенно, если там есть пролетарские элементы, указывать сущность этих профессиональных союзов, разоблачать всю тактику либералов, все их стремление затемнить сознание масс, основывая какие-то, якобы, беспрограммные организации, указывать на классовый характер всех политических организаций, как бы они ни маскировались отсутствием программы и демократизмом, требовать тут же, при организации союзов, выставления программы и, когда достаточно будет выяснен характер союза, демонстративно отказываться вступить в него и т. д.,—словом, самая энергичная борьба со стремлением либералов затемнить сознание вступающих членов. Будьте, мол, открыто тем, что вы есть, и мы против вас ничего иметь не будем, но обманывать других мы не позволим».

Автор письма указывает далее, что эта резолюция комитета не разрешила спора, напротив, обострила его.

вопросы (Парвус хотел, вероятно, сказать: с.-д. вопросы, ибо вопрос о выборах Фомы или Ивана есть тоже политический вопрос). Тут мы можем обсуждать и политику правительства, и тактику либералов, и классовую борьбу, и самую Г. Думу. Все это ведет к революционизированию масс».

Посмотрите же, что вышло у Парвуса. С одной стороны, мешать собраниям Трубецких, Петрункевичей и Стаховичей не следует. Идею бойкота Парвус в конце своей статьи определенно осуждает. С другой стороны, на собрание мы должны явиться: 1) силой; 2) «превратить» собрание Петрункевичей и Стаховичей в «рабочее собрание»; 3) вместо рассуждений о том, для чего собрание сошлось (выбирать ли Фому или Ивана?), обсуждать наши с.-д. вопросы и классовую борьбу, и социализм, и, разумеется, необходимость народного восстания, его условия, его задачи, его средства, приемы, орудия, его органы,—такие, как революционная армия и революционное правительство. Мы говорим: разумеется, хотя Парвус ни слова не проронил о проповеди восстания на избирательных собраниях, ибо он сам вначале признал, что мы должны бороться до последней крайности, и что мы можем достигнуть наших ближайших целей только восстанием.

Ясно, что Парвус запутался. Он воюет против идеи бойкота, он не советует мешать собраниям и срывать их, а тут же рядом советует проникать в собрания силой (это не значит «срывать»?), превращать их в рабочие собрания (это не значит «мешать Петрункевичам и Стаховичам?), обсуждать не думские, а свои, социал-демократические, революционные вопросы, которых Петрункевичи обсуждать всерьез не хотят, а рабочие и сознательные крестьяне очень хотят и непременно будут обсуждать.

Отчего же запутался Парвус? Оттого, что он не понял предмета спора. Он собрался воевать против идеи бойкота, вообразив, что бойкот значит простое отстранение, отказ от мысли использовать избирательные собрания для нашей агитации. Между тем, такой пассивный бойкот никем даже в легальной печати, не говоря уже о нелегальной, не проповедуется. Парвус обнаруживает полнейшее незнание русских политических вопросов, когда он смешивает пассивный и активный бойкот, когда он, пускаясь рассуждать о бойкоте, ни единым словом не разбирает второго бойкота.

Мы уже указывали не раз на условное значение термина «активный бойкот», отмечая, что рабочим

Крестьянская группа осталась при своем прежнем мнении, ее поддержали другие организации. «В организационной форме этот вопрос еще не был поставлен на баллотировку,—говорится в письме.—Но товарищи рабочие примут, вероятно, резолюцию комитета. Громадное же большинство интеллигентных работников нашей организации, можно сказать, все, кроме нескольких членов комитета, считает наилучшим способом борьбы с затемнением классового самосознания масс при помощи профессиональных союзов вступление членами в союзы с целью борьбы против них».

Посмотрим же, насколько правы товарищи, выдвигающие это соображение против резолюции комитета.

Наталкиваясь на какой-нибудь новый вопрос, социал-демократ имеет перед собою две задачи: во-первых, постигнуть действительный смысл данного явления, его реальное содержание в противоположность тем кличкам, вывескам, фразам, которыми оно прикрывается, разоблачить его социально-политическую природу; во-вторых, оценить это явление с точки зрения интересов пролетариата. Решение этих двух задач всецело определяет нашу тактику. Применим же этот метод к рассмотрению вопроса о союзах. Что такое представляют из себя эти демократические союзы? Мы знаем, что они называют себя профессиональными, что они действительно организуются по профессиям. Но мы знаем также, что не следует доверять названиям, а необходимо ознакомиться с задачами, целями и назначением союзов. Лучшим источником такого ознакомления была бы программа союзов, но оказывается, что программы не существует. Приходится поэтому косвенным путем разоблачать сущность этих организаций. Союзы организуются по профессиям. Но являются ли они в силу этого только профессиональными союзами,—союзами в целях защиты профессиональных интересов, а не союзами политическими? Возьмем, например, союз адвокатов. Ставит ли он своей задачей защиту экономических интересов адвокатского сословия? Добивается ли он расширения прав этого сословия на почве существующего политического строя? Хочет ли он повысить таксу за ведение дел, ограничить дисциплинарную власть председателей суда, улучшить условия существования адвокатов? Ничего подобного. Г.г. адвокаты себя обидеть не дадут. Они сами кого-угодно обидят. Союз адвокатов выдвигает требование созыва учредительного собрания. Это требование имеет такое же отношение к профессиональным интересам адвокатов, как и к интересам каменщиков, ветеринаров, землекопов и т. п. Это—требование, объединяющее все профессии, это—требование политическое. Вот когда, например, земские или городские врачи сорганизуются с целью добиться лучшего вознаграждения за труд, или сотрудники газет устроят союз в целях борьбы за повышение построчной платы, то это будет борьба профессиональная, и союзы их будут профессиональными союзами. Союзы же, хотя бы организованные по профессиям, но добивающиеся таких прав, как свобода слова, печати, союзов и т. д., вплоть до учредительного собрания, стремящиеся вообще расширить права каждого или отдельных классов общества, расширить их за счет прав существующей политической власти,—такие союзы суть чисто-политические.

Но если бы даже на отдельных союзах не удалось проследить их политического характера, то одно существование Союза Союзов, один факт объединения их должен раскрыть нам глаза. Ведь, действительно, профессиональные союзы потому и организуются обособленно, что их задача—отстаивать обособленные профессиональные, экономические интересы отдельных групп тружеников. Вся такая организация основана на отсутствии общих интересов, т.-е. в круг задач профессиональных союзов вводятся только те интересы, которые свойственны одной данной группе, интересы

нечего бойкотировать Госуд. Думу, ибо Госуд. Дума сама их бойкотирует. Но действительное содержание этого условного термина мы вполне ясно определили с самого начала, еще полтора месяца назад, когда в № 12 «Пролетария», до выхода закона о Г. Думе, писали: «В противоположность пассивному отстранению, активный бойкот должен означать удесятерение агитации, устройство собраний везде и повсюду, утилизацию (использование) избирательных собраний, хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. п., и т. д.».

Итак, чего же, наконец, хочет Парвус? Когда он советует силой врываться в собрания избирателей, превращать их в рабочие собрания, обсуждать с.-д. вопросы и восстание «вместо рассуждения о том, избрать ли Ивана Фомича, или Фому Иваныча» (заметьте «вместо», а не вместе, не на-ряду),—он советует именно активный бойкот. С Парвусом случилось, как видите, маленькое несчастие: он шел в одну дверь, а попал в другую. Он объявил войну идее бойкота, а сам высказался (по вопросу об избирательных собраниях) за активный бойкот, т.-е. за единственный вид бойкота, который обсуждался в русской политической печати.

Конечно, Парвус может возразить, что условные термины для него не обязательны. Это возражение будет формально справедливо, но по существу никуда не годно. Обязательно знать то, о чем идет речь. О словах мы спорить не станем, но политические термины, сложившиеся уже в России, на месте действия, это—совершившийся факт, который заставит считаться с собой. Заграничный социал-демократический писатель, который вздумал бы игнорировать эти складывающиеся на месте действия лозунги, обнаружил бы только самое узкое и мертвенное литераторское самомнение. Повторяем: ни о каком другом бойкоте, кроме активного, никто в России не говорил, никто в революционной печати не писал. Парвус имел бы полное право критиковать термин, отвергать или пояснять иначе его условное значение и т. д., но игнорировать его или извращать установившееся уже значение, значит вносить путаницу в вопрос.

Нам следует рассмотреть два вопроса: 1) возможно ли на избирательных собраниях обсуждать «вместе» и выбор Ивана или Фомы, и классовую борьбу, социализм, восстание? 2) если возможно, то следует ли обсуждать вместе первый и второй вопросы, или второй вместо первого? Кто знает русские условия, тот

частные, групповые, экономические, а не общие, не классовые, не политические.

Поскольку профессиональные союзы,—например, профессиональные рабочие союзы,—борются за свои интересы,—они ведут эту узкую, групповую, экономическую борьбу. Как только они начинают организовываться в союзы союзов, объединять отдельные профессиональные организации,—их борьба по самой природе своей становится борьбой политической, их лозунгами являются неизбежно политические лозунги. Разве не характерно, что рабочее движение могло выдвинуть только один—по внешности—экономический лозунг—8-часовой рабочий день? По существу же и этот лозунг—политический, так как он является лозунгом борьбы класса рабочих против класса капиталистов. Организовать действительно профессиональный союз—значит выделить все общее, все политическое. Организовать союз этих союзов—значит отстранить все частное и вынести за скобки только общее, только политическое. Таким образом, если бы даже так-называемые профессиональные союзы демократов были действительно союзами профессиональными, то уж Союз Союзов не мог бы не быть союзом политическим. Быть-может, скажут, что и профессиональные рабочие союзы выдвигают политические требования. Совершенно верно, но они это делают, поскольку наша пропаганда толкает их к этому, поскольку они вовлекаются в водоворот политической жизни и борьбы. И объединение рабочих союзов разных профессий знаменует уже шаг от групповой борьбы к классовой, от экономики к политике *).

Итак, мы видим, что профессиональные союзы, о которых шла у нас речь, по внутреннему содержанию являются союзами политическими. Теперь у нас возникает вопрос: какое значение они [имеют для пролетариата, и не следует ли нам, с.-д., вступать в них в целях борьбы против затемнения классового сознания рабочих?

«Профессиональные» союзы интеллигенции и «Союз Союзов» суть политические организации. Фактически это—либеральные союзы. В общем и целом это—союзы, составляющие ядро так-называемой конституционно-демократической, т.-е. буржуазно-либеральной, партии. На нас ложится теперь серьезная обязанность всеми силами содействовать партийному воспитанию пролетариата, сплочению передового отряда его в настоящую политическую партию, безусловно независимую от всех других партий, безусловно самостоятельную партию. Мы обязаны поэтому крайне осторожно относиться ко всем шагам, способным внести путаницу в ясные и определенные партийные отношения. Вся либеральная буржуазия из кожи лезет теперь, чтобы помешать образованию вполне самостоятельной классовой партии пролетариата, чтобы «объединить» и «слить» все «освободительное» движение в один поток демократизма ради прикрытия буржуазного характера этого демократизма.

При таких условиях вступать в либеральные союзы означало бы со стороны членов с.-д. партии крупную ошибку, приводило бы их в крайне фальшивое положение членов двух различных и враждебных партий. Двум богам нельзя служить. В двух партиях нельзя быть членом. При отсутствии политической свободы в потемках самодержавного строя смешать партии очень легко, и интересы буржуазии требуют такого смешения. Интересы пролетариата требуют точного и ясного разделения партий. А гарантий того, чтобы группы с.-д., входя в «профессиональные» союзы интеллигентов, сохраняли полную свою самостоятельность, были членами только Р.С.-Д.Р.П. и никакой иной партии, давали отчет в каждом своем шаге своей партийной

*) Ср. «Пролетарий» № 8, «Профессиональное движение и социал-демократия», а также № 4, «Съезд профессиональных союзов в Германии».

едва ли затруднится ответом на оба вопроса. Проникать в избирательные собрания и превращать их в рабочие собрания придется силой, т.-е. подавляя сопротивление полиции и войска прежде всего. В сколько-нибудь крупных рабочих центрах (где рабочая с.-д. партия только и может рассчитывать на руководство действительно широким народным движением) сопротивление полиции и войска будет самое серьезное. Закрывать глаза на это было бы с нашей стороны прямо глупо. Парвус сам говорит, что «выборная агитация может каждую минуту превратиться в революционное восстание». Если так, то мы обязаны рассчитывать и сообразовать свои силы именно с задачей восстания, а не с задачей повлиять на выбор Фомы, а не Ивана в Государственную Думу. Если так, то главным и центральным лозунгом всей нашей агитационной думской кампании должен быть лозунг: вооруженное восстание, революционная армия, революционное правительство. Если так, то мы обязаны прежде всего и больше всего проповедывать и разъяснять именно эти лозунги на всех и всяких собраниях. Поэтому Парвус опять-таки сам побивает себя, когда, с одной стороны, ждет восстания «каждую минуту», а с другой стороны, совершенно умалчивает о проповеди восстания, разборе его условий, средств и органов, как о «нерве» думской кампании.

Далее. Рассмотрим другой случай, возможный в отдельных, особенно менее крупных центрах. Попытки силой пройти в собрание не вызывают, допустим, серьезной борьбы с правительством, не доходят до восстания. Попытки эти, допустим, увенчиваются в отдельных случаях успехом. Тогда нельзя забывать, во-первых, об учреждении, называемом военным положением. На всякую частичную победу народа над полицией и войском правительство отвечает, как небезызвестно, вероятно, даже Парвусу, введением военного положения. Пугает ли нас эта перспектива? Нет, ибо это—шаг, приближающий восстание и обостряющий вообще всю борьбу. Пугает ли это земцев и выборщиков в Думу вообще? Безусловно да, ибо это облегчает аресты Милюковых, ибо это дает поводы правительству прикрыть часть избирательных собраний, а может-быть, и все собрания, и всю Думу! Значит, дело опять сводится к тому, что одни желают восстания, проповедуют его, готовят его, агитируют за него, организуют отряды восстания и т. д., а другие не хотят восстания, борются с идей восстания, осуждают, как безумную и преступную, проповедь вос-

организации,—таких гарантий, реальных, а не словесных только, не может быть дано в настоящее время. Девяносто девять шансов из ста за то, что таким членам не удастся сохранить самостоятельности и придется пускаться на «хитрости», бесполезные с точки зрения их результатов, вредные с точки зрения развращения еще молодого партийного самосознания рабочих.]

Товарищ, вступивший в союз равноправия женщин и попавший, как мы видели, в его бюро и даже в бюро бюро, указывает, что он получит таким путем возможность вести пропаганду в кружках при союзе. «А сказали ли вы, что будете агитировать против союза?»,—спрашивают его. «Конечно, нет, ведь, тогда попросили бы меня убраться». Эти цитаты весьма характерны. В союзах, основанных либералами, попадаются рабочие, крестьяне и т. д.; чтобы воздействовать на них, рекомендуется вышеуказанная коварная политика. Уже этот факт доказывает, что у организации не достаточно широкие связи в массе, иначе она подошла бы к тем же рабочим непосредственно или через организованных рабочих. Таким образом, сознательный социал-демократ вступает в союз в то время, как он еще очень слабо связан с массой. Это значит, что масса, т.-е. «все», не будет понимать истинных причин и целей вступления. Разъяснить это массе в листках, на массовках и т. д., т.-е. единственными путями, доступными этому социал-демократу, он не может, ибо тогда его попросят «убраться» из союза. Между тем, этим единственным путем идет в массу обильная критика союзного движения либералов. Социал-демократ попадает в двусмысленное положение: масса узнает, что союзы служат делу затемнения сознания, а, между тем, социал-демократы вступают в эти союзы. Такое противоречие может оказать только деморализующее действие.

(В. Воровский и Н. Ленин).

От обороны к нападению.

Специальный корреспондент солидной консервативной газеты «Temps» телеграфировал в эту газету из Петербурга от 24 (8) [1]) сентября:

«Позапрошлой ночью группа в 70 человек напала на рижскую центральную тюрьму, перерезала телефонные линии и посредством веревочных лестниц влезла в тюремный двор, где после жаркой стычки было убито двое тюремных сторожей и трое тяжело ранено. Манифестанты освободили тогда двоих политических, которые находились под военным судом и ждали смертного приговора. Во время преследования манифестантов, которые успели скрыться, за исключением двух, подвергшихся аресту, был убит один агент и ранено несколько полицейских».

Итак, дела подвигаются все же вперед! Вооружение, несмотря на неимоверные, не поддающиеся никакому описанию трудности, все же прогрессирует. Индивидуальный террор, это порождение интеллигентской слабости, отходит в область прошлого. Вместо того, чтобы тратить десятки тысяч рублей и массу революционных сил для убийства какого-нибудь Сергея (который революционизировал Москву едва ли не лучше многих революционеров), для убийства «от имени народа»,—вместо этого начинаются военные действия вместе с народом. Вот когда пионеры вооруженной борьбы не на словах только, а на деле сливаются с массой, становятся во главе дружин и отрядов пролетариата, воспитывают огнем и мечом гражданской войны десятки народных вождей, которые завтра, в день рабочего восстания, сумеют помочь своим опытом и своей геройской отвагой тысячам и десяткам тысяч рабочих.

Привет героям революционного рижского отряда! Пусть послужит успех их ободрением и образчиком для социал-демократических рабочих во всей России.

стания и т. д. Неужели Парвус не знает, что эти «другие»—все освобожденцы, т.-е. даже самые левые из буржуазных демократов, могущих попасть в Думу??

А если Парвус знает это, то он должен знать и следующее (это во-вторых). Сопротивление насильственному проникновению в избирательные собрания и превращению их в рабочие собрания окажут не только (иногда даже не столько) полиция и войско, но и сами земцы, сами освобожденцы. Закрывать глаза на это позволительно только детям. Земцы и освобожденцы ставят вопрос яснее и прямее, чем некоторые социал-демократы. Или готовить восстание и взять его за центр агитации и всей работы, или перейти на почву Думы и ее взять за основу всей политической борьбы. Земцы и освобожденцы уже решили этот вопрос, как мы указывали и подчеркивали не раз еще с № 12-го «Пролетария». Земцы и освобожденцы идут на собрания именно для того и только для того, чтобы обсудить выбор Фомы или Ивана, Петрункевича или Стаховича, чтобы принять программу «борьбы» (борьбы в кавычках, борьбы в белых лакейских перчатках) на почве Думы и отнюдь не восстанием. Земцы и освобожденцы (мы нарочно соединяем тех и других, ибо для политического разделения их нет данных), конечно, не прочь будут допустить к себе в собрание (только там и тогда, когда это можно сделать без применения силы в сколько-нибудь значительных размерах!!) революционеров и с.-д., если найдутся из этих последних неумные люди, готовые обещать «поддержку» Фомы против Ивана, Петрункевича против Стаховича. Но земцы никогда не потерпят, чтобы их собрание превратили в рабочее собрание, чтобы их собрание сделали народным революционным собранием, чтобы с их трибуны звали открыто и прямо к вооруженному восстанию. Разжевывать эту очевидную истину даже несколько неловко, но для Парвуса и «Искры» приходится разжевывать ее. Земцы и освобожденцы неизбежно будут сопротивляться такому использованию их собраний, хотя эти буржуазные торгаши будут сопротивляться, конечно, не силой, а более безопасными, «мирными» и окольными средствами. Они не войдут ни в какие сделки с людьми, обещающими им «народную» поддержку Петрункевича против Стаховича, Стаховича против Грингмута, иначе, как под условием не превращать избирательного собрания в рабочее собрание, под условием не пользоваться их трибуной для призыва к восстанию. Если они узнают, что на их собрания идут рабочие (а это они почти всегда узнают,

Да здравствуют застрельщики народной революционной армии!

Посмотрите, каким успехом даже с чисто-военной точки зрения увенчалось предприятие рижан. Убито трое и ранено, вероятно, 5—10 человек у неприятеля. Наши потери: всего двое, вероятно, раненых и потому взятых в плен врагом. Наши трофеи—двое революционных вождей, отбитых из плена. Да, ведь, это блестящая победа!! Это—настоящая победа после сражения против вооруженного с ног до головы врага. Это уже не заговор против какой-нибудь ненавистной персоны, не акт мести, не выходка отчаяния, не простое «устрашение»,—нет, это обдуманное и подготовленное, рассчитанное с точки зрения соотношения сил начало действий отрядов революционной армии. Число таких отрядов в 25—75 человек может быть в каждом крупном городе и зачастую в предместьях крупного города доведено до нескольких десятков. Рабочие сотнями пойдут в эти отряды, надо только немедленно приступить к широкой пропаганде этой идеи, к образованию этих отрядов, к снабжению их всяким и всяческим оружием, начиная от ножей и револьверов, кончая бомбами, к военному обучению и военному воспитанию этих отрядов.

К счастью, прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию «делали» революционные одиночки—террористы. Бомба перестала быть оружием одиночки—«бомбиста». Она становится необходимой принадлежностью народного вооружения. С изменениями военной техники изменяются и должны изменяться приемы и способы уличной борьбы. Мы все изучаем теперь (и хорошо делаем, что изучаем) постройку баррикад и искусство защиты их. Но за этим полезным старым делом не надо забывать новейших шагов военной техники. Прогресс в применении взрывчатых веществ внес ряд новинок в артиллерийское дело. Японцы оказались сильнее русских отчасти и потому, что они умели во много раз лучше обращаться с взрывчатыми веществами. Широкое применение сильнейших взрывчатых веществ—одна из очень характерных особенностей последней войны. И эти общепризнанные теперь во всем мире мастера военного дела, японцы, перешли также к ручной бомбе, которой они великолепно пользовались против Порт-Артура. Давайте же учиться у японцев! Не будем падать духом по поводу тяжелых неудач, сопровождающих попытки массовой доставки оружия. Никакие неудачи не сломят энергии людей, чувствующих и на деле видящих свою тесную связь с революционным классом, сознающих, что за их ближайшие цели борьбы поднялся теперь действительно весь народ. Изготовление бомб возможно везде и повсюду. Оно производится теперь в России в гораздо более широких размерах, чем знает каждый из нас (а каждый член с.-д. организации, наверное, знает не один пример устройства мастерских). Оно производится в несравненно более широких размерах, чем знает полиция (а она знает, наверное, больше, чем революционеры в отдельных организациях). Никакая сила не сможет противостоять отрядам революционной армии, которые вооружатся бомбами, которые в одну прекрасную ночь произведут сразу несколько таких нападений, как рижское, за которыми,—это последнее и самое главное условие,—поднимутся сотни тысяч рабочих, не забывших «мирного» девятого января и страстно жаждущих вооруженного девятого января.

К этому явно идут дела в России. Вдумайтесь в эти сообщения легальных газет о найденных бомбах в корзинах мирных пароходных пассажиров. Вчитайтесь в эти известия о сотнях нападений на полицейских и военных, о десятках убитых на месте, десятках тяжело раненых за последние два месяца. Даже корреспонденты предательски-буржуазного «Освобождения», занимающегося осуждением «безумной» и «преступной»

ибо массовой демонстрации не скроешь), то одни из них прямо донесут начальству, другие примутся уговаривать [с.-д.] не делать этого, третьи побегут уверять губернаторов, что «не их в том вина», что они хотят Думы, хотят в Думу, что они всегда устами «верного собрата» г. Струве осуждали «безумную и преступную» проповедь восстания; четвертые посоветуют переменить время и место собрания; пятые, наиболее «смелые» и наиболее политически ловкие, скажут подсурдинку, что они рады выслушать рабочих, поблагодарят с.-д. оратора, расшаркаются и раскланяются перед «народом», уверят всех и каждого в красивой, эффектной и прочувствованной речи, что они всегда за народ, всей душой за народ, что они идут не с царем, а с народом, что «их» Петрункевич давно это заявил, что они «вполне согласны» с с.-д. оратором насчет «подлости и ничтожества» Г. Думы, но что надо, говоря прекрасными словами высокочтимого парламентария Парвуса, столь кстати переносящего на непарламентскую Россию парламентские образчики фольмаровских союзов с.-д. с католиками,—надо «не мешать выборной агитации, а расширять ее»; расширять же—значит не рисковать безумно судьбой Г. Думы.

Одним словом, чем глупее и трусливее будут земцы, тем меньше шансов на то, что они будут слушать Парвуса на своем избирательном собрании. Чем умнее и смелее земцы, тем больше шансов на это, а также тем больше шансов на то, что Парвус в роли поддерживающего Фому против Ивана окажется одураченным.

Нет, добрый Парвус! Пока в России нет парламента, переносить на Россию тактику парламентаризма значит недостойно играть в парламентаризм. Заменять временные соглашения отсутствующих у нас открытых политических партий тайными сделками с Родичевым и Петрункевичем о поддержке их против Стаховича значит сеять разврат в рабочей среде.

На прямой и ясный лозунг земцев-освобожденцев: долой преступную проповедь восстания, за работу в Думе и через Думу,—мы должны ответить прямым и ясным лозунгом: долой буржуазных предателей свободы, господ освобожденцев и К°, долой Думу и да здравствует вооруженное восстание!

Соединять лозунг восстания с «участием» в выборах Фомы или Ивана значит под предлогом «широты» и «разносторонности» агитации, «гибкости» и «чуткости» лозунгов вносить одну путаницу, ибо на практике это соединение есть маниловщина. На практике выступление Парвуса и Мартова перед земцами с «под-

проповеди вооруженного восстания, признают, что никогда еще трагические события не были так близки, как теперь.

За работу же, товарищи! Пусть каждый будет на своем посту. Пусть каждый рабочий кружок помнит, что не сегодня—завтра события могут потребовать от него руководящего участия в последнем и решительном бое.

(Н. Ленин).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П. в листке «К рабочим и крестьянам» по поводу Государственной Думы, между прочим, говорит: «Народу необходимо народное правление. Установить народное правление может только учредительное собрание представителей всего народа, избранных при полной гражданской и личной свободе путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Устроить выборы в такое собрание и обеспечить их полную свободу может только временное революционное правительство восставшего народа.

Революционный народ! Готовься к решительным битвам! Товарищи рабочие! Собирайте силы, вооружайтесь, подготовляйтесь нанести смертельный удар старому порядку, дружно и одновременно выступить путем всеобщих стачек, вооруженных демонстраций и восстаний на всем пространстве России. А вы, крестьяне, объединяйтесь и организуйтесь, чтобы поддерживать рабочих в этой решительной борьбе. Прекращайте теперь же всякую поддержку царскому правительству, которое живет вашими трудами и вашей кровью, а платит вам бесправием, издевательством и обманом. Не платите налогов, не давайте людей для царского войска. Устраивайте революционные комитеты из самых сознательных людей, какие среди вас имеются, для руководства в этой борьбе, для разумного ее ведения. Помните, что только рабочие—надежные для вас союзники, потому что свобода нужна им так же, как и вам,—она нужна им для борьбы за лучшее будущее самого рабочего класса и всего человечества, для борьбы за социализм. Революционная социал-демократия призывает под свое знамя всех, кто честно и искренно хочет бороться до конца за народное дело. Красное знамя—это знамя свободы, которая покупается кровью. Это знамя революции. Долой правительство убийц, тиранов и лжецов!».

Самарский комитет Р.С.-Д.Р.П. в листке «Ко всем рабочим» говорит: «Верным подданным предоставляется ликовать и радоваться, благодарить царя за его милость. Товарищи! Мы поблагодарим его так, как поблагодарили за комиссию Шидловского. Откроем обман, уничтожим хитрую затею. Дав долю прав богачам, царь привлечет их (и привлек уже) на свою сторону. Но эта поддержка не спасет его. Призраком прав и запахом свободы обмануть весь народ ему не удастся. Мы употребим все усилия, чтобы убедить крестьян не участвовать в этой глупой комедии; отказаться от своего «права»—права выбирать. Богачам мы должны внушить, чтобы они не смели разыгрывать роль «народных» представителей. Фабрикант, как представитель интересов рабочих... Недурная картинка! Не торопитесь лакомиться царским пирогом, господа! Мы вам этого не позволим. Мы готовы к смертной борьбе с самодержавием, и, если вы, господа, будете выбирать своих представителей в Думу и соединитесь с самодержавием против народа,—наша борьба будет направлена и против вас. Долой самодержавие и его новоявленную советницу! Долой Государственную Думу!».

В особом листке «К крестьянам» тот же комитет говорит: «Не дайте Николаю II перехитрить вас, как это удалось его деду! Не надевайте новых цепей на себя! Что ж делать?—спросите вы. Делайте так, как мы сделали с комиссией Шидловского, которой царь хотел нас успокоить, хотел заткнуть нам глотку. Мы увидели обман и отказались участвовать в нем, отказались выбирать выборных в эту комиссию. Царь ее устроил, а мы расстроили... Так и вам надо сделать. Отказывайтесь от такого царского подарка; не выбирайте выборщиков в Думу. Мы, рабочие, приложим все усилия, чтоб не дать царю одурачить народ,—везде и всем мы будем разъяснять, в чем дело; будем убеждать не участвовать в выборах... Если же богатые нас не послушают, мы станем их разгонять силой! Помните, крестьяне, что от царского правительства ничего хорошего вы не дождетесь; поднимайтесь вместе с нами на борьбу и с царским правительством, и с теми изменниками народными, которые поспешат полакомиться царским подарком. Долой Государственную Думу! Да здравствует

держкой» Петрункевича против Стаховича будет (предполагая те исключительные случаи, когда оно окажется осуществимо) не открытым выступлением перед массой народа, а закулисным выступлением одураченного вождя рабочих перед горсткой предателей рабочих. Теоретически, или с точки зрения общих основ нашей тактики, соединение этих лозунгов является сейчас, в данный момент, разновидностью парламентского кретинизма. Для нас, революционных с.-д., восстание не абсолютный, а конкретный лозунг. Мы отодвигали его в 1897 году, мы ставили его в смысле общей подготовки в 1902 году, мы поставили его, как прямой призыв, лишь в 1905 г., после 9-го января. Мы не забываем, что Маркс в 1848 году был за восстание, а в 1850 г. осуждал бредни и фразы о восстании, что Либкнехт до войны 1871 года громил участие в рейхстаге, а после войны участвовал в нем сам. Мы отметили сразу в № 12 «Пролетария», что смешно было бы зарекаться в будущем от борьбы на почве Думы. Мы знаем, что не только парламент, но и пародия на парламент может стать, когда нет налицо условий для восстания, главным центром всей агитации.

Но мы требуем ясной и отчетливой постановки вопроса. Если вы думаете, что эпоха восстаний миновала для России,—скажите это и защищайте открыто свой взгляд. Мы его оценим и обсудим всесторонне и спокойно, с точки зрения конкретных условий. Но когда вы сами говорите о возможности восстания «каждую минуту», о необходимости его,—тогда мы клеймим и будем клеймить, как жалкую маниловщину, все и всякие рассуждения против активного бойкота Думы. Если восстание возможно и необходимо, тогда мы именно его должны сделать центральным лозунгом всей нашей около-думской кампании, тогда мы должны разоблачить продажную душонку «франкфуртского парламентского говоруна» в каждом освобожденце, который сторонится от этого лозунга восстания. Если восстание возможно и необходимо, то это значит, что никакого легального центра для легальной борьбы за цели восстания нет, а маниловскими фразами его не заменишь. Если восстание возможно и необходимо, то это значит, что правительство «поставило штык во главе порядка дня», открыло гражданскую войну, выдвинуло военное положение, как антикритику демократической критики, а при таких условиях брать всерьез «почти парламентскую» вывеску Г. Думы и начинать в потемках и подсурдинку играть в парламентаризм в четыре руки с Петрункевичами значит заменять по-

учредительное собрание, выбранное всем народом всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов!».

О высших учебных заведениях. Нами получен листок следующего содержания:

«Во все университетские города. Уважаемые товарищи! В виду приближения дня открытия высших учебных заведений ЦК решил выпустить к студенчеству воззвание. Основная мысль этого листка будет такова:

1. Приближается решительная схватка с самодержавием, поэтому необходимо сконцентрировать все революционные силы для нанесения одновременного удара; студенчество должно считаться с этим и должно координировать свои действия с действиями городского пролетариата, являющегося самой главной силой русской революции.

2. Самым острым и критическим моментом борьбы в ближайшем будущем, несомненно, окажутся дни предвыборной агитации и избрания в Государственную Думу, а также день открытия самой Думы, если таковая, паче чаяния и вопреки нашим усилиям, будет избрана и конституируется. К этому моменту должны быть приурочены открытые выступления. Поэтому ЦК приглашает студенчество принять это в расчет при выработке плана своих действий.

3. С своей стороны по указанным мотивам ЦК предлагает студенчеству объявить немедленно не всеобщую забастовку высших учебных заведений, а мобилизацию и организацию студенчества для подготовки к открытому выступлению одновременно с городским пролетариатом. Немедленная мобилизация и организация студенчества должна выразиться в устройстве всевозможных собраний как в стенах учебных заведений, так и вне их, на которых должен быть обсужден закон 6-го августа и выработано отношение к Государственной Думе с принятием соответствующих резолюций.

4. Немедленное объявление забастовки и закрытие всех высших учебных заведений, по мнению ЦК, является наименее целесообразной формой революционных действий студенчества, и к ней возможно будет прибегнуть лишь в случае полной неосуществимости намеченного выше плана действий.

Итак, наш лозунг к студенчеству: «Концентрация удара, немедленно не забастовка, а мобилизация и организация сил студенчества для совместного выступления с пролетариатом».

Извещаем вас, товарищи, о нашем решении и просим вас, если вы выпустите со своей стороны листок к студенчеству, что, несомненно, крайне желательно, иметь в виду план ЦК».

К моменту. В № 15-м «Пролетария», как образец так-называемого «революционного самоуправления» (смешиваемого «Искрой» с лозунгом народного восстания), уже было отмечено решительное поведение Смоленской думы, которая признала беззаконием расквартировку в городе казаков, прекратила выдачу им денег, организовала для защиты населения городскую милицию и обратилась с прокламацией к солдатам против насилия над гражданами. В качестве лишней иллюстрации той же идеи и к характеристике переживаемого момента приводим по «L' Humanité» такую резолюцию, принятую Керченской думой по поводу недавнего погрома в городе:

Дума постановила: 1) выразить еврейскому населению сожаление по поводу понесенных им жертв (убитыми и ранеными) и материальных убытков; 2) учредить в местной гимназии две стипендии в память учеников, убитых во время беспорядков; 3) в виду того, что местные власти оказались неспособными и мало расположенными защищать жизнь и имущество населения, немедленно прекратить выдачу пособия из городских сумм на содержание полиции; 4) разделить между бедными евреями, наиболее пострадавшими от беспорядков, сумму в 1.500 рублей; 5) выразить симпатию начальнику порта, единственному из местных чиновников, который с большой энергией и гуманностью предупредил дальнейшие массовые избиения; 6) довести до сведения министра внутренних дел о противозаконном поведении властей во время беспорядков и требовать сенатского следствия.

Поскольку Керченская дума самовольно раздвигает отведенные ей законом рамки думской компетенции, поскольку она принимает участие в общереволюционной жизни всего государства, постольку она вступает на путь действительно «революционного самоуправления». Но где же гарантии, что это самоуправление обратится в «народное»? И следует ли нам, с.-д., выделять этот «кусочек революции», как главный лозунг агитации, или проповедывать полную и решительную победу революции, невозможную без восстания?

Конституционалисты поневоле. 12—16 июля съехались в Петербурге 26 губ. предводителей дворянства. Они подали царю записку. Передаем кратко ее содержание.

литику революционного пролетариата политиканством комедианствующих интеллигентов!

Показав основную фальшь всей позиции Парвуса, мы можем [лишь] вкратце остановиться на отдельных, наиболее ярких проявлениях этой фальши. «До выборов или после выборов, в связи с Г. Думой,—пишет Парвус,—создается законная база существования политических партий». Неправда. На деле теперь создается «законная база» для правительственной подделки выборов. Эта база называется: 1) земским начальником (выборы крестьян всецело в его руках); 2) охраной (арест Милюкова); 3) военным положением. Когда на деле, а не на языке писателей, создастся «законная база существования политических партий» (в том числе и Р.С.-Д.Р.П.), тогда мы обязаны будем пересмотреть весь вопрос о восстании заново, ибо для нас восстание есть лишь одно из важных, но вовсе не всегда обязательных средств завоевания свободного поля для борьбы за социализм.

«Необходимо немедленно выступить не как отдельные общественные группы, не как юристы, инженеры, земцы, а как либеральная, демократическая, соц.-дем. партия—официально и открыто. Представители различных направлений могут в этом отношении согласиться между собой, как соглашаются отдельные фракции парламента».

Да, они могут сделать это, но не открыто, ибо если Парвус забыл о Трепове, то Трепов не забыл о Парвусе,—а тайком. То, что Парвус называет парламентским соглашением (иногда необходимым для с.-д. в парламентской стране), есть в современной России в сентябре 1905 г. презреннейшая игра в парламентаризм. Предатели революции ставят теперь на первый план соглашение между освобожденцами и революционерами, сторонники революции—соглашение между с.-д. и всеми революционными демократами, т.-е. сторонниками восстания. Если новая «Искра» и Парвус заключат теперь «парламентское» соглашение с освобожденцами (об основании ими партии см. выше, в статье «Встреча друзей»), то мы заявим публично, что эти с.-д. потеряли всякое чутье действительности. Мы заключим тогда соглашение с революционными демократами на почве совместной агитации за восстание, подготовки и проведения его. Мы уже показали разбором новоискровских резолюций (Ленин, «Две тактики»), что «Искра» опускается до либерального помещика, а «Пролетарий» поднимает и встряхивает революционного крестьянина.

Господа предводители «пришли к ясному сознанию, что положение России не только тревожное, но и грозное. Недоверие к правительству всеобщее. Духовная сила, которою только и может держаться правительство, исчезла, и вслед за нею ускользает из его рук также материальная сила». Даже обнищалое крестьянство «проявляет стремление самовольно удовлетворить свои желания» (какой ужас для помещиков!). «Одним словом, Россия в преддверии анархии; для ее «спасения» остается одно средство: чтобы «государь» в делах правления опирался не на чиновников только, но и на выборных от своей земли. «Каждый час дорог». И чтобы поторопить своего «государя», господа предводители начинают его запугивать: «Умы кипят, а чувства пылают... К счастию (для предводителей дворянства?), это состояние еще не охватило всего народа. Но «общественными деятелями совершенно правильно понято, что вне союза с царем реформы можно добиваться только революционным путем в неизбежном совпадении с крайней и преступной (слушайте!) деятельностью мятежников». Чтобы избежать ужасного совпадения с «преступной деятельностью мятежников», дворяне-конституционалисты хлопочут о «союзе царя и старшего сословия, слитого со всей земщиной».

Но как ни убедительны и рабски-заискивающи речи предводителей, господа дворяне понимают, с кем говорят. Они знают, что Николай II недостаточно умен, чтобы понять опасность для «государства» (читай: «для старшего сословия»). Поэтому самый решительный аргумент дворяне приберегли к концу своей записки: «Самые благонамеренные люди и сторонники порядка видят, что... правление держится одним царем. Они видят тоже, как опасно такое средоточие надежды и ответственности на одном государе: укоры обращаются непосредственно к нему... Острое чувство обиды подтачивает исконную преданность русских людей не только принципу самодержавия (этого Николай не поймет), но и носителям его (вот это понятно даже и для Николая). Тускнеет блеск (?) его образа (блеск образа Николая!)... растет личная опасность... Оттого, как ни обаятельно всем известное мужество (как едко умеют иронизировать рабы его величества!) императора, оно должно быть подчинено государственным интересам династии, столь тесно связанным в такую минуту с целостью империи. Несчастие с государем вызвало бы шатание всей земли. Обратить внимание государя на это состояние умов, высказать перед ним эти тяжелые и страшные слова об опасности для его особы является для его верных слуг долгом совести и преданности»...

В заключение предводители дворянства взывают: «Государь! Стихийная сила событий открыла перед вами и одновременно перед всем народом пороки управления... Не пренебрегайте этим настроением, не длите этой опасности для драгоценной особы вашего величества»... Или попросту сказать: «Николай II, не забывай о судьбе Павла I!».

Москва. «Подготовка к избиению ителлигенции теперь ведется планомерно. В здании государственного коннозаводства происходят собеседования о тактике нападения на интеллигенцию. Делается это при участии Шарапова, Берга и др.» (Из частного письма).

Саратов. 24-го августа арестовано собрание в 16 человек; затем выпущены, за исключением пятерых; на собрании захвачены документы—протоколы, записи и т. д.; при обыске у некоторых найдена литература; у одного из арестованных около 100 патронов и руководство для изготовления бомб. Сидят следующие лица: Мих. Бор. Семенов, Капустянский, Лебедевский (инт.), Миша (гравер), Федорин (типографщик).

Тула. Здесь, в 11-м пехотном запасном полку 27-го августа солдаты заявили (нестроевая рота), что они не будут работать вечером. Работа у них начиналась в 6 ч. утра, а оканчивалась в 9—10 вечера с малым перерывом на обед. Они потребовали 10-час. рабочего дня, улучшения пищи, вежливого обращения и платы за работу. В ответ на это офицер выхватил револьвер и произвел в предъявлявшего требования выстрел, но промахнулся. Солдаты все, как один человек, бросились на офицера, но он спасся бегством. Тогда солдаты изломали койки, повыбили стекла в казарме и изломали швейные машины и другие орудия. Арестовано 6 человек, как зачинщики.

Пригвоздите к позорному столбу инженера Нежданова (помощника директора на патронном заводе), который во время забастовки в июле вошел в доверие к рабочим, узнал лучших и сознательных рабочих, а потом по его настоянию они были рассчитаны. Этот субъект был вывезен на тачке в Николаеве с Черноморского завода в июле 1903 года.

Передают, что в Питере старшим фабричным инспектором Тетеревым организована черная сотня (заштатный инспектор).

«Необходимо, чтобы каждая партия организовала свой избирательный комитет для ведения выборов по всей стране. Необходимо, чтобы они согласились бы между собой относительно практических мер к расширению свободы слова, сходок [и прочее] во время выборов. Необходимо, чтобы они связали себя общей политической ответственностью (слушайте, товарищи рабочие! Новоискровцы хотят связать вас с Петрункевичами!), так что если официальный представитель какой-нибудь политической партии, как таковой, подвергается полицейскому преследованию или судебному взысканию, то чтобы представители всех других (!) партий заявили себя солидарными с ним и чтобы все вместе организовали (!) народный (??) протест и, если возможно (слушайте!), народное восстание для его защиты».

Скатертью дорога, любезный Парвус! Организуйте протесты и восстание с Петрункевичами (демократ) и Стаховичами (либерал),—наши дороги разошлись. Мы будем это делать с революционными демократами. Только измените уже, кстати, и свои лозунги, почтеннейшие герои «парламентских соглашений»: вместо лозунга «Восстание необходимо!» скажите: «Восстание, если возможно, дополнит протесты!». Тогда все освобожденцы с вами согласятся! Вместо лозунга «Всеобщее, равное, прямое и тайное голосование!» выставьте такой: «Правительство должно обеспечить голосование, если возможно, прямое, равное, всеобщее и тайное». Скатертью дорога, господа! Мы будем терпеливо ждать, когда Парвус, Петрункевич, Стахович и Мартов «организуют народный протест и, если возможно, народное восстание» для защиты Милюкова. Ведь, это гораздо своевременнее, господа, в нашу «почти-парламентскую» эпоху: защищать г. Милюкова, чем сотни и тысячи арестуемых и избиваемых рабочих!..

Парвус заявляет категорически: «У нас нет никаких шансов провести самостоятельно своих представителей в Думу». И тем не менее, он пишет: «Если избирательные комитеты окажутся неосуществимыми, то нам все же нужно употребить все усилия, чтобы выставить собственные кандидатуры». Несмотря на ценз, полагает Парвус, в отдельных случаях возможность с.-д. кандидатур не исключена. «Одна, две с.-д. кандидатуры, где бы то ни было, станут политическим лозунгом для всей страны».

Благодарим хоть за ясность. Только за чем же дело стало, господа? Газета «Русь» давно выставила свои кандидатуры, всех этих Стаховичей, Петрункевичей и прочих предателей революции, обивающих пороги господ Дурново. Что же молчит газета «Искра»? Почему от слов не переходит к делу? не выставляет канди-

Крестецкий уезд. 4-го августа в Китовской волости крестьяне пришли к земскому начальнику просить ссуды, которую у нас выдают по уезду. Они его продержали целых четыре часа в волостном правлении. Видя, что дело плохо, он велел выбрать уполномоченных и бежал к губернатору. По дороге мужики разобрали два моста; когда он стал приближаться, они вышли с топорами, рогатинами, лопатами и кольями под предлогом чистить мост. Земский начальник спрыгнул с коляски и лесом обежал это место. На следующий день приехал губернатор. Уговаривал, стращал казаками и в тот же день уехал. На следующий день в Локоцке, где волостное правление, и где был губернатор, все жители нашли у себя листки. До Локоцка от Крестцов—34 версты.

Псков. Со средины зимы замечалась усиленная рубка помещичьих лесов: вырублено столько, сколько вырубали за двадцатилетие. Рубили большими партиями, иногда целыми деревнями. Помещики сперва терпеливо переносили это, очевидно, надеясь, что с начала полевых работ порубки прекратятся, деревенская жизнь войдет в норму. Однако, надеждам их не суждено было оправдаться; с наступлением весны порубки не прекратились, а местами даже ожесточились. Тогда помещики, видя, как тают их леса, и чувствуя крупное изменение в настроении крестьянства, всполошились. Начались повальные обыски. Выезд на обыски делали уже не попрежнему с каким-нибудь урядником, а в сопровождении целых отрядов уездной полиции, под предводительством становых; местами в соседних деревнях эти небывалые до сих пор набеги полиции вызывали смятение. Так, в южной части Псковского уезда перепуганные бабы с криком «японцы идут» устремились со своими пожитками вон из деревень, через которые следовали российские «японцы». В обыскиваемых деревнях полицейские оравы встречались издевательством и организованным, хотя и пассивным отпором, агенты же помещиков — угрозами мстить в случае повторения обысков. Блюдущих интересы помещиков полесовщиков бьют смертным боем. Пылают помещичьи сараи с клевером и другие постройки, как ответ на преследование. Лицемерная политика псковских аграриев в деревне, стремящаяся смягчить антагонизм между крестьянством и поместным классом, прежде принимаемая крестьянами с подобострастным смирением, в настоящее время встречается или открытым протестом, или насмешками. В сношениях между крестьянами и помещиками чувствуется раздражительность со стороны последних и чувство собственной силы и превосходства со стороны первых. Перепуганные «красным призраком», помещики бегут к администрации со своими жалобами; начались массовые доносы на деревенскую интеллигенцию, обыски, увольнение совсем неповинных земских служащих и проч. В последнем отношении особенно отличаются вдова земского демагога и либерала Ваганова, типичный немецкий аграрий К. Беллен и земские начальники Зубчанинов и Лавриновский, чуть не каждую неделю посылающие доносы. Получается трогательное единение между реакционерами и либералами перед нахлынувшими волнами крестьянской революции. И те, и другие готовы стереть в порошок «обпаглевшего хулигана», а где можно, где отношения еще недостаточно обострились, заискивают у крестьянства. Успехом, впрочем, они пользуются только среди буржуазной части деревни. Однако, ни террор, ни заискивание не могут остановить начавшегося движения, размах его растет, уже зреет мысль бойкота помещиков и повсеместного отказа от уплаты податей. Листки о гурийском движении читаются с большим интересом, отношение к литературе круто изменилось. Назревает настроение для восприятия идеи революционных крестьянских комитетов. Впрочем, все это относится лишь к тем местностям, где помещичья эксплоатация достигла высшей степени напряжения.

Два воззвания. Редакции доставлены два крайне поучительных воззвания — к казакам и солдатам, составленных не комитетами или группами, а самими представителями войска.

Первое воззвание есть «подлинное произведение одного казака, переданное им Виленской группе в качестве проекта листка к товарищам станичникам». Автор начинает воззвание с изложения старинных казачьих «вольностей», когда на Дону процветало выборное начало, и все дела вершились коллегиально. Далее рассказывается, как постепенно правители московские посягали на свободу казачества, пока, наконец, не обратили его в регулярное войско, не опутали присягой и не заставили рабски служить «их интересу»... Опутанных таким образом станичников царь «не желает просветить», зная, что «казак терпит только до тех пор, пока он ничего не знает, а узнает, что неправда, то долго в кулак шептать не будет». Автор очень рекомендует товарищам искать изложения царской неправды в листках, которые раздаются не врагами, а друзьями на-

---

датуры Аксельрода, Старовера, Парвуса и Мартова в Государственную Думу? Попробуйте, господа, сделайте опыт, experimentum in corpore vili. Попробуйте, и мы увидим сразу, кто из нас прав: вы ли правы, думая, что эти кандидаты станут «лозунгом для всей страны», или мы, думая, что эти кандидаты дадут в настоящее время только пищу для каламбуров.

Парвус пишет: «Правительство дало кучке людей избирательные права в учреждение, которое должно бы заведывать делами всего народа. Это налагает на искусственно подобранных избирателей обязанность использовать свое искусственное право не по личному» (а по классовому и партийному?) «произволу, а считаясь с мнением народных масс. Напомнить им об этой обязанности, заставить (!!) их ее выполнить—наша задача, для проведения которой мы не должны останавливаться ни перед какими средствами».

Это рассуждение, естественно дополняемое уверением, что тактика (активного) бойкота выражает неверие в «революционные силы страны» (sic!), ошибочно в корне. Это—образец сантиментально-буржуазной постановки вопроса, против которой должны ополчиться все с.-д. Рассуждение Парвуса буржуазное, ибо он не видит классовой сущности Думы—соглашения буржуазии с самодержавием. Рассуждение Парвуса—пустая сантиментальная фраза, ибо он хоть на минуту берет всерьез лживые слова освобожденцев об их желании «считаться с мнением народных масс». Опоздал почтенный Парвус года на три. Когда у либералов не было ни органа, ни нелегальной организации, а у нас было и то, и другое, мы помогали их политическому развитию. И этой заслуги не вычеркнет история из деятельности с.-д. Но теперь либералы из младенцев политики стали главными дельцами ее, показали на деле свое предательство революции. Теперь обращать главное внимание не на изобличение в предательстве буржуазных «соглашателей», а на напоминание им «обязанности» ведать дела (не буржуазии, а) всего народа—значит превращаться в прихвостня освобожденцев! Только освобожденцы и могут всерьез искать выражения «революционных сил страны» в Г. Думе. Социал-демократия знает, что самое лучшее, чего мы можем теперь достигнуть, это—нейтрализация, парализование предательских усилий буржуазии. Земцы и освобожденцы—не «революционная сила страны»; стыдно не знать этого, товарищ Парвус. Революционная сила теперь, в демократической революции,—только пролетариат и борющееся с помещиками крестьянство.

Перлом из перлов в замечательной статье Парвуса является формулировка условий поддержки освобо-

рода. Он призывает их во всем содействовать этим друзьям и т. д. «Уверяю вас, станичники,—пишет казак,— что вы этим хуже себе не сделаете, и никто другой вас не убеждает, а ваш же станичник, которого вы можете узнать тогда, когда вы сознаете все, что я сознаю; и я желаю улучшить жизнь всех донцов и народа... Не бейте тех, кто борется за нас, а заступайтесь за них, бейте полицию и свое начальство, которое вас угнетает! Станичники, соединитесь всем полком и прокричите: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!»... Подписано: «Станичник».

Другое воззвание—от «нижних чинов усть-двинского гарнизона», в котором, как это видно из целого ряда корреспонденций, помещенных в «Пролетарии», все время «неспокойно».

Подобно автору воззвания к казакам, усть-двинские солдаты начинают с бесправного положения товарищей: «Ничтожными и жалкими рабами мы служим у нашего начальства». «Кто нам приказывает? Та золотая кукла, которая на себя наденет блестящий мундир. А разобрать и спросить, что это за кукла? Это та кукла, которая, может-быть, раньше и имела совесть и человеческое сознание, но теперь давным-давно уже потеряла их. И подобна она тому животному, самому хищному, которое, не щадя никого, дерет самого первого попавшегося, не давая пощады и говорит: «Это так богу угодно! Закон! Присяга!». А у самого разыгрались глаза от удовольствия... И, щелкая зубами от недавно съеденного лакомства, показывает: «А бог-то, бог-то! Нельзя: закон, порядок!»... Вот и смотри, братцы, какой порядок! Да спросим: кто его дал? нельзя ли его изменить? нельзя ли отбросить проклятое зверство? Разберемся, братцы, неужели бог создал такой закон, чтобы издевались над людьми?».

Далее следует ярко-образное описание всех «подлостей и обманов» властей, которые считают солдат «слепыми» и издеваются над ними. «Нет, братцы, не слушайте их! Они нас обманывают. Пора забросить их порядки! Мы теперь и так можем жить и хорошо знаем, что можно делать и чего нельзя, зря никого не обидим. Нам указывают внутренних врагов. Разберемся, братцы, какие у нас внутренние враги. Нам говорят: это те фабричные рабочие-бунтовщики, которые продают себя за 35 коп., или 9 рублей в месяц, и которые просят какой-нибудь гривенник прибавить в день; это те рабочие, которые работают по 11—12 ч. в сутки либо в страшной жаре, либо в страшном холоде, выносят отчаянную боль, мучаются всю жизнь, вырочая столько, что, может-быть, лошадь на их месте отказалась бы служить и работать, и которые настаивают на сбавке рабочего дня. Говорят: бунтуют те крестьяне, которые работают, не разгибая спины и проливая пот и кровь, работают по 18-ти час. в сутки и не зарабатывают ничего благодаря недостатку земли и хозяйства; те самые крестьяне, что просят кусок хлеба и умирают с голоду»...

«Так это-то и есть враги?! Неужели это правда, неужели нам нежалко своих голодающих родителей и малых детей, умирающих с голоду, неужели нам не грех будет поднять оружие на наших безоружных братьев? И можем ли мы променять таких нам дорогих людей, с которыми мы так тесно связаны на всю жизнь нашу, и отнимать кусок хлеба у близких наших, чтобы дать свободу гулять и веселиться нашему начальству, свободно обирать нас?.. Нет, братцы, не будем мы стрелять в наших братьев, а будем помогать им во всем! Братья, соединяйтесь все! Нас много, и мы все хотим этого!»...

Трудно еще более ярко и так безыскусственно просто обрисовать то положение, в которое поставлен теперь всякий не «потерявший сознания и совести» солдат, как обрисовывает этот в о п л ь проснувшейся солдатской души! И мы искренно желаем этому воззванию усть-двинских солдат самого широкого распространения.

Из секретных циркуляров. Полевой штаб Манчжурской армии. Штаб главнокомандующего. Конфиденциально. Командиру . . . . . баталиона (апрель 1905 г.).

В последнее время нередки случаи получения нижними чинами по почте различных воззваний противоправительственного характера, вложенных в закрытые письма, газеты или бандероли.

В виду сего главнокомандующий повелел, чтобы корреспонденция, поступающая на имя нижних чинов, обязательно разбиралась в канцелярии и передавалась по ротам, сотням и командам через ротных командиров или соответствующих начальственных лиц, которые до передачи корреспонденции по назначению знакомились бы с ее содержанием. Все подозрительное должно быть конфисковано и препровождено во вверенное мне управление.

Воронеж. Казаки окружили одну из массовок. Прискакал исправник и закричал: «Всех запорю! Вы своими массовками взбудоражали весь город!». Продержав час, рабочих отпустили. Комитет и рабочие после этого случая стоят

жденцев пролетариатом. «Необходимо,—пишет Парвус,—кандидатов оппозиции, которые захотят пользоваться нашей поддержкой, обязать на определенные политические требования». (Тов. Парвус хотел сказать: обязать отстаивать опред. политич. требования). «Такими могут, например, быть: 1) требовать в самой Думе ее немедленного распущения и созыва учредительного собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права; 2) отказ правительству во всех военных и финансовых средствах, пока это требование не будет исполнено».

Со ступеньки на ступеньку. Кто поскользнулся раз и оказался на наклонной плоскости, тот катится вниз безудержно. Наши стоящие вне обеих частей партич сверхчеловеки, в роде Парвуса и Плеханова, величественно игнорируют те самые резолюции новоискровцев, за которые они морально и политически ответственны.

Возьмите Парвуса. Он все время шел об-руку с «Искрой», даже тогда, когда план земской кампании и девятое января открыли ему, не надолго, глаза на ее оппортунистическую позицию. Но тем не менее Парвус хотел считаться «примиренцем»,—должно-быть, на том основании, что когда он стал выдвигать после 9-го января лозунги временного правительства, его приходилось поправлять большевикам и указывать на элементы фразы в его лозунгах. Без царя и правительство рабочее!—кричал Парвус под впечатлением 9-го января. Без народа и Дума либеральная!—вот к чему сводится его теперешняя «тактика» после 6-го августа. Нет, товарищ, на настроении минуты, на раболепстве перед минутой мы не будем строить своей тактики!

Парвус сочинил теперь «новые» у с л о в и я для либералов. Бедные новоискровцы, как они устали, сочиняя «условия» соглашения с освобожденцами! Старовер на II съезде (см. его резолюцию, отмененную III съездом) сочинил одни условия, которые сразу полетели к чорту, ибо ни в плане земской кампании, ни теперь этих условий полностью не выставлял никто из новоискровцев, писавших о «соглашении» с освобожденцами. Конференция новоискровцев выставила другие, более строгие условия в резолюции об отношениях к либералам. Новоискровец Парвус отвечает морально за эту резолюцию, но какое дело литераторам-сверхчеловекам до каких-то резолюций, вырабатывавшихся при участии ответственных представителей пролетариата? Сверхчеловеки плюют на партийные резолюции!

В резолюции новоискровцев об отношении к о п п о з и ц и о н н ы м партиям черным по белому написано, что социал-демократия «требует от всех врагов царизма»:

«1) Энергичной и недвусмысленной поддержки вся-

за то, чтобы массовки продолжать. Кружки правильно посещают 80 чел.; если же считать тех, кто бывает не вполне аккуратно, то наберется до ста человек. Образован кружок для подготовки пропагандистов из рабочих; рабочие читали два реферата; один, о том, что такое Р.С.-Д.Р. Партия, был очень удачен. Арестованы: врач Ионов, адв. Долгов, Л. М. Махновец, Клюйко (служ. в земстве), учитель Кравченко. Махновец уже выпущен. Взяты были все эти лица в Губ. З. Управе на собрании учительского союза.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Тифлис. (Бюллетень по поводу событий 29-го августа). Случилось нечто необычайно зверское. Канун своих гнусных реформ царское правительство ознаменовало наглым избиением рабочих. Дело было так: 29-го августа около 9 часов вечера зала тифлисской думы переполнилась публикой, преимущественно из рабочих. Было около 2.000 ч. Целью собрания было обсуждение вопроса о Государственной Думе «вместе с думцами». Публика ждала «думцев», но они по свойственной им трусости не показались. Тогда рабочие, выбрав председателя, принялись за обсуждение вопроса о событиях в Баку. Спустя ½ часа в зале появился полицейский с предложением «от губернатора» «разойтись». Большинство рабочих ответило криком: «Долой полицию!». Полицейский, а за ним и меньшая часть публики удалились из залы. Не прошло и ¼ часа, как появились казаки, и с криком «расходитесь» начали наступать на публику. При этом часть публики устремилась к дверям, а остальная кричала «долой». Тут казаки дали залп холостыми зарядами. Публикой овладела паника, и она в беспорядке хлынула к выходам, но все выходы и коридоры оказались на «военном положении». Всюду были расставлены казаки: выходившие очутились в ловушке. Теперь же казаки стреляли со всех сторон боевыми патронами из залы в тыл бежавшим и в оставшихся на хорах; расставленные же по коридорам казаки «действовали» прикладами и нагайками. Кое-кому удавалось добраться до главных дверей, выходивших на улицу, но тут их встречали новые пули казаков, стрелявших с улицы по направлению к главным выходам. Словом, слуги самодержавия буквально охотились за рабочими. Все это продолжалось около 40 минут. Сопротивления со стороны массы не было никакого; ее неорганизованность сказывалась во всем.

Зато полиция была строго организована: в течение ½ часа весь город превратился в военный лагерь; по улицам расхаживали патрули, мосты и переулки охранялись войсками. Настроение среди рабочих угнетенное. Все говорят, что без хорошей организации и вооружения ни к чему не придешь.

Негодность меньшевистской «тактики-процесса» и «организации-процесса» делается для всех неоспоримой.

Убито около 60 чел., из них 6 женщин. Раненых несравненно больше. Арестовано до 30 чел., из них некоторые уже выпущены.

Кавказский Союзный Комитет.

Льется кровь, готовьтесь к восстанию! Льется кровь пролетариев... Мы мирно собрались в городской «Управе», а слуги царского правительства зверски стреляли в нас. Мы мирно обсуждали свои нужды, а звери-казаки охотились за нами, избивали и топтали наших братьев... Свист пуль, плач женщин, проклятья умирающих, стоны раненых и хохот, злой хохот врагов-победителей,—все это ураганом пронеслось над нами... Проклятье и смерть царскому правительству! Но пусть не думает оно сломить нашу революционную гордость! Кровь наших товарищей вселяет в нас смелость, тени наших братьев взывают к нам о мщении! Не нам пятиться назад, не нам отступать перед врагами! Кровью за кровь и смертью за смерть,—вот чем мы должны ответить! К оружию, мщенью, да здравствует восстание!—вот наши лозунги, товарищи рабочие! Нам нечего ждать от самодержавия, кроме пуль и нагаек! Нам нечего ждать от Государственной Думы, кроме укрепления царского трона! Да здравствует мщенье, да здравствует восстание! А вы, лакеи коронованного жандарма, вы, вскормленные нашей кровью, вы, вспоенные слезами наших матерей, трепещите! Слух о ваших преступлениях облетит Россию, зажжет сердца пролетариев, и всеобщее восстание разнесет вас, убийцы! Трепещите, тираны! Да здравствует организованное восстание! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!

29-го августа 1905 г.

Тифлисский Комитет.

Баку. Здесь проявилось особенно ярко и глубоко разлагающее влияние междуфракционной распри. Все помнят

кого решительного действия организованного пролетариата, направленного к нанесению новых ударов царизму».

Парвус предлагает «соглашение» с освобожденцами и обещание им своей «поддержки», ничего подобного не требуя.

«2) Открытого признания и безоговорочной поддержки требования всенародного учредительного собрания на основе всеобщей и т. д. подачи голосов и открытого выступления против всех тех партий и групп, которые стремятся урезать права народа путем ли ограничения избирательного права, или же путем подмена учредительного собрания пожалованной монархической конституцией».

Всей второй части этих условий Парвус не признает. Он даже оставляет совершенно в тени вопрос о том, от кого должны освобожденцы в Думе «требовать созыва» учредительного собрания. От царя, конечно? Почему же не самим созвать его? Или вы уже теперь не против «пожалования»?

«3) Решительной поддержки борьбы рабочего класса с правительством и магнатами капитала за свободу стачек и союзов».

От этого «условия» Парвус освобождает, должно-быть, освобожденцев по случаю созыва Думы и вреда тактики «чем хуже, тем лучше» (хотя тут же рядом Парвус уверяет, в насмешку над читателем, что если бы Дума имела законодательные права, то это было бы хуже, т.-е. что один шаг к лучшему, и именно тот, которого добиваются освобожденцы, есть шаг к худшему!!)

«4) Открытого противодействия всем попыткам правительства и дворянских феодалов варварскими мерами насилия против личности и имущества крестьян подавить крестьянское революционное движение».

Добрый Парвус, зачем забыли вы это условие? Неужели вы не согласны теперь предъявить это прекрасное требование Петрункевичу? Стаховичу? Родичеву? Милюкову? Струве?

«5) Отказа от поддержки всяких мер, имеющих целью сохранение в свободной России каких бы то ни было ограничений в правах отдельных национальностей и каких бы то ни было следов национального угнетения,

«и 6) активного участия в деле народного самовооружения для борьбы с реакцией и поддержки социал-демократии в ее попытках организации вооруженной массовой борьбы».

Добрый Парвус, зачем забыли вы эти условия?

(Н. Ленин).

могучее движение бакинского пролетариата в 1903 г. Десятки тысяч рабочих, наполняющих улицы Баку, десятки красных знамен... Громкий и единодушный голос пролетариата наполнял город революционными лозунгами. Вся Россия, еще не проснувшаяся Россия, прислушивалась к этому голосу. И это при Плеве, и это в то время, когда работа только начиналась, когда связи только завязывались. Организация Бакинского комитета, единственная революционная организация того времени, была слабее каждой теперь работающей организации. Теперь нет промысла, нет завода, где бы не было примыкающих к разным организациям более или менее сознательных рабочих. Чуть не ежедневно появляются по всем углам прокламации со всевозможными подписями и лозунгами. Собрания, массовки по промыслам, летучки... и все же бакинский пролетариат молчит. Он молчит, потому что чувствует, что силы его разбиты, в его ряды внесена национальная и фракционная рознь.

Бакинский комитет решил всколыхнуть эти массы всеобщею забастовкой. В виду предстоящих серьезных политических кампаний для Баку такое движение, уничтожающее национальную рознь и вновь пробуждающее в пролетариате веру в его силы, казалось прямо необходимым. Все говорило за его успех. После событий в Лодзи и Варшаве настроение повышается. С энтузиазмом организованные рабочие обсуждают план всеобщей забастовки и единодушно голосуют за нее. На массовках политические речи встречаются сочувственно, дружно подхватываются политические лозунги. По всем районам вспыхивают частичные забастовки и оканчиваются почти везде неудачно. У нефтепромышленников намечается тайный договор о взаимной поддержке. Из этого положения вытекает один вывод: «Да здравствует всеобщая забастовка!». Цены мазута необыкновенно высокие, запасов нет; всюду говорят о нефтяном голоде. Нефтепромышленники страшно боятся всеобщей забастовки и указывают на целый ряд уступок, которыми они желали бы предотвратить всеобщую забастовку. После событий в Одессе, Либаве, Иваново-Вознесенске настроение рабочих снова повышается. Комитет обращается к организованным рабочим и еще раз предлагает обсудить вопрос о всеобщей забастовке. Все единодушно голосуют за нее. По всем районам вырабатывают требования.

В продолжение всего июля комитет ведет усиленную устную и печатную агитацию среди рабочих и специально среди мусульман, противодействие которых расстроило майскую забастовку. Среди мусульман были завязаны серьезные связи, мусульмане вырабатывали свои требования.

Союз бакинских рабочих (меньшевики) в июле признавал возможной всеобщую забастовку и вырабатывал с своей стороны список требований. К началу августа их организация была расстроена провалами, и они, не чувствуя себя в силах руководить забастовкой, решительно высказались против нее. За союзом последовали генчакисты и дрошакисты.

Комитет оказался изолированным и обратился с изложением всего вышеуказанного к примыкающим к его организации рабочим, рабочие единодушно высказались за самостоятельное проведение забастовки.

Доводы меньшевиков и представителей других партий не остановили решимости комитета провести забастовку.

Наши противники говорили, что мусульманская масса не подготовлена, что вооруженные татары дадут отпор, что может вспыхнуть армянский погром. Мы знали, что все это неверно, и что на почве забастовки погрома быть не может. Дальнейшие события показали, что мы были правы. Наши противники указывали на хулиганов и черные сотни; мы знали, что, чем больше будет молчать пролетариат, тем серьезнее организуются черносотенцы. Меньшевики указывали на необходимость выступить совместно с другими городами. Комитет, признавая неизбежность этого выступления в будущем, считал настоящее выступление лучшим способом подготовить бакинский пролетариат к будущим чисто-политическим выступлениям.

Оставалось ровно две недели до дня забастовки. И за эти две недели многое изменилось. Все остальные организации посвятили эти две недели на усиленную агитацию против всеобщей забастовки. Настроение масс начало колебаться. Шансы успеха быстро понизились. Это внесло неуверенность и в наши ряды. Комитет на последнем заседании только большинством одного голоса высказался за забастовку и решил предоставить междурайонному собранию еще раз и окончательно высказаться. Громадным большинством голосов (за—сто семь товарищей против девяти при десяти воздержавшихся) решено вести дело до конца. И это после того, как комитет раскрыл собранию все вновь возникшие затруднения. На междурайонном собрании организованные рабочие говорили, что меньшевики и дрошакисты не выступят активно против начинающегося массового движения. Мы ожидали на промыслах вооруженного отпора со стороны промысловой стражи, значительно усиленной за последнее время, и вооружались. Мы делали последние приготовления, в то время как значительная часть нашей организации потеряла веру в успех дела. Решено было сначала остановить Балаханы и Биби-Эйбат; Черный и Белый город должны были ждать сигнала из Балаханов и остановиться только в случае неудачи забастовки на промыслах. На Городской район, наполненный ремесленниками, мы не рассчитывали. Этот район хуже других сорганизован, агитацию здесь вести очень трудно. Этот район всегда останавливался последним.

Всем было известно, что всеобщая забастовка начинается 16-го августа. С утра товарищи небольшими группами расселялись по промыслам, думая с разных сторон остановить Балаханы, увлечь за собою массы, сойтись в центре и здесь провести общую массовку.

К восьми часам утра со всех сторон раздались тревожные гудки. Выпускали пары. Не встречая противодействия, наши товарищи останавливали одну фирму за другой. Полиции и казаков не было видно. Стражники стушевались.

Противодействие оказали только дрошакисты. Они встречали нас враждебными криками и угрозами; оставляя мастерские, они тотчас же возвращались и снова брались за работу. Меньшевики бросали работу на самое короткое время, затем снова принимались за нее. На наши призывные речи раздавались речи противодействующих, и масса не пошла за нами. Завод Гальперина, находящийся под влиянием меньшевиков, забастовал. Явившийся оратор с энергией, достойной лучшего дела, звал стать на работу.

То же самое повторилось на Биби-Эйбате. При таких условиях всеобщая забастовка осуществиться не могла. Нам сделалось это ясным с первых шагов. Появились казаки и полиция и начали вылавливать «подозрительных».

Только в тех местах, куда не проникало влияние меньшевиков и дрошакистов, движение вспыхивало и разрасталось само собой. Многие бурные и тартальные партии, состоящие из мусульман, забастовали по одному призыву; некоторые держались, пока не получили от нашей организации предложения стать на работу. Вооруженные татары-рабочие (около ста) предложили остановить весь Биби-Эйбат. Мы не решились воспользоваться этою силою, ибо между дрошакистами и мусульманами неминуемо произошло бы столкновение. Городской район, хуже всех организованный, забастовал самостоятельно. В этом районе связи меньшинства ничтожны, и сюда их агитация не проникла. Забастовали все типографы (газеты 17-го не вышли), конка, мелкие механические мастерские, булочники, шапочники... В Белом и Черном городе сигнала не получили и не делали попыток остановить заводы. По собственной инициативе, без ведома организации, несколько рабочих дали гудок на заводе Нобеля (в Белом городе). Черная сотня набросилась на одного из рабочих и жестоко избила его.

Всеобщая забастовка сорвана. Около двадцати человек попало в арестный дом. Эта неудача обнажила картину внутренней организационной розни отдельных частей пролетариата. Представьте себе эту картину борьбы рабочих с рабочими. Дрошакисты и меньшевики торжествуют, и совершенно напрасно: такие победы вносят разложение в среду победителей. И признаки этого разложения намечаются.

Торжествуют администрация и капиталисты. Подняли голову черные сотни и громко злорадствуют. После этой неудачи промысла и заводы заработали полным ходом, как они работали только до декабрьской забастовки 1904 г. Уверенно смотрят вперед господа нефтепромышленники. В массе рабочих уменьшился престиж революционных организаций и настроение упало. Все вышеописанное должно

заставить глубоко задуматься каждого партийного товарища. Происшедший раскол парализует совершенно силы пролетариата. Сколько-нибудь длительный раскол отведет нас на задворки политической жизни. Этот раскол срывает все перспективы политического переворота, намеченные нами накануне раскола. Сознательность и в нашей революции пасует перед стихийно развертывающимися событиями.

Наша неудача научила нас многому. Она укрепила доверие к массе мусульман-рабочих, она указала на то, что организация дрошакистов является одним из серьезных препятствий для рабочего движения; наша неудача заставит нас усилить агитацию среди армян. Все происшедшее служит новым доказательством того, что «Союз бакинск. рабочих» слишком далеко идет в своей борьбе с комитетом, что в этой борьбе он способен сделать такие шаги, которые приносят вред всем бакинским рабочим и уменьшают престиж нашей партии в глазах всех окружающих.

Наша неудача показала еще раз, что активное противодействие какой-либо национальности или местной организации в Баку подрывает успех массового рабочего выступления в этом городе. Многие организованные рабочие громко заявляют, что они отомстят в ближайшем будущем и сорвут предприятия меньшевиков точно так же, как они сорвали наше предприятие. Комитет, конечно, не допустит увлечься такими душевными порывами и не допустит своих рабочих занять ту же позицию, которую занял Союз.

Член Комитета.

Баку. Промысла опустели. Организации (и наша, и меньшевистская) разбиты. Сборов с рабочих больше нет, интеллигенция разъехалась. Нужны деньги отъезжающим рабочим, а денег нет. Нашу типографию пришлось бросить во время резни, меньшевистская сгорела. Выпускаем листки кое-как (от ред. «Прол.». Полученный нами листок «Темная полоса» отпечатан очень недурно). Человека три из нашей организации убиты (фамилии?—Ред.), масса нуждающихся. Работа возобновится месяца через два.

Сейчас вернулся с заседания Отделения Технич. Общества. Впечатление гнетущее. Все точно сонные мухи. У всех слова застряли в горле. Из членов Общества 28 человек голосовали за всеобщую забастовку (исключая из нее электричество, водопровод, бани, приготовление искусственных вод, лед,—все, что нужно для буржуазии), против—трое. Председательствовал инженер-заводчик Хатисов с чисто-чиновничьей развязностью. Цель забастовки (о! они не смели и произнести этого слова, и когда кое-кто из наших произносил его, председатель прерывал и доказывал, что мы о забастовке не говорим, мы просто заявляем, что теперь работать, не подвергая жизнь опасности, невозможно)—цель забастовки—добиться имущественной и личной безопасности, добиться гарантий спокойного развития промышленности. Они говорили о солидарности среди инженеров и техников и голосовали обязательность подчинения решению собрания для всех инженеров и техников.

Говорить о том, как проводить забастовку, считали ненужным. Выяснять же, какого рода гарантии требовать и от кого, председатель не позволил, и собрание безмолвно подчинилось. Выбрали комиссию, которая все это должна обсудить и представить на обсуждение следующего собрания.

Вообще общих вопросов касаться не разрешалось, и победоносный голос председателя гремел в продолжение всего собрания. Попытки изменить ход дебатов не встретили ни с какой стороны поддержки.

Г.г. Хатисовым понадобилась забастовка! Любопытно, что из этого выйдет... Пока и без того почти нигде не работают. Трудно ожидать, чтобы требования, выработанные комиссией, представляли общий интерес, или чтобы солидарность инженеров выдержала до конца. Вот последний момент этого собрания: Рабочий: «Вы говорили от лица рабочих»... Председатель: «Я не даю вам слова». Рабочий пытается говорить, председатель звонит. Рабочий (ко всем): «Болтуны вы, и больше ничего!». Председатель: «Объявляю заседание закрытым».

Темная полоса. Еще недавно громко и уверенно звучал наш голос. Мы звали на борьбу с эксплоатацией, произволом и насилием везде и всюду, и бакинский пролетариат прислушивался к нашему голосу. Несмотря на аресты и преследования, наш голос не ослабевал. 16-го августа мы звали рабочих всех национальностей, мы обратились и к армянам, и к татарам, мы звали всех примкнуть к борьбе за лучшее будущее. Всеобщая забастовка должна была сплотить всю массу пролетариата, чувство солидарности должно было заслонить темные чувства национальной вражды и ненависти... Не угрозами, не насилиями, не пожарами думали мы добиться удовлетворения требований, выдвинутых сознательными рабочими,—мы рассчитывали на разумное и спокойное проявление силы бакинского пролетариата.

Все организации были против нас, настроение массы рабочих было ослаблено их агитацией, и наше предприятие не удалось. Проклятие самодержавному правительству! Посеянное им еще в феврале чувство национальной ненависти росло среди армян и мусульман. При первых известиях из Шуши обе стороны приготовились к кровавой борьбе. Довольно было одного повода, и эти поводы давала на каждом шагу грубая и самодовольная бакинская администрация, способная исполнять только обязанности конюха или палача. Кто начал первый, где вспыхнула бойня,—никто не может сказать наверное. 20-го августа вечером уже гремели выстрелы во всех частях города, и пали жертвы, число которых пока установить нет возможности.

Безумие! Чего хотели достигнуть обе стороны?! Победа дрошакистов напишет слово «Месть!» в сердцах татар и поведет к новым жертвам, к бесконечным жертвам и страданиям. Победа мусульман не обогатит их, она разорит все население Баку и окрестностей, и мусульман в том числе. Безумцы! Задавали ли они хоть один раз вопрос себе: «Зачем все это?! К чему идем мы?!».

Нищета, позор, смерть! Эти проклятые тени встали на всех углах нашего города. Дикие вопли обезумевшей толпы, стоны умирающих, рев огня, гром выстрелов,—все это заглушило на-время наш голос. Прошла еще раз темная полоса...

Горе нам, пролетарии! Мы не сумели поднимающимся стихийным силам противопоставить силу нашей растущей организации. На наши плечи прежде всего упадет тяжесть наступающего кризиса: голод и безработица. Из нашей среды пало больше всего жертв, гибли армяне-рабочие и беззащитная амшара.

Горе нам, пролетарии! Наше движение снова встретит на своем пути самые трудные препятствия: еще сильнее обострится национальная вражда...

Но знайте, товарищи, дело наше не станет! Рабочее движение умеет преодолевать все трудности. Затихнет стихийная буря, и снова раздастся наш голос, зовущий вперед рабочих всех национальностей, сплачивающий все пролетарские силы.

Где другой выход? Где другая сила, могущая предотвратить новые убийства и грабежи? Ее нет и не может быть... С глубокой верою в силу нашего слова и в правоту нашего дела мы двинемся снова вперед, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Наше дело стоит жертв. Наша борьба выведет всех на широкую дорогу политической борьбы за свободу и счастье. Вперед же, товарищи! Снова за наше святое и правое дело! Снова наполните ряды нашей организации! Вперед! Да здравствует социализм! Да здравствует Р.С.-Д.Р.П.! Долой самодержавие!

Бакинский Комитет.

Витебск. Сейчас же после появления «конституционного выкидыша», т.-е. манифеста 6-го августа о Госуд. Думе, наша организация занялась вопросом об отношении к этой новой царской комедии. Следуя постановлению конференции С.-Зап. края, мы начали устраивать массовые собрания, на которых ораторы тщательно разбирали устав о Гос. Думе, указывали на то, что в этой идее о Гос. Думе скрывается намерение обманом подавить или ослабить великую русскую революцию, на тот вред, который может получиться для победы революции, если конституционная буржуазия пойдет в Гос. Думу, хотя бы даже с «решением» срывать ее там же. Опыт всех западно-европейских революций научил нас, что там, где только буржуазии представлялся случай сторговаться с правительством,

они спешили друг к другу в объятия. Мы знаем хорошо цену этих «решений» конституционной буржуазии. На всех собраниях выносились резолюции с протестом против манифеста 6-го августа. На некоторых собраниях ставился вопрос о необходимости активного бойкота Гос. Думы, и там вынесена была следующая резолюция:

«Принимая во внимание, что самодержавие есть режим гнета и насилия, что самодержавие своей внутренней и внешней политикой привело страну к полному разорению, что созываемая правительством Гос. Дума есть только искажение действительного народного представительства, оставляющее самодержавие неприкосновенным, мы, организованные социал-демократы, протестуем против этой новой фальсификации народного представительства, считаем необходимым энергично бороться против созыва Гос. Думы, не останавливаясь перед давлением на остальные слои населения в ходе выборной кампании, будучи уверены, что только вооруженным народным восстанием мы добьемся всенародного собрания, которое и объявит демократическую республику».

Была также вынесена резолюция о необходимости бойкота Гос. Думы и на собрании пропагандистов (9 за, 3 возд.). Помимо этого, мы старались проводить нашу тактику о Гос. Думе там, где нам представился к этому случай. В субботу 21-го авг. в одной из главных синагог города на Суворовской улице наш оратор в сильной речи разобрал перед полной синагогой сущность дарованной «конституции». Вся публика, состоявшая почти исключительно из еврейской буржуазии, слушала с большим интересом оратора и осталась в восхищении от этой речи. После того, как публика разошлась, и синагога была заперта, прибыли казаки с полицией. Пришлось «бедненьким» уйти ни с чем. На предвыборные собрания, устроенные представителями еврейской буржуазии и либералов, являлся член нашей организации. Собрания эти настолько интересны и характерны, что им будет посвящена специальная корреспонденция.

24-го августа нами была устроена манифестация. В этот день в городской думе гласные собирались вынести адрес по поводу манифеста 6-го августа. Организации стало известно за несколько дней, и мы решили сорвать собрание. По заранее выработанному плану в думу явился оратор в сопровождении боевого отряда. В думе было много публики. Когда председатель сделал доклад о том, что думой совершено было молебствие и выработан адрес Николаю, встал наш оратор и попросил слова «от имени народа». Председатель, понятно, не дал. Товарищ сказал: «Мне дал слово народ, собравшийся здесь, около городской думы, и протестующий против вашего адреса и Госуд. Думы»... Произошла свалка, гласные бросились из залы, городской голова сбросил с себя цепь и объявил перерыв собрания. Зала оглашалась криками: «Долой Гос. Думу!», «Долой самодержавие!». Один из товарищей разбил стекло, что должно было служить сигналом товарищам, собравшимся на улице около гор. думы. Как только раздался стук разбиваемого стекла, заранее приготовленный оратор на улице постарался в нескольких словах объяснить массе о происшедшем в гор. думе и пригласил поддержать товарищей. Раздались оглушительные крики: «Долой Гос. Думу! Долой самодержавие!» На манифестации было свыше 400 человек, из них около 200 организованных рабочих. Созвать всю массу нельзя было по конспиративным условиям. Никто не пострадал. Масса осталась очень довольна этим удачным выступлением. Интересно отметить, что местные «меньшевики», которые нападают на идею всяких планов, самым усерднейшим образом разрабатывали план этого выступления, даже до того, что два центровика-«меньшевика» ходили измерять шагами те позиции, где предстояло расположиться тем или другим отрядам. Так великая учительница—жизнь мало-по-малу научает бросать «тактику-процесс» и тех товарищей, которых одно имя «большевик» приводит чуть ли не в нервное состояние.

Нижний-Новгород. (См. «Прол.» № 17). 10-го июля было заранее обдуманное избиение. Вчерашняя удача оптимистически настроила публику, и никто не ожидал того, что случилось, хотя уже накануне были некоторые зловещие признаки. Когда накануне толпа начала расходиться, в стороне можно было наблюдать небольшую кучку «простых рабочих», свирепо посматривающих на публику. «Вон черносотенцы собрались»,—говорили о них. «Известно—хамье!»,—замечали по их адресу. Кто имел оружие,—должны были притти вооруженными, но это так, на всякий случай, так как серьезного случая не допускали. В 5 ч. начали понемногу собираться. Погода была пасмурная, обещала дождь, но народ уже тянулся к месту массовки. Едва лишь собралось человек 100, как начала подступать толпа черносотенцев с дубинками. Их оттеснили, но все-таки решено было разойтись, так как прибыла уже полиция и казаки, и солдаты. Остались лишь отдельные лица и группы, которые направились домой самой опасной дорогой, там, где стояла черная сотня. Она уже оправилась после бегства (один человек с револьвером в руке гнал перед собой всю эту толпу черносотенцев), ее уже ожидали союзники — казаки и полиция, ядро черносотенцев, человек в 50, набросилось на возвращавшихся. Часть их скрылась в народном доме, где их не могли достать, часть скрылась в соседнем доме. Начался разгром дома. Что-то зловещее висело в воздухе. Послышался звон стекол, глухие удары разбиваемого дома, кого-то вытащили, кого-то бьют, толпа разрастается, к ней присоединяются новые лица из зрителей, толпа схватывает отдельные жертвы, втягивает их в себя и перемалывает, не слышно криков и стонов избиваемых, слышен только рев толпы.

Женщины указывали тех, кого, по их мнению, нужно бить, девочки с наивными лицами говорили: «Так им и надо». Мальчишки образовали отряд и принимали деятельное участие в избиениях. Это неистовство совершенно обезумевшей толпы продолжалось с 5 часов до тех пор, пока не стемнело; затихло все только часу в девятом. Что же делала полиция, казаки, войско? Полиция указывала толпе, кого следует бить, указывала дома, где скрывались от толпы. Казаки набрасывались на людей, топтали их, а потом отъезжали, предоставляя толпе докончить начатое. Проехали губернатор и полицмейстер. Они обращались к толпе с благодарственными речами, просили «братцев» поддержать их в борьбе с бунтовщиками, и толпа кричала в ответ «ура!» и тут же на глазах его превосходительства избивала людей. Хватали всякого, кто походил на рабочего или на еврея, хватали студентов, учащихся. Большинство избитых—русские рабочие. Убиты аптекарь Гейнце и молоденький певчий Колесов; утром он отправился к ранней обедне, и мать нашла его только во вторник... в мертвецкой. Недавно один из избитых, Лубоцкий, скончался в больнице. Среди убитых есть и женщины.

Нельзя перечислить всех отдельных эпизодов этой страшной бойни. В больницу привезено было 18 чел., многие лечились амбулаторно, многие лечились на дому. Губернатор имел наглость посетить больницу. Рассказывают, что кто-то позвал его: «Ваше превосходительство!», и когда он подошел, сказал ему: «Прикажите уж нас добить, ваше превосходительство». Объявления губернатора и официальное сообщение, вы, конечно, читали.

В Сормове к вечеру 10-го июля появились слухи, что в городе что-то неладно. В обычное время на массовку собралось до 5.000 человек. Начались речи.

А слухи из города были все тревожнее. Полиция держалась вызывающе, она стояла невдалеке и давала хулиганам советы сорвать собрание, произвести беспорядок, а потом, дескать, казаки их изобьют. Часам к десяти прибыли очевидцы избиения и один с просьбой притти на помощь. Толпа была страшно возбуждена,—скажи слово, и она пойдет за тобой. Но что бы произошло потом? Мы не были вооружены, и, лишь только мы двинулись бы, повторилось бы 9-е января. Встал комитетский оратор и от имени организации попросил всех вооруженных выйти из толпы на случай отпора казакам и полиции. Произошло замешательство. Часть «публики» ушла, но большинство осталось. Раздаются голоса, что нужно итти во что бы то ни стало. На нас лежала обязанность остановить толпу. Встает другой оратор и говорит: «Товарищи, мы только вчера праздновали память товарищей, павших безоружными в Петербурге. Сегодня мы стоим над трупами наших петербургских товарищей, которые были убиты хулиганами, тоже безоружными (вся толпа стоит с непокрытыми головами, многие плачут). Неужели мы доставим еще удовольствие

царскому правительству, которое приготовило все, чтобы расстрелять нас, если мы двинемся в город безоружными?». После него вышел какой-то старик - рабочий и сказал: «Я не умею много говорить, я скажу только одно: «Долой самодержавие!». Поднялся шум. Одни говорили, что нужно итти, другие говорили против. Встал рабочий Леонид Командин (убит 11-го июля в Нижнем): «Товарищи, кровь наших товарищей льется по всей России, сегодня она пролилась в Нижнем. Может-быть, она льется там и сейчас. Хулиганы, поддерживаемые царскими баши-бузуками, избивают наших товарищей, в городе бьют беззащитных евреев. Нет, товарищи, мы должны им помочь! Если не можем итти все, то, у кого есть оружие, тот должен итти, сейчас же итти, пока неподно. Пускай мы погибнем, но мы должны итти!». Надо было слышать, как он это сказал. Вечная память тебе, дорогой товарищ. Одиннадцатого ты пошел помочь, потому что так должно было, и ты погиб. Пусть твои слова, сказанные на последнем собрании, запомнят все рабочие России...

Собрание было распущено. Тотчас же на частном собрании решено было всем вооруженным не ходить в город, потому что сегодня было уже поздно, а отправить туда 6 чел., чтобы они завтра в случае надобности вызвали остальных. Город был окружен патрулями, но все-таки удалось проскользнуть.

Одиннадцатого числа весь день настроение было возбужденное. Ведь, товарищи ушли на борьбу, и, может-быть, многие не вернутся. В некоторых мастерских готовились пики. Иногда приходили невероятные слухи, и рабочие с завода посылали разузнавать. В обычное время началась массовка. Полиция несколько раз предупреждала, чтобы разошлись. Решено было закрыть собрание. Когда осталось только 50 человек, полиция с гиканьем понеслась на кучу рабочих. Но вдруг из толпы выделилась группа человек в 10, выступила вперед и остановилась. Полиция задержала лошадей. В воздухе что-то пролетело. Послышался взрыв, потом залп из револьверов. Полиция умчалась обратно в паническом страхе, но бомба причинила мало вреда, так как упала сбоку.

12-го числа произошел последний эпизод здешней драмы. В 11 час. вечера под Сормовым пронесся ужасный взрыв; это разорвалась бомба близ казацкой казармы. Ее нес товарищ Андрей Ефремов, сраженный пулей часового в голову. Он упал на бомбу, и она взорвалась. Вечная память тебе, самоотверженный товарищ!

15-го хоронили убитых товарищей Командина и Дмитриева. Было что-то величественное в этих похоронах: 15-тысячная толпа рабочих провожала товарищей на кладбище. Несли венки, черное знамя; ни полиция, ни казаки не осмелились присутствовать. Когда над могилою раздались речи, многие не выдержали и зарыдали, но большинство стояли угрюмые, молчаливые, и в этом угрюмом молчании чувствовалась угроза, пока еще сдерживаемая.

Массовки перенесли потом на другое место, и рабочие начали опять собираться в больших количествах. Говорили, главным образом, по поводу закрытия завода. Дело в том, что управление вывесило объявление, что с 1-го августа завод вследствие постоянных забастовок закрывается на неопределенное время, и рабочие будут рассчитаны. Массовки теперь прекращены. Рабочие получили расчет, и многие уехали по своим деревням. Полиция усиленно агитирует среди рабочих и организует «черную сотню». Но хулиганы слишком боятся бомб и едва ли осмелятся проявлять себя.

Красноярск. 4-го авг. рабочие железнодорожных мастерских и депо прекратили работы, не выставив никаких требований. Комитет ничего не знал о начавшейся 27-го июля стачке в Чите, и на массовке 4-го авг. (около 1.500 рабочих) комитетский оратор предложил прекратить забастовку, выставив следующие требования: увольнение двух мастеров и одного пом. мастера и свобода собраний. Следующая массовка состоялась 10-го августа. На этот раз у рабочих было разрешение от ген.-губ. Кутайсова и ком. войсками Сухотина. Собралось до 3.000 чел. Говорили рабочие и комитетский оратор. Последний говорил о забастовке в Чите, о войне, о булыгинской думе, призывал рабочих к поддержке читинцев, предлагая в то же время формулировать и свои требования. Забастовка была принята огромным большинством, частью как поддержка читинцев и протест против войны и булыгинской думы, частью же как чисто-местная экономическая забастовка. Рабочие начали-было уже расходиться, как на них набросились, по распоряжению пристава 1-й части, казаки, жандармы и солдаты. Рабочие защищались камнями. Где-то раздался выстрел (повидимому, провокаторский), и в ответ раздалась команда: «Пли!». В результате несколько раненых с той и другой стороны, при чем рабочий Чальников на другой день умер.

11—13-го августа мастерские и депо не работали. На 13-е были назначены похороны убитого товарища. Группа рабочих просила губернатора разрешить похоронить товарища, при чем гарантировала, что никаких беспорядков не будет, если не будет полиции. На похоронах присутствовало около 5.000 чел., а может-быть, и больше. Было возложено около 15 венков: от партии, от гр. с.-р., от союза инженеров, от адвокатов, от врачей, фельдшеров, от учащихся, учащих, граждан, наборщиков, приказчиков и рабочих и т. д. На кладбище разбрасывались прокламации, пропели несколько раз «Вы жертвою пали», и произнесены были коротенькие речи. Один из комитетских ораторов (рабочий) говорил, между прочим, о Гос. Думе, призывал к продолжению забастовки, но не упоминал о восстании...

14-го и 15-го августа (два дня праздников) не работали, но было ясно, что единодушия между рабочими нет, что забастовка долго держаться не будет. 16-го августа часть рабочих (правда, небольшая) вышла на работу. Устроить общего собрания в мастерских не удалось и решили назначить его на другой день. Но 17-го авг., когда оратор (рабочий) заговорил о продолжении забастовки, послышались протесты. Оратор поставил вопрос на голосование. Голосов 150—200 высказались против продолжения забастовки. Кто-то крикнул: «Изменники! Отступники! Бей их!». В противников забастовки полетели камни и поленья. Поднялся такой шум, что продолжать собрание не было возможности.

18-го августа на работу вышла почти половина. Кроме жандармов и полиции, были отряжены в мастерские 2 роты солдат. В обед около мастерских произошла свалка между забастовщиками и их противниками. Последние были вооружены жандармерией и полицией револьверами. Раздались выстрелы, и началось варварское избиение бастующих жандармами, солдатами и черносотенцами. Били нещадно прикладами, железными инструментами, камнями. Рабочего Гусенко схватили солдаты по приказанию жандармского ротмистра, свалили на землю и начали бить чем попало. Затем доблестный офицер подошел к Гусенко и выстрелил в лежачего, в бок. Гусенко в тот же день и умер. Тяжело раненых трое: Гусенко, Журавлев (арестован) и Васинский. Легко раненых очень много. Избиение было организовано и приготовлено заранее. Тем не менее, губернатор пытается изобразить все дело таким образом, что полиция и солдаты только восстановляли порядок...

21-го августа группа рабочих собиралась похоронить убитого жандармским ротмистром Гусенко. Народу было немного, до того немного, что комитет не решился прикрепить к венку ленты с надписью: «Загубленной самодержавием молодой жизни от Кр. К. Р.С.-Д.Р.П.». Часть рабочих хотела похоронить товарища без обычных церемоний, но контора больницы пригласила попа, который решил отпеть покойника во дворе; рабочие потребовали, чтобы он сопровождал покойника до кладбища. Священник ушел и через некоторое время явился в сопровождении полицмейстера, приставов и прочей полицейской сволочи. Началось отпевание. Рабочий требовал от полиции, чтобы она удалилась. Когда она ответила отказом, то тот же рабочий заявил, что товарищи покойного отказываются хоронить его, если полиция не уйдет, предоставляя полиции распорядиться похоронами. Пристав пробормотал что-то в роде: «Мы не мешаем вам!», но не удалился. Организованная часть публики ушла; у ворот больницы, где лежал труп, остались только зеваки и любители скандалов... До позднего вечера публика небольшими кучками толпилась у больницы; тут же ныряли городовые, жандармы и солдаты. Труп, по распоряжению полиции, заперли в часовне...

Либава. Окончательные результаты столкновения 20-го августа: убито 6, ранено 25; из раненых умерли 2. В их числе: женщин 3, детей (11—12 лет) 2. Относительно потерь противной стороны ничего определенного неизвестно; достоверно лишь, что убит один городовой, тяжело ранен офицер; по слухам, в госпитале лежат раненые драгуны и казаки. Наша группа выпустила листок, в котором, между прочим, сказано: «Кровавые столкновения с войсками являются лишь подготовительной ступенью для неизбежного, неминуемого вооруженного народного восстания, которое лишь одно сумеет снести до тла проклятую монархию Романовых. Несмотря ни на что, нам принадлежит победа. Честь и слава нашим доблестным товарищам, павшим жертвой царского произвола! Месть, кровавая месть убийцам народа!».

ИЗ ПАРТИИ.

Решения Одесского комитета. I. В интересах более регулярного и широкого осведомления товарищей о деятельности комитета комитет постановил печатно опубликовывать впредь все свои решения, не имеющие конспиративного характера. II. Исполняя постановление ЦК, комитет вступил в переговоры с местной группой отколовшейся части партии. На официальный запрос к-та: не согласится ли группа войти в партию на основе организационных норм, выработанных Третьим съездом, был получен от группы следующий официальный ответ: «Ответ Одесскому комитету от Одесской группы Р.С.-Д.Р.П.—Принимая во внимание состав так.-наз. III съезда и способ его созыва, Од. группа признает этот съезд конференцией членов одной части партии, а созданные им учреждения—учреждениями исключительно этой фракции. Од. группы Р.С.-Д.Р.П.». В виду выяснившейся таким образом невозможности объединения для обеих сторон в настоящее время комитет постановил: в интересах объединения местной работы и подготовки будущего объединения партии продолжить переговоры с группой об устройстве конференции из представителей обеих сторон. III. По поводу предложения одного из членов к-та вводить в районные и подрайонные комитеты пропагандистов и агитаторов с решающим голосом к-т постановил: профессиональные пропагандисты и агитаторы, входящие в комитетские группы, не могут входить в районные и подрайонные комитеты с решающим голосом. Комитет рекомендует районным и подрайонным к-там приглашать на свои собрания отдельных пропагандистов с совещательным голосом. Мотивировка. Большинство членов к-та считало неудобным, чтобы пропагандисты, не принимая участия в организационной работе районных и подрайонных комитетов, имели в этих комитетах решающий голос. Кроме того, в виду преимущественно интеллигентского состава пропагандистов приглашение их с решающим голосом наполнило бы районные и подрайонные комитеты интеллигентами, недостаточно опытными в организационной работе. Приглашение пропагандистов на собрания районов и подрайонов в целях их ознакомления с организационной работой к-т признает желательным, поскольку это не будет противоречить необходимым условиям конспирации. Август 1905 г.

Из отчета Самарского к-та за июль. Приход 536 р. 19 к.; расход 466 р. 02 к.; Издательская деят. комитета: 1. Отчет за июнь, 2. Пауки и мухи (5.000), 3. К крестьянам (11.000), 4. 9-е янв.—9-е июля (6.000), 5. Черная сотня в Самаре (6.000), 6. К гражданам (об образов. комит. самооб. (4.000), 7. К гражданам (разоблачения орган. черной сотни полицией (3.600). Всего 35.600 экз. издано в типографии к-та. Кроме того, на гектографе: 1. Песни борьбы (753), 2. Программа Р.С.-Д.Р.П. (344), 3. К самарск. колбасникам (260), 4. Требования колбасников (218). Всего 1.097 брош. и 478 листков. Изданий ЦК распространено около 1 пуда.

Из отчета экспедиции Московск. к-та с 15-го июля по 15-е авг. Распространено за отчетное время: Солдатская памятка—5.000, «Голос Труда» № 6—3.000 экз., № 7—1.000 экз., Летуч. листки 3.000, Пауки и мухи 10.000, Извещение о III съезде, других изданий 15 названий—56.000 экз. Изданий Московск. группы 4 названия—810 экз. Распространено по другим городам 15 названий—12.700 экз.

Из отчета Тульского к-та. Июнь: приход 228 р. 36 к.; расход 123 р. 34 к.; июль: приход 96 р. 32 к.; расход 226 р. 08 к. Напечатано и распространено литературы за июнь 5 листков в количестве 9.150 экз. Распространено изданий Московск. комитета 790 экземпляров.

Из отчета Соц.-дем. железнодорожн. союза Тульского к-та Р.С.-Д.Р.П. за июнь и июль 34 р. 09 к. Напечатано и распространено литературы: 6 названий, около 500 экз.

Из отчета Борисоглебской группы от 15-го июля по 15-е авг.: приход 179 р. 65 к.; расход 102 р. 02 к. Распространено: прокламаций 22 назв., в количестве 2.114 экз., брошюр 12 назв., в количестве 526 экз. Всего 2.640 экз. Массовок было 3, всего около 150 чел.

Из отчета Минской группы Р.С.-Д.Р.П. за июль: приход 269 р. 34 к.; расход 241 р. 05 к. Остается на август 28 р. 29 к.

Агитационные собрания: 1. Присутств. около 600 чел. О 9-м январе, о современном положении. 2. Присутствовало около 300 чел. О черной сотне, о проекте Государств. Думы. Собрания стачечников: Колбасники 50 чел.—выработка требований; программа и цели соц.-дем. 2) Телеграфисты 70 чел. Об общем положении России; о значении всеобщей политической стачки.

Поступило в загр. кассу ЦК: из Лейпцига для «Потемкина» 4 фр. 65 с.; от Б. на вооруж. 5 фр., из Москвы от П. за литер.—50 фр., из Москвы для «сахалинцев» 50 фр., для них же от Marianne—25 фр.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Центральным Комитетом: 1. К рабочим и крестьянам (о заключении мира), 2. К рабочим и крестьянам (об учрежд. Госуд. Думы), 3. Открытое письмо Троцкого к проф. Милюкову. Петербургским К-том: К рабочим и крестьянам об учрежд. Государственной Думы (перепечат. с издания Центр. Комитета); Бакинским Комитетом: Темная полоса, печ.; Рижским Комитетом: О Гос. Думе, по-латыш. Екатеринославским К-том: 1. Российские граждане, крестьяне и рабочие, 10.000, 2. Ко всем рабочим г. Екатеринослава, об учрежд. Госуд. Думы—10.000, 3. Ко всем рабочим г. Екатеринослава о еврейском погроме (все печат.); Восточным Бюро при Ц. К-те: Извещение о конференции крестьянских работников Восточного района; Одесским К-том: Решения Одесского К-та; Самарским К-том: 1. Отчет К-та за июль 1905 г. 2. К крестьянам о Государствен. Думе, 3. Ко всем рабочим о Госуд. Думе (все печат.); Либавской военно-социалистич. организацией: К солдатам, печат., 3.000; Либавской соц.-дем. группой: «Грозно и стройно провел пролетариат свою всеобщую забастовку»—1.500; Тульским К-том: 1. Отчет К-та за июнь и июль 1905 г., 2. О Государств. Думе, обе печатн.; Северным К-том: Они столковались (печат.); Воронежским К-том: Отчет К-та за июнь и июль 1905 г.; Борисоглебской группой: 1. Заявление рабочих представителям земств и дум, 2. Отчет К-та с 15-го июля по 15-е августа 1905 г. (обе гект.); Копыльской группой: Ко всем дорожным рабочим в Тимковичах.

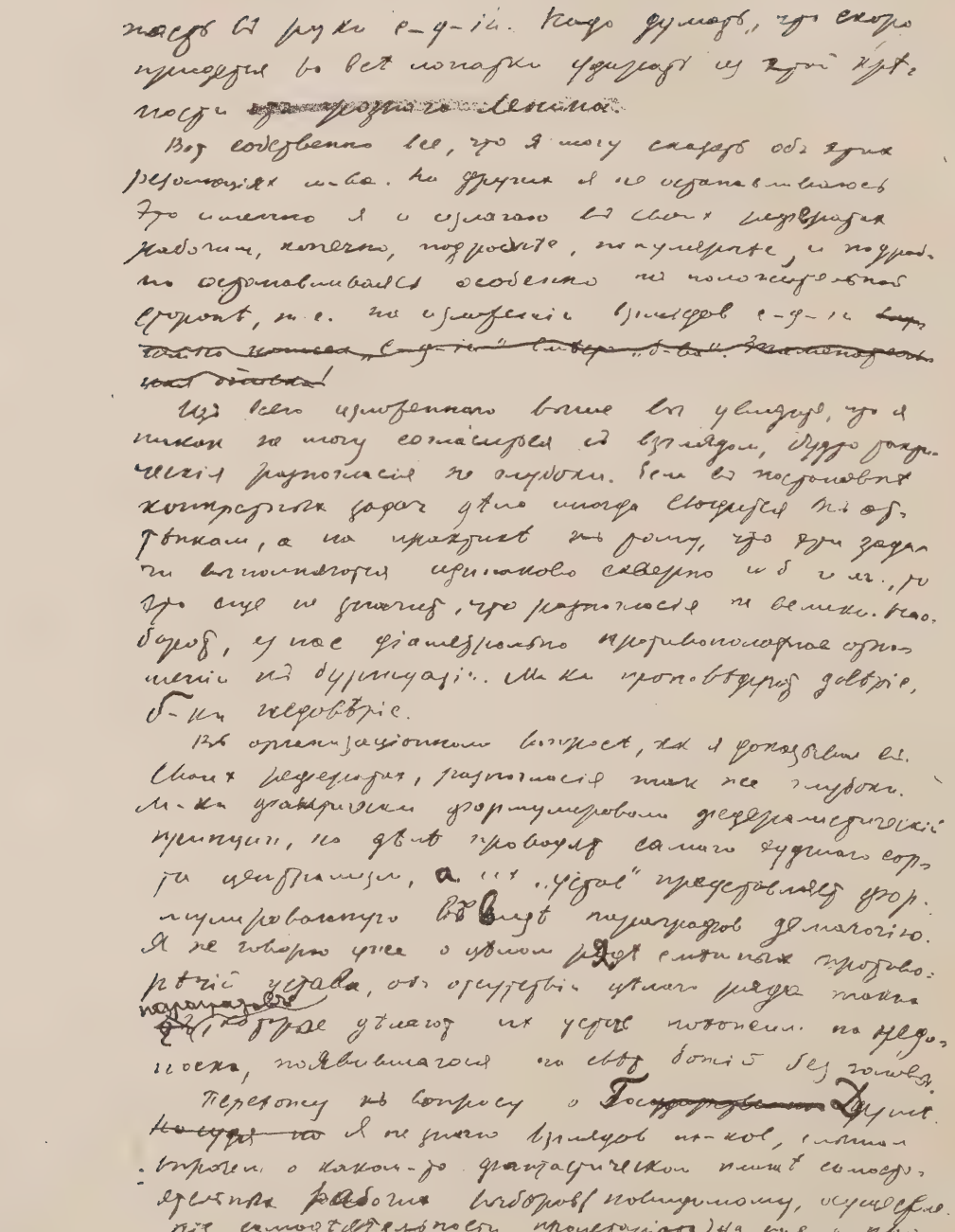
Минской группой: Отчет Минской группы за июль 1905 г.; Новоторжской группой: Народ и война.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Александру, Ломову, Чудной, Рабочему Юга. Получено. Азиату. Письмо получено. Необходим новый адрес для писем. Зарину. Тоже. Петербуржцу. № 1-й получен. Давиду, Е. Получено. Матвею. Оба экземпляра письма получены. Спц. Не пользуйтесь адресом 22 а; адреса комитета, очевидно, не действуют. Соловьеву, Людмиле, Александрову, Юзе, Шугар. Отчего не отвечаете?—Г. С. К сожалению, не пойдет. Просим организации сообщить адреса, по которым получается «Пролетарий». Нижний, Москву, Ярославль, Николаев, Саратов, Самару, Казань, Харьков, Воронеж и Киев очень просим прислать новые адреса для писем.

Примечания.

Прим. 1. Вероятно, 24 (11). Проверить по рукописи оказалось невозможным.



Факсимиле тов. С. И. Гусева.

(См. статью „Из бесед с читателями", „Пролетарий" № 20)

LE PROLETAIRE

Prix: 30 cts.

ЖЕНЕВА, 3 октября (20 сент.) 1905 г.

№ 19.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Революция и контр-революция.

Два с половиною года тому назад царское правительство выдвинуло в борьбе с революцией свою «последнюю карту». Подонки правящих классов соединились с подонками народа в позорном деле избиения беззащитных кишиневских евреев. Еврейство являлось самой революционной средой в пределах так-наз. «черты оседлости»: оно поставляло главные кадры революционеров, оно несло семя социализма в более отсталую русскую рабочую массу. Этого было достаточно, чтобы слово «еврей» стало символом революции в глазах правительства. Обычные меры репрессий были бессильны против растущего революционного движения пролетариата. Несмотря на все усилия жандармов и шпионов, полиции и войск, росла сознательность и боевая готовность пролетариата, росла его организованность и сплоченность. И бессильное подавить это движение расстрелами, нагайками и тюрьмами, правительство мобилизовало верные ему реакционные силы для того, чтобы их руками терроризировать революционные элементы еврейства. Не довольствуясь силой политического давления, правительство провоцировало столкновение социальных сил, оно подготовляло гражданскую войну. Правительство первое начало борьбу; контр-революция открыла военные действия прежде, чем революция взялась за оружие.

Социал-демократия тогда же указывала, что этот прием представляет из себя «последнюю карту царизма». И действительность подтвердила эту оценку. За два с половиною года, прошедшие со времени кишиневского погрома, правительство не изобрело других мер борьбы с революцией. На-ряду со старым элементарно грубым методом подавления ее вооруженной силой оно продолжало ставить все ту же свою последнюю карту. Но по мере роста революционного движения, по мере распространения его на всю Россию приходилось расширять поле деятельности реакционных сил, приходилось придавать борьбе все более грандиозные размеры. Если кишиневский погром казался чем-то баснословно чудовищным, каким-то кровавым кошмаром, то теперь он бледнел перед новыми событиями, становился повседневным явлением. «Ans Ungeheure hast du mich gewoehnt» (ты приучил меня к чудовищному), — могла сказать Россия царскому правительству словами Шиллера. Оно действительно «приучило» нас к чудовищным событиям, мы присмотрелись к ним, свыклись с ними, перестали постигать весь их ужас. За кишиневскими погромами шли десятки других еврейских погромов; борьба против революции перекинулась внутрь России. Начались избиения земцев в Тамбове, учащихся в Курске, интеллигентов и сознательных рабочих в Нижнем-Новгороде и т. д., и т. п. без конца.

Однако, нигде мобилизация реакционных сил не привела к такой ожесточенной борьбе и к таким гибельным последствиям, как на Кавказе. Кавказ явился как бы форпостом русской революции. Экономические противоречия отдельных групп населения, обостренные национальной рознью, выливались здесь под усиленным гнетом политического бесправия в ярко выраженные революционные формы. Это привело к тому, что руководящая роль в народном движении пришлась на долю самому революционному, самому крайнему элементу, соц.-демократии. Довольно указать на ту решающую роль, которую играла наша партия в крестьянском движении Закавказья, чтобы понять, как должно было относиться к ней царское правительство. Но социал-демократическая партия опирается на пролетариат, а среди кавказского пролетариата самым сознательным элементом являлись армянские рабочие. И вот в глазах правительства армяне становятся таким же символом революции на Кавказе, каким евреи являлись в западной и юго-западной России. Для борьбы с этой революционной силой мобилизуется та часть кавказского населения, которая и по своему социальному положению, и по своим религиозным верованиям больше всего расходится с армянами,—татары. Правительство произвело в феврале пробную мобилизацию этих контр-революционных сил, организовав известную бакинскую резню. Роль бакинского губернатора и полиции (среди которой очень много татар) была своевременно разоблачена и выведена на чистую воду. Однако это не помешало вторично прибегнуть к тому же испытанному средству, но только расширенному почти на все Закавказье и доведенному до чудовищных размеров. Татарам была предоставлена полная свобода убивать, насильничать, грабить. И здесь контр-революция спешила первая напасть на революцию, предупредить ее, не дать ей собраться с силами.

Но на этот раз картина изменилась. Вместо вторичного избиения беззащитных армян под руководством и по указанию полиции произошла вооруженная борьба двух частей населения, вспыхнула гражданская война. Если в феврале одного мановения руки губернатора довольно было, чтобы остановить расходившихся татар, то теперь даже вмешательство войск встречалось татарами ружейными выстрелами. Борьба реакционных сил с силами революцинными превратилась в борьбу двух национальностей, привлекшую даже вооруженные силы из Персии. Место полицейского провокатора занял мусульманский агитатор в священной зеленой чалме. Движение переросло намерения правительства. Количество перешло в качество.

Кавказские события имеют громадное значение для дела русской революции. Они показывают, что мобилизация контр-революционных сил в сколько-нибудь крупных размерах невозможна без того, чтобы не вызвать мобилизации сил революционных. Пока правительство пользуется для подавления народных движений силой полиции и войска, оно раздражает и революционизирует население, но все же оно прочно стоит на точке зрения своего верховенства, на точке зрения своего права и бесправия народа. Но когда оно толкает на открытую борьбу одни слои населения против других, санкционирует право самосуда реакционных элементов, оно тем самым косвенно санкционирует и право самосуда элементов революционных. Признавая право нападения одной части населения на другую, оно тем самым признает и право самозащиты. События в роде кавказских прививают народным массам сознание права на революцию. Возьмите хотя бы бакинские события. Полгода тому назад беззащитных армян резали на улицах, сжигали в домах. Теперь картина уже не та. Теперь уже значительное количество армян оказывается вооруженным и дает нападающим энергичный отпор. Погром превращается в гражданскую войну,—в войну, пока только оборонительную со стороны революционных элементов. Но диалектика революционной борьбы неизбежно приведет от обороны к нападению. Она приведет к третьей стадии, к инициативным действиям, к вооруженному восстанию. Оборона, даже самая удачная, в лучшем случае может только отстоять известную позицию, но она не может двинуть ни на шаг вперед дело революции. Остановиться на стадии оборонительной борьбы значит погубить дело. «Раз выступив на путь революции,—писал Маркс, оценивая события 48-го года в Германии,—действуйте с величайшей решимостью и как нападающая сторона. Оборонительное положение есть смерть всякого вооруженного восстания; при нем оно погибает, не померявшись с врагом. Ударяйте на врага, пока его силы разрознены, подготовляйте новые победы, как бы малы они ни были, но изо дня в день. Поддерживайте моральный перевес, который первая удача дала вам; перетяните на свою сторону те колеблющиеся элементы, которые всегда уступают более сильному впечатлению и всегда ищут безопасного места; заставьте врага отступать, прежде чем он соберет против вас свои силы,—словом, как сказал Дантон, величайший из известных до настоящего времени мастеров революционной политики,—de l'audace, de l'audace, encore de l'audace! (смелость, смелость, еще раз смелость!)».

Царское правительство прекрасно понимает всю силу этой тактики нападения. Оно не ждет врага, оно двигает черносотенные силы реакции, прежде чем революционные элементы подготовятся к нападению. И если эта тактика правительства, в конце-концов, не приносит ему пользы и обращается против него, то это потому, что само правительство и все его предприятия обречены на гибель. Кого история хочет погубить, у того она отнимает разум. Бакинский опыт блестяще подтверждает это. Самодержавие подняло с общественного дна такие силы, которых само теперь не в состоянии заворожить. Оно толкнуло эти дикие стихийные силы на своего врага, а непокорная стихия смела с лица земли несметные капиталы нефтяных королей, восстановив их против самодержавия. А главного врага, революцию, эти силы все же не сломили. И если правительство думает, что оно победило, оно жестоко ошибается: такая победа стоит самого сильного поражения. Такие победы не угашают революции, напротив, являются ее двигателями. Сильнее, чем могла бы сделать наша пропаганда, убеждают они самые широкие массы народа в негодности существующего политического строя, в его неспособности охранять интересы народа, в его враждебности этим интересам. Военные действия контр-революции, направленные первоначально против пролетариата, обрушиваются своей тяжестью на широкие народные массы, толкая их бесповоротно на путь революционной борьбы. Перед общественными силами, страдающими от самодержавного гнета,—а от него больше всего страдают самые жизнеспособные силы,—становится роковой вопрос: либо быть отданными на произвол реакции, гибнуть и разоряться благодаря разгулу черных сотен, либо подняться с оружием в руках против всего существующего политического строя; либо разложение страны и бесконечное разорение ее под напором самых отсталых, самых темных общественных элементов, либо победа сознательных масс народа, расчищение пути для прогресса. И перед этим выбором не может задумываться сколько-нибудь жизнеспособная общественная сила. Кавказские события красноречиво свидетельствуют о том, что само правительство воспитывает народ к восстанию. Правда, это путь долгий и трудный, требующий громадных жертв, громадного напряжения всех сознательных элементов. Правда, те же кавказские события свидетельствуют о недостаточной подготовленности населения к вооруженной борьбе, о недостаточном влиянии революционных партий, о слабости технических средств восстания по сравнению с высоким революционным подъемом. Но действительность указывает на каждом шагу, что это—единственный путь, на котором может быть завоевана политическая свобода, обеспечивающая существенные интересы народа. Только вооруженное восстание может с корнем вырвать из русской почвы царское самодержавие и все питающиеся под его кровом пережитки старого порядка. Только революционная армия, только поголовно вооруженный народ может парализовать все попытки реставрировать старый порядок, или хотя бы частицу его, в виде политических привилегий отдельных классов или отдельных групп. Только временное революционное правительство, как орган победоносного восстания, может сохранить за народом власть, приобретенную им силою оружия, и передать ее в руки учредительного собрания, выражающего действительную волю народа.

Поэтому трехчленная формула—вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство—стала лозунгом революционной социал-демократии в переживаемую демократическую революцию. И жизнь на каждом шагу подтверждает законность и неизбежность этого лозунга. Каждый шаг революционного движения пропагандирует этот лозунг в самых широких массах, толкая их на этот путь, как на путь кратчайший, наиболее выгодный. И это выступление широких масс с революционным пролетариатом во главе на решительную, бесповоротную борьбу лучше всего ручается за то, что самодержавный строй будет

свергнут, и никакие военные хитрости, в виде Государственной Думы, не спасут его.

Контр-революция и революция столкнулись на Кавказе в вооруженной борьбе. Гражданская война вспыхнула ярким пламенем, и в кровавом отблеске его еще презреннее и ничтожнее кажутся презренные и ничтожные попытки дутого парламентаризма. Пусть буржуазия, жадная до сделок с царизмом, теснится в двери новоявленной думы, куда правительство поманило ее надеждой на соглашение. Революционный же пролетариат и волнующиеся массы народа оно вызвало на бой, оно провоцировало гражданскую войну и научило понимать своих врагов, что только в гражданской войне может быть разрешен спор между царем и народом, только в ней может быть завоевана народная свобода.

(В. Воровский).

Центральный Комитет о Государственной Думе.

ЦК Р. С.-Д. Р. П. предлагает всем организациям, группам и собраниям принимать следующую резолюцию:

Рассмотрев царское «Положение о Государственной Думе», мы... нашли следующее:

1) Положение это совершенно устраняет от участия в выборах в Думу всех рабочих и всю бесхозяйную деревенскую бедноту, что является грубым издевательством над всей той частью народа, которая до сих пор с наибольшими жертвами ведет борьбу за народное освобождение.

2) Оно отнимает также избирательное право у всех женщин и всех совершеннолетних, не достигших 25 лет.

3) Из числа крестьян оно лишает избирательного права всех не входящих в состав волостных сходов, т.-е. $^{9}/_{10}$ всех домохозяев, а также всех невыделенных младших членов крестьянских семей, хотя бы и старше 25 лет; всех крестьян, живущих для заработка на стороне, т.-е. не менее 15 миллионов трудящихся, оно на деле лишает возможности участвовать в выборах.

Самые выборы от крестьян оно устанавливает не прямые, а в несколько ступеней, так что волостные сходы избирают только уполномоченных, те—губернских выборщиков, и лишь выборщики—депутатов в Государственную Думу. Вследствие этого член Думы от крестьян не есть действительный представитель избирателей крестьян и не пред ними ответствен за свои действия в Думе, а представитель нескольких выборщиков, перед которым и ответствен.

Ни свобода предвыборного обсуждения, ни свобода и тайна самых выборов ничем не обеспечены для крестьян, так что на всех ступенях выборов царские чиновники в лице полиции, земских начальников, предводителей дворянства, губернаторов имеют полную возможность оказывать на избирателей и выборщиков давление в пользу своих кандидатов.

Таким образом, все представительство от крестьян является совершенно фальшивым.

4) Из остального населения лишены избирательного права многочисленные мелкие ремесленники городов, а также беднейшая и наибольшая часть трудящейся разночинной интеллигенции, всего ближе стоящая к народу,—народные учителя, земские врачи и проч. Предоставлено же избирательное право только людям богатым и зажиточным, землевладельцам и капиталистам, при чем на выборах каждому дается тем больше влияния, чем больше у него имущество.

Наконец, угнетенным народностям окраин России избирательное право дается в еще более урезанном и сокращенном виде, чем коренному русскому населению.

5) Самая Дума представляет из себя только совещательное собрание без решающего голоса в издании законов, учреждение политически бессильное, ничем не огражденное от произвола действительных властей, лишенное даже свободы слова в обсуждении, так как ему запрещено касаться основных законов империи.

На основании всего этого мы пришли к следующим выводам:

«Положение о Государственной Думе» есть грубая подделка народного представительства. Заключая в себе прямой вызов рабочему классу и деревенской бедноте, оно в то же время представляет попытку обмануть крестьянство фальшивыми уступками и попытку привлечь на сторону царского правительства богатые и зажиточные классы путем действительных, но ничтожных уступок. Оно означает решительное намерение правительства всеми средствами беспощадно вести борьбу против народа для защиты царского самодержавия,—самодержавия чиновников, которому Россия обязана неслыханным разорением и угнетением, страшно низким развитием знания и полным военным бессилием.

В виду этого мы будем считать изменником и врагом свободы и народа всякого, кто примет сознательное участие в царской комедии выборов и представительства как избиратель, выборщик или член Государственной Думы.

Мы заявляем, что народу необходимо представительство, основанное на началах, совершенно противоположных тем, по которым строится Государственная Дума. Народу необходимо единое собрание представителей, обладающее всею полнотой государственной власти, избранное при полной личной и гражданской свободе путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Народные интересы может представить и оградить только такое действительно народное собрание, созванное сначала в виде учредительного собрания для установления нового государственного порядка, а затем созываемое в виде народного парламента для постоянного управления делами страны.

Такого народного собрания не только не может дать народу царское самодержавное правительство, но и вообще никакое правительство, сохраняющее хотя бы отчасти царскую власть. Новый необходимый народу государственный строй есть демократическая республика, основанная всецело на самодержавии народа.

Осуществить такой строй может только вооруженное всенародное восстание против царского правительства и всех темных сил, его поддерживающих. Подготовка и организация такого восстания составляет теперь главную очередную задачу для всех сознательных борцов за народное дело; новое оскорбление, нанесенное правительством народу, есть новое напоминание о необходимости выполнять эту задачу непрерывно и неуклонно.

Мы призываем всех сознательных граждан и все партии, преданные народным интересам и делу народного освобождения, всеми силами противоедействовать постыдной комедии выборов и представительства, обману народа.

Мы призываем их соединять свои силы для немедленной совместной подготовки всеобщего и повсюду одновременного протеста против правительства насильников и лицемеров, для организации этого протеста в виде всеобщей политической стачки и вооруженных демонстраций повсюду, где они возможны.

Мы призываем их это новое издевательство царского правительства над умом и волею народа использовать, как новое яркое и очевидное доказательство для разъяснения народным массам необходимости решительной и беспощадной борьбы за окончательное низвержение царского самодержавия и всякой власти, не от народа исходящей.

Мы призываем к борьбе за свободу до конца!

Земский съезд.

В понедельник 12 (25) сентября открылся в Москве съезд земских и городских деятелей, обсуждавший и решивший окончательно вопрос об отношении к Думе. Этот съезд, как и предыдущие земские съезды, знаменует новый шаг по пути политического развития и политической организации российской буржуазии. Поэтому всякий сознательный рабочий должен внимательно относиться к этому рождению буржуазной конституционной партии. Политическое развитие пролетариата, как класса, всегда и везде шло рука-об-руку с политическим развитием буржуазии, как класса.

Но, кроме этого общего значения земского съезда, он имеет еще громадное значение по чрезвычайно злободневному вопросу о нашем отношении к Думе. Соглашение буржуазии с царизмом или более решительная борьба первой со вторым,—вот в чем сущность этого вопроса, вызывающего, как известно, разногласия и в тактике социал-демократии.

Напомним прежде всего, что на своем предыдущем съезде земцы решительным образом осудили булыгинскую думу и приняли известный освобожденский проект конституции (монархия и двухпалатная система). Вопрос о бойкоте Думы был сначала решен большинством положительно, но потом перерешен и отложен до следующего съезда, который должен был быть созван н е м е д л е н н о по опубликовании закона о Гос. Думе, говорили даже о созыве его по телеграфу. На самом деле съезд созвали очень не скоро. Сначала, как мы отметили в № 14 «Прол.», прошли слухи о его отмене земцами. Потом стали известны переговоры г. Головина с Дурново, описанные и оцененные нами в предыдущем номере «Пролетария» и кончившиеся р а з р е ш е н и е м съезда полицией. Съезд состоялся, таким образом, на совершенно иных началах, чем предыдущий: тогда полиция запретила его, грозила разогнать, составила протокол, назначила после съезда сенаторское следствие; теперь земцы и полиция столковались и с о г л а с и л и с ь заранее.

Чтобы нагляднее показать читателю все значение этой разницы между тогда и теперь, напомним заявления последнего номера «Освобождения». Г. «Индепендент» (—«независимый»,—вероятно, независимый от полиции?) писал в № 76, в полном согласии с автором передовицы того же номера, следующее: «Ни о каких компромиссах не должно быть и речи. Попрежнему приходится завоевывать свободу, а не выпрашивать ее... Не следует,—и это важно в высочайшей степени,—ни на минуту отказываться ни от прежних приемов борьбы, ни от завоеванных уже позиций. Если и здесь есть возможность компромиссов, она сразу и решительно должна быть устранена. Все, что делалось до сих пор для организации освободительных сил, должно делаться и вперед... Деятельность съездов, союзов, собраний должна продолжаться в том же духе и в том же направлении, как и прежде».

Яснее нельзя выразиться. Орган земской или «конституционно-демократической» партии после 6-го августа высказывается решительно и безусловно против о т к а з а о т п р е ж н и х п р и е м о в б о р ь б ы. Но в том-то и суть фальшивой позиции либеральной буржуазии, что на-ряду с желанием свободы у нее не менее горячо желание сделки с царизмом. Поэтому на словах одно, на деле—другое. Чтобы «не отказываться от прежних приемов борьбы», надо было бы бойкотировать Думу. Отказавшись от бойкота, пришлось логически неизбежно о т к а з а т ь с я о т н е к о т о р ы х «прежних приемов борьбы». «Освобождение» стало громить компромиссы как-раз тогда, когда Головин заключил компромисс с Дурново. «Освобождение» закричало: «Ни на минуту не отказываться!»—как-раз тогда, когда земский съезд отказался от прежней свободы своих заседаний. По случаю «дарования» Думы, этого, якобы, начала свободы, земцы согласились совещаться менее свободно.

В самом деле: 1) программа съезда была г-ном Дурново, т.-е. полицией, урезана; 2) председатель обязался закрыть съезд в случае обсуждения вопросов, не вошедших в дозволенную полицией программу; 3) съезд согласился заседать при участии полицейского—делегата от Дурново (правитель канцелярии), имевшего полномочия закрыть съезд в случае нарушения «условий» г. Головина с г. Дурново; 4) съезду были запрещены полицией, тоже под угрозой закрытия, «мятежные возгласы» (телеграмма специального корреспондента консервативной газеты «Temps», добавляющего, что все эти условия были ч е с т н о с о б л ю д е н ы).

Само собою разумеется, что, почерпая свои сведения из иностранных газет, мы не ручаемся за безусловно верный и исчерпывающий характер этих сведений. Но сомневаться в том, что они верны в общем и целом, нет никаких оснований. Напротив, г. Головин (который, конечно, не для публики предназначал свои переговоры с Дурново!), наверное, обещал полиции еще большее по части верноподданного поведения земцев!

Факт неоспоримый. Слова «Освобождения» коренным образом расходятся с делами освобожденцев. Писатели «Освобождения» краснобайствуют против полиции, а дельцы обделывают дела с полицией полюбовно. Начало земской кампании выборов в Думу совпало с началом соглашения земской буржуазии с самодержавием.

Иностранные корреспонденты в один голос отмечают м и р н ы й характер этого съезда земцев по сравнению

с предыдущим. За бойкот Думы высказывался только один, по другим сведениям — два оратора. Большинство стояло за участие (мы уже в № 12 «Пролетария», еще до выхода закона о Думе, говорили, что мнение правого крыла земцев по этому вопросу уже определилось). Большинство находило, что неучастие в выборах было бы «признаком робости», — взгляд, вполне разделяемый, как мы знаем, Парвусом и новой «Искрой». В соглашении с полицией проявилась, наоборот, смелость наших земцев...

Съезд принял резолюцию, в которой вместо осуждения Думы говорится лишь (не знаем уже, робко или смело?), что «Дума не представляет из себя народного представительства в точном смысле слова». Русские граждане приглашаются объединиться на ранее принятых земскими съездами программах и бороться на почве Думы. О борьбе вне Думы и помимо Думы в резолюции ни слова, это значит—«ни на минуту не отказываться от прежних приемов борьбы», по словам «независимого» от полиции освобожденца...

Умеряя свой прежний неуместный «революционный» пыл, земцы налегли на «положительную» работу по поводу Думы. Они выработали подробно политическую программу (полного текста ее у нас еще нет); они старались прикрыть свое отступление от демократии повторением основных пунктов умеренного конституционализма; они подробно разрабатывали вопрос об избирательной кампании, об организации местных и центрального избирательных комитетов, о составлении списков кандидатов и прочее.

Неужели еще неясно после того, куда гнет помещичий и купеческий либерализм земцев и освобожденцев?

Начать выкидывать одно за другим боевые требования демократии, все то, что обеспечивает права революционного народа, что развивает и расширяет борьбу за свободу (не говорить в резолюции о борьбе помимо Думы и т. д.)! Начать закреплять все те требования демократии, которые обеспечивают власть одной только буржуазии (местечки в Думе прежде всего)! Поменьше агитации в народе, побольше деловитости в Думе!

Как метко сказал «либерал», вчерашний поклонник самодержавия, Вильям Стэд (см. его письмо в «Times», 26/IX), что мир внешний потребовал мира внутреннего, мира между царем и либеральной буржуазией, провозглашенного законом 6-го августа! Земцы доказывают своим поведением, что они идут на мир, хотя, конечно, далеко не сразу и далеко не во всем заключат мир. «Г. Михаил Стахович, друг и сотрудник Шипова,— писал корреспондент «Temps» 27/XI,—рассчитывает на создание партии центра, стоящей за самодержавие и за совещательную Думу; он утверждает, что многие члены крайних партий (!! какое бесчестье по адресу освобожденцев!—Ред. «Прол.») готовы примкнуть к этой партии». Утверждение г. Стаховича подтверждается не только словами многих легальных газет, но еще более делами господ земцев. Г. М. Стахович присутствовал на съезде,—сообщает корреспондент «Times» 26/IX.—«Он твердо верит в победу умеренных элементов; и в самом деле, почти полное отсутствие обычных горячих нападений (fiery denunciations) на правительство, за исключением случайных (!!) ссылок на кавказские ужасы, как будто бы подтверждает (rather confirms) его предсказания» (forecast). «Настроение съезда,—телеграфирует тот же корреспондент консервативной английской газеты,—представляет поразительный контраст с настроением, господствовавшим на июльском съезде, когда большое число делегатов стояло за бойкот Думы».

Неужели «Искра» и теперь не откажется от своего ошибочного мнения, будто стоявшие за бойкот хотели пассивного отстранения, а стоящие за участие Стаховичи хотят серьезной борьбы? Неужели она будет с Парвусом даже теперь стоять за соглашение с освобожденцами и за поддержку их после того, как они начали, очевидно, соглашаться с господами Дурново?

P. S. Справедливость требует сказать, что о несогласии русских новоискровцев с новой «Искрой» приходят все новые и новые данные. Мы только-что получили листок С.-Петерб. группы (меньшевистской) «Гос. Дума или учр. собрание». На-ряду с критикой Думы мы встречаем здесь лозунг: «Долой Думу!». Представители рабочих приглашаются говорить либералам, «что они не должны признавать Г. Думы», «что они обязаны отказаться от своего права (неясно отпечатано в листке) выбора в Думу», что они должны помочь рабочим «вооружаться для борьбы с черной сотней и Г. Думой». Таким образом, петербургские меньшевики приняли лозунг активного бойкота. Как и в знаменитом случае с «планом земской кампании», «Искра» расходится со своими русскими сторонниками. В одном лишь отношении петербургские меньшевики приближаются к «Искре»: они приглашают рабочих выбирать тотчас же «представителей по фабрикам, мастерским, цехам, как выбирали в комиссию Шидловского»... «Пусть наши представители, собравшись вместе, так же ведут борьбу с Гос. Думой, как наши выборные в ком. Шидловского боролись с этой хитрой ловушкой самодержавия». Этот лозунг очень похож на искровский лозунг «революционного самоуправления», хотя товарищи Спб. группы не употребляют, конечно, этого неуместно громкого слова. Мы не сомневаемся, что петербургские рабочие поймут неправильность этого лозунга и неверность параллели с комиссией Шидловского. Тогда рабочие бойкотировали комиссию, теперь Дума бойкотирует рабочих.

Революционное самоуправление при сохранении власти за царем может быть лишь одним из кусочков революции (решение Смоленской гор. думы и т. п.). Делать из него главный лозунг революционного пролетариата—значит вносить путаницу и играть на-руку освобожденцам. Развивая, расширяя, укрепляя и распространяя организацию революционных сил пролетариата и крестьянства, мы не должны смешивать эту организацию войны, организацию восстания с самоуправлением. И по назначению своему, и по способу возникновения, и по характеру организация вооруженного восстания, организация революционной армии совсем не похожа на организацию револ. самоуправления. Чем усерднее стараются либеральные буржуа, освобожденцы, урезать, притупить, обкарнать последовательные революционно-демократические лозунги, тем отчетливее и прямее должны мы их ставить: созыв всенародного учредительного собрания временным революционным правительством, организация вооруженного восстания и революционной армии для свержения царской власти.

(Н. Ленин).

Литература жандармов.

Революционная борьба, разлившаяся по всей России, заставила министерство внутренних дел усиленно заняться «литературным» творчеством. Некий ротмистр Добряков, заведующий «Судною частью штаба отдельного корпуса жандармов», взял на себя труд свести воедино все эти произведения жандармского пера и издал их в свет «совершенно секретно» с лаконической надписью: «Не подлежит оглашению». Нам доставлены два томика этих небезынтересных трудов жандармской литературы.

Первый томик, в 195 страниц, носит название: «Краткий систематический свод действующих циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губ. жанд. управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний» (С.-Петерб., типография штаба отд. корп. жанд.). Второй томик, в 104 страницы, озаглавлен так: «Формы протоколов и постановлений, общепринятые чинами отдел. корпуса жанд. при производстве дознаний по гос. преступлениям» (печатано в той же типографии). Хотя деятельность «отдельного корпуса жандармов» всем и каждому очень хорошо известна, но мы думаем, что читателю будет полезно узнать о некоторых «циркулярных» «совершенно секретных», «не подлежащих оглашению» распоряжениях этого корпуса.

Три обстоятельства резко бросаются в глаза при чтении этих документов: 1) постоянная жалоба центрального петербургского правительства на плохую организацию провинциальной полиции вообще и дела сыска в частности; 2) постоянная тревога центрального правительства по поводу крестьянских и особенно рабочих волнений и революционных выступлений; 3) постоянный розыск нелегальной литературы.

По поводу слабой организации полиции в провинции пространно выясняются ошибки, промахи и «долг службы» этих бульдогов русского царя. «Полицейские органы,—сообщается в одном из циркуляров,—за редкими исключениями, относятся к делу розыска лишь формально, исключительно, так-сказать, с бумажной стороны, ограничиваясь перепечаткой циркуляров Деп. Полиции, без преподания чинам полиции каких-либо полезных указаний, могущих служить подспорьем и руководством в этом трудном и важном деле. Во многих полицейских управлениях алфавиты разыскиваемых лиц ведутся крайне небрежно или даже не ведутся вовсе, а в иных розыскные дела сдаются даже в архив, несмотря на то, что упоминаемые в них лица до сего времени еще не задержаны. Независимо от сего, укрывающееся лицо разыскивается обыкновенно только на свою настоящую фамилию, при чем совершенно упускается из виду, что такие лица могут проживать с документами, им не принадлежащими, а на делаемые в циркулярах указания на клички, приметы, родственные связи, товарищеские и любовные отношения и на рассылаемые фотографические карточки не обращается вовсе внимания. Подтверждением изложенного могут служить случаи, когда нелегальные лица, подлежащие аресту и привлечению к дознанию о гос. преступлениях, с ведома администрации принимались на службу, и даже по полиции, а в минувшем году одно из таких лиц в течение года проживало под своей настоящей фамилией в одном из больших губернских городов, где занимало довольно видное служебное положение». Излив свою грусть, министерство начинает поучать провинцию, какими путями можно лучше всего изловить «крамольников». Министр останавливает особенное внимание на том, что «в розыскных видах весьма важно не упускать из виду молодых людей обоего пола, прибывающих из-за границы. Весьма нередки такие лица,—пишет министр,—особенно из обучающихся в заграничных учебных заведениях, которые, не принимая непосредственно активного участия в революционном движении, сближаются, однако, весьма охотно с эмигрантами-революционерами и, подпав под их влияние, принимают на себя разные поручения по установлению сношений этих революционеров с их единомышленниками в России и по устройству убежища на случай прибытия их в империю с преступными целями. Наконец, необходимо крайне внимательно следить за лицами, прибывающими в пределы империи, с иностранными паспортами, особенно турецкими и болгарскими; и буде такие лица почему-либо покажутся подозрительными, то указывать на них чинам корпуса жандармов для учреждения за такими сомнительными иностранцами наблюдения».

Что касается «лиц, прибывающих из-за границы», то необходимо тут отметить следующий циркуляр, дающий практические указания всем русским, отправляющимся обратно в Россию.

«Российские консулы в Париже, Вене и Берлине сообщают жандармским офицерам на пограничных пунктах о каждом выезде в Россию подозрительных личностей, которых следует задержать или за которыми должно установить наблюдение. На паспортах этих лиц консулами выставляется двойной номер с целью обращения на них особого внимания». Конечно, необходимо помнить, что вместо двойного номера консулы могут выставить какой-либо другой условный знак, а потому нужно при отъезде в Россию всегда тщательно изучить свой паспорт.

Из двух других циркуляров, дополняющих только-что приведенный, видно, что пограничные жандармы немедленно по телеграфу сообщают в Петербург, в Москву и в другие города о проезде всякого подозрительного лица, и там уже с вокзала это лицо подвергается тщательному выслеживанию местной тайной полиции.

Что касается охраны рабочих от «революционной бациллы», то здесь многочисленные «совершенно секретные» циркуляры и распоряжения весьма разнообразны. Все они долбят одно и то же. Жандармы и полиция везде и всюду должны строжайшим образом наблюдать «за рабочими на фабриках, заводах и разных мастерских (столярных, кузнечных и т. п.), куда могут наниматься злонамеренные лица с целью устной или книжной пропаганды. В предупреждениях сего содержатели упомянутых заведений обязываются общей полицией подписками о том, что они будут следить за появлением лиц, распространяющих между рабочими книги и вообще занимающихся антиправительственной пропагандой в той или другой форме».

Интересно отметить, что в то время, как центральное правительство требует самых решительных мер для пресечения всякой пропаганды среди крестьян и рабочих,

ведущейся ими самими или «пришлыми» людьми, оно очень бережно относится к духовенству и помещикам.

В одном из циркуляров говорится: «Что же касается лиц духовного звания, то общественное положение их и последствия, которые может иметь для них неосновательное привлечение к дознанию, вызывают необходимость в особой осмотрительности». Такую же заботливость министерство проявляет и по отношению к помещикам: «Обыск в усадьбах помещиков,—говорится в одном из циркуляров,—следует производить без огласки и в качестве понятых не приглашать по возможности местных крестьян».

Мы не будем делать подобные же выписки из других циркуляров, скажем только, что сто двенадцать циркуляров, помещенных в «кратком систематическом своде» ротмистра Добрякова, отдают под строжайший надзор полиции всю Россию, все профессии, классы и состояния. Плохи дела того правительства, которое должно свое существование поддерживать штыками. Еще хуже положение того, которое само не находит ни одного класса населения, на который оно могло бы опереться. Именно к этому второму типу принадлежит самодержавное русское правительство, — правительство жандармов, сыска, полиции, доносительства и преследований.

(Вл. Бонч-Бруевич).

Пролетарии ли фармацевты?

(К вопросу о профессиональной борьбе).

Гигантскими шагами приближается Россия к тому моменту, когда народные массы, с революционным пролетариатом во главе, свергнут с себя вековое иго—царское самодержавие. Революционный пролетариат не остановится в своем наступательном движении, он дойдет, на погибель существующему режиму, до первого этапа своего трудного пути—политической свободы, дабы ускоренным темпом двинуться к главной своей цели, к социализму. Его геройская борьба с царизмом будит народные массы, указывая им дорогу в более светлое будущее.

Даже такой сравнительно отсталый элемент, как фармацевты, захвачен общим движением. В разных городах и местечках происходят столкновения между аптекарями и их служащими. Устраиваются стачки, которые носят чисто-экономический характер. Предъявляются требования уменьшения рабочего дня, повышения заработной платы, увеличения количества выходных дней и т. п. Положение этих тружеников в периоде стажа действительно ужасно. Большая часть из них принуждена вследствие недостатка материальных средств остановиться в самом начале дороги, ведущей к образованию, к свету, подавить в себе жажду знаний и начать пристраиваться.

Добытый путем недоеданий и недосыпаний диплом аптекарского ученика открывает новые виды, новые перспективы... мытарств и лишений. Записавшись с большим трудом в какую-нибудь аптеку, фармацевт первые 6—10 месяцев никакой платы за свой труд не получает (бывают случаи, когда приходится доплачивать 50—100 руб.); на втором году практики плата колеблется между 5 и 10 руб., а на третьем году—между 10 и 20 рублями. Продолжительность рабочего дня обыкновенно 15—16 час. при одном выходе в две недели (особенно в провинциях), а иногда в неделю. Прибавляя ко всему вышесказанному, что приходится работать в затхлой аптечной атмосфере, вдыхать в себя всевозможные вредные испарения, можно себе легко объяснить громадную смертность в молодом возрасте и ужасающее количество болезней сердца и др., которые наблюдаются в фармацевтической среде.

Врачебные отделения самым наглым образом лишают этих тружеников почти всех средств самозащиты, обязывая их первые 6 месяцев практики пробыть в одной и той же аптеке, при чем для каждого ведется кондуитный список, в который аптекарь может внести при малейшем недовольстве своим служащим (ведь, никакого контроля не существует) всевозможные замечания, что лишает всякой возможности достать работу в другом месте. Чаша терпения, очевидно, переполнилась, и в разных местах России фармацевты заволновались. Целый ряд стачек в Петербурге, Москве, Екатеринославе, Киеве, Бердичеве и др. городах доказывает, что так дальше работать (ведь, нельзя это назвать жизнью) им стало невмочь. Все эти стачки были чисто-экономического характера. Они закончились целым рядом побед. На-ряду с этим движением стали возникать группы, руководящие фармацевтами в их борьбе с эксплоататорами-аптекарями и полагающие, что фармацевты суть пролетарии, и что в них необходимо пробудить классовое самосознание для того, чтобы они не замедлили вступить в ряды борцов за социалистический строй. Сообразно с этим мнением они и строят свою тактику. Во взгляде на фармацевтов, как на пролетариев, заключается, по моему мнению, коренная ошибка, от которой мы должны отделаться как можно скорее, если только искренно желаем, чтобы фармацевтическое движение все больше и больше разрасталось и шло по верному пути.

Кого принято понимать под термином «пролетарий»? Наемных рабочих,—говорит К. Каутский в Эрф. прогр., не имеющих ничего, кроме своей рабочей силы, продажей которой они живут... и осужденных вечно оставаться пролетариями. Можно ли применить это понятие к фармацевтам? Отнюдь нет. Они не только не осуждены вечно продавать свою рабочую силу для поддержания своего существования, но, наоборот, каждый из них при известной ловкости и сноровке может надеяться стать хозяином, покупателем рабочей силы других. Ведь, эти три года ученической практики суть только ступени, перескочить которые стремится каждый из них для того, чтобы в свою очередь удобно усесться на спинах своих бывших коллег. Фармация у нас, в России, находится еще в стадии мелкого производства, и этим объясняется, что каждый рабочий в этой отрасли может надеяться стать обладателем средств производства. Фармацевты находятся в том же положении, в каком находились подмастерья докапиталистического времени, и скорее всего соответствуют этому понятию: они и называются после 3-летней практики помощниками (подмастерья принадлежали к семье мастера (хозяина) и каждый из них рассчитывал в будущем сделаться мастером). Фармацевты-подмастерья заинтересованы не только в сохранении частной собственности на средства производства, но и в том, чтобы их отрасль сохранилась воз-

можно дольше в настоящем своем положении, ибо этим они, хотя бы временно, спасаются от неизбежной пролетаризации—результата крупного капиталистического производства. Пролетариат же заинтересован в уничтожении частной собственности на средства производства, так как ничего, кроме эксплоатации, она ему не обещает. Фармацевт-подмастерье подвергается эксплоатации хозяина только временно, пролетарий—всю свою жизнь. Фармацевт-подмастерье надеется по получении провизорского диплома устроить маленькую аптечку, принять 2-х—3-х подмастерьев и предаться отдыху. Может ли иметь что-либо подобное пролетарий? Никогда. Спрашивается: есть ли надежды на то, что фармацевты, сознав свои интересы, начнут борьбу за социализм? Ни в коем случае. Покуда фармация находится в стадии мелкого производства, покуда фармацевты имеют хоть малейшую возможность стать хозяевами, они будут относиться отрицательно к социал-демократическому идеалу пролетариата. Из всего вышесказанного не нужно делать вывода, что мы должны отказаться от работы среди них. Вовсе нет. Мы должны вести среди них агитацию и пропаганду наших социал-демократических взглядов, надеясь, что если не вся корпорация, то десятки и больше личностей станут на нашу точку зрения. Нужно принять во внимание, что члены этой профессии—люди более или менее интеллигентные, что намного облегчает нашу работу. Мы, несомненно, заинтересованы в том, чтобы у них было побольше свободного времени, так как это облегчает к ним доступ, и поэтому должны поддерживать и даже организовывать среди них стачки для улучшения их существования. Мы должны также стараться придать этому движению, чисто-экономическому до сих пор, характер политический. Для наиболее успешного достижения этих целей я считал бы возможным и необходимым объединение всех существующих уже соц.-демократических групп фармацевтов в один союз.

Фармацевт.

Открытое письмо к заграничным товарищам от социал-демократической группы работников смежных окраин Казанской, Симбирской и Нижегородской губ.

Мы, социал-демократы, работающие в деревне среди крестьянства, собравшись на совещание, выяснили следующее:

Россия переживает сильный революционный момент, движение разрастается все больше и больше. Нужно быть наготове, нужно энергично работать, дружно и настойчиво вызывая движение всюду, где только оно возможно, но почему-либо еще не проявилось. С этой точки зрения следует обратить внимание и на известные слои деревни, особенно там, где крестьянство сильно пролетаризируется. Мы начали работать среди крестьян, наиболее готовых к протесту против современного государственного режима. Мы пользуемся их движением для достижения ближайших требований социал-демократии, и крестьяне довольно легко усваивают многие из них, особенно же требование учредительного собрания. Но... сил в деревне мало, условия работы крайне тяжелы... В городах тоже ощущается недостаток в работниках, так что оттуда нам трудно ждать помощи: везде и всюду нужны силы, ибо везде и всюду созревает почва для революционного движения. И мы, одинокие, оторванные часто от города даже в смысле получения литературы, разбросанные волею судеб по деревням, где принуждены зарабатывать свой жалкий кусок хлеба, выбиваемся из сил, тратим свои последние гроши, рискуем то-и-дело попасться, потому что разделения труда в работе по недостатку товарищей почти нет совсем; печатаем прокламации на гектографах где-нибудь в лесу по ночам, мало знаем о партийной жизни, в которой наши товарищи, стоящие у кормила правления, заняты расколом, и тщетно просим поддержки; ее не дают, так как, повторяем, в городах тоже нехватает сил, хотя многие оттуда с удовольствием отправились бы в деревню, но их некому заменить. А в это время уезжает за границу масса людей, могущих пригодиться делу революции. Мы подразумеваем здесь молодежь, наших товарищей студентов, курсисток, лиц, только-что кончивших среднюю школу, и др., которые еще на школьной скамье вместе читали тайком «Искру» и «Зарю» и вместе начали работать, впервые назвав себя социал-демократами. Они теперь бегут за границу под разными предлогами. Товарищи! Если не угасла в вас совесть революционера, то зачем же вы бежите!?. Бежите одни для того, чтобы «у ч и т ь с я», другие для того, чтобы «о т д о х н у т ь», третьи для того, чтобы «р а з о б р а т ь с я в р а с к о л е». «У ч и т ь с я» вы можете дома, в России, на свежих могилах, которые научат вас негодованию и самоотвержению. Марксизм вы и без того уже знаете в общих чертах, для пропаганды же есть в России дискуссионные группы; идите туда, учитесь там, если не можете заниматься самостоятельно; учась же в дискуссиях, вы можете в то же время руководить начальными кружками и практически помогать партии. А там, когда взойдет настоящая «Заря», когда из «Искры» возгорится всеочищающее пламя, когда громкий голос «Пролетария» покроет все остальные голоса, и каждый «Социал-демократ» свободно сможет сказать в парламенте: «Ну, товарищи, часть пути пройдена! Пойдемте же дальше, «Вперед»!..—тогда вы можете ехать и за границу пополнять свое образование, но вы не хотите понять этого, вы бросили поле битвы, и мы, надрываясь в работе, с ужасом замечаем, что потребность в молодых, свежих силах все растет, а силы эти бегут «учиться» подальше от льющейся крови пролетариата, бегут под ласковое южное небо!.. и, убегая, говорят: «Мы—социал-демократы!..», или вообще: «Мы—революционеры!». Но если это так, то оставайтесь в партии с нами...

«О т д о х н у т ь»... но до отдыха ли сейчас!? Может ли честный солдат во время боя мечтать об отдыхе!? Что за привилегия, и не означает ли она просто то, что отдыхать за границей, даже еще не успев устать как следует, может только тот, кто имеет лишнюю сотню в кармане, предоставляя остальным оставаться и «отдыхать» на баррикадах или же под копытами казацких лошадей под бой барабанов?.. Мы все устали, мы недоедаем и недосыпаем, мы завалены работой до того, что работа местами останавливается и не двигается дальше, многие из нас имеют семьи, многие больны, и все-таки, если бы ваши сотни очутились в наших карманах, то мы не соблазнились бы южным небом и не поехали бы к вам «учиться», «отдыхать» и «разбираться в расколе», нет! Аудитория для русского революционера не в Женеве, не в Цюрихе, а в России.

«Разобраться в расколе»... Но здесь, в деревне, а сплошь да рядом и в городе, большевик и меньшевик идут рука-об-руку: жизнь заставляет забывать о расколе. Условия работы среди крестьянства, даже такого, которое сильно диференцируется, прямо-таки не позволяют углублять этого раскола. Но дело не в этом: в больших центрах раскол этот как-никак, а все-таки достигает больших размеров... Суть же дела в том, что разбираться в этом расколе приходится в конечном счете на месте, т.-е. в тех условиях, в которых ты принужден работать. От этих условий и зависит окончательное решение вопроса. Бебеля и др. не признали компетентными в расколе именно потому, что они не знают России и тех условий, в которых работает российский социал-демократ, но, ведь, уехавшие за границу тоже приближаются к таковым, тем более, что теперь в России эти условия меняются с поразительной быстротой, а разобраться в расколе, не зная их, очень трудно, особенно, если человек не обладает значительной теоретической подготовкой. Итак, где же необходимость ехать за границу даже в том случае, если вы—горячие поклонники раскола?

Еще одно последнее сказанье... Бегство инстинктивное, без определенных причин и объяснений, бегство «слабых душ»... Ну, об этих мы не будем говорить. Это—совсем зеленая молодежь, зарвавшиеся «гимназисты» и «гимназистки», которые боятся умереть в России «по слабости здоровья». Им широкая дорога будет впереди, когда мы своею кровью добьемся свободы. Они вернутся тогда и будут кричать: «Ура!.. Россия добилась новой жизни! Мы победили!». Но мы оставляем за собой право спросить их тогда: «А где и что вы делали, где были, когда расстреливали наших друзей?»...

Товарищи! Мы не говорим про лиц, посланных за границу партией или действительно окончательно скомпрометированных и полезных везде и всюду (мы вознегодуем, например, если т. Плеханов или т. Ленин поедут в Россию без крайней нужды). Но другие работники будут полезны партии, хотя и не займут в ней больших мест, а останутся простыми рядовыми. Но это ли удерживает их за границей?.. Тогда новая струя работников направилась бы и в деревню. Довольно же, товарищи, играть роль, какую вы играете. Пора к нам, пора в Россию, на поле битвы! Нам нужны люди с честным сердцем и ясным умом,—люди, понимающие, что лучше сейчас хоть мизерную роль играть в России в качестве революционера, чем за границей «учиться», «отдыхать» и просто, как бабочка, лететь на огонек, чтобы посмотреть на свое «усталое» (неизвестно, от какой непосильной работы...) лицо в чистых голубых водах Женевского озера. Если вы не чувствуете нашей боли и непосильного труда, то как мы можем уважать вас и называть товарищами?.. Но... верится, что найдутся честные товарищи, что поймут они нас и вернутся к нам. Мы заранее их приветствуем.

С.-д. группа «Курмыш—Ядрин Василь Сурск».

К этому письму присоединяется также Симбирская группа Российск. С.-Д. Р. П., присовокупив следующее: «С точкой зрения авторов воззвания на большинство и меньшинство мы не совсем согласны: такой взгляд, надо думать, зависит от оторванности товарищей от центров движения. Мы можем утверждать, что вопрос о большинстве и меньшинстве тем более обострен, чем сильнее развито пролетарское движение». (Получено через Казанский комитет партии).

От Ред. Печатаем это заявление «товарищей из захолустья», чтобы дать выражение на страницах ЦО их настроению и взгляду на партийную работу. Не разделяя слишком резкого мнения авторов о бесполезности заграничного «ученья», мы думаем, однако, что напоминать почаще заграница и всей партии о русских захолустьях необходимо.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Витебск. Под влиянием одного из видных освобожденцев наши либералы зашевелились и начали готовиться к предвыборной кампании. На нескольких уже состоявшихся собраниях, хотя и не очень многочисленных, все же обрисовалась физиономия нашего либерализма, мало отличающегося по существу от всероссийского, не идущего дальше слов, но по форме и комбинации элементов разнящегося значительно от либеральных течений в земских губерниях. Наши либералы только теперь поняли, как много ими прожито и как мало пережито. Полное отсутствие политической жизни, широких общественных интересов среди нашего «общества» дает себя сильно знать инициаторам предвыборной кампании. Перед ними крайне трудная задача: доказать Митрофанушкам необходимость политической географии, доказать Простаковым значение конституционных начал. При отсутствии земства, где более или менее обрисовываются контуры партии, либерализм здесь не имеет подготовленной почвы; национальный вопрос (среди землевладельцев преобладают поляки) создал только оппозиционное отношение к правительству по одному только этому вопросу, в остальном большинство ищет защиты у него же от экономических зол. Каковы наши аграрии в эпоху «весны», показали собрания сельскохозяйств. общества, на которых принцип всеобщего избирательного права признан был вредным, а освобождение от гнета и полная равноправность требовались только для одной национальности—для польской.

Наши либералы поняли всю трудность стоящей перед ними задачи и прибегли к старому, испытанному либерализмом средству плыть в тумане фраз. На первом, так-сказать, учредительном собрании поставлен был вопрос об отношении к выборам. Докладчик, сделав обзор либеральной литературы, отношения земской среды и бюро Союза Союзов, выяснив позицию «Искры», призывал к участию в выборах только для того, чтобы в самой Думе сорвать ее. Представитель нашей группы, нарисовав картину будущей Гос. Думы, указав на ее состав, призывал к бойкоту Думы во всем ходе выборов, начиная с первой инстанции, а в случае неудачи «сорвать» Думу всенародным вооруженным восстанием.

После этой речи дебаты оживились, один более откровенный голос приглашал в Думу, чтобы «преподнести трону новый адрес», которому не могут не внять; другой указал, что «нам, либералам, нечем бороться; если мы скажем: «Мы бойкотируем», то это только пустое место. Другое дело—улица, это—сила, и потому мы должны итти в Думу». Под-конец было решено принимать участие в предвыборной кампании, оставив вопрос о бойкоте открытым. Этим решением началось сиденье между двумя стульями.

Еврейская буржуазия последовала примеру христиан и начала отдельно готовиться к выборам. На первое собрание, созванное по инициативе двух лиц, собрался цвет местных толстосумов. В виде аксиомы им преподнесли положение, что еврейство впервые получает полное равенство хотя бы только при выборах, которыми евреи должны дорожить и как прецедент закрепить. Представитель нашей группы указал на органическую связь «еврейского вопроса» с всероссийским и всемирным вопросом — свержением самодержавия и борьбой за социализм; выяснив физиономию Государств. Думы и цели, преследуемые созванием Думы, он призывал к бойкоту выборов, приглашая итти вслед за пролетариатом

по революционному пути. Подошедшие потом бундовцы высказали те же положения, напомнили еврейской буржуазии, что она всегда шла в хвосте пролетариата и теперь пойдет. Революция неизбежна, а потому нечего скрываться за ширмами Госуд. Думы. Собрание не закончилось в виду конфликта между нами (революционерами) и председателем, не пожелавшим продолжать дискуссию о бойкоте, несмотря на то, что большинство собрания, к которому примкнуло несколько человек и из приглашенных избирателей, требовало продолжения прений. Значение этих дискуссий велико даже в глазах самой буржуазии. Слышались голоса: «Мы мало понимаем, у нас нет должных знаний и политического опыта, — неужели нам жалко для этого потратить лишних два часа?». Лидеры еврейской буржуазии начали устраивать «конспиративные» от нас собрания, на одном из которых постановили большинством 15 против 10 не допускать на эти собрания представителей местных организаций Р.С.-Д.Р.П. и Бунда.

На следующем собрании землевладельцев, более многочисленном, нашим либералам пришлось стать ближе к делу, столкнуться с вопросом о способах и средствах для агитации. Но для последней необходима, как базис, программа, а этого именно не хотелось нашим политическим деятелям, хотя неопытным, но все же понимающим, что ясная программа может одних привлечь, других еще больше оттолкнуть. И во имя этой погони за избирателем, который, якобы, будет баллотировать, не вная, за что и за кого, меньшинство предлагало не вырабатывать программы, а предлагать выбирать людей «широких взглядов, твердых убеждений и честного направления». Какая простота! Большинство с этим предложением не примирилось и выработало приблизительно след. программу: «Признавая, что Госуд. Дума ни в коем случае не удовлетворяет нашим требованиям, мы, тем не менее, считаем необходимым войти в Думу для борьбы за широкую конституцию». И этой туманной фразой наши наивные политики думают пленить сердца избирателей, бегущих от слова «конституция», как чорт от ладана! Не сомневаемся только в одном, что наши либералы, как выяснилось во время дебатов, примирятся на «конституции» Госуд. Думы, оторговав, быть-может, еще какую-нибудь малость для себя. Свое отношение к демократической республике они выразили присоединением к союзу земских конституционалистов.

Нелишне отметить некоторые подробности. Большинство расшаркивалось перед соц.-дем., указывало на необходимость считаться с их тактикой, которая с большим или меньшим успехом будет проводиться. Как всегда и всюду, и наши либералы скорбят душой по могущим быть жертвам: ведь, они совершенно лишни, пользы не приносят и т. д.,—не высказывая при этом громко своей боязни перед вооруженным народом. Один предлагает уговорить социал-демократов не препятствовать правильному ходу выборов. Правда, таких наивных людей мало. Большинство говорит о росте сил соц.-дем., о ее влиянии и принципиальной выдержанности.

Следуя по стопам земцев, наши либералы пожелали вести агитацию и среди крестьян в духе «демократической» программы. Хочется им привлечь на свою сторону крестьян, а для этого необходима ясная аграрная программа самого радикального характера, по заявлению одного помещика, стоящего в близких отношениях к крестьянам. Вопрос остается неразрешенным, агитация среди крестьян отнесена в область благих пожеланий, а пока, по предложению одного члена собрания, агитация предоставлена революционным организациям, умеющим лучше подходить к народу.

Псков. (Из частного письма). Еще до издания закона о Госуд. Думе крестьяне очень интересовались вопросом о созыве народных представителей. Они говорили, что представители добьются нового надела земли. Крестьяне прибавляли: «Не дадут земли, так сами возьмем. Сначала примемся за земского начальника, потом за урядников». В Островском и Холмском у. — хронический неурожай: запасов хватает только до рождества. В Холмском у. произошло следующее: весной 1905 г. для посева была выдана земством ссуда зерном, эта ссуда сильно запоздала. Наконец, посеяли хлеб, но большей его части не дали дозреть; так как крестьянам нечего было есть, то они сжали и съели большую часть посеянного еще зеленого хлеба. Остальная незначительная часть дозрела; ее сжали, смолотили, посеяли снова; то же, что от этого посева осталось для прокормления крестьянам, было в столь малом количестве, что даже лучшие хозяева говорили, что этого хватит только до Покрова. В этом году зимой там (Холмский у.) ожидается голод. Правда, есть лесные промыслы, но крестьяне, работая там зимой (на собственных лошаденках свозят лес к реке), зарабатывают гроши. В 1905 г. была эпизоотия сибирской язвы. Погибло 1.500 голов. Некоторые крестьяне остались и без коров, и без лошадей. Холмский у. — настоящий медвежий угол; пути сообщения отчаянные, ж. дор. далеко. Мужики знают только исправника да земского начальника. Среди крестьян организуют черную сотню; поводом послужило следующее: ко времени появления сибирской язвы псковское губ. земство пригласило студентов-ветеринаров (из Юрьева и Варшавы), всего 6 чел.; ветеринары же принялись в свободное время просвещать крестьян в политическом смысле. Холмские городские купцы и полиция, конечно, остались этим недовольны, тем более, что стали посылаться корреспонденции в петербургские либеральные газеты и появились прокламации (в этом обвиняли студентов-ветеринаров). Крестьяне очень заволновались: понравились обещанная прокламациями и самими агитаторами прибавка земли и избавление от земских начальников. Увещания крестьян благонамеренными лицами оставались большею частью без успеха. Тогда купцы гор. Холма стали организовывать черную сотню, все говорили, что студентов надо бить; это же говорил и помощник холмского исправника. Только своевременный отъезд студентов предотвратил их избиение.

В Холмском же у. велась агитация сельским старостой и волостным старшиной против одного из студентов: этот, мол, доктор народ морит. Многие крестьяне слушались агитаторов и переставали лечиться (там была эпидемия). Земская управа выписала листки с речью Трубецкого царю и ответом царя и рассылала крестьянам. Волостной старшина велел убрать листки со стен волостного правления. Крестьяне возмущались, почему они платят за надельную землю вдвое против помещика, почему земский нач. смеет их самовольно арестовывать, почему введен налог на спички. Холмское земство в один из предыдущих годов обокрали: расхищено земских сумм официально на 80.000 р., на самом же деле не менее 100.000 руб. Председатель прежней земской управы предан суду. Истинным виновником кражи считают бывшего у. холмского предводителя дворянства кн. Шаховского (он гуляет на свободе).

Островский уезд несколько более цивилизован. Чувствуется влияние петербургских событий. Крестьяне стремятся вырваться из деревни в Петербург. Главное средство к существованию — возделывание льна. Этой весной был неурожай; управа выдала пособие, но управу надули поставщики, и лен оказался плохим, «коротким». Крестьяне говорят: «За такой лен не будем платить управе. Давайте нам сюда председателя управы!». Председатель удрал. В Острове было движение приказчиков, требовавших 9-час. рабочего дня. Но солидарности не было, так как экономическое положение приказчиков слишком разно. Отпраздновали 1-е мая, но практических результатов не добились. В Острове разбрасывались прокламации с призывом к восстанию и конфискации помещичьих и церковных земель. Прислан специальный сыщик, который, якобы, служит в конторе на станции ж. д. Земский начальник Беклешев согнал крестьян в гор. Остров для получения ссуды на семена, выдача замедлилась, крестьяне зашумели; Беклешев спрятался и вышел только тогда, когда вывели батальон с ружьями (столкновения не было). В этом «запасном батальоне» социал-демократы распространяли прокламации; когда батальон послали куда-то для усмирения беспорядков, то солдаты криками выражали свое революционное настроение.

Из секретных документов. В приложении к агитационному органу С.-Д.Ц.П. и Л. «Z pola Walki» (№ 11) мы находим интересный секретный документ, добытый Варш. комитетом военно-рев. организации. Отметим двенадцатый пункт секретной инструкции, который, с одной стороны, рисует зверские инстинкты шайки бандитов, именующейся царским правительством, с другой — обнаруживает неуверенность ее в своей последней поддержке—штыках; этот пункт предостерегает, чтобы ни под каким видом не допускать

стрельбы холостыми зарядами или в воздух. Приводим текст документа:

«Копия. Секретно по войскам Варшавского военного округа. № 2. 20 мая 1905 года (ст. ст.). Движение в Привислянском крае первоначально было вызвано стачками рабочих и имело местный характер, вспыхивая в городах и пунктах большого развития фабричной промышленности. В эти-то места были вызываемы войска в целях недопущения или подавления беспорядков. В последнее время беспорядки усилились и угрожают дальнейшим развитием, а в некоторых местах принимают такой характер, что могут охватить значительное пространство. На случай дальнейшего развития беспорядков командующий войсками распорядился уже теперь предпринять меры в целях охраны края: 1) В каждую губернию для ее непосредственной охраны назначить определенное количество войска. Назначенные для сей цели отряды перечислены в прилагаемом перечне... *) 4) Из войск, не предназначенных для губерний, образовать общий резерв, который в случае надобности сосредоточен будет в той или иной местности края и будет служить для образования отрядов в целях усиления войск разных участков. 8) В случае вызова войск гражданскими властями начальники охраны и губернии обязаны немедленно оказать помощь в одной из двух форм: а) выслать войска в местность, где вспыхнули беспорядки, б) выслать летучие отряды в участок, охваченный беспорядками. Первый из этих двух родов помощи применяется в случае вспышки местных беспорядков в определенном пункте. Второй,—когда беспорядки расширяются на целую местность... Подпись: Начальник штаба ген.-лейт. Гершельман. 1905 г. № 2».

«К приказу по войскам Варш. воен. округа инструкция по организации летучих охранных отрядов в губерниях Привислянского края.—В случае возникновения в Привислянском крае беспорядков в форме ли крестьянского движения, или иной, охватывающих целую губернию или значительный округ, невозможно будет ограничиться вызовом войск к определенным пунктам; равно невозможно будет охранять каждое учреждение, каждую фабрику или имение, так как нехватило бы войск, и произошло бы нежелательное раздробление последних на мелкие отряды. В таких случаях придется прибегнуть к летучей охране в форме периодических разъездов отрядов по данному участку. При исполнении вышеизложенного следует руководиться нижеследующими соображениями: 1) В зависимости от существующей дислокации войск каждая губерния должна быть разделена на участки. 2) В каждом участке должны быть сорганизованы разъездные летучие отряды согласно заранее составленным маршрутам. 3) В состав летучих отрядов должны входить по возможности пехота и конница; в виду сего в центральные пункты, где не имеется конницы, должны быть направлены кавалерийские части. 4) Наименьший количественный состав летучего отряда — 2 роты (по 24 шеренги) и полусотня или эскадрон; в отдельных случаях величина отряда должна зависеть от размеров беспорядков и степени отдаления их от места нахождения штабной квартиры. 10) На летучие отряды возлагается обязанность: а) не допускать образования скопищ; б) по требованию гражданских властей разгонять; в) по требованию гражд. властей задерживать бунтовщиков. 11) Летучий отряд, получив указание, что необходимо прибегнуть к употреблению оружия, распоряжается самостоятельно и прекращает свою деятельность лишь по приказанию своего непосредственного начальства. Перед употреблением оружия войска должны предупредить толпу троекратным сигналом рожка или барабана (п. 17 приб. II к Уст. гарн. сл.). Без указания со стороны гражданских властей войско может прибегнуть к употреблению оружия без всякой ответственности за последствия, если со стороны толпы замечается какое-либо проявление враждебных действий против войск, а именно: выстрел, бросание камней и палок, угрозы каким-либо оружием, равно, если окажется нужным спасти быстрым применением оружия жизнь или имущество лиц, подвергшихся насилию со стороны бунтовщиков. Приступая в таких случаях к употреблению оружия, войско может не давать сигналов рожком или барабаном (п. 18 приб. II к Уст. гарниз. сл.). 12) При всякой необходимости прибегнуть к оружию как со стороны отрядов, так и со стороны отдельных солдат ни под каким видом не допускать стрельбы холостыми зарядами или в воздух. 13) Если же при приближении войска к толпе со стороны последней не замечается никаких враждебных действий, направленных против войска (выстрелы, угрозы, кидание камней и т. д.), тогда, не прибегая к оружию, войско быстро окружает толпу, сплачивая ее; при этом толпа предупреждается, что в случае какого бы то ни было проявления насильственных действий она будет избита; засим задержанные препровождаются к месту, указанному гражданскими властями. 14) Вообще войско, прибывшее к месту происшествия, ни в каком случае не должно оставаться зрителем; оно должно занять соответствующее своему авторитету положение, являясь силой, коей все безусловно должно подчиняться. Подпись: Начальник штаба ген.-лейт. Гершельман».

В войсках (по русским и заграничным известиям). В ночь на 24 августа в Севастополе были расстреляны четыре матроса с «Прута». За несколько дней до казни без всякого повода было арестовано до 200 матросов: начальство страшно боялось, чтобы казнь «прутовцев» не вызвала возмущения среди товарищей. О некоторых подробностях казни рассказывает корреспондент «Искры».

Как ни тяжел, как ни ужасен факт, но теперь незыблемо установлено, что матросов расстреливали сами матросы. Начальству, очевидно, хотелось насладиться этой картиной à la Каин. Оно сделало все, что могло, чтобы брат убил брата, чтобы матросы непременно расстреляли своих же братьев-матросов. Для этого оно взяло взвод (около 30) молодых (учеников) матросов. Им ничего не сказали, куда и зачем их ведут. Взяли их ночью, привели в поле (расстрел происходил за Константиновской батареей, в части города, носящей название «Северная») и там окружили батальоном солдат Брестского полка. Начальство обратилось к матросам с речью приблизительно такого рода: «Вы должны будете сейчас расстрелять бунтовщиков. Если вы этого не сделаете, то позади вас стоят солдаты, которые по нашему приказу перестреляют всех вас моментально. Бунтовщикам же вы этим ничуть не поможете, потому что мы их расстреляем все равно, а своим неповиновением сделаете то, что вас всех расстреляют вместе с ними. Стреляйте хорошо, потому что уже если им помирать суждено, то пусть уже они умрут сразу, чем будут мучиться»... Когда подумаешь о всей этой мрачной картине: ночь, зажженные факелы, кругом солдаты (их было несколько тысяч) и кучка молодых матросов, которой начальство говорит эти слова, то, право, не срывается с уст против них строгое осуждение... Говорят, что офицер не мог от волнения произнести слова команды... Была масса залпов, в один труп попало 16 пуль. Зато один из казненных после всех залпов еще кричал. Его добили солдаты...

Матросы умерли героями. Даже поп, присутствовавший при казни, с удивлением рассказывал, что он никогда не видал людей, умиравших, как матросы. Они «шли на казнь, как на танцы... веселые, бодрые, жизнерадостные» (слова попа)... Один из матросов, Петров, перед смертью сказал, обращаясь к одному из начальствующих: «Вы этой казнью ничего не сделаете: на место нас станут тысячи!»... Вообще Петров был сильная и выдающаяся личность. На суде он держался великолепно. Он произнес речь, в которой заявил, что хотя он в партию не входил, но был уже несколько лет социал-демократом, что он не просит помилования, что он считает, что его может судить только народный суд, если он совершил преступление; что то, что он сделал, он считает хорошим, и если его оправдают, он будет делать опять то же, что и делал. Ему только жаль, что он сделал слишком мало.

На другой день после казни все арестованные до казни матросы вместе с заключенными раньше товарищами были переведены под усиленным конвоем пехоты на «Днестр» и другие суда. С этих судов благоразумно было снято все оружие, а от пушек отвинчены замки. Был поставлен сильный караул пехоты, 4 крамольные судна двинулись ночью (25-го) из Севастополя к Одессе под прикрытием целой флотилии броненосцев, миноносцев и крейсеров, в пол-

*) Перечень, т.-е. распределение войск по губ. и уездам, как не представляющий особого интереса, нами не приводится; равным образом пропускаем менее интересные пункты самого приказа.—Р е д.

ной боевой готовности, с заряженными пушками, с вооруженными с ног до головы солдатами и кучкой вооруженных «верных» матросов. Дальнейшие перипетии сего славного плавания «черноморского флота» неизвестны...

Увы, никакие репрессии уж не в силах задержать все увеличивающегося брожения во флоте и армии. Вот неотмеченные еще нами факты из этой области.

Во Владикавказе расположен Апшеронский полк. Постоянное распространение прокламаций, отчасти устная агитация и в особенности целый ряд отправок по области для усмирения рабочего и сельского движения весьма благоприятно отразились на уровне сознательности массы солдат и способствовали появлению среди солдат боевого антиправительственного настроения. Так, солдаты заявляли рабочим на ст. Минеральные Воды, что стрелять они не будут, и что если казаки откроют пальбу в рабочих, то они откроют пальбу в казаков. Затем сначала одна рота, а через некоторое время другая рота демонстративно отказались от поданного им ужина и с криком «ура!», разбив чашки, удалились в палатки. Во время учения солдаты без команды начинают кричать «ура!», нагоняя панику на офицеров. Было несколько случаев избиения последних. Командир полка телеграфировал в Петербург о беспорядках, происходящих в полку. Солдаты выработали ряд требований, касающихся их служебного быта, и обратились к с.-д. с просьбой отпечатать, что и сделано.

В Митаве брожение среди войск заметно усиливается. Казаков и солдат то-и-дело перемещают из одного пункта в другой. Они заявляют, что охотнее пойдут на войну, нежели будут нести полицейскую службу. Из опасности заражения их больше не держат на фабриках и заводах, а сгруппировывают при полицейских участках, откуда и вызывают в случае надобности.

Об очень высоком уровне самосознания свидетельствует воззвание к офицерам, подписанное «солдатами Донского пехотного полка», квартирующего в Мариамполе, Сувалкской губернии. В воззвании излагаются требования солдат, разделенные на две части. К первой относится требование свержения самодержавия и замены его демократической республикой. Это требование солдаты Донского полка выражают готовность поддерживать путем перехода на сторону восставшего народа и употребления своего оружия против «врагов народных». Во второй части излагаются профессиональные, так-сказать, требования, исполнение которых зависит от офицеров. В случае неисполнения этих требований солдаты предупреждают офицеров, что они вынуждены будут прибегнуть к тем мерам воздействия, какие только имеются в их распоряжении.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. После весенних провалов наша организация испытывала страшный недостаток сил. Кружковая (агитационная и пропагандистская) работа почти совершенно прекратилась. Товарищи старались только поддерживать организационные связи. Только рабочие Семяниковского (Невского судостроительного) завода рассказывали, как они сами изучали Эрфуртскую программу и по ней вели агитацию в еще не затронутых социал-демократическим учением кружках. Кружков можно во всякое время создать сколько-угодно, организационные традиции крепки, люди есть, степень их сознательности и революционности велика. В настоящий момент мы уже создали кое-что, но остается сделать еще очень много, и только тогда можно будет сказать, что наша работа пришла в нормальное положение.

Во главе Невского района стоит районный комитет; в него входят отв. организатор района, организаторы подрайонов, отв. агитатор района, отв. его пропагандист и секретарь. Район делится на пять подрайонов: Семяниковский, Александровский, Обуховской, Фабричный и Колпинский. Семяниковский подрайон объединяет деятельность одного только Невского судостроительного завода (рабочих около 10.000 чел.) с его 18-ю мастерскими. Во главе его стоит подрайонный комитет, состоящий из организатора подрайона, трех организаторов следующей ячейки (7 так-наз. заводских комитетов) и кассира. Весь завод разделен на три большие части; каждая такая часть объединена так-называемым заводским комитетом. В состав первого заводского комитета входят: организатор его, семь организаторов подзаводских и мастерских комитетов (по числу входящих в него мастерских) и кассир. Во втором заводском такая же структура, третий же заводский комитет объединяет только три самых больших мастерских. При развитии связей будут поставлены всюду подзаводские (мастерские) комитеты; кандидаты в них отчасти уже намечены.

По такому же принципу строится организация во всех остальных подрайонах: Обуховском (который теперь соединен с Александровским сталелитейным) и Александровском, состоящем из Александровского завода (две части: вагоностроительный и чугунолитейный), завода Атласа, фарфорового и стеклянного. Фабричный подрайон состоит из более мелких производств (сравнительно с перечисленными: Обуховской—около 10.000 раб., Александровский—6.000—7.000 чел.), как заводы: Максвеля, Паля, Наумана и др.

Агитаторские и пропагандистские коллегии также уже налажены. Постановка этой работы основана также на принципе разделения труда. Агитация делится на агитацию общего типа и агитацию злободневную (актуальную). Каждый образующийся кружок выслушивает ряд речей, охватывающих главнейшие моменты нашей партийной программы в популярной форме. Получив таким образом первое знакомство с соц.-дем. учением, кружок переходит в пропагандистский, где ведется пропаганда по выработанной комитетом программе. Актуальная агитация по поводу тех или иных политических выступлений обслуживает все кружки без различия их деления на агитационные и пропагандистские. Такая постановка дела дает возможность, с одной стороны, подготовить рабочих к наиболее сознательному усвоению программы, а с другой — использовать агитаторские силы молодых товарищей, так как разработка тем так-наз. агитации общего типа, а также и актуальная ведется в коллегиях агитаторов под руководством ответств. агитатора района, входящего в коллегию отв. агитаторов города и там получающего директивы от комитета через отв. агитатора города, входящего в Пет. комитет. Наличность этих коллегий дает возможность образовывать новые кружки параллельно с притоком партийных сил. Помимо всего этого, наши центральные кружки ведут занятия по отдельным наиболее сложным партийным вопросам под руководством наиболее опытных товарищей. Из них также образованы кружки по подготовке рабочих-агитаторов из наиболее сознательных товарищей рабочих, входящих в нашу партию.

На этой неделе мы устроили четыре митинга у заводов. Два раза на Семяниковском (оба раза присутствовало около 5.000 человек), два—на Обуховском (первый раз около тысячи, второй—около 1.500—2.000 чел.). На Семяниковском первый раз товарищ говорил о Гос. Думе, по окончании речи из толпы вышел неорганизованный старик-рабочий и от души поблагодарил нашего оратора. Второй митинг прошел также блестяще; говорили на тему о Гос. Думе и о черной сотне. Прокатная мастерская передала в нашу организацию благодарность оратору. На Обуховском было организовано два митинга о Гос. Думе. Все речи оканчивались криками: «Долой самодержавие, да здравствует вооруженное восстание!».

Митинги организуются открыто: старосты на Семяниковском вывешивают приглашения на них по мастерским. Черная сотня с котельной мастерской этого завода выработала верноподданнический адрес и одновременно с ним послала в градоначальство донос о наших митингах с предложением своих черносотенских услуг. Узнав об этом, вся остальная колоссальная масса рабочих завода остановила работу, двинулась в поход на котельную мастерскую и вышвырнула черную сотню за ворота, потребовав у администрации их исключения с завода. Исполнив это, рабочие спокойно принялись за продолжение оставленной работы. Говорят, что черная сотня рассчитана администрацией. Это происшествие весьма и весьма характерно; им прекрасно иллюстрируется отношение рабочего класса к современному моменту; могучий лев приготовляется к исполинскому прыжку; он уже расправляет свои члены и грозным рычанием заставляет трепетать своих угнетателей.

Кроме того, у нас состоялись две массовки. Одна кон-

ференция с меньшевиками по вопросу об объединении (участвовали рабочие Александровского завода, наши и меньшевики), другая исключительно наша, в составе наиболее сознательных рабочих нашей организации с Обуховского и Семяниковского заводов.

Сущность дела сводится к тому, что меньшевики, отчаявшись в возможности проведения в жизнь своих быстро текущих тактических, если можно так выразиться, взглядов, решили повлиять на успешность переговоров между ЦК и ОК и, начертав на своем полинявшем знамени лозунг: право решающего голоса для периферии и обязанность массового опроса в случаях массовых выступлений,—решили организовать сверху «революцию снизу». Их конкретное предложение таково: слить наши организации: районные комитеты и подрайонные в отдельных районах независимо от других районов, в подрайонах независимо от того, согласны ли превратиться в кашу остальные подрайонные данного района, и устраивать в таких организациях дискуссию по всякого рода тактическим и практическим вопросам, при чем в случаях расхождения меньшинство не подчиняется большинству и действует отдельно. На конференции мы заявили, что, не отвергая в принципе желательности объединения, мы никоим образом не можем согласиться на анархические действия, и доказывали, что в случае успеха дезорганизаторских стремлений меньшев. получится не объединение пролетариата, а разделение пролетариата на тысячу новых групп и группок. Говорили о наших тактических разногласиях, говорили о том, что мы, имея определенную организацию и определенный взгляд на современный революционный момент, были бы изменниками делу пролетариата, если бы отказались от них и согласились на предложение меньшевиков. Только те, говорили мы, у кого за душой ничего нет, могут с легким сердцем рвать пролетариат на куски так, как это всегда делали меньшевики (характерно, что меньшевики не хотят и боятся говорить о тактических разногласиях).

На конференции было 10 меньшевиков и 6 большевиков (вернее, 10 чел. по приглашению меньшевиков, так как наши организаторы случайно не попали на конференцию, ихние, по их словам, тоже). Была принята наша резолюция всеми голосами против двух (из них один организатор-интеллигент-меньшевик).

Объединение желательно, но объединение непременно партийное, а никоим образом не анархическое, как этого хотели меньшевики; желательно устройство бюро осведомления (информационное) для согласования действий в случаях одинаковости тактических планов; желательно устройство дискуссий по вопросам тактики. За нас голосовали, таким образом, и рабочие-меньшевики. В результате товарищ рабочий задал вопрос организатору-меньшевику: «Почему большевики постоянно держат свои карты открытыми, тогда как меньшевики не хотят их открыть?» Этот вопрос вызван тем, что на наш вопрос организатору-меньшевику: считает ли он себя связанным с своим центром?— получился ответ «да», а на следующий вопрос: как же он в таком случае устраивает революцию снизу против своего же центра? — не ответил ничего. Так гибнут маленькие дети... На-днях состоится еще одна конференция.

Петербург. В течение последних двух недель (10—28 авг.) центром деятельности Городского района было приведение организации в порядок, установление подрайонов и рабочих комитетов, выяснение более целесообразного плана организации. В настоящее время организованы 3 подрайона; намечены лица для четвертого; на собраниях подрайона намечены лица для ряда фабричных комитетов. В тех фабриках, мастерских и заводах, где связи слишком незначительны, устраиваются смешанные комитеты от нескольких фабрик. Исходя из того, что вообще в Городском районе преобладает средний по величине тип фабрик и заводов, что связи на каждом из них незначительны, что каждая организационная ячейка должна состоять из функций, а не лиц, и что, наконец, желательна однородность этих функций в одинаковых коллективах, районный комитет принял для организации фабричных комитетов следующий тип: 1) в фабричных комитетах четыре члена; 2) функции распределяются следующим образом: а) кассир; его обязанность — сбор денег,—известный % с членов партии, а с остальных добровольный взнос, — устройство денежных предприятий; б) организатор пропаганды (организует пропагандистские кружки, приискивает квартиры, следит за однородностью уровня в кружках); в) организатор агитации (лицо, по возможности обладающее даром слова) организует массовки, ведет первоначальную агитацию и т. д.; г) библиотекарь (заведует библиотекой и складом нелегальной литературы, организует распространение литературы, посылает корреспонденции, имеет связь с районной техникой).

Подрайонный комитет составляется из наиболее активных лиц данного подрайона; туда входят по одному, максимум по 2 человека из фабричных комитетов и один, два подрайонных организатора, по возможности и ответственный организатор. Члены подрайона тоже несут каждый одну из вышеуказанных функций (исключая подрайонного организатора). Кроме того, районный комитет признал необходимым параллельное соединение фабричных комитетов по функциям. Решено установить пока по одной коллегии для каждой функции. Таким образом образуется коллегия кассиров, коллегия библиотекарей, — обе под руководством секретаря районного комитета; коллегия организаторов пропаганды при участии ответственного пропагандиста; наконец, коллегия организаторов агитации при участии ответственного агитатора.

За это время Городским районом были организованы две конференции из районных работников. Первая по некоторым причинам была крайне неполной, было 18—20 чел. Выслушан доклад агента ЦК относительно деятельности ЦК, доклад организатора о положении дел в Петербургском комитете и доклад подрайонного организатора. Основным вопросом обсуждения был вопрос о причинах оторванности массы от с.-д. организации, о мерах против этого, о желательных формах организации. Был затронут вопрос о Гос. Думе. Вторая конференция была в составе более 30 человек. Вопросы дня: доклад о деятельности ЦК, других районов Петербургского комитета и Городского района, о положении дел в подрайонных и фабричных комитетах, вообще на фабриках и заводах. Центральный вопрос — о формах организации. Был принят план организации, предложенный организатором. Поставлен вопрос о желательных формах объединения между большевиками и меньшевиками и вообще об отношении между той и другой частью. Вопрос не выяснен окончательно за недостатком времени.

Была назначена одна массовка, но в виду провала места была распущена (около 80 чел.). Были стачки в порту и на Галерном острове. Требования: уничтожение % сбора в кассу, раздача наградных от казны и проч. Стачки продолжались один день. Требования рабочих удовлетворены.

Организатор Городского района.

Колпино. После усиленной агитации за время стачки и митинга 9-го июля власти всполошились. Несколько рабочих уволено под разными предлогами, появилось больше шпионов и нечто в роде черной сотни. Главари ее Ф. Кривоногов и Александр, по прозванию Вятский, открыто нападают с ножами и металлическими палками на мирных жителей, нескольких серьезно ранили, одного (Михаила Никитина) убили, и, несмотря на жалобы, протоколы и судебные следствия, эти хулиганы продолжают оставаться на свободе и терроризируют население. Они говорят (да и некоторые свидетели слышали), что полиция одобряет и поощряет их похождения. Дело в том, что они объясняют полиции, будто нападают на крамольников, разбрасывающих прокламации, поющих революционные песни и т. д. «Так их и надо, маленьких колышком, а больших (крамольников) просто режьте», — так передают слова полиции. Рабочие поговаривают о необходимости расправиться с ними, так как через властей не добьешься их усмирения. Хулиганы каждый день подходят к домам и кричат: «Выходите, стреляйте в нас! Если вы нас убьете, то вам достанется, а если мы вас, так ничего не будет!».

Тифлис. Язык слишком беден, чтобы описать кровавое событие 29-го августа. Скажу только, что по наглости замысла и по технике выполнения оно не имело еще себе равного во всей России, да я думаю, и в Турции. Вот фактическая сторона дела. 29-го августа должно было состояться заседание думы, где, между прочим, собирались обсуждать вопрос об армяно-татарской резне в Баку и Шуше. Меньшевики решили обратить это собрание в народный митинг,

и в назначенный день в 8½ час. вечера рабочие в числе 3.000 чел. явились в здание городской думы. Хотя двери оказались запертыми, и сторожа сообщили, что заседание отложено, толпа не поверила этому и, выломав двери, заняла думский зал и открыла свое собрание. Между тем, здание окружили казаки. В зал был послан пристав с предложением разойтись, но он был вытолкан за дверь. Затем явились казаки, которых так приперли к стене, что они ничего сделать не могли. Некоторые из участников собрания начали уже расходиться, как вдруг началась пальба. Выстроившись на трех прилегающих к зданию думы улицах, казаки стреляли через двор и окна в находившихся в зале; раненые валились, как снопы. Обезумевшая толпа бросилась к выходам, но все было заперто. В это время казаки, находившиеся в зале, потушили электричество и принялись также стрелять и рубить шашками. Некоторые из них взобрались даже на крыши соседних домов и оттуда палили прямо в окна думы. Если кому из толпы удавалось вылезеть в окно и повиснуть на решетке или на желобе, казаки пулями сбивали его вниз. Теряя убитых и раненых, сваливая с ног и растаптывая живых, толпа напрасно металась от одного выхода к другому. Некоторые стали прыгать с третьего этажа во двор, но там их или принимали на штыки, или добивали пулями те же казаки. Наконец, часть толпы, проломав капитальную стену в соседнее помещение городского ломбарда, думала там найти себе спасение, но напрасно: казаки с улицы поднялись уже по лестнице и, ворвавшись в ломбард, расстреляли и искрошили поголовно всех там находившихся. Если кому каким-либо чудом удавалось выбежать на улицу, то казаки открывали огонь по бегущим; скрывшихся в домах раненых вытаскивали из-под кроватей и диванов на улицу и там избивали или расстреливали, приставляя ружья к самой груди. В продолжение получаса шла непрерывная стрельба пачками, затем около 1½ часа стрельба с промежутками. Казаки остановились только тогда, когда израсходовали все патроны. Весь думский зал был залит кровью, в помещении же ломбарда трупы валялись один на другом, и ноги в буквальном смысле погружались чуть не по колена в кровяное море. Эриванская площадь перед думой, а также все прилегающие к ней улицы в продолжение нескольких часов после побоища были покрыты трупами и ранеными. По приблизительному подсчету, число убитых и умерших от ран уже более 40 челов.; более 100 раненых размещены по больницам и тюрьмам, помимо того, многие нашли себе убежище в частных домах и, следовательно, официальному учету не подлежат. По сообщению больничных врачей, не менее 40 раненых умрут еще, так как редко, кто ранен одной пулей, по большей же части—четырьмя или пятью. Я сама видела в больнице 33 труппа, избитые, истерзанные, буквально просверленные пулями. Вот, напр., наша пропагандистка—курсистка Мелик Шахназарова с раскроенным (как видно, прикладом ружья) черепом, лицо все в синяках, убита 6-ю пулями: 5 в грудь и одна в лоб; вот зубной врач Койранская, у которой совершенно снесен череп и выпал мозг; вот рабочий, у которого вместо головы сплошная красная масса... Не менее вопиющим свидетелем кровавой бойни является само здание думы. Глядя на разбитые пулями стекла, усеянные отверстиями внутренние и наружные стены, продырявленные выстрелами железные решетки и перила, приходишь в ужас при мысли, что должны были сделать эти пули, встречая на пути живое тело. На лестницах засохли потоки крови, на стенах брызги и кровяные разводы: тут красные следы пальцев, там — извилистое изображение, очевидно, покрытых кровью волос...

Большинство раненых и убитых—лучшие рабочие-меньшевики; как-будто полиция знала это и собиралась одним ударом покончить со всей организацией. Сообщение генерал-губернатора о том, будто из толпы были сделаны выстрелы,—ложь, так как даже по полицейским данным у всех находившихся в Думе нашли лишь 3 револьвера. Впрочем, возможно, что выстрел был сделан провокатором, чтобы дать генерал-губернатору повод расстрелять толпу.

30-го августа Союзным Комитетом была выпущена коротенькая прокламация с призывом готовиться к вооруженному восстанию (см. «Пролетарий» № 18). 31-го Комитетом меньшинства выпущен листок с назначением на 1-е сентября всеобщей забастовки в знак траура по убитым. Прокламация подействовала магически. В назначенный день не работал ни один завод, не открылось ни одной лавки, ни одной булочной, даже ни одного ресторана. Коночного движения за целый день также не было. В клубе и «кружке» в этот вечер была отменена музыка.

Казань. Отвечаем на приглашение редакции «Пролетария» о доставлении ей сведений, касающихся постановки агитации и пропаганды в войсках. Конечно, наша молодая организация не успела сделать сколько-нибудь серьезных успехов в этой области, но все, что она в силах была делать, она делала. И если работа оказалась не особенно плодотворной, то виновато в этом: 1) слабость организации работниками, лишающая ее возможности уделить достаточно сил для этого, 2) полное отсутствие специально солдатской агитационной литературы и 3) особые условия дисциплины, мешающие создать какую-нибудь организацию. Надеемся, что товарищи, более опытные, поспешат поделиться с нами знаниями в этой отрасли работы. Переходим к ответам на данные вами вопросы. Количество войск в нашем городе с подразделением по роду оружия: 4 батальона пехоты действительной службы—1840—2080. Временно запасные 7-й и 8-й батальоны пехоты—2.960 чел. Команда артиллерийского склада — 300 — 400. Местная и конвойная команда—390—410. Команда служащих военного госпиталя и команда интендантского склада и управления 600—700. Итого всех 5.090—5.550 человек.

Состав по губерниям: в батальонах пехоты действительной службы большинство нижних чинов, уроженцы губерний: Виленской, Минской, Витебской, Сувалкской, Полтавской, Вятской, Пермской, Саратовской. Запасные 7 и 8 батальонов — Казанской, Пермской, Вятской и Симбирской. В местной и конвойной командах: Ярославской, Казанской и др. Артиллерийская команда: Воронежской, Полтавской, Тамбовской. Интендантские служащие и писаря управления — Курляндской, Лифляндской, Минской и др.

Работа ведется только в пехотных батальонах и в артиллерийской команде, как таких частях войск, которые могут быть выдвинуты для подавления восставших рабочих и своим переходом на их сторону гарантировать успех восстания. Ведется работа кустарническим способом, потому что организационная работа невозможна при отсутствии среди солдат людей с инициативой и при условиях военной дисциплины, лишающей возможности постороннего человека встать в близкие отношения с солдатами. До сих пор работа среди солдат велась от имени «военной группы при Каз. Ком. Р.С.-Д.Р.П.», состоявшей из организатора и нескольких наиболее активных и сознательных солдат. Кружковую работу настроить очень трудно, потому что у солдат нет определенного времени, в которое они могли бы собираться. Караулы, дневальства, дежурства, посты и проч. служебные обязанности солдат разрушают все наши организационные планы. Работа велась летом исключительно путем массовок, летучек и распространения литературы. Собирались в количестве 20, 30, 40, 50 и 60 человек. Подходили к солдатам с объяснением их повседневных нужд и бесправного положения народа. В основу агитации ставили требование «уничтожения постоянной армии с заменой ее вооружением народа», но пока, до достижения этого, выставляли экономические и политические требования. Большую роль в агитации сыграла война. Указывалось также и всегда подчеркивалось особенно ненормальное явление: солдат—сын народа, является в то же время угнетателем народа. Связи с солдатами завязывались через организованных рабочих. Занятия с солдатами велись зимой в квартирах, летом же в лесу. 10-го июля по провокации унтер-офицера А. Коноплева арестовано 12 солдат, обвиненных в участии в организации. Были выпущены листки к запасным (2.200) после мобилизации, последствием чего были (рекомендованные в листках) массовые самовольные отлучки в деревню. Было 2 случая массового возмущения из-за плохой пищи (два батальона отказались принимать пищу). Один из запасных батальонов ждал только приказа о выступлении на Дальний Восток, чтобы отказаться итти. Было еще несколько случаев проявления частичных недовольств. По отношению к войне и восстанию выдвигались следующие лозунги: отказ итти на войну

и требование ее прекращения, отказ от усмирения рабочих и крестьян и присоединение к восставшему народу. Настроение солдат довольно хорошее. На случай восстания можно надеяться, что если солдаты и не присоединятся к рабочим, то большая часть их откажется стрелять и вообще применять какое-либо насилие. Для более успешного ведения дела среди солдат необходимо большое количество литературы агитационной, выпущенной специально для солдат. Здесь же на месте мы не имеем возможности издавать брошюры. Из листков к солдатам, выпущенных нами (с января 1905 г.), отметим: 1) Ко всем солдатам Казанского гарнизона (20 янв.—1.000), 2) К запасным (1.500), 3) Солдатская памятка (1.500), 4) Правда о войне (2.200), 5) Экон. требов. солдат (май, 3.000), 6) Общие требования солдат (май, 3.000). Кроме того, распространялись листки о мобилизации и др., присылавшиеся от центра в количестве 400—600—1.000 экземпляров.

Рига. Мы, организованные рабочие г. Риги, члены Р.С.-Д.Р.П., собравшись в числе 42 чел. и выслушав речи товарищей о мире и последней мобилизации, а также о внутренней политике самодержавия, пришли к убеждению: 1) что заключение мира с Японией вызвано, главным образом, страхом царского правительства перед неудержимо разрастающимся революционным рабочим движением и тайной надеждой успокоить прекращением войны наименее сознательную часть рабочего класса; 2) что произведенная одновременно с заключением мира мобилизация, оторвавшая от мирного труда и семей рабочее и крестьянское население 77 уездов нескольких городов, направлена исключительно против борющегося за свою свободу народа; 3) что, не надеясь, однако, всецело на это вновь мобилизованное войско, царское правительство спешно организует темные силы хулиганов и черносотенников для избиения противников самодержавного режима, начиная с евреев и армян, как имеет это место на Кавказе и в черте оседлости, и кончая русской интеллигенцией, как это было в Курске, Нижнем-Новгороде и др. городах России.

В виду этого мы выражаем свое презрение царскому правительству и свою полную готовность вооруженной рукой добиться низвержения этого правительства и установления демократической республики.

Курск. Неудовлетворенные февральской забастовкой, рабочие Губернской типографии (40 чел.) ждали случая, чтобы снова предъявить свои требования. Такой случай представился 7-го августа; наборщику Иевлеву фактор типографии заявил расчет. Рабочий обратился за отсутствием управляющего к вице-губернатору, и тот разрешил ему работать до приезда управляющего, который решит: оставить его или нет. Узнав об этом, рабочие стали готовиться к стачке. Были выработаны требования. Привожу главные из них: 1) страхование рабочих на счет типографии, 2) уничтожение дежурств, 3) увеличение заработной платы ученикам, 4) ежегодные 15-дневные отпуска с жалованьем и еще некоторые мелкие требования (8-часовой рабочий день в типографии введен). Когда 20-го августа по приезде управляющего Иевлеву был объявлен окончательный расчет, рабочие забастовали. Забастовка началась дружно, бастовали все—наборщики, печатники, ученики; отказались бастовать с самого начала 3-е газетных наборщиков во главе с рабочим-соц.-революционером Федором Каменевым. Этому обстоятельству не было придано особого значения, и забастовка продолжалась (характерен факт: когда депутаты принесли требования, во главе которых стояло требование принять обратно уволенного товарища, вице-губернатор заметил, что он считает это требование смешным,—бастовать из-за одного товарища! Да, буржуй не может никак понять забастовки из-за солидарности!). Через три дня рабочие, возмущенные тем, что трое товарищей, не сдаваясь ни на какие увещания, продолжали работать, решили силой не пускать их на работу. Тогда Ф. Каменев, бывший и раньше ненадежным, выдал администрации зачинщиков стачки и, кроме того, предложил свои услуги по найму штрейкбрехеров, которые в количестве 15 человек были им набраны среди учеников других типографий и начали работать под охраной полиции. Когда часть малосознательных узнали, что штрейкбрехеры работают, то решили тоже приняться за работу. Все усилия сознательных ни к чему не привели; на стороне желавших работать образовалось большинство; стачка, таким образом, была проиграна. Работа началась еще на худших условиях; уменьшено жалованье, 16 человек уволено. Провокатор Каменев работает и пользуется особой милостью администрации типографии. На третий день стачки был выпущен листок Комитета ко всем типографским рабочим с призывом поддержать забастовку. Выставлялись политические требования и 8-часовой рабочий день. Некоторые типографии: Губернского Земства, Левенсона, Либермана, собирались бастовать. В последней были уже выработаны требования. Возобновление работы в Губернской типографии положило конец приготовлениям к стачке в этих типографиях. О провокаторской деятельности Каменева было сообщено в местный комитет соц.-революционеров.

Воронеж, 30-го июня. Мне пришлось прочесть сообщение в № 90 «Искры». Увы, все происшедшее изложено там с такой массой искажений, что мне, участнику стачки, представляется прямо невозможным замолчать это.

Забастовка была вызвана сознательными рабочими с целью агитации и поддержания требований петербургских рабочих.

Рабочие обеих организаций условились собраться вместе с интеллигентами 5-го февраля вечером, но большая часть рабочих-рабочедельцев уклонилась от совместного собрания и устроила свое отдельно; о нем и говорит воронежский корреспондент «Искры». Собрание искровцев было отложено на утро 6-го февраля. На него обещали притти и рабочедельцы-рабочие. На собрании рабочедельцев интеллигент настаивал на необходимости придать забастовке характер сочувствия петербургским рабочим. «Бросьте работы хоть на 1/4 часа, но только заявите о своей готовности поддержать петербургских рабочих и протестуйте против лжи, будто движение вызвано японцами путем подкупа». Быстро—по одному призыву Комитета — можно вызвать то или иное проявление протеста только в местах, где работа ведется очень хорошо, и масса местных рабочих хорошо воспитана и привыкла к организованным совместным действиям. Было ли это в Воронеже? Нет, те же рабочедельцы заявляют, что громадному большинству воронежских рабочих чуждо даже сознание необходимости элементарно-экономической борьбы. Где же тут поддерживать широко-политические требования петербургских рабочих? Тем более оснований было к тому, чтобы, пользуясь стачкой, повести широко политическую агитацию. Нужны соответствующие листки, ораторы... Заявления рабочих в этом смысле встретили резкий отпор со стороны интеллигентов: «Никаких ораторов не нужно». Непонятно. Стали вырабатывать требования, но и тут, как нам сообщает корреспондент, рабочие идут дальше интеллигента. На другой день на утреннее собрание большая часть рабочедельцев-рабочих не явилась; пришло всего несколько человек; заметна была с их стороны оппозиция. С собой они принесли набросок требований на клочке бумаги. Пришли 3 интеллигента-искровца, принесли с собой напечатанные типографским способом листки, — требования программы-минимум Р.С.-Д.Р.П. Мы указывали, что масса примет их, если мы, раздавая листки, объясним, почему нам необходимо выставить именно эти требования. Наконец, рабочедельцы согласились сообща вырабатывать план действий, решили выставить именно эти требования и двух ораторов. Когда мы стали распространять листки у народного дома, рабочие нарасхват брали их. Совершенный вымысел, будто рабочие пачкали, рвали листки. Пошли в завод Гаусмана. Позже подошли туда и рабочие завода Столь; утром они у себя на заводе выбирали депутатов для переговоров с администрацией; выбрали ярых полицейских прихвостней—Зазикалова и Свистунова. Придя к заводу Гаусмана, Свистунов и Зазикалов стали опрашивать идущих на собрание и не пропустили двух интеллигентов; узнали, что один интеллигент уже в заводе, и бросились выводить его. Но тут один рабочий обратился к собранию с укором, зачем оно позволяет удалять интеллигента. Раздались крики: «Пусть говорят интеллигенты!», «Вон отсюда Зазикалова и Свистунова!». Обиженные Зазикалов и Свистунов оставили собрание, пригрозив привести полицию. Приглашали последовать за ними остальных столевских рабочих, но к ним присоединилось лишь человек 15. Наш оратор указал на то, что мы должны выставить такие же требования, как и петер-

бургские товарищи, рассказал, как царь принял мирных рабочих, как ответили пулями и штыками; объяснил, в чем заключаются требования петербургских рабочих. Впечатление от речи было хорошее; никаких протестов не раздавалось. Оратор предложил собраться вновь на другой день в 6 часов вечера, а теперь разойтись. Рабочие на это согласились. Вдруг прибегает в завод один рабочий и говорит, что Зазикалов и Свистунов привели полицию. Рабочие стали расходиться. Интеллигенты пошли скорым шагом. Тут из толпы, где оказались урядник и шпики, в том числе Зазикалов и Свистунов, крикнули: «Лови социалистов!», и раздалось несколько выстрелов (стреляли урядник и сын жандарма Малышева). После этого были аресты. Ряд других лиц вынужден был скрыться. Движение пошло на убыль, скоро стали на работу.

Виновны ли мы в неудачном исходе стачки, когда мы все свои усилия прилагали к тому, чтобы придать забастовке политический характер? Могли ли мы, сознательные рабочие, не выставить требований программы-минимум, во главе которых стояло требование созыва учредительного собрания? Рабочедельцы указывали, что этих требований массовые рабочие не поддержат. Но могли ли мы выставить требования без этих двух параграфов?

Получилось ли бы у нас сочувствие петербургским рабочим, если бы выставили только экономические требования? Дальше: не должны ли мы массу познакомить с политическими требованиями? Не должны ли мы итти во главе массы, как сознательные участники движения? А нам говорят, что еще рано выставлять политические требования!

Теперь виновными в неудачном исходе стачки оказываются, по «Искре», наши интеллигенты и рабочие. Но не исполнили ли мы своего долга соц.-демократов, тогда как интеллигенты, рабочедельцы не вмешивались в рабочее движение? Не долг ли соц.-дем. разъяснить рабочим, какая из политических партий действительно отстаивает интересы рабочих? Не долг ли соц.-дем. разъяснять рабочим, что только в самостоятельной политической борьбе под руководством соц.-дем. их спасение?

Путь, на котором мы стояли, был верный путь. С уровнем вновь выступавшей массы и с ее психикой необходимо было считаться, но не для того, чтобы изменять своей соц.-дем. тактике, а лишь как с отправным пунктом, от которого эту массу тактично и умело надо было повести возможно дальше по пути к сознательному присоединению к выставленным соц.-демократиею требованиям.

Нам говорят еще, что и рабочедельцы в Воронеже не чуждались «политики», что 16 №№ их листков были политическими листками. Так-то так, но не мешает обратить сугубое внимание рабочедельцев, что «политика», приглашающая рабочих поддерживать требования, выставленные земцами на земских собраниях (№ 16), — очень своеобразная политика.

Рабочий.

Казань. В начале августа бастовали столяры; держались 11 дней; устраивались массовки (5 или 6), на которых было от 60 до 200 столяров; выпущены «требования» и призыв. Подробности о забастовке напечатаны в местной газете «Рабочий», № которого я вам посылаю. (От ред. К сожалению, газета не дошла). Третий № задержался выходом. Слесаря держались 3 дня; к-том были выпущены листки с требованиями, а затем с призывом к забастовке. За время забастовки было 5 массовок. Ни один пункт требований удовлетворен не был. Но результатом забастовки явилось то, что везде, во всех мастерских введен 12-часовой рабочий день с перерывом в 2 часа на обед, так что всего рабочих часов выходит 10. Раньше рабочий день был 14, 15 часов. Кроме того, после этих двух забастовок (слесарей и столяров) во всех мастерских вообще были вывешены от ремесленной управы объявления о том, что рабочий день не должен превышать 12 часов с перерывом в 2 часа. После забастовки слесарей к организации примкнуло 15 человек.

Помимо этого, в Городском районе устраивались довольно часто массовки. Устраивались они за городом, посещало их человек 200—400. Была массовка типографов (60); речь о необходимости борьбы и объединения. Последняя многочисленная массовка 14 авг. (в 250 человек) была устроена в лугах за Казанкой. Полиция выследила место. На ближайшей горе были даже разбиты палатки, устроен наблюдательный пункт, и пристав в бинокль обозревал поле предстоящего сражения. Напасть на массовку прямо они не решались. Когда же публика, переправившись через Казанку, шла в город, с горы были пущены казаки, которые стали избивать нагайками. Было уже 11 час. вечера и темно. Так как такого случая не предвидели, то сопротивления не было оказано. Серьезно никто не пострадал. Благодаря этому случаю число посетителей массовок с этих пор значительно сократилось. Так, 21 авг. была массовка в 70 чел. с речами о войне и мире, о заключении мира и об отношении к этому партии. После речей была дисскусия о вооруженном восстании. Вынесенная резолюция напечатана в № 3 «Рабочего». В последних числах состоялась массовка приказчиков в 80 чел.; было постановлено организоваться и под руководством Р.С.-Д.Р.П. начать борьбу с хозяевами.

Город со слободками разделен на три района: Алафузовский, 1-й городской (городские ремесленники) и 2-й городской. Все три организатора входят в комитет. В 1-й городской район входит ряд районных цеховых подкомитетов (портних, портных, столяров, приказчиков, типографщиков, смешанный). Такие подкомитеты состоят из представителей цеховых подрайонов (пока разбиты на подрайоны столяры—5 подрайонов, и портные—5); таким образом, каждый такой подкомитет состоит из 4—5 лучших рабочих данного цеха. Во главе этих организаций стоит центральная группа организаторов. Пока в этой группе 7 человек под руководством ответственного организатора данного района. В 1-м городском районе в период до 16 авг. было три собрания центральной группы, на которых был выработан план организации и намечались кружки. За период от 16—26 авг. было три собрания центр. группы (разбирался устав партии, определялись права и обязанности члена партии) и пять организаторских собраний в 5 подрайонах (разработали план организации и определили деятельность каждого члена «комитета»). Кружков в этом районе (занятия идут по программе, выработанной съездом пропагандистов при ЦК): высшего типа 2 кружка, низшего (летучка)—2 кр. портных (занимались 2 раза), 1 круж. столяров (занимались 2 раза), 1 круж. типографщ., 1 заводской, 1 приказчиков, 1 заводской смешанный; в 4 последних занятий еще не было (сведения к 26 авг.). Распространены прокламации: Требования столяров—150; К столярам политическая—120; Требования слесарей—60; к ним же призыв—60; Новый обман—700; Одна, а не две палаты—100; Наши требования ЦК—25; Извещение о III съезде—8; Царь-последыш—25.

Городской 2-й район. Сюда входят: 1) завод Крестовниковых (более 3.000 р.), 2) недавно сформированный городской заводской подрайон с его подкомитетом (в нем заводы Миркина, Гольдберг—кожевенные; Рам, Либигт, Сенников—механич. и литейные); 3) слесаря и 4) сапожники. Завод Крестовникова — один из самых крупных в Казани. Но рабочие на нем отсталые. Большая часть еще крепко связана с землей. Летом масса уходит в деревню, и тогда заработная плата на заводе «высокая»,—простому рабочему 9—11 руб. Зимой же плата понижается до 7—8 руб. мужчине, включая сюда 3 р. 75 к. «на квартиру и стол» неживущим в заводских казармах (в них введен тюремный режим). Подробнее напишу в следующий раз. Во время январских стачек рабочие были совершенно терроризированы управляющим конторой Лебедевым, сулившим поголовный расчет с закрытием завода, тюрьму, расстрел и пр., если возникнет стачка. Рабочие так запуганы, что боятся гектографированных («синих») листков. Связи слабы как качеством, так и количеством. Поэтому решено было соединить завод в одном особом районе с вышеперечисленными. Так как после стачки слесаря довольно революционны и до некоторой степени организованы, а также есть кое-что и у остальных, то Комитет думает, что такое соединение облегчит трудное дело организации Крестовниковского завода.

Алафузовский район с 15-го июня до 15-го августа. Начиная с массовки после Вознесения, когда была полиция (которая, впрочем, самой массовки не нашла), настроение изменилось. На следующей массовке присутствовало 30—35 человек, и с того времени массовки из этого числа не выходили (а раньше с 18-го апреля бывало не меньше 90). Организация района состояла из центральной районной группы, куда входили представители от кружков. Кружков

было 4; с одним из них велись уже занятия, а с другим начали. 10—15 апреля было 7 кружков, даже доходило до 9, но потом все пропагандисты разъехались. До забастовки было 8 организованных собраний и 6 массовок, носивших скорее характер летучек из организованных рабочих. Организаторская группа все время заявляла, что на массовки рабочие не идут из опасения быть накрытыми полицией. Других причин найти не удалось. На этих летучках говорилось об экономической и политической борьбе, о положении рабочих у нас и в Западной Европе, о событиях в Ив.-Вознесенске, Лодзи, Одессе, Либаве. Распространены листки: Об учредит. собр. 2.500; О событ. в Иван.-Возн. 900—местные; Крестьяне, к вам наше слово ЦК—75. Брошюры: Дан, Вс. Учр. Собр.—60. Год войны 57. На татарском языке: Учр. Собр. 96. Крестьяне, к вам наше слово—47. Брош.—Год войны—108.

Для подъема настроения Комитет решил устраивать митинги у ворот по окончании работ: оратор произносит речь, распространяются по окончании речи листки. С 15-го июня по 7-е июля было 4 митинга, 3 вполне удалось, на 4-м оратор был схвачен полицией, но освобожден рабочими. 4, 5 и 6-го июля после работ были на лугу (позади завода) открытые собрания в 350—500 человек. Цель этих собраний—узнать о настроении рабочих и, если есть возможность и подходящие условия для забастовки, то подготовить забастовку. Комитет полагал на основании многократных заявлений организованных, что масса жаждет забастовки, чтоб расквитаться за малый успех январской стачки. Собрание это предполагалось еще использовать для расширения связей. Но случай в среду 6-го июля помешал привести в исполнение этот план (арест и отбитие оратора, см. № 2 «Рабочего»).

Забастовка была начата организованными рабочими под руководством организаторов (1 районный и 2 помощника), но нужно заметить, что она явилась несколько рано; только благодаря искусству и стараниям техников-типографщиков удалось без особого опоздания выпустить листки с требованиями (1.200 и 1.500 экз.). С самого начала забастовки часть самой серой массы выступила против забастовки. Она же явилась самым тяжелым элементом во время забастовки, потому что ее трудно было залучить даже на охотно посещавшиеся всеми открытые собрания. Этот элемент (сбруйщики, седельники), собственно говоря,—крестьяне из ближайшего села Караваева, зарабатывающие довольно много и очень темные. Больших собраний, от полуторы до четырех тысяч человек, было 7: четыре вечерних и три утренних, и еще 4 небольших, по 200—600 чел. Подробности во 2 № «Рабочего». Одной из причин неудачи можно считать отсутствие денежной помощи.

Во время забастовки, кроме требований, был распространен листок «Память 9-го янв.». После забастовки «Рабочий» № 1—200 экз. и № 2—140. Прокламация «Новый обман»—650. Стачка была безусловно проиграна. Одно утешительно—признание рабочих: «Вот стоишь на работе, а все вспоминаешь, как говорили ораторы, и стыдно становится, что не выдержали».

При К-те состоит группа пропагандистов (около 20 человек), группа агитаторов (4 человека) и военная группа.

Резолюции съезда (партейтага) Германской Социал-Демократической Рабочей Партии в Иене [1]).

Резолюция о политической массовой стачке.

I. При стремлении господствующих классов и властей не допускать рабочий класс до законного влияния на общественный порядок дел в государстве или лишать его этого влияния, поскольку он уже приобрел таковое через своих представителей в парламентских представительных учреждениях, и сделать таким образом рабочий класс политически и экономически бесправным и бессильным,—

съезд считает необходимым высказаться, что настоятельная обязанность всего рабочего класса состоит в том, чтобы всеми имеющимися в его распоряжении средствами выступать против всякого покушения на его человеческие и гражданские права и всегда вновь требовать полного равноправия.

В особенности же опыт показал, что господствующие партии, вплоть до самого левого крыла буржуазной, являются противниками всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, что они его только терпят, но постараются тотчас же отменить или урезать, как только увидят, что оно составляет опасность для их господства. Отчего и происходит их сопротивление против распространения всеобщ., равн., прямого и тайн. избирательн. права на отдельные государства (Пруссию и др.) и даже урезывание существующих отсталых избирательных законов из страха перед таким еще незначительным влиянием рабочего класса в парламентских представительных учреждениях.

Примерами этого могут служить случаи насильственного лишения избирательного права со стороны властолюбивой и бесконечно трусливой буржуазии и ограниченной мелкой буржуазии в Саксонии и в так-называемых республиках Гамбурга и Любека и урезывание представителями различных буржуазных партий коммунального избирательного права в различных немецких государствах (Баден, Саксония, Саксен-Мейнинген) и городах (Киль, Дрезден, Фюрт, Хемниц и др.).

Принимая же в соображение, что именно всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право является предварительным условием дальнейшего нормального политического развития общества, какое представляет собой и полная свобода союзов для экономического подъема рабочего класса,—

принимая затем во внимание, что рабочий класс благодаря своему постоянно возрастающему числу, своей интеллигентности и своему труду для экономической и социальной жизни всего народа, а также и своими материальными и физическими жертвами, которые ему приходится приносить ради военной обороны страны, составляет главный фактор в современном обществе,—он должен требовать не только сохранения, но также и распространения всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права на все представительные учреждения в смысле социал-демократической программы и обеспечения полной свободы союзов,—

согласно этому съезд заявляет, что именно в случае покушения на всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право или на свободу союзов обязанностью всего рабочего класса является настойчиво применять все подходящие средства для отпора.

Одним из наиболее действительных средств борьбы для предотвращения подобного тактического преступления по отношению к рабочему классу или для завоевания себе важного, основного права для своего освобождения партейтаг в данном случае считает «самое широкое применение массовой забастовки».

Но для того, чтобы это средство борьбы было возможно и более действительно, безусловно необходимо наибольшее расширение политической и профессиональной организации рабочего класса и неустанное обучение и просвещение масс посредством рабочей прессы и устной и письменной агитации. Эта агитация должна разъяснять важность и необходимость политических прав рабочего класса, в особенности же всеобщего,

равного, прямого и тайного избирательного права и полной свободы союзов, с указанием на классовый характер государства и общества и на ежедневные злоупотребления, которые совершают господствующие классы и власти благодаря исключительному обладанию политической властью.

Каждый член партии обязан в том случае, если существует или может быть основана для его профессии профессиональная организация, вступать в таковую и содействовать целям и стремлениям профессиональных союзов. Но каждый сознательный член профессионального союза обязан также присоединяться к политической организации своего класса—к социал-демократии—и содействовать распространению социал-демократической прессы.

II. Съезд поручает правлению партии составить брошюру, в которой были бы обоснованы требования, выставленные в вышеприведенной резолюции. Нужно также организовать массовое распространение этой брошюры во всем немецком рабочем классе...

Резолюция, касающаяся революции в России.

Съезд с радостным удовлетворением приветствует великое, исторически-мировое событие настоящего времени—русскую революцию, как силу, которая свергнет, наконец, обремененный преступлениями, развращенный абсолютизм и вместе с тем не только откроет пути свободного культурного развития томящимся под его гнетом народам, но также избавит и борющиеся за свое освобождение народные массы всех стран от их злейшего врага. И как бы разнообразны ни были исторические, социальные силы, способствовавшие этой цели, партейтаг с гордостью отмечает тот факт, что в настоящее время именно молодой промышленный пролетариат России, руководимый социал-демократией, составляет важнейшую двигательную силу могучей борьбы с абсолютизмом и выдвигает все новые и новые геройские массы, которые, борясь, противопоставляют жандармам и палачам деспотизма свой голод и свою жизнь.

Съезд выражает всем борцам за политическую свободу в России уверение в своей глубочайшей симпатии и удивление, в особенности же тем мужчинам и женщинам, без различия национальности и расы, которые, стоя на почве социал-демократического понимания, работают и борются вместе с пролетариатом и в его рядах, тем, чья упорная, готовая на самопожертвование и чреватая опасностями работа долгие годы подготовляла пробуждение пролетариата и до сих пор добросовестно содействовала его развитию и организации, благодаря чему пролетариат сделался способным выполнить революционную задачу настоящей минуты, будучи убежден, что борьба за низвержение абсолютизма является необходимым этапом в борьбе против капитализма.

Но съезд чувствует себя также обязанным выразить глубокое возмущение варварскими преступлениями, которыми слуги деспотизма пытаются поддержать свое достойное проклятия правительство, а именно ужасным избиением не только деятелей революции, но также бесчисленных невинных жертв, особенно женщин и детей.

Русский деспотизм этой варварской свирепостью осудил себя перед всем культурным миром и оправдывает все направленные против него средства, которые ведут к его уничтожению.

ИЗ ПАРТИИ.

Памяти тов. Гусенко. (В № 18 «Пролетария» наш красноярский товарищ сообщает об убийстве жандармским офицером рабочего Гусенко. Приводим листок, выпущенный по этому поводу в Красноярске.—Ред.).

Граждане! Снова загублена молодая жизнь, снова полный сил и надежд юноша-рабочий пал жертвой великой освободительной борьбы... И над его не остывшем еще трупом царские опричники успели уже создать густую сеть лжи, черный туман инсинуации.., Граждане! Не верьте жандармским россказням, не верьте гнусной клевете, которою опричина хочет очернить сознательных борцов за освобождение страны и отвести от себя грозное, но справедливое обвинение... Знайте, граждане, сознательные рабочие были 18-го августа безоружны. Стреляли черносотенцы, вооруженные жандармскими револьверами, стреляли темные, невежественные люди, науськанные жандармами на братьев.

Виновником смерти Гусенко был жандармский ротмистр. Обессиленный, избитый лежал юноша-рабочий на грязной земле, и град ударов сыпался на его измученную голову. Его били братья, темные, слепые братья... Не тело его топтали они,—они топтали его измученную душу... И когда он извивался под градом ударов слепой толпы, негодяй без совести и чести—жандармский офицер — подбежал со своей сворой, угрожая стрелять. Раздался выстрел, и смертельная рана в бок решила судьбу молодой жизни!

Не стало борца, граждане, но пусть же его чистая могила не будет осквернена злобной клеветой!.. Не верьте, граждане, жандармам, распространяющим клеветнические слухи, что сознательные рабочие стреляли в несознательных братьев. Умирая в больнице, Гусенко, придя в сознание, сказал: «Умираю за свободу от жандармской пули». Это были единственные слова, произнесенные мучеником... Граждане! Все, в ком не убиты еще честные порывы, в ком живет благородный дух протеста против насилий и гнета, пусть взлелеют в сердцах ненависть к режиму кнута и виселицы, пусть готовятся к борьбе с вековым врагом народа—царским самодержавием.

Слава павшему борцу!

Позор убийцам, пролившим невинную кровь!

Август 1905 г.

Красноярский Комитет Р.С.-Д.Р.П.

Минск. После политической забастовки, организованной Комитетом Бунда и нами, и после неудачной бундовской демонстрации на некоторое время (неделю, другую) работа Группы была дезорганизована: кружки рассыпались, массовок устраивать благодаря нещадным гонениям нельзя было. Вскоре работа наладилась вновь, так как от арестов организация совершенно не пострадала. Удачно проведены были стачки: каретников, аптекарских сторожей и др. Работа ведется энергично, связи разрастаются, влияние и авторитет организации крепнут. Особенно хорошо повлияли на массу удачные лозунги, выдвигаемые Группой в нужные моменты. Так, когда Бунд объявил Группе, что предпринимает политическую забастовку с демонстрацией, Группа присоединилась к устройству забастовки, считая ее и своевременной, и осуществимой. Что же касается демонстрации, а затем вторичной забастовки на следующий день, то Группа высказалась против в виду приготовлений администрации; вторичная забастовка казалась Группе неосуществимой в виду того, что полиция, растерявшись в первый день забастовки, на другой день силой и угрозами заставит открыть магазины, и вместо демонстрации сил организованного пролетариата получится демонстрация бессилия и деморализация. Так и вышло: забастовка в первый день, когда принимала участие Группа, удалась блестяще, город как бы замер. Когда же бундовцы стали собираться на Богодельной, казаки стали стрелять и арестовывать; убили, кажется, двоих, арестовали до полутораста. Демонстрация, сталобыть, окончательно не удалась. Когда же Бунд собственными силами пытался устроить на след. день всеобщую забастовку, то не работала только часть евреев-ремесленников; магазины торговали, конка на улицах позванивала, и картины траура не получилось, да и не могло получиться, как и предвидела Группа.

Нельзя еще раз не отметить, что для широкой работы в еврейской массе необходима жаргонная литература. Группа располагает не одной сотней еврейских рабочих, многие из которых русским языком не владеют. Таким образом, по мере того, как Группа проникает в глубь масс еврейского пролетариата, борясь с националистическими влияниями Бунда и многочисленных фракций сионизма, появляются запросы на жаргонную литературу. Насколько велика потребность еврейской массы в жаргонных изданиях, видно из того, что рабочие-евреи Группы по собственной инициативе собирают на нее деньги, независимо от обычных взносов. Безусловно необходимо: 1) заграничное жаргонное издательство и 2) жаргонная техника в России. Сверх жаргонной, необходима польская литература: поляков в Минске имеется порядочно, и распространение польской литературы сильно увеличило бы влияние и авторитет Группы. Кое-что из изданий С.-Д.Ц.П. и Л., в роде нескольких №№ «Gzerwonego standaru», было роздано, но, конечно, это далеко не то, что требуется. Необходим систематический транспорт с.-д. изданий на польском языке.

Теперь кое-что об организационной структуре. Во главе организации стоит «Группа», куда входят литератор, секретарь, ответственный пропагандист и агитатор, заведующий организацией учащихся, ответственный техник, ответств. «финансист», несколько организаторов и местный член С.-З. комитета. Понятно, в зависимости от состояния сил возникает совместительство, так что в «Группе» бывает человек 5—8. Рабочей организацией заведует «центральная сходка», куда входят человек 8—10 рабочих-организаторов и командированный Группой представитель последней. Все общегородские рабочие дела — общие забастовки, демонстрации, собрания и т. д. — обсуждаются и решаются здесь, в центральной сходке. Последняя посылает руководителей - представителей в низшие организационные ячейки - сходки, которых имеется 4. Две из них — цеховые, так как в нашей организации имеется 2 крупных цеха; приказчиков, напр., до 100 человек. В третьей «сходке» сосредоточиваются те цехи, в которых у Группы организованных рабочих мало, так что эта «сходка» нецеховая. Все эти 3 сходки — еврейские. В виду того, что пока христианская рабочая среда вследствие односторонней работы Бунда страшно отстала,— работа среди христианских рабочих, опять-таки пока, несколько иная по методу и ближайшим задачам. Это побудило Группу для ведения организационной работы среди рабочих-христиан создать особый орган — четвертую сходку. Итак, четыре сходки. Каждая состоит из нескольких (5—10) рабочих-организаторов, собирающихся на еженедельные заседания под руководством лиц, назначенных, как сказано, центральной сходкой. Все 4 сходки разветвляются в дальнейшие организационные ячейки, так что определенный круг лиц, определенные связи находятся в постоянном заведывании определенного члена данной из сходок. Разделение организационной работы по «сходкам» нисколько не создает приходской психологии национальности или цеха, так как на общих собраниях, дискуссиях и в кружках встречаются рабочие разных национальностей, цехов и сходок. Таков организационный аппарат Группы. Независимо от него стоит коллегия пропагандистов и агитаторов, обсуждающая программы и методы занятий в кружках под руководством ответственного пропагандиста; она же распределяет между своими членами кружки, организованные организаторами (сходками). Организация учащихся имеет свой центр. свою, так-сказать, сходку, связанную с Группой через руководителя. Лица, работающие по части разноски, гектографирования, транспорта и проч., состоят в ведении ответств. техника. Наконец, финансовая комиссия, собирающая деньги и устраивающая различные «коммерческие» предприятия, работает под руководством ответств. «финансиста».

Заканчиваю корреспонденцию замечанием: в Минск. Гр. имеются и «большевики», и «меньшевики». Уживаются они друг с другом мирно, и этим в значительной степени объясняется успешность работы. Трудно себе представить, какой кавардак получился бы, если бы в Группе произошел раскол; у Группы достаточно внешних врагов.

Член Минской Группы.

Сморгонь. (Из листка). И для нас, сморгонцев, не прошли даром события 9-го января. Мы чутко прислушивались к голосу петербургских товарищей и целым рядом всеобщих забастовок, демонстраций и манифестаций выразили им наше сочувствие, нашу полную солидарность. С тех пор росло и крепло наше сознание. Последующие события в Варшаве, Лодзи, Одессе и др. всегда вызывали у нас протест и открытые выступления. Растущее социал-демократическое сознание товарищей рабочих дало нам возможность образовать самостоятельную Группу Р.С.-Д.Р. Партии. Близок день расплаты, близок час народного суда. Пусть этот день застанет нас сознательными и организованными, чтобы народное восстание закончилось революцией на благо рабочего класса. Да здравствует всенародное восстание!

Сморгонская Группа Р.С.-Д.Р.П.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Городской районной организацией при Петербургском К-те: Ко всем рабочим мастерских Николаевской железной дороги—печ.; Рижским К-м: Мир с Японией и война с народом—печ. 3.000 русск. и 5.000 лат., Казанским К-м: 1. Новый обман (манифест о Гос. Думе), печ. 8.000; 2. К столярам, печ.; Военной Группой при Казанском К-те: Экономические требования солдат, печ.; Окружной Организацией Московского К-та: 1. Резолюция по вопросу об организации деревенских к-тов; 2. К рабочим и работницам Богородско-Глуховской Мануфактуры, печ.; 3. К ореховозуевским рабочим, печ.; Серпуховской группой Окружной Организации при Московском К-те: К рабочим фабрики Хутарева; Подмосковной группой Окружной Организации при Московском К-те: К рабочим цементного завода в Подольске, печ.; Красноярским К-том: 1. Ко всем гражданам, 2.500; 2. Открытое письмо Красноярского К-та исполняющему должность енисейского губернатора, — обе печ.; Береговой районной организацией Саратовского К-та: 1. К рабочим завода Беринга; 2. К грузчикам, 3. К рабочим - мельникам, печат.; 4. Денежный отчет Берегового района Сарат. К-та за июнь; Правлением профессионального рабочего соц.-дем. союза при Саратовском Комитете на заводе Беринга «Сотрудник». Товарищи, как ни сгущались черные тучи, печ.; Виленской Группой. Ко всем виленским кожевникам, 800, печат.; Витебской Группой: 1. К борьбе, товарищи! 2. Открытое письмо витебскому губернатору, мимиогр. Сморгонской Группой: Все выше поднимается революционная волна... Ташкентской Группой: История неумолима... Тифлисского К-та (меньшинства): Ко всем гражданам (к избиению мирных граждан в здании городского самоуправления).

Бежали и прибыли за границу: Иван Теодорович, из Олекминска по делу Моск. Ком. 1902 г. Михаил Вайнштейн и Цецилия Даргольц, из Якутска, по делу транспорта «Искры» 1902 г. — Михаил Булгаков, Давид Ихлов, Иосиф Якерсон, Иосиф Шнапер и Серафим Клитчоглу из Арх. губ.; Михаил Самылин, сосланный на поселение по делу сормовской демонстрации, из Тюмени (второй побег; первый раз был арестован на границе и возвращен в Сибирь).

Поступила в загр. кассу ЦК. От друзей из Москвы 396 фр. 35 с.; от герм. Vorstand'a — 6.153 фр. 80 с., от Sckr. N. E. Soc. Feder.—6 фр. 90 с. (из них половина передана «И.» на основ. дог. ЦК и ОК), с вечеринки в Божи через Б.—26 фр. 70 с.; из Н.-Йорка от Одесск. общ. для одесск. заключ.—100 фр.

Новые издания Центр. Ком. Р.С.-Д.Р.П.: 1) Орловский. О Государственной Думе. Ц. 25 с. 2) Н. Ленин. Задачи русских социал-демократов. 3-е изд. Ц. 40 с.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Абраму, Антону, А, А, А., Репину, Л., николаевским рабочим, Лаврентию, Александрову. Все получено, спасибо. Луке. Письма Василия все еще не получили. Давиду. Письмо Ж. получено. Феклe. № 12 получен. Сат. Адрес 4а не годен, послали новый. Азиату и всем жалующимся на наше молчание. Пришлите новые адреса для писем! Рабочему юга. Получено, спасибо. Фреду. Отчего не написали, куда едете? Асе, Нине, Бурлакову, Ксении. Где же обещанные письма? Игорю. Письма с исправлением адреса нет-как-нет. О, 5, Измаилу. Живы ли? Максу Н. Письмо получили. В письмах нельзя упоминать фамилий, писать адресов и пр. Мы готовы бы помочь вам, но не можем сообщить вам явок, не имея с вами конспиративных способов сношений. Товарищи пробуют разыскать вас, не знаю — удастся ли им это. Спице. Немедля пришлите свой парижский адрес. Дяде Минаю. Корреспонденция получена, будет выслано.

Примечания:

Прим. 1. Перевод с немецкого В. М. Величкиной.

LE PROLETAIRE

Prix: 40 cts

ЖЕНЕВА. 10 октября (27 сент.) 1905 г.

№ 20.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Социализм и крестьянство.

Революция, переживаемая Россией, есть революция общенародная. Интересы всего народа пришли в непримиримое противоречие с интересами кучки лиц, составляющих самодержавное правительство и поддерживающих его. Самое существование современного общества, построенного на основе товарного хозяйства, при громадном различии и противоречии интересов разных классов и групп населения, требует уничтожения самодержавия, политической свободы, открытого и непосредственного выражения интересов господствующих классов в устройстве и управлении государством. Демократический переворот, буржуазный по своей общественно-экономической сущности, не может не выражать нужды всего буржуазного общества.

Но само это общество, ныне кажущееся единым и цельным в борьбе против самодержавия, расколото бесповоротно пропастью между капиталом и трудом. Народ, восставший против самодержавия,—не единый народ. Собственники и наемные рабочие, незначительное число («верхние десять тысяч») богачей и десятки миллионов неимущих и трудящихся—это поистине «две нации», как сказал один дальновидный англичанин еще в первой половине 19-го века. Борьба между пролетариатом и буржуазией стоит на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию. В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна—общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т.-е. за самодержавие народа, другая—классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества.

На социалистов ложится, таким образом, тяжелая и трудная задача—вести одновременно две войны, совершенно разнородных и по характеру, и по целям, и по составу социальных сил, способных к решительному участию в той или другой войне. Эту трудную задачу ясно поставила и твердо решила социал-демократия благодаря тому, что она в основу всей своей программы положила научный социализм, т.-е. марксизм, благодаря тому, что она вошла, как один из отрядов, в армию всемирной социал-демократии, которая проверила, подтвердила, разъяснила и развила детальнее положения марксизма на опыте длинного ряда демократических и социалистических движений самых различных европейских стран.

Революционная социал-демократия издавна показывала и показала буржуазный характер русского демократизма, начиная с либерально-народнического и кончая «освобожденским» формулированием его. Она всегда показывала неизбежную половинчатость, ограниченность, узость буржуазного демократизма. Она поставила перед социалистическим пролетариатом в эпоху демократической революции задачу: привлечь на свою сторону массу крестьянства и, парализуя неустойчивость буржуазии, сломить и раздавить самодержавие. Решительная победа демократической революции возможна лишь в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но чем скорее и полнее осуществится эта победа, тем быстрее и глубже развернутся новые противоречия и новая классовая борьба на поприще вполне демократизированного буржуазного строя. Чем цельнее осуществим мы демократический переворот, тем ближе окажемся мы лицом к лицу с задачами социалистического переворота, тем резче и острее будет борьба пролетариата против самых основ буржуазного общества.

Против всякого уклонения от этой постановки революционно-демократических и социалистических задач пролетариата социал-демократия должна вести неуклонную борьбу. Нелепо игнорировать демократический, т.-е. буржуазный в основе своей, характер теперешней революции, нелепо ставить поэтому такие лозунги, как образование революционных коммун. Нелепо и реакционно принижать задачи участия, и притом руководящего участия, пролетариата в демократической революции, чураясь хотя бы лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Нелепо смешивать задачи и условия демократической и социалистической революции, которые разнородны, повторяем, и по характеру, и по составу участвующих в них социальных сил.

Вот на этой последней ошибке мы и намерены теперь остановиться подробно. Неразвитость классовых противоречий в народе вообще, в крестьянстве особенно, есть неизбежное явление в эпоху демократической революции, создающей впервые основы для действительно широкого развития капитализма. А эта неразвитость экономики вызывает переживание и воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма, который является мелкобуржуазным социализмом, ибо идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений. Масса крестьян не сознает и не может сознавать того, что самая полная «воля» и самое «справедливое» распределение хотя бы даже и всей земли не только не уничтожит капитализма, а, напротив, создаст условия для особенно широкого и могучего его развития. И в то время, как социал-демократия выделяет и поддерживает только револю-

ционно-демократическое содержание этих мужицких стремлений, мелкобуржуазный социализм возводит в теорию крестьянскую бессознательность, смешивая или сливая воедино условия и задачи действительного демократического и сфантазированного социалистического переворота.

Самым наглядным выражением этой неясной мелкобуржуазной идеологии является программа, вернее, проект программы «социалистов-революционеров», которые тем раньше поспешили провозгласить себя партией, чем меньше развиты были у них формы и предпосылки партийности. Разбирая их проект программы (см. «Вперед» № 3), мы уже имели случай показать, что корень воззрений соц.-рев. есть старое русское народничество. Но так как все экономическое развитие России, весь ход русской революции беспощадно и безжалостно вырывает ежедневно и ежечасно почву из-под устоев чистого народничества, то воззрения с.-ров, неизбежно становятся эклектическими. Прорехи народничества они стараются поправить заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма, но ветхое одеяние не становится от этого прочнее. В общем и целом их программа есть нечто абсолютно безжизненное, внутренне противоречивое, выражающее лишь в истории русского социализма один из этапов на пути от крепостной к буржуазной России, на пути «от народничества к марксизму». Под это определение, типичное для целого ряда более или менее мелких ручейков современной революционной мысли, подходит и новейший проект аграрной программы Польской Социалистической Партии (ППС), напечатанной в № 6—8 «Przedswit».

Проект разделяет аграрную программу на две части. Часть I излагает «реформы, для проведения которых общественные условия уже созрели»; часть II «формулирует увенчание и интеграцию аграрных реформ, изложенных в I части». Часть I, в свою очередь, подразделяется на три отдела: А) Охрана труда—требования в пользу сельскохозяйственного пролетариата; Б) Аграрные реформы (в тесном смысле, или, так сказать, крестьянские требования) и В) Охрана сельского населения (самоуправление и т. д.).

Шагом к марксизму является в этой программе попытка отделить нечто в роде программы-минимум от программы-максимум; затем, совершенно самостоятельная постановка требований чисто-пролетарского характера; далее, признание в мотивах к программе того, что совершенно недопустимо для социалиста «льстить собственническим инстинктам крестьянских масс». Собственно говоря, если бы вполне продумать истину, заключающуюся в этом последнем положении, и развить ее последовательно до конца, то неизбежно получилась бы строго-марксистская программа. Но в том-то и беда, что ППС не является выдержанно-пролетарской партией, черпая свои идеи столь же охотно из кладезя оппортунистической критики марксизма. «Вследствие недоказанной тенденции земельной собственности к концентрации,—читаем мы в мотивах программы,—немыслимо выступать на защиту этой формы хозяйства с полной искренностью и уверенностью и убедить крестьянина в неизбежности исчезновения мелких хозяйств».

Это—не что иное, как отголосок буржуазной политической экономии. Буржуазные экономисты всеми силами стараются внушить мелкому крестьянину идею совместности капитализма с благосостоянием мелкого земледельца-собственника. Они заслоняют поэтому общий вопрос о товарном хозяйстве, о гнете капитала, об упадке и принижении мелкого крестьянского хозяйства частным вопросом о концентрации земельной собственности. Они закрывают глаза на то, что крупное производство в специальных торговых отраслях земледелия развивается и на мелкой, и на средней земельной собственности, что эта собственность разлагается и в силу роста аренды, и под гнетом гипотек, и под давлением ростовщичества. Они оставляют в тени неоспоримый факт технического превосходства крупного хозяйства в земледелии и принижение условий жизни крестьянина в его борьбе с капитализмом. В словах ППС нет ничего, кроме повторения этих буржуазных предрассудков, воскрешаемых современными Давидами.

Неустойчивость теоретических воззрений сказывается и на практической программе. Возьмите часть I—аграрные реформы в тесном смысле. С одной стороны, вы прочтете пункт 5) «Упразднение всяких ограничений при покупке надельных земель и 6) Упразднение шахварков и подвод (натуральные повинности)». Это чисто марксистские минимальные требования. Выставляя их (особ. п. 5), ППС делает шаг вперед по сравнению с нашими с.-р., которые вместе с «Моск. Вед.» питают слабость к пресловутой «неотчуждаемости наделов». Выставляя их, ППС вплотную подходит к идее марксизма о борьбе с остатками крепостничества, как основе и содержанию теперешнего крестьянского движения. Но подходя к этой идее, ППС далека от полного и сознательного принятия ее.

Главные пункты рассматриваемой нами программы-минимум гласят: «1) Национализация имений удельных, государственных и принадлежащих духовенству путем конфискации; 2) Национализация крупной земельной собственности при отсутствии прямых наследников; 3) Национализация лесов, рек и озер». Эти требования страдают всеми недостатками программы, выдвигающей для данного времени требование национализации земли на первый план. Пока нет налицо полной политической свободы и самодержавия народа, пока нет демократической республики, выставлять требование национализации преждевременно и неразумно, ибо национализация есть переход в руки государства, а теперешнее государство есть полицейское и классовое, завтрашнее государство будет во всяком случае классовое. В качестве же лозунга, ведущего вперед в направлении демократизации, это требование особенно непригодно, ибо центр тяжести оно переносит не на отношение крестьян к помещикам (крестьяне берут помещичьи земли), а на отношение помещиков к государству. Такая постановка вопроса в корне фальшива для такого момента, когда крестьяне революционным путем борются за землю и с помещиками, и с государством помещиков. Революционные крестьянские комитеты для конфискации, как орудие конфискации,—вот единственный лозунг, соответствующий такому моменту и двигающий вперед классовую борьбу с помещиками в неразрывной связи с революционным разрушением помещичьего государства.

Остальные пункты аграрной программы-минимум в

проекте ППС следующие: «4) Ограничение права собственности, поскольку оно становится помехой для всяких земледельческих улучшений (мелиораций), если эти улучшения будут признаны необходимыми большинством заинтересованных;... 7) Национализация страхования хлебов от пожара и градобития, а скота от эпизоотий; 8) Законодательное содействие со стороны государства образованию земледельческих артелей и кооперацій; 9) Аграномические школы».

Эти пункты вполне в духе с.-р. или (что то же) вполне в духе буржуазного реформаторства. Революционного в них нет ничего. Они, конечно, прогрессивны, спора нет, но прогрессивны в интересах собственников. Выставлять их со стороны социалиста значит именно льстить собственническим инстинктам. Выставлять их—то же самое, что требовать содействия государства трестам, картелям, синдикатам, обществам промышленников, которые не менее «прогрессивны», чем кооперация, страхование и проч. в земледелии. Это все—капиталистический прогресс. Заботиться о нем не наше дело, а дело хозяев, предпринимателей. Пролетарский социализм, в отличие от мелкобуржуазного, предоставляет графам де-Рокиньи, помещикам-земцам и т. п. заботу о кооперации хозяев и хозяйчиков, а сам заботится всецело и исключительно о кооперации наемных рабочих в целях борьбы с хозяевами.

Посмотрите теперь на часть II программы. Она состоит из одного следующего пункта: «Национализация крупной земельной собственности путем конфискации. Пахотные земли и луга, таким образом приобретенные народом, должны быть разделены на наделы и переданы безземельным и малоземельным крестьянам в долголетнюю обеспеченную аренду».

Нечего сказать, хорошо «увенчание!». Партия, называющая себя социалистической, в виде «увенчания и интеграции аграрных реформ» предлагает вовсе не социалистическое устройство общества, а нелепую мелкобуржуазную утопию. Перед нами самый наглядный образец полного смешения демократического и социалистического переворотов, полного непонимания их разнородных целей. Переход земли от помещиков к крестьянам может быть—и везде в Европе был—составной частью демократического переворота, одним из этапов буржуазной революции, но называть его увенчанием или доведением до конца могут только буржуазные радикалы. Перераспределение земли между теми или иными разрядами собственников, теми или иными классами хозяев может быть выгодно и необходимо в интересах победы демократии, в интересах полного вытравления следов крепостничества, повышения жизненного уровня массы, ускорения развития капитализма и т. д.,—самая решительная поддержка подобной меры может быть обязательна для социалистического пролетариата в эпоху демократической революции, но «увенчанием и доведением до конца» может быть только социалистическое, а не мелкое крестьянское производство. «Обеспечение» мелко-крестьянской аренды при сохранении товарного хозяйства и капитализма есть реакционная мелкобуржуазная утопия, и ничего более.

Мы видим теперь, что основная ошибка ППС не ей одной свойственна, не единична, не случайна. Она выражает в более ясной и отчетливой форме (чем пресловутая «социализация» с. р., которой не понимают сами с.-р.) коренную ошибку всего русского народничества, всего русского буржуазного либерализма и радикализма в аграрном вопросе, вплоть до того, который выразился в прениях на последнем (сентябрьском) съезде земцев в Москве.

Эту коренную ошибку можно выразить так:

В постановке ближайших целей программа ППС не революционна. В своих конечных целях она не социалистична.

Или иначе: непонимание различия между демократическим и социалистическим переворотом ведет к тому, что в демократических задачах не выражается их действительно революционная сторона, а в социалистические задачи вносится вся неясность буржуазно-демократического миросозерцания. Получается лозунг для демократа недостаточно революционный, для социалиста—непростительно путаный.

Наоборот, программа социал-демократии удовлетворяет всем требованиям и поддержки истинно-революционного демократизма и выставления ясной социалистической цели. В теперешнем крестьянском движении мы видим борьбу с крепостничеством, борьбу с помещиками и с помещичьим государством. Эту борьбу мы поддерживаем до конца. Для такой поддержки единственный верный лозунг: конфискация путем революционных крестьянских комитетов. Как быть с конфискованными землями,—это вопрос второстепенный. Его не мы будем решать, а крестьяне. При решении его начнется именно борьба между пролетариатом и буржуазией в крестьянстве. Вот почему мы либо оставляем этот вопрос открытым (что так не нравится мелкобуржуазным прожектерам), либо даем от себя лишь указание начала пути в виде отобрания отрезков (в чем мало думающие люди видят преграду движению, вопреки многочисленным разъяснениям с.-д.).

Для того, чтобы аграрная реформа, неизбежная в современной России, сыграла революционно-демократическую роль, есть только одно средство: совершение ее революционной инициативой самих крестьян, вопреки помещикам и бюрократии, вопреки государству, т.-е. совершение революционным путем. Самое худшее распределение земли после такого преобразования будет лучше теперешнего со всех точек зрения. И этот путь мы указываем, ставя во главу угла требование революционных крестьянских комитетов.

Но рядом с этим мы говорим сельскому пролетариату: «Самая радикальная победа крестьян, которой ты должен помогать теперь всеми силами, не избавит тебя от нищеты. Для этой цели есть только одна мера: победа всего пролетариата—и промышленного, и сельскохозяйственного — над всей буржуазией, устройство социалистического общества».

Вместе с крестьянами-хозяевами против помещиков и помещичьего государства, вместе с городским пролетариатом против всей буржуазии и всех крестьян-хозяев,—вот лозунг сознательного деревенского пролетариата. И если этот лозунг не сразу примут или даже вовсе не примут хозяйчики, то зато он станет лозунгом рабочих, он будет неминуемо подтвержден всей революцией, он избавит нас от мелкобуржуазных иллюзий, он укажет нам ясно и определенно нашу социалистическую цель.

(Н. Ленин).

Ко всей учащейся молодежи.

В своей тяжелой, полной героизма борьбе за лучшее будущее русский рабочий всегда рядом с собой видел и вас, граждане студенты. Еще в 70-х годах один из пионеров революционного рабочего движения, ткач Петр Алексеев, с признательностью упоминал об этом в своей речи пред судом. Борьба ваша, в начале стихийная, разгоравшаяся ярким пламенем лишь под влиянием негодования и протеста против особенно наглых проявлений произвола и деспотизма, в роде Ветровской истории, избиения 8-го февраля и т. п., превратилась с 1901/02 года в сознательную и планомерно изо дня в день ведущуюся борьбу против существующего политического строя. Вступив на этот путь, вы не могли не понять, что из всех классов населения наиболее последовательным и единственным непримиримым врагом царизма является пролетариат, борющийся под знаменем революционной социал-демократии за свой конечный идеал—социализм, и за ближайший путь к нему—демократическую республику. Поняв это, признавши роль и значение социал-демократии в русском освободительном движении, вы сделали отсюда единственный правильный вывод: в манифесте, изданном 1-м всероссийским студенческим съездом, ваши представители приглашали сознательное студенчество войти в ряды социал-демократии или примкнуть к ней. И это воззвание не осталось без ответа: многие из вас борются вместе с нами под общим знаменем, громадное большинство из вас принимает наши лозунги и поддерживает пролетариат в его борьбе с царизмом. Тщетными оказались попытки тех из ваших коллег, которые, соблазняясь перспективой стать будущими Плеве и Победоносцевыми, стремились совлечь вас с занятого вами революционного пути. Их обычное средство—патриотическая вакханалия шпионства, доносов и кулачной расправы—не привело ни к чему, и как только пролетариат вступил в начале этого года в решительную схватку с царским правительством, вы немедленно поспешили к нему на помощь и пустили в ход свое старое, испытанное оружие—всеобщую политическую забастовку. Вы связали свою судьбу с судьбой революции! Вы ясно показали, что правительству не удастся обмануть вас лицемерной политикой уступок, дарованием мнимой академической свободы и т. п., что вы не сложите оружия до тех пор, пока не падет царизм, и не будет созвано революционным путем всенародное учредительное собрание.

Теперь, с наступлением нового академического года перед вами возникает вопрос: что же делать дальше? Продолжать ли забастовку, или применить какие-нибудь новые приемы борьбы за освобождение России? Об «успокоении» не может быть и речи. «Высочайше дарованная» Государственная Дума—наглый обман и грубое издевательство над народом. Примириться с ней и надеяться добиться дальнейших реформ, следуя мудрой тактике «медленным шагом, робким зигзагом», все равно, что предать интересы народа, отказаться от революции и ее приобретений. Дума должна быть сорвана! В случае ее созыва в ней будут заседать под усиленной охраной штыков и нагаек изменники народа, а не его «представители»! К моменту выборов должны быть мобилизованы все силы революции, должны быть готовы к решительной борьбе и «академические легионы». Для этого вы должны собраться в университетских городах, вы должны воспользоваться вашими аудиториями, как трибунами для обличения правительства, как местом для революционных штабов ваших «легионов». Для этого, а не для «мирных занятий», вы должны открыть учебные заведения. Теперь, когда льется кровь лучших сынов России, когда целые местности охвачены восстанием, когда недалек уже от осуществления идеал «Московских Ведомостей»—военная диктатура, когда мир с внешним врагом заключен для того, чтобы тем легче было раздавить «внутренних врагов», как цинично-откровенно пробалтывается «Гражданин»,—в такое время мирно заниматься науками нельзя. Это вы заявили еще весной, и если ваши решения не были лишь красивыми словами,—а все ваше поведение подтверждает это,—то не будете мирно заниматься вы и теперь, как бы ни решили вопрос о «замирении» университетов профессора, примкнувшие весною к вашей забастовке.

Нет, не заниматься согласно уставу и «применительно к подлости», т.-е. программам и данным официальной науки, будете вы, а свободно изучать и выяснять свое отношение ко всем волнующим Россию вопросам, разбираться в политических лозунгах и платформах различных партий, помогать последовательным и честным революционерам изобличать и клеймить разных «реальных» политиков. Вы используете аудиторию и все те удобства, которые доставляют учебные заведения, чтобы совместно с пролетариатом немедленно же начать подготовку к вооруженному восстанию, этому единственному исходу русской революции. Широко агитировать идею восстания, знакомить товарищей с задачами и техникой уличной борьбы, выработать целесообразные формы организации для боевого момента, организовать боевые дружины, содействовать мобилизации пролетариата,—за все это должно немедленно приняться революционное студенчество, и для этой цели оно должно обратить залы университетов и институтов в штаб-квартиры своей революционной работы.

Если вы внимательно всмотритесь в те приемы борьбы, которые выработали рабочие в последний год, то увидите, что мы не советуем вам ничего невозможного. В самом деле, в Западном крае и во многих городах Юга вы увидите, что рабочие регулярно открыто собираются на так-называемых «биржах» и свободно обсуждают, что их интересует; рядом же в бессильной злобе мечутся разные чины явной и тайной полиции. На Кавказе и в Прибалтийском крае рабочие после окончания работ устраивают в заводах и фабричных зданиях громадные народные митинги. В Гурии крестьяне, организованные соц.-дем., игнорируют местные власти, не платят податей и налогов и учредили уже революционное самоуправление. При таком страшном брожении то здесь, то там вспыхивают всеобщие политические забастовки, приостанавливающие всю буржуазную жизнь, все дезорганизующие и держащие в вечном страхе всех власть имущих. И близко уже то время, когда все эти отдельные ручьи сольются в общий могучий поток! Для выработки и применения подобных новых приемов борьбы, для концентрирования и организации своих сил, для подготовки к недалекому уже

моменту последней, решительной схватки с царизмом,—для всего этого вы должны теперь открыть высшие учебные заведения. Но открыв их, вы ни в каком случае не должны дать возможность правительству утверждать, что «на Шипке все спокойно»! Нет! Поведите дело так, чтобы оно с грустью вспоминало о том недавнем прошлом, когда вы только мирно бастовали!

Долой самодержавие!

Долой Государственную Думу!

Да здравствует народное восстание!

Да здравствует всенародное учредительное собрание!

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Буржуазия сытая и буржуазия алчущая.

Газета «Le Temps»—один из самых влиятельных органов консервативной французской буржуазии. Против социализма она ведет самую отчаянную кампанию, и редкий день вы не увидите на ее столбцах имен Маркса, Бебеля, Гэда, Жореса с самыми озлобленными комментариями и выходками. Без дрожи бешенства «Le Temps» не может говорить о социализме.

За русским «кризисом», как выражаются благонамеренные европейцы, эта газета следит самым внимательным образом, никогда не оставляя без своих назидательных советов la nation amie et alliée—«нацию дружественную и связанную союзом». Так и теперь она посвящает передовицу последнему съезду земцев. Она вспоминает предыдущий июльский съезд и даже задним числом не может удержаться от выражения своего недовольства. Это было, видите ли, «зрелище абсолютного беспорядка мыслей и полнейшей неопределенности намерений»: проект Булыгина был известен уже, и тем не менее делегаты ограничились «горячими речами», не сумев решить вопроса, бойкотировать или участвовать. Орган французской правящей буржуазии даже напоминает земцам в раздражении, что у них не было мандатов!

Зато теперь, как радостно улыбается сытый политической властью буржуа! Как любезно спешит он пожать благородную десницу своего собрата, который еще только алчет политической власти, но уже доказывает свою «зрелость»! Бойкот отвергнут, и про неимение мандатов уже не упоминается. «Решение земцев,—говорит «Le Temps»,—делает им честь. Оно доказывает, что политическое воспитание наиболее просвещенных элементов русского народа прогрессирует, и что они отказываются от туманных планов политического фокусничества, вступая мужественно на путь необходимой эволюции».

Буржуа, сытый политической властью и видавший виды по части того, к чему приводят действительные победы народа, рабочих и крестьян в революциях, ни минуты не колеблется объявить сентябрьский съезд либеральных помещиков и купцов победой эволюции над революцией.

Он хвалит «умеренность» съезда. Он указывает с явным удовлетворением на провал резолюции о «раздроблении земель» и об избирательных правах женщин. «Мудрость и умеренность этих решений показывают ясно, что мнения крайних партий не взяли верха на этом съезде. Программа, на которой они все сошлись, достаточно демократична, чтобы обезоружить революционеров. А так как земский съезд ждет осуществлении своих проектов исключительно от употребления законных средств, то его программа может присоединить и тех реформистов, которых личные споры не отделят от членов земского съезда».

Буржуа сытый поощрительно похлопывает по плечу буржуа алчущего: выставить программу, «достаточно демократичную», чтобы пустить пыль в глаза, чтобы обезоружить революционеров, и встать на легальный путь,—сиречь, говоря простым и прямым русских языком, сторговаться с Треповыми—Романовыми,—вот истинная государственная мудрость.

А что надежды проницательного буржуа на простоватых революционеров не совсем неосновательны, это доказали наши мудрецы из новой «Искры». Они, отпустив повода, ринулись в ловушку, наперерыв предлагая взимать демократические обязательства с умеренных буржуа, которые всей душой готовы теперь обещать что-угодно и обязаться на что-угодно. Не только в борьбе между враждебными партиями, но и в борьбе внутри социалистических партий (как мы после II съезда убедились на опыте) все обещания летят к чорту, раз затронуты сколько-нибудь существенные интересы борющихся. The promises like pie—crust are Liven to be broken,—говорит английская пословица. Обещания—что корка от пирога: их на то и пекут, чтобы ломать потом.

К чему свелась искровская тактика по поводу Думы? Именно к идейному и тактическому обезоружению революционеров. Мудрецы из оппортунистической «Искры» работали над этим обезоружением, разнося идею активного бойкота, подменивая (совершенно в духе «Нового Времени» и почти теми же словами) активный бойкот пассивным, проповедуя доверие и доверчивость к обнимающимся вместе Милюковым и Стаховичам, заменяя революционный лозунг восстания освобожденской буржуазной размазней в роде «революционного самоуправления граждан».

Только слепые могут еще теперь не видеть, в какое болото залезла «Искра». В нелегальной печати она совершенно одинока, на ее стороне стоит только «Освобождение». Бунд, которого даже Мартов с Аксельродом не заподозрят в симпатии к «впередовскому арсеналу», решительно встал за активный бойкот. В легальной печати все прохвосты и все умеренные либералы объединились в борьбе с радикальными буржуа, высказавшими сочувствие бойкоту и настроенными наиболее дружелюбно по отношению к крестьянству.

Ну, разве же не правду сказал Ленин в своих «Двух тактиках», разбирая новоискровские резолюции, что «Искра» опускается до либеральных помещиков, в то время как «Пролетарий» старается поднять революционных крестьян?

Мы упомянули «Новое Время». Не только этот орган рептилия, но и «Моск. Ведомости» ведут отчаянную борьбу против идеи бойкота, показывая этим всем и каждому реальное политическое значение Думы. Вот

для образчика одна характерная выходка «Нового Времени», на которой мы тем охотнее остановимся, что она проливает новый свет на всю бездну буржуазной подлости даже такого «почтенного» либерального органа, как «Русские Ведомости».

Известный берлинский корреспондент этой последней газеты г. И. останавливается в № 247 на Иенском съезде. Мещанская душа прежде всего восхищается тем, что нашелся вот добрый и справедливый буржуа-либерал, богач Аббе, который подарил городу Иене народный дом для свободных собраний всех партий, даже социал-демократов в том числе. И г. И. подводит свою мораль: «можно принести пользу народу и вне известных партийных рамок». Это правда, конечно. Но что сказать о писателе, который в эпоху отчаянной партийной борьбы в России принимается хвалить беспартийность? Неужели не понимает г. И., что он совершает этим величайшую политическую бестактность, играя на-руку нововременству? Истинный смысл этого мещанского восторга перед беспартийностью выяснится, однако, читателю из следующей фразы г. И.:

«Не говорю уже о том, что бывают политические условия, при которых полезно на-время спрятать в карман конечные цели и помнить о ближайших задачах, общих у социализма и либерализма».

Вот это откровенно! Спасибо хоть за ясность, г. И.! Нам остается только пользоваться такими заявлениями всегда и при всяком случае, при всех выступлениях перед рабочими, чтобы показывать буржуазный характер либерализма, чтобы разъяснять рабочим необходимость самостоятельной партии пролетариата, неуклонно враждебной буржуазии, хотя бы и самой либеральной.

Но все эти тирады нашего «демократа»—только цветочки. Ягодки будут впереди. Г. И. не ограничивается советом пролетариату «на-время спрятать в карман конечные цели», т.-е. отказаться от социализма, нет, он советует, кроме того, отказаться от доведения теперешней политической революции до конца. Г. И. цитирует речи Бебеля и выдвигает на первый план то место этой речи, где Бебель выражает сомнение, чтобы нам удалось «так скоро» превратить Россию в культурное государство, заявляя в то же время, что старый, самодержавный режим больше не вернется, «что старая Россия больше невозможна». По поводу этого места г. И. пишет:

«Я не считаю Бебеля авторитетом в русских делах, но должен заметить, что в этой части своей речи он выгодно отличается от Каутского и некоторых других доктринеров, рекомендующих Revolution in Permanenz (непрерывную революцию). Как умный человек и политик, знающий, какие конкретные формы принимает в жизни народа состояние постоянной анархии, Бебель видит успех прежде всего в осуществлении задач культуры, и из его слов совершенно ясно вытекает, что он не проводит демаркационных линий и уже наверное не воздвигает стен между русской интеллигенцией и русским пролетариатом, по крайней мере, до осуществления элементарных прав человека».

Во-первых это клевета на Бебеля,—клевета, чисто-нововременская. Бебель всегда и безусловно проводит «демаркационную линию» между буржуазным и пролетарским демократизмом; г. И. не может не знать этого. Бебель отграничивает самым решительным образом интеллигенцию буржуазную и интеллигенцию социал-демократическую. Уверять русского читателя, будто Бебель, борясь за «культуру», оставляет хоть когда-нибудь в тени лживость и предательство буржуазной демократии, с одной стороны, социалистические цели рабочего класса,—с другой, значит возводить величайшую ложь на вождя революционной германской социал-демократии.

Во-вторых, из речи Бебеля абсолютно не вытекает, чтобы он иначе смотрел на русскую революцию, чем Каутский. «Выгодное отличие» Бебеля от Каутского в

Очерки по истории революционной борьбы западно-европейского пролетариата.

Февральская революция и ее последствия.

Французская монархия в 1848 году была конституционной, король Людовик-Филипп принял скипетр из рук революции (в 1830 году) и гордился кличкой «Король-буржуа». Франция имела парламент и «либеральное» министерство Гизо. Но конституция покоилась на высоком цензе, вся Франция насчитывала лишь 240.000 избирателей. Гизо острил, что ценз есть лишний толчок к обложению; кто хочет быть полноправным гражданином,—должен обогащаться. И действительно, целая свора мошенников всеми мерами эксплоатации, обмана, полуоткрытого воровства создала себе капиталы не только за счет трудящихся классов, но выезжая также на спинах средних фабрикантов и торговцев. Над правительством было еще другое всемогущее правительство—шайка биржевиков, денежных мешков, сосавших кровь страны, сильных двумя оружиями—рабской преданностью «своего» правительства, бывшего у них в долгу, как в шелку, и грязным подкупом, развращавшим сотни людей.

Устраненное от политических прав крестьянство, придушенная мелкая буржуазия, промышленники, жаждущие сами силы, значения, широкой возможности развивать свои предприятия,—вся Франция, словом, была озлоблена. Но когда обществу тяжело, еще тяжелее приходится «фундаменту пирамиды»—пролетариату. Пролетариат Франции видывал уже буржуазные «свободы» и помнил, что при всех режимах ему было одинаково плохо, в нем укоренилась и широко распространилась идея, что новая революция должна принести ему реальное улучшение, урегурлировать те каторжные условия, в которых он жил и трудился. Большинство рабочих Парижа называли себя социалистами, но неясны были идеи рабочих: право на труд, ассоциация,—вот были главные лозунги. Между тем, буржуазия не может дать права на хорошо оплаченный труд всем рабочим, не упразднив себя: «Право на труд есть бессмыслица в буржуазном обществе, жалкое благочестивое пожелание,—говорит Маркс,—иначе оно означало бы власть над капиталом, а власть над капиталом означает

этом отношении есть вымысел г-на И., который вырывает и извращает один кусочек из речи Бебеля, умалчивая о целом ряде его заявлений всецело в пользу русской революции и ее решительной победы.

В-третьих,—и в этом заключается для нас самая интересная особенность позиции «Русск. Вед.»,—г. И. показывает своей выходкой, что он именно боится решительной победы революции в России. «Постоянную революцию» г. И. называет «постоянной анархией». Сказать это—значит назвать революцию крамолой, сказать это—значит сделаться предателем революции. И пусть не говорят нам дипломаты «Освобождения», любящие уверять, будто у них нет врагов слева, что это—случайная ошибка «Русск. Вед.». Неправда. Это—выражение самых глубоких чувств и самых коренных интересов либерального помещика и либерального фабриканта. Это то же самое, что фраза г. Виноградова, призывающего к борьбе против вступления русской революции на путь 1789 года. Это то же самое, что холопство г. Трубецкого, говорившего царю о своем несочувствия крамоле. Это—не случайность. Это—единственно правдивая формулировка словами бесчисленных позорных дел наших буржуазных демократов, которых утомляет «постоянная анархия», которые начинают жаждать спокойствия и порядка, которые уже устали «бороться» (хотя они никогда и не боролись), которые уже отшатываются от революции при одном только виде того, что рабочие и крестьяне действительно поднимаются на действительную борьбу, желая сражаться, а не только быть сражаемыми. Демократы-буржуа готовы прикрыть один глазок на бесчинства Треповых, на бойню безоружных, их пугает не эта, а другая «анархия», когда у власти будут не Трепов и не Петрункевич с Родичевым, когда крестьянское и рабочее восстание победит. Демократы-буржуа именно потому и идут так охотно в Думу, что они видят в ней залог предательства революции, залог предупреждения полной победы революции,—этой ужасной «постоянной анархии».

Что это значение либеральной психологии мы показали верно, тому порукой «Новое Время». Эти травленные лакеи Треповых сразу подметили всю подлость «Русск. Ведомостей» и поспешили душевно обнять своих собратьев. В номере от 13 (26) сент. «Новое Время» сочувственно цитирует как-раз эту неправду г. И. о «выгодном отличии» Бебеля от Каутского, замечая от себя:

«Таким образом, нашим радикалам-«абсентеистам» придется и Бебеля исключить из числа своих союзников».

Вывод вполне законный. Профессиональные предатели «Нового Времени» верно оценили суть и смысл «обмолвки» «Русск. Вед.». Мало того: «Н. Время», искушенное в политике, сейчас же сделало вывод применительно к Думе. Хотя г. И. ни слова не сказал о взгляде Бебеля на бойкот, но «Н. Время» обозвало «абсентеистами» именно сторонников бойкота. «Н. Время» дополнило клевету на Бебеля клеветой на «радикалов», выразив, однако, ту совершенно правильную мысль, что именно идея полной победы революции, идея непрерывной революции руководит тактикой «радикалов-абсентеистов», тогда как боязнь «постоянной анархии» руководит идущими в Думу либералами. «Новое Время» право. Лакей Трепова имел полное основание поймать г. И. на месте и сказать ему: если не хочешь «постоянной анархии», значит ты—мой союзник, и никакое демократическое краснобайство не разубедит меня в этом. Наша ссора—маленькая семейная ссора, против «доктринеров», сторонников «постоянной анархии», мы будем заодно!

Не поймет ли «Искра» хоть теперь, что когда она упрекала сторонников бойкота в воздержании, т.-е. в абсентеизме, то она говорила по-нововременски? Не поймет ли она, что это совпадение ее лозунгов с нововременскими доказывает какую-то глубокую фальшь в ее позиции?

экспроприацию средств производства, подчинение их объединенному рабочему классу, стало-быть, уничтожение наемного труда и капитала». Точно так же и всякие формы рабочей ассоциации в недрах несокрушенного еще буржуазного строя — или утопия, или гнусная пародия на социализм. Рабочий класс Франции еще не понимал, что социализм означает захват власти пролетариатом, его революционную диктатуру, направленную к экспроприации орудий производства и передаче их обществу. Конечно, пролетариат Франции в то время еще менее мог выполнить такую задачу, чем русский пролетариат теперь. Если русский пролетариат составляет также лишь относительно небольшую часть населения страны, то зато вся Европа находится в этом отношении далеко впереди нас; в 1848 году Франция, напротив, шла непосредственно за Англией по развитию промышленности: мог ли французский пролетариат, будь он как угодно сознателен, перевернуть не только всю громаду буржуазной и мелкобуржуазной Франции, но и всю еще косную, еще едва подготовленную к господству буржуазии, на три четверти феодальную Европу? Но если бы пролетариат сознавал это, он не тешил бы себя социалистическими иллюзиями, он не верил бы во фразы и обещания, он готовился бы к борьбе за социализм, укрепляя свою организацию, а к непосредственному осуществлению он наметил бы ясную, прозрачно определенную программу-минимум: он добивался бы республики ради мер к улучшению своего положения, но никогда не сливался бы с буржуазными республиканцами, а пользовался бы свободой и своим влиянием на государство для ускорения своего развития, сплоченности и силы своей организации. Русский передовой, социал-демократический пролетариат ясно различает свою минимальную и свою максимальную программу, — мнимо-социалистическими проповедями его не обманешь, он знает, что социализм будет делом его рук, и что для этого ему надо окрепнуть; он не преувеличивает ценности буржуазной республики, но и не уменьшает ее, он будет добывать ее, защищать ее и воспользуется ею настолько, насколько это мыслимо, но все это для того, чтобы, собравшись с силами, убить ее, сломить ее рамки и совместно со своими братьями из других стран создать на их месте социалистический строй.

Но рабочие Франции не стояли под знаменем партии, ясно понимавшей свои задачи: их вожди были утописты, то пламенные, но нерасчетливые революционеры, то сантиментальные вздыхатели по справедливости и

Сытая европейская буржуазия хвалит за умеренность алчущую власти российскую буржуазию. Лакеи Трепова хвалят г. И. из «Русск. Ведомостей» за порицание идеи «постоянной анархии». Нововременцы и новоискровцы смеются над «абсентеизмом»...

(Н. Ленин).

Помещики о бойкоте Думы.

[В № 76 «Освобождения» напечатаны краткие протоколы][1]) июльского съезда земцев. Теперь, когда вопрос о тактике по отношению к Гос. Думе привлекает к себе общее внимание, крайне важно отметить этот единственный в своем роде материал, показывающий, как именно рассуждали о бойкоте земцы и освобожденцы. Конечно, никто не сомневается в том, что до заключения мира, до выхода закона о Думе они были, или старались казаться революционнее, чем теперь. Но все же характер их аргументов чрезвычайно поучителен для проверки нашей оценки вопроса. Ведь, это—едва ли не первый вопрос в политической истории России, когда конкретные политические шаги обсуждаются и оппозиционными, и революционными партиями вместе.

Вполне естественно, что буржуазных демократов толкали к постановке вопроса о бойкоте не общая программа их борьбы, не интересы определенных классов, а прежде всего смутное чувство неловкости, стыда за то противоречивое, фальшивое положение, в которое они становятся. «Как же участвовать в деле, которое мы раскритиковали?—спрашивал г. Шишков.—«Ведь, народ подумает, что мы солидарны с проектом». Как видите, у этого либерала первые же мысли о бойкоте связываются с вопросом о народе,—он чувствует инстинктивно, что итти в Думу значит делать что-то неладное именно по отношению к народу. Он не может отделаться от проблесков хорошего желания итти вместе с народом. Другой оратор, г. Раевский, ставит вопрос отвлеченнее: «Мы всегда стояли на принципиальной почве, а на тактическом пути вступаем в компромисс. Выйдет так, что мы осудили булыгинский проект, но нам уже очень захотелось стать народными представителями. Не пойдем на этот скользкий путь». Это, конечно, маленькая гипербола г. Раевского, ибо освобожденцы никогда не стояли на принципиальной почве. Неверно также сводить вопрос к голому отрицанию компромисса: революционеры-социал-демократы, усвоившие дух марксизма, не преминули бы заметить оратору, что смешно отрицать абсолютно навязываемые жизнью компромиссы, что суть не в этом, а в ясном сознании и неуклонном преследовании при всяких обстоятельствах целей борьбы. Но, повторяем, буржуазному демократу чужда в основе своей материалистическая постановка вопроса. Его сомнение—лишь симптом глубокого раскола внутри разных слоев буржуазной демократии.

Фразер г. Родичев, говоривший после г. Раевского, решает вопрос легко: «Мы в свое время протестовали против нового земского положения, но мы в земство пошли... Если бы у нас были силы для осуществления бойкота, то следовало бы его объявить» (а не от того ли «нет сил», почтеннейший, что интересы собственников враждебны бесповоротной борьбе с самодержавием и враждебны рабочим и крестьянству?)... Первое правило военного искусства: бежать во-время»... (ей-богу, так и сказал рыцарь тверского либерализма! А еще смеются либералы над Куропаткиным). «Бойкот будет в том случае, если мы, войдя в Думу, первое постановление сделаем: «Мы уходим. Это не настоящее правительство, без которого вы все же уже не можете обойтись. Дайте нам настоящее». Это будет настоящий бойкот». (Ну, конечно! сказать «дайте»!—разве может быть что-либо более «настоящее» для земского Бала-

---

братству, боявшиеся насилия и крови, словно красные девицы.

В оппозиции к бессовестному правительству казнокрадов, продажных душонок, мошенников и развратников, раззолоченной толпой теснившихся вокруг «Короля-буржуа» — золотого тельца, его храма — биржи, стояли три партии, три вполне сложившиеся компании образованных людей, обладавших политическим навыком, ораторскими и литературными дарованиями и выражавших три течения. Во-первых, опереточно-смешная парламентская оппозиция с надутым ничтожеством Одиллоном Барро во главе. Оппозиция эта состояла из того же гнусного материала, из которого было сделано правительственное большинство: то была перебранка между алчными рыцарями наживы, ссора из-за общественного пирога.

Вторая влиятельная группа сплачивалась вокруг буржуазно-либеральной газеты «Националь». Недовольная поборами с растлением нравов, достаточно сильная уже буржуазия,—промышленная и торговая,—а также значительнейшая часть хорошо-оплачиваемой интеллигенции видела своего вождя в умеренном, пустом и нерешительном, но звонком и с виду самонадеянном редакторе этой газеты Маraсте. Программа «Националя» была такова: 1) вместо короля — выбранный народом президент; 2) вместо двух палат—одна, и притом на основе всеобщего избирательного права.

Вы видите, что умеренный и вполне буржуазный «Националь» по своей программе был радикальнее самых радикальных наших земцев и освобожденцев.

Но французская интеллигенция и недовольная, все более нищающая мелкая буржуазия шли гораздо дальше. Казалось, что они совсем-таки идут навстречу рабочему классу. Органом радикальной партии была газета «Реформа», ее редактором—Флокон, сотрудниками ее были Араго, Ледрю-Роллэн и Луи Блан. Это были законченные типы тех общественных групп, которые сливались в этой партии. Араго был старый республиканец, полный традиций великой революции, идеалист в лучшем смысле этого слова. Превосходнейший, высокоодаренный ученый-астроном, он горячо любил народ и свободу, но, глядя на свои звезды, мог легко попасть в любую канаву; золотое сердце, горячая голова, но детская наивность и сантиментальность в политике. Слова «свобода, равенство и братство» и весь высокий трагизм революции раз навсегда преисполнили его благоговением, но закрыли от него настоящую жизнь. Таких энтузиастов было немало, но что могли

лайкина? Недаром они так весело смеялись, когда г. Головин рассказывал им, как он «без труда разубедил» московского губернатора насчет опасений, будто земский съезд объявит себя учредительным собранием).

Г. Колюбакин говорил: «Предыдущие ораторы ставили вопрос так: «Либо итти в булыгинскую думу, либо ничего не делать» («Искра» ставит вопрос именно так, как эти «предыдущие ораторы» правого крыла монархической буржуазии). «Надо обратиться к населению, которое все будет против булыгинской думы... Обращайтесь к народу, осуществляйте на деле свободу слова и собраний. Но, идя в непотребное учреждение, вы себя губите. Вас там будет меньшинство, и оно погубит себя в глазах населения». В этой речи чувствуется опять связь идеи бойкота с обращением к крестьянству, значение этой идеи, как поворота от царя к народу. И г. Щепкин с великолепной откровенностью спешит возразить на глубокопонятную им речь г. Колюбакина: «Ничего, если мы сделаем ошибку в глазах народа, но спасем дело» (...д е л о б у р ж у а з и и, крикнули бы, вероятно, оратору рабочие, если бы они присутствовали на этом благородном собрании). «Я не спорю, что, быть-может, нам скоро придется стать на революционный путь. Но проект бюро (проект резолюции против бойкота) хочет избежать этого, так как мы и по воспитанию, и по симпатиям» (классовому воспитанию, классовым симпатиям) «нереволюционны».

Мудро рассуждает г. Щепкин! Он лучше всех новоискровцев, взятых вместе, понимает, что суть тут заключается не в выборе средств, а в различии цели. Надо «спасти дело» порядка,—вот где гвоздь. Надо не рисковать революционным путем, который может привести к победе рабочих и крестьянства.

Зато краснобай и водолей г. Де-Роберти высказывается совсем, совсем как новоискровец: «Что делать, если проект благодаря своей негодности станет законом? Восстание с оружием в руках?» (Как можно «связывать восстание с Думой», что вы, г. Роберти!? Как жаль, что не знакомы вы с нашим Бундом, он объяснил бы вам, что нельзя этого связывать). «Оно, думаю, со временем непременно придет. Ныне же сопротивление может быть либо просто пассивным, либо пассивным, но всегда готовым перейти в активное». (Ах, какой милый радикал! Вот бы ему попользоваться лозунгом «революц. самоуправление» у новой «Искры»,—уж он сумел бы тут разыграть такие арии, такие арии...)... «Дать мандаты лишь тем, кто поедет с решимостью во что бы то не стало сделать переворот». Знай наших! Что же, неправы мы были, сказав, что Парвус встретился и обнялся с этаким вот освобожденцем? что новая «Искра» клюнула на красные словечки помещиков-краснобаев?

(Н. Ленин).

Из бесед с читателями.

О т р е д а к ц и и. Печатаем выдержки из письма товарища, члена одного из комитетов нашей партии. Этот товарищ—один из немногих, которые не только корреспондируют в ЦО, но и беседует о с в о е м понимании тактики, о с в о е м проведении ее. Без таких бесед, совсем не предназначающихся специально для печати, невозможна общая выработка солидарной партийной тактики. Без такого обмена мнений с практиками редакция заграничной газеты никогда не может выражать на деле голос всей партии. И мы печатаем поэтому мнение товарища, знакомого лишь с небольшой частью новейшей литературы, желая побудить возможно большее число товарищей практиков к подобным беседам и обмену мнений по всем партийным вопросам.

(Н. Ленин).

сделать в кипучей борьбе, требующей прозорливости, хладнокровия и глубокого анализа действительности, эти славные седые дети?

Ледрю-Роллэн был типичнейший идеолог мелкой буржуазии, великий человек маленьких лавочников. Он был весь напичкан фразами и словно заряжен порохом: по всякому поводу он пускал словесный фейерверк, и послушать его — так не было человека страшнее, решительнее и могущественнее. Но, кроме брызг и пены, никакого толку от него не было, потому что, когда доходило до дела, он оказывался очень жалок и умел только снова и снова работать языком. Он не был чистым буржуазным республиканцем, так как мелкая буржуазия тоже желала социальных реформ для своего спасения, но посягнуть на собственность—никогда! У него была вместо социализма какая-то каша, в которой он и сам очень плохо разбирался.

Наконец, Луи Блан был представителем той части интеллигенции, которая, честно констатировав все безобразие, всю внутреннюю ложь капитализма, искала союза с рабочим классом и была искренно социалистической. Но для Луи-Блана сущностью капитализма была не собственность частных лиц на орудия производства с неизбежными последствиями: выжиманием прибавочной стоимости, армией безработных, конкуренцией и кризисами, а индивидуализм, эгоизм, нравственный принцип: к а ж д ы й д л я с е б я. Социализм означает для него не экспроприацию орудий производства, не обобществление их, а прежде всего ассоциацию, принцип: к а ж д ы й д л я в с е х, в с е д л я к а ж д о г о. Его социализм был моральной реформой, поэтому он представлял его не как великую революцию, не как насильственный захват капитала пролетариатом, а в виде целого ряда государственных реформ, с одной стороны, нравственных усилий рабочих создать прочные ассоциации—с другой. Насилия Луи Блан боялся и в сущности был еще менее революционером, чем Ледрю-Роллэн. Надо, однако, признать, что Луи Блан был человек очен образованный, искренний и даровитый, хотя фраза и его иногда заедала, и он слишком любил ходить на ходулях.

Так как часть сотрудников и союзников «Реформы» была как-никак искренно социалистической, и остальная не была по своему социальному положению прямым врагом, прямым эксплоататором рабочего класса, то программа «Реформы» была сильно окрашена в социалистический красный цвет. Вот наиболее интересная часть этой программы:

«В основе разногласий между большевиками и меньшевиками, по-моему, лежит совершенно различное отношение к либералам и демократам, а это различное отношение в свою очередь находится в зависимости от диаметрально противоположного представления о роли буржуазии и пролетариата в предстоящей революции. Обе стороны признают, что предстоящая революция будет буржуазной. Впрочем, относительно меньшевиков это верно с большой оговоркой. По своим конечным результатам эта революция будет буржуазной, но в ее развитии возможны социалистические «инциденты». Это особенно проглядывает в резолюции о временном революционном правительстве. Временное революционное правительство должно будет «подавлять факторы (sic!), угрожающие основам буржуазного общества». Что это за «факторы», как не попытки, «частичные и эпизодические», образования социалистических «коммун»? То же временное революционное правительство (которое, между прочим, является, с одной стороны, классовым и буржуазным, ибо «подавляет факторы, угрожающие основам капиталистического общества», а с другой,—подклассовым или сверхклассовым, или внеклассовым, ибо оно «регулирует (!) взаимную борьбу классов»),—то же временное революционное правительство, «подавляя факторы», «двигает революционное развитие вперед» по дороге к демократической республике и, пожалуй, чего доброго, несмотря на неучастие в нем меньшевиков, доведет это дело до конца. А так как оно будет «подавлять факторы», то социал-демократии, которая «не ставит себе целью захватить или разделить власть во временном революционном правительстве», ничего не остается, как быть «партией крайней революционной оппозиции». А так как временное правительство в рамках буржуазного общества использовало весь возможный революционизм, т.-е. последовательно, по представлениям меньшевиков, до конца, то социал-демократии с ее «крайним революционизмом» ничего не остается, как устраивать или поддерживать социалистические коммуны, или же ей нечего будет делать со всем своим крайним революционизмом. Но тогда возникает вопрос: верна ли наша программа-минимум, и правы ли были мы, нападая на с.-р. за их проповедь полусоциалистической революции? Должен оговориться, что если понять приведенные мною места иначе, то получится еще более безнадежная путаница. Во всяком случае, так или иначе, предстоящая революция будет буржуазной по своим конечным результатам, а демократическая республика явится, по представлениям меньшевиков, как равнодействующая между прочим революционизмом пролетариата, руководимого Старовером, и конституционализмом буржуазии, руководимой Витте.

Итак, предстоящая революция будет буржуазной. Это непреодолимо диктуется законами стихийного развития. Но там, где дело касается стихийности, вступает в свои права т. Мартынов. «Стихийно происходившие буржуазные революции,—проповедует т. Мартынов,—всегда превращали пролетариат в придаток буржуазной демократии, которой всегда принадлежало и стихийно должно принадлежать руководство буржуазной революцией. Итти против стихийности, говорить о руководстве революционным пролетариатом буржуазной революцией, это значит преувеличивать сознательность и преуменьшать стихийность. Пролетариат не может, а потому не должен брать на себя роль руководителя, он может принимать в этой исторически чуждой ему революции участие лишь с целью революционизировать ее. Он должен толкать буржуазных революционеров, предъявляя к последним грозные требования, стоя всегда на левом фланге и сзади, чтобы подталкивать, чтобы не пускать буржуазию назад,—одним словом, он должен итти за партией крайней революционной оппозиции». (В последнем слове вся мартыновская глубина). «Не пролетариат совершит эту революцию, а буржуазная демократия, а потому от этой самой бур-

---

«Все люди братья».

«Где нет равенства,—свобода не что иное, как ложь».

«Общество живет лишь благодаря разнородности дарования людей и выполнения ими различных функций, но даровитость не должна давать особых прав, напротив, она возлагает лишь новые обязанности».

«Таков принцип равенства: единственная законная форма его выражения—ассоциация (производительный союз)».

«Конечная цель ассоциации—добиться удовлетворения умственных, нравственных и материальных потребностей всех людей, прилагая для этого общие усилия и разнородные дарования своих членов».

«Рабочие были рабами, были крепостными, они стали наемными, они должны быть свободными союзниками».

«Этого результата можно добиться лишь через посредство демократической государственной власти».

Все это было очень красноречиво. Программа требовала дальше от государства ассоциации, широкого кредита со стороны государства, обеспечения труда за всяким сильным, пенсии за всяким хворым, старым.

Все вместе как-будто могло удовлетворить рабочих, еще более—обнищалых ремесленников, а в сущности являлось, конечно, бессознательно, лживой идеализацией современного общества, в котором будто бы мыслимы все эти реформы без коренного крушения его основных устоев.

За пределами этих партий стоял революционный рабочий класс, который склонен был верить в подобные программы. У него были, конечно, свои вожди, и не только наиболее смелые рабочие, но и высокообразованные, преданные революционеры-интеллигенты, в роде Распайля, Барбеса, но если они были бесконечно решительнее и революционнее Луи Блана, они все-же либо сами признавали возможным осуществление социализма путем свободных производительных союзов рабочих и государственного кредита, либо терялись в утопиях, совершенно неисполнимых в то время. Не было партии, которая ясно, трезво понимала бы задачи и, не упуская из виду конечной цели, правильно определила бы, что можно и должно сделать для ее осуществления в ближайшие дни.

(А. Луначарский).

жуазной демократии он получит все свои права, а не возьмет их, так-сказать, своими руками. Поэтому, он не хочет вступать в нелепую борьбу со стихийностью, он не должен брать на себя руководства революцией и вооруженным восстанием, не должен «захватить или разделить власть», а предъявлять (иногда с оружием в руках) свои требования к стоящей во главе революции буржуазной демократии». Это нас возвращает на несколько месяцев назад, когда эта мартыновская идея ярко фигурировала в знаменитом плане земской кампании. Не непосредственная борьба против самодержавия (ибо, ведь, стихийно она есть собственность буржуазии), а предъявление требований к буржуазии. Это сразу приводит нас к исправленному (я бы сказал: подрумяненному) изданию старой староверовской резолюции. От исправления она сделалась не умнее и не лучше, а наоборот. Если раньше все дело сводилось к формальным обещаниям со стороны либералов, то теперь, под влиянием критики зловредного Ленина, этой «язвы, разъедающей нашу партию», словечки «заявят», «выставят на своем знамени» заменены строгим словом «поддержка». И не только поддержка, но «энергичная, недвусмысленная, открытая» и проч. От этого дело становится только хуже. Если еще можно было ожидать формальных обещаний со стороны либералов (многими они уже теперь сделаны), то ожидать «энергичной и недвусмысленной (!) поддержки»—это значит затемнять сознание пролетариата. Нелепо было бы предъявлять требования, если не верить в их исполнение. И меньшевики верят им, делают вид, что верят в наших либералов и демократов. «В случае неисполнения этих требований,—грозят они либералам,—мы объявим вас «лицемерными друзьями народа». Если бы эта резолюция не была принята представителями с.-д. организаций, то я был бы убежден, что ее писали просто революционеры из буржуазии. Как? Позабыть, ни словом не обмолвиться ни в единой резолюции, что буржуазия в известный момент неминуемо попытается самыми варварскими мерами отнять у пролетариата его демократические завоевания, не предостеречь самым усиленным образом пролетариат от предательства буржуазии, примеры которого мы имеем в каждой буржуазной революции,—да полно, с социал-демократами ли мы имеем дело? Как? Верить, что буржуазия окажет «энергичную поддержку пролетариату в его борьбе за свободу стачек и союзов», когда именно в этой области вся западно-европейская буржуазия особенно проявляла предательство по отношению к пролетариату, когда до сих пор ни в одной европейской стране нет полной свободы стачек, когда свобода союзов еще так недавно тяжелой борьбой против буржуазии завоевана пролетариатом?

Невозможно без смеха читать резолюцию об участии во временном революционном правительстве. Здесь отступление меньшинства пред большинством прикрыто предсказаниями Аксельрода и глубокомысленными редутами Мартынова. Если резолюция Старовера наиболее выпукло выражает принципиальную ошибку меньшинства, то эта резолюция наиболее характерно выражает надутую пошлость, за которой притаилась неустойчивость и неуверенность в тыле. На принципиальный вопрос: допустимо или недопустимо участие во временном правительстве — дан робкий, увертливый, спрятанный в самом конце резолюции ответ («если она (власть) попадет в ее (с.-д.) руки»). Как это может случиться, если «она не будет ставить себе целью захватить или разделить власть»,—это тайна Пифии. Но, во всяком случае, это—отступление пред большинством. Правда, у меньшинства осталась еще одна крепость—«не должна ставить себе целью», но в этой крепости пробита уже значительная брешь допущением, что власть все-таки может попасть в руки социал-демократии. Надо думать, что скоро придется во все лопатки удирать и из этой крепости.

Вот, собственно, все, что я могу сказать об этих резолюциях меньшинства. На других я не останавливаюсь. Это именно я и излагаю в своих рефератах рабочим, конечно, подробнее, популярнее и подробно останавливаясь особенно на положительной стороне, т.-е. на изложении взглядов социал-демократии.

Из всего изложенного выше вы увидите, что я никак не могу согласиться с взглядом, будто тактические разногласия неглубоки. Если в постановке конкретных задач дело иногда сводится к оттенкам, а на практике к тому, что эти задачи выполняются одинаково скверно и большевиками, и меньшевиками, то это еще не значит, что разногласие невелико. Наоборот, у нас диаметрально противоположное отношение к буржуазии. Меньшевики проповедуют доверие, большевики недоверие.

В организационном вопросе, как я доказывал в своих рефератах, разногласия также глубоки. Меньшевики фактически формулировали федералистический принцип, на деле проводят самого худшего сорта централизм, а их «устав» представляет формулированную в виде параграфов демагогию. Я не говорю уже о целом ряде смешных противоречий устава, об отсутствии целого ряда важных параграфов, что делает их устав похожим на недоноска, появившегося на свет божий без головы.

Перехожу к вопросу о Гос. Думе. Я не знаю взглядов меньшевиков, слышал, впрочем, о каком-то фактическом плане самостоятельных рабочих выборов (повидимому, осуществление самодеятельности пролетариата) да еще о прокламации под заголовком «Ко всем лишенным прав». По поводу самостоятельных выборов я вспоминаю фельетон № 101 «Искры» (единственный, который я читал после 78 №,—боже, сколько я потерял!) и резолюции конференции, где очень часто проглядывает такая точка зрения, которую я бы шутя назвал «Erfüllungstheorie»—теория внедрения политической свободы в самодержавном режиме. (Это напоминает мне старое «Рабоч. Дело»). Самая характерная черта во всей этой «теории»—это желание произвести революцию без революции, революцию без вооруженного восстания.

Возвращаюсь к Думе. Мой взгляд—и взгляд комитета, что булыгинская дума—это попытка союза между крупной буржуазией и помещиками, с одной стороны, и самодержавием, с другой. Рабочий класс заинтересован в том, чтобы помешать этому союзу, чтобы сорвать его, сорвать выборы, сорвать Думу. Поэтому, разоблачая входящих в союз с самодежавием «конституционалистов», он должен проповедывать среди демократов бойкот и оказывать им поддержку. Задача подготовки вооруженного восстания, как самостоятельная задача пролетариата, не только остается во всей своей силе, но принимает еще более важное значение именно в виду Думы. Кратко говоря: одна часть буржуазии стоит за выбор, другая

за бойкот, и пролетариат, когда его спрашивают, за выборы ли он, или за бойкот, должен отвечать: «За вооруженное восстание». Первую часть буржуазии он разоблачает, вторую поддерживает.

P. S. Мельком видел № 2 «Дневн. Соц.-Дем.». Боже! Сколько пустопорожней болтовни по поводу диалектики и «диалектики». У Чехова есть человек в футляре, а у нас «диалектик» в кавычках. Не мешало бы ему напомнить, что Маркс говорил о себе, что он не марксист (надо думать, в кавычках). Думаю, что ссылка на Маркса достаточно ортодоксальна. Бедный «диалектик»!

(С. И. Гусев).

К вопросу о партийном объединении.

(Протокол и комментарии).

На 3-м совещании представителей ОК и ЦК по вопросу о партийном объединении представитель ОК, отвечая на сделанные ему представителями ЦК запросы, формулировал основы объединительной кампании следующим образом:

1. После выработки соглашения о методах окончательного восстановления единства партии ЦК и ОК создают объединительную комиссию, делегируя в нее по равному числу представителей. Комиссия эта имеет своей задачей проводить в жизнь намеченный план объединения, расширяя его с согласия обоих центров.

2. Предварительным условием полного партийного объединения, хотя бы и путем съезда, является полное слияние параллельных организаций в большинстве главных пунктов соц.-дем. работы, а именно: С.-Петербург, Москва, Одесса, Екатеринослав, Рига, Нижний, Баку. Основы для этого слияния определены в протоколе 1-го объединительного совещания ЦК и ОК.

3. Признавая, что для окончательного объединения обеих частей партии съезд в настоящее время не является необходимым, представитель ОК считает возможным за него высказаться, если будут соблюдены условия, необходимые для созыва действительно партийного съезда, а также условия, изложенные в пункте 2-м.

Обсудив эти заявления, Ц. К-т решил дать на них следующий ответ.

По пункту 1-му. ЦК сочувствует плану образования объедин. ком., но полагает, что комиссия эта, необходимая, разумеется, только в том случае, если не удастся полное слияние обеих сторон на основе работы III съезда, должна поставить своей специальной задачей подготовку и организацию объединительного съезда.

По пунктам 2-му и 3-му. Признавая высокожелательным объединение паралл. организаций на местах, ЦК полагает, однако, что делать предварительным условием созыва объединительного съезда, а также условием объединения центров слияние крупнейших местных организаций крайне невыгодно для дела объединения. Этим путем съезд и объединение откладываются на неопределенное будущее, потому что нет никаких способов принудить ряд крупнейших и наиболее резко расколовшихся организаций слиться при наличности неустраненных организационных разногласий, а также при наличности двух отдельных центральных аппаратов. С каким из двух центров были бы связаны объединившиеся местные организации? И если бы они слились без выполнения указанных представителями ОК реформ (предоставление решающего голоса в определенных случаях периферии), то не было ли бы это новым препятствием к созыву съезда и вообще к объединению? Судя по предложенной ОК формулировке,—было бы препятствием.

В дополнение к этому ЦК, снесшись со своим ответствен. редактором ЦО, имеет теперь возможность дать ответ по пункту 5-му ультимативных условий объединения, внесенных представителем ОК на 1-м и 2-м совещаниях ЦК.

Признавая, что существование двух центральных или двух официальных органов партии было бы как нельзя более вредно для дела партийного объединения (это были бы два общепартийных центра для подбора и кристаллизации всевозможных разногласий и недоразумений), и находя, что в силу обязательных для ЦК постановлений III съезда он даже формально не имел бы права содействовать образованию такой комбинации,—ЦК высказывается, с своей стороны, всецело за единый ЦО при коалиционной редакции.

ЦК полагает, что в случае окончательного отказа тов. меньшевиков от объединения на основе III партийного съезда единственным возможным способом слияния обеих сторон явился бы объединит. съезд. ЦК считает ненужными и вредными всякие ограничительные условия к созыву этого съезда, кроме тех, которые гарантировали бы правильность представительства партии на съезде. ЦК предложил бы столковаться определенно относительно времени созыва этого съезда, а до него в целях его подготовки устраивать местные и областные общие конференции. ЦК глубоко убежден, что при наличности искреннего стремления обеих сторон к единству партии, при незначительности разногласий и под давлением суровых требований исторической эпохи, которую мы переживаем, съезд самым прямым и самым простым путем положил бы конец расколу партии. Выработка же условий съезда могла бы быть предварительно выполнена совещаниями центров и другими конференциями и завершена на месте съезда соглашением делегатов обеих сторон.

Публикуя эти документы, ЦК считает необходимым дополнить их некоторыми пояснениями относительно своей позиции в вопросе об объединении.

Так как постановления III съезда обязательны для ЦК, созданного этим съездом, то ясно, что итти на объединение путем нарушения постановлений III съезда ЦК не может,—раньше он должен был бы сложить свои полномочия, и, во всяком случае, он обманул бы доверие избравших его. Следовательно, дилемма: либо на основе III съезда, либо путем нового съезда,—неизбежно вытекала из сущности дела.

ЦК взял на себя инициативу формальных переговоров об объединении, обратившись к ОК с открытым

письмом, в котором предлагал приступить к слиянию обеих частей российской соц.-демократии на основе работы III съезда. В письме этом ЦК выяснял, что ни по существу дела, ни с формальной стороны такое решение вопроса не должно встретить препятствий: по существу потому, что наличные разногласия не так значительны, чтобы оправдывать раскол, с формальной стороны потому, что все предварительные условия объединения, намеченные меньшевистской конференцией, уже выполнены частью III съездом, частью Ц. К-м без малейшего нарушения резолюций и устава, выработанных III съездом.

В ответ на это ОК от имени меньшевистск. организаций выставила 5 ультимативных предварительных условий объединения. Одно из этих условий,—2 ЦО или 2 «официальных» органа,—представляло из себя сохранение замаскированного раскола; два других требования,—предоставление районным к-там решающего, а не совещательного голоса в вопросах общей политики местного ком-та и решение вопроса об открытом массовом выступлении в каждом случае прямым голосованием всех организованных рабочих,—очень симпатичны принципиально, но очень спорны со стороны практической осуществимости и целесообразности при всяких местных условиях в наличной политической атмосфере; между тем, тт. меньшевики требовали не факультативного, а обязательного повсеместного проведения этих реформ; последнего ЦК не мог взять на себя уже и потому, что не имеет на это ни права в виду автономии местных организаций, ни достаточной реальной силы. Четвертое условие—организация центр. конференций для выработки общих тактических указаний в промежутке между съездами—ЦК не отклонил по существу, но в виду крайней практической трудности осуществления не решился взять на себя обязательства выполнить собственными силами, не отказываясь, однако, от возможного содействия. Наконец, против пятого условия—коалиционный ЦК — по существу Ц. К-т ничего не имеет.

Так как, однако, все пять условий были и остались ультимативными, то Ц. К-т принужден был перейти ко второй части своей дилеммы—к вопросу об объединительном съезде, что он и сделал на 3-м совещании. Здесь, как ясно из приложенного документа, тт. меньшевики внесли опять-таки более чем трудно выполнимые ограничительные условия.

Объединение вне рамок III и без созыва IV съезда ЦК считает совершенно невыполнимым. Заменить съезды конференциями и опросами организаций, как предполагают тов. меньшевики, невозможно как по существу, так и по формальным соображениям. Местное, хотя бы и повсеместное обсуждение вопросов партийной жизни не может заменить общепартийного обсуждения и решения их; первое не только гораздо уже по своему материалу, по содержанию партийного опыта, который оно охватывает, но и связано со слишком малою ответственностью обсуждающих за результаты их решения. Плебисцит—не парламент, это слишком хорошо выяснено историей; опрос организаций настолько же не равняется съезду, насколько арифметическая сумма организаций не равняется партии.

Политика тт. меньшевиков, на наш взгляд, остается и теперь тою же, какой она была до III съезда. Тогда они всячески затрудняли дело организации съезда и отказались, в конце-концов, от открытого объяснения на съезде. Они предпочли раскол без взаимного объяснения. Съезд мог дать или, как мы были глубоко уверены, настоящее единство партии, или сознательное временное разъединение, в котором все было бы ясно, и которое партии было бы неизмеримо легче преодолеть. И в этом втором, худшем, случае насколько мы были бы ближе к объединению, чем теперь, когда приходится взаимно столковываться «по кусочкам» и во мраке российских конспиративных условий!

До сих пор среди тт. меньшевиков обнаруживается особенная склонность к тем фиктивным формам объединения, которые чисто-внешним образом замазывают раскол и на практике ведут, как было до III съезда, к величайшему хаосу и анархии, к настоящему разложению партии. Пример—следующая резолюция влиятельной «Петербургской группы»:

«Признавая необходимым немедленное объединение обеих частей партии, Петербургская группа считает, что такое объединение может с успехом осуществиться лишь на основах, предложенных ОК на совещании с ЦК, при чем наиболее важными из выставленных условий Пет. группа признает расширение прав периферии и создание механизма, обеспечивающего систематическое влияние местных и областных организаций на тактику и политику ЦК,—Петербургская группа предлагает всем местным организациям немедленно высказаться по этому вопросу и, считая, что только тесное сближение между периферіями «большинства» и «меньшинства» может быстро увенчать успехом объединительные попытки обоих центров, рекомендует местным организациям немедленно заключить между всеми организационными ячейками самые тесные и по возможности постоянные организационные объединения при сохранении организационной связи с соответствующими частями партии, т.-е. при необязательности подчинения меньшинства объединившейся коллегии решениям ее по тем вопросам, которые разделяют обе части партии».

Это значит — объединять партию снизу и раскалывать ее сверху.

От ред.[2]). Мы, со своей стороны, можем лишь приветствовать вполне ясную и определенную постановку вопроса Ц. К-том. Или слияние с партией на основе решений III съезда, или объединительный съезд. Орг. Комиссии предстоит сделать окончательный выбор. Если она отвергает вступление в партию на основе решений III съезда, тогда необходимо приступить тотчас к подготовке и выработке условий объединительного съезда. Для этого следовало бы, во-1-х, с безусловной точностью заявить формально обеим сторонам, что в принципе признается необходимым созыв двух съездов в одно время и в одном месте; во-2-х, определить также формально, что все организации каждой части партии безусловно подчинятся решениям съезда своей части. Оба съезда должны, иначе говоря, иметь решающее, а не совещательное значение для соответствующей части партии; в-3-х, необходимо заранее установить определенно, на каких именно началах созываются съезды, т.-е. от каких именно организаций по скольку деле-

гатов с решающим голосом (пп. 2 и 3 для той части партии, которая признала III съезд, определены уставом Р. С.-Д. Р. П., принятым на III съезде); в-4-х, надо тотчас же открыть переговоры о времени и месте съезда (об условиях слияния и моменте слияния двух съездов в один будет уже постановлено самими съездами); в-5-х, крайне важно приступить сейчас к выработке самого точного и детального проекта слияния, которой должен быть предложен на решение обоих съездов. Это дело—настоятельно необходимое. И опыт других партий, и опыт нашей партии показывают ясно, что без заранее изготовленного, опубликованного и всесторонне обсужденного проекта или проектов объединения съезды не будут иметь никакой возможности решить столь трудного вопроса.

Итак, очередь теперь за Орган. Комиссией, и ее решения с нетерпением будут ждать все сторонники объединения.

(Н. Ленин).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Киев. 11-го сентября на закрытие съезда психиатров явилось народу видимо-невидимо, а полиция не пропускала безбилетной публики и произвела при этом два ареста, избив, как говорят, арестованных. При этом она охраняла порядок не только на улице, но и внутри. Публика выставила требования: удалить полицию, освободить арестованных и впустить в зал всех желающих. Бюро съезда взяло на себя охрану порядка, и полицмейстер сдался; зал был очищен от полиции, публику впустили; затем один из членов бюро вместе с полицмейстером отправился в участок освободить арестованных. При этом полицмейстер дал честное слово, что немедленно произведет строгое расследование, и что будут удалены со службы те, которые избивали публику. Все это сообщил публике председатель и, когда все успокоились, попросил разрешения открыть съезд, но публика заявила, что не даст открыть заседания до тех пор, пока член бюро не вернется из участка. Один из товарищей взошел на кафедру и предложил воспользоваться свободным временем, открыть народный митинг. Многие запротестовали, говорили, что грешно таким образом сорвать съезд, что митинг следует устроить после съезда. Опять взошел на кафедру председатель, проф. Сербский, и сказал: «Господа, попросив полицию удалиться, мы взяли на себя охрану порядка и нравственную ответственность за всех здесь присутствующих, а потому вам нечего и некого бояться; для того же, чтобы у вас был порядок, я вам советую выбрать председателя и открыть собрание». Нескончаемые аплодисменты были ответом на эти слова. Товарищи (двое) говорили с большим жаром. В это время вернулся из участка член бюро. Оказалось, что арестован был извозчик, который не хотел бесплатно везти арестованного в участок, и еще один (судя по некоторым замечаниям, товарищ), который был также избит. Теперь только публика разрешила открыть съезд. Докладчик был проф. Рот, но его не оказалось. Были прочтены заключительное слово и вынесенная съездом резолюция, одна из тех резолюций, которые игнорируют требования свободы стачек и неопределенно заявляют требование «истинного народного представительства». После этого взял слово проф. Сикорский; когда в это время товарищ стал говорить, он закричал: «Дайте нам раньше уйти». Опять проф. Сербский заявил: «Господа! я повторяю, что бюро съезда взяло на себя нравственную ответственность за благополучие всех вас, а потому я лично считаю себя обязанным остаться здесь до конца собрания; думаю, что и другие члены останутся здесь с нами». Председатель выразил от всего собрания благодарность проф. Сербскому и порицание проф. Сикорскому. Затем по предложению председателя была пропета «Вечная память». В ответ на резолюцию съезда председатель предложил вынести т свою резолюцию. Не успел он произнести несколько слов, как боковым ходом был введен в зал наряд войска и полиции. Публика осталась на местах. Выбросили красное знамя. Проф. Сербский встал на стол (он все время сидел на столе и аплодировал ораторам). За ним встали и другие члены. Он напомнил полицмейстеру, что нравственная ответственность за публику лежит на нем, и попросил дать время публике разойтись. Полиция и войско удалились под свист и шиканье публики. Профессора качали и пожимали руки. Публика расходилась мирно, хотя в зале еще пели. Члены до конца не оставили своего поста. «Ничего не будет,—говорили они публике,—ведь, мы не уйдем, пока вы не будете вне опасности». Интересны были некоторые картинки, например, как Сербский сам выпроваживал пом. полицмейстера, взяв его за плечо, а публика стоит и хохочет. Когда мы вышли на улицу, были и казаки, и конные городовые, и пехота, но никого не трогали. Публики было до 4.000 ч.

Баку. (7-го сент.). Всякого сравнивающего положение вещей в Баку в февральские дни и сейчас поражает громадная разница в настроении всех слоев бакинского общества. Резня в феврале вызвала необычайный подъем революционного духа. Митинги следовали за митингами, самые умеренные либералы считали необходимым показать себя самыми ярыми радикалами. Попытка правительства создать антиреволюционную силу в массе самых некультурных и темных амбалов сплотила сразу все остальные элементы бакинского общества. Крупная армянская буржуазия подписывалась беспрекословно под всеми требованиями местного комитета. Комитетские резолюции единогласно принимались на больших митингах, состоявших далеко не из одних только рабочих. Всюду говорилось о необходимости вооружиться, о необходимости достать средства для вооружения. Для каждого было ясно, что февральская попытка правительства не окончится этими днями, что она повторится, и не раз еще. Для всех—и русских, и армян—была очевидна подоплека происшедшей резни, ее ярко выраженный провокаторский характер. Совсем иное дело сейчас. После теперешнего погрома не было уже ни одного митинга, ни одного протеста. Правительство весьма удачно разыгрывало роль примирителя национальной вражды, защитника несчастных армян, с одной стороны, и несчастных татар—с другой. Армянское общество, умоляя о защите и охране частной собственности, пользуется всяким случаем, чтобы подчеркнуть свою лойяльность: шлет благодарственные адреса за возврат церковных имуществ, выражает признательность ген.-губернатору за «своевременную помощь» и т. д... Русские молчат, а промеж себя ругают армян, как зачинщиков всей смуты. Широкие рабочие массы, подавленные нахлынувшей безработицей и угрожающей голодовкой, ищут виновника, и невольно ищут его вблизи. Только самые передовые слои связывают резню с общим строем жизни. Как-то вдруг все уверовали в национальную вражду. Как это ни печально, но приходится отметить, что за все время погрома не было ни одного случая открытого, активного выступления как партийного комитета, так и меньшевистского союза. Свою пассивную роль комитет объясняет неудавшейся общей забастовкой, которая должна была состояться накануне погрома, а главным образом, недостатком вооружения. На улицах Баку происходила форменная резня, и выступать против громил с голыми руками было бы нелепо, оружие же у комитета почти совершенно отсутствовало. Не могла также по чисто-случайным и независящим обстоятельствам работать и комитетская техника. Не знаю, по тем ли причинам, или по каким-нибудь другим, такую же пассивную роль сыграла и меньшевистская организация; она так же, как и комитет, не проявила себя ничем. Тот факт, что проявить себя в эти дни могли единственно только националисты-дрошакисты, доказывает, по-моему, лишь то, что правительственная тактика натравливания одной национальности на другую будет итти успешно до тех пор, пока на Кавказе существуют национально замкнутые политические партии, ставящие себе самостоятельные националистические задачи. Будь в Баку отряд человек в сто хорошо вооруженных (ружьями) русских рабочих, их выступление, их активное вмешательство имело

бы громадное политическое значение и дало бы армянам гораздо больше, чем сотни хорошо вооруженных дрошакистов. В том, что русские рабочие остались пассивными, виноваты в значительной степени сами дрошакисты. У них было много средств, много оружия, но в то же время они всячески изолировались от русских, отказываясь помочь комитету организовать вооруженные отряды из готовых итти на помощь русских рабочих. Местный комитет, не имея средств (вся буржуазия здесь состоит из армян), сделать на свои гроши ничего не мог. Существование националистических партий только содействует национальной травле правительства. Вот урок, который должны извлечь из последних событий армянские националисты.

(М. Лядов).

Казанский Комитет в заключении своего листка о булыгинской думе («Новый обман») говорит: «Долой эту Г. Думу, долой эту гнусную попытку обмануть народ! Пусть все оттолкнут этот подлый обман, пусть никто не выбирает туда и никто не идет в приспешники самодержавия! Не Г. Думу, изобретенную Булыгиным, а всенародную Думу, избранную всем народом,—вот что надо нам. Ни царь, ни министры, ни чиновники, а учредительное собрание, выбранное всем народом на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, устроит новые порядки в русской земле. Долой самодержавие! Долой Гос. Думу! Да здравствует всенародное учредительное собрание! (9-го августа 1905 г.)».

Северо-Западный Союз о Государственной Думе. Изданный Союзом в 20.000 экз. листок под назван. «Долой Гос. Думу» заканчивается заявлением: «Мы будем всячески протестовать против гнусной комедии правительства—Гос. Думы, в которой мы лишены всяких прав. Мы будем повсюду устраивать митинги с вынесением протеста против правительственного обмана, мы будем выходить на улицу, наконец, мы с оружием в руках не дадим состояться выборам в самодержавную Гос. Думу, будем добиваться своих прав. На гнусную попытку царского правительства ответим: долой Гос. Думу! Да здравствует учред. собр. на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!».

Проект приговора. Окружной Организацией Московского Комитета издан проект крестьянского приговора по поводу выборов в Гос. Думу. В этом проекте, между прочим, говорится следующее: «По новому царскому закону Гос. Дума будет состоять из представителей только богатых и знатных. Рабочие и крестьяне не только не могут в эту Думу попасть, но они не имеют даже права и выбирать. Если нам, крестьянам, с первого взгляда, как-будто и дано право голоса, то, пройдя через четыре решета: волостное, уездное и губернское избирательные собрания, под председательством земских начальников да губернаторов,—в Гос. Думу попадут только те из крестьян, которых мы зовем кулаками-мироедами, так как они-то всегда угодны высшему начальству. А затем в законе сказано очень ясно, что Гос. Дума имеет совещательный голос, а все дела решает царь и его министры. Это значит все равно, как у нас на сходке, что если сход что-нибудь решит, а земскому начальнику это не нравится, то решение сходки он бросает в корзину с мусором и решает по-своему. На земского можно подать жалобу, а на царя подавать уже некому, и потому в Госуд. Думе, если, например, представители решат убавить подати, а царь и министры не согласятся на это, тогда все, что вырабатывала Дума, идет насмарку. Царь Николай подпишет «быть податям по-старому» или «прибавить акциз на спички», и управы на него никакой уж нет. Отсюда выходит, что Гос. Дума без решающего голоса все равно, что колесо без спиц. И теперь мы поняли, что царь этой Думой хочет отвести нам глаза и сделать приятное богатым и знатным. Он, видя народное возмущение, бросил нам, как голодной собаке обглоданную кость с целью, чтобы мы обломали об нее наши зубы и заткнули глотки, которые теперь по всей России орут: «Долой самодержавие царя! Да здравствует самодержавие народа!». Но царскому правительству не обмануть нас. Мы теперь поняли, что оно—друг наших врагов богачей-помещиков, и что поэтому оно не защитник наших интересов, а наш враг—обманщик, а потому «долой его!».

«Мы теперь сознали, что если мы хотим себе лучшей доли, лучшей жизни, то нам необходимо вести борьбу за то, чтобы делами государства управляли не царь и чиновники, а наши настоящие представители с полным решающим голосом без всякого царя и чиновников, с полной властью издавать законы в наших интересах. Мы знаем также, что Р.С.-Д.Р.П. борется за полное освобождение народа от ига самодержавия и богачей, поэтому мы присоединяемся к ней и заявляем: 1) выбирать в подлую царскую думу мы не будем; 2) будем добиваться с оружием в руках нашей настоящей народной Думы, демократической республики, которую и создаст учредительное собрание, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования избранное.

Петербург. Даже и в деле сыска система Плеве признана негодной. И вот как результат командировок за границу Штюрмера, проф. Дерюжинского и др., изучавших сыск по всей З. Европе, явился новый план борьбы с «крамолой», для осуществления которого департамент полиции выписал из Парижа руководителей-сыщиков, любезно уступленных друзьями-французами, а также и из Америки агентов так-называемой вольной полиции. Д. П. пришел к к убеждению, что суд с участием сословных представителей при существовании нового уголовного уложения (спасибо, проф. Фойницкий!) более удобен, чем жандармский застенок. Но зато для суда сословных представителей необходимо иметь более или менее явные улики. Д. П. и этим не смущается, благо денег у него много: им решено, во-первых, увеличить число провокаторов, а во-вторых, арестовывать преимущественно на «месте преступления», как, напр., при переноске или на складах оружия и литературы, в кружках, на собраниях и т. п. Таким образом, раз напав на след «крамольника», арестовывают его лишь тогда, когда при аресте есть наибольшее вероятие добыть те или иные улики. Кроме того, необходимо иметь в виду всем товарищам то обстоятельство, что теперь особенно следят за всеми приходящими на свидания к арестованным и хлопочущими о них, а также за уже сидевшими. Далее могу сообщить, что в настоящее время «слежка» чрезвычайно усилена, так как Д. П. намеревается в декабре и январе произвести массовые аресты, надеясь ослабить революционное движение к началу заседаний булыгинской подачки либералам.

Резолюция, принятая на сходке в Петербургском университете 13-го сентября 1905 г. Принимая во внимание: 1) что на сходке 7-го февраля 1905 года мы, студенты университета, постановили посредством общей забастовки протестовать против существующего порядка гнета и произвола и заявили свою решимость бороться до конца за полное и действительное народное правление; 2) что октроированная манифестом 6-го августа Гос. Дума ни в каком отношении не может быть названа **народным** представительством, но, оставляя бесправными широкие массы населения, является позорным издевательством над стремлениями рабочего класса и всего народа и при сохранении полной несвободы имеет своей задачей единственно служить укреплению самодержавно-полицейского строя; 3) что единственным путем завоевания действительно народного правления является созыв всенародного учр. собрания временным революционным правительством, органом победоносного вооруженного восстания; 4) что в настоящее время рабочий класс и деревенская беднота развивают ко времени позорной комедии выборов в Гос. Думу упорную и решительную борьбу против этого посягательства на народные интересы, и что для всего прогрессивного студенчества является задачей и вопросом политической чести с возможно большей силой и энергией примкнуть к поднимающемуся протесту, к борьбе; 5) что в силу этого перед всем революционным студенчеством стоит теперь огромная задача развить интенсивную работу и содействие рабочему классу для подготовки и организации сил этой открытой борьбы; 6) что открытие высш. учебн. заведений и превращение их в очаги революционного брожения является мобилизацией сил студенчества; 7) что продолжение студенческой

забастовки не может иметь в данный момент такого политического значения, какое она имела в начале этого года, и какое она может, начавшись снова, иметь в будущем, как один из способов поддержки студенчеством решительной борьбы рабочего класса, и, наконец, 8) что неудовлетворенные, как студенты, ничтожной и половинчатой «автономией», брошенной правительством в виде подачки профессорам, не получившие, как граждане, никакого удовлетворения на наше требование действительного народного представительства, мы, как студенты и как граждане, должны перейти к другим, более действительным средствам борьбы за выставленные нами общенародные требования.

Принимая все это во внимание, мы, студенты Петербургского университета, собравшись на сходку 13-го сентября 1905 года, постановили:

1) Отложить объявление забастовки впредь до того момента, когда это будет выгодно по соображениям революционной тактики; 2) исключительно в этих целях открыть университет для развития в его стенах и вне их широкой работы по подготовке надвигающейся решительной борьбы; 3) использовать все средства к усилению революционной деятельности студенчества путем устройства всенародных митингов и организации академического легиона, как одного из отрядов, примыкающих к великой армии борющегося за народную свободу рабочего класса.

И пусть наш открытый университет станет для самодержавного правительства еще более опасен, чем был для него опасен университет бастующий!

Результат голосования: за резолюцию 1.702 голоса, против 243, воздержалось от голосования 77.

Товарищ, приславший эту резолюцию в редакцию «Пролетария», прибавляет от себя:

«Первый раз студенческая сходка выражала желание выставить из залы освобожденца. До чего дожили!.. На сходке велись жаркие дебаты между с.-р. и с.-д.,—почти исключительно большевиками. Да и сама резолюция определенно отвечает на вопрос, какая из фракций с.-д. была руководительницей».

Петербург. 16-го сент. Теперь во всех высших учебных заведениях происходят необыкновенные сходки, открытые для всей публики: рабочие, интеллигенты, студенты и курсистски других учебных заведений, просто любопытные с улицы,—всех пускают на сходку.

15-го сент. была такая же сходка в Женском Медицинском Институте. Продолжалось с утра до вечера с перерывом для отдыха. Говорили курсистки, рабочие, студенты, интеллигенты. Во всех учебных заведениях на этих сходках выступают представители с.-д., с.-р., либералов и др. партий, называя каждый раз, кто к какой партии принадлежит. Открыто говорится то, о чем говорили раньше втихомолку. Называются эти сходки митингами. На этих митингах представители двух направлений весь день пререкаются друг с другом. С.-р. призывают к забастовке с тем, чтобы студенты шли в народ на пропаганду и агитацию; с.-д. просят открытия учебных заведений, только для виду, если нужно—заниматься для официальности, открыть для того, чтобы воспользоваться моментом и устраивать такие же митинги, какие идут теперь, пока не закроют учебных заведений.

Быть всем в Петербурге (отнюдь не бастовать и не разъезжаться по провинциям: все студенты все равно не пойдут в народ, а пойдут в деревню только единицы,—так говорят с.-д.), чтобы в решительный момент революции быть сплоченной и организованной силой. Революционные же моменты, по словам с.-д., начнутся скоро и именно в Петербурге, а не в провинции. Вот основные темы для споров на митингах в учебных заведениях. Говорят много представители рабочих, тоже от разных партий. На некоторых сходах говорили профессора и либералы (Гессен и др.).

Теперь можно сказать определенно, что высшие учебные заведения будут открыты, но едва ли мы долго будем учиться, потому что митинги будут продолжаться, а этого, ведь, не потерпят. Теперь терпят потому, что предполагается, что говорят о начале занятий, и на посторонних присутствующих смотрят сквозь пальцы... (Из частного письма).

Симбирск, 12-го сентября. В селе Нагаткине (37 в. от Симбирска), в имении Белякова были аграрные волнения. Почвы для последних, по мнению самого Белякова, не было, потому что для крестьян он—«отец и благодетель» и всегда за крестьян стоит. Но «благодетелем» Беляков является только в городе при разговорах с людьми посторонними, ибо время такое, что всякому мерзавцу приходится носить маску народного героя или, по крайней мере, защищающего народные интересы. Но в деревне маска снимается, и г. Беляков встает перед нами во всей красе, с ужасной эксплоатацией, издевательством, непечатной бранью и прочими атрибутами дореформенного времени. Держит 30 чел. рабочих (мордва из Ардатов. уезда); все из села Парадеева (там весной было 5 поджогов, подожгли дом старосты). Народ очень темный и забитый. Плата за время от Пасхи до Покрова 35—50 руб., за круглый год 50—60 руб. Условия невозможные, кормит гадко, жилища еще того хуже. Каменный флигель без пола, грязь, копоть и тут же лошадиная сбруя...

В ходу и штрафы. Вез, например, мужик солому и уронил 2—3 снопа. Управляющий, ехавший сзади, оштрафовал на 50 копеек; иногда штрафы доходили до 10 руб. Никакой определенной нормы рабочего дня не существует. Работают, сколько бог на душу положит Белякову,—с 4 час. утра до 9 вечера (17 час.!). Остальную землю «благодетель» обрабатывает разными способами. Частью сдает в аренду (40—50 руб. за 2 дес.), частью отдает «исполу». Больше отдает на отработки. Аграрное движение началось по всей Нагатской волости с весны. Тогда собирался сход волостной, составили петицию «царю-батюшке» (с весны же крестьяне начали получать нелегальную литературу). Составили петицию и послали, но ничего не вышло из этого. Ждали мужички, ждали и начали волноваться. В конце июля весь урожай нынешнего года у Белякова сожгли. (Факт поджога дознанием не был установлен, как утверждают злые языки). Несуразной показалась благодарность мужицкая г. Белякову. Дня через три после пожара ехал Беляков в коляске с женой и служащим земской управы Сладковым; деревенские парни с почетом встретили благодетеля, камешками начали покидывать. Господа перетрусили, да так, что потом утверждали, что это у них были страшные минуты в жизни. В этот же день у Белякова сожгли копны. А вечером, выведенные из терпения поборами, нахальством, издевательством и грубостью попа, крестьяне сожгли весь поповский хлеб и дом. Озлобление было так велико, что имущество, которое вытаскивали из огня, бабы и девки бросали обратно в огонь. Беляков уехал в Симбирск и упросил губернатора прислать казаков. Казаков прислали полсотни. За несколько часов до приезда казаков нагрянули жандармы, сделали обыск, ничего не нашли и взяли трех братьев Елиных (один ученик земледельческого училища) и Василия Шеина. Хотели-было взять крестьянина Дикарева, да без казаков побоялись (он пользовался в селе большим уважением и мужик интеллигентный). Когда приехали казаки, снова взялись за Дикарева. Собравшаяся толпа чел. в 400 решила не давать его. Тогда он обратился к народу: «Братцы, оставьте меня, потому что может выйти ненужное кровопролитье; а когда я буду в тюрьме, то позаботьтесь обо мне». Потом, обратившись к жандармам, сказал: «Я не поджигатель; тушивши пожар, я ожег себе руки, а если вам хочется взять меня, то берите, как борца за народное право». Он был взят. Теперь все 4 в тюрьме. И... по всей волости брожение. На окружных помещиков пожар подействовал. Многие перетрусили. Так, Арцаков призывал к себе уполномоченных от крестьян, просил их заявить, что им нужно: «Удовлетворю, лишь, пожалуйста,—просил,—не прибегайте к аграрному террору!»—и предлагал земли на выгодных условиях.

Тоже «из впередовского арсенала». В № 16 «Пролетария» мы уже отметили и дали должную оценку той критике, с которой «Последние Известия Бунда» выступили против позиции «Пролетария» в вопросе о Гос. Думе. «Она (т.-е. позиция) страдает,—по словам редакции «П. И.»,—одним существенным недостатком: она связывает агитацию против Думы с «дружинами», «временным правительством» и тому подобными вещами, взятыми из «впередовского арсенала» и т. д. (№ 247, «Дума контр-революции»).

Прочитав только-что вышедший № 249 «Последних Известий», мы с удовольствием убедились, что некоторыми из этих «существенных недостатков» грешит позиция и самих бундовцев (правда, российских работников, а не заграничной редакции их органа). Такими, напр., «вещами», как «дружины», не побрезговал и недавно состоявшийся «Первый съезд представителей организаций киевского района Бунда», на котором присутствовали делегаты от 9-ти районных организаций (на 45 городов и местечек киевского района).

В отчете об этом съезде, напечатанном в № 249 «П. И.», находим резолюцию о Государственной Думе, в которой (т.-е. резолюции) черным по белому написано: «В виду предполагающегося в ближайшем будущем открытого выступления (пролетариата) съезд предлагает районным организациям приступить немедленно к организации боевого отряда (по-нашему, скажем, «дружины») и приобретению для этой цели огнестрельного и холодного оружия».

Уж эта-то «вещь» («боевые отряды») целиком заимствована из «впередовского арсенала»! И как это не доглядела хитроумная редакция «Последних Известий»?

(Н. Чужак—А. Насимович).

Ошибка или недоразумение? В отчете о том же съезде представителей организаций киевского района Бунда читаем, между прочим, такую резолюцию о работе в войсках: «Признавая необходимым для данного момента самую интенсивную работу среди солдат, съезд предлагает всем районным организациям немедленно приступить к организации беспартийных (курсив наш) военно-революционных организаций и вести агитацию среди войска в том направлении, чтобы в момент восстания привлечь его на сторону революционеров».

Что это: ошибка, явный абсурд или редакционная неточность, недоразумение?

(Н. Чужак—А. Насимович).

Сердитый ответ. Наша статья «Теория самопроизвольного зарождения» («Прол.» № 15) вызвала крайне сердитый ответ Бунда. У него даже нехватило собственного запаса сердитых слов, и он позаимствовал их еще у известного противника грубой полемики Плеханова. В чем же дело? За что сердится Бунд? За то, что мы, с одной стороны, оговорили возможность иронии в бундовской хвале по адресу «Искры», а с другой стороны, высмеяли солидарность Бунда с «Искрой» по целому ряду пунктов. Эту двойственность Бунд взваливает на нас, обвиняя нас в фокусничестве и т. д. и обходя полным молчанием весь наш разбор, несомненно, неиронических и столь же, несомненно, неверных аргументов Бунда. Отчего Бунд обошел молчанием этот разбор по существу вопроса, им самим поднятого? Оттого, что из этого разбора видна двойственность позиции самого Бунда, который, с одной стороны, отрекся от искровской «думской» тактики, а с другой стороны, повторил серьезнейшим образом ряд искровских ошибок. То, что сердитый Бунд объясняет нашей двуличностью, на самом деле объясняется двуличной позицией Бунда по вопросу о том, выставлять ли нам лозунг созыва учр. собрания временным революционным правительством или царем, или Гос. Думой, или же самопроизвольного зарождения этого учр. собрания. Мы показали, что Бунд запутался по этому вопросу. Бунд и до сих пор не дал на него прямого ответа. И если Бунд теперь бранится по поводу того, что мы ему показали зеркало, то мы ответим пословицей: «На зеркало неча пенять, коли...».

(Н. Ленин).

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. 31-го авг. рабочими Семяниковского завода был назначен митинг для решения вопроса о «черной сотне», появившейся в котельной мастерской. Это была группа рабочих, которые стремились к повышению расценок и объявлению забастовки с целью, как объяснили сознательные рабочие, вызвать всеобщий расчет и таким образом выкатить всех сознательных. В повседневной жизни эта группа отличалась крайней грубостью в обращении с остальными, позволяла себе драться по физиономиям и держала в страхе всю котельную мастерскую. Так как вопрос об удалении с завода подобных господ был крайне важен для всех, то после окончания работ и даже за некоторое время до гудка к месту митинга стали толпами стекаться из разных мастерских рабочие. В короткое время почти весь громадный двор завода был запружен народом. Стояли спина к спине, плечо к плечу. Посредине на импровизированной трибуне стояли над толпой старосты. Когда толпа достигла тысяч до 4-х, и воцарилась тишина, один из старост открыл собрание.

Трудно передать точно содержание его речи: он говорил тихо, невнятно, с частыми повторениями и недомолвками. В общем смысл речи сводился к перечислению обид со стороны черной сотни, к указанию на общий террор, который наводит эта группа; кончил предложением сплотиться для отпора черносотенцам. Второй оратор, рабочий из той же группы старост, остановился на социально-экономическом положении черносотенных элементов. Он указал отличие их от чистого пролетариата, указал и дезорганизаторский характер их действий. Затем высказал предположение о том, что эта группа является не случайным соединением кучки единомыслящих людей, а, наоборот, есть результат организации сверху «полицией и бюрократическими силами», как выразился оратор. В доказательство этого предположения он указал на клеветы и инсинуации, распространяемые этими людьми о соц.-демократах, которые являются друзьями рабочих; тут же вскользь он дал объяснение слову «демократ», происходящему от греческого demos—народ, и кончил предложением в случае повторения со стороны черной сотни какого-либо проступка исключить их из своей среды, потребовав у администрации их удаления. Речь была встречена общим одобрением. Затем поднялся оратор от Комитета. До митинга он находился в одной из мастерских, а во время речей в толпе рабочих, совершенно лишенный возможности пробраться к трибуне вследствие массы народа.

Стоя на доске, перекинутой через оба края громадного медного куба, он возвышался над всей толпой. При первых же словах оратора толпа сгрудилась, и было видно, как со всех сторон подбегали и присоединялись рабочие, до тех пор не слушавшие. Речь продолжалась минут 20-25. Вот приблизительный конспект речи.

Сначала оратор поблагодарил собрание за то доверие и уважение, с каким оно отнеслось в лице второго оратора, которому аплодировали, к Р.С.-Д.Р.П. Затем, охарактеризовав черную сотню лишь как одно из проявлений современного режима, он представил всю Россию, как громадное поле борьбы, на котором черные сотни всех родов и видов, всех форм и родов оружия борются с проснувшимся народом. Вкратце перечислив все события до последних бакинских и тифлисских, упомянув о Лодзи, Одессе, Варшаве, Иванове-Вознесенске, «Потемкине», указав на волнения матросов в Либаве, Порту Александра III, Кронштадте, Севастополе, упомянув о надвигающемся голоде, он поставил вопрос: почему в России вся эта бедность? Соц.-демократия дает ответ на этот вопрос.

Приступая к характеристике партий, оратор указал, прежде всего, на мощь рабочего движения на Западе и привел пример сознательности германского и французского пролетариата в деле предупреждения марокканского конфликта. Затем, переходя к государственному устройству, давшему возможность рабочим обеих стран подать свой голос и заставить к нему прислушаться, он остановился на путях к достижению политической свободы в России, на необходимости учредительного собрания и всеобщего избирательного права. От картины правовых гарантий и правового государства оратор перешел к социализму.

Для более наглядного представления картины современного классового господства он нарисовал вид Невского или Морской с представителями самых разнообразных классов, которые там встретятся, и указал на разницу социально-экономического положения отдельных лиц и на их отношение к средствам производства и к источникам до-

ходов. Расчленив на отдельные классы всю массу людей и подробнее остановившись на положении рабочего и капиталиста и на их взаимном отношении, он указал на историческую необходимость развития рабочего движения в России, на его интернациональный характер и окончил призывом рабочих под красное знамя Р.С.-Д.Р.П. для завоевания социализма.

До сих пор молча и напряженно слушавшая толпа при словах оратора: «И скажет тогда грозный и могучий рабочий класс: Слушайте вы, господа капиталисты, фабриканты, домовладельцы, землевладельцы! Будет вам растить свое жирное брюхо,—пусть фабрики, заводы, земля, все орудия производства и все продукты будут собственностью самих производителей, — и будет так», — толпа не выдержала и долго подавлявшееся одушевление вырвалось единым криком из тысячи грудей, даже не дав кончить оратору. А затем вся толпа вслед за оратором по мановению его руки повторяла один за другим соц.-демократические лозунги: «Долой самодержавие! Да здравствует Р.С.-Д.Р.П.! Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует всеобщее избирательное право. Да здравствует революция! Да здравствует социализм!».

Затем говорил еще один рабочий о черной сотне, но закончил речь тоже словами «Долой самодержавие!» Толпа разошлась взволнованная и возбужденная.

Обуховский завод (21-го сентября). Приблизительно в 5 часов вечера я прошел в костюме рабочего, синей блузе и картузе, в главные ворота Обуховского завода, со звоном опустив в расщелину стола жестяной номер одного из организованных рабочих. На известном пункте нас ждали уже кучки рабочих, которые по поданному знаку побежали бегом по мастерским предупреждать о митинге. Сидя на деревянной лесенке у вторых ворот завода, я наблюдал, как сходились отовсюду рабочие: сперва появилась самая буйная снарядная мастерская, затем стали подходить и другие. Приблизительно минут за 5 до гудка, когда толпа достигла 1.000 человек, я влез на какую-то мусорную яму и начал говорить. Сильная простуда мешала звучности голоса: он принял сразу какой-то хриплый, сдавленный оттенок; мне пришлось, опасаясь за горло и за то, что голосу могло нехватить до конца, укоротить чуть ли не наполовину свою речь, она продолжалась не более 10 мин. При первом же обращении: «Товарищи! Знаете ли вы, что такое Р.С.-Д.Р.П.?»— вся толпа обратилась ко мне. Приблизительный конспект речи следующий:

«Современное положение России, последние события в Баку и Тифлисе, что нужно рабочим, что им даст правительство, Гос. Дума, ценз, исключение из представительства рабочего класса, который своею кровью завоевал его; чего хотят социал-демократы; всеобщее избирательное право, долой самодержавие, мощь рабочего движения на Западе, конечная цель соц.-демократии; социализм и передача всех средств производства в общественную собственность». Особенное впечатление произвел факт предупреждения войны рабочими во Франции и Германии, и сопоставление этого факта с русско-японской войной: вся толпа в один голос крикнула «так!». Во время речи отворились ворота завода, и некоторая часть шарахнулась в них, но остальные мощным криком: «Стой, не уходи!»— остановили ее.

Когда я кончил, толпа так же единодушно поддержала крик «долой самодержавие» и с пением марсельезы вышла на улицу, к ужасу единственного городового, стоявшего напротив и беспомощно разводившего руками.

Петербург. 24-го августа на Обуховском заводе нашими рабочими был организован митинг. По окончании дневной смены около 900 рабочих собралось частью во дворе завода, частью за воротами. Оратор (посланный Невским районом) избрал темою Гос. Думу. Охарактеризовав порядок избрания крестьянами и другими классами населения, он обрисовал классовой характер этого учреждения, предназначенного обслуживать интересы крупной буржуазии. Особенно было подчеркнуто то обстоятельство, что рабочий класс в полном составе совершенно лишен избирательных прав, так что по отношению к нему вводимое «народное представительство» явится лишь новым орудием угнетения, долженствующим лишь укрепить разрушающиеся под ударами пролетариата позиции его врагов. Далее оратор напомнил, что уже не в первый раз правительство пытается обмануть пролетариат. В первый раз это ему не удалось: пролетариат не пошел на тонкую удочку, закинутую сенатором Шидловским. Теперь правительство опять прибегает к политике обмана. Но здесь оно собирается обмануть уже весь народ. Поэтому задача пролетариата представляется еще более серьезной: он, передовой борец за низвержение самодержавия, должен первый дать отпор правительству, должен первый своим революционным выступлением порвать хитросплетенную паутину и задушить самого паука. Как и прежде, пролетариат должен твердо помнить, что самодержавие является громадным тормозом на пути к достижению конечной цели пролетарского движения—социализму. И на предательский манифест 6-го августа пролетариат должен ответить грозным кличем: «Долой самодержавие! Да здравствует всенародное учредительное собрание! Да здравствует вооруженное восстание!».

Рабочие поддержали эти возгласы криком «ура!». Этот митинг внес сильное оживление в рабочие массы. Везде кучки рабочих оживленно толковали по поводу речи. Выражались пожелания, чтобы митинги организовывались возможно чаще.

Петербург (29-го авг.). Вчера случайно на одном и том же месте собрались две массовки, устроенные самостоятельно большевиками и меньшевиками. Так как у местных работников заметно довольно сильное стремление к объединению, было решено составить одно собрание. Со стороны меньшевиков выступило двое; из них один прекрасный, умный оратор, которого я с удовольствием слушала. Первый из них указал на почти полное отсутствие разногласий между нами, так как организационный вопрос мы практически разрешили совершенно одинаково, а вопрос о временном правительстве не так важен, чтоб разделять партию на две, да к тому же и не требует своего решения сейчас и, вероятнее всего, решится впоследствии самой жизнью. На этом основании он предлагал собранию вынести резолюцию о необходимости объединения партии. Второй оратор, расходясь с первым в оценке глубины и значительности наших разногласий, все-таки не находил их достаточными для раскола и поддержал резолюцию первого, заявив при этом, что необходимость объединения сознается и верхами партии; но, несмотря на все попытки, до сих пор им не удалось притти к какому-нибудь соглашению, а потому нам приходится делать это снизу. Он прибавил: «Мы добьемся этого, потому что, в конце-концов, чего захотите вы, того захочет и партия».

Я согласилась с ораторами в вопросе о разногласиях, но выразила предположение, что собрание некомпетентно в решении этого вопроса, что оно не отдает себе, вероятно, ясного отчета в том, как следует относиться к обоим направлениям, а следовательно, и некомпетентно выносить резолюцию, предложенную предыдущими ораторами. Такие резолюции могут иметь значение и смысл, могут повлиять на решение верхов партии, если они выносятся на собраниях передовых рабочих, знакомых с разбираемым вопросом и выражающих свое собственное убеждение, а не мнение одних ораторов. Не нужно обладать ни большим умом, ни большим опытом, чтобы понять, что единая партия сильнее и лучше двуединой. Но не следует принимать резолюций, которые выносятся не на основании знакомства с делами, и которые поэтому ни на кого и ни на что ни в каких смыслах влиять не будут. Между тем, всем ясно, что в постановке местной работы во многих случаях мы действительно мало отличаемся друг от друга, и объединение местных работников было бы в высшей степени целесообразно и плодотворно. Если мы соединимся для практической работы, и теоретические разногласия не будут являться препятствием для такой работы, тогда мы сделаем гораздо больше для объединения партии, нежели вынесением сотен резолюций при тех условиях, при которых предлагается резолюция тов. меньшевиков. Собрание согласилось со мной. Затем разбирался вопрос об отношении рабочих к предвыборной агитации в Гос. Думу и к самой Думе. Вопреки странному предложению «Искры» организовать «внезаконные выборы», тов. меньшевик в прекрасной и чрезвычайно толковой речи выяснил собранию необходимость активного бойкота. Вопрос

этот вызвал довольно оживленный обмен мыслей и был всесторонне выяснен нами.

Состав рабочих, как и вообще на массовках, был разнообразный, и отношение их к вопросам политическим и партийным далеко не одинаково. В то время, как разговоры о большинстве и меньшинстве и предложенная тов. меньшевиками резолюция не вызвали ни одного вопроса, можно сказать, даже ни одного звука (на это предложение собрание ответило глубоким молчанием),—все касавшееся политической жизни вызывало в рабочих живой интерес и стремление разобраться досконально. Правда, передовых рабочих здесь, кажется, не было, но уровень сознательности и развития был достаточно разнообразен, чтобы стремление выяснить себе вопросы внутрипартийной жизни могло проявиться хотя бы в слабой мере.

Николаев (2-го авг.). Всеобщая политическая забастовка прекратилась. После грозного выступления николаевского пролетариата, после всех столкновений рабочих с войсками все как-будто стихло. Но не так оно на самом деле. Николаевский пролетариат вступил в борьбу с подлым самодержавием плохо вооруженный, если только можно считать за оружие несколько револьверов и пороховую бомбу; самодержавие сумело подавить его. Оно выхватило из наших рядов самых передовых и самых энергичных наших товарищей рабочих, многих выслало в отдаленные губернии России, несколько десятков сидят по тюрьмам и участкам. Все это время аресты не прекращаются; арестовывают стариков и пятнадцатилетних мальчиков, и если что находили, сильно избивали, потом, еще больных, не давая им никакой медицинской помощи, высылали по этапу в отдаленные губернии. Всех высланных из Николаева приблизительно 300—400 человек. 8-го августа высылали 80 человек; когда их вывели из тюрьмы, стал стекаться народ; постепенно набралось тысяч восемь или десять. Высылаемые товарищи запели марсельезу, народ восторженно приветствовал их и громко кричал «ура». Конвой, состоящий из полусотни казаков, двух рот солдат и целой своры полиции и шпиков, не решался разгонять толпу. Народ провожал их до самого вокзала; когда поезд отходил, товарищи опять запели, и из толпы раздались крики «долой самодержавие!». Долго несмолкавшее «ура» нескольких тысяч голосов грозно потрясло воздух. Рабочие теперь говорят так: «Без оружия мы не будем объявлять всеобщей забастовки, потому что самодержавие опять раскассирует еще больше наши силы, и без того очень ослабленные». Из передовых рабочих не осталось никого, из интеллигенции тоже: были, но провалились, так что мы ведем работу сами; работа кое-как идет, хотя слабо за неимением интеллигентных сил, а мы еще не достаточно развиты, чтобы самостоятельно руководить массой и работой вообще.

Когда читался манифест о Гос. Думе, были разбросаны прокламации и вместо «ура» кричали «долой самодержавие!». Аресты поутихли, город еще на военном положении. Как самодержавие ни старается, как оно ни бросается на все способы борьбы с нами, чтобы сохранить себя, но оно теперь с нами ничего не поделает,—уже скоро настанет день, когда цепи самодержавного гнета спадут с нас, и мы, гордо выпрямив грудь, сметем ненавистное нам самодержавие.

Рабочий.

Николаев. Арестованы: Мария и Анисья Чигрины, С. Готмир, М. Шмелев, В. Владыко, А. Климов, И. А. и К. Таргонские, С. Вельдмерберг, В. Одамский, В. Карпов, Н. Зорин, Михаил Бещенко, М. Растошинский, Т. Березненко, М. Парамонов, М. Ольшанский, П. Тимощенко, Зуев, Зуева, Ф. Прозорович, А. Прозорович, Акименко и многие другие, фамилии которых неизвестны.

Екатеринослав. Здесь теперь сезон забастовок, большею частью в городе, среди приказчиков и ремесленников. Чуть-было не разыгралась стачка на Брянском заводе. Здесь вывезли одного нелюбимого мастера. После этого вся администрация (инженеры, мастера и т. д.) заявила, что если не исключат 23 рабочих, они устроят сами забастовку. Рабочие, как один, забастовали. Забастовка продолжалась три часа. Директор пока оставил этих рабочих и направил дело в правление. Ждут ответа. На другом заводе, Эзау, администрация рассчитала человек 35—40 (замеченных). Рабочие забастовали, но скоро забастовка кончилась: ничего не выиграли. У нас связи прибавляются. Работать приходится в условиях усиленной охраны. Все места провалены. Два раза уже пришлось убегать от казаков; занятия центральных заводских кружков практически никак нельзя провести до конца. Вчера меньшевики на заводской бирже призывали к политической забастовке за рабочих Эзау. Говорили два оратора. Наш товарищ разбил их, показав всю невыгодность и нецелесообразность политической забастовки. Нужно иметь в виду, что масса совсем не вооружена, что она стоит накануне всеобщего восстания. Рабочие вполне определенно относятся к Думе. Однако, у нас будет еще общее собрание централистов, чтобы узнать мнения рабочих.

Иваново-Вознесенск. Мы, рабочие-социал-демократы г. Иваново-Вознесенска, собравшиеся сегодня, 7-го сентября, на общую сходку в количестве 2.000 чел., обсудив последние события в Баку и на Кавказе в связи с общим положением страны, пришли к следующим заключениям:

Принимая во внимание, что, во-1-х, настоящее бедственное положение страны является результатом преступной политики царского правительства, упорно борющегося за свое никому не нужное существование; 2) что сущность этой политики состоит в подавлении всяких попыток со стороны рабочего класса улучшить свое положение; 3) что употребляемые для этого правительственные средства, как-то: натравливание несознательных масс на интеллигенцию, возбуждение национальной вражды между народностями, населяющими Россию, устраиваемые с этой целью погромы и избиения, являясь гнусными по своему существу, показывают в то же время бессилие царского правительства,—мы выражаем свое презрение этой отвратительно-гнусной политике и заявляем, что лишь немедленное уничтожение царского самодержавия и замена его демократической республикой, т.-е. самодержавием народа, может вывести страну из настоящего гибельного положения и даст нам, пролетариям, возможность свободно вести борьбу за лучшее будущее, за социализм. В виду того, что самодержавие царя может быть уничтожено лишь всенародным восстанием, мы, рабочие Ив.-В., заявляя о своей готовности к открытой вооруженной борьбе, призываем наших товарищей рабочих всей России сплотиться в единую могучую силу под красным знаменем социал-демократии для нанесения последнего решительного удара царскому самодержавию. Долой самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует временное рев. правительство! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм! Да здравствует Р.С.-Д.Р. Партия!

Кострома. Одновременно с этой корреспонденцией вам посылается отчет К-та о костромской всеобщей забастовке. Я посылал вам много корреспонденций, но они почему-то не появляются в «Пролетарии»: очевидно, не доходят. (Все, что доходило, печаталось.—Р е д.).

Наша работа после стачки вступает в новый период. Если прежде организованные товарищи были, главным образом, политическими потребителями, то теперь они становятся политическими производителями. Прежде мы вербовали наиболее революционную публику для организации в пропагандистские и агитационные группы и кружки, мы устраивали массовки и летучки; делали, как мы здесь выражаемся, «налеты» на случайные массовые собрания рабочих и агитировали. Это было время мобилизации революционных элементов и их идейного воспитания.

Всеобщая стачка всколыхнула всю рабочую массу; открытая широкая агитация перевернула традиционное мировоззрение «фабришных» и делала из них пролетариев. А такие демократически-руководящие или боевые организации, как «депутатское собрание» или «рабочая милиция», выделили много новых активных элементов. Нашлись сознательные рабочие, но не было крепкой организации, которая бы служила опорой при различных политических выступлениях. Теперь, после напряженной организационной работы, план организации представляется в следующем виде: Комитет, районные комитеты (2), фабричные комитеты (пока 3), собрания организационных товарищей каждого цеха.

Коломна. К лету у нас насчитывалось не более 20 человек сознательных рабочих, теперь же их более 100, к тому же быстро растут связи с окрестными деревнями, но эти связи, к сожалению, еще плохо разработаны. У нас же, в городе, ведется работа пропагандистская (кружки) и агитационная (массовки, распространение листков). Агитация особенно усилилась с августа. Было устроено три массовки (40, 50 и 65 человек). На последней из этих массовок обсуждался вопрос о вооруженном восстании, и единогласно принята следующая резолюция: «Принимая во внимание численное отношение крестьянства ко всему населению, сознательные коломенские рабочие полагают, что необходимо энергично пропагандировать среди крестьян идею вооруженного восстания». Настроение было повышенное; массовка закончилась пением марсельезы.

Тула. На массовке в лесу собралось около 120 рабочих. Несмотря на дождь, рабочие шли после работы на массовку, чтобы услышать живое правдивое слово. Пока поджидали товарищей, пели революционные песни, и свободные, горячие слова свободных песен точно насмехались над лившим дождем, разносясь далеко по лесу... Говорили четыре оратора. Говорили о том, что заставило правительство созвать Государственную Думу. Второй оратор, близко знакомый с событиями в Одессе, сделал доклад об этих событиях. Он говорил, что эти события показали, как много революция может дать нам в известные моменты, и как мы должны быть готовы к тому, чтобы этими моментами воспользоваться для ликвидации самодержавного порядка. Был момент, когда временное революционное правительство являлось неизбежным выводом из возможного успеха завоевания юга восставшим народом. Юг мог сделаться базисом революции, и тогда временное революционное правительство было бы более чем необходимо. И так как восстание на юге проходило под огромным влиянием социал-демократии, рабочий класс должен был бы взять на себя и инициативу создания временного революционного правительства. (О временном революционном правительстве оратор обещал поговорить в другой раз более подробно). Оратор закончил сопоставлением целей и задач социал-демократии в ближайший момент с тем жалким учреждением, которое правительство бросило России в виде Гос. Думы. Эта Дума—попытка подавить народную волю волей и господством помещиков, фабрикантов, купцов и трактирщиков. Рабочий класс должен стремиться выше всего поставить народную волю... Третий оратор говорил об отношении различных партий к Гос. Думе. Социал-демократия последовательно проводит те самые требования, которые она выставила в программе. Она последовательна и не остановится ни перед какими жертвами, чтобы уничтожить монархию, своего непримиримого врага. Но монархия пытается сохранить свое существование путем сделки с буржуазией. И вот те самые господа, которые на съезде Союза Союзов 6—7 июля выносили резолюцию о том, что они безотлагательно приступят к объединению и мобилизации всех демократических элементов страны для устройства массовых протестов против правительственного проекта, и что они будут протестовать против всякого иного закона о народном представительстве, не основанного на принципах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права... что они считают недопустимым для члена Союза Союзов ни проведение кого-либо в проектированную Государственную Думу, ни личное в ней участие,—те самые господа, которые на съезде городских голов и земских деятелей грозили правительству революцией,—они теперь сторговываются с царем и будут клясться в верности этому кровавому деспоту. Все три оратора подчеркивали мысль, что Дума является попыткой закрепить власть буржуазии над народом, и потому всякий участник Думы—изменник и враг народу. Затем говорил еще один товарищ о заключении мира. Мир с Японией заключен, но мира между царем и народом не может и не должно быть...

Было трудно говорить под проливным дождем, всем пришлось промокнуть, но все же настроение было хорошее. О Государственной Думе говорили не задолго до этого на массовке, на которой было больше 200 чел. Теперь здесь организуется несколько групп агитаторов. Сделано все-таки страшно мало. Винить в этом местных работников можно меньше всего. Широкая агитация посредством листков не велась. Ни один листок не был распространен в количестве больше 1.000 экз. (это на 150 тысяч населения с 60.000 рабочих). Масса мало затронута движением. Значительным тормазом служит и то, что производство носит еще в больших размерах кустарный характер. Правда, кустари находятся в полной зависимости от крупного капитала, они работают для крупных заводов и фабрик, но сохранился еще огромный слой местных мещан, мастеровых, очень туго расстающихся со своими надеждами на независимость и самостоятельность. Может-быть, нигде так не сохранились патриархальные порядки, как здесь. На крупных заводах и фабриках рабочие живут и работают под постоянной угрозой и страхом массовых расчетов и увольнений. На патронном заводе эксплоатация доходит до наглости. Работает завод в две смены—день и ночь; день и ночь рабочие изготовляют патроны, которыми правительства теперь так щедро угощает народ. После бывшей здесь стачки, когда выбросили с завода около 300 человек, высшая и низшая администрация завода обнаглела...

Имеются довольно хорошие связи в деревнях, куда просят постоянно литературы, листков и агитатора. По мере сил даем и то, и другое. Организующиеся теперь группы агитаторов можно будет широко использовать для агитации в деревне. Листки распространяются и в войсках. Во всех районных комитетах, во всех группах обсуждали план кампании ЦК по поводу Гос. Думы. Огромное большинство работников высказалось за проведение этого плана и только несколько голосов возражали.

Несколько слов о либералах вообще и земцах в частности. Было несколько собраний, на которых либералы и земцы «сговаривались» относительно выборов в Думу, относительно кандидатов. Нам они говорят: «Все равно вы окажетесь бессильными помешать нам выбрать депутатов в Думу»... Искренние демократы обещают нам, что они будут в Думе защищать интересы рабочего класса и всего народа. После сопоставления всей их попытки по отношению к царю мы можем только посмеяться над этими хорошими обещаниями.

Недавно был здесь «съезд» местной «консервативной» партии. Консерваторы тоже «сговаривались»... Сговоритесь, господа, сговоритесь. Вы не так уж далеки друг от друга,—только будьте откровеннее и не прикрывайте своих буржуазных стремлений к власти над бесправным народом хорошими словами и красивыми туманными фразами! Готовьтесь к представительству народных интересов. Мы же будем готовиться к борьбе с вами и с вашим союзником—монархией Николая Кровавого.

Письмо в редакцию. Прошу поместить на страницах «Пролетария» нижеследующее:

Товарищи! Пять тысяч рабочих Балтийского вагоностроительного завода вот уже два месяца сидят без работы. Администрация завода решила, заморив рабочих голодом, заставить их сдаться. Рабочие голодают, но на уступки не идут. Приближается зима. Дети рабочих мрут от голода и цынги. Голодный тиф с каждым днем принимает все более широкие размеры. Ужасы, постигшие бастующих, не поддаются описанию. Товарищи! Возможно ли, чтобы вы не поддержали рабочих в их геройской самоотверженной борьбе с нашими общими врагами, капиталом и самодержавием? Мы обращаемся ко всем рабочим и ко всем сочувствующим революционному движению за немедленной материальной помощью. Время не ждет, товарищи: чем скорее придете на помощь, тем лучше. Пожертвования прошу направлять по адресу редакции «Пролетария» с примечанием: для рабочих Балтийского вагоностроительного завода города Риги.

Секретарь Рижского Комитета Р.С.-Д.Р.П.

P. S. Прошу другие с.-д. газеты перепечатать это письмо.

Брянск. В нашей печати почти не было сведений о Брянском районе и революционной деятельности среди брянского пролетариата. Многие из товарищей держатся благодаря этому даже того взгляда, что работы тут никакой не ведется. Настоящая корреспонденция убедит их в противном.

Социал-демократическая пропаганда началась у нас еще в девяностых годах. Велась она исключительно только среди бежицкого пролетариата, не затрогивая района. По тогдашним временам пропаганда могла быть названа успешной. Но продолжалась она недолго. Произошел провал. Работа прекратилась.

Спустя некоторое время в Брянске появляется организация социалистов-революционеров, которая захватила в свои руки руководство движением. О них еще будет речь в дальнейшем. После перерыва работы, последовавшего в девяностых годах, попытка социал-демократов завязать снова связи с бежицкими рабочими не прекращалась, но все они потерпели фиаско. Более или менее прочные связи с рабочими удалось завязать лишь в конце прошлого года. Рабочие получали и распространяли нашу литературу, но ни кружков, ни массовок не было, потому что некому было их проводить. Настоящая работа началась лишь с весны нынешнего года. Была организована Брянская группа Орловского комитета, составившаяся из интеллигентов, которые теперь обосновались более или менее прочно в районе, и главным образом из передовых рабочих. Завязать связи и организоваться нам удалось благодаря тем из рабочих, которые участвовали в организации девяностых годов, или тем, которые приходили с юга, воспитанные в духе социал-демократии. С организацией группы работа закипела. Были организованы кружки, начали созываться массовки. Правильных кружковых занятий нам за нашу летнюю кампанию создать не удалось. Не удалось в том смысле, что довести до конца занятия пришлось лишь с тремя кружками из восьми. Причина: новизна дела и недостаток организаторских сил, а также и то обстоятельство, что рабочие работают на две смены. Массовки привились лучше. Проводились они нами всегда очень удачно и производили хорошее впечатление. Сначала посещались слабо, человек 30—40. Потом среднее число посетителей было не ниже 100 человек. Движение из Бежицы было перенесено на весь Брянский район, на мальцевские заводы. Сфера нашей деятельности теперь такова. Главный центр работы, конечно, Бежицкий или, как его называют, Брянский завод, расположенный в семи верстах от Брянска и населенный почти исключительно рабочими. На заводе работает около 12 тысяч пролетариев. В пяти верстах от Бежицы мальцевский завод Радица с 2.000 раб., заводы мальцевские в уезде: Дятьков—2.000, Ивоть—1½ т., Старь—700 ч., стеклянная Радица—тысяча, Знебер—300 ч., Людиново—2 т., Песочная около тысячи. Последние заводы расположены в Калужской губернии и вне района нашей деятельности. Цементный завод—600 ч., Лобохна—200. На всех заводах имеются кадры сознательных рабочих, и ведется агитация. В самом Брянске, кроме арсенала, где работает 500 ч., есть только ремесленный пролетариат, в большинстве еврейский. Из ремесленников были составлены 5 кружков. Но эти кружки правильно не функционировали. Массовки были часто и охотно посещались.

Кружковых занятий на мальцевских заводах организовать не удалось за недостатком интеллигентных сил (хотя попытки делались). Агитацию ведем литературой и массовками. Массовки имеют огромный успех, и агитаторов ждут, как манны небесной. Говорить приходится на самые различные темы, главным же образом, о манифесте, о соц.-революционерах, а среди еврейских ремесленников о сионизме. (Сионисты-«социалисты» приютились в городе, пользуются успехом среди интеллигенции, но рабочих захватить им не удалось при всем старании и не удастся). Всего массовок по району у нас было около 25.

Среди крестьян работа ведется через рабочих. Литература, распространяемая по заводам, по прочтении часто сбывается в деревни. Крестьянских массовок организовать не удалось. Литературная агитация принесла бы большие плоды, если бы имелись брошюры, обращенные к крестьянству. Издание таких брошюр—одна из важнейших задач наших центральных учреждений. Прокламации Центр. Ком. к крестьянам производят сильнейшее впечатление, но, как и всякая прокламация, не дают того, что может дать брошюра.

Вообще в литературе чувствуется страшная нужда. Орловский комитет отдает почти всю получаемую им литературу нашей группе. Но приходящаяся на его долю часть транспорта так незначительна, что у нас не удовлетворяется и пятой части запроса. На беду еще отсутствует типография. Издаем листки на гектографе. Но это—капля в море. Для всего района требуется выпуск по меньшей мере в 9—10 тысяч экземпляров. Если бы не отсутствие типографии и литературы, а также и интеллигентных сил, мы могли бы достигнуть того, чего достигли сормовские товарищи.

Наша организация находится в процессе строения, а потому подвести итоги всему довольно трудно. Трудно, например, сказать, сколько у нас организованных рабочих. Если считать организованными участвующих в кружках, то у нас более 150 человек; если же постоянных посетителей массовок, постоянных читателей литературы и группирующихся вокруг передовых рабочих организаторов, то таких около 300. Финансовая сторона дела хромает, но надеемся скоро упорядочить эту часть.

Теперь скажу несколько слов о соц.-революционерах. Работают они давно, лет 5 (мы только 5 месяцев). Но несмотря на такую давность, нам ничего не стоит вести с ними победоносную борьбу и шаг за шагом вытеснять их. Помогает этому их практическая несостоятельность и неопределенность теоретических взглядов. Они совсем не удовлетворяют духовных запросов рабочих. Их интеллигенты неоднократно повторяют, что теперь рабочему вполне довольно знать «долой самодержавие». На массовках говорят одни общие места, а больше всего ругают социал-демократов (наши рабочие уверяли, что они называли нас «черной сотней», что мы стоим в связи с полицией и т. д.). На одной дискуссии с ними их «интеллигент» заявил в заключение своей бессвязной и бестолковой речи, что мы, местные социал-демократы, держим в руках не «красное знамя, а балаганный флаг» (буквальное выражение). Vademecum «Революционной России», плачущей о некорректности социал-демократов. Нашу программу перед рабочими извращают до крайности. Февральскую стачку они вели в строго-экономическом духе и не давали говорить социал-демократам, пытавшимся затронуть политические вопросы. (Подробная корреспонденция об этом была написана, но по случайным причинам не появилась в печати).

Пролетариат, среди которого нам приходится работать, может быть разделен на три категории. Чистый фабричный пролетариат—Бежица; ремесленный пролетариат—город и станции; рабочие-собственники—мальцевские заводы. Психология этих трех видов пролетариата различна. Бежицкий лучше всего поддается дисциплине и организации, более сознателен и восприимчив к пропаганде. Замечается лишь одно явление, отрицательно действующее на его психологию,—это собственность на дома, приковывающая к месту многих рабочих и затрудняющая их передвижение. Ремесленный пролетариат менее всего способен к дисциплине. Мелкобуржуазная обстановка сильно воздействует на его психологию. Рабочие мальцевских заводов восприимчивы к пропаганде, ораторов наших слушают с восторгом. Воодушевление среди затронутых очень велико. Если начнем, бывало, массовку часов в 9, то не отпускают до 12-ти часов ночи, несмотря на холод и дождь. Требуют, чтоб говорили еще и еще. «Чтобы вы, ангелы, к нам почаще летали!—сказал мне один старик после речи,—а то мы как слепые здесь». На массовки приходят верст за 13. Социализм представляется им великим и прекрасным, окруженным ореолом чудесного; он для них—вторая религия, живая вера. Собственность, которою владеют эти рабочие, влияет на их психологию, но не так сильно и вредно, как думают некоторые. В заключение несколько слов о тактике при выборах в Думу. Тактику, предложенную ЦК, мы считаем единственно применимой и многообещающей с агитационной точки зрения; она вполне доступна даже малосознательному рабочему. Ее применение приведет к настоящей классовой борьбе пролетариата с буржуазией. Тактика «Искры»—плод оторванности от живой работы и априорного сочинительства. Характерно, что лозунг, данный ЦК, высказывался самими рабочими. На одной массовке после моей речи о проекте Булыгина один рабочий воскликнул: «Не надо нам этой думы, долой ее, сорвать ее нужно!». Что же касается мальцевских заводов, то здесь самой лучшей тактикой будет, на мой взгляд, тактика бойкота. Дело в том, что мальцевские ра-

бочие имеют крестьянское управление—волости, выбирают старост и т. д., и, следовательно, как и все крестьяне, пользуются избирательным правом. Бойкот имел бы огромное агитационное значение. Необходима только детальная разработка вопроса в литературе. Ведь, наши рабочие мальцевских заводов в таком же положении, как рабочие на уральских заводах и все крестьяне-собственники. Необходима единая тактика.

В заключение хотел бы от лица всех работающих в нашем районе товарищей обратить внимание партийных работников на наш район, так много обещающий для социал-демократического дела, и просить у них возможной поддержки.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Съезд германской соц.-дем. в Иене.

16 раз после 1890 г., отмены исключительного закона против соц.-дем., собираются наши германские товарищи на свой ежегодный съезд. Иена—это Седан феодально-юнкерской Пруссии: в битве при Иене в 1806 г. Наполеон уничтожил государство, в котором прусское юнкерство, неспособное, вырождающееся, имело неограниченную власть. Дрожащая от ужаса перед все растущим могуществом пролетариата, буржуазия пророчила устами своей продажной прессы Иену германской соц.-дем. Обострение отношений между партией и профессиональными союзами, ожесточенная полемика между «Vorwärts», с одной стороны, и «Neue Zeit» и «Leipziger Volkszeitung»—с другой, брожение среди берлинских рабочих, с вниманием прислушивающихся к проповеди анархо-социалиста д-ра Фридеберга, казались буржуазии достаточными поводами к расколу партии. Надежды обманули буржуазию и на этот раз. Призрак Иены не имеет силы над живой, развивающейся носительницей идеалов будущего, партией социал-демократии. Сплоченной еще больше, в боевой готовности, обогащенной новым оружием для борьбы—массовой политической стачкой—вышла германская соц.-дем. с Иенского съезда. Выработка нового организационного устава, отношение партии к профессиональным союзам и к массовой политической стачке,—вот главные вопросы, разрешенные на съезде. В области организационных вопросов в германской партии, как и в нашей, нужно отметить два течения: революционное-централистическое и оппортунистическое-федералистское. Несмотря на имеющуюся уже довольно последовательную централизацию партии, сущность ее организации была федералистической; автономия местных, областных, государственных организаций и избирательных округов была очень широка, права партийного центра минимальны: он являлся лишь официальным представителем партии, органом, лишь обслуживающим интересы отдельных организаций, посредником между ними, и был лишен всякой возможности руководить организациями и проявлять инициативу. Слишком широкая автономия организаций приводила довольно часто к отклонению их от общепартийной револ. тактики, давая широкий простор всяческим оппортунистическим стремлениям героев «нового метода». Широкая автономия избирательных округов приводила часто к конфликтам между частью и целым, при чем интересы партии иногда страдали довольно чувствительно, как это было в одном из саксонских округов с кандидатурой пастора Гэрэ, когда не по разуму усердные защитники демократизма, вернее охлократизма, широкой автономии, самодеятельности и т. п., во главе с известным оппортунистом Гейне, настолько отравили атмосферу своими дезорганизаторскими выходками и парализовали деятельность товарищей этого округа, что предвыборная кампания была проиграна и мандат потерян. Но еще более, чем от недостатка централизма, страдала партия от смешения элементов организованных с неорганизованными; партия была обременена расплывчатыми, еще не проникнутыми социалистическим духом элементами, пресловутыми «мартовскими стачечниками». «Leipziger Volkszeitung», орган левого крыла, так писал еще до прошлогоднего съезда в статье «К реформе организации партии» от 11/VI 1904 г.: «Теперешняя партийная организация страдает много меньше от недостатка централизма, чем от несоответствия между организованными элементами и голосующими за партию, и особенно от стремления партийной тактики считаться с неорганизованными элементами». Перед немецкой соц.-дем. встала задача точно определить границы партии, не позволяющие смешивать ее со всем рабочим классом, и устранить слишком широкую автономию, отнюдь, понятно, не отнимая у отдельных организаций возможности развивать собственную инициативу и работать без всяких стеснений в рамках, отведенных предписаниями общепартийной тактики. Само собой понятно, что крики о стремлении к бюрократизму, механическому централизму, стремление свести организацию в царство теней и т. п. поднялись в оппортунистических кругах партии, главным образом, южной Германии, где движение наименее развито, и широкие массы рабочих еще не втянуты в движение. Каутский хорошо охарактеризовал эти круги, указав в «Искре» (№ 66), что такая автономия служит только убежищем для неорганизованных, не поддающихся партийной дисциплине интеллигентов-сверхчеловеков. В прессе, в комиссии 23 человек, выбранной на прошлогоднем Бременском съезде для выработки проекта организации, и на самом съезде шла борьба между вышеназванными двумя направлениями. Централисты хотели бы видеть партию, построенную на манер одного огромного союза с многочисленными разветвлениями, нити которого все сходились бы в партийном центре; указывалось, что таким образом все силы партии сосредоточивались бы в центре подобно крови, текущей к сердцу, откуда она вновь распределяется по всему организму, не задерживаемая местными или территориальными промежуточными станциями; указывалось, что в наше время концентрации к развитию способны только централистические организации; в пример приводились строго централистически организованные рабочие профессиональные союзы, развивающие при такой форме организации максимум деятельности. Федералисты говорили о парализовании местной инициативы, о нарушении демократических прав самоопределения, о несовместимости открытой легальной организации партии с централизмом при современных полицейских порядках в Германии; указывали на то, что задачи политической партии сложнее задач профессиональных союзов, ссылались на федералистический государственный строй Германии с различными законами и

политикой, которые ставят различные задачи перед местными соц.-дем. и требуют большей свободы действия. Они стояли поэтому за отжившие формы, стремясь сохранить организации областные и по государствам, равно как и не оформленные (lose) организации. Централисты признавали с самого начала, что недостатки теперешней организации не устранить одним взмахом пера, так как они слишком уже вошли в плоть и кровь партии; с другой стороны, федералисты признали все же желательность несколько более строгой централизации. Съезд взял среднюю линию. Областные и по государствам организации не были совершенно уничтожены, уставом предоставлено товарищам каждой страны строить организации по типу, наиболее подходящему к условиям, при чем система неоформленных организаций с доверенными лицами во главе признавалась съездом нежелательной и рекомендовалось заводить организации оформленные, по возможности охватывающие целый избирательный округ.

Признано обязательным, как правило, чтобы каждый член партии был организован, состоял в одной из партийных организаций, но устав допускает исключение при особо уважительных причинах, так как необходимо принять во внимание открытый характер организаций, не дозволяющий лицам, слишком уже зависимым, как-то: рабочим казенных дорог, фабрик и т. п., чиновникам, прислуге состоять членами соц.-дем. организаций. Центру даны более широкие полномочия; все организации должны отныне давать определенный % доходов в центральную кассу и давать регулярные отчеты о своей деятельности. В зависимости от более широких полномочий число членов ЦК увеличено до 8. Основная мысль всего устава—стремление к строгому централизму, концентрации сил, боевой готовности; особенно надо приветствовать данный съездом лозунг «в организации!». Федералисты пробовали-было на манер наших меньшевиков, отстаивать глубокомысленные положения «содержание, дух, царящий в организациях, выше формы» и т. п.,—съезд социал-демократов не мог принять подобных анархических фраз. Один из делегатов превосходно формулировал соотношение между «формой» и «духом» в следующих словах: «Совершенно справедливо, что в организациях главное дело—дух их, но этот дух не должен торчать в старых, отживших формах». Анархистская фраза является на самом деле у федералистов не чем иным, как фразой без всякого содержания; к чему они настаивают все же на «формах» именно федералистической организации, раз «форма» для них не важна?

Второй из важных пунктов порядка дня—«празднование 1-го мая»—был посвящен именно вопросу о поднятии революционного духа в организациях, проникновению всех организаций цельным социалистическим миросозерцанием, вопросу об отношении между партией и профессиональными союзами. Кельнский съезд профессиональных союзов в мае этого года показал, с одной стороны, могучий рост союзов, с другой, обнаружил наличность в среде вожаков крайне опасных для всего рабочего класса Германии тенденций к умеренности, постепеновщине, к отрицанию всякой «политики»,—тенденций, грозящих при их развитии свести классовую борьбу пролетариата к трэд-юнионизму. (См. статью о съезде в № 5 «Пролетария»). Фишер, докладчик по этому вопросу, доказал рядом убедительных примеров наличность подобных тенденций. Практика мелкой, ежедневной борьбы с хозяевами, заботы об интересах исключительно своей профессии низводят человека, поглощенного всецело этой деятельностью, до взглядов узкого цеховика, перенося его внимание с великих социалистических идеалов на профессиональную борьбу. Даже Эльм, бернштейнианец и крупный деятель профессионального движения, писал в «Soc. Monatshefte»: «После Кельна я могу только сказать: германское профессиональное движение стоит перед опасностью пойти по стопам английского. Вожаки крупных союзов начинают, как в Англии, относиться к общим вопросам с точки зрения денежного мешка, идеальный момент все более и более отступает на задний план». На Кельнском съезде была предложена резолюция перенести майский праздник на вечер. Майское празднество лишалось этим своего демонстративного, агитационного характера, зато не страдали кассы союзов, так как им не нужно уже было бы выдавать пособия рабочим, лишившимся работы за прогул дня: капиталисты всякими правдами и неправдами стремятся затруднить рабочим празднование их праздника. Резолюция эта, правда, была взята обратно, так как вожаки союза не хотели все же итти против решений международных и германских конгрессов, рекомендующих не работать 1-го мая, но большинство делегатов съезда отнеслось, видимо, симпатично к проекту подобной резолюции. Перед партией встала задача приобрести еще большее влияние на профессиональные союзы, поднять среди их членов интерес к социалистической теории, вести интенсивнее пропаганду и агитацию, выработать из цеховиков сознательных соц.-дем. Многие из членов партии понимали объявление профессиональных союзов нейтральными почему-то в том странном смысле, что не надо обращать особенного внимания на пропаганду социал-демократических идей внутри союзов. Партейтаг рекомендовал всем членам партии, особенно прессе, обратить усиленное внимание на профессиональные союзы, дабы движение шло не только вширь, но и вглубь. Насчет майского праздника удалось притти к соглашению с вожаками союзов, резолюция в духе прежних решений конгрессов была принята почти единогласно. В связи с вопросом об углублении агитации и пропаганды был решен и вопрос о центральном органе партии «Vorwärts». Уже несколько лет широкие круги партии недовольны направлением ЦО. В редакции имеется несколько талантливых журналистов-бернштейнианцев, оказывающих губительное влияние на направление газеты. В «Vorwärts» преобладает теперь сомнительный этико-эстетический способ пропаганды на место экономическо-материалистического; его статьи стремятся создать в читателе настроение возмущения чувств, бьют на сенсацию и крайне поверхностны с марксистской точки зрения. Отсутствие единого, цельного миросозерцания у редакции, как целого, делает «Vorwärts» неспособным руководить движением, неспособным правильно оценивать события и средства борьбы—на манер нашей приторно-сладкой, сантиментальной «Революционной России», а по временам и новой «Искры» (см. ее лозунг «Мир во что бы то ни стало»),—отсюда постоянная полемика, «братоубийственная война» между ЦО, с одной, и научным органом партии «Neue Zeit» и «Leipziger Volks-

zeitung»—с другой. Съезд констатировал в резолюции наличность принципиальных расхождений ЦО с марксизмом, а ЦК обещал принять все меры к устранению недостатков «Vorwärts'а» и обратить внимание на более интенсивную пропаганду идей научного социализма в ЦО.

Вопрос о массовой политической стачке давно уже занимает соц.-дем. пролетариат всего мира. Мы рассмотрим в нашей статье лишь отношение к этому вопросу германской соц.-дем., указав на обще-социал-демократическую постановку его в статьях «Пролетария» (№№ 1, 4, 9, 12, 17).

Несколько лет тому назад в германской соц.-дем. царило мнение: «всеобщая стачка есть всеобщее безумией»; германские тов. резко-отрицательно относились к анархистской идее «революции скрещенных рук», как к могущей только ослабить классовую борьбу пролетариата, лишив его незаменимых средств борьбы: организации и парламентской деятельности. Более целесообразная постановка вопроса на соц.-дем. интернациональных конгрессах, рекомендующих применение массовых стачек не как единоспасающее и исключающее все другие средства борьбы, а как пополняющее и поддерживающее все остальные способы воздействия на буржуазию и правительство, сравнительный успех бывших за последнее время массовых стачек (2 бельгийских в борьбе за избирательное право, австрийских горных рабочих в 1902 г., добившихся 9-часового рабочего дня, шведская в борьбе за избир. право, массовая стачка итальянских рабочих, как протест против расстрела нескольких стачечников, итальянская и швейцарская железнодорожников, рурская в Германии горнорабочих, наконец, массовые стачки в России, потрясшие весь государственный организм), наконец, обострение общемировой и, в частности, германской ситуации, позволяющее с очевидностью ожидать времени крупных катастроф,—все это заставило немецких товарищей серьезно заняться вопросом о массовой стачке.

За сильным подъемом духа, последовавшим после блестящей победы при выборах 1903 года, давших соц.-дем. три слишком миллиона голосов и 81 депутата в парламент, наступила реакция. Большего влияния на законодательство соц.-дем. не приобрела; правительство и большинство парламента потеряли надежду расколоть и ослабить соц.-дем. либерализмом и мелкими подачками в области социальных реформ; буржуазные партии еще более сплотились в одну реакционную массу, борьба против соц.-дем. сделалась еще отчаянней; еще более буржуазия стала вздыхать о «крепком правительстве» и обращать свои взоры к армии, грубой силе, как к единственной еще не до конца расшатанной опоре современного строя; реакция бушует в Германии во-всю и подыскивает лишь удобный случай, чтобы лишить рабочий класс политических прав, и прежде всего избирательного в парламент. Разгром России и революция внутри ее, появление на международном рынке нового конкурента—великой державы Японии—обещает крупные мировые события; германский пролетариат, стоящий в первых рядах борцов за грядущий социалистический строй, естественно, задается вопросом: «Что же теперь?». Достаточны ли имеющиеся уже в распоряжении соц.-дем. средства борьбы? Имеются ли другие, более пригодные при изменившейся ситуации? Что предпринять в случае нападения буржуазии на политические права пролетариата? Восстание? В Германии нет еще налицо элементов, могущих провести восстание против буржуазного строя: армия еще в руках правительства. И вот мысль о массовой стачке, главным образом, как средстве борьбы за политические права, начинает захватывать широкие круги германской соц.-дем.

Партийная пресса выдвинула этот вопрос сейчас же после рурской стачки. Идея массовой стачки возбудила в кругах вожаков профессиональных союзов сильное беспокойство. На Кельнском съезде «цеховики», боясь за свои кассы, вынесли резолюцию, в которой пропаганда идеи массовой стачки объявляется «бессмысленной», «так как она отвлекает от медленного прогрессивного развития, посредством которого мы постепенно достигаем цели рабочего движения»; «для дальнейшего развития нам нужно спокойствие, а нам вокруг навязывают какую-то вздорную революционную идею»,—заявлялось на этом съезде. С другой стороны, ультра-радикальные элементы Берлина под влиянием полу-анархиста д-ра Фридеберга, увлекаясь идеей массовой стачки, склонны были признать этот метод единоспасающим и выбросить за борт и парламентскую деятельность, и вообще политическую борьбу.

Центральный орган партии и в этом вопросе не оказался на должной высоте: вместо выяснения вопроса, он пытался замолчать его; полемика, поднятая против него органами революционного крыла партии, привела лишь к тому, что «Vorwärts» окончательно запутался. В партии образовалось целых 5 направлений по вопросу о массовой стачке. Одни стоят на вполне отрицательной позиции, считая массовую стачку неприменимой ни при каких обстоятельствах, другие, не отрицая в принципе допустимость, отрицают наличность условий для успешных массовых стачек в Германии. Три направления относятся положительно к идее массовой стачки: первое, полуанархическое д-ра Фридеберга; второе, нашедшее себе систематическое выражение в книге голландки Роланд-Гольст и разделяемое Каутским; третье — направление Бернштейна-Катценштейна. Первое и третье принимают, что политическая массовая стачка подлежит тем же условиям, что и обыкновенная экономическая стачка, и требует вполне тех же тактических приемов. Предварительные условия стачки они видят в сильных профессиональных союзах, ярко выраженном классовом сознании пролетариата, в наличности сильного, упорного противника. Отличаются эти оба направления друг от друга тем, что первое, полуанархистское, отрицает парламентаризм и рассматривает массовую стачку, как единственное средство наполнения пролетариата революционным духом, как средство создания революционных ситуаций, а второе видит в массовой стачке легальное и мирное средство для обеспечения политических прав и парламентской деятельности, которую оно ценит выше всего, равно как и законность и мирные, эволюционные формы борьбы.

Направление Каутского, нашедшее себе выражение в резолюции, предложенной съезду Бебелем, видит в массовой стачке не мирное и легальное средство воздействия, а революционное; при особенных обстоятельствах она может явиться и мирным средством, но в современных милитаристических великих государствах она может быть принята во внимание лишь как сред-

ство революционное, и именно поэтому не годится в мирные времена, ибо ведет лишь к ослаблению организаций партии и усилению реакции.

Съезд партии должен был, наконец, дать директиву рабочему классу Германии в данном вопросе. В своем четырехчасовом реферате Бебель превосходно обрисовал современное положение Германии, резко выступил как против анархо-социалистов, сводящих, в конце-концов, всю классовую борьбу к борьбе исключительно экономической, так и против постепеновцев-«цеховиков», угашающих революционный дух пролетариата, продающих за 30 сребряников для своих касс революционные методы борьбы, так и против предостерегающих от якобы-непреодолимых опасностей и препятствий массовой стачке. Призывом к борьбе,—борьбе отчаянной звучали его слова: «Жалок класс, жалка нация, не жертвующая всеми благами для спасения своей чести!». Пролетариат, ведь, может потерять лишь свои цепи, а приобретет целый мир! Рассмотрев все бывшие массовые стачки, Бебель сделал вывод, что одним из средств борьбы за избирательное право в случае покушения реакции отобрать его может и должна явиться массовая стачка при благоприятных к ней условиях. Резолюция, рекомендующая «широкое применение массовой стачки» в случае покушений на избирательное право и как подготовку к ней, еще более деятельную работу, чем до сих пор, агитацию, пропаганду, особенно создание крепких, могущественных организаций политических и профессиональных, принята 228-ю голосами против 14-ти.

Резолюция поручает вести широкую пропаганду идеи массовой стачки при указанной ситуации и издать брошюру для массового распространения, с обоснованием идей, легших в основу резолюции.

Партейтаг принял резолюцию, заявляющую симпатию германского пролетариата к пролетариату английскому и французскому и выражающую негодование по поводу политики правительств, чуть было не ввергнувшей Германию в войну с Францией и создающей постоянно конфликты между Германией и Англией. Память мученика-героя Мартина Каспшака, члена соц.-дем. Польши и Литвы, съезд почтил вставанием. С энтузиазмом принята была резолюция, приветствующая российскую революцию, клеймящая все преступления царизма, отдающая дань уважения и удивления в особенности российскому пролетариату и «всем мужчинам и женщинам, без различия расы и национальности, стоящим на точке зрения социал-демократии». Российский пролетариат, революционный энтузиазм которого отразился на германских товарищах,—уже давно не было такого истинно революционного по духу съезда, как съезд в Иене,—сумеет оправдать все надежды, возлагаемые на него всемирным пролетариатом! В том порукой вся его геройская борьба, полная лишений и самоотвержения!

ИЗ ПАРТИИ.

Новая меньшевистская конференция [3]). Нам присланы гектографированные резолюции «Южной учредительной (!?) конференции» меньшевиков. К самой важной резолюции (о Государствен. Думе) мы еще вернемся. Пока заметим, что из двух [главных пунктов] искровской «думской» тактики конференция выбросила «давление для выбора в Г. Д. решительных» (в духе Мартова, Череванина, Парвуса), но приняла «организацию всенародных выборов в учред. собрание». По вопросу о составе редакции «Искры» принято три резолюции, но вопрос все-таки не решен. Одна резолюция просит Аксельрода [не уходить из] редакции, другая—Плеханова вернуться в редакцию (при чем конференция,—вероятно, без желания сострить,—выражает «недоумение» по поводу выхода Плеханова), третья благодарит «Искру», выражает ей полное доверие и проч., но вопрос о составе редакции «переносит на окончательное решение общерусской учредительной конференции». «Первая общерусская конференция», как известно, «перенесла» вопрос на решение местных организаций. Местные организации «переносят» на решение учредительной конференции... Это называется, должно-быть, [устранением] бюрократизма и формализма... А пока суд да дело, «Искра» пользуется званием ЦО, какого звания не дали ей даже ее сторонники. Удобная позиция, что и говорить!

Организационный устав южной конференции есть сколок с устава, уже известного, с небольшими, однако, изменениями; добавлен §: «Верховным органом партии являются партийные съезды, собирающиеся по возможности один раз в год». Горячо приветствуем это улучшение. В связи с новым и превосходным пунктом, что «ЦК избирается на съезде», в связи с прекрасным пожеланием решать (хотя бы и в будущем) вопрос и о составе редакции на съезде, это улучшение доказывает движение в сторону решений III съезда. Будем надеяться, что еще месяца через четыре следующая «учредительная» конференция учредит также порядок созыва съездов, этих верховных органов партии... По вопросу об объединении конференция, к сожалению, ходит кругом да около, а прямо не говорит: хотите объединиться на основах III съезда? если нет, хотите готовить два съезда в одно время и в одном месте? Будем надеяться, что следующая «учредительная» конференция (пораньше бы, чем через четыре месяца!) решит этот вопрос.

(Н. Ленин).

Представительство Р.С.-Д.Р.П. в Международном Социалистическом Бюро [4]). «Учредительная южная конференция» меньшевиков приняла по этому вопросу следующую резолюцию: «Познакомившись с документами, из которых видно, что тов. Ленин, не предприняв никаких шагов в сторону соглашения с «меньшинством» по вопросу о представительстве Р.С.-Д.Р.П. в Интерн. Бюро, сделал этот вопрос там предметом борьбы между двумя частями партии, выдвигая на первый план мелочи фракционных разногласий, конференция ю[жных] орг[анизац]ий выражает по этому поводу свое глубокое сожаление и вместе с тем просит тов. Плеханова продолжать представлять нашу часть партии в Интерн. Бюро и обращается ко всем организациям «большинства» с предложением немедленно высказаться по этому вопросу и со своей стороны уполномочить тов. Плеханова на это представительство в интересах того единства, к которому мы стремимся, и ради сохранения перед лицом всех других соц[алистических] партий всех других стран для всех нас одинаково дорогого престижа Р.С.-Д.Р.П.».

Резолюция эта обязывает нижеподписавшегося выступить с фактическим изложением дела: 1) Меньшевики не могут не знать, что все и всякие соглашения зависят от [ЦК, находящегося в России]. Говоря умышленно об одном «тов. Ленине», они говорят неправду. 2) Сейчас же после III съезда два [российских] члена ЦК обращались лично к Плеханову, выражая желание видеть его и представителем Р. С.-Д. Р. П. в М. Бюро, и редактором научного органа. Плеханов отказался. Фраза «никаких шагов»... основана на уклонении от истины. 3) Когда Плеханов после этого отказа вышел из редакции «Искры», то он заявил (29-го мая) печатно, не обращаясь к ЦК Р.С.-Д.Р.П., что согласится представительствовать лишь обе части Р.С.-Д.Р.П., и печатно же запросил признающих III съезд об их согласии. 4) [Редакция «Пролетария»] тотчас перепечатала [(в № 5 от 26-го (13) июня)] заявление Плеханова, добавив, что решение вопроса [поставлено на разрешение] ЦК. 5) Впредь до решения вопроса Ц. К-том я сносился с М. Бюро от имени ЦК для осведомления М. Бюро о III съезде

и для осведомления ЦК о работах М. Бюро, при чем я заявил, что вопрос о представительстве Р.С.-Д.Р.П. в М. Бюро еще не решен. Другими словами: ЦК сносился с М. Бюро через заграничного своего представителя впредь до решения вопроса о специальном представителе в Бюро. 6) Заявив в М. Бюро прямо и определенно о временном характере моих сношений с ним, я не выдвигал никакого вопроса о «борьбе» и «разногласиях», а исключительно сообщил решения III съезда, что я обязан был безусловно сделать. 7) Плеханов послал в М. Бюро 16-го июня письмо, в котором он (а) ошибочно утверждал, что он уполномочен уже на представительство обеими фракциями, и (б) рассказывал историю раскола со времени II съезда и рассказывал ее с рядом уклонений от истины, совершенно в меньшевистском духе, называя созыв III съезда Ц. К-том «актом совершенно произвольным», объявляя примиренцев в нашей партии «болотом», говоря, что на съезде было «что-то в роде половины «полноправных» организаций», что съезд был «соединением ультра-централистов и болота» и т. п.

8) Это письмо Плеханова было опровергнуто мною пункт за пунктом в письме к М. Бюро от 24-го июля 1905 года (о плехановском письме я узнал лишь с месяц спустя после его отсылки Плехановым, когда М. Бюро прислало мне копию с его письма). По вопросу о «болоте» я писал в своем письме: «Справедливо, что в нашей партии есть «болото». Члены его постоянно переходили с одной стороны на другую во внутрипартийной борьбе. Первым таким перебежчиком был Плеханов, который в ноябре 1903 года перешел от большинства к меньшинству, а 29-го мая 1905 года ушел от меньшинства, выйдя из редакции «Искры». Мы не одобряем этих переходов, но думаем, что нам нельзя поставить в вину, если нерешительные люди, члены «болота», после долгих колебаний склонны итти за нами». По вопросу о данном положении дел, после раскола я ссылался в том же письме на необходимость Международному Бюро иметь «полный перевод всех резолюций конференции». «Если «Искра» не пожелает посылать в Бюро этого перевода,— добавлял я,—то мы готовы взять этот труд на себя».

Пусть судят теперь читатели, похоже ли поведение Плеханова на беспристрастие, а изложение дела новой конференцией—на правду? Кто виноват в подрыве престижа Р.С.-Д.Р.П.? в инициативе ознакомления М. Бюро с историей раскола после II съезда? в выдвигании «фракционных разногласий»??

(Н. Ленин).

P. S. Во исполнение желания южной конференции знать мнение организаций большинства ниже печатается резолюция Костромского Комитета Р.С.-Д.Р.П., присланная в августе 1905 года. [Других резолюций по этому вопросу редакция не получала].

(Н. Ленин).

Резолюция Костромского Комитета. Ознакомившись с полученным в № 101 «Искры» заявлением Плеханова, что он может представлять интересы нашей партии в Международном Социалистическом Бюро только в том случае, если этого пожелают обе фракции, Костромской Комитет считает нужным по этому поводу высказать свое мнение. Совершенно не касаясь того, что формально Плеханов, находясь вне партии, не может представлять ее интересов, Костромской Комитет находит, что деятельность Плеханова за последние 2 года полна беспрерывных шатаний и все время служила интересам заграничного кружка в его борьбе с нарождающейся партийностью. Лишь в самое последнее время Плеханов отказался от совместной работы с Мартыновым и мартыновцами, но у него нехватило мужества опять вступить в партию и занять в ее рядах определенное место. Его политическая неустойчивость, по нашему мнению, является следствием его оторванности от живой русской действительности, от действительной партийной жизни и отражает в себе временные настроения и колебания женевской кооптационной политики. В частности, на Амстердамском конгрессе Плеханов, участвуя в коллегии представителей, фактически представлял не партию, а лишь меньшинство и заграничную ее часть; и протестовал, когда большинство партии также хотело быть представленным на конгрессе, хотя бы в меньшинстве. Костромской Комитет не имеет никаких оснований полагать, что впредь деятельность Плеханова пойдет по другому направлению. А между тем роль российского представителя в Междун. Соц. Бюро в настоящий момент крайне ответственна. Комбинация революционных действий и вообще политическая ситуация в России в значительной степени обусловит революционную активность западного пролетариата для совершения социалистической революции. Теперь уже настает время, когда вопрос совместных политических действий международного пролетариата приобретает жгучее практическое значение.

[Так как же,—спрашиваем мы партийных товарищей,—в этот напряженный момент можно поручить представительство партии человеку, девиз которого—«дипломатия», культ—«свои женевские друзья»?] Не принижая революционной роли российского пролетариата, не принижая его социал-демократических задач, нельзя оставить у тов. Плеханова право представлять нашу партию в Межд. Соц. Бюро. В виду всего сказанного Костр. Комитет высказывает свое пожелание, чтоб ЦК наметил представителя, который был бы в состоянии представлять действительные интересы нашей партии.

Абзац в скобках принят 4 против 1. Вся же резолюция единогласно.

Нижний-Новгород. При Комитете, в который входят, между прочим, трое сормовских рабочих, имеется «собрание пропагандистов» (17 чел.). Для подготовки пропагандистов имеется два кружка из рабочих и пропагандистов. В ведении Комитета три района: Сормовский, Городской и Кунавинский. Кроме того, ведется работа среди крестьян. В Сормове после остановки завода число организованных не определено; к 1 августа в кружках там было до 300 человек; Сормово, в свою очередь, было разбито на 5 районов; за август было 4 собрания междурайонных (из представителей всех кружков); кроме того, есть центральная группа, собиралась 4 раза; было 4 массовки от 50 до 100 чел.; три первых были посвящены Гос. Думе и вопросам, связанным с закрытием завода. По поводу закрытия завода выяснено было бессилие организации бороться с заводоуправлением в виду пониженного настроения рабочих. В конце месяца подготовлялась массовка по инициативе меньшевиков, но пришли только свои (большевики и меньшевики, всего 117 чел.); поэтому устроили дискуссию о временном правительстве. Среди крестьян было две массовки о Г. Думе; сормовской организацией проведено несколько массовок в Макарьевском уезде. Типографией сормовской организации отпечатаны листки: 1) Кто будет платить контрибуцию?—850; 2) «На баррикады!»—песня—500; 3) О Гос. Думе—6.000; 4) К солдатам—500; 5) Отчеты—400; 6) О сормовской боевой дружине—200; 7) По сбору для раненых—500; 8) Высочайший манифест—400; 9) районных—200.

Относительно города привожу сведения за август. Кроме районного комитета, существуют: заводской комитет на зав. Курбатова и два ремесленных (портных и столяров). Всего в городе 17 кружков: часовщики 1, булочники 3, портные 5, маляры 1, наборщики и фотографы 1, столяры 1, приказчики 1, на зав. Курбатова 1, у Доброва 1, у Башкирова 2. За август было 4 собрания районного комитета. Были 4 массовки по поводу Гос. Думы и две дискуссии об организационных разногласиях.

Издательская деятельность Курского комитета в 1905 г. Январь. На падение Порт-Артура—800 печ. Ко всем рабочим Курска о 9-м января—1.000 печ. К солдатам—то же—350 печ. Пять гект. бюллетеней о январских событиях—2.000. Февраль. Ко всем рабочим Курска, призыв к забастовке—1.000 печ. К железнодорожным служащим—300. К гражданам об избиении учащихся 12-го февр.—250. К рабочим—то же—300. Солдатская памятка—500 печ. Апрель. К ремесленникам—150. Май. На 1-е мая—1.500 печ. Июнь. К приказчикам—120. Июль. К солдатам—500 мим. Август. Ко всем рабочим о готовящемся погроме—2.150 мим. К рабочим-портным о забастовке—300 мим. К типографским рабочим призыв к забастовке—500 мим. К рабочим портняжного цеха, призыв к забастовке—300 мим.

Из отчета Сибирского Союза—Комитета Р.С.-Д.Р.П. с февраля по май 1905 г. Приход 7.474 р., расход 6.439 р. 12 к.; остаток на 1-е июня 1.034 р. 88 к.

Из отчета Виленской Группы по стачке кожевников с 11-го июля по 29-е авг.: приход 930 р. 78 к.; расход 823 р. 95 к.

Из отчета Воронежского К-та за август 1905 г.:
Приход 173 р. 02 к.; расход 147 р. 39 к. Издательская деятельность: выпущено 5 листков в количестве 2.500 экз.

Из отчетов экспедиции Р.С.-Д.Р.П. За проданную литературу получено: С 1-го июня по 1-е июля: 1. Экспедиция—152 ф. 99 с., 2. Гр. Партии и отд. аг.: а. Лозан. Гр.—45 ф. 20 с., б. Лондон. Гр.—26 ф. 50 с., в. Фрейбургск. Гр.—43 ф. 50 с., г. Гейдельб. Гр.—18 ф. 45 с., д. Вена—17 ф. Итого—150 ф. 65 с., 3. Непарт. орг.—67 ф. 45 с., 4. Книж. магаз.—25 ф., 5. Подписчики—48 ф. 05 с. Всего прод. на 444 ф. 14 с. С 1-го июля по 1-е августа: 1. Экспедиция—200 ф. 95 с., 2. Гр. Партии и отд. аг., а. Лозанск. Гр.—48 ф. 85 с., б. Женевск. Гр.—125 ф., в. Цюрихск. Гр.—91 ф. 80 с., г. Митвейг. Гр.—37 ф. 85 с., д. Дармшт. Гр.—93 ф. 09 с., е. Вюрцбург—10 ф. Итого—406 ф. 59 с., 3. Непарт. организ.—3 ф. 45 с., 4. Книжн. магаз.—157 ф. 57 с., 5. Подписчики—177 ф. 75 с. Всего—946 ф. 31 с. С 1-го авг. по 1-е сент. 1. Экспедиция—195 ф. 59 с., 2. Гр. Партии и отд. аг.: а. Гейдельб. Гр.—25 ф. 35 с., б. Цюрихск. Гр.—54 ф. 35 с., в. Карльф. Гр.—40 ф., г. Льеж—25 ф., д. Фридбергск. Гр.—21 ф. 35 с. Итого—166 ф. 05 с., 3. Непарт. организ.—485 ф. 70 с., 4. Книжн. магаз.—157 ф. 68 с., 5. Подписчики—72 ф. 85 с. Всего — 1.077 ф. 87 с. Общая сумма за это время — 2.468 ф. 32 с.

Бежали и прибыли за границу. В начале августа из Чердыни, Перм. губ., Ал. Вас. Кибардин (сослан на 4 года по делу Каз. Ком.). Из Арх. губ. Мария Розенберг (в 1902 г. бежала из Олекминска, Як. обл., вновь арестована в августе 1904 г. при проезде из-за границы в Россию). Из Якутской обл. Ив. Ив. Радченко. Из Енисейска Рудольф Гальперин по делу Киевск. Ком., соц.-демокр. 1902 года.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Центральным К-том Р.С.-Д.Р.П.: 1) Ко всей учащейся молодежи, 2) Проект резолюции о Государственной Думе, 3) Об объединении партии; Информационным бюро при Центр. К-те Р.С.-Д.Р.П.: Перечень вопросов, по которым необходимо иметь сведения бюро; Рижским К-том: Ко всей учащейся молодежи (перепеч. с прокл. Центр. К-та) (печ.); Московским К-том: Резолюция Окружной Организации по вопросу об отделении от Московского К-та и резолюция этого последнего по тому же вопросу; Серпуховской Группой Окружной Организации при Московском К-те: Тяжело жить рабочему... (печ.); Тверским К-том: 1) К рабочим ситцевой фабрики Морозова (печ.), 2) К рабочим ситцевого отделения фабрики Морозова (печ.), 3) Ко всем тверским рабочим и работницам (печ.); Объединенной С.-Д. Организацией студентов Петербурга: Резолюция, принятая 13-го сентября на сходке Петерб. ун.; Петербургской Группой: 1) Государственная Дума или учредительное собрание, 2) Мир, 3) Что нам нужно? (все печ.); Красноярским К-том: О мире (2.500 печ.); Сибирским Союзом: Отчет за февраль, март, апрель, май 1905 г. (печ.); Привокзальным районом Саратовского К-та Р.С.-Д.Р.П.: К рабочим стального завода; Воронежским К-том: Отчет К-та за август; Северо-Западным Союзом: Долой Государственную Думу (печ. 2.000); Двинским К-том: Царский мир (печ. 6.000); Виленской Группой: Ко всем виленским кожевникам (печ. 2.000).

В этот список вносятся только те листки, которые в подлиннике получены редакцией. Эти листки передаются редакцией в Библиотеку и Архив Р.С.-Д.Р.П. в Женеве для общего пользования.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Дедову. Ваши адреса, посланные с оказией, получены. Неаполю. №№ 4, 5 и 6 получены. А. А. А. Письмо № 1-й из А. получено. Южному рабочему. № 1-й получен. Нации. №№ 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 24 (в 3-х экз.) получены. Максиму второму. № 20 получен. Русанову. Очень рад, что устроились. Соловьеву. Кор. о крестьянском движении получена. К-л. Ваше указание примем к сведению, письмо дошло случайно, так как не указано, кому оно адресовано. 88i. Письмо получили, спасибо. Георгию. Оба письма получены. Тула. Карточка предателя Леонида Стан. Василевского получена. Сиб. Союзу. Просимое будем высылать аккуратно. Ольге. Получено. Мышецкому. Ответ Парвусу пойдет в № 21. Очень просим сотрудничать. Азиату. Письмо № 5 и предыдущее получено. Сообщения Огарка тоже. То, что послали раньше, очевидно, все попропадало. Листков и адресов для «Прол.» не получали. Такого адресата, о кот. вы пишете, не существовало: к началу одного адреса приставлен конец другого. Немудрено, что письма не доходили! Пришлем еще адресов, как только получим от вас адрес для писем. Бумажкину. Адрес для писем! Юзе. Получено. Валюше. Получено: шифровать нужно только то, что конспиративно. Сталь. Письмо получено, непременно пришлите адрес для писем.

Примечания.

Прим. 1. Слова эти написаны тов. Ольминским.

Прим. 2. Из всей статьи „К вопросу о партийном объединении“ сохранился лишь конец примечания от редакции, а именно от слов: ...„съездов. Это дело—настоятельно необходимое“. Эта часть рукописи тов. Ленина дает основание предполагать, что им было написано все примечание.

Прим. 3. Статью редактировал тов. Ольминский.

Прим. 4. То же.

ИСТПАРТ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

„ВПЕРЕД"
И
„ПРОЛЕТАРИЙ"

ВЫПУСК
VI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1925

ИСТПАРТ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (БОЛЬШЕВИКОВ)

„ВПЕРЕД“ и „ПРОЛЕТАРИЙ“

ПЕРВЫЕ БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ГАЗЕТЫ 1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ИСТПАРТА и со ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
М. ОЛЬМИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 33923. Тираж 15.000 экз.

Типография Госиздата „КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ". Москва, Пименовская ул., дом 1/16.

„ПРОЛЕТАРИЙ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА —
ОРГАН БОЛЬШЕВИКОВ
ИЗДАВАЛСЯ В ЖЕНЕВЕ В 1905 Г.

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

(№№ 21—26)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 21.

Политическая стачка и уличная борьба в Москве. **Н. Ленин** 1
О профессиональном движении и о задачах соц.-демокр. **Н. Ленин** . . . 3
Последнее слово искровской тактики. **Н. Ленин** 4
Социал-демократия и Государственная Дума. **Мышецкий** 8
Открытое письмо 12
Из отчета ответственного пропагандиста при ЦК 15

Из общественной жизни.

Петербург. **Комитетчик** 17
Минск 18
К выборам в Государств. Думу. **М. Ольминский** . . . 19
Еще о нападении на Рижскую тюрьму. **Н. Насимович** —
Гродно. **Н. Насимович** 20
Из листка. **Центральный Комитет РС-ДРП** . . . . . —
Сибирский Союз о Гос. Думе. **М. Ольминский** 21
Ташкентская группа о Госуд. Думе . . . . . —

Из рабочего движения.

Москва (из частного письма) 21
Москва . . . . . —
Москва 22
Москва . . . . . —
Петербург 23
Петербург. **Южанин-рабочий** . . . . . —
Николаев. **Рабочий** . . . . . —
Саратов 24
Одесса . . . . . —

Из партии.

Резолюция Одесского Комитета 25
Тамбов 26
Заявление группы „Голос Труда“ 27
„Рабочий“ . . . . . —
Издания . . . . . —
Из отчета экспедиции РС-ДРП 28
Почтовый ящик . . . . . —
Объявление о новых книгах . . . . . —
Примечания . . . . . —

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 22.

Конференция социал-демократических организ. в России **ЦК. РС-ДРП** 29
Уроки московских событий. **Н. Ленин** 30

Стр.

Польская социал-демократия о Государст. Думе. **Перевел с польского И. Теодорович** 33
Неверный шаг. **И. Теодорович** 34
На пороге решительных событий. **Н. Пан—к.** 36
Всеобщая забастовка в Костроме. **О. Ивановский** . . . 38

Из общественной жизни.

Петербург 39
Москва 40
Вильна . . . . . —
Минск . . . . . —
Вольск. **Дяденька** 41
Киев . . . . . —
Мелитополь . . . . . —
Заграничная молодежь и русская революция. **Н. Ленин.** 42
Витебск . . . . . —

Из рабочего движения.

Москва 42
Москва 43
Москва (из частного письма) . . . . . —
Петербург . . . . . —
Петербург (из письма ответственного организатора) . . 44
Николаев 45
Массовая забастовка в Сибири. **В. М. Величкина** . . . —
Баку. **Бакинский Комитет РС-ДРП** 46
Одесса (из отчета Дальницкого Районного Комитета) . . —
О профессиональных союзах (письмо из Саратова) . . . —
Казань . . . . . —

Из партии.

„Борьба пролетариата“ 47
„Рабочий“ № 2 . . . . . —
Издания . . . . . —
О поступлениях в кассу Комитета Заграничных Организаций . . . . . —
Из отчетов 48
Почтовый ящик . . . . . —
Примечания . . . . . —

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 23.

Всероссийская политическая стачка. **Н. Ленин** 49
Первые итоги политической группировки. **Н. Ленин** . . 50
Буржуазные „соглашатели“ и пролетарские революционеры. **В. Воровский** 52
Рассказ матросов с „Прута“ 54
Парламентаризм и революция. **А. Луначарский** 55

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Из общественной жизни.

Петербург . . . 57
Казань. **И. Теодорович** . . . 58
Москва (из частного письма) . . . —
Москва . . . 59
Ультиматум революционной Риги. **Н. Ленин** . . . —
Планы министра-клоуна. **Н. Ленин** . . . 60
Обострение положения в России. **Н. Ленин** . . . —
Крестьяне против Государственной Думы. **И. Теодорович** 61
Украинский Социал-демократич. Союз о Государств. Думе . . . —
Александрополь, Эриванской губ. . . . 62
В войсках. **Н. Насимович** . . . —
Манчжурская армия. **Н. Насимович** . . . 63
Из отчета Рижской Военно-Социал-Демократической Организации . . . —
Тула . . . —
Ставрополь . . . —
Ставрополь (из частного письма) . . . —
Чиатуры . . . 64

Из рабочего движения.

Москва . . . 64
Петербург . . . 65
Нижний-Новгород . . . 66
Минск. **Член организации** . . . —
Мстиславль, Могилевской губ. **Рабочий** . . . 67
Тула. **Рабочий** . . . —
Пермь . . . —
Юг и Север (из письма товарища). **Рабочий** . . . 68
Одесса . . . —
Луганск. **Рабочий** . . . 69

Иностранное обозрение.

Британское рабочее движение и конгресс тред-юнионов (перевод с немецкого) . . . 69
Ответ Бебеля „Русским Ведомостям". **А. Бебель** . . . 71

Из партии.

Кавказский Союз о Государств. Думе . . . 72
Резолюции . . . —
К вопросу об организации деревенских комитетов . . . —
Истерика потерпевших поражение. **Н. Ленин** . . . —
Письмо 29 товарищей из Бакинской тюрьмы . . . 73
Извещение о конференции крестьянских работников. **Восточное Бюро при ЦК РС-ДРП** . . . —
Побеги . . . 74
Издания . . . —
Из отчетов . . . —
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . 75

„ПРОЛЕТАРИЙ" № 24.

Первая победа революции. **Н. Ленин** . . . 77
Революционные дни в России . . . 79
До манифеста 17 октября . . . —
Петербург. **М. Ольминский** . . . —
Москва . . . 80
Одесса . . . 82
Харьков . . . 83
Екатеринослав . . . —
Саратов. **И. Теодорович** . . . —

Стр.

Златоуст, Красноярск, Иркутск, Асхабад, Козлов, Курск, Самара, Полтава. **И. Теодорович** . . . 84
Варшава. **И. Теодорович** . . . —
Лодзь . . . —
Ревель . . . —
Рига . . . —
Тифлис. **В. Величкина** . . . —
После манифеста . . . 85
Петербург. **В. Величкина** . . . —
Москва . . . —
Киев . . . —
Ревель . . . —
Полтава . . . —
Кишинев . . . —
Одесса . . . —
Варшава . . . 86
Мелкобуржуазный и пролетарский социализм . . . —
Сосновицы . . . 87
Кельцы . . . —
Петроков . . . —
Пабианицы . . . —
Лодзь . . . 88
Петроков . . . —
Гельсингфорс. **В. Величкина** . . . —
Петербург. **В. Величкина** . . . 90
Политическая стачка в Петербурге . . . —

Из общественной жизни.

„О новом конституционном манифесте Николая последнего". **Н. Ленин** . . . 92
Центральный Стачечный Комитет. **Н. Ленин** . . . —
Петербург. **Н. Ленин** . . . —
Киев . . . 93
Екатеринослав. **Рабочий** . . . —
Харьков . . . —
Приговор крестьян . . . 94

Из рабочего движения.

Москва . . . 94
Москва . . . 95
Постановления Совета депутатов московских типо-литографск. рабочих . . . 96
Саратов . . . —
Курск . . . 97
Владимирская Окружная Группа . . . —
Херсон (письмо рабочего) . . . 98

Иностранное обозрение.

Из Франции. Рабочие союзы и антимилитаризм . . . 96
Стачка на берлинских электрических заводах. **Сашин** . 99

Из партии.

Задачи реорганизации нашей партии . . . 101
Красноярский Комитет о Государств. Думе. **Красноярский Комитет** . . . —
Петербург . . . 102
Саратовский Комитет: „К крестьянам" . . . —
Некролог Николая Эрнестовича Баумана. **Н. Ленин** . . 103
Побеги . . . —
Издания . . . —
Из отчетов . . . —
Примечания . . . 104

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 25.

Приближение развязки 105
Парламент и его значение. **А. Луначарский** 107
Крестьянский съезд. **В. Карпинский** 109
Народные митинги в Петербурге 112

Из общественной жизни.

Петербург (из частного письма) 113
Киев (из частного письма) 114
Одесса (из частного письма) 115
Кострома 116

Из партии.

Резолюция П. Лафарга 116
Проект резолюции о проф. союзах, предложенный Центр. Ком. партийным организациям . . . . . —
От Федеративного Совета 117
Издания . . . . . —
Объявление от редакции о сокращении размеров „Пролетария“ . . . . . —
Последние известия. **В. Воровский** 118
Примечания 118

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 26.

Между двух битв 121
Новый организационный устав Германской Соц.-Дем. Партии. **Сашин** 124
Непрерывная революция 126
Друзья порядка. **А. Луначарский** 127
Запутавшийся либерал 129
Ответ Плеханову. **В. Воровский** 130
Революция и контр-революция в России. **В. Воровский.** 131

Стр.

Иностранное обозрение.

Первый конгресс Французской Объединенной Социалист. Партии 138
Гедисты и участие русских социал-демократ. во Времен. Рев. Правительстве. **Линдов** 139

Из партии.

Минск. **Член организации** 139
Коломна (Московск. губ.) 140
Издания . . . . . —
О поступлениях в кассу Центральн. Комитета . . . . . —
Примечания . . . . . —

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Нижний Новгород. **Л.** 141
Петербург . . . . . —
Товарищи! России конституция дана. **М. Ольминский** . . 142

Последние известия.

Женева. **Н. Ленин** 143

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Портреты: тт. А. П. Мандельштам, О. А. Пятницкого, С. Н. Равич и Л. А. Фотиевой. **Факсимиле:** Воровского и Ленина и Теодоровича.

УКАЗАТЕЛИ.

Указатель имен 145
Указатель организаций, фабрично-заводских предприятий и учреждений 157
Указатель произведений печати 164
Тематический указатель 173

А. П. Мандельштам (Л. Кручинина).

О. А. Пятницкий
(фотография 1906 г.).

С. Н. Равич
(фотография 1903 г.).

Л. А. Фотиева
(фотография 1903 г.).

LE PROLETAIRE

Prix: 10 cts.

ЖЕНЕВА. 17 (4) октября 1905 г.

№ 21.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Политическая стачка и уличная борьба в Москве.

Революционные события в Москве—это первая молния грозы, осветившая новое поле сражения. Издание закона о Гос. Думе и заключение мира ознаменовали начало новой полосы в истории русской революции. Либеральная буржуазия, уже утомленная упорной борьбой рабочих и обеспокоенная призраком «непрерывной революции», вздохнула облегченно и с радостью ухватилась за брошенную ей подачку. Началась по всей линии борьба с идеей бойкота, начался явный поворот либерализма вправо. К сожалению, даже среди социал-демократов нашлись неустойчивые люди (в лагере новоискровцев), готовые поддержать этих буржуазных предателей революции на известных условиях, готовые «взять всерьез» Гос. Думу. События в Москве, можно надеяться, устыдят маловеров и помогут сомневающимся правильно оценить положение дел на новом поле сражения. И мечтания анемичных интеллигентов о возможности всенародных выборов при самодержавии, и иллюзии тупоумных либералов о центральном значении Гос. Думы сразу разлетаются в прах при первом же крупном революционном выступлении пролетариата.

Наши сведения о московских событиях теперь еще (12 окт. н. ст.) очень скудны. Они ограничиваются краткими и часто противоречивыми сообщениями заграничных газет да просеянными через цензурные сита отчетами легальной печати о начале движения. Несомненно одно: борьба московских рабочих в своей начальной стадии шла по тому пути, который стал уже обычным в течение последнего революционного года. Рабочее движение наложило свой отпечаток на всю русскую революцию. Начавшись разрозненными стачками, оно быстро развилось, с одной стороны, до массовых стачек, с другой — до уличных демонстраций. В 1905 году вполне сложившейся уже формой движения является политическая стачка, переходящая на наших глазах в восстание. И если для всего рабочего движения в России потребовалось десять лет, чтобы подняться до настоящей (далеко еще не окончательной, разумеется) ступени, то теперь движение в отдельных районах страны в несколько дней поднимается от простой стачки к гигантскому революционному взрыву.

Стачку наборщиков в Москве начали, как сообщают нам, несознательные рабочие. Но движение сразу ускользает из их рук, становится широким профессиональным движением. Присоединяются рабочие иных профессий. Неизбежное выступление рабочих на улицу, хотя бы для оповещения неосведомленных еще о стачке товарищей, превращается в политическую демонстрацию с революционными песнями и речами. Долго сдерживавшееся озлобление против гнусной комедии «народных» выборов в Гос. Думу прорывается наружу. Массовая стачка перерастает в массовую мобилизацию борцов за настоящую свободу. На сцену является радикальное студенчество, которое и в Москве приняло недавно резолюцию, вполне аналогичную петербургской; резолюция эта по-настоящему, языком свободных граждан, а не пресмыкающихся чиновников, клеймит Гос. Думу, как наглую издевку над народом, призывает к борьбе за республику, за созыв временным революционным правительством действительно всенародного и действительно учредительного собрания. Начинается уличная борьба пролетариата и передовых слоев революционной демократии против царского воинства и полиции.

Таково именно было развитие движения в Москве. В субботу 24 сент. (7 окт.), кроме наборщиков, не работали уже табачные фабрики, электрические конки; начиналась стачка булочников. Вечером состоялись большие манифестации, в которых, кроме рабочих и студентов, приняла участие масса «посторонних» лиц (революционных рабочих и радикальных студентов перестают уже считать посторонними друг-другу при открытых народных выступлениях). Казаки и жандармы все время разгоняли манифестантов, но они постоянно собирались снова. Толпа давала отпор полиции и казакам; раздавались револьверные выстрелы, и много полицейских было ранено.

В воскресенье 25 сент. (8 окт.) события сразу принимают грозный оборот. С 11 часов утра начались скопления рабочих на улицах. Толпа поет марсельезу. Устраиваются революционные митинги. Типографии, отказывавшиеся бастовать, разгромлены. Народ разбивает булочные и оружейные магазины: рабочим нужен хлеб, чтобы жить, и оружие, чтобы бороться за свободу (совсем так, как поется во французской революционной песне). Казакам удается рассеивать манифестантов лишь после упорнейшего сопротивления. На Тверской, около дома генерал-губернатора, происходит целое сражение. Около булочной Филиппова собирается толпа подмастерьев-булочников. Как заявляла потом администрация этой булочной, рабочие мирно выходили на улицу, прекращая работу из солидарности со всеми стачечниками. Отряд казаков нападает на толпу. Рабочие проникают в дом, забираются на крышу, на чердак, осыпают солдат камнями. Происходит правильная осада дома. Войско стреляет в рабочих. Отрезываются всякие сообщения. Две роты гренадеров производят обходное движение, проникают в дом сзади и берут неприятельскую позицию. Арестовано 102 подмастерья, из них восемь ранено; двое рабочих убито. Со

стороны полиции и войска есть раненые; смертельно ранен жандармский ротмистр.

Разумеется, эти сведения крайне неполны. По частным телеграммам, приводимым некоторыми заграничными газетами, зверства казаков и солдат не знали предела. Администрация филипповской булочной заявляет протест против ничем не вызванных бесчинств войска. Одна солидная бельгийская газета приводит сообщение, что дворники были заняты очисткой улиц от следов крови. «Эта маленькая подробность,—пишет она,—больше, чем иные длинные отчеты, свидетельствует о серьезности борьбы». «Vorwärts» сообщает на основании проникших в газеты частных сведений, что на Тверской бились 10.000 стачечников против батальона пехоты. Войска дали несколько залпов. Кареты скорой помощи были завалены работой. Число убитых приблизительно считают не менее 50 человек, раненых до 600. Передают, что арестованных отводили в казармы и беспощадно, зверски избивали, прогоняя через строй солдат. Передают, что нечеловеческой жестокостью отличались офицера во время уличного боя даже по отношению к женщинам (телеграмма специального корреспондента консервативно-буржуазного «Temps» из Петербурга от 10 окт. [1])—26 сент.).

О событиях следующих дней сведения становятся все более скудными. Озлобление рабочих страшно выросло; движение растет; правительство всеми мерами принялось запрещать и урезывать всякие сообщения. Заграничные газеты прямо отмечали противоречие между успокоительными вестями официальных агентств (которым одно время было поверили) и вестями, переданными в Петербург по телефону. Гастон Леру телеграфировал в парижскую газету «Matin», что цензура делает чудеса, чтобы остановить распространение сколько-нибудь тревожных вестей. «Понедельник 26 сент. (9 окт.),—пишет он,—был одним из самых кровавых дней в истории России. Бьются на всех главных улицах и даже около дома генерал-губернатора. Манифестанты выкинули красное знамя. Много убитых и раненых».

Сведения других газет противоречивы. Несомненно лишь, что стачка растет. К ней примыкает большинство заводских и даже фабричных рабочих. Бастуют железнодорожники. Стачка становится всеобщей (вторник 26 сент.—9 окт. и среда).

Положение крайне серьезное. Движение перекидывается в Петербург: рабочие завода Сан-Галли уже остановили работу.

На этом останавливаются в данный момент наши сведения. На основании их нельзя и думать, разумеется, о полной оценке московских событий. Нельзя еще сказать, представляют ли они из себя генеральную репетицию решительного пролетарского натиска на самодержавие, или уже начало этого натиска; являются ли они только распространением очерченных нами выше «обычных» приемов борьбы на новую область Центральной России, или им суждено послужить началом высшей формы борьбы и более решительного восстания.

Ответ на эти вопросы даст недалекое, по всей видимости, будущее. Несомненно одно: рост восстания, расширение борьбы, обострение форм ее идут непрерывно перед нашими глазами. Пролетариат по всей России пробивает себе дорогу героическими усилиями, намечая то здесь, то там, в каком направлении может развиваться и, несомненно, будет развиваться вооруженное восстание. Правда, и теперешняя форма борьбы, которую движение рабочих масс уже выработало, наносит самые серьезные удары царизму. Гражданская война приняла форму отчаянно упорной и повсеместной партизанской войны. Рабочий класс не дает отдыха врагу, обрывает промышленную жизнь, останавливает постоянно всю машину местного управления, создает по всей стране тревожное состояние, мобилизуя все новые и новые силы для борьбы. Никакое государство не выдержит долгое время такого натиска, а тем менее прогнившее царское правительство, от которого один за другим отпадают прежние его сторонники. И если либеральной монархической буржуазии борьба кажется подчас слишком упорной, если ее пугает гражданская война и это состояние тревожной неуверенности, в котором живет страна, то для революционного пролетариата продолжение этого состояния, затягивание борьбы является насущно необходимым делом. Если среди идеологов буржуазии начинают появляться люди, которые принимаются тушить революционный пожар своей проповедью мирного легального прогресса, которые заботятся о притуплении, а не обострении политического кризиса, то сознательный пролетариат, никогда не сомневавшийся в предательской натуре буржуазного свободолюбия, пойдет неуклонно вперед, поднимая за собой крестьянство, внося разложение в ряды царского войска. Упорная борьба рабочих, постоянные стачки, демонстрации, частичные восстания,—все эти пробные, так-сказать, сражения и схватки неизбежно втягивают войско в политическую жизнь, а следовательно, и в круг революционных вопросов. Опыт борьбы просвещает быстрее и глубже, чем могли бы при других условиях сделать годы пропаганды. Внешняя война окончилась, но правительство явно боится возврата пленных и возврата манчжурской армии. Сведения о ее революционном настроении все умножаются. Проекты земледельческих колоний в Сибири для солдат и офицеров манчжурской армии не могут не усиливать брожения, даже если эти проекты останутся одними проектами. Мобилизация не останавливается, несмотря на заключение мира. Становится все очевиднее, что армия нужна всецело и исключительно п р о т и в р е в о л ю ц и и. А при таких условиях мы, революционеры, ровно ничего не имеем против мобилизации, мы готовы даже приветствовать ее. Оттягивая развязку ценой вовлечения в борьбу новых и новых частей армии, приучая все большее и большее количество войска к гражданской войне, правительство не уничтожает источника всех кризисов, а, напротив, расширяет почву для них. Оно получает оттяжку ценою неизбежного расширения поля борьбы и обострения ее. Оно поднимает на борьбу самых отсталых и самых невежественных, самых забитых и самых мертвых политически,—борьба просветит, встряхнет и оживит их. Чем дальше протянется это состояние гражданской войны, тем неизбежнее будет выделение из контр-революционной армии массы нейтральных и ядра борцов за революцию.

Весь ход русской революции за последние месяцы свидетельствует о том, что достигнутая теперь ступень не является и не может быть высшей ступенью. Движение поднимается еще выше, как поднялось уже оно со времени 9 января. Тогда мы видели впервые движение,

поразившее мир единодушием и сплоченностью гигантских масс рабочих, поднявшихся во имя политических требований. Но это движение было еще крайне несознательное в революционном отношении и совершенно беспомощное в смысле вооружения и военной готовности. Польша и Кавказ дали образец борьбы уже более высокой, где пролетариат стал выступать отчасти вооруженным, где война приняла затяжную форму. Одесское восстание ознаменовалось присоединением нового и важного условия успеха: перехода части войск на сторону народа. Правда, сразу успех не был еще достигнут; трудная задача «сочетания морских и сухопутных сил» (одна из труднейших задач даже для регулярного войска) не была еще разрешена. Но она была поставлена, и все признаки говорят за то, что одесские события не останутся единичным казусом. Московская стачка показывает нам распространение борьбы на «истинно русскую» область, устойчивость которой так долго радовала реакционеров. Революционное выступление в этом районе имеет гигантское значение уже потому, что боевое крещение получают массы пролетариата, наименее подвижного и в то же время сосредоточенного на сравнительно небольшой области в количестве, не имеющем себе равного нигде в России. Движение началось с Питера, обошло по окраинам всю Россию, мобилизовало Ригу, Польшу, Одессу, Кавказ, и теперь пожар перекинулся на самое «сердце» России.

Как бы ни кончилась вспышка восстания в Москве, революционное движение во всяком случае воспрянет теперь еще более окрепшим, охватит более широкую область, запасется новыми силами. Допустим даже, что царские войска празднуют теперь в Москве полную победу,—еще несколько таких побед, и полный крах царизма станет фактом. И это будет уже тогда действительный, настоящий крах всего наследия крепостничества, самодержавия и мрака, а не то дряблое, трусливое и лицемерное штопанье гниющей ветоши, которым обольщают себя и других либеральные буржуа. Допустим даже, что завтрашняя почта принесет тяжелую весть: вспышка восстания еще раз подавлена. Мы воскликнем тогда: еще раз—да здравствует восстание!

(*Н. Ленин*).

О профессиональном движении и о задачах социал-демократии.

Основная задача социал-демократии, определяющая направление всей ее партийной деятельности, выражается в немногих словах: организовать рабочий класс в сознательную политическую силу, проявляющую себя как повседневным политическим выступлением, так и революционным натиском в критические минуты. Сознатель[ные социалистические цели и] революционн[ые массовые выступления,—вот] две основные черты, отличающие доктрину с.-д. и ее тактику. Прививать их там, где они в зародыше, развивать их там, где они уже фактически проявляются, наконец, закрепить их в прочные организационные формы,—таковы ближайшие задачи р[оссий]ского социал-демократического движения. Мы, несомненно, стремимся и должны стремиться к тому, чтобы партия стала организованным [передовым отрядом] класса, чтобы за нашими знаменами шли миллионы [пролетариев], чтобы наши лозунги подхватывались миллионами [людей],—словом, чтобы сила пролетарского сознания [превратилась в] физическую силу организованной массы и подтвердила свои логические выводы «аргументами улицы». Это—наша цель, руководящая нашей тактикой и нашей политикой.

Но, ставя ее себе и практически ее осуществляя, мы должны опасаться одного важного промаха, характеризующего политику буржуазно-оппортунистических партий: именно, мы не должны во имя [процесса] организации отказываться от идей, социал-демократическую доктрину [партии] приносить в жертву [складывающемуся на практической работе] организму [партии] и, прокладывая рельсы революции, упускать из виду ее конечную станцию. Такой промах происходит весьма легко, тем более, что у большинства товарищей он превращается в революционную потребность, ибо в минуты, подобные современным, логика парализована, а психология всемогуща. Ход событий увлекает своей грандиозностью, ломка старого режима идет по всем пунктам, и триумфальная колесница революции с шумом и грохотом совершает свое всероссийское шествие. А мы, фаусты мелких организационных вопросов и мефистофели самих себя, расхаживаем по массовкам и конспиративным квартирам, добросовестно агитируем, скучно спорим и скучно живем. И кажется, что стихийная волна прокатится мимо нас, что мы уже на пушечный выстрел отброшены от великого революционного пути, и что для нас единственный исход—бежать за волной, догонять ее.

Но волны играют скверную штуку с тем, кто плывет по их течению: они выбрасывают его на отмель, а сами убегают вспять к «узким доктринам» и основным идеям, подсказанным железной логикой истории. Покинутые позиции снова становятся фарватером движения, гора массового подъема, родившая либерально-буржуазную мышь, рассыпается на куски, и во весь прежний рост вырастает прежняя аксиома: «стихийность увлекает, но творит только сознательность». Тогда людям, увлеченным массой и ею же выброшенным, приходится совершать путешествие в Каноссу и вторично присягать тем самым принципам, от которых [они] отреклись.

Таков процесс партийного роста, одинаковый для всех стран и приобретающий особую остроту в моменты революционной эпохи. Идея социализма, научного по своей доктрине,—основной скелет пролетарского движения. Все остальное концентрируется около него и имеет право на существование лишь постольку, поскольку оно слова и лозунги превращает в факты и действия. Организованная масса—все, если она представляет из себя социалистические батальоны, но она ничто, если ее объединил только инстинктивный протест против настоящего, а не сознательное стремление к определенному будущему. Социалистический пролетариат—наша родина; конгломерат же пролетариев—лишь объект нашего воздействия. С первым и в первом мы живем, со вторым рассуждаем и агитируем. Эти основные положения настолько ясны и общепри-

знаны, что на них не стоило бы останавливаться, если бы они не забывались так часто, если бы революционное настроение не торжествовало над логикой революции.

Профессиональное движение может легко совлечь нашу партию с социалистического на общедемократический путь; вот почему, говоря о нем, приходится повторять и подчеркивать азбучные истины. Стремление объединиться в профессиональные союзы замечается сейчас всюду; постоянно возникают среди рабочих попытки организовать их, задаются на массовках вопросы на этот счет и т. д. Такое явление далеко не случайно и не может быть отнесено насчет недостатков нашей партийной организации, как это полагают некоторые товарищи. Как бы ни была блестяще поставлена работа, каким бы уважением ни пользовались комитетские организации,—идея профессионального единения все равно [продолжает] жить, проявляясь все новыми попытками устройства рабочих союзов, касс взаимопомощи и т. д. Она неискоренима, ибо вытекает из недр пролетарского сознания, подсказывается поучительным и горьким опытом жизни.

Возьмите любую стачку, начатую по инициативе социал-демократии и принявшую длительный, затяжной характер, и вы увидите не прямую линию последовательной борьбы, а лихорадочные вспышки настроения, сменяющиеся таким же лихорадочным упадком. Хорошо еще, если местные условия, как, напр., в Иваново-Вознесенске, допускают массовые собрания, где ежедневно руководители отдают отчет в своих действиях, распределяют суммы и т. д. и тем заранее уничтожают зародыши недоверия и подозрений. А там, где этого нет, довольно быстро складываются легенды о подкупе, о растрате собранных сумм и в несколько дней сметают всякие следы первоначального подъема. Экономическая неорганизованность, отсутствие пролетарского воспитания сказываются здесь во всей силе, вулкан перестает выбрасывать лаву и пламень, а только плюется пеплом и грязью.

Тяжелее всего это отзывается на сознательных рабочих, руководящих стачкой: все упреки падают на их голову, все неудачи приписываются им,—словом, из вождей и любимцев они превращаются в подсудимых. А такой урок не забывается: одни испытали его на своей шкуре, другие наблюдали его со стороны, и у всех сознательных рабочих рождается жгучая потребность обучить массу азбуке борьбы, т.-е. организовать ее экономическую солидарность. Без такого условия почти невозможна успешная стачка, а, ведь, мы, социал-демократы, берем на себя стачечный почин, пропагандируем стачки, как единственный путь к экономическим завоеваниям. «Wer A sagt, muss auch B sagen» (кто сказал А, тот должен сказать и Б), говорит немецкая поговорка. Применительно к данному случаю можно ее перевести так: кто рекомендует экономическую борьбу,—рекомендует и формы ее организации, т.-е. профессиональные союзы.

Из сказанного вытекает, что профессиональное движение законно, необходимо и неотвратимо; социал-демократ, выступающий его противником, борется с историей, с логикой и с самим собой.

Но, быть-может, на это возразят, что особые условия русской жизни делают в данную минуту профессиональные союзы ненужными, даже вредными, что они отвлекают внимание масс от политической борьбы, что они суживают освободительное течение, отвлекая от него лучшие силы, и что, следовательно, необходимо препятствовать их возникновению. Но, ведь, во-первых, никакая история в мире не может обязать социал-демократа бороться с ветряными мельницами, преграждая дорогу тому, что неотвратимо; а во-вторых, и самые доводы насчет опасности для России профессиональных союзов покоятся на песке идеалистического понимания событий. Разве психологический интерес руководит людьми? Разве политическая свобода—только любопытная игрушка, которую можно променять на другую, более безопасную игрушку чисто-экономического

Последнее слово искровской тактики

или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания.

Мы уже неоднократно говорили о несостоятельности искровской тактики в «думской» кампании. Несостоятельны обе основные черты этой тактики: и стремление поддерживать идущих в Думу освобожденцев на основании известных революционных обязательств, и провозглашение лозунга: «революционное самоуправление граждан», призыв к всенародным выборам при самодержавии в учредительное собрание. Теперь мы имеем, наконец, попытку точно и официально формулировать искровскую тактику в резолюции «Южной учредительной (?) конференции» меньшевиков. На этой конференции были представлены лучшие силы новоискровцев в России. Резолюция дает нам опыт делового изложения чисто-практических советов, обращенных к пролетариату. Вот почему внимательный разбор этой резолюции представляется насущной необходимостью и с точки зрения выработки определенной практики, и для оценки всей тактической позиции «Искры» в целом.

Приводим полный текст резолюции:

Резолюция учредительной конф. южн. организ. по поводу Государственной Думы. Считая единственным соответствующим интересам всего народа выходом из современного тяжелого положения созыв учредит. собрания на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования для ликвидации самодержавного режима и учреждения демократической республики, которая прежде всего необходима пролетариату в интересах его борьбы против всех основ буржуазного строя и за осуществление социализма, и принимая во внимание:

1) что система выборов в Госуд. Думу не дает возможности принять участие в них всему народу, при чем пролетариат лишен совершенно права выборов благодаря введению для городских жителей высокого имущественного ценза, а крестьянство, и то лишь часть его, будет выбирать на основе 4-степенной системы, которая открывает полный простор административному давлению на них;

2) что вся Россия попрежнему лишена всех необ-

объединения? Разве революционный процесс вызван к жизни не экономическими силами, проявления которых никто и ничто не может предотвратить?

Нет, никакие союзы в мире не затушуют и не зарубцуют самодержавной язвы. Напротив, каждый шаг их деятельности будет напоминать им о Карфагене, на ряде бесчисленных примеров будет иллюстрировать массам их политическое бесправие и тем самым толкать их к политической борьбе. Если к современной революционной России и неприменим европейский аршин, то лишь в том смысле, что в ней с такой быстротой, как нигде, экономическая солидарность пролетариата превращается в его политическую солидарность. Но, считаясь с профессиональными союзами, как с неизбежным явлением жизни, мы обязаны выработать к ним определенное отношение и создать для них формы, наиболее благоприятные для развития вширь нашей партии. Прежде всего мы должны отказаться от мифа нейтральности. Мы не можем стоять в стороне, не говоря ни за, ни против, и только наблюдать их возникновение и развитие. Если мы считаем их полезными для партии, то тем самым мы обязуемся, поскольку это в наших силах, способствовать их зарождению. Не дружественный нейтралитет, а активное содействие,—вот наш лозунг по отношению к профессиональному движению.

Затруднение заключается только в одном: в недостатке работников, которых нехватает даже для партийной организации. Но это затруднение не так существенно, как кажется с первого взгляда. Среди рабочих имеется довольно значительный контингент лиц, достаточно развитых в теоретическом отношении, но далеко не революционных по своей психике. Чисто-партийная деятельность, с ее риском и напряженностью, писана не для них, и они или открыто стоят в стороне от нее, или оказывают грошовые услуги, далеко не отвечающие их знаниям и способностям. Старания привлечь их во что бы то ни стало к партийной работе в большинстве случаев кончаются неудачами, ибо нельзя привлечь человека к боевым действиям, раз у него нет боевого характера. Но они могут стать неоценимыми работниками в профессиональном движении и здесь оказать партии громадную пользу. Стоя во главе всевозможных союзов, придавая им определенное направление, они создадут великолепные условия для агитационной работы. Не выступая открытыми сторонниками социал-демократической партии, они расчистят препятствия с ее пути и дадут возможность привлекать к движению все новые и новые силы. И так как такая деятельность наиболее отвечает их стремлениям, то, несомненно, они сумеют придать работе широкий размах, обеспечить социал-демократии аудиторию. Для партии гораздо выгоднее, чтобы они из плохих революционеров превратились в хороших закулисных социал-демократов.

Так разрешается, на мой взгляд, вопрос о силах, необходимых для профессионального движения. Силы есть, их надо только использовать.

Но одновременно с этим возникает и другая задача: обезопасить профессиональное движение от внесения в него политически-оппортунистических элементов. Некоторые товарищи, стоя на точке зрения постепенного приспособления масс к политической борьбе, не прочь придать профессиональным союзам политическую окраску, обесцветив ее до уровня понимания наименее сознательных слоев рабочего класса. «Если выставить лозунгом союза программу-минимум и нашу конечную цель, то это может отпугнуть массы,—говорят они.—Надо, следовательно, выставить такие лозунги, которые, с одной стороны, будят политическое сознание, а с другой стороны, не отпугивают своим радикализмом. А потом уже можно заботиться о дальнейшем углублении программы и превращении ее в чисто-социал-демократическую». Те, которые рассуждают так, забывают, что если нелегко перевести массы от экономики к политике, то в тысячу раз труднее излечить их от опошлен-

---

ходимых гражданских свобод, без которых невозможна предвыборная агитация, а следовательно, и произведение сколько-нибудь правильных выборов, и что, наоборот, в настоящее время административный произвол господствует повсюду больше, чем когда-нибудь, и огромные местности одна за другой объявляются на военном положении;

и, наконец, 3) что для всех окраин вырабатывается еще более карикатурная система представительства,—

конференция предлагает всем организациям самую энергичную агитацию, раскрывающую всю карикатурность того представительства, которым самодержавное правительство думает обмануть народ, и объявляет сознательным предателем народа всякого, кто готов удовлетвориться Г. Д. и не поставит себе задачей в настоящий решительный момент своими действиями и своей тактикой поддержать требования революционного народа о созыве учр. собрания на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

В целях же скорейшего осуществления указанного требования, Южн. конфер. рекомендует партийн. организациям следующую тактику:

1) Повести энергичную агитацию среди рабочего пролетариата и крестьянской массы для создания широких демократических организаций и объединения их во всероссийскую организацию в целях энергичной борьбы против Госуд. Думы и за осуществление всенар. учред. собрания вместе с немедленным введением свободы слова, печати, собраний, союзов, стачек. К созданию этой всероссийской народной организации следует итти путем образования агитационных комитетов, выбираемых рабочими на отдельных фабриках и заводах; объединения этих агитацион. комитетов; создания соответствующих агитационных комитетов среди крестьянства; установления более тесной связи между городскими и крестьянскими комитетами; образования губернских комитетов и установления связи между ними.

2) При достаточной силе этой организации, при соответствующем настроении рабочей массы приступить при открытии выборной кампании к организации всенародных выборов в учредит. собрание, имея в виду, что организованное народное движение, направленное на осуществление этих выборов, может сделаться естественным переходом к всенародному восстанию против царизма, так как неизбежное противодействие само-

ной политики и сопутствующей ей оппортунистической тактики.

Рабочий, усвоивший себе принципы прекраснодушного либерализма, находит теоретические оправдания своей робости: раньше он был трусом по настроению, а подслащенная либеральная программа превратила его в труса по убеждению. И, успокоенный грошовыми вольностями и свободами, он всеми силами будет противиться дальнейшему радикализированию программы. «У меня, ведь, есть политика,—скажет он,—дешовая, удобная политика, и другой мне не надо». Все попытки продвинуть дальше его горизонт, вместо либерализма подставить социал-демократизм сокрушатся об эту рыхлую стену теоретизированной трусости. Политическая пошлость гораздо опаснее политической безграмотности: язычник Савл может превратиться в Павла, фарисей же Каиафа никогда или весьма редко. Если мы не в состоянии привить профессиональным союзам нашей социалистической и политической программы полностью, то лучше не прививать никакой, чтобы, по крайней мере, пользоваться полной свободой агитации, не чувствуя себя в компании официальных либералов. Невозможность выставлять на знамени профессиональных союзов политическую программу, хотя бы и укороченную, выясняется еще и из следующего обстоятельства: ведь, экономическая солидарность имеет цену только тогда, если ее проявляют все или, по крайней мере, подавляющее большинство рабочих данной профессии. Политическая же программа, несомненно, отпугнет с самого начала значительные массы рабочих и тем самым удалит их от социал-демократической агитации, ослабив в то же время силы профессионального союза.

Но я иду дальше: на мой взгляд, мы не должны прикреплять к профессиональным союзам социал-демократический ярлык, если даже значительное большинство членов данного союза разделяет программу партии. Не следует забывать, что, чем более крепнет и усиливается какая-либо профессиональная организация, тем более она приобретает в глазах своих сочленов самодовлеющее значение. Конечные цели движения, исчезающие в сумраке будущего, оттесняются на задний план конкретными образами туго набитых касс, миллионных оборотов и т. п. Антикапиталистические организации начинают хвастаться своей капиталистической мощью; две души рабочего вступают в спор, и победительницей часто выступает—увы!—непролетарская. «Маркс и Энгельс—да, ведь, они уже давно умерли!»—восклицает на Кельнском конгрессе какой-то остряк Gewerkschaftler [деятель профессионального рабочего движения] к великому удовольствию присутствующих. «Профессиональные союзы нуждаются в спокойствии» — торжественно провозглашает немецкий [товарищ] Бомельбург. Союзы нуждаются в спокойствии! А «неугомонных» революционеров Маркса и Энгельса надо окончательно похоронить, майский праздник следует отменить, идею всеобщей стачки не следует даже обсуждать,—почему? Да потому, что немецкие профессиональные союзы располагают десятками миллионов капитала, а существующие параллельно с ними потребительные общества имеют оборот в ¼ миллиарда марок. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»—гласит социал-демократический девиз. «Пфенниги, соединяйтесь!»—так переводят его немецкие рабочие, организованные в профессиональные союзы. А, ведь, большинство из них—социал-демократы, читают «Vorwärts», называют Бебеля и Каутского unsere Genossen [наши товарищи]. Теперь представьте себе, что эти профессиональные союзы официально приняли программу и считаются принадлежащими к партии. Как партийные единицы, они имеют право обсуждать принципы социал-демократии и определять ее тактику. Посмотрите, какой великолепный либерально-буржуазный винигрет они изготовили бы, если бы в их руках очутилось руководство партийной жизнью! Все параграфы Эрфуртской программы были бы переоценены с точки зрения сбереженного пфеннига, все революционные догмы были бы при-

---

державия и столкновение с ним на почве произведения выборов создадут для восстания новые побудительные мотивы, а предварительная организация народа обеспечит ему повсеместность и единство.

3) Рядом с этим конференция предлагает добиваться завоевания свободы выборных собраний, рекомендует энергичное вмешательство в выборную кампанию, рекомендует добиваться обсуждения выборщиками среди народа на широких народных собраниях тех задач, которые стоят перед представителями, выбираемыми в Гос. Думу, при чем социал-демократическая партия должна добиваться выступления слоев населения, имеющих право выборов в Гос. Думу, на революционный путь, которое может выразиться или в присоединении к восстанию, руководимому демократической организацией народа или при отсутствии его в стремлении превратить формирующуюся Гос. Думу в революционное собрание для созыва всенар. учредит. собрания или для содействия его созыву демократической организацией народа.

4) Давление в том же направлении на Гос. Думу, если к моменту ее окончательного созыва народное движение не приведет к свержению самодержавия и организации учредит. собр. Готовиться к постановке пред Гос. Думой ультиматума о созыве учр. собр., немедленного введения свободы слова, собраний, печати, союзов и вооружения народа. Готовиться к поддержанию этого ультиматума политической стачкой и другими широкими народными выступлениями.

5) Вся эта тактика должна быть принята широкими народными собраниями, организуемыми до и во время выборной кампании среди пролетариата и крестьянства.

Не будем останавливаться на редакционных недостатках резолюции, страдающей многословием. Обратимся прямо к основным ошибкам.

1. Во вступительной части говорится о единственном выходе из современного положения. При этом весь центр тяжести переносится на понятие учред. собрания и ни слова не говорится о том, кем должно бы быть оно созвано для того, чтобы сделать «выход» выходом не на словах только, а на деле. Это умолчание есть пасование социал-демократов перед освобожденцами. Мы уже неоднократно показывали, что именно интересы монархической либеральной буржуазии заставляют освобожденцев ограничиваться одним созывом всенар. учред. собр. и замалчивать вопрос о

несены в жертву политике «реальных интересов». Социал-демократия погибла бы в ту минуту, как судьбу ее стали бы решать не пролетарии вообще, не рабочий класс во всей его совокупности, а представители союза перчаточников, члены союза типографщиков и прочие профессиональные индивидуалисты. Профессия погубила бы партию.

Все сказанное приводит к следующему выводу. Экономическая организация пролетариата должна быть строго отграничена от его политической организации. Школы экономической солидарности нельзя отождествлять с военным лагерем [на поле бесповоротной классовой борьбы], каким является социал-демократия по своему существу. Марфа и Мария могут быть сестрами, но им вовсе незачем становиться сиамскими близнецами. Иначе наступит смешение идей, торжество грошовой выгоды над широкими перспективами классовой борьбы. Марфа может научить пролетариат ведению хозяйственных дел, но она также может отучить его от диктатуры.

Такое положение, правильное, по моему мнению, относительно профессионального движения вообще, вдвойне правильно по отношению к России: способствуя зарождению профессиональных союзов, мы должны ограничивать их деятельность чисто-экономическими рамками. Для нашей партии союзы—только сфера воздействия, а не составная часть. Официально они не должны выставлять никакой политической программы, если бы даже по составу своих членов тот или другой из них мог принять нашу программу полностью. Социал-демократическая программа существует для всего пролетариата, а не для его групп и подразделений; поэтому в профессиональный союз сознательный рабочий входит лишь постольку, поскольку он—член данной профессии, в партию же—постольку, поскольку он—пролетарий. Это значит, что союзу он принадлежит одной частью своего «я», партии же весь целиком.

Отграничив экономику от политики, мы, однако, должны детализировать экономическую деятельность профессиональных союзов. Она может проявляться в самых различных формах: в виде касс взаимопомощи на случай безработицы и болезни, наконец, в виде чисто-боевых организаций, расчитанных на поддержку стачек. Из этих целей наше преимущественное внимание должна привлечь последняя, боевая сторона профессиональных союзов. В настоящее время, когда стачки растут, как грибы, и успели приобрести в массах широкое право гражданства, идея стачечного фонда встретит самое горячее сочувствие. Она отвечает жгучей потребности настоящей лихорадочной эпохи—потребности вооружаться и для политической, и для экономической борьбы. При том глубоком брожении, которое охватило сейчас все слои российского пролетариата, профессиональный союз является не столько экономической организацией, сколько экономической мобилизацией. И так как наилучшей школой пролетарской солидарности служит борьба, то мы, социал-демократы, должны подчеркивать в профессиональном движении именно этот боевой момент, придавать профессиональным союзам стачечный характер. Тогда главной осью всех союзов станет классовый антагонизм, готовый в любую минуту проявиться в виде забастовки. Он будет все время концентрировать на себе внимание масс, будить их классовое сознание, изо дня в день готовить их к решительным действиям; и каждая копейка, вносимая в стачечный фонд, будет ежедневно иллюстрировать формулу «Коммунистического Манифеста»: «Вся человеческая история есть история борьбы классов».

Следующей целью союза, опять-таки вытекающей из его основного боевого характера, служит поддержка тех из его членов, которые выброшены с завода или потерпели административные кары за свою принадлежность к союзу.

Теперь остается выяснить взаимоотношение между партийными организациями и профессиональными организациями. Основные принципы могут быть таковы:

том, кому созвать его. Мы неоднократно показывали, что именно этот вопрос выдвинут уже на первый план развивающейся революцией, что именно в этом состоит теперь коренное различие между оппортунистической («соглашательной») тактикой буржуазии и революционной тактикой пролетариата. Новоискровцы своей резолюцией дали теперь документальное доказательство того, что они страдают неизлечимой слепотой в основных вопросах тактики, сбиваясь на лозунги освобожденские.

В дальнейшем своем содержании резолюция еще больше запутывает вопрос о созыве всенар. учр. собр. Проповедь, возлагающая в этом отношении надежды на Гос. Думу, есть прямо реакционная проповедь, а созыв учр. собрания «демократической организацией народа» имеет такое же значение, как если бы мы предложили созвать учр. собрание чрез комитет друзей народа, живущих на планете Марс. На своей общерусской конференции новоискровцы сделали непростительную ошибку, приравняв созыв всенар. учр. собрания революционным правительством к созыву его одним из представительных учреждений. Теперь новоискровцы пошли еще дальше назад: они вовсе обошли молчанием временное революционное правительство. Почему? на каком основании? в чем изменились их взгляды?—все это остается тайной. Вместо развития тактических директив меньшевики дают на своих конференциях лишь образчики скачков и шатаний то вправо, то влево.

2. Объявление «сознательным предателем народа всякого, кто готов удовлетвориться» и т. д., есть именно такой скачок, якобы, влево, и притом скачок не к истинно-революционному пути, а к революционной фразе. Во-первых, к чему это хлесткое словечко о «сознательном» (предателе)? Был ли сознательным предателем народа Иоганн Якоби, который в 1847 году шел, как буржуазный либерал, в Гос. Думу или Соед. Ландтаг, а после войны 1870—1 года перешел к с.-д.? Будет ли сознательным предателем всякий крестьянин, идущий в Думу и «готовый» удовлетвориться очень и очень малым? Во-вторых, разумен ли выставленный здесь критерий предательства: кто готов удовлетвориться, кто не ставит себе задачи и т. д. Чем доказывается «готовность» и «постановка задач», словами или делом? Если словами, тогда надо взять с идущих в Г. Думу к.-д. («конституционалистов-демократов», как назвали себя теперь освобожденцы) подписку или революционное обязатель-

1) Профессиональные союзы совершенно автономны в своей профессиональной сфере.

2) Профессиональные союзы не затрогивают никаких общепартийных дел.

3) Члены профессионального союза, принадлежащие к партии, а равно и должностные лица союза принимают все меры для обеспечения социал-демократической агитации в данном союзе.

4) Несколько членов союза, пользующихся там влиянием и принадлежащих к партии, образуют особое агитационное бюро и входят в районный комитет.

5) В районный комитет они входят не в качестве представителей профессионального союза, а в качестве членов партии, несущих на себе особую функцию.

Таким образом, партия имеет в союзе свою негласную агентуру, но не официальное представительство. Такие взаимоотношения, на мой взгляд, дают весьма много выгод нашей партии. Они избавляют ее от необходимости тратить энергию на чисто-экономическую борьбу и дают приложение силам, которые иначе остаются мертвым капиталом. С другой стороны, они гарантируют партийную жизнь от вторжения оппортунистических элементов и способствуют ее дальнейшему росту, не вынуждая ее к изменению принятой ею революционной тактики.

М. Борисов.

От ред. Мы помещаем с удовольствием эту статью действующего в России товарища, ибо всестороннее обсуждение вопроса о профессиональных союзах стоит теперь на очереди дня. Только опыт всей партии, освещаемый постоянно теорией марксизма, может помочь выработке наиболее подходящих для русских условий форм социал-демократических профессиональных союзов. Следует пользоваться также теми уроками, которые преподают нам враги. Буржуазия всего мира ликовала по поводу «цеховых» тенденций Кельнского съезда, надеясь отвлечь рабочих от социализма к «чистому», т.-е. буржуазному трэд-юнионизму. В России даже «Московские Ведомости» научились теперь тянуть подобную песенку. И если буржуазия станет хвалить кого-либо из нас за «просветление» или «усердие» по части «разумного» профессионального движения, то это будет верным признаком того, что в нашей работе есть прорехи. Тов. М. Борисов ставит вопрос именно так, чтобы исполнить всесторонне наш социалистический долг, отнюдь не допуская подобных прорех.

(Н. Ленин).

Социал-демократия и Государственная Дума [1]).

(Ответ тов. Парвусу).

Отдельным оттиском из № 110 «Искры» вышла статья тов. Парвуса по поводу тактики социал-демократии относительно Гос. Думы. Имя тов. Парвуса пользуется достаточной популярностью среди русских работников для того, чтобы признать необходимым обстоятельный ответ на нее. Это сделать я сейчас и попытаюсь.

Тот блестящий анализ действительности, анализ борющихся на политической арене классов и условий их борьбы, который всегда так выгодно характеризовал статьи тов. Парвуса, на этот раз почему-то отсутствует. В разбираемой статье много категорических утверждений, но мало доказательств, много наивных надежд и предположений, но нет серьезного, глубокого разбора настоящего исторического момента, специальных интересов по отношению к Гос. Думе у различных классов, их взаимного соотношения, их силы и достигнутой ими степени сознательности. Тов. Парвус на этот раз почему-то отказался от метода, которым в иных слу-

---

ство (Парвус, Череванин, Мартов). Тогда резолюция должна выразить эту мысль ясно, а не напускать тумана. Если же «готовность» доказывается делами, тогда почему резолюция не говорит открыто и прямо, какие «действия» в ее глазах доказывают готовность? Потому что на резолюции отразилась коренная ошибка новой «Искры», не умеющей провести грани между демократией революционной и демократией монархически-либеральной. В-третьих, разумно ли со стороны борющейся партии говорить в общей форме о лицах («всякий, кто»), а не в конкретной форме о направлениях или партиях? Для нас особенно важно теперь разоблачить перед пролетариатом именно направление, именно партию к.-д., которая уже показала нам своими «действиями», какие требования и как она поддерживает. Обращаться от имени с.-д. организаций к рабочим, говорить им об идущих в Думу, о выборщиках в Думу и пр. и умалчивать о партии к.-д. (освобожденцах тож), значит либо недостойно вилять и хитрить (проводя за спиной соглашение с освобожденцами о поддержке их на парвусовских или череванинских условиях), либо по неразумению сеять разврат в рабочей среде и отказываться от борьбы с к.-д.

Кроме исторических фактов о деятельности «Освобождения», освобожденцев, земцев и прочих к.-д., у нас нет никакого серьезного материала для оценки «готовности» демократов из буржуазии бороться вместе с народом. Новоискровцы обходят этот материал и отделываются бессодержательной фразой. И Плеханов еще старается уверить нас, что организационная туманность во взглядах «Искры» не дополняется тактической туманностью!

Ведь, искровцы на деле не только закрыли глаза на «готовность» к.-д. совершить предательство, доказанную их явным, всеми отмеченным поворотом вправо за время от июльского до сентябрьского земского съезда, но даже помогли этим к.-д. своей войной против бойкота! Гипотетическим освобожденцам («всякий, кто готов» и т. д.) искровцы грозят «ужасно страшными» словами, а реальным освобожденцам помогают своей тактикой. Это вполне в духе г. Родичева, одного из вождей к.-д., который гремит: «мы не возьмем свободы из рук, обагренных кровью народа!» (эта фраза г. Родичева на частном собрании против В. Стэда обходит теперь все заграничные газеты), а в то же время требует созыва всенар. учр. собр. именно этими руками.

чаях так умело и плодотворно пользовался, а потому и впал в ряд грубых ошибок.

«Агитация и организация—основа всей нашей политической деятельности. Гос. Дума и выборы в нее в том и другом отношении нам открывают новые шансы и возможности. Следовательно, надо их использовать», так кончает свою статью тов. Парвус; в этом основная мысль ее. Во имя чего же мы агитируем и организуем массу? Ведь, не во имя же того, что «состав Гос. Думы для нас далеко не безразличен», что «для нас важно, чтобы в Думе была возможно более сильная и крайняя оппозиция»? Тактикой «наименьшего зла» с успехом пользуется и должна пользоваться немецкая социал-демократия, но нельзя же эту тактику объявлять применимой везде и всегда. Неужели вы, товарищ, не видите огромной разницы между современной Россией и Германией—разницы, которая состоит, между прочим, в том, что мы «уперлись» в восстание, что оно у нас не сегодня, так завтра может разразиться, а в Германии идет [главным образом] мирная [парламентская] борьба? Гос. Дума, составленная из представителей либерально-монархической буржуазии, может столковаться с самодержавием на целом ряде уступок, которые могут создать у нас в России режим, удовлетворяющий интересы кучки крупной промышленной и землевладельческой буржуазии за счет интересов всего остального населения. Да, мы думаем, что при известных условиях посредством Гос. Думы можно создать успокоение умов «и перевести политическую борьбу на почву незначительных постепенных реформ». И это тем более будет возможно, чем более мы будем отодвигать перед массами на задний план наш главный, ясный и прямой лозунг—лозунг вооруженного восстания.

Не «искусственно подогревать» революционные силы страны хотим мы, когда выставляем активный бойкот Думы с лозунгом вооруженного восстания! Нет, мы только не хотим отвлекать внимания масс от ставшей перед ними задачи восстания проповедью тактики достижения «наименьшего зла» в виде наиболее либерального состава Гос. Думы, «этой смеси подлости с ничтожеством». Дума самодержавию нужна для того, чтобы поднять его престиж внутри страны и за границей. «Правительство государственной сволочи», могущее получиться в результате бойкота либерально-демократическою частью избирателей, было бы не окрепшее (по сравнению с теперешним) правительство, а наоборот. И значение прилично-либеральной Думы в деле парализования революции [очень хорошо понимают] наши либеральные газеты, умоляющие своих крайних коллег из «Союза Союзов» отказаться от идеи бойкота.

Но если (что, конечно, гораздо более вероятно) Гос. Думе (вопреки ее более либеральному характеру, а не благодаря ему) и не удастся парализовать, раздробить, обессилить нашу революцию, все же в полной силе остается указание на то, что выставлением своих кандидатов в Думу, поддержкой кандидатов либеральной оппозиции, проповедью тактики «наименьшего зла», распространением мнения о том, что искусственно подобранные избиратели, якобы, должны считать себя обязанными выбирать не того, кого им выбирать выгодно, а того, кого хочет народ,—всем этим мы не можем не поднять престижа Думы в глазах массы. Мы подтолкнем ее связать с Думою, этим учреждением, сейчас ей совершенно чуждым и враждебным, те или иные надежды; мы дадим пролетариату возможность не видеть в революции единственный только путь к завоеванию демократической республики; мы невольно будем внушать [пролетариату] безусловно неверную мысль о том, что этого, якобы, можно достигнуть также и «р е ш е н и е м какого-либо представительного учреждения созвать под непосредственным революционным давлением народа учредительное собрание» *).

*) См. резолюцию [новоискровской] конференции по вопросу о временном правительстве.

---

3. Следующая коренная ошибка резолюции заключается в лозунге: «Создание широких демократических организаций и объединение их во всероссийскую организацию». Легкомыслие с.-д., выдвигающих подобный лозунг, прямо поразительно. Что это значит: создать широкие демокр. организации? Это может значить одно из двух: или потопление организации социалистов (Р.С.-Д.Р.П.) в организации демократов (этого новоискровцы сознательно проводить не могут, ибо это было бы полным предательством пролетариата), или же временное соединение между с.-д. и известными слоями буржуазных демократов. Если новоискровцы хотят проповедывать такое соединение, почему не говорят они этого прямо и открыто? зачем прячутся за словечко «создание»? отчего не указывают точно, с какими же именно течениями или группами внутри буржуазной демократии призывают они с.-д-тию соединяться? Разве это не новый образчик непозволительной т а к т и ч е с к о й т у м а н н о с т и, которая на деле неизбежно превращает рабочий класс в прихвостня буржуазной демократии?

Единственное определение характера этих «широких демократических организаций» в резолюции состоит в указании на их две цели: борьба (1) против Г. Д. и (2) за всен. учр. собр. Вторую цель в ее дряблой искровской формулировке, т.-е. без указания того, кто должен созвать вс. у. с., признали к.-д. вполне. Значит, искровцы проповедуют соединение с.-д. с к.-д., стыдясь сказать это прямо?? Первая цель формулирована с такой неясностью, какую мы привыкли видеть только в российских законах, умышленно обманывающих публику. Что такое борьба против Гос. Думы? Если понимать буквально, предполагая, что составители резолюции хотят выражаться без экивоков, то это значит б о й к о т Д у м ы, ибо бороться против учреждения, еще не существующего, значит противиться его возникновению. Но мы знаем, что искровцы против бойкота, мы видим из самой резолюции, что они говорят дальше уже не о борьбе п р о т и в Г. Д., а о д а в л е н и и на Г. Д., о стремлении превратить Г. Д. в революционное собрание и т. п. Значит, слова «борьба против Г. Д.» надо понимать не в буквальном, не в узком смысле. Но если так, то в каком же? Не в смысле ли г. М. Ковалевского, который читает рефераты с критикой Г. Д.? Что именно называть борьбой п р о т и в Г. Д.?? Это остается тайной. Наши путаники ровно ничего опреде-

Если это так а это несомненно так, то это значит, что мы предлагаемою вами тактикою будем парализовать стремление масс к восстанию, будем задерживать революцию. «Рабочие массы и с ними городское население показали свою революционную энергию. Мы знаем, что на них мы можем вполне расчитывать». Эти ваши слова показывают, что вы согласны с тем, что лозунг вооруженного восстания для пролетариата вполне доступен, близок, понятен. И это факт. Пролетариату нехватает организованности, у него нет оружия, идеологические же предпосылки восстания уже налицо. У меня перед глазами сейчас петербургские рабочие, пережившие 9 января, но, ведь, и пролетариат других городов не настолько отстал, чтобы нуждаться в иных лозунгах. Скажите, зачем же мы будем подсовывать пролетариату вместо этого ясного и прямого (прямо ведущего к цели) лозунга другой лозунг—лозунг лишь косвенный (выбрать затем, чтобы революционизировать), лозунг недостаточный, который все равно со временем придется заменить? Скажите, зачем нам делать шаг назад от того, что уже достигнуто нами? «Выборы покажут, чего можно ждать от крестьянства»—пишете вы дальше. Не выборы post factum должны нам это показать, нет, мы сами на основе нашей научной теории, исследовав действительность, должны определить необходимое отношение крестьянства к Думе. И если мы подумаем над организацией крестьянского представительства в Думу, над теми условиями, при которых будут происходить выборы в деревне, если мы припомним отношение крестьян ко всякого рода попыткам устройства разных бюрократических комиссий, комитетов и т. д., если мы примем во внимание полнейшее равнодушие крестьянства к земству, даже к волостным сходам, если мы все это и многое другое примем во внимание, то придем непременно к выводу, что и крестьянству Дума чужда и далека.

Удовлетворение своего страстного желания земли крестьянин не ждет, не может ждать от Думы—не может потому, что он уже разочаровался в реформах сверху,—он может его ждать только от победоносного восстания. Если крестьянство в своей массе [далеко] еще не усвоило прямого лозунга вооруженного восстания, то это вовсе не значит, что он ему недоступен, и что крестьян нужно вовлекать в революцию окольным путем. Стихийные крестьянские волнения, беспрестанно возникающие то здесь, то там, показывают нам, что крестьянство у ж е решительно предпочитает путь насилия иным путям. Лишь тогда мы могли бы, не рискуя затемнять, спутывать сознание масс, рекомендовать им выборы в Думу, когда для идеи восстания они еще не созрели.

Нет, товарищ, не наша тактика «покоится на недостаточной уверенности в революционном процессе развития», а ваша строится на неуверенности в революционности масс. Резюмирую: крестьянская беднота и пролетариат у ж е не ждут ничего сверху. Наша задача может быть только одна: разъяснять массе единственный оставшийся для нее путь—путь вооруженного восстания. Кто этого не делает, тот плетется за массою, а не ведет ее.

То же самое отсутствие анализа современного настроения различных общественных слоев позволило тов. Парвусу высказать такую мысль, которая у нас, практиков, вызывает только улыбку. А именно, Парвус утверждает, что если собрания выборщиков не состоятся по нашей вине, то этим мы «сами дали бы ему (правительству. М.) аргументы против расширения избирательного права: оно стало бы ссылаться на неуважение рабочих к свободе слова, к борьбе мнений, как на доказательство их политической незрелости». Рабочий класс достаточно уже зарекомендовал себя, как решительного борца за свободу, для того, чтобы подобные аргументы самодержавия действовали только на черную сотню. Тов. Парвус позабыл даже, что не «аргументы», а реальная сила решает вопросы, и что, если правительство расширит избирательное право, то оно сделает

ленного об этом не сказали. Зная настроение сознательных рабочих, безусловно враждебное тактике соглашений с к.-д., тактике поддержки Думы на известных условиях, наши новоискровцы трусливо выбрали средний путь: с одной стороны, повторить популярный среди пролетариата лозунг: «борьба против Гос. Думы», с другой стороны, отнять у этого лозунга точный смысл, бросить песку в глаза, истолковать борьбу против Думы в смысле давления на Думу и т. п. И эта жалкая путаница выдвигается самыми влиятельными организациями искровцев в такой момент, когда освобожденцы кричат на все Европы, бия себя в грудь, что они идут в Г. Думу только для борьбы, всецело для борьбы, что они «готовы» на полный разрыв с правительством!

Мы спрашиваем читателей: видана ли где-нибудь более позорная шаткость в тактике с.-д.? Можно ли представить себе что-нибудь губительнее для с.-д., как эту проповедь «создания широких демократич. организаций» в м е с т е с о с в о б о ж д е н ц а м и (ибо с искровски изложенными целями таких организаций к.-д. согласны), но не называя прямо освобожденцев??

И Плеханов, уронивший себя в глазах всех русских революционных с.-д. своей почти двухлетней защитой искровских «организационных туманностей», станет уверять нас теперь в том, что новоискровская тактика хороша!..

4. Далее. Крайне неразумно называть соединение широких (и расплывчатых) демократических организаций «всероссийской народной организацией» или «демократической организацией народа». Это прежде всего неверно теоретически. Экономисты грешили, как известно, тем, что смешивали партию с классом. Искровцы, воскрешая старые ошибки, смешивают теперь сумму демократических партий или организаций с организацией народа. Это пустая, лживая, вредная фраза. Она пуста, ибо никакого определенного смысла в ней нет в силу отсутствия указания на известные демократические партии или течения. Она лжива, ибо в капиталистическом обществе даже передовой класс, пролетариат, не в состоянии создать партии, охватывающей весь класс, а про весь народ вообще нечего и говорить. Она вредна, ибо засоряет головы громким словечком, не выдвигая вперед реальной работы по разъяснению действительного значения действительных демократических партий, их классовой основы, их степени близости

это не потому, чтобы у него перестало хватать «аргументов», а потому, что пролетариат, игнорируя его аргументы, стал силою, которой оно должно уступить.

Разбираемая статья предлагает нам, явившись на сходки избирателей, «превратить их в рабочие собрания». «Вместо рассуждений о том, избрать ли Ивана Фомича, или Фому Иваныча, они (рабочие. М.) поставят на очередь политические вопросы». Дальше Парвус добавляет: «не срывать нам нужно собрания, а использовать их»... Ну, а если выборщики-то как-раз пожелают заниматься на своем собрании обсуждением вопроса о выборе того или другого лица, а вовсе не превращением его в рабочее собрание?! Тогда как же? Ведь, Парвус сам же сознается, что «имущим классам и правительству всего меньше нужны политические дискуссии собраний». А если казаки будут охранять собрания будущих «народных представителей» от народа, тогда как? Брать залы силою, говорите вы. Но, ведь, это и значит срывать собрания. Так лучше уж так и будем говорить, не путая.

Далее тов. Парвус говорит, что еще до созыва Думы должны сложиться политические партии. «Нужно, чтобы уже сами выборы происходили от имени политических партий». Ну, к нам, рабочим, это не относится. У нас уже есть наша организованная (ее раскол сейчас мы можем оставить в стороне) социал-демократическая партия. Прочим же классам нужно действительно сорганизоваться, что они, повидимому, и делают.

А вот по поводу «открытого, официального» выступления партий, в том числе и социал-демократической. Вы, товарищ, мне кажется, немного размечтались и, увы, не к выгоде социал-демократии. «Нужно самым своим существованием заставить правительство признать политические партии». Товарищ, наша партия существует, и правительство ее давно уже признало: загляните в наши тюрьмы и участки.

Товарищ, неужели же вы можете быть так наивны, чтобы думать, что мы можем выступать так же открыто, как, напр., наша будущая либеральная партия? Сейчас съезд земцев в Москве. Гласно избран Центральный Комитет. Неужели вы думаете, что и нам следует устроить свой ближайший съезд в Москве? В России режим теперь чуточку полегче, мы это используем, но, ведь, этого недостаточно для нашего «официального» выступления. Если бы тот или иной социал-демократ и выставил свою кандидатуру в Думу, то он может открыто, официально,—подумайте, чего вы требуете,—выступать при этом не как член нашей партии, не с нашею программою и нашими тактическими лозунгами в руках, а именно как приват-доцент такого-то университета, как литератор, как инженер. «Пролетарий» неоднократно указывал на то, что выборами мы только поможем нашим врагам, которым предоставлена большая свобода агитации и организации, выдать своих представителей за народных представителей. Открытое, официальное выступление, возможное для либеральной буржуазии, значительно затруднено для мало-мальски последовательной демократии и абсолютно невозможно для социал-демократии. Повторяю, наивно его советовать *). Сколько бы мы далее ни давили на буржуазные коллегии избирателей, наших кандидатов они никогда не выберут. Парвус полагает, снова сбиваясь на идеализм худого сорта, что несовершенство избирательной системы «налагает на искусственно подобранных избирателей обязанность **) использовать свое избирательное право не по личному произволу, а считаясь с мнением народных масс». Правда, тот же Парвус пишет: «Со стороны либералов и демократов нас, по всей вероятности, станут урезонивать (а не приглашать, стало-быть. М.) отказаться от своих кандидатур». Товарищ, не будем закрывать глаз: выборщики выберут

*) Само собою разумеется, что я говорю против открытого выступления в том смысле, как его рекомендует Парвус, но горячо ратую за него, понимая его так, как это сделано в соответствующей резолюции III съезда.

**) Курсив всюду мой. М.

к пролетариату и т. д. Именно теперь, в эпоху демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию, особенно сильна склонность буржуазных демократов, всех этих к.-д. и т. д. вплоть до с.-р., проповедывать «широкие демократические организации» вообще, поощрять прямо или косвенно, открыто или тайком беспартийность, т.-е. отсутствие строгих делений между демократами. Сознательные представители пролетариата должны решительно и беспощадно бороться с этой тенденцией, ибо она глубоко буржуазна по самой своей сущности. Мы должны выдвигать на первый план точные партийные различия, разоблачать всякую путаницу, показывать лживость фраз о якобы едином солидарном широком демократизме,—фраз, которыми кишат наши либеральные газеты. Предлагая соединение с известными слоями демократии для определенных задач, мы должны выделять одну революционную демократию,—особенно в такое время, как теперь, — мы должны указывать признаки, отграничивающие наиболее ясно «готовых» бороться (теперь же в рядах революционной армии) от «готовых» торговаться с самодержавием.

Чтобы нагляднее пояснить искровцам их ошибку, возьмем пример попроще. Наша программа говорит о крестьянских комитетах. Резолюция III съезда Р.С.-Д.Р.П. точнее определяет значение их, называя их революционными крестьянскими комитетами (в этом отношении с III съездом сошлась, в сущности, и новоискровская конференция). Задачей их мы ставили осуществление революционным путем преобразований демократических вообще и аграрных в частности, вплоть до конфискации помещичьих земель. Теперь искровцы рекомендуют в резолюции еще новые «агитационные комитеты среди крестьянства». Это—совет, достойный не социалистических рабочих, а либеральных буржуа. Такие «агитационные крестьянские комитеты», если бы они создались, были бы всецело на-руку освобожденцам, ибо революционный характер их заменен был бы либеральным: мы уже указывали, что по-искровски определенное содержание агитации этих агитационных комитетов (борьба «против» Г. Д. и за всен. учр. собр.) не выходит за пределы освобожденской программы. Ясно ли теперь новоискровцам, что, дополняя лозунг революционных крестьянских комитетов лозунгом «агитационных крестьянских коми-

тех, кого выбрать им будет выгодно. Социал-демократ в Думе им будет только мешать, они его никогда туда не выберут.

Перейдем теперь к поддержке демократических элементов при выборах. Ох, эта лакмусова бумажка! Парвус предлагал «кандидатов оппозиции, которые захотят пользоваться нашей поддержкой, обязать на определенные политические требования». Не будем разбирать этих требований по существу. Их так много и таких разнообразных в разное время предлагалось сторонниками «лакмусовой бумажки»! Тов. Мартов, напр., в статье в венском органе предлагает нам выделить *) из коллегии избирателей «решительных сторонников демократического переустройства» *). Это Петрункевичи-то, по Мартову, могут стать решительными демократами! Парвус гораздо скромнее тов. Мартова в своих требованиях, но суть не в этом. Где те гарантии, что лица и партии, давшие нам определенные обязательства, от них не откажутся потом, когда они перестанут нуждаться в нашей поддержке? А перемена позиции Союза Союзов по поводу бойкота Думы, а невыполненное решение июльского земского съезда обратиться к народу, а то, что настоящий земский съезд поднял вопрос не о бойкоте Думы, как это земцы решили в июле, а о наиболее активном участии в выборах!! Оставаясь же на почве материалистического понимания истории, мы должны непременно заключить, что сдержать эти обещания для членов Думы будет невыгодно, и они их, конечно, не сдержат.

Если Дума соберется, если в ней будет серьезная оппозиция, если эта оппозиция будет «вести ожесточенную, хотя бы только парламентскую войну против правительства», то «это даст богатый агитационный материал, которым мы можем воспользоваться»... Это-то правда. Но, ведь, из того, что и после созыва Думы мы можем не считать дело революции потерянным, еще вовсе не следует, что мы теперь должны отказаться от агитации за восстание. Мы имеем много шансов рассчитывать на то, что время предвыборной агитации, различных собраний выборщиков даст много поводов к восстанию, которые наша партия и использует в смысле вовлечения масс в открытую борьбу с царизмом,—конечно, если мы сейчас не займемся отвлечением внимания массы от вооруженного восстания и не заменим этого лозунга для всей страны лозунгом—тоже лозунг!—одной, двух социал-демократических кандидатур в Думу, эту «смесь подлости с ничтожеством». Наконец, тактика активного бойкота, принятая нами и отвергнутая почти всеми демократическими организациями, даст нам возможность как нельзя лучше противопоставить пролетариат остальным классам, а в «алгебраическую формулу борьбы против самодержавия» сама жизнь уже вставила «арифметическую величину»—вооруженное восстание.

Этот лозунг понятен и приемлем для всех, кому нужна революция, а потому мы и боремся против всяких попыток заменить его чем-либо иным, будь это «органы революционного самоуправления», будь это «одна, две социал-демократические кандидатуры» в Думу.

Мышецкий.

17 (30) сент. 1905 г. Петербург.

*) Цитирую на память.

Открытое письмо

Совета Союза конторщиков и бухгалтеров к участникам съезда земских и городских деятелей (написано по единогласному постановлению делегатского собрания и ряда порайонных собраний).

Постороннему наблюдателю, далекому от русской действительности, избирательный закон 6-го августа, ко-

---

тетов», они превращают социал-демократические лозунги в освобожденские?

5. Наконец, мы подходим и к главной задаче этой «всерос. нар. организации»—организации всенародных выборов в учред. собр. При сохранении самодержавия—всенародные выборы! И «столкновения» с самодержавием дают «новые побудительные мотивы для восстания»... Вот уже поистине потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания!

Лозунг «революционного самоуправления», теория «самопроизвольного зарождения» учр. собрания привели неизбежно к этой нелепости, которой суждено стать классической. Говорить о всенародных выборах при господстве Треповых, т.-е. до победы восстания, до фактического свержения царской власти, есть величайшая маниловщина, способная лишь внести невероятный политический разврат в головы рабочих. Только люди, приученные новой «Искрой» к господству фразы, могут принимать такие лозунги, которые рассыпаются в прах при первом прикосновении трезвой критики. Стоит немножечко подумать о том, что такое всенародные выборы в серьезном значении этого слова, стоит припомнить, что они требуют и свободы агитации, и осведомления всего населения, и признания всем населением такого центра или таких местных центров, которые составят списки всего населения и произведут операцию опроса действительно всех без исключения,—стоит капельку подумать об этом, чтобы отнести проектируемые «Искрой» «всенародные выборы» к всенародной потехе или всенародному шарлатанству. Ни единого депутата, сколько-нибудь заслуживающего звания «всенародного выборного», т.-е. собравшего за себя 50—100 тысяч голосов, действительно свободно и сознательно поданных, ни единого такого депутата нигде в России «при открытии выборной кампании» выбрано быть не может.

Искровская резолюция советует пролетариату сыграть комедию, и никакие оговорки и отговорки не изменяют значения этой комедиантской резолюции. Нам говорят, что выборы произведут лишь «при достаточной силе организации», лишь тогда, когда «предварительная организация обеспечит ему (восстанию) повсеместность и единство». Мы отвечаем: сила доказывается делами, а не словами. До победы восстания смешно и говорить о силе, способной, не вызывая насмешек, хотя бы провозгласить «всенародные выбо-

торый с большим правом может быть назван законом об укреплении самодержавия, представляется просто историческим курьезом; как таковой, он уж доставил, вероятно, немало веселых минут нашим западным соседям. Но для свидетелей и участников борьбы с самодержавно-полицейским строем он имеет совсем иной, глубоко-трагический смысл, ибо самая несообразность бюрократического рецепта показывает с наглядной очевидностью полную неспособность правящей бюрократии уразуметь смысл переживаемого исторического момента и подчиниться его требованию, а это знаменует собою необычайное упорство предстоящей борьбы, которая рано или поздно разразится над страной еще небывалой катастрофой.

Цель булыгинского замысла слишком ясна, и план «умиротворения страны» при посредстве так-наз. «Гос. Думы» очень не сложен. Самодержавие, с одной стороны, и народное бесправие, с другой, торжественно объявлены самобытными и посему неприкосновенными устоями государственного строя. Реформа заключается лишь в некоторых декоративных переменах, кои, по мнению сочинителя проекта, должны приятно ласкать взор русского гражданина. Для сего к бюрократической храмине приделывается особый застенок, где будут келейно опрашиваться нарочито подобранные для сего «благонамеренные» люди, давшие особую клятву нелицемерной преданности самодержавно-полицейскому строю.

Ради охранения строго декоративного значения Думы необходимо, конечно, чтобы вошли в нее лица, вполне «достойные» такого представительства. С этой именно целью под именем «положения о выборах» изобретен особый сортировочный аппарат, который при посредстве явных и тайных мер, а также и целой армии ревностных агентов, от губернаторов до урядников включительно, должен подобрать такой именно состав Думы, какой требуется, при чем для оживления и ради приличия, может быть, допущена будет и оппозиция (конечно, в заранее определенном количестве). Главная надежда, судя по «положению», возлагается на ближайших к уряднику и земскому хозяйственных мужичков. Сии последние того ради получают активное избирательное право двойной силы, избирая в Думу «достойнейшего» из своей среды и сверх всего способствуя избранию столь же «достойнейших» и от иных сословий, в каковом избрании они также участвуют в полном составе.

За всем тем, чтобы все-таки не ошибиться в расчете, остается лишь позаботиться о недопущении «вредных» элементов и об укреплении солидарности между избирателями и участком. Для сего наготове имеется всюду достаточный штат хорошо дисциплинированных чинов (с мундирами и просто в гороховом пальто), которые сумеют, кого нужно, «ташшить» и, кого следует, не «пушшать». Может-быть, многим даже из тех, которые поют хвалу дню Преображения и радостно приветствуют переход какой-то грани, придется вкусить уединения как на время предвыборной агитации, так и в период избрания представителей из народа. На-ряду с задачей укрепления единомыслия избирателей с участком пресловутое право русских обывателей «скопом» обсуждать государственные вопросы находится в явном с ним противоречии. Весьма понятно поэтому, что таковое «право» упразднено. Тем более ясно, что ждать теперь разных гражданских свобод уже совсем не своевременно: «достойнейшие» будут думать о Думе за всех, составляя на заданные темы мнения, препровождаемые затем в архив; обыватели же должны предаваться своим занятиям, а о прочем не думать.

Таким образом, все сводится к одной цели—к водворению «нарушенной тишины и спокойствия». Других целей закон 6-го августа не ставит. Декоративные изменения в порядке составления законов имеют специальным назначением прельстить многих, дабы тем самым облегчить дело «умиротворения». В общем этим знаменательным актом бюрократия дает смелый отпор требова-

---

ры», не говоря уже о произведении их. Победу восстания не может «обеспечить» никакая повсеместность и никакое единство организации, если (1) эта организация не состоит из людей, действительно способных на восстание (а мы видели, что революция проповедует просто «широкие», т.-е. на деле освобожденские, организации, которые безусловно изменили бы восстанию, если б оно началось); (2) не окажется силы для победы восстания (а для победы нужна материальная сила революционной армии, кроме моральной силы общ. мнения, народного блага и т. п.). Выдвигать на первый план эту моральную силу, эти громкие слова о «всенародности» и умалчивать в боевом призыве о прямой материальной силе—значит принижать революционные лозунги пролетариата до буржуазно-демократической фразы.

Потешные выборы представляют из себя именно не «естественный», а искусственный переход к восстанию, переход, выдуманный горсткой интеллигентов. Сочинять такие искусственные переходы—занятие, совершенно аналогичное старому надеждинскому занятию: выдумке «эксцитативного» террора. Новоискровцы также искусственно хотят «эксцитировать», возбудить народ к восстанию, — идея, фальшивая в своей основе. Создать действительно всенародную организацию мы не можем; те выборы, которые бы мы вздумали назначить при самодержавии, неизбежно останутся комедией, и подобный сочиненный повод использовать для восстания все равно, что декретировать восстание в момент отсутствия действительного возбуждения в народе. Только люди, не верящие в революционную активность пролетариата, только интеллигенты, гоняющиеся за хлесткими словами, могли взяться придумывать в сентябре 1905 года «новые побудительные мотивы для восстания». Точно мало у нас в России действительных, а не комедиантских, мотивов для восстания, точно мало случаев действительного, а не инсценированного, не подделанного возбуждения масс! Потешные выборы никогда не возбудят масс. Но стачка или демонстрация, или военный бунт, или студенческая серьезная вспышка, или голод, или мобилизация, или конфликт в Гос. Думе и т. д., и т. д., и т. д. могут постоянно, ежечасно действительно возбудить массы. Не только мысль о выдумке «новых побудительных мотивов для восстания» есть величайшая глупость, но даже и мысль об указании наперед того, а не

ниям страны, в котором газеты известного сорта приветствуют крушение конституционных воззрений. В высшей степени странно, что и прогрессивная печать тоже приветствует закон 6-го августа, как серьезный шаг к правовому строю. Но еще более странно, что общественные деятели прогрессивных направлений, вопреки своим взглядам и требованиям страны, повидимому, склоняются к признанию избирательного закона и спешат поддержать бюрократические замыслы своим участием в выборах, не останавливаясь даже пред торжественным отречением от своих политических убеждений. Положим, они расчитывают, будто бы, составить большинство в Думе, добиться через нее гражданской свободы и провести новый избирательный закон, основанный на всеобщем избирательном праве; но они упускают при этом из виду лишь одно обстоятельство, а именно то, что народ не давал им полномочия превращать случайное сборище чуждых ему людей в учредительное собрание и там решать его судьбы. К тому же расчет на прогрессивное направление Думы не имеет ни одного шанса на успех, потому что сила и все преимущества не на стороне политиканствующих прогрессистов, а на стороне ни перед чем не останавливающейся и на все решившейся бюрократии.

В игре, ею же и подготовляемой, конечно, не она проиграет свою ставку. Для нее, может-быть, всего важнее теперь, чтобы игра была принята, чтобы либеральная партия признала избирательный закон, поддержала его своим участием в выборах и тем развязала ей руки для уничтожения оппозиции чрезвычайными мерами.

Но даже и в том случае, если, паче чаяния, некоторым все-таки удастся дойти до Гос. Думы под охраной пуль и штыков, то едва ли в этом отрадном факте русский народ усмотрит зарю новой жизни. Напротив, наличность неопасной либеральной оппозиции среди сплошного черносотенного состава Думы окажет бюрократии немалую услугу и в значительной степени поднимет ее кредит.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать печальный исход кампании, в которой один противник выставляет все свои полчища и занимает лучшие позиции, предваряя заранее, что для него ни законы, ни правила чести не писаны, а другому предоставляет выводить бойцов лишь по одному из тысячи и непременно по собственному его указанию. При таких условиях решимость либеральных деятелей пренебречь требованиями страны и итти врозь с трудящимися массами может быть объяснена особого рода психозом, под влиянием которого действительность рисуется им в фантастическом духе. При этом они забывают ту общеизвестную истину, что в народном деле искренность, прямота действий и ясность целей являются лучшей тактикой и высшей мудростью, потому что только они обеспечивают доверие народа и предупреждают разделение сил; забывают они и то, что без поддержки трудящихся масс, которые будут видеть в них изменников народному делу, значение их политической группы будет ничтожно.

Так думаем мы, представители конторского труда, лишенные избирательных прав, вместе со всеми трудящимися массами, и наше отношение к предстоящему участию вашему в Гос. Думе считаем нелишним довести до вашего сведения.

По нашему мнению, лучшей тактикой по отношению к этому бюрократическому мероприятию было бы единодушное выражение всеобщего негодования и презрения к нему, дабы под влиянием общественного мнения участие в нем считалось позорным для друзей свободы и неприличным для каждого уважающего себя гражданина, к какому бы лагерю он ни принадлежал.

Участие же в избирательных собраниях (но не в выборах) с нашей точки зрения допустимо исключительно в целях агитации для выяснения избирателям истинной сущности избирательного закона 6-го августа.

Подписи...

7 сентября 1905 года.

иного действительно возбуждающего массы мотива была бы неразумна. Люди, сколько-нибудь уважающие себя, сколько-нибудь серьезно относящиеся к своим словам, никогда не позволят себе сочинять «новые побудительные мотивы для восстания».

Не в «новых мотивах» нехватка, почтеннейшие Маниловы, а в военной силе, в военной силе революционного народа (а не народа вообще), которая состоит 1) в вооруженном пролетариате и крестьянстве, 2) в организованных передовых отрядах из представителей этих классов, 3) в готовых перейти на сторону народа частях войска. Взятое все вместе, это и составляет р е в о л ю ц и о н н у ю а р м и ю. Говорить о восстании, о его силе, о естественном переходе к нему и не говорить о революционной армии есть нелепость и путаница тем более, чем мобилизованнее контр-революционная армия. Выдумывать «новые побудительные мотивы для восстания» в эпоху восстаний кавказский и черноморских, польских и рижских—значит нарочно замыкаться в свою скорлупу и отстраняться от движения. Перед нами сильнейшее брожение рабочих и крестьян. Пред нами ряд вспышек восстания, неуклонно и с громадной быстротой прогрессирующих по широте, силе и упорству, начиная с 9 января. Никто не поручится за то, что завтра эти вспышки не повторятся в любом крупном городе, в любом военном лагере, в любой деревне. Напротив, все показания сходятся в том, что такие вспышки вероятны, близки, неизбежны. Успех их зависит, во-1-х, от успехов р е в о л ю ц и о н н о й агитации и организации,—именно революционной, а не «широко-демократической», о которой болтает «Искра», ибо среди демократов масса не-революционеров. Успех зависит, во-2-х, от силы и готовности революционной армии. Первое условие всеми давно признано и осуществляется по всей России всеми революционерами, на каждом буквально собрании кружка, группы, летучки, массовки. Второе еще очень и очень мало признано. Его не хочет и не может признать в силу ее классового положения либеральная буржуазия. Его замалчивают из революционеров только люди, безнадежно плетущиеся в хвосте монархической буржуазии.

Восстание—очень большое слово. Призыв к восстанию—крайне серьезный призыв. Чем сложнее становится общественный строй, чем выше организация государственной власти, чем совершеннее военная техника, тем непозволительнее легкомысленное выставление та-

Из отчета ответственного пропагандиста при ЦК.

Приступая к исполнению обязанностей ответственного пропагандиста, я прежде всего детально разработал весь план работы, ее развития и усовершенствования. План этот распадался на следующие части: 1) программа занятий в кружках низшего и высшего типов; 2) привлечение, подготовка и распределение пропагандистских сил; 3) постановка пропаганды на местах; 4) личные и письменные сношения, ежемесячные отчеты и трехмесячные съезды ответственных и вообще наиболее выдающихся и опытных пропагандистов; 5) разъездные референты-пропагандисты.

Одним из условий правильной и прочной постановки пропаганды является, несомненно, толково и детально разработанная программа занятий в кружках, дающая нечто цельное и законченное. При этом весь материал должен быть расположен в известном порядке, удачно составлен, легко усвоен. Достоинства нашей программы покажет лучше всего, конечно, сама практика. Программ составлено две: одна краткая, другая значительно расширенная соответственно низшему и высшему типу кружков. В основе той и другой лежит стремление дать нечто цельное, законченное по вопросам теории, истории, тактики и организации социал-демократии. Одной из главнейших задач пропаганды в настоящее время является выработка из рабочих вполне сознательных и самостоятельных партийных работников-социал-демократов, могущих выполнять те или иные ответственные функции в партийной работе. Чтобы стать таковыми, рабочим и тем интеллигентам-соц.-дем., которые всецело преданы делу революции, необходимы знания и систематическая к практической работе подготовка. Эта цель может быть достигнута учреждением по возможности повсеместных пропагандистских курсов, где развитые, сознательные рабочие и интеллигенты могли бы под руководством опытных и знающих социал-демократов самостоятельно готовиться к роли пропагандистов. Осуществлением этой задачи мы одновременно достигаем нескольких очень важных целей. Во-первых, это даст нам возможность все больше и больше черпать необходимые партии активные силы из самой пролетарской среды, и таким образом наша партия все более и более будет действительно рабочей, все более и более будет управляться, двигаться самими рабочими; во-вторых, в настоящее время целая категория развитых рабочих, переросших не только низшие, но и высшие пропагандистские кружки, стоит на полпути к самостоятельной работе и дальше подрайонных периферийных работников не идет, между тем как, получив систематическую подготовку и пополнив все пробелы в своих знаниях, такие рабочие могли бы с успехом выполнить те или иные комитетские функции; в-третьих, эти курсы подготовляют на-ряду с рабочими и молодых интеллигентов, между тем как теперь за недостатком лучших сил их ставят на работу недостаточно подготовленными; в-четвертых, путем этих курсов мы создаем те кадры разъездных и постоянных работников, из которых мы можем черпать силы для удовлетворения все растущих нужд партии, ибо иначе так-наз. распределение сил остается пустым звуком, и мы будем топтаться на одном месте, перемещая все те же скудные наличные силы с одного места на другое; в-пятых, наконец, привлекая самих рабочих, как самостоятельных партийных деятелей, мы тем самым устраняем тот антагонизм к «интеллигентам» и «комитетам», который то ярко вспыхивает, то, погасая, постоянно тлеет в рабочих, и в основе которого лежит несправедливое обвинение интеллигентов в желании командовать, верховодить, держать рабочих в черном теле и т. п. Что касается самой организации и ведения курсов, то, не вдаваясь в излишние детали, конкретно дело можно поставить так: после того, как аудитория подобрана, руководитель

кого лозунга. И мы не раз говорили, что революционные соц.-дем. издавна подготовляли выставление его, но выставили, как прямой призыв, лишь тогда, когда не могло быть никаких колебаний насчет серьезности, ширины и глубины революционного движения, никаких колебаний насчет того, что дело подходит к развязке в настоящем смысле слова. С большими словами надо обращаться осмотрительно. Трудности превращения их в большие дела громадны. Но именно поэтому непростительно было бы отделываться от этих трудностей фразой, отмахиваться от серьезных задач маниловскими выдумками, надевать на глаза шоры сладеньких вымыслов о, якобы, «естественных переходах» к этим трудным задачам.

Революционная армия — это тоже очень большое слово. Создание ее—трудный, сложный и долгий процесс. Но, когда мы видим, что он уже начался и обрывками, кусочками идет повсюду, когда мы знаем, что без такой армии действительная победа революции невозможна,—мы должны выдвинуть решительный и прямой лозунг, проповедывать его, делать его оселком злободневных задач политики. Ошибочно было бы думать, что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так «удобно» для передовых элементов. Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения,—тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия. Что демократический переворот в России назрел, это несомненно. Но хватит ли силы теперь у революционных классов осуществить его, это еще неизвестно. Это решит борьба, критический момент, который приближается с громадной быстротой, если нас не обманывает целый ряд прямых и косвенных признаков. Моральный перевес несомненен, моральная сила уже подавляюще велика; без нее, конечно, ни о каком перевороте не могло бы быть и речи. Она—условие необходимое, но еще не достаточное. А претворится ли она в материальную силу, достаточную, чтобы сломить весьма и весьма серьезное (не будем закрывать на это глаза) сопротивление самодержавия,—это покажет исход борьбы. Лозунг восстания есть лозунг решения вопроса материальной силой, а таковой

на первом же собрании излагает задачи и цели курсов и всячески поддерживает и внушает мысль, что участники курсов сами должны работать, получая от руководителей лишь указания и разъяснение во всех затруднительных случаях. Все представляемые лекции должны быть составлены на темы, входящие в пропагандистскую программу высших курсов; темы раздаются заранее, чтобы все имели достаточно времени подготовиться; каждый из курсантов читает свои лекции обязательно устно, а не по программе или конспектам; по произнесении каждой лекции вся аудитория, во главе с руководителем, входит во всестороннюю ее оценку как с внешней стороны, так и со стороны ее содержания: рассматривается, насколько лекция была произнесена гладко, популярно, живо, и насколько она содержательна, убедительна, принципиально выдержана. Руководитель, в конце-концов, резюмирует все достоинства и недостатки лекции и указывает лектору, как устранить те или иные недочеты. По прохождении всего курса слушателей следует прикомандировать на несколько собраний в местные пропагандистские кружки для того, чтобы они могли там на деле присмотреться к ведению кружков, приобрести известную сноровку, научиться держать себя в аудитории и т. д. После этого им может быть поручена самостоятельная работа. Состав аудитории может быть и желательно, чтобы был смешанным: из рабочих и интеллигентов; руководитель курсов не обязательно должен быть членом местного комитета, ответственным пропагандистом: он может стоять совершенно вне местной организации и работать под контролем пропагандиста при ЦК.

Пропаганда на местах должна быть поставлена таким образом. На одного из членов комитета возлагается роль ответств. пропагандиста. Он организует при К. группу пропагандистов, руководит всей их работой, дает директивы, разрешает все их затруднения, контролирует их работы, в необходимых случаях обращается в ЦК за присылкой референта для прочтения лекций по сложным вопросам программы, тактики и организации; свои задачи ответств. пропагандист осуществляет как путем постоянных частых сношений с отдельными пропагандистами, так и, главным образом, путем устройства регулярных еженедельных собраний группы пропагандистов. На этих собраниях он выслушивает отчеты пропагандистов, при чем эти отчеты не должны ограничиваться одними сухими цифровыми данными, а непременно должны рисовать живую внутреннюю картину состояния каждого кружка, все успехи и неудачи, причины их, давать характеристики наиболее выдающихся членов кружка и проч.; он же дает ответы на все возникшие вопросы, ибо во всех сомнительных случаях пропагандист, прежде чем ответить окончательно своим слушателям, должен сообщить свое мнение на собрании и сообща притти к определенному заключению, которое проводится всеми во всех кружках. На этих же собраниях ответств. пропагандист осведомляет группу обо всем, что творится в местном движении и в партии вообще. Вообще он должен стремиться сильнее сплотить группу вокруг себя и крепче связать ее с местной организацией, а через нее и со всей партией. Сами пропагандисты должны всячески стремиться к тому, чтобы вызвать своих слушателей на обмен мнений и споры, вообще заставить высказываться; для этого необходимо, чтобы каждая лекция обязательно сопровождалась, а иногда и предшествовалась разъяснительными беседами.

Помимо постоянных письменных сношений и сношений личных во время приездов, каждый ответств. пропагандист посылает ежемесячно ответств. пропагандисту при ЦК письменный отчет о состоянии пропаганды вообще и свои отзывы о всех наиболее деятельных пропагандистах и рабочих, членах кружков. Наконец, для объединения и оживления деятельности пропагандистов, для устранения обнаружившихся в процессе работы различных дефектов в постановке пропаганды и пр. раз в три или четыре месяца должны

в современной европейской культуре бывает лишь военная сила. Этот лозунг нельзя выставлять до тех пор, пока не назрели общие условия переворота, пока не проявились определенно возбуждение и готовность масс к действию, пока внешние обстоятельства не привели к явному кризису. Но раз такой лозунг выставлен, тогда уже было бы прямо позорно пятиться от него назад, опять к моральной силе, опять к одному из условий нарастания почвы для восстания, опять к одному из «возможных переходов» и т. д., и т. п. Нет, раз уже жребий брошен, надо оставить всякие увертки, надо прямо и открыто разъяснить самым широким массам, каковы теперь практические условия успешного переворота.

Мы далеко не исчерпали всех ошибок искровской резолюции, которая,—для людей думающих, а не отделывающихся «ловлей момента»,—надолго останется печальным памятником опошления задач социал-демократии. Нам кажется более важным проследить основные источники ошибок, чем перечислить все, даже сравнительно мелкие, проявление коренной фальши. Поэтому мы отметим лишь мимоходом нелепость и реакционность идеи о предъявлении «ультиматумов» (военное слово, звучащее пошлым хвастовством при отсутствии подготовленной военной силы) к Думе, о стремлении превратить в революционное собрание эту Думу *), и перейдем к общему значению лозунга: «революционное самоуправление народа».

В этом лозунге, или, вернее, в превращении его в центральный лозунг, корень всех шатаний «Искры». Защищать этот лозунг «Искра» пробовала ссылкой на

---

*) Если мы окажемся сильны в предстоящей решительной борьбе с царизмом, то Г. Дума неизбежно повернет влево (по крайней мере, либеральной своей частью, о реакционной мы не говорим), но попытаться серьезно повлиять на Г. Д. помимо разрушения власти царя—это такая же глупость, как если бы Япония стала предъявлять «ультиматумы» Китаю или придавать серьезное значение помощи Китая помимо разрушения военной силы России. После 18-го марта 1848 г. прусская Г. Дума (Соед. Ландтаг) моментально «подмахнула» бумажку о созыве учред. собрания, а до тех пор все «ультиматумы» революционеров и все их «стремления» повлиять на Г. Думу, все их угрозы были пустыми словами для заседавших в Г. Д. Петрункевичей, Родичевых, Милюковых и т. п.

созываться ответств. пропагандистом при ЦК районные съезды ответств. пропагандистов и вообще наиболее опытных и способных пропагандистов из местных групп. В тех случаях, когда местный ответств. пропагандист или комитет вообще не может справиться самостоятельно с некоторыми наиболее сложными вопросами тактики или организации, на помощь должен быть послан кто-нибудь из членов пропагандистской группы, могущий прочесть одну или несколько лекций по интересующим комитет вопросам.

Таков общий план пропаганды. Сама жизнь постоянно будет указывать, какие изменения и дополнения должны быть введены в него со временем. Выяснив себе таким образом свои задачи, я нашел нужным немедленно ознакомиться с положением дел на местах и начать проводить свой план в комитетах. С этой целью предпринял объезд комитетов. Пока удалось посетить только 9 городов: Ярославль, Кострому, Нижний, Москву, Воронеж, Курск, Орел, Тулу и Тверь. В общем всюду в этих городах план как в целом, так и в отдельных его частях был встречен принципиально весьма сочувственно и после некоторого, большею частью короткого, обсуждения и подробных с моей стороны объяснений принят к практическому выполнению. Почти повсеместно комитеты жаловались на отсутствие опытных и вполне подходящих лиц для роли ответственного пропагандиста. Группы пропагандистов существуют всюду в большем или меньшем составе (от 2-х, не считая членов Комитета, занимающихся в кружках, до 16); также всюду существуют группы 2-х типов: низшего и высшего.

Что касается программы для занятий, то или она совершенно отсутствует, или же комитеты пользовались более или менее измененными старыми программами екатеринославского или московского комитетов, в общем крайне не удовлетворительными, по заявлению самих комитетов.

Необходимость и полезность одной программы с указанием источников признаются всюду. Занятия ведутся везде по лекционной системе. План постановки пропаганды, предложенный мною, везде признан рациональным и с той или иной полнотой проводится везде. С особенным сочувствием была встречена мысль о периодических съездах пропагандистов, о разъездных референтах, о месячных отчетах местных ответственных пропагандистов и о регулярном осведомлении комитетов и группы пропагандистов о ходе пропаганды во всех комитетах. Все комитеты без исключения жаловались на скудость или полное отсутствие пропагандистской литературы.

Все изложенное относится ко всем, или почти ко всем, комитетам, посещенным мною.

(Далее следует детальный отчет относительно каждого комитета, который опускаем по конспиративным соображениям. Ред.).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Петербург. 23-го сент. Работа кипит. Митинги сменяются дискуссиями, дискуссии митингами. Вчера митинг в высшем учебном заведении, сегодня на заводе; всюду масса рабочих прислушивается и воспринимает наши лозунги. Организовали особую коллегию митинговых ораторов, занятых по горло. Пересчитать, сколько было сказано наших большевистских речей, нет возможности. Довольно часто выступают наши рабочие, рвется на митинги масса... Наши организованные рабочие так защищают наши тактические лозунги, что любо послушать. Хотелось бы, чтобы товарищ Мартов послушал, как и что говорят сознательные рабочие, быть-может, хоть это бы оказало на него влияние. На митинге в одном высшем учебном заведении наш сознательный рабочий был выбран председателем, вел, как передавали товарищи, митинг превосходно, хотя с.-р. и назвали его апологетом большинства. С.-р. разбиты, теперь ведется борьба с меньшевиками. Нельзя не пожалеть, что благодаря открывшемуся в их организации провокатору Доброскокову многим из товарищей меньшевиков пришлось уехать из Петербурга, почему у них нет,

---

«диалектику», ту самую плехановскую диалектику, благодаря которой «организационные туманности» «Искры» были сначала защищаемы, а потом изобличаемы Плехановым!

Революционное самоуправление народа не пролог восстания, говорили мы, не «естественный переход» к нему, а эпилог. Без победы восстания нельзя и говорить серьезно о настоящем и полном самоуправлении. И мы добавляли, что реакционна самая мысль о перенесении центра тяжести на управление государством, а не на устройство государства, что отождествление революционного самоуправления с революционной армией есть величайший вздор, что революц. армия, победив, обязательно предполагает революц. самоуправление, а революционное самоуправление еще не обязательно включает рев. армию.

«Искра» пыталась защитить путаницу своих сознательных лозунгов ссылкой на «диалектику» бессознательного стихийного процесса. Жизнь-де не знает резких границ. Биржи рабочих есть и сейчас («С.-Д.», № 12),— вот вам элементы самоуправления. Пролог и эпилог в диалектическом процессе развития нередко-де переплетаются.

Это последнее совершенно справедливо. Да, процесс действительного развития **всегда** идет запутанно, высовывая кусочки эпилога раньше настоящего пролога. Но значит ли это, что вождю сознательной партии позволительно **запутывать** задачи борьбы, позволительно смешивать пролог с эпилогом? Может ли диалектика запутанного стихийного процесса оправдывать путаницу в логике сознательных с.-д.? Не значит ли это подменять диалектику в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова?

Чтобы сделать нашу мысль более наглядной, возьмем пример. Допустим, речь идет не о демократическом, а о социалистическом перевороте. Кризис зреет, близится эпоха диктатуры пролетариата. И вот оппортунисты выдвигают на первый план лозунг: «потребительные общества», а революционеры—лозунг: «завоевание политической власти пролетариатом». Оппортунисты спорят: потребительные общества—реальная сила пролетариев, завоевание реальной экономической позиции—настоящий кусочек социализма; вы, революционеры, не понимаете диалектического развития, этого перерастания капитализма в социализм, этого проникновения ячеек социализма в недра самого капитализма, этого опо-

повидимому, достаточно сил для дискуссий. Недавно не состоялись две (у бестужевок и у лесгафтичек) исключительно потому, что не было ни одного меньшевика, который взялся бы защищать их точку зрения. Любопытно отметить, что на дискуссию к лесгафтичкам наших собралось семь товарищей: как видите, сил много.

Среди учащихся, несомненно, соц.-дем. одержана блистательная победа; странно слушать некоторых ораторов, столь недавно еще открещивавшихся от нашей «догмы», а теперь, теперь... с кафедры вещающих столь недавно ненавистную для них «марксистскую догму». В некоторых высших учебных заведениях профессорские коллегии не могут не делать того, что предписывают им наши группы: за последними стоит масса, понимающая, что для нее выгодно опираться на грозную социальную силу, которую представляет пролетариат, и ее поддерживать в настоящий исторический момент, быть-может, недалекий от «решительной победы», конечно, не в новоискровском смысле.

Спешу отметить большой важности факт. Позавчера разнесся по городу слух, что жандармы изнасиловали одну политическую заключенную, и немедленно, лишь только дошел этот слух до рабочих невского судостроительного завода, стали, как один человек, все рабочие этого завода по призыву наших организованных. Пусть трепещут, видя такую солидарность, такое самоотвержение, и те, кто «подкрался к власти»!

Комитетчик. (Неаполь).

Минск. 23-го сент. В нашем городе еще летом разыгрался один эпизод, финал которого происходит теперь. В виду характерности этого эпизода для переживаемой Россией неудобоваримой смеси правительственной реакции с правительственным суррогатом либерализма мы считаем нужным его описать, тем более, что корреспонденции на эту тему в легальных газетах помещены не были из цензурных соображений.

Была у нас в Минске газета «Северо-Западный Край», выходившая под редакцией М. П. Мысовского и принявшая, особенно за последнее время своего существования, вполне честный характер и симпатичное направление. Этим она снискала большое расположение широкой публики и вместе с тем ненависть администрации и своего конкурента «Белорусского Вестника», вдохновляемого шпионом и негодяем Шоффером. Доносы на «С.-З. Край» посылались ежедневно; ежедневно № «С.-З. Края» отправлялся в Главное Управление по делам печати с комментариями к каждой статье, к каждому абзацу. Наконец, чаша начальственного терпения переполнилась, и Гл. Упр. закрыло газету «впредь до приискания ответственного редактора», так как Мысовский был лишь «исправляющим обязанность».

Мысовский съездил в Питер, виделся с Булыгиным и Бельгардом, разъяснил целый ряд недоумений, порожденных инсинуациями Шоффера с его помощником, заручился обещанием на-днях вновь разрешить издание и вернулся в Минск.

Полицмейстер Гоффенберг, Шоффер и другие лица из таких же сфер всполошились, когда увидели, что дело их не выгорает, и «Сев.-Зап. Край», того и гляди, возобновится. Они решили действовать решительнее. Как-раз в это время в Минск прибыл новый губернатор Курлов, и вскоре после его приезда вспыхнула в городе всеобщая забастовка, организованная Бундом и партией; сделана была Бундом попытка к устройству демонстрации, было убито несколько рабочих и была брошена в квартиру губернатора бомба, ранившая казака и городового. Все эти события спевшейся компанией Шоффера и Гоффенберга были представлены новому перепуганному губернатору, как результат преступной агитации Мысовского, в доказательство чего приводилось то обстоятельство, что вечером в день всеобщей забастовки «для поддержания революционного настроения» массы «Сев.-Зап. Край» выпустил на красной бумаге телеграмму об убийстве в Москве градоначальника Шувалова. Мысовский-де агитировал перед толпой, он же собирал в редакции молодых людей для революционных собеседований, он же тенденциозно подбирал в своем органе статьи, клонившиеся к ниспровержению и т. д.; кто знает, может-быть, и бомба, брошенная в губернаторскую квартиру,—дело его рук. Напуганный всеми этими доводами и не зная истинного положения вещей, губернатор велел обыскать и арестовать Мысовского, что и было сделано. При обыске ничего не нашли, кроме экземпляра «Эрфуртской программы» и экземпляра какой-то допотопной прокламации; надо заметить, что обыск производился в отсутствии Мысовского, и эти вещицы, вероятно, были подброшены.

Держали Мысовского в тюрьме с исключительной строгостью в смысле изолирования. Допросы производились нелепейшие, и ни одного самого мельчайшего факта из области «преступной деятельности» Мысовского не приводилось. В конце-концов он административно высылается в Архангельскую губернию на 3 года.

Эта расправа с совершенно ни в чем неповинным че-

рожнения капитализма новым социалистическим содержанием.

Да, отвечают революционеры, мы согласны, что потребительные общества есть в известном смысле кусочек социализма. Во-1-х, социалистическое общество есть одно большое потребительное общество с планомерно организованным производством для потребления; во-2-х, социализм неосуществим без мощного, многостороннего рабочего движения, а одной из этих многих сторон неизбежно являются потребит. общества. Но дело-то не в этом. Пока власть остается в руках буржуазии, до тех пор потребит. общества—жалкий кусочек, никаких серьезных перемен не гарантирующий, никакого решительного изменения не вносящий, иногда даже отвлекающий от серьезной борьбы за переворот. Навыки, приобретенные рабочими в потребит. обществах, очень полезны, спора нет. Но поприще для серьезного приложения этих навыков может создать лишь переход власти к пролетариату. Тогда система потребительных обществ будет включать в свое распоряжение и прибавочную стоимость; теперь сфера применения этого полезного института сужена до убожества убогими размерами заработной платы. Тогда это будет потребительный союз действительно свободных работников; теперь это союз наемных рабов, придавленных и придушенных капиталом. Итак, потребит. общества—кусочек социализма. Диалектический процесс развития действительно всовывает еще в пределах капитализма элементы нового общества и материальные, и духовные элементы его. Но социалисты должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом ц е л о е, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопаниям, которые нередко сбивают борцов с истинно-революционного пути.

Как думает «Искра», кто прав в этом споре?

Вот то же самое и с лозунгом: «революционное самоуправление» в эпоху демократического переворота. Мы не против революционного самоуправления, мы отвели ему давно известное скромное место в нашей программе-минимум (см. § о широком местном самоуправлении), мы согласны, что это—кусочек демократического переворота, как отметил еще № 15 «Пролетария», сославшийся на смоленскую думу. Демократический переворот был бы невозможен без мощного и многостороннего демократического движения, а одной из этих многих сторон является движение в области самоуправления. Но демократический переворот был бы невозмо-

ловеком поражает решительно всех в городе. Все знали за Мысовским слабость декламировать на литературных вечерах либеральные стишки, но, сверх того, он был известен, как лояльнейший и вполне благонамеренный человек. Заметим еще, что после этого случая Шоффер столь расхрабрился, что другому своему конкуренту, агенту виленской газеты «Сев.-Зап. Слово», заявил, что если «Сев.-Зап. Слово» станет мешать «Белорусскому Вестнику», то он, Шоффер, туда же упрячет его, агента, куда упрятал Мысовского: Мысовский-де не вам чета, между тем, и с ним мы покончили.

Интересно, что когда «С.-З. Край» был закрыт, то толпа рабочих явилась к редакции «Белор. Вестн.», сорвала вывеску, разбила окна, вломилась в редакцию и требовала «выдачи» Шоффера, которого, однако, налицо не оказалось.

К выборам в Г. Думу. Гражданская война, война за освобождение России от подлого, глупого и преступного самодержавия, разгорелась до такой степени, что правительство сочло нужным принять экстренные меры. Для прекращения гражданской войны и для спасения самодержавия придумана Госуд. Дума. В тон ее творцу Булыгину кн. Евг. Трубецкой вопиет: «Необходимо наполнить Думу прогрессивными элементами... Только этим путем мы можем предотвратить ужасы готовой возгореться гражданской войны». Для князя Трубецкого многие тысячи убитых рабочих—это еще не ужасы гражданской войны. «Ужасы» начнутся тогда, когда восставший пролетариат и крестьянство научатся давать отпор угнетателям. Во избежание таких ужасов Евг. Трубецкой заклинает либералов итти в Думу, потому что «отказаться от участия в выборах и отдать Думу в жертву аграриям—значит совершить политическое самоубийство» («Сын От.», № 161).

С точки зрения члена господствующего класса Трубецкой, конечно, прав: для сохранения этого господства, для предотвращения победоносной революции либералы должны итти в Думу, сделать ее либеральной, поднять ее авторитет. И естественно, что речь Трубецкого нашла горячий отклик в сердце муромского сотрудника монархического «Рассвета» г. Уткина. Но—увы!—и в Муроме завелись злые люди, которые стремятся подорвать авторитет булыгинского творения!

«Как на грех,—плачется Уткин,—в городке, откуда я пишу, среди рабочих и крестьян усиленно распространяются прокламации муромской организации Р.С.-Д.Р.П. о недостатках Г. Д.». К вящему ужасу Уткина, в прокламациях, между прочим, говорится: «Агитируйте всюду, разъясняйте своим товарищам и крестьянам, чтобы они отказывались от выборов, разгоняйте собрания выборщиков, устраивайте демонстрации, провозглашайте созыв учр. собрания на основе всеобщего, равного, прямого голосования». От таких слов Уткин приходит в неменьший ужас, чем Трубецкой от перспективы победы угнетенных классов в гражданской войне. И он наивно признается: «Надеюсь, что мою заметку (с цитатой из Трубецкого) прочтут организаторы муромской с.-д. рабочей партии и, может-быть, во-время спохватятся».

Бедный Уткин! Он не знал, куда обратиться, чтобы спасти муромские палестины от «греха» появления прокламаций, призывающих к бойкоту Г. Думы! Ему следовало обратиться в «Искру», а он посылает свою слезницу в «Рассвет». В «Искре» к его голосу присоединились бы талантливые и авторитетные голоса Парвуса и Мартова, а в «Рассвете»... какой авторитет может иметь «Рассвет» в деле предупреждения «ужасов гражданской войны»?..

(М. Ольминский).

Еще о нападении на рижскую тюрьму. В статье «От обороны к нападению», помещенной в № 18 «Пролетария», коротко рассказывалось об удачной попытке вооруженного нападения на рижскую центральную тюрьму. Подробности об этом нападении находим в № 251 «Последних Известий» и № 111 «Искры». Местами сведения между собой несколько расходятся.

«План освобождения заключенных, ожидавших суда и смертного приговора за приготовление бомб на заводе «Феникс»,—читаем в «П. И.»,—явился у организованных латышских товарищей (по «Искре»: у «некоторых членов нашей, т.-е. меньшевистской, организации»), лишь только газеты принесли известие, что в Ригу едет военный суд, чтобы отправить на виселицу или на каторгу несколько десятков человек». Две первые попытки освобождения, согласно данным «Искры», по разным причинам не удались. Корреспонденция «Последних Известий», ни слова не говоря об этих предварительных неудачах, прямо рассказывает об удачной попытке 6-го сентября.

Часам к 11-ти ночи этого числа за оградой тюрьмы собралось до 50 рабочих, вооруженных револьверами хороших систем, с лестницей, топорами и другими принадлежностями. Преобладающее большинство среди них были латыши. Кругом тюрьмы тянется высокая деревянная ограда с колючей проволокой наверху. По лестнице все перебра-

---

жен, напр., и без революционной школы, которая есть столь же несомненный признак фактического разложения царизма, как рабочие биржи вопреки полиции, как брожение в духовенстве, как противозаконное местное самоуправление и проч. Какой же вывод следует отсюда, подумайте-ка, товарищи из «Искры»! Тот ли, что надо подытоживать все эти кусочки разложения в цельный лозунг восстания? или тот, что надо уродовать лозунг восстания, связывая его с одним из кусочков, с самоуправлением?

«Организация революционного самоуправления, или, что то же самое, организация народных сил для восстания», писала храбрая «Искра» (№ 109, с. г., ст. 1). Это все равно, что сказать: организация революционной школы есть организация сил для восстания, организация брожения в духовенстве есть организация сил для восстания, организация потребительных обществ есть организация сил для социалистического переворота. Нет, плохие вы диалектики, товарищи из «Искры». Вы не умеете рассуждать диалектически, хотя прекрасно умеете вилять и вертеться, как Плеханов, с вопросом об организационных и тактических туманностях в ваших взглядах. Вы просмотрели, что при условии победы восстания все эти кусочки переворота неизбежно сольются в цельный, законченный «эпилог» восстания, тогда как без победы восстания кусочки останутся кусочками, жалкими, ничего не изменяющими, только филистеров удовлетворяющими кусочками.

Мораль: 1) оппортунисты социал-демократии и накануне социалистического, и накануне демократического переворота имеют дурную привычку носиться, как с писаной торбой, с одним из мелких кусочков великого процесса, возводя этот кусочек в целое, соподчиняя этому кусочку целое, уродуя этим целое, превращаясь в силу этого в прихвостней непоследовательных и трусливых реформистов. 2) Диалектика стихийного процесса, который всегда и обязательно бывает запутанным, не оправдывает путаницы логических заключений и политических лозунгов, которые довольно часто (но не обязательно) бывают путаные.

P. S. Статья уже была сверстана, когда мы получили заграничное искровское издание резолюций Южн. учр. конференции. Текст резолюции о Г. Д. несколько отличается от изданного в России и перепечатанного нами выше. Но эти отличия несущественны и нисколько не задевают нашей критики.

(Н. Ленин).

лись через ограду, перерезав проволоку, и очутились перед главной тюремной стеной. Перерезав предварительно телефонную проволоку, нападавшие разделились на две части, из которых одна должна была проникнуть внутрь тюремного двора и оттуда в корпус одиночных камер для политических, а другой предстояло отразить нападение стражи из других корпусов, когда та попытается притти на помощь надзирателям одиночного корпуса.

Когда часовой увидел толпу вооруженных людей внутри тюремной ограды, он начал стрелять. Залп со стороны нападающих уложил его на месте тяжело раненым. Его обезоружили и устремились в корпус. Открыв двери, товарищи мигом очутились на третьем этаже. 2 сторожа со страху бросили шинели и забились в какую-то пустую камеру. Тут-то оказалось, что двери открыть, как предполагалось, невозможно. Недолго думая, решили их ломать. Тяжелые обитые жестью двери туго поддавались. Однако, три двери удалось сломать и арестованных освободить...

В это время послышались ружейные залпы. Разведчики донесли, что человек 6 сторожей стреляют в проход по убегающим. Решено было, что дольше оставаться рискованно, что сторожа могут опомниться и соединиться. Все бросились бежать и напали на сторожей с той стороны, откуда они не ожидали вовсе, а потом, пользуясь переполохом, кинулись к воротам, преследуемые выстрелами, и через несколько мгновений уже были за оградой.

В то же время отряд у ворот двумя залпами отразил нападение сторожей, которые спешили на помощь осажденным. Когда все очутились вне ограды, посты у ворот были сняты; начали расходиться. Но в тюрьме еще долго продолжали стрелять. Стреляли из окон по убегающим, стреляли просто в воздух из панического страха. Характерно, что тюремный начальник, который истязает заключенных, совсем не показывался, а казаки, которые так «молодцевато» и «лихо» наскакивают на безоружную толпу, куда-то спрятались.

В результате удалось освободить 2-х товарищей рабочих-латышей, обвинявшихся в изготовлении бомб, Ивана Лауиса, 28 лет, столяра, и Юспуса Шлессера, литейщика с завода «Феникс». Оба арестованы 17-го мая. Третий, Николай Орлов, отказался бежать. Относительно числа убитых стражников данные «П. И.» и «И.» расходятся. Согласно «П. И.» «со стороны надзирателей д в о е убитых и трое тяжело раненых». «Искра» пишет: «Убитых стражников п я т ь и раненых неизвестное количество».

Со стороны нападающих никто не был ранен и на месте никого не арестовали. Лишь по полицейскому отчету в местной «Duna Zeitung» выходит, что задержаны двое, которых обвиняют в участии в деле нападения на тюрьму. Одного из них, 19-летнего рабочего Носеля Кремера, взяли далеко от тюрьмы. Он, будто бы, сознался в том, что был среди нападавших на тюрьму. Другого, рабочего Петра Сниппе, задержали при следующих обстоятельствах (опять-таки со слов полиции). Услышав выстрелы около тюрьмы, 2-е городовых вместе с ночным сторожем бросились по направлению туда. По пути они встретили 5 человек, которых хотели задержать. Те вскочили на извозчиков, городовые за ними; нагнали одного, который выстрелом уложил городового. Однако, остальным городовым удалось его арестовать. Упорно говорят, что его забили до смерти при допросе.

Полиция выбивается из сил, чтобы отыскать следы «преступления». Говорят, что губернатор, прокурор и смотритель слетят с места. Полиция, по словам корреспондента «И.», обещает 1.000 р. награды за отыскание освобожденных преступников.

В № 18 «Пролетария», приветствуя смелый почин рижских товарищей, мы комментировали его, как важный шаг «от обороны к нападению». По поводу того же нападения корреспондент «Искры» пишет: «Оно (т.-е. нападение) ясно показало, что даже царские центральные тюрьмы не могут устоять перед напором революционной волны». К тому же сводятся и комментарии «Последних Известий»: «Фантастичным должен был казаться план нападения нескольких десятков человек с целью освобождения политических заключенных в то время, как одних сторожей там числится свыше 60 человек, да в последнее время туда же помещены казаки, а неподалеку находятся казармы. Но переживаемый нами революционный период вызывает такую самостоятельность и активность в затронутых движением массах, что такие «фантазии» зарождаются и— что еще важнее—переходят в действительность. И каковы бы ни были результаты, дело вооруженного нападения на рижскую тюрьму останется блестящим актом смелой борьбы революционеров».

(Н. Чужак—А. Насимович).

Гродно. Как видно из отчета о деятельности гродненской военно-революционной организации, помещенного в № 252 «П. И.», движение среди городских солдат началось еще в 1902 году; насчитывалось 50—60 человек, читающих нелегальную литературу; устраивались маленькие собрания.

С 1905 г. работа пошла ускоренным темпом. К этому времени появились и новые силы. Была сорганизована центральная сходка (из представителей частей, по одному из каждой, с заменяющими их кандидатами). Кроме того, в каждой части была образована «частевая» сходка из более сознательных солдат, на которых можно было возлагать некоторые обязанности: издание и распространение листков, устройство собраний и пропагандистских кружков, распространение литературы, привлечение новых членов, руководство «частевыми» сходками. Собраний за весну и лето состоялось четыре; участвовало в каждом от 50 до 110 чел. Листки распространялись по палаткам, по дорогам, у коновязей, в столовых, чайных и читались в некоторых столовых и чайных вполне открыто; интерес к ним громадный; второй листок (с перечнем солдатских требований). прямотаки вызвал восторг. Один листок в течение целого дня лежал в солдатской чайной рядом с агентскими телеграммами. Читавшие его солдаты кричали: «Вот это н а ш а телеграмма, не надо нам офицерских (т.-е. агентских)!».

О распространении листков начальство узнавало по обыкновению слишком поздно, и лишь ничтожное их число попадалось ему в руки. Бывали случаи вывешивания листка в солдатском «клубе»—клозете, на самоварах. Репрессии, главным образом, сыпались на голову евреев; начальству хотелось выставить пред темной солдатской массой «жидов», как единственных рассадников крамолы. Однако, главный контингент спропагандированных солдат—христиане.

(Н. Чужак—А. Насимович).

Из листка «Ко всем гражданам», изданного Ц. Ком. Р.С.-Д.Р.П. Не очевидно ли для каждого, кто не захочет закрывать глаза, что царская Дума—только новая крепость старого самодержавия? что, выдавая ее за уступку, за попытку сближения с народом, правительство лжет и издевается над народом, рассчитывая на полную его политическую слепость и неразумение? Оно должно обмануться в этом расчете. Наша партия употребит все силы и средства, чтобы разъяснить народу истинный смысл царской комедии, подлую ловушку, в которую правительство пытается заманить народ. Нас поддержат все те партии, группы и все те сознательные граждане, которым дороги народные интересы и дело народного освобождения. Только люди безнадежно близорукие или грубо корыстные способны помогать правительству в его военной хитрости.

Безнадежно близоруки те, кто утверждает, что царская Дума все-таки лучше голого самодержавия. Разве заслуживает особого уважения новая маска, под которой пытается скрыть свое лицо гнусный преступник? Разве новая подпорка одряхлевшего, негодного здания лучше, чем само это здание? Сломать эту подпорку, сорвать эту маску,— не таковы ли первые задачи всякого, кто ищет правовой жизни? Безнадежно близоруки те, кто полагает, что царская Дума нужна, как новая кафедра для политического воспитания народа. Разве народу будут они говорить с кафедры, когда его не будет в Думе, когда не будет там действительной гласности, ни свободы собраний? Разве не больше будет слышаться с этой кафедры политически развращающих, затемняющих истину речей со стороны того несомненного большинства друзей старого порядка, которое будет заседать в этой Думе? В революционную эпоху, когда всякий смелый гражданин умеет находить себе свободную кафедру для прямого обращения к народу, не позорно ли итти либерально болтать на кафедру, выстроенную хи-

трым врагом? Безнадежно близоруки те, кто думает, приняв участие в выборах и проникнув в Думу, сорвать ее путем предъявления правительству категорического требования о созыве всенародного учредительного собрания. Разве не окажутся они при созданной правительством системе выборов бессильным меньшинством, которое своим уходом из Думы нисколько не помешает ее реакционной работе, и разве не санкционируют они таким своим участием всю царскую комедию выборов и представительства? Поддерживать правительственный обман, потом выступить с жалкими протестами против него—не смешно ли, не бессмысленно ли это? Врагами и предателями народа выдуманы эти аргументы в пользу царской Думы,—политические глупцы их повторяют. Мы живем в эпоху расплаты и отмщенья, а политическая глупость—это преступление перед народом. Берегитесь же, все вольные и невольные соучастники царского обмана, и знайте, на что вы идете! Рабочий класс ценой своей крови пролагает путь к всенародному освобождению. Царские выборы в Думу, от которых он устранен,—прямое издевательство над его политической силой и сознанием, он не простит тем, кто примет участие в этом издевательстве. Крестьянство—главная жертва, которую стараются обмануть. Оно не простит тем, кто помогал этой попытке. Берегитесь все, кто хочет сесть в прогнивший корабль монархии. Вас ожидает плавание от Цусимы к Цусиме.

Путь революции ясен: через народное восстание к народному правлению. Царская Дума—засада на этом пути: уничтожим эту засаду. Мы будем собирать и объединять народные силы для массового протеста, чтобы сорвать недостойную комедию выборов. Мы призываем всех честных граждан действовать в этом заодно с нами. Между старым порядком и революцией уже нет места ничему третьему. Кто не за революцию, тот против нее.

Долой преступный обман народа! Долой самодержавие, монархию и все то, что от нее исходит! Да здравствует всенародное учредительное собрание!

Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П.

Сибирский Союз о Г. Думе. В передовице № 2 «Сиб. Соц.-Дем. Листка» рекомендуется. по вопросу о выборах в Г. Думу, между прочим, следующее: «Мы призовем тысячи обойденного народа к незаконным выборам истинных представителей народа... изберем своих представителей, соберем средства и пошлем своих депутатов в царскую столицу... Как и рабочие всей России, по всей линии станем устраивать многолюдные собрания. Как и российские товарищи, вопреки царскому закону изберем истинных народных представителей. Как и они, соберем денег на дорогу и отправим их в Петербург... Куй железо, пока горячо! Правительство торопится, и нам надо торопиться».

Это писано в августе. Теперь сибирским товарищам остается только возвратить жертвователям деньги, собранные на посылку депутатов в Петербург; редакция же «Листка» впредь, вероятно, будет с меньшей доверчивостью относиться к источнику своего осведомления о том, что собираются делать «рабочие всей России» и «российские товарищи».

(М. Ольминский).

Ташкентская Группа о Г. Думе. «Мы будем везде и всюду срывать предвыборные собрания... и ни за что не допустим сорганизоваться этому позорному учреждению, именуемому Гос. Думой». (Из листка «Война или мир?», сентябрь 1905 г.).

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

[**Москва.** 24 сентября. (Из частного письма. Помещаем этот рассказ для характеристики начальной стадии движения, которое замечательно быстро переросло не только в политическое, но и в чисто-революционное. Ред.)]. Сегодня нет ни одной газеты, со вчерашнего вечера стали все типографии. Забастовку начали сытинские, при чем выступили несознательные рабочие. Так как Сытин (а равно и другие хозяева) не выполнил добросовестно обещаний, данных в прошлом году, то эти рабочие подали ему «петицию», напоминая об обещанном. Он их прогнал. Тогда заволновались остальные; типография стала. Был выставлен целый ряд новых требований, все экономических. Главнейшие из них: 1) Все переговоры с рабочими ведутся через посредство выбранных последними депутатов; ни один рабочий не может быть уволен, ни один не может быть принят без ведома и согласия депутатов. Все недоразумения между администрацией и рабочими разбираются при участии тех же депутатов. Последним обеспечивается личная неприкосновенность: они не могут быть ни уволены, ни арестованы. 2) 9-часовой рабочий день (остальные типографии выставили потом требование 8-часового, которое и вошло в коллективное заявление *). 3) Отмена штрафов. 4) Повышение расценки: для получающих менее 20 руб. на 40%, от 20—30 на 30%, от 30 до 40—20% и выше 40—на 10%. Далее идут требования более частного характера, касающиеся учеников (срок ученичества не долее 3 лет, возраст не ниже 15, вежливое обращение, неупотребление на домашние работы и т. д.), женщин (прекращение работы за 4 недели до родов и 6 недель после, отпуск для кормления детей, ясли), отмена обысков, где они есть, отмена хозяйских квартир и харчей (страшное орудие эксплоатации; там, где есть хозяйские харчи,—больше в маленьких типографиях,—стачечников прямо голодом вымаривают) и т. под.

Стачка с первой же минуты вышла из-под влияния несознательных и перешла в руки сознательных рабочих. Политических требований не выставлено по следующим соображениям: 1) в данный момент нет определенного, ясного для всех повода; политическая стачка не имеет смысла в пределах одной профессии, между тем, движение пока чисто-профессиональное. Напротив, есть намерение воспользоваться настоящим случаем для легализации стачки: хотят обратиться с заявлением к городскому голове, генерал-губернатору и градонач., что так как стачка признана деянием ненаказуемым, то рабочие желают собраться для обсуждения своих дел и просят указать им помещение, где они могли бы это сделать без помехи со стороны полиции. Последняя разогнала две сходки на Патриарших прудах. Были попытки арестов, но рабочие всякий раз отбивали товарищей. Вчера было два столкновения с казаками и жандармами: у типографии «Русск. Ведомостей» и на Тверском бульваре. Самое серьезное было последнее; здесь были раненые с обеих сторон, при чем рабочие победоносно отбили жандармскую атаку и свалили с лошади офицера камнем. Характерно, что жандармов вооружили плетьми,—не нагайками с пулей на конце, а простыми плетьми (это утверждают те, которых били, т.-е. более чем очевидцы),—особое проявление полицейской гуманности. Настроение рабочих очень бодрое и дружное. Вчера около 8 час. у Страстного монастыря был чисто-военный лагерь: и пехота, и кавалерия, только артиллерии нехватает. На площади масса «публики». У памятника Пушкина толпа человек в 300, слышны речи, дальше с бульвара доносятся песни. Насчет речей констатирован тот факт, что политические принимаются холоднее экономических (хотя протестов не встречают). В общем очень типичный и грандиозный образчик чисто-профессионального движения.

[**Москва.** 24 сентября]. Здесь в Москве начались забастовки, как вам известно из газет. Сегодня не вышли все газеты, не исключая и «Моск. Ведом.» («Моск. Ведом.» не вышли и вчера, в то время, когда все газеты вчера вышли. Это объясняется тем, что третьего дня забастовавшие у Сытина и у других типографщики выбили в типографии «Моск. Ведом.» стекла, и, повидимому, это заставило прекратить здесь работу. В первый раз, говорят, и «Моск. Ведом.» не выходят из-за забастовки). Рабочие кучками и массами собирались на Тверском бульваре, на Малой Бронной и на Патриарших прудах. Около 4-х часов я был на Бронной. К фонарю рабочие прикрепили красный флаг, оратор, цепляясь за забор, чтобы виднее было, пытался произнести речь. Со стороны Никитских ворот появились конные жандармы. Рабочие освободили улицы и стали на тротуары, флаг исчез, оратор прекратил речь.

*) Сверхурочные работы по соглашению с депутатами, и с двойной оплатой.

Жандармы, с офицером во главе, проехали по улице, не трогая толпы. В след им послышались проклятья. Была попытка еще раз сомкнуться и начать речь. Рабочие стали запасаться булыжниками. Жандармы проехали назад. Рабочий получил удар палкой, но в общем никто не пострадал. Вслед жандармам посыпались угрозы, проклятья и камни. Рабочие, возбужденно обсуждая положение вещей, запасаясь камнями, распевая рабочую марсельезу, нестройной, рассыпавшейся массой двигались к Тверскому бульвару. На углу М. Бронной стояла выжидающе масса рабочих, учащихся и пр. Рабочие с М. Бронной, зовя к себе товарищей, направились в сторону Страстного монастыря. По дороге принесли прокламации. Рабочие расхватали их по рукам. Менее решительные рабочие по бульвару, а не улицей, шли вслед за толпой. Шествие нестройное, но довольно внушительное,—не скажу цифры, боясь ошибиться,—с пением марсельезы дошло до памятника Пушкина, где путь был загражден конными жандармами. Масса народная подошла вплотную, стала на тротуар. Далее я видел град камней, посыпавшийся на жандармов, которые моментально повернули лошадей и, обнажая сабли, ускакали. Послышались 2—3 выстрела. Я склонен думать, что это жандармы. В воротах дома я видел рабочего, которого чем-то рикошетом ударило в лоб, по его словам, не причинив вреда. На конке раздался крик барышни, отделавшейся, видно, тоже только испугом. Рабочие рассыпались по тротуарам, обсуждая случившееся. Я видел далее на площади окруженного людьми извозчика, на котором сидел, держась за голову, раненый, должно-быть камнем, жандармск. офицер, поддерживаемый 2-мя субъектами, одетыми в студенческую форму. Все это я лично наблюдал. И в этом роде сцены продолжались с утра до вечера. Говорят, что около 3-х час. на Тверском бульваре была произнесена речь. Далее, в 8 час. вечера на памятник Пушкина взобрался оратор и говорил, окруженный массой народа, на виду у казаков и жандармов. Митинг, говорят, имел внушительный характер.

Рассказывают, что когда явились рабочие в типографию «Русск. Ведомостей» снимать рабочих, швейцар телефонировал полиции, просил защиты от пришельцев. Либеральная редакция и «невинность» полагала сохранить, и капитал предполагала приобрести. Обращаться самим к полиции, нет, они—либералы—этого не сделают; если это «догадался» сделать лакей, они, редакция и контора, ни при чем...

«Русск. Листок» сегодня охраняется,—я проходил мимо,—как крепость; полицейские у ворот, на лестнице конный патруль. Кто там работает, рабочие или солдаты,—не знаю.

Одновременно с забастовками в высших учебн. заведениях, где удается, происходят многолюдные митинги для широких масс (бывают и рабочие). Выступают лучшие ораторы разных партий, большевики, меньшевики, с.-р., демократы и т. д. Разбирается аграрная программа, отношение к выборам в Государственную Думу и т. под.

Москва. 25 сент. Стачка быстро политизируется; уже третьего дня после столкновения с жандармами политические речи стали слушаться гораздо охотнее экономических. Вчера в 7 час. веч. назначен был митинг на Страстной площади. Уже около 6 час. все было запружено народом до самых Никитских ворот. По массе полиции и казаков видно было, что митинга решили не допускать. Час спустя на Тверском бульваре происходила свалка. Конница вихрем носилась по бульвару с обнаженными шашками. Рабочие сбегали с бульвара по проезду на тротуар и оттуда бомбардировали конницу камнями. Было два залпа.

Вечером. На Тверской—повторение вчерашнего. Вчера и третьего дня пострадало несколько десятков человек. Ждут с часу на час военного положения.

Москва. Кончилось лето, и работа принимает несколько иные формы. Расскажу вкратце, как шли дела летом в Рогожском районе. Между прочим, район этот молодой,—как, впрочем, почти все московские районы,—и образовался только после 9-го января. Связи росли быстро, и весной он уже представлял крупную величину. С этого времени начал там складываться следующий тип организации. Во главе района был поставлен районный комитет, в состав которого вошли товарищи, работающие на местных заводах и фабриках, в числе, соответствующем числу подрайонов. Таким образом во главе каждого из подрайонов стало одно лицо, ведущее там вместе с заводскими комитетами и своими непосредственными помощниками всю организационную работу. Наиболее крупные и наиболее работоспособные заводские комитеты посылают в районный комитет своего представителя, который и становится его постоянным членом. Число подрайонов в Рогожском районе к концу лета дошло до 5: 1) подрайон завода Гужон, 2) подрайон фабрики Ранталлера, 3) 1-го казенного винного склада и технических мастерских, 4) подрайон развесочной Кузнецова и 5) Благушинский. В действительности каждый подрайон охватывал большее количество фабрик и заводов, но за ним сохранялось название того завода, где организация была наиболее старая, или просто по местности, как, например, Благушинский. Количество всех заводов и фабрик, с которыми были связи в районе, доходило до 25.

В районный комитет вошли представители 3-х заводских комитетов: завода Гужон, заводского комитета фабрики Ранталлера и заводского комитета фабрики Банакера. Таким образом, в комитет входило 8 человек товарищей рабочих; но даже и с таким количеством лиц невозможно было выполнять удовлетворительно всю работу, которая лежала на районном комитете. Комитет решил еще кооптировать товарища рабочего-профессионала, которому были поручены технические предприятия района, как, напр., распространение литературы, заведывание общерайонной легальной и нелегальной библиотекой. Вскоре районный комитет признал необходимым еще одного товарища из подрайонных организаторов перевести на партийное содержание, потому что связи все росли, а свободного времени у рабочего, как известно, остается очень мало. В комитет, кроме подрайонных организаторов и заведующего техническими предприятиями, входили: ответственный организатор, который является там представителем Московского Комитета, ответственный пропагандист и секретарь. Последние функции в этом районе выполняли интеллигенты. Заводских комитетов в районе было 6: завода Гужон, фабрики Алексеева, фабрики Ранталлера и Венцеля общий, технических мастерских, фабрики Банакера и развесочной Кузнецова. В заводской комитет входили: товарищи рабочие организаторы кружков, рабочий-литератор, на обязанности которого лежало собирать материал для местного листка, а иногда и писать его, кассир и заведующий заводской библиотекой. В заводские комитеты входили подрайонный организатор того подрайона, где они находились, и ответственный организатор. Кроме того, в районе существовали кружки; летом было их не более 18, в среднем до 15 человек в каждом. Один из них был агитаторский и состоял из 13 человек; другой в 30 человек, кружок высшего типа. В них занимался ответственный агитатор Москвы. Эти кружки посещались, главным образом, подрайонными агитаторами и членами заводских комитетов. Программа занятий была приспособлена к тому, чтобы слушатели сами могли выступать в качестве агитаторов. Кроме того, читался целый ряд лекций по всем партийным вопросам: о расколе, об отношении Р.С.-Д.Р.П. к либералам, о временном революционном правительстве, о Государственной Думе и др. В остальных кружках велись занятия пропагандистами. Число участников в них было подвержено большим колебаниям. Собирались обыкновенно на открытом воздухе, и очень часто такой кружок превращался в массовку человек в 70—100. Пропагандисты составляли коллегию, которой руководил районный ответственный пропагандист. Летом их было не больше 8-ми, при чем 3 из них были рабочие. Они участвовали в районных конференциях, и на последнем собрании подрайонный комитет постановил приглашать их на подрайонные собрания.

Собирались кружки обыкновенно в Анненгофской роще или в Баулинском лесу. Между прочим, первая представляет собой не рощу, а только остатки ее с вывороченными бурей пнями вместо деревьев, вся она изрыта ямами; и вот в таких ямах собирались кружки и вели беседу. Из ям видно улицу и постового городового. Там же иногда устраивались и массовки. Полиция, очевидно, смотрела сквозь пальцы. Баулинский лес тоже целиком был использован районом для всевозможных собраний. Идешь там ве-

чером,—непременно наткнешься на кружки; время-от-времени в ночной тишине слышатся рукоплескания. Там же раз в неделю, а то и 2, если выпадал праздник, устраивалась общерайонная массовка. На нее мог итти всякий, так как не требовалось пароля. На массовку приходило обыкновенно человек 200—300, и только в очень плохую погоду было меньше. Здесь выступало иногда до трех ораторов, в большинстве случаев опытные агитаторы, посылаемые из центральной группы агитаторов при Московском Комитете. Особенной популярностью пользовался один агитатор-рабочий. Говорилось по большей части на злобу дня. Здесь раздавались проклятья убийцам и палачам варшавских демонстрантов и бакинских армян, здесь следили за развитием иваново-вознесенской стачки, здесь посылался горячий привет «Князю Потемкину», здесь высмеивался и отдавался на общее презрение Трубецкой в его роли верноподданного и врага крамолы, и здесь, как один общий возглас, раздавалось: «Долой Государственную Думу!». На массовку приносили красные знамена с обычными надписями, а оканчивались они пением революционных песен. Массовки эти возбуждали сильное воодушевление, так что раз участники массовки с пением и красным знаменем направились в Перово (ближайшая дачная местность) и там демонстрировали на одной из главных улиц. На массовках обыкновенно присутствует районная боевая дружина, вооруженная браунингами. После обнародования закона о Думе собираться стало труднее. В Анненгофской роще начали расхаживать отряды городовых, а в Баулинском лесу казаки. Последние массовки пришлось устраивать на новых местах, а после последней из них была задержана казаками часть участников при возвращении домой. В конце августа районный комитет постановил отменить массовки и разместить кружки по квартирам, по 8—10 человек в каждом.

Петербург [3]). Прошел почти год с тех пор, как петербургские меньшевики подняли знамя восстания против Комитета и [4]) стали раздавать направо и налево векселя, обещая в организации провести и выборное начало и дать ту «самодеятельность» пролетариату, о которой они так много нашумели. Прошел почти год. Срок достаточный, чтобы реализовать свои обещания. Насколько они справились удачно со своей работой, лучшим доказательством является «устав» конференции; неплохим доказательством является также и состояние их организаций, и отношение к ним самих рабочих. Тов. «рабочий, один из многих», вполне правильно разобрался в том, какова сущность этих обещаний; разобрались в них теперь многие, очень многие. Расплачиваться по векселям нечем, падает кредит. Наряду с этим все больше и больше выясняется для массы организованных рабочих сущность наших тактических разногласий. Все это заставляет рабочих, некогда отколовшихся от ПК, заняться переоценкой своего отношения к К-ту. В некоторых заговорил голос старого искровца, и заговорил властно.

Кто знаком с работой социал-дем. в Петербурге, тот знает, что лето—мертвый сезон. Обыкновенно набеги башибузуков приноравливаются к 1 мая: весной разбивается многое из того, что с таким трудом создается работой целого года. Этот год не является исключением: весенние аресты нанесли нашей организации значительный урон. Теперь жизнь в нашей организации закипела. В Невском районе по нескольку раз в неделю происходят митинги, на которых присутствуют тысячные толпы народа; массовки, дискуссии и т. д. У нас, в районе Петербургской стороны, заметно значительное оживление.

Район этот считается самым плохим в Петербурге: нет больших заводов, много мелких мастерских. Сознательных, вполне проникнутых мировоззрением соц.-дем.—единицы. Чувствуется также и то, что здесь не было крепкой, сплоченной организации, какие, например, были в прошлом году в других районах. В силу этого приходится начинать работу «с азов». Получено довольно много новых связей; мы наткнулись и на меньшевиков (теперь уже «бывших»). Организованных теперь—до 70 человек, имеется мимеограф. Редакция «Пролетария» получила, вероятно, резолюцию, которая принята на двух собраниях меньшевиков. Из нее (она составлена рабочими в отсутствии интеллигента) ясно сквозит то, о чем я писал в начале этой корреспонденции: кредит меньшевиков пал, иллюзии, которыми они тешили массу, рассеялись, вопросы, связанные с вооруженным восстанием, разрешаются в большевистском (т.-е., вернее, в партийном) духе. Любопытно отметить то, что некоторые бывшие меньшевики, абсолютно не знакомые с нашей литературой, самостоятельно пришли к решению такого сложного вопроса, как вопрос о вооруженном восстании и т. д., в нашем духе [5]).

(*Неаполь*).

Петербург. 12 сентября. Я начал работать в Петербургском районе (город у нас разделен на 6 районов). Связи расширяются с каждым днем; за две недели в районе состоялось около 15 сходок, на которых было до 100 человек. Меньшевики тут за последнее время имеют довольно широкие, но временные связи. После 9-го июля тут было много провалов, провалились все руководящие коллегии, и масса пристала к меньшевикам; но это были меньшевики не по сознанию, а потому, что имели с ними связи. Вообще тут легкие меньшевики, не то, что на юге: там заклятые меньшевики. На-днях я познакомился с рабочим тюлевой фабрики, начал с ним говорить, и он сказал мне, что он меньшевик. Я начал разбираться, доказывать точку зрения большинства, он согласился со мной. На следующий день у меньшевиков должен был состояться подрайон, и вот мне рабочий предложил притти. Собрание не состоялось, но я там развивал взгляды большинства. Потом я собрал их в числе 10 человек, говорил о временном революционном правительстве и указал, что оно должно создать революционную армию и т. д. Одним словом, я их вполне ознакомил с большинством и указал на наши разногласия. По окончании моих разъяснений они все со мною согласились и признали, что, только работая по тактике большинства, мы сможем выполнить ту роль, которую мы должны сыграть. Была принята резолюция следующего содержания:

«Принимая во внимание, что переживаемый нами исторический момент требует революционного выступления пролетариата для завоевания себе и всему русскому народу демократической республики, как средства для дальнейшей борьбы за социализм; принимая дальше во внимание, что путь к завоеванию такого способа правления лежит через вооруженное восстание, революционную армию и временное революционное правительство, и так как такой тактики придерживается большинство Р.С.-Д.Р.П.,—мы, собравшиеся рабочие тюлевой фабрики, завода Лангезипена и Лоринса в числе 10 человек, выслушав товарища большевика, признаем: 1) что мы, организованные рабочие, должны сыграть видную роль в революции и таковую можем исполнить, работая только по тактике большинства; мы признаем все лозунги, выпущенные большинством, и для проведения их в жизнь вступаем в организацию для работы под руководством «большинства» Рос. С.-Д.Р.П.».

Вчера была маленькая сходка, также меньшевиков из руководящей коллегии, и после долгих разъяснений ими была принята та же вышеуказанная резолюция. Сегодня должна состояться сходка работающих на фабрике Бека. Ежедневно приходится говорить с отдельными меньшевиками. Из всех имеющихся в Петербурге меньшевиков разве только одна интеллигенция согласна с меньшевиками в вопросах тактики. Но рабочие, которые уже наказаны горьким опытом 9-го января, знают, что им не нужно агитации о вооружении, их не нужно вооружать идейно жгучей потребностью вооружаться, а им нужно оружие.

Южанин-рабочий.

Николаев. 14 сентября. До сих пор у нас нет еще интеллигентных сил, и мы справляемся с работой кое-как сами; работа у нас пошла очень хорошо, но, конечно, было бы еще лучше, если бы были профессионалы. Ведь, Николаев все-таки крупный промышленный город, и в нем до 30 тысяч рабочих, следует прислать людей. На-днях у нас был парад, собралось много народу, было много офицерства, солдаты, казаки, были и матросы,—не такое число, как обыкновенно бывает на параде, но увеличенное; все было в «порядке», ждали прихода нашего николаевского главного «осла», т.-е. градоначальника. Когда он показался, полиция сильно засуетилась (хотя они и думают, что всех «крамольников» уже уничтожили, но все же зорко следят, чтобы чего не произошло) и начала расталкивать публику, очищая дорогу «главному ослу». Когда

он подъехал и стал здороваться с войсками, из толпы рабочих были брошены мимо его головы прокламации, и раздались крики: «Долой самодержавие! Да здравствует революция!». Долго продолжались возгласы; рабочих было много, и никого не арестовали. 9-го сентября, в пятницу хоронили одного рабочего, ставшего жертвой «хулиганов»; в 5 час. вечера на кладбище собралось несколько сот товарищей и вообще рабочих. Один товарищ сказал речь, в которой указал на то, как самодержавие раньше времени вгоняет в могилу молодые цветущие жизни. Когда он окончил, раздались крики: «Долой проклятое самодержавие!». Потом запели «Замучен в тяжелой неволе», марсельезу и еще много революционных песен. Были брошены прокламации, рабочие с жадностью набросились на них. Здесь стояли пристав, околоточный и несколько городовых; они все время молчали, но когда начали разбрасывать прокламации, то пристав стал кричать: «Расходитесь, а то вызову казаков, и вам будет плохо!». Рабочие с кладбища вышли за ворота и остановились на улице; когда пристав со своей свитой показался на улице, его атаковали, сбили с него фуражку, сорвали погоны, обезоружили и сильно избили. Вся эта свора,—когда их бывает много, любящая нападать,—постыдно стала удирать с поля сражения, а рабочие открыли по ним револьверную стрельбу; ранен кто или нет, не удалось узнать. Когда начали расходиться, арестовали двух рабочих: Л. Белоусова и Глинского. Рабочие направились к полиции, разнесли квартиру, где были арестованные, и потом разошлись... Жаль, что нет интеллигентных людей; если бы приехали наши товарищи, пошла бы тогда работа!

Рабочий.

Саратов. 8 сентября Комитетом Горного района было созвано собрание, на которое явилось около 120 человек, по преимуществу членов профессиональных с.-д. союзов. Товарищами из организации были произнесены две речи на тему: 1) характеристика переживаемого исторического момента и способы организации рабочего класса (професс. союзы) и 2) Государственная Дума и тактика социал-демократии по отношению к ней. После речей открылись оживленные дебаты, главным образом, между ораторами и присутствовавшими социалистами-революционерами.

В заключение была единогласно принята резолюция, из которой приводим вторую половину.

«Переходя к вопросу о способах борьбы против Гос. Думы и отстаивающих ее партий, собрание находит необходимым: а) развить самую энергичную агитацию в широких массах в целях выяснения истинного значения Думы; б) устройство народных демонстраций, общих политических стачек; проникновением народа на собрания выборщиков протестовать против новой попытки ввести в заблуждение народ; не останавливаться перед вооруженным отпором всем темным силам самодержавия, стремящимся и на будущее время держать народ в рабстве; в) готовиться уже теперь ко всероссийской политической стачке с основными требованиями: долой дворянскую и купеческую Думу, да здравствует временное революционное правительство, которое лежит на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов; всенародное учредительное собрание для установления единственно отвечающего интересам народа государственного строя—демократической республики; г) так как всероссийская стачка должна носить боевой характер, так как правительство царя и идущих в царскую Думу партий постарается подавить народный протест вооруженной силой, и поэтому стачка может перейти в открытое восстание,—необходимо возможно больше усилить агитацию в войсках и приступить к немедленному вооружению народа.

В целях наилучшего и наипростейшего распространения взглядов, выраженных в выработанной собранием резолюции, в целях более широкого выступления народа собрание считает нужным переходить от тайных сходок к открытым народным собраниям».

После принятия этой резолюции по предложению одного из товарищей единогласно решено передать братский революционный привет всем товарищам, заключенным в тюрьмах и лишенным в виду этого возможности продолжать работу на пользу дорогого как им, так и собравшимся дела.

Несколькими днями раньше на собрании рабочих-организаторов, представителей предприятий и кружка Берегового района принята резолюция, в которой, между прочим, сказано: «Мы признаем, что только всенародное вооруженное восстание даст нужное народу.., а потому мы, называя всякого тем или иным способом участвующего в деле избрании булыгинской думы предателем интересов народа и врагом его наравне с самодержавием царя, считаем необходимым в самых широких размерах распространять свою резолюцию.., чтобы в нужный момент поднять знамя восстания».

Одесса. Я был назначен организатором в Городской район в первых числах июля. Революционные июньские дни страшно расшатали всю организацию. Большая и лучшая часть товарищей была скомпрометирована, и им пришлось уехать; все конспиративные квартиры и явки провалились. Военное положение давало себя чувствовать: помпадур ген.-губ. Карангозов действовал точно во вражеском стане; массовые аресты, высылки, обыски на улицах, избиения и насилия над арестованными в участках, штрафы, расстреливание товарищей на биржах,—все это сыпалось, словно из рога изобилия, терроризировало обывателей и создавало очень угнетенную атмосферу, отражавшуюся на интенсивности работы. Наступил квартирный кризис для организации...

Рабочих на массовки приходилось прямо тащить. Связи в значительной степени потеряны, так как уезжавшие товарищи никому не могли их передать вследствие отсутствия сил. Финансы в самом отчаянном положении: товарищам профессионалам приходится голодать, выдача на содержание («программа-минимум») по 20 к. в день... Полное отсутствие какой бы то ни было литературы и листков: техника была провалена, и мы материально себя не проявляли почти в течение 10 недель в такой горячий момент! Отсутствие хороших организаторских сил и полная оторванность от руководящего центра, перемена в составе которого, а также прения, происходящие внутри его, тоже известным образом способствовали дезорганизации работы. Городской район чувствовал себя автономной организацией, без всякого давления сверху, и все возникающие вопросы приходилось решать самим. Все это, вместе взятое, не давало возможности первое время даже и думать о правильной постановке работы. К этому еще нужно прибавить, что Бунд и меньшевики сравнительно меньше пострадали от событий и, скорее нас оправившись, пользовались царящей у нас анархией и сравнительно легко вербовали наших рабочих, которых нам приходилось поддерживать лишь личным влиянием, у них же техника действовала хорошо: 2—3 листка в неделю при нашем молчании сослужили им огромную службу. Товарищи из меньшинства приходили к нашим рабочим и, констатируя отсутствие наших листков, заявляли, что большевики ликвидируют дела и передали им связи. Такими приемами им иногда удавалось перехватывать связи, да и сами рабочие вследствие постоянных прений 3-х организаций в едином районе и расхваливания себя перед другими усвоили особый взгляд при вступлении в организации: у кого больше литературы, лучше листки и ораторы, туда и переходят. Не могу обойти также молчанием своеобразное освещение организационных разногласий, которое дается меньшевиками своим рабочим; сплошь и рядом на общей бирже слышишь, как какой-нибудь совершенно несознательный рабочий, бывший раз или два у них на массовке, с жаром повторяет фразы своего почтенного учителя: «Большинство—это только интеллигенты... рабочим в организации они не дают никаких прав..; они рабочими пользуются лишь, как орудием для своих собственных политических задач... после революции они устроят второй 1848 год и будут нас расстреливать»... А сознательные (?) им чуть ли не математически доказывают, что все зло от интеллигентов. Такие речи приходится слышать очень часто, и нужно отдать справедливость местному меньшинству, оно сделало в этом отношении очень много. Нужно было потратить массу энергии, чтобы при таких условиях более или менее удовлетворительно поставить работу и дать должный отпор поползновениям меньшевиков путем действительного и фактического выяснения внутрипартийного разлада. Была прочитана членами К. целая серия рефератов для организованных рабочих о большинстве и меньшинстве, о временном правительстве, о резолюциях конференции, о профессиональных союзах, и

они теперь свободно разбираются в искровском брюзжанье и в глубокомысленных планах о Государствен. Думе с «императивным мандатом».

За вторую половину июля было 10 собраний групп, 7 летучек, 5 пропагандистских, 4 массовки (20—30—45—60) и собрание строит. рабочих в 200 чел. К концу июля внешние атрибуты военного положения: патрули, раннее закрывание ворот и т. п., уже соблюдались не так строго, биржи функционировали свободнее, прибыли кое-какие силы; тревожное настроение улеглось, и работа немного оживилась: начались правильные занятия в кружках, массовки; к этому же времени был издан первый листок после событий. Расширять же связи все еще нельзя было, приходилось ограничиться возобновлением старых и их укреплением, так как ни денег, ни достаточных сил, ни литературы не было до самого последнего времени. Некоторые цехи, раньше организованные у нас, напр., сапожники и слесаря, во время кризиса большей частью перешли к меньшевикам. Вскоре удалось завязать связи с ювелирами и расширить работу среди строительных рабочих: биржи функционировали уже недурно, на общих биржах уже бывало до 300 ч.,—при военном положении это много значит.

Манифест очень заинтересовал рабочих и широко использован для агитации. Массы сравнительно легко уловили истинную подкладку события 6-го авг. и относятся к Думе безусловно отрицательно. Вообще же агитация велась несколько кустарнически, так как вследствие отсутствия проф. агитаторов не удалось сформировать агитаторского центра, и на массовках приходилось самому выступать и самому вырабатывать темы. В начале августа велась в трактирах усиленная агитация за избиение евреев и интеллигенции, распространялась хулиганская литература Шарапова и т. п. переодетыми городовыми. Пришлось выделить специального оратора для контр-агитации. Товарищ довольно успешно справился со своей задачей, разъясняя истинные мотивы этой агитации, и нередко импровизированный патриот (переодетый городовой) уходил с позором, получив несколько «сюрпризов». Товарища во всех трактирах слушали с восторгом. Интенсивная работа ведется также среди строительных рабочих: почти ежедневно бывают большие собрания на постройках. Темы: национальная травля, антисемитизм, Гос. Дума и социалистическая пропаганда. Несмотря на то, что масса очень серая, слушают охотно, большой спрос на литературу, в особенности на крестьянскую, которой у нас, к сожалению, совершенно нет. В районе функционируют до 20 кружков. При имении квартир можно было бы сформировать даже еще 10. Общее положение дел оставляет желать все-таки лучшего, так как в мае насчитывалось до 600 чел. организованных и до 40 кружков, т.-е. ровно вдвое больше, чем теперь. Почва очень революционная, и можно много сделать. От 1-го до 25-го авг. были собрания: 6 групповых, 12 летучек, 5 пропагандистских, 4 массовки (18, 20, 23, 30). Кроме того, за это время проведены 2 забастовки. У переплетчиков бастовало 100 ч.; главные требования: 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы на 20% и несколько мелких; требования удовлетворены, кроме 8-час. рабочего дня; дан 9-час.; проведено три собрания. Недавно проведена также забастовка у ювелиров объединенной комиссией от нас и Бунда (цех организован частями в 2-х организациях). Требования: 8-час. рабочий день, увеличение заработной платы на 15 и 30%, назначение минимума ученикам, предупреждение за 2 недели о расчете; требования удовлетворены все, кроме 8-час. рабочего дня, который дан не во всех мастерских. Бастовало до 60 мастерских с 250 раб., проведено в трактирах 2 собрания (40—60), говорили наши и бундовские ораторы на общие политические темы.

ИЗ ПАРТИИ.

Резолюция Одесского Комитета по вопросу об отношении к Гос. Думе. Исходя из тех положений нашей партийной программы: 1) что «полное, последовательное и прочное осуществление» нашей программы-минимум «достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания, свободно избранного всем народом»; 2) что Р.С.-Д.Р.П. «поддерживает всякое оппозиционное и рев. движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка»; 3) что она решительно отвергает в то же время «все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами»;

принимая затем во внимание: 1) что созыв Гос. Думы, объявленный царским министром 6-го августа, есть не что иное, как попытка царского самодержавия войти в сделку с крупной буржуазией и помещиками в целях подавления революционного пролетариата и крестьянства и упрочения полицейско-чиновничьей власти; 2) что представители правого крыла буржуазии (крупная буржуазия и помещики) выразили твердое намерение производить выборы в Гос. Думу и тем самым войти в соглашение с царским самодержавием, направленное против народа и являющееся предательством народной революции; 3) что, с другой стороны, часть левого крыла буржуазии высказалась против выборов в Г. Д., решив бойкотировать ее, и тем самым выступила, как оппозиционная сила, против самодержавного режима; 4) что только демократическая республика, обеспечивающая самодержавие народа, освободит крестьянство от феодально-крепостнического гнета и даст пролетариату полную свободу борьбы за социализм; 5) что в виду этого пролетариат должен поставить себе целью не допустить созыва Г. Д., направленной против республиканских требований народа,—Одесский К-т признал необходимой следующую тактику по отношению к Г. Д.: 1. Беспощадно разоблачать правое крыло буржуазии в предательстве народной революции; 2. Самым энергичным образом поддерживать бойкот левого крыла буржуазии, превратив его в активный бойкот; 3. Сосредоточить агитационную кампанию вокруг лозунгов: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство.

Для осуществления этих задач К-т признает необходимым следующий план действий:

I. Выяснять в пропаганде и агитации (среди пролетариата, крестьянства, в войске и проч.): а) что при существовании царского самодержавия никакое действительно народное представительство, выражающее действительную волю народа, немыслимо, и что созыв учредительного собрания, свободно избранного всем народом, может быть осуществлен лишь опирающимся на победоносное вооруженное восстание временным революц. правительством, Гос. Думе, созванной царским самодержавием, необходимо в агитации противопоставить всенародное учр. собрание, созванное врем. рев. правительством; б) что буржуазия в силу своего классового положения неизбежно будет стремиться к предательству революции и неминуемо попытается, не останавливаясь ни перед чем, отнять у пролетариата его революционные завоевания; в) что для подготовки вооруженного восстания, которое свергло бы царское самодержавие и заменило его врем. рев. правительством, необходимо приступить к немедленной организации отрядов революционной армии; г) что временное революционное правительство, осуществляющее демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, должно будет провести следующую программу: 1) созыв учредительного собрания; 2) вооружение народа; 3) политическая свобода,—немедленная отмена всех законов, противоречащих ей; 4) полная культурная и политическая свобода всем угнетенным и неполноправным народностям; 5) восьмичасовой рабочий день; 6) учреждение крестьянских комитетов для поддержки и проведения всех демократических преобразований, в том числе и поземельных, вплоть до конфискации помещичьих земель; д) что ко времени выборов в Г. Д. для недопущения ее созыва, для поддержки бойкота и превращения его в активный является необходимым использование предвыборных и избирательных собраний, хотя бы путем насильственного проникновения в них, и устройство демонстраций, митингов, политических забастовок и т. д. вплоть до вооруженных стычек с силами реакции.

II. Разъяснять самым широким слоям городского пролетариата крайнюю важность немедленного обращения к крестьянству с целью выяснить ему: что Г. Д. является

самой грубой подделкой народного представительства, что крестьяне должны решительно отказаться от выборов и активно противодействовать всем попыткам насильственно созвать их в частные избирательные собрания, что в случае созыва таких собраний необходимо силой разогнать их и не допускать выборов.

III. Вести самую энергичную идейную борьбу против вредных и затемняющих классовое самосознание пролетариата планов «Искры» и ее последователей (план кавказских меньшевиков, план, выработанный Южной конференцией м-ва) и особенно подчеркивать в этой агитации, что эти планы обрекают пролетариат на роль придатка правого крыла буржуазии; что проповедь доверия обещаниям буржуазии вносит в ряды пролетариата величайший политический разврат; что упомянутые планы неизбежно приводят к забвению основных революционных лозунгов настоящего момента (вооруженное восстание, революционная армия, врем. рев. правительство) и необходимости решительной и доведенной до конца борьбы за демократическую республику; что поэтому упомянутые планы на деле усилили бы правое крыло буржуазии и тем самым ослабили бы общий революционный натиск на царское самодержавие; что, таким образом, эти планы приводят не к организации революции, а к ее дезорганизации.

IV. Устроить конференцию из представителей Одесской Группы, Одесск. К-та и Одесск. К-та Бунда для выработки единого плана действий по отношению к Г. Д.

В первоначальном виде эта резолюция не имела первых трех пунктов (ссылка на нашу программу). Ознакомившись с резолюцией Южной конференции м-ва, К-т счел необходимым внести эти пункты. В первоначальном виде резолюция обошла все районные и подрайонные к-ты. Дальше приводятся их резолюции. Из изменений, предложенных район. и подрайон. к-тами, К-т принял предложение заменить всюду в п. III слова «так-наз. м-ков» словами «Искры и ее последователей», в виду того, что не все м-ки объединились на одном плане.

Вот резолюции районных и подрайонных комитетов:

1. Дальницкий район. к-т, всесторонне обсудив резолюцию Од. К-та о Г. Д., всецело к ней присоединяется и выражает надежду, что сознательные работники отколовшейся части партии также найдут ее единственно приемлемой для партии пролетариата (принято единогласно 6 голосами, один отсутствовал).

2. Дальницкий подрайонный к-т № 1, обсудив резолюцию Одесского К. о Г. Д., вполне к ней присоединился, находя ее единственно приемлемой для партии пролетариата (принята единогласно 6 голосами).

3. Вокзальный подрайон к-т (Дальницк. район.), выслушав резолюцию Од. К. по поводу плана кампании против Г. Д., находит, что план этот является самым верным и правильным путем для завоевания росс. пролетариатом наибольшей политической свободы и принимает его для руководства (единогласно 5 чел., 2 отсутствовали).

4. Фонтанский подрайон. к-т (Дальн. район.), обсудив вопрос о Г. Д., пришел к выводу, что единственно правильная тактика пролетарской партии по отношению к Г. Д.—это активный бойкот (ед. 9 ч.).

5. Пересыпский район. к-т, в количестве 8 чел., рассмотрев резолюцию Од. К-та, единогласно принял ее, прося разъяснения по пункту 3 («революционная армия» *), внося добавление ко 2-й части резолюции по поводу крестьянства **) и поправку к III части (об отношении к меньшинству) таким образом: заменить слово «меньшинство» словами «Искра и ее сторонники».

6. Городской районный комитет принял единогласно резолюцию Од. К-та об отношении к Г. Д. (14 чел.). Внесена след. поправка: вместо слов «так-наз. м-ки» поставить слова «Искра и ее последователи». Кроме того, принята след. резолюция: «Мы, члены Гор. район. к-та, присоединившись к Од. К-ту по вопросу о Г. Д., выражаем пожелание, чтобы план этот был принят работниками всех местных партийных с.-д. организаций, как единственно верный принципам революционной с.-д.».

7. Типографский подрайон. к-т присоединился к резол. Од. К-та об отношении к Г. Д. (8 ч.). Кроме того, было решено предложить К-ту при передаче резолюции К-та представителям Группы вместо III п. след.: «Мы убеждены, что план Од. К-та есть единственно верный и последовательный, а потому будем бороться идейно против всех противоположных планов, принятых по поводу Г. Д.».

8. Строительный подрайон. к-т, рассмотрев резолюцию Од. К-та по поводу Г. Д., принял ее единогласно. Рассмотрев п. III, присоединяется к нему, прибавив при этом, что считает желательным вместо слов «так-наз. м-во» поставить слова «Искра и ее последователи» (8 ч.).

9. Портняжный подрайон. к-т. Резолюция обсуждалась только до III п. и принята единогласно (10 ч., из них 5 чл. район. ком.). К словам «вооружение народа» прибавить «и разоружение реакции», включить в программу врем. рев. пр-ва пункт об амнистии и о реорганизации бюрократического аппарата.

10. В табачном подрайон. ком. (10 ч.) резолюция принята единогласно.

11. В ювелирном подрайон. ком. (8 ч.) тоже.

Не доставлены еще резолюции коллегии пропагандистов и Дальн. подр. ком. № 2. Принятию резолюции предшествовало детальное разъяснение всех ее пунктов. Дебаты нередко продолжались довольно долго. Мы приложили все усилия к тому, чтобы резолюция везде была принята вполне сознательно, чтобы наша «анкета» не превратилась в пустую фикцию, в референдум, который происходит коротко: «Согласны ли?»—«Согласны!». Необходима борьба против фиктивных «референдумов», которые, предоставляя «права», все дело сводят к формальности голосования, а не к действительному сознательному участию в решении партийных вопросов.

(С. Гусев).

Тамбов (от ред.). Нам доставлен гектографированный вопросный лист, заполненный Тамбовской Группой или одним из ее членов,—подписи нет. Обращаем внимание членов всех организаций партии на эти вопросы (напечатанные курсивом) и просим присылать возможно более подробные и точные сведения. Само собою разумеется, что это приглашение относится не только к местным комитетам, но и к комитетам районным, подрайонным, заводским и т. п.

Название организации: Тамбовская Группа Рос. С.-Д.Р.П.

Направление (партия или «Искра»): партия.

Год основания: июнь 1904 года.

Сфера влияния: Гор. Тамбов, Козлов, село Рассказово; Козлов обслуживался до последнего времени литературой и нерегулярными наездами наших ораторов для чисто-пролетарских массовок. В Рассказово посылается литература; литература посылается в Кирсаново, Тамб. губ., в Раненбург, Ряз. губ., в г. Сердобск, Сарат. губ., и во многие деревни Тамб. губ. при случайных поездках.

Количество пролетарского населения в пределах сферы влияния: в Тамбове заводских и железнодорожных около 1.800; в селе Рассказове от 5.000 до 6.000 фабричных рабочих; в Козлове около 4.000 зав. рабочих. (Обращаем внимание ЦК на г. Козлов и соседнюю с ним станцию Кочетовка, являющиеся нервом Ряз.-Ур. ж. д.: образовавшаяся в Козлове группа очень бедна составом и не в состоянии выполнить всей ответственной работы. Партия в лице центральных учреждений должна направить туда силы).

Количество членов в руководящем организационном коллективе (К., районный центр, технические и специальные группы, подрайоны и др.): 5 человек в группе, специальных групп не имеется. Чувствуется сильный недостаток в свежих работниках. Некоторые товарищи вынуждены оста-

*) «Революционная армия» понимается нами так: вооруженное восстание, врем. рев. правительство, рев. армия, образованная врем. правительством, опирающаяся на восставший народ. Мотивировка: восставший народ свергает самодержавное правительство и выдвигает врем. рев. правительство, которое, опираясь на восставший народ, первым актом своим организует револ. армию для подавления всякой реакции и проведения полной свободы предвыборной агитации.

**) Что только дем. республика в состоянии будет лучше всего защищать их интересы.

вить город. Больное место организации—отсутствие хорошего организатора-рабочего.

Количество групп всякого рода, входящих в организацию (заводские группы, пропагандистские кружки, постоянные сходки, агитаторские собрания, организации молодежи и т. д.): 1 рабочий пропаг. кружок высшего типа, 2 рабочих кружка летучих, 1 интеллигентский кружок,—итого в настоящую минуту 4 кружка. Число кружков за последнее время сократилось из-за предстоящего призыва и из-за большого размера кружков. Летом массовки происходили еженедельно; массовки—чисто-рабочие, от 25 до 45 чел. Молодежь теперь организовалась в один объединенный союз всех средне-учебных заведений. Физиономия его беспартийная. Влияние наше здесь могло бы быть значительно, если бы группа располагала большим количеством пропагандистов. Обращаем внимание на нашу организацию самообороны, смешанную по составу (рабочие и интеллигенты); численность ее пока не превышает 30 чел.

Количество рабочих, находящихся под постоянным организованным воздействием комитета: около 100 человек, посещающих массовки.

Бюджет организации с 1-го января 1905 г. по 1-е июля: 700 р.

Количество членов, содержащихся на счет организации: постоянных нет; нерегулярную помощь товарищам в точности определить невозможно.

Технические средства организаций (типография, мимиограф, гектограф): ремингтон и мимиограф.

Количество выпущенных за полгода изданий (название, число экземпляров): листки выпускались от 3-х до 4-х раз в месяц в количестве от 400 до 500.

С какими организациями в рабочей среде приходится сталкиваться, и каковы их силы: нет.

Заявление. Ознакомившись с резолюциями III съезда, Группа «Голоса Труда» решила: признать III съезд партийным и подчиниться всем его решениям. В виду того, что ЦК, согласно постановлению III съезда, приступил к изданию в России популярного органа «Рабочий», поставившего себе те же цели, которые преследовал и «Г. Т.», мы издание последнего решили прекратить. Вместе с этим заявляем, что все мы, с техникой, отдаем себя в распоряжение ЦК. Заканчивая свое существование, как отдельная группа, мы считаем долгом отдать партии отчет в своей деятельности. За время восьмимесячного нашего существования, из которых в течение 2-х месяцев мы по независящим от нас обстоятельствам не работали, Группа издала 7 №№ «Голоса Труда» в количестве 40.000 листов и напечатала в своих типографиях 85.000 прокламаций. На все это было затрачено 2.500 рублей.

Группа «Голоса Труда».

«Рабочий» (изд. Казанского Комитета, не следует смешивать с газетой того же имени, изд. ЦК). Во вступительной статье первого номера Казанск. Ком. выясняет задачи своей газеты: «Выступление буржуазной оппозиции на арену политической деятельности, ее вмешательство в пролетарское революционное движение и стремление ее использовать в своих целях революционную борьбу пролетариата ставят перед нами неотложную задачу: разъяснение пролетариату неизменности коренного противоречия в конечных идеалах буржуазии и пролетариата при кажущихся одинаковыми ближайших задачах: «свержение самодержавия, представительное правление». Более того: является необходимость указывать на различное понимание и этих ближайших целей... Но при листковой агитации постоянно остается неиспользованной масса фактов, освещение которых само по себе очень поучительно, но не укладывается в форму прокламации. В то же время нельзя забывать и об агитации на экономической почве в виду известной ее плодотворности при местных условиях». Редакция «Рабочего» предполагает: помещать статьи по вопросам программы и тактики, популяризируя соответственные статьи из «Пролетария»; вести экономическую агитацию на основании данных, отчасти помещаемых в самой газете; давать корреспонденции и обзоры всероссийского движения. «Если буржуазия имеет сотни газет, то и мы, которые боремся с нею повсюду, должны иметь свою газету. Теперь мы с великим трудом и жертвами создаем свое «подпольное» печатное слово. Настанет время, когда речь пролетария гордо и громко зазвучит по России, как звучит она по всему просвещенному миру».

В редакцию «Пролетария» доставлены первые два номера «Рабочего», напечатанные в типографии Казанского Комитета. Вышел уже и № 3. Содержание № 1: вступительная статья, передовица («В чем заключается великая задача наших дней?»). Письмо рабочего (подпись: Слесарь). Письмо из Иваново-Вознесенска, хроника (с заводов, из казармы, из тюрьмы). Содержание № 2: передовая статья, Нижегородские события, Неудача и значение Алафузовской забастовки, До забастовки, Либерал и палка, По России (из Варшавы, Перми, волнения среди казаков), Из деревни, хроника (из казармы, с заводов), Забастовка на Алафузовском заводе. Ко всему цивилизованному миру и Ко всем державам (от матросов «Потемкина»), аресты, денежный отчет, издания Казанского Комит. Газета печатается в 1.500 экз., № 1—4 страницы, № 2—шесть страниц.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Центральным Комитетом: 1. Ко всем гражданам, 2. К рабочим и крестьянам (о Гос. Думе), 3. К рабочим и крестьянам (о заключении мира); Невским районом Петерб. К-та: Полгода прошло с тех пор..., печ.; Объединительной соц.-дем. организацией студентов Петербурга: Резолюция, принятая на сходке 13-го сентября 1905 г., печ.; Московским К-м: 1. брошюра: О социализме. Рядового, печ., 2. брошюра: Царская казна и народный карман, печ., 3. По поводу земского съезда, печ., 4. Слушайте, рабочие и солдаты, печ.; 5. Заявление группы «Голоса Труда», печ., 6. Бюллетень № 1, 7. Крестьяне и рабочие, перепеч. прокл. ЦК.; Железнодорожным С.-Д. Союзом при Моск. К-те: Резолюция рабочих г. Егорьевска; Казанским К-м: 1. Общие требования рабочих алафузовских фабрик и заводов, 2. К народным учителям, 3. Всенародное учредительное собрание, 4. Образец мирского приговора об отказе от уплаты податей, 5. О порядках на заводе Крестовниковых, 6. Граждане, холера идет..., 7. № 1 газеты «Рабочий», 8. № 2 той же газеты, 9. К приказчикам г. Казани, 10. Приложение к № 1 «Рабочий»,—все печ.; Военной группой при Казанском К-те: Требования солдат, печ.; Сибирским Союзом: 1. Подымайтесь, солдаты, 2. Царские войска переходят на сторону народа, 12.000, 3. К гражданам,—все печ.; Красноярским К-м: Отчет за июль 1905 г.; Томским К-м: К началу академического года, печ.; Читинским К-м: Царский мир, печ.; Одесским К-м: Решения К-та №№ 2, 3, 6.; Одесской Группой: Ко всем, о Гос. Думе, печ.; Киевским К-м, Группой Бунда и К-м Р. Укр. П.: К солдатам, печ.; Районным портовым центром при Либавской С.-Д. Группе: Не прошло еще месяца с тех пор.., 200 русск., 200 лат.; Профессиональным союзом сапожников при Либавской Соц.-Дем. Группе: Ко всем либавским сапожникам, 100 русск., 100 евр., 100 лат.; Либавской Группой: Отчет группы за август 1905 г.; Борисоглебской Группой: 1. К рабочим железнодорожных мастерских, 2. К рабочим и работницам ремесленных мастерских гор. Борисоглебска; Вятским К-м: Стачка земских служащих; Прикамской Группой: Товарищи! часть рабочих нашего завода уже знает, что в единении их сила... Воткинск. зав.; Ташкентской Группой: Война или мир? 800; «Донцами»: листки № 1, 2, 3, 4, печ. в типогр. «Донцов»; Бакинским К-м: Резолюция о посылке делегатов на съезд нефтепромышленников, печ. в электропечатне Бакинского Комитета 18-го сент.; Кавказским Союзом: «Борьба Пролетариата» № 2, печ. газета, 12 стр.; Самарским К-м: Новая царская милость, о Гос. Думе, брошюра 17 страниц, печ. в тип. Сам. К-та.

«Борьба Пролетариата», орган Кавказского Союза Партии, вышел 15-го июля № 2 на русском языке. В нем 12 печатных страниц. Содержание: 1. Статьи: Демо-

кратические задачи революционного пролетариата, Вооруженное восстание и наша тактика, К введению земства в Закавказье, Плоды беспринципности, Либеральные предатели и монархическое дворянство. 2. Корреспонденции: Шаропань, Чиатуры, Баку, Асхабад, Ташкент. 3. Из заграничной жизни: Италия, Германия. 4. Из Партии.

Из отчета экспедиции Р.С.-Д.Р.П. за сентябрь. Продажа литературы: 1. Экспедиция—241 ф. 80 с., 2. Группы Партии и отд. аг.: а. Лейпц. гр.—45 ф. 87 с., б. Лозанск. гр.—41 ф. 30 с., в. Митвейдск. гр.—49 ф. 10 с., г. Бернск. гр.—4 ф. 10 с., д. Женевск. гр.—50 ф., е. Венский аг.—10 ф., ж. Библ. Р.С.-Д.Р.П.—100 ф. Итого 300 ф. 37. 3. Непартийн. орг.—317 ф. 20 с. 4. Книжн. маг.—249 ф. 84 с. 5. Подписчики—62 ф. 4 с. Всего—1.171 ф. 25 с.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Фекле. № 13 получен. Паукову. Корресп. пол., спасибо. Фельду. Оба письма получены. Чудной. Получено. Неаполю. № 7 получен. Бумажкину. Письмо и корр. получены. Тонкину. Тоже. Захару. Тоже. Матвею. Все получаем аккуратно. Оле 333. Письмо со второй оказией получено, только адресов там никаких нет, письмо пропагандиста было получено своевременно; корресп., посл. с 1-й оказией, повидимому, получена, адреса нет. Константину. Письмо с оказией получено. К сожалению, вы не даете адресов для ответа, дайте адреса такие, которыми никто не пользуется, а то с этими марками с левой стороны только одна путаница выходит, писали вам несколько раз письма,—верно, до вас не дошли. Казанцам. Все посланное с оказией получено. Спасибо. Нации. №№ 6, 7, 20 и 25, в 2 экз., получены. Юзе. Письмо рабочего получено. Ждем корр. о местной работе. Дайте адрес для писем. Предыдущая корреспонденция также получена. Используем. Группу основать необходимо. Тихону. Отчет получен. Адрес для писем и явку!

Поступает на-днях в продажу Полный текст протоколов III съезда Рос. С.-Д.Р. Партии (32+404 стр.). Цена 5 фр.

Примечания:

Прим. 1. Опечатка: следует читать не 10-го, а 9-го окт.

Прим. 2. Статью редактировал тов. Ольминский.

Прим. 3. Корреспонденция тов. Неаполя помещена была в газете не вся, а несколько сокращенно, при чем сокращению подверглись полемические моменты, направленные против меньшевиков. По соображениям тактического характера,—начиналась кампания по объединению обеих фракций,—редакция их тогда не напечатала. Приводим их, как характеризующие положение партии накануне объединения.

Прим. 4. „Прошел почти год с тех пор, как меньшевики, уверовав в те откровения, которые открыл им тов. Троцкий, смело"...

Прим. 5. „Вот, например, что заявил мне один из них в первую мою беседу с ним: „Теперь, после 9 января, когда камни вопиют о вооруженной борьбе с самодержавием, меньшевики преподносят нам разговоры на тему о том, как надлежит вооружать массу жгучей... и т. д. На разговорах далеко не уедешь, этак еще десяток лет придется ждать свержения самодержавия; да и сама масса из своей среды выделит такие силы, которые не захотят ждать, а отдадут себя на дело, которое ставите вы, большевики, своей неотложной задачей; только силы эти не растрачивались бы в первое время неумело: нет опытных, наученных в боях руководителей". Вот как смотрят вчерашние меньшевики, сегодня, прослушавшие нас, вполне сознательно выдвигающие наши лозунги.

В скором времени в нашем районе, вероятно, состоится ряд дискуссий с меньшевиками и с.-р.

В заключение укажу на удивительно странную попытку (говоря мягко) СПБ группы меньшевиков. Вскоре после выхода № 106 „Искры", когда приходилось излагать им искровскую точку зрения, они не соглашались с лозунгами „Искры" по отношению к Государственной Думе; теперь же, усвоив то, что „приказал" тов. Мартынов (вот вождь—знай наших!—владеет даже магической дирижерской палочкой), выпустили листок, который следует тов. Ленину перепечатать во 2-м издании брошюры „Две тактики" на-ряду с знаменитой статьей тифлисск. соц.-дем.

Далее, сегодня их Организационная Комиссия, по официальным переговорам с нашим ЦК, высказывается против „пущания революции снизу" (объединение по рецепту т. Дана), сегодня же в Невском районе меньшевики агитируют за такое анархическое объединение, завтра на дискуссии в том же районе организатор-меньшевик на вопрос нашего организатора, с ведома ли Организационной Комиссии они так действуют, получает положительный ответ. Аллах, разбери! Жаль, что нам приходится разбираться в этой каше.

Неаполь".

LE PROLETAIRE

Prix 30 cts

ЖЕНЕВА. 24 (11) октября 1905 г.

№ 22.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Конференция социальдемократических организаций в России.

В начале сентября состоялась междупартийная конференция социал-демократических организаций России для выработки общей тактики по отношению к Государственной Думе.

На конференцию были приглашены представители центральных учреждений: Армянск. соц.-дем. орг., Всеобщего Еврейск. Рабочего Союза в Литве, Польше и России (Бунд), Латышской Соц.-Дем. Рабочей П.; Революц. Украинской Партии, Российской Соц.-Дем. Рабочей П. (ОК), Российской Соц.-Дем. Рабочей П. (ЦК) и Соц.-Дем. Польши и Литвы. Присутствовали представители всех приглашенных организаций, за исключением Арм. Соц.-Дем. Раб. организации, известившей о том, что она не успела послать делегата, получив поздно извещение о дне конференции.

Член ОК заявил, что он, случайно явившись на конференцию вместо делегата, не приехавшего во-время, не имеет полномочий от своей коллегии представлять ее на конференции, что он считает себя в праве принимать участие в ней лишь в том случае, если решения являются необязательными для организации, к которой он принадлежит, и если особое положение, которое он занимает, не будет препятствовать его участию в конференции «на правах полноправного члена». Конференция, постановив, что: 1) все резолюции, принятые простым большинством голосов (по организациям), обязательны для тех организаций, представители которых на конференции высказались за эти резолюции; 2) обнародование же принятых резолюций обязательно и для тех организаций, представители которых голосовали против них,—по поводу заявления члена ОК приняла следующее решение: окончательный подсчет голосов, поданных при решении вопросов, производится после получения ответа от ОК о ратификации голосований ее члена, при чем ответ должен быть доставлен к..... сроку. Если в означенный срок ответ не будет доставлен, то при подсчете голосов голос члена ОК рассматривать как совещательный.

Желая возможно скорее воспользоваться решениями, собрание постановило: резолюции, получившие безусловное большинство голосов, считаются руководящими для принявших их организаций до окончательного подсчета голосов и опубликования их.

По выяснении отношения организаций, участвовавших в конференции, к Гос. Думе и после продолжительных диспутов по этому вопросу принята следующая резолюция:

Резолюция о Государственной Думе.

Мы, представители центральных учреждений, Всеобщего Еврейского Раб. Союза в Литве, Польше и России (Бунда), Латышской Соц.-Дем. Раб. Партии, Польской Соц.-Дем., Революц. Украинской Партии и Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии (ЦК), обсудив на конференции вопрос об отношении к Гос. Думе, пришли к следующему заключению: созываемая царским правительством Гос. Дума есть грубая подделка народного представительства, имеющая своей целью сохранить и упрочить расшатанную революционным движением пролетариата власть самодержавия и создать в руках правительства и буржуазии орудие для укрепления политического господства над пролетариатом и крестьянской беднотой.

Иллюзией народного представительства самодержавие стремится к политическому сближению с значительной частью утомленной рабочим движением и жаждущей порядка буржуазии и, обеспечив за собой ее сочувствие и поддержку,—к подавлению, уже в союзе с ней, революционного движения пролетариата и крестьянства.

В полном соответствии с таким назначением Гос. Думы, как нового органа царского правительства, находятся все основные положения закона 6-го августа.

1. Избирательная система, основанная на высоком имущественном цензе, совершенно устраняет от участия в выборах весь пролетариат, всех женщин, более $^9/_{10}$ крестьянства, большую часть трудящейся интеллигенции и городской мелкой буржуазии, а для той части населения, которая не устранена от участия, многостепенность выборов превращает избирательное право в простую фикцию.

2. Компетенция, предоставленная Гос. Думе, превращает ее исключительно в совещательное собрание, не имеющее никакой законодательной власти, лишает ее поэтому всякого положительного значения для народа и низводит до степени простого придатка к бюрократическому механизму российского абсолютизма.

3. Отсутствие элементарнейших гражданских прав: свободы слова и печати, собраний и союзов, неприкосновенности личности и жилища, и рядом с этим все расширяющееся применение самых жестоких репрессий в форме военного положения, массовых расстрелов, организации черных сотен и разжигания национальной вражды превращают самые выборы в наглую комедию, вполне обеспечивающую правительству желательный ему состав Гос. Думы.

В виду этого конференция признала:

I. Гос. Дума по самому своему существу не способна принять никаких, сколько-нибудь удовлетворитель-

ных мер к улучшению экономического и правового положения широких масс народа, и всякие надежды в этом направлении, энергично вселяемые в народ правительством и частью буржуазии, способны лишь содействовать видам самодержавия, ослабляя революционную энергию пролетариата и крестьянства и понижая их боевое настроение.

II. Положение о Гос. Думе, подтвердив правильность нашего тактического лозунга, что только победоносное восстание народа, во главе с пролетариатом, положит конец самодержавному режиму и создаст наиболее обеспечивающую широкое развитие классовой борьбы пролетариата государственную форму—демократическую республику, еще раз выдвинуло перед российской соц.-демократией, как неотложную очередную задачу, подготовку к вооруженному народному восстанию.

А потому конференция постановила:

I. Использовать предстоящий период избирательной кампании в целях самой широкой агитации.

Устраивать митинги и проникать в возможно большем количестве на все избирательные собрания и, раскрывая на них истинный характер и цели Гос. Думы, противопоставлять ей необходимость созыва революционным путем Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Призывать все истинно-демократические элементы общества к активному бойкоту Думы, клеймя позором участвующих в избрании, как изменников делу народной свободы.

Принять на всех собраниях соответствующие резолюции об отношении к Гос. Думе и о присоединении к революционной борьбе пролетариата.

II. В целях выражения протеста против учреждения Гос. Думы и оказания давления на избирателей и выборщиков, организовать открытые массовые выступления пролетариата.

III. К самому дню конечных выборов в Гос. Думу приурочить повсеместные всеобщие политические забастовки, манифестации и демонстрации и употребить все средства к тому, чтобы выборы не состоялись, не останавливаясь в случае нужды и перед насильственным срыванием избирательных собраний.

Резолюция по поводу событий на Кавказе.

Политика натравливания одной национальности на другую за последние годы сделалась в руках правительства главнейшим орудием борьбы с революционным движением пролетариата и в недавних кавказских событиях достигла своего апогея, вылившись в кровавую резню между армянами и татарами. Выражая свое негодование к варварским действиям самодержавия, конференция высказывает уверенность, что только солидарная борьба пролетариев всех национальностей под единым знаменем социал-демократии сможет оказать надлежащий отпор национальной политике царизма; конференция высказывает бакинским и татарским товарищам и всему пролетариату Кавказа свое глубокое сочувствие, в убеждении, что они и впредь, несмотря ни на какие препятствия, будут продолжать революционную борьбу вместе с пролетариатом всей России и вместе с ним доведут ее до окончательной победы над царизмом*).

ЦК Р.С.-Д.Р.П.

Уроки московских событий.

Революционный подъем московского пролетариата, выразившийся так ярко в политической стачке и уличной борьбе, еще не улегся. Стачка продолжается. Она перекинулась частью в Петербург, где бастуют наборщики из сочувствия своим московским товарищам. Еще неизвестно, стихнет ли настоящее движение до следующей волны прибоя, или примет затяжные формы. Но некоторые, и притом крайне поучительные, результаты московских событий уже сказались, и на этих результатах стоит остановиться.

В общем и целом, движение в Москве не дошло до решительного боя революционных рабочих с силами царизма. Это были только небольшие стычки на форпостах, частью, может-быть, военная демонстрация в гражданской войне, но не одно из тех сражений, которые определяют исход войны. Из двух предположений, высказанных нами неделю назад, оправдывается как-будто первое, именно, что перед нами не начало решительного натиска, а лишь репетиция его. Но репетиция все же показала всех действующих лиц исторической драмы во весь рост, проливая, таким образом, яркий свет на вероятный—отчасти даже неизбежный—ход самой драмы.

Завязкой московских событий были происшествия чисто-академического, на первый взгляд, характера. Правительство даровало частичную «автономию», или якобы автономию, университетам. Гг. профессора получили самоуправление. Студенты получили право сходок. В общей системе самодержавно-крепостнического гнета была пробита, таким образом, маленькая брешь. И в эту брешь сейчас же устремились с неожиданной силой новые революционные потоки. Мизерная уступочка, крошечная реформа, проведенная в целях притупления политических противоречий и «примирения» разбойников с ограбляемыми, вызвала на деле громадное обострение борьбы и расширение состава ее участников. На студенческие сходки повалили рабочие. Стали получаться революционные народные митинги, на которых преобладал передовой класс в борьбе за свободу—пролетариат. Правительство вознегодовало. «Солидные» либералы, получившие профессорское самоуправление, заметались и забегали от революционных студентов к полицейскому, нагаечному правительству. Либералы воспользовались свободой, чтобы изменить свободе, чтобы удерживать студентов от расширения и обострения борьбы, чтобы проповедывать «порядок» перед лицом башибузуков и черносотенцев, господ Трепова и Рома-

*) Следуют подписи: делегаты всех партий, означенных в заголовке, за исключением ОК меньшинства. К установленному междупартийной конференцией сроку ответ от ОК меньшинства не получен. Поэтому на основании постановления конференции голос члена ОК должен быть рассматриваем, как совещательный.

нова! Либералы воспользовались самоуправлением, чтобы править дела народных палачей, чтобы закрыть университет, это чистое святилище разрешенной нагаечниками «науки», которое осквернили студенты, допустив в него «подлую чернь» для обсуждения «неразрешенных» самодержавной шайкой вопросов. Самоуправляющиеся либералы предавали народ и изменяли свободе, ибо они боялись побоища в университете. И они были примерно наказаны за свою подлую трусость. Закрыв революционный университет, они открыли уличную революцию. Жалкие педанты, они уже ликовали-было наперерыв с негодяями Глазовыми, что им удалось потушить пожар в школе. На самом деле они только разожгли пожар в громадном промышленном городе. Они запретили, эти ходульные людишки, рабочим итти к студенчеству; они только толкнули студенчество к революционным рабочим. Они оценивали все политические вопросы с точки зрения своего насквозь пропитанного вековой казенщиной курятника; они умоляли студентов пощадить этот курятник. Достаточно было первого свежего ветерка, выступления свободной и юной революционной стихии, чтобы все позабыли даже и думать о курятнике, ибо ветерок крепчал, превращаясь в бурю, направленную против основного источника всей казенщины и всего надругательства над русским народом, против царского самодержавия. И даже теперь, когда первая опасность миновала, когда шторм явно улегся, лакеи самодержавия все еще дрожат от страха при одном воспоминании о той пучине, которая разверзлась перед ними в кровавые московские дни. «Пока еще это не пожар, но уже несомненный поджог,—бормочет г. Меньшиков в лакейском «Новом Времени» (от 30-го сент.),—пока это еще не революция..., но уже пролог к революции». «Она идет,—доказывал я (г. Меньшиков) в апреле,—и с тех пор какие страшные шаги «ею» сделаны!»... «Народную стихию всколыхнуло до самых ее пучин»...

Да, в хорошие тиски попали Треповы и Романов вместе с председательствующими либеральными буржуа. Откроешь университет,—дашь трибуну для народных революционных собраний, окажешь неоценимую услугу социал-демократии. Закроешь университет,—откроешь уличную борьбу. И мечутся, скрежеща зубами, наши рыцари кнута: они снова открывают московский университет, они делают вид, что хотят позволить студентам самим охранять порядок во время уличных процессий, они смотрят сквозь пальцы на революционное самоуправление студентов, которые оформливают деление на партии с.-д., с.-р. и т. д., образуя правильное политическое представительство в студенческом «парламенте» (и которые, мы уверены, не ограничатся революционным самоуправлением, а займутся немедленно и серьезно организацией и вооружением отрядов революционной армии). А вместе с Треповым мечутся и либеральные профессора, бросаясь уговаривать—сегодня студентов, чтобы были поскромнее, завтра нагаечников, чтобы они были помягче. Метания тех и других доставляют нам величайшее удовольствие: значит хорошо дует революционный ветерок, если политические командиры и политические перебежчики подпрыгивают так высоко на верхней палубе.

Но кроме законной гордости и законного удовольствия, истинные революционеры должны почерпнуть еще из московских событий нечто большее: уяснение того, какие социальные силы и как именно действуют в русской революции, более отчетливое представление о формах действия этих сил. Представьте себе политическую последовательность московских событий, и вы увидите замечательно типичную и характерную в классовом отношении картину всей революции. Вот эта последовательность: пробивается маленькая брешь в старом порядке; правительство чинит брешь заплатой уступочек, обманчивых «реформ» и т. п.; вместо успокоения получается новое обострение и расширение борьбы; либеральная буржуазия колеблется и мечется, отговаривая революционеров от революции и полицейских—от реакции; революционный народ, с пролетариатом во главе, выходит на сцену, и открытая борьба создает новую политическую ситуацию; на отвоеванном высшем и более широком поле сражения в укреплениях врага опять пробивается новая брешь, и движение поднимается тем же путем выше и выше. «Перед нами происходит по всей линии правительственное отступление»,—справедливо замечали недавно «Моск. Ведом.». А одна либеральная газета не без остроумия добавляла: отступление с арьергардным боем. Петербургский корреспондент либеральной берлинской газеты «Vossische Zeitung» телеграфировал от 3(16) окт. о своей беседе с начальником канцелярии Трепова. «От правительства,—сказала корреспонденту полицейская крыса,—нечего ждать проведения какого-либо последовательного плана, ибо каждый день приносит такие события, которых нельзя было предусмотреть. Правительство вынуждено лавировать; силой не подавишь теперешнего движения, которое может протянуться и два месяца, и два года».

Да, тактика правительства выяснилась вполне. Это, несомненно,—лавирование и отступление с арьергардным боем. И это совершенно правильная тактика с точки зрения интересов самодержавия: было бы величайшей ошибкой, роковой иллюзией со стороны революционеров забывать, что правительство может еще очень и очень долго отступать, не теряя самого существенного. Пример неоконченной, ублюдочной полуреволюции в Германии 1848 года (пример, к которому мы еще раз вернемся в следующем номере «Пролетария» и о котором никогда не устанем напоминать) показывает, что, даже отступив до созыва Учредительного (на словах) Собрания, правительство сохранит достаточно сил для победы над революцией в последнем, решительном бою. Вот почему, изучая московские события, это последнее сражение в длинном ряде сражений нашей гражданской войны, мы должны трезво смотреть на ход вещей, должны готовиться с величайшей энергией и с величайшим упорством к долгой, отчаянной войне, должны остерегаться тех союзников, которые уже являются союзниками-перебежчиками. Когда еще ровно ничего решительного не завоевано, когда у неприятеля есть еще громадный простор для дальнейших, выгодных и безопасных, отступлений, когда идут все более серьезные сражения, тогда доверчивость к таким союзникам, попытки заключить соглашение или просто поддержать их на известных условиях могут оказаться не только глупостью, но даже изменой пролетариату.

В самом деле, случайно ли поведение либеральных профессоров перед московскими событиями и во время их? Исключение это или правило для всей к.-д. партии?

Выражает ли это поведение частичные особенности данной группы либеральной буржуазии или коренные интересы всего этого класса в общем и целом? Среди социалистов не может быть двух мнений по этим вопросам, но не все социалисты последовательно умеют проводить истинно-социалистическую тактику.

Чтобы яснее представить суть дела, возьмем изложение либеральной тактики самими либералами. На страницах русской печати они избегают говорить прямо против с.-д. и даже прямо об с.-д. Но вот интересное сообщение берлинской «Vossische Zeitung», несомненно, выражающее более откровенно взгляды либералов:

«Студенческие беспорядки возобновились и в Петербурге, и в Москве чрезвычайно бурно с самого начала учебного года, несмотря на дарованную,—правда, очень поздно,—автономию университетам и высшим учебным заведениям. В Москве они сопровождаются, кроме того, широким рабочим движением. Эти беспорядки указывают на начало новой фазы русского революционного движения. Ход студенческих собраний и резолюции их показывают, что студенчество приняло пароль с.-д. вождей: превращать университеты в места народных собраний и таким образом нести революцию в широкие слои населения. Как осуществляется этот пароль, показали уже московские студенты: они пригласили в здание университета рабочих и других лиц, не имеющих никакого отношения к университету, и притом в таком числе, что студенты сами остались в меньшинстве. Само собою разумеется, что такое явление не может долго продолжаться при существующих условиях. Правительство предпочтет закрыть университеты, чем терпеть такие собрания. Это до такой степени ясно, что на первый взгляд кажется непонятным, как могли соц.-дем. вожди дать такой пароль. Они знали прекрасно, к чему это приведет; они и стремились именно к тому, чтобы правительство закрыло университеты. И чего же ради? Да просто по той причине, что они стремятся помешать всеми возможными средствами либеральному движению. Они сознают, что они не в силах провести своими собственными силами крупного политического действия; поэтому пусть либералы и радикалы тоже не смеют ничего делать, ибо это, изволите видеть, только повредит социалистическому пролетариату. Он должен очень гордиться этой «непреклонной» («unbeugsame»—несгибаемой) тактикой, но всякому беспристрастному наблюдателю она должна казаться крайне близорукой; вряд ли она приведет русскую социал-демократию к победам. Совершенно непонятно, что она выиграет при закрытии университетов, неизбежном при продолжении такой тактики. Между тем, продолжение занятий в университетах и высших учебных заведениях в высшей степени важно для всех партий прогресса. Продолжительные забастовки студентов и профессоров принесли уже русской культуре тяжелый вред. Возобновление академических работ крайне необходимо. Автономия сделала возможным свободное отправление профессорами их учебных занятий. Поэтому профессора всех университетов и высших учебных заведений согласны между собой в том, что необходимо энергично взяться снова за учение. Они употребляют все свое внимание, чтобы побудить студентов отказаться от проведения социал-демократического пароля».

Итак, борьба между буржуазным либерализмом (к.-д.) и с.-д. обрисовалась вполне. Не мешайте либеральному движению!—вот лозунг, великолепно выраженный в цитируемой статье. А в чем состоит это либеральное движение? В попятном движении, ибо свободой университета профессора пользуются и желают пользоваться не для революционной, а для противореволюционной проповеди, не для разжигания пожара, а для тушения его, не для расширения поля борьбы, а для отвлечения от решительной борьбы на сторону мирного сотрудничества с Треповыми. «Либеральное движение» при обострении борьбы стало (мы видели это на деле) переметываньем от революционеров к реакционерам. Либералы приносят, конечно, известную пользу нам, поскольку вносят колебание в ряды Треповых и других слуг Романова, но эта польза не будет перевешиваться вредом от внесения ими колебания в наши ряды лишь тогда, если мы бесповоротно отмежуемся от к.-д. и беспощадно будем клеймить всякий нетвердый шаг их. Либералы, сознавая, или, чаще, чувствуя свое господство в современном хозяйственном строе, стремятся быть господами и в революции, называя всякое продолжение, расширение и обострение революции за пределы самого дюжинного штопанья «помехой» либеральному движению. Из боязни за судьбу разрешенной Треповым университетской, якобы, свободы они борются сегодня с свободой революционной. Из боязни за легальную «свободу собраний», которую даст завтра правительство в полицейски изуродованном виде, они будут удерживать нас от использования этих собраний в истинно-пролетарских целях. Из боязни за судьбу Г. Думы они уже проявили мудрую умеренность на сентябрьском съезде и проявляют ее теперь, воюя с идеей бойкота: не мешайте-де нам делать дело в Г. Думе!

И к стыду социал-демократии, надо признаться, нашлись в среде ее оппортунисты, которые в силу доктринерски-безжизненного извращения марксизма поддались на эту удочку! Революция—буржуазная, рассуждают они, и поэтому... поэтому надо пятиться назад, по мере успехов буржуазии в получении уступок от царизма. Если новоискровцы не видят до сих пор реального значения Г. Думы, то именно потому, что, пятясь сами, они естественно не замечают попятного движения и конст.-демократов. А что искровцы попятились уже назад со времени издания закона о Г. Думе, это факт неоспоримый. До Г. Думы они не думали выдвигать на очередь дня вопроса о соглашении с к.-д. После Г. Думы они выдвинули (Парвус, Череванин и Мартов) этот вопрос, и не в теоретической только, а в непосредственно практической форме. До Г. Думы они предъявляли довольно строгие условия к демократам (вплоть до содействия вооружению народа и т. д.). После Г. Думы они сбавили сразу условия, ограничившись обещанием превратить черносотенную или либеральную Думу в революционную. До Г. Думы они в официальной резолюции своей на вопрос о том, кто должен созвать всенародное Учредительное Собрание, отвечали: либо временное революционное правительство, либо одно из представительных учреждений. После Г. Думы они вычеркнули врем. рев. правительство и говорят: либо «демократические (в роде к.-д.?) организации народа» (?), либо... либо Гос. Дума. Мы видим, таким образом, на деле, как руководятся искров-

цы своим великолепным принципом: революция буржуазная—смотрите же, товарищи, как бы не отшатнулась буржуазия!

Московские события, показав впервые после Г. Думы, какова на деле тактика к.-д. в серьезные политические моменты, показали также, что обрисованный нами оппортунистический хвост социал-демократии неизбежно превращается в простого прихвостня буржуазии. Мы сказали сейчас: черносотенная или либеральная Г. Дума. Искровцу показались бы чудовищными эти слова, ибо он считает весьма важным различие между черносотенной и либеральной Г. Думой. Но именно московские события и разоблачили фальшь этой «парламентарной» идеи, не к месту выдвинутой в допарламентскую эпоху. Именно московские события и показали, что либеральный перебежчик фактически сыграл треповскую роль. Закрытие университета, которое вчера декретировал бы Трепов, сегодня провели г. Мануилов и Трубецкой. Не ясно ли, что и «думские» либералы также будут метаться между Треповым и Романовым, с одной стороны, и революционным народом—с другой? Не ясно ли, что хотя бы самомалейшая поддержка либеральных перебежчиков есть дело, достойное одних политических простофиль?

Поддерживать в парламентской системе более либеральную партию против менее либеральной зачастую необходимо. Поддерживать в революционной борьбе за парламентский строй либералов-перебежчиков, «соглашающих» Трепова с революцией, есть измена.

События в Москве на деле показали ту группировку социальных сил, о которой столько раз говорил уже «Пролетарий»: социалистический пролетариат и передовой отряд революционной буржуазной демократии вел борьбу. Либерально-монархическая буржуазия вела переговоры. Учитесь же, товарищи рабочие, учитесь внимательнее уроками московских событий! Именно так, непременно так будут итти дела и во всей русской революции. Мы должны крепче сплачиваться в действительно социалистическую партию, сознательно выражающую интересы рабочего класса, а не стихийно плетущуюся за массой. Мы должны расчитывать в борьбе только на революционную демократию, только с ней одной допускать соглашение, только на поле битвы против Треповых и Романова осуществлять эти соглашения. Мы должны стремиться всеми силами к тому, чтобы, кроме передового отряда революционной демократии—студенчества, поднять широкую народную массу, движение которой является не только демократическим вообще (нынче всякий перебежчик зовет себя демократом), но действительно революционным движением, именно крестьянскую массу. Мы должны помнить, что либералы и к.-д., внося колебание в ряды самодержавщиков, неизбежно каждым своим шагом будут стремиться вносить колебание и в наши ряды. Серьезное значение, решающее значение получит только открытая революционная борьба, отбрасывающая в кучу хлама все либеральные курятники и все либеральные думы. Готовьтесь же, не теряя ни минуты, к новым и новым битвам! Вооружайтесь, кто чем может, составляйте немедленно отряды борцов, готовых с беззаветной энергией сражаться против проклятого самодержавия, помните, что завтра или послезавтра события во всяком случае и неизбежно вызовут вас на восстание, и речь идет только о том, сумеете ли вы выступить готовыми и объединенными или растерянными и разрозненными!

Московские события еще раз и в сотый раз опровергли маловеров. Они показали, что мы все еще склонны недооценивать революционную активность масс. Они переубедят многих из тех, кто начинал уже колебаться, кто изверивался в восстание после заключения мира и пожалования Думы. Нет, восстание растет и крепнет с невиданной быстротой именно теперь. Пусть же застанет всех нас на посту грядущий взрыв, по сравнению с которым игрушкой покажутся девятое января и достопамятные одесские дни!

(Н. Ленин).

Польская социал-демократия о Гос. Думе.

(Из статьи «Конституция кнута»,—«Czerwony Sztandar», № 28 [1]).

Совершенно ошибочны планы некоторых русских товарищей, предлагающих, чтобы рабочие участвовали в избирательном фарсе, который будет организован самодержавием; чтобы они приняли участие в выборах (хотя царская «Конституция» не дает им для этого ни права, ни возможности), силой создавая для себя всеобщее избирательное право и вместе с тем влияя на то, чтобы в Государственную Думу были избраны наиболее яркие сторонники революции и низвержения царизма.

Такая тактика, поскольку действительно она могла бы найти себе применение, вызвала бы только величайшую путаницу понятий в малосознательных слоях трудящегося населения. Производство народом всеобщих выборов на основе несуществующего избирательного права в несуществующий парламент—это невыполнимая химера. Широкая масса населения никогда бы не приняла участия в таких фиктивных выборах. Все дело—в завоевании силой действительных политических прав, а не в попытках осуществления прав фиктивных. Своим же участием в выборах в булыгинскую думу, хотя бы в форме повсеместной поддержки известных радикальных кандидатов в думу, рабочие только придали бы этой проделке деспотизма политическое и моральное значение, вызвали бы в массе населения несбыточные надежды и ожидания, т.-е. попросту доставляли бы воду на мельницу царского правительства. Напротив того, задачей социал-демократии в России и Польше может быть единственно полнейшее уничтожение всякого значения и выборов, и самой Думы, избираемой горстью дармоедов из буржуазии и дворянства.

Неустанная критика этого «конституционного» уродца, выяснение наиболее широким массам разницы между конституционным маскарадом царизма и настоящей политической свободой является первым средством борьбы. Но этого мало. Уже русская демократическая интеллигенция—адвокаты, врачи, инженеры и т. д., объединенная в так-наз. Союз Союзов, провозгласила по отношению к царской конституции «бойкот», т.-е. лозунг, что

каждый честный сторонник политической свободы в России совершенно не должен принимать участия в выборах, хотя бы даже он принадлежал случайно к той привилегированной горсточке, которая наделена избирательными правами. Всякий, кто своим участием в назначенных царскими чиновниками выборах будет способствовать осуществлению планов самодержавия, будет предателем всеобщего, равного, прямого права голосования и дела подлинной свободы в русском государстве.

Такой лозунг провозгласила русская передовая интеллигенция. Но борющийся пролетариат не может этим удовлетвориться; и в данном случае, как всегда, пролетариат в своей политике должен итти дальше, чем идут демократические элементы буржуазии. «Бойкот», т.-е. воздержание от выборов, не может быть лозунгом для рабочих, так как рабочие вместе с массой мелкой буржуазии и безземельного крестьянства и без того лишены избирательного права. Но сознательный пролетариат не может спокойно наблюдать, как перед его глазами будет разыгрываться комедия выборов, а затем комедия работ в Думе царских холопов из дворянства и буржуазии. Рабочие должны какой угодно ценой помешать осуществлению этой комедии.

В то время как прогрессивная интеллигенция старается свойственным ей манером удержать буржуазию и дворянство от участия в этой «конституции»,—апеллируя к их совести, предостерегая их от измены народу и свободе,—революционный пролетариат обязан помешать этой измене на пути открытой массовой борьбы. Каждое избирательное собрание, устраиваемое под опекой и руководством царской полиции и чиновников, должно превратиться в арену, куда рабочая масса, отстраненная законом, пробивается штурмом, чтобы провозгласить свои лозунги: прочь с комедией конституции без народных избирателей! Прочь с комедией конституции кнута! Да здравствует всеобщее, равное, прямое, тайное право голосования и демократическая республика! Каждое помещение, где происходят выборы, следует рассматривать, как позицию самодержавия, которую окружает рабочая масса с целью не допустить привилегированных избирателей к совершению дела измены народу. Разгонять всюду избирательные собрания, мешать выборам, сделать невозможными работы самой Думы, на каждом шагу препятствовать тем мерам, какие будут приниматься правительством и буржуазией для осуществления сообща конституционной комедии,—вот единственная тактика, отвечающая интересам революционного рабочего класса.

Ясно, что порожденная кнутом конституция будет охраняться жандармами, полицией и войском. На-страже царской милостью избирателей, на-страже «думы» царских столпов будут бодрствовать пули и нагайки, а всякие попытки помешать конституционному фарсу приведут к непрестанным столкновениям между слугами правительства и революционным рабочим классом. Но именно в силу этого и будет достигнута задача социал-демократии. Если вся эта «конституция» с самого начала будет принуждена вступать в жизнь под охраной нагаек, если выборы будут происходить под аккомпанимент гула ружейных выстрелов, если «депутаты» будут принуждены прокрадываться в Думу, как злодеи, под охраной казацких патрулей,—в таком случае в этой конституции увидят то, чем она является на самом деле,—увидят жалкую маску абсолютизма, увидят тот же ненавистный абсолютизм: комедия будет превращена в ничто, иллюзии будут развеяны, обман народа станет невозможным. И если, таким образом, конституция вызовет ряд массовых столкновений народа с правительством, тогда над жалким обманом самодержавия фактически будет торжествовать революция, потому что как-раз то самое дипломатическое средство, которым деспотизм хочет воспользоваться, чтобы потушить революционный пожар и начать эру мира и нормальной жизни,—как-раз это средство будет обращено в исходную точку нового ряда революционных взрывов. Вместо того, чтобы потушить, «конституция» с новой силой раздует пожар рабочей революции, даст ему новую пищу, подвинет вперед процесс разложения и хаоса в среде царствующей анархии, а в среде пролетариата увеличит объединение, революционную энергию и политическую сознательность.

Не позволить путем массовой революционной борьбы осуществиться конституционной комедии царя и обратить ее в новый этап революции,—вот, говоря вкратце, тактика борьбы сознательного пролетариата перед лицом тактики обманов царского правительства.

(Перевел с польск. И. Теодорович).

Неверный шаг.

В последних числах сентября в Петербурге открылся съезд нефтепромышленников для обсуждения вопроса о положении нефтяного дела, созданного известной резней 20—26 августа в г. Баку. Еще до открытия съезда среди некоторой части бакинских рабочих возникла мысль о необходимости послать на этот съезд своих делегатов для защиты интересов бакинского пролетариата.

Как видно из резолюции Бакинского Комитета Р. С.-Д. Р. П., напечатанной в этом № «Пролетария» (см. отдел «Из рабочего движения»), наши бакинские товарищи, исходя из весьма основательных соображений, энергично протестовали против посылки делегатов на этот съезд. Напротив того, меньшевистский «Союз бакинских рабочих» вел усиленную агитацию в пользу посылки и издал листок под заглавием: «Чего должны добиваться наши депутаты?». К сожалению, у нас нет этого в высшей степени поучительного листка, а потому в дальнейшем мы будем пользоваться теми выдержками из него, какие приведены в статье «Программа бакинских рабочих», напечатанной в № 15 «Социал-Демократа».

Союз бакинских рабочих, выпуская свой листок с требованиями «сознательного бакинского пролетариата», брал на себя очень тяжелую ответственность. Как организация, считающая себя социал-демократической, бакинский Союз обязан был бы выступить с такими требованиями, которые не могли бы создать невероятной путаницы в сознании рабочих масс. Союз обязан был бы вести свою агитацию в духе развития и укрепле-

ния в рядах пролетариата социалистического сознания и с этой целью придать своей программе ясный социал-демократический, а не освобожденский характер.

Но что же делает Союз?

Выставив 16 пунктов с требованиями правового и экономического характера, к рассмотрению которых мы еще вернемся, Союз настаивает на том, чтобы депутаты на нефтяном съезде защищали «наши основные требования, без которых не будет обеспечена ни наша жизнь, ни кусок хлеба». К сожалению, выдержка «Социал-Демократа» на этом кончается, и мы не знаем, определял ли Союз, в чем заключаются «наши основные требования», или ограничился этой глухой фразой. Если произошло последнее, так это более чем скверно. Для социал-демократической организации центр тяжести лежит не в формулировке тех или иных местных требований, а именно в точном и ясном определении наших «основных» задач. Впрочем, мы должны заметить, что статья «Социал-Демократа», по которой мы цитируем листок, перечисляет, как бы от лица Союза, но без прямой выдержки, эти основные требования: всеобщее бесплатное обучение, 8-часовой рабочий день, неприкосновенность личности и жилища, свобода союзов, стачек, печати, собраний, созыв всенародного Учредительного Собрания. Так вот каковы «наши основные требования»! Но, помилуйте, под этими требованиями подпишутся многочисленные слои демократической и даже либеральной буржуазии! Целый ряд буржуазных организаций выставил как-раз такие требования, и Союз бакинских рабочих просто переписал их в свою «программу», приглашая бакинский пролетариат плестись в хвосте либеральной буржуазии. Это факт, от которого ничем нельзя «отговориться». III съезд приглашал товарищей «пользоваться каждым случаем открытого выступления (рабочих масс) для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата, для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную социал-демократическую силу». Союз бакинских рабочих даже не задался подобной целью. Не упоминая ни единым словом о социализме, о самостоятельных классовых задачах пролетариата, о необходимости для него сплотиться вокруг социал-демократической партии, Союз мутит воду, в которой не преминет ловить рыбу демократическая буржуазия, прибирающая к своим рукам малосознательные элементы рабочей массы. Это—основной, и крайне опасный, недостаток выставленный Союзом программы, носящей в целом несомненный освобожденский характер.

Теперь перейдем к некоторым из 16 пунктов, о которых мы упомянули выше. В § 1 Союз требует «устранения татарской полиции», а в § 14—«выселения головорезов-татар из ближайших к промыслам татарских селений». Трудно себе представить, какую путаницу должны были внести в умы бакинских рабочих эти два параграфа, выставленные «социал-демократической» организацией. Требовать устранения татарской полиции, а не поднимать вопроса об удалении полиции вообще, из какой бы национальности ни вербовались ее агенты,—это значит внушать рабочим массам мысль, что в данном случае вся беда в полицейских-татарах, а не в черносотенном настроении полиции вообще. Требовать выселения татар, значит санкционировать администрат. высылку и черту оседлости. Для «соц.-демократической» организации эти два параграфа—верх неприличия и недомыслия. Любопытно отметить, что ЦК Арм. Рев. Фед. (дрошакистов) в листке «Наши требования» оказался вполне солидарным по § 14 с меньшевистской организацией, именно, в § 12 своего листка он также требует выселения татар, но добавляет—чего не делает Союз—о необходимости «возмещения им всех убытков». Что касается § 1, то и здесь ЦК дрошакистов, соглашаясь с Союзом, оказался большим «джентльменом», требуя также удаления и полицейских-армян. § 6 меньшевистского листка требует «уплаты трехмесячного содержания всем рабочим, которым будет заявлен расчет той или другой фирмой», а ЦК дрошакистов заявляет: «фирмы не должны расчитывать рабочих». Приходится констатировать грустный факт, что дрошакисты выставили разумное и целесообразное требование, а «социал-демократическая» организация этого не сделала.

Крайне важно отметить то обстоятельство, что «Социал-Демократ», остановившись на листке Союза бакинских рабочих, не подвергнул критике общего духа его явно освобожденской программы. Сделав лишь одно замечание, а именно—слишком мягко назвав § 1 и § 14 «неудачными» (с такой квалификацией охотно согласились бы и гг. освобожденцы), автор статьи патетически заключает: «Если избранные рабочими делегаты громко заявят перед съездом нефтепромышленников и перед всей Россией эти требования, они с честью выполнят свое назначение». Газета, на заголовке которой значится: «Российская С.-Д. Рабочая Партия», рукоплещет программе, составленной под явным, хотя, может-быть, и несознаваемым, влиянием либерально-буржуазных общественных групп!

Дурно поведенная Союзом бакинских рабочих агитация не замедлила дать свои плоды. В самом конце сентября в Петербург явились депутаты и, представившись министру финансов, известному радетелю рабочих интересов, подали ему докладную записку. Эта записка напечатана в № 188 «Рассвета». Она распадается на две части: в первой ее половине дается нечто в роде теоретического обоснования предъявляемых требований, а вторая перечисляет эти требования. «Ни одна самая сильная власть любого правительства,—говорит записка,—не может ни принудить капиталиста повысить хотя бы на 5% заработную плату или на один час уменьшить продолжительность рабочего дня, ни заставить рабочего работать на невыгодных для него условиях, это—неоспоримая, очевидная истина. И, таким образом, взаимные отношения нанимателя и рабочего неизбежно предоставляются соглашениям обеих сторон, и дело закона только закреплять те или иные условия их взаимного соглашения. И вот здесь-то именно перед рабочим и поставлена существующим законодательством та преграда, которая вынуждает рабочего именно во имя экономического улучшения своей жизни добиваться широких политических прав». «Дальнейшая борьба в этом направлении (т.-е. как она велась до сих пор. С. П.) грозит полнейшей анархией, разбоем и даже гибелью самой промышленности». «Мы должны... признать... железную необходимость урегулирования рабочего движения, введения его в русло право-

мерных явлений общественной жизни». Перед нами с очевидностью выступает из этих цитат не социал-демократическая, а типично тред-юньонистская точка зрения с либерально-манчестерским привкусом. Чего хотят авторы записки? «Политических прав», как опоры для дальнейшей узко-экономической борьбы. По их мнению, любое правительство не в состоянии улучшить условий продажи рабочей силы: все решается «соглашениями» обеих сторон, рабочего и нанимателя. Существующее законодательство только тем и нехорошо, что не дает рабочим возможности организоваться в широкие профессиональные союзы. Вместо классовой борьбы толкуют о каких-то соглашениях, вместо требования демократической республики говорят о «политических правах»; вместо указаний на необходимость таких условий, при которых могла бы сложиться могучая социал-демократическая партия, просят «урегулировать рабочее движение»!

Таково предисловие записки.

Что касается самих требований, то сходство их с требованиями «Союза бакинских рабочих» очень большое. Из 16 §§ листка: «Чего должны добиваться наши депутаты?» десять—целиком значатся в легальной записке в несколько измененной редакции и в иной последовательности. Но некоторые параграфы являются буквальной перепечаткой. Изменения, пропуски, вставки,—кроме двух §§, о которых скажем ниже,—малозначительны. В общем и целом докладная записка повторяет листок Союза. Этот факт дает полное право заключить, что бакинские рабочие, пославшие делегатов с их докладной запиской на съезд, действовали под несомненным руководством меньшевистской организации. И вот руководимые Союзом бакинские рабочие дали всероссийскому пролетариату любопытную иллюстрацию того, как не следует поступать представителям революционного рабочего класса.

Мы уже ознакомились с «теоретической» частью их записки. Теперь обратимся к их требованиям. Начать с того, что § о выселении головорезов-татар остался во всей своей красе. О неприкосновенности личности и жилища, о свободе печати нет ни слова. Вместо рекомендованного Союзом требования всенародного Учредительного Собрания мы имеем крайне странный, чтобы не сказать более, § 5, гласящий следующее: «Участие рабочих представителей в общегосударственных законодательных учреждениях наравне с населением всей Российской империи». Что это значит? Неужели бакинские пролетарии, руководимые Союзом, требуют «представительства интересов»? Недавно польские промышленники заявили ходатайство о допущении в Гос. Думу представителей 8 промышленных губерний. Повидимому, бакинские рабочие, руководимые Союзом, стоят на точке зрения польских капиталистов, протестуя, быть-может, лишь против слишком скромной цифры. Далее, о каких «общегосударственных законодательных учреждениях» идет речь? О Гос. Совете? Или здесь разумеется законосовещательная Дума? Неужели словом «наравне» можно покрыть понятие всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права? Столько же недоумений вызывает и § 4 докладной записки: «Участие представителей рабочих в бакинском городском самоуправлении на правах, одинаковых со всем населением г. Баку и его районов». О каких правах идет речь? О правах, даруемых населению действующим городовым положением? Это более чем странное пожелание.

Радикально-буржуазная программа, легшая в основание листка «Союза бакинских рабочих», сделала свое дело. Она спутала понятия в умах рабочей массы. Она свела ее с твердой почвы социал-демократической программы и не удержала даже на высоте хотя бы чистой демократической точки зрения. Докладная записка бакинских делегатов—живое тому доказательство.

И скорее, чем мы ожидали, оправдалось утверждение т. Ленина, сделанное им в «Двух тактиках»: «Кто принижает пролетарские задачи в демократической буржуазной революции, тот превращает социал-демократа из вождя народной революции в вожака свободного рабочего союза». (Стр. 84).

Бакинские делегаты—это будущие вожаки будущих свободных рабочих союзов. Они не социал-демократы. Вот почему, говоря словами нашего Бакинского Комитета, они «никоим образом не могут считаться представителями интересов всего бакинского пролетариата».

С. Панов. (И. Теодорович).

На пороге решительных событий.

С учреждением Государственной Думы, а особенно с разрешением «прогрессивной» части нашего общества принять участие в выборах, открывается новая фаза в развитии революции. Эта новая фаза характеризуется, с одной стороны, тенденцией к переходу царского правительства на путь постепенных уступок, с другой стороны, переходом нашей либеральной буржуазии к осуществлению «теории соглашения» с самодержавием против революционного народа. Для социал-демократии в этом нет ничего неожиданного. Она никогда не обманывалась насчет истинного, конкретного содержания «реальной политики» буржуазных дельцов. Социал-демократическая борьба пролетариата, начавшаяся у нас в России еще в пределах самодержавно-крепостнического государства, с самого начала гнала наших обладателей средств производства на путь «реальной политики», заставляла их тонко анализировать для себя смысл и последствия совершающегося выступления на арену общественной жизни нового класса—пролетариата, «трезво» выделять при общей оценке абсолютизма его положительные элементы по отношению к своим классовым интересам и элементы отрицательного свойства. Поэтому теплая нежность к конституционной монархии лежит в глубокожизненных, насущнейших интересах нашей буржуазии, и неудивительно, что заунывные, дрожащие нотки с самого начала резко пробивались в той восторженной кантате, которая пелась свободе, «правовому порядку» нашей либеральной «демократией», когда пролетариат своими плебейскими ударами начал поражать самодержавно-крепостническое государство и проявил недвусмысленные признаки своей готовности принять деятельнейшее, а главное, самостоятельное участие в той «переоценке ценностей», которая началась в России, и имя которой—«демократическая революция».

Можно сказать даже, и это не будет парадоксом, что эти заунывные нотки во всех «песнях торжествующей любви» наших гг. помещиков и капиталистов росли прямо пропорционально росту торжествующих, жизнерадостных песен российского пролетариата, начинающего борьбу за социализм со всем буржуазным обществом и подчиняющего этой великой цели свою борьбу за демократический переворот.

В этом нет ничего удивительного. Это—факт. Это—диалектическое противоречие самой жизни. На это недостаточно и даже нечего негодовать. Сознательным представителям рабочего класса необходимо обратить на это самое серьезное внимание при определении той тактической линии, которой должен придерживаться пролетариат в своей борьбе за демократизацию русских государственных порядков. (Многие этого еще не понимают: вспомните пресловутые «революционные обязательства», о которых так много и так красноречиво говорят либералам и пролетариату наши резонеры «новоискровцы»!). И, может-быть, никогда опасность так не угрожала этой решительной борьбе рабочего класса, как теперь. В настоящее время уже обнаруживаются знаменательные признаки того, что две социальные силы: крупная буржуазия, с одной стороны, и самодержавие, с другой, намереваются в самом недалеком будущем образовать контр-революционный союз. Крупная буржуазия нуждается еще в самых незначительных уступках со стороны царского правительства, чтобы окончательно почить на лаврах и, закончив свою историческую миссию, с триумфом воплотить в жизни «собственный» политический идеал «правового государства». Посмотрите, например, как она оценивает устами «либеральной» газеты «Русь» царский указ об учреждении Государственной Думы: «Для русских (читай: для крупной буржуазии!) акт 6-го августа важен потому, что раньше у нас были только политические преступники, теперь в недалеком будущем будут политические деятели... Хоть часть русских граждан получила возможность, не совершая государственного преступления, вкладывать свои силы, знания, энергию, в дело направления государственно-правовой жизни, раскрылась возможность получения страной благ (вот как даже!), без которых «так дальше жить нельзя». «Так дальше жить нельзя»—гибель грозит «государству», а главное, собственности буржуазных тузов. И что замечательно, так это то, что царизм как будто бы начинает итти навстречу буржуазным соглашателям. Начинает проскальзывать одна черточка, один еле-еле заметный штрих: царизм, оставляя, как и прежде, неприступными свои форты, направленные против революционного народа, осторожно, робко озираясь, начинает любезно кивать в сторону денежного мешка.

«Мы сохраняем всецело за собой заботу о дальнейшем усовершенствовании Государственной Думы, и когда жизнь сама укажет необходимость тех изменений в ее учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному, не преминем дать по сему предмету соответственные в свое время указания» (манифест 6-го августа). Либеральная печать громко подхватила в свое время это заявление царизма, и уж, конечно, немало буржуазных сердец загорелось лучезарной надеждой. «Я уверен, что наш голос не будет совещательным, а решающим»,—говорил Родичев на последнем земском съезде и этим, между прочим, мотивировал свой отказ от бойкота Гос. Думы. Нашим буржуа во что бы то ни стало хочется быть «выразителями воли народа». Родичев вещал на том же съезде: «Не классовые интересы руководят общественными движениями; их корни глубже, они в тайниках сердца, а не на дне кармана». Сделка с крупной буржуазией подсказывается постольку, поскольку феодальный характер царизма уже не мирится с требованиями развивающегося капиталистического общества. В последнее время в легальной печати все чаще и чаще появляются известия, указывающие на эту эволюцию самодержавия. «Из вполне авторитетного источника,—пишут, например, в одной из крупных столичных газет,—нам сообщают, что серьезность внутреннего положения страны с каждым днем все более и более сознается в высших сферах; в настоящее время серьезно обсуждается вопрос о предоставлении первой Думе чрезвычайных учредительных полномочий (подумайте, какие порядки может учредить в российском государстве эта «черносотенная Дума»!) в создании нового порядка жизни». По другим известиям, «решено не выжидать срока, указанного в манифесте, и открыть заседание Думы не позже первых чисел декабря. Созыв Государственной Думы, расчитывают правительственные сферы, положит конец создавшейся неурядице и внесет большую определенность в отношения между гражданами и властью». Самодержавие приглядывается, ориентируется в обстановке хаоса, созданного революцией... Характерно, что «Новое Время», этот неофициальный проводник взглядов царского правительства, берет иногда под свою защиту либеральных шаркунов его величества. «Боялись, что только разрешите парламент, и туда тотчас же «набьются жиды»,—пишет оно о последнем земском съезде,—но вот уже третий, хотя и кустарный, парламент, однако, незаметно ни преобладания инородных элементов, ни взрывчатых речей, ни призывов к бунту. Титулованные и ученые ораторы, напротив, стараются подчеркнуть, что они вовсе не «крамольники», что действуют вполне лойяльно и намерены действовать так... Силу московских съездов составляет их умеренность... Важная неожиданность съезда—провал радикальной программы. Надо, в самом деле, что-нибудь оставить (слушайте!) для будущего, оно кончается не завтрашним днем». «Новое Время» замечательно тонко (некоторым публицистам у него не мешало бы в этом поучиться) оценивает и политический момент, созданный последним шагом крупной буржуазии, решившей итти в Государственную Думу. «Как бы предчувствуя опасность в новом воскресшем организме,—пишет оно,—крайние партии, ретрограды и радикалы, пробуют сорвать парламент. Радикалы объявили бойкот Гос. Думе. Московский съезд с большим достоинством отверг эту нелепую затею. Подавляющее большинство земских деятелей, видимо, не сочувствует смуте ради смуты». Таково политическое положение. Россия, повидимому, накануне самых важных событий. Остановится ли в тяжелом раздумье русская революция на полдороге, на жалких ничтожных паллиативах, или же вспыхнет с всесокрушающей силой урагана и снесет до основания своей карающей десницей ненавистное иго самодержавно-крепост-

нических порядков? Силы революционного народа скоро подвергнутся серьезному испытанию. От сознательности, организованности, решительности социал-демократов зависит очень и очень многое.

Н. Пан—к.

Всеобщая забастовка в Костроме.

(3—26 июля).

Кострома исстари была одним из прочных кирпичей в троне Романовых. Костромской обыватель из мелких лавочников с гордостью объясняет какому-нибудь проезжему: «Наша Кострома двух царей спасла; если б третьего спасла, то столицей бы была».

И спала бы сном праведника любезная сердцу монарха Кострома, Иваны Сусанины под флагом черной сотни сокрушали бы ребра крамольникам во славу рода Романовых, а Николай посылал бы своей верноподданной Костроме царское спасибо, если бы крупный капитал не создал в Костроме фабрики и машины, если бы не было в Костроме «беспокойного» элемента—пролетариата. Интересы пролетариата несовместимы с азиатским самодержавием. При современном строе рабочий класс всегда будет беспокойным; при строе, основанном на эксплоатации капиталом труда, этот класс всегда будет обездолен; условия жизни всегда будут вызывать недовольство его, а все большее и большее скопление рабочих под одной кровлей в крупных центрах и рост сознательности будут революционизировать пролетариат, сплачивать его в одну боевую армию. Пролетариат до тех пор будет революционным, до тех пор жизнь будет толкать его на беспощадную борьбу, пока он не сбросит с себя всех цепей политических и экономических, пока не завоюет он себе мир социализма—свободы, равенства и братства.

Революционная природа пролетариата сказалась и в Костроме, несмотря на все благоприятные для самодержавия и буржуазии условия, несмотря на все их усилия усыпить льва. Рабочих в Костроме не больше 15 тыс. Большинство рабочих—полукрестьяне, еще не оторвавшиеся совсем от земли. Иногородних мало, все больше «ближняки»: рабочие малоподвижны, нигде, кроме Костромы да своей деревни, не бывали, живут на фабрике по 20—30 лет. Фабрика Кашиных—самая крупная (6 т., льняная мануфактура). До этого года на ней никогда не бывало забастовок. Мелкими уступками, наградами, благотворительностью хозяин развращал рабочих. «Черпал с рабочих бочками, а отдавал ложками». Поэтому-то Кашинская фабрика—самая отсталая фабрика: это—«костромской Порт-Артур», как прозвали ее сознательные товарищи рабочие. Там до последнего времени был оплот черной сотни. Но жизнь взяла свое. Старый хозяин умер, условия жизни под влиянием войны ухудшались, незначительный заработок скорее понижался, чем повышался. Молодежь воспитывалась совсем в других понятиях, чем старики. Рабочие стали более чутки к обидам и угнетению. События русской жизни пробуждали политическое сознание в самых отсталых слоях рабочих. Иваново-вознесенская забастовка раскачала, наконец, и «костромской Порт-Артур». Первая забастовка у Кашина кончилась скоро и неудачно. Но она всколыхнула всю фабрику. 2-го июля Кашинская фабрика поднялась снова. Организованная директором фабрики Кудрявцевым черная сотня с ножами бросилась на молодежь, останавливавшую машины. Несколько человек было порезано, но забастовка не остановилась и перекинулась вскоре на соседние фабрики, Зотова и Михина (3 тыс. и 1½ тыс.). В городе забастовали ремесленники, мельница и табачная фабрика Чумакова.

Много хлопот стоила Кашинская фабрика руководителям забастовки. Когда на первом общем собрании забастовавших рабочих некоторые товарищи стали раздавать бюллетени местного Комитета (в них не было ни слова политики), то вся масса кашинских рабочих под предводительством черной сотни демонстративно удалилась. «Не надо нам политиканов, они красный флаг сейчас вывесят!»—кричала черная сотня. Громадных усилий стоило вызволить кашинских рабочих из двора своей фабрики, где они начали собираться под руководством черной сотни. Нужно сказать, что в прошлую забастовку человек 50 кашинских рабочих погнались за оратором с кольями и хотели убить «скубента», и убили бы, если бы не выручили сознательные товарищи. Можно себе представить, каково было положение ораторов-социал-демократов при таких условиях. Главной задачей на первое время они поставили сплотить эту разрозненную массу, заставить почувствовать свои общие классовые интересы. Больших усилий стоило выработать общие требования для всех забастовавших, убедить кашинских рабочих в необходимости выставления 8-часового рабочего дня и женских требований (относительно рожениц); прошло несколько дней, пока, наконец, они привыкли к оратору, пока недоверие к нему стало исчезать. Малейшее слово «политики» вызывало движение в толпе. Когда, наконец, масса втянулась в борьбу, объединилась в нечто целое, привыкла к общим собраниям, когда администрация, совершенно не вмешивавшаяся в первые дни забастовки, стала проявлять свои заботы о «порядке», характер речей ораторов изменился, толпа стала слушать политические речи. Кроме ежедневных общих стачечных собраний на р. Костромке, собиравших тысяч до 5, ежедневно по вечерам устраивались социал-демократические массовки (за клейным заводом, в версте от города). На них собиралось до 500 и больше человек. В разное время на них перебывало народу не менее тысяч 1½—2 (всего было 20 массовок). Кроме 2-х ораторов от Комитета, выступали 2—3 местных рабочих. Были выбраны по цехам депутаты. Депутатское собрание состояло из 108 человек, собиралось оно ежедневно перед массовым собранием. Депутатское собрание выделило финансовую комиссию, которая заседала в старой закоптелой сторожке и здесь выдавала нуждающимся чеки в общество потребителей. Из массы выделились волонтеры—милиция, которая дежурила по ночам. У этой рабочей милиции было несколько раз столкновение с полицией. Раз милиция накрыла нескольких полицейских, которые совместно с подмастерьями и несколькими рабочими выстилали полотно на бельник, «зашибали копейку». И вся эта милая компания обратилась в позорное бегство. Другой раз милиция стояла утром на мосту у р. Костромки и останавливала «зареченских», уговаривала не ходить работать.

Пристав с грозным видом приказал милиции уда-

литься, та отказалась. «Я приказываю вам удалиться!»— кричал пристав,— мы—полиция!»—«Мы — милиция!»,— спокойно отвечали рабочие и не думали уходить. Местным комитетом выделен был на время забастовки «стачечный комитет» из представителей комитета и рабочих с.-д., принимавших деятельное участие в стачке.

«Стачечный комитет» обсуждал бюллетени, темы для речей ораторов, фактически руководил забастовкой. Он собирался ежедневно перед депутатским собранием. На нем он проводил свои решения, иногда не без борьбы. За время забастовки было выпущено 8 бюллетеней. Последние 4—5 бюллет. не ограничивались простым изложением фактов, а давали социал-демократическое освещение им. К бюллетеням в конце рабочие привыкли, читали очень охотно; каждый день спрашивали: «Нет ли экстренных?».

Хозяева согласились собраться с депутатами и дать ответ на требования рабочих. На общем собрании хозяев и депутатов рабочих фабриканты с удивлением смотрели, как рабочие, которых они не отличали от рабочего скота, с достоинством отвечали на все их возражения против требований, давали отпор на все попытки обморочить рабочих, убедить, что требования их безрассудны, вредны для них самих же. Так, несолоно хлебавши, разошлись наши Кит Китычи после первого собрания. На втором собрании рабочие демонстративно удалились, когда председатель фабрикантов (1 председатель от рабочих, 1 от фабрикантов) оскорбил их представителя.

Тогда уж фабриканты, минуя депутатов, обратились ко всем рабочим с пространной прокламацией, в которой убеждали их, что требования их чрезмерны, даже безрассудны. Фабриканты сбавили час рабочего времени (раньше работали 11½ ч.), сделали незначительную прибавку. Решено было продолжать забастовку. После этих уступок забастовка продолжалась еще 1½ недели. Но правительство уже оставило свою политику невмешательства. Угрозой выгнать из квартир, лишить воды и дров Кашин заставил работать своих сборновских рабочих (живущих в хозяйской сборной, во дворе, человек 500). Затем при содействии зареченского попа и полиции к сборновским были присоединены зареченские рабочие (по ту сторону Костромки, чел. 300)— самый серый элемент кашинских рабочих. Поведение полиции стало вызывающим. Двор Кашина был переполнен войсками. Полиция и специально нанятые фабрикантом агенты вели самую деятельную агитацию, обманывая, будто уже работает большинство рабочих на фабрике. Затаскивали силой на двор, и отсюда уже трудно было вырваться. Затаскивали даже совершенно посторонних: портных, сапожников, очевидно, для счета. Наконец, так как солдаты были ненадежны *), то были присланы 1½ сотни никогда не виданных костромичами казаков под предводительством пом. пристава Слободского, который клялся перед рабочими, что он умрет за капиталистов**). Казаки разъезжали по улицам и пугали народ. Во дворе у Кашина ораторствовал «свой» оратор-черносотенец. В конце-концов фабрика Кашина раскололась, пришлось призывать остальных кашинских рабочих стать на работу. В виду того, что стачка, продолжавшаяся уже 3 недели, истощила силы рабочих, а правительство стало принимать крутые меры, решено было стать на работу всем остальным фабрикам. Рабочие пошли в фабрики, заявивши фабрикантам: «Мы берем то, чего добились у вас, но от своих требований не отказываемся: мы будем готовиться к новой, более упорной борьбе».

Последние дни масса с большим вниманием слушала на Костромке речи ярко политического содержания. Озлобление рабочих на царское правительство, на его опричнину, казаков и полицию, росло с каждым днем. «Вот,—говорили,—дождались мы от батюшки-царя гостинца, казацкой нагайки». Казаков встречали со свистом, кричали им: «Квартирные наши доедать приехали!» (требов. рабоч.—квартирные деньги). Среди рабочих стала очень популярна песня, привезенная одним товарищем из Иванова, на мотив «Разлуки»:

Нагайка, ты нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной!

Песни революционные переняли даже ребятишки. После забастовки по вечерам рабочий квартал оглашается то там, то сям далеко разносящимися по вечернему воздуху звуками марсельезы и варшавянки. Полиция махнула уже рукой. На соц.-дем. массовке, разогнанной казаками после забастовки, было арестовано 8 человек. Когда их вели по рабочему кварталу, толпа отбила их.

Выступление местной либеральной думы в качестве посредника между фабрикантами и рабочими дало богатый материал для развития классового самосознания рабочих. На собрании депутатов и думской комиссии в народном доме после целого ряда пышных либеральных речей думцев выступили рабочие и ярко оттенили буржуазную позицию либералов, их половинчатость и всю мизерность их потуг... Рабочие доказали, что их требования не «турусы на колесах» (как выразился о 8-час. рабочем дне «либерал» Соколов), не мечта, а жизненно необходимая мера для рабочего класса, за которую он будет неустанно бороться.

Всеобщая забастовка разбудила политическое сознание костромского пролетариата и ввела его в семью геройски борющегося российского пролетариата. Трон Романовых рассыпается; один кирпич за другим выпадает из него. Могучим натиском, вооруженным восстанием разнесет его по щепам российский пролетариат и на место самодержавия царя водворит самодержавие народа.

Ф. Ивановский.

*) Прислали письмо, что не будут стрелять.

**) Этот Слободский был тяжело ранен кем-то кирпичом после забастовки.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Петербург. 28 сентября. (Из ч. письма). Согласно постановлению большинства нашей студенческой сходки-митинга, с сегодняшнего же дня вырабатывается программа будущих митингов; намечаются рефераты по общим вопросам, о Государств. Думе, о выработке формы активного ее бойкота, срывания отдельных собраний. Почти во всех учебных заведениях прошла резолюция с.-д. об открытии за-

ведений для митингов; учебные занятия игнорируются, обструкции решено не устраивать: фактически академические занятия нигде еще не идут. Кроме устройства митингов, в резолюции с.-д. намечаются: 1) организация студенческих кружков с определенной политической программой, петербургский студенч. союз и всеобщий студ. союз; 2) образование так-наз. «академических легионов» в целях вооружения студенчества; 3) в частности для медиц. факультетов организация летучих санитарных отрядов.

Сегодня в Политехникуме митинг, о котором оповещали по учебным заведениям и по возможности по заводам; назначен после 6 ч. вечера. Между прочим, будет внесен вопрос об отношении к академическому союзу профессоров в Политехникуме и в Гражданском институте. Профессора подают в отставку, если студенты откроют университеты для политических, а не для учебных занятий. После «записки 343» будущая тактика профессоров очень интересна, многие из либеральных основателей союза начинают запевать о «сохранении дорогих нам университетов». Военно-медиц. академия получила письмо с подписями от рабочих Выб. стороны с благодарностью за то, что разрешили пойти на сходку, а в Горный институт приходили просить назначить сходку позже, а то придется бросать работы. Интересно окрестили Государств. Думу: «Мещанская управа».

Москва.—Собрание присяжных поверенных.—20 сентября в Москве состоялось собрание присяжных поверенных. Публика, как всегда, не допускалась. Для охраны либерального заседания были мобилизованы судебные курьеры, которые строго опрашивали каждого входящего, а в самом суде в столовой сидели 6 городовых. Говорят, перед началом заседания по коридорам 2-го этажа «победоносно» разгуливал знаменитый полицмейстер Ермолов. Тем не менее, заседание открылось, хотя посторонние лица еще долго отыскивались и самым решительным образом выпроваживались председателем совета присяжных поверенных. В атмосфере зала пахло неделями. Присутствовало 179 человек, и между ними Максим Ковалевский. Вожди московского адвокатского либерализма были налицо, и его осенняя кампания открылась заявлением нижегородской адвокатуры о произвольной административной высылке пр. пов. Жемчугова, сообщением об адвокатском союзе и привлечении членов его к судебной ответственности и протестом против смертной казни. По всем этим вопросам были приняты резолюции с пресным содержанием, не шедшие дальше заявления министру юстиции и слабых жалоб дюжинного либерализма. Хотя и говорились хвастливые речи на тему «адвокатура, как передовая партия в борьбе за освобождение», однако, поразительно ясно чувствовалось бессилие либерального водотолчения и словопрения, не опирающегося на реальную силу и погибающего в собственном яду словоизвержения. Напрасно ораторы жестикулировали и пытались подменить слабость либерализма красивым построением речей,—их кажущийся освободительный пыл был уничтожен вопросом одного из пр. пов.: «А если на ваше требование министр юстиции ответит отказом, чем вы подкрепите свои требования? Вы кричите, что строй обветшал, а обращаетесь к слуге этого обветшалого режима».

Этот роковой вопрос для либерализма был замят. Эти люди, так откровенно-нагло забывшие о настоящих передовых бойцах за свободу и ставившие не менее нагло себя на первое место в освободительном движении, почувствовали, что «бал кончен», что несвоевремен их рабий лепет. И желая поддержать престиж славного революционного прошлого, устами своего лидера углубились в моменты своего возникновения и нарастания и на счетах своего политического самолюбия стали откидывать в сторону плюса их старые общественно-профессиональные «подвиги».

Каковы же их счета? О, они устроили союз адвокатов, они предъявляли иски к должностным лицам, они защищали политических преступников, они выясняли связь полиции с черной сотней и погромщиками евреев. И было странно: гроза близится... тысячи трупов лежат там, уже на пройденном Россией пути, и беспощадно вопиют о мщении, впереди могучая борьба за свободу, а здесь собрались люди и под охраной полиции толкуют о негодности того режима, который в данную минуту охраняет их от «посторонних лиц», и обращаются к тому же режиму, который, якобы, презирают. Думаю, не без расчета: «авось министр юстиции защитит их, бедных адвокатов. Ведь, они—слуги права. Им обидно, когда это право так возмутительно попирается». Какого права? Где это право? Какая сознательная наивность говорить о праве и о министре юстиции. Или им не известно, что все жаждут «права», но что добиться его можно лишь оружием, а не заявлением министрам, этим птенцам бесправия.

Жалка психология либерализма вообще, а у адвокатов в особенности. Жалко их основное психологическое убеждение: на основании закона внушить правительству мысль о незаконности его существования. А раз психология такова, то ей неизбежно приходится бояться «растлевающего» влияния посторонних лиц и становиться под охрану полицейского кулака. И было на этом заседании скучно, пресно и... противно.

Вильна. 28-го сент. в помещении Городск. клуба должно было состояться первое официальное предварительное собрание избирателей для совещания о кандидатах. Об этом стало известно 26-го, и Комитет Бунда принял тогда же вечером решение устроить перед зданием клуба манифестацию протеста против Думы с требованием впустить манифестантов в зал собрания. 27-го Группе Партии было передано приглашение принять участие в манифестации. К сожалению, по непредвиденным обстоятельствам совместное обсуждение плана манифестации не состоялось, так что наши и бундовские рабочие и их руководители встретились лишь на улицах в самый момент манифестации. Такое отсутствие предварительной организации, незначительное количество оружия и мобилизация полиции и казаков привели к тому, что у самого здания клуба публика была немедленно разогнана. Отдельные манифестации состоялись: более крупная—на Виленской ул. и Завальной, мелкие—на Георгиевской, Рудницкой и Госпитальной. Рабочих было очень много, хотя из-за реки часть не была пропущена в город. Полиция и казаки действовали нагайками и холодным оружием. Есть избитые, раненые и арестованные (число их еще не выяснено). Из толпы было сделано несколько револьверных выстрелов. Одним из них ранен в голову казачий офицер. Во время манифестации один товарищ по поручению группы прошел в помещение клуба, вызвал бюро собрания, сообщил им резолюцию Группы о Думе и потребовал от имени манифестантов, чтобы собрание было закрыто. После непродолжительных разговоров между бюро и собранием последнее было распущено. Во время манифестации распространялись листки Бунда «Либералы и пролетариат» и на евр. языке наш: «Ко всем гражданам» (переизд. Вил. Гр., 5.000 экз.). Хотя всем группам манифестантов не удалось соединиться, и вместо одной крупной состоялся ряд мелких манифестаций, тем не менее, вчерашнее выступление для первого раза можно считать удачным, если принять во внимание, что со времени Валя в Вильне не было открытых выступлений.

P. S. Виленск. организация польской социал-демократии (S. D. K. P. i L.) приняла в манифестации «моральное» участие: представитель организации вместе с нашим представителем объяснялся с бюро. Массы же у них еще нет.

Минск. Буржуазия начинает избирательную кампанию. 22 сент. состоялось собрание 200 еврейских избирателей, которые единогласно постановили принять участие в выборах в булыгинскую Думу. На собрании был наш товарищ и товарищи из Бунда. Буржуа отвергли бойкот. Некоторые из них находили присутствие соц.-дем. в своей среде странным и бесполезным: «Вот вы нас убеждаете, а что вы делаете там у себя, нам неизвестно. Надо думать, что ваше влияние на рабочих слабо. Иначе зачем бы вам было убеждать нас бойкотировать Думу? Было бы последовательнее с вашей точки зрения привести рабочих и прогнать нас». На это один из бундовцев ответил: «Что мы делаем там у себя, вам не нужно и знать. Разогнать вас мы всегда успеем. Еще будет время представить вам доказательства нашего влияния, показать вам значение и силу рабочих масс. В настоящий момент мы делаем попытку путем убеждения заставить вас сойти с изменнической дороги, на которую зовет вас самодержавие...»

Были на собрании и консервативные элементы, насколько этот термин возможно применить по отношению к евреям. Эти последние доказывали необходимость участия в выборах текстами из св. писания и сыпали цитатами из талмуда. Как-

раз, как московский архиерей, с тою разницею, что тот выборы в Думу считает делом богопротивным. Вопросу о бойкоте было посвящено 2 заседания местного политического клуба, состоящего из интеллигенции различных направлений. На этих заседаниях соц.-дем. отвели, что-называется, душу,— раскритиковали и разбили в пух и прах бедного представителя «еврейской демократической группы» (есть, оказывается, и такая, в стиле г. Струве). Никто из либералов не пытался поддержать струвиста. Сидели и молча слушали ядовитые и горячие нападки соц.-дем. Нападки эти, однако, не в состоянии были воздействовать на тайники буржуазных душонок. Так, один из либералов, молча глотавший в клубе обвинения и укоризны своих противников, на упомянутом буржуазном собрании разразился целой речью на тему о том, что кровь лилась, льется и будет литься (о том, чья кровь, он счел полезным не говорить), но что «дело делала» не эта кровь, а умеренные люди, люди основательные, поелику умеренны, и умеренны, поелику зажиточны.

Боюсь, однако, что я надоел вам с нашими либералами... Вы спросите: а что же пролетариат? Как отнесся он к манифесту и к плану ЦК бойкотировать Думу?

Сейчас же после того, как Группа приняла резолюцию, предложенную ЦК, эта резолюция была единогласно одобрена собранием в 407 человек. Был одобрен план ЦК и собранием сходочников (25 чел.). На целом ряде массовок группа ознакомила с взглядами партии на Думу значительное число рабочих. Наконец, массовое собрание, бывшее 19 сент., в количестве 800 человек (из них 200 христиан), приняло единодушно резолюцию последнего съезда о вооруженном восстании.

Как видите, Группа делает, что может, и пролетариат охотно принимает точку зрения партии на недоношенный парламент и на средства избавления страны от вредного уродца. К сожалению, кроме устной агитации, в распоряжении Группы нет других средств. Нет средств энергично и широко повести агитацию в рабочих и крестьянских массах. Вскоре после опубликования манифеста 6-го августа Группа распространила в 5.000 экз. листок С.-Зап. Союза о Думе. На этом дело и стало: своей техники у Группы нет...

На заседании 21 сент. Группа постановила обратить внимание Комитета Сев.-Зап. Союза на неотложную необходимость в приспособлении технических средств Союза для целей, которые ставит перед партией переживаемый момент. Нет сомнения, что Комитет Союза отзовется на нужды дня, и Группа сможет, хоть отчасти, удовлетворить в изобилии поступающие к ней из деревень просьбы об агитационной литературе. Сможет она более или менее бросить луч света и в массы городского рабочего люда.

Вольск, Сарат. губ. Состоялась первая платная вечеринка, устроенная Вольской организацией Р.С.-Д.Р.П. Это была первая попытка привлечь либеральничающую публику на платный вечер и заставить ее не бояться «нелегальных сборищ». Было около 100 человек, более половины—учащаяся молодежь. Приглашенный нами оратор произнес блестящую агитационную речь, разъясняющую «внутреннюю политику» самодержавия и квалифицирующую современное рабочее движение, как наступающий час революции. Эта речь была покрыта громом аплодисментов. Затем, по просьбе большинства участников собрания, тот же оратор говорил о различии аграрной программы с.-д. и с-р. с целью вызвать дебаты. Увы! Местные, с позволения сказать, с.-р. открыто не выступали, а только ограничивались многозначащим, но негромким мычанием, когда оратор «разъяснению» вопроса придал довольно острую для них форму.

Дяденька (Л. М. Книпович).

Киев. 14 сентября пришлось мне быть на очень интересном реферате о Гос. Думе. Читал Водовозов, а в дебатах главное участие принял киевский полицмейстер со своими подчиненными. Народу, самого разнообразного, от адвокатов и журналистов до рабочих, собралось несколько сот чел. По окончании первой части реферата, в которой Водовозов подвергнул весьма основательной критике «законоположение 6-го августа», он объявил перерыв; потом он хотел прочесть вторую часть: «Чего нам ждать от Гос. Думы, и как мы должны к ней относиться». Как известно из «Нашей Жизни», от Думы, от деятельности ее либеральных трибунов Водовозов ждет щедрот и милостей богатых, а посему все порядочные граждане должны не отворачиваться от нее, а содействовать ей. Но развить этих положений здесь ему не удалось. Полицмейстер заявил, что по приказу ген.-губернатора он закрывает это собрание, как происходящее без разрешения. Собрание происходило явочным порядком, как это не раз бывало и в прошлом году. Публика отказалась расходиться. Слова полицмейстера заглушили шумом. Выступил оратор, который объявил собрание продолжающимся; так как Водовозова не было, то он сам стал говорить на тему второй части реферата. В это время явился Водовозов; ему предложили продолжать; поколебавшись, он согласился и предусмотрительно начал с заявления, что он тут не был, ничего не слыхал и не знает, а посему продолжает реферат. Тогда к нему подошел полицмейстер и предложил прекратить чтение; начался шум. Полицмейстер вышел, заявив, что к остающимся применит вооруженную силу; с ним ушла часть публики; другая часть стала обсуждать вопрос: расходиться или нет? После горячих дебатов большинство решило разойтись в виду невозможности оказать отпор вооруженной своре полиции. Расходясь, запели марсельезу. Но едва часть успела выйти, как выход был закрыт и огражден полицией. Последние человек двести сделали попытку прорваться толпой; городовые выхватили шашки.

Публику стали выпускать поодиночке, и сейчас же стало известно, что выходящих арестовывают и избивают. Произошла давка, раздались крики, стоны. Публика собралась в зале. Стали обсуждать, как быть дальше. Между тем, полиция внизу избивала. Внезапно она набросилась на оратора и стала бить его и окружающую публику ножнами шашек и шашками плашмя, разгоняя публику по соседним гостиным. На месте остались мужчина с окровавленной головой без чувств и женщины в обмороке. Затем начались спорадические избиения: били подававших помощь, били вообще попадавшихся под руку, в особенности, если у кого была палка. Дело происходило в присутствии полицмейстера Цихоцкого, который затем начал переписывать присутствующих. Во время переписи опять избили 2-х гимназистов и интеллигента. Последний еле держался на ногах, и голова была в крови. На требование составить протокол полицмейстер отказал и отослал избитого в больницу. При выходе некоторых арестовывали и отправляли по участкам, избивая по дороге. Особенно избивали в Дворцовом участке. Вообще все действия администрации как нельзя лучше указывают на благоприятные условия для думской деятельности либералов...

Мелитополь. Весною из нескольких человек музыкантов 13-ой артиллерийской бригады, стоящей в Севастополе, образовался кружок, который начал распространение социал-демократических идей среди всего оркестра, состоявшего из 50 человек разных национальностей (большинство были поляки). У кружка имелись связи с с.-д. Крымским Союзом, но занятий никаких не велось; сперва ограничивались лишь распространением нелегальной литературы, главным образом агитационных брошюр.

В мае оркестр был отправлен в Мелитополь. И там музыканты нашли, как они говорили, «порядочных людей», которые им и предложили устроить собрание в степи. Музыканты собрались в количестве человек 30. Решено было устраивать такие собрания почаще. В виду того, что служебных занятий после обеда не было, можно было с 3 до 5 устраивать собрания, для чего всех желающих разбили на 3 кружка. Кружки эти, по одному разу в неделю, велись в продолжение месяца, и раз в неделю происходили общие собрания всех участвующих в кружках музыкантов.

Вскоре начальство пронюхало о том, что среди команды что-то происходит: его удивляли необычно оживленные разговоры. Фельдфебель решил, что в команде «республика». Сделано было распоряжение о введении занятий и после обеда, в кружках уже нельзя было заниматься. Кроме того, фельдфебель стал вести свою агитацию, но был на своей позиции некрепок, невольно заинтересовывался некоторыми вопросами.

В средине июля был бенефис капельмейстера (играли музыканты в городском саду), во время которого (бенефиса) среди публики были распространены местной с.-д. группой прокламации. Прокламации попали на эстраду к музыкантам. Часть публики после этого разбежалась, другая бро-

силась хватать листки, а шпионы стали бросаться на взявших прокламации.

Началась свалка. Было предположено после распространения прокламаций произнести речь. Музыканты должны были в случае, если оратора будут арестовывать, сбежать с эстрады и отбить его. Но речи не было, и музыкантам не удалось проявить себя. Но у всех их было очень приподнятое настроение. По окончании вечера, при выходе из сада, музыканты шли вместе с с.-д. У выхода их встретила рота солдат. Толпа из музыкантов, с.-д. и публики двинулась с пением марсельезы, а за ними шла полиция; рота солдат осталась у входа сада. Толпа разошлась благополучно по домам, музыканты также спокойно полегли спать.

Наутро по доносу полиции о том, что музыканты вели себя «плохо», заведующий музыкантской командой капитан Голосов учинил допрос всей команде. Для этого он выстроил в шеренгу всех музыкантов и спросил: «Кто вчера шел с бунтовщиками и пел запрещенные песни?». Ответом было гробовое молчание. Тогда он стал усовещивать музыкантов: «Зачем вы так поступаете? Зачем идете в ряды крамольников? Теперь вы должны исполнять лишь приказания начальства; другое дело, когда вы будете на воле; там, если вас будут притеснять, вы можете бороться; но здесь вы должны усмирять крамолу». Говорил он очень нескладно, чем вызвал смех среди музыкантов.

Через неделю или через полторы на имя заведующего пришел секретный пакет от командира бригады, в котором было приказание лишить музыкантов отпусков по одному; за покупками должны ходить по назначению в сопровождении старшего. Бумага эта была вызвана доносом исправника губернатору, который и снесся с командиром бригады. Это распоряжение вызвало сильное озлобление среди музыкантов. Стали заявлять о своих протестах фельдфебелю, а потом и капитану Голосову, который сказал, что это зависит не от него, и что он ничего сделать не может. Волнение после этого увеличилось: некоторые стали предлагать отказываться играть, и, в конце-концов, большинством голосов было решено не ходить играть до тех пор, пока не будут уничтожены все стеснения. Это решение было доложено фельдфебелю, а тот его передал капитану. Взволнованный капитан быстро явился в команду и стал уговаривать солдат, обещая вернуть все прежние вольности. Музыканты стали готовиться к игре.

После этого столкновения арестовали одного из музыкантов, Якова Аникеева, и произвели обыск в его сундуке; нашли переписку с братом. Аникеев был отправлен в Севастополь на гауптвахту под арест. Вскоре, по доносу Голосова, командир бригады сделал распоряжение о возвращении всего оркестра в Севастополь. Как только музыканты туда прибыли, их всех раскассировали по батареям. Результатом этого мудрого распоряжения было то, что во всех батареях появились прокламации, и работа закипела всюду. Яков Аникеев бежал с гауптвахты и благополучно прибыл за границу.

Заграничная молодежь и русская революция. Письмо из захолустья, зовущее всех из-за границы в Россию («Пр.» № 19), вызвало ответ тов. «Революционера», который обратился в ред. «Пролетария» с письмом из Берна. Тов. «Революционер» настаивает на важном значении теории в движении, на необходимости серьезно учиться и т. д. Мы, конечно, вполне согласны с ним в этом, и смысл нашей оговорки по поводу письма из захолустья был именно таков. Тов. «Революционер» советует партии устроить где-нибудь, например, в Женеве, нечто в роде университета, чтобы молодежь могла серьезно учиться. Планы этого рода возникали не раз, но осуществление их встречает слишком много практических затруднений.

(Н. Ленин).

Витебск. В средних числах августа сюда прибыли из Риги латыши—запасные. С самого появления их в городе можно было заметить, что это—народ организованный. Достаточно указать хотя бы на следующий факт, свидетелем которого я был лично: идут два латыша мимо книжного магазина, в окне которого красовалась брошюра Брааке «Долой социал-демократов». Когда один из случайных прохожих прочел вслух заглавие брошюры, то латыши заметили: «Нет, брат, их еще больше нарастет»... Наиболее развитые из них начали искать связей с нашей организацией. Им удалось напасть на товарища из Вит. группы Росс. Соц.-Дем. Раб. П., к которому они подошли со следующими словами: «Товарищ, не бойся нас, мы—социал-демократы-большевики (они работали в Риге на заводе Феникса); как бы нам с организацией связаться?». Через несколько дней с латышами были уже установлены правильные кружковые занятия и при помощи их было распространено много солдатских прокламаций. Латыши все приглашали прислать оратора в казарму, где они хотели устроить большое собрание. В виду, однако, того, что латыши были еще мало знакомы с местными условиями, организация не нашла возможным послать оратора в казарму. Но вот распространился слух, что латышей отправляют в Финляндию для усмирения финляндцев. Это страшно возмутило латышей, и они начали открыто выражать свое возмущение. Они ходили по улицам и кричали: «Долой самодержавие!». Наконец, решили устроить демонстрацию. Они попросили у организации знамена, и по их же просьбе организация издала от их имени специальный листок под заглавием «Куда нас гонят?». К сожалению, им не удалось устроить назначенной демонстрации, так как начальство, разузнав о ней, заперло их в казармах, а улицы были заняты войском. Однако, им удалось кое-как удовлетворить свое желание в дни отправки. Несколько раз пробовало начальство отправлять их, но все не удавалось, так как латыши все отказывались итти. Во время одной из таких попыток, в пятницу вечером, человек 40 заполнили проходящий трамвай, выкинули красный флаг вместо знамени и проехались по главной улице с пением революционных песен.

В конце-концов начальству удалось на следующий день отправить этих будущих «усмирителей». Все латыши, числом до 700 человек, были окружены крепким кольцом солдат, а эти сотней казаков, впереди музыка, по тротуарам жандармы, шпионы и полиция,—так совершалась эта отправка. Когда эта процессия достигла главной улицы города, то из среды латышей раздались революционные возгласы: «Долой самодержавие!», «Долой полицию!» и др., и пение марсельезы.

Слава и честь рижским товарищам, выработавшим Николаю Романову подобных «усмирителей».

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Москва. В организационном отношении город разделен на шесть районов: Рогожский, Городской, Замоскворецкий, Бутырский, Сокольничий и Железнодорожный союз; бывший Пресненский район теперь присоединен частью к Замоскворецкому, частью к Городскому. По количеству организованных рабочих и связей первое место занимает Замоскворецкий район, второе—Рогожский. Этот последний разросся быстро до такой степени, что на еженедельных массовках бывало до 300 чел. Во главе районов стоят районные комитеты, организованные по следующему типу. Представителем Моск. Комитета является организатор; он имеет от 3 до 7 помощников, которые все входят в районный комитет; далее в него входят пропагандист и секретарь (заведует денежной отчетностью, контролем над районной техникой и ведением протоколов). Районные комитеты собираются еженедельно в определенные дни; районными организаторами являются обыкновенно интеллигенты, а их помощниками—рабочие. Заведывание пропагандой в каждом районе находится в руках особой коллегии, руководимой районным пропагандистом; в коллегии же районных пропагандистов, руководимой отв. пропагандистом Моск. Комитета, вырабатывается общая постановка дела во всей организации.

Агитация централизована при Моск. Комитете. В сентябре число профессиональных агитаторов не превышало шести, но, сверх того, в роли агитаторов выступали обыкновенно и организаторы. В течение всего лета почти каждое воскресенье в каждом районе устраивались массовки. Кроме того, все более входило в жизнь устройство митингов при выходе рабочих по окончании работ; за лето таких митингов было более 10 (у зав. Симонова, у тип. Яковлева, при жел.-дор. мастерских и проч.).

Массовки принимаются рабочими очень сочувственно. Се-

рая масса плотно окружает организованных рабочих. Переодетые полицейские и сыщики не осмеливались подходить к ораторам, которых окружали вооруженные револьверами организованные рабочие. Полиции было известно о еженедельных массовках в Баулинском лесу, у Пресненской заставы и т. п., но она не осмеливалась беспокоить рабочих. Только после объявления 6-го августа закона о Государственной Думе полиция стала смелее.

Кроме работы по районам, Моск. Комитет ввел новую форму организации. Когда нужно обсудить вопрос общепартийный или касающийся всей организации города, устраивались конференции из представителей всех организованных ячеек. На первой из таких конференций (в июне, 100 человек, в том числе 80 рабочих) было доложено о постановке работы во всех районах, о Третьем Съезде; кроме того, рабочими был выдвинут вопрос об организации боевой дружины; на ней же было решено устраивать конференции и впредь, через каждые три недели; после того состоялось еще 4 таких конференций. На второй конференции (до 200 чел.) было решено откликнуться на забастовку в Иваново-Вознесенске, откуда рабочие прислали в Москву призыв о поддержке.

При районных комитетах в качестве совещательных органов состоят районные собрания; в них входят от одного до двух представителей от каждого из тех промышленных предприятий, с которыми имеются связи. На этих собраниях районные комитеты получают полную возможность осведомления о назревающих нуждах района; здесь же обсуждаются темы для массовок и летучек, вопрос об организации боевых дружин и т. п.

Далее идут заводские комитеты, которые состоят из ответственных лиц по каждому предприятию, распространителей листков, заведующего нелегальной библиотекой, устроителя кружков, заведующего привлечением слушателей на массовки и кассира. Таких заводских комитетов к концу лета насчитывалось до 40 (Городской район 12, Рогожский 6 и. д.). В последнее время организованными рабочими настойчиво выдвигался вопрос о более широком типе организации; указывалось на то, что в пределах узко-конспиративной революционной работы нельзя привлечь в организацию широкую массу, которая сочувствует социал-демократии, считает ее своей руководительницей, но отказывается от принятия ближайшего участия в работе в виду преувеличенного представления о возможных полицейских преследованиях.

(Советуем товарищам создать, руководясь указанием III съезда партии, широкие полулегальные организации разных видов, примыкающие к Р.С.-Д.Р.П., в той или иной форме. Но включать сразу в партию малосознательных, боящихся преследований, было бы неправильно. Ред.).

В настоящее время организация настолько расширилась, функции так специализировались, количество участников работы достигло таких размеров, что полиции невозможно уследить за всеми. Рабочие, арестованные на собраниях и массовках, отпускались обыкновенно на следующий день и самое большее через неделю. Благодаря хорошему состоянию кассы Моск. Ком., в настоящее время приобретено довольно значительное количество оружия (револьверы, в последнее время браунинги); в каждом районе имеется группа вооруженных рабочих; в самое последнее время организацией, и в особенности рабочими, настойчивее выдвигается вопрос об организации техники по вооружению. Не говоря уже об организованных рабочих, даже малосознательные массовики на каждой массовке выступают со следующими заявлениями: «Вы говорите о необходимости вооруженного восстания и о временном революционном правительстве. Да, мы с этим согласны, иначе и быть не может! Но дайте же нам это оружие, организуйте нас!». Поэтому больным местом организации является вопрос о более широкой постановке дела вооружения. Случайные причины, которыми так богата жизнь конспиративных организаций, служили до сих пор немалым тормозом к развитию этого дела.

По отношению к Гос. Думе рабочая масса обнаруживала очень большую сознательность и высказывала единодушное презрение к этому акту самодержавного творчества. Пропагандистская программа ЦК одобрена Моск. Комитетом и проводится в жизнь. Районными пропагандистами являются в большинстве случаев товарищи с солидной теоретической подготовкой.

Москва. 27 сент. До сих пор со стороны народа 10—12 убитых и более 100 раненых; со стороны полиции и войска— более 30 убитых и раненых. Сегодня были еще столкновения, между прочим, у фабрики Реномэ; убит околодочный и несколько человек ранено. Рабочие всюду дают отпор, и полиции остается отводить душу избиением пленных в участках и даже во дворе дома градоначальника. Возбуждение неописуемое.

30 сентября. Сегодня ровно неделя, как не ходит трамвай, а завтра будет неделя, как не выходят газеты. «Русский Листок» успел как-то появиться сегодня утром, но за это погромили его типографию... Градоначальник, видимо, недовольный отношением публики к прогнанию казаками сквозь строй филипповских булочников (говорят, 30 чел. после этого лежат в больнице), расклеил на углах улиц объявление, долженствующее показать, что терпящей стороной в уличных схватках является полиция, а рабочие-де все целы. Но составитель объявления переусердствовал, и получается такая картина, что полицию везде бьют, и она бежит...

30 сент. В пятницу состоялся рабочий митинг в Техническом училище. Участвовало больше 1.000. В своих речах ораторы говорили о современном положении и выясняли цель рабочего движения. Призывали к вооруженному восстанию, на что рабочие отвечали дружными аплодисментами и криками: «да здравствует вооруженное восстание, да здравствует временное революционное правительство!» Говорили несколько рабочих, между ними одна женщина-работница. Митинг закончился в 12 час. ночи. Технич. училище временно закрыто. В 6 ч. веч. на заводе Михайлова (в Замоскворечье) по окончании работ у ворот состоялась массовка. Оратора окружили организованные рабочие, к ним присоединились и остальные. Оратор говорил о значении забастовки и призывал к всеобщей стачке. Речь произвела сильное впечатление. Столкновений не было.

Москва. (Из частного письма). Вчера вечером, часов в 9, я пошла по направлению к Страстному монастырю. На Никитской площади на меня пахнуло порохом. В переулках масса народа, на площади одни казаки. Темно, идет дождь. Ориентироваться очень трудно, но в толпе говорят, что несколько человек убито. Иду по проезду Тверского бульвара, у ворот и у подъездов масса народу. На тротуаре лужи крови. Вообще вчера много было убито. Первый вечер рабочие забаррикадировали входы Тверского бульвара скамьями, но вчера скамьи были уже прибраны. Полиция и казаки с одной стороны догоняли толпу, которая, сбежав с бульвара, пускается по проездам бульвара и направляется снова к Страстному монастырю. Мужик стоит и ругает казаков: «Эх, вы, татарва несчастная, вам бы пяток японцев, они бы вам дали. Ишь залезли на паперти, нехристи!». Казаки первые два дня стояли издали полукругом у Страстного монастыря и угловой церкви Тверского бульвара. А на памятник влезали один оратор за другим и говорили речи. Толпа вокруг слушала и аплодировала. Вчера вечером казаки начали свою деятельность. На Никитской площади стреляли, на Арбатской одного запороли до смерти. На Тверской площади также пускали нагайки в ход. Что-то сегодня будет!

Петербург. 29 сент. В прошлом письме я осведомил вас о том, что нам, организации Невской заставы, пришлось выдержать целую кампанию против меньшевиков с их паки и паки дезорганизаторскими выходками. (Этого письма мы не получили. Ред.). В настоящее время нам уже удалось блестяще закончить эту кампанию, и наше внимание уже не отвлекается от положительной работы организации и распространения наших тактических лозунгов в широкой рабочей массе.

Я писал вам уже о том, что в конце августа и середине сентября нам удалось устроить на Обуховском заводе два грандиозных митинга, на которых наши ораторы говорили речи на тему о Гос. Думе и о тех задачах, которые стоят в настоящий момент перед революционным пролетариатом. Речи вызвали бурные одобрения, самые митинги стали популярны в широких рабочих кругах. Обычный финал таких речей, дружные революционные возгласы и революционные песни, являлся показателем сознательности и революционной готовности массы. На следующий день после второго митинга начальник завода вывесил объявление, в котором предупре-

ждал, что в случае повторения беспорядков главные ворота будут закрыты, а рабочих будут пропускать через контору с «принятием необходимых мер». В ответ на это объявление наш Обуховский подрайонный комитет решил устроить новый митинг, и именно у главных ворот, куда в назначенный день и вышли пушечные и минные мастерские (больше 2.000 человек). Случайно рабочий, сопровождавший оратора, направил его к обычному месту митингов, к муринским воротам, где уже собрались снарядная и сталочная мастерские. Оратор начал говорить о Гос. Думе. Его речь была прервана на середине следующим инцидентом. В комнату, ведущую во двор завода, ворвался наряд полиции с пом. пристава и 2 околодочными во главе, который пытался прорваться через толпу к оратору. Встреченные громовыми криками «вон!» и градом камней, они принуждены были ретироваться. Это внесло некоторый беспорядок, и когда с гудком открылись ворота, вся толпа, ожидая, что с улицы ворвутся казаки, расположенные у Обухова со времени первого митинга, шарахнулась с криком «назад, в завод!» вся назад. Оратор призвал толпу к порядку, вновь стянул ее около себя и, указав на приближение последнего решительного боя, в котором нам придется сражаться не с полицией и казаками, а уж с ружьями и пушками, призвал всех под знамя с.-д. и закончил кличем «Долой самодержавие!». Возглас был подхвачен всей толпой, которая с пением марсельезы двинулась по Шлиссельбургскому тракту. В это время вторая толпа, с нетерпением у главных ворот ожидавшая оратора, заслышав звуки революционной песни, подхватила рабочую песню свободы и, запрудив тракт, двинулась в противоположную первой толпе сторону. Полиция вся уехала в город.

На следующий день из города прислали новые отряды казаков, снова вывешено объявление администрации с угрозами по адресу рабочих.

Рабочие сильно возмущены поведением казаков. Был случай, что отряд казаков, гарцуя около завода, решил, видимо, потешиться и, въехав на панель, начал давить публику лошадьми и гнать ее перед собой. На-днях же полиция устроила форменное избиение рабочих, выходивших из трактира, предварительно закрыв все выходы, кроме одного. Все это вызывает сильное озлобление; настроение приподнятое. В ответ на объявление администрации рабочие снова требуют устройства митинга. И теперь, в то время как я пишу эти строки, один из наших ораторов выступает внутри Обуховского завода перед многотысячной толпой. Подробности сообщу в следующий раз.

Вы, вероятно, знаете из газет о том, что повсюду по высшим учебным заведениям нам удалось провести свою тактику открытия университетов и устройства в них всенародных митингов с привлечением на них широких рабочих масс. Соц.-рев., у которых нервность вместо тактики вошла в поговорку, стояли за закрытие учебных заведений. В целом ряде учебн. заведений уже были организованы нами такие митинги, при Комитете образована специальная группа митинговых ораторов, которые и выступают на этих многолюдных собраниях. Митинги усердно посещаются рабочими, громадное агитационное значение их вне всякого сомнения. Ораторы-рабочие сменяют интеллигентов; характерно и чрезвычайно отрадно то, что ни один из них, по крайней мере, на тех собраниях, на которых мне довелось побывать, ни словом не обмолвился о партии с.-р-в. Все говорят о н а ш е й Соц.-Дем. Раб. Партии. Среди рабочих есть блестящие ораторы. Так как с.-р., специальность которых—класть яйца в чужие гнезда, тщетно продолжают на этих собраниях хулить нас и нашу тактику, то чрезвычайно знаменательным является следующий факт. Рабочие Обуховского завода 29-го сент., во время работ, незадолго до шабаша, устроили у себя на заводе сходку и, обсудив тактику с-д., вынесли резолюцию, в которой выражают полное одобрение ей и приветствуют открытие университетов, как акт, действительно соответствующий потребности момента и уже принесший пользу интересам пролетариата. В той же резолюции выражается надежда, что с.-д. удастся в решительный момент повести за пролетариатом наиболее сознательную часть студенчества.

Как видите, лаборатория революции работает во-всю. Революционное настроение растет не по дням, а по часам. Агитация идет в колоссальных размерах. Организация крепнет, наши идеи—идеи революционной соц.-демократии, проникают в глубь пролетарских масс; наша тактика с ее лозунгами: «Долой Гос. Думу, да здравствует вооруженное восстание, да здравствует Учредительное Собрание, созванное временным революционным правительством!»—всюду оказывается победительницей.

Вчера состоялось собрание подрайонного Обуховского комитета (присутствовали: ответственный организатор района (интелл.), организатор подрайона (интелл.), его помощник (рабочий), три заводских организатора (рабочие); два других заводск. организатора (рабочие) случайно не явились. Решено в виду интенсивности нашей революционной деятельности выпускать районную хронику, а для связи и объединения общественной деятельности принять предложение комитета выпускать хронику общественную с отчетами о деятельности всего города, всех его районов, включая сюда и деятельность к-та, как организационной ячейки. Материалы будут доставляться всеми организациями. Подрайонный комитет выражает одобрение ЦК за успешное проведение междупартийной конференции по вопросу о Гос. Думе и считает, что поведение на ней меньшевистского представителя, подписавшего резолюцию с оговоркой о необязательности ее для своей фракции, ярко иллюстрирует факт отсутствия меньшевиков, как организованного целого, как определенной партии с определенными и ясными лозунгами и планами. Что же касается мартовского плана кампании по отношению к Гос. Думе, то его несуразность оказалась общим местом для всех присутствовавших, посетивших уже целый ряд митингов.

По вопросу об отношении собрания к результатам последней конференции ЦК с О. Комиссией решено по предложению отв. организатора района вынести резолюцию в следующий раз, когда будут прочтены протоколы этой конференции. Что же касается того нового требования об объединении снизу помимо партии, которое меньшевики включили и в свой ультиматум, то на этот счет собрание, участвовавшее само в подавлении и разоблачении бессмысленности дезорганизаторских попыток меньшевиков у нас в районе, имеет давно определенное мнение. В последнее время наши рабочие узнали о том, что все эти толки о частичном объединении были начаты меньшевиками-интеллигентами, а потому считают демагогическими и некрасивыми их приемы прятания за, будто бы, массу, которой, будто бы, по их словам, принадлежала инициатива а к т и в н о г о выступления в этом смысле.

Собрание постановило агитировать за устройство бюро соглашения с меньшевистскими организациями по отдельным вопросам и констатировало, что на Обуховском заводе эта агитация уже увенчалась успехом.

В скором времени такое бюро образуется. От нас войдут два-три выбранных подрайонным комитетом организатора (заводских) и подрайонный организатор [2]).

(Петербуржец).

Петербург. (Из письма ответственного организатора).

...В Василеостровском районе функционирует нелепая организация—«объединенный район». Там произошло «объединение снизу», имеющее теперь такую форму в районе: в собрание входят два организатора—большевик и меньшевик; в подрайоне тоже по два организатора; в кружки посылаются пропагандисты независимо от «фракции», т.-е. их об этом не спрашивают; на митинги и на массовки—ораторы тем же порядком. Рабочие ничего не хотят слышать о разногласиях и требуют лишь объединения. Это усиленно поощряется и пропагандируется меньшевиками из группы. Благодаря этому у рабочих погашается, если не подавляется, интерес к важным тактическим задачам и вопросам, около которых теперь концентрируются разногласия. Разброд в организационном смысле получается неимоверный. Например, распределением сил в районе заведует «объединенный коллектив», куда входят все организаторы, пропагандисты и агитаторы района. Этот «коллектив» будет меня «распределять», когда я не вышел из организации комитетской, т.-е. нахожусь в распоряжении комитета! Не говоря уже о нелепости существования такой формы при существовании двух партий, «объединение» это, покоясь на малосознательности рабочих и на их неосведомленности, не может быть прочным и вносит лишь развал. Мень-

шевики аргументируют так: объединение «сверху» дискредитировано в глазах масс, так как его все обещают без конца. Объединение нужно, надо удовлетворить законное желание масс. В конце-концов сделается так, как вы захотите!—говорил один меньшевик на массовке рабочим.

Ни одна организация,—говорят меньшевики из группы,—не хочет отступиться от своей фирмы, должна появиться третья—компромиссная,—и она-то и дается объединением снизу. Недавно по этому поводу пришлось мне и другим товарищам говорить на дискуссии у Лесгафта. Меньшевики, к сожалению, не пришли. С рабочими прямо опасно говорить против «объединения», зато прекрасная почва—разговоры о тактике по отношению к временному правительству и Гос. Думе. Листки группы плюс Парвус (№ 110) дают богатейший материал.

... Кроме митингов, ежедневно происходящих в стенах почти всех высших учебных заведений, на которых присутствует масса рабочих, постоянно устраиваются импровизированные митинги при выходе рабочих из заводов. Предупреждаются только «свои» рабочие. В надлежащий час приводят оратора. Толпу задерживают громким возгласом, и вмиг около оратора, стоящего на каком-нибудь ящике, толпятся 2—3 тысячи жадно-внимательных слушателей. Мне пришлось пока один раз выступать. Говорил о демократической республике, о самодержавии, о Г. Думе, о либералах и вооруженном восстании. Все это, конечно, пришлось лишь намечать, так как вся речь заняла не более 20-ти минут. Кончили возгласами и дружным пением марсельезы. На некоторых заводах практикуются такие митинги часто. Рабочие страшно любят их, трудно оценить все громадное значение такой агитации.

Сегодня, в воскресенье, предстоит громадный митинг у гражданских инженеров. Мне думается, произойдут крупные события, так как московские события взволновали, конечно, и публику, и властей. Сейчас собираюсь итти туда, буду говорить. Рабочие всех районов собираются итти туда.

Николаев. Полиция пользуется военным положением вовсю. Высылки рабочих и интеллигентов не прерываются. Недавно назначили-было к высылке в Иркутскую губернию 16-летнего мальчика. Полиция безобразничает невозможно. Вот пример. На-днях, ночью, на квартиру рабочего Алексея Афанасьева явился известный шпион, околодочный надзиратель Дроздовский, со сворой городовых. Вел себя крайне грубо. Когда он толкнул Афанасьева, мать его схватила Дроздовского за руку. Тогда этот негодяй изо всей силы ударил старуху по лицу. Афанасьев схватил околодочного, живо смял его под себя, но на него набросилась вся свора. Беднягу страшно избили. Мать его били до полусмерти. В свалке принимали участие и дети, бросавшие в полицию горшками.

Настроение рабочих приподнятое. Каждый случай привлекает массу. Много народу собирается у тюрьмы и на вокзал ко времени отхода этапов. Из толпы раздаются угрожающие возгласы. На-днях хоронили рабочих, убитых обвалом ледника (5 убит., много раненых). На похоронах толпа сама выдвинула ораторов. Боевое настроение рабочих выливается в форму столкновений с полицией и со шпионами. Разгромленные организации не могут, к сожалению, использовать настроения массы. В порту брожение, идут разговоры о стачке.

Массовая забастовка в Сибири. Массовая политическая забастовка достигла, наконец, и такой далекой окраины, как Восточная Сибирь, и быстрым потоком разлилась по всей магистрали железнодорожного пути, захватывая один за другим пункты скопления железнодорожных рабочих. Сибирские с.-д. комитеты уже несколько месяцев вели агитацию за массовую политическую забастовку, имея в виду остановить движение по Сибирской железной дороге и этим заставить правительство прекратить войну. Агитация их, разумеется, принесла свои плоды, но достигнуть желаемых результатов им все-таки не удалось. Движение нигде не было остановлено, да и самая забастовка носила преимущественно экономический характер и только благодаря энергичному вмешательству полиции и властей принимала политическую окраску.

Движение началось с Читы. Забастовка висела уже в воздухе, но события еще ускорили дело. Грубое поведение начальника дороги Федорова заставило рабочих тотчас же начать подготовление к забастовке. Ежедневно под руководством с.-д. комитетов устраивались огромные народные митинги, на которых вырабатывались требования рабочих и излагалась соц.-дем. программа. Публика с большим вниманием выслушивала ораторов.

На место забастовавших рабочих поставили солдат, но рабочие вступили с ними в переговоры, и на последнем собрании присутствовало уже несколько солдат, высказывавших стачечникам свое сочувствие. Роту пришлось отправить на позиции. Требования сначала были выставлены чисто-экономического характера, но несколько дней активной борьбы настолько двинули вперед сознание рабочих, что скоро к этим требованиям присоединилась и политическая резолюция, в которой они заявляли, что требуют созыва Учредительного Собрания и прекращения позорной войны. «Мы всеми силами,—заканчивают они свою резолюцию,—будем поддерживать вооруженное восстание народа, и такой поддержкой может быть всеобщая стачка по линии Сибирской и Забайкальской жел. дорог. И действительно, движение разлилось дальше. Когда в Иркутске получилось известие о читинской забастовке, в городском саду была устроена по этому поводу манифестация. Затем Комитет организовал ряд массовок и обратился с письмом к союзу инженеров, предлагая ему: 1) выразить порицание начальнику Забайкальской дороги Свентицкому за его возмутительное поведение по отношению к рабочим и 2) собрать средства в пользу стачечников. Господа инженеры в своем публично происходившем заседании всеми средствами защищали начальника дороги и говорили, что рабочие предъявляют несоразмерные требования. Когда же наши товарищи стали доказывать им обратное, председатель грубо оборвал их, и рабочие демонстративно вышли из собрания. А по поводу Свентицкого так и не было вынесено никакого решения.

В Иркутске было решено поддерживать читинских товарищей стачкой, и 9-го августа иркутское депо бросило работу. Городские же рабочие были мало подготовлены и выразили свое сочувствие стачке только сбором денег.

В Красноярске дело дошло, как известно, до кровавых столкновений и зверского избиения рабочих. В результате несколько убитых и множество раненых. Подробности этих столкновений уже были приведены в одном из предъидущих номеров «Пролетария», и поэтому мы не будем повторять их здесь. Стачка волной катилась дальше. За Красноярском забастовали рабочие станции Еланской, Тайги, Томска и Челябинска.

Томский Комитет не предполагал возможности всеобщей забастовки и поэтому действовал сначала очень нерешительно. Но стачка, подобно пожару, охватывала одно за другим все промышленные заведения Томска. Началось дело с типографии Яковлева. Требования выставлены были чисто-экономические. Яковлевские рабочие обратились ко всем другим типографиям, а также и к другим заведениям с приглашением поддержать их стачкой. И в ответ на это забастовало 7 типографий и почти все наиболее крупные промышленные заведения Томска. Целую неделю стачка рабочих была центром внимания всего города. Почти ежедневно за городом происходили большие собрания, где говорились речи на общие политические темы и вырабатывались требования отдельных мастерских. Собрания эти имели огромное значение для развития политического сознания народных масс. Кое-какие экономические требования были удовлетворены, но самым важным результатом забастовки был полученный рабочими наглядный урок политической борьбы. Когда до читинских рабочих дошла весть о всеобщей забастовке по линии Сиб. дороги, они выпустили листок «Ко всем товарищам стачечникам», в котором горячо приветствовали смелость и единодушие товарищей. «Эта стачка, распространившаяся на протяжении почти 4-х тысяч верст,—писали они,—в первый раз показала нам нашу силу, связала нас всех воедино».

Так сама жизнь ведет рабочих от узких требований чисто-экономической борьбы на широкую арену борьбы политической и развертывает все более и более широкие задачи перед российским пролетариатом.

(В. Величкина).

Баку. Резолюция, вынесенная междурайонным собранием Бакинского Комитета Р.С.-Д.Р.П об отношении к посылке делегатов на предстоящий съезд нефтепромышленников:

«В виду того, что Союз бакинских рабочих меньшинства и организация черносотенников, так-наз. петровцев, в последнее время усиленно агитировали за посылку представителей бакинских рабочих на съезд нефтепромышленников, мы, принимая во внимание, что, во-первых, при современных условиях, при отсутствии свободы агитации, собраний и т. д., совершенно немыслимо свободное и сознательное избрание делегатов-рабочих, что, во-вторых, если даже бакинцам позволят послать своих делегатов на съезд нефтепромышленников, то туда не будут допущены представители рабочих других отраслей производства других местностей России, интересы которых будут затронуты и обсуждаемы на этом съезде; что, в-третьих, наши делегаты не будут иметь решающего голоса при обсуждении этих интересов; что, в-четвертых, мы не можем ожидать действительного улучшения положения рабочих при сохранении современного строя, и что потому присутствие наших делегатов на съезде будет служить средством для капиталистов и для правительства лишний раз затемнить сознание рабочих масс и убаюкать их обещаниями призрачных улучшений; что, в-пятых, единственный путь улучшения положения как бакинского, так и всего пролетариата России мы видим не в переговорах в той или другой правительственной комиссии, а исключительно в победоносной революции, которая свергнет самодержавный порядок и создаст демократическую республику,—мы решительно высказываемся против посылки делегатов-рабочих на этот съезд нефтепромышленников и предлагаем всем нашим товарищам вести усиленную агитацию против посылки делегатов, заранее заявляя, что, если делегаты все-таки будут посланы на этот съезд, они никоим образом не могут считаться представителями интересов всего бакинского пролетариата.

Бакинский Комитет Р.С.-Д.Р.П.».

Одесса. (Из отчета Дальницкого Районного К-та от 20 авг. по 5 сент.). Всего организованных рабочих и работниц в Дальницком районе в настоящее время—81 ч. Руководство практической работой принадлежит Районному Комитету, который состоит из 6 чел. Район делится на три подрайона: Вокзальный, Фонтанский и Дальницкий. В Вокзальный подр. входят: железнодорожн. мастерские Юго-Западн. ж. д. и депо—Одесса; всего организованных рабочих—21 ч., подр. комитет состоит из 6-ти чел. В Фонтанский подрайон входят: фабр. весов Бемера, фабр. жест. изделий Люлькина, фабрика весов Каца, Южно-Русский пивоваренный завод, пробочный завод Энгель и др., всего организованных рабочих и работниц—24 чел.; подрайонный комитет состоит из 7-ми чел. В Дальницкий подрайон входят: завод землед. орудий Гена, ваксельный завод «Жако» и др.; организованных рабочих и работниц—36 чел.; подрайонный комитет состоит из 12 чел. Кроме этих действительно организованных членов партии, к Дальницкому району примыкают так-называемые «массовики», собирающиеся на «массовки», которые в виду военного положения собираются в количестве 10—15 человек.

За этот период времени на Вокзальном подрайоне было четыре собрания подр. к-та (кроме практических вопросов, говорилось о Гос. Думе, о врем. пр-ве, о расколе и пр.) и две летучки по 5 чел. Литературы распространено: «Пролетария» №№ 10, 11, 12, 13, 14 и 15 по 1—5 экз., «Две тактики»—1 экз., «Извещ. о III съезде»—27 экз., «Царь-последыш»—25 экз., «Война и рев.»—3 экз., «Наши треб.»—3 экз., «Наши задачи»—3 экз., и др. брошюр несколько экз. Денег собрано 7 р. 80 к. В Фонтанском подрайоне были 3 летучки по 6—7 чел. и две «массовки» по 10—12 чел.; кроме того, происходит 3 раза в неделю «биржа». Литературы распространено то же, что и в Вокз. подрайоне. В Дальницком подрайоне были собрания: подрайонного к-та, три летучки по 6—9 чел., и три раза в неделю происходит «биржа». Литературы распространено: «Пролетария» № 8—15 по 1—10 экз., «Две тактики»—3 экз., «Рабоч. о партийном расколе»—2 экз., «Извещение о III съезде»—50 экз., «Наши задачи»—5 экз., «Наши требования»—5 экз., «Царь-последыш»—35 экз., «Война и рев.»—5 экз. и др. брошюр несколько экз. Сильно сказывается недостаток агитационной литературы и пропагандистских и агитаторских сил. Военное положение также отражается на развитии организации: невозможно найти квартиры для собраний, более или менее крупных; много рабочих выслано, и вся почти работа сводится к собиранию свежих сил.

Принятая Од. К-м система ознакомления со своею деятельностью периферийных организаций при помощи гектографированных резолюций и мотивировок к ним очень удачна. Это, во-первых, сближает периферию с К-м; во-вторых, при обсуждении этих резолюций рабочие привыкают внимательно относиться к общим вопросам местной и партийной жизни.

О профессиональных союзах. (Письмо из Саратова). Благодаря отсутствию в городе массы промышленных рабочих, у нас нет того широкого массового движения, какое наблюдается в центрах Юга или Севера. Вообще на наш город нельзя смотреть, как на способный сыграть маломальски важную роль в будущем; а если чего можно ждать, то это лишь от крайне хорошо проявляющей себя деревни, да еще новой отрасли работы: профессионального движения на жел. дороге, которую мы подчиняем своему воздействию от Уральска до Козлова; это, повторяю, пока еще дело новое, хоть и обещающее будущее.

Из устава ж.-д. союза увидите (этот устав нами еще не получен. Ред.), что разногласий с № 11 «Пролетария» больше нет, да их, по существу, и раньше не было, так как партийность понималась как принятие идейного руководства, а не в смысле организационном. Теперь по существу. 1) Я не считаю правильной точку зрения Бебеля (недавно вышедшая его брошюра «Професс. союзы и политическая партия»), мнение которого сводится к лозунгу: «Чисто-профессиональная организация, ведущая не партийную, а только рабочую политику». Кто определяет соответствие этой политики интересам рабочего класса,—ведь, все же представители разных общественных воззрений? Точно так же я не разделяю взглядов «Что делать?», которые сходны с бебелевскими. Это мое мнение не ограничивается ссылкой на своеобразность условий данного момента, чисто-политического по природе, но переносится и на нормальные условия в смысле урегулированности отношений и отсутствия революционного настроения в общественной среде. На мой взгляд, вся беда западных партий, а в том числе и германской, состоит в оторванности политической организации от профессиональной; там это не две стороны одного целого, а две параллельных партии; объединить их в однообразную, в единую (но не слитную, конечно) организацию,—такова должна быть наша цель. 2) Данный момент ставит задачу охватить массу и создать опору для открытого выступления; в чисто-профессиональных организациях, объединяющих элементы, тяготеющие в разные стороны, этого достигнуть в полном виде нельзя, тем более, что по особым условиям момента немыслимо существование чисто-профессиональных организаций, ибо теперь политикой, понимаемой вкривь и вкось, проникнута вся атмосфера; и вот дать этому шатающемуся пониманию политики верное направление и должны профессиональные союзы, тяготеющие к партии. Между прочим, должен сказать, что статья в № 11 «Пролетария» толкуется в свою пользу сторонниками узкого профессионализма в разбираемом вопросе. Нужна точка над і.

От ред. Взгляд редакции «Пролетария» на отношение между с.-д. партией и профессиональными рабочими союзами изложен в статьях: 1) «Профессиональное движение и с.-д.» (№ 8); 2) «Первые шаги профессионального движения» (№ 11); 3) «О профессиональном движении и о задачах с.-д.», послесловие (№ 21).

(От ред.—М. Ольминский).

Казань. В дополнение к корреспонденции, помещенной в номере 19 «Пролетария», печатаем следующее любопытное сообщение Комитета. Работа Комитета распространяется, между прочим, и на татар. Они не выделены в особый район, их передовые люди входят наравне с прочими в организаторские группы, некоторые посещают русские кружки, все ходят на общие массовки. Но в силу особенного языка приходится устраивать кружки с преподаванием на

татарском наречии, иногда устраивать первоначальные организационные собрания только из татар, чтобы затем привлечь их к организации. Необходимо переводить листки на татарский язык, печатать их могут тоже только татары. Для этой цели при К. находится организатор-татарин, мнение которого очень ценится Комитетом, что вполне понятно, если принять в соображение, что 30 проц. населения Казани—татары. Между прочим, он—основательный социал-демократ «ортодоксального» толка, без малейшей примеси национализма.

ИЗ ПАРТИИ.

«Борьба Пролетариата». Нами получен № 3 «Борьбы Пролетариата», органа Кавказского Союза Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии. В передовой статье: «Царский манифест и народная революция» очень популярно и литературно изложены причины, вызвавшие царский манифест, цель царской Думы и наши задачи. «Укрепить самодержавие и обуздать революцию — таково назначение Гос. Думы» — говорится в статье. «Мы должны объявить Гос. Думе самый беспощадный бойкот, повести энергичную агитацию против нее и всеми силами постараться провалить эту царскую комедию». Лозунгами соц.-дем. должны быть: всенародное восстание—революция (революционная армия, добавили бы мы), временное революционное правительство, как средство успешного завершения революции, созыв Учредит. Собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права. Только эти меры могут обеспечить демократическую республику, необходимую пролетариату для успешной борьбы за социализм.

Статья «Времен. револ. правительство и соц.-демократия» разъясняет характер предстоящей революции и указывает на пролетариат и крестьянство, как главные силы этой революции. Объяснив цель и задачи врем. револ. правительства—закрепление победы революции, борьба с контр-революцией, проведение нашей программы-минимум и созыв всенародного Учред. Собрания,—автор статьи спрашивает, кто должен составлять это правительство, и справедливо отвечает: «Представители тех, кто на улицах завоюет свободу». Затем в статье разбираются «доводы» относительно принципиальной недопустимости участия соц.-дем. во врем. рев. правительстве. Ссылка на резолюцию Амстердамского конгресса по поводу французского жоресизма не имеет смысла, ибо эта резолюция неприменима к России и временному революционному правительству. Апелляция «к теням Маркса и Энгельса» неуместна, ибо они ничего не говорят о том, чтобы участие соц.-дем. во времен. револ. правительстве противоречило принципам соц.-демократии. Наконец, принцип оставаться всегда партией крайней оппозиции есть принцип анархический.

В статье: «Ответ «Социал-демократу» мы отметим прекрасную постановку вопроса о знаменитом «внесении сознания извне». Автор расчленяет этот вопрос на 4 самостоятельные части: 1) Философский вопрос об отношении сознания к бытию: бытие определяет сознание. Сообразно с существованием двух классов и сознание вырабатывается двоякое: буржуазное и социалистическое. Положению пролетариата соответствует сознание социалистическое. 2) «Кто может и кто вырабатывает это социалистическое сознание (научный социализм)?». «Современное социалистическое сознание может возникнуть лишь на почве глубокого научного знания (Каутский), т.-е. выработка его «есть дело нескольких интеллигентов, социал-демократов, обладающих требуемыми к тому средствами и досугом». 3) Как проникает это сознание в пролетариат? «Тут-то и выступает соц.-демократия (а не только интеллигенты-соц.-демократы), которая вносит в рабочее движение социалистическое сознание». 4) Что встречает соц.-демократия в самом пролетариате, идя в него с проповедью социализма? Инстинктивное влечение к социализму. «Вместе с пролетариатом с естественной необходимостью зарождается социалистическая тенденция как у самих пролетариев, так и тех, кто усваивает точку зрения пролетариата; так объясняется зарождение социалистических влечений» (Каутский). Меньшевик делает отсюда смехотворный вывод: «Отсюда ясно, что социализм не вносится извне в пролетариат, но, наоборот, выходит из пролетариата и входит в головы тех, которые усваивают воззрения пролетариата!».

Кроме того, данный номер содержит очерк: «Жизнь и литература». Вот его оглавление: «Самодержавие обманулось (заключение мира). Новые мероприятия («Земство для окраин, Госуд. Дума для всей России»). А жизнь бурлит. Партии формируются. Две армии (революции и контр-революции). Кто не за нас, тот против нас. «Отцы» хлопочут, рабочие «мешают». «Иверия» (национальн.-радикал. груз. орган) критиканствует. «Цнобис-Пурцелли» (национал.-либерал. груз. орган) философствует. А жизнь смеется». Статья «Начали за здравие, кончили за упокой» разоблачает всю неустойчивость и непринципиальность партийной политики меньшинства со II съезда и поныне.

В номер вошли также две статьи из «Пролетария»: «Городская революция» и «Фридрих Энгельс». Далее следуют корреспонденции; номер заканчивается отделом «Из партии».

«Рабочий», № 2, газета, издаваемая в России Центральн. Ком. Р.С.-Д.Р.П.; вышел 3-го августа. Содержание: Самодержавие и голод, Военная хитрость правительства (о Гос. Думе), Гос. Дума или Учред. Собрание? Что такое военные суды? Фельетон: Письмо к рабочим; Телеграфные известия, не пропущенные цензурой в газетах. Корреспонденции. В номере 8 страниц.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Петербургским Ком.: Ко всем гражданам, перепеч. листка ЦК. Моск. Ком.: Бюллетени о всеобщей забастовке, № 1 и 2. Бакинским Ком.: 1. «Вот уже три недели, как вся жизнь в Баку замерла» (листок № 141), 2. Отчет за июнь и июль. Тульским Ком.: Почему происходит резня на Кавказе? Сев.-Зап. Союзом: Внешний мир и внутренняя война, 12.000 экз. Самарским Ком.: Отчет за август. Иркутским Ком.: «Летучий Листок» № 6, 9 сентября, две страницы. Томским Ком.: 1. Резолюция томских студентов, 2. К рабочим Томска и ст. Тайга. Читинским Ком.: 1. Ко всем тов. стачечникам по Сиб. ж. д., 1.500 экз., 24 августа, 2. Что было в Красноярске, 3. Письмо ж.-д. рабочих ст. Обь к товарищам по линии Сиб. ж. д. Сибирским Союзом: 1. «Сибирский С.-Д. Листок» № 2, авг., 2. К гражданам, «Листок» № 47, 3. Царские войска переходят на сторону народа, «Листок» № 44. Украинскою С.-Д. Спилкою: Матрос до солдата (все вышеперечисленные листки печатные). Саратовск. Ком.: К крестьянам, печ. Ком. Горного района Сарат. К-та: К певцам, танцорам и хористам в трактирах. Правлением Союза столяров при Сар. Ком.: Ко всем товарищам-столярам. Береговым районом Сар. Ком.: Резолюция 1—2 сент. Союзом Типогр. Сар. Ком.: IV. По типографиям, 5-го сент. Костромским Ком.: Единение царя с народом. Александропольской военной с.-д. организацией: Два листка к солдатам александропольского гарнизона, оба напечатаны в «военно-свободной типографии». Союзом бакинск. раб.: Наши требования, печ., 30-го авг. Витебской группой: 1. Отчет с 24-го июня по 31-е июля, 2. Куда нас гонят? (Подписан организованными запасными соц.-демократами).

В Ком. Заграничной Организации поступило с 24-го июля от Лозаннской Гр. 9 фр. 25 с., через Берлинскую Группу от Германского Parteivorstand'a 2.445 фр. 45 с., из Гейдельберга на вооружение 104 фр. 67 с., от Цюрихской Гр. 12 фр., из Льежа—«спорные деньги»—15 фр., Лейпцигской Гр. по подписному листу № 44 24 фр., из Аахена на нужды восстания 123 фр. 14 с., от Цюрихской Гр. 39 фр. 53 с., от Бернской Гр. (собранные на вооружение в Weggis'e) 130 фр., от Лозаннской Гр. 12 фр., от Миттвейденской Гр. на вооружение 12 фр., за открытки 18 фр. 90 с., от Женевской Гр. 110 фр., от тов. Z. из Weggis'a на вооружение 20 фр., от Женевской Гр. 100 фр. от Лозаннской Гр. 16 фр. 85 с., из Chemnitz'a, Sammellisten 385 und 386 9 фр. 90 с. Итого: 3.202 фр. 69 с.

Секретарь КЗО убедительно просит товарищей, живущих в тех городах, где не имеется партийных групп, сообщить свои адреса в КЗО.

Из отчетов. Казанского К-та за май и июнь. Приход 745. 73; расход 745. 73; издано за отчетное время 18 листков в количестве 74.500 экз.

Либавской Группы за август. Приход 245.91; расход 169.40.

Железнодорожного С.-Д. Союза при Московском Комитете за август. Приход 158.70; расход 158.70; распространено за отчетное время 17 листков в количестве 9.598 экз.

Самарского Комитета за август: приход 285 р. 11 к.; расход 305 р. 31 к.; в том числе содержание типографии 171 р. 15 к. Агитационные собрания: 1. Около 500 чел. О наших консерваторах и либералах, о профессиональных союзах, о городском самоуправлении. 2. Около 400 человек. О заключении мира, о Гос. Думе. 3. Около 600 чел. О ходе революции и о роли врем. рев. правительства. Кроме того, 4 районных массовки были посвящены беседам о Гос. Думе. Издательская деятельность типографии: 1. Последние оплоты царизма, 4.000, 2. Господа и братцы, 6.000, 3. Письмо крестьян Сквирского уезда ко всем сельским работникам, 3.000, 4. К рабочим о Государственной Думе, 5.500 экз., 5. К крестьянам о ней же, 6.000, 6. Отчет за июль, 800. Всего 25.300 экз. На гектографе 4 изд., 565 экз. Изданий Центрального Комитета распространено около 1 пуда.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Адрес № 27а отменяется немедля. Петербуржцу. №№ 2 и 3 получены. Неаполю. №№ 7 и 8 получены. Кони. Письмо рабочего и ваше получено. Адрес для «Прол.» повторите еще раз. № 4711. Получено. Мурану. Получено ли письмо? Магомету. Спасибо за присылку. 0,225. То же. Афанасию. Письмо получили, ответили. Дяде Митяю. Письмо получили. Лоло 20 и субъекту. Ваше письмо, а также письмо и корр., пересланные через товарища, получены, будем делать, как вы просите. Тула. Оба письма рабочих получены. Тихону. Оба ваши письма получены. Далину. Все получено.

Поступил на-днях в продажу **Полный текст протоколов III съезда** Рос. С.-Д. Р. Партии. (32+404 стр.). Цена 5 фр.

Примечания.

Прим. 1. Заголовок и подзаголовок написаны тов. Ольминским. К рукописи приложена записка т. Теодоровича следующего содержания:

№ 28. „Красное Знамя“ (Czerwony Sztandar),

„Передовая статья под заглавием: „Конституция кнута“. Первую половину статьи, посвященную критике положения о Гос. Думе, я не перевел, так как она не представляет особенного интереса. Вторую же часть статьи—с критикой искровского плана „думской кампании“ и изложением рекомендуемой П. С.-Д. тактики—перевел полностью“.

Прим. 2. Приводим конец корреспонденции, не вошедший в газету; в рукописи эта часть зачеркнута простым карандашем:

P. S. (пока не печатайте). Меньшевики-рабочие колеблются. Только мы устраиваем на заводе митинги, только мы ведем интенсивную агитацию за наши лозунги, мы всегда остаемся победителями на всех больших митингах. Эти бюро, помимо частичных соглашений по отдельным вопросам, будут для нас ареной для нашей тактической агитации и для пополнения своих большевистских рядов. Я, как организатор района, вхож во все организации, значит и в эту, и думаю таким способом добить меньшевиков. В результате рядов споров по тактическим вопросам можно приводить меньшевиков к сознанию необходимости дискуссий, а на них мы сумеем справиться с нашими оппонентами. Интересно Ваше отношение к такой тактике. Напишите через Комитет мне, Алексею Михайловичу.

Об остальных подрайонах напишу в следующий раз. Теперь бегу на собрание Александровского подрайона. Там тоже было два митинга, и здесь они страшно подняли наши рессурсы. Получили ли мое первое письмо? Ответьте в ближайшем номере „Пролетария“. ЦК наконец-то передал нам транспорт, на-днях мы наводним районы нашей литературой.

Привет.

Петербуржец (А. Я. Каплан).

LE PROLETAIRE

Prix: 40 cts.

ЖЕНЕВА, 31 (18) октября 1905 г.

№ 23.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Всероссийская политическая стачка.

Женева, 26 (13) октября.

Барометр показывает бурю!—Так заявляют сегодняшние заграничные газеты, приводя телеграфные известия о могучем росте всероссийской политической стачки.

И не только барометр показывает бурю, но все и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска. Революция идет вперед с поразительной быстротой, развертывая удивительное богатство событий, и если бы мы захотели изложить перед нашими читателями подробную историю последних трех, четырех дней,—нам пришлось бы написать целую книгу. Но писать подробную историю мы предоставим грядущим поколениям. Перед нами захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество, и надо торопиться жить, чтобы отдать все свои силы этой войне.

Буря разразилась,—и какими мизерными кажутся теперь либеральные и демократические речи, предположения, гадания и планы относительно Думы! Как устарели уже—за несколько дней, за несколько часов—все наши споры о Думе! Некоторые из нас сомневались в том, под силу ли революционному пролетариату сорвать эту гнусную комедию полицейских министров, некоторые из нас боялись говорить со всей смелостью о бойкоте выборов. А вот выборы еще не везде начались, и одно мановение руки зашатало карточную постройку. Одно мановение руки заставило не либералов только и не трусливых освобожденцев, заставило г. Витте, этого главу нового «либерального» царского правительства, говорить (правда, пока еще только говорить) о реформах, подрывающих все хитросплетение всего булыгинского фарса.

Эта рука, мановение которой произвело переворот в вопросе о Думе, есть рука российского пролетариата. «Все колеса останавливаются,—говорит немецкая социалистическая песня,—когда того захочет твоя могучая рука». Теперь эта могучая рука поднялась. Наши указания и предсказания о великом значении политической массовой стачки в деле вооруженного восстания блестяще оправдались. Всероссийская политическая стачка охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в геройском подъеме самого угнетенного и самого передового класса все народы проклятой «империи» Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма. Москва и Петербург поделили между собой честь революционного пролетарского почина. Забастовали столицы. Бастует Финляндия. Остзейский край, с Ригой во главе, присоединился к движению. Геройская Польша снова уже встала в ряды стачечников, точно издеваясь над бессильной злобой врагов, которые мнили разбить ее своими ударами и которые только ковали крепче ее революционные силы. Встает Крым (Симферополь) и юг. В Екатеринославе строятся баррикады и льется кровь. Бастует Поволжье (Саратов, Симбирск, Нижний), разгорается стачка и в центральных земледельческих губерниях (Воронеж), и в промышленном центре (Ярославль).

И во главе этой многоязычной, многомиллионной рабочей армии встала скромная делегация союза железнодорожных служащих. На сцену, где разыгрывались политические комедии господами либералами с их высокопарно-трусливыми речами к царю, с их ужимками по адресу Витте, — на эту сцену ворвался рабочий и предъявил новому главе нового «либерального» царского правительства, г-ну Витте, свой ультиматум. Делегация жел.-дор. рабочих не пожелала дожидаться «мещанской управы», Гос. Думы. Делегация рабочих не стала даже тратить дорогого времени на «критику» этой кукольной комедии. Делегация рабочих подготовила сначала критику делом—политическую стачку—и тогда заявила министру-клоуну: решение может быть только одно—созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего и прямого избирательного права.

Министр-клоун говорил, по меткому выражению самих жел.-дор. рабочих, «как настоящий чинодрал, виляя как всегда, не давая ничего определенного». Он обещает указы о свободе печати, отвергая всеобщее избирательное право; учредительное собрание «теперь невозможно»,—выразился он, судя по заграничным телеграммам.

И делегация рабочих объявила всеобщую стачку. Делегация рабочих пошла от министра в университет, где происходят политические собрания с десятком тысяч участников. Пролетариат сумел воспользоваться трибуной, предоставленной ему революционным студенчеством. И на первых в России массовых, систематических, свободных политических собраниях во всех городах, в школах, на заводах, на улицах, обсуждается ответ министра-клоуна, говорится о задаче решительной вооруженной борьбы, которая сделает «возможным» и необходимым созыв Учредительного Собрания. Заграничная буржуазная печать, даже самая либеральная, с ужасом бормочет о тех «террористических и мятежных» лозунгах, которые провозглашают ораторы свободных

народных собраний, как будто правительство царя не вызвало само всей своей политикой угнетения необходимость и неизбежность восстания.

Восстание близится, оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки. Назначение министра-клоуна, уверяющего рабочих, что всенародное учредительное собрание «теперь» невозможно, показывает ясно подъем революционных сил и упадок сил царского правительства. Самодержавие у ж е не в силах открыто выступить против революции. Революция е щ е не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессии к уступкам, к законам о свободе печати и свободе собраний.

Вперед же, к новой еще более широкой и упорной борьбе, чтобы не дать опомниться врагу! Пролетариат сделал уже чудеса для победы революции. Всероссийская политическая стачка страшно приблизила ее победу, заставив врага заметаться в предсмертном ужасе. Но нами сделано еще далеко, далеко не все, что мы можем сделать и должны сделать для окончательной победы. Борьба подходит, но еще не подошла к настоящей развязке. Рабочий класс поднимается, мобилизуется, вооружается именно теперь в невиданных раньше размерах. И он снесет, наконец, целиком ненавистное самодержавие, прогонит всех министров-клоунов, поставит с в о е временное революционное правительство и покажет всем народам России, как «возможно» и как необходимо именно «теперь» созвать действительно всенародное и действительно учредительное собрание.

(Н. Ленин).

Первые итоги политической группировки.

Помещенный нами в предыдущем номере отчет о конференции с.-д. партий и организаций России дает возможность подвести некоторые, хотя бы первоначальные, итоги по вопросу о современной политической группировке. Конференция с.-д. партий и организаций (Р. С.-Д. Р. П.—ЦК, Бунд, Латышская С.-Д. Р. П., Польская С.-Д. и Р. У. П.) приняла единогласно тактику активного бойкота по отношению к Гос. Думе. Необходимость усиленной агитации против Г. Думы в прямом значении слова, необходимость агитировать против всех партий, допускающих участие в Г. Думе, наконец, обязательность подготовки вооруженного восстания признаны теперь, можно сказать без преувеличения, всей революционной социал-демократией независимо от национальных различий. Основы той тактики, которую принял ЦК Р. С.-Д. Р. П. и которую мы защищали в «Пролетарии», начиная с № 12 нашей газеты, т.-е. в течение уже $2^1/_2$ месяцев, стали теперь основами тактики почти всей социал-демократии в России, за одним печальным исключением.

Этим исключением, как известно читателю, является «Искра» и «меньшинство», отколовшееся от Р. С.-Д. Р. П. «Организационная Комиссия»—его практический центр—была представлена на конференции. Как вотировал ее делегат, мы не знаем, но факт тот, что Организационная Комиссия отказалась подписаться под резолюцией конференции. Этого и надо было ожидать, после принятия южной «учредительной» конференцией новоискровцев крайне неразумной и, по принципиальному ее значению, оппортунистической резолюции о Г. Д., подробно разобранной нами в № 20 «Пролетария».

Политическая группировка, таким образом, вполне наметилась. Вопрос об отношении к Г. Думе вызвал едва ли не впервые совместное обсуждение политической тактики оппозиционными и революционными партиями, легальной и нелегальной печатью. Это был громадный шаг вперед, по сравнению с предыдущим периодом движения. Прежде целая пропасть отделяла оппозицию от революционеров, легальную работу от нелегальной. Теперь движение так гигантски ушло вперед за какие-нибудь десяток месяцев, что пропасть в значительной части оказалась засыпанной: «легальная» оппозиция была поднята революционной борьбой на гребень волны, почти до признания факта революции. Прежде мы, собственно говоря, и не могли спорить с представителями легальной оппозиции о тактике, о поведении политических партий, ибо и партий-то, кроме революционных, нелегальных, не было, ибо «политическая деятельность» вся сплошь совпадала с деятельностью «политических преступников», если оставить в стороне «деятельность» самодержавия и его слуг. Теперь Г. Дума сделалась естественно и неизбежно предметом обсуждения всех масс народа всех оттенков, направлений и партий. Революционная борьба пробила дорогу революционной дискуссии и в легальную печать, и в земские собрания, и в студенческие сходки, и в массовые рабочие митинги.

Дискуссию по вопросу о том, как отнестись к Гос. Думе, начали едва ли не первые земцы и радикальная интеллигенция, наиболее заинтересованные непосредственно в царской подачке и наиболее осведомленные о ней еще до издания манифеста 6-го августа. А затем эта дискуссия перешла во всю политическую печать России, как свободную, т.-е. нелегальную, договаривавшую все свои доводы и все свои лозунги до конца, так и в легальную, писавшую эзоповским языком за бойкот и свободно против бойкота.

Политическая группировка, этот предвестник размежовки политических партий и классов всех народов России, стала складываться именно по вопросу о бойкоте. Итти в Думу или не итти? Срывать Думу или принять Думу? Бороться ли в Думе, на почве Думы или вне Думы, помимо Думы, против Думы?—так встал вопрос неизбежно и перед привилегированной кучкой избирателей и перед «бесправной» массой народа. И вот по этому вопросу, который решался, конечно, с тысячи различных точек зрения и с тысячами всяких вариантов и «особых мнений», имеются теперь с в о д н ы е р е з у л ь т а т ы того «опроса» общественного мнения, который дается всей печатью и всей суммой заявлений всех политических организаций, политических собраний, сходок и т. д.

Эти сводные результаты таковы:

Три основных типа взглядов на Думу выступают выпукло в полном соответствии с тремя основными и главными социальными силами происходящей революции: взгляд ч е р н о с о т е н с к и й (самодержавие), ли-

беральный (буржуазия) и революционный (пролетариат). Черносотенцы ухватились за Думу, как за лучшее и, пожалуй, единственно возможное, даже единственно мыслимое средство отстоять самодержавие. Либералы раскритиковали Думу и приняли Думу, влекомые с неодолимой силой к путям легальным и к соглашению с царем. Революционный народ, с пролетариатом во главе, заклеймил Думу, провозгласил активный бойкот ее и показал уже на деле свое стремление превратить этот активный бойкот в вооруженное восстание.

На этих трех основных типах стоит несколько поподробнее остановиться.

Что касается черносотенцев, то можно было ожидать (и такое ожидание выражали люди, склонные взять Думу всерьез—даже, если не ошибаемся, и искровцы), что сторонники самодержавия будут прямо или косвенно сочувствовать бойкоту или абсентеизму, как выражается нередко наша рабья печать. Пускай, дескать, бойкотируют: нам же лучше, цельнее и чище будет черносотенский состав Думы. И так как в России есть консервативные органы, способные травить царских министров за чрезмерный либерализм, способные фрондировать против «слишком слабого» правительства, то подобный взгляд вполне мог бы найти себе такое же и даже более ясное выражение, чем многие взгляды конституционалистов. Но тут и сказалась ошибка людей, взявших Думу всерьез и заговоривших о борьбе на почве Думы, о поддержке борьбы в Думе и пр. и т. п. Тут и оказалось сразу, что самодержавие страшно нуждается в легальной думской оппозиции, страшно боится бойкота. Почему? Очень просто: потому, что полная невозможность управлять страной без сделки хотя бы с частью буржуазии, как класса, обнаружилась несомненно. Без сделки с правым крылом буржуазии нельзя управлять страной, нельзя достать денег, нельзя дольше жить. Как ни азиатски-дико наше самодержавие, как ни много в нем допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков, а все же самодержавное правительство есть правительство капиталистической страны, связанной тысячами неразрывных нитей с Европой, с международным рынком, с международным капиталом. Зависимость самодержавия от буржуазии всея России есть самая сильная материальная зависимость, которая, может-быть, прикрыта сотнями средневековых пристроек, которая, может-быть, ослаблена миллионами единоличных или групповых придворных подкупов (чинами, местами, концессиями, подачками, поблажками и пр., и пр.), но которая в решительные моменты народной жизни должна проявиться с решающей силой.

И если мы видим теперь, что г. Витте забегает пред либералами; что он говорит либеральные речи, о которых сообщает легальная печать; что он ведет «неформальные переговоры с г. Гессеном», вождем к.-д. (телеграмма петербургского корреспондента «Times»); что заграничная печать наводняется вестями о либеральных планах царя, то все это—не случайность. Конечно, тут тьма лжи и интриг, но, ведь, царское правительство, да и вообще всякое буржуазное правительство, не может ни единого шага в своей политике сделать без лжи и интриг. Конечно, тут много самого мелкого мошенничества, вызванного приездом в Петербург уполномоченных от французских и немецких банкиров для переговоров о новом займе в полмиллиарда рублей, до зарезу нужных царскому правительству. Но, ведь, вся система зависимости правительств от буржуазии неизбежно порождает случаи мошенничества при всех и всяческих сделках и проделках, в которых осуществляется эта зависимость.

Самодержавию необходимо «помириться» с буржуазией, и оно вынуждено стремиться к этому, при чем, разумеется, оно хочет надуть общественное мнение Европы и России. А Гос. Дума есть великолепное средство для этой цели. Легальная оппозиция буржуазии в Думе есть именно та внешность признанного буржуазией государственного строя, которая, может-быть, была бы в состоянии еще помочь самодержавию вывернуться.

Отсюда понятно, почему «Моск. Ведомости», этот орган консервативной оппозиции правительству, не с злорадством и не с усмешкой, а с пеной на губах, с бешенством отчаяния говорит о бойкоте Думы. Отсюда понятно, что орган черносотенцев, «Новое Время», обрушивается на «абсентеистов» и пытается привлечь к борьбе с идеей бойкота даже Бебеля («Пролетарий» № 20). Черносотенцы боятся бойкота, и только слепые или заинтересованные в оправдании либералов люди могут отрицать теперь, что успех бойкота был бы безусловно обеспечен, если бы за него высказались деятели земских и городских съездов.

Но в том-то и дело, что либеральная буржуазия всеми своими коренными классовыми интересами влечется к монархии, к двум палатам, к порядку, умеренности, к борьбе с «ужасами» «постоянной революции», с «ужасами» французского образца революции... Поворот либеральной буржуазии, освобожденцев и к.-д., от радикальных фраз о бойкоте к решительной войне с бойкотом есть первый крупный политический шаг всероссийской буржуазии, как класса,—шаг, свидетельствующий о ее предательской натуре, о ее «приготовлении к преступлению», называемому изменой революции. И это не простое приготовление (ненаказуемое ни по каким законам, как возразил бы нам, пожалуй, какой-нибудь остряк из освобожденских юристов), а покушение и даже оконченное покушение. Мы живем теперь быстро. Давным-давно миновали те (недавние по обычной хронологии, неприменимой к революциям) времена, когда нам надо было будить политическое сознание буржуазии вообще. Миновали даже и те времена, когда нам надо было помогать буржуазии сорганизоваться в политическую оппозицию. Теперь они проснулись, они организовались, и на очереди дня встала совсем другая, великая задача, которая стала возможной и реальной лишь благодаря семимильным шагам революции,—задача согласиться с царем (задача капитала) и задача нейтрализовать предательский капитал (задача труда).

Революционный пролетариат, идущий во главе революционного народа, и взял на себя эту задачу, оставаясь верным своему долгу: будить, толкать, поднимать своих «соседей» по борьбе с средневековьем и крепостничеством, переходя при этом от менее революционных соседей к более революционным. Революционный пролетариат, руководимый социал-демократией, «взял всерьез» не Думу, а те слова, обещания и лозунги о бойкоте Думы, которые по легкомыслию, крайней моло-

дости и увлечению сорвались с уст радикальных краснобаев буржуазии. Из фразы о бойкоте пролетариат сделал реальность, сделал тем, что поднял открыто и прямо знамя вооруженного восстания, сделал тем, что развернул не только широчайшую агитацию, но и прямую уличную борьбу (в Москве), сделал тем, что побратался с радикальной молодежью, этим передовым отрядом широкой, не вполне еще определенной в классовом отношении, но бесконечно угнетенной и эксплуатируемой народной, особенно крестьянской, массы. Социалистический пролетариат на практической, боевой задаче объединился без всякого соглашения и без всякого договора с пробудившимися слоями революционной буржуазной демократии. В великие московские дни (великие как предзнаменованье, а не как отдельно взятое событие) пролетариат и революционные демократы вели борьбу, в то время как либералы, освобожденцы и к.-д. вели переговоры с самодержавием.

Политическая группировка обрисовалась: за Думу ради сохранения самодержавия, за Думу ради ограничения самодержавия, против Думы ради уничтожения самодержавия. Иными словами: за Думу, чтобы подавить революцию, за Думу, чтобы остановить революцию, против Думы, чтобы довести до конца победоносную революцию.

Исключением, печальным и обидным исключением, нарушившим цельность отчетливой классовой группировки (и подтвердившим, как всякое исключение, общее правило), явилось оппортунистическое крыло социал-демократии в лице новой «Искры». Но и в этом исключении, в узенькой области заграничных, нелегальных организаций, сказалась очень важная и очень поучительная закономерность, предсказанная уже нами. Конференция, о которой мы сказали выше, объединила революционную социал-демократию. «Искра» осталась о б ъ е д и н е н н о й—не в силу договора, а в силу хода вещей—с «О с в о б о ж д е н и е м». В нелегальной печати за активный бойкот встали революционные социал-демократы и крайняя левая революционной буржуазной демократии. Против бойкота встали оппортунистические социал-демократы и крайняя правая буржуазной демократии.

Так подтвердилось то, что было показано анализом важнейшей из тактических резолюций новоискровцев («Две тактики» Ленина), именно, что «Искра» опускается до либеральных помещиков, а «Пролетарий» поднимает до своего уровня крестьянскую массу; «Искра» опускается до либеральной буржуазии, а «Пролетарий» поднимает революционную мелкую буржуазию.

Кто знаком с соц.-дем. литературой, тот знает пущенную давно «Искрой» фразу: большевики и «Пролетарий» покачнулись в сторону социалистов-революционеров, в сторону крайней буржуазной демократии. В этой фразе, как и во всякой ходячей фразе, есть доля истины. Она выражет не простую досаду искровцев, она отражает действительное явление, но отражает так, как отражает предмет вогнутое зеркало. Это действительное явление есть тот ф а к т, что меньшевики и большевики представляют из себя оппортунистическое и революционное крыло российской социал-демократии. Так как искровцы повернули к оппортунизму, то они неизбежно должны были притти к выводу, что большевики (говоря языком политических делений восемнадцатого века)—«якобинцы». Эти обвинения только п о д т в е р ж д а ю т наш взгляд на правое и левое крыло современной социал-демократии. Эти обвинения со стороны оппортунистов т а к ж е л е с т н ы нам, как лестны были в 1900 году обвинения в «народовольчестве» со стороны «Рабочей Мысли». Теперь действительная политическая группировка всех политических направлений во всей России по крупнейшему вопросу тактики доказала на деле правильность нашей оценки всей искровской позиции, начиная с 2-го съезда Р. С.-Д. Р. П.

Группировка нелегальных партий, завершенная конференцией всех социал-демократов, естественно дополняет таким образом группировку всех партий в вопросе о Думе. И если искровцы оказались обидным исключением, то тот факт, что они—исключение, дает нам новую веру в силу правила, в победу революционной социал-демократии, в осуществление русской революцией ее последовательных лозунгов. Если в минуты уныния пошлость либералов и опошление марксизма некоторыми марксистами кажутся предзнаменованием того, что и революция у нас выйдет пошлая, ублюдочная, недоконченная, в роде немецкой 1848 года, то за то жизненность принципов революционной социал-демократии внушает бодрящую веру, и выступления геройского рабочего класса поддерживают эту веру. Революция дает прекрасную размежовку политических направлений, прекрасное доведение до абсурда ошибочных мнений. Революция в России идет так, что оправдывает до сих пор те надежды на ее полную победу, которые внушает сложившаяся теперь внешняя и внутренняя ситуация. И при виде смятения самодержавия, растерянности либералов, при виде бодрой революционной энергии пролетариата, тянущего за собой крестьянство,—хочется верить, что «пойдет наш поезд, как не шел немецкий».

(Н. Ленин).

Буржуазные „соглашатели“ и пролетарские революционеры [1]).

Созыв Государственной Думы вызвал новые «недоразумения» в среде социал-демократов, привел к новым разногласиям. Если перед указом 6-го августа, особенно под влиянием одесских событий, «Искра» увлекалась идеей восстания и даже не прочь была организовать временное правительство, то теперь—перед отверстыми вратами Государственной Думы—восстание опять теряет для нее привлекательную силу и превращается в «вещь в себе», как было до 9-го января. Увлекшись перспективой соглашений с мирными буржуазными демократами, «Искра» заменяет вооруженное восстание революционным векселем гг. Петрункевичей и с негодованием обрушивается на «Пролетария», агитирующего за борьбу против Думы. «Искра» отказывается соединять агитацию по поводу Думы с агитацией за вооруженное восстание. Несколько сходную позицию занимает и Бунд. Правда, он призывает к бойкоту Думы и говорит, что «к восстанию надо готовиться», но тут же спешит добавить, что «поднять агитацию против Думы во имя вооруженного восстания вообще

нельзя». Таким образом, и Бунд не считает возможным соединять агитацию против Думы с агитацией за вооруженное восстание *).

«Пролетарий» с самого начала занял совершенно другую позицию. Рабочий класс и вообще беднейшие слои населения лишены избирательного права, сталобыть, провести своих кандидатов в Думу мы не можем. Поддерживать, по совету «Искры», буржуазных кандидатов—как бы «крайни» они ни были—при наших политических условиях было бы величайшим развратом. И чем могли бы мы поддержать их? Голосами?—Но у рабочих нет голосов. Убеждениями?—Но наши убеждения не в силах опровергнуть убедительности материальных интересов буржуазии. Насилием? Терроризированием?—Но для этого нужно представлять реальную силу, силу более внушительную, чем сила самодержавия. Для этого нужно иметь за собой вооруженную революционную армию. Но раз вы будете иметь ее налицо, тогда вся затея с «давлением» на выборы в Думу превратится в кукольную комедию. Тогда со стихийной неизбежностью выдвинется в порядок дня вопрос о низвержении самодержавия, вопрос о восстании. Поэтому социал-демократии остается перед лицом Думы только один путь: обращение от Думы к народу. Разоблачение политического значения Думы, как соглашение верхов буржуазии с правительством, клеймение предательства буржуазии, а следовательно, и клеймение тех «либералов», «демократов» и пр., которые идут на эту сделку. Подготовление пролетариата и широких народных масс к восстанию—подготовление идейное, путем пропаганды наших лозунгов, и подготовление техническое, путем организации боевых отрядов, распространения оружия и военно-технических сведений. Одним словом, апелляция от пререканий с министрами из-за прав к вооруженной борьбе за права.

Сознание необходимости подготовки народных масс к восстанию, подготовки их к тому, чтобы они при первом покушении со стороны контр-революции могли выступить на защиту своих интересов, лежит в основе всей агитации Маркса 1848 г. И даже наличность двух учредительных собраний—берлинского и франкфуртского—не могла заставить его отказаться от подготовки восстания и принять «план» «Искры».

Когда вспыхнула мартовская революция в Германии, Маркс и его ближайшие друзья поспешили из Парижа в Кельн. Рейнская провинция представляла тогда самую развитую в экономическом отношении и самую революционную область Пруссии. И вот в этом очаге революции Маркс начал издавать политическую газету—«Новую Рейнскую Газету». С первых же номеров этот новый «орган демократии»—так называла себя газета—занял вполне определенную политическую позицию. «Revolution in Permanenz»—непрерывная революция, борьба за превращение полу-революции в полную революцию—таков был его лозунг. Когда газета начала выходить, в Берлине заседало уже прусское учредительное собрание, а во Франкфурте общегерманское; они были избраны всеобщим (хотя и не прямым) голосованием. Но этот факт не вызвал идиллического настроения у Маркса, и он продолжал вести усиленную агитацию за подготовку восстания. Органом этой агитации, на-ряду с «Новой Рейнской Газетой», являлся демократический комитет. Дело в том, что революционные события сблизили мелкобуржуазные элементы с пролетарскими, еще неспособными к самостоятельной политической роли. В июне 1848 г. собрался во Франкфурте первый съезд демократов, в котором приняли участие и пролетарские организации, особенно руководимый Марксом Союз Коммунистов. Этим съездом было положено начало организации демократов в целях агитации за демократическую республику. Из всех союзов и комитетов, созданных с этой целью, наибольшую энергию проявил рейнский окружной комитет, в котором, на-ряду с двумя буржуа, заседали Маркс, Молль, Шаппер и Герман Беккер (последний не входил в Союз Коммунистов, но был к нему близок).

Демократический Комитет развил самую широкую организационную и агитационную деятельность. Вся та доля политической свободы, которую принесла мартовская революция, была использована им до последних пределов. Он употребил все усилия, чтобы привлечь на свою сторону гражданскую гвардию. И это ему действительно удалось. Воспользовавшись бесчинством солдат одного из стоявших в Кельне линейных полков, демократы добились как удаления этого полка из Кельна, так и смещения начальника гражданской гвардии Витгенштейна. Гвардия очутилась под влиянием революционных элементов. После этого было постановлено на одном из многочисленных народных собраний выбрать комитет общественной безопасности «в качестве представительства населения Кельна, не имеющего своих представителей в существующих законных административных учреждениях». Это же собрание обратилось, по предложению Энгельса, к берлинскому национальному собранию с призывом не покидать своего поста даже пред угрозой штыков. Еще более грандиозное народное собрание, на котором говорили речи Энгельс, Шаппер, Вильгельм Вольф, Лассаль, открыто высказалось за демократическую, социальную, «красную» республику.

Так работали творцы научного социализма, подготовляя народное восстание в тот момент, когда наверху тратилось время на бесполезные словопрения и пререкания с королевскими министрами.

Понятно, что активная революционная работа Демократического Комитета и «Новой Рейнской Газеты» очень не нравилась правительству. Оно уже давно наводнило Прирейнскую провинцию войсками, крепости были приведены в военное положение, и власти употребляли все усилия, чтобы вызвать пролетариат на открытое столкновение и потопить революционное настроение в крови. Но не даром в комитете сидели коммунисты. Маркс постоянно разоблачал провокаторскую политику прусских военных властей и говорил рабочим: не попадайтесь на удочку, не разменивайте своего революционного настроения на мелкие, бесплодные вспышки, берегите силы для решительной борьбы—той борьбы, которая превратит полу-революцию в полную революцию.

Тем не менее 25 сентября произошло столкновение, окончившееся, правда, без серьезных последствий и показавшее воочию плоды революционной пропаганды. Полиция пыталась арестовать некоторых вождей движе-

*) Статья писана до конференции с.-д. партий. Теперь Бунд соединяет агитацию против Думы с агитацией за восстание (Ред.).

ния. Беккер и Шаппер были, действительно, арестованы, Вольфа не могли найти, а Молль был отбит толпою. Тогда начальник полиции приказал гражданской гвардии арестовать Молля и разогнать народное собрание, созванное на этот день на городской площади. И тут сказались результаты влияния революционеров. Гражданская гвардия отказалась исполнить приказ и заняла городскую площадь с тем, чтобы защищать народ. И собрание, действительно, состоялось беспрепятственно—состоялось под председательством разыскиваемого Вильгельма Вольфа, и говорил на нем между прочим подлежавший аресту Молль! Когда народ уже расходился, пронесся слух, что приближаются войска. В одно мгновение толпа бросилась строить баррикады и начала готовиться к защите. Слух оказался ложным. Войск не было, и баррикады с развевающимися на них красными знаменами благополучно простояли всю ночь.

Подготавливая к будущему восстанию народные массы, не только пролетариат, но демократические слои населения вообще (Маркс не читал № 249 «Последних Известий»*), и предостерегая их против бесполезной растраты сил,—Маркс имел в виду неизбежность нового революционного взрыва в ответ на контр-революционные покушения. По ходу всей революции, со второго же дня после 18-го марта, видел он, что дело идет к упразднению революции, к предательству интересов широких масс народа путем удовлетворения потребностей узкой группы крупной буржуазии. Он понимал, что обездоленные массы не могут добиться ничего посредством прений в палатах соглашателей, посредством одного давления на этих соглашателей. Перед лицом монархии, стоявшей еще во всеоружии своей власти, перед лицом крупной буржуазии, готовой продать за горсть привилегий народные права,—народ мог опереться только на один аргумент: на свою материальную силу, на силу вооруженного восстания. Если последним прибежищем монархии являлась контр-революция, то последним прибежищем народа являлась революция. Маркс предвидел эту контр-революцию, он предсказал ее заранее, и потому он указывал на этот момент народу, как на момент революции. Этот «герой голубиного полета» не только «приурочивал» восстание к определенному «моменту», но даже призвал к нему, когда этот «назначенный заранее» момент наступил. 9-го ноября министерство государственного переворота объявило указ о перенесении национального собрания в город Бранденбург. 15-го собрание вотировало отказ в податях *). 18-го появилось в «Новой Рейнской Газете» воззвание Демократического Комитета, подписанное Марксом, Шаппером и Шнейдером II. В этом воззвании авторы призывали народ: не платить податей, вооружаться для защиты от внутреннего врага, раздавать неимущим оружие за счет общины, требовать от должностных лиц подчинения постановлениям национального собрания, смещать тех из них, кто откажется повиноваться, и замещать их должности всеобщими выборами.

*) «Что социал-демократия должна взять на себя задачу подготовления к восстанию всех слоев населения «не удовлетворенных царской реформой»,—эта идея... по существу означает возврат к самым худшим традициям искризма, вплоть до знаменитой «теории» хождения во все классы населения. Большинство (!) действующих в России товарищей вряд ли признает за социал-демократией такую всенародную миссию: оно скорее полагает, что дело социал-демократии подготовлять к восстанию только рабочий класс» («Последние Известия», № 249). Бундист, говорящий от имени «большинства (гм!) работающих в России товарищей»! Бундист в роли хранителя чистоты социал-демократических принципов! Скорее ответьте, товарищи из Бунда, нет ли тут опять «иронии»?

*) См. «Пролетарий» № 16: «Страничка из истории».

[Рассказ матросов] с «Прута» [2]).

Дорогие товарищи! Все, что мы можем сообщить вам, с радостью сообщаем. Агитация у нас в Севастополе во флоте [стала] известна нам только в начале 1905 года, и направление ее было следующее: отказываться от сопротивления и действия против рабочих, заявлять явный протест против войны и нежелание итти на войну. Те же, которых посылали туда, должны были требовать экономических улучшений. На это больше опирались в агитации. Но это не считалось за важный факт, и все это вскоре перешло к тому, чтобы поднять полное революционное восстание, потребовать замены постоянных войск всеобщим народным вооружением, всеобщего образования детей и учредительного собрания на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, неприкосновенности личности и исполнения всех требований рабочих, которые каждый отлично понимал, потому что мало было даже полупролетариев, а все пролетарии. Агитировали не только на сходках, но даже и ночью на койках. В конце мая было совещание, на котором принято, чтобы вести агитацию на полуострове Тендре, и условлено было, как сообщаться со всеми остальными товарищами и знать ход дела в общем, так как у острова Тендры эскадра должна была пробыть 3 месяца на практике; и если бы явилась потребность или выпала бы благоприятная минута, то там начать, а если бы этого [не было, то] ожидать.

В успехе не было сомнения, потому что надеялись на Севастопольскую армию и крепостную артиллерию, так как те части войска жили и дышали духом флота. И все это решено делать не под андреевским, а под красным знаменем. По своему собственному наблюдению [мы можем] сказать, что команда броненосца «Екатерина II» была вполне сагитирована Петровым и готова выступить по первой надобности. Команды «Прута» и «Днестра» — безоружных судов — тоже были готовы, а о броненосце «Георгие» были хорошие отзывы; о «Потемкине» не было сведений, хотя он предъявил уже в начале мая или в конце апреля некоторые требования. О других судах отзывались средне, в экипажах было хорошо. И только в это время начали собираться пожертвования во флоте на нужды комитета, а в особенности на печать, так как печатью мы были очень бедны, а потребность явилась большая; нам даже были даны адреса в Одессу для достачи печати. Когда мы были в Одессе с «Екатериной» в конце мая, то не нашли по адресу, кого нам надо было. Таково было положение до июня.

Призыв Маркса не вызвал восстания. Значит ли это, что Маркс был неправ, что его оценка событий была неверна? Нисколько. Маркс совершенно ясно различал и подчеркивал неоднократно, что тактика, которую он подсказывает, есть тактика, определяемая правильно понятыми интересами самой буржуазии. Интересы буржуазии, как класса, и политические, и экономические интересы ее требуют доведения революции до конца, полного переворота во всем строе общественных отношений. А при наличности сильной еще и прямой феодальной реакции, это значило—борьба с оружием в руках до крайнего предела, до свержения монархии, до провозглашения республики. Но буржуазия, даже мелкая буржуазия, интересы которой тоже проторговывали, не хотела драться. Ошибка была не на стороне Маркса, а на стороне этой буржуазии. Маркс верно оценил положение дел и подсказывал верные лозунги—это подтвердила вся дальнейшая история Германии,—но те, кто должен был осуществить эти лозунги, оказались не на высоте своей исторической задачи.

Приведенная нами страничка из истории весьма поучительна для нас. У нас Государственная Дума является заведомо и откровенно предательским учреждением; соглашательная политика крупной буржуазии уже ясна. Переносить хоть на минуту главное внимание с вопроса о подготовке масс к открытой, вооруженной, материальной борьбе на вопрос о политике думских делегатов значит попадать в ловушку реакции. Тратить силы на то, чтобы в лучшем случае подготовить эффектный пуф в думе,—«Искра» называет это «взрывом», правильнее было бы назвать фейерверком,—тратить на это силы организации, далеко, увы, не обильные, значит не понимать самой сути переживаемого исторического момента, не понимать взаимоотношения сил, не понимать решающей роли материальной силы в революции. Кампания Маркса в 1848 г. является для нас поучительным руководством. В то время как заседают действительно учредительные собрания, он подготовляет массы к восстанию. У нас созывается заведомо фальсифицированное совещательное собрание,—и уже [нашлись оппортунисты в социал-демократии, которые] отстраняют вопрос о подготовке восстания, сосредоточивая свои упования на Думе «соглашателей», [которая, изволите видеть, может превратиться в «революционное собрание»! Упование этих несчастных слепцов на революционность Думы прикрывает только наготу их беспомощной тактики, в которой не осталось ничего революционного].

(В. Воровский).

Парламентаризм и революция.

В течение долгого безвременья, когда партия наша была осуждена на подготовительную подпольную работу, мы взирали с чувством грустной зависти на наших западно-европейских товарищей, которые могли вести открытую парламентскую борьбу. Мы сознавали, что не можем перенести их тактику, их приемы, их политическую мудрость на отечественную почву, но мы в мечтах приветствовали тот день, когда Р. С.-Д. Р. П. войдет, в качестве сильной оппозиции, в российский парламент. Законная мечта! Кто упрекнет нас за нее? Но мы не менее ясно сознавали, что между парламентским будущим и тяжелым настоящим лежит революция. Мы всеми силами старались приготовить почву для нее, накопить тот горючий материал, который должен был вспыхнуть грозным пожаром при благоприятных обстоятельствах. Мы так были уверены в неизбежности революции в России,—хотя ничто еще не служило тогда явным предвестником ее близкого наступления,—что

7-го июня с «Екатерины» ученики были разосланы на разные суда. Петров и большая часть других перешли на «Прут», где с первого дня принялись за агитацию смешанных со всех экипажей машинных учеников флота, часть которых была уже готова.

Петров получил записку от команды «Потемкина», в которой было сказано, что если «Прут» будет на рейде в бухте, когда эскадра будет итти от Тендры, и будут вывешены упомянутые в записке флаги, то команда «Прута» должна высадить десант и завладеть крепостной артиллерией. Вскоре «Потемкин» вышел на Тендру. К записке была сделана приписка, в которой сообщалось, что всем судам разосланы сообщения.

15-го июня «Прут» вышел с комиссией, назначение которой было осмотреть батареи, приготовленные мишенями для практики стрельбы с эскадры, находящейся у полуострова Тендры, и передать двух учеников на «Потемкин», который должен быть на Тендре; но его не было. Отсюда «Прут» вышел в Николаев, куда прибыл 16-го, часов в 10 утра. 17-го должны были принять груз для Севастопольского порта, но получили экстренную телеграмму из Одессы — следовать немедленно в Одессу и присоединиться к второй эскадре. Эта весть обежала всех, и вскоре поняли, в чем дело и откуда взялась вторая эскадра. В 5-м часу 17-го, перед выходом пришел контр-миноносец «Свирепый», привезший приказание сниматься, наверно, от старшего флагмана Кригера, который исполнял должность временного командира, так как дракон Чухнин возвращался с полномочиями от контр-дракона отпрыска Романовых. Полномочия Чухнина были именно, кажется, против революционеров, так как ему больше незачем было навещать контр-дракона.

Вышли из Николаева. Нервы у всех были напряжены: каждый чувствовал, что пришел момент закончить подготовку и итти прямо в действие. Все напряженно смотрели вперед; некоторые кучки потихоньку напевали: «Отречемся от старого мира»... [Близ Очакова видели] много коммерческих судов, стоящих на якорях. Во время этого перехода мы слышали разговор старшего офицера, лейтенанта Руднева, с прапорщиками Сидоренко и Сандаковым. Сидоренко спрашивал Руднева: «Что мы будем делать, если нападет «Потемкин»?—«Что же делать?—ответил Руднев,—сдадимся». А командир говорит Сидоренко: «Что же, будем смотреть на него?» Командиром был капитан 2-го ранга Барановский.

Уже наступили сумерки, но мы ничего не видели впереди. Все это время на палубе и в кубриках собирались кучки матросов; между ними были и ученики одесского мореходного училища, механики, то-есть машинисты и

среди нас, социал-демократов революционеров (легальные марксистообразные Струве и струвики не в счет), парламентский кретинизм Бернштейнов и Жоресов вызывал лишь смех и презрение. Мы склонны были думать, что немцы и особенно французы слишком увлекаются «легальными» методами борьбы, переоценивают значение парламента, недооценивают значение революции. Нам странно видеть теперь обратное.

Германская социал-демократия под влиянием дальнейшего развития обстоятельств, а в значительной мере также под влиянием последних событий в России, пересматривает установившиеся взгляды на парламентаризм, ставит его на настоящее место, выдвигает [вопрос о новых формах] борьбы общественных сил. Германской социал-демократии вполне основательно кажется, что буржуазия хочет и может обездушить, обескровить парламентаризм, и она горячо, торопливо обсуждает революционные оружия, какими располагает сейчас пролетариат, потому что на ослабленном парламентаризме пролетариат не может помириться ни на один день.

А у нас?..—А у нас [с изданием закона о Гос. Думе] запахло в воздухе фальсификацией парламента, правительство показало из-под полы жалкую карикатуру на представительство... и парламентский кретинизм уже расцвел пышным цветом.

Ах, как хочется в парламент! словно чеховским трем сестрам в Москву! Правда, в презренное подобие парламента представителей рабочих не пускают... но это ничего! Не бойкотируйте сладкого миража, ради бога не бойкотируйте, а то он расплывется в воздухе! Если нельзя представить собою парламентариев в креслах Думы, то нельзя ли поиграть в парламент хоть на задворках? Давайте выбирать! Правда, выборные иногда попадут в кутузку, а не в Думу, но все-таки давайте выбирать. Так сладко выбирать, господа!.. Выбирать представителей... Выбрать своих депутатов—членов революционного самоуправления совместно с «обществом»...

Правда, то будет жалчайшая кампания, более жалкая, чем комиссия Луи Блана Альбера,—сонм мужей совета, лишенных всякой силы, ибо до восстания, помимо восстания, вне восстания—какая же у них может быть сила? Моральная? Да?!.. Вот до чего дошли некоторые социал-демократы! Перечитайте статьи, в которых Каутский издевается снова и снова над этими «моральными» расчетами, моральными усилиями! Это будет лишь комедия, но [разве] не революционная комедия? Важно лишь то для господ парламентариев из «Искры», чтобы революционные акты в России проходили в парламентских формах, а не в бланкистских, фи! не в якобинских!..

Но, повидимому, парламентарии наши, Парвусы и Магнусы, и сами не очень-то рассчитывают на какой-либо толк от революционного самоуправления, и сами понимают, что это означает конкретно лишь посылку десятка рабочих представителей в одолеваемый собачьей старостью комитет Союза Союзов, и вот у них готов и другой ультра-парламентский план.

Раз нас не пустят в Думу, для того, чтобы там мы могли, как истинные Ледрю-Роллэны, чисто парламентским, отнюдь не «бланкистским» путем бороться за расширение Думы и хвататься за даваемые правительством «зацепки», то что же!—пошлем туда либералов, поддержим Петрункевича, но обяжем его хвататься за «зацепки» и расширять Думу! Это будет вполне парламентский компромисс... Помилуйте, разве пример Фольмара не доказал? А Жорес разве не свидетельствует?.. Но забывают наши первые ласточки [лжепарламентаризма], что при нынешних порядках, при нынешней сомнительной «весне», об открытом, ясном, точном, официальном, партийном договоре не может быть и речи! Что речь может быть лишь о подпольном

путеводители судов, которым было приказано ихними старшими, чтобы они были на мостике, но чтобы не были между матросами. Мы решили при первой же возможности присоединиться к той эскадре, где «Потемкин», потому что многие уж знали, что «Потемкин» первый должен поднять движение. Пройдя Очаков, мы встретили яхту главного командира Эриклик, с которой передано было командиру, чтобы шли на Тендру. Часу в 12-м пришли на Тендру и никакой эскадры не нашли; остановились на якоре.

[С того] времени, как мы вышли из Николаева, начальство всю важность свою потеряло и не делало ничего такого, что творилось им раньше. Командир даже просил боцмана, чтобы он не употреблял грубости, а не только побоев. С наступлением утра 18-го июня приказаний никаких не было относительно производимых ежедневно занятий. Учеников тоже не трогали. Всем была дана свобода отдыхать. Из числа более сознательных товарищей собрали сходку для совещаний о дальнейших действиях. Титов предлагал итти в Одессу, Петров убедил, чтоб обождать, потому что мы не знаем, есть ли еще какое судно с «Потемкиным», а если нет другого судна, то мы ему станем обузой. Еще в Николаеве получилась весть, что «Потемкин» начал действие. День проходил напряженно. Все радовались за «Потемкина» и желали скорее встретиться с ним. Часу в 1-м получили телеграмму из Севастополя через Одессу в ответ на телеграмму, посланную Барановским, как ему поступать. Содержание телеграммы такое: «Будьте осторожны, в эскадре повидимому не спокойно, ожидайте приказания». Телеграмма передавалась через тендровский маяк и содержание ее все узнали, хотя она и не была оглашена.

К вечеру Петров передумал и согласился итти в Одессу. Перед вечером собравшиеся кучками матросы спрашивали друг-друга: «чего же мы ждем?». Вечером принято было решение с наступлением утра итти в Одессу и присоединиться к «Потемкину». Пары поддерживались на судне все время, с самого Николаева. И вот утром 3-го июня, в 4 часа, судно снялось с якоря, не будя команды, которая спала до 6 часов; подъехали к маяку и получили телеграмму, содержание которой было нам неизвестно. Получив телеграмму, мы отправились в Севастополь. Когда команда позавтракала, началось возбуждение. Петров, Титов и другие созывали товарищей, советуя начинать действовать. Вскоре собралось человек 40 в передний носовой кубрик, где находились винтовки. Здесь Петров пригласил разобрать винтовки, открыть патронный погреб и разобрать патроны. Все 50 винтовок в один миг были

договоре, о голословных обещаниях... Забывают наши «подснежные [парламентарии]», что в парламенте, при компромиссе, партия не исчезает, не представляет все свои права либеральным краснобаям, а входит лишь во временный союз, стоя рядом с ними. Мы хотим, чтобы парламентаризм осуществился, но путь для этого—революционная борьба! Но парламентские парламентарии так жгуче хотят в парламент, что готовы опарламентариться и без парламента.

А только этого и нужно конституционно-монархической партии! Когда в английском парламенте произошла однажды драка,—старик Гладстон грустными глазами смотрел на свалку и, наконец, сказал: «Джентльмены, среди потасовки я величина ничтожная». И господа либералы, глядя на развертывающуюся [грандиозную] картину гражданской войны, чуют, что тут они «величина ничтожная». За то мы, социал-демократы, за то революционный пролетариат знает, что здесь ему принадлежит первое место среди прогрессивных сил, и не только первое место в бою, как отважнейшему, но и первое место в том революционном правительстве, которое будет дитятею революции, [когда ей удастся одержать полную победу]. Напротив, стоит лишь нам нарядиться в парламентские сюртуки и занять подобающие места по парламентскому удельному весу: и вот вырастают маленькие Петрункевичи и Стаховичи и, заложив большой палец за жилет, так и трещат именем народа, так соловьями и заливаются! А пролетарии толпятся на задворках и выражают свое мнение, как древние греки у Гомера, одобрительным или протестующим гулом. Разве только смилостивится «Наша Жизнь» и позволит «трибуну плебеев» Парвусу внести маленькую скамеечку, поставить ее у порога собрания и скромненько присесть.

Но, ведь, «Искра» хочет «давить» на Думу. Пусть Дума—китайская пушка из фарфора: «Искра» заставит ее палить бумажными шариками прямо в твердыню самодержавия! Пусть это картонный кинжал, но «Искра» заставит Милюкова трагически приставить его к закованной в медь груди самодержавия! И в то время, как оппозиция его величества под диктовку Мартова будет делать интерпелляции министрам, а в случае нужды даже по-Роллэновски «удаляться в другую комнату»—пролетарии будут ждать, когда, наконец, либералы, которые пуще огня боятся падения монархии, ее подкопают, когда, наконец, либеральная Пенелопа соткет саван для Романовых.

Нет! Если бы социал-демократия вступила на этот путь, рабочие отвернулись бы от нее, массы пошли бы за революционными самоучками, за демагогами, за анархистами. К счастью, до этого далеко. Они могут итти под знаменем Р. С.-Д. Р. П., отвергнув пустые планы мечтающего о парламенте крайнего правого крыла ее.

(А. Луначарский).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Петербург. 17-го сентября на курсы Лесгафта собралась огромная толпа, среди которой была масса (не менее 500 человек на взгляд, а может-быть, и больше) рабочих. Все залы были заняты, и собрания (по крайней мере, где говорил оратор) превратились в дискуссию между с.-д. и с.-р. Довольно беспорядочные горячие речи молодых ораторов—довольно бессвязны и (особенно со стороны с.-р.) повторяются. Рабочие, очевидно, неудовлетворены, они собираются в отдельную аудиторию и зовут туда всех товарищей. Теснота невообразимая. Раздаются голоса, что надо допустить только рабочих и дать слово только им. Одна из наших товарок кричит: «Это неправильно, надо дать слово революционерам, без отношения к тому, рабочие они или интеллигенты! Кроме того, я такой же пролетарий, так же голодаю, такой же безработный, так же

расхвачены; еще не успели надеть штыки, как с патронного погреба Ковалевым был сбит замок. Ковалев за это же и страдает. Один штык был поломан при съемке замка с патронного погреба. Погреб помещался в трюме: рядом с погребом помещался ахтер-люк, где были ящики с винтовками, куда разом, как и в погреб, спустилось несколько человек, разом разбивались патронные ящики и ящики с винтовками. В один миг были разобраны остальные винтовки и здесь же заряжались; тут же было выпущено несколько выстрелов. Все это происходило во втором кубрике. Но когда из первого кубрика бросились во второй, то произошел шум, кричали «ура». Это увидал вахтенный квартирмейстер Беликов и доложил командиру, что команда дерется с винтовками. Командир послал старшего офицера.

В то время Титов выскочил на палубу с винтовкой и сказал находящимся вблизи матросам: «идите в кубрик, а то стрелять будем!» Тут старший офицер спустился в кубрик и схватил 1-й ящик с патронами; за ним спустился Титов. Старшего офицера прогнали штыками на палубу. После старшего офицера подошел к кубрику командир, но был прогнан Титовым и Петровым. На палубу начали выскакивать матросы. Командир отправился на ют, где началась молитва, так как был праздник, и стал созывать разбегающихся с молитвы матросов, которых было не более 20-ти человек. Тут прибежал боцман с юта [и закричал]: «Караул? наверх, порежу всех!». [Он] был остановлен Петровым. Когда он вернулся обратно, в это время было выпущено три выстрела, одним из которых боцман был прострелен навылет; но он добежал еще до лазарета, где через 1½ часа скончался. После этого все из кубрика выскочили на палубу. Командир, придя на ют, просил фельдфебеля Белого и инструкторов итти уговорить команду, но те не согласились. Тогда он просил священника. Священник с крестом пришел к команде, но был встречен угрозами и прогнан. Он только успел сказать: «не бейте офицеров!». Когда ушел поп, то началась стрельба, и несколько матросов взбежали на спардек. В это время был убит прапорщик, стоявший на вахте, на мостике выше спардека; он же давал тревожные гудки. Там же при нем был и старший офицер. Спустившись на палубу, он говорил вооруженным матросам: «Что вам надо? в Одессу? Пойдем в Одессу!». Но тут потребовали командира. «Дайте честное слово, что не будете убивать командира!»—«Да, не будем,—был ответ,—только пусть идет без оружия!». Сейчас же был приведен командир. Титов его обыскал, и тут же была каюта, которую обыскивали, чтобы не осталось оружия. В то время, когда обыскивали каюту, из толпы, здесь же стоящей и выкри-

борюсь за дело рабочих, как и они сами!». «Ну, вы, конечно, должны остаться!»—слышится в ответ, и вопрос как бы падает.

Выбирают бюро из рабочих. Председатель предлагает разобрать вопрос об отношении рабочих к Госуд. Думе и о практических мероприятиях, в которых могло бы оно выразиться. После двух речей приходится перебраться в другую залу несколько больших размеров (в нашей же аудитории буквально яблоку негде упасть и за дверьми—масса рабочих, желающих слушать). В большой зале, могущей вместить свыше 1.000 человек, речи о Гос. Думе продолжались. Говорили «большевики» и «меньшевики». Эти последние, принимая наши положения, находили нужным дополнить их своими пресловутыми «выборами». Некоторые рабочие говорили о необходимости съезда рабочих в Петербурге, кто-то говорил об экономической борьбе в связи с профессиональными союзами, об «избирательных комитетах» и т. д. Один рабочий большевик в короткой речи довольно удачно возразил на некоторые пункты в речах противников. Он несколько волновался и закончил словами: «хотел бы еще говорить, но будет с меня,—ведь, я в первый раз выступаю!». Это признание было встречено бурными и продолжительными рукоплесканиями и криками: «браво!». Впрочем, аплодировали всем речам. В двенадцатом часу ночи речи закончились: порешили обращать в митинги все предстоящие студенческие сходки, назначили ближайший митинг и разошлись. Интересно замечание одного рабочего, что нам нечего гоняться за этими митингами, гораздо важнее устраивать их на заводах, где еще много бессознательных, да и на эти (в учебном заведении) следовало бы каждому сознательному приводить с собой 2—3 бессознательных. Характерно, что в большой зале, где начался настоящий рабочий митинг, с.-р. не выступали. Так как никаких резолюций принято не было, то боюсь, не теряя беспристрастия, сказать, чьи речи, представителей Комитета или Группы, встретили большее сочувствие. С.-р., как мне кажется, особенного сочувствия не встретили, да и вообще они пользуются среди рабочих малым влиянием. Характерен также следующий факт. Кто-то заявил, что среди публики находится переодетый офицер, которого-де надо удалить. Ему ответили, что здесь, вероятно, много шпионов, но что теперь с ними считаться нечего. Этим инцидент был исчерпан.

Едва ли долго продлится эта свобода собраний. Хорошо, если их придется устроить еще раз, другой. Что же касается митингов на заводах, то и против них уже принимаются меры (объявление на Обуховском заводе см. в легальных газетах). Правда, на заводе Семянникова были два собрания, разрешенные полицией. Оба собрания, конечно, вышли из сферы разрешенной программы. На одном постановили удалить черносотенцев, а на другом собрание голосовало за проект устава рабочего союза, предложенный с.-д., несмотря на просьбу старост рассматривать только их проект.

Казань. Начиная с 16-го сентября в университете ежедневно идут митинги, открытые для всех. С каждым днем число присутствующих все увеличивается, и на собрании 18-го сентября публики было не менее 2.500 человек, из них до 1.000 рабочих; студенты были в заметном меньшинстве. Ораторами выступают либералы и социал-демократы; последние с огромным успехом. На одном собрании говорил простой крестьянин, рассказавший, как он стал «радикалом» и «социалистом». Настроение в городе нарастает. Этому нарастанию можно произвести даже некоторый цифровой учет. 19-го сентября хоронили отравившуюся опиумом Кузнецову. За гробом шло до 1½ тыс. человек с пением революционных песен. 22-го хоронили застрелившегося реалиста Малиновского, которому учитель поставил несколько единиц. Похоронное шествие состояло не менее, чем из 6 тыс. чел. Уходя с кладбища, толпа произвела демонстрацию с пением и красным знаменем. Того же числа вечером на заводе Крестовникова началась забастовка (3.000 чел.). 23-го сентября в университете производилось голосование резолюций по вопросу, как должно относиться студенчество к началу занятий. За академистов подано 157 голосов, за оппозицию (?)—302, за Союзный Совет (с.-д.)—327.

(*И. Теодорович*).

Москва. (Из частного письма). Похороны Трубецкого кончились побоищем еще большим, чем в Питере. Шествие было грандиозное—тысяч до 10. Несли нечто в роде красного флага (пальмовую ветвь с красной лентой). Полиции по дороге на кладбище не было: не могли даже найти городового для несения венка от Николая II (был и такой с надписью «доблестному гражданину»). У кладбища, уже в темноте, организовали митинг. В это время, неизвестно кем,—кто говорит казаками, кто—провокаторами,—было произведено три выстрела, но без последствий. Затем толпа,

---

кивающей все оскорбления, нанесенные командиром, Адаменко с выговором ударил командира по голове кулаком. Ударить в другой раз ему помешали и командира заперли в каюту. Старшего офицера отвели в другую каюту и заперли. Титов имел желание связать офицеров, для чего приготовил веревки, но это сочли лишним.

Управлять судном поставили прапорщика Лицемирского, а прапорщика Сандикова ему в помощники. Контролировали же и прокладывали румп на Одессу ученики одесских мореходных классов. Когда шли на Одессу, то в период этого времени отобрали кассу у ревизора, прапорщика Сидоренко, и передали машинисту Козубу, назначенному при выборе представителей, которые должны были вести порядок на судне. Представителями были Козуб, Чувильский, Чугунов, Филимонов и Дружинин. Представители были выбраны по предложению Петрова. Офицеры, состоящие в комиссии, были заперты в каюту; остальные офицеры только обезоружены. Был посажен в карцер кондуктор Орлов, состоящий комиссаром. Подходя к Одессе, заготовили требование на уголь, который думали взять в Одессе. Требование было подписано командиром Барановским с приложением судовой печати. Обед был позже обыкновенного на 1 час потому, что первый варившийся обед распустил зловоние по всему судну от провонявшего мяса и был выброшен по приказанию командира еще до восстания. Теперь же варился обед с мясом там же зарезанного быка, которых было куплено два накануне на Тендре.

Порядки были водворены отличнейшие. Все исполняли свои обязанности с большей энергией, чем когда-либо. Всюду были расставлены часовые. После обеда команда была созвана на ют для слушания речи, которую говорил Петров. В этой речи он объяснил, что это не бунт, а революция; объяснил, отчего она поднята и всюду идет; [рассказал], что такое социал-демократы и что такое учредительное собрание, выбранное на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; строго осуждал старый порядок правления государством. В заключен[ие его] речи раздалось громогласное «ура», потрясшее воздух. После первого собрания было и второе, на котором согласились поднять красный флаг, если увидим «Потемкина», и просить его принять нас.

Когда уже стало видно судно, стоящее в гавани в Одессе, мы подумали, что это—«Потемкин», и закричали громогласное ура. Но когда рассмотрели, что это не «Потемкин», а «Георгий», то все были в недоумении, почему он здесь. Приблизившись к гавани, мы спросили

состоящая почти исключительно из интеллигентов, двинулась в город. На Донской шествие развернулось; запели марсельезу. Тут прискакали жандармы (или казаки), дали залп, повидимому, холостой и ускакали. На Якиманке к шествию присоединились рабочие, кое-чем вооруженные. Скоро опять появились казаки и на этот раз стали хлестать нагайками. Произошла свалка: был ранен казак и несколько человек из публики. Среди последней многие желали «разойтись», но это физически было невозможно. Наконец, толпа прорвалась в единственно возможном направлении, к Малому Каменному мосту. Но тут ее ждала самая форменная засада.

Когда толпа миновала Мал. Камен. мост, ее с фланга атаковали казаки и оттеснили на полуостров между каналом и Москвой-рекой, отрезав дорогу назад. А вперед не пускала пехота, стоявшая поперек Бол. Каменного моста (через реку). Казаки не только били нагайками, но и рубили шашками; раненых было много—несколько десятков. Часть публики спаслась через проходные дворы, часть должна была переправляться обратно в Замоскворечье на лодках. Остальным удалось, наконец, пройти через Бол. Каменный мост.

Бойню можно объяснить только, как отместку за изорванный венок Николая II и за предыдущие неудачи полиции, так как в данном случае толпа вела себя смирно.

Москва. Для характеристики наших либералов приводим листок, выпущенный в Москве 28-го сентября «Корпорацией средних техников».

«Товарищи! Иезуитская политика заправил нашего городского «самоуправления» (!) дошла в последнее время до пределов невозможного. Члены управы, как Янусы, двулики: с одной стороны, чуть ли не красные речи и расшаркивания перед всякими свободами, с другой—ежевые рукавицы и обращение к полиции и войскам, этому оплоту доживающей свои дни бюрократии, при малейшем требовании сотрудников управы по городскому хозяйству, т.-е. служащих и рабочих. В инциденте по удалению учителя Цветкова ярко оттенилась обратная сторона Януса-Голицына — его преклонение пред охранным отделением; в инциденте Городской Думы 20-го сентября между Шмаковым и Щепкиным князь Голицын снова показал свою обратную сторону гибкого либерала, расшаркавшись перед лидером черной сотни—Шмаковым. Любопытную твердость проявляет управа при столкновении с рабочими и не менее трогательную уступчивость защитникам буржуазно-бюрократического режима—казакам. Сентябрьские дни, обагрившие улицы Москвы кровью рабочих, требовавших для себя человеческого существования и человечного обращения, прошли не без содействия городской управы, ибо если б политика ее была так же тверда в проведении в жизнь постановлений Думы об образовании милиции, как и в прижиме рабочих, то Москва не видела бы казаков, и кровь неповинных не вопияла бы о мщении.

Мы не можем быть равнодушными ко всему этому. Пора городским служащим фактически сплотиться между собой, поддержать делегационную комиссию в ее непосильной борьбе с управой, ответить надлежащим образом на полное игнорирование управой положений, принятых на общем собрании всех городских служащих 18-го сентября, и на отказ в помещении для продолжения заседаний. Время настало. Рабочее правление предъявило требования рабочих и низших служащих, часть которых забастовала и держится, несмотря на все угрозы управы. Единство интересов и сходство положений требует от нас присоединения к забастовке рабочих, чтобы вырвать у двуличной управы осуществление требований, предъявленных рабочим правлением. Следует дать понять, что 18-е сентября послужило поворотным пунктом нашей общественной жизни и, будучи до него разрозненными, слабыми единицами, мы стали сильными, объединенными группами, сплоченными в общекорпоративную организацию, готовую отстаивать интересы каждого в отдельности и всех вместе. Итак, товарищи, общая забастовка всех корпораций до признания наших общих положений, утвержденных общим собранием 18-го сентября!

Общая забастовка из солидарности с городскими рабочими до полного удовлетворения их умеренных требований!»

Ультиматум революционной Риги. Немецкие газеты, уделяющие обыкновенно много внимания событиям в Остзейском крае, рассказывают следующий поучительный факт. В Рижском политехникуме дела идут, как и в других высших учебных заведениях: студенческие сходки превратились в политические митинги. Студенты организуются в боевую силу революции. Либеральные тузы морщат нос и ворчат себе в бороду по поводу слабости правительства. Но в Лифляндии господам помещикам пришлось до того туго, что они решительно взялись за организацию вооруженной охраны своих имений, не полагаясь на правительство, которое не

по семафору, где эскадра, где «Потемкин», но нам не дали ответа. [«Георгия» мы видели] в боевом положении. К нам вышел лоцманский катер и спросил: «Будете ли вы заходить в гавань или будете стоять на рейде?». Мы ответили, что мы пришли узнать, где эскадра и «Потемкин». [На это] нам сказали, что эскадра пошла в Севастополь, а «Потемкин» утром вышел в море. Мы повернули назад и пошли по направлению к Севастополю. Ученики мореходных классов советовали итти в Румынию. Собрали сходку. Петров говорил, что, раз мы восстали, то судить будут нас за это, вот если товарищи согласны, то мы можем итти в Румынию, где мы будем свободны. А если хотите, говорил он, то пойдем в Севастополь. Сначала почти все подали голос за то, чтобы итти в Румынию, потом дозволено было выйти говорить квартирмейстеру машинному Корнееву. Он стал говорить, что там страна бедная, что мы там будем голодать. После этого Петров сказал, что он окончательно стоит за Севастополь, а ученикам мореходных классов советовал итти в Румынию. Я спросил Петрова, почему он думает, что надо итти в Севастополь. На это он тихо сказал мне, что там по усмотрению мы можем подойти под красным знаменем и, может-быть, поднимем дух эскадры, если она еще не поднялась сама. Я одобрил его план; на том и решили, чтобы итти в Севастополь. Но если бы у нас не было мысли поднять дух эскадры, то мы были бы в Румынии, а оттуда в Женеве и затем обратно в России. Вот почему мы пошли в Севастополь, а не куда-либо в другое место.

В Одессе мы были в 4 часа вечера, а в 7-м часу мы вывели командира из каюты для разговора, в котором Петров резал его. Барановский говорил, что надо то кольцо разорвать, которое окружает отпрыска Романова, не признавая, что он состоит в том кольце, и был такого мнения, что вся эскадра вступит в революцию. А на вопрос, где деваются деньги, которые крадутся от продовольствия и от всего другого, показал на боковой карман на груди. Часу в 1-м ночи нас встретил контр-миноносец «Стремительный», на котором команда состояла из офицеров, охотившихся на «Потемкина»; они спросили, спокойно ли у нас. Им ответили, что спокойно. На рассвете мы увидели, что нас провожали два контр-миноносца. Когда мы подходили к Севастополю, нас встретили 2 миноносца. Тогда командиру была передана его обязанность, так как он еще накануне обещался не выдавать никого, в случае, если дойдет до того дело, и советовал всем приняться за свои дела.

Так мы пришли в Севастополь без красного знамени и потребовали контр-адмирала Писаревского, который и явился. Ему объяснили, что мы восстали из-за сквер-

может ничего поделать ни с крестьянами, ни с рабочими, ни со студентами. Остзейские бароны организуют гражданскую войну всерьез: они прямо нанимают целые отряды, вооружают их хорошими магазинками и размещают по своим обширным имениям. И вот оказалось, что часть немецких студентов-корпорантов в Остзейском крае поступила в такие отряды! Разумеется, латышское и русское студенчество не только объявило бойкот этим черносотенцам в студенческой форме, но и назначило особую комиссию для расследования дела об участии студентов в помещичьих черных сотнях. Два члена этой комиссии были посланы в деревню для собирания сведений у крестьян. Правительство арестовало обоих делегатов и препроводило их в рижскую тюрьму.

Тогда латышские и русские студенты поднялись. Собрана была громадная сходка. Приняли решительнейшую резолюцию. От приглашенного директора политехникума потребовали немедленного принятия мер к освобождению арестованных. Резолюцию закончили прямым ультиматумом. Если в течение трех дней к означенному часу арестованные не будут освобождены, тогда студенты при помощи рижских рабочих добьются их освобождения всеми и всяческими средствами.

Генерала в это время не было в Риге, он уехал в Питер добиваться генерал-губернаторских полномочий. Исправляющий должность губернатора струсил и «вывернулся» дипломатически. Он вызвал к себе (так рассказывает «Vossische Zeitung» от 20-го окт. н. ст.) директора и обоих арестованных и спросил последних, знают ли они о незаконности своих действий. Те ответили, конечно, что не видят в них ничего незаконного. Тогда и. д. губернатора, по словам будто бы одной рижской газеты, настойчиво рекомендовал им воздерживаться от столь незаконных действий и—выпустил обоих на свободу.

«В глазах студенчества,—прибавляет с грустью влюбленный в остзейских баронов корреспондент,—и в глазах стоящей за ними массы правительство склонилось перед ультиматумом. Да и сторонние наблюдатели не могли не вынести такого же впечатления».

(Н. Ленин).

Планы министра-клоуна. Чтобы лучше понять политику сегодняшнюю, не мешает иногда оглянуться и на вчерашнюю. Вот что телеграфировал из Петербурга от 10 (23) окт. корреспондент лондонского «Times», обыкновенно хорошо осведомленный: «Я узнал из верного источника, что правительство решило даровать четыре свободы, требуемые реформаторами, но свободы эти обставить ограничениями. Надеются, что эта уступка присоединит к правительству умеренных. Граф Витте вчера имел долгое совещание по этому вопросу с царем. Г. Горемыкин составляет проект закона о наделении крестьян государственными землями. Этот проект будет предложен Думе, когда она соберется. Таким образом надеются привлечь крестьянские голоса.

«Таков, вкратце, правительственный план кампании. Он, очевидно, исключает добровольное пожалование конституции до собрания Думы, хотя некоторая надежда на это и имеется у конституционалистов-демократов. Один из главных вопросов, подлежащих обсуждению на их съезде в среду,—это вопрос о поведении партии в том случае, если конституция будет дарована при открытии Думы или до открытия ее: должна ли партия в этом случае согласиться на работу в Думе или настаивать на созыве учредительного собрания при всеобщей подаче голосов.

«Сторонники самодержавия надеются, что уступки, которые даст правительство, остановят, наконец, конституционное движение без расширения избирательного права и без дарования законодательных прав Думе, но все признаки говорят против этой надежды».

Да, правительственный «план кампании» ясен. Ясна также для всех неослепленных людей «кампания» господ к.-д., торгующихся с правительством. Одна беда: шевелится рабочий класс и шевелится так, что все хитроумные планы и господ Витте, и господ к.-д. разлетаются прахом.

(Н. Ленин).

Обострение положения в России. Под этим заглавием либеральная берлинская газета «Vossische Zeitung» помещает следующее небезынтересное сообщение:

«С неудержимой силой развиваются события в империи царей. Для всякого беспристрастного наблюдателя ясно, что ни правительство, ни какая-либо оппозиционная или революционная партия не является хозяином положения. Безвременно умерший князь Трубецкой и другие профессора высших учебных заведений тщетно пытались отговорить русское студенчество от того опасного пути, идя по которому, оно решило превратить университеты в места политических народных собраний. Студенты с энтузиазмом почтили память Трубецкого, массами проводили на кладбище

ных харчей, из-за скверного обращения начальства, а главное из-за того, что начальство облечено неограниченной властью, которая вредна как для нас, так и для них. Мы просили его, если нас будут арестовывать, то чтобы нас забирали вместе всех. Он обещал и упрекнул нас, почему мы не дождались представителей. Петров сказал: «Какие это будут представители?». В этот же день 20-го свезены были вечером от нас ружья и покойники. На другой день Чухнин советовал выдать зачинщиков и присягнуть, что некоторыми и было исполнено. Петров вышел сам, а Титова выдал Беликов, квартирмейстер. Петров заявил, что он сам все это сделал и сообщников не имел. Но когда выдали и других, то на суде отвечал каждый за себя. Петров признавал до конца себя социал-демократом. Всех выданных было 44 человека, из коих оправдано 15 человек. До суда прошло 32 дня. Суд по приказанию Чухнина сначала не разрешил нам иметь вольных защитников и согласился на это только за три дня до суда. Защищали: [Куперник из Киева], Резников из Севастополя и военный Девинсон. Свидетелями суда были горы, море, да цепи солдатских штыков, расставленных на окружности 5-ти верст, 4 ряда. Все на суде держали себя непоколебимо, никаких тайн ни суд, ни следствие не могли выведать. Только и выяснились одни действия 13-го июня, и то далеко не все. Военный суд не давал высказываться защитникам, но все-таки после речи Куперника присутствовавшие офицеры, а также и подсудимые плакали навзрыд; даже крокодил—прокурор Александров, представивший 23 человека к смертной казни, [и тот] не мог иметь ничего против речи преславного деда Куперника.

Благодаря севастопольским товарищам, суд над нами состоял сам под судом товарищей. От всякого постороннего шороха в заседании приходили в тревожное настроение. Суд 30-го июля [часов в 12 ночи] вынес приговор: Александру Петрову 23 лет, Дмитрию Титову 25 лет, Ивану Черному 28 лет и Ивану Адаменку 24 лет,—смертная казнь через повешение и замена повешения расстрелянием; Якову Ковалеву 28 лет, Никите Голайкину 22 лет и Василию Торопенко 23 лет—смертная казнь и замена ее бессрочной каторгой; Григорию Чувильскому 28 лет, Василию Козубу 29 лет, Михаилу Чугунову 28 лет, Илье Миньку 26 лет, Ивану Личко 29 лет, Францу Цеслюку 29 лет и Сизоненку 22 лет—по 15 лет каторги; Филимонову — 18 лет; Антону Гречке, Моисею Долженку, Владимиру Петрову, Захарченко и Иванову по 4 года каторги; Ефиму Бутенку 4½ года дисциплинарного батальона, Роману Бубонову 3 года, Ивану Московцу 1½ года, Михаилу Воробьеву

его останки, превратили похороны его в внушительную политическую демонстрацию, но его совета—не пускать в университет посторонних элементов—они не послушались. И в Петербургском университете, и в горной академии, и в политехникуме происходят гигантские народные собрания, в которых студенты составляют часто меньшинство и которые тянутся с раннего утра и до позднего вечера. Говорятся страстные зажигательные речи, поют революционные песни. Кроме того, усердно ругают там либералов, особенно за их «половинчатость», которая-де не случайно свойственна русскому либерализму, а обусловлена будто бы вечными историческими законами.

«Есть что-то глубоко трагическое в этих упреках. Несмотря на историческое обоснование их, они на самом деле уже потому совершенно неисторичны, что у либералов в России нет даже и возможности-то никакой проявить какую бы то ни было половинчатость, сколько-нибудь способную повредить столь важному для всех партий делу освобождения. Не дела либералов, а их страдания тормозят их жизненный путь. Правительство столь же беспомощно (курс. оригинала) перед этими событиями, как беспомощно оно и перед рабочими волнениями и перед общим брожением. Конечно, возможно, что оно замышляет снова сильное кровопускание, дожидаясь лишь момента, когда движение созреет для казацкой атаки. Но если даже до этого дойдет, то все-таки никто из власть имущих не уверен, не приведет ли это к еще более бурному взрыву недовольства. Даже и генерал Трепов не верит уже больше в свое дело. Перед своими друзьями он не скрывает, что считает себя обреченным на смерть и что он не ждет никаких положительных результатов от своего управления. Он говорит: «Я уже только исполняю свой долг и исполню его до конца».

«Плохи должны быть дела царского трона, если глава полиции приходит к таким заключениям. И в самом деле, нельзя не признать, что, несмотря на все усилия Трепова, несмотря на лихорадочную деятельность бесконечных комиссий и конференций, напряженное положение с прошлого года не только не улеглось, а, напротив, усилилось. Куда ни взглянешь, везде положение стало хуже и опаснее, везде дела заметно обострились».

Много правды в этой оценке, но много и либерального скудоумия. «Либералы не могли проявить половинчатости, вредной для дела». Вот как? Отчего же эти бедные либералы могли проявить себя, тем не менее, более открыто и свободно, чем другие партии? Нет! Студентами руководит здоровый революционный инстинкт, поддерживаемый их общением с пролетариатом, когда они усердно отгораживаются от к.-д. и дискредитируют этих к.-д. в глазах народа. Завтрашний день несет нам великие, всемирно-исторические битвы за свободу. Возможно, что борцы за свободу потерпят еще не одно поражение. Но поражения только глубже и глубже встряхнут рабочих и крестьян, только еще более обострят кризис, только еще грознее сделают неминуемую окончательную победу дела свободы. И мы приложим все усилия, чтобы к этой победе не присосались буржуазные пиявки монархического помещичьего либерализма, чтобы этой победой не воспользовались, главным образом, господа крупные буржуа, как не раз бывало в Европе. Мы приложим все усилия, чтобы эта победа рабочих и крестьян была доведена до конца, до полного разгрома всех ненавистных учреждений самодержавия, монархии, бюрократии, военщины, крепостничества. Только такая победа даст в руки настоящее оружие пролетариату,—и тогда мы зажжем Европу, чтобы сделать из русской демократической революции пролог европейского социалистического переворота.

(Н. Ленин).

Крестьяне против Гос. Думы. В газетах мы нашли следующее известие: В Юрьевце (Костромск. губ.) собрание 300 крестьян из соседних деревень постановило не принимать никакого участия в Госуд. Думе, так как эта последняя не является действительным народным представительством. Всякого, кто принимает участие в этой Думе, нужно считать изменником и предателем дела народной свободы.

(И. Теодорович).

Украинский Соц.-Дем. Союз о Государственной Думе. Передовая статья в № 6—7—8 «Правды», под заглавием «Нова царьска брехня», указав, как разлетелись в прах все расчеты самодержавия, связанные с войной, говорит: «Царское правительство увидело, что ему приходит конец, но решило все-таки пойти на хитрости, чтобы как-нибудь сохранить свою власть... Одной рукой царь расстреливает сотни людей, которые добивались воли и доли для народа, а другой подписывал манифесты, указы да рескрипты, в которых говорил, что он днем и ночью только и думает, что о благе народа». «Наконец, 6-го авг. царь обнародо-

---

2 года. Ивану Атомоссу, Пантелеймону Саватееву и Алексею Молчанову 1 год дисциплинарного батальона; Кузьме Бирка—30 суток смешанного ареста; 15 оправданы, один после судился по болезни. Суд ходатайствовал у главного морского суда заменить смертную казнь вечной каторгой и скинуть Козубу и Чугунову по 5 лет, а прокурор подал в главный суд, чтобы еще добавили 10 человек к смертной казни. Но главный суд отклонил последнее, а приговор относительно остальных 4-х человек представил на усмотрение крокодила Чухнина, который оставил ходатайство без последствий и приказал 24 августа привести резолюцию суда в исполнение.

24 августа, рано утром, 4 товарища приняли смерть за правое и святое дело. Титову удалось сорвать повязку с глаз, и он смотрел открыто против выстрелов. Расстреливали матросы из учеников 1905-го года, собранные с разных судов по заранее приготовленному списку. Было 3 взвода; при расстреле матросы находились под перекрестным огнем армейцев Литовского полка, из которых некоторые просили матросов не стрелять. Несколько армейцев упали в обморок. Командовал морской офицер лейтенант Перепелкин.

Свидетели из офицеров на суде до крайности растерялись. Подсудимые были крепки духом, а после имели крепкую веру в скорый конец и большую надежду на то, что их товарищи освободят не в далеком будущем Россию. Не надо терять надежды на флот, но действовать надо во флоте более практично. В число посланных в армию мало попало товарищей, а во флоте еще осталось много; только стушевались мало убежденные матросы. Нам всюду высказывали сочувствие и скорбь, увещая не печалиться, а надеяться на скорое освобождение, во что мы крепко верим.

Агитация Петрова состояла в том, чтобы, выполнив все первые требования социал-демократии, прокладывать путь к социализму. [Он] отвергал религию и всякие наказания считал нужным заменить исправлением. [Начинал он свои] речи по флотской части, касаясь всего экономического во флоте, и потом переходил на крестьянское и рабочее движение, присоединяя к ним политические направления и все это подробно разъясняя; немедленно считал он необходимым свергнуть самодержавие. Об его агитации начальство и до сих пор ничего не знает. Петров умел убедить каждого и пользовался большою популярностью между знакомыми, он направлял комитетских рабочих и принадлежал к социал-демократической партии. Многие из офицеров, познакомившиеся с ним на суде, сожалели о нем, считая его способным и умным человеком.

вал манифест о Госуд. Думе... И этот закон оказался новой царской ложью (брехнею)». Разъяснив далее всю «хитрую механику», подстроенную царем, «чтобы сберечь свою власть», автор статьи заканчивает ее такими словами: «Но народ не поддастся на эту ложь. Он не хочет больше покоряться самоволию самодержавных злодеев и разбойников. Если же злодеи и разбойники не хотят по доброй воле отречься от своего самовластия, то он силою, с оружием в руках, заставит их передать управление Россией истинным народным представителям, выбранным вполне свободно, равной, прямой и тайной подачей голосов».

Таким образом, если «Правда» и ничего не говорит об активном бойкоте Госуд. Думы, то она, по крайней мере, не грешит и лозунгами «революц. самоуправления», «императивных мандатов» и пр. В ответ на «нову царьску брехню» она выдвигает определенно лозунг вооруженного восстания и всенародного учредит. собрания. Если «Правда» попытается формулировать подробнее и яснее лозунги, которые естественно вытекают из занятой ею позиции, то она неизбежно придет и к революционной армии, как военной организации восстающего народа, и к временному революционному правительству, как органу всенародного победоносного восстания.

Александрополь, Эриванской губ. В прошлом месяце «Александропольская военная Соц.-Дем. Группа» переименовалась в Александропольскую Соц.-Дем. организацию военных. Деятельность ее стала шире, она захватила новые круги военных и приобрела много новых связей с военными организациями других городов. Имеется специальная «военно-свободная типография», ставящая своей целью снабжение всех городов Кавказа необходимыми прокламациями. Оригиналы пишутся самими солдатами. Впечатление от прокламаций в массе солдат вне всякого сравнения. В последних прокламациях освещаются всевозможные факты из повседневной жизни, что создает общественное мнение, с которым поневоле приходится считаться и офицерам.

3-го (16) октября выездной сессией тифлисской судебной палаты будет разбираться в Александрополе дело о бомбардире Лифшице, канонирах Яппе и Мордуховиче, унтерофицере Вульфовиче, рядовых Штруме, Эйгенсоне, Мере, Минозе и Виницком и мещанине Федоре Грачеве, обвиняемых по 126 ст. Дело имело место еще в 1903 г. и все основано на провокаторских показаниях сына старшего врача 80 Кабардинского полка Бориса Пахомова. Пятеро из обвиняемых бежали.

В войсках. По сообщению «Рабочего», органа Казанского Комитета Р.С.-Д.Р.П., стоящий в Казани Лаишевский батальон отказался от казенного обеда. С криком «ура» солдаты выставили баки. Приехал полковник и велел немедленно сварить новый обед. «Небось, добились!—говорили солдаты.—Погодите, не то еще будет!»... Через несколько дней отказались от казенной пищи еще 3 роты запасных.

Согласно бюллетеню № 1, изданному Московским Комитетом партии, в крутицких казармах, в Москве, было арестовано 10 артиллеристов 21-ой сибир. батареи. Командир 19-ой батареи рекомендовал своим солдатам прекратить всякие сношения с «опозоренной» 21-ой батареей. Речь командира вызвала оглушительный свист... Растет недовольство в пехоте.

Приводим выдержки из частного письма: «10 сент., в 2 часа дня, со ст. Витебск отправляли батальон запасных в Петербург для следования в Финляндию. Бригадный генерал пожелал сказать напутственную речь, для чего уже севшие в вагон солдаты были выведены и выстроены перед ним. Он сказал подобающую речь, роздал брошюрки известного генерала Богдановича, перекрестил каждую роту отдельно, и солдат снова усадили в вагоны. Как только тронулся поезд, грянуло «Отречемся от старого мира», и в окна вагонов были выставлены 4 красных флага. Машинист, заметив красные флаги, остановил поезд, прошедший всего несколько сот сажен. Вызвали драгун, оцепили ими поезд и хотели тут же производить следствие. Этому воспротивилось жел.-дор. начальство, указав, что нельзя останавливать движения поездов.

Все солдаты были арестованы и уведены в казармы. При обыске, кроме брошюр Богдановича, найдена масса нелегальных изданий и 4 красные флага. 30 чел., якобы зачинщиков, оставлены, остальные отправлены дальше, но неизвестно куда.

Сообщу еще факт об отказе роты стрелять в рабочих во время последней стачки в Ив.-Вознесенске. Рота выбрала депутацию к офицеру с просьбой не командовать «пли», так как солдаты считают невозможным стрелять в рабочих и вынуждены будут поднять офицера на штыки. Офицер доложил высшему начальству, но не выдал депутатов, чего от него прежде всего потребовали. Сообщили в Питер. Ответ получился такой: роту все же вы-

---

Он обвинялся как агитатор, сплотивший около себя кучку матросов и завладевший судном. Титов ему ставился правой рукой, так как он производил все аресты и обыски. Черный—левой рукой, так как он первый разбил патронный ящик, в чем он сознался; он признал себя социал-демократом. Были перехвачены его два письма, в которых он писал, что топчет дисциплину и присягу и служит не царю, а социал-демократической партии, и увещал отца не беспокоиться о нем, потому что ему придется может быть умереть за это правое дело. Адаменко покушался якобы на убийство командира.

Титов—крестьянин Орловской губернии; Черный—не знаю, Адаменко—Области Войска Донского. Петров был мещанин г. Казани. Дед его был португалец, выселившийся в Россию за политику. У него есть отец в Казани и мачеха. Александр Петров—Стопани сперва работал в Казани от своего комитета, потом работал в том городе, где был сослан князь Волконский или Оболенский (? Ред.), потом в Москве, где не мог быть не выслежен зубатовскими агентами, и бежал опять в Казань. Из гимназии он был исключен вместе с товарищами без права поступления в другие учебные заведения и казенные учреждения. Материальной поддержкой его были последнее время служба на железной дороге помощником машиниста. Во флоте он был машинистом 2-й статьи. В военном флоте более ярыми приверженцами правого дела были машинные команды, минеры и минные машинисты; за ними комендоры, т.-е. артиллеристы, а дальше шли сочувствующие офицеры и молодые механики. Вот все, что мы могли вам рассказать; извините нас, что мы мало грамотны и не могли в порядке изъяснить вам мысли, да еще на-спех.

Правой и левой рукой Петрова в агитации и подпольной работе были Титов и Черный. Теперь хоть кое-кто и остался, но далеко не такие, как Петров. Два хороших убежденных деятеля убежали при том, когда начались аресты, и теперь, кажется, в Женеве.

Душевный привет и искренняя благодарность (к сожалению, не лично, а пером) всем товарищам, борющимся за правое общее дело. Надеемся в скором времени разделять радость борцов за свободу под красным знаменем.

Ваши товарищи в ожидании девятого вала [(следуют, вместо подписей, начальные буквы имен и фамилий пяти товарищей матросов)].

вести, но не заставлять стрелять. Роту вывели, но солдаты не стреляли, так как команды не было. Избитые и раненые—это жертвы выстрелов полиции».

«Русь» сообщает, что в управление главного протопресвитера армии поступают сообщения от полковых, батальонных и бригадных священников, которые жалуются на упадок религиозного чувства среди нижних чинов. Проповеди священников теряют свое действие. «Разъяснение нижним чинам событий текущей жизни не встречает сочувствия».

В одном из недавних циркуляров военного министра находим такое место: «За последнее время заметно увеличилось количество всеподданнейших донесений о краже казенного оружия и припасов, при чем нельзя не усмотреть, что причина такого прискорбного явления заключается в несомненном ослаблении в войсковых частях порядка и надзора»...

Тот же военный министр, желая ввести ряд репрессий для нижних чинов, разослал всем командующим войсковыми частями запрос: не находят ли они, что в виду наблюдающегося упадка дисциплины в армии было бы необходимо ввести отмененные строгие меры наказания? Большинство ответов на этот циркуляр уже получено. «С замечательным единодушием,—пишут в легальных газетах,—почти все спрошенные лица признают введение вновь телесных наказаний мерой н е м ы с л и м о й».

Видно, уроки «единодушных» отпоров, даваемых солдатами то тут, то там начальству, не проходят для него бесследно, всецело отражаясь в этом трогательном «единодушии» гг. командующих!

(Н. Чужак—А. Насимович).

Манчжурская армия. Недавно телеграф принес такое характерное известие: «В Иркутске восстал один полк, который тотчас же окружили казаки. 4 офицера и 10 унтерофицеров, принимавшие участие в усмирении, были убиты. Волнение охватило и другие полки. Боятся общего восстания солдат». Известия этого в русских газетах не появлялось. Не появилась до сих пор и другая телеграмма (из Харбина), облетевшая все иностранные газеты сейчас же вслед за первой:

«Манчжурская армия окончательно деморализована, дисциплина совершенно отсутствует. Что же касается той огромной части солдат, которая принадлежит к неимущим классам, то она в полном восстании. Многие отказываются возвращаться домой раньше, чем будут удовлетворены их требования, в особенности требование о нарезке земли и отмене платежей. Военные власти в Манчжурии чувствуют себя в крайне неловком положении, так как дух протеста в войсках все разрастается».

Если предположить, что сведения эти преувеличены, то самая возможность возникновения подобных фактов не вызовет ни в ком сомнения. Во всяком случае, положение военных властей на Дальнем Востоке действительно «неловкое»...

(Н. Чужак—А. Насимович).

Из отчета Рижской Военной Социал-Демократической Организации. (П. И.). За последние месяцы работа среди солдат подвигается довольно успешно. С июля организацией издано и распространено семь прокламаций. По поводу ожидавшейся в Риге всеобщей забастовки в листках разъяснялось солдатам, что рабочие первые на них не нападают, и если первые выстрелы иногда раздаются из толпы, то это дело шпионов и провокаторов. (Обращаем внимание товарищей на крайнюю необходимость подобных разъяснений в листках. Ред. «Пролетария»).

К музыкантам Малоярославского полка была выпущена прокламация по след. поводу. Забастовали музыканты латышского театра. Тогда театральная дирекция пригласила оркестр Малоярославского полка. Несмотря на просьбы забастовщиков, малоярославцы согласились играть в театре. На случай нападения со стороны стакнувшихся им была обещана охрана и приказано брать с собой заряженные револьверы, коими им и разрешено пользоваться. Организация в своем листке заявила: «Не надейтесь на свои револьверы!.. С оружием вы отнимаете хлеб, оружием вам и ответят». Действие этого листка было таково: малоярославцы отказались играть. Отметим, что наибольшим успехом пользовались среди солдат те из листков, которые обращались к определенной воинской части (напр., к малоярославцам, к музыкантам) и которые заключали в себе конкретные требования. А прокламации общего характера, как бы горячо они ни были написаны, не производили сильного впечатления. Только одна—«40 человек, 8 лошадей» очень понравилась солдатам. Почти все солдаты, подходя к вагонам, выразительно произносили «40 человек, 8 лошадей»...

Работа ведется среди пехоты и артиллерии. В последнее время начинают завязываться сношения и с драгунами, но прочных связей пока еще не установлено.

Летом во время лагерной стоянки устраивались еженедельные собрания, на которых бывало по 15—20 человек. На собраниях, наряду со злободневными вопросами (война, мир, Дума, восстание), разбирались и вопросы социал-демократической программы. Приходилось считаться с большим неудобством: постоянно менявшийся состав слушателей. Поэтому на каждом собрании приходилось давать цельное и законченное изложение какого-либо вопроса.

Революционизирование казармы быстро подвигается вперед. В каждом полку уже насчитывается по несколько десятков организованных солдат. До какой степени не доверяют здешним войскам, видно из того, что для охраны города выписаны еще два полка, Романовский и Грязовецкий.

Тула. 28-го сентября забастовала мужская гимназия. Гимназисты подали начальству петицию, состоящую из 13 пунктов, главнейшие из которых: невмешательство во внешкольную жизнь ученика, вежливое обращение и бесцензурная отдача писем, допущение родителей в педагогический совет и исключение учеников только с согласия товарищей. Реальное училище подало петицию своему начальству. Реалисты готовятся забастовать. 1-ая и 2-ая женские гимназии волнуются, 2-ая подала петицию начальнице. Предполагается, что и они забастуют.

Ставрополь. Здесь не прекращаются сходки учащихся в средних учебных заведениях. На-днях в гимназии была сходка, на которой присутствовали гимназисты, гимназистки, семинаристы и рабочие. На сходках обсуждаются как академические, так и общие вопросы. Революционное настроение растет. Вчера (1-го октября) в театре была демонстрация, устроенная учащимися, после которой толпа в 300 человек двинулась по Большой ул. Вообще движение среди учащихся растет, организация крепнет. Выпускают прокламации за подписью и с печатью: «Ставр. орган. учащ. соц.-дем.» Кружки среди рабочих действуют довольно успешно. Появилась здесь группа П. С.-Р.; она выпустила уже 3 бумажки с печатью, организовала несколько кружков из учащихся (главн. обр., семинаристы духовной и учительской семинарии), старается завести связи с «простым» народом (название первой прокл.: «Ко всему простому или рабочему народу»). Но все это остается у нее только одними намерениями. Целые 6 месяцев с.-р. все собирались завести связи. И в то время, когда у нас насчитывается до 180—200 организованных рабочих, когда уже почти все учащиеся в наших руках, они попрежнему стараются «завести связи» с «простым народом».

Комитет завален работой; готовится встретить, как следует, назначенную у нас мобилизацию. Выпущен один листок к запасным, а другой—с призывом к однодневной политической стачке, как протест против мобилизации.

Ставрополь. (Из частного письма). Вчера, 2-го октября, состоялась в роще массовка; один рабочий говорил речь и указал, что с 3-го октября начнется общая забастовка, что рабочие сперва подойдут к Тимофееву и прекратят работу, а потом остановят другие мельницы и заводы. Сегодня, 3-го окт., к кучке гимназистов, стоявших на углу около гимназии, подошел рабочий и спросил: «Готовы ли вы, товарищи?». Гимназисты ответили: «Готовы! Начнем!». После первого урока вся гимназия была уже на ногах. По приглашению рабочих, гимназисты пошли закрывать семинарию, гимназии и заводы. Подойдя к семинарии, они увидели кучку семинаристов, которые встретили их громкими криками; остальные же не выходили и смотрели из окон. Соединившись с семинаристами, молодежь двинулась к учительской семинарии, закрыв по дороге одну мастер-

скую, школу швеек и завод Сипягина. Закрыв учительскую семинарию, толпа пошла к епархиальному училищу, но была встречена недружелюбно: епархиалки раскрывали окна и показывали кулаки. Из запертых дверей вышел священник и сказал, что епархиалки сегодня не занимались, но что распустить их он не может, потому что они здесь живут. В то же время по городу ходили группы рабочих, закрывая всюду мастерския. Одна из таких групп, закрыв завод Руднева, направилась к Барановской мельнице, но по дороге на них напали жандармы и «черная сотня» из каких-то кузнецов. В свалке был убит рабочий, который шел впереди всех: ему размозжили голову молотком. На Александровской площади в толпу стреляли казаки и солдаты; из толпы также отстреливались. Участки переполнены ранеными и убитыми.

Эти события были вызваны следующим обстоятельством. С целью усилить войска для борьбы с «беспорядками», правительство объявило мобилизацию. Тогда рабочие и учащиеся решили протестовать против нее однодневной забастовкой, которая и имела место 3-го октября.

Чиатуры. (Митинги против земства). Царь «умилостивился» и пожаловал народу объедки со своего стола. Не забыл осчастливить своею щедростью и Кавказ: он даровал нам, с позволения сказать, земство, а для предупреждения о дарах он направил по деревням своих слуг. И сюда, в чиатурский район, пожаловали полицейские, посланные царем, и объявили народу о «доброжелательности» царя. Но представьте их изумление, когда народ отказался от царских «даров» и выпроводил непрошенных друзей... Согласно резолюции третьего съезда (об отношении к тактике правительства накануне переворота) и решению кутаисской конференции пропагандистов, наша организация приняла все меры к тому, чтобы народ бойкотировал земство... Выработали следующий план: устраивать предварительную агитацию против земства еще до появления в деревнях царских посланников, устраивать митинги с такою же целью сейчас же после того, как полицейские познакомят народ с желаниями правительства; разоблачать истинную подкладку царских уступок, призывать народ отказаться от выборов и затем, подняв знамя, устроить демонстрацию с революционными песнями.

Этот план был удачно проведен во всем районе, где только были устроены собрания. 24-го августа в с. Кацхи (где собрались Кацхское и Рганское общество) выразили протест полицейским, подняли знамя, пели марсельезу. Так же провели митинг в с. Итхвисы (Коретское и Поревисское общества). В тот же день демонстрировали против правительства в Хроитском и Муджиротском обществах. То же самое повторилось в Сверах 27-го августа и в Диликаурах. «Меньшевики» решились-было провести свою тактику, но обрезались. Они очутились в смешном положении: не знали, что предпринять (решений своей конференции у них еще не было). Сначала шли вместе с нами, потом получили резолюцию от конференции, но было уже поздно. Они уже убедили в своем районе (Сачхорском) народ, что не нужно выбирать депутатов. Теперь постарались-было переубедить его и склонить как-нибудь выбрать представителей, но было уже поздно: народ не дал дурачить себя. (Из прилож. к № 3 газ. «Борьба Пролетариата»).

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Москва. 28-го сент. На собрании представителей фармацевтов обсуждался вопрос о возможности стачки. Пришли к тому, что стачка возможна, а потому решили немедленно приступить к организации стачки. В состав стачечного комитета приглашен представитель от с.-д.; решено, что стачка будет политико-экономической; на собрании присутствовали наши ораторы, которым удавалось проводить почти все свои предложения. Общие симпатии, насколько можно судить по речам ораторов, на стороне соц.-дем.

Настроение среди рабочих городских предприятий очень неопределенное. До сих пор употребляли массу труда и энергии для возбуждения стачки, но ни к каким положительным результатам это не привело. Забастовали только слесаря Миусского парка и вслед за ними принуждены не работать вагоновожатые и кондуктора трамвая. Миусская подстанция до сих пор ничем не поддерживала слесарей, но потом решила выставить собственные требования с прибавлением, что они не приступят к работе до тех пор, пока не будут удовлетворены требования слесарей. На Алексеевской и Мытищенской водокачках наблюдается довольно незначительное стачечное настроение. Рабочие Алексеевской водокачки два дня тому назад объявили забастовку, но не работали только около часа и приступили к работам под влиянием речи заведующего водокачкой Ольденбургера, который говорил, что забастовка прежде всего отразится на бедных элементах, и под влиянием этой речи рабочие опять приступили к работам.

К рабочим этой водокачки решено было выпустить прокламации с критикой речи Ольденбургера и устроить митинг. По отношению к другим водокачкам решено было послать депутатов с приглашением примкнуть к стачкам. Водокачки имеют большое значение, потому что вслед за ними будут бастовать отдел канализации и обозный парк. Рабочее правление (представители разных предприятий) решило организовать общую забастовку низших служащих городских предприятий. Рабочее правление подало в Думу заявление; в начале указывается на законность требований слесарей, на их умеренность; далее протест против поведения Думы, которая представила к расчету всех забастовавших слесарей Миусского парка. При этом указывалось на распоряжение Думы, что за стачки нельзя подвергать преследованию, и на некоторые тайные циркуляры министра внутренних дел, в которых также говорилось о ненаказуемости за стачки. Около Мытищенской и Алексеевской водокачек расположены войска. И посему рабочим других предприятий нельзя снять с работы рабочих водокачек. У членов заводского комитета городских предприятий очень мало надежды, что эти водокачки забастуют.

Булочники. Только лишь отдельные пекарни бастуют. Масса булочников работает. Проведению общей забастовки булочников очень мешают квартирные условия. Все булочники живут на хозяйских квартирах, и хозяева, пользуясь этим, прибегают к помощи полиции. Полиция прямо заставляет работать, угрожая тюрьмой; нежелающих приступать к работе она препровождает в участок на том основании, что у них нет определенного местожительства, так как хозяева таких упорствующих немедленно выселяют. Были случаи насильственного прекращения работы; можно ожидать, что стачка примет всеобщий характер, после того как все ознакомятся с требованиями, выработанными группой булочников соц.-дем.

Столяры. 28-го сент. думали устроить новый митинг, но о месте митинга узнали казаки и принудили собравшихся товарищей разойтись. Когда вопрос поднялся о том, оказывать ли сопротивление, то решено было разойтись, так как на помощь казакам пришла черная сотня, стоявшая неподалеку; настроение бодрое. После того, как депутаты решили продолжать стачку до полного удовлетворения требований, к стачке примкнула фабрика Тилля. Хозяева туго идут на уступки, ссылаясь друг на друга.

Типографщики. Настроение бодрое. Депутаты решили продолжать стачку до конца и даже предложили желающим ехать в деревню, предварительно оставив адрес для извещения о конце забастовки. Митинги почти нельзя устраивать не только на улицах, но и в помещениях типографий: полиция немедленно разгоняет собравшихся.

28-го возле Бутырской заставы ранен в живот городовой.

28-го Брестские мастерския забастовали; было побоище; 29-го утром был митинг.

27-го. Рабочие фабр. Шмидт начали останавливать с утра фабричные предприятия. Были опять выбиты стекла у Авг. и Карла Зибрехта. У Авг. Зибрехта сразу пошли на уступки, прибавили 10 коп. жалованья, сбавили ½ часа. Рабочие, благодаря всему этому, приступили к работам. У Карла Зибрехта, несмотря на то, что никаких уступок не сделали, сегодня приступили к работам. Шмидтовцы прибегли к старому способу воздействия: камнями были разбиты стекла. У К. Зибрехта в воротах столяры встретили сопротивление со стороны полиции; произошла свалка; со стороны рабочих были выстрелы, которыми ранены 2 городовых и 1 околоточный. У Авг. Зибрехта были сло-

маны железные ворота. К. Зибрехт получил от одного рабочего по шее. Остановлены все крупные столярные предприятия, за исключением Тилля. Столкновений с казаками не было, казаки явились, когда рабочие разошлись, исполнив свое дело. Вечером того же дня состоялся митинг человек в 350. Сначала вырабатывали требования, общие для всех забастовавших столяров. Были выбраны депутаты для переговоров с хозяевами. После этого говорились речи. Ораторы с.-д. говорили о бесправном положении рабоч. класса, о необходимости борьбы, о Госуд. Думе. Настроение было превосходное, речи ораторов встречались с большим сочувствием. В конце митинга пелись револ. песни. Митинг происходил за городом, столкновений с казаками не было.

27-го сент. В 6 час. веч. при выходе рабочих из Курских вагонных мастерских состоялась массовка. Рабочие собрались в количестве около 500 чел. Произнесено было 3 речи (2 агитатора) на тему о Моск. событиях в связи с вопросом о Гос. Думе. Речи оканчивались аплодисментами и сочувственными криками толпы: «Долой самодержавие!». Митинг продолжался недолго (¼ ч.), потому что воодушевившаяся молодежь затянула марсельезу, толпа зашевелилась, и массовка перешла в демонстрацию; был выкинут красный флаг и с пением марсельезы и «смело, товарищи, в ногу» пошли по Владимирке по направлению к Сенной площ., не доходя до которой разошлись. Молодежь, возвращавшаяся с демонстрации, провожала свистом встречавшуюся полицию (жандармы пробовали войти в толпу и приблизиться к ораторам, но были удалены дружными криками толпы: «вон жандармов!»).

28-го сент. 10 ч. утра. Собрались у фабр. Листа (Бутыр.) свои рабочие и от Тильманса (чел. 300). Говорил оратор речь на политическую тему. Речь встречена очень сочувственно; крики: «долой самодержавие!». Пошли останавливать другие фабрики. Подошли к фабрике Меллера. Собрались в кучу и требовали открыть ворота; им отказали; ворота сломали, появился инспектор фабричный, ему заявили, что пришли останавливать фабрику. Рабочие вышли, но боялись примкнуть к толпе; после увещаний присоединились к демонстрантам. Когда все столпились, чтобы слушать ораторов, нагрянула полиция, казаки и черносотенцы. Пристав вступил в переговоры. Ему заявили, что пришли звать товарищей присоединиться; он ответил, что разговаривать не желает, и чтобы толпа расходилась. Толпа хотела рассеяться, но ее окружили казаки; пристав заявил, что арестовывает их. Решили не отбиваться в виду неравенства сил и малочисленности боевой дружины. Местные рабочие вышли в ворота, за ними последовали все. Когда казаки стали окружать и теснить, многие успели перепрыгнуть через забор в соседний двор. Там оказались казаки и стали бить, но многим удалось скрыться через следующий забор. Черносотенцы помогали полиции ловить товарищей. Были случаи избиения; некоторые из товарищей отстреливались. Убит казак. Ранили ножем пристава.

27-го вечером при выходе с завода Меллера состоялся митинг. Выступал оратор от комитета, говорил о значении забастовки; требования, предложенные комитетом, были приняты, но оратор предложил собраться на след. день, чтобы их обсудить хорошенько, так как они очень серьезны (обсудить их не удалось, помешала полиция).

28-го. Возле «Дукс» Меллера арестовано 20 чел., из них в тот же день 5 здоровых выпущены, 15 раненых без всякой медицинской помощи остались в участке.

28-го. Замоск. район. Стоят заводы: Моск. металлопрокат., Якобсон, Жако. В понед. под Симоновым монаст. был устроен митинг, присутствовало около 600 чел. Выступало 2 оратора соц.-дем., которые призывали к стачке и энергичной борьбе с самодержавием. Митинг продолжался ½ часа. По окончании прошли по слободке с пением революционных песен. Когда появились казаки, спокойно разошлись.

Вчера (27-го) утром остановился завод Терещенко. Толпа человек в 50 двинулась к заводу Бромлея остановить его. Выбиты стекла. Драгунами и полицией толпа рассеяна. Завод Бромлея не остановился. Сегодня с утра завод Терещенко стал на работу. Уволено 20 чел., в том числе депутат. Завод Гоппера думает продержаться недели две.

Когда булочников Филиппова загнали во двор градоначальника, то каждого поодиночке прогоняли сквозь строй казаков. 2 сошли с ума, 30 отправлено в больницу.

[Петербург. В состав Александровского подрайона входят: Александровский механический завод, механический завод «Атлас», фарфоровый завод и трубопрокатный. Я расскажу вам, что происходило за последнее время в этом подрайоне.] После известной конференции с меньшевиками по вопросу об объединении снизу, на которой громадным большинством присутствующих была принята наша резолюция, порицающая анархические тенденции и действия меньшевиков, гласящая, что объединение должно и может быть партийным, и высказывающаяся за информационные бюро для координирования действий обеих организаций в тех случаях, когда это окажется возможным,—нами была собрана массовка, на которой присутствовали наши организации, так-наз. заводские комитеты чугунного и вагонного заводов. Рабочие, входящие в Атласовский заводский комитет, случайно быть на массовке не могли. Решено было употребить все усилия к интенсификации нашей организационной деятельности, к разрешению квартирного кризиса, а пока приступить к устройству митингов на заводах для привлечения путем массовой агитации наибольшего количества рабочих в нашу организацию.

Согласно принятому решению, первый митинг был назначен на чугунном заводе на 16-е сентября, но не состоялся, так как оратор опоздал к концу работ. Митинг был перенесен на 23-е. Ровно в 5½ ч. вечера оратор подошел к воротам завода, выходящим в узкий, но длинный переулок, одним концом упирающийся в Неву, другим—в ряд узких и кривых улиц. Высыпавшая первая кучка организованных рабочих остановилась и, увидав оратора, криками остановила массу выходящих рабочих. Выскочивший на крик заводской жандарм занял единственное возвышение—крыльцо, на котором хотел стать оратор, так что последнему пришлось говорить, стоя на мостовой. Окруженный плотной стеной рабочих, сомкнутым кольцом окружавших его, громко и отчетливо стал говорить о Гос. Думе, анализировал ее состав, ее политическое значение, призывал к объединению, активному бойкоту и вооруженному восстанию. Клич «долой самодержавие» был подхвачен всей толпой, и она с пением марсельезы двинулась по узким улицам, расходясь по домам. То там, то сям отделявшиеся группы, уходя в одну из улиц, затягивали марсельезу, занося звуки песни свободы во все закоулки городского предместья. Могуче и сильно звучали слова отречения от старого мира и ненависти к царскому чертогу, подхватываемые толпой с запевалой-оратором во главе. И как символ покинутого, одинокого самодержавия, торчал на своем возвышении заводской жандарм.

Речь оратора длилась недолго, рабочие просят устроить новый митинг. 29-го сент. был устроен меньшевиками единственный митинг; их оратор только анализировал Государственную Думу, не предлагая рабочим путаного мартовского плана, не дав и конкретного лозунга. После его речи расходившаяся с песнями толпа повстречалась с разъездом казаков. Встреченные бранью и слыша угрозы быть побитыми камнями, казаки ретировались.

На другой половине александровского завода (на вагонном) митинг состоялся 27-го сентября. И здесь Государственная Дума, политика самодержавия явились темою речи оратора. Оратор говорил около 15 минут; вся рабочая масса была остановлена нашими организованными товарищами; революционные песни и возгласы и здесь явились финалом речи оратора. 15-минутная речь на улице у заводских ворот не удовлетворила массу, и на следующий день рабочими был придуман другой способ устройства митингов. Агитатор в обед прошел с рабочими в завод, где и оставался до момента окончания работ. К пяти часам заранее предупрежденные рабочие собрались в так-назыв. «яме», слесарно-пассажирской мастерской. Здесь состоялся второй митинг вагоно-строительного завода. Содержание речи сводилось к следующему: бедственное положение рабочего класса заставляет его искать выхода из современного состояния; для этого ему необходимо знать, где его враги, где его друзья; враги—это церковь (на этом вопросе пришлось останавливаться, так как большинство рабочих из крестьян—люди древнего благочестия), самодержавие и буржуазия (тут, между прочим, разбира-

лась программа земского съезда 12-го сентября),—отсюда вывод: рабочие в своей борьбе могут надеяться только на себя; но для борьбы им нужна организованность и сознательность, их и дает рабочим Р.С.-Д.Р.П.; ее цель (в кратких словах), ее отношение к данному моменту, к Думе: народное восстание, Учредительное Собрание. Заключительные возгласы: «долой Думу», «да здравствует вооруженное восстание», «да здравствует Р.С.-Д.Р.П.» были дружно подхвачены рабочими, вышедшими затем с завода с пением марсельезы, «Дружно, товарищи», «Смело, друзья» и т. д. Городовые, попадавшиеся на дороге, видя идущую с песнями стройными рядами толпу, быстро и благоразумно скрывались в соседние ворота. Не мешает отметить для характеристики настроения толпы, что разнесшийся около пяти часов по заводу слух, будто у ворот завода стоят казаки, не помешал собраться значительному числу рабочих (более 1.000 человек) (кажется, всего рабочих на вагонном 1.200).

На заводе «Атласа» с 1-го сентября длилась стачка. По поводу выставленных экономических требований были выпущены нашим районом листки. Для переговоров с администрацией были выбраны депутаты. Администрация отказалась вести переговоры с ними, пожелав говорить с более пожилыми людьми. На это старики заявили: «Мы хотим, чтобы вы говорили с теми, кто действительно может хорошо защитить наши рабочие интересы. Такими мы считаем наших уполномоченных». 16-го администрация дала всем расчет, приняв затем обратно всех, кроме двух выбранных. Выпущен третий листок с призывом к товарищескому долгу. На заводе работает около 300 человек. Имеется заводский комитет (7 человек) [3]).

(Организатор Невского района, Петербуржец).

Нижний-Новгород. После 9-го июля некоторое время была как бы заминка в делах, главным образом, в Сормове, где распустили рабочих. Но теперь завод вновь работает, почти все прежние рабочие приняты, жизнь вошла в прежнюю колею, и вместе с тем вновь закипела наша работа. Не могу точно сказать, сколько там народу сорганизовано—человек 300—400. Среди организованных рабочих есть свои пропагандисты и вообще много знающей и высоко стоящей по развитию публики. По крайней мере, «летучки» (тип низшей пропаганды—3 лекции) обслуживаются самими рабочими, требуются из города пропагандисты лишь на средний тип (у нас принята программа, очень похожая на цековскую в 7 лекций). В городе же больше кружки-летучки, но после летней работы создались и солидные кружки, которые дадут хороших работников партии из среды рабочих. И теперь один кружок почти в полном составе предложил себя для организаторской деятельности. У меня в кружке некоторые члены прямо ставят цели занятий на конкретную почву,—они хотели бы быть пропагандистами. Вообще, мне кажется, что при том настроении, которое теперь в массах, и при широте нашей теперешней работы недалеко то время, когда исчезнут жалобы на то, что интеллигенция составляет главные кадры в организациях русской социал-демократии.

Нас поразило известие в «Искре», будто бы у меньшевиков настолько удачно идут дела, что 3—5 раз в неделю устраиваются массовки в 50—200 чел. Очевидно, корреспондент обладает слишком пылкой фантазией. Корреспондент пишет, что все это происходило в июле. Тогда мы устраивали совместные большие массовки, и от меньшевиков приходило 40—50 чел. У них в городе тогда были одни типографщики, теперь, кажется, связи шире, но о таких массовках, о каких он сообщает, и помышлять им, верно, не приходилось. В Канавине на их массовках было 70—80 чел., и опять-таки раз недели в две. Во всяком случае более энергичная их работа не могла бы укрыться от наших глаз, так как рабочие и наших организаций ходят не только на их массовки, но даже и в кружки. У меня в кружке, напр., есть двое, которые стоят на точке зрения большинства (один только защищает их точку зрения на профессиональные союзы), а ходят оба в кружки меньшинства, так как хотят больше учиться и хватают здесь и там.

Что касается меньшевиков, то первое время отношения были очень обостренные. Начало их работы вызвало некоторое движение среди рабочих. Заговорили о самодеятельности и пр. и пр. Часть рабочих, чем-либо раньше недовольная комитетом (недочеты всегда есть при слабости еще нашей партийной работы вообще), перешла к меньшевикам, но часть настолько незначительная, что была даже незаметна: кружок в Канавине, группа рабочих в городе, группа стоявших и раньше в оппозиции в Сормове. Дальнейшие случаи перехода происходили не на почве действительного понимания принципов меньшинства, а скорее, пожалуй, на почве личной. Напр., чем-то недовольный организатор заявляет: «а если так, то я уйду к меньшевикам». Ответственный организатор отвечает: «пожалуйста». И эта угроза всегда на языке. Чуть не доволен—уйду к меньшевикам. Однако это единичные случаи, но, уходя, они обычно уводят с собой кружки.

Теперь это время перебегов прошло. Меньшевики стали существующим фактом, не новинка. Их лозунги стали известны рабочим, и более сознательная часть относится к ним вполне отрицательно. Особенно тактика по отношению к Гос. Думе вызывает критику с их стороны. Даже были такие заявления со стороны меньшевиков-рабочих. На вопрос, что же они, выбирают ли свою нелегальную Думу, идут ли выборы, меньшевик-рабочий (сознательный вполне) отвечает: «это у нас только так, проводить, конечно, не будем, какие же выборы!» и пр.

Теперь наши рабочие предполагают, что скоро состоится соглашение. Такое впечатление вынесли они с последней дискуссии с меньшевиками в городе (интересно, что и здесь на собрание они привели очень незначительную группу лиц. Не хотели или не было у них никого, между тем как наших было человек 70—80). На первом собрании я не был, но слышал, что с их стороны выступил оратор, который так «углубил» меньшинство, что они потом его запрятали подальше. Меньшевик, говоривший на втором собрании, поразил меня. Я давно уж их не видал. Очевидно, произошел какой-то переворот. Говоривший не нападал с пеной у рта на большевиков, а говорил так мирно, что, действительно, кажется, соглашение не за горами. Он говорил, что является представителем такого течения меньшинства, которое охватывает большую часть товарищей из меньшинства. Выставлял два пункта соглашения: 1) дать решающий голос районным комитетам, 2) чтобы открытые выступления рабочих происходили с согласия самих рабочих, а не по одному только приказанию комитета. Ни речей о централизме и пр. и пр.—ничего не было. Наш товарищ ответил ему, что первый пункт неприемлем, а второй мы никогда не отрицали, а потому и не находим нужным вносить это в параграфы устава. Во всяком случае, если разногласия сводятся только к этим двум пунктам, то мы скоро сговоримся. Беда только в том, что что ни меньшевик, то особые пункты соглашения. На это меньшевик опять подтвердил, что на его точке зрения стоит большинство меньшевиков. Если это так, дело действительно идет к соглашению.

На этих днях у нас произошли аресты. Теперь сидит 27 человек. Арестовывали поодиночке, а в одной квартире взяли сразу 8 чел. раб. и 1 инт. В Сормове в последнее время буквально идет травля. Времена, как мы говорили, «демократической республики» прошли. В воскресенье казаки окружили лес, где собрались рабочие, но все успели уйти. В следующий раз опять оцепили и на этот раз жестоко избили. Теперь не успеет собрание начаться, казаки уж тут. Верно придется приостановить массовки. В городе они уже кончились. Здесь все еще грозит черная сотня.

Минск. Со времени, к которому относится описание минских дел и делишек, помещенное в 18 № «Пролетария», многое изменилось к лучшему. Во всех почти отраслях местной работы достигнуты за последние 2 месяца значительные успехи, особенно в самой важной и вместе с тем самой трудной отрасли, в работе среди малозатронутой христианской массы. Невежество, безграмотность, пьянство, полный индифферентизм к важнейшим событиям на родине—вот те черты, которые характеризовали до недавнего времени всю здешнюю христианскую рабочую массу, и которые и по сей день характеризуют большую часть. Местная группа всегда ставила на ближайшую очередь работу среди христиан, но среда была так неподатлива, а

активных работников было так мало... Особенно был чувствителен недостаток христианских рабочих передовиков, организаторов и ораторов.

Теперь дела значительно, как уже упомянуто, изменились. Выделились некоторые из местных рабочих, понаехало из других мест. Словом, в пропагандистских кружках сейчас более 100 рабочих христиан; на массовки является тоже немало. Успех в этой отрасли работы—самое утешительное явление местной партийной деятельности за последнее время.

Член организации.

Мстиславль, Могилевской губ. В 1903 году образовалась в Мстиславле группа рабочих. Члены этой группы начали свою деятельность среди городских рабочих. Работа постепенно подвигалась вперед и развивалась все больше и больше. Понемногу к нам присоединялась местная интеллигенция. Работали вне партии.

В 1905 году, во время каникул, наехала еврейская интеллигенция и стала нам предлагать войти в связь с Бундом. Многие рабочие не соглашались, желая работать вне партии, но затем все же присоединились к Бунду. Но те рабочие, которые не были согласны войти в связь с Бундом, начали организоваться отдельно. Вскоре наступил праздник тише-беов. На этот праздник приехал оратор от бундовского комитета и говорил о революционном движении в России. По окончании речи оратор предложил резолюцию. Конечно, со всеми пунктами резолюции все были согласны; но та группа, которая начала организоваться отдельно, не согласилась только с одним пунктом: «итти под красным знаменем Бунда». Итти под красным знаменем мы согласились, но не под знаменем Бунда.

С тех пор у нас образовалась группа Р.С.-Д.Р.П.; к ней присоединилась интеллигенция, и работа пошла в ход. Группа подняла забастовку в тандентных мастерских. Забастовка продолжалась больше двух недель, но так как группа только-что основалась, то она была не в состоянии вести дело дольше. Пришлось пойти на уступки, но все-таки кое-что и выиграли. Группа имела небольшую потерю: хозяева выдали одного человека, который снимал с работы мастеров при начале стачки. Когда началась забастовка, вся полиция забегала, как бешеная собака, но человека не нашла; но так как этому человеку уже больше нельзя было оставаться в городе, то он в тот же самый день и уехал. После окончания забастовки уехали еще три члена партии, потому что хозяева их тоже выдали.

После выступления партии в этой забастовке началось волнение между бундовской массой: бундовцы начали вступать в российскую партию.

10-го сентября были обыски в одном доме у трех товарищей; ничего не нашли. Был еще обыск у одного товарища; тоже ничего не нашли. Одну русскую девицу арестовали в деревне; нашли литературу.

Рабочий.

Тула. В мастерских и депо ж. д. до 1.000 рабочих; большинство их местные жители, владельцы собственных домков, огородов, полей, домашнего скота и т. д. Другая часть рабочих представляет из себя типичный пролетариат. Указанное экономическое положение двух категорий рабочих обусловливает следующее: во-1-х, отсутствие общности интересов и даже антагонизм двух категорий; во-2-х, несознательное в большинстве случаев отношение к своим нуждам и к средствам их удовлетворения; в-3-х, возможность для одной группы принимать более низкие расценки без особого ущерба для условий жизни; в-4-х, малая степень сознательности порождает доверие к официальным обещаниям,—отсюда «почтительные ходатайства» и—предательства.

Эти обстоятельства, с одной стороны, открывают широкое поле для работы организации, а с другой—создаются тяжелые и неблагодарные условия деятельности. Кроме того, с первых шагов нашей организации пришлось считаться с общим режимом, царящим в тульских мастерских: это—абсолютное самодержавие начальника мастерских Баумана, необузданное его самодурство, потворство подкупу, шпионству и т. д. В результате масса старых рабочих окончательно деморализованы. Во всех цехах рассеяны шпионы начальника; жандармы поставили в число мастеровых 14 человек своих родственников и агентов-провокаторов. Влияние жандармов на начальника мастерских и его помощника, инженера Прокофьева, безгранично: они фактически хозяева мастерских.

Январские события и общее рабочее революционное движение в России всколыхнули и наших забитых рабочих. После сокращения рабочего дня масса воспрянула духом. Написали проект петиции—конечно, без участия организации—и с разрешения начальства собирались в столовой для обсуждения ее. На эти собрания более радикально настроенные рабочие не допускались. Вот главные пункты петиции: 8-часовой рабочий день; учреждение выборных старост; повышение сдельного тарифа; повышение поденной платы; улучшение гигиенических условий работы; улучшение школьного и больничного дела; устройство библиотеки. Учреждение выборных старост, конечно, было разрешено, при чем не только для кандидатов, но и для выборщиков администрацией были составлены списки, в которые не попал почти никто из сознательных и способных рабочих; расценки значительно увеличены; чернорабочим плата повышена на 15 к.—с 50 до 65 к. в день. Остальные пункты петиции не были удовлетворены, как равно и петиция штатных служащих тульских мастерских.

Тульский Социал-Демократический Железнодорожный Союз организовался только в начале мая 1905 года, частью из вновь попавших лиц, частью из членов прежде существовавшей социал-демократической организации. Неисполнение обещаний, данных относительно некоторых пунктов петиции; неудовлетворение ряда требований этой петиции; частичное, тотчас же появившееся ограничение данных льгот; возмутительные циркуляры министра путей сообщения и гнусное поведение местной и управленской администрации,—все это открыло глаза многим несознательным рабочим, заставило их отказаться от всякого рода легальной борьбы и пополнить наши ряды.

Деятельность Союза выразилась за 4 месяца в следующем: 1. Устройство массовок,—на последней было 120 человек; 2. Организация и ведение пропагандистских кружков; 3. Распространение литературы и листков; 4. Постановка техники для печатания листков и 5. Устройство легальной библиотеки. Число распропагандированных служащих и рабочих возросло с 8 человек до 100. По линии имеются связи с 7-ю станциями.

Недавнее возникновение организации, некультурность массы, и т. п.—все это мешает успешности нашей работы. Нужна усиленная, правильная работа для того, чтобы выступить на арену активной борьбы.

Рабочий.

Пермь. Пермская организация известила ЦК в начале июля, что она, признавая III съезд, присоединяется ко всем его постановлениям и считает их для себя обязательными. Почти вся работа пермской организации направлена на Мотовилиху (10.000 рабочих). Там ведется кружковая и агитационная пропаганда и постепенно раздвигаются рамки работы. Связи имеются с очень многими заводами, но за недостатком сил только в Лысьву, Чусовую и Солеварни посылались несколько раз агитаторы и литература. В конце февраля при содействии пермской организации в Лысьве и Чусовой были проведены забастовки политического и экономического характера. В Чусовой была удовлетворена только очень небольшая часть требований, в Лысьве же почти все экономические требования удовлетворены. К сожалению, после забастовки в Лысьве многие рабочие были арестованы. Спрос на литературу в окрестных заводах огромный, но за недостатком ее приходится ограничиваться эпизодическими посылками. 14-го мая, в связи со съездом учителей, членов учительского союза, рабочими произведена демонстрация; выступили ораторы. Речи чередовались с пением.

Полиция оцепила входы на бульвар. Не попавшие в сад, толпой тысяч в пять двинулись с пением и распущенным красным флагом на главную улицу. Конная полиция требовала задержать шествие, но была сбита камнями, при чем один городовой, обнаживший шашку, был убит. В доме губернатора были выбиты все стекла. Когда демонстранты разошлись, появились солдаты. Арестов не

было. Демонстрация сильно подняла настроение, и организованные рабочие Мотовилихи настаивали на стачке. Были проведены несколько массовок и выработаны требования.

25-го мая мотовилихинцы забастовали. Забастовка продолжалась четыре дня. Часть требований удовлетворена. Во время забастовки широко велась политическая агитация, при чем был использован, как агитатор, случайно проезжавший товарищ. Стачка очень подняла уровень сознательности рабочих и раздвинула рамки работы. В листе выставленных требований было требование комиссии из рабочих и администрации для выяснения недоразумений. Администрация удовлетворила это требование. Но при каждом выступлении депутатов администрация отвечала, что они лезут не в свое дело. 4-го июля рабочий Юрш, выступивший как депутат, был арестован. В ответ на это рабочие, как один человек, забастовали; было выставлено требование освобождения Юрша и других ранее арестованных за стачку товарищей. В продолжение недели каждый день собирались сходки в количестве 2—3 тысяч. Депутаты докладывали о результатах переговоров. Говорились политические речи. 10-го июля, когда настроение пошло на убыль, собралось около четырех тысяч человек, чтобы ликвидировать стачку. Но депутаты не успели еще начать своего доклада, как налетели казаки и началась расправа. Убит рабочий Борчанинов, растоптан лошадью мальчик, масса избитых и раненых. Разогнав толпу, казаки понеслись победителями по улицам и били всех, кто попадался, врывались в дома, вытаскивали укрывшихся. Такая расправа имела обычные результаты: элементы, всегда высказывающиеся против забастовок, теперь отказывались работать, а дальнейшее пребывание в заводе казаков, их бесчинства—превратили многих монархистов в революционеров. Стачка длилась 2½ недели. К сожалению, она настолько ослабила организацию, что в момент самого большого подъема революционного настроения некому было выступить, массовки совершенно не велись. В кружках теперь до 150 человек.

Юг и север. (Из письма товарища). Юг своей живой революционной работой настолько привлекает к себе, что не хочется уезжать. Кто любит революционную работу и является революционером по характеру, тот необходимо должен побывать на юге: это, после Кавказа,—самый живой и революционный район в России. Несмотря на то, что, кроме Одессы, никаких крупных проявлений революционной энергии пролетариата там не было, весь пролетариат живет там только революцией: для него революция—все. По всем уголкам городов устраиваются почти открыто кружки, массовки, митинги; полиция терпит это, скрепя сердце. Везде рабочие говорят о политических забастовках; чувствуется, что пролетариат усиленно готовится к вооруженному восстанию. Даже для малосознательных рабочих вопрос об оружии стоит на первом месте. Всюду слышишь: «Дайте оружия! Дайте оружия!». У кого есть сколько-нибудь свободных денег, тот первым делом покупает себе револьвер. Многие просят у организации оружие на выплату; беда только, что редко у организации бывают свободные деньги, и огромное число организованных остается без оружия: потом, во время выступлений, это отражается на деле. Все-таки известное количество оружия имеется в каждом городе. Войдя вечером в рабочий квартал, отовсюду слышишь выстрелы: это рабочие учатся стрелять. Везде на юге рабочие начинают завоевывать себе отдельные улицы для прогулки или, как говорят здесь, рабочей биржи. Полиция тщетно старается разгонять эти биржи: они каждый вечер переполнены, несмотря на стычки с полицией. Чудно живется в этой атмосфере, пропитанной насквозь революцией. Посреди улицы происходят дебаты организованных рабочих различных партий; дебаты эти нередко принимают жаркий характер; вокруг собирается толпа, которая очень часто втягивается в диспут. В одном углу биржи спорят о Плеханове, Ленине и Мартове, о бюрократизме и демократизме, о выборном начале; в другом углу пойалей-цион ругается с бундовцем,—обвиняют друг-друга: один кричит: «ассимиляторы!», другие: «буржуазная партия!». В третьем углу большевик или меньшевик спорят с обеими этими партиями, иногда с с.-р. или анархистами. Последнее бывает очень редко, так как их очень мало, а о с.-р. сложилась даже поговорка: «все с.-р. могут поместиться на одной скамейке, и еще останутся два места для шпиков».

Не то на севере. Здесь тихо и спокойно на вид: если что бывает, то прорывается неожиданно. Вся работа напоминает допотопные времена замкнутой кружковщины. На юге во всех общественных кругах говорят о движении рабочих; организация вне своих пределов пользуется влиянием, а это очень важно и даже необходимо. А на севере, если только можно так выразиться, и не пахнет революцией. Черная сотня здесь сильна и делает успехи, не встречая противодействия. На юге если бастуют даже мальчики (не говоря уже о взрослых), то выступают 12-летние ораторы, которые говорят о социализме, о необходимости политической свободы и представительства на основе всеобщего и т. д. избирательного права. А здесь если бастуют даже взрослые, то влияние с.-д. очень слабо или совсем его нет; нередко бывает, что происходят частичные забастовки, а организация узнает только после окончания их. Та организация может завязать широкие связи среди рабочих и пользоваться влиянием и популярностью, которая всегда во-время сможет взять на себя руководство частичными забастовками и постарается каждую экономическую стачку использовать в целях социал-демократического воспитания рабочих. Нужно не тащиться за забастовщиками и не проводить то, что они желают, и даже то, что противоречит с.-д., а всегда выставлять в требованиях свои лозунги и политические требования общего характера. На юге стачки все используются, там даже на их почве происходит борьба между партиями, каждая партия претендует на руководство той или иной частичной забастовкой, каждая организация хочет всецело себе приписать инициативу,—и во время руководства расширяют связи, привлекают все новые силы. А здесь, как мне кажется, на частичные забастовки обращают очень мало внимания; и это приносит огромный ущерб организации.

Все это—мое первое впечатление; оно в некоторых отношениях может быть ошибочным, и если я в дальнейшем найду у здешнего рабочего движения более привлекательные черты, то я их опишу. Пока же мой вывод таков: на юге рабочее движение уже вылезло из подвалов и нор на улицу и все больше завоевывает себе простора, а на севере этого пока нет. Что будет дальше, нельзя сказать, но скорее всего, что на севере рабочий развернет свою борьбу только после революции.

Рабочий.

От ред. События в Сормове, Ив.-Вознесенске, Костроме, Петербурге и др. местах показывают, что автор письма не дооценивает силы рабочего движения на севере. Последние московские события показали это еще ярче.

(М. Ольминский).

Одесса. Прибыл я снова спустя полтора месяца после знаменитых событий и застал здешнюю организацию в самом плачевном состоянии. На какие-либо регулярные занятия в кружках трудно было надеяться. Пропагандистских сил почти не было, связей также. Но теперь многое уже налажено, связей для сил К-та достаточно, и занятия идут более или менее регулярно. Вся почти пропагандистская работа вращается за последнее время вокруг Гос. Думы и партийного раскола; правильных, чисто-научных занятий (таких, напр., как предлагают в № 16 «Пролетария») почти не ведется. Настоящее революционное время ежедневно выдвигает столько жгучих вопросов (как смертные приговоры, бакинские события, события в Прибалтийском крае и т. п.), требующих разъяснения, что вопрос о научных занятиях как-то затушевывается. Я хотя не присяжный пропагандист, но иногда приходится вести пропаганду. Говоря о Госуд. Думы, приходится касаться вопросов: что такое противоречие классовых интересов? Что такое демократическая республика? Что такое правое и левое крыло буржуазии? Почему у «меньшевиков» такой убогий план кампании по отношению к Гос. Думе? Что такое оппортунизм и ревизионизм (говоря о «меньшевиках» нельзя не коснуться этих вопросов)? На одном собрании, объяснив цензовый характер и значение Госуд. Думы, как учреждения совещательного, на вопрос одного из рабочих: должны ли мы, в случае, если нам не удастся помешать

ее созыву, добиваться, чтобы превратить ее из совещательного учреждения в учредительное?— я дал приблизительно такой ответ. Мы, как партия революционной соц.-демократии, в случае, если нам не удастся сорвать Гос. Думы, никоим образом не должны напирать на то, чтобы превратить это сборище разжиревших буржуа в вершителей судеб пролетариата, ибо никогда волки не могут защищать овец или разбойники заботиться о благе ими же ограбляемых. А если, несмотря на все наше противодействие, она, Госуд. Дума, все-таки превратится в Учредительное Собрание?—Во-первых, этого почти невозможно ожидать, ибо самодержавие уступит только пред вооруженным восставшим народом; но если почему-либо (напр., при поддержке «меньшевиков») этому сброду удастся превратиться в Учредительное Собрание, то мы все равно будем бороться против такого Учредительного Собрания и агитировать за действительное Учредительное Собрание, избранное всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов, и созванное Времен. Революц. Правительством. Вперед же агитировать за то, чтобы эту Думу поддерживать, эту Думу превратить в защитницу интересов пролетария—величайшее преступление по отношению к пролетариату!

Что касается «плана», выработанного недавно «южной конференцией» меньшевиков, то он заслуживает того, чтобы его высечь на камне и оставить в назидание потомства, как характернейшее проявление оппортунизма. Насколько я успел познакомиться со здешними рабочими-«меньшевиками», они во многом несогласны с «Искрой» и с постановлениями «Обще-русской конференции».

Луганск. В нашем городе есть две типографии А. Еленова, в которых работает до 60 чел. С 1902 г. был установлен десятичасовой рабочий день,—десять часов при свинцовом типографском дыхании! Но среди наших рабочих, темных и забитых, не находилось ни одного, кто осмелился бы возражать заведующему по поводу беззакония и грубого обращения с рабочими.

Но после петербургских событий, когда забастовка началась по всей России, и даже в Луганске на Гартманском заводе стали поговаривать о забастовке, тут-то наш любезный хозяин поспешил написать заведующему типографией, чтобы тот немедленно оповестил в типографиях об установлении там 8-часового рабочего дня. Но наш тиран-заведующий никому об этом не сказал ни слова. Но каким-то образом все-таки слух о письме Еленова прошел через неделю по всему городу. Возбужденные рабочие стали готовиться к забастовке. Заведующий завертелся и стал рассказывать рабочим сказки, что будто хозяин писал о 9-часовом рабочем дне, но его оборвали криками: Это ложь! Еще две недели назад хозяин писал о 8-ми часах! Заведующий стал утверждать, что это ложный слух, и наши бессознательные рабочие, в конце-концов, согласились на 9 часов. С 1-го февраля мы стали работать по этой норме. Так прошел спокойно февраль, как вдруг заведующий в каждой типографии начинает уже толковать о возвращении к старому порядку. Ни один рабочий на это не согласился. Тогда заведующий стал сильно прижимать рабочих. Если, напр., рабочий обращался с просьбой о прибавке жалованья, он ему отвечал грубым окриком, и при этом давал понять, что если бы рабочие согласились на 10-часовой рабочий день, то обращение с ними стало бы лучше. Вот как ловко заведующий стоял за интересы капиталиста! 15-го сентября заведующий прямо уже объявил рабочим, что с понедельника опять будет 10-часовой рабочий день. Тут поднялся крик и шум. Все взволновались—от мала до велика. Дружно было решено запросить по этому поводу телеграммой Еленова, а самим, пока не придет ответ от хозяина, не приниматься за работу. В 9 ч. утра следующего дня уже пришел ответ: одна телеграмма в контору, а другая—лично рабочим. Из нее рабочие узнали, что хозяин не солидарен с заведующим и обещает рабочим не переходить от 9 на 10 часов. Рабочие встретили это сообщение криками: «Ура! Да здравствует 8-часовой рабочий день». На эти крики выскочил заведующий и, узнав в чем дело, пробовал-было взять такой тон, что, мол, пока я здесь, вы будете работать по 10 час., но крики: «уходи, дурак, пока еще не побит»—заставили его быстро удрать в контору. Это событие подняло дух рабочих. Заведующие стали обращаться более вежливо с рабочими. Теперь среди нас ведется даже пропаганда и агитация. Кстати сказать, наш хозяин принадлежит к партии либералов и даже норовит попасть в Госуд. Думу.

Рабочий.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Британское рабочее движение и конгресс трэд-юнионов. *)

[(Перевод с немецкого).]

Лондон, 10-го сентября.

Отличительным признаком современного британского рабочего движения является признание того взгляда, что профессиональные союзы, парламентская рабочая политика и социализм должны итти вместе. Правда, либеральным вождям крупных трэд-юнионов недостает ни определенности, ни единого стройного плана, ни даже искреннего желания проводить этот взгляд в жизнь. Но нет никакого сомнения, что он существует: он является результатом многих испытаний и разочарований.

Во время чартистского движения проявилось сотрудничество всех пролетарских сил, так как всем движением руководили социалисты, а социализм представляет собой общую сумму и конечную цель всех пролетарских стремлений. С падением чартизма, после того, как социалисты обратили внимание всего общества на положение и значение рабочего класса, выплыли на поверхность секретари трэд-юнионов и приняли на себя руководство пролетариатом. Рабочее движение тогда до того погрязло в болоте, что такой во всех отношениях либеральный политик, как Кобден, мог писать о нем в 1861 году следующее: «Меня удивляет то равнодушие, с каким рабочие принимают все направленные против них клеветы. Неужели же в их рядах не найдется Спартака, который повел бы этот класс рабов к восстанию против своих политических притеснителей?» Поколение чартистов в продолжение 10—12 лет трэд-юнионистской жизни превратилось в поколение рабов.

Несколько лет спустя, во время деятельности «интернационала», агитации за избирательную реформу и борьбы за отвечающее своему времени рабочее законодательство, рабочее движение пошло более оживленным темпом, и профес. движение, рабоч. политика и социализм—соединились. [Но и тогда] движением руководили не социалисты, [а лишь] социалистич.-настроенные рабочие-политики. В 1875 году и [это движение] пришло к своему концу, секретари трэд-юнионов снова одержали верх и приковали пролетариат к либерализму, что привело его, в конце-концов, к [поражению в известном деле Taff-Vale **).

---

*) Опоздало по недостатку места.

**) Это дело состояло вот в чем. Правление железной дороги Taff-Vale предъявило к союзу железнодор. рабочих иск за убытки, причиненные железнодор. компании стачкой. Буржуазные судьи, вопреки отчаянному сопротивлению рабочих, присудили капиталистам вознагражде-

Мы видим в английском пролетариате два периода духовного застоя в XIX столетии: первый продолжался приблизительно от 1850 г. до 1865 года; второй—от 1880 до 1900 года.

В первый период высшего развития достиг либерализм, во второй—империализм. Следовательно, отказ от революционной точки зрения не всегда ведет за собой расширение буржуазной свободы. Какое действие окажет на ход истории уничтожение революционного социализма—нельзя сказать заранее. Действие это зависит скорее от экономических потребностей господствующих классов. Если они потребуют расширения либерализма, то отказ от революционной точки зрения будет способствовать либерализму. Если же господствующий класс находится в империалистическом периоде, то всякое отступление пролетариата будет укреплять империалистическое течение.

В 1900 году началось сближение между профессиональным движением, рабочей политикой и социализмом. Выражением [этого сближения] является комитет рабочего представительства, обязанный своим быстрым ростом нарушению прав трэд-юнионов. Причины лежат, разумеется, гораздо глубже, но для широких рабочих масс [уничтожение] права стачек [(дело Taff-Vale)] было всего чувствительнее, и оно заставило их позаботиться о самостоятельной рабочей политике. Новая рабочая партия пережила множество колебаний со времени своего основания. Иногда казалось, будто она в самом деле серьезно смотрит на свою задачу и раз навсегда намерена покончить с либерализмом. Но для такого решительного шага у рабочих нехватает мужества; и мужества им нехватает потому, что у них нет никакой духовной опоры. Новая рабочая партия производит иногда впечатление флота Рождественского: множество новых боевых кораблей и броненосцев, целая куча офицеров и матросов, но без всякого доверия к самим себе и друг к другу. К сожалению, вполне возможно, что при таких обстоятельствах они снова попадутся в ловушку к либеральным вождям.

В прошлом месяце секретарь новой рабочей партии И. Р. Мак-Дональд выпустил книгу о социалистической политике. Книга эта озаглавлена «Socialism and Society» («Социализм и общество»). Ее цель состоит в том, чтобы дать социалистическому движению новое учение и новую тактику. Учение взято из биологической социологии. Оно рассматривает общество, как организм, клеточку которого составляет индивидуум. Организм и клетки являются на место определенной экономической системы и классовых противоречий марксизма. Социалистическое движение не означает выступление класса, историческую задачу которого составляет уничтожение частной собственности; социалистическое движение является, по его мнению, скорее развитием всего общества до высшего культурного уровня. Между социализмом и либерализмом не существует никакой пропасти; религиозные секты морализируют общество; поэтому социалисты должны отказаться от всяких [вызывающих споры и расхождение] фраз, от [всяких] сектантских различий [программы]; автор стоит, очевидно, за сотрудничество с либералами. Будущий английский парламент увидит, очевидно, в правительственном большинстве «блок» либералов и рабочих представителей. Нам нет никакого смысла входить здесь в подробный разбор этой книги. Об этом серьезно позаботится английская партийная пресса. Стоит отметить только то обстоятельство, что как социально-либеральное течение, так и теория сверх-человека, распространявшиеся в Германии пятнадцать лет тому назад, приобретают в Англии своих сторонников только в последние годы. Из книги Мак-Дональда вытекает, что новая рабочая партия ни в чем не будет отличаться от старых либеральных рабочих политиков, кроме тех случаев, когда нужно будет устранить от влияния социал-либералов молодые элементы. Очень печально, что и на тридцать восьмом трэд-юнионистском конгрессе, закончившемся вчера в Хэнли (Hanley) после шестидневного заседания, не могли додуматься ни до чего лучшего.

Первый трэд-юнионистский конгресс происходил в 1868 году; тогда на очереди стояли следующие вопросы: законодательство о профессиональных союзах, заграничная конкурренция, регулирование рабочего дня и расширение фабричного законодательства, рабочие третейские судьи. Тридцать семь лет спустя конгрессу был предложен тот же самый порядок дня. И теперь дело идет о законодательстве, о профессиональных союзах, затем о свободе торговли и покровительственных тарифах, об охране труда и третейских судах. Конгресс составляли 457 делегатов, явившиеся представителями от 1.561.800 организованных рабочих. В Хэнли были представлены также и механики, и рудокопы Даргэма (Durham), которые уже много лет не присылали своих делегатов на конгресс. [Резолюция] о продолжении политики свободной торговли была принята 1.253.000 голос. против 26.000. [Резолюция] о введении обязательных третейских судов была отклонена 765.000 против 673.000. Меньшинство значительно возросло со времени последнего конгресса. Мысль издавать рабочую газету пришлось оставить вследствие недостатка в денежных средствах. Отклонено было также предложение о соединении трех рабочих организаций: трэд-юнионистск. конгресса, федерации трэд-юнионов и комитета рабочего представительства. Обычные предложения о 8-часовом рабочем дне, национализации железных дорог, рудников, каналов и проч., расширении охраны труда, обеспечении пенсий старикам,—были приняты без дебатов. На место выбывшего Сэма Вуда (Sam Wood) секретарем парламентского комитета был выбран мистер Стэдман.

Среди делегатов преобладало мнение, что трэд-юнионистский конгресс является умирающей организацией и поэтому на него отнюдь нельзя смотреть серьезно. Рейнольдова газета («Reynolds Newspaper»), являющаяся чисто-либеральным органом и ведущая борьбу против социализма, пишет теперь о тридцать восьмом трэд-юнионистском конгрессе: «Истинное и несомненное значение конгресса [в Хэнли] состоит в том, что конгресс [показал себя отжившим учреждением] и умирающей организацией. С лишением политической силы он потерял и всякое право на существование.

ние! Присуждать рабочие союзы к возмещению господам-капиталистам убытков, причиненных стачкой, значит на самом деле уничтожать свободу стачек. Судьи, лакействующие перед буржуазией, умеют сводить на-нет даже обеспеченные конституцией свободы, когда дело касается борьбы труда и капитала. Прим. перев.]

Трэд-юнионисты не должны больше видеть в нем средства развития своих интересов или руководства своим движением... Неудивительно, что многие делегаты говорили: какую же цель имеют все наши дискуссии? Когда секретарь союза извозчиков сообщил о жалобах [и требованиях рабочих его союза],—конгресс смеялся; в конце концов, засмеялся и сам оратор и сказал: «Разве можно на этом конгрессе говорить серьезно?» Либеральная газета полагает, что причина этой слабости состоит в том, что конгресс отказался от своей политической деятельности в пользу новой рабочей партии: но, впрочем, и сама газета соглашается, что уже и до основания рабочей партии дело обстояло не лучше.

Истинная причина слабости английского пролетариата лежит в его политической и духовной зависимости от либерализма, т.-е. в его исключительно трэд-юнионистском направлении.

[(Английское рабочее движение довольно долго еще, к сожалению, обещает служить печальным образчиком того, как необходимо ведет к измельчанию и буржуазности оторванность рабочего движения от социализма. Прим. ред.)—Н. Ленин.].

Ответ Бебеля „Рус. Ведомостям“ [4]).

На-днях в «Vorwärts» появилось письмо тов. Бебеля, дающее прекрасный ответ на выходку «Русских Ведомостей», о которой мы уже говорили в № 20 «Пролетария». Приводим это письмо полностью.

«Русские друзья уведомили меня, что берлинский корреспондент «Русских Ведомостей»—одного из главных органов русских либералов,—состоящий в то же время представителем Петербургского Телеграфного Агентства и официальной прессы русского министерства финансов, опубликовал в № 247 «Р. В.». отчет об Иенском партейтаге, в котором он пытается доказать, что я не расположен к русской революции и даже высказывался против нее. Процитировав соответствующее место—о котором я буду говорить ниже—из моей речи при открытии Иенского партейтага, этот господин говорит: «Я не считаю Бебеля авторитетом в русских делах, но я должен заметить, что в этой части своей речи он выгодно отличается от Каутского и некоторых других доктринеров, рекомендующих Revolution in Permanenz. Как умный человек и политик, знающий, какие конкретные формы принимает в жизни народа состояние постоянной анархии, Бебель видит успех прежде всего в осуществлении задач культуры, и из его слов совершенно ясно вытекает, что он не проводит демаркационных линий и уже наверное не воздвигает стен между русской интеллигенцией и русским пролетариатом,—по крайней мере до осуществления элементарных прав человека».

И затем дальше: «Не говорю уже о том, что бывают политические условия, при которых полезно на время спрятать в карман конечные цели и помнить о ближайших задачах, общих у социализма и либерализма».

В виду желания русских товарищей, чтобы я сам выступил в этом деле, я скажу следующее:

Очевидно, что значительная часть русских либералов работает по тем же самым рецептам, по которым некогда работали и немецкие либералы. Либерализм всюду одинаков. Либералам очень хотелось бы иметь поддержку радикальных партий для проведения своих половинчатых планов, и так как этой поддержки не всегда можно достигнуть прямым путем, то они пытаются разрушить неудобную им враждебность тем, что искажают слова лиц, мнение которых могли бы иметь некоторое значение в радикальных кругах России. [Добиваются этого тем, что вкладывают в их слова смысл, которого они не имеют].

Мне никогда и во сне не снилось советовать моим русским товарищам или радикалам в России останавливать свою революционную деятельность и подчиниться конституции данной царской милостью Государственной Думы, являющейся грязным издевательством над народом. Эта русская Государственная Дума—просто комедия, которую царь инсценировал, как уступку революции, надеясь этим сломить ее силу, и значительная часть русских либералов, которые, как и всюду либералы, боятся всякой честной революции и дрожат перед ее последствиями, с готовностью соглашается принять уступки, чтобы избегнуть такой ненавистной для них революционной борьбы.

Как в свое время большая часть немецких либералов после 1866 года заключила мир с графом Бисмарком на [основе] попирающей все конституционные [принципы] конституции Северо-Германского Союза и предала свои прежние идеалы, так и в настоящее время значительная часть русских либералов готова примириться с графом Витте и продать право первородства русско-польского народа за испорченную чечевичную похлебку царской милостью Государственной Думы. Я считаю царской милостью Государственную Думу быстро преходящей фазой в развитии русской революции, которая, если Россия хочет сделаться до некоторой степени культурным государством, должна иметь совершенно иную и гораздо более широкую цель, а именно—падение русского абсолютизма и уничтожение его в самом корне. Изложив в своей Иенской речи, какие следствия будет иметь для Европы исход восточно-азиатской войны, я сказал следующее: «Удастся ли в ближайшем будущем нашим российским товарищам, в союзе с русской интеллигенцией и всеми революционными элементами, достигнуть своей цели—превратить огромную русскую империю хоть в сколько-нибудь современное культурное государство,—это укажет будущее; мы же надеемся на это и желаем этого; во всяком случае, старая Россия невозможна. Точно так же как после поражения под Иеной и Ауэрштедтом Пруссия была вынуждена отменить крепостное право,—и Россия, сделавшая по необходимости подобный шаг уже 40 лет назад, будет также вынуждена в настоящее время, если она хочет еще продолжать играть роль великой державы, проложить новые пути и создать новые политические учреждения, которые в более или менее сильной степени заинтересуют широкие слои народа в ее судьбе».

Если бы мне только пришла в голову мысль—видеть в царской милостию Государственной Думе что-либо соответствующее выраженным мною взглядам, то я должен был бы здесь сослаться на нее; но эта мысль была от меня бесконечно далека; в крайнем случае, мои слова могли быть истолкованы так, что я пока не разделяю надежд тех моих русских товарищей, которые полагают, что им удастся одним ударом на-

столько изменить старую Россию, что она своими внутренними учреждениями сделается некоторого рода образцом для Европы. Этого оптимизма я не разделяю. Я очень рад, если заблуждаюсь, но приписывать мне то, что я пока довольствуюсь тем, что предлагает русский царизм и требую от моих товарищей сложить оружие и в некотором роде примириться с господствующим правительством, является самым тяжелым оскорблением, которое мне только можно сделать,—предположением, которое я самым решительным образом опровергаю.

Кроме того, мое отношение и отношение немецких товарищей к царизму ясно и недвусмысленно вытекает из резолюции, которую я предложил от имени правления партии и которая была единогласно принята в Иене; следовательно, Каутский и я идем рука-об-руку. Эта резолюция гласит: [(Далее следует резолюция, уже помещенная в № 19 «Пролетария»)].

Я полагаю, что эта предложенная мною резолюция имеет в виду отнюдь не «примирение» и не «соглашение» с царизмом.

Я должен попросить этого русского либерала не хватать меня за полы; я направлялся совсем в иное место, отнюдь не похожее на рай царизма».

А. Бебель.

Шенеберг.—Берлин, 21-го октября 1905 г.

ИЗ ПАРТИИ.

Кавказский Союз о Гос. Думе. «Разрушить Гос. Думу и поднять знамя восстания революции, долой Гос. Думу и да здравствует народная революция!—вот к чему мы должны стремиться. Организованное всенародное восстание и Революционное Временное Правительство, Всенародное Учредительное Собрание и демократическая республика,—вот по какому пути должна двигаться народная революция. Только этот путь облегчит нам сколько-нибудь осязательно тяжелое шествие в «обетованную землю»—в царство социализма!» («Борьба Пролетариата» № 3).

Резолюции. А. Окружной Организации при Московском Комитете.

Принимая во внимание: 1) что сфера организационного влияния Окружной Организации уже сильно расширилась и продолжает расширяться; 2) что комитет Окружной Организации, вследствие этой расширенности, встал в чисто-федеративные отношения к МК по вопросам о финансах и технике; 3) что в силу оторванности и специфических условий общей работы участие представителя Окр. Орг. в разработке вопросов тактических и организационных Московским К-ом является малопродуктивным; 4) что МК не имеет возможности по обстоятельствам времени и местных условий, удовлетворять разросшимся запросам групп Окр. Орг., напр., снабжение партийной литературой; 5) что группы Окр. Орг., юридически находящиеся на положении заводских комитетов, фактически представляют из себя более или менее автономные организационные единицы, которые по количеству организованных рабочих нередко превосходят даже некоторые районы МК; 6) что осведомленность об общепартийных делах, проходя через МК, опять же вследствие оторванности и обширности района, фактически почти не осуществляется; 7) что МК, вследствие обширности и разнообразия работы в Москве, не имеет достаточно времени для выработки общих директив по специальным вопросам (работа среди крестьян),—Районный Комитет Окружной Организации считает своевременным выдвинуть перед ЦК вопрос о признании его полноправным комитетом.

Б. Резолюция Московского Комитета Р.С.-Д.Р.П.

Московский Комитет считает безусловно желательным и своевременным выделение Окр. Орг. в самостоятельный комитет, о чем постановляет сообщить Центральному Комитету, прося последний озаботиться присылкой людей для составления комитетской коллегии.

К вопросу об организации деревенских комитетов. Принимая во внимание: 1) что социал-демократия в настоящее время должна воздействовать на широкие слои крестьянства для привлечения его к активной борьбе против самодержавия; 2) что социал-демократия организует только пролетарские элементы крестьянства; 3) что крестьянский пролетариат в районе нашей деятельности занят большею частью на фабрике или заводе, или живет отхожими промыслами, или как кустарь работает на скупщика и поддерживает связи с землею, с одной стороны, в силу сословных ограничений (приписка к миру), с другой—в силу несознательного отношения к своему положению и, с третьей—в силу крайне невыгодных условий продажи своей рабочей силы,—Окружная Организация Московского Комитета Р.С.-Д.Р.П считает своей ближайшей задачей поставить прочные организационные ячейки среди такого рода пролетариата. Организация такого рода комитетов в общем виде такова: Общерайонный Комитет Окружной Организации организует районные комитеты и направляет их работу через своего представителя. Районные комитеты находятся по преимуществу в уездных городах и по мере развития деятельности организуют подрайонные комитеты, которые и организуют низшие ячейки: деревенские и заводские комитеты в той или иной форме, считаясь с окружающими условиями,—отнюдь не придерживаясь принципа казенного деления на волости и деревни. В ближайшее мирное время задачи и цели низших организационных ячеек сводятся к постановке широкой пропаганды и агитации идей социал-демократии в деревне. Поэтому и функции «деревенского комитета» сводятся к следующему: 1) чтоб лучше воздействовать на крестьянскую массу, необходимо вести агитацию на близких ему вопросах о земельном наделе, условиях труда на фабрике, в кустарных промыслах, у помещика и так далее. Данные об этом должны быть доставлены Районному Комитету в виде ответов на вопросы, изложенные в вопроснике, прилагаемом при этом письме. Также важно осведомление более или менее периодическое о всех событиях, происходящих в данной местности. 2) Широкое распространение как легальных, так и нелегальных библиотек, постоянных и подвижных. 3) Устная агитация на волостных и сельских сходах. Выступление организованных крестьян на этих сходах по поводу каждого конкретного выступления крестьян против их врагов. 4) Организация массовых собраний, кружков пропаганды. 5) Организация сбора денег для партии. 6) Организация демонстраций и открытое выступление низов деревни против самодержавия и его слуг. Таким образом, «деревенский комитет» будет состоять из следующих лиц: секретаря, распространителя литературы, (помощники в комитет не входят), агитаторов (чем больше, тем лучше), организатора массовых кружков, кассира, заведывающего оружием и обучающего стрельбе и т. д. Все эти функции могут быть соединяемы в различных комбинациях, за исключением агитаторов и заведывающего оружием. Для общих действий «деревенские комитеты» объединяются, устраивают конференцию под председательством представителя от районного комитета. Для принятия решений для всей окружной организации созывается конференция представителей районных комитетов под руководством Московского Комитета.

Истерика потерпевших поражение. Наша статья «Первые итоги политической группировки» была уже написана, когда мы получили № 112 «Искры» с какой-то нервозной, полной злобы, слез, выкриков и вывертов статьей «Плоды кружковщины». Иначе нельзя этого и назвать, как истерикой. Выделить хоть тень доводов из истерического вопля нет никакой возможности. При чем тут кружковщина, дорогие товарищи из «Искры», когда вы сами пошли по доброй воле на конференцию разных соц.-дем. партий и организаций России? Подумайте хоть капельку, если вы еще не совсем потеряли способность думать, подумайте хоть тогда, когда у вас пройдет припадок истерии!

Ведь, если вы согласились итти на конференцию, если ваш делегат был на ней, то значит, вы сами признали эту конференцию серьезным, партийным, обязательным для пролетариата делом. Ведь, вы только окончательно роняете себя в глазах сколько-нибудь думающих рабочих, если начинаете ругаться после того, как вы потерпели поражение на совещании, которое вы сами фактом своего добровольного участия признали серьезным и необходимым делом!

Вы недовольны тем, что конференция слишком резко, по вашему мнению, осудила вашу тактику, назвав участие в Думе изменой делу свободы? Но разве вы не знали, милые товарищи из «Искры», что идете на конференцию с ЦК Р. С.-Д. Р. П., а орган этого ЦК—«Пролетарий»—давным-давно и в брошюрах и в статьях показывает ваше превращение в прихвостней монархической либеральной партии? Вы знали это хорошо, дорогие товарищи из «Искры», и если вы теперь сердитесь до потери сознания, то мы, право же, не в силах помочь вам. Ведь, это факт, неустранимый и неоспоримый факт, что вы остались одни в компании с «Освобождением» среди всех нелегальных партий, организаций, направлений и органов всех народов России. Этот факт есть самое резкое, необыкновенное в истории по своей резкости, обвинение против вас, а вы вообразили, будто источник резкости есть слово: «измена делу свободы!».

Вы до того потеряли голову, что начинаете после своего поражения на конференции кричать диким голосом о вреде федерализма в организации, лелеемого Бундом и другими национальными с.-д. группами. Как неразумно это с вашей стороны, дорогие товарищи из «Искры»: ведь, вы только подчеркиваете этим глубину своего поражения. В самом деле, подумайте-ка, дорогие товарищи из «Искры»: кто защищал два года и защищает теперь организационную расплывчатость и туманность? принципы соглашения и децентрализации? Именно вы, именно новоискровцы. И именно федералисты Бунда, Латышской и Польской С.-Д.Р. партий, подхватывали в свое время в печати все ваши дезорганизаторские словечки против якобы крайностей централизма и проч., и т. п. Ведь, это опять-таки есть факт, неустранимый и неоспоримый факт, что все федералисты указанных партий писали и печатали статьи в духе меньшинства! Посмотрите же, дорогие товарищи из «Искры», как некстати вы вспомнили о федерализме: вы подчеркнули этим, что ваши вчерашние благожелатели из с.-д., Бунда, Латышской и Польской Партий вынуждены были покинуть вас, не стерпев всей пошлости вашей думской тактики! Нет, дорогие товарищи из «Искры», если вы, успокоившись, подумаете капельку, то увидите и сами то, что все видят: не «большинство» пришло к федерализму, а Бунд, латыши и поляки с.-д. под влиянием объективной логики революционных событий, пришли к той точке зрения, которую всегда отстаивало «большинство».

Ваше поражение тяжело, дорогие товарищи из «Искры», слов нет. Но источник его—не злоковарство «большинства» или поляков с.-д. и т. п., а та безысходная путаница, которая проявилась уже в тактических резолюциях общерусской конференции меньшевиков. Пока вы будете стоять на почве этих резолюций, вы неизбежно будете сказываться «сам-друг» с «Освобождением» против всех с.-д. и даже всех революционных демократов.

(Н. Ленин).

Письмо 29 товарищей из Бакинской тюрьмы. (От ред. В № 18 «Пролетария» напечатана корреспонденция о том, как в Баку меньшевики боролись против всеобщей забастовки, объявленной рабочими комитетской организации. Полученное нами письмо 29 товарищей подтверждает рассказ автора корреспонденции; поэтому берем из письма только некоторые новые факты и те места, которые являются выражением мнения 29 товарищей. М. Ольминский).

В вопросе о стачке на стороне подавляющего, как бы там ни говорили интеллигенты-меньшевики, большинства организованных рабочих оказался один Комитет, который, отстаивая необходимость стачки, был не инициатором в данном деле, а лишь исполнителем уже данного решения. Как же он выполнил это дело? Об этом будем судить по следующим фактам.

Одних листков, где, между прочим, был призыв к массовой стачке, было выпущено 75 тысяч—10 наименований; на армянском языке—10 тысяч—5 наименований; на татарском—15 тысяч—5 наименований. Кроме того, во всех районах устраивались массовки для устной агитации. Особенное внимание было обращено на татар, к которым отправляли специальных агитаторов-татар. Достойно внимания то обстоятельство, что татары весьма сочувственно относились к идее всеобщей забастовки. Во многих местах они гордо заявляли, что не ограничатся пассивной поддержкой, но и выступят активно, если понадобится их помощь в случае остановки заводов...

Но перед ними (т.-е. перед рабочими сторонниками меньшинства. Ред.) стоял вопрос, как быть, если «буржуазные радикалы» все-таки объявят забастовку? Вопрос этот, уже решенный вожаками меньшинства, дебатировался на их междурайонном собрании, где с большой натяжкой прошло следующее решение: «Если придут останавливать завод, на котором находятся меньшевики, небольшая кучка рабочих (человек пять-шесть), то не слушаться их призыва, а выступить с контр-агитацией и продолжать работать, а если останавливать придет значительное количество, то остановить работу, но потом вернуться к работе». Что же касается отдельных ораторов, то они оказались более радикальными в выборе средств и громогласно заявляли: «по шее их, по шее!». Но на это, своего рода «распни, распни его», рабочие-меньшевики ответили протестом, но, к сожалению, оказались слишком слабыми, чтобы противостоять демагогии кучки вожаков и довести свой протест до конца. Несмотря на все это, забастовка, согласно объявлению, началась...

Уже из легальных газет мы знаем, как буквально меньшевики исполняли свои решения. Буржуазные газеты с радостью извещают, что рабочие некоторых заводов бросали работу, но скоро опять приступили к ней. Неудивительно, что у многих товарищей-забастовщиков от такого отношения к делу тех, которых до сих пор считали товарищами, опускались руки. Конечно, в неудаче некоторую роль играл арест товарищей в начале забастовки, и вообще масса несознательная была деморализована тем, что агитация шла из уст людей, именующих себя социал-демократами. А известно, сколько усилий, энергии и жертв людьми потратил бакинский пролетариат, со своим Комитетом во главе, в продолжение 5-ти лет для создания в массе уважения к социал-демократии. Когда перед нашим взором проходит эта возмутительная картина отношения меньшевиков к забастовке, перед нами поневоле возникает вопрос: не поставили ли они крест над своими социал-демократическими убеждениями? Пусть сама жизнь ответит на этот вопрос, нам же, рабочим, остается быть слишком осторожными к людям, которые не гнушаются топтать своими ногами интересы труда ради торжества фракционного самолюбия; которые ведут борьбу не против царского самодержавия, не против капиталистического строя, а против соц.-дем. Комитета. Мы хорошо понимаем, что забастовка, являясь одной из солидных форм классовой борьбы, однако, в тот или иной момент может оказаться нецелесообразной. Но в том-то и дело, что, называя забастовку нецелесообразной, меньшевики не дали ничего другого более целесообразного, как запугивание массы голодом, нагайкой и армяно-татарской резней. В декабре прошлого года были против забастовки и мы. Но разве, высказываясь против забастовки, мы не предлагали другого, не менее солидарного средства борьбы против современного политического строя—демонстрацию! Разве, наконец, мы отказались в день объявления забастовки пойти вместе останавливать заводы? Теперь же меньшевики, борясь против этой забастовки, стремились, как нам достоверно известно, к одному, а именно к практическому осуществлению отныне знаменитого девиза: «По шее их, по шее!».

Извещение о конференции крестьянских работн. Комит. Вост. Района, созываемой по инициативе Восточного Бюро при Ц. К-те Р.С.-Д.Р.П. Товарищи! усиленный рост крестьянского движения обязывает нас, активных работников Р.С.-Д.Р.П., сделать это движение политически-сознательным, вывести его из того стихийного состояния, в котором оно находится теперь и направить в русло ясно сознанных политических и экономических запросов многомиллион-

ного крестьянства. Крестьянское движение в своем целом не есть социалистическое движение, а мелкобуржуазное, но в настоящий революционный момент оно должно быть признано революционным, потому что оно направлено против царского самодержавия, против существующих остатков крепостничества деревни. Нашей задачей является поддержка всякого революционного движения. По отношению к крестьянскому движению эту цель нам не легко решить, в виду той классовой дифференциации, которая происходит среди обширного крестьянского населения под влиянием развития капитализма и в виду также искусственного задержания этого развития самодержавием,—положение деревни в настоящий революционный момент является более, чем ненормальным, и разрешение крестьянского вопроса в его целом требует от социал-демократии, авангарда всего революционного движения, неимоверных усилий. Правильное разрешение стоящей перед нами проблемы невозможно, если мы будем принимать заключения в одиночку, отдельными группами. Нам необходимо выработать общий взгляд на положение деревни и как можно успешнее согласовать нашу практическую деятельность.

По инициативе Восточного Бюро при Ц. К-те Р.С.-Д.Р.П. созывается конференция крестьянских работников всех партийных комитетов названного района. Мы думаем, что эта конференция будет способствовать большему ознакомлению с положением дел в деревне и с результатами работы, которая велась там социал-демократическими группами до сих пор. Затем мы выражаем надежду, что на основании предыдущего опыта всем присутствующим на конференции крестьянским работникам удастся выработать меры объединения крестьянских групп нашего района. Мы просим товарищей, действующих среди крестьян, немедленно приступить к составлению отчетов об их работе в деревне и докладов по вопросам, стоящим в связи с пропагандой и агитацией в деревне. Считаем нужным подчеркнуть, что, кроме чисто-практических сведений, конференции очень важно будет познакомиться с тем, насколько наша программа приспособлена к условиям социал-демократической работы среди крестьян. В прилагаемом к настоящему извещению «порядке дня» товарищи найдут те главнейшие вопросы, которые, по мнению Восточного Бюро, должны быть выяснены возможно полнее в интересах нашего дела. Если товарищи найдут, что намеченный Бюро порядок дня не достаточно полон или составлен неправильно, то, разумеется, их указания будут приняты с благодарностью. В заключение просим товарищей, в случае надобности, при составлении отчета и докладов не стесняться обязательностью программы конференции.

Порядок дня, выработанный на общем собрании членов Восточного Бюро при Ц. К-те Р.С.-Д.Р.П. и предлагаемый на обсуждение конференции крестьянских работников Комитетов Восточного района: I. Отчеты и доклады о деятельности среди крестьян. II. Программа (применение программы на практике и возникающие в связи с этим вопросы): 1) отрезки, 2) отмена выкупных и оброчных платежей, 3) отмена стеснительных законов и свободное распоряжение землей, 4) конфискация монастырских, церковных, удельных и кабинетских земель, 5) учреждение крестьянских комитетов. III. Тактические вопросы: 1) отношение к Государственной Думе, 2) отношения к С.-Р., либералам, и другим буржуазным партиям. IV. Организация: 1) одиночки, 2) группы, 3) сельские комитеты, 4) взаимные отношения отдельных групп и сельских комитетов между собой, 5) отношение к городским организациям, 6) издания, 7) техника, 8) транспорт и 9) финансы.

Восточное Бюро при Ц. К-те Р.С.-Д.Р.П.

Бежали и прибыли за границу: из Якутской области—Гургген Гургенадзе—дело гурийских крестьян 1902 года, на 10 лет; из Архангельской губернии—Вера Петрова—Москов. Комит. 1902 г.; из Вологодской губ.—Сергей Грюнер—Полтавское с.-д. дело, на 5 лет,—второй побег: в 1904 году был задержан на прусской границе.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Центральным Ком.: Ко всем гражданам, печ. Невским районом Петербургского Ком.: Ко всем рабочим завода «Атлас», печ. Московским Ком.: К учащейся молодежи. Окружной организацией Моск. Ком.: Городской район 27-го сентября, печ. Комитетом Бутырского района при Московском Ком.: 1. Вся Россия волнуется; 2. Требования завода Тильманс; 3. Требования механического завода Лист, все печатн. Московской I группы: Московский рабочий листок № 4, печ. Сарат. Ком.: К саратовским работникам. Саратовским с.-д. профессиональным союзом портных: Денежн. отчет за август. Сев.-Зап. С.-Д. Союзом: Отчет союза за август. Воронежским Ком.: Отчет за август. Томским Ком.: Отчет за июнь, июль, август, печ. Иркутским Ком.: Отчет за август. Красноярским Ком.: О союзе железнодорожных служащих и рабочих, печ. Железнодорожным Центром при Либавской с.-д. Группе: 1. Несколько месяцев назад, 125 экз.; 2. Объявление начальника Либаво-Роменской дороги. Либавской военно-социалистической организацией: Летучий листок в казарме (Почему кричат «долой самодержавие»?), печатн. Самарск. Ком.: Брошюра «Новая царская милость», печатн. Костромск. Ком.: 1. Брошюра «Гражданская война в Баку», 2.000, печ.; 2. Бюллетень № 2; 3. Ко всем костромским рабочим и работницам; 4. Бюллетень; 5. К рабочим и крестьянам; 6. К рабочим и всему народу; 7. Мир с Японией; 8. Ко всем костр. рабочим; 9. Ко всем; 10. За июль месяц отчет; 11. За апрель, май и июнь отчет; 12. К рабочим и крестьянам; 13. К учащимся города Костромы, все печатн. Ставропольским Комитетом: 1. Ко всем запасным; 2. Призыв к политической стачке.

Из отчетов Костромского К-та за апрель, май и июнь 1905 года: приход 1.870,30; расход 1.722,76; кроме того, в кассу поступило для передачи Центральному Комитету 3.000 р.

Костромским Ком. за июль: приход 214,75; расход 515,00; на оружие 185 руб.

Саратовск. с.-д. професс. союза портных за август: приход 17,85; всего в кассе 37,67. Распределение кассы: на стачку—50 проц., на оружие—25, Саратовскому Комитету—20, на библиотеку—5 процентов.

Северо-Западн. с.-д. союза за август: приход 262,35; расход 232,61; дефицит по июль включительно 572,14. Издано за отчетное время 3 листка в количестве 41.000 экземпляров и брошюра в 12 страниц, под заглавием «Женская доля», в количестве 5.000 экземпляров.

Томского Ком. за июнь, июль, август: приход 530,01; расход 530,01.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Адрес 27а отменяется. Гвоздеву. № 1 ааа получен. Неаполю. №№ 9 и 10 и предыдущие получены. Моте и Косте. Дайте адрес для ответа. Тихону. Шифр не разобран. Клементию. Адрес хорош. Максиму 2-му, Соловьеву, Азиату, Таре, Зеленому, Субъекту. Получено. Мурану. Получено ли письмо? Катюше. Шифр напутан, корреспонденции нет.

Примечания.

Прим. 1. Тов. Воровский написал статью под названием: „Еще страничка из истории". Новый заголовок— «Буржуазные «соглашатели» и пролетарские революционеры» дан тов. Н. Лениным.

Прим. 2. Редакционные поправки сделаны тов. Ольминским.

Прим. 3. Приводим конец корреспонденции, не вошедший в газету:

„Таковы дела в этом подрайоне. Через неделю окончательно, думаю, станет организацией, квартиры найдутся, рабочие приливают к организации и среди них есть сознательные люди, до сих пор от нас сторонившиеся, за наши разногласия. Устроим ряд дискуссий, выясним нашу тактику и докажем необходимость единой революционной тактики, а не каши, для единого, революционного пролетариата.

О следующем подрайоне напишу, может-быть, сегодня-же, а пока шлю привет.

Организатор Невского района Петербуржец.

P. S. Рабочие Обуховского завода передали мне 50 рублей для партии. Эти 50 рублей принадлежали старой соц.-дем. организации, теперь давно уже не существующей. С общего согласия ее остатков, частью входящих теперь к нам, частью высланных в разные места империи, деньги эти переданы нам с просьбой напечатать в «Пролетарии» так:

«От покойного товарища Еремина» 50 рублей.

Сделайте это поскорее.

P. P. S. Вчера снова на дискуссии меньшевики разбиты вдребезги. Реферат устроили в университетской столовой, читал доклад П—в—ч. Были наши организованные рабочие.

Поправка в начале корреспонденции принадлежит тов. Теодоровичу.

Прим. 4. Часть статьи до слов: «эта русская Государственная Дума просто комедия, которую царь инсценировал как уступку революции, надеясь этим сломить ее силу и значительная часть...» переведена с немецкого В. М. Величкиной. Остальная часть написана неизвестным почерком.

Буржуазные соглашатели и пролетарские революционеры!

~~Еще страничка из истории~~

Созывъ Государственной Думы вызвалъ новыя „недоразуменія" въ средѣ соціалдемократовъ, привелъ къ новымъ разногласіямъ. Если передъ указомъ 6-го августа, особенно подъ вліяніемъ одесскихъ событій Искра увлекалась идеей возстанія и даже не прочь была организовать временное правительство, то теперь — передъ отверстыми вратами Государственной Думы — возстаніе опять теряетъ для нея привлекательную силу и превращается въ „вещь въ себѣ", какъ было до 9-го января. Увлеченная перспективой соглашеній со крайними буржуазными демократами, Искра заменяетъ вооруженное возстаніе революціонными векселями гг. Петрункевичей и съ негодованіемъ обрушивается на пролетаріатъ, агитирующаго за борьбу противъ Думы. Искра отказывается сблизить агитацію по поводу Думы съ агитаціей за вооруженное возстаніе.

Факсимиле тт. Воровского и Ленина.

(См. „Пролетарий", № 23.).

LE PROLETAIRE

Prix: 40 cts.

ЖЕНЕВА, 7 ноября (25 окт.) 1905 г.

№ 24.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Первая победа революции.

Женева, 1 ноября (19 окт.).

В понедельник поздно вечером телеграф принес Европе весть о царском манифесте 17-го октября. «Народ победил. Царь капитулировал. Самодержавие перестало существовать», — сообщал корреспондент «Таймса». Иначе выразились далекие друзья русской революции, приславшие из Балтиморы (Сев. Америка) телеграмму в «Пролетарий»: «Поздравляем с первой великой победой русской революции».

Эта последняя оценка событий, несомненно, гораздо более правильна. Мы имеем полное право торжествовать. Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать. Оно только отступило, оставив неприятелю поле сражения, отступило в чрезвычайно серьезной битве, но оно далеко еще не разбито, оно собирает еще свои силы, и революционному народу остается решить много серьезнейших боевых задач, чтобы довести революцию до действительной и полной победы.

День 17-го октября останется в истории, как один из великих дней русской революции. Невиданная в мире всенародная стачка достигла своего апогея. Могучая рука пролетариата, поднявшаяся в порыве геройской солидарности во всех концах России, остановила всю промышленную, торговую и государственную жизнь. Страна замерла перед бурей. То из одного, то из другого крупного города доходили вести одна тревожнее другой. Войска колебались. Правительство воздерживалось от репрессии, революционеры не начинали открытых серьезных нападений, но восстание прорывалось с стихийной силой везде и повсюду.

И царское правительство в последнюю минуту пошло на уступку, сознав, что взрыв неизбежен, что одержать полную победу оно ни в каком случае и безусловно уже не в состоянии, а потерпеть полное поражение оно очень и очень может. «Сначала будет кровопролитие, а потом конституция»,—заявил, как передают, Трепов. В неизбежности конституции, даже при подавлении данного восстания, не могло быть уже никаких сомнений. И правительство расчитало, что лучше не рисковать серьезным и всеобщим кровопролитием, ибо в случае победы народа царская власть была бы сметена начисто.

Нам известна лишь крохотная доля тех сведений, которые сосредоточились в понедельник 17-го октября в руках правительства и заставили его уклониться от отчаянного боя и уступить. Все усилия местных и центральных властей были направлены на то, чтобы приостановить сообщения о грозном росте восстания или урезать эти сообщения. Но даже и тот скудный, случайный, урезанный материал, который проник в европейскую печать, не оставляет никакого сомнения в том, что это было действительное восстание, способное нагнать смертельный ужас на царя и царских министров.

Сила царизма и революции уравновесились,—писали мы неделю назад на основании первых вестей о всероссийской политической стачке. Царизм уже не в силах подавить революцию. Революция еще не в силах раздавить царизм. Но при таком равновесии сил всякое промедление грозило величайшей опасностью царизму, ибо промедление неминуемо вносило колебание в войска.

Восстание разгоралось. Кровь лилась уже во всех концах России. Народ бился на баррикадах от Ревеля до Одессы, от Польши до Сибири. Войска побеждали в отдельных мелких столкновениях, но в то же время стали приходить известия о новом, невиданном еще явлении, ясно свидетельствующем о военном бессилии самодержавия. Это были известия о переговорах царского войска с восставшим народом (Харьков), известия об удалении войска из городов (Харьков, Ревель), как единственном средстве восстановить спокойствие. Переговоры с восставшим народом, удаление войск—это начало конца. Это показывает лучше всяких рассуждений, что военные власти чувствовали себя до последней степени шатко. Это показывает, что недовольство в войсках достигло поистине ужасающих размеров. Отдельные вести и слухи попадали и в заграничную печать. В Киеве арестовывали отказывавшихся стрелять солдат. В Польше были такие же случаи. В Одессе пехоту держали в казармах, боясь вывести ее на улицу. В Петербурге начиналось явное брожение во флоте, и сообщали о полной ненадежности гвардии. А относительно черноморского флота до сих пор нет возможности узнать настоящей правды. Уже 17-го октября телеграммы передавали, что слух о новом возмущении этого флота держится упорно, что все телеграммы перехватываются властями, которые пустили в ход все средства, чтобы не дать распространиться известиям о событиях.

Сопоставляя все эти отрывочные сообщения, нельзя не притти к выводу, что положение самодержавия даже с чисто-военной точки зрения было отчаянное. Оно подавляло еще частные вспышки, его войска брали еще баррикады то здесь, то там, но эти частные столкновения только разжигали страсти, только усиливали возмущение, только приближали более сильный всеобщий взрыв, а его-то и боялось правительство, не полагавшееся уже на войско.

Неприятель не принял серьезного сражения. Неприятель отступил, оставив за революционным народом поле сражения,—отступил на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной, и на которой он надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения.

Целый ряд сравнительно «беспристрастных» отзывов европейской буржуазной печати подтверждает такую оценку великого дня 17-го октября.

С этой стороны, европейская буржуазия вздыхает спокойно. Царский манифест обещает прямую конституцию: Дума получает законодательные права, ни один закон не может войти в силу без одобрения народными представителями, дарована ответственность министров, дарованы гражданские свободы, неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов. И биржа спешит выразить большее доверие к русским финансам. Поднимается падавший в последние дни курс русских бумаг. Иностранные банкиры, обратившиеся в бегство из революционного Петербурга, обещают вернуться через две недели. Конституция кажется европейской буржуазии залогом «мирных» маленьких уступок, которые вполне удовлетворят имущие классы, не позволив в то же время революционному пролетариату приобрести «слишком много» свободы.

Но, с другой стороны, даже либеральные буржуа не могут не видеть, что манифест царя содержит лишь одни слова, одни обещания. Кто же поверит теперь одним обещаниям? Не насмешка ли все эти фразы о неприкосновенности личности и свободе слова, когда тюрьмы все еще переполнены так-наз. политическими преступниками, когда цензура продолжает еще держаться? Какие люди будут приводить в исполнение обещания царя? Министерство Витте, в которое, по слухам, входят Кузьмин-Караваев, Косич, Кони?! Это не будет даже министерство либеральной буржуазии. Это—только еще министерство либеральной бюрократии, которую столько раз побеждала уже придворная реакционная клика. Неужели народ проливал свою кровь в борьбе за свободу, чтобы положиться на либеральных бюрократов, отделывающихся одними словами да обещаниями?!

Нет, царизм далеко не капитулировал. Самодержавие далеко еще не пало. Революционному пролетариату предстоит еще ряд великих битв, и первая победа поможет ему сплотить свои силы и завербовать себе новых союзников в борьбе.

«Самый уже успех дела свободы,—писал корреспондент «Таймса» в день опубликования манифеста,—только побудит реакционные элементы к новой деятельности, и, пока армия остается под властью ее старых начальников, Россия не может быть обеспечена от возможности пронунциаменто». «Еще вопрос, не послужит ли вынужденная уступка правительства в самый разгар революционного подъема сигналом к новому усилию революции?» «Неизвестно, выбита-ли бюрократия из своей цитадели, или она только отступила со своих передовых позиций»,—говорят буржуазные оптимисты, хотя факты показывают явно, что «цитадель» самодержавия остается еще во всей силе.

Вынужденный характер уступки всего более волнует умеренных буржуа. Орган французского господствующего денежного мешка, газета «Temps», страшно возмущалась «анархией» и изрыгала брань и клевету против устроителей и участников всероссийской политической стачки. Теперь эта газета, удовлетворенная сама по себе конституционными обещаниями царя, с тревогой замечает: «Царь вместо того, чтобы действовать по своей инициативе, просто подписал «наказы» либеральной оппозиции. Это—дурной способ, придающий последовательным реформам вынужденный характер,—характер чего-то отрывочного, внезапного. Этот способ ставит правительство в противоречие с самим собой и дает премию насилию. К несчастью, слишком ясно, что дело действительно зашло далеко, что иного выхода не было из того тупика, куда загнали правительство. Забудем же скорее о характере этой капитуляции,—капитуляции не только перед конституционалистами, людьми умеренными, которых следовало бы послушаться прежде всего, а капитуляции перед стачкой, капитуляции перед революцией».

Нет, господа буржуа, рабочие не забудут никогда вынужденного характера царской капитуляции! Рабочие не забудут никогда, что только силой, силой своей организации, своего единодушия, своего героизма масс они вырвали у царизма признание свободы в бумажке-манифесте, вырвут свободу и на деле.

Мы сказали выше, что неприятель отступил, оставив поле сражения за революционным пролетариатом. Мы должны добавить теперь: отступающего неприятеля продолжают энергично преследовать. В понедельник 17-го октября вышел манифест царя. Во вторник 18-го вышел, по сообщению Агентства Вольфа, манифест Росс. С.-Д. Р. Партии, изданный в громадном количестве экземпляров в Петербурге. Манифест заявляет, что борьба пролетариата нисколько не прекращается изданием царского манифеста. Тактика пролетариата должна состоять в использовании тех прав, которые дарованы под давлением его ударов, в устройстве собраний рабочих для решения вопроса о продолжении стачки, в организации милиции для охраны революционных прав, в предъявлении требования полной амнистии. Соц.-дем. ораторы народных собраний настаивают на созыве Учредит. Собрания. Стачечный Комитет, по телеграммам, требует амнистии и немедленного созыва Учредительного Собрания на основах всеобщего и прямого избирательного права.

Революционный инстинкт сразу подсказал рабочим Петербурга верный лозунг: энергичное продолжение борьбы, использование новых завоеванных позиций для продолжения натиска, для действительного уничтожения самодержавия. И борьба продолжается. Собрания становятся чаще и многочисленнее. Радость и законная гордость по поводу первой победы не мешают новой организации сил для доведения до конца революции. Ее успех зависит от привлечения на сторону свободы еще более широких слоев народа, их просвещения и организации. Рабочий класс доказал свои гигантские силы всероссийской политической стачкой, но среди отсталых слоев городского пролетариата нам предстоит еще немало работы. Создавая рабочую милицию, этот единственный надежный оплот революции, готовясь к новой и еще более решительной борьбе, поддерживая свои старые лозунги, мы должны обратить также особое внимание на армию. В ее ряды вынужденная уступка царя должна была внести всего

более колебания, и теперь, привлекая солдат на рабочие собрания, усиливая агитацию в казармах расширяя связи с офицерами, мы должны на-ряду с революционной армией рабочих создавать кадры сознательных революционеров и в войске, которое вчера еще было исключительно царским войском, которое теперь стоит накануне превращения в народное войско.

Революционный пролетариат добился нейтрализации войска, парализовав его в великие дни всеобщей стачки. Он должен теперь добиться полного перехода войск на сторону народа.

Революционный пролетариат привел к первой великой победе революцию городскую. Он должен теперь расширить и углубить базу революции, распространив ее на деревни. Поднять крестьянство до сознательной защиты дела свободы, потребовать серьезнейших мер в пользу крестьянства, подготовить деревенское движение, которое бы в связи с передовым городским пролетариатом добило самодержавие, завоевало полную и настоящую свободу,—такова теперь очередная задача российской социал-демократии.

Успех революции зависит от размеров тех масс пролетариата и крестьянства, которые поднимутся на ее защиту и за ее окончание. Революционная война отличается от других войн тем, что она черпает свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага, вчерашних сторонников царизма или людей, слепо шедших за царизмом. И успех всероссийской политической стачки скажет больше уму и сердцу мужика, чем сбивчивые слова каких-угодно манифестов и законов.

Русская революция только-только начинала развиваться, когда всю политическую авансцену занимали либеральные буржуа, как это было год тому назад.

Революция встала на ноги, когда выступил городской рабочий класс 9-го января.

Революция одержала первую победу, когда пролетариат всех народов России встал, как один человек, и тряхнул царский трон, от которого такие неисчислимые бедствия перенесли все народы и больше всего трудящиеся классы всех народов.

Революция добьет врага и сотрет с лица земли трон кровавого царя, когда рабочие поднимутся еще раз и поведут за собой и крестьянство.

А дальше... дальше есть еще резерв у русской революции. Прошли те времена, когда народы и государства могли жить обособленно друг от друга. Посмотрите: Европа уже волнуется. Ее буржуазия смущена и готова отдать миллионы и миллиарды, лишь бы остановить пожар в России. Правители военных европейских держав подумывают о военной помощи царю. Вильгельм послал уже несколько крейсеров и две дивизии миноносцев для установления прямых сношений германских солдафонов с Петергофом. Контр-революция европейская протягивает руку контр-революции русской.

Попробуйте, попробуйте, гражданин Гогенцоллерн! У нас тоже есть европейский резерв русской революции. Этот резерв—международный социалистический пролетариат, международная революционная социал-демократия. Рабочие всего мира с трепетом восторга приветствуют победу русских рабочих и, сознавая тесную связь между отрядами международной армии социализма, готовятся с нами к великой и решительной борьбе.

Вы не одиноки, рабочие и крестьяне всей России! И если вам удастся свалить, добить и уничтожить тиранов крепостной, полицейской, помещичьей и царской России, то ваша победа будет сигналом всемирной борьбы против тираний капитала, борьбы за полное, не политическое только, но и экономическое освобождение трудящихся, борьбы за избавление человечества от нищеты и за осуществление социализма.

(Н. Ленин).

Революционные дни в России.

I. До манифеста 17-го октября.

Петербург. 10-го октября прекращается вследствие забастовки движение по Николаевской жел. дороге. Министр Хилков не может вернуться в Петербург и просит прислать автомобиль. На следующий день уже почти вся Россия оказывается отрезанной от сношений с Европой: из Москвы не получено ни одной депеши. В Петербурге царит террор, раздуваемый полицией, которая рекомендует жителям не выходить из квартир. Всюду митинги, воодушевляемые известиями о все новых железных дорогах, примыкающих к стачке. 13-го октября ожидается объявление осадного положения. Трепов возлагает надежду на то, что само население возмутится против забастовщиков, так как цены съестных припасов быстро повышаются. В то же время разносятся первые глухие слухи о том, что правительство готово пойти на уступки. Несмотря на это, жителями овладевает род паники, всякий спешит запастись съестными припасами.

Митинги идут своим чередом. На Невском заводе собрание в 7.000 рабочих разгоняется казаками: состороны рабочих до сотни раненых, со стороны казаков—один офицер и семь рядовых. Говорят, что разрушен железнодорожный мост на Обводном канале. Рабочие порта присоединяются к забастовке. Трепов собирает полковых командиров и объявляет им, что они уполномочены стрелять по всякому сборищу людей. Город делится на четыре района, для охраны каждого района назначается особая дивизия пехоты, с придачей кавалерии и артиллерии. Магазины закрыты. Происходит огромная манифестация на Невском проспекте. Казаки сгоняют манифестантов с средины улицы на тротуары, но манифестация продолжается.

Несколькими часами позже из Петербурга телеграфируют, что волнения принимают все более острый характер. Отовсюду идут тревожные известия. Число забастовщиков по всей России считается уже в миллион. В министерстве путей сообщения прекращаются всякие занятия. Правительство не сдается. Трепов получает полномочие распоряжаться всеми войсками петербургского гарнизона. Некоторые легальные газеты открыто требуют немедленного созыва Учредительного Собрания. Редакторы либеральных газет действуют за одно с наборщиками, поддерживая их политические требования.

14-го октября Совет петербургского университета (профессора и студенты) выпускает манифест, в котором приглашает студентов отдать все свои силы делу революции и держать двери университета открытыми для

политических митингов; в этот же день студенты приглашались в университет на большое народное собрание. В ответ на это воззвание Трепов отдает приказ занять войсками здание университета. Не обращая внимания на угрозы Трепова, огромная толпа движется в этот вечер по улицам города. К вечеру университет наполняется студентами. Говорят, что войска спрятаны на бирже и в других соседних зданиях. Митинг в университете проходит без вмешательства полиции, под охраной цепи студентов-часовых, которые должны предупредить собрание в случае внезапного появления войска. В митинге принимают участие офицеры, которые объявляют, что две трети войска симпатизируют движению.

При дворе Николая Кровавого страх и смятение: держат наготове корабль, чтобы в случае опасности перевезти царя в Данию. Витте признается корреспонденту английской газеты «Таймс», что заключить в Портсмуте мир с Японией было легче, чем вести переговоры о мире с Россией. Положение дел, по словам Витте, является чрезвычайно запутанным, печальным и тяжелым. Ожидается назначение Витте министром-президентом, с Треповым в числе министров. Вся надежда самодержавия покоится на палаче Трепове. Он собирает в Петербург войска и раздает приказы быть беспощадными в деле подавления революционного движения; он обещает задушить восстание раньше, чем оно примет серьезный характер; он грозит, что войска будут стрелять боевыми патронами в случае малейшего сопротивления со стороны толпы. Но объявление Трепова, переполненное угрозами, повело к еще большему возбуждению столичного населения. На собрании представителей всех профессиональных союзов (в том числе фармацевтов, врачей и адвокатов) решено объявить забастовку впредь до созыва Учредительного Собрания. Служащие в 15 управлениях страховых, транспортных и металлургических предприятий объявляют политическую забастовку.

Нужно заметить, что разгар революционной борьбы совпал по времени с переговорами, которые вело русское правительство относительно заключения миллиардного займа. В осуществлении займа были заинтересованы многие европейские финансисты и биржевики. Поэтому буржуазная пресса, в особенности французская, относилась к движению с явным озлоблением и до последней возможности замалчивала его размеры. Но 15—16-го октября скрывать истинное положение дел становится невозможным. Парижская буржуазная газета «Matin» признается: «События, которые потрясают Россию, нельзя назвать иначе, как революцией. Митинги с участием чиновников в форме и с криками «долой самодержавие!», полное прекращение обычной жизни в Москве; стачки, которые парализуют всю империю и вспыхивают одновременно во всех концах страны,—все это нечто большее, чем политическая агитация или местная стачка, или народный мятеж; это—революция!». Трепов признает, что положение опасное. Но все меры предосторожности, по его мнению, приняты. В числе этих мер следует отметить попытку ввести собрания в рамки полицейских ограничений, согласно проекту закона о собраниях, обошедшему в свое время русскую легальную прессу. В то же время Трепов пытался ограничить место собраний тремя пунктами: Василеостровский и Охтенский театры и народный дом Нобеля. Революционеры только посмеялись над попытками верного царева пса.

В этот день газеты не появлялись, магазины оставались закрытыми. К забастовке присоединяются телефонные служащие; грозят забастовать телеграфисты.

Министры, которые все это время скакали то в Петербург, то в Петергоф к царю, вновь экстренно вызываются в Петергоф в ночь на 16-е. Растут противоречивые слухи: то будто царь соглашается на конституцию, то будто он готовится удирать в Данию, то будто царь собирается дать Витте диктаторскую власть для спасения династии.

Между тем, город имеет тревожный вид. Электрическое освещение отсутствует; улицы освещаются колеблющимся красноватым отблеском костров; магазины забиты досками; всюду патрули, пешие и конные; аптеки закрыты; опасаются за водопровод; телефонное сообщение восстановлено лишь для нужд администрации; Невский проспект освещается прожектором с адмиралтейства.

Правящие сферы твердо уповают на Трепова, но революция наносит новый удар его престижу: несмотря на все запрещения и угрозы, в университете вновь происходит многотысячный митинг, и Трепов не осмеливается помешать ему.

Телеграммы от 16 (29) октября сообщают, что придворные реакционеры, во главе с гр. Игнатьевым, возмущены нерешительностью царя; они добавляют, что все министры, даже, будто бы, с Треповым в том числе, требуют немедленного введения конституционного режима. Правительство оказывается неспособным поддержать даже внешнее уважение к себе. Солдаты открыто негодуют по поводу навязанной им роли чинов полиции; они возмущены теми лишениями, которые им приходится терпеть. Стачка распространяется решительно везде и на все. Из провинции идут все более тревожные вести. Опасаются, что даже чиновники министерства финансов и министерства внутренних дел присоединятся к забастовщикам. Рабочие посылают в Думу депутацию, которая требует помощи забастовщикам, вооружения народа и прекращения снабжения казаков продовольствием.

17-го корреспондент одной английской газеты телеграфирует, что царь согласился на либеральные реформы и собирается издать манифест. В тот же день вечером корреспондент газеты «Таймс» телеграфирует: «Народ победил, император капитулировал, самодержавие уже не существует». Поздно вечером появился манифест. Иностранные депеши приписывают капитуляцию Николая влиянию Витте, при чем приводят и его доклад царю. Рабочие как бы отодвигаются на задний план, если судить только по телеграммам заграничных газет. Но для всякого внимательного наблюдателя хода русской революции ясно, что поражение самодержавия является прежде всего результатом героической борьбы российского пролетариата.

(М. Ольминский).

Москва. 7-го октября. Машинисты, другие служащие и рабочие Московско-Казанск. жел. дороги бастуют. Движение поездов прервано; стачечники мешают отходу поездов; телеграфные чиновники точно так же бастуют.

Около 300 стачечников отправились сегодня пополудни к управлению Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги и к телеграфу и заставили прекратить там работу. Собрания разгоняются казаками и полицией. Стачечники опрокинули локомотив, предназначенный для одного почтового поезда, и заставили выпустить пар из всех локомотивов, находящихся в депо. Опрокидываются телеграфные столбы, чтобы помешать сообщению. Сегодня не пришло в Москву ни одного поезда.

8-го окт. Все служащие Московско-Курской и Московско-Нижегородск. жел. дорог с ветвью на Муром присоединились к стачке.

Стачка железнодорожных служащих принимает все более и более обширные размеры, бастуют почти все линии, за исключением Николаевской жел. дор.

В правящих сферах придерживаются того взгляда, что вспыхнувшая здесь стачка представляет не более, как политический маневр с целью организации и проверки сил в видах предполагаемой в конце года всеобщей стачки на всех линиях, исходящих из Москвы и Петербурга. Эта стачка должна отрезать столицы от привоза съестных припасов.

Всероссийский жел.-дорожн. союз выпустил воззвание с призывом ко всеобщей стачке с целью добиться осуществления политических требований.

9-го окт. Вчера остановилось движение на линии Москва—Киев—Воронеж; сегодня в полдень на линиях: Москва—Ярославль—Архангельск, Москва—Курск до Орла, Москва—Нижний и Москва—Брест. На линии Москва—Виндава сообщение еще не прервано.

Вследствие стачки начинает ощущаться недостаток в мясе.

Подавляющее большинство служащих жел. дор., охваченных стачкой, бросило работу и присоединилось к выставленным социальным и политическим требованиям. Николаевская жел. дор. пока еще спокойна. Не только все вокзалы и другие железнодорожные здания города, но даже вокзалы, находящиеся в нескольких верстах от него, охраняются солдатами и казаками. Столкновений до сих пор еще не было, но стачечники уже не раз подвергались нападению со стороны казаков, полиции и черной сотни.

10-го окт. Железнодорожное сообщение с другими городами совершенно прервано.

11-го окт. Сегодня пополудни толпа в 500 человек приблизилась к товарной станции Московско-Курской жел. дор. Офицер находящейся там роты солдат грозил стрелять. Толпа рассеялась. По линии Москва—Виндава—Рыбинск скорый вечерний поезд мог дойти только до станции Подмосковная, откуда пассажиры должны были итти до Москвы пешком. По линии Москва—Казань ждут отъезда около 2.000 человек. Это по большей части бедный люд. Они получают от железнодорожного управления ежедневное содержание. Пассажиры 2-го класса получают по рублю в день. По Николаевской дороге пришел сегодня только экстренный поезд с министром Хилковым. Больше никаких поздов не было. Сегодня стачечники сделали попытку прекратить работу на почтамте, но были рассеяны войсками.

В «Leipz. Volkszeitung» пишут: «Стачка типографщиков кончена. Газетные наборщики добились осуществления своих требований. В других типографиях тоже сделаны разного рода уступки. Однако, нет возможности установить однообразную таксу и однородные условия работы, так как представители рабочих благодаря вмешательству полиции не могут устроить между собою постоянное и правильное общение. Стачечный комитет, руководивший стачкой и собравшийся с разрешения администрации в одной школе, совершенно неожиданно нашел вчера двери ее запертыми. Администрация решила, что деятельность комитета опасна для общественного спокойствия».

Происходящее сейчас стачечное движение обращает на себя живейшее внимание всех рабочих. Растет профессиональное движение.

Возможно, что в результате настоящего движения возникнет в Москве общая организация всех рабочих. По крайней мере, представители шести находящихся в стачке профессий приняли следующую резолюцию:

«Собрание считает необходимым, чтобы рабочие каждой мастерской выбирали из своей среды по одному представителю. Эти представители должны объединяться сначала по профессиям, а затем в один общий рабочий союз Москвы.

Собрание находит в высшей степени желательным и важным, чтобы как профессиональные собрания депутатов, так и общий комитет могли действовать гласно и беспрепятственно. В целях осуществления этого решения собрание обращается с призывом к рабочим относительно выбора депутатов».

На собрании присутствовали представители союзов: табачного, металлического, столяров, типографщиков, железнодорожного и булочников.

12-го окт. Владельцы аптек решили сегодня присоединиться к своим служащим, закрыть аптеки, прекратить изготовление лекарств и таким образом содействовать борьбе за реформы и политическую свободу.

Вчера происходила известная беседа Хилкова с депутатами от рабочих. Депутация требовала предоставления политических прав и амнистии арестованным по политическим делам.

Министр Хилков хотел вчера вечером отсюда уехать, но не нашлось никого, кто захотел бы управлять локомотивом. Тогда министр объявил, что он сам будет управлять им. Сделав собственноручно все приготовления, он хотел-было двинуться, но толпа рабочих преградила ему путь и не пустила его. Лишь в 12 часов ночи удалось Хилкову уехать в Петербург. Железнодорожные рабочие становятся все более активными. Они силой прекращают всякую попытку восстановить движение поездов. При столкновении с солдатами и полицией дело доходит до оживленной уличной борьбы. Вчера вечером приостановились работы во всех отделениях почтамта, телеграф работает под сильным военным прикрытием. Водопровод после короткого перерыва, вызвавшего панику, снова действует. Рабочие водопроводных сооружений объявили, что они вновь вступят в стачку при первом же знаке со стороны революционных организаций. Грозят стачкой рабочие, состоящие на городской службе. Вступили в стачку все инженеры, аптеки также. Общество фармацевтов полицией закрыто; зал, в котором собирались, «запечатан». Земские служащие тоже готовы присоединиться к движению. На многих фабриках сегодня прекратилась работа, так же, как и в казенных винных лавках.

Всюду господствует страшное возбуждение. Ежедневно происходят колоссальные собрания, особенно в университете. Надвигается настоящая революция.

Союз инженеров постановил прекратить работу во всех промышленных заведениях, где только применяется их труд.

14-го окт. С сегодняшнего дня в городе нет ни воды, ни газового освещения. Конки и трамваи действуют лишь местами. Почти все пекарни закрыты; еще открытые продают последний хлеб и затем тоже закрываются. Земство и городское управление не функционируют. Много частных заведений, бюро, конторы и т. д., точно так же прекратили свою деятельность.

Генерал-губернатор путем обращения к населению пытался внести в умы успокоение, доказывал, что все обстоит в общем благополучно, и угрожал пускать в ход оружие всякий раз, когда толпа будет обнаруживать «преступные намерения».

Созывается экстренное заседание городской думы, которая будет заседать неопределенное время. В виду все более угрожающего положения городской голова созовет завтра представителей дворянства, школ, различных профессиональных союзов, чтобы обсудить с ними сообща положение города.

15-го окт. Московские фабриканты через делегатов заявили генерал-губернатору, что они не считают желательным объявление Москвы на военном положении. Напротив, они считают необходимым разрешить рабочим устраивать на фабриках собрания, а затем организовать Гос. Думу на более прогрессивных началах и предоставить народу элементарные свободы.

Все банки, рестораны, театры и другие общественные и промышленные заведения закрыты, на бирже—тишина. Скоро закроют университет. Дума решила заседать непрерывно.

Произошло столкновение с полицией, при чем ранено много лиц. Университет забаррикадирован и охраняется центральным комитетом студентов; при входе поставлена вооруженная стража, внутри университета также постоянно находится некоторое количество вооруженных студентов. Охотнорядцы сегодня утром избили нескольких студентов.

В 3 часа пополудни состоялось заседание думы, на котором присутствовали представители дворянства, земства, научных обществ, прессы, различных союзов и даже революционных партий. На собрании было произнесено несколько горячих речей, призывающих к вооруженной борьбе и к образованию «Комитета общественного спасения».

Телеграфное сообщение с Петербургом возможно лишь из дома генерал-губернатора.

Различные рабочие организации, например, типографщики, объявили стачку.

15-го окт. [1]). Делегаты различных политических партий решили собраться сегодня для того, чтобы выбрать временное правительство и действовать независимо от официальных властей.

Городская дума отказалась замещать своих забастовавших рабочих солдатами. Прошлой ночью город был погружен в полную темноту: ни газ, ни электричество не горели.

Сегодня утром закрыты все магазины, за исключением мелочных лавочек. Произошло множество [столкновений] с полицией, особенно у Иверских ворот. Много раненых. Городской телефон не действует. Артисты нескольких театров присоединилось к стачке. Дума пригласила делегатов от рабочих и убеждала их открыть водопроводы. Они согласились только под тем условием, что водопровод вполне будет в руках рабочих, и они сами выберут инженеров для управления ими; кроме того, они оставляют за собой право снова закрыть его, когда найдут нужным. Дума обещала дать ответ вечером.

17-го окт. [Телеграмма] из Вены сообщает, что в Москве объявлено временное правительство. [При столкновениях с войсками ранено 19 человек].

Одесса. Уже 12-го октября весь персонал служащих юго-восточных железных дорог, не исключая и телеграфистов, принял участие в общей стачке. Ни один поезд в течение минувших суток не вышел из Одессы и лишь один экспресс пришел на станцию за тот же период времени.

Линию Одесса—Киев охраняли войска.

За объявлением стачки не замедлит последовать ряд обычных с точки зрения данного момента явлений: митинги, манифестации и, наконец, баррикады.

14-го окт. ночью в университете состоялось несколько важных по своим последствиям собраний. Правда, они были созваны поспешно, на скорую руку, но на них присутствовала громадная толпа, около 18.000 чел., в том числе студенты и граждане всех классов. Там произносились краткие, но полные страсти и огня речи. Была принята резолюция, в основу которой была положена мысль о необходимости приложить все усилия к тому, чтобы приостановить всю торгово-промышленную жизнь, а также и функционирование правительственных учреждений, в расчете на то, что этим способом удастся заставить правительство уступить требованиям народа по части различных свобод.

Во все время собрания, от начала до конца, царил образцовый порядок, так что войска не имели непосредственного повода прибегнуть к силе, чтобы рассеять манифестантов. Тем не менее, правительство было крайне встревожено: в ту же ночь были вызваны полк пехоты из Очакова и полк драгун из Кишинева.

Начиная с полудня, были приняты меры к охране порта войсками, которые заняли вообще все предместья. Но в какой мере правительство считало недостаточными свои боевые силы, видно хотя бы из того, что на обращенную к командующему просьбу крупных промышленников о снаряжении специальных отрядов для охраны их фабрик и заводов, которым, по их мнению, угрожала опасность быть подожженными, воспоследовал отказ.

Все предвещало близкое кровопролитие. Недаром же полиция в последнее время день и ночь упражнялась в стрельбе. Несмотря на самые строгие запрещения, студенты продолжали собираться в университет, хотя этот последний был окружен казаками и полицией.

15-го октября улицы Одессы окрасились кровью. В результате нескольких столкновений между студентами и войском оказалось несколько десятков убитых и ра-

неных. Во время одной из схваток у одного студента был разрублен череп ударом сабли. Войско получило приказание стрелять по толпе без предупреждения в случае серьезных волнений.

Городская дума решила-было организовать гражданскую милицию для охраны личности и имущества, но губернатор запретил приводить в исполнение этот проект.

Главные требования рабочих — 8-часовой рабочий день и государственное страхование жизни рабочих.

Эти требования рассматриваются администрацией, как предлог, за которым скрывается политическая цель движения, имеющего тенденцию навязать правительству волю манифестантов.

16-го октября редакторы 5 местных газет, в том числе и правительственного органа, выступили с одинаковым заявлением, что продолжать свои издания они не смогут до тех пор, пока им не будут препятствовать говорить о революционных событиях в стране.

Вечер того же дня прошел без новых инцидентов, но Одесса имела крайне унылый вид и своим разбитым видом напоминала город, занятый вторгнувшимся неприятелем. Все общественные места были закрыты и возле них расположены полубатальоны солдат. Улицы пустынны, и лишь на углах стоят пикеты. Одно лишь здание было освещено,—это именно университет, где совещались студенты на своих ночных собраниях.

В понедельник большое число магазинов было снова открыто. Пришел первый поезд. Порядок медленно восстановлялся. Правительство, уступая настойчивым мольбам городского управления, освободило 200 арестованных школьников. Дума ассигновала кредит для помощи семействам убитых и раненых и решила взять на себя расходы по погребению жертв.

Отмечают несколько случаев, когда жандармы стреляли в отряды Красного Креста.

К вечеру железнодорожные сообщения были восстановлены с Галицией и с некоторыми другими местностями. Мореходное общество Ллойд прекратило движение от и до Одессы.

Следы последнего боя уничтожены. Улицы очищены от баррикад. Магазины все открыты, но все общественные учреждения, банки, школы и фабрики еще закрыты. Появились газеты. В числе жертв отмечают много женщин и девушек, избитых и искалеченных казаками.

Харьков. 14 октября. 11 октября в университете состоялось многолюдное рабочее собрание. На этом собрании сообщили о смерти студента Константиниди, раненного патрулем. Когда услышали, что приближаются войска, было решено забаррикадировать университет и защищать его с оружием в руках. Было построено 8 баррикад из телеграфных столбов, кирпичей, проволоки и т. д. Баррикадами был охвачен весь район, включавший в себя собор, университет и здание суда. Судебный архив был разрушен, и пол усеян бумагами. Университет был превращен в крепость. Двери и окна были забаррикадированы массой камня, угля и балок. Толпа, собравшаяся в университете, простиралась до 3.000 чел. На крыше развевалось много красных знамен с революционными надписями. В полдень пришел большой транспорт огнестрельного и холодного оружия, которое было распределено между восставшими. В то же время в городе произошли сборища для разграбления оружейных лавок; одна из них была совершенно разграблена. В толпу стреляли драгуны из закрытого помещения. 10 чел. убито, много раненых.

Позднее 300 чел. устроили патриотическую манифестацию с портретом царя и национальными флагами. Манифестанты разбили вдребезги попавшуюся им карету «скорой помощи» и поколотили врачей и санитаров, а также отдельных студентов; затем они встретились с рабочими, направлявшимися к университету, и были рассеяны револьверными выстрелами со стороны последних. Затем рабочие разбили окна в редакции реакционных газет «Южный Край» и «Губерн. Ведомости». Босяки, воспользовавшись отсутствием полиции в отдаленных частях города и всеобщим замешательством, пытались грабить лавки и избивать прохожих. Район около университета был объявлен на осадном положении. Губернатор передал исполнение своей должности генер.-лейт. Мау. Комитет общественного спасения, образованный недавно из самых уважаемых граждан, начал переговоры с губернатором. Между тем, пришли войска из близлежащих местностей. Комитет с согласия губернатора сформировал милицию из вооруженных рабочих и студентов для поддержания порядка в городе. Граждане восторженно приветствовали милицию. В отдельных пунктах города войска стреляли в милицию и многих ранили. Комитет вступил в переговоры с ген.-л. Мау относительно условий сдачи университета. Мау предложил такие условия: осажденные должны очистить баррикады без оружия; пение и возгласы при этом не допускаются. Они могут беспрепятственно присоединиться к большому митингу на Скобелевской площади, созываемому их товарищами. Ни арестов, ни расследования не будет. Оружие должно быть передано университетскому начальству. Осажденные приняли условия и спокойно покинули свои места. Павловская площадь занята войсками. Толпа, стоявшая позади их, приветствовала выходящих, сопровождаемых эскадроном драгун, громкими кликами. Студенты и рабочие направились длинным шествием на Скобел. площадь. Собрание продолжалось до 6 час. Затем спокойно разошлись. Столкновений с войсками больше не было, хотя вечером опять раздавались отдельные выстрелы.

Екатеринослав. 12 октября. Во время вчерашнего столкновения между войсками и толпой насчитывают 15 убитых и 26 раненых.

На Брянском заводе рабочие устроили металлические заграждения, окопы и баррикады. В борьбе с войском с обеих сторон есть убитые и раненые.

Сегодня суд, банки и нотариальные конторы закрыты.

Саратов. 10 окт. [2]). Сегодня железнодорожные служащие бросили работу и вместе с рабочими устроили собрание из 3.000 человек, на котором было выставлено требование созыва законодательного собрания. Сегодня вечером состоялось второе собрание, приблизительно из 5.000 человек. Рабочие фабричных заведений примкнули к движению.

15 окт. Здесь царит теперь всеобщая забастовка. Трамвай прекратил движение. Почти все лавки закрыты. Настроение возбужденное.

Златоуст. 13 окт. Железнодорожная забастовка, еще только вчера начатая, сегодня уже стала всеобщей. Сообщение должно было прекратиться.

Красноярск. 13 окт. На Сибирской жел. дор. началась стачка, которая будет продолжаться до вторника.

Иркутск. 13 окт. Служащие Забайкальской жел. дор. начали стачку.

Асхабад. 13 окт. Служащие Средне-Азиатской жел. дор. бросили работу.

Козлов. 8 окт. Служащие Рязано-Уральской жел. дороги начали стачку; сообщение прекращено. Забастовщики требуют свободы печати, свободы слова и 8-часового рабочего дня.

Курск. 13 окт. По требованию забастовщиков правительственные учреждения и учреждения общественного самоуправления прекратили всякую деятельность.

Самара. 14 окт. При столкновении с толпой, состоявшей из нескольких тысяч человек, войска открыли огонь. Созыв Учредительного Собрания рассматривается здесь, как единственное средство успокоения страны.

Полтава. 12 окт. В Полтаве всеобщая забастовка. Занятия в средних школах прекращены. Газеты завтра утром не выйдут.

Варшава. 8-го октября. В фабричном поселке Влохи, близ Варшавы, рабочие железнодорожных мастерских убили 12-ю револьверными выстрелами мастера Квапишевского и тяжело ранили при этом одного рабочего. На 12-е окт. социал-демократами назначена однодневная забастовка в знак солидарности с последними московскими и петербургскими событиями.

12-го октября. Революционные партии агитируют за немедленное прекращение работ на всех фабриках Варшавы и Лодзи. Польские национал-демократы предостерегают от насильственных выходок.

12-го октября. На Варшавско-Петербургской железнодорожной линии прекращено движение; то же на всех остальных варшавских дорогах, за исключением Варшавско-Венской.

13-го октября. Рабочие Варшавско-Венской дороги присоединились к общей забастовке железнодорожных рабочих. Сегодня вечером движение совсем прекратилось. В Лодзи и Пабианицах забастовало несколько больших фабрик; количество забастовавших доходит до 40.000 человек; ожидается забастовка и на других фабриках. Петроковская губерния объявлена на военном положении. Вооруженные отряды проникли в типографии газет и пытались помешать печатанию. Много газет совершенно не вышло. Цены на продукты возрастают как здесь, так и в Лодзи; угрожает недостаток угля; положение напряженное. Завтра начнутся забастовки на всех фабриках. В Пабианицах сильные беспорядки. Войска стреляли; много раненых.

14-го октября. Все фабрики бастуют; ведется агитация за открытие всех торгово-промышленных заведений. Город объявлен на военном положении 3-ей степени: после 8-ми часов вечера никто не должен показываться на улицу.

15-го октября. Телеграфное сообщение с Москвой прервано. Лодзи угрожает голод.

16-го октября. Служащие привислянских жел. дор. на требование управления приняться за работу ответили, что они не могут приступить к занятиям до тех пор, пока не будут освобождены их делегаты, арестованные в Петербурге.

17-го октября. Сегодня все фабрики, банки и другие учреждения закрыты. Коночные вагоны повсюду опрокидываются, разбиваются и сжигаются. В уездных городах везде вспыхивают забастовки. Особенно критическим становится положение в Лодзи и Лодзинском уезде. Там бастует более 100 тыс. рабочих. В Сувалкской губернии вооруженные толпы разгромили 11 винных лавок. В предместье Праги убит жандарм. Из Згержа сообщают, что солдаты отказались стрелять.

Лодзь. 14-го октября. Городской трамвай прекратил движение. Вследствие забастовки на железных дорогах Лодзь отрезана от внешнего мира; два дня не прибывает почта. Цены на пищевые продукты, керосин и уголь возрастают; в городе спокойно.

16-го окт. При обыске найдены три бомбы. Владелец, стрелявший в полицию, арестован.

17-го окт. Все торгово-промышленные заведения закрыты. Единственная лавка, которая была открыта, разрушена. Многотысячные толпы рабочих ходили по улицам и рвали флаги, которые были вывешены по случаю табельного дня. Военные патрули стреляли холостыми зарядами. Надо ждать кровавого столкновения.

Ревель. 14-го окт. Здесь царит восстание; в трех местах начался сильный пожар; вся деловая жизнь приостановилась; войска заняты рассеиванием восставших. Инсургенты при криках «ура!» разграбили оружейные магазины и овладели револьверами и другим оружием; все магазины закрыты.

15-го окт. Прошлой ночью были многочисленные столкновения с войсками и полицией. Убито 8, ранено 40 человек. Толпы, вооруженные ружьями и револьверами, мешали пожарной команде тушить охваченный пламенем городской театр.

15-го окт. Вчера вечером были опрокинуты многие телеграфные столбы. Вследствие порчи газового завода улицы остались без освещения. Кучки рабочих двигаются по улицам, стреляя. Городской театр горит.

Рига. 16-го окт. Возбуждение растет. Все школы, магазины и фабрики закрыты. Улицы полны рабочими, мешающими всякому движению. Вся промышленная жизнь замерла. Какой-то полковник был убит открыто на улице.

17-го окт. В прибалтийских губерниях есть сведения из Риги и Ревеля. Там происходили кровавые сцены. В Риге вчера были многочисленные столкновения с войсками, при чем было много раненых как холодным оружием, так и выстрелами. В Ревеле бастовавшие решили во что бы то ни стало добиться удовлетворения своих политических требований. При столкновении с войсками эти последние дали два залпа по толпе; убито 45 человек; раненых, вероятно, вдвое больше.

Тифлис. 14-го октября. Революционная партия опубликовала здесь прокламацию, приглашающую новобран-

цев отказаться итти в казармы и призывающую народ способствовать всеми силами революционному движению.

17-го окт. Объявлена всеобщая стачка с политической целью. Банки, магазины, лавки закрыты. Движение по железным дорогам и трамваям прекратилось. Чувствуется недостаток в припасах первой необходимости.

Сегодня произошла грандиозная демонстрация. Составился кортеж из нескольких тысяч рабочих и буржуазии и с сотней красных знамен прошел по улицам города, потом на главных площадях состоялись политические собрания, произнесены были политические речи. Войска и полиция не вмешивались.

II. После манифеста.

Петербург. 21-го октября. Царским рескриптом, составленным в очень милостивых выражениях, Победоносцев отставлен от своей должности. Однако, он продолжает оставаться членом государственного совета, статс-секретарем и сенатором.

Генерал Глазов, министр народного просвещения, также уволен в отставку, по прошению, и причислен к военному министерству.

Его товарищу Лукьянову поручено временное управление министерством народного просвещения. Министр внутренних дел снял сегодня запрещение розничной продажи с шести газет.

Ночь прошла спокойно. Вечером огромная толпа собралась на улицах, окружающих дом предварительного заключения. Беспорядков не было. По другим улицам толпа двигалась с криками: «Да здравствует свобода!». Но порядок не был нигде нарушен. Утром выпал небольшой снег; аптеки закрыты. Газеты не вышли. Вчерашние события заставили генерала Трепова грозить энергичными мерами.

Из Петербурга сообщают в «Daily Talegraph»: граф Витте, разговаривая вчера вечером с делегацией от различных союзов, сказал:

«Я сам пойду в Думу, сниму свой мундир и скажу делегатам: «Возьмите мою власть и делайте то, что вы считаете необходимым для блага несчастной России. Но для этого мне нужны доверие нации и поддержка со стороны моих товарищей». Когда один из делегатов заметил, что нужно дать всеобщее избирательное право, Витте ответил, что вопрос этот очень трудный, и что он предоставит Думе решить его. Он прибавил, что имел намерение дать избирательные права рабочим по образцу австрийской курии, а когда один из его собеседников возразил, что система эта очень неудовлетворительна, он сказал, что это его намерение вовсе не было окончательным.

Кончая свою беседу, граф Витте заявил, что он понимает обещанную царским манифестом свободу слова в самом широком смысле, что хотя цензура и не прекратит своего существования, но она не будет применяться до собрания Думы, и тогда ее окончательно уже отменят.

Вчера на Невском проспекте рабочие раздавали две прокламации: одну—от делегатов Совета Рабочих, другую—от Социал-Демократической Рабочей Партии. В этих обеих прокламациях высказывается недоверие относительно исполнения данных обещаний и требуются гарантии. Рабочие призываются продолжать борьбу, пока не получат того, чего они добиваются.

(В. Величкина).

Москва. 19-го октября. Манифест был встречен с энтузиазмом. Стачечники сами опять принялись за работу. Многочисленные митинги имели место на улицах. Толпа в 10.000 чел. составила кортеж и направилась с пением революционных песен к дому ген.-губернатора, чтобы потребовать освобождения политических заключенных. По дороге она встретила тюремную карету и бросилась освобождать арестованных. Полицейские агенты выстрелили из кареты, вызвав ответные выстрелы из толпы. Были 2 убитых и 2 раненых. Большая толпа народа направилась к Бутырской тюрьме, где содержатся политические заключенные, с твердым намерением силою освободить этих последних. Толпа возросла до 6.000 человек, но решила не штурмовать тюрьмы, а отправить депутацию к губернатору. Этот последний заявил, что он только-что телефонировал Витте и уполномочен им освободить сейчас же всех задержанных администрацией. Содержащиеся же под стражей в судебном порядке получат амнистию через три дня. Казаки и орудия были убраны. Ворота тюрьмы открылись и арестованных стали выпускать по 10 человек из места их страданий. Толпа встречала их с бурной радостью. Центральный стачечный комитет сейчас призвал прекратить движение и приниматься с завтрашнего дня за работу. Однако себя комитет не распустил и поставил свою деятельность в зависимость от хода политических событий.

Киев. 18-го октября. Объявление манифеста вызвало энтузиазм. Улицы переполнены кортежами. Была манифестация перед редакцией радикальной газеты. Тысячи лиц на улицах с коленопреклонением поют вечную память павшим борцам.

Ревель. После того, как губернатор обещал убрать войска с улиц и освободить арестованных, порядок был восстановлен рабочими.

Полтава. Общий энтузиазм был внезапно прерван неожиданным нападением казаков и пехоты, выстреливших в мирно веселившуюся толпу. Много жертв, раненых и убитых.

Кишинев. 19-го июня [3]). Такой же инцидент, как в Полтаве, имел место в Кишиневе. Много раненых.

Одесса. Опубликование манифеста подало повод к преувеличенным надеждам на «мир и благоволение в человецех» и вызвало среди некоторой части населения неописуемый энтузиазм. Вся Одесса вышла на улицу. Лавки оставались закрытыми. Многочисленная процессия проходила по улицам с радостными песнями, неся знамена—красные и черные (эти последние в знак траура по убитым жертвам последних дней). Около 20.000 граждан собралось перед дворцом губернатора, который изволил «осчастливить» их в этот «счастливый» день восклицанием: «Да здравствует конституция!». Население любезно благодарило его и просило довести его

«конституционное» настроение до конца: освободить арестованных и удалить казаков. Барон Каульбарс «обещал исполнить это их желание»...

Ночью полиция проникла в госпиталь и тайком вытащила трупы 5 жертв воскресных событий, чтобы предотвратить манифестацию, которая проектировалась по случаю похорон убитых. Но университет и городская администрация выступили с энергичным протестом и принудили власть возвратить похищенные трупы, похороны которых должны были произойти на другой день с великими почестями.

Полиция и казаки ищут случая стрелять по толпе в отместку за ту радость, с которою население встретило опубликование манифеста. Во время большого митинга на открытом воздухе внезапно появились казаки и воспользовались удобным предлогом, чтобы напасть на толпу и зверски избить ее нагайками, искалечив много человек. Городской совет выступил с протестом против этого перед генерал-губернатором, который ответил, что нельзя было допустить, чтобы оскорбления наносились войскам. Он прибавил, что войска не будут посланы завтра на похороны студентов, но что первый выстрел из толпы поведет к тяжелым последствиям. В то же самое время 50 агентов полиции, переодетых рабочими, в сопровождении многочисленной черной сотни появились на улице Дальницкой и начали громить еврейские лавки.

Сзади их казаки напали на толпу народа, который шел на помощь к жертвам погрома, и открыли по толпе огонь. Это была поистине ужасная бойня. Паника охватила весь город. 900 студентов решили взяться за оружие. Половина из них отправилась на место действия, а половина занялась разведками.

От 1-го ноября телеграммы сообщают: стычки, в прямом смысле этого слова, между студентами и казаками продолжаются. До вчерашнего вечера было 37 чел. убитых на улице Дальницкой. В госпитали принято 81 чел. тяжело раненых.

«L'Evening Standart» получил такую телеграмму из Одессы от 1-го ноября в 1 ч. 45 м. пополудни: «Выстрелы раздаются уже с 9 час. утра. Общая перестрелка. Думают, что убитых уже более 100 чел. Город в руках «черни». На некоторых улицах обыватели стреляют в народ с балконов и из окон».

Варшава. 18-го окт. Весть об обнародовании манифеста продолжает здесь производить глубокое впечатление. Радость всеобщая.

Телеграмма из частного источника утверждает, что двое прилично одетых неизвестных напали на кассира фабрики Вулкан, убили его револьверными выстрелами и унесли 14.000 р.

Радикалы и социалисты стараются побудить рабочих к продолжению стачки. Газеты публикуют специальные издания с царским манифестом. Состоялся большой революционный митинг. Массы не отдают себе полного отчета в значении манифеста.

Завтра состоится огромный митинг служащих железных дорог для обсуждения вопроса о возобновлении работ.

Всеобщая стачка, провозглашенная социал-демократами в субботу, сделалась почти абсолютной. Партия ежедневно выпускает массу новых листков к народу, к служащим на железных дорогах, к военным. То же самое делается в Лодзи и в Домбровском районе.

Вчера вновь произошли многочисленные столкновения. На улице Брудной войска пошли на толпу в штыки и ранили трех человек. В Лодзи убит страховой агент.

Два новых соц.-дем. листка приглашают рабочих продолжать начатую революцию. «Собирайтесь толпами на улицах, слушайте ораторов, приостанавливайте всякое

Мелкобуржуазный и пролетарский социализм.

В Европе среди различных учений социализма полное господство приобрел в настоящее время марксизм, а борьба за осуществление социалистического строя ведется почти всецело как борьба рабочего класса, руководимого социал-демократическими партиями. Но это полное господство пролетарского социализма, основывающегося на учении марксизма, упрочилось не сразу, а лишь после долгой борьбы со всякими отсталыми учениями, с мелкобуржуазным социализмом, с анархизмом и т. п. Каких-нибудь тридцать лет назад марксизм не был еще господствующим даже в Германии, где преобладали, собственно говоря, переходные, смешанные, эклектические воззрения между мелкобуржуазным и пролетарским социализмом. А в романских странах, во Франции, Испании, Бельгии, самыми распространенными учениями среди передовых рабочих были прудонизм, бланкизм, анархизм, явно выражавшие точку зрения мелкого буржуа, а не пролетария.

Какая же причина вызвала эту быструю и полную победу марксизма именно за последние десятилетия? Все развитие современных обществ, как в экономическом, так и в политическом отношениях, весь опыт революционного движения и борьбы угнетенных классов подтверждали все более и более правильность марксистских взглядов. Упадок мелкой буржуазии неминуемо влек за собой рано или поздно отмирание всяческих мелкобуржуазных предрассудков, а рост капитализма и обострение борьбы классов внутри капиталистического общества служили лучшей агитацией за идеи пролетарского социализма.

Отсталость России естественно объясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма. Вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом. И если быстрый рост и поразительные успехи русского рабочего движения доставили уже марксизму победу и в России, то, с другой стороны, развитие несомненно революционного крестьянского движения—особенно после знаменитых восстаний крестьян в Малороссии в 1902 году—вызвало некоторое оживление старчески дряхлого народничества. Старинное народничество, подновленное модным европейским оппортунизмом (ревизионизм, бернштейнианство, критики

движение, уничтожайте вагоны конок, опрокидывайте телеграфные столбы, закрывайте лавки. Да здравствует революция!». После полудня произведены массовые аресты. Митинг-монстр прошел при полном порядке в мастерских Варшавско-Венской ж. д. Речи, которые были там произнесены, носили национально-революционный характер. Собрание приняло резолюцию относительно свободы печати, прекращения военного положения, амнистии всем политическим, введения польского языка в употребление, ликвидации пенсионной кассы и т. д. Большие массы войска были наготове, но после начала митинга были отозваны. Кроме вышеизложенных требований, были еще выставлены требования Учредительного Собрания для Варшавы и образования народной милиции. Служащие на железных дорогах решили настаивать на тех требованиях, которые не удовлетворены. После митинга участвующие хотели итти с красными знаменами и песнями, но казаки и два батальона пехоты разогнали их на Хмельной улице. Разогнанные собрались на Маршалковской улице и составили процессию. На нее напали патрули уланов. Во время свалки жандармом был убит один из участников; после этого Маршалковская была перегорожена. До позднего вечера движение было прекращено на этой улице. Все извозчики уехали. После обеда толпа молодежи и женщин человек в 400 с радостными возгласами прошлась по улице. Вечером полиция устроила на углах улиц западни и при их помощи арестовала многих. Несмотря на запрещение цензуры, появилось много вечерних листков.

19-го окт. Стачка продолжается. Движение трамваев прекращено. Магазины закрыты. Войска рассеивают манифестантов.

Служащие Варшаво-Венской дороги решили во вторник на большом собрании продолжать стачку. В городе царит необыкновенное волнение. Радикальный (?) комитет заявляет, что конституция, данная императорским манифестом, неудовлетворительна. Демонстративные кортежи рассеяны войсками.

Служащие Венской ж. д. решили не приниматься за работу до тех пор, пока правительство не урегулирует вопроса о польском языке на железнодорожной службе и не даст амнистии политическим «преступникам» и автономии русской Польше. После полудня на улицах города прошел длинный кортеж с криками: «Долой царя!». Полиция потребовала от населения не появляться на улицах позднее 8 ч. вечера под страхом ареста. Купечество послало в Петербург петицию о снятии осадного положения.

Рабочие намереваются водрузить железный крест на том месте, где 13-го мая пали 33 жертвы. Ожидают беспорядков.

Сосновицы. 18-го окт. Все угольные копи уезда Сосновицкого охвачены стачкой. Громадный кортеж двигается по улицам с пением национальных песен. Казаки рассеивают толпу, не употребляя оружия. Рабочие захватили уездного исправника. Они овладели типографиями и убедили наборщиков отпечатать революционные прокламации. Полиция не осмелилась выступить.

Кельцы. 18-го окт. Пехота дала залп по толпе, разбивавшей казенные винные лавки. Убито трое, ранено десять.

Петроков. 18-го окт. Толпа собралась сегодня пополудни на улицах с пением революционных песен и красными флагами. Отряд запасных, получивший приказание стрелять, отказался. Тогда офицеры выстрелили из револьверов в толпу и ранили несколько человек.

Пабианицы. Во вторник рабочие организовали кортеж. Пехота преградила им дорогу и на отказ рабочих разойтись ответила выстрелами. Убито 8, ранено 24.

Маркса) составляет весь оригинальный идейный багаж так-наз. социалистов-революционеров. Поэтому крестьянский вопрос занимает центральное место в спорах марксистов как с народниками в чистом виде, так и с соц.-революционерами.

Народничество было до известной степени цельным и последовательным учением. Отрицалось господство капитализма в России; отрицалась роль фабрично-заводских рабочих, как передовых борцов всего пролетариата; отрицалось значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедывался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с ее мелким сельским хозяйством. От этого цельного учения остались теперь только клочья, но чтобы сознательно разобраться в современных спорах, чтобы не давать этим спорам опускаться до перебранки, необходимо всегда иметь в виду общие и коренные народнические основы заблуждений наших социалистов-революционеров.

Человек будущего в России—мужик, думали народники, и этот взгляд вытекал неизбежно из веры в социалистичность общины, из неверия в судьбы капитализма. Человек будущего в России—рабочий, думали марксисты, и развитие русского капитализма как в земледелии, так и в промышленности все более и более подтверждает их взгляды. Рабочее движение в России заставило теперь само признать себя, относительно же крестьянского движения вся пропасть между народничеством и марксизмом сказывается поныне в различном понимании этого движения. Для народника крестьянское движение именно и опровергает марксизм; оно как-раз есть движение в пользу непосредственного социалистического переворота; оно как-раз не признает никакой буржуазной политической свободы; оно исходит как-раз не из крупного, а из мелкого хозяйства. Для народника, одним словом, крестьянское движение и есть настоящее, истинно-социалистическое и непосредственно-социалистическое движение. Народническая вера в крестьянскую общину и народнический анархизм вполне объясняют неизбежность таких выводов.

Для марксиста крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение. Оно является и в России, как бывало и в других странах, необходимым спутником демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию. Оно нисколько не направляется против основ буржуазного порядка, против товарного хозяйства, против капитала. Оно направляется, напротив того, против старых крепостнических, докапиталистических отношений в деревне и против помещичьего землевла-

Посланы были в Пабианицы новые войска. Положение очень опасное.

Лодзь. 18-го окт. Положение ужасное. Всеобщая стачка продолжается. Во вторник вечером на Петроковской улице пехота выстрелила в толпу, убив двух и ранив трех. Затем на другой улице в новой стычке были 2 убиты и 8 ранены. В предместье патруль арестовал несколько мальчиков, раздававших революционные прокламации. Рабочие бросились их освобождать, и в происшедшем столкновении 3 были убиты и 8 ранены. Военные власти дали приказ подавлять беспорядки силой.

19-го окт. Положение чрезвычайно напряженное. Во вторник произошло несколько столкновений с манифестантами, при чем 5 человек убиты, 15 ранены и множество контужено.

Всеобщая стачка в Лодзи продолжается и принимает революционный характер. Губернатор Шатилов еще усилил военные меры и вызывает резкий отпор. Кровавые столкновения произошли в 7 час. вечера на Петроковской улице, где собралась толпа и кричала «ура!». Пехота стреляла, убила 2 и ранила 3 человек. По той же причине в 8 ч. вечера пехота дала 3 залпа, при чем убито двое и четверо ранено. Маленькие мальчики, раздававшие в предместье Балуты листки, арестованы. Когда рабочие хотели защитить детей, произошло столкновение с патрулем, который убил трех человек и ранил 8. На митинг союза служащих в торговых заведениях, на котором присутствовало 2.000 человек, ворвались войска; поднялась ужасная паника, во время которой многим поломали руки и ноги. Театры закрыты, конки не ходят, лавки закрыты. На улицах видны только войска. Казаки нагайками разгоняют всякое сборище.

Петроков. Толпа с двумя красными знаменами пришла к дому губернатора. Два офицера приказали стоящему там взводу запасных стрелять, но солдаты отказались. После этого офицеры стали стрелять из револьверов и ранили несколько человек.

Гельсингфорс. 17-го октября. Сегодня провозглашена стачка на Финляндской железной дороге, от Петербурга до Волькыссора, на русско-финской границе.

18-го октября. В понедельник вечером толпа рабочих задержала в Выборге три пассажирских поезда, и не дала машинистам отцепить паровозы.

19-го октября. Всеобщая стачка провозглашена на всех фабриках и заводах. Телефоны, почта, трамваи и железные дороги не действуют. Высшие школы забастовали. В Сенате нет больше заседаний. Официальные конторы, все банки и магазины закрыты. Газеты выходят без цензуры. Огромные толпы народа двигаются по улицам.

20-го октября. Стачка продолжается. Портовые рабочие, городовые и рабочие электрических заводов бастуют. Во вторник вечером не вышла ни одна газета. Городская дума решила на своем экстренном заседании выразить сочувствие политической забастовке. Она считает необходимым немедленный созыв сейма, принятие мер для установления нормального положения и восстановления финляндского правительства в лице тех людей, к которым страна питает доверие.

После митинга, генерал-губернатору, у которого собрались все сенаторы, была отправлена депутация. Депутация потребовала отставки сенаторов. Двое из них заявили, что готовы уйти, что и было передано толпе, собравшейся на улице. Толпу вдруг охватила паника, раздались крики «казаки!»; 31 человек ранены. Стачка проходит мирно. Стачечники требуют создания народной милиции для обеспечения безопасности и общественного порядка от хулиганов.

дения, как главной опоры всех пережитков крепостничества. Полная победа данного крестьянского движения не устранит поэтому капитализма, а напротив, создаст более широкую почву для его развития, ускорит и обострит чисто капиталистическое развитие. Полная победа крестьянского восстания может лишь создать оплот демократической буржуазной республики, в которой впервые со всей чистотой и развернется борьба пролетариата против буржуазии.

Итак, вот два противоположных взгляда, которые надо ясно понять всякому, желающему разобраться в принципиальной пропасти между соц.-революционерами и соц.-дем. По одному взгляду, крестьянское движение есть социалистическое, по другому—демократически-буржуазное движение. Отсюда можно видеть, какое невежество обнаруживают наши соц.-революционеры, когда они повторяют в сотый раз (сравни, напр., № 75 «Револ. России»), будто ортодоксальные марксисты когда-нибудь «игнорировали» (знать не хотели) крестьянский вопрос. Против такого крупного невежества можно бороться только одним способом: повторением азбуки, изложением старых последовательно-народнических взглядов, указанием в сотый и в тысячный раз на то, что действительное различие состоит не в желании или нежелании считаться с крестьянским вопросом, не в признании или игнорировании его, а в различной оценке современного крестьянского движения и современного крестьянского вопроса в России. Тот, кто говорит об «игнорировании» марксистами крестьянского вопроса в России, есть, во-первых, круглый невежда, ибо все главные произведения русских марксистов, начиная с плехановских «Наших разногласий» (вышедших свыше двадцати лет назад), главным образом, и посвящены были разъяснению ошибочности народнических взглядов на русский крестьянский вопрос. Во-вторых, тот, кто толкует об «игнорировании» марксистами крестьянского вопроса, доказывает этим свое стремление увильнуть от полной оценки действительного принципиального разногласия: есть ли современное крестьянское движение демократически-буржуазное, или нет? направлено ли оно по его объективному значению, против остатков крепостничества, или нет?

Социалисты-революционеры никогда не давали и никогда не могут дать ясного и точного ответа на этот вопрос, ибо они безнадежно путаются между старым народническим и современным марксистским воззрением на крестьянский вопрос в России. Марксисты именно потому и называют соц.-революционеров стоящими на точке зрения мелкой буржуазии (идеологами мелкой буржуазии), что они не могут отделаться от мелко-

Войска заявили, что в случае конфликта они откажутся стрелять в народ.

Митинг принял резолюцию, требующую прекращения русского гнета, отставки генерал-губернатора князя Оболенского и руссофильских сенаторов, созыва экстренного сейма для выработки проекта национального собрания на основе всеобщего избирательного права, а также законов относительно свободы печати и свободы союзов.

Генерал-губернатор заявил депутации, что в полученной им из Петербурга телеграмме царь выражает свое согласие на отмену диктатуры и на созыв сейма.

21-го октября. Сенат обратился к императору с просьбой восстановить законное управление в Финляндии, отменить диктатуру, удалить неспособных чиновников, уничтожить цензуру до тех пор, пока будет выработан закон о свободе печати, и изменить в конституционном смысле закон о воинской повинности. Если эти просьбы не будут удовлетворены, то порядок не может быть восстановлен в стране. Кроме того, сенаторы заявили, что они не имеют больше доверия народа и просят об отставке. Это заявление царю было подписано всеми сенаторами, за исключением одного, находящегося в настоящее время в Петербурге.

Революционное движение распространяется на всю Финляндию. Забастовка продолжается. Огромная толпа народа двигается по улицам Гельсингфорса, где она сама поддерживает порядок с помощью русской гражданской стражи, которая сама присоединяется к общему движению. Не выходит ни одна газета. Несмотря на забастовку, цены на съестные припасы не повысились. Когда социал-демократическая и конституционная партии узнали о приближении артиллерии, население Гельсингфорса послало депутацию к командиру артиллерии объяснить ему, что финский народ так же борется за свободу, как и русский народ. Последняя прокламация финляндцев говорит о немедленном, без предварительного созыва сейма, созыве Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего избирательного права.

На требование депутации отказаться от своей должности генерал-губернатор ответил, что, как солдат, он не может сделать этого без согласия императора, но обещал немедленно обратиться к нему с просьбой об отставке.

Положение становится все более и более серьезным в Финляндии. Забастовка распространяется и на полицию. В среду губернатор князь Оболенский и сенат официально на площади и в присутствии всего населения Гельсингфорса отказались от своей власти. Русское знамя было заменено финляндским как на дворце, так и на всех других зданиях.

Во всех городах Финляндии организовалась национальная гвардия. Цены на съестные припасы удвоились.

Из Улеаборга телеграфируют, что все власти отказались от своих обязанностей, за исключением городского совета. Губернатор, бургомистр, полицмейстер объявлены лишенными своих должностей. Все школы и магазины закрыты.

На собрании в четверг решено было продолжать забастовку до удовлетворения всех политических требований. Губернатор уведомил, что он сегодня же пересылает в Петербург список всех их требований. Он обещал удалить патрули войск и заменить их гражданской милицией. Полицмейстер подал в отставку.

В Тавастиросе жандармы бежали от преследований народа. То же самое произошло и в Або. Губернатор Або удалил войско.

Тиорисо, Коми, Улеаборг разукрасились национальными цветами Финляндии.

буржуазных иллюзий, фантазий народничества в оценке крестьянского движения.

Вот почему нам опять приходится повторять: буки—аз, ба. К чему стремится современное крестьянское движение в России? К земле и воле. Какое значение будет иметь полная победа этого движения? Добившись воли, оно устранит господство помещиков и чиновников в управлении государством. Добившись земли, оно передаст помещичьи земли крестьянам. Устранит ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков (отнятие земли у помещиков) товарное хозяйство? Нет, не устранит. Устранит ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков одиночное хозяйничанье крестьянских дворов на общинной земле или на «социализированной» земле? Нет, не устранит. Устранит ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков глубокую пропасть между богатым, многолошадным, многокоровным крестьянином и батраком, поденщиком, т.-е. между крестьянской буржуазией и сельским пролетариатом? Нет, не устранит. Напротив, чем полнее будет разгром и уничтожение высшего сословия (помещичьего), тем глубже будет классовая рознь между буржуазией и пролетариатом. Какое значение будет иметь полная победа крестьянского восстания по ее объективному значению? Эта победа уничтожит до конца все остатки крепостничества, но вовсе не уничтожит буржуазного хозяйничанья, не уничтожит капитализма, не уничтожит деления общества на классы, на богатых и бедных, на буржуазию и пролетариат. Почему современное крестьянское движение является демократически-буржуазным движением? Потому, что оно, уничтожая власть чиновников и помещиков, создает демократический строй общества, не изменяя буржуазной основы этого демократического общества, не уничтожая господства капитала. Как должен относиться сознательный рабочий, социалист, к современному крестьянскому движению? Он должен поддерживать это движение, помогать крестьянам самым энергичным образом, до конца помогать им сбросить целиком и власть чиновников, и власть помещиков. Но в то же время он должен разъяснять крестьянам, что недостаточно еще сбросить власть чиновников и помещиков. Сбрасывая эту власть, надо в то же время готовиться к уничтожению власти капитала, власти буржуазии, а для этого надо немедленно проповедывать полностью социалистическое, т.-е. марксистское, учение и объединять, сплачивать, организовывать сельских пролетариев для борьбы с крестьянской буржуазией и со всею российской буржуазией. Может ли сознательный рабочий забыть о демократической борьбе ради социалистической

22-го. Русские солдаты выдали оружие без всякого сопротивления. Русский герб всюду замазан.

В Торнео 150 человек предложили услуги для поддержания порядка.

(В. Величкина).

Петербург. 3-го. Союз железнодорожных стачечников решил продолжать стачку. Одним из самых главных мотивов этого решения является намерение помешать отправить войско в Финляндию.

(В. Величкина).

Политическая стачка в Петербурге.

Начало забастовки. 4-го октября утром работы на заводах Невского района шли обычным порядком. Но в 11 час. на Семянниковском (Невском судостроительном) заводе началась забастовка,—началась совершенно стихийно,—в пароходно-механическом отделе. Рабочие с песнями вышли из мастерской, увлекли за собой весь завод и отправились снимать рабочих с других заводов.

Митинг на вагонном заводе. Между тем, слух о забастовке на Невском стал распространяться по району. На вагонном заводе в тот день должен был состояться митинг часов в 5, по окончании работ. Но уже в 2 часа завод, услышав о забастовке, бросил работу, и моментально вся толпа собралась в «яме», куда и явился наш оратор. Начав свою речь с указания на необходимость политической свободы для рабочего класса, оратор перешел к объяснению тактики социал-демократии. Тут он был перебит криками приближающейся толпы: это шли рабочие Невского и чугунного заводов снимать вагоностроителей. Видя, однако, что последние не работают, толпа мирно присоединилась к ним, увеличив их число до 5 тысяч. Оратор, между тем, продолжал свою речь выясняя сущность Гос. Думы и отношение к ней либералов и социал-демократии. Настроение толпы с появлением семянниковцев сильно повысилось, оратора несколько раз перебивали криками: «долой самодержавие!», «ура!» и т. п. Оратор кончил речь возгласом: «да здравствует Р. С.-Д. Р. П.!». Этот возглас толпа поддержала криками и аплодисментами. Затем поднялись 2 рабочих чугунного и Невского заводов и заявили, что они пришли сюда «выразить свою солидарность и слиться с вагоностроителями» для общей поддержки и выражения сочувствия московским товарищам. Видя настроение рабочих, оратор снова попросил слово и начал говорить о забастовке. Он указал на упорную борьбу в близком будущем, на необходимость готовиться к ней, на полную неорганизованность вспыхнувшей стачки, на отсутствие достаточного вооружения; поэтому, выяснив природу этой забастовки (выражение сочувствия), оратор советовал продолжить ее лишь на 2—3 дня и закончил призывом готовиться к великой борьбе за демократическую республику под руководством Р. С.-Д. Р. П. Вторая речь была встречена так же восторженно, как и первая. Затем толпа направилась к выходу, выкинув 3 больших красных знамени, с пением марсельезы. Оратора же окружила кучка рабочих и начала расспрашивать про оружие, настроение войск, настроение рабочих в других местах и т. п.

Столкновения с войсками. Толпа, после митинга начавшая-было расходиться, снова пошла снимать рабочих с заводов и фабрик: Торнтона, Паля, Максвелля и пр. При этом произошло столкновение с казаками и конной стражей, окончившееся бегством последних (их прогнали булыжниками); есть убитые и раненые. Тогда мы решили вечером собрать митинг в школе, чтобы говорить против неорганизованных столкновений с во-

---

или о социалистической ради демократической? Нет, сознательный рабочий называет себя социал-демократом именно потому, что он понял отношение той и другой борьбы. Он знает, что нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу. Он стремится поэтому к полному и последовательному осуществлению демократизма ради достижения конечной цели социализма. Почему не одинаковы условия борьбы демократической и борьбы социалистической? Потому, что у рабочих непременно будут разные союзники в той и в другой борьбе. Борьбу демократическую рабочие ведут вместе с частью буржуазии, особенно мелкой. Борьбу социалистическую, рабочие ведут против всей буржуазии. Борьбу с чиновником и помещиком можно и должно вести вместе со всеми крестьянами, даже зажиточными и средними. А борьбу с буржуазией, а значит и с зажиточными крестьянами, можно вести надежным образом только вместе с сельским пролетариатом.

Если мы припомним все эти азбучные истины марксизма, от разбора которых предпочитают всегда уклоняться соц.-революционеры, то нам легко уже будет оценить следующие «новейшие» возражения их против марксизма.

«Зачем,—восклицает «Р. Россия» (№ 75),—понадобилось поддерживать сначала крестьянина вообще против помещика, а потом (т.-е. в то же время) поддерживать пролетариат против крестьянина вообще, вместо того, чтобы сразу поддерживать пролетариат против помещика, и при чем тут марксизм,— один аллах ведает».

Это точка зрения самого первобытного, детски-наивного анархизма. Об уничтожении «сразу» всей и всякой эксплоатации давно уже, много веков, даже много тысячелетий, мечтает человечество. Но эти мечтания оставались мечтаниями до тех пор, пока миллионы эксплоатируемых не стали объединяться во всем мире для выдержанной, стойкой, всесторонней борьбы за изменение капиталистического общества в направлении собственного развития этого общества. Социалистические мечтания превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса. Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание. А у нас в России перед глазами две различных борьбы двух различных социальных сил. Пролетариат борется против буржуазии везде, где есть капиталистические отношения производства (а они имеются даже—к сведению наших с.-ров—внутри крестьянской общины, т.-е. на самой что ни есть «социализированной», с их точки зрения, земле). Крестьянство, как слой мелких землевладельцев, мелких буржуа, борется против всех остат-

оруженной силой. Но к вечеру школа оказалась заколоченной: туда никого не пускали. Произошло новое столкновение с казаками; были разгромлены лавки (винные и другие), разбиты фонари, остановлена паровая конка. На углу Прогонного переулка и тракта была воздвигнута баррикада из телег ломовых извозчиков. Казаки сделали несколько залпов; рубили шашками; были убитые и раненые, число точно установить нельзя. Рассказывают, что убит на тротуаре мальчик пулей в лоб.

Вечером Шлиссельбургский тракт утопал во мраке: громадная масса фонарей была разбита. Публика разговаривала о «бунте», на лицах были написаны испуг и беспокойство: боялись «пострадать невинно». На улице валялись доски, бревна; рельсы паровой конки были забросаны камнями. Народу мало; в разных местах заметны были только довольно солидные группы рабочих. Казачье разъезжало по улицам и, останавливаясь иногда около кучек, хлестало нагайками. Слышались отдельные выстрелы в разных местах...

На Обуховском заводе. Партия приложила все силы, чтобы удержать рабочих от выхода на улицу, чтобы предотвратить ненужные кровопролития. Последние,—говорили сознательные рабочие,—на-руку полиции, так как она стремится путем частичных поражений ослабить грядущий общенародный натиск на правительство. Если же и начинать забастовку, то она должна быть строго организована, чтобы явиться действительно демонстрацией силы рабочего класса.

Когда слухи о забастовке дошли и до Обуховского завода, настроение и здесь стало подниматься. 5-го окт. в 10—11 час. по мастерским начались собрания рабочих. В пушечной, где наша организация особенно сильна, была единогласно (900 чел.) принята наша резолюция, выясняющая отношение соц.-дем. к стачкам в настоящее время и предлагающая отложить забастовку до призыва Комитета. «Нам силы нужны будут в январе для Гос. Думы (конечно, не для участия в ней!),—говорили многие рабочие,—но мы не отказываемся и сейчас от забастовки; пусть только нам скажут, из-за чего бастуют прочие, а то частенько у семянниковцев и хулиганы устраивают забастовки!».

Но в других мастерских большинство склонялось к немедленному объявлению забастовки, ссылаясь на то, что весь тракт уже забастовал. После 12 часов во дворе состоялось общее собрание, на котором сторонники немедленной забастовки одержали верх: за забастовку подано по приблизительному подсчету 2.300 голосов, против—2.030. Было постановлено объявить трехдневную политическую забастовку для выражения солидарности с московскими товарищами без выставления экономических требований. В то же время начальнику завода было подано заявление, в котором были выставлены следующие лозунги забастовки: солидарность с политической борьбой московских товарищей; долой Гос. Думу; немедленная амнистия всем политическим; свобода слова, собраний, союзов и стачек. Было также постановлено воздержаться от уличных столкновений.

Забастовка протекает мирно. На тракту виднеются лишь отдельные кучки рабочих. Казаки скрыты во дворах. В трактирах только и разговора, что о забастовке. Политический характер ее особенно подчеркивается и комментируется. В понедельник рабочие выйдут на работу. Настроение у них бодрое, повышенное...

В других районах, как, напр., Нарвском и районе Пет. стороны, организованные рабочие высказываются в духе своих товарищей с Обуховского завода. В отделе «Из партии» мы приводим резолюцию Нарвского района.

ков крепостничества, против чиновников и помещиков. Не видеть этих двух различных, разнородных социальных войн могут только люди, совсем не знакомые с политической экономией и с историей революций во всем мире. Закрывать глаза на разнородность этих войн посредством словечка «сразу» значит прятать голову под крыло и отказываться от всякого анализа действительности.

Потеряв цельность взглядов старого народничества, соц.-революционеры позабыли даже многое из учения самих народников. «Помогая крестьянству экспроприировать помещиков,—пишет там же «Р. Р.»,—г. Ленин бессознательно содействует водворению мелкобуржуазного хозяйства на развалинах более или менее развитых уже форм капиталистического земледельческого хозяйства. Это ли не шаг назад с точки зрения ортодоксального марксизма?».

Стыдитесь, господа! Ведь, вы забыли своего г. В. В.! Справьтесь с его «Судьбами капитализма», с «Очерками» г-на Николая—она и другими источниками вашей мудрости. Вы припомните тогда, что помещичье хозяйство в России соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Вы узнаете тогда, что существует отработочная система хозяйства, этот прямой пережиток барщины. Если вы вдобавок заглянете в такую ортодоксально-марксистскую книгу, как третий том «Капитала» Маркса, то вы узнаете оттуда, что иначе, как при посредстве мелкобуржуазного крестьянского хозяйства, нигде не шло, да и не могло итти развитие барщинного хозяйства и превращение его в капиталистическое. Чтобы разнести марксизм, вы поступаете слишком уже простым, слишком давно разоблаченным способом: вы приписываете марксизму карикатурно-упрощенный взгляд на прямую смену крупного барщинного хозяйства крупным капиталистическим! Вы рассуждаете: помещичьи урожаи выше крестьянских, значит экспроприация помещиков есть шаг назад. Это рассуждение достойно гимназиста четвертого класса. Подумайте-ка, господа, не было ли «шагом назад» отделение малоурожайной крестьянской земли от высокоурожайной помещичьей при падении крепостного права?

Современное помещичье хозяйство в России соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Теперешняя борьба крестьян с помещиками есть, по ее объективному значению, борьба с остатками крепостничества. Но пытаться пересчитать все отдельные случаи и взвесить каждый отдельный случай, определить с точностью аптекарских весов, где именно кончается крепостничество и начинается чистый капитализм,—значит приписывать марксистам свой собственный педантизм. Мы не можем вычислить, какую долю в цене покупаемых у мелкого лавочника припасов составляет трудовая сто-

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

«О новом конституционном манифесте Николая Последнего». В номере от 1 ноября (н. ст.) «Vorwärts'а» под этим заглавием напечатана следующая статья.

«Из залитых кровью рук палача-самодержца народ получил еще не свободу, а только обещание, одни слова, но еще не дела.

Но все-таки мы можем в известном смысле торжествовать! Конечно, не так, как либералы, склонные к преждевременному, ребячески-наивному ликованию, видящие в каждой, самой сомнительной победе повод к тому, чтобы обратиться в бегство с поля борьбы. Нет, мы можем торжествовать, сознавая истинное значение настоящего момента... Царский манифест со всей ясностью свидетельствует об одном приобретении, которое не может быть отнято. Этот манифест есть похоронная песнь по предыдущем манифесте царя, есть похоронный звон по этой преславутой Думе, по всей булыгинской конституции! Не успели еще начаться «выборы» в это чудовищное «народное представительство», как весь этот думский фарс разрушен, сметен, растоптан, разбит, превращен в ничто единодушным городским пролетариатом, поднявшимся во всей стране, от Петербурга до Одессы, от Варшавы и Лодзи до Красноярска! Народ избавлен от муки бесконечных этапов, от несносных перипетий либеральной грызни и перебранки с самодержавием. Путь к действительной свободе сокращен, очищен, открыт чисто-революционным путем.

«И все это—дело сознательного авангарда российского пролетариата, дело социал-демократии!».

«И на этот раз события пошли подобно тому, как в знаменитую январскую неделю. Петербургский, а затем весь российский пролетариат поднялся тогда как-раз в такой момент, когда либеральная и демократическая кампания банкетов начинала иссякать в своем бессилии, в своей внутренней непрочности. Либералы готовы уже были в конец испортить дело свободы, когда вмешался пролетариат и одним ударом двинул вперед всю телегу. Так и теперь. Русский либерализм и демократия опять уже были готовы споткнуться о соломинку, споткнуться на думской кампании, провалить дело революции на изрядный промежуток времени. Господа земцы и вместе с ними разные иные «демократические» герои совсем уже было собрались, несмотря на все свои ужимки, вкусить от яблочка, подаваемого им Булыгиным, участвовать в «конституции», которую они только-что отвергли с негодованием, приняться с грацией за «либеральную» агитацию. Либералы совсем уже было собрались произносить свои великие громовые либеральные речи в «Думе» в защиту народа, который должен был оставаться в сторонке, издали поглядывая на Думу. Но городской рабочий поднялся—на этот раз под сознательным и крепким руководством социал-демократии—и заявил: нет, милостивые государи, лучше я уже сам своими руками управлюсь делом! И достаточно было одной недели горячей агитации, одной недели величественной массовой стачки, чтобы вся прелесть булыгинской Думы рассыпалась прахом!».

(Н. Ленин).

Центральный Стачечный Комитет в Петербурге выпустил 18 октября, на другой день по издании манифеста, воззвание, которое мы приводим в обратном переводе с английского («Times» 1/XI).

«Манифест, изданный вчера, вполне доказывает бессилие самодержавия и правительства в борьбе с восставшим народом. Чувствуя близость конца, самодержавие снова отступает перед могучим натиском широко разлившегося революционного движения, которое принимает все более и более острые формы. Самодержавие отступает перед организованной массовой политической стачкой и вооруженной борьбой. Самодержавие надеется своим излюбленным способом внести разделение в ряды борющейся нации. Манифест 17-го октября не объявляет ни политической амнистии, ни прекращения военного положения. Права, завоеванные народом ценою бесчисленных жертв, могут быть охранены только им самим. Единственное средство внести действительное успокоение в страну и в народ, это—немедленный созыв Учред. Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования всех взрослых граждан без различия пола, религии или национальности и осуществление всех гарантий гражданской свободы. Политическая стачка продолжается».

(Н. Ленин).

[Петербург. 18 октября. (Из «Times» от 31 окт.). Благодаря прекрасному солнечному дню][4]) все высыпали на улицу; народ шел к Казанской площади и к университету,

---

имость и какую долю мошенничество и т. д. Значит ли это, господа, что теорию трудовой стоимости надо выбросить?

Современное помещичье хозяйство соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Отсюда только педанты могут делать вывод, что наша обязанность взвесить, сосчитать и переписать каждую черточку в каждом отдельном случае по тому или иному ее социальному характеру. Отсюда только утописты могут делать вывод, что нам «незачем» различать две разнородные социальные войны. Отсюда следует на самом деле тот, и только тот, вывод, что мы должны и в своей программе, и в своей тактике соединять чисто-пролетарскую борьбу против капитализма с общедемократической (и общекрестьянской) борьбой против крепостничества.

Чем сильнее развиты капиталистические черты в современном помещичьем полукрепостном хозяйстве, тем настоятельнее необходимость теперь же организовать самостоятельно сельский пролетариат, ибо тем скорее выступит на сцену при всякой конфискации чисто-капиталистический или чисто-пролетарский антагонизм. Чем сильнее капиталистические черты в помещичьем хозяйстве, тем быстрее толкнет демократическая конфискация к настоящей борьбе за социализм, и, значит, тем опаснее фальшивая идеализация демократического переворота, производимая при помощи словечка «социализация». Вот какой вывод вытекает из смешения капитализма с крепостничеством в помещичьем хозяйстве.

Итак, соединять чисто-пролетарскую борьбу с общекрестьянской, но не смешивать их. Поддерживать общедемократическую и общекрестьянскую борьбу, отнюдь не сливаясь с этой неклассовой борьбой, отнюдь не идеализируя ее посредством фальшивых словечек в роде «социализации», отнюдь не забывая ни на минуту об организации и городского, и сельского пролетариата в совершенно самостоятельную классовую партию социал-демократии. Поддерживая до конца самый решительный демократизм, эта партия не даст отвлечь себя от революционного пути реакционными мечтаниями и опытами создания «уравнительности» при товарном хозяйстве. Борьба крестьян с помещиками теперь революционна, конфискация помещичьих земель в данный момент экономической и политической эволюции во всех отношениях революционна, и мы эту революционно-демократическую меру поддерживаем. Но называть эту меру «социализацией», обманывать себя и народ насчет возможности «уравнительного» землепользования при товарном хозяйстве, это уже есть реакционная мелкобуржуазная утопия, которую мы предоставляем социалистам-реакционерам.

(Н. Ленин).

где ждали главной демонстрации. Процессия с красными знаменами, наскоро слаженными, прошла по Невскому около полудня. Полиция мирно смотрела на нее и обнажала голову перед революционными эмблемами. Все и каждый снимали шапки. Я видел генерала, который ехал мимо. При виде флагов он, весь красный от гнева, обратился к офицеру и потребовал разогнать собравшихся. Офицер спросил его, читал ли он манифест. «Все русские имеют отныне право заявлять свои политические убеждения».

«Процессия из разных концов города собралась перед крестом у главного входа в университет, украшенного красными флагами. Ораторы говорили к толпе с балкона и сообщали лозунги сегодняшней демонстрации. После шествий по всему городу все должны были сойтись снова в 4 часа на Казанской площади. Этой программе народ строго следовал.

«Митинг перед Казанским собором ознаменовался рядом стычек с «белыми». Последние появились на сцене, когда уже вся площадь была усеяна «красными». Последние пытались, но тщетно, убедить «белых» присоединиться к ним. Произошла стычка. Было сделано несколько выстрелов, и трое ранено. Замечательной чертой революционного собрания была его превосходная организация. Все революционеры были разделены на отряды и имели своих начальников. Было даже четыре отряда Красного Креста из студентов-медиков обоего пола и нескольких военных докторов. С другой стороны, процессии «белых» состояли просто из сброда мальчишек, лавочников и т. п.

«Около 5 часов вечера революционный главнокомандующий решил возвратиться к университету. Около него стоял знаменосец с громадным красным знаменем. Широкая белая полоса на знамени означала, что демонстрация мирная. Главнокомандующий, бледный студент в разорванной шинели, отдавал свои распоряжения через адъютанта, широкоплечего парня со стальными легкими. Адъютант замахал своей трубой, прося успокоиться, и затем проревел: «Революционная армия двигается к университету. Стройся! Сомкнуть ряды! Вперед! Марш!». Красный флаг двинулся, а за ним пошли отряды, нога в ногу, плечо к плечу, с пением русской марсельезы, припев которой подхватывала толпа. Я попытался сосчитать все знамена, но не мог. Процессия была слишком длинная. Толпа была самая разношерстная. Молодежь и старики, богатые и бедные, студенты и рабочие, попы и босяки, — все шли с бодрым и смелым видом, распевая о тех временах, когда их родина будет свободна от угнетения, когда у бедных будет хлеб. Университет не мог вместить всей массы, и тысячи разошлись по другим учебным заведениям.

«Я не могу передать тех речей, которые я слышал сегодня. Они могут быть резюмированы одним словом: вызов. Призыв к тому, чтобы за политической стачкой последовала, когда настанет пора, вооруженная борьба».

(Н. Ленин).

Киев. На этой неделе в Киеве было два народных митинга и сходка в университете. На университетской сходке в 3.000 человек были студенты и интеллигенция; выступали 18 ораторов. Студенты приняли приблизительно такую резолюцию, предложенную с.-р-ми (их там большинство): университет объявляется открытым; забастовка прекращается, так как она в данном случае вредна; занятий, конечно, не будет, университетские двери открыты для интеллигенции, пролетариата и трудового крестьянства. Университеты теперь являются единственной позицией, пригодной для устройства политических клубов, народных библиотек, чтения лекций, рефератов и т. п., единственным местом, где можно давать отпор полиции. Сходка окончилась удачно.

Недавно был съезд наших отечественных психиатров. Он состоял из 3 заседаний. Первое было неинтересное, второе прошло неудачно: говорил проф. Сикорский (из породы рептилий). Он заключил свою речь такими словами по адресу студентов: «Пойдемте по стопам Александра II, нашего учителя». В ответ на этот милый призыв раздался свист; выкинули красное знамя. Выступили-было ораторы, один рабочий и интеллигент, но толпа их не слушала и с пением революционных песен разошлась. Третье заседание прошло с полным успехом для с.-д. Организация направила своих людей в собрание, предполагая, что они проберутся в зал как-нибудь и без билетов. В 12 часов в воскресенье собралась толпа около купеческой залы, где должно было произойти заседание. Вдруг видим, полиция окружила все здание, в саду расположилась сотня казаков, масса солдат и городовых; много полицейских было спрятано на хорах в зале; около дверей городовые отбирали входные билеты и посторонних не впускали. Собравшаяся в зале публика обратилась к проф. Сикорскому с просьбой приложить усилия к тому, чтобы и остальные, не допущенные на собрание, могли войти в залу. Полицмейстер сказал Сикорскому: «Если вы согласны, то можно всех впустить». Сикорский на это согласия не изъявил, но толпа криком и свистом принудила открыть двери собрания для всех. Одного, впрочем, арестовали. Хлынувшая в залу толпа, возбужденная и возмущенная при виде «на случай» припасенной внутри зала полиции, стала требовать удаления полицейских, угрожая в противном случае воспрепятствовать открытию собрания. Тогда Сикорский выступил с ходатайством перед полицмейстером удовлетворить желания публики и освободить арестованного. Полицмейстер вместе с одним из членов этого съезда уехал, освободив арестованного, и толпа в 4.000 человек открыла митинг. Полиция отсутствовала. Говорили 3 оратора. Развевалось красное знамя. Пели революционные песни. Вдруг врывается в залу полицмейстер с войском. Произошло что-то ужасное!.. Толпа обезумела... Стали бросать стулья и строить из них баррикады... Тогда Сербский [5]) потребовал от полицмейстера удаления войск. Полицмейстер согласился. При общем шуме и крике: «Долой войска!»— солдаты и полиция ушли. Был грандиозный митинг и в политехникуме, где собралось около 3.000 человек, говорили 22 оратора. Митинг этот продолжался от 11 до 8 ч. вечера.

Екатеринослав. В аудитории для народных чтений было собрание народных учителей Екатеринославской губ., которое началось в 1 час. дня, а в 4 часа наши товарищи открыли митинг, который продолжался чуть ли не до 12 час. ночи с перерывом на 1 час, во время которого учителя закончили свое прерванное собрание.

Во время митинга, на который записались 34 оратора, говорили ораторы различных партий. Несколько раз говорил товарищ с.-д. большевик, каждый раз по полчаса, так как больше никому не давали говорить. К час. 6 веч. и до конца митинга весь зал, хоры и сцены были битком набиты преимущественно городскими рабочими, хотя были и заводские рабочие; приблизительно было 5—6 тысяч чел. Собрание было бурное и шумное. Во время речей то в одном, то в другом конце залы разбрасывались различные прокламации. Во время митинга делались сборы всеми местными партиями. К сожалению, не пришлось вынести резолюций о Государств. Думе, о которой говорил последний оратор, тов. большевик, так как, с одной стороны, полиция потребовала разойтись, а с другой стороны, администрация аудитории заявила, что электричество должно потухнуть через 10 мин., так как они не подготовились к такому позднему собранию. Наши тов. решили, в виду того, что не вся масса организована, и может произойти паника в темноте, распустить собрание под условием, если будут из находящегося вблизи городского сада убраны казаки, что и было исполнено. После этого собрание разошлось без всяких инцидентов.

Я здесь живу немного более месяца и за все это время то там, то здесь происходят забастовки; бастовали в августе приказчики, теперь бастуют уже около месяца зав. Эзау и около двух недель машиностроительный зав. на Амуре. На штампажном недавно избили начальника цехов. Был здесь грандиозный митинг в горном институте, после чего на следующий день институт оказался закрытым.

Рабочий.

Харьков. Студенты здешнего университета на одном из своих собраний вынесли резолюцию, из которой мы приводим первую часть, характеризующую политическую позицию нынешнего передового студенчества.

«Мы, студенты Харьковского университета, собравшиеся на общую сходку 12 сентября 1905 г., объявляем универси-

тет открытым. Акт этот не означает примирения с существующим режимом, так как уступка, завоеванная живыми общественными силами у самодержавного правительства, по нашему мнению, не только не дает каких-либо гарантий нормальной общественной жизни, но, наоборот, имеет своею целью обмануть общество и затормозить освободительное движение, оставив и даже усилив прежнюю политику репрессий и наглого произвола в виде объявления целых местностей на военном положении, ряда смертных казней и т. д. Мы продолжаем все более разрастающуюся революционную борьбу русского народа с самодержавием,—борьбу, которая окончится только созывом Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого и тайного голосования для всех лиц, достигших 20 лет, без различия пола и вероисповедания, при предварительном осуществлении всех гарантий политической и гражданской свободы. Считая настоящий момент вполне подходящим для активного выступления организованных общественных групп, мы оставляем забастовку, как метод пассивного сопротивления и, организовавшись, будем осуществлять в стенах университета элементы политической свободы: свободу организаций, свободу собраний, свободу слова. Полагая, что университет должен принять участие в революционной борьбе и сыграть видную роль в выяснении ее моментов, мы будем стремиться делать его центром политического воспитания не только студенчества, но и широких народных масс, путем свободного доступа последних на наши собрания, устраиваемые вне академических занятий».

Приговор крестьян. В Саратовскую Губ. Земскую Управу доставлен следующий крестьянский приговор для отправки в Совет министров:

«Батюшка Царь! Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Саратов. губ., Аткарского уезда, Больше-Дмитровской волости, селения Большой-Дмитровки умоляем тебя не утверждать такой Госуд. Думы, выборы в которую дадут богатым над бедными власть. Дай каждому из нас такие же права, какие ты хочешь дать богатым людям. Повели и нам выбрать в Гос. Думу людей, коим мы верим. Повели, чтобы выборы были не от имущества, а от каждого человека. Повели, чтобы один выборный был от одинакового числа избирателей как для богатых, так и для бедных. Помещики и наши сельские богачи нас же разорили. Твои служилые люди не препятствуют им в этом, ибо на-руку им было наше разорение. Все надежды наши на то, что и нам тобою будет дано право выбирать в помощь тебе людей, знающих наши нужды. Надежды на твою царскую справедливость к нам сдерживают нас от бунтов и беспорядков. Не дай же погибнуть этой надежде: горе тогда будет и нам, и всему нашему отечеству. К сему подписуемся. Крестьяне села Большой Дмитровки (следует 69 подписей)».

Нам сообщают, что во многих местах Саратовской губ. крестьяне берут этот приговор за образец и принимают на сельских сходах аналогичные постановления.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Москва. (Из бюллетеней Московского Комитета). Двадцатого прекратили работу слесаря Миусского парка и несколько типографий. Двадцать второго с утра начали останавливаться многие крупные типографии. Двадцать третьего стачка типографщ. охватила уже все московские типографии. Перестали выходить газеты. С утра улицы Москвы приняли необычный вид. Стачечники толпами разгуливали по улицам и бульварам, часто останавливаясь, чтобы выслушать случайных ораторов. Всюду появились усиленные наряды городовых и конные патрули. Днем толпой рабочих были выбиты стекла в типографии «Московских Ведомостей» и городской типографии. Около пяти часов вечера было первое большое собрание у Патриарших прудов. Выступали ораторы-социал-демократы. Были схвачены два товарища, но по требованию толпы тут же освобождены. Толпа двинулась на Тверской бульвар с пением революционных песен и с красными знаменами. Произошло столкновение с жандармами. В это время камнем был сбит жандармский ротмистр, и жандармы рассеялись. В шесть часов вечера было организовано социал-демократами собрание рабочих мелких типографий, более ста человек, в Лубянском сквере у Ильинских ворот. Оратор-социал-демократ говорил о необходимости политической борьбы. Рабочие встретили речь сочувственно криками с требованиями Учредительного Собрания и всеобщего избирательного права. В семь часов вечера было устроено собрание около 2-х тысяч человек около памятника Пушкина. Ораторы-социал-демократы и лица из публики произносили политические речи, встреченные очень сочувственно. Крики: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует республика!»—не смолкали долгое время. Собрание продолжалось около 2-х часов. Полиция и жандармы стояли вокруг, бездействуя, но когда толпа стала расходиться, полицейские и казаки сворой с гиканьем набрасывались на отдельные кучки рабочих и посторонней публики; было много избитых. Была вызвана пехота. Митинг состоялся также у завода Тильманса. После речи оратора толпа с криками: «Долой самодержавие!» и революционными песнями произвела уличную демонстрацию.

Двадцать четвертого к забастовавшим примкнули булочники Филиппова и Бартельса, табачные фабрики Дуката и Габая, столяры фабрики Шмидта. Булочники, пекаря и приказчики выработали общие требования. Столяры Шмидта составили воззвание к товарищам столярам с призывом к забастовке. Электрические трамваи прекратили окончательно движение. Ожидалась забастовка на водопроводах, администрация оцепила водокачки казаками и драгунами и командировала для работы на водокачки солдат саперной роты. Часть городских инженеров решила также примкнуть к забастовке и потребовала от городской управы удовлетворить требования городских рабочих, угрожая подать в отставку.

Настроение среди рабочих все повышалось. Стачечники попрежнему толпами расхаживали по улицам и бульварам и собирались в разных местах. С трех часов дня начался митинг на Пречистенском бульваре. Выступали ораторы из рабочих. Полиция не вмешивалась. Отряд сумских драгун стоял в проезде бульвара. Отдельные лица пробовали настроить толпу против политики, но толпа кричала им: «Долой зубатовцев!», «Долой шпионов!». Настроение возбужденное. Кроме Пречистенского бульвара, рабочие собирались и устраивали митинги в других местах: у Каменного моста, на Никитской ул. К 6 часам громадная толпа наполняла Тверской бульвар, на конце его—у Никитских ворот—произошло стокновение с полицией и казаками, действовавшими шашками и нагайками. Рабочие отбивались камнями. Камнем подшиблен полицейский пристав. Рассеиваясь, толпа разделила на части боевую дружину, которая поэтому не могла действовать совместно, но затем несколько членов дружины с толпой стали устраивать баррикады. Несмотря на постоянные нападения казаков, толпа собиралась вновь и слушала речи ораторов. Между 7 и 8 час. вечера спешившиеся казаки дали по толпе, собравшейся в средине бульвара, три залпа, один холостой и два боевых, вдоль бульвара. Один товарищ был поражен пулей в висок, несколько ранены. Толпа собралась опять на другом конце Тверского бульвара, у памятника Пушкина, где снова полиция и казаки нападали и рубили демонстрантов шашками. После восьми часов вечера были вызваны драгуны. Настроение толпы становилось все более озлобленным и боевым, нехватало только оружия.

Двадцать пятого с утра забастовавшие булочники Филиппова собрались на дворе булочной на Тверской улице; тогда казаки и городовые стали окружать их, стачечники отвечали выстрелами из револьверов и камнями, казаки дали несколько залпов. Около 60 человек булочников были окружены и загнаны во двор канцелярии градоначальника в Гнездниковском пер., где охранное отделение,—во дворе их избивали казаки. На Пречистенском бульваре опять состоялся митинг. Собрание происходило также на Страстном бульваре. Тверской бульвар и Тверская ул. были оцеплены полицией, входы на них с прилегающих переулков закрыты были цепями городовых с околодочными и приставами. Стачечное настроение усиливается. Администрация расставляет по фабрикам казаков,—у Перлова поставлены они в спальни рабочих.

Обращаем внимание товарищей на тот факт, что в тех

случаях, когда полиция и казаки получают отпор, они в страхе либо склонны были обращаться в бегство, либо гораздо «гуманнее» избивали народ.

26-го сентября стачка трамвайщиков, типографщиков, булочников, табачников и столяров продолжалась. 25-го и 26-го происходили собрания делегатов типографских рабочих в Капцовском училище. Постановлено настаивать на удовлетворении всех требований и, кроме того, на немедленном возвращении всех арестованных товарищей, приеме обратно всех уволенных из типографий рабочих, уплате обычного жалованья всем стачечникам за все время стачки. С утра стали присоединяться другие фабрики. В 9 часов утра остановился механический завод Листа в Замоскворечье (400 ч.). Митинг во дворе завода продолжался 3 часа. После речей на экономические и политические темы был выставлен ряд требований: 8-часовой рабочий день, государственное страхование за счет капиталистов, наименьшая плата рабочему 1 р. в день, библиотека, составленная по указанию рабочих, устройство больницы и другие требования. Эти требования выставлялись массовыми рабочими. Ораторы призывали к борьбе и вооруженному восстанию для свержения самодержавия. Около 12-ти часов дня рабочие вышли со двора, на улице их встретил с.-д., призвавший к стачке. Речь его встречена криками: «Да здравствует стачка!». По призыву оратора-с.-д. рабочие собрались у завода Доброва и Набгольца. Здесь сразу прекратили работу и примкнули к толпе все цехи, кроме литейного, но остальные рабочие силой принудили литейщиков присоединиться, при чем пришлось сломать ворота. Завод стал. Стачечники двинулись дальше к заводу Гантера (200 ч.), который стал. Толпа двинулась к Цинделю, но по дороге растянулась, и внезапно появившийся отряд городовых отрезал часть ее. В Гусятниковом пер. произошло избиение группы стачечников, били шашками. 7 чел. арестовано. К стачке в это время самостоятельно примкнул завод Гоппера (300 чел.). Кроме того, состоялся соединенный митинг рабочих заводов Терещенко, Шварцкопфа, Бромлея. Речь оратора-с.-д. с призывом к стачке встречена сочувственно, и участники митинга решили начать забастовку.

В Рогожском районе с 24-го сентября бастуют жестяники небольшой фабрики Большакова. На собрании выступал оратор-соц.-дем.

В Бутырском Районном Комитете принята следующая резолюция: призвать на каждой фабрике и заводе Бутырского района к забастовке из солидарности к типографщикам, булочникам и трамвайщикам и из чувства протеста против произвола правительства и избиения наших товарищей 24 и 25 сентября, мирно собравшихся для обсуждения своих нужд. Предложено заводск. комит. выступить со следующими требованиями: так как для дальнейшей борьбы за социализм необходима пролетариату дем. республика, то мы требуем:

1) Созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права.
2) Свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек.
3) Неприкосновенности личности и жилища и амнистии «политическим преступникам».
4) 8-час. рабочего дня.
5) Уничтожения сверхурочных работ.
6) Отмены ночного и детского труда.

26-го сентября состоялся митинг на Тишинской площади. В 7 часов собралась толпа около ворот Общества Трезвости, но внутрь здания проникнуть не могла; вход заграждала полиция. Туда пришла и боевая дружина Московского Комитета; она, невзирая на сопротивление полиции, вошла в ворота. Там оказалась масса полиции, жандармов и казаков; боевая дружина хотела войти в чайную Народного Дома, но тут служащие Нар. Дома не пустили ее в здание. Начались препирательства с служащими, последние хотели позвать казаков, но рабочие решили не входить, ибо публики там не было. Обратным путем они собрали оставшихся во дворе рабочих и вышли на улицу. На улице собралась громадная толпа, но полиция только просила разойтись. Толпа не согласилась, заявляя, что намерена сегодня решить вопрос о стачке. Спустя минуту пришли наши агитаторы и организ. Городск. района и хотели говорить. Боевая дружина стала против полиции, загородив ей дорогу, и в это время один из депутатов Союза крикнул, чтоб шли на площадь, куда толпа и направилась, и заняла место около камней. Выступил оратор—депутат Союза—и говорил, что мы должны вести экономическую борьбу и не оказывать полиции сопротивления; что посылали депутатов к градоначальнику с просьбой разрешить митинг и просили подождать минут 20 ответа. Тут выступили наши ораторы, высказывая, что невозможно бороться экономически, что необходима борьба политическая. Полиция все время бездействовала. После речи последнего оратора выступили казаки со двора Нар. Дома и стали шагах в двадцати от толпы. Толпа начала расходиться; но по увещаниям товарищей она вернулась. Выступил казацкий офицер и просил разойтись. В ответ ему депутаты объявили, что ждут ответа от градоначальника. В это время получился ответ от градоначальника, что он не разрешает собираться в Народном Доме, а разрешает собираться во дворах заводов и типографий. После этого толпа разошлась, и казаки отступили.

Москва. 3-го октября совет депутатов всех забастовавших фабрик и мастерских мебельного производства постановляет допустить к работам мебельную мастерскую Балакирева и фабрику Шмидта. Продолжают забастовку Левиссор, Гофман, Фишер, Фельске и Комаров.

Сокольнический район. 3 окт. вечером был митинг у ворот фабрик Вартца и Эггольм. 4-го утром рабочие вышли на работу, но на работу не встали, а пошли останавливать другие фабрики—Эггольма, Дмитрова, Шемякина остановили и направились к Дингу. Была произнесена речь. В это время выскочили из фабрики казаки и начали избивать. 5-го в 4 часа дня из группы забастовавших рабочих, собравшихся на Красносельской ул., 2 рабочих были избиты казаками: у одного рассечен глаз, у другого исполосована вся спина. Двое арестованы. Рабочие, в свою очередь, осыпали казаков градом камней. Ранен в голову сторож, усердно помогавший казакам.

Бутырский район. 3-го окт. утром у Листа было собрание. Получилось разногласие; половина была за то, чтобы не брать. Выбрали депутатов для переговоров с конторой. На заводе стояли 2 роты солдат. Сегодня утром у «Дукс» Миллера было собрание рабочих для переговоров. Выступал агитатор от Комитета. Администрация идет на уступки. В 4 часа должны были опять собраться для того, чтобы выслушать ответ администрации. Зотов стоит. 4 окт. Вчера забастовала кондитерская фабрика Реномэ, 400 ч. Настроение очень повышенное. Обсуждали политические требования; выставили требование 8-часового рабочего дня. Фабрикант делает уступки относительно мелких требований. Относительно 8-часового рабочего дня сказал, чтоб ждали его от Гос. Думы; рабочие ответили, что в Думе не они будут сидеть, так что от нее ничего не дождешься. У Сиу настроение возбужденное, готовы забастовать. У Гильманса большинство стало на работу; никаких уступок не было. Через 2 недели завод закрывается для ремонта, как заявила администрация. У Листа большинство взяло расчет. Группа из литейного цеха подала жалобу администрации, что она не виновна в забастовке. Администрация объявила, что в литейном завтра приступят к работам. Когда приступят к работам в механическом цехе, неизвестно. Агитатора не было, причины не выяснены, так как рабочий не явился. 3-го октября 4 рабочих рассчитаны.

Железнодор. район. 3-го окт. в Курских мастерских с утра началось брожение. Старосты еще в субботу просили у начальника разрешения устроить общее собрание. Начальник общего собрания не разрешил, предложил собраться по цехам, при чем администрация предложила вопрос о стачке баллотировать; 2 цеха отказались от этой баллотировки, не желая участвовать в этой демагогической попытке администрации. Собрания по цехам состоялись; в столярном цехе предложено было соединиться во дворе с другими цехами. При обсуждении этого вопроса часть рабочих отказалась от этого соединения, но подавляющее большинство (из 300 чел.—чел. 260) отделилось и соединилось с токарным цехом. На этом соединенном собрании выступали рабочие ораторы, главным образом, социал-де-

мократы, говорили политические речи, которые встречались очень сочувственно. Забастовка не состоялась, рабочие не решились начать, боясь потерять привилегии, которыми они пользуются с давних пор. Администрация принимает энергичные меры, чтобы предупредить забастовку, главным образом, запугивает, настроение очень бодрое. На Курско-Нижегородской жел. дор. 3 кондукторских бригады отказались ехать, заявив, что объявлено бастовать. Не встретив поддержки, 2 бригады поехали, а 3-я была заменена. Общая забастовка не состоялась в силу нерешительности. Сегодня (4-го) стали с утра Казанские мастерские. Прекратили работу литейщики, возмущенные кражей мастером половины штрафа. Но останавливать другие цехи не решались, не расчитывая на сочувствие. Брожение в мастерских усиливается, но пока еще не вылилось в стачечное движение. На Ярославских мастерских с утра делегаты начали усиленную агитацию против забастовки, предлагают подождать ответа администрации, при чем депутаты предъявили требования рабочих в искаженном виде, вычеркнув многое из них (вычеркнуты требования общего характера). Агитация депутатов внесла дезорганизацию в ряды рабочих.

Городской район. 3-го окт. Сегодня рабочие мебельных мастерских Фельске получили расчет. На фабрике Шмидт состоялся в 8 ч. утра митинг; решили продолжать забастовку. В 9 часов Шмидт призвал депутатов. Переговоры неизвестны. Утром состоялось собрание на мебельной фабрике Левиссон. Решили продолжать забастовку. На втором собрании в 12 часов выступил сам Левиссон. Через заведующего мастерскими Фельске известно, что хозяева решили не сдаваться. Шмидт должен был удалиться из заседания, потому что на него напали остальные хозяева-фабриканты. На фабрике Гофман переговоры идут. Получка не выдана. Рабочие же требуют выдачи получки и за дни забастовки. Гофман не хотел выдать, опираясь на то, что рабочие сами примкнули к забастовке. Рабочие указали на принуждение со стороны других товарищей, которые в противном случае могли выбить окна фабрики. «Ну, вы обо мне не заботьтесь, я поставлю городового, мало,—двух»,—отвечал фабрикант, посмеиваясь. Забастовщики напомнили своему хозяину о случае у Карла Зибрехта. Там был целый отряд городовых,—да и тот не устоял против натиска толпы. Но и это известие не проняло купца: «Вы берегите себя, обо мне же не заботьтесь». 2-го октября состоялось делегатское собрание служащих городских предприятий. Обсуждался вопрос о забастовке. Резолюция вынесена такая: «В виду того, что управа до сих пор не предприняла чего-либо для улучшения положения рабочих городских предприятий и на те требования, которые были предъявлены, не дала никакого положительного ответа, обещая все только рассмотреть, мы решили не верить никаким обещаниям, а готовиться ко всеобщей забастовке рабочих городских предприятий». Делегатское собрание было очень малочисленное, так как управа не изволила оповестить всех. 3-го окт. после продолжительной забастовки в Миусском парке было собрание, на котором постановили: «В виду того, что управа категорически заявила, что до тех пор не будут удовлетворены никакие требования, пока рабочие не станут на работу, рабочие Миусского парка решили поэтому заключить перемирие с управой». Но все-таки, не доверяясь вполне обещаниям, собрание решило в продолжение этого перемирия сорганизоваться и готовиться к забастовке городских предприятий, так как забастовка Миусского парка показала, что единичные забастовки ни к чему не ведут. С этой целью по возможности надо стараться повести самую широкую агитацию по всем городским предприятиям. После собрания приступили к работе. Со стороны знаменитого зубатовца и корреспондента «Русского Листка» Слепова было поползновение проникнуть к рабочим Миусского парка и разузнать руководителей забастовки. Но пришлось потерпеть фиаско. Местом наблюдения им был выбран трактир рядом с Миусским парком. Об этом узнали рабочие, вывели его и поколотили; во время избиения он кричал: «Я также защищаю интересы рабочих, я также «партийный» работник», но несмотря на это, его поколотили, и он удрал. Во время забастовки в Миусском парке кондуктора не принимали участия, они только в конце стачки примкнули к слесарям и просили удовлетворить их требования.

4-го октября на мебельной мастерской Шмидт с утра приступили к работам. Прежде чем начать работу, рабочие решили отчислить полдневный заработок в пользу стачечников. Сегодня принимается за работу и мебельная мастерская Балакирева. Денег в пользу стачечников уже собрано 159 р.

Рогожский район. 5 окт. Сегодня забастовал завод Талкенталя (700 чел.). Забастовка экономическая.

Постановления Совета депутатов московских типо-литографск. рабочих от 28 сентября: 1) Совет депутатов попрежнему считает общее собрание лучшим средством для выработки способов мирной борьбы за улучшение своего труда. Но так как общее собрание невозможно без кровопролития, потому что полиция, защищая интересы капиталистов, не останавливается перед применением военной силы к мирным собраниям, как это было в последние дни, то поэтому Совет депутатов, выражая свое негодование против подобного образа действий, считает себя вынужденным подчиниться пока насилию и отказаться от общего собрания. 2) Обсуждение вопросов, связанных с проведением стачки, должно быть перенесено крупными типографиями на отдельные собрания по своим дворам, мелкими—на совместные собрания в помещении, которое должно дать городское управление. Общее руководство стачкой должен взять на себя Совет депутатов. 3) Необходимо, чтобы отдельные типографии имели в Совете депутатов правильное представительство. Каждая типография должна посылать в Совет депутатов по одному представителю, непременно выбранному, на каждые 20 человек; типографии, где меньше 20 человек, имеют каждая по одному представителю. 4) Совет депутатов выбирает из своей среды нескольких лиц, которым поручается: а) ведение переговоров с объединенными хозяевами с целью установить во всех типографиях единообразные условия труда на основе требований, принятых Советом депутатов 25—26 сент.; б) назначение собрания Совета депутатов и переговоры с городским управлением о помещении для него; в) установление порядка заседаний Совета депутатов; г) заведывание деньгами, поступившими на поддержку стачки. 5) Все решения постановляются только Советом депутатов; в случае желания какой-либо типографии стать на работу, она обязана сообщить, какие причины заставляют ее это сделать. При недостатке средств Совет депутатов постарается оказать ей поддержку; при достаточно важных причинах Совет депутатов может разрешить стать на работу. Если же Совет депутатов на работу становиться не разрешит, типография должна беспрекословно подчиниться постановлению Совета. 6) Тем товарищам, где забастовка не начиналась, и тем, которые захотят стать на работу снова, Совет депутатов сообщает, что если они не присоединятся к стачке и не будут подчиняться Совету депутатов, они не будут считаться товарищами, будут подвергаться полному презрению и бойкоту; депутаты будут требовать, чтобы они увольнялись из типографий и никуда не принимались вновь. Если этого мирного заявления окажется недостаточно, Совет депутатов не остановится перед тем, чтобы призвать всех выгонять из таких типографий силой. 7) Хозяева тех типографий, которые принимают все усилия, чтобы вести работу, при помощи учеников, хитровцев и проч., предупреждаются, что к ним будет применен бойкот, и Совет депутатов предложит не работать в их типографиях.

Саратов. 26 сентября началась забастовка в одной из типографий (Яковлева), где владелец, вопреки условию, завоеванному предыдущей забастовкой, потребовал от типографщиков работать в день Ивана Богослова. На следующий день забастовка распространилась на другие типографии, и в настоящее время (утром 30 сент.) не работает ни одна типография. Вчера было предварительное собрание делегатов рабочих от всех типографий, при участии членов нашей организации, и на этом собрании выработан целый ряд экономических требований. Сегодня в 10 час. утра назначено общее собрание типографских рабочих, разрешенное администрацией под условием недопущения «посторонней» публики. Но посторонняя публика,—и в числе ее наши ораторы,—конечно, будут. По имеющимся у организации сведениям (еще не проверенным), стачечное настроение начинает охватывать и рабочих механических заво-

дов. С забастовкой типографии комитет справится. О дальнейшем ходе собраний сообщим немедленно.

Курск. В субботу 20 августа администрация типографии Губернского Правления ни за что, ни про что уволила одного наборщика. На требование объяснить причину этого увольнения заведующий типографии ответил отказом. Тогда рабочие, возмущенные наглым поступком администрации, в тот же день забастовали, бросив работу на час ранее обыкновенного. Это насилие над их товарищем истощило терпение рабочих. Еще в феврале они пытались посредством стачки улучшить свое положение. Попытка не имела успеха благодаря недостатку организации. Они должны были начать работу почти на прежних условиях, но они не могли примириться с полуголодною жизнью, дурными условиями труда, с унижениями. И терпению их пришел конец. Рабочие типографии объявили стачку в защиту прав уволенного товарища. Февральская неудача не сломила их энергии и многому их научила. Они поняли, что в борьбе с предпринимателями рабочие будут побеждать только тогда, когда будут действовать дружно и организованно, и они смело снова выступили на борьбу.

Требования были предъявлены следующие: 1) страхование рабочих на случай потери трудоспособности за счет типографии; 2) повышение заработной платы ученикам; 3) обязательные полумесячные отпуска с сохранением жалованья; 4) третейский суд для разбора возникших недоразумений, составленный поровну из представителей рабочих и предпринимателей.

Владимирская Окружная Группа. За время с 20 авг. по 27 сент. окружный организатор (он же и агитатор) посетил 3 раза г. Ковров, 2 раза г. Муром, 1 раз Гусь (фабр. поселок Меленков. у.) и 1 раз г. Суздаль. В каждый отдельный приезд организатор оставался на месте не более 7 дней и не менее 2-х.

Работа в районе обстоит в таком виде:

Г. Ковров. Здесь существует группа Р. С.-Д. Р. П. Возникла Ковровская Группа в начале 1905 года; своим образованием группа обязана, главным образом, местным соц.-демократам. Группа проявляла себя: в издании листков, пропаганде в рабочих кружках, организации рабочей кассы для нужд группы, составлении библиотеки из легальных книг, а с конца апреля и в устройстве массовок. До августа Ковровская Группа поддерживала связи с Владимирской организацией Р. С.-Д. Р. П., возникшей немного ранее Ковровской; в первых же числах августа она решила присоединиться к Моск. группе меньшинства, мотивируя это решение тем, что Владимирская организация ничем не помогает местной группе. Когда же в половине августа в Ковров прибыл окружной организатор от организующегося Окружного Владимирского центра и сообщил о наличных условиях, дающих полную возможность сорганизовать работоспособный Влад. Окр. центр, сообщил тип и план организации, то Ковровская Группа изменила свое решение и постановила присоединиться к организующемуся Вл. Окр. центру, после чего группа и допустила окружного организатора к местной работе, так и к ознакомлению с ней. При первом же своем посещении окружной организатор выступил оратором на двух массовках. На первой тема была «Государственная Дума, бойкот ее» (присутствовало 60—70 рабочих); на второй—тема «Политическ. партии в совр. России и их роль в политическом освободительном движении» (присутств. 70—80 чел.). Во время второго посещения окр. организ. участвовал на заседании Ковр. Группы, был на организат. собрании рабочих и говорил на массовке; было человек 200; тема—«Милитаризм». В третий приезд окружного организатора в Ковров были устроены 2 массовки в городе: одна из рабочих Триумовской фабрики; было более 100 рабочих (могла быть только одна смена); тема—«Что такое соц.-демократы, и чего они хотят»; другая массовка из рабочих жел.-дор. мастерских (так предполагалось, но пришли и триумовцы), было около 300 человек, тема—«Характеристика революционных течений в России с 60-х годов». В третий же приезд окружный организатор ходил из Коврова «в народ», в деревню. Говорил на сходах двух деревень. Особенно удачно вышло в одной деревне. Слушала буквально вся деревня, не исключая и детей. Крестьяне закидывали вопросами и репликами... Пришлось говорить чуть не обо всем: и о демокр. республике, и о крестьянск. революц. комитетах, и о косвенных налогах, и о рабочем движении. Но в общем речь была более или менее выдержана; все как бы говорилось к тому, чтобы крестьяне сделали вывод о необходимости вооруженного восстания. В конце был поднят вопрос о Государственной Думе. Когда речь агитатора кончилась призывом бойкотировать Государственную Думу, то все порешили: «Знамо, не выбирать»... Уходящему агитатору (было уже поздно, часов 10, а речь началась около 7 часов) крестьяне кричали: «Господин хороший, а иные—товарищ, приходи, пожалуйста, еще». В другой деревне вышло не так удачно. Был праздник, и на день многие крестьяне уехали из деревни. Сход же был назначен на 12 часов. Присутствовало на сходе крестьян 15-ть. Говорилось приблизительно то же, что и в первой деревне.

Ковровская группа Р. С.-Д. Р. П. состоит из 4-х членов (3 инт. и 1 рабочий); организаторское собрание рабочих из 7, в рабочую кассу вносят регулярно около 50 организованных рабочих; библиотека из легальных книг заключает около 200 экземпляров. Пропагандистские занятия велись в 3-х кружках (1 женский) 2-мя пропагандистами, нелегальной литературы и листков за отчетный месяц в Ковровской группе было получено от Влад. Окр. центра фунтов 15. За тот же месяц внесено в кассу Владимирского Окружного центра от Ковр. группы 20 руб.

Муром. Здесь так же, как и в Коврове, существует местная группа Р. С.-Д. Р. П. Муромская группа образовалась в начале лета нынешнего года, и с этого времени ведется сколько-нибудь правильная и заметная с.-д. работа. До нынешнего года были отдельные с.-д-ты, которые заводили связи, занимались пропагандой в 1—2 кружках рабочих; иногда рабочие кружки разбрасывали прокламации. Но происходил провал, и работа останавливалась. С нынешнего лета работа начала пускать корни... Первого мая 1905 г. в первый раз праздновали в Муроме первомайский праздник. На маевке было человек 40 рабочих. В течение мая и июня велась правильная пропаганда в 3—4 кружках; выпускались на гектографе листки. 6-го июля группа выпустила листок, приглашающий рабочих почтить память рабочих, убитых 9-го января. 10-го июля была устроена массовка. Благодаря вмешательству полиции эта массовка превратилась в вооруженную демонстрацию. Толпа, человек в 200, прорвалась в город, при чем при столкновении с полицией был взят в плен демонстрантами помощник исправника, и с революционными песнями дошла по главной улице до городской думы. После демонстрации, вернее, после арестов, деятельность группы немного затихла. Но с августа работа начала опять оживать. В 20-х числах августа прибыл в Муром владимирский окружный организатор с предложением Муромской группе присоединиться к Владимирскому Окружному центру. Муромская группа постановила присоединиться. До этого предложения Муромская группа пользовалась помощью и услугами Нижегородского Комитета Р. С.-Д. Р. П. В первый свой приезд окр. вл. организатор был на заседании группы, на котором шла речь о более целесообразной организации местной работы; а затем во время этого посещения организатор старался ознакомиться вообще с положением дела. Во второй приезд окружн. организатор был на организаторском собрании и выступал на 2 массовках. Первая состояла человек из 50-ти; тема—«Чего хотят соц.-демократы»; вторая—человек 30; тема—«О Государственной Думе». Массовки были малолюдны по случаю дождя; они, конечно, происходили под открытым небом. Муромская группа состоит из 5 членов; организаторское собрание из 4-х перед. рабочих. Организация Муромская имеет довольно хорошую библиотеку из легальных книг. За последнее время организовалась и организуется рабочая касса. Литературы за отчетный месяц получено фунтов 12—15. Муромск. группа внесла в это же время в кассу Влад. Окр. центра 25 руб. Необходимо указать, что у Муромской группы имеются очень богатые связи с деревнями своего уезда, а также с городом Меленки, фабричным посадом Выксой и горным заводом Кулебаки. В Меленках, Выксе и Кулебаках не только можно устраивать массовки, но, повидимому, имеется почва для создания там более или менее правильной и прочной организации, т.-е. групп или же фабричн. комитетов.

Гусь (фабрика Нечаева-Мальцева, около 5.000 раб.). Здесь возникла рабочая с.-д. организация поистине путем самопроизвольного зарождения. Все время рабочие только и ждали, чтобы присоединиться к какому-нибудь центру. В первый же день приезда окружн. организатор беседовал с кружком передовых рабочих (7 чел.). Решено было сорганизовать с.-демокр. группу в 3—4 человека из более передовых местных рабочих, и организаторское собрание (рабоч. комитет) из представителей цехов, составить библиотеку из легальных книг и организовать кассу. На другой день приезда окруж. организатор выступал на массовке; было челов. 30—40 (из самых надежных). Говорилось на темы: «Ближайшая задача рабочего класса», «Государственная Дума». Потом на следующий день была устроена летучка в 15 чел., тема: «Полит. партии в совр. России». Вскоре после своего отъезда из Гуся окр. организатор получил 10 руб. для покупки легальных книг для гусевской организации.

Суздаль. Несколько отдельных, необъединенных в организации, местных с.-демократов за последний год старались заводить связи с крестьянами и учителями, получать из разных мест с. с.[6]) литературу и распространять ее. В сентябре суздальские товарищи заявили, что желают связаться с Окр. Влад. центром и так или иначе сорганизоваться. При посещении Суздаля в 20-х числах окружным организатором там организовалась группа Р. С.-Д. Р. П. Во время этого же посещения окружн. организатор выступал на собрании учителей (было человек 20) с речью о бойкоте Государственной Думы.

Херсон. (Печатаем письмо тов. рабочего Ровнера, арестованного в 1903 г. и привлекавшегося вместе с т. Гаузнером по делу типографии Николаевского Комитета. Дело рассматривалось 9-го сентября Одесской судебной палатой в Херсоне. Ред.).

...Опишу, как я держался на суде.

Защитников у нас не было. Мы решили совершенно бойкотировать суд и требовать, чтобы нас вывели из залы. Когда нас ввели в суд, все члены уже сидели, так что вставать перед ними не пришлось. Нас посадили на скамью подсудимых. Я сейчас же заявил, что принимать участия в разбирательстве дела не буду, и потребовал, чтобы меня вывели. Все это я говорил сидя. Председатель потребовал, чтобы я встал. Я отказался. Конвойные пытались меня поднять, но им это не удалось, и председатель велел оставить меня в покое. Затем он заявил, что вывести нас не могут, а могут отложить дело. Я молчал. Потом председатель спросил, не желаем ли мы назвать свои имена, так как он даже не знает, кто из нас Ровнер и кто Гаузнер. Но встретив с нашей стороны молчание, он добавил, что «это ему все равно».

Объявили суд открытым и начали читать обв. акт; позвали свидетелей. Явилось 6 околодочных и 1 городовой. Я записывал показания свидетелей. Особенно характерны показания городового: «У нас в Николаеве в 1902 г. очень много было прокламаций, я их часто находил»...

Председатель: «А какие были прокламации, писаные или печатные?». Городовой: «Писаные, все хорошо писаные». Пр. показывает одну из печатных прокламаций и спрашивает: «Не узнаете ли, эти прокламации были разбросаны?». Г.: «Да, вот эти самые». П.: «А почему, именно, вы их находили?». Г.: «По поручению». П.: «Вы говорите, что прокламации были распространены в 1902 г., а эти были напечатаны в 1903 г.,—как же вы их находили?». Г.: «Так точно, находил».

После этого председатель обратился шопотом к остальным членам суда, потом спросил нас, не имеем ли мы, что-нибудь возразить свидетелям. Тогда я не мог удержаться и крикнул: «Вам не удастся вовлечь нас принять участие в этой комедии! Я требую удаления из залы суда!». Судьи долго шептались, наконец, решили допросить остальных свидетелей.

Показания их были так смешны, что я расхохотался. Так, напр., один околоточный сказал, что у меня на квартире взяли фотографическую карточку, из которой вынули несколько брошюр и прокламаций «жгучего» содержания. Даже сами судьи усмехнулись при этом. Но никто свидетелям не возражал ни слова: повидимому, решили «так и записать».

После допроса свидетелей должен был говорить прокурор. Он начал что-то мямлить, что не может сказать и не может знать (а что именно,—никто не понял), и кончил тем, что поддерживает обвинение по 126 статье. Слово осталось за нами. Я просто ликовал, и—скажу по правде—нельзя было не радоваться, видя растерянность этих «грозных судей». И как мне ни хотелось молчать до конца, но удержаться не мог. Я, как-то не помня себя, вскочил и сказал следующее:

«Я—член Р. С.-Д. Р. П.; меня обвиняют в принадлежности к тайному обществу, поставившему себе целью свержение самодержавного правительства. Но, кто меня судит? Вы, чиновники, служащие на жалованье у того же самодержавного правительства? Вы, которые заинтересованы в том, чтобы как можно дольше продолжить существование этого самого правительства? Или сословные представители? Но кто же эти сословные представители? Это—представители класса буржуазии, против которого рабочий класс также борется и еще больше будет бороться, когда свергнет самодержавие. Кроме того, буржуазных представителей этих никто не выбирал (даже сама буржуазия), их назначили опять-таки чиновники самодержавного правительства. Можно ли это назвать судом? Нет, это не суд, это глумление! Глумление над элементарными правилами правосудия. Вот почему я отказался отвечать на вопросы, не желая участвовать в этой комедии. Я требую гласного суда с присяжными заседателями, свободно выбранными народом!».

Вот все, что я сказал.

Когда я начал говорить, все члены ужасно побледнели. Председатель начал кричать: «Конвой, стань ближе к арестантам!». Но меня он не останавливал. Я был возбужден, говорил очень громко и отчетливо и как-то ни разу не заикнулся, хотя, говорю по правде, я к этому не готовился по той причине, что думал молчать все время. На конвойных это произвело громадное впечатление, судя по тому, как они сияли: потому ли, что они действительно меня поняли, или потому, что, как они потом говорили: «Здорово вы их отхлестали!».

После меня т. Гаузнер заявил, что он вполне солидарен со мной...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Из Франции.

Рабочие союзы и антимилитаризм[7]). Лионский «социалист» Оганьер, [ныне] мадагаскарский наместник, [не так давно] решил, что самое удобное жилище для шпионов—биржа труда, а самая подходящая для рабочих союзов обитель—улица. В этом смысле он и действовал: рабочие организации были изгнаны из биржи труда, а биржа труда была заселена людом, более приятным для сердца буржуазии. Провинциальный мэр повел свою кампанию по суворовской тактике: быстрота, натиск, глазомер. [Лавры Оганьера не давали спать шефу столичной полиции Лепину, и он давно искал случая закрыть парижскую биржу труда. Но ему пришлось считаться с «шестой державой»—печатью, итти обходами, искать предлогов.]

Нет сомнения, что русско-японская война, призрак возможных европейских осложнений, все еще угрожающее вооруженное столкновение между Францией и Германией вызвали во Франции особенное усиление антимилитаристской агитации. Расстреливание же рабочих в Лиможе и в Лонгви еще более обострило ее.

Если еще недавно французские антимилитаристы указывали, главным образом, в своей агитации на то, что армия служит не для борьбы с внутренними врагами, а для борьбы лишь с внешними, то теперь содержание

этой агитации значительно расширилось. Девизом стало: ни внутренних, ни внешних врагов. Густав Эрвэ, принимая желательное за возможное, заявил: отечеств нет, а следовательно, всякая война может быть только междоусобной, гражданской войной, а в этой гражданской войне могут быть только два лагеря. Нет ни немцев, ни французов, ни русских, ни англичан, ни турок, ни греков, а везде и повсюду—буржуазия и пролетариат. Для социалиста, для революционера возможна, допустима и желательна лишь одна война [угнетенных] с угне[тателями], эксплоатиру[емых] с эксплоат[аторами]. Отсюда Эрвэ делает вывод, к которому давно уже пришел голландский анархист Дамэла Ньювенгайс, и к которому отнеслись отрицательно международные социалистические конгрессы—это забастовка солдат в случае войны, коллективный отказ итти на бойню ради защиты буржуазного отечества. Идеи эти, попав на почву, подготовленную все более и более обостряющимися классовыми противоречиями, находят себе во Франции немало сторонников. Антимилитаристские группы объединяют социалистов и анархистов. Специально антимилитаристские органы «le Conscrit» (рекрут) и «Pioupieu» (солдатик) читаются нарасхват. «Международная антимилитаристская ассоциация» имеет во Франции немало примыкающих к ней обществ, большинство членов которых составляют рабочие. Вожаки профессиональных организаций являются в то же время главарями антимиталиристского движения. Вот уже несколько лет, как всегда накануне наборов центральный орган Всеобщей Конфедерации Труда «Голос Народа» выпускает специальный номер, посвященный исключительно пропаганде среди рекрутов. Так мало-по-малу выясняется молодежи истинное значение постоянной армии, разоблачаются перед ней те узкие материальные интересы, ради защиты которых их заставляют стрелять в своих братьев или проливать свою кровь на полях битвы. Мужественная и энергичная пропаганда рабочих организаций против современного милитаризма начала приносить свои плоды. В самой армии образуются две армии: одна, еще слепо повинующаяся варварской дисциплине, готовая на самые ужасные и кровавые жестокости; другая, уже проника[ющаяся] сознанием классовых противоречий, сочувствием пролетарским требованиям, более гуманным и разумным отношением к народу.

«Мы видели уже,—пишет «Голос Народа»,—как в Лиможе эта армия отказывалась итти против рабочих и была смещена. Мы видели, как в Лонгви она устраивала овации стачечникам и приводила в [ужас] и трепет буржуев, распевая «Карманьолку»[8]) и «Интернационал». В Лонгви солдаты отказывались приниматься за работу, покинутую стачечниками, собирали деньги в пользу «коммунистических столовых», дезертировали, оставляя в лагере свои штыки, к которым прицеплены были записки со словами: «Мы предпочитаем дезертировать, чем становиться убийцами своих собратьев по нищете». Такое настроение передается от солдат к [их начальникам]. Один офицер, получивший приказ выступить против стачечников, обратился к своим солдатам со следующей речью: «Вас послали сюда, чтобы научиться защищать отечество, а теперь вас посылают против стачечников... Вас посылают против людей, которые защищают свои права; я приглашаю вас не причинять им зла, даже если б вы были провоцированы или ранены. Мы не имеем права осуждать их, потому что часто отчаяние служит их оправданьем; будьте же спокойны по отношению к ним! Всякий человек, который защищает свое право, должен быть священен для нас».

Да, нечто изменилось во Франции, и, чем больше дух протеста проникает во все слои общества, чем больше уходит почва из-под ног буржуазии, тем бессмысленнее, тем циничнее становятся репрессалии, к которым прибегает государство. Конфедерация Труда расклеивает в Париже воззвание, призыва[ющее] рекрутов скорее стрелять в офицеров, которые ведут их на братоубийственную войну, чем в стачечников, которые борются за счастье народа. Какой блестящий случай для репрессалии это антипатриотическое [воззвание]! Организованные [пролетарии] призывают рабочих, насильно одетых в военную форму, не стрелять в других рабочих, требующих некоторых материальных улучшений. [Выступать с такими призывами], это значит заниматься политикой, а, [между тем], закон 1884 года запретил профессиональным организациям заниматься политикой. Следовательно, Конфедерация Труда нарушила закон; следовательно, она подлежит наказанию и без суда и следствия изгоняется из биржи труда, а некоторые из ее вожаков даже арестовываются. Биржа труда очищается. Единственный истинно-народный дом в Париже становится отделением полиции: Конфедерации Труда придется искать другую обитель. Это в[едет] к новым [для нее] расход[ам], но там, по крайней мере, она будет у себя на свободе, вне зависимости от всякого административного вмешательства и полицейского гнета. Еще лишний раз рабочий класс убедился, что ему нечего ждать от буржуазии, какой бы демократической кличкой она ни прикрывала свои классовые интересы, что в великой борьбе за освобождение ему надо рассчитывать только на свои, на пролетарские силы.

Стачка на берлинских электрических заводах.

Целый месяц продолжалась упорная борьба наших берлинских товарищей с владельцем электрических заводов. Стойко держались рабочие, не уступали ни пяди. Но железная лапа организованного капитала оказалась сильнее мозолистых рук труда. И наши товарищи принуждены были, наконец, признать битву проигранной и стали на работу, согласившись на ничтожные уступки заводчиков.

Это был тяжелый урок для берлинского пролетариата, но урок ценный. Горьким опытом убедились берлинские рабочие, что им нечего ждать ни от буржуазного правительства, ни от либеральной печати, ни от сытых радикальных «интеллигентов». Куда девались громкие слова о «внепартийности властей», сантиментальные фразы о любви к ближнему и прочие побрякушки? Никогда еще правительство так откровенно не показывало своей классовой буржуазной подоплеки, никогда еще так бесцеремонно не заявляло, что его инте-

ресы и интересы капитала—одно и то же, как в этой стачке. И никогда еще промышленная буржуазия не вызывала такой острой ненависти пролетариата и не обнаруживала своего желания раздавить те массы рабочих, руками которых создаются богатства страны, как на этот раз.

Стачка началась из-за пустяков. Несколько сот рабочих потребовали увеличения заработной платы на 5 пфеннигов в час и на пятнадцать процентов для работающих сдельно. Вместо того, чтобы удовлетворить это скромное требование или, во всяком случае, войти в переговоры со стачечниками, соединенные фирмы крупнейших электрических заводов Германии,—Сименс и Гальске, Сименс и Шуккерт и «Всеобщее Берлинское электрическое общество», пустили в ход в высшей степени возмутительное средство: они потребовали, чтобы остальные 20 тыс. занятых на их заводах рабочих заставили забастовщиков стать на работу, угрожая в противном случае выбросить на улицу все 20 тысяч с женами и детьми. Привыкшая к изменам и предательству буржуазия захотела поймать на эту удочку и пролетариат. Но эксплоататоры ошиблись: они забыли, что имеют дело с могучею силою организованного пролетариата, первым и самым элементарным лозунгом которого является: все за одного и один за всех. Такими словами и заканчивалась прокламация стачечного комитета, выпущенная на завтра после заявления заводчиков. Собрание из 20 тыс. рабочих, которым пригрозили выбросить их на мостовую, единодушно решило поддержать своих товарищей. Заводчики привели свою угрозу в исполнение. Ответом на это явилась солидарная стачка кочегаров и машинистов центральных электрических станций. А заводчики, недолго думая, выбросили на улицу еще 20 тыс. человек. Этого мало. Либеральная буржуазия, которая, опасаясь грозной организации пролетариата, лицемерно провозглашает, якобы, моральный принцип свободы договорных отношений между капиталом и трудом,—эта буржуазия не церемонилась составить против борющихся за кусок хлеба рабочих комитет, мобилизовав все свои наличные силы. Ни с того, ни с сего, без всякого повода металлические заводчики заявили своим рабочим, что они все—20 тысяч человек—будут выброшены на улицу, если электрические рабочие не прекратят стачки!! Одним словом, перетрусившая буржуазия решила действовать во-всю: запугать, задавить рабочих и прорвать их ряды, произвести среди них смуту, сломить их стойкую организацию.

А рабочие, сознавая опасность, еще крепче держались и еще решительней настаивали на своих требованиях. Английские товарищи уведомили берлинских стачечников, что если те пожелают, то они согласны во имя солидарности начать стачку на английских заводах Сименса. Рабочие из Ламницы сообщили, что из их города никто не явится штрейкбрехером. Каменщики, строящие новый оперный театр в Берлине, бросили работу, как только на место забастовавших на постройке электрических рабочих явились другие. Трамвайное движение, если и не совсем приостановилось, то было во многих местах нарушено. Несколько часов город оставался без света...

«Общество» всполошилось. Буржуазная пресса оскалила зубы и обрушилась на стачечников. Она и не подумала, конечно, обвинить миллионеров-заводчиков, которые, владея основным капиталом в 80, 50 и 30 миллионов, выдавая своим акционерам колоссальные дивиденды в 8, 9 и 12 процентов, платя директорам жалованья по 800 тыс. марок в год, не находят возможным прибавить 500 рабочих по 50 пфенн. в день и выбрасывают на мостовую 60 тыс. человек. Заводчики обороняются!—вопиет продажная пресса. Социал-демократия во всем виновата. Она сбивает с толку рабочих, заставляет их голодать, чтобы только проводить свои демагогические тенденции. Они, либералы,—истинные друзья рабочих, что и не замедлили показать, оклеветавши стачечников облыжным заявлением, что они избивают штрейкбрехеров, поджигают мастерские и т. д. Все это оказалось гнусною ложью. Та же либеральная пресса, которая когда-то лицемерно защищала рурских рудокопов, теперь забрасывала грязью и травила берлинских стачечников, потому что на этот раз дело шло о берлинских капиталистах, у которых вся эта изолгавшаяся печать находится на содержании. Либерализм не замедлил показать свою истинную природу, как только дело коснулось его шкуры, его патронов и покровителей.

Такой же изменницей делу рабочей массы оказалась и интеллигенция. Инженеры, техники, конторщики и пр. выступили в позорной роли конкурентов рабочих. Они-то и явились главными и почти единственными штрейкбрехерами. Засучив рукава своих голландских рубашек, одев поверх высоких воротничков синие блузы, эти господа стали у печей и станков,—за приличную мзду, разумеется, ибо заводчики не скупились поощрять штрейкбрехеров бешеной поденной платой в 10 мар. И будьте уверены: наши либералы, к.-д. не преминут так же предать интересы рабочего класса, как это делают их немецкие коллеги.

Мы можем наблюдать в этой стачке и собратьев наших либеральничающих земцев и думцев. Вот она, берлинская дума, состоящая наполовину из свободомыслящих и либералов. И эти либералы поспешили заявить о своей солидарности с «обороняющимся» капиталом. На помощь штрейкбрехерам из инженеров она выслала пожарных. Пожарная команда находится здесь в ведении города. Они получают нищенское жалованье, работают, как волы. И вот в страхе, как бы «общество» не осталось без освещения и без трамваев, либеральный муниципалитет поднимает ночью с постелей измученных за день тяжелой работой пожарных, не обращая никакого внимания на их протесты и заявления о нежелании итти против товарищей, посылает их под угрозой отставления от должности, на службу к брату-капиталу. Гласный думы социал-демократ Аронс протестует против такого позорного поступка городского управления, но его протест остается без внимания. Предложение Аронса, чтобы город ассигновал 500 тыс. мар. в пользу семейств выброшенных на улицу рабочих, отклоняется подавляющим большинством. Не думайте, что у города нет денег: дума только-что ассигновала громадную сумму на свадебный подарок кронпринцу и собирается теперь сделать такой же подарок Вильгельму II по случаю серебряной свадьбы.

А между тем, в берлинской стачке этот именно Вильгельм II, его правительство, его агенты и приспешники громко заявили себя самыми злейшими врагами трудя-

щихся масс и достойными собратьями Николая Романова, Трепова, Витте и прочих негодяев. В этой стачке правительство без малейшего стеснения записалось на службу к немногочисленной кучке народных грабителей. Оно отрядило все свои силы на подмогу промышленникам и на беззаконную, грубо эгоистическую борьбу последних с рабочими. Полиция взяла под свое покровительство штрейкбрехеров. Толстые шуцманы (городовые) были поставлены у заводских ворот, чтобы не давать проникнуть туда «агитаторам» и оградить работающих от воздействия бастующих товарищей. Несчастных штрейкбрехеров держали под замком и не выпускали их на улицу, потому что заводчики знали, что у работающих не погасло вполне чувство солидарности, и они не устоят против упреков товарищей. Так вот в эту импровизованную тюрьму полицейские приносили штрейкбрехерам обед, привозили им на ночь постели, сопровождали их, когда они выходили. Одним словом, из «блюстителей порядка» и слуг народа правительственные агенты превратились в лакеев капиталистов. Правительство не решилось нарушить основной закон о свободе собраний. Рабочие собирались ежедневно на многочисленные митинги, но полиция все время провоцировала мирных стачечников на насильственные действия, чтобы устроить затем кровавую бойню. На собрания являлись шпионы, полицейские комиссары, которые немедленно давали знать заводчикам о решениях рабочих. Конные жандармы и полицейские были спрятаны на дворах заводов, чтобы при первом случае броситься на безоружных рабочих и избить их. В казармах стояли наготове солдаты. Инженерные войска были предназначены для замены забастовщиков-рабочих. Все это страшно озлобляло, а полиция на это и рассчитывала. И только благодаря уменью и такту руководителей стачки, сознательности и выдержанности рабочих и их организованности и партийной дисциплине удалось избежать кровопролития, и стачка протекла мирно.

Опираясь на такую могучую силу, как готовые к услугам войско и полиция, заводчики и не думали уступать. Они отвергли предложение рабочих о третейском суде и стояли на своем: либо становись на работу и тяни прежнюю тяжелую лямку, либо на улицу будут выброшены еще десятки тысяч рабочих с женами и детьми.

Рабочие уступили. Они проиграли битву, но они не побеждены. Благодаря измене либеральной буржуазии, благодаря лакейским услугам реакционного правительства, наши берлинские товарищи оказались не в состоянии отстоять свое правое дело. Они не вышли из борьбы победителями, но они себя не опозорили и не ослабили. Напротив, эта стачка показала еще раз всю силу и значение организованности и солидарности пролетариата. В этой борьбе ряды его не только не поредели, но, наоборот, еще окрепли. К нему примкнули многие неорганизованные рабочие, сознав необходимость упорной классовой борьбы и роль ее в их будущем освобождении. В таких сражениях пролетариат закаляется, мобилизует свои силы, крепнет и созревает для новой борьбы. Перед нашими товарищами встают великие задачи. Надвигаются великие и, может-быть, кровавые события. И наши товарищи сумеют встретить эти события и выйти на поле брани с новыми и свежими силами стройными и сомкнутыми рядами. На этот раз победил союз капитала и насилия, но близок день, когда победа останется на стороне организованности и классовой солидарности пролетариата.

Сашин.

ИЗ ПАРТИИ.

Задачи реорганизации нашей партии. (Заметка). Манифест 17-го октября, паралич правительственной власти по всей России, полная капитуляция царизма перед финляндской революцией, и затем последняя, отчаянная борьба за сохранение и упрочение всех революционных свобод,—все это выдвигает перед нашей партией неотложную задачу новой организационной постановки дела. Надо немедленно принять все меры к тому, чтобы партия на другой день после завоевания свободы союзов, печати и т. д. выступила, как открытая партия. Не нам, конечно, давать отсюда из-за границы какие-либо практические указания. Мы намерены лишь выдвинуть вопрос о том направлении, в котором должна итти наша организационная работа при новых условиях. Параграф 1-ый устава нашей партии (членами партии считаются члены организаций, входящих в партию) приобретает громадное практическое значение. Образование рабочими всевозможных организаций, входящих в Р. С.-Д. Р. П., должно быть начато как можно скорее. Далее, необходим переход к последовательному применению выборного начала во всех партийных организациях. Для окончательного установления Р. С.-Д. Р. П. на новых началах надо будет ускорить созыв в России IV съезда партии и начать готовить его таким образом, чтобы на-ряду с делегатами комитетов партии и на равных правах с этими делегатами представлены были делегаты всех организаций, входящих в партию, считая по одному делегату на определенное число (скажем, сто или двести) членов партийной организации.

Перед нами открывается теперь в самом близком, вероятно, будущем, новое и обширнейшее поле работы. Укрепить партию, оживить и обновить ее, пропитать рабочий класс духом строгой партийности, выступить со всей энергией против буржуазно-демократических, «беспартийных» стремлений,—такова одна из настоятельнейших задач момента. Организовать революцию именно теперь становится задачей особенно важной, и чем ближе будем мы к победе, тем важнее эта задача. Овладеть властью в революционное время не так трудно, но удержать в своих руках власть и использовать ее—очень трудно. И только организация, включающая всех передовых рабочих, стоящих сознательно на точке зрения с.-д., всех, примыкающих к ней, может служить опорой для победоносной пролетарской революции.

От ред. Вполне разделяя общую точку зрения автора на направление предстоящей реорганизации партии, мы думаем, тем не менее, что без новой решительной борьбы осуществление этой реорганизации немыслимо. Во всяком случае настойчиво советуем конспиративного аппарата партии никоим образом не ослаблять, не говоря уже об его уничтожении.

Красноярский Ком. о Гос. Думе. В одной из прокламаций Красноярского Комитета, вышедшей в сентябре, читаем такие строки, посвященные вопросу об отношении с.-д-тии к Гос. Думе:

«Пусть же те, кто считает возможным удовлетвориться царской подачкой, выбирают чиновников в царскую думу. Мы же, лишенные прав, будем продолжать свою борьбу. Попрежнему мы будем требовать созыва Учредительного Собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Попрежнему мы будем требовать демократической республики. Мы не будем выбирать представителей в царскую думу, но усилим свою борьбу с царем за удовлетворение наших требований. И только тогда, когда мы низвергнем царя, а вместе с тем и его думу, мы выберем представителей в свою всенарод-

ную думу. Только тогда мы будем устраивать избирательные собрания в городах и деревнях для выбора представителей во Всенародное Учредительное Собрание. Всякий, кто не требует теперь немедленного созыва Учредительного Собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, кто не собирается отстаивать этого требования с оружием в руках, кто не решил при этом или победить, или умереть,—враг народа, какие бы хорошие речи он ни говорил, какие бы торжественные обещания он ни давал.

Но чтобы выйти победителями в этой борьбе, нам надо, товарищи, еще энергичнее приняться за дело. Нам нужно еще теснее слиться, еще полнее сорганизоваться под руководством Российской Социал-Демократической Рабочей Партии для предстоящей нам вооруженной борьбы. Мы объявили войну самодержавию не на жизнь, а на смерть, и в борьбе с ним надо пользоваться всеми мерами, всеми средствами. Прежде всего, товарищи, нам надо обратить еще больше внимания на вооружение. Неумеющие еще владеть оружием должны научиться владеть им; неимеющие еще оружия должны его приобрести. Нам нужно выделить из себя побольше военных отрядов, которые должны изучить военное дело, ознакомиться с устройством баррикад и т. д. Отряды эти должны также сопровождать наших агитаторов во время их разъездов по городам и деревням. Всякий из нас обязан теперь самым усиленным образом агитировать среди рабочих и крестьян о том, как царь решил надуть русский народ, и что только вооруженной борьбой русский народ может добиться, наконец, созыва Всенародного Учредительного Собрания. С этой целью мы должны быть всюду, где бывает скопление народа: на улицах, площадях, базарах, мастерских, театрах, заседаниях ученых обществ, городских дум, на волостных и сельских сходах, всякого рода съездах и т. д. Сопровождающие агитаторов дружины должны пускать в ход оружие для защиты толпы и ораторов от насилия со стороны полицейских и военных властей.

Если будут выступать буржуазные ораторы, мы должны выяснить классовый характер их требований и подробно развить нашу социал-демократическую программу. Особенное внимание надо обратить на агитацию среди солдат, выяснить им наши цели и добиться перехода их в решительную минуту на сторону народа. Всяким случаем насилия со стороны царя и его башибузуков надо пользоваться для устройства протестов в виде вооруженных демонстраций, митингов или забастовок. При этом при каждой серьезной схватке с самодержавием надо стараться захватить в свои руки важнейшие правительственные и общественные учреждения, разоружить армию, вооружить народ, устроить свое собственное самоуправление на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и добиться проведения всей нашей программы-минимум. Мы должны, товарищи, готовиться к борьбе так энергично, чтобы ко дню, назначенному для выборов в булыгинскую Думу, мы одержали уже решительную победу над царем и могли приступить к выборам в свою всенародную думу.

Только таким путем мы, лишенные прав, можем и должны готовиться к выборам! Только вооруженной борьбой с самодержавием мы можем добиться созыва Всенародного Собрания.

К борьбе же, товарищи, к борьбе!

К оружию, товарищи, к оружию!

Долой переговоры с убийцей-царем и да здравствует народное восстание!

Долой царско-дворянско-буржуазную думу и да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Долой самодержавие и да здравствует демократическая республика!

Сентябрь 1905 г.

Красноярский Комитет».

Петербург. На собрании рабочих Нарвского района, на котором присутствовало более 600 человек, принята следующая резолюция:

«Мы, рабочие Нарвского района, собравшиеся 6-го октября, обсудив события последних дней в Москве и Петербурге, выносим следующую резолюцию:

Принимая во внимание:

1) что царское правительство, бросая одну за другой подачки господствующим классам, зверски подавляет штыками и пулями малейшие попытки рабочего класса осуществлять ничтожную часть дозволенных буржуазии «свобод»;

2) что оно при этом явно стремится провоцировать преждевременные вспышки недовольства рабочего класса с целью кровавого их подавления;

3) что решительное революционное выступление рабочего класса должно быть приурочено к моменту всеобщего подъема народных сил;

4) что в Нарвском рабочем районе, крайне истощенном предшествовавшей забастовкой, момент особенно неблагоприятен для проведения политической забастовки,—мы постановляем:

1) горячо приветствовать московских и петербургских товарищей, отстаивавших в кровавых схватках с царизмом право рабочего класса собираться и говорить о своих нуждах;

2) на-ряду с пропагандой вооруженного восстания распространять в широких массах идею о необходимости готовиться к проведению всеобщей политической стачки, как одного из могучих средств этого восстания;

3) немедленную политическую забастовку в Нарвском районе признать, в виду особых условий, несвоевременной и могущей повредить интересам сознательного пролетариата. Долой самодержавие! Да здравствует Рос. Соц.-Дем. Рабочая Партия!».

Саратовский Комитет «к крестьянам». Приводим тактические указания крестьянам одного из наиболее связанных с деревней комитетов нашей партии. В них подробно развивается соответствующий пункт (п. в.) резолюции III съезда об отношении к крестьянскому движению. Интересно отметить также, что эти директивы совпадают с мнениями наиболее влиятельных и революционно настроенных делегатов на первом всероссийском съезде крестьян (см. о нем выше). «Учитесь у рабочих,—говорит Ком. в своей прокламации. Устраивайте забастовки. Устраивайте демонстрации. И прежде всего устраивайте забастовки податные: отказывайтесь платить подати. Когда староста придет к вам за податями, отвечайте ему: «Мы не хотим давать денег нашему царю, врагу всенародному». И если вы будете так же дружны и единодушны, как рабочие, если в одно и то же время крестьяне всей России откажутся платить подати, тогда царь останется без денег, и ему не на что будет содержать чиновников-грабителей, полицию, попов, жандармов, шпионов и других врагов народного дела.

Устраивайте забастовки военные: отказывайтесь итти на военную службу. И если вы будете единодушны, то ваши сыновья, ваши работники останутся дома, а царь останется без войска, которое ему нужно для подавления народных волнений.

Отказывайтесь повиноваться начальству. Заявляйте всегда и везде вашим властям, земскому начальнику, становому, уряднику, стражнику и другим: «Мы не признаем вас, мы не хотим вам повиноваться». И если вы будете единодушны, то власти ничего с вами не поделают.

Боритесь открыто. Заявляйте ваши требования во всеуслышание. Составляйте приговоры на сходах: мы не будем платить подати, не будем служить в солдатах, не будем повиноваться властям, пока не будет созвано Учредительное Собрание.

Устраивайте на базарах, на ярмарках, везде, где много народу, шествие толпой по улицам с красными знаменами, с революционными песнями, с криками: «Долой царя! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!».

В некоторых местах крестьяне уже пробовали устраивать подобные демонстрации. И им удавалось. Так, например, 19-го февраля нынешнего года в селе Ивановке второй, Балашовского уезда, толпа парней с красными лентами через плечо, с красными знаменами, с революционными песнями ходили по улицам.

Собирайтесь кружками в каждой деревне, каждом селе и заранее определяйте, какие земли были у вас отрезаны помещиками при отмене крепостного права, чтобы вернуть их вам. Помните только, что все отдельные захваты земли, которые вы успеете сделать, все эти захваты могут быть закреплены за вами только тогда, когда власть над государством перейдет из рук царя в руки Всенародного Учредительного Собрания, только тогда, когда произойдет рево-

люция. Кроме того, вооружайтесь, кто чем может, ружьями, револьверами, кинжалами и т. д.

Готовьтесь к решительной открытой войне с вековым врагом народа—царским правительством! Запомните же хорошенько, крестьяне, все наши советы и поступайте по ним».

Николай Эрнестович Бауман.

Телеграф принес сегодня, 3 ноября н. ст., известие, что в Москве убит царским войском член Росс. С.-Д. Р. Партии ветеринарный врач Н. Э. Бауман. У гроба его произошла демонстрация, когда вдова убитого, принадлежавшая равным образом к нашей партии, обратилась к народу с речью и призывала к вооруженному восстанию. Мы не имеем сейчас возможности дать подробные библиографические сведения о павшем товарище. Отметим пока лишь главное. Он начал работу в с.-д. организации, в Петербурге, в 90-х годах. Был арестован, просидел 22 месяца в Петропавловской крепости, сослан в Вятскую губернию. Бежал из ссылки за границу и участвовал в 1900 году с самого начала в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей дела. Неоднократно ездил нелегально в Россию. Был арестован в феврале 1902 г. в Воронеже (выдан врачом) по делу организации «Искры» и сидел в киевской тюрьме. Бежал из нее вместе с 10 товарищами с.-д. в августе 1902 года. Был делегатом от Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. на втором съезде партии (псевдоним: Сорокин). Участвовал на втором съезде лиги (псевдоним: Сарафский). Состоял затем членом того же Моск. К-та партии. Арестован 16 июня 1904 года и сидел в Таганке. Освобожден из тюрьмы, вероятно, только на-днях.

Вечная память борцу в рядах российского социал-дем. пролетариата! Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции! Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма!

Убийство Н. Э. Баумана показывает ясно, до какой степени правы были соц.-дем. ораторы в Петербурге, называвшие манифест 17 окт. ловушкой, а поведение правительства после манифеста провокацией. Чего стоят все эти обещанные свободы, пока власть и вооруженная сила остаются в руках правительства? Не ловушка ли в самом деле эта «амнистия», когда выходящих из тюрьмы расстреливают казаки на улицах?

(*Н. Ленин*).

Бежала из Херсонской тюрьмы София Беленькая, по делу Елизаветградск. типографии.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Петербургским К-том: Ко всем рабочим и работницам г. Петербурга (Революция продолжается!), печ.; Ярославским К-том: Памяти павших, 1.000 экз.; Московским К-том: 1. Отчет К-та за август 1905 г., печ. 2. Бюллетень № 5; Херсонской Организацией Р. С.-Д. Р. П.: Государств. Дума и пролетариат, печ., 1.500; Иркутским К-том: 1. Рабочие! В Чите идет с 27 июля громадная стачка... 2. Ко всем рабочим и работницам г. Иркутска; Красноярским Комитетом: 1. Отчет Комитета за июль 1905 года, 2. К рабочим железнодорожных мастерских и депо; Сибирским Союзом: 1. Сборный лист № 23, 2. Отчет стачечной кассы за июнь, июль, август, 3. Отчет Сибирского Союза за июнь, июль, август; Курским К-том: Ко всем рабочим и работницам портновского цеха, 300, печ.; Борисоглебской группой: Отчет с 15 июля по 15 августа 1905 г.; Вологодской группой Ярославского К-та: 1. Кровавый царь. 2. К рабочим и крестьянам (перепеч. с прокл. Центр. К-та), 3. Отчеты группы за время с 1 июля по 15 авг. и с 15 авг. по 1 окт. (все печ.); Двумя членами Р. С.-Д. Р. П. в г. Ярославле: К товарищам соц.-демократам.

Из отчетов. Московского К-та за август 1905 г. Приход 1736.19; расход 1727.85; Сибирского Союза за июнь, июль и август: Приход 3445.71; расход 3445.71. Красноярского К-та за июль 1905 г.: Приход 219.93; расход 206.44. Устная агитация за отчетный период выразилась в организации 6 массовок. Одна в 600 чел. Говорились речи на разнообразные темы. Издательская деятельность: издано и распространено 6 листков в количестве 780 экз.; Стачечной кассы Сибирского Союза за июнь, июль, август 1905 г.: Приход 664.72; расход 664.72; Вологодской группы Р. С.-Д. Р. П. с 1 июля по 15 авг.: Приход 81.17; расход 65.12; той же группы с 15 авг. по 1 окт.: Приход 146.76; расход 129.15; издано группой за отчетное время 6 листков в количестве 5.760 экз.; Борисоглебской группы с 15 июля по 15 авг. 1905 г: Приход 179.65; расход 102.02.

Поступило в загран. кассу ЦК. От N на вооружение 15 фр., в пользу раб. Балтийск. зав.—5 фр.; Членский взнос от т. Б.—5 фр.

Из отчета экспедиции партии за октябрь. Прод. лит.: 1. Экспед.—250 фр. 20 с. 2. Групп. Парт. и отд. аг.: а) Женев. Гр.—100 фр. б) Лозан. Гр.—13 фр. 50 с. в) Льежск Гр.—101 фр. 40 с. г) Давосск. Гр.—40 фр. д) Лондонск. Гр.—107 фр. 04 с. е) Митвейд. Гр.—75 фр. ж) Вена—20 фр.—456 фр. 94 с. 3. Непарт. орган.—59 фр. 62 с. 4. Книжн. маг.—154 фр. 56 с. 5. Подписчики—226 фр. 24 с. Всего—1147 фр. 56 с.

Из отчета Воронежского К-та за июнь и июль 1905 г.: Июнь: Приход 117.89; расход 110.60; июль: приход 111.24, расход 61.55.

Издательская деятельность К-та: за отчетное время издано 8 названий прокл. в количестве 5.100 экзем.

Воронежского Ком. за август: приход 173.02; расход 143.39; выпущено 6 листков в количестве 1350 экз.

Иркутского Ком. за август: приход 2.007,30; расход 1.820,31.

Бакинского Комитета за июнь и июль: приход 1.766 р. 94 к., расход 1.666 р. 69 к., в том числе: техника 322 р., в Центральный Комитет за июнь 150 руб., взаимообразно Грозненской Группе 50 рублей.

Берегового района Саратовского Комитета за июль 1905-го года, приход и расход 9 р. 06 к.

Витебской Группы с 21 июня по 31 июля. Приход 352 р. 98 к., расход 352 р. 06 к. Изданы: отчет за предъидущий месяц 530. Призыв команды «Потемкина» 550, 9 января—9 июля 2.000. Открытое письмо витебскому губернатору 750, Требования слесарей 60, Подымайтесь, солдаты! 2.000.

Примечания.

Прим. 1. Эта часть статьи написана тов. Величкиной. Редакционные поправки—тов. Теодоровича.

Прим. 2. Заметки о революционном движении в Саратове, Златоусте, Красноярске, Иркутске, Асхабаде, Козлове, Курске, Самаре, Полтаве и в Варшаве (в дни 15, 16 и 17 окт.) составлены тов. Теодоровичем.

Прим. 3. В газете опечатка: в рукописи—19 окт., а не июня.

Прим. 4. Корреспонденцию редактировал тов. Ольминский.

Прим. 5. В рукописи и в газете—„Сербский".

Прим. 6. „ „ „с. с."

Прим. 7. Статью редактировал тов. Теодорович.

Прим. 8. В рукописи—„Карманьола", а не „Карманьолка".

ЖЕНЕВА. 16 (3) ноября 1905 г.
№ 25.

LE PROLETAIRE

Пролетарій

Prix: 20 cts.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Приближение развязки.

Силы уравновесились,—писали мы две недели тому назад при первых известиях о всероссийской политической стачке, когда стало обнаруживаться, что правительство не решается пустить в ход сразу свои военные средства.

Силы уравновесились,—повторили мы неделю тому назад, когда манифест 17-го октября был «последним словом» политических новостей, знаменуя перед всем народом и перед всем миром нерешительность царизма и отступление его.

Но равновесие сил нисколько не исключает борьбы, а, напротив, делает ее особенно острой. Отступление правительства, как мы уже говорили, есть лишь выбор им новой, более удобной, с его точки зрения, позиции для схватки. Объявление о «свободах», которые красуются на бумажке, называемой манифестом 17-го октября, есть лишь попытка подготовить моральные условия для борьбы с революцией, в то время как Трепов во главе всероссийских черносотенцев подготовляет материальные условия для этой борьбы.

Развязка приближается. Новое политическое положение обрисовывается с поразительной, только революционным эпохам свойственной, быстротой. Правительство стало уступать на словах и начало тотчас готовить наступление на деле. За обещаниями конституции последовали самые дикие и безобразные насилия как бы нарочито для того, чтобы еще нагляднее представить народу все реальное значение реальной власти самодержавия. Противоречие между посулами, словами, бумажками и действительностью стало бесконечно ощутительнее. События стали давать великолепное подтверждение той истине, о которой мы давно уже твердили и всегда будем твердить читателям: пока не свергнута фактическая власть царизма, до тех пор все его уступки, вплоть даже до «учредительного» собрания,—один призрак, мираж, отвод глаз.

Революционные рабочие Петербурга выразили это с замечательной яркостью в одном из тех ежедневных бюллетеней, которые еще не дошли до нас, но о которых все чаще стали сообщать заграничные газеты, пораженные и напуганные могуществом пролетариата. «Нам дарована свобода собраний,— писал стачечный комитет (мы переводим обратно с английского на русский, отчего неизбежны, конечно, известные неточности), но наши собрания окружены войсками. Нам дарована свобода печати, но цензура продолжает существовать. Обещана свобода науки, но университет занят солдатами. Дарована неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены арестованными. Дарован Витте, но продолжает существовать Трепов. Дарована конституция, но продолжает существовать самодержавие. Нам все дано, но у нас ничего нет».

«Манифест» приостановлен Треповым. Конституция задержана Треповым. Свободы разъяснены в их истинном значении тем же Треповым. Амнистия изуродована Треповым.

Да что же такое этот Трепов? Необыкновенная личность, которую особенно важно было бы убрать? Ничего подобного. Это — самый обыкновенный полицейский, который выполняет самую будничную работу самодержавия, распоряжаясь войсками и полицией.

Почему же этот зауряднейший полицейский и его обыденнейшая «работа» приобрели вдруг такое необъятно большое значение? Потому, что революция сделала необъятно большой шаг вперед, приблизила настоящую развязку. Руководимый пролетариатом, народ мужает политически не по дням, а по часам, или, если хотите, не по годам, а по неделям. И если перед народом, политически еще спящим, Трепов был самым обыкновенным полицейским, то перед народом, сознавшим себя политической силой, Трепов стал невозможен, воплотив в себе всю дикость, преступность и бессмысленность царизма.

Революция учит. Она дает всем классам народа и всем народам России отличные предметные уроки на тему о сущности конституции. Революция учит тем, что выдвигает подлежащие решению очередные задачи политики в их самой наглядной, осязательной очевидности, заставляя массы народа прочувствовать эти задачи, делая невозможным самое существование народа без решения этих задач, разоблачая на деле негодность всех и всяких прикрытий, отговорок, посулов, признаний. «Нам все дано, но у нас ничего нет». Ибо нам «даны» только посулы, ибо у нас нет настоящей власти. Мы подошли вплотную к свободе, мы заставили всех и вся, даже царя, признать необходимость свободы. Но нам нужно не признание свободы, а действительная свобода. Нам нужна не бумажка, обещающая законодательные права представителям народа. Нам нужно действительное самодержавие народа. Чем ближе мы подошли к нему, тем нестерпимее стало отсутствие его. Чем заманчивее царские манифесты, тем невозможнее царская власть.

Борьба подходит к развязке, к решению вопроса о том, остается ли реальная власть в руках царского правительства. Что касается признания революции, то признали ее теперь уже все. Признал довольно давно г. Струве и освобожденцы, признал теперь г. Витте, признал Николай Романов. Я обещаю вам все, что хотите, говорит царь, только сохраните за мною власть, позвольте исполнить самому мои обещания. К этому

сводится царский манифест, и понятно, что он не мог не толкнуть к решительной борьбе. Все дарую, кроме власти,—заявляет царизм. Все—призрак, кроме власти,—отвечает революционный народ.

Действительное значение той кажущейся бессмыслицы, к которой пришли дела в России, заключается в стремлении царизма обмануть, обойти революцию путем сделки с буржуазией. Царь обещает буржуазии все больше и больше, пробуя, не начнется ли, наконец, повальный поворот имущих классов в сторону «порядка». Но пока этот «порядок» воплощается в бесчинстве Трепова и его черных сотен,—призыв царя рискует оставаться гласом вопиющего в пустыне. Царю одинаково нужны и Витте, и Трепов: Витте, чтобы подманивать одних; Трепов, чтобы удерживать других; Витте—для обещаний, Трепов для дела; Витте для буржуазии, Трепов для пролетариата. И перед нами опять развертывается, только на несравненно более высокой ступени развития, та же картина, которую мы видели при начале московских стачек: либералы ведут переговоры, рабочие ведут борьбу.

Трепов прекрасно понял свою роль и свое настоящее значение. Он, может-быть, только поспешил чересчур,—для дипломатического Витте,—но, ведь, он боялся опоздать, видя, как быстро шагает революция. Трепов даже вынужден был спешить, ибо он чувствовал, что находящиеся в его распоряжении силы убывают.

Одновременно с конституционным манифестом самодержавия начались самодержавные предупреждения конституции. Черные сотни заработали так, как не видывала еще Россия. Вести о побоищах, о погромах, о неслыханных зверствах так и сыплются из всех концов России. Господствует белый террор. Где только можно, полиция поднимает, и организует подонки капиталистического общества для грабежа и насилия, подпаивая отбросы городского населения, устраивая еврейские погромы, подстрекая избивать «студентов» и бунтовщиков, помогать «учить» земцев. Контр-революция работает во-всю. Трепов «оправдывает себя». Стреляют из митральез (Одесса), выкалывают глаза (Киев), выбрасывают на мостовую с пятого этажа, берут приступом и отдают на поток и разграбление целые дома, поджигают и не позволяют тушить, расстреливают тех, кто смеет сопротивляться черным сотням. От Польши и до Сибири, от берегов Финского залива до Черного моря,—всюду одно и то же.

Но рядом с этим разгулом черной сотни, с этой оргией самодержавной власти, с этими последними судорогами чудовища-царизма пробивается явственно новый и новый натиск пролетариата, который, как и всегда, лишь по видимости утихает после всякого подъема движения, на деле собирая силы и готовясь к решительному удару. Бесчинства полиции приобрели теперь в России совсем уже не тот характер, который имели они прежде, по причинам, отмеченным нами выше. На-ряду с взрывами казацкой мести и треповского «реванша» разложение царской власти идет вперед да вперед. Это видно и по провинции, и по Финляндии, и по Питеру, это сказывается и в тех местах, где народ всего забитее и политическое развитие всего слабее, и в окраинах с иноплеменным населением, и в столице, где обещает разыграться величайшая драма революции.

В самом деле, сравните вот эти две телеграммы, которые мы берем из лежащей перед нами венской буржуазно-либеральной газеты: «Тверь. Чернь в присутствии губернатора Слепцова напала на здание земских учреждений. Осажденный чернью, дом был затем зажжен. Пожарные отказывались тушить. Войско стояло рядом, не предпринимая ничего против громил» (мы не ручаемся, конечно, за полную достоверность именно этого известия, но что подобные и во сто раз худшие вещи проделываются повсюду, это — неоспоримейший факт). «Казань. Народ обезоружил полицию. Оружие, отнятое у нее, распределено между населением. Организована народная милиция. Господствует полнейший порядок».

Не правда ли, как поучительно сопоставить ту и другую картину? Месть, бесчинство, погром. Свержение царской власти и организация победоносного восстания.

Финляндия показывает нам те же явления в несравненно более широком масштабе. Царский наместник прогнан. Лакеи-сенаторы смещены народом. Русские жандармы выбрасываются вон. Они пробуют мстить (телеграмма из Гапаранды от 4 ноября н. ст.), портя жел.-дор. сообщение. Тогда для ареста бесчинствующих жандармов высылаются отряды вооруженной народной милиции. На собрании граждан в Торнео решено организовать ввоз оружия и свободной литературы. Тысячи и десятки тысяч записываются в финляндскую милицию по городам и по селам. Передают, что русский гарнизон сильной крепости (Свеаборг) выразил сочувствие восставшему народу и передал народной милиции крепость. Финляндия ликует. Царь идет на уступки, готов созвать сейм, отменяет незаконный манифест 15 февраля 1899 г., принимает «отставку» прогнанных народом сенаторов. А рядом с этим «Новое Время» советует блокировать все гавани Финляндии и подавить восстание вооруженной рукой. По телеграммам заграничных газет, в Гельсингфорсе расквартировано много русского войска (неизвестно, насколько оно пригодно для подавления восстания). Военные русские суда вошли, будто бы, во внутреннюю гавань Гельсингфорса.

Петербург. За ликование революционного народа (по поводу вырванной у царя уступки) мстит Трепов. Бесчинствуют казаки. Усиливаются побоища. Полиция открыто организует черные сотни. Рабочие намеревались устроить гигантскую демонстрацию в воскресенье 5 ноября (23 окт.). Они хотели всенародно почтить память своих товарищей героев, павших в борьбе за свободу. Правительство готовило, с своей стороны, гигантское кровопролитие. Для Питера оно припасало то, что в малом масштабе разыгралось в Москве (бойня на похоронах вождя рабочих Баумана). Трепов хотел использовать момент, когда он еще не раздробил своих войск посылкой части их в Финляндию,—момент, когда рабочие собирались манифестировать, а не драться.

Петербургские рабочие разглядели замысел неприятеля. Демонстрация была отменена. Рабочий комитет решил устроить последнюю битву не тогда, когда момент для нее изволил выбрать Трепов. Рабочий комитет рассчитал правильно, что целый ряд причин (восстание в Финляндии в том числе) делает отсрочку борьбы невыгодной для Трепова, выгодной для нас. А пока идет усиленная подготовка вооружения. Пропаганда в войсках делает замечательные успехи. Со-

общают об аресте 150 матросов 14-го и 18-го флотских экипажей, о поданных за последние полторы недели 92-х жалобах на офицеров за сочувствие революционерам. Прокламации, призывающие войско переходить на сторону народа, раздаются даже патрулям, «оберегающим» Питер. Свободу печати, обещанную в пределах, дозволенных Треповым, революционный пролетариат раздвигает своей могучей рукой до несколько более широких пределов. В субботу 22-го окт. (4-го ноября) вышли, по сообщению иностранных газет, только те питерские газеты, которые согласились с требованием рабочих игнорировать цензуру. Две немецкие питерские газеты, пожелавшие остаться «лойяльными» (холопствующими), не могли выйти в свет. «Легальные» газеты с того момента, когда границы легального стал определять не Трепов, а союз петербургских стачечников, заговорили необычно смелым языком. «Стачка прекращена лишь временно,—телеграфируют от 23 окт. (5 ноябр.) в «Neue Freie Presse»,—заявляют, что стачка возобновится опять, когда наступит пора нанести последний удар старому порядку. На пролетариат уступки не производят уже ровно никакого впечатления. Положение крайне опасное. Революционные идеи охватывают все более широкие массы. Рабочий класс чувствует себя хозяином положения. Отсюда (из Петербурга) начинают уже выезжать те, кого пугает предстоящая катастрофа».

Развязка близится. Победа народного восстания уже недалека. Лозунги революционной социал-демократии претворяются в жизнь с неожиданной быстротой. Пусть же помечется еще Трепов между революционной Финляндией и революционным Петербургом, между революционными окраинами и революционной провинцией. Пусть попробует он выбрать себе хоть одно надежное местечко для свободных военных операций. Пусть разойдется пошире царский манифест, пусть распространится побольше весть о событиях в революционных центрах,—это даст нам новых сторонников, это внесет новое колебание и разложение в редеющие ряды царских сторонников.

Всероссийская политическая стачка превосходно исполнила свое дело, подвинув вперед восстание, нанеся страшные раны царизму, сорвав гнусную комедию гнусной Государственной Думы. Генеральная репетиция окончена. Мы стоим, по всей видимости, накануне самой драмы. Витте истекает в потоках слов. Трепов истекает в потоках крови. У царя осталось слишком уже мало обещаний, которые он мог бы еще дать. У Трепова осталось слишком мало черносотенного войска, которое еще можно будет двинуть в последний бой. А ряды революционного войска все растут, силы закаляются в отдельных схватках, красное знамя поднимается над новой Россией все выше и выше.

Парламент и его значение.

«Парламента у нас еще нет, но парламентского кретинизма сколько угодно»,—эта фраза, если и не полно, то во всяком случае довольно метко характеризует современное положение дел в России. Между тем, и Западная Европа серьезнейшим образом пересматривает установившееся несколько поверхностное отношение к парламентаризму. В номере 51 журнала «Neue Zeit» Рудольф Гильфердинг высказывает несколько чрезвычайно интересных мыслей о борьбе парламентской и борьбе реальной. Поводом для Гильфердинга послужили непрекращающиеся споры на поднятую Жоресом тему: «Почему столь сильная германская соц.-демократия имеет так мало влияния на государственную жизнь Германии?».

«Число голосов слишком часто принимают за точное выражение политической силы партии,—говорит Гильфердинг.—Между тем, число, как и названия партии меняют свое значение в зависимости от взаимоотношений различных партий. Парламентаризм считают обыкновенно предохранительным клапаном; достаточно развитый парламентаризм приводит в ясность имеющиеся в обществе противоречия, выражая их в определенных числах и давая таким образом возможность точно вычислять силы отдельных борющихся направлений. Ясное представление о взаимных силах приводит к соглашениям без бесконечной борьбы. На место насильственного развития становится развитие мирное».

«Но такое рассмотрение парламентской системы оставляет без внимания то обстоятельство, что эта система действует и должна действовать различно при различных обстоятельствах и смотря по характеру тех противоречий, которые она призвана примирить. Упускается из виду, что парламентаризм может осилить лишь незначительные противоречия между партиями, в противном случае они почти всегда решатся померяться силами в непосредственной р е а л ь н о й борьбе. И это потому, что парламентская система вовсе не точно отражает силы партий. Выборы выражают лишь ч и с л о сторонников партии, да и то приблизительно. Между тем, избиратели могут представить из себя весьма различные величины. Прежде всего прочность и широта организации играют большую роль»... Гильфердинг перечисляет и другие причины, делающие возможным несоответствие между реальными силами партий и количеством голосов, подаваемых за них, а тем более принадлежащих им в парламенте.

Далее наш автор переходит к рассмотрению тех путей, какими большинство, вообще правящая партия, может бороться с меньшинством. «Большинство обыкновенно пытается сначала выполнить самостоятельно те требования оппозиции, которые наиболее популярны среди избирателей; таким образом надеются направить ветер на свои паруса. Эта тактика удается наиболее легко тогда, когда требования обеих партий не заключают в себе слишком резких противоречий. Но если противоречия между меньшинством и большинством принципиальны, тогда подобная политика приобретает иной характер. Она становится демагогической. Уступки делаются в ничтожных пунктах, и этим стараются примирить с собою сторонников большинства, удержать под своим знаменем индиферентную публику и лишить таким образом меньшинство возможности провести свою гибельную для правящего класса программу».

При политическом положении, наблюдаемом теперь в России, либералы, конечно, постараются—и уже стараются—вести именно такую политику.

В случае уступчивой политики противника, как указывает и Гильфердинг, с о с т о р о н ы, а может-быть,

и самим наивным представителям меньшинства кажется, будто бы они играют значительную роль, ведут реальную политику, ставят свои условия правящим партиям и т. д.

«Но совершенно иначе обстоит дело в случае резко противоположных принципиальных позиций. Тут,—говорит Гильфердинг,—большинство быстро приходит к концу своих уступок; тактика его меняется, оно становится непримиримым и старается дискредитировать оппозицию в глазах избирателей в качестве нереальных, утопических политиков, делающих-де невозможными всякие уступки со стороны большинства. В первом случае меньшинство кажется влиятельным, во втором—нет. Но так как рост партии в значительной мере независим от непосредственных успехов, то партия оппозиции может в то же время сильно расти, внешним образом не приобретая соответственно большего влияния».

Гильфердинг хочет сказать, что при условии непримиримости борьбы, пролетарская оппозиция может очень близко подойти к власти, которой, однако, она не овладевает постепенно и легально, а которой готовится овладеть путем революционного кризиса. Политика соглашений отдаляет революцию и в революционном смысле развращает пролетариат, политика непримиримая кажется нереальной, утопической, но она ведет прямо к цели. Впрочем, соглашение соглашению рознь. Например, соглашение с революционными же партиями для полного ниспровержения монархии и завоевания полной демократии отнюдь не подобно тем соглашениям с консервативно-буржуазными силами, которые осуждает в общей форме Гильфердинг, и которые стараются теперь навязать русской социал-демократии.

В № 109 «Искры» Мартов пытается защитить свой «скромный» план. При этом он «осмеливается думать» (Мартов, как известно, одновременно и очень скромный, и очень смелый человек), что, призывая к соглашению с либералами, он все же активен, социал-демократы же, призывающие деятельно готовиться к восстанию, зовут к пассивности! Это очень смело даже для скромного Мартова. Но в чем дело? Готовясь к восстанию мы скрытно приближаемся к полной победе, к кризису; но такая политика совершенно непонятна оппортунисту: он хочет сейчас же учесть наличные, хотя бы плохо организованные, силы, продав за сходную цену наличный политический вес партии. Если бы мы были бунтарями, Мартов понимал бы нас, но проповедь восстания рядом с сдержанностью по отношению к анархическим, беспорядочным вспышкам не умещается в его голове; он считает, что это значит призывать ждать всеобщего восстания. Подготовлять всеобщее восстание, по Мартову,—бланкизм. Так думают все оппортунисты.

Отношение оппозиционной партии к уступчивой политике правящей партии может быть двояко: оппортунистично и революционно. Когда объективные условия позволяют правящей партии делать уступки сколько-нибудь широкие, оппортунизм в оппозиции начинает расти. «Когда же эти уступки являются недостаточными,—говорит Гильфердинг,—когда политика мнимых уступок разгадана оппозицией, тогда мирные компромиссы становятся невозможными, тактические разногласия внутри оппозиционной партии оканчиваются поражением оппортунистов, принципиальное направление берет верх, и физиономии обеих фракций выясняются вполне».

«Пока пролетариат слаб и недостаточно сознает свои цели, он служит буржуазным парламентским партиям тараном для достижения их целей. Он становится орудием в руках других партий или демагогствующего правительства. Пролетариат покупает уступки ценой своего послушания». Между прочим, это как-раз то положение, которое готовит русскому пролетариату новоискровское, теперь уже явно оппортунистическое направление.

«От высоты экономического и политического развития страны и самого пролетариата зависит длительность периода его несамостоятельности. Отсутствие принципиальных противоречий в парламенте позволяет буржуазии возвеличить его и поставить в зависимость от него правительство. Политическая слабость пролетариата есть сила буржуазного парламента».

«Совсем иное дело, когда пролетариат занимает вполне независимое положение. Резкое противоречие по отношению ко всем буржуазным партиям чувствуется ярко. Партия формулирует свои принципы с полной ясностью, стараясь освободить рабочих от всякого буржуазного влияния». Буржуазные партии в этом случае ополчаются на соц.-демократию с теми же гонениями, какие пускают в ход самые варварские правительства. Партия кажется лишенной всякого политического влияния.

Сравнивая положение германской соц.-дем. с положением социалистических партий Франции и Австрии, Гильфердинг приходит к тому выводу, что именно угрожающая сила германской социал-демократии, именно возможность в Германии социальной революции сковывает буржуазные партии в один революционный блок и делает их неуступчивыми к требованиям социал-демократии. Гильфердинг полагает, что «только в той стадии, когда соц.-дем. развита еще посредственно, но уже пережила период первоначальных трудностей, в партии могут начаться разногласия, могущие довести ее до раскола. Только в этот период чисто-реформистское движение в партии может иметь шансы на успех, так как оно может выдавать за плод своей примирительной тактики уступчивость противников. Ведь, отличительным признаком реформистской тактики является готовность пожертвовать существенными и длительными классовыми интересами пролетариата ради мимолетних и менее важных».

Гильфердинг заканчивает свою интересную статью доказательствами, что в то время, как в Австрии, напр., при относительно слабой социал-демократии, при бессильном правительстве и раздробленной буржуазии массовая политическая стачка может иметь характер демонстрации и вынудить довольно быстро уступки,—в Германии такая стачка неминуемо должна разгореться в борьбу решительную и окончательную. Но парламентски «слабая» германская социал-демократия, по мнению Гильфердинга, более всех других подготовлена к такой борьбе.

В России массовые стачки и вооруженные восстания пролетариата в настоящий момент не направлены прямо против буржуазии: их цель—создать лишь наиболее

удовлетворительные предварительные условия для дальнейшей борьбы за социализм, но в борьбе за эти удовлетворительные условия пролетариат встречает буржуазию уже теперь как врага, старающегося, при помощи союза с монархией, остановить развитие демократической революции, а не как союзника в борьбе с самодержавием. Буржуазные либералы в бесконечно большей степени враги наши, чем невольные союзники, и это уже теперь, когда пролетариат стремится осуществить лишь свою демократическую программу. Но этого не хотят понять наши оппортунисты, которые «клюнули» на обещание «Нашей Жизни» дать социал-демократии за хорошее поведение кусочек медвежьего ушка—пару кресел в Государственной Думе. От одного запаха парламентаризма, даже самого булыгински недоброкачественного, долго скрываемый парламентский кретинизм Мартова с братией проявился во всей своей паталогической красоте. Мы могли бы сказать, что раскол в социал-демократии проявился теперь окончательно, как раскол между революционерами и оппортунистами, если бы мы не надеялись, и притом имея на то достаточные основания, что так-называемые «меньшевики» в России не пойдут за своими окончательно созревшими вождями, и что вместо раскола мы будем иметь просто выделение небольшой заграничной группы оппортунистов.

(А. Луначарский).

Крестьянский съезд.

Около пяти месяцев назад «Искра» (№ 97) «грустила» по поводу того, что наши либералы и демократы «так далеки еще от народной массы», что они «крайне мало» сделали для того, чтобы «обеспечить себе политическое доверие крестьянства».

С тех пор либералы не раз пытались «приблизиться» к народной массе. Теперь они делают, наконец, и попытки «обеспечить себе политическое доверие крестьянства».

В начале августа в Москве состоялся первый учредительный съезд «Всероссийского крестьянского союза». Идея такого союза, как видно из доставленных в редакцию «Пролетария» протоколов съезда, возникла среди московских крестьян в мае 1905 г. «под влиянием происходившего тогда среди интеллигенции течения в сторону образования профессиональных союзов». На самом съезде, кроме представителей крестьян 22 губерний (около 100 чел.), «присутствовало до 25 интеллигентов». А 4-й съезд «Союза Освобождения» поручил своему «совету» «войти в постоянное общение с органами Крестьянского Союза», а своим местным гуппам—«всеми мерами содействовать учреждению местных крестьянских союзов на почве платформы, соответствующей основным положениям «Союза Освобождения», и посылке этими союзами делегатов на всероссийский съезд крестьянских союзов» («Освобождение» № 77).

Таким образом положено начало сближению либерально-буржуазной партии с крестьянством. Это сближение естественно и неизбежно, поскольку борьба против самодержавия не может не встречать сочувствия крестьян. Крестьянское движение есть необходимая составная часть демократической революции. Но это сближение есть явление временное и таящее в себе зародыши нового распадения, ибо интересы широких масс крестьянства неизбежно столкнутся, при всякой коренной аграрной реформе, с интересами либеральных помещиков. Сближаясь с крестьянством, освобожденцы поступают весьма похвально, будя к политической жизни новые слои темной доселе массы. Но они при этом похожи на курицу, высиживающую утят: крестьяне, раз проснувшись, втянутся (хотя и не сразу) в революционное, а не либеральное движение.

Приветствуя стремления либеральной буржуазии пробудить политическое сознание крестьян, с.-д. не должны, однако, забывать, что попытки либералов «обеспечить себе политическое доверие» крестьянства не могут обозначать ничего другого, кроме желания совлечь это крестьянство с революционного пути, на который оно уже частью вступило. С этим с.-д. должны энергично бороться. Привлечь крестьян на свою сторону, втянуть их в революцию,—вот задача с.-д.

Так поступал, видимо, и наш товарищ, присутствовавший на крестьянском съезде. Он внес предложение обсудить формы будущего русского государства и высказаться за демократическую республику. Это предложение не встретило сочувствия на съезде. Либералы *) на этот раз ограничились только тем, что не поддержали революционного требования. Но вот когда речь зашла о земельном вопросе, на съезде уже прямо выступили с речами два «посетителя»: «посетитель № 1» и «посетитель № 2»; они, соглашаясь с необходимостью уничтожить частную собственность на землю (еще бы: все делегаты без исключения высказались в этом смысле!), принялись доказывать, что никак нельзя обойтись без выкупа за отнятую у помещиков землю! «Нельзя забывать, — говорил «посетитель № 1», — что землю без выкупа уже никак не отдадут (хорошее предупреждение для крестьян,—В. К.), и потребуется заплатить за нее кровью (!). Так не лучше ли согласиться на выкуп, чтобы по возможности избежать пролития крови крестьянской».

Тут уже ясно выступает начало расхождения между крестьянским стремлением к революционной борьбе и либерально-буржуазным стремлением заменить борьбу сделкой.

Подробные сведения о крестьянском союзе и съезде читатели найдут в № 38 «Права» и №№ 77 и 78 «Освобождения». Мы остановимся лишь на прениях по земельному вопросу, чрезвычайно характерных для всего съезда, и на дебатах о тактике союза, в «Праве» и «Освобождении» совершенно опущенных.

Данный съезд был съездом представителей среднего крестьянства. «Трудно сказать что-либо определенное,—пишет хорошо осведомленный сотрудник «Права»,—об имущественном положении собравшихся...; но во всяком случае, очевидно, не было двух деревенских крайностей—богатеев и безнадежных бедняков» (курсив, как и везде, мой).

---

*) При «дружественном нейтралитете» соц.-революционеров, их представитель тоже не поддержал требования демократической республики и вообще в своей речи касался исключительно вопроса о земле, за что и был награжден «дружными рукоплесканиями».

Этот факт [очень характерен: самый состав съезда способствовал некоторому затушеванию классовой борьбы, зреющей внутри крестьянства. Но даже и самое среднее крестьянство, представленное на съезде, делилось довольно ясно] на две группы: к первой относятся, мы сказали бы, представители крестьян, владеющих, главным образом, только надельной землей и обрабатывающих ее преимущество силами собственной семьи; ко второй—имеющих, кроме надельной, и купчую землю, в которую вложили известный капитал, употребляющих и наемную рабочую силу (но еще не кулаков: их, как уже сказано, не было на съезде). Это деление и сказалось тотчас же, как поднялся вопрос о земле.

«Необходимо отменить частную земельную собственность и передать землю тем, кто ее будет обрабатывать трудами своей семьи»,—открывает прения представитель Влад. г. 1-й.

«Уничтожение частного землевладения необходимо,—соглашается представитель Вологодской г.,—но... какую частную земельную собственность следует отменить?» А представитель Курской губ. поясняет: «Частные земли нужно различать: они имеются не только у помещиков, но и у крестьян. Одним земля досталась даром или же за бесценок, а другие купили землю на свои кровные, трудовые деньги»... «Без выкупа нельзя взять частное землевладение,—добавляет предст. Черниговской губ. 1-й,—иначе мы совершим крупную несправедливость и многих разорим, в том числе и крестьян, владеющих частной землей»...

Первая группа защищается: «Говорили, что без выкупа пострадают многие из крестьян, которые купили землю на трудовые деньги. Таких немного, и земли у них мало; они все равно получат землю потом при разверстке. А кулакам, которые нахватали землю, нельзя давать выкупа» (предст. Московской губ. 2-й).

Вторая группа возражает: «Один 30 лет тому назад купил землю, он уже успел с нее выручиться, а другой купил всего 3 года, он еще не успел своих денег выручить. Ему непременно нужно заплатить»... (предст. Курск. г. 5-й).

«Купленные земли приобретены тоже при помощи любезного народа,—ядовито замечают первые,—всякий капиталист приобрел землю при помощи бедняков»... (предст. Смол. г.). «Каждый купил, ведь, в сущности, не на свои деньги,—прибавляет предст. Харьк. г.,—значит, кто-то сумел отнять землю у крестьян и перепродать. Это—воровство».

Вторые прибегают, наконец, к юридическим доводам: «Предложение отнять землю без выкупа есть отсутствие понимания права»... (предст. Волог. г.) *).

На это представитель Тульской г. 2-й совершенно резонно замечает: «Вопрос о вознаграждении есть вопрос справедливости, а справедливость всякий понимает по своему». «Выкуп будет прямой несправедливостью по отношению к народу» (представ. Казанской губ.).

Обе группы объединяет, конечно, общая ненависть к крупному, особенно помещичьему, землевладению и всему связанному с последним укладу деревенских отношений. «Я знаю имение гр. Орлова-Давыдова «Отраду» (ему, значит, отрада),—говорил предст. Моск. г. 4-й.—Его земля к самым крестьянским домам подошла, и вода, по планам, его. А разве может вода ему принадлежать! Два попа, две церкви: одна для города, другая для народа. Памятник Екатерины поставлен к нему, ко дворцу, лицом и грудями, а к церкви задом, в церковь итти зазорно. В графской церкви служба бывает только в семейные дни, то он забивает у себя окно от гула. И обедня в 10 часов. А затем, кроме того, есть богачи, которые выкупились: Найденов, Чуевы, Севастьяновы. И таким платить!».

Понятно, что такую частную земельную собственность крестьянин не желает более ни терпеть, ни платить за нее выкуп. «Разговор о выкупе меня возмущает!—говорил предст. Московской г. 3-й.—Предлагают платить деньги помещикам, которые в виде земцев или чиновников устраивают из народной жизни скачку с препятствиями. Мы столько уже платили за эту самую землю, наши бабушки своим молоком борзых щенят выкармливали! Уже разговор о выкупе—это сделка. Не нужно дипломатических переговоров, нужен революционный путь. Иначе нас обманут. Александр II перехитрил, дал маленько, чтобы народ не взял всего. Я не могу сосчитать бочек нашей крови, которой мы уже полили землю. Встань, проснись, пахарь! Разогни свою спину, поднимись на врагов и бери дубину!» (рукоплескания).

Из конкретных проектов решения данного вопроса укажем предложение отбирать с выкупом частную земельную собственность, не превышающую известных размеров, 50—100 дес., или дающую доход не выше определенной нормы (300 руб.). Отметим также предложение нескольких делегатов о том, что «крестьянам должны быть возвращены выкупные платежи, тогда и явятся средства для выкупа»... (предст. Донск. обл.). Съезд вынес по земельному вопросу такие решения: 1) «Частная земельная собственность должна быть уничтожена». «Земля должна считаться общей собственностью всего народа». 2) «Должны быть отобраны без выкупа земли монастырские, церковные, удельные, кабинетские и государевы». 3) «У частных владельцев земля должна быть отобрана частью за вознаграждение, частью без вознаграждения». 4) «Подробные условия, на которых частновладельческая земля будет отобрана, должны быть определены Учредительным Собранием, которое и издаст по этому поводу закон».

В основе этого решения лежит исконный крестьянский взгляд на землю: «Земля в народном сознании—дар божий, как воздух и вода. Ее должен получить тот, кто в ней нуждается. Сколько нужно, столько и получай. Крестьяне—на земле, дворяне—при дворе; у них земля только придаток»... (предст. Влад. г. 3-й). И решение это означает вот что.

Мелкий крестьянин, страдающий под гнетом пережитков крепостничества, эксплоатируемый крупным землевладением, кому бы оно ни принадлежало, желает освободиться от этого гнета и этой эксплоатации. На место тысяч крупных помещичьих «Отрад» он хочет поставить миллионы мелких «Отрад» крестьянских. Обладая сам кое-какими орудиями производства («своей лошаденкой и коровенкой», как выразился председатель), поль-

*) Эту буржуазную идею «разъяснили» крестьянам, как узнаем из «Права» № 38, «некоторые из интеллигентов», бывших на съезде.

зуясь сам землей, как средством частного хозяйства, он и не помышляет о том, чтобы сделать землю средством коллективного, общественного производства, он и не думает о социализации земли *). Как мелкий буржуа земледелия, он ничего не имеет против того, чтобы другие, хотя бы это были помещики, выжимали прибавочную стоимость из третьих—земледельческих рабочих. «Помещики бывают разные,—рассказывает представитель Моск. г. 1-й.—Одни купили землю на трудовые (?! от чьих трудов-то?—В. К.) деньги, а другие помещики получили ее от Екатерины и других царей в подарок. Какая же тут справедливость!». «Подарок можно под ноги подтоптать», — комментирует предст. Донск. обл.

Возмущение крестьянина начинается, таким образом, только тогда, когда он сталкивается с исторически устарелыми формами приобретения земельной собственности («подарок»), когда он сам становится объектом эксплоатации крупного капитала («нахватавшего» земли). Он возмущается лишь тем, что нельзя получить земли «сколько нужно» тому, «кто в ней нуждается». И взгляд крестьянина естественно обращается назад, к давно прошедшим без возврата временам земельного простора, когда действительно земли было вдоволь. Он думает вернуть эти счастливые времена, обратив землю в такой общественный фонд, из которого может черпать всякий. Он не понимает, однако, что вся эта реформа—лишь перераспределение земли между собственниками, основ капиталистического производства не затрагивающее. Он не знает, что эта возможность всегда получить землю останется для крестьянина лишь платонической возможностью, раз он не имеет надлежащих орудий производства и капитала.

[Мы видим, следовательно, что сознательные социалисты должны безусловно поддержать революционную борьбу всякого, даже зажиточного, крестьянства против чиновников и помещиков, но сознательные социалисты должны прямо и ясно указать, что желанный для крестьян «черный передел» далеко еще не есть социализм. Социализм требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения всей частной собственности на средства производства, уничтожения товарного хозяйства. Социализм требует, чтобы и земля, и фабрики перешли в руки всех трудящихся, организующих по общему плану крупное (а не разрозненное мелкое) производство.

Крестьянская борьба за землю и волю есть большой шаг к социализму, но далеко-далеко еще не самый социализм].

Влияние «интеллигенции» и «посетителей», присутствовавших на съезде, всего заметнее сказалось в тактических вопросах. Все ораторы, речи коих занесены в протокол, высказывались за необходимость революционной тактики и сознательной, организованной борьбы с правительством. Председатель говорил:

«Нет, мы должны бороться и шаг за шагом отвоевывать народные права. Мы не должны подчиняться существующему начальству и устранять начальников, идущих против воли народа, начиная от ближайших к нам сельских старост и волостных старшин. Мы сами даем деньги и расписываем расходы волостных правлений. Так не нужно более давать им денег! Раз волостные правления служат не крестьянам, то и не нужно их... Будем писать приговоры с отказами утверждать волостные расходы и давать деньги на содержание их. Начнем сами миром управлять своими делами через крестьянских выборных. Не будем обращаться к земским начальникам и даже давайте не допускать их совсем в наши села. Учредим свой выборный совестливый суд, будем судить всем миром. Не будем признавать и всех высших начальников, предводителей дворянства, губернаторов и т. д.» (дружные одобрения). «Правительство проливает потоки народной крови!—возмущался предст. Моск. г.—Вспомните Ходынку, 9-е января в Петербурге, Ляоян, Мукден и сотни других кровопролитий! Оно во вред народу устраивает все новые мобилизации. Нужно и крестьянам самим устроить свою собственную мобилизацию, но уже в защиту народных прав и интересов. Это и призван выполнить крестьянский союз. Пусть к следующему нашему съезду каждый из нас вернется сюда корпусным командиром! Не нужно вспоминать Стеньки Разина и Пугачова, то были стихийные движения, а теперь народное движение должно быть сознательное, и единственный путь к тому — революционая деятельность». «Помещики нам не страшны,—пояснял другой делегат Моск. г.—Они целы, пока правительство их оберегает... Власть действует не духовно, а силой—нагайками, пулями и петлей»...

«Тактика должна быть такая, — советовал предст. Влад. г.:—на силу нужно отвечать силой, а на кровь—кровью. Честью мы не отвоюем себе свободу, нужно действовать с оружием в руках»...

После таких речей тактическая резолюция, принятая съездом, прямо поражает своей мизерностью. Мы склонны думать, что здесь кто-либо из крестьянских доброжелателей [либералов] опять что-нибудь «разъяснил».

Вот резолюция:

«Деятельность крестьянского союза в зависимости от местных условий может быть и открытая, и тайная (конспиративная). Все члены союза должны распространять свои взгляды и осуществлять свои требования всеми возможными способами, не стесняясь противодействием земских начальников, полиции и другого начальства. В том числе настойчиво советуется пользоваться своим правом составлять общественные приговоры на сельских и волостных сходах и частных собраниях об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния».

[Такая резолюция крайне неудовлетворительна. Вместо революционного призыва к восстанию она дает лишь либеральные советы общего свойства. Вместо организации революционной партии резолюция организует лишь пристройку к либеральной партии. Ход самого движения неминуемо и неизбежно расколет либеральных помещиков и революционных крестьян, и мы, с.-д., постараемся ускорить такой раскол].

Настоящий крестьянский съезд имеет громадное значение в деле организации, выяснения нужд, требований, программы и тактики нашего среднего крестьянства, т.-е. крестьянства в собственном смысле слова. Так,

*) «Не нужно доктрин национализации (!) и социализации,—прямо заявил предст. Черниг. г. 1-й.—Это будет только отпугивать от нас массу народа»... Даже национализации! Крестьянам нужна просто «передача ее (земли) общинам» (предст. Влад. г. 4-й).

он, между прочим, беспощадно разбивает все иллюзии некоторых, [якобы, «социалистов» (социалистов-революционеров)] о «социалистических» стремлениях и задатках этого крестьянства. Но этот съезд—только первый шаг в указанном деле. Он дал только начатки программы, начало организации да сырой материал протоколов.

Новому крестьянскому союзу самым настоятельным образом необходимо, как рекомендовал один из делегатов, «выяснить свое отношение к уже существующим партиям, особенно к либералам, «интеллигенции». К ней съезд отнесся совершенно некритически. «Мы теперь понимаем, кто наш друг, кто наш враг,—уверял предст. Влад. г. 3-й, выражая, повидимому, общее мнение съезда,—при союзе народа с интеллигенцией едва ли найдется сила, которой нельзя было бы одолеть». Крестьянам следует спросить себя, подобно делегату, спрашивавшему о земле: «Какая интеллигенция наш действительный, нелицемерный друг?». И добавить: «Интеллигенцию нужно различать»...

Не в «союзе с интеллигенцией» вообще, а только в союзе с пролетариатом, руководимым социал-демократической интеллигенцией, сумеет крестьянство «одолеть» все препятствия в своей борьбе. Только в этом союзе залог полной победы.

В. Калинин (В. Карпинский).

Народные митинги в Петербурге.

Нет ни одного, кажется, высш. уч. заведения, где не было бы одного, а то и 2-х, 3-х и 4-х митингов. Митингами бывают заняты не только актовые залы, но и чертежные аудитории, и т. д. В Инст. Гражд. Инженеров было занято 3 помещения социал-демократами и еще 2—социалистами-революц. В коридорах висели плакаты с надписями «с.-д.» и «с.-р.» и со стрелками, показывающими, куда к кому пройти; то же было в Горн. Инст.

Университет преобразился: «субы» убраны в канцелярию, в бывшей их комнате—курилка, педеля рассчитаны, столовая, перешедшая в руки смешанной комиссии (3 профессора, 3 младших преподавателя, 6 студентов), посещается всеми желающими (с сегодняшнего дня—лишь по рекомендации студентов). В ней вывешиваются всевозможные объявления и воззвания, и представители Р. С.-Д. Р. П., Бунда и П. С.-Р. продают новую легальную литературу; днем идут лекции, а вечером—собрания: в актовом зале—с.-д-ов, в одной из аудиторий — с.-р-ов, в другой—типографщиков, в третьей—фармацевтов, в четвертой—гимназистов, в пятой—интеллигентов и т. д., и т. д.

Публика на митингах присутствует разнообразная: студенты, курсистки, гимназисты, тысячи рабочих и работниц, матросы, солдаты, офицеры, городская беднота и даже босяки. Какая выдержка царствует у тысячной толпы рабочих на этих митингах! Можно было бы подумать, что мы уже давно живем свободной политической жизнью! Громадный зал битком набит, люди стоят на подоконниках, наваливаются на спины впереди стоящих. Слушают с напряженным вниманием, не шелохнувшись, несколько часов подряд. Если оратор очень уж плох, то начинаются ворчанье, шум, протесты. Но зато хороших ораторов (а они есть: революция породила их!) слушают с горящими глазами, с возбужденными лицами. Толпа в несколько тысяч—и мертвая тишина, в которой раздается лишь взволнованный голос оратора... А по окончании речи бурно подхватывается возглас, гремят аплодисменты. Звонок председателя, и вновь тишина, и новый оратор приковывает внимание слушателей. По окончании митинга, пропев марсельезу, варшавянку и пр., расходятся группами, с праздничными лицами, оживленно обсуждая слышанное и условливаясь звать новых товарищей на следующие митинги, о которых председатель каждый раз объявляет.

Если принять среднее число посетителей митинга в 5 тыс. человек (студенты говорят, что бывает от 3-х до 12 тыс.), если принять, что лишь половина состоит из пришедших впервые рабочих, а другая половина—из интеллигенции и проч., то получим цифру свыше 50 тысяч рабочих, перебывавших на 20 митингах. И чем дальше, тем народу больше, и тем значительнее преобладание рабочей массы над студенческой! И каждый из этих рабочих несет с собою в среду товарищей те семена социал-демократической мысли и тактики, которые сеются ораторами в течение многих часов.

Митинги, выросшие из сходок, сначала были бессистемны: напр., 28-го сент. рабочие собрались сами, без приглашений, и устроили митинг в актовом зале. Анархисты распространили листок, а затем выступили и с речами. Наши ораторы разбили их без труда; рабочие также выступали против анархистов. Когда же анархисты снова заговорили, и один из них стал защищать черносотенников («это наши братья, только голодные, темные»), раздались голоса: «Не смей защищать черносотенников!». Затем громадное большинство стало кричать: «Долой анархистов!», и не дало им говорить. С.-р. отсутствовали.

Теперь Пет. К-ом решено упорядочить митинги и использовать помещения высших учебных заведений во всех отношениях. Для митингов составляется предварительно программа, намечаются ораторы, прежние речи агитационного характера теперь сменяются речами более содержательными, целыми лекциями.

Приблизительный порядок дня был всюду таков:

1) нарастание либерального движения в зависимости от роста движения рабочего; 2) анализ классового характера тактики буржуазных партий вообще и в частности по отношению к Гос. Думе; 3) революционная диктатура пролетариата и крестьянства.

Главной и основной темой является, конечно, отношение к Гос. Думе и вопросы о вооруженном восстании, о Времен. Революц. Правительстве, о диктатуре пролетариата и крестьянства. Вчера (18), напр., в актовом зале университета целый ряд наших студентов-большевиков (4) произнесли речи на след. темы: об аграрном вопросе, о пролетариате и крестьянстве и их ближайшей задаче, о професс. союзах, о Гос. Думе и всеобщей стачке (эти речи, как всюду теперь, приводили к нашей «тройке»). Аудитории университета и других высших учебных заведений заменяют нам частные квартиры для партийных целей. 2-го октября в университетской столовой вечером один большевик про-

чел реферат о партийных разногласиях. Было человек 400 организованных рабочих, работниц и интеллигентов с.-д. Первый оппонент, меньшевик, был настолько плох, что одна работница-меньшевичка встала и отреклась от него. Другие два меньшевика возражали немногим лучше. Песни все старые: Ленин—представитель кружкового упрощенного марксизма, осадное положение, вышибание; нового лишь—восстание-процесс и революционное самоуправление. Потом отвечали наши, но многие меньшевики уже ушли, не дождавшись конца. 6-го окт. в Электротехн. Институте был реферат меньшевика, сведений о нем пока не имею. Наша унив. большевистская группа, насчитывающая, по сведениям ее организатора, 104 чел., собирается также в университете.

Одно время московские события и начавшаяся здесь забастовка солидарности заставили заняться этими неотложными вопросами; на митингах обсуждались практические планы, выяснялось положение дел. Порядок дня был такой: 1) фактические сообщения о забастовке; 2) значение политической стачки; 3) тактика рабочих в ближайший момент.

На митингах ярко выступили также наши разногласия с меньшевиками. Многие рабочие, которым раньше неясна была разница наших воззрений, которые негодовали на нашу «свару», поняли теперь, что не в слепом «объединении» сила, а в принадлежности к той части партии, тактика которой правильна и революционна. Таким образом разрушилась, например, нелепая, покоившаяся на несознательности рабочих «объединенная организация Василеостр. района»; она распалась на свои естественные составные части, которые вновь объединятся, уже сознательно, одновременно с объединением всей партии!

По причине ли недавнего провала, или еще почему-нибудь, но от меньшинства ораторов выступает немного и те слабые. Таким образом, преобладающее влияние на митингах имеют не только социал-демократия вообще (с.-р. и анархисты лишь изредка выскакивают), но в частности «большевики». И наши ораторы, которых рабочие слушают и на своих заводских митингах, которых они не только провожают, но и встречают громом аплодисментов, неуклонно, шаг за шагом, один за другим, развивают нашу тактику. И идеи активного бойкота Гос. Думы, вооруженного восстания, временного правительства, демократической республики и т. д., освещенные с точки зрения революционной социал-демократии, несомненно, прочно и ясно утверждались в головах тысяч рабочих... Отношение наше к либералам тоже получило полное выяснение. Смерть Трубецкого, служившего всегда образчиком либерала, смутила некоторых товарищей ораторов, не решавшихся «бороться с мертвецом», но уже вскоре они отрешились от вредной сентиментальности и, указывая на десятки тысяч рабочих, шедших за гробом либерала, «борца за свободу» Трубецкого, предостерегали пролетариат от веры в свободолюбивые, пышные, но лицемерные речи господ либералов.

Выступают ли ораторами сами рабочие? За редкими исключениями, выступают лишь рабочие—члены организаций. Серые рядовые рабочие говорят лишь при обсуждении фактической стороны дела, напр., по вопросам о забастовке или о профессиональных союзах. Они же выражают протесты против «раскола», против «свары» и т. д. Некоторые из рабочих—ораторов меньшинства «углубляют» позицию меньшевиков и переходят в чистую демагогию, травлю «интеллигентов», принижают значение социал-демократической партии, воспевают стихийность и т. д. Это, к сожалению, действует и дает плоды.

На митинге, состоявшемся 30 сентября, выступил рабочий, заявивший, что он не состоит ни в какой партии; он протестовал против подавления рабочих интеллигентами в организациях, призывал рабочих к созданию истинно-пролетарской партии, без интеллигентов, своими силами, а пока такой партии не имеется, звал рабочих под знамя «меньшинства». Очень характерно: резолюция III съезда об отколовшейся части партии подтвердилась!

Значение митингов громадно. Расшевеливая, будя мысль и волю лишь части рабочих, они, однако, создают условия возможности устройства митингов заводских, и последние все больше входят в обиход рабочей жизни. Там они, конечно, носят другой характер: ораторы в течение 10—20 минут должны выяснить рабочим, столпившимся по окончании работы у ворот, наши основные положения и нашу тактику. Такие митинги действуют так, как не может подействовать никакой листок, никакие кружки. Это есть осуществление той широкой, захватывающей всех рабочих агитации, которая необходима в предреволюционный период, которая в такой период только и возможна...

Как всякая революция имеет своих юродивых и прорицателей, так и русская революция уже вызвала соответствующий психоз. На митинге 4-го окт. в Военно-Медиц. Академии поднялся старик, назвавшийся «Юпитером». При аплодисментах возбужденной публики он вытащил «меч»—короткую отточенную шпагу, и начал по бумажке читать бредовую, бессвязную рифмованную речь, где говорилось о двуглавом змие, сосущем рабочую кровь, где призываются все к уничтожению злодея-царя, попов, всяких царских холопов и т. д. Рабочие и крестьяне призывались к вооружению и к бою. И хотя старик плохо разбирал по бумажке, хотя видно было, что это—психически-больной человек, но этот поднятый меч, эта ненависть к кровавому царю, этот призыв к оружию волновал и возбуждал толпу, как только может возбуждаться толпа накануне революции! Как знать, быть-может, этот старик и помешался-то в январские дни, о которых он часто упоминал, быть-может, его мозг не выдержал вида горы трупов, рек крови, быть-может, 9-го января был убит его сын...

Наблюдая митинги как в уч. заведениях, так и на заводах, оценивая настроение масс и рост их сознательности, нельзя не воскликнуть с радостью: «Волна растет, растет, растет; близок решительный час!».

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Петербург. 16-го окт. (Из частного письма). ...Все организуются, выбирают представителей для революционного органа, который должен руководить движением. Организуются боевые дружины для захвата оружейных магазинов

и складов... Даже городовые и дворники собираются на митинги и обсуждают вопрос о политической забастовке. Съезд народных учителей присоединился к забастовке. Забастовали также конторщики, бухгалтеры, банковские служащие, чиновники и т. д.

Университет с утра до поздней ночи открыт для всяких революционных собраний и митингов. Студенты приготовились к нападению войска. Везде расставили свои патрули, приготовили лазарет и проч. Председатель сходки предупредил собрание, что университет оцеплен войсками, что электричество может потухнуть, и убедительно просил не пугаться, не верить никаким возгласам из толпы о том, что идут казаки и т. д., так как это могут сделать провокаторы с целью произвести панику и вызвать вторжение войска в университет. Председатель просил верить лишь тому, что он объявит с кафедры, так как ему сейчас же будет доложено патрулями о всяких действиях войска. Он сообщил, что заготовлена масса свечей, которые будут моментально зажжены, как только погаснет электричество. Народу явилось гораздо меньше, чем накануне,—часть «любопытствующей» публики отхлынула. Тем не менее, актовый зал был полон, и притом также было занято несколько аудиторий. Ораторы в горячих и увлекательных речах призывали к вооруженному восстанию. Затем было сделано несколько заявлений. Делегат фармацевтов сообщил, что они выбили окна в тех аптеках, которые не хотели бастовать. Девочка 14 лет тоненьким голоском попросила с кафедры «товарищей рабочих» прекратить работу в белошвейных мастерских. Один из членов только-что организованного «Рабочего Комитета» сообщил о требованиях последнего, предъявленных городской думе. Комитет выбрал из своей среды 12 депутатов и отправил их в думу во время заседания. Появление рабочих произвело среди думцев страшный переполох. Раздались возгласы о необходимости вызвать полицию, но председатель скоро опомнился и спросил, что им надо. «Мы пришли к вам не просить, а требовать,—сказал один из депутатов.—Вы должны дать нам категорический ответ: с народом вы или против народа, чтобы мы знали, как к вам относиться».

Думцы струсили и обещали эти требования обсудить на следующий день в экстренном заседании. На этом заседании должны были присутствовать делегаты от рабочих и от Союза Союзов; последние обещали поддержать требования рабочих.

Характерно для петербургской думы и ее председателя г. Красовского, что, когда должны были на заседание 16-го октября явиться делегаты от рабочего совета, председатель вызвал роту солдат и полицию для охраны «порядка». Депутаты от рабочих, а также от Союза Союзов, совета профессоров технологического института и студентов-технологов были задержаны в раздевальной и находились под арестом до приезда г. Красовского, т.-е. часа полтора. Когда, наконец, рабочих пригласили на заседание, председатель думы предупредил их, чтобы они «соблюдали уважение к собранию и существующим властям, иначе он удалит их силою». Вот в какой обстановке пришлось беседовать рабочим депутатам с «отцами города». Такая беседа не предвещала успеха. И действительно, после выслушания речей и требований рабочих г. Красовский предложил депутациям удалиться, чтобы дума могла рассмотреть вопрос по-семейному. После ухода депутаций думцы, как известно, отказались от обсуждения требований рабочих. Требования, столь испугавшие питерских Разуваевых, были следующие:

1) Немедленно принять меры для регулировки продовольствия многотысячной рабочей массы.

2) Отвести помещения для собраний.

3) Прекратить всякое довольствие, отвод помещений, ассигновок на полицию, жандармерию и т. п.

4) Выдача из имеющихся в распоряжении думы народных средств денег, необходимых для вооружения борющегося за народную свободу петербургского пролетариата и студентов, перешедших на сторону пролетариата.

Руководство этой частью народной революционной армии должно находиться в руках самого пролетариата.

Суммы должны быть переданы общему рабочему совету.

5) Рабочий совет, находя, что закрытие водопровода может вредно отразиться на здоровье населения, требует от городской думы немедленного принятия мер к удалению войска из здания городского водопровода и предоставления его в распоряжение рабочих. В противном случае совет предупреждает о возможности закрытия водопровода.

6) Указать, куда израсходованы 15.000 руб., поступивших в думу для рабочих Нарвского района.

Уйти рабочим из думы было так же нелегко, как и попасть в нее. Полицейское воронье сторожило у подъезда. По настоянию гласных, г. Красовский и и. д. городского головы, Резцов, ездили к Трепову и получили «пропуск» для депутатов. Но и после этого ни депутаты, ни гласные не доверяли полиции, а потому часть гласных, окружив рабочих, проводила их сквозь строй полицейских и солдат и вывела в безопасное место.

Делегат, рассказавший эту историю, закончил свое сообщение замечательно сильной и красивой речью. Вслед за этим с кафедры было объявлено донесение патрулей о том, что войско напаивают водкой. Трепов, очевидно, устроил западню: дал возможность собраться, чтобы потом солдаты набросились и избили всех. Но по предложению председателя собрание во-время разошлось небольшими группами. На следующий день двери университета были заперты; полиция и сторожа охраняют их. По улицам ходит масса войска. Собраться больше негде, а это страшно необходимо!

Киев. (Из частного письма). Сегодня, 18-го октября, был опубликован манифест. В университете состоялся митинг. После речей вся толпа с красными флагами вышла на улицу, при чем одна часть отправилась через Крещатик на Подол, а другая по Владимирской. Подойдя к подольскому участку, манифестанты высадили дверь здания участка и вынесли оттуда заключенных. Затем обошли фабрики и сняли рабочих, после чего вся толпа отправилась на Лукьяновку. Вторая же толпа пошла к Старо-Киевскому участку, и там патруль дал по толпе 2 выстрела, ранив легко 2-х человек. Это обстоятельство не расстроило процессии, и она отправилась также на Лукьяновку. Возбуждение огромное. Повсюду среди масс только и слышно: «Товарищи, свобода!»... На всех митингах пели вечную память павшим борцам и требовали амнистии.

Толпа, впрочем, не дошла до Лукьяновки и остановилась около думы. С балкона думы, украшенного красными флагами, говорили 2 оратора. Первый обратился, между прочим, с речью к стоявшему поблизости войску. Войско удалилось. В это время 9 казаков дали 2 выстрела и умчались на Липки; убит мальчик. В думе стали записываться лица, имеющие оружие...

19-го окт. произошло нечто ужасное. Мой отец был очевидцем этих событий и рассказывает следующее. С балкона думы говорил оратор. В зале было битком набито. Вокруг думы стояла толпа в несколько тысяч человек. Часов в 5 подъехали драгуны. Толпа шарахнулась. Драгунский офицер (отец сам слышал) сказал: «Не пугайтесь, стрелять не приказано!». Когда отец опять затем повернулся к оратору, вдруг раздался страшный залп. Всех охватила невообразимая паника. Отец слышал вокруг свист пуль, стоны, крики... Он свалился в кучу людей, на него еще падали... Он не помнит, как выбрался и скрылся на квартире у знакомого. Говорят, убитых сотни. От фельдшера одной больницы я только-что слышала, что он видел не менее 200 перевязанных. Возвращаюсь к тому, что произошло в думе. Ее осадили. Стреляли из пулеметов. Говорят, что один пулемет подняли на крышу дома, оттуда стреляли в думу. Вечером войско от думы отошло, и патрули выпустили оттуда публику частями. Часов в 6 начался погром. Сначала били только мужчин, потом стали бить девушек и детей, всех... Извозчикам не давали ничего увозить с места побоища. Полиция в самом начале бойни кричала: «Бей жидов!», а потом, когда разыгрались отвратительные сцены дикого ужасного насилия, она испарилась и блистала своим отсутствием. Ночью начались грабежи. В том доме, где мы живем, разграбили магазин, при чем патруль помог толпе вскрыть ставни штыками. Это было в 2 часа ночи. «Работали» молодчики до 5-ти часов утра. Товар увозили на извозчиках. Обстановка магазина изрублена в куски. О других магазинах таких подробностей не имею, но вообще на Крещатике все еврейские магазины разгромлены и разграблены. Патрули разъезжают по го-

роду, но так же, как и полиция, никаких мер к прекращению погрома не принимают, хотя Сухомлинов (он назначен на место Клейгельса) ответил депутации, что все меры приняты. Мы наблюдаем из наших окон бесконечную вереницу людей, уносящих свое имущество. Посреди улицы патруль. Вокруг него беспомощная и растерянная толпа с узлами. Шелковые ковры, посуда, сукно, полотно и всякие другие товары без конца. На Подоле разграблены все лавочки и множество квартир у еврейской бедноты. Грабеж идет 1½ суток. Были поджоги. По городу расхаживают патриотические демонстрации с царскими портретами и с национальными флагами.

Еще несколько слов о думе. С балкона думы один оратор сказал, что в думе заседает социал-демократический комитет, и в 7 часов будет вынесена резолюция. Балкон украшен красным флагом. Корона и инициалы были сорваны Это в рядах черносотенцев вызвало страшное возбуждение. Говорят, что они разыскивают революционеров-ораторов с целью убить их. Один оратор умер от разрыва сердца на глазах нашего соседа. Полиция его поспешила увезти. Трупы лежат в бирже, в передней думы, в участках...

В городе все замерло. Все закрыто. Трамваи не ходят. Появилось много крестьян из окрестностей...

Одесса. (Из частного письма). Во вторник уже началась резня евреев, которая закончилась в субботу в полдень. Грабили и убивали днем и ночью. В общем погром продолжался 96 часов. Кишиневский погром в сравнении с этим—нуль. Я постараюсь описать все события по порядку. Волнение началось в начале прошлой недели, когда забастовали вслед за другими железнодорожные служащие, но тогда еще никто не знал, как проявится эта забастовка вообще. Говорили о готовящихся уличных демонстрациях, о забастовке всех служащих торговых предприятий и т. д. В это же время начались волнения среди учащихся средних учебных заведений, главным образом, коммерческого училища. Здесь еще за несколько дней до этого учащиеся начали воевать со своим начальством. После недолгой забастовки начальство уступило. Тогда они потребовали комнаты для политических митингов с тем, чтобы никто, кроме учеников, не входил в эту комнату. Им отказали, и они снова объявили забастовку. Никакие просьбы директора, инспектора и других не помогали. Ученики категорически заявили, что, пока комната не будет дана, занятия не начнутся.

В четверг 13-го октября они, собравшись, решили снять всех учащихся средних учебных заведений. Устроив демонстрацию на Дерибасовской ул., они отправились сначала в университет, где уже читались лекции. Сняв студентов, они вместе с ними отправились по гимназиям и училищам. К 3 часам дня были сняты все ученики и ученицы даже низших учебных заведений, у Ришельевской гимназии произошло первое избиение. Говорят, что там был убит один студент; раненых было много. Второе возмутительное избиение было у женской гимназии Березиной. Волосы дыбом становятся при одном воспоминании о нем. Казаки и городовые били маленьких девочек. Было убито 6 детей. Возмущение было ужасное. С того же вечера начались митинги в университете. Митинги эти продолжались с раннего утра до поздней ночи. Вся Одесса перебывала на них. Во всех аудиториях ораторы призывали к вооруженному восстанию. Готовилось что-то грандиозное. Митинги продолжались еще в пятницу и субботу. Расходились с митингов в порядке, и полиция никого не трогала. Она тогда была уже занята другим делом—готовила еврейский погром.

После субботы в университете уже собираться нельзя было, так как была опубликована так-назыв. свобода собраний с разрешения и под покровительством администрации. Университет в воскресенье 16-го был оцеплен войсками. В субботу приглашали демонстрантов собраться в воскресенье к 8 часам утра с оружием в здание университета. Всех просили быть осторожными, не устраивать ничего без указаний организации. Но эти просьбы не помогли. Среди собравшихся было много провокаторов, и они повели вооруженную толпу строить баррикады. Это было нечто ужасное. Войско и казаки били и стреляли направо и налево. В воскресенье вечером насчитывали 80 убитых и около 700 раненых. Аптеки по приказанию союза врачей закрылись и функционировали только как перевязочные пункты. Против нашего дома были устроены три баррикады. Движение конок и извозчиков прекратилось.

К вечеру демонстрации прекратились, баррикады были разобраны, трупы убраны. В понедельник магазины были все закрыты. Конки не шли, ждали еще чего-то. Патрулей и казаков было очень много. Вечером улицы были пустыми. Прохожие встречались изредка. Этот вечер напоминал первые дни военного положения. Ночью в два часа была получена телеграмма о свободе слова, собраний и союзов. Что в тот день творилось в городе, не поддается описанию. С утра начались манифестации и митинги. Процессии с красными флагами занимали целые кварталы. Ораторы останавливали толпы посреди улицы и произносили речи. У зданий думы и университета речи произносились перед многочисленными толпами с 10 часов утра до 3 часов дня. Сотни манифестаций, десятки тысяч людей, все с красными флагами. Полиция и войско провалились куда-то. Не видно было ни одного городового. Студенты, посланные коалиционным советом, образовали временную милицию и следили за порядком. На митингах все ораторы призывали к вооруженному восстанию, чтобы с оружием в руках добиться свободы печати, прямого, равного и тайного голосования. Предполагали устроить вооруженные демонстрации на похоронах убитых в воскресенье 16 человек.

Громаднейшая толпа с красными флагами тем временем отправилась по участкам и в тюрьму освободить арестованных. Отовсюду их выдавали беспрекословно. Были таким образом освобождены все арестованные в воскресенье. С черными флагами в память погибших товарищей их приводили в университет. Теперь, как и раньше, все ораторы от имени организации умоляли всех не предпринимать ничего без программы организации. Все организации в это время заседали в думе и вырабатывали программу действий. Но пока они там заседали, полиция делала свое дело. В три часа дня прибежали к университету с Дальницкой улицы и заявили, что там начался погром. Оружия в университете оказалось очень мало. Его роздали, и студенты и рабочие по 5 и 6 человек на извозчиках поехали туда. Кроме них, толпа в три тысячи человек вооружилась просто дубинами и побежала туда.

Произошла ужаснейшая свалка. Громилы—переодетые городовые—были все вооружены. Казаки им помогали. Было убито много самооборонщиков, но не поздоровилось и громилам. Самооборона как-будто прекратила погром. Но он ночью снова начался и продолжался уже беспрерывно до вчерашнего полудня. Описывать его нет сил... Громили магазины и квартиры. Резали... Стреляли... Жгли... Убивали без разбору маленьких детей, стариков, женщин... В среду самооборона была организована бесподобно. Возле всех домов стояли живущие там мужчины, днем и ночью вооруженные, и не пропускали никого, не обыскав. Много награбленного было отнято, много хулиганов убито и ранено. Масса арестованных была отправлена в университет, который превратился в лазарет и участок. Все аптеки и много частных домов служили перевязочными пунктами. Санитары работали до упадка сил. До вчерашнего дня зарегистрировано свыше тысячи раненых.

Кроме дежурства у ворот, участники самообороны толпами ходили и ездили по сто и двести человек с белыми флагами и разгоняли громил. Сотни извозчиков с санитарами и с флагами красного креста переезжали с места на место. Если бы не самооборона, погиб бы весь город. Уже теперь, наконец, соглашаются с этим все те, которые так яростно восставали когда-то против самообороны, говоря, что она приводит всюду к несчастиям. Хулиганы, даже вооруженные, моментально разбегались от выстрелов самообороны. Последняя работала самоотверженно, и многие из ее состава ранены и убиты. Хотя хулиганов перебито еще больше. В четверг уже начали обезоруживать самооборону. Войска расстреливали самооборонщиков, осаждая целые дома, откуда раздавались выстрелы. Самооборона притихла, и громилы беспрепятственно разоряли город. Обыскивали всех на улице, и тех, у которых находили оружие, убивали на месте.

Вчера, наконец, вмешались консулы иностранных держав и заявили властям, что, если к полудню не прекра-

тится погром, их миноноски будут обстреливать город. Вчера же прибыли в порт две миноноски—одна английская и еще какая-то. Угроза подействовала, и погром чуть ли не в полчаса был прекращен. Появилась масса войска и патрулей. Появились откуда-то городовые и был опубликован приказ стрелять в громил. Все утихло. Только ночью опять раздались частые выстрелы. Все снова встревожились. Сегодня разъяснилось, что громилы на Пересыпи перепились и хотели снова начать работу, но их расстреливали из пулеметов.

Местами картина разрушения ужасна... Шторы вывернуты, у магазинов масса старых тряпок, порванных ботинок. Это все хулиганы переодевались в новое платье. На некоторых улицах валяется пух, перья от подушек и перин. Разрушено на несколько миллионов. Грабили по заранее составленному списку. Неспокойно было также и кругом Одессы. Поезд, вышедший третьего дня вечером из Одессы, весь вырезали на станции в Николаеве. Погром продолжался 36 часов. Подробностей еще не знают. Громадный магазин Ландесмана разорен. Его грабили тысячи полторы громил и в 2 часа покончили с ним. Дом расстреливали войска.

Кострома. 11-го с парохода попал прямо на собрание костромского отделения сельскохозяйственного общества. Как потом узнал, собрание продолжалось уже два дня, занятое выработкой и формулировкой «крестьянских требований». Собственно собрание это устроено было несколькими либералами и на него пригласили крестьян. Были приняты резолюции относительно необходимости конфискации удельных, монастырских, церковных земель и выкупа частновладельческих. Не привожу резолюций, потому что не имею их... В тот момент, когда я вошел, председатель, местный либерал г. Спасский, предложил собранию высказаться, баллотировать ли вопрос о выборах в Гос. Думу теперь же, или же выяснить его и дать высказаться желающим по этому вопросу. Сам же он стоял за то, чтобы теперь же баллотировать. Собрание высказалось за то, чтобы дать слово ораторам. Слово взял я. Очертивши самую Гос. Думу, как попытку поддержать монархию посредством союза с представителями эксплоататорских классов, я обратил внимание крестьян на то, что им некому поручать в этой думе защиту интересов деревенской бедноты и рабочего класса. Либералам весьма не нравились факты, которыми иллюстрировались доводы в пользу недоверия к буржуазии, хотя бы и либеральной и архилиберальной. В середине речи меня прервал г. Спасский, заявивший, что не может злоупотреблять терпением слушателей. Затем, заявил он, собрание из «семейного» превратилось в «общеполитическое», и потому он слагает с себя обязанности председателя и объявляет собрание закрытым. Один из крестьян, как потом выяснилось, кулачок, очень недоволен моей речью, в которой я резко подчеркивал роль мироедов в этих выборах в частности и в деревенской жизни вообще. «От таких речей,—сказал он,—один только вред крестьянам». Продолжать собрание было невозможно, так как крестьяне очень торопились уехать и очень устали. Один из крестьян так резюмировал отношение: «Все равно, что ни скажем в деревне: будем ли выбирать, или не будем,—толку от этой думы крестьянам никакого не будет!». Вообще же солидарного отношения между крестьянами не было, и более молодые настроены гораздо революционнее и понимают, что между ними и сидевшими с ними мироедами ничего общего нет. Приехавшие случайно крестьяне просили соц.-дем. литературы для деревни и вообще выражали желание ближе сойтись с соц.-дем. Под-конец нам всем прочел лекцию о свободе какой-то освобожденец, и очень поучал нас, что значит «истинная свобода», которой соц.-дем. не понимают, ибо своими речами не дают высказываться другим. Было смешно и скучно слушать этого либерального болтуна, заехавшего совсем не в свою деревню с выяснением смысла «свободы». Недавно здесь состоялось несколько митингов учащихся, устроенных соц.-дем. Один из них разогнан был казаками, при чем были помятые. 5 арестованных освобождены.

Уже 5-й раз устраиваются митинги у заводов при выходе рабочих с фабрики. У Зотовской (льно-прядильн.) фабр. сегодня (12-го) состоялся 3-й митинг. Присутствовало человек 500. Говорили о всеобщей политической забастовке, о необходимости теперь же организоваться вокруг рабочей партии и вооружаться для открытого выступления. Слушают очень внимательно, останавливаются очень охотно. Когда расходились, один из рабочих просил «листочков» и очень был недоволен, что оратор пришел без листочков.

«Крестьянская группа» еще очень молодая, но связи у нее есть (не надо забывать, что масса крестьянских рабочих—окрестные крестьяне) и работа налаживается. Нашей работе в деревне сейчас очень помогает правительство: казацкие насилия и издевательства в деревне (в Моск. уезде) заставляют самых бедных, самых серых мужиков думать о необходимости иного режима, о неизбежности борьбы за иной строй.

ИЗ ПАРТИИ.

Резолюция П. Лафарга. Конгресс в Шалоне шлет свой братский привет геройскому пролетариату России и Польши, который ценою мучительных и бесчисленных жертв истощает и надламывает силы самодержавного гнета; он шлет, равным образом, свой братский привет социалистическим и революционным партиям, которые в течение многих лет с беспримерным мужеством подвергаются кровавым зверствам деспотизма и, гонимые, преследуемые, пытаемые, но ни разу не побежденные, борются в рядах рабочего класса.

Он с энтузиазмом приветствует близкое торжество революции, которая, низвергнув царизм, эту грандиозную крепость европейской реакции, освободит рабочих в России посредством национализации капиталистической собственности и объявления (государственного) банкротства России и затем вызовет социальную революцию в Европе.

Да здравствует пролетариат России и Польши! Да здравствуют социалисты и революционеры России и Польши! Да здравствует международная революция!

Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П. предложил партийным организациям следующий проект резолюции о профессиональных союзах.

Мы признаем громадное значение профессиональных союзов для практического воспитания рабочего класса в его борьбе с капиталом и полагаем, что теперь, в эпоху политической революции в нашей стране, организационное влияние этих союзов в высокой степени важно и ценно также для дела политического освобождения народа. Пока держится старый порядок, рамки партии неизбежно узки по сравнению со стихийно растущей потребностью рабочих в объединении; то объединение, которое дается профессиональными союзами, может отчасти устранить этот недостаток конспиративных организаций, удовлетворяя потребность в объединении для более широких кругов рабочего класса, пока еще не имеющих возможности войти в партию, и являясь в то же время для них естественным преддверием объединения партийного.

Мы полагаем, однако, что чрезмерное увлечение профессиональной формою организаций заключало бы в себе и немалые опасности для развития политического движения пролетариата. С одной стороны, при обычном хроническом недостатке сил даже для выполнения самой насущной очередной партийной работы отвлечение этих сил для работы по устройству профессиональных союзов зачастую могло бы вести к значительному ослаблению самих партийных организаций. С другой стороны, в политически-революционной атмосфере профессиональные союзы легко приобретают политическую окраску, но соответственно уровню развития большинства рабочих, входящих в эти союзы, окраска эта может оказаться не социал-демократической, а более умеренной, демократически-либеральной, что угрожает политической деморализацией рабочих, воспитанием их в духе пошлого оппортунизма.

В виду всего изложенного мы предлагаем партийным организациям:

1. Систематически использовать, согласно указанию резолюции III съезда, существующие и возникающие професс. союзы в целях расширения соц.-демокр. агитации и пропа-

ганды и привлечения новых сил в партийные организации. Открытое выступление соц.-демократов в союзах и конспиративная организационная работа должны дополнять друг-друга, при чем следует стремиться к тому, чтобы утвердить в каждом данном союзе господствующее влияние соц.-демократии, но не к тому, чтобы ценою сужения рамок союза превратить его в конспиративно-партийную организацию.

2. Поддерживать в зависимости от наличных сил и средств как те профессиональные союзы, которые принимают всю нашу партийную программу, так и те, которые, не принимая определенной политической программы, представляют соц.-демократам свободную кафедру для пропаганды и агитации.

3. Что касается тех профессионально-политических рабочих союзов, которые принимают не соц.-демократическую, а какую-либо иную политическую программу, то на них надо систематически воздействовать через отдельных вступающих в эти союзы соц.-демократов в таком направлении, чтобы побудить их принять программу нашей партии; если же работа в этом направлении оказывается мало производительна и не обещает успеха, то надо стремиться к отделению от этих союзов элементов, могущих образовать вместо не соц.-дем. политических союзов либо чисто-профессиональные, либо профессиональные соц.-демократические рабочие союзы, в зависимости от состава и настроения объединяемых рабочих.

4. Инициативу устройства профессиональных союзов партийные организации должны брать на себя во всех тех случаях, где в пролетарской массе имеется налицо стремление к широкой организации на почве профессионального объединения, привлекая к организаторской работе самих рабочих, наиболее к ней способных и примыкающих к соц.-демократической программе и тактике.

От Федеративного Совета. Товарищи! Великая российская революция близится к победе. Наступающие решительные события требуют особенной сплоченности и единства пролетарской борьбы. От степени сознательности, степени организованности пролетариата и от единообразия его выступлений зависит, главным образом, исход революции. Полная победа революции может быть тогда, и только тогда, если во главе ее будет итти пролетариат, который сумеет повести за собой до конца крестьянство и мелкую городскую буржуазию в борьбе за демократическую республику.

В интересах сплоченности и организованности рабочего класса, а значит в интересах наиболее полного успеха революции, Пет. Комитет и Пет. Группа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии решили, несмотря на наличность тактических и организационных разногласий, образовать Федеративный Объединенный Совет для совместного руководства политическими выступлениями петербургского пролетариата в предстоящих событиях.

В задачи этого Федеративного Совета будет входить объединение и планомерное регулирование устной и литературной агитации и всех публичных выступлений пролетариата, равно как и сношения по техническим боевым вопросам со всеми остальными революционными организациями Петербурга.

В состав Федеративного Совета, кроме представителей Пет. Комитета и Пет. Группы, входят представители Центрального Комитета и Организац. Комиссии.

Пет. Ком.—Пет. Группа Р.С.-Д.Р.П.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Витебской группой: Контр-революция на Кавказе (совместно с к-том Бунда), приглашение на похороны; Красноярским к-том: Они спешат! (печ., 3.000 экз.), Ко всем (гект.); Костромским к-том: Ко всем гражданам (мимеогр.); Либавской группой: Ко всем либавским железнодорожным рабочим и служащим (гект.); Московским к-том: Кровавый царь, К населению, К новобранцам (все печ.); Петербургским к-том: Ко всем рабочим и работницам г. Петербурга (печ.); Тульским к-том: О свободе собраний (мимеогр.); Центр. к-том: План кампании по поводу Гос. Думы (гект.); К русскому народу (по поводу манифеста, печ.).

Кроме того, нами получены №№ 1 и 2 «Известий Совета Рабочих Депутатов»:

Содержание № 1 (17-го окт.). От совета депутатов. Хроника. Телеграммы. Результаты думского заседания.

Содержание № 2 (18 окт.). С.-Петербург 18-го окт. Отчет депутации, командированной общим рабочим советом в городскую думу. От Федеративного Совета. Резолюция собрания электрических станций и водопроводов. Товарищи рабочие! Ко всем хозяевам торговых и промышленных заведений. Нет подписи Трепова! Хроника. Резолюция Союза Союзов. Союз инженеров ко всем офицерам инженерных войск. Телеграммы.

От редакции. В виду того, что легальные газеты имеют фактическую возможность печатать многие сведения, попадавшие прежде лишь на столбцы нелегальной прессы, и вследствие этого дают обильный и свежий материал из области революционного движения, мы вынуждены сократить размеры «Пролетария» впредь до того времени, когда вполне выяснятся условия существования как легальной, так и нелегальной прессы.

Женева 2/15 ноября [1]).

События мчатся с головокружительной быстротой. Еще не успела улечься кровавая волна погромов и избиений, пронесшаяся по всей России, не пощадившая ни одного уголка, а уж назревают более грозные, более решительные события. Правительство думало успокоить страну мелкими уступками: оно «убрало» несколько ненавистных лиц—Победоносцева, вел. кн. Владимира, Оболенского, наконец, Трепова. Оно обещает сместить преступных губернаторов, оно делает, вид, что хочет вести строгое следствие по делам о погромах и убийствах. Но правительству уже никто не верит. Трепов смещен, но треповские креатуры попрежнему занимают все посты в администрации—от губернатора до городового. Грозят судом убийцам и громилам, а прокурор московской палаты выпускает на волю убийцу Баумана. Обещают охранять жизнь и имущество граждан, а погромы продолжаются, из Одессы целыми тюками вывозят награбленное имущество евреев.

Страна находится в состоянии полной анархии, и из этой анархии ее может вывести только решительная победа революции. И день окончательного расчета с самодержавием приближается; само правительство ускоряет его своей политикой. На Кавказе кипит борьба. Финляндия обеспечила себе фактическую свободу и вооружается, чтобы силой отстаивать эту свободу от врага. Польша охвачена пламенем: она требует автономии. А мудрое правительство вводит осадное положение, отменяет по отношению к Польше манифест 17-го окт. и делает все возможное, чтобы мирно манифестирующий народ толкнуть к открытому восстанию.

Внутри самой России назревают великие события. Восстает Кронштадт. Часть войск, посланных против восставших, переходит на их сторону. Город оказывается в руках «бунтовщиков». Правда, это неорганизованное, стихийное возмущение не может использовать позиции, оно утихает так же мгновенно, как возникло. Но тем ярче выступает картина дезорганизации и разложения главной опоры самодержавия — войска. Дезорганизация эта замечается повсюду. Солдаты и офицеры участвуют в манифестациях, говорят на митингах, призывают к борьбе. Революционный подъем подтал-

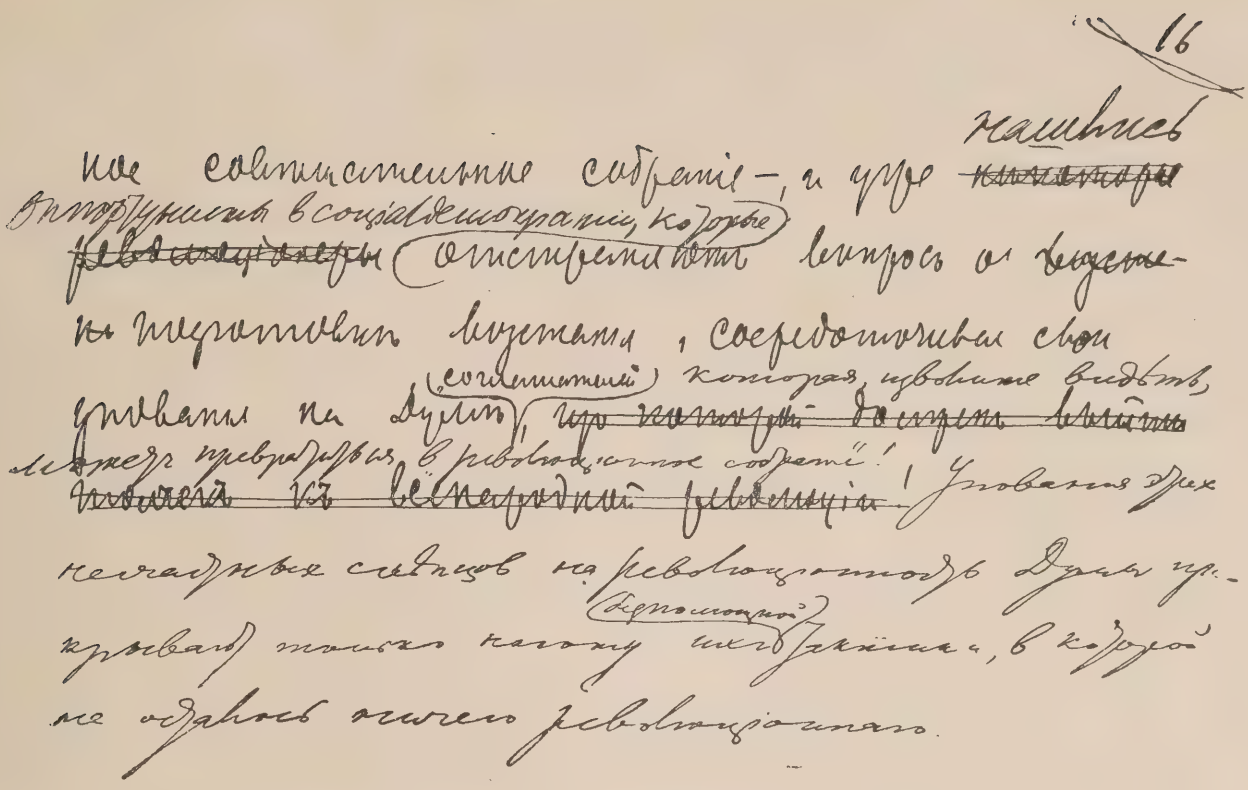
кивает и более робкие элементы общества—вчерашних соглашателей-либералов. Д. Шипов, Е. Трубецкой и М. Стахович отказались войти в министерство Витте. Городские управления переходят к решительным мерам, организуют милицию, порывают сношения с администрацией. Союз Союзов открыто призывает граждан к вооруженной борьбе. Либеральные газеты усвоили тон революционной печати.

И пусть не утешает себя правительство тем, что стачечное движение, якобы, затихает, что рабочие успокаиваются. Мы уже видели это «успокоение». Мы видели его минувшим летом, когда, казалось, улеглась волна, поднятая 9-м янв. И что же? После закона 6/19 авг. поднялась новая волна, выше, могучее, грознее первой. Она вырвала из рук немощного царя манифест 17 окт., но неудовлетворенная отбросила его прочь, как жалкую ветошь. Рабочие массы еще ничего не получили. И пока они не получат того, что им надо,—действительной политической свободы и решающего влияния на законодательную жизнь страны,—они никогда не успокоются. Уже близятся роковые дни созыва Думы и годовщины 9-го янв.,—дни, которые могут превратиться в мартовские иды для наших тиранов. Уже невидимо для глаза нарастает новая волна народного движения,—волна грозная, чреватая непредвиденными событиями, ибо она нарастает в деревне, в стихийно революционной крестьянской массе. И когда разрастется эта волна, она сметет с лица земли не только треповское самодержавие, но весь монархический строй, а с ним и дом Романовых!

(В. Воровский).

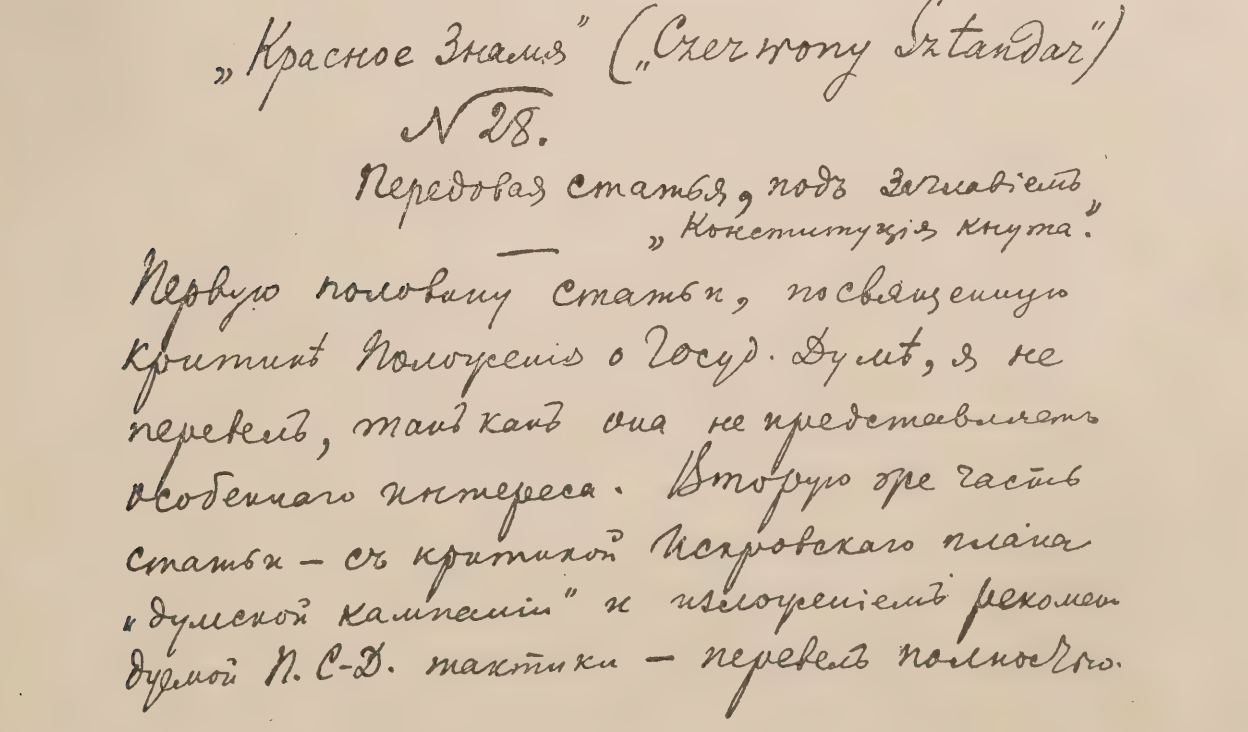
Примечания.

Прим. 1. В рукописи—$^1/_{14}$ ноября.



Рукопись тов. Воровского, правленная т. Лениным.

(Из статьи „Буржуазные „соглашатели“ и пролетарская революция“. См. стр. 52—55).



Факсимиле тов. Теодоровича.

(См. ст. „Польская соц.-демократия о Гос. Думе“, „Пролетар.“, № 22.)

LE PROLETAIRE

Prix 20 cts

ЖЕНЕВА. 25 (12) ноября 1905 г.

№ 26.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Между двух битв.

Женева, 15 ноября н. ст.

Большое сражение, которое дал пролетариат царизму, окончилось. Всероссийская политическая стачка, повидимому, прекратилась почти везде. Неприятель отступил всего более на одном из флангов (Финляндия), но зато он укрепился на другом (военное положение в Польше). В центре неприятель отступил очень немного, заняв, однако, сильную новую позицию и готовясь к еще более кровавому и более решительному бою. Военные стычки происходят непрерывно по всей линии. Обе стороны спешат пополнить свой урон, сплотить свои ряды, сорганизоваться и вооружиться как можно лучше для следующего сражения.

Таково приблизительно положение дел в настоящий момент на театре борьбы за свободу. Гражданская война естественно отличается от других войн тем, что формы сражений гораздо разнообразнее, число и состав сражающихся на обеих сторонах наименее поддается учету и наиболее колеблется, попытки заключить мир или хотя бы перемирие исходят не от сражающихся и переплетаются самым причудливым образом с военными действиями.

Временные приостановки военных действий особенно поощряют предприимчивость «примирителей». Витте лезет из кожи вон, выдавая себя и прямо и через посредство лакейской печати именно за такого «примирителя», прикрывая как только можно свою роль дипломатического слуги царизма. Правительственное сообщение признает—к удовольствию наивных либералов—участие полиции в черносотенских подвигах. Подслуживающаяся к правительству печать («Нов. Время», например) делает вид, что осуждает крайности реакционеров и «крайности» революционеров, конечно. Крайние представители реакции уходят (Победоносцев, Владимир, Трепов), недовольные мелкой игрой. Отчасти они по тупости своей не понимают того, как выгодна эта игра для сохранения наибольшей власти за царизмом; отчасти они рассчитывают—и рассчитывают правильно—что им удобнее развязать себе вполне руки и принять участие в той же самой игре, но в иной роли: в роли «независимых» борцов за могущество монарха, в роли «свободных» мстителей за «поруганные (революционерами) национальные чувства русского народа», — говоря попросту, в роли черносотенных вождей.

Витте потирает от удовольствия руки, видя «великие» успехи своей удивительно-хитрой игры. Он сохраняет невинность либерализма, усиленно предлагает министерские портфели вожакам партии к.-д. (даже Милюкову, по телеграмме корреспондента «le Temps»), адресуя собственноручное письмо г. Струве с приглашением вернуться на родину, стараясь изобразить из себя «белого», который одинаково далек и от «красных» и от «черных». А в то же время он приобретает вместе с невинностью и капиталец, ибо он остается главой царского правительства, сохраняющего в своих руках всю власть и выжидающего лишь наиболее удобного момента для перехода в решительное наступление против революции.

Характеристика, которую мы дали Витте в «Пролетарии», подтверждается вполне. Это—министр-клоун по своим приемам, «талантам» и по своему назначению. Это—министр либеральной бюрократии по тем реальным силам, которыми он до сих пор располагает, ибо с либеральной буржуазией ему еще не удалось сторговаться. Правда, этот торг все же мало-по-малу подвигается вперед. Торгующиеся выкрикивают свою последнюю цену, ударяют друг-друга по рукам, откладывают сделку до решений предстоящего на-днях земского съезда. Витте старается подкупить буржуазную интеллигенцию, расширяя избирательные права по выборам в Думу, давая ценз по образованию, бросая даже жалкий кусочек рабочим (которые должны насытиться 21-м местом при системе непрямых выборов «от рабочих»!!), божась, что только бы собралась Дума, только бы высказалась она или хотя бы даже меньшинство в ней за всеобщее избирательное право, и поддержка его, Витте, этому требованию вполне, вполне обеспечена.

Но торг все-таки не приводит еще пока ни к чему. Торгующиеся ведут свои переговоры помимо тех, кто действительно сражается, и это не может не парализовать усилий наших «честных маклеров». Либеральная буржуазия сама по себе охотно приняла бы Государственную Думу,—ведь, она принимала ее даже в «совещательном виде», ведь, она отвергла активный бойкот уже в сентябре. Но в том-то и суть, что за эти два месяца, прошедшие с тех пор, революция сделала гигантский шаг вперед, пролетариат дал серьезное сражение и впервые одержал сразу крупную победу. Государственная Дума, эта презренная и гнусная комедия народного представительства, оказалась похороненной: ее разбил вдребезги первый удар могучего пролетарского натиска. Революция в несколько недель разоблачила близорукость тех, кто собирался итти в булыгинскую Думу или поддерживать идущих в Думу. Тактика активного бойкота получила самое блестящее подтверждение, которое только может получить тактика политических партий в боевые моменты: подтверждение делом, проверку ходом событий, признание бесспорным и неоспоримым фактом того, что вчера казалось недаль-

новидным людям и трусливым торгашам слишком смелым «прыжком в неизвестное».

Рабочий класс хорошо пугнул «думских» комедиантов,—так пугнул, что они боятся теперь поставить ногу на этот хрупкий, надломленный мостик, боятся даже поверить в прочность «новейшей», наскоро произведенной государственными «ремесленниками» починки. Роли немножечко передвинулись. Вчера товарищи Парвус, Череванин и Мартов хотели брать революционное обязательство с тех, кто идет на этот мостик, обязательство требовать в Думе созыва Учредит. Собрания. Сегодня место этих соц.-дем. занял президент кабинета министров граф Сергей Юльевич Витте, который уже дает «революционное» обязательство поддерживать хотя бы одного единственного депутата Думы, требующего созыва Учредительного Собрания.

Но либеральные буржуа, к.-д., так осрамились первый раз, что не желали бы повторения печального опыта. Они уже совсем наладили «избирательную кампанию», наши добрые парламентарии из «Освобождения» и из «Русских Ведомостей»; они уже выбрали центральный комитет для руководства этой кампанией; они устроили даже юридическое бюро для подачи населению советов относительно того, имеет ли право земский начальник непосредственно разогнать крестьянских выборщиков или должен предварительно спросить губернатора. Одним словом, они уже совсем-было улеглись спать на пожалованном всем российским Обломовым диване, как вдруг... невежливым движением плеча пролетариат сбросил Думу и всю «думскую» кампанию. Неудивительно, что либеральные буржуа не склонны верить теперь «революционным обязательствам» ласкового графа. Неудивительно, что они менее склонны теперь пожать протягиваемую им графскую руку, что они чаще оглядываются влево, хотя слюнки и текут у них при виде пышного, украшенного новыми сахарными завитушками думского пирога.

Переговоры Витте с вождями либеральной буржуазии имеют, несомненно, серьезнейшее политическое значение, но только в том отношении, что они подтверждают лишний раз внутреннее родство либеральничающей бюрократии с защитниками интересов капитала,—только в том отношении, что они показывают лишний раз, как именно и кто именно собирается хоронить русскую революцию. Но эти переговоры и сговоры не удаются именно потому, что революция еще жива. Революция не только жива,—она сильнее, чем когда-либо, она еще далеко, далеко не сказала своего последнего слова, она только начала развертываться во всю ширь сил пролетариата и революционного крестьянства. Вот почему переговоры и сговоры министра-клоуна с буржуазией носят такой мертвенный характер: они не могут получить серьезного значения во время горячей борьбы, когда враждебные силы стоят друг против друга между двух решительных битв.

В такое время политика революционного пролетариата, сознающего свои всемирно-исторические цели, стремящегося не только к политическому, но и к экономическому освобождению трудящихся, не забывающего ни на минуту о своих социалистических задачах,—его политика должна быть особенно тверда, ясна и определенна. Гнусной лжи министра-клоуна, тупоумным конституционным иллюзиям либералов и буржуазных демократов он должен решительнее, чем когда-либо, противопоставить свой лозунг свержения царской власти путем всенародного вооруженного восстания. Революционный пролетариат гнушается всякого лицемерия и беспощадно борется со всеми попытками затушевать действительное положение вещей. А в современных речах о конституционном режиме в России что ни слово, то лицемерие, что ни фраза, то старая, казенная ложь, служащая для цели спасения тех или иных остатков самодержавной крепостной России.

Толкуют о свободе, говорят о народном представительстве, ораторствуют об Учредительном Собрании, и забывают постоянно, ежечасно и ежеминутно, что все эти хорошие вещи пустые фразы без серьезных гарантий. А серьезной гарантией может быть только победоносное народное восстание, только полное господство вооруженного пролетариата и крестьянства над всеми представителями царской власти, которые отступили шаг назад перед народом, но далеко не подчинены еще народу, далеко не низложены народом. И пока эта цель не достигнута, до тех пор не может быть настоящей свободы, настоящего представительства народа, действительно Учредительного Собрания, которое бы имело силу учредить новые порядки в России.

Что такое конституция? Бумажка, на которой записаны права народа. В чем гарантия действительного признания этих прав? В силе тех классов народа, которые осознали эти права и сумели добиться их. Не будем же обольщаться словами,—это приличествует только краснобаям буржуазной демократии,—не будем ни на минуту забывать того, что сила доказывает себя только победой в борьбе, и что мы далеко еще не одержали полной победы. Не будем же верить красивым фразам,—мы переживаем как-раз такое время, когда идет открытая борьба, когда все фразы и все обещания проверяются немедленно на деле, когда словами, манифестами, посулами конституции одурачивают народ, стараются ослабить его силы, разрознить его ряды, побудить его к разоружению. Нет ничего лживее подобных обещаний и фраз, и мы с гордостью можем сказать, что пролетариат России уже созрел для борьбы как с грубым насилием, так и с либерально-конституционной фальшью. Доказательство—то воззвание жел.-дорожных рабочих, о котором сообщили недавно заграничные газеты (оригинала мы, к сожалению, не имеем). Собирайте оружие, товарищи,—говорит это воззвание,—организуйтесь для борьбы неустанно, с удесятеренной энергией. Только вооружившись и сплотив свои ряды, сможем мы отстоять завоеванное и добиться полного выполнения своих требований. Придет пора—мы поднимемся опять все, как один человек, для новой, еще более упорной борьбы за полную свободу.

Вот—единственные наши гарантии! Вот единственная не призрачная конституция свободной России! Посмотрите, в самом деле, на манифест 17 октября и на русскую действительность: может ли быть что-нибудь поучительнее этого признания конституции царем на бумаге и—действительной «конституцией», действительным применением царской власти? Ведь, царский манифест содержит обещания безусловно конституционного характера. И вот вам цена этих обеща-

ний. Личность объявлена неприкосновенной. Но те, кто самодержавию не угоден, остаются в тюрьмах, в ссылке, в изгнании. Собрания объявлены свободными. Но университеты, создавшие на Руси впервые свободу собраний на деле, закрыты, и вход в них охраняется полицией и войском. Печать свободна, и поэтому орган рабочих интересов, газета «Новая Жизнь», конфискуется за напечатание социал-демократической программы. Место черносотенских министров заняли министры, провозгласившие правовой порядок. Но черносотенцы «работают» еще сильнее при помощи полиции и войска на улице, и неугодных царизму граждан свободной России свободно и безнаказанно расстреливают, избивают, калечат.

Надо быть слепым или ослепленным классовой корыстью, чтобы при таких назидательнейших уроках жизни придавать в настоящее время действительное серьезное значение тому, обещает ли Витте всеобщее избирательное право, подпишет ли царь манифест о созыве «Учредительного» Собрания. Если бы даже эти «акты» и состоялись, они все-таки не решали бы исхода борьбы, они все-таки не создали бы действительной свободы выборной агитации, все-таки не обеспечивали бы за всенародным собранием представителей действительно учредительного характера. Учредительное Собрание должно юридически закрепить, парламентски оформить строй жизни в новой России, но прежде чем закреплять победу нового над старым, но для того, чтобы оформливать эту победу, надо действительно победить, надо сломить силу старых учреждений, смести их прочь, сравнять старое здание с землей, уничтожить возможность сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны полиции и ее шаек.

Полную свободу выборов, полную власть Учредительного Собрания может обеспечить только полная победа восстания, свержение царской власти и замена ее временным революционным правительством. К этому должны быть направлены все наши усилия, организация и подготовка восстания должны стоять безусловно на первом плане. Лишь в той мере, в какой восстание будет победоносно и его победа будет решительным уничтожением врага,—лишь в той мере и собрание народных представителей будет не на бумаге только всенародным и не на словах только учредительным.

Долой же всякое лицемерие, всякую фальшь и всякие недомолвки! Война объявлена, война кипит, мы переживаем маленький перерыв между двумя битвами. Середины не может быть. Партия «белых»—один обман. Кто не за революцию, тот—черносотенец. Это не мы только утверждаем. Это не нами придуманная формулировка. Это говорят всем и каждому залитые кровью камни мостовых в Москве и Одессе, в Кронштадте и на Кавказе, в Польше и в Томске.

Кто не за революцию, тот—черносотенец. Кто не хочет потерпеть того, чтобы русская свобода была свободой полицейского разгула, подкупа, спаивания, нападения из-за угла на безоружных, тот должен вооружаться сам и готовиться немедленно к битве. Нам надо завоевать не обещание свободы, не бумажку о свободе, а настоящую свободу. Нам надо добиться не унижения царской власти, не признания ею прав народа, а уничтожения этой власти, ибо царская власть есть власть черносотенцев над Россией. И это тоже не наш вовсе вывод. Это вывод жизни. Это урок событий. Это—голос тех, кто чужд был доселе всякому революционному учению и кто не смеет сделать ни одного свободного шага, сказать ни одного свободного слова на улице, в собрании, у себя дома, не подвергаясь самой непосредственной и грозной опасности быть растоптанным, растерзанным, разорванным шайкой царских сторонников.

Революция заставила, наконец, выйти наружу эту «народную силу», силу царских сторонников. Она заставила показать всем воочию, на кого действительно опирается царская власть, кто действительно поддерживает эту власть. Вот они, вот эта армия озверелых полицейских, забитых до полоумия военных, одичалых попов, диких лавочников, подпоенных отбросов капиталистического общества. Вот кто царствует теперь в России, при прямом и косвенном содействии девяти десятых всех наших правительственных учреждений. Вот она—российская Вандея, столь же похожая на французскую Вандею, как «законный» монарх Николай Романов похож на проходимца Наполеона. И наша Вандея тоже не сказала еще своего последнего слова,—не заблуждайтесь насчет этого, граждане. Она тоже только начинает еще развертываться как следует. У нее тоже есть еще «запасы топлива», накопленные веками темноты, бесправия, крепостничества, полицейского всевластья. Она соединяет в себе всю дикость азиатчины со всеми омерзительными сторонами утонченных приемов эксплоатации и одурачения всех тех, кто всего более задавлен, замучен городской капиталистической цивилизацией, кто доведен до положения хуже зверя. Эта Вандея не исчезнет ни от каких манифестов царя, ни от каких посланий синода, ни от каких перемен в высшей и низшей бюрократии. Ее может сломить только сила организованного и просвещенного пролетариата, ибо только он, эксплоатируемый сам, в состоянии поднять всех стоящих ниже его, пробудить в них людей и граждан, показать им дорогу к избавлению от всякой эксплоатации. Только он может создать ядро могучей революционной армии, могучей и своими идеалами, и своей дисциплиной, и своей организацией, и своим героизмом в борьбе, перед которыми не устоять никакой Вандее.

И пролетариат, руководимый социал-демократией, приступил уже повсюду к образованию этой революционной армии. В ее ряды должен итти всякий, кто не хочет быть в армии черносотенцев. Гражданская война не знает нейтральных. Кто сторонится от нее, тот поддерживает своей пассивностью ликующих черносотенцев. На красную и черную армию распадается и войско. Всего две недели тому назад указывали мы на то, как быстро втягивается оно в борьбу за свободу. Пример Кронштадта показал это наглядно. Пусть правительство негодяя Витте победило восстание в Кронштадте, пусть расстреливает оно теперь сотни матросов, еще раз поднявших красный флаг,—этот флаг взовьется еще выше, ибо это знамя есть знамя всех трудящихся и эксплоатируемых во всем мире. Пусть лакейская печать, в роде «Нового Времени», кричит о нейтралитете войска,—эта гнусная и лицемерная ложь разлетается, как дым, перед каждым новым подвигом черносотенцев. Войско не может быть, никогда не было и никогда не будет нейтральным. Оно распадается с громадной быстро-

той именно теперь на войско свободы и войско черной сотни. Мы ускорим это распадение. Мы предадим позору всех нерешительных и колеблющихся, всех чурающихся идеи немедленного образования народной милиции (московская дума, по последним известиям заграничных газет, отвергла проект образования народной милиции). Мы удесятерим нашу агитацию в массах, нашу организационную деятельность по образованию революционных отрядов. Армия сознательного пролетариата сольется тогда с красными отрядами российского войска,—и посмотрим, осилят ли полицейские черные сотни всю новую, всю молодую, всю свободную Россию!

Новый организационный устав германской соц.-дем. партии [1]).

Если читатели следили летом этого года за интересной—с точки зрения социал-демократической—«перепиской» между германским канцлером Бюловым и Жорэсом по поводу предполагавшейся поездки последнего в Берлин, то они припомнят одно знаменитое место в письме канцлера, где он говорит, что он против Жорэса лично ничего не имеет, так как Жорэс не в пример Бебелю и другим немецким социал-демократам вполне лойяльный человек и чуть ли даже не патриот в кавычках. В то же время французские буржуазные и шовинистские газеты, указывая на немецких социал-демократов и «передергивая» цитаты из одной речи Бебеля, уверяли, что они именно против германских социал-демократов ничего не имеют, которые, дескать, не чета французским врагам отечества из красных. Одним словом, буржуазия разных стран в своей борьбе с пролетариатом и представителями его любят всегда ссылаться на заграницу и «кивать на Петра».

Mutatis mutandis этот метод доказательства является излюбленным политическим приемом и у наших товарищей из «меньшинства». В период разгара полемики по организационному вопросу меньшевики то и делали, что «притаскивали за волосы» то Каутского, то Розу Люксембург и заставляли их свидетельствовать, что централистические тенденции Ленина суть не что иное, как плод досужей и самодержавной фантазии, что, мол, вот у них, у немцев, нет таких деспотических течений, что особенно в эпоху господства закона против социалистов о централизме никто не помышлял. Нужды нет, что Каутский и руками и ногами отмахивался от навязанной ему экспертизы, чистосердечно заявляя, что он отказывается судить о русских делах, не будучи знаком с ними. Нужды нет, что Роза Люксембург вообще ни о чем не свидетельствовала, а только наговорила множество сильных слов, не шедших к делу. Едва ли вообще имеет теперь смысл продолжать полемику с «Искрой» и доказывать несостоятельность ее тактических лозунгов и организационных принципов. Первые опровергались самой «Искрой» один за другим приблизительно через каждые 2—3 номера. Вторые опровергнуты жизнью, и ближайший анализ последних революционных дней покажет, вероятно, чьи принципы легли в основу русской революции: дезорганизаторски-демагогические «меньшевиков» или истинно-социал-демократические III съезда.

Я не намерен в настоящей статье «притаскивать за волосы» новый устав наших немецких товарищей для доказательства верности наших организационных принципов. Аналогия, вообще,—не доказательство. Но проследить за тем, как принципы единой централизованной партии, принципы всецело и непосредственно, вытекающие, по нашему глубокому убеждению, из основных посылок социал-демократического учения, как основанного на борьбе классов и на выступлении пролетариата под предводительством сплоченных и сомкнутых рядов своего авангарда—социал-демократии, показать, как эти принципы сознаются постепенно социал-демократией всего мира и проникают мало-по-малу и в ряды Германской Партии, более всего, по своим политическим особенностям (о них после), склонных к децентрализации,—я считаю небезынтересным и в настоящий момент, когда организационные разногласия навремя отошли на задний план.

Новый организационный устав Германской С.-Д.Р.П. разрабатывался в течение целого года в особой комиссии, проект которой был принят, после долгих дебатов и многочисленных представленных с разных сторон резолюций, партейтагом почти без изменений. Борьба велась ожесточенная и упорная, и велась она так же, как и у нас, между представителями двух течений: централистами и децентралистами. Но—и я советую товарищам из меньшевиков обратить внимание на это обстоятельство—в то время как строгой централизации и совершенного устранения господствовавшей доси пор lose Organisation требовали ортодоксальные марксисты, как Бебель, Каутский и Роза Люксембург,—за сохранение старой системы, за «демократизм» наизнанку и прочие искровские теории стояли все ревизионисты, гессенцы, баварцы с Фольмаром во главе. И именно, благодаря влиянию Фольмара, который был докладчиком по этому вопросу, желаемая наиболее выдержанною частью партии полная централизация не была проведена, а вместо нее явился компромисс между обоими течениями, в результате которого новый устав, хотя и представляет собою значительный шаг вперед, страдает крайней непоследовательностью.

Новым в уставе является, во-первых, конструирование местных организаций. Как известно, Германия представляет собою в государственно-правовом отношении, союзное государство с автономными частями, объединенными только общеимперскими делами, как, напр., войском, дипломатией и др. Естественно, что образование социал-демократической партии пошло здесь сперва по тому же пути: автономия, граничащая с полной разрозненностью организаций отдельных стран и исскуственное спаивание этих отрывков в лице Parteivorstand'a соответствующего нашему ЦК, и партейтага. Таким образом, в сущности не было германской социал-демократической партии, а были партии: прусская, баварская, баденская и т. д., каждая с своим ЦК — Landesorganisation и даже своим партейтагом. Каждая из таких партий не была обязана ЦК партии ни отчетностью в своих действиях, ни денежной помощью. Единственной связью между частями и целым, связью искусственной и потому не достигавшей цели являются так-называемые Vertrauensmaenner, доверен-

ные лица Parteivorstand'a. Каждая местная организация совершенно самостоятельно выставляла своих кандидатов в рейхстаге, совершенно не справляясь с мнением центра. Одним словом, дезорганизация была полная. И результаты этой дезорганизации были налицо. Если вы присмотритесь к соц.-дем. литературе, скажем, Саксонии и Баварии, то вы иногда вынесете впечатление, что перед вами не одна партия, объединенная общею программою и тактикой, а две социал-демократии. В одной на-страже социал-демократических принципов стоит такой строгий «ортодокс», как Мерінг, в другой царит Фольмар и пышно расцветает ревизионизм. В одном месте борьба с либералами ведется не на живот, а на смерть, в другой заключается временный союз с клерикальным центром. Из одного места посылается в рейхстаг анархист Фридберг, а из другого защитник таможенных пошлин Шиппель. В то время, как Parteivorstand выдвигает новый революционный лозунг всеобщей стачки, часть местных организаций боится даже произнести это слово. И т. д. и т. д.

В новом уставе все эти противоречия не устранены совершенно, но значительно уменьшены. На партейтаге баварцы и гессенцы настаивали на сохранении старой организации целиком, а по некоторым параграфам, подобно нашим Акимовым, демонстративно воздержались от голосования. Особенно сопротивлялись упразднению институтов Vertrauensmaenner, так как тем самым местные комитеты обязываются отдавать ежегодно отчет в своей деятельности ЦК. Но здесь одержал победу принцип централизма. Согласно новому § (9) устава председатели соц.-дем. ферейнов обязаны каждый год не позже 15 июня представить отчет Parteivorstand'у «о способах и объеме агитации, количестве организованных рабочих» и т. д. Вместо прежней формулировки Фольмара: «в тех избирательных округах, где существуют рабочие организации, объединенные в ферейны Vertrauensmaenner обязаны» и т. д. в § 7 нового устава говорится: «там, где нет ферейнов, Vertrauensmaenner» и т. д. Таким образом, комитеты теперь непосредственно связаны с центром, и организация обещает быть более прочною. Далее, создается связь материальная. Первоначальный проект устава предполагает обязать местные ферейны отчислять в центральную кассу 25% своих доходов. Против этого опять восстали баварцы и гессенцы. Некоторые из них не хотели вовсе таких отчислений; другие торговались. Этим удалось, наконец, выторговать 5% и согласно § 6 нового устава отчисление производится в размере 20%. Небезынтересно, может-быть, сопоставить с этим § 8 устава нашей партии, выработанный III съездом, [который делает шаг вперед по сравнению с] § 9 прежнего устава.

Я уже говорил выше, что новый устав германской партии представляет собою компромисс между левым крылом ортодоксальных марксистов и правым крылом—ревизионистами. Оппортунизм последних победил, точно так же, как это случилось на II съезде под влиянием оппортунистской части нашей партии, по вопросу о 1-м § устава. Несмотря на все старания «ортодоксов», настаивавших на предъявлении более строгих требований к члену партии, 1-й § остался в новом уставе неизменным. И к чести т. Мартова надо сказать, что его германские единомышленники—Фольмар, Ауэр и др. пошли еще дальше его в своем оппортунизме. Сохраненный по их настоянию 1-й § устава гласит: «Принадлежащим к партии считается каждый, кто признает программу партии и поддерживает последнюю продолжительное время денежными средствами». Здесь, как видите, нет даже мартовского «личного содействия». Правда, считая членом партии убежденного социал-демократа, хотя и не работающего в партии, немцы исходили не из чувства жалости к профессорам, как этого требовал т. Аксельрод на II съезде, а имели в виду более низкие ранги, как, например, чиновников, мелких служащих и так далее, которые нередко при всем своем желании не могут работать в партии и принуждены ограничиваться, так-сказать, пассивным сочувствием. Правда, и то, что § 2 нового устава (перенесенный, впрочем, из старого) говорит, что «к партии не может принадлежать тот, кто грубо нарушил основные пункты программы». Этот § в значительной степени усиливает значение 1-го §. Если бы у нас, наприм., существовал подобный §, то тов. Мартынов вместе с выпуском в свет своих «Передовых и отсталых» принужден был бы отказаться от звания члена партии, а еще раньше того пришлось бы остаться за бортом всей редакции «Искры» с ее планом земской кампании и позднейшими лозунгами по отношению к булыгинской Думе.

Новыми §§ устава, вполне отражающими компромиссный характер его, являются §§ 4—6, регулирующие состав партийных организаций. В прежнем уставе отсутствовали всякие нормы на этот счет. Другими словами: во всякой стране усмотрению членов партии представлялось конструировать свои организации, как ей заблагорассудится. Большую кружковщину трудно было бы себе представить. § 4 нового устава кладет в основу партийной организации, в виде ее первоначальной ячейки, избирательный округ. Этот последний составляет ферейны, членами которого обязаны состоять все проживающие в данной местности члены партии, «поскольку этому не препятствуют неопреодолимые обстоятельства» (подчеркнутое слово тоже подверглось сильным нападкам ревизионистов, т. к. здесь нарушается оппортунистическая гармония 1-го §). Но следующий § 5-й—плод редакционных поправок баварцев и гесенцев— уже нарушает это организационное единство и вносит прежнюю путаницу. Согласно этому § местные ферейны соединяются в округа, а последние в организацию по странам — Landesorganisation, которые управляются совершенно самостоятельно по своим собственным статутам (последние не должны, разумеется, итти вразрез с уставом партии). Таким образом, прежнее зло не устранено, и мы видим опять не германскую соц.-дем. партию, а баварскую, саксонскую, прусскую и т. д.

Другие новые §§ устава не имеют уже такого большого значения, хотя и около них сосредоточивалось и на партейтаге, и еще до него на собраниях и в литературе, горячая борьба левого и правого крыла партии. Это прежде всего 2-ая половина 23-го §, которая гласит: «Parteivorstand разрешает возникающие недоразумения между организацией избирательного округа и окружным комитетом при назначении кандидатов в рейхстаг». Если мы припомним, что во время последних выборов в рейхстаг, благодаря подобным «недоразумениям» едва не попал в рейхстаг буржуазный демократ Гере, которого против воли ЦК и несмотря на протест послед-

него выставила одна организация, то мы поймем всю важность нового §, которому так противились все те же ревизионисты. Отметим далее новые §§ 27 и 28, трактующие о порядке исключения из партии на основании приведенного выше § 2-го. Здесь, как и в новой части § 23-го, победили опять-таки централисты. Согласно § 27 третейский суд, постановляющий решение об исключении из партии, созывается ЦК, а не местной организацией, как того желали баварцы и гессенцы. Далее, исключенные из партии, тем самым исключаются и из комитета, если он состоял членом последнего. Наконец, исключенный из партии может быть принят обратно только по решению партейтага (§ 29).

Я отмечу только вскользь новый § 10-й, устанавливающий для планомерной агитации среди женского пролетариата институт особых доверенных лиц из женщин. Недостаток места не позволяет мне также коснуться дебатов об участии на партейтаге парламентской фракции партии,—дебатов, не приведших ни к каким результатам, т. к. здесь все осталось по старому.

Позволю себе в заключение остановиться на некоторых §§ устава наших немецких товарищей, §§, хотя и не новых, но представляющих громадный интерес для нашей партии и для того casus belli, который послужил одной из причин—внешних или внутренних—это мы оставим на совести товарищей из «меньшинства»—раскола в нашей партии. Я имею в виду пресловутый спор о центрах [или, точнее, о взаимоотношении ЦК и ЦО,—спор, в котором «меньшевики» начали с воплей об «отдаче ЦК под надзор ЦО» и кончили — после благополучной кооптации — полным подчинением всей практической работы, т.-е. и ЦК и комитетов, литературному кружку новой «Искры»].

В германской партии существует только один центр—ЦК, Parteivorstand,—[совсем так же, как и по уставу III съезда нашей партии], а § 21 устава [германской партии] почти буквально совпадает с § 5-м нашего устава. Правда, рядом с ЦК существует еще и контрольная комиссия. Но, во-первых, контрольная комиссия ревизует только деятельность ЦК и разрешает возникающие тяжбы, а не является высшим учреждением партии [параллельным Ц. К-ту. Таким образом, контрольная комиссия не является вторым центром, она вообще не центр, а так] сказать, регулятор к нему. Точно так же нет и ЦО в виде отдельной партийной коллегии... Редакторы ЦО [—совершенно так же, как и по нашему уставу—]назначаются ЦК совместно с «комиссией прессы», имеющей чисто локальный характер. Если бы не было этого, а германская партия захотела бы следовать принципам искровцев, то она в возникшем теперь конфликте между ред. «Vorwärts'а» и ЦК—я еще вернусь к этому на столбцах «Пролет.»—оказалась бы в таком же положении, как и большинство нашей партии после II съезда, когда ЦО вкупе с Советом, игнорируя постановление съезда, оттеснили от органа большинство партии и принялись проводить свои оппортунистические взгляды.

Повторяю—аналогия не доказательство. Но, когда видишь торжество своих принципов среди самой сильной части интернационального пролетариата, когда замечаешь, что постепенно провозглашенные нами начала истинно соц.-дем. организации начинают прививаться и в других партиях, то еще раз убеждаешься, что правда за нами. И еще крепче растет вера в могущество и силу единой Российской Соц.-Дем. Партии, в ее конечную победу политическую и социальную.

Сашин.

Непрерывная революция.

Счастлив, кто пережил славный год, год русской революции, который будет отмечен в книге истории, как не менее грандиозное событие, чем французская революция 1789 года. Все революции 19-го века были потомками той революции, правда истинными потомками, но ослабленными; даже революция 1848 года не составляет исключения. Как ни сильно было это движение и как ни далеко простирались его косвенные результаты, но и оно вывело лишь результаты из 1789 года для Западной Европы, и от русской границы вал должен был отступить назад.

Что различает величие русской революции от величия революции французской, так это передовая роль сознательного рабочего класса в первой. Бастилия тоже была взята рабочими предместья св. Антония, победу на баррикадах 18-го марта 1848 г. одержали над прусской гвардией берлинские рабочие. Но герои этих революций были вместе с тем их жертвами; уже в день победы буржуазия вырвала у них ее награду. И после этого революции умирали по примеру революции 1789 года; контр-революция 48 и 49 годов легко добилась успеха, потому что рабочие устали уже таскать для других каштаны из огня, потому что их классовое самосознание было недостаточно развито для того, чтобы они могли разобраться между насилием феодалов и изменами буржуазии.

Слабость европейской революции 48-го года преобразилась в сильную сторону для русской революции 1905 года, носителем ее явился пролетариат, который понял тот лозунг «непрерывной революции», который «Новая рейнская газета» проповедовала еще глухим ушам. Их кровь лилась ручьями под пулями и саблями царских палачей, но русские рабочие с упорством преследовали свою цель и поколебали, наконец, царскую власть в самых ее основах могучим оружием политической массовой стачки. С новым царским манифестом азиатская деспотия умирает навсегда; давая конституцию, она переходит Рубикон и отрезывает себе отступление.

Это первый великий успех русского пролетариата, и никогда еще ни в какой стране пролетариат не добивался еще столь большого успеха путем революционной борьбы. Бойцы Бастилии и берлинских баррикад были тоже способны на геройский подъем духа, но они не способны были на тот неустанный и упорный натиск, какой проявили русские рабочие. Однако, этот их первый успех ставит их перед несомненно большей

Друзья порядка.

Слово «революция» повергает в ужас даже самого либерального филистера. Если вы ему преподнесете самые крайние требования под соусом так-назыв. «эволюции», т.-е. как нечто достижимое без «насилия» и «потрясений», то филистер добродушно начнет заявлять вам: «Я, батенька, в сущности, сам демократ... и даже немножко социалист... но нельзя же так вдруг!»...

Ненависть филистера к революции объясняется двумя причинами. Во-первых, буржуазная душа филистера прекрасно понимает, что все эти социалисты-«эволюционисты», а особенно демократы-«эволюционисты» ему не только не опасны, так как склонны лишь вяло и пассивно плестись за событиями, а отнюдь не прилагать все усилия к их ускорению, но даже полезны, потому что отводят глаза нетерпеливому пролетарию. Буржуа рад, когда пролетарий мечтает, но под условием, чтобы, услаждаясь приятной мечтой, он помнил, что лишь «эволюция», «история», словом, своего рода «провидение» приведет его потомков в мир, где жареные рябчики сами будут падать в рот, и, помня это, запасся бы величайшей из добродетелей—терпением. Но при слове «революция» буржуа чувствует, как почва под его ногами начинает раскаляться. Пусть даже говорят не о социальной, а о чисто политической революции, неясно ли, что она подразумевает упрямый, отнюдь не терпеливый натиск народа на старый порядок? Но при таком натиске—буржуа знает это очень хорошо—самосознание, организованность, а на-ряду с этим и требовательность народных масс, и прежде всего рабочего класса, растут с «ужасающей» быстротой. «Революция! но, ведь, революция сломит полицию, хранителей порядка, и мы, зажиточные, образованные, гуманные баре, окажемся в зависимости от «алчного» пролетариата»!

Поэтому никто не удивляется, когда буржуазия предпочитает сделку с ненавистным Держимордой—победе опасного и беспокойного пролетариата.

И никаких утешений преподать либеральным буржуа на этот счет мы не в силах.

Но есть другая распространеннейшая причина ненависти обывателей к «революции». Революция—это поджоги, убийства, грабеж, это дикая анархия, это разнузданное самоуправство «одичалых масс!».

Как, вы хотите, чтобы самый гуманный и самый либеральный человек, который «в сущности со всем согласен!»—при таких условиях способствовал, напр., вооружению народа?

«Я понимаю,—говорит он вам,—завоевать свободу, конечно, улучшить положение рабочего класса... Я очень, очень сочувствую... Но вооружать народ—нет, извините! Порядок не должен нарушаться. Боритесь, господа, но не разжигайте страстей, не вызывайте гражданской войны. Вы хотите зажечь пожар, но сможете ли вы удержать его во-время? Сможете ли вы руководить раздутым вами пламенем? Ручаться за все дальнейшие действия разрушительных стихий? А что, если толпа в опьянении кровопролития начнет грабить, подожжет мой дом, изнасилует моих дочерей?..» Тут либеральный барин зажмуривает от ужаса глаза: «Что же тогда, милостивый государь?..—кликнуть городового я уже не смогу: городового не будет! Защищаться самому?—я не военный и не умею даже обращаться с револьвером. Ожидать вашей помощи?—Но уверены ли вы, что ваши революционные, ваши социал-демократические комитеты не будут поглощены в общем наводнении, что голос ваш не затеряется в реве бушующей толпы, и вы с отчаянием не увидите, как вам грозят тем самым ору-

---

задачей,—перед задачей сохранить боевое настроение и после победы. В истории войн постоянно повторяется факт, что после блестящих побед трудно заставить итти в огонь даже самые храбрые войска, и таким образом часто не удается использовать победы преследованием врага. Потребность в отдыхе по освобождении от грандиозного напряжения лежит глубоко в человеческой природе; вот почему буржуазия так счастливо спекулировала на тот момент, когда пролетариат стряхнет для нее плод с дерева.

Не без основания одна буржуазная газета сравнивает манифест царя с обещаниями Фридриха-Вильг. 4-го, после того, как его гордость была сломлена революцией. Действительно это почти те же обещания! Неприкосновенность личности, свобода совести и слова, законодательное собрание на основе широкого избирательного права. Буржуазная позиция хорошо знает, что, когда присмиревший самодержец делает подобные уступки, то все эти прекрасныя вещи не плавают, как масло, на революционном супе, но имеют крепкие корни, что самодержавие, которое принудили так склониться, никогда уже не сможет в гордой силе поднять свою голову. Но в интересах этой оппозиции уменьшать завоевания революции, чтобы обезоружить пролетариат, в ее интересах уверить его, что новый натиск может погубить дело. Поэтому-то после всякого успеха революции раздаются буржуазные вопли о «спокойствии во что бы то ни стало», будто бы ради блага рабочих,—на деле из хладнокровно-хитрого расчета.

Это—самый опасный час революции, но, хотя он приносил в прошлом пролетариату несчастье, на этот раз русские рабочие вышли блистательно из испытания, решительно ответив на манифест! Непрерывная революция! Прекрасным свидетельством для наших русских братьев является такая телеграмма из Петербурга в буржуазные газеты: «Под влиянием социалистов настроение общества стало менее благосклонным, чем можно было ожидать этого сегодня утром. В настоящее время превосходная организация социалистов взяла перевес над буржуазией». Рабочие и не думают разоружаться; сегодняшние победители не хотят быть завтра обманутыми и в этом виден великий, всемирно-исторический прогресс.

Конечно, русские рабочие знают, что в один день не делают чудес, они не в силах перескочить через ступень исторического развития и внезапно превратить тюремное царское государство в социалистическое общество. Но они могут сократить и сгладить свой дальнейший путь, если не отдадут своей революционной мощи за обещания буржуазии. В месяцы и недели мо-

жием, которое вы роздали? И как отец, советую вам, молодые люди, бороться менее опасными средствами».

И сбылось! Не правда ли, господа либералы, сбылось? Десятки тысяч евреев, тысячи интеллигентов других национальностей убиты, замучены, искалечены; дни ужаса, адской жестокости прошумели над рядом городов, и кто знает, кончились ли они?

Но не видят ли они теперь сами, эти благоразумные отцы, эта трусливая, низкопоклонная еврейская буржуазия, все эти люди порядка, откуда дул ветер, взбаламутивший море крови? Революционеры ли пролетарии избивали, грабили ваших братьев? Нет, многочисленные факты говорят о геройской защите евреев рабочими и студенчеством.

А в эти часы, полные отчаяния и смертного страха, вы отдали бы спасителю полсостояния, все состояние! Но спасители были плохо вооружены, и, когда они кровью своей защищали жертвы, казацкие пули, полицейские револьверы пробивали подкупленным убийцам, пьяным зверям дорогу к крови и деньгам осажденных.

Вы хотите «порядка», того самого «порядка», который давно уже отождествился в ваших глазах, господа обыватели, с образом полицейского. Бесчинства казаков, Кишинев, Баку—вас не научили, не показали вам, что Россия находится под властью шайки разбойников, готовых на все, циничных, каких не сыщите и на дне каторги... Обыватели все-таки упорно верили, что революция—это беспорядок, и что надо бы добиться уступок, не разрушая государственной власти, не устраняя с поста всероссийского городового. Теперь, быть-может, среди кровавого тумана последних, неслыханных, мучительных дней забрезжило в самых тупых филистерских головах, что порядок принесет с собой лишь победа революции, что лишь победоносный народ прекратит организованную губернаторами пугачевщину! Теперь, когда саратовский архиепископ именем Христа зовет к убийствам, когда Треповы и Каульбарсы лицемерно заявляют, что они бессильны, когда Витте осмеливается бормотать что-то, виляя лисьим хвостом и перед реакцией, и перед революцией, о «заслугах армии в смысле охраны порядка», теперь, быть-может, зажиточные, образованные и гуманные баре, евреи и не евреи, поймут, под чью защиту можно отдать жизнь детей и женщин, первоначальнейшую безопасность.

Революция страшна буржуазии, она поставит высоко рабочий класс, придаст ему огромное влияние, а потому «общество» колебалось, как ни мерзки были ему скуластые рожи предержащих палачей. Но палачи открыли карты. Как ни страшен рабочий с его требовательностью и непримиримостью, но когда вашим родным вырывают языки и глаза, вбивают гвозди в голову, когда детей разбивают об стену или жгут живыми—тогда, кажется, трудно не признать, что полицейский «порядок» страшнее самого страшного.

А впрочем, кто измерит глубину буржуазной низости и пошлости? Корреспондент Standart, передав о неслыханных зверствах толпы мерзавцев, предводимых полицией, десять раз доказав преступную роль чиновных подстрекателей, добавляет: «Ген. Каульбарс—гуманнейший человек, и его странное поведение, очевидно, объясняется какими-то темными влияниями!». Видите! даже Каульбарс, на глазах которого день за днем совершались кровь леденящие злодеяния—без того, чтобы он пальцем о палец ударил, ген. Каульбарс, который залитой кровью Одессе приказал иллюминоваться, а равинам собирать от евреев благодарность своим мучителям, этот подлый старик, сто раз заслуживший веревку—он еще гуманен в глазах просвещенного мистера Пэкслифа из Standart! А грязный шут Суворин, выехав за границу, всем и каждому говорит: «Россия так велика, что несколько сот убитых и искалеченных, пущенных по миру—это же, ведь, пустяки для России!».

гут они теперь обеспечить за собою то, что после с трудом дастся в десятилетие, если они уступят буржуазии завоеванное поле битвы. Диктатуры пролетариата им не добиться сразу, но они могут добиться всеобщего избирательного права, права собраний, свободы слова, сокращенного рабочего дня и всех необходимых гарантий для их охраны. Но они могут добиться всего этого лишь ни на минуту не слагая оружия, не позволяя буржуазии сделать ни одного шага вперед без того, чтоб не раздвинуть также и свои права.

Это-то и есть та «непрерывная революция», которою русский пролетариат ответил на крики буржуазии о «порядке во что бы то ни стало». Неправда, будто от этого поверженный-было деспотизм получит новые силы. Один из историков Великой революции справедливо говорит, что правительство никогда не бывает слабее, чем в момент, когда оно реформируется. Если оно само отказывается от внешности несокрушимой силы, которую с такими усилиями поддерживало, значит оно готово пасть от всякого сильного удара. Вся правительственная машина прогнила. Ей действительно до зарезу нужно «спокойствие во что бы то ни стало», чтобы окрепнуть. Таков настоящий смысл того пагубного клича, который, надо надеяться, уже навсегда потерял свою власть над умами.

Русские рабочие стали передовыми борцами европейского пролетариата. Им было дано счастие вступить в революцию вооруженными историческим опытом и ясной, глубокой теорией. Это счастье они превратили в свою заслугу. Теория пролетарской революции вошла в их плоть и кровь, благодаря десятилетней самоотверженной работе многих героев и героинь, и теперь они сторицей отдают то, что восприняли. Они пристыдили малодушных, считавших невозможным многое из того, что они осуществили; рабочие всего мира знают теперь, что выработались новые методы борьбы за освобождение, еще более могучие, чем прежние. Искры огненного крещения России падают и на горючие материалы Запада; уже ярко горит огонь в Австрии. Трепещут за свою судьбу и господа Германии, помещики—хлебные ростовщики. Они знают, что русскую революцию так же невозможно удержать в границах одной России, как невозможно было удержать в границах Франции—французскую революцию. И они зорко следят за нею и готовы в удобный момент нанести ей удар. Пусть же не забывают рабочие Германии, что русский пролетариат борется не только за себя, а и за них.

Грязный шут прибавляет: «Вы видите, я спокойно выехал за границу, хотя у меня миллионное предприятие в России!».

Ой, полно! Не бежал-ли этот гнусный сикофант, предчувствуя, что не простятся ему его страшные вины, разжигание человеконенавистничества, злобная, шипучая, ядовитая болтовня его позорной газеты. До чего они довели дело! Но нет худа без добра, и хоть теперь «люди порядка» увидят, что лишь торжество революции спасет Россию от бешенства банды душегубов.

Эти строки были уже написаны, когда телеграф принес известие, что Московская Городская дума отклонила предложение об организации народной милиции. Правда, каждый день убивают и избивают в Москве нескольких студентов, но разве в думе заседают студенты? Там сидят домовладельцы, навязанные Москве в качестве представителей все теми же атаманами черных сотен. Если решение думы еще недостаточно, чтобы ей этим подслужиться к черносотенцам, то думцы готовы даже гикать, завидев студента: «Гей, вот студент! Ату его, ату»!

Московская дума своим решением отдалась под охрану черной сотни, оставив Москву беззащитной. Неужели Москва не перешагнет через гнусные решения нескольких гнусных толстосумов и не вооружится? Неужели только рабочий класс да студенчество способны сопротивляться, а остальные готовы лизать руку бьющего их палача, залитую кровью тысяч жертв? И кто подлее, скажите мне теперь, Каульбарс с Треповым или либеральная дума?

(А. Луначарский).

Запутавшийся либерал.

В № 20 «Пролетария», в статье «Буржуазия сытая и буржуазия алчущая» мы дали отпор некоему г-ну И., постоянному корреспонденту «Русск. Вед.» и—как оказалось—столь же постоянному «Представителю петербургского телеграфного агентства и официальной прессы русского министерства финансов». (См. письмо Бебеля в «Vorwärts'е» от 21 окт.). Этот господин, цитируя речь Бебеля на Иенском съезде, старался убедить своих читателей, что Бебель, «как умный человек и политик»—в противоположность «доктринеру» Каутскому, рекомендующему Revolution in Permanenz—«видит успех прежде всего в осуществлении задач культуры, и из его слов совершенно ясно вытекает, что он не проводит демаркационных линий и уже наверное не воздвигает стен между русской интеллигенцией и русским пролетариатом, по крайней мере до осуществления элементарных прав человека».

«Во-первых,—писали мы в № 20,—это клевета на Бебеля, клевета чисто нововременская. Бебель всегда и безусловно проводил «демаркационную линию» между буржуазным и пролетарским демократизмом; г-н И. не может не знать этого. Бебель отграничивает самым решительным образом интеллигенцию буржуазную и интеллигенцию социал-демократическую. Уверять русского читателя, будто Бебель, борясь за «культуру», оставляет хоть когда-нибудь в тени лживость и предательство буржуазной демократии, с одной стороны, социалистические цели рабочего класса—с другой,—значит возводить величайшую ложь на вождя революционной германской социал-демократии.

Во-вторых, из речи Бебеля абсолютно не вытекает, чтобы он иначе смотрел на русскую революцию, чем Каутский. «Выгодное отличие» Бебеля от Каутского в этом отношении есть вымысл г-на И., который вырывает и извращает один кусочек из речи Бебеля, умалчивая о целом ряде его заявлений всецело в пользу русской революции и ее решительной победы.

В-третьих,—и в этом заключается для нас самая интересная особенность позиции «Русск. Вед.»,—г-н И. показывает своей выходкой, что он именно боится решительной победы революции в России. «Постоянную революцию» г-н И. называет «постоянной анархией». Сказать это значит назвать революцию крамолой, сказать это значит сделаться предателем революции».

Выходка г-на И. дошла до т. Бебеля, который и дал ему надлежащий ответ в письме, помещенном в Vorwärts'е. (Перепечатано в № 23 «Пролетария»). Либерал, уличенный в фальсификации чужого мнения не счел нужным выступить так же открыто в печати, как это сделали Бебель и «Пролетарий»; он предпочел частные переговоры с Бебелем, в которых уверял его, что изложение дела Бебелем (а следовательно, «Пролетарием») неверно передает его корреспонденцию в «Русских Ведомостях». Это заставило т. Бебеля сверить тот перевод корреспонденции г-на И., который был ему прежде доставлен с переводом, сделанным с подлинного экземпляра «Русских Ведомостей». И что же оказалось?—Оказалось, что в первоначальном переводе, попавшем в руки Бебеля, неправильно переведена одна фраза. Г-н И. писал: «Не говоря уже о том, что бывают политические условия, при которых полезно на время спрятать в карман конечные цели и помнить о ближайших задачах, общих у социализма и либерализма». Переводчик же исказил эту мысль так: «Не говоря уже о том, что он указывает политические условия» и т. д. И так как эта фраза была переводчиком поставлена после цитаты, касающейся лично Бебеля, то получался смысл, как будто это Бебель «указывает условия», когда нужно «спрятать в карман конечные цели». Между тем, эта мысль всецело принадлежит г-ну И., составляет его личную собственность, неотъемлемую часть его оппортунистической точки зрения. Преступный переводчик «экспроприировал» драгоценнейшую долю идейной собственности г-на И. и хотел подарить ее вождю немецкого пролетариата. Естественно, что Бебель отказался от подобного подарка и поспешил исправить ошибку переводчика, взяв назад то место своего письма, где он, вследствие этой ошибки, очень резко отвергает попытку навязать ему нелепое мнение. Но вот ошибка исправлена, честь г-на И. восстановлена, его собственность ему возвращена. Но что же сделалось со всей той кучей любезностей, которые Бебель—совершенно в духе статьи «Пролетария»—послал по адресу российских либералов? Характеристика, данная Бебелем русским либералам, их половинчатой и двуличной тактике, осталась в полной силе и была сугубо подтверждена им;

остались в силе, следовательно, и три обвинения «Пролетария». Запутавшийся либерал, поспешивший расшаркаться перед Бебелем, по вопросу политическому отделался одной пошлостью. В самом деле, вот вам заключительные строки из второго письма Бебеля: «Я поддерживаю все то, что я сказал в моей статье о сущности значительной части русских либералов,—пишет он в № 262 «Vorwärts'a»,—но я должен прибавить, что корреспондент «Русских Ведомостей» заявил мне: он не принадлежит к характеризованной мной части русских либералов» (курсив мой).

Не правда ли, мило? Есть, видите ли, хорошие либералы и есть скверные (об этом мы еще от т. Старовера слышали: вспомните «лакмусову бумажку»!). Ну, конечно, г-н И. принадлежит к хорошим либералам. Не даром же он сотрудничает в самой умеренной либеральной газете и состоит агентом официозного учреждения. В России, как известно, есть два «Юрия Милославских»—одного написал Загоскин, другого Хлестаков. Ну, конечно, городничиха читала «хороший» роман Хлестакова!

Ответ Плеханову [2]).

В № 3 «Дневника Социал-демократа», издаваемого т. Г. Плехановым, на стр. 24 напечатано:

«Объявление об издании «Новой Жизни» наводит на весьма поучительные размышления. Оно пестрит именами людей, до сих пор оставшихся чуждыми марксизму. Ленин тонет, как муха в молоке, в массе эмпириомонистов и вполне законченных декадентов. Г. Н. Минский и г-жа Венгерова оказываются теперь нашими «товарищами». Невольно спрашиваешь себя: а где же «товарищ» Волынский? Где «товарка» З. Н. Гиппиус? Где «товарищи», ютящиеся вокруг «Скорпиона»?

«Ленин не хотел работать вместе с П. Аксельродом, В. Засулич, Л. Мартовым и т. п. Эти люди были в его глазах оппортунистами, а г. Минский не оппортунист; г-жа З. Венгерова не оппортунистка. Пусть же читатель сам судит теперь о том, к чему сводится на самом деле непримиримость Ленина. Теперь очевидно, что в ней нет и следа принципиального отношения к делу».

Что касается второй части этой заметки, то она представляет самое грубое искажение действительности. На II съезде партии 4 бывших редактора «Искры» и 2 примкнувших к ним сотрудника вошли в стачку—совсем как в последнее время 6 ревизионистских редакторов «Vorwärts'a»—и отказались работать в ЦО, пока три обиженных съездом редактора не будут водворены на своих прежних креслах. Таким образом, именно Аксельрод, Засулич и Старовер—а за ним Мартов, Троцкий и Кольцов*)—не хотели работать вместе с Лениным и Плехановым. Когда после скандалов на съезде лиги Плеханов начал переметываться к «меньшинству», Ленин предпочел выйти из редакции, ибо не считал для себя морально допустимым передать ЦО, порученный съездом ему и Плеханову, в руки представителей другого течения—партийного меньшинства. Плеханов обошел этот вопрос партийной политики ссылкой на устав, который-де разрешал ему «единогласно» кооптировать кого угодно. ЦО сделался органом «меньшинства». Ленин продолжал сотрудничать. Между тем, выяснилось, что ряд писем, заметок, заявлений, посланных в «Искру» большевиками, исчезал в редакционной корзине. Статьи Ленина по внутрипартийным вопросам появлялись лишь под конвоем ехидных примечаний редакции. Это заставило Ленина отказаться от дальнейшего сотрудничества на началах монополии. Следовательно, и здесь, по существу, новая редакция, т.-е. «Аксельрод, Засулич, Мартов и т. п.», в том числе и Плеханов, не хотели работать с Лениным и его единомышленниками. Далее. После полуторагодичной распри, споры и разногласия должны были, наконец, получить правильное партийное разрешение на общепартийном съезде. Съезд был решен громадным большинством комитетов. Все делегаты—за исключением двух-трех—явились за границу. Достаточно было одного слова, чтобы состоялся этот съезд всех партийных организаций; этого слова «меньшевики» ждали от «Искры» и Совета, т.-е. от тех же «Аксельрода, Засулич, Мартова, Плеханова и т. п.». И что же? Совет и «Искра» отказались итти на съезд, и за ними последовали и русские «меньшевики». Возможность соглашения и объединения партии была сорвана. Опять, следовательно, Аксельрод, Засулич, Мартов, Плеханов и пр. не хотели работать с Лениным и его сторонниками. Все эти факты прекрасно известны т. Плеханову, забыть их он не мог, ибо они слишком тесно связаны с его именем; и если он тем не менее, так беззастенчиво извращает их, то это только свидетельствует о его неразборчивости по части полемических приемов.

Что касается попытки дискредитировать Ленина за его участие в одной газете с «эмпириомонистами и вполне законченными декадентами», то для освещения искренности и моральной ценности подобного упрека достаточно сопоставить с ним следующий факт. В № 290 «Русских Ведомостей» напечатано извещение об издании журнала «Правда». В списке сотрудников этого журнала красуются имена Плеханова, а также «Аксельрода, Засулич, Мартова и т. п.»—на-ряду с именами целого ряда «эмпириомонистов», а также декадентов в роде г. Бальмонта и многих других лиц, никакого отношения к социал-демократии не имеющих. Мало того, в только-что вышедшем № «Правды» за сентябрь-октябрь имеется статья т. Плеханова рядом со статьями «эмпириомонистов» и трагедией такого «вполне законченного декадента», как Г. д'Аннунцио. Что же это значит? Как понимать такую... двойственность? Значит ли это, что «закон», обязательный для простых смертных, в роде Ленина, для сверхчеловеков «не писан»? Или же это является примером того, насколько принципиальной является марксистская непримиримость самого Плеханова?

Подтверждением этой последней мысли служит грубая выходка против т. Воинова, напечатанная на стр. 21 того же № «Дневника».

*) См. прот. II съезда, прот. съезда лиги, коммент. к прот. съезда лиги.

«До какой степени легкомысленно некоторые болтают у нас о вооруженном восстании,—говорится здесь,—показывает пример некоторого г. Г. Воинова».

«На так-называемом третьем съезде нашей партии, бывшем на самом деле съездом только одной половины ее, этот «товарищ», между прочим, сказал: (следует цитата из речи т. Воинова, см. Протоколы III съезда, стр. 88)... Я считаю себя обязанным только указать на то, что г. Воинов неправильно цитирует «своего» великого учителя Карла Маркса, миросозерцание которого он, между прочим, отвергает в одной из его самых важных частей*) (хорош ученик!)». И т. д., и т. д., при чем тов. Воинов все время именуется госп. Воиновым.

Мы не будем здесь останавливаться по существу на возражениях т. Плеханова против речи т. Воинова; об этом мы еще поговорим. Здесь мы хотим только указать на ту специфическую манеру полемизировать, которая плохо прикрывает злобное бессилье автора. Мы бы предложили т. Плеханову «между прочим» назвать хоть одну статью или брошюру тов. Воинова, из которой он мог бы почерпнуть сведения, отвергает или не отвергает Воинов миросозерцание Маркса. Этого Плеханов сделать не может. И сознавая отсутствие доводов, он опускается до грубостей, демонстративно обзывая т. Воинова «господином». Этот прием напоминает нам одну сцену на дрезденском съезде немецкой социал-демократии, где лицо, очутившееся в плехановском положении, заговорило плехановским языком.

Речь шла как-раз о «сотрудничестве в буржуазной прессе». Говорил пресловутый Генрих Браун.

Г. Браун... Также поступало правление партии и в согласии с ним господин д-р Франц Мэринг. (Бебель: Господин д-р Франц Мэринг!). Да, тов. Бебель: господин д-р Франц Мэринг! (Бебель: господин д-р Генрих Браун! Большой шум **).

Зингер (предс.). Не принято называть партийных товарищей иначе, как их почетным титулом «товарищей» (оживленные рукоплескания; большое волнение). Чем являются товарищи по их частным занятиям, это мы знаем; но эти признаки сюда не относятся и до сих пор у нас не указывались. Я прошу и на этом съезде придерживаться старого, доброго обычая (оживленные рукоплескания).

Г. Браун. Я согласен с председателем, что это старый, добрый обычай—называть членов нашей партии «товарищами». Но есть исключение из этого правила, и я позволю себе сделать здесь такое исключение. (Волнение).

Зингер. А я не позволю отдельному оратору делать подобные исключения! (оживленные возгласы: совершенно верно!). Если следует делать такие исключения, то это должен решать съезд*). Покамест мы стоим на почве принятых партийных постановлений, в силу которых мы должны называть друг-друга товарищами, ораторам предоставляется, конечно, свобода называть просто по фамилии. Но на наших съездах предполагается, что все члены—товарищи. (Оживленное одобрение).

Предоставляем т. Плеханову поразмыслить над смыслом слов Зингера и над тем, в какой хорошей компании он находится. Мы же спешим закончить это вынужденное объяснение по поводу грубых инсинуаций по адресу наших товарищей, спешим тем более, что мало удовольствия отвечать на полемические приемы, от которых—употребляя энергичное выражение щедринского Глумова—слишком «воняет».

(В. Воровский).

*) Курсив всюду мой.

**) Фр. Мэринг является, как известно, одним из самых последовательных ортодоксов. Желая подорвать авторитет революционного крыла соц.-демократии, оппортунист Ген. Браун, не брезгающий средствами и приемами полемики, старался очернить личность Мэринга. Эта жалкая попытка была отвергнута германской партией, и пошлые выходки Брауна оказались безуспешны.

Революция и контр-революция в России [3]).

Наблюдая со стороны борьбу революции и контр-революции в России за последние недели, невольно поражаешься тем единством настроений борющихся, приемов борьбы, этапов борьбы, правильно повторяющихся по всей стране—от Архангельска до Одессы, от Прибалтийского края до Сибири. Вы видите, как под влиянием развивающейся революции нарастает боевое настроение во всех прогрессивных слоях населения, как оно выливается в грандиозных народных собраниях в требованиях свободы и борьбы за эту свободу, в стремлении к организации и вооружению революционных сил. Вы видите, как даже кровопролитные столкновения с войсками не угашают этого революционного настроения, как разогнанная и разбитая толпа вновь собирается и сплачивается для борьбы, с сознанием вчерашнего поражения, с верой в завтрашнюю победу. Вы видите, как в эту борьбу врывается манифест 17-го октября, долженствующий—по мысли его составителей—успокоить народ, на деле же возбудивший еще большее негодование масс. Массы отвечают на манифест грандиозным протестом. Правительство, взбешенное, но недоверяющее своему последнему средству—военной силе, мобилизует верные еще ему слои общества—реакционных лавочников, дворников, черносотенцев, наконец, хулиганов, нанятых по 50 к. в день, и все эти подонки современного общества, подпоенные водкой, поощренные обещанием безнаказанности, идут за переодетыми полицейскими и сыщиками бить и резать евреев, интеллигентов, учащуюся молодежь, грабить еврейское добро, истязать детей, насиловать женщин. И эти общественные нечистоты, вдруг хлынувшие из всех углов России, естественно, смутили многих и многих, которым показалось, что из недр русского общества вышли новые силы, незамеченные, неучтенные заблаговременно и способные расстроить все расчеты революционеров. И перед этой перспективой у людей слабых опускались руки. Но если такое малодушие было простительно в первые минуты, под свежим впечатлением кровавых событий, то теперь, когда легальная пресса неопровержимо доказала факт организации погромов полицией, теперь непростительно думать, что эти погромы являются реакцией сколько-нибудь жизненных слоев русского общества против революции. Старый порядок выволок на свет все свои резервы, прозябавшие где-то в клоаках полицейских застенков в средневековых гостинных дворах, в гостинных Грингмутов и Крушеванов. Завтра революция снесет эту грязь, как вешние воды сносят накопившиеся за зиму отбросы, и черносотенные дружины

так же быстро исчезнут в своих ямах, как быстро выскочили они на свет.

Мы не можем полнее и ярче характеризовать той смены настроений, которую переживали передовые элементы русского общества в эти дни, как напечатав ряд писем, переданных нам одним товарищем. Письма эти писаны под свежим впечатлением развертывающихся событий и по яркости изложения, по искренности тона превосходят всю массу сообщений, попадающих со всех концов России в легальную печать. Письма писаны из Саратова, но, повидимому, Саратовские события так типичны, что, читая эти письма, кажется, что читаешь сводку всего происшедшего за эти памятные дни на всем пространстве России.

Саратов. 12-го окт. «Все жел. дороги находятся в руках рабочих; города изолированы; железнодорожный телеграф в руках рабочих; во многих городах идет баррикадный бой; поезда идут только «делегатские». Революция охватила всю Россию; правительство рушится; предвидится государственный банкрот. В Саратове все частные, городские и казенные учреждения забастовали; приказчики, мельницы, заводы, конка—забастовали. Вчера в городской думе был грандиозный митинг; принимали участие приехавшие особым поездом делегаты от железнодорожных рабочих, забастовавшие земцы, учителя и служащие городской управы. Митинг продолжался с 7 час. вечера до 4-х час. ночи. Пламенные речи зажигали и революционизировали толпу. К митингу присоединилась заседавшая во втором этаже городская дума. Решили: 1) устроить временный комитет, в который войдут: городские представители, рабочие союзы и интеллигенция; 2) потребовать от правительства немедленного удаления из города казаков; 3) прекратить выдачу денег на содержание полиции; 4) удалить войско из городских квартир; 5) устроить городскую милицию. На митинге было более 4.000 чел. Вчера же в «Парусиновой роще» была сходка рабочих (20.000 чел.). Во время стычки убиты: пристав и два казака; арестовано 300 чел., но по требованию рабочих все освобождены. Трудно передать, как жизнь тут бьет ключом. Сегодня весь город бастует. На Большой Сергиевской и на Пешем базаре грандиозные демонстрации. Казаки рассеяны выстрелами и камнями; 30 чел. казаков избиты, на их лошадях заседают ораторы. Банки, почта под усиленной охраной войска; улицы запружены; на театральной площади трибуна. Сегодня опять собрание в городской думе.

14-го окт. 12-го целый день происходили митинги: на вокзале (в I и III клас.)—железнодорожный; выбирали делегатов в стачечный комитет; в I гимназии—учительский; в фельдш. школе—врачей; в роще—заводских, мельничных рабочих и приказчиков. Вечером же было грандиозное собрание в думе и во дворе думы. Было больше 10.000 чел. Думцев не было: они обманули нас—они не примкнули к стачечному комитету, и весь их либерализм—ложь и подлость. Приходилось переменить программу собрания. Ораторов было много. Речи чередовались одна за другой. В два часа ночи обе «палаты» (во дворе и в здании) пришли к такой резолюции: 1) немедленно образовать ЦК, в который войдут представители разных освободительных партий; К. должен руководить движением и быть его центром; 2) захватить правительственный телеграф и губ. типографию; выпускать бюллетени о ходе революции и свободные газеты (местные). (На собрании делегаты правительственного телеграфа заявили согласие примкнуть к забастовке и просили «снять» их с аппаратов; решено было завтра же в 6 час. утра «снять»); 3) образовать народную гвардию и потребовать от городского самоуправления прекратить выдачу денег на содержание полиции, и эти деньги (140 тыс. руб.) выдать на вооружение гвардии, в противном же случае приступить к разгрому оружейных магазинов и военного арсенала; 4) открыть жел. элеваторы и вообще все товарные склады и зернохранилища; муку и зерно раздавать бастующим. Образовать для этой цели филиальные отделения от стачечного ЦК в тех пунктах, где это потребуется. (На ст. Карабулак элеватор уже открыт). Резолюция принята всеми единогласно. (Полиции не было). В 3 часа ночи митинг кончился.

Вчера, 13-го, город представлял такую картину: по улицам войско и казаки; все закрыто, конки нет; банки закрыты. В 6 час. утра были расклеены по городу объявления губернатора, что никакие сборища и сходки не будут допущены и будут подавлены оружием. Рабочие, которые стали собираться у вокзала, были оцеплены и рассеяны казаками. В 12 час. дня произошло столкновение между опричниками и приказчиками на театральной площади. Много раненых с обеих сторон. Вообще в этот день казаки и полиция не допускали собраний; дума, аудитория, гимназии были закрыты и охранялись войском. Погода им благоприятствовала: шел мелкий гнилой дождь,—в городе стоял туман и было холодно. Вечером в 7 часов я пошел к думе. Начиная от биржи, народ стоял кучками; везде говорили об одном: требовать немедленно открыть думу для митинга. В 8 час. народ (5.000 чел) двинулся к думе. Около дверей последней стоял наряд полиции и солдат в 60 чел. В 8½ час. появились казаки и конная жандармерия (около 300 чел.). Они стали у левой стороны думы на Полицейской улице. Картина была грандиозная: Московская улица от думы до Приютской ул. была запружена народом. Казаки стояли издали. В 9 ч. раздался громкий голос: «Изверги, двери откройте!» голос перешел в гром: народ кричал и требовал, кругом все дрожало. Трудно выразить настроение массы. Еще немного, и раздраженный народ двинулся к дверям думы. Наряд отлетел от дверей, как мяч. Обнажились шашки, раздался резкий свист, а затем барабанный бой, и отряд казаков врезался в толпу... Шум, крики, грохот слились с выстрелами. Предо мною упала лошадь и казак был моментально убит. Пристав (3 ч.) был зарезан тут же. Под ударами нагаек раздавались душу раздирающие крики. Окна думы были выбиты, двери превращены в щепы. Это дело продолжалось минут 40. В результате 3 чел. убитых, 300 раненых и изуродованных. Из опричников пало 5 чел. и ранено около 30 чел. Арестов не было. Плохо было то, что мы не были вооружены.

19-го окт. Совершилось! Народ победил: он вырвал из горла самодержавия свободу слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенность личности, всеобщее избирательное право и законодательную власть для Думы *). Я не в состоянии передать, что происходило вчера в городе. В 12 часов дня лавки закрылись; казаки и полиция исчезли. Народ ликует. У дверей «Приволжского Края» красные флаги. На театральной площади 15-тысячная толпа—идет первый свободный митинг в центре города, под открытым небом! В думе митинг. Свободно и громко перед лицом правительства говорили под революц. флагами! Вечером я был на митинге в городском театре. Он был переполнен. Все ликовали, поздравляли друг-друга и пожимали руки. По улицам манифестации: идут с красными флагами, поют марсельезу. Город оглашается возгласом «Да здравствует свобода!». Везде происходят митинги. В театре по окончании митинга пели революционные песни. Я так настроен, что не могу всего передать. Мы победили! В России—революция! Газеты вышли сегодня без цензуры (о, святое время!). Воззвания к объединению расклеены по городу! Завтра последует амнистия всех так-наз. политических преступников. Сегодня освобождены все арестованные за последнее время. Мы записываемся в народную гвардию! Поезда завтра начнут ходить.

22-го окт. Пишу через силу. Вчера, когда 10-тысячная толпа слушала на театральной площади ораторов, появилась многочисленная банда черносотенников. Произошла схватка; много убитых. Ночью на всех перекрестках появились голахи и черносотенники; началось избиение интеллигентов и еврейский погром. Войско бездействовало. Погром к 10 часам ночи принял большие размеры: грабили еврейские магазины и лавки, подожгли синагогу на Старо-Острожной и еврейские аптеки. На следующий день погром с новою и более организованною силою начался в 5 час. утра. Казаки и полиция сами грабили и избивали. Громил в городе было более 40.000 чел. Город весь день был в их руках. Трудно передать все ужасы. Они убивали, жгли, грабили и насиловали женщин. Словом, скажу, что в результате не осталось целыми ни одного еврейского

*) Автор письма переоценивает значение манифеста 17-го октября. Но эта переоценка—свойственная, повидимому, не одному автору—весьма характерна для понимания настроения саратовцев, описываемого в этом письме. Ред.

дома или лавки. Все купцы, доктора, адвокаты, словом, все евреи разгромлены, много людей пустили по миру. Это все было организовано Гермогеном (епископом) и полицией. У громил были списки всех евреев Саратова. Вышедшая на защиту самооборона, была встречена залпами войска. Масса убитых и избитых; больницы переполнены. Ночью, когда все уже было сделано, город был объявлен на военном положении... На улицах выставлены пулеметы и пушки.

В России идет контр-революция: Первая кровь льется еврейская. Идут аграрные «беспорядки». Во всех уездах Саратовской губернии помещичьи усадьбы и имения превращаются в пепелище. Наш губернатор уволен; уволены многие другие губернаторы. В России идет пока анархия..., а что будет,—трудно предвидеть. Я лично верю в светлое недалекое будущее».

Письма эти рисуют замечательно характерную картину развития событий а вместе с ними, и настроения революционеров. И сообщения легальных газет, и письма, получаемые нами из других мест, подтверждают, что в общем и целом, именно так развивались события, предшествовавшие 17-му окт. и следовавшие за ним. Это однообразие свидетельствует о существовании единого плана контр-революции. Давая обществу уступку, вырванную новым взрывом революционного движения, правительство другою рукой организовало своих верных сообщников—черные сотни, наемные и добровольные. Манифест и погромы—это две стороны одной и той же медали, как Витте и Трепов (или та кучка, которую представлял Трепов)—две стороны единого самодержавия в его теперешнем положении. Насколько петербургское правительство берет на себя ответственность за зверства погромов и особенно за активную роль в них войска, видно из официальной благодарности царя бессарабскому губернатору и «милостивой» телеграммы на имя ген. Каульбарса (Одесса). Факт смещения некоторых губернаторов ничего не доказывает, ибо часть их смещена не за организацию погромов, а за попустительство в до-погромный период (разрешение милиции, обезоружение полицейских чинов и т. п.), часть же смещена или только переведена за слишком неумелое применение реакционной политики. Наконец, так-наз. судебные следствия по делам о погромах и участии в них полиции, следствия, возвещенные очень громогласно, еще далеки от каких бы то ни было реальных результатов. Мы слишком хорошо знаем, как ведутся у нас такие следствия и в какой мере их исход зависит от намерений правительства; поэтому мы подождем еще приветствовать торжество справедливости на Руси. Подождем до тех пор, пока за этой справедливостью встанет не царское чиновничество, а реальная сила народа.

А что эта реальная сила революционного народа растет—и не только растет численно, но растет в смысле организованности и дисциплины, в смысле сознания творческой роли революции—это мы видим каждый день. Из разных мест получаются сведения, что готовившиеся еврейские и интеллигентские погромы были остановлены, благодаря вмешательству рабочих, местами даже благодаря вмешательству крестьян. Но и там, где это вмешательство не могло предотвратить бойни,—ибо войска повсюду расстреливали отряды милиции или самообороны,—даже там, пока города находились в руках пролетариата, господствовал образцовый порядок. Даже очень умеренный и благонамеренный берлинский «Local Anzeiger» вынужден был признать, что «пока происходили стачки, царствовали мир и спокойствие». Подвиги черных сотен были бы легко подавлены, если бы за них не вступались полиция и войско, вносившие всюду анархию. Некоторые образцы общественной организации порядка и спокойствия заслуживают особого внимания. Вот, напр., что пишет нам один товарищ из Казани:

«19-го окт. утром, на думском заседании, после обсуждения всех событий 17-го и 18-го окт. (избиение публики полицией и казаками. Ред.) было решено требовать от губернатора разоружения полиции и организации милиции. Губернатор дал разрешение, очевидно, растерявшись после варварской бойни. И вот толпа народа в несколько тысяч человек, с гласными думы во главе, пошла разоружать полицию и освобождать всех арестованных. Ходили по частям, отбирали оружие, вооружались сами, дорогой толпа все росла, пели марсельезу, «Вы жертвою пали» и пр. К 5 час. толпа, обойдя почти весь город, вернулась к центру, к университету. Тут был устроен митинг, было привезено оружие из тех частей, которые народ не успел обойти, оружие было роздано, и громадная демонстрация, тысяч в десять, двинулась по Воскресенской улице с пением революционных песен и красными знаменами... Вечером в думе заседала комиссия по организации милиции. В эту комиссию вошли 3 гласных думы, 3 либерала, 1 соц.-дем. и 1 соц.-рев. Были организованы наскоро части, и новые милиционеры временно взяли на себя постовую службу. В эту ночь на постах стояли студенты, на перекрестках около них толпилась публика, было оживление, смех. В милицию записывалось масса желающих. Ночь прошла спокойно. Было покушение застрелить одного постового милиционера—покушался бывший полицейский. Задержали грабителя, оказавшегося тоже полицейским.

На следующий день гласные думы струсили такого поворота дела: как-никак, а оружие попало в руки революционеров. Они сделали даже попытку отобрать оружие, но это им не удалось. Ко времени открытия думского заседания перед думой на площади собралась 10-тысячная толпа, и ораторы от к-та Р.С.-Д.Р.П. говорили речи, разъясняли требование партии, и таким образом этот грандиозный митинг оказывал давление на думу. В заключение заседания были приняты требования, предложенные комитетом: удалить казаков, отнять у полиции все оружие (часть полиции утаила), распустить запасных, вооружить милицию.

На вечернем заседании думы нерешительность и трусость гласных опять дали себя знать, но оратор из к-та сообщил известия из других городов о черносотенных избиениях, а также о том, что полиция организуется и вооружается. Под влиянием этих известий удалось вырвать у думцев постановление об ассигновке денег на покупку оружия. Наступила вторая ночь охраны города милицией. Организаторы милиции из либералов и думцев в виду положения, серьезность которого все усиливалась, дали тягу. Остались только некоторые. Фактически полицейская охрана, защита имущества господ буржуа падала на социал-демократов. Либеральные крысы, очухавшись от первых моментов опьянения, вызванного негодованием на кровавую бойню 17-го окт., и почуяв в корабле течь, поспешили покинуть его».

Такие же сведения поступают и из других мест. Повсюду, где только публичная власть хоть на несколько часов попадала в руки рабочих и их организации, население пользовалось действительными благами гражданского порядка. Вот, например, сообщение одного товарища из противоположного конца России, из Полоцка (Витебск. губ.):

«Во время манифестации (по поводу расстрелов 18-го окт. Ред.) к представителям соц.-дем. организации граждане—в это и последующее время, они действительно достойны были этого названия—обращались с различными просьбами и заявлениями и без них ничего не предпринимали... После демонстрации, когда снова началась торговая жизнь, нам пришлось, в буквальном смысле слова, взять в свои руки управление городом. Полиция отсутствовала; к нам обращались ночные сторожа с вопросами, становиться ли им на посты; граждане—по всяким делам; безработные—за помощью; разные лица с просьбой провести через думу или без нее те или другие реформы и пр.».

Интересный факт охранения порядка самим народом сообщают иностранные газеты из Либавы: какой-то полицейский чиновник пытался возбудить толпу к еврейскому погрому. Но он ошибся в расчетах. Он был схвачен толпой, немедленно сорганизовался военно-полевой революционный суд, подстрекателя допросили, установили его вину, приговорили его к смертной казни, и тут же он был расстрелян. Этот факт напоминает нам известный случай из январских дней в Варшаве. Когда толпа воров и хулиганов, вмешавшись в демонстрировавшую толпу, пыталась под шумок революционного движения грабить магазины, группа варшавских рабочих отправилась в квартал, обитаемый ворами, произвела у них повальные обыски, и ряд воров, уличенных в преступлении, казнила на месте.

Однако, наивысшие формы достигла организация революционной власти в одном уголке Царства Польского, в Домбровско-Сосновицком районе. Вот как описывает «Vorwärts» положение дел в заметке, озаглавленной «Социал-демократическая диктатура»:

«В Сосновицко-Домбровском районе власть все время находится в руках рабочих, т.-е. социал-демократических партий. Никто не решается противиться их распоряжениям, не исключая даже властей и войска. Последним завоеванием новой власти является организация полиции из рабочих, которая в Сосновицах вступила в свою должность уже в среду, то же будет сделано в Бендзине и Домброве. В Сосновицах депутация от рабочих разыскала полицмейстера Кроненберга и заявила ему, что теперь их собственная полиция берет на себя охрану безопасности. Господин Кроненберг ничего не мог на это возразить, но когда его попросили выдать народной милиции оружие, находившееся до тех пор в руках полиции, он заявил, что он на это не уполномочен. Социалистические комитеты серьезно намерены занять ратушу, камеры городских судей и полицейские посты, чтобы заместить их своими уполномоченными. Партии приостановили уплату податей, но за то сами обложили налогом всех граждан. В сосновицких типографиях, занятых социал-демократами, так что собственники совершенно отстранены, печатаются в настоящее время 3 газеты, из них одна по-русски, предназначенная для солдат, чтобы привлечь их к рабочему движению. В Сосновицах целый ряд граждан был приговорен комитетами к денежным штрафам за нарушение постановления партии или оскорбление рабочих. Следует заметить, что во всей стачечной области нигде не была нарушена общественная безопасность».

Это поведение польских товарищей, являющихся по развитию и сознательности передовым отрядом всероссийского пролетариата, должно служить примером и для других частей России. И прежде всего, конечно, задача временной организации власти может выпасть на долю петербургских товарищей, которым приходится работать в самом горниле революции. Последняя трехдневная стачка показала, какого высокого уровня политического развития и организованности достиг пролетариат Петербурга за 10 месяцев революционной борьбы. По одному знаку стачечного комитета замерла вся деловая жизнь столицы, и бессильное правительство злобно металось, расставляя по городу войска и пулеметы, провоцируя рабочих на открытую борьбу. Но сознание своих сил и сознание недостатков организации и вооружения удерживает рабочих от опрометчивых шагов и ведет их по правильному пути, не позволяя принимать вызов там и тогда, где и когда это выгодно правительству, заставляя их энергично готовиться к решительному бою. Этой силой и этим ясным сознанием положения дел проникнута резолюция, принятая стачечным комитетом 5-го (18-го) ноября. (Приводим перевод французской телеграммы).

«Стачка железных дорог и рабочих Ст.-Петербурга доказала правительству, что применение жестоких мер в роде смертной казни и провозглашения осадного положения всегда вызовут деятельный отпор со стороны рабочего класса. Стачка показала, что, если комитет сочтет необходимым объявить правительству решительную войну, он может быть уверен в победе. Комитет предлагает закончить стачку в полдень 7-го (20-го) ноября. Товарищи, собирайте теперь ваши силы; если стачка будет признана необходимой, все железные дороги забастуют одновременно и будут стоять до тех пор, пока правительство не удовлетворит всех наших политических и экономических требований. 6-го (19-го) ноября состоится собрание рабочих депутатов для обсуждения вопроса об окончании стачки 7-го ноября».

Вот каким языком говорят представители революционного пролетариата. А каким языком говорит та самая буржуазия, именем которой окрещена переживаемая нами революция? Чтобы выделить из либерального хора доминирующие голоса необходимо присмотреться к самому составу этого хора. В либеральной среде происходят теперь очень быстрые и очень энергичные передвижения, которые еще не окончательно выяснились, но исход которых не трудно предвидеть. Вот что пишет нам один товарищ из России:

«Несмотря на то, что самодержавное правительство прилагает много сил и стараний, дабы все, кто только не закостенел окончательно, объединились в те или иные политические союзы для борьбы со старым порядком, наша земско-дворянская, конст.-монархическая партия находится в весьма неустойчивом равновесии. То там, то тут от нее откалываются отдельные группы, сплачиваясь в особые «партии», организации, кружки и более мелкие ячейки. Так, за последнее время образовалась новая «радикальная» партия. В своей политической программе она признает основным принципом—народовластие, а практически стоит за однопалатную систему. Основателями этой новой партии являются некоторые члены союзов адвокатов, врачей, железнодорожников и др., т.-е. эта партия рекрутируется как-раз из тех элементов, которые составляли главную базу конституционно-демократической партии. Левая этой базы начинает откалываться от наших монархических конституционалистов. Радикальная партия стояла, между прочим, за бойкот Думы. Повидимому, этот вопрос увел ее членов из лагеря умеренных либералов.

В Петербурге под руководством председателя петербургской городской думы М. В. Красовского, образуется партия «прогрессивных конституционалистов». Она вербует себе членов из правого крыла «конст.-демократ.» партии.

Партия «прогрессивных конституционалистов» главным образом отличается от к.-д. тем, что отрицает в принципе введение всеобщей подачи голосов и высказывается против «внутреннего бойкота Думы», т.-е. стоит за немедленную органическую работу в Государственной Думе, без требования ее переустройства на более широких демократических началах, как это грозят сделать представители конст.-демократ. партии. Главная сила этой новой партии—городское купечество.

Совсем недавно образовался в Петербурге «комитет четырех». Этот комитет недоволен резолюцией Московского сентябрьского городского и земского съездов, трактующей об автономии окраин. Эти четыре лица,—очевидно, причастных к к.-д., — образовали «организационный комитет» и выпустили в свет свой политический манифест. Они добиваются всех общеевропейских политических свобод, говорят общие фразы об аграрных реформах и настойчиво требуют, чтобы Российская империя была бы «едина и неделима».

«Группа Москвичей»—тоже родственная к.-д.—выпустила программу, подобную программе «комитета четырех». И эта группа особенно старательно подчеркивает мотив «единой и неделимой России».

Несомненно, что «комитет четырех» и «группа москвичей»—это первые ласточки русского национализма. Наши националисты начинают формироваться в политические группы, стремясь создать партию. И эта партия найдет немало последователей. Мы убеждены, что это «русское море» городской и сельской буржуазии вскоре решительно заговорит и о «сильной власти» в лоне конституционных гарантий, и о «подавлении анархии» мерами «конституционной репрессии», и о «твердом курсе», и о «могущественной» армии и «всесильном» флоте, способных на реванш...».

Предположения товарища-корреспондента уже сбылись. Нами получено «Воззвание партии правого порядка», которое как-раз выставляет такую «истинно-русскую» программу. С одной стороны, эта новая партия выдвигает требования обще-политических гарантий: 1) Свобода слова устного, письменного и печатного. 2) Свобода собраний и союзов. 3) Свобода вероисповеданий. 4) Свобода личности. С другой стороны, следуют «гарантии, безусловно необходимые, по твердому убеждению партии, для ограждения у нас правового порядка государством». «Гарантии» эти следующие: 1) Единство и неделимость России. 2) Сильная государственная власть. 3) Устройство (какое?) крестьян. 4) Устройство (??) рабочих. 5) Народное просвещение. 6) Усовершенствование военных сил России. Не правда ли, ясная и уж никак не двусмысленная программа. «Благое, столь давно необходимое, совершилось. Наконец, мы (кто?) граждане и призваны все (?? все?) участвовать в управлении нашим государством». Так начинается указанное нами воззвание. И в самом деле «давно необходимое» для буржуазии совершилось; она призвана управлять своим государством. Уже после закона 6-го авг. о Государственной Думе буржуазия (на земско-городском съезде, отдельные союзы и пр.) расквиталась с своим «революционным» (на словах) настроением и приготовилась итти в Думу, чтобы там «бороться за права народа» (читай: торговаться с правитель-

ством о расширении прав своего класса). Недаром освобожденский С. С. сболтнул, что для буржуазии важно расширение прав Думы, а не расширение круга избирателей. Новый взрыв революционных масс против воли увлек наших буржуа и заставил их говорить «страшные слова». Но вот царь пошел на новые уступки: появляется манифест 17-го октября, такой манифест, словно его писал не Николай Романов, а тот же г. С. С. Права Думы расширены (или обещано их расширение). Избирательная система оставлена та же, лишь несколько изуродованная пристройкой какого-то «представительства от рабочих». И вот, оказывается, «давно необходимое—совершилось». Крупная буржуазия удовлетворена. Она перестает быть революционной, то бишь «оппозиционной». Еще шаг—и она станет надежнейшей опорой правительства. Пока она поддерживает его только «идейно», в программах, в роде указанного «воззвания»,—завтра она будет поддерживать его активной поддержкой—голосами в Думе, сотрудничеством в министерстве.

Позицию буржуазного либерализма очень верно характеризует корреспондент английской газеты «The Manchester Guardian», пишущий от 12-го ноября из Петербурга: «Из разговора с одним из главных вождей либералов я узнал, что либералы—правда, с глубоким сожалением—чувствуют, что перед ними нет другого пути, как только воздерживаться от участия в настоящем правительстве. Они настаивают, что теперешнее правительство не конституционно и что без гарантии превращения Думы в Учредит. Собрание, выбранное на началах всеобщего избирательного права, они не могут занять ответственных постов при гр. Витте. Они признают искренность его намерений, но не хотят компрометировать своей партии».

Так говорили либералы, когда Россия была охвачена всеобщей стачкой и революционный пролетариат ставил перед каждым дилемму: либо с нами, либо с черной сотней. Но за истекшую неделю они успели одуматься. Произошли крупные перемены и перетасовки в либеральном лагере. Г.г. Шипов, Гучков и Стахович выделились из конституционно-дем. партии, сплотив ее крайнюю правую в особую партию. Программа ее еще неизвестна, но представить ее себе не трудно. Это будет партия уже сейчас консервативная, так как она удовлетворится данными уступками и будет поддерживать правительство. На другом полюсе состоялось превращение Союза Освобождения в «радикально-демократическую» партию, не довольствующуюся программой конституционалистов-демократов. Во время этого превращения г-н Струве, как раз поспевший в Петербург, успел сделать новый шаг вправо и, отрекшись от своего «Союза», примкнул к конст.-дем., где и будет редактировать их орган совместно с г. Милюковым. В добрый час. Еще одно легкое телодвижение—и мы увидим бывшего редактора «Освобождения» «свободно» заседающим одесную Шипова или самого Витте.

Однако, самым сенсационным сведением заграничных газет следует признать сообщение, что целый ряд свеже-испеченных «партий»—в том числе шиповцы, партия правового порядка и... конституционно-демократическая—объединяются в одну под фирмой «Партии 17-го октября»! 17-го октября 1887 г. царский поезд потерпел крушение в буквальном смысле слова; 17-го октября 1905 г. он потерпел политическое крушение. И вот объединяются богатые помещики и фабриканты, вчерашние радикалы, недопеченные революционеры, прогоревшие марксисты—и вся эта братия силится поднять свалившийся царский поезд, поставить его на рельсы и двинуть на несносную революционную массу. Под знаменем 17-го октября! Под знаменем лжедумы и туманных обещаний в будущем! Буржуазия уже достигла того, что ей нужно. Если она и не прочь получить больше, то это большее не такого свойства, чтобы из-за него затягивать «анархию», нести убытки от стачек, рисковать быть побитым черносотенниками. Существенного буржуазия все же достигла. Она-то в Думу попадет, она проведет своих людей и в министерство. Притом буржуазия устала от «анархии» (т.-е. революции: пока революционное движение на-руку буржуа, оно называется «борьбой за свободу и права человека», когда оно ему больше не нужно, оно становится «анархией»). «Буржуазия устала» от непрекращающихся волнений, от стачек, от аграрного движения. Она хочет покоя, а покой возможен только при порядке, а порядок может гарантировать только крепкая власть и т. д. Вновь образующиеся партии «правых» конституционалистов ставят своей задачей также и борьбу против стачек. То же самое наблюдается и в Царстве Польском. «Здесь не замечается тенденции,—пишет венский корреспондент Times (16-го ноября) по поводу польских дел,—уменьшать ответственность более крайних польских партий за волнения, происходившие в последнее время в Польше. Всепольская (?) партия и еврейский соц.-дем. Бунд непрестанно работали так, чтобы ослабить деятельность более благоразумных вождей нации». Таким образом, ясно, что и польская буржуазия, на подобие русской, готова на сделку и негодует на «крайние партии», мешающие ей работать. Из телеграмм уже известно, что в Варшаве образовался союз купцов для борьбы со стачками.

Для характеристики настроений нашей либеральной буржуазии очень поучительны корреспонденции иностранных газет, особенно английских, так как корреспонденты эти обыкновенно имеют возможность осведомляться у вожаков либерализма. Вот что пишет, например, корреспондент «Daily Telegraph» от 11-го ноября:

«С одной стороны, революция была бы невозможна, если бы большинство русской нации не было бы до смерти утомлено бюрократическим режимом и не жаждало уничтожения кнута и палки, но, с другой,—вряд ли русский народ хочет революции для революции и бесплодного и бессмысленного пролития крови. На самом деле многие республиканцы (? буржуазные демократы ??), говорящие и действующие от имени народа подчас сами опасаются, что те массы, представителями которых они хотят быть, смогут восстать и смести их, и эти опасения отнюдь не безосновательны. Отзвуки революционной грозы на юге России, степи которой освещаются ночью огнем горящих усадеб часто либеральных помещиков, показавших себя сторонниками крестьян не только на словах, но и на деле, слышны и теперь. Дикий зверь, притаившийся в груди русской нации, еще не вполне проснулся, хотя крайние революционеры и хотят его поднять в момент окончательного успеха; когда это произойдет, то террор, парализующий все, станет свершившимся фактом,—террор изнутри, а извне вторжение иностранцев. Между анархией и старой Россией стоит Витте и его сотрудники, которые, несмотря на их недостатки, все же являются единственными рулевыми в момент современного крушения. Конечно, их управление очень далеко от идеала, и их судно качается под влиянием ветра и волн, но все же оно представляет временное убежище от окончательной погибели. Разбить это суденышко в виду того, что оно не является пароходом со всеми удобствами, было бы самоубийством, но все же это возможно, потому что в моменты революции целые группы охвачены фанатизмом. Несмотря на нападки, которым он подвергается как со стороны реакционеров, так и крайних радикалов, одинаково желающих помешать водворению конституционного образа правления, Витте решил продолжать бороться, опираясь на благоразумие русского народа».

Очень характерную попытку сделки с правительством,—сделки, конечно, неофициальной, сводящейся к закулисным переговорам, приводит корреспондент «Times» от 9-го ноября:

«Один из выдающихся вождей либеральной партии виделся вчера с гр. Витте и предложил ему план, который помог бы выйти из современного критического положения. Он предложил Витте созвать совещательный совет, составленный из представителей земств и городских дум, который собрался бы на две недели для обсуждения нового избирательного закона. Этот же совет мог бы следить за выборами, чтобы избавить их от вредного административного воздействия. Принятие этого плана немедленно подняло бы авторитет правительства и внушило бы к нему доверие, в котором оно так нуждается. Но Витте отклонил это предложение, сказав, что только Дума может дать устойчивость. На это собеседник ответил ему: «я могу вас уверить, что Дума никогда не соберется», давая этим понять, что, если правительство не откажется от своего теперешнего поведения, вполне возможен новый взрыв революции, который опрокинет и самое правительство. «По-моему,—при-

бавляет от себя англичанин,—правительство делает большую ошибку, не принимая протянутую конституционалистами руку. При современном состоянии либералы принуждены стоять на точке зрения социалистов, хотя они и не согласны с задачами последних».

В высшей степени «пикантны» разоблачения сущности любви к рабочим со стороны буржуазной демократии и происхождения этой любви делает корреспондент «Vossische Zeitung»:

«Как знает читатель, между демократической буржуазией и социалистами создалось соединение благодаря профессиональным союзам и сплотившему все их Союзу Союзов. Из этих союзов главная роль в организации новой стачки принадлежит союзу инженеров. Благодаря непостижимо дряблому и колеблющемуся поведению правительства по отношению к инженерам, врачам и адвокатам, эти круги все более отдалялись от умеренных частей центрального союза и толкались к сближению с вождями социалистических рабочих. Оказалось, что инженеры, если они вступались за порядок на фабриках, подвергались покушениям со стороны террористов и что правительственная власть не в силах охранять их жизнь.

«Совершенно естественным результатом таких порядков явилось то, что инженерам ничего не оставалось, как встать во главе рабочих (факты говорят, что инженеры, напр., в Москве пошли за рабочими, да и то не сразу. Ред. «Прол.»). Я убедился на очень многих случаях в самых различных частях страны, что инженеры решились на это крайне неохотно. Они рискуют при этом отчасти даже весьма значительными материальными убытками, ибо после того, как они объявляют себя солидарными с рабочими, эти последние выступают прямо с невероятными требованиями по отношению к кошельку, наилучше оплачиваемых инженеров (? ой, так ли, г. автор ? Ред. «Прол.»). Мы имеем здесь перед собой идеал социалистической всеобщей стачки и притом такой, когда бастующие рабочие получают от лиц предпринимательского класса материальные средства для выступления против предпринимателей. Это крайне поучительный эпизод, и поучиться на данном примере могло бы не одно только русское правительство. Возможно такое явление лишь потому, что в лице рабочего движения мы имеем дело не с экономической, а с чисто политической борьбой. Следующим шагом в указанном направлении могло бы быть теперь то, что сами предприниматели, владельцы фабрик, собственники и директора крупных промышленных и транспортных заведений, встали бы на сторону рабочих под давлением обстоятельств. Телеграмма, посланная вам две недели тому назад из Петербурга, показывает, что соображения подобного рода и возникали уже в купеческих кругах. Если правительство будет продолжать свою фальшивую игру, тогда развитие дел в этом именно направлении кажется мне неизбежным. Чтобы обеспечить от уничтожения заводы, принадлежащие им в собственность или вверенные их управлению, фабриканты будут вынуждены довериться рабочим. При этом в особенности затрагиваются интересы заграничного капитала. Прежде всего, дело коснется наших (т.-е. немецких, Ред. «Прол.») электрических предприятий, в которые вложено около 46 миллионов рублей капитала. В самом деле, остановить освещение, водоснабжение и движение трамваев—это давнее желание революционных групп. И всем известно, как легко остановить на долгое время эти сложные заведения. Судя по развитию движения за последнюю неделю, можно ожидать, что решение подобного рода будет принято очень скоро, через каких-нибудь несколько недель. В этом убедился теперь, повидимому, и граф Витте. Иначе не понятно поведение его, его открытая агитация против господствующей клики. Впрочем, мне кажется, что граф Витте опоздал уже со своим расчетом.

«На-ряду с организацией социалистов сильное распространение получила особенно в деревне организация так-наз. монархистов. При помощи низших провинциальных властей, духовенства и класса мелких, необразованных капиталистов, которому так покровительствует закон о Гос. Думе, в центральной России повсюду подготовляются контр-демонстрации против социалистов, и если меня не обманывают все признаки, то в самом близком будущем можно ожидать первого удара, который будет началом контр-революции.

«Наличность этой организации, о которой нам ничего не говорят газеты, делает для нас понятным непоследовательное, повидимому, поведение правительства. Оно нарочно доводит дела до такого обострения, чтобы оказаться, якобы, вынужденным подавить восстание огнем и мечом. Это—совершенно та же самая тактика, которой оно следовало тогда, когда петербургские рабочие собирались итти с прошением к царю, к зимнему дворцу. Вместо того, чтобы арестовать главных вождей и таким образом заранее сделать невозможным осуществление демонстрации, оно дало свободу действия ничего не подозревавшим рабочим, а потом перестреляло внезапно несколько сот из них. Но предстоящие восстания так уже гладко, вероятно, не пройдут, и мы не можем составить себе никакого представления о том, какие ужасы несут нам ближайшие недели. Мы накануне могучих, потрясающих событий» (курс. оригинала).

Господа либеральные буржуа приходят иногда к разумным выводам: лучше довериться рабочим, ибо царизм уже не оправдал доверия. С такими буржуа мы пойдем теперь рядом, а рабочим скажем: соединяйтесь в социалистическую партию, ибо из сегодняшнего русского пожара разгорится завтра европейский и на очередь встанет борьба не только за свободу, но уже за социализм. Что касается другого—правого—крыла либералов, то указ. выше корреспондент Times'a очень метко характеризует их позицию. Так как и пока правительство «не принимает протянутую руку»—они «принуждены» стоять «на точке зрения социалистов», т.-е., точнее говоря, выдвигать чуждые им радикальные требования Учредительного Собрания и всеобщего избирательного права. Пусть завтра правительство исправит свою «ошибку», и наши либералы в один миг примут свою естественную окраску. А что дело идет к сближению—это ясно всякому внимательному наблюдателю. С одной стороны, правительство, как сообщали телеграммы, уже приостанавливает выборы в Думу, в виду разработки нового избирательного закона на основе всеобщего (??), хотя ни равного, не прямого и уж, конечно, не тайного голосования. С другой стороны, масса либералов, передвигаясь направо (образование партии 17-го октября!), приближается к правительству, облегчая ему сделку. Правительство, реорганизуя выборный закон на лже-демократических началах, даст либералам внешнюю возможность соблюсти невинность «народолюбия», с другой, путем уступочек, приобрести капитал, приобщив свой класс к государственному пирогу. Но пока еще сделка не завершена. Ее ускорят, без сомнения, развивающиеся аграрные волнения. Если сознательное, организованное, дисциплинированное рабочее движение городов было очень на-руку либералам, так как било, главным образом, правительство, вынуждая его итти на уступки, то крестьянское движение, направленное в первую голову на помещичьи усадьбы, моментально превратит самого ярого радикала и республиканца из землевладельцев в сторонника «порядка» и монархиста. В настоящее время «огнем горящих усадеб даже либеральных помещиков» озаряются не только «степи юга России», но уже целый ряд губерний. Крестьянские волнения разлились по Саратовской, Екатеринославской, Курской, Тамбовской, Черниговской, Харьковской, Воронежской, а в последние дни по Нижегородской, отчасти по Смоленской губ. и отдельным местностям других губ. И земский съезд, собирающийся при свете зарева помещичьих усадеб, решит, наконец, вопрос о «соглашении» либеральной буржуазии с царским правительством, вопрос о предательстве революции.

Характерным знаменьем времени является дезорганизация армии—этой главной опоры царского самодержавия. В течение всего года то здесь, то там прорывалось неудовольствие солдат существующими порядками, выливаясь то в форме отдельных мелких вспышек, то в виде грандиозных восстаний, в роде восстания в черноморском флоте. Последнее время произошли сходные крупные восстания на двух противоположных концах России: в Кронштадте и Владивостоке. В обоих этих восстаниях, где десятки тысяч матросов и солдат вели в течение нескольких часов настоящие сражения, еще слишком сильно сказывается сти-

хийность, неподготовленность, отсутствие плана и руководителей. Поэтому восстания эти так же быстро затихают, как и вспыхивают. Поэтому восстания эти оскверняются вторжением хулиганов, увлекающих за собой бессознательные элементы,—а их все еще большинство,—на путь грабежа и бесчинства. Но уже одна наличность «бунтарских» настроений среди несознательной солдатской массы свидетельствует о глубокой дезорганизации царского хозяйства. Сегодня эти бессознательные массы идут еще за хулиганами, завтра они пойдут за своими же более сознательными товарищами. Об этом свидетельствует масса повседневных фактов из области настроений как сознательной, так и несознательной части войска. Мы приводим здесь письмо двух товарищей матросов, участвовавших в подготовке черноморского восстания,—письмо, бросающее яркий луч света в темную до тех пор психологию солдата.

«Мы одни из матросов, которые во время восстания «Потемкина» находились в Севастополе на берегу. Мы работали на крейсере «Очакове», 32 экипажа [4]). Крейсер, как и все суда, готовился к практическим занятиям, которые должны были начаться 21-го июня.

Работать приходилось спешно, так как крейсер запоздал с подготовкой. Настроение матросов было приподнятое; все сознательные товарищи хорошо знали о готовящемся восстании эскадры. 12-го июня в полдень «Потемкин» первый ушел на остров Тендру для пробы новых минных аппаратов, а 21-го и вся остальная эскадра должна была пойти туда же на практические занятия. В ожидании отплытия сознательными товарищами велась усиленная агитация и на многих судах, а также и у нас, почти все команды были уже сагитированы. Поддержка ожидалась прочная. Уверенность в успехе была полная. От серьезных столкновений с начальством мы старались покамест уклоняться, чтобы не дробить наших сил, чтобы сохранить их в целости к решительному удару. Но настроение было настолько революционное, что, несмотря на указанное старание, матросы бунтовались по малейшим предлогам. Напр., 5-го июня наша команда взбунтовалась из-за плохих щей.

Дело происходило приблизительно так. 5-го июня к обеду были поданы скверные щи. Обедать команда не стала, вышла на двор и потребовала дежурного офицера. Офицер явился. Возбужденные матросы окружили его со всех сторон и предъявили требование о выборе уполномоченных от матросов для контроля над фельдфебелями и ротным командиром в их обращении с кормовыми суммами. Вместо же сегодняшнего обеда требовали выдачи кормовых на руки.

Хотя требования были чисто-экономические, но предъявлялись в такой форме, что ясно сквозило политическое недовольство и что щи—это только предлог. Испуганный офицер принужден был призвать экипажного командира. Угрозы о том, что в случае чего мы и сами сумеем распорядиться, как нужно, заставили экипажного командира удовлетворить наши требования. Но как только матросы успокоились—командир не замедлил с репрессиями. Когда через несколько дней мы вечером вернулись с работы, то узнали, что двое наших товарищей арестовано. Это вызвало среди команды еще большее волнение и мы, не принимаясь за приготовленный уже на столах ужин, единодушно заявили требование об освобождении товарищей, при чем в случае отказа говорили, что мы и сами сумеем их освободить.

Начальство переполошилось. Вскоре явился из города, очевидно, предупрежденный по телефону о нашем бунте, сам адмирал Тюхменев. Старался нас успокоить, но мы твердо настаивали на своем и наших товарищей тут же освободили (арестный дом находился тут же в ограде экипажных помещений).

И только, когда арестованные были среди нас, мы разошлись на ужин.

Вот каково было настроение матросов, когда произошел случай с «Потемкиным». Узнали мы о нем не сразу. 15-го июня ночью неожиданно для всех, в том числе и нас, эскадра в составе 3-х броненосцев «Георгия-Победоносца», «3 святителей», «12 апостолов», минного крейсера «Казарского» и нескольких миноносцев ушла из Севастополя.

Этот преждевременный выход эскадры нас страшно удивил, но на завтра от матросов, работающих на беспроволочном телеграфе, мы узнали, что «Потемкин», не дождавшись срока, восстал. К вечеру этого же дня еще 2 броненосца «Синоп» и «Ростислав» тоже ушли в море. Находясь на берегу, мы ожидали дальнейшего. Мы были уверены, что эскадра присоединится к «Потемкину» и в знак этого подаст нам условленный сигнал и всю ночь на 18-е мы, находящиеся на берегу, с нетерпением ожидали условленного сигнала с тем, чтобы, заручившись поддержкой с моря, начать восстание с суши. План действий был уже условлен заранее. Но 18-го днем эскадра вернулась обратно без «Георгия-Победоносца». Прибывшие матросы рассказали, что произошло при встрече с «Потемкиным». О происшедшем всем известно. Ожидать теперь с моря было нечего, приходилось позаботиться о помощи «Потемкину» с суши. 19-го, в воскресенье, Севастопольским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. с этой целью за городом была устроена массовка. Матросов на ней было вследствие праздника человек до 150, здесь выяснилось положение дел и решено было немедленно поддержать «Потемкина».

Вечером того же дня, часов в 7, собралось во дворе экипажей нас, матросов, человек 400. Тут же немедленно решили начать восстание и выработали план. Он был таков. Сначала предполагалось захватить оружие, находящееся в экипажных помещениях, броситься в помещения, выгнать матросов, вооружить их, немедленно посадить на суда, развести пары и итти к «Потемкину», перебив предварительно начальство. Одновременно с этим предполагалось отрядить часть для порчи проводов, с целью отрезать сообщение с городом, часть для захвата крепостных батарей (последнее надеялись осуществить, потому что батарейная команда обещала сдаться, как только матросы нападут) и часть для караула у ворот офицерского двора, с тем, чтобы воспрепятствовать побегу офицеров, могущих поднять в городе тревогу. Вот каков был наш план. Но при подсчете сил, нас оказалось мало. Для захвата оружия в экипажах предполагалось по сотне на экипаж и так как их девять, то нужно было 900 человек. Собрание было экстренное, много товарищей об нем не знали и вследствие праздника разошлись утром по городу, к тому же много было наряжено в патруль. Нас было слишком мало. Восстание могло не удасться. Пришлось отложить на завтра. На другой же день привести в исполнение наш план не удалось. На завтра рано утром нам объявили, чтоб мы приготовились к смотру, что приедет главный командир Чухнин. Подчищенных, приготовленных нас вывели во двор и выстроили в ожидании «Чухни». Ворота всюду запирались. В строю нас продержали до обеда и объявили, наконец, что командир не приедет. Нас распустили. Возвратившись в казармы, мы увидели, что оружие исчезло. Теперь мы поняли зачем нас держали во дворе. Пока мы ждали Чухнина, оружие повывезли в порты. Мы попали в ловушку.

Пообедав, команда легла отдыхать.

И когда все спали, фельдфебель ходил от одного к другому и что-то тихо говорил. Подошел к нам. Оказалось—мы приглашаемся в канцелярию к командиру экипажа. Велели захватить с собой фуражки. Такое приглашение нам показалось странным. В канцелярии нас собралось человек 19 наиболее сознательных товарищей. Вскоре приехал адмирал и объявил об нашем аресте. Нас окружала рота. Когда мы вышли во двор, он был заполнен войсками. Мы проиграли. Нас увели на баржу, и на ней свезли в крепость. Там уже было 700 прутовцев.

После нас в тюрьму привели еще до 1.500 человек, арестованных в тот же день... В крепости мы пробыли 2½ месяца.

Затем мы не можем пройти молчанием, чтобы не рассказать о мученической смерти наших товарищей с «Прута». Мы были невольными очевидцами казни. Всю ночь мы провели без сна у окон в нервном ожидании, мы хотели увидеть в последний раз товарищей, которые геройски боролись за дело свободы.

Рано утром на полосе земли, выходящей в море, мы увидели картину, горечь которой не может быть смыта ничем с нашей памяти. Мы видели, как к столбам подвели 4 белых фигуры. Мы ясно различали, как им отгибали руки назад, обвивали столб длинными рукавами их белых

рубах и завязывали на груди. Стрелявших нам не было видно и горше, тяжелее момента, протекшего в ожидании залпа, мы думаем, нам не придется еще раз пережить. Раздался залп...

И трое, с подгибающимися коленями, начали медленно спускаться вниз, скользя руками по столбу. Четвертый был еще жив, стоял на ногах и что-то кричал, за дальностью расстояния мы не могли расслышать. Еще залп... и четвертый начал медленно спускаться. Кто это был? Адаменко, Петров, Титов или Черный—мы не знаем. Потрясенные пережитым в эту ночь мы не могли более оставаться в этой крепости... Мы стали настойчиво требовать или освобождения, или суда.

На другой день, после заявления нами решительных требований, нас отвезли на броненосце «3 святителя» под сильной охраной в Одессу. Здесь нам выдали армейское обмундирование и объявили, что нас отправляют в Харбин, чтобы там, в рядах армии, мы «искупили» нашу «вину» и смыли «это пятно». Дорогой в Харькове нам, пишущим эти строки, удалось бежать и пробраться за границу. Но последние события в России нас снова зовут туда.

Мы не можем не быть в борьбе за свободу народа, мы не можем спокойно из-за границы смотреть на нашу родину и мы там будем...

Знамя Социал-Демократии—для нас верное знамя...

Матросы И. Д. и И. Н.».

В иностранных газетах редкий день нет каких-нибудь новых сведений о дезорганизации войска.

В Красном Селе взбунтовался батальон пехоты.

В Московском и Бакинском стачечном районах происходили собрания солдат, принявшие резолюцию стачечного комитета.

Морской гвардейский экипаж устроил собрание, на котором заявил себя солидарным с программой стачечного комитета.

В Петербурге состоялось собрание офицеров, решившее агитировать в армии, чтобы солдаты не стреляли в народ. И т. д., и т. д.

Но особенно крупный толчок военно-революционному движению грозят дать войска, возвращающиеся с театра японской войны. Правительство понимает это и изыскивает меры к предотвращению беды. Так, еще недавно оно серьезно занималось разработкой проекта военных поселений—революционный взрыв отвлек внимание от этих Аракчеевских планов, но завтра они могут опять выйти на свет божий. Возвращение войск из Амурского края отложено до весны, о возвращении Манчжурской армии не слышно ни слова, и только «печальная» необходимость заставляет возвращать пленных из Японии. Куда возвратят их—в Евр. Россию, или только во Владивосток—это еще большой вопрос. Правительство оказалось в отчаянном положении. Оно должно «убрать» пленных из Японии, но вместе с тем оно понимает, что пустить в Россию 80.000 революционизированных голов,—значит ускорить роковую развязку. А каково настроение этих голов свидетельствуют весьма наглядно сообщения европейской прессы.

«Русский революционный комитет в Вашингтоне извещает, что лицам, посланным в Японию с целью привлечения русских военнопленных под знамя социализма,—пишет «Echo de Paris» от 12-го ноября,—блестяще удалось исполнить свою задачу. Почти все пленные поддались воздействию. Комитет сообщает телеграмму из Кобе, что 30.000 солдат-революционеров с восторгом принимали в своих лагерях у Хамадера и Хины революционных делегатов. Они несли красные знамена с надписями и пели марсельезу».

Другие газеты отмечают, правда,—и это весьма вероятно,—что пленные разделились на два лагеря: революционеров и консерваторов, «идейная» борьба между которыми доходит нередко до рукопашной. Указывают, между прочим, весьма характерный признак: моряки в общем революционны, сухопутные войска—более благонадежны. Но если верно то, что только половина пленных спропагандирована,—а это значит до 40.000 чел.,—то и тогда опасность, угрожающая от них «порядку», громадна. Как сознается эта опасность власть имущими,- иллюстрируют следующие телеграммы:

Токио. 1-го ноября. «Русские власти, опасаясь бунта на эскадре, предназначенной для перевозки военнопленных, просили, якобы, японское правительство дать японские военные суда для конвоя этих транспортов во Владивосток. Япония, говорят, отказала. На судах господствует сильная вражда между пленными моряками и армейцами. Рождественский не выходит из своей каюты. Генерал Данилов спешно выехал из Нагасаки».

Париж. 21-го ноября. «Из Токио сообщают в «Journal»: Транспорт «Ярославль» покинул вчера вечером Нагасаки, отправляясь во Владивосток. Поведение находящихся на нем пленных продолжает быть угрожающим. «Воронеж» стоит еще в Нагасаки с адмиралами Рождественским и Вирениусом. Рождественский, повидимому, хозяин положения, ибо ему удалось перевести 1.200 чел. с «Воронежа» на пароход «Тамбов». Тем не менее, опасаются, что бунт остановлен только временно, в виду присутствия японских миноносок и полиции».

Лондон. 21-го ноября. «Из Токио сообщают в «Daily Telegraph»: Транспорт «Тамбов» с 1.200 чел. покинул порт с неизвестным назначением; думают, что он идет во Владивосток. Что касается других транспортов, то время отъезда их еще не установлено. Рождественский находится на «Ярославле». Японская полиция покинула русские суда, но японские миноноски продолжают наблюдать за ними».

Грозовые тучи скопляются над Россией самодержавия и произвола. Буря будет. Здоровая, очистительная буря.

(В. Воровский).

Иностранное обозрение.

Первый конгресс французской объединенной социалистической партии.

В воскресенье 29 (16) окт. открылся в Шалоне первый конгресс объединенной социалистической партии. Известия из России вызвали сильное одушевление среди делегатов партии.

У всех на лицах радость и торжество. «Франция,—говорят наши товарищи,—должна притти на помощь русской революции. Если Германия двинет свои войска на защиту русского царизма против восставшей Польши, мы должны немедленно объявить войну Германии и всей европейской буржуазии». Гэд и Лафарг особенно радуются. «Это восхитительно, грандиозно,—повторяют они,—русские социал-демократы должны использовать все средства и вступать во временное революционное правительство, должны дать рабочему движению возможность добиться наиболее значительных результатов. Они должны вступить в это правительство вместе с передовыми элементами буржуазии для того, чтобы заставить последних разделить ответственность «за дальнейшие революционные события». В знак сочувствия российскому пролетариату в бюро конгресса выбран в качестве ассистента Лейтайзен, представлявший Российскую Социал-Демократическую Партию. Появление на трибуне Лейтайзена, а также чтение телеграмм от Бунда, редакции «Пролетария», тов. Плеханова вызвали шумные и единодушные аплодисменты. Конгресс получил также сочувственные телеграммы от германских, английских, испанских, итальянских и других социалистов.

Из отчета секретаря партии следует, что на съезде представлены 66 федераций 184 делегатами, имеющими 298 мандатов. Партия состоит из 66 федераций и больше чем из 2.000 групп. В апреле 1905 г. партия насчи-

тывала 34.688 членов; с апреля 1905 г. выдано было членских карт 11.692, марок 90.910., всего на 5.652 франка. Центральный орган партии имеет 1.548 абонентов.

Капитальным вопросом на очереди дня является вопрос о позиции социалистической партии в законодательных выборах 1-го мая 1906 г. Гедист Кашэн, бывший секретарь сильной федерации Жиронды, предлагает партии выставить своих кандидатов во всех решительно избирательных округах. Аргументы Кашэна троякого рода: 1) Повсеместные кандидатуры дадут возможность партии проникнуть с социалистической пропагандой в самые глухие, отдаленные местности, в которых до сих пор пролетариат еще не имеет понятия о социализме; избирательная агитация, многочисленные, устраиваемые в это время собрания, посещение их всеми избирателями, подъем интереса к разным программам, возможность широко распространять брошюры и органы партии представляют прекрасные условия для развития в пролетариате классового сознания. 2) Повсеместные кандидатуры дадут возможность разбросанным в округе социалистам, большей частью даже не знающим друг-друга, организоваться и объединяться на собраниях и у избирательных урн, так как задачей кандидатов является не только пропаганда наших идей, но и устройство групп, федераций и пр. 3) Случается во время выборов, что в некоторых округах местные группы, проникнутые духом умеренности и реформизма из личных или обще-республиканских соображений, не выставляют своих кандидатов, чтоб не раздробить голосов кандидата-радикала. Чтобы раз навсегда положить конец в партии всяким попыткам восстановления республиканского блока, сотрудничества и заигрыванья с передовыми буржуазными фракциями необходимо, чтоб социалисты выступали всегда, как единая, оппозиционная по отношению ко всем другим фракциям, партия. 4) Последний аргумент играет роль пробного камня для объединенной партии. Отношение к предложению Кашэна покажет на деле, в практической деятельности партии, насколько искренне в объединенной партии жоресисты намерены следовать декларации, под которой они подписались. Этим-то обстоятельством и объясняется тот факт, что резолюция Кашэна вызвала горячие и оживленные дебаты. Гэдисты высказываются за резолюцию Кашэна, жоресисты—против.

Гедисты и участие русских социал-демократов во временном революционном правительстве.

Я воспользовался своим пребыванием на Шалонском конгрессе, чтобы узнать мнение наших французских товарищей-гэдистов относительно возможного участия русских социал-демократов во временном революционном правительстве. Мнение это для нас тем более интересно и важно, что наши «ультрадиалектики», оскорбленные в своих испытанных ортодоксально-революционных чувствах сочетаньем слов «участье... в правительстве», поспешили обвинить большевиков в жоресизме, мильеранизме и проч. и проч. прегрешениях; для нас это мнение особенно дорого и потому, что богатый опыт, никем неоспариваемый революционный марксизм, упорная и энергичная борьба с мильеранизмом придают особый авторитет воззрениям гэдистов. Я беседовал с тремя вождями гэдистской фракции: Жюль Гэдом, Лафаргом и Браком.

Вопрос мой был формулирован так: имеют ли право русские социал-демократы с точки зрения революционного марксизма принять участие во временном революционном правительстве, созданным всенародным восстанием?

Брак. Для меня никогда не было в этом сомнения; уже не раз в Париже я высказывал свое мнение по этому поводу товарищу Бельскому. Я не могу так категорически высказываться по вопросу о Государственной Думе, потому что для этого надо быть хорошо знакомым с положением русских дел.

Лафарг. Русские социал-демократы должны вступить во временное правительство для борьбы с контр-революцией, они должны быть там вместе с представителями мелкой буржуазии, чтоб заставить последних разделить ответственность за дальнейшую революционную деятельность...

Гэд. Ну, конечно, конечно (mais certainement, certainement); наши русские товарищи не должны пренебрегать ни одним способом борьбы, чтоб сломить самодержавие. Они должны вступить во временное правительство, чтоб добиться для рабочего класса возможно больше свободы и возможно больше реформ.

(Г. Линдов).

ИЗ ПАРТИИ.

Минск. Здесь недавно состоялась общая конференция всех местных «сходочников», т.-е. передовых рабочих, входящих в так-называемые «сходки», соответствующие «районным подкомитетам» в других городах; присутствовало человек 20 рабочих и несколько интеллигентов.

Из числа сделанных предложений следует отметить два, на которых останавливались почти все ораторы—необходимость создания жаргонной литературы и усиления теоретической подготовки рабочих-передовиков. Все бывшие на конференции рабочие-евреи единогласно высказывали, что быстро расширяющаяся работа требует литературы на языке, понятном для серых, неподготовленных слоев еврейских рабочих. Нужна именно еврейская литература в широком смысле слова—брошюры и проч., а не только прокламации. Без этого могучего оружия приобщить незатронутого еврея-рабочего к социал-демократии, к организации трудно.

Вторым вопросом, выдвинутым и подчеркнутым всеми присутствовавшими, была правильная постановка занятий в передовых «сходочнических» кружках. Все сходочники, и евреи и русские, указывали, что запросы рабочей массы быстро растут, и, конечно, со всеми возникающими вопросами последняя обращается к своим ближайшим товарищам, которые, как оказывается, не чувствуют себя в силах разрешить всю массу волнующих быстро зреющий пролетариат вопросов. Представитель от жел.-дор. мастерских указывал еще на то, что после массовок, кружков и т. п. усталые рабочие расходятся иногда, не обратившись за разъяснением непонятного к оратору или пропагандисту; конечно, в ближайшие дни за разъяснениями обращаются к своим «сходочникам». В виду всего этого все присутствовавшие на конференции сходочники указывали на крайнюю необходимость обратить особое внимание на теоретическую подготовку «сходочников» путем устройства высшего типа кружков, дискуссий, рефератов и проч.

Жаргонная литература, подготовка «сходочников» и увеличение их числа—главные предложения, сделанные Группе конференцией.

Член организации.

Коломна, Московской губ. Работа партии у нас идет успешно. Ведется систематическая пропаганда в кружках, устраиваются ежедневные массовки. Организация крепкая, деятельная, готовая к критическому моменту. Летом, в июне, перед воротами машиностроительного завода устроены были организованными рабочими 3 собрания, на которых выступал оратор от Московского Ком. Подобный же митинг был устроен 3-го октября. Собралось от 2—3 тысяч рабочих. Говорил агитатор от окружной организации при Моск. Ком. К сожалению, пришлось говорить не больше 7 минут, так как полиция окружила собрание и ринулась к оратору. Быстрыми выстрелами организатору собрания удалось ошарашить городовых и тем спасти оратора. Раздалось несколько выстрелов со стороны полиции. Ранен один рабочий.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Витебской группой: Отчет за сентябрь (гект.); Иваново-Вознесенской организацией: Отчет от 15-го авг. по 15-е сент. (мимеогр.); Московским к-том: «Всеобщая забастовка!», «Ко всем московским рабочим», Резолюция ЦК о Гос. Думе, Бюллетень № 5, Бюлетень № 6 (все печ.), Бюллетень № 8 (мимеогр.); Одесским к-том: «Товарищи, по всем жел. дорогам вспыхнула забастовка...» (печ. и лит.), «Товарищи, собирайтесь на митинги...» (лит.); Рижским револ. к-том (комитет и группа): Ответ на царский манифест (печ.); Симбирской группой: Отчет по 1-е авг. 1905 г. (мим.); Тульским к-том: «Товарищи-булочники!», (мим.); Центр. к-том: «Товарищи, наша всеобщая забастовка...» (печ.); ??: «Товарищи, вот, наконец, вы видели...» (мим.).

Кроме того, редакцией получен № 4 «Рабочего», вышедший 25-го окт. Содержание: Гос. Дума и либералы. Путь революции (временное правительство). Фельетон: Третий. Письма к рабочим. Московские события. Иенский съезд Соц.-Дем. Партии в Германии. Рабочим Обух. завода в Спб. Письмо из тюрьмы. Иваново-Вознесенск. Резолюция о Гос. Думе.

В кассу Центрального Комитета с 1-го по 24-е ноября поступило: от Германского Parteivorstand'a 6.000 марок, 1.500 марок, 4.800 марок, от группы Baltimore friends of the Russian Revolution 257 фр. 50 с., от Чебоксарова 500 фр., от неизвестного из Парижа 3 фр., от N. на дела партии в распоряжение ЦК 30 фр., от группы эмигрантов из Стокгольма 42 фр. 50 с. (на бастующих на Балтийском вагоностроительном заводе в Риге). Итого 12.300 марок и 833 фр.

В кассу К.З.О. от Лозаннской группы 306 фр. 95 с., 75 фр. (по подписным листам), от Цюрихской группы 35 фр., через Бернскую группу из Леобена 35 фр. по подписному листу № 105. Сбор с митинга 297 фр. 27 с., от Женевской группы 750 фр., от Нью-Кэстльской группы 25 фр. 30 с., из Льежа на отъезжающих в Россию товарищей по подписным листам 100 фр. Для потемкинцев из Па-де-Кале 20 фр. Итого 1.624 фр. 42 с.

Примечания.

Прим. 1. Статью редактировал тов. Воровский.

Прим. 2. В рукописи статья называется „Отповедь Плеханову".

Прим. 3. Некоторые из корреспонденций, использованных тов. Воровским, сохранились среди листков рукописи. Корреспонденции эти: из Саратова за 19 октября и письмо матросов.

Прим. 4. Текстуально по газете и рукописи.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

МАТЕРИАЛ, НЕ ВОШЕДШИЙ В ГАЗЕТУ.

Нижний-Новгород, 8 окт. 1905 г. Как-то в июне мы получили № 2 «Летучего Листка» ЦК, озаглавленный «Предстоящие выборы». ЦК высказывал в этом листке уверенность, что удивительный заграничный план меньшевиков не найдет сочувствия в России, что пролетариат российский выступит с единой тактикой. ЦК ошибся в своих расчетах. Нашлось не мало политических младенцев в нашей партии, соединивших свою тактику с тактикой политических невежд. И они усиленно тянут за собой пролетариат. Нам, большевикам, приходится проводить нашу кампанию активного бойкота так-называемой Госуд. Думы при особенных, исключительных условиях. Нам приходится вести борьбу на два фронта: в одно и то же время раскрыть глаза пролетариату на попытки либеральной буржуазии заключить союз с монархией за счет народной свободы и бороться против затемняющей классовое сознание пролетариата хвостистской политики меньшевиков, рекомендующих пролетариату довериться либералам. На собраниях, дискуссиях приходится слышать такие речи от «социал-демократов», которые в пору только «заядлым» освобожденцам. Положение обязывает. Мы узнаем от товарищей меньшевиков удивительно поучительные вещи насчет «приятности» либералов, насчет педагогичности участия в Думе и предъявления требований народа г.г. либеральными помещиками. Нас за наш план активного бойкота называют «погромщиками», изображают, как мы совместно с черносотенниками будем разгонять собрания. В плане кампании, разосланном по комитетам ЦК, есть предложение столковаться и согласиться с меньшевиками относительно общих действий по отношению к Г. Д. Вот в том-то и беда, что общих действий у нас не будет. Будет борьба, очень резкая, ожесточенная, потому что момент вовсе не располагает к мягкости и уступчивости. Мы даже не можем общего листка выпустить с критикою Г. Д., ибо в этом общем листке пришлось бы ограничиться одною критикою, не делая выводов, не давая практических лозунгов. А лозунги у нас очень расходятся. Много мешает нашей работе недостаточная осведомленность. До сих пор не знаем, есть ли общая тактика или каждая организация действует особо. Пробавляемся часто слухами.

Либералы все резче и резче поворачивают спиною к рабочей партии. Они еще говорят о народе, а народ стараются «не пущать» к себе на собрания и гнать его в три шеи.

Между прочим, один из видных меньшевиков объяснял мне, что в Сормове, напр., нас встретят насмешками, если мы скажем, что сормовские рабочие лишены избирательных прав. Сормовцы-де пользуются избирательными правами. Действительно, в Сормове есть обширная группа домовладельцев; все это по большей части буржуа, ничего общего не имеющие с сормовскими рабочими. Их насмешек мы не боимся.

Отсюда посланы делегаты на съезд профессионалистов (тред-юнионистов). Идея съезда принадлежит не социал-демократам, да и поехали на съезд не социал-демократы, а либералы. Очень содействовали этому меньшевики, считающие себя теперь пионерами профессион. союза в Сормове. В выборах делегатов принимало участие не больше двадцати человек, и вообще все предприятие носит мизерный характер.

Все это сообщаю во избежание недоразумений, ибо предвижу, что дело будет изображено в преувеличенном масштабе. Местный Комитет на днях публикует свою резолюцию по поводу профессиональных союзов в Нижнем.

Л.

(разъезжего) [1]).

Петербург, 11 окт. Сегодня в университете состоялось собрание железнодорожников для выслушания доклада делегатов жел.-дор. съезда. Наши ораторы говорили о значении всеобщей стачки вообще и жел.-дорожной в частности, указывали на необходимость к требованиям съезда прибавить требование демократической республики, единственно способной дать рабочим наилучшие условия для борьбы за социализм.

Говорили о правительственной политике подачек и речи Витте, звали дать ей сознательный отпор. Далее, конечно, о революции, вооруженном восстании, временном революц. правительстве и проч. Когда читали поли-

[1]) Окончание слова несколько неясно; возможно что не „разъезжего", а „разъезжаю".

тическую программу, каждый пункт ее покрывался аплодисментами. На вопрос оратора: «Неужели петербургские рабочие не поддержат товарищей?»—раздалось: «Поддержим! Поддержим!».

Собрание было возбужденнее обыкновенного,—может-быть, действовали провокаторы. Раздавались голоса, что довольно речей, надо дело делать и т. п. Возглас: «Долой самодержавие!» чрезвычайно дружно поддерживался. Народу было столько, что аудитории нехватило, и несколько тысяч собралось во дворе, где устроили трибуну и говорили речи.

Товарищи! В России конституция дана, царь капитулировал, народ победил. Вы знаете о тех сценах неописуемого восторга и лихорадочного возбуждения, которые наблюдались на улицах Петербурга на другой день после выхода манифеста. Чтобы понять степень народной радости, нужно перенестись мыслью из свободной Швейцарии в империю царя. Нужно знать, что участники гигантских митингов и колоссального стачечного движения все последние дни находились, как бы на поле сражения, под огнем неприятеля. Правда, часть армии колебалась, многие офицеры и солдаты высказывали симпатии борцам за свободу; часть армии сливалась с народом. Но в состав этой же армии входили и монархисты, верные Николаю Кровавому, входили в нее и прирожденные преступники, жаждущие крови. В редакции «Пролетария» имеется подлинное письмо офицера-монархиста, который рассказывает, как некоторые солдаты держат между собой пари на 5 коп.: попаду или не попаду своим выстрелом вон в того прохожего или в голову того ребенка, который доверчиво смотрит на блестящие мундиры христолюбивого воинства. Зверские инстинкты, всегда таящиеся в глубине полувыродившихся психопатов и эпилептиков, находили себе систематическое поощрение со стороны чиновников царя,—и они расцвели пышным цветом в армии, в полиции, среди черносотенцев. А рядом с этой полумонархической армией стояли перед участниками революционных митингов лицом к лицу с ними стройные ряды казаков, этого уродливого пережитка времен борьбы с кочевниками, этих людей, для которых грабеж—спорт, насилие—профессия, убийство—род эстетического наслаждения. И в присутствии этих-то полулюдей и полузверей ораторы произносили революционные речи, а революционный пролетариат и студенчество покрывали эти речи возгласами: «Долой самодержавие!». Каждую минуту каждый из участников митинга или манифестации рисковал быть избитым, изувеченным, расстрелянным, или затоптанным на-смерть копытами казацких лошадей. Идя на митинг, каждый студент и каждый рабочий рисковал жизнью. Это были собрания людей, приговоренных к смерти. И вдруг разносится весть: царь капитулировал, враг отступает. Приговоренные к смерти участники митингов и забастовок узнают, что они имеют право на жизнь, на счастье, на свободу. Вы поймете восторг петербургского пролетариата, поймете его душевное состояние.

Но обратите внимание: среди этих криков ликований вы не слышите столь обычного в истории первых шагов революционного движения других стран возгласа: «да здравствует император». Только голос буржуазного петербургского муниципалитета резким диссонансом прозвучал во славу Николая Кровавого, даровавшего конституцию. Уста пролетариев не были осквернены подобными возгласами: пролетариат не забыл 9 января и никогда не забудет его. И как бы последовательны ни оказались Витте и Николай в проведении начал свободной жизни возвещенных манифестом, им не дождаться возгласов пролетариата: «да здравствует император».

Но могут ли Витте и Николай быть последовательны на том пути, на который они стали. Нет не могут. Вы читали телеграммы из России: революционная толпа с красными знаменами демонстрирует пред тюрьмами, в которых еще томятся борцы за свободу. В некоторых городах, как Тифлис и Одесса, политические заключенные (их теперь многие тысячи по всем тюрьмам империи) уже освобождены: в Полтаве народ собирается к тюрьме; полиция обещает возвратить заключенных их друзьям, дать узникам свободу, и вместо того дает только пули и нагайки. В Варшаве военное положение и многотысячные демонстрации; войска братаются с народом и войска стреляют в народ. По всей России одна картина,—картина противоречий, криков ликования и возгласов ненависти, свободы и военного положения, убийств и братания. Нет цельности, нет никакой последовательности в действиях местных властей. Властная рука из Петербурга уже не управляет движениями марионеток-чиновников. Правительство Петербурга потеряло авторитет у правых и левых, белых и красных, монархистов и революционеров. Механизм правительственной власти расшатан, и императорское правительство находится в процессе полного разложения. На смену ему идет революция.

Последний манифест Николая Кровавого—это не конец, а начало Великой русской революции. Поднимаются все классы населения, начинается долгая, упорная, беспощадная гражданская война. Кто победит? Возьмут ли верх остатки феодализма? Или новые классы, порожденные гигантским развитием промышленности, носители идеи прогресса возьмут верх? В ответ на этот вопрос не может быть ни сомнений, ни колебаний. Самодержавие — дряхлый старец, живущий только подкожными впрыскиваниями молодой пролетарской крови; армия революции полна молодой отваги, здоровья и самоотвержения. Но взор русского революционера, проникающий в близкое будущее своей родины, невольно останавливается на западной ее границе. Что принесет Запад освободившемуся от царизма русскому народу? Повторится ли в обратном порядке история конца XVIII века, когда все силы старого мира поднялись против юной французской революции? Или европейский пролетариат, борющийся под одним знаменем с нами, под красным знаменем социализма, скажет европейской буржуазии свое могучее: «стой!»? Мы, русские социал-демократы, привыкли смотреть на своих западно-европейских братьев именно как на старших братьев. Мы неоднократно видели проявления моральной поддержки со стороны европейского сознательного пролетариата, и эта поддержка ободряла нас на борьбу до конца. Но близок час, когда одной моральной поддержки будет уже недостаточно. Легионы германского цезаря готовы двинуться к востоку. Кровь российского пролетариата должна будет пролиться уже не от руки озверелых казаков, а от

пули европейского пролетария, одетого временно в солдатский мундир. Может ли свершиться это страшное дело?

Нет, товарищи! Мы всем сердцем верим, мы глубоко убеждены, и порукой правоты нашего убеждения является постоянное оправдание историей теорий научного социализма,—мы убеждены, что накануне критического момента европейский пролетариат сумеет, подобно русскому, вновь подняться на высоту самоотверженных борцов 48 года и времен Парижской Коммуны. Мы убеждены, что в этот грядущий час европейский пролетариат,—если история потребует,—своей собственной кровью подтвердит святость и незыблемость девиза международной социал-демократии: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И тогда от огня демократической русской революции, идущей под гегемонией социал-демократической рабочей партии, возгорится пожар социальной революции всего цивилизованного мира.

(М. Ольминский).

Последние известия.

Женева, 4 ноября (22 октября).

За «конституционным» манифестом Николая Кровавого последовали новые бесконечные убийства, организованные Треповым и его бандой. Неистовства казаков, еврейские погромы, расстреливание на улицах только что «амнистированных» политиков, грабежи, устраиваемые черносотенцами при помощи полиции,—все пущено в ход, чтобы подавить революционную борьбу.

Царь прекрасно помог революционерам, подтвердив их оценку лживой уступки, оценку гнусной комедии «либерального» манифеста. Царь хочет вызвать сам новую решительную борьбу. Тем лучше! Вся работа социал-демократии, вся энергия пролетариата будет теперь направлена на то, чтобы подготовить следующий натиск, чтобы уничтожить чудовище царизма, который, умирая, пытается последний раз разжечь темные инстинкты темной толпы. Чем больше усердствует теперь Трепов, тем вернее полный крах всей треповщины и всех Романовых.

(Н. Ленин).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

А., Одесса, IV 136.
А., Петербург, Нарвский район, IV 18.
А. А. А. (Южанин), V 19, 110, 137.
Абалаков, студ., Петербург, I 41.
Абашев, Н., Петербург, I 57.
А. Б. Г., IV 82.
Абдул Гамид, III 129.
Абдумелишвили, З., Тифлис, V 9.
Абкин, А., ссылка, Олонецк. губ., I 139.
Абрам, V 110.
Абрамзон, Г., II 32.
Абрамов, К., Бакинск. тюрьма, IV 139.
Абрамян, А., II 32.
Аванесянц, М., Бакинск. тюрьма, IV 139.
Авдеев, Н., Московск. тюрьма, I 33; IV 80.
Авдей, III 20, 82.
Авенариус, III 32.
Аветисянц, А., Бакинск. тюрьма, IV 139.
Аво, II 149.
Авриаль, IV 4.
Ав, с.-д, II 40.
Авуан, IV 4.
Агапитов, Леза, Николаев, IV 55.
Агранов, Я. М., Гомель, III 96.
Адаменко, И., матрос с „Прута", VI 60, 62.
Азаров, Х., II 32.
Азбель, Одесса, IV 80.
Азиат, I 139; IV 101; V 89, 110, 137; VI 74.
Айдельман, В., II 32.
Айзенбер, Мариана, Акатуй, каторжная тюрьма, V 65.
Айцемович, Г., II 32.
Акименко, арест., Николаев, V 129.
Акимов, I 27, 130; II 26, 38, 113, 116; IV 22, 38, 131.
Аксельрод, I 1, 27, 29, 96, 105, 113—114, 119; II 28, 37, 92, 173, 187, 191; V 81, 115, 121, 135; VI 125, 130.
Аксенфельд, Феодосия, II 14.
Алейников, Керчь, I 87.
Александр, V 89.
Александр (Вятский), Колпино, V 103.
Александр II, II 184; III 13; VI 93.
Александр III, II 14.
Александров, Севастополь, VI 60.
Александров, Н., Петербург, I 57.
Александров, П., Моск. тюрьма, I 33.
Александров, Г., II 33.
Александров, К., Моск. тюрьма, IV 80.
Александров, М., IV 40, 101, 122; V 89, 110.
Александров, Лысково, IV 93.
Александрова, Екатеринбург, I 47.
Александрова, Е., Моск. тюрьма, IV 80.
Александрова, М. А., Цюрих, IV 32.
Алексеев, Н., Воронеж, I 17.
Алексеев, Н., Лодейное поле, I 139.
Алексеев, Петр, I 129; II 57; V 114.
Алексеев, Бакинская тюрьма, II 147.
Алексеев, П. А., Киев, IV 33.
Алексеев, IV 40.
Алексеев, прапорщик с „Потемкина", IV 135.
Алексей, V 47.
Алеша, V 47.
Али-Оглы, И. А., Бакинск. тюрьма, IV 139.
Алиханов-Аварский, II 94, 140.
Альтшулер, М. Д., Керчь, I 87.
Амадео, III 49.
Амброшкевич, Минск, I 99.
Амилахвари, Баку, II 186; III 77.
Амстердам, В., II 33.
Андраши, III 102—103.
Андреев, Олонецк, I 139.
Андреев, В., Казань, II 123.
Андреев, IV 119.
Андреев, Москва, V 65.
Андреева, Е., II 33.
Андреевский, Воронеж, III 52.
Андреевский, К. А., Одесса, IV 29—30.
Андрей, III 81.
Аникеев, Я., Мелитополь, VI 42.
Анисимов, Воронеж, I 100.
Анненский, Петербург, I 16.
Ансель, Э., IV 13.
Антон, II 124, 149; V 110.
Антонина, II 124; IV 122.
Антонов, Воронеж, II 57.
Антонов, Н., Петербург, II 36.
Антошин, Москва, I 139.
Антропов, Моск. тюрьма, IV 80.
Антропов, С. В., Каменец-Подольск, IV 20.
Антуа, IV 20.
Аполинария, II 82.
Аптер, Д., IV 32.
Аракелов, Моск. тюрьма, IV 80.
Арестов, Моск. тюрьма, IV 80.
Аронов, И., IV 33.
Аронович, Н., II 32.
Арсеньев, Петербург, I 68.
Арсеньев, В., Петербург, IV 12.
Артутунянц, Н., Бакинская тюрьма, IV 139.
Архангельская, Москва, I 139.
Архаров, Петербург, I 116.
Архипов, Воронеж, IV 98.
Арцаков, Симбирск, V 126.
Арцимович, Лодзь, I 73.
Асаткин, Кострома, I 139.
Асси, IV 4.
Ася, V 110.
Атамалиев, Баку, II 17.
Атомос, И., матрос с судна „Прут", VI 61.
А. У., III 20.
Аузинг, Рига, I 89.
Аусем, О. Х., IV 32.
Ауфшляк, Р., II 33.
Ауэр, VI 125.
Ауэрбах, И., IV 32.
Афанасин, VI 48.
Афанасьев, Н., Петербург, I 57.
Афанасьев, Е., II 33.
Афанасьев, Ярославль, II 55.
Афанасьев, Московская тюрьма, IV 80.
Афанасьев, А., Николаев, VI 45.
Афанасьева, С. Ф., IV 32.
Ахтямов, И., IV 32.

Б.

Б. (см. Красин), II 148.
Б., Колпино, IV 78.
Б., Петербург, IV 18.
Б., V 88.
Бабаев, Баку, II 16—17.
Бабенко, Я. С., IV 32.
Бабенко, Д. М., Керчь, I 86.
Бабеф, I 127.
Бабицкий, Х., II 32.
Бабкин, Б., Николаев, II 32; IV 55.
Багдасаров, Бакинская тюрьма, IV 139.
Багинский, Т., II 33.
Баградзе, Чердынь, III 18.
Базаров, В. А., III 20.
Байи (Бальи), II 46, 161.
Байков, Петербург, II 76.
Байков, Якутск, IV 19.
Баканов, К. И., IV 33.
Бакинцы, IV 122.
Бакунин, III 59; IV 52.
Бакшеева, Е., IV 32.
Баленко, Екатеринослав, III 80.
Балиев, С., II 32.
Балин, IV 134.
Балмашев, III 18.
Бальмонт, VI 130.
Бальсон, М., II 32.
Бамбарчук, С., Херсонская тюрьма, V 65.
Баран, П., II 32.
Барановский, VI 55.
Баратов, Тифлис, V 9.
Барашков, В. П., Ив.-Вознесенск, III 18.
Баренбаум, А., II 33.
Баркан, М., II 33.
Барро, III 47.
Барсегов, А., Бакинская тюрьма, IV 139.
Барская, III 20, 124.
Барсуков, И. Г., Полесье, V 9.
Барыков, С. И., IV 32.
Барыков, Н. М., IV 32.

Барышев, Моск. тюрьма, I 43.
Басов, Баку, IV 77.
Басс, Якутск, IV 19.
Батырев, В., Моск. тюрьма, I 33; II 146.
Бауман, Тула, V 45.
Бауман, Н. Э., Моск. тюрьма, I 33; IV 80; VI 103, 106.
Баумгакер, А., II 32.
Башмаков, Екатеринослав, I 156.
Бебель, Август, I 109, 169, 189, 134—135; II 37, 53, 71, 97, 103, 117; V 52, 55, 115—116; VI 6, 46, 51, 71—72, 124, 129—131.
Беер, I 33.
Безерькианидзе, Г. Д., Керчь, I 87.
Безобразов, I 17, 32.
Бейдик, В., II 33.
Бекк, Колпино, V 64.
Беккер, Герман, VI 53—54.
Беклешев, Псков, V 100.
Белевский (Канцельсон, Наум), Чердынь, III 18, IV 139.
Беленькая, С., Херсон, VI 103.
Беленькая, Х., Херсон, II 32; V 65.
Беленький, Минск, IV 95.
Беликов, П. Я., IV 33.
Белкин, М., II 32.
Беллен, К., Псков, V 81.
Белов, Казань, I 117.
Белов, И., Моск. тюрьма, IV 80.
Белова, Кострома, IV 138.
Белоусов, А., Николаев, VI 24.
Бельский, Казань, I 117.
Бельский, А., II 32.
Бельский, Л., Николаев, IV 34, 55, 99.
Бельский, Париж, VI 139.
Белынский, Балашов, IV 133.
Беляев, П., II 32.
Беляков, Симбирск, V 126.
Белянчиков, И., Моск. тюрьма, I 33; IV 79.
Бем, II 167; III 81.
Бемельбург, III 100.
Бенин, Екатеринослав, IV 99.
Берг, V 80.
Бергис, Я., II 32.
Бергман, Николаев, IV 55.
Бердичевская, М. Л., Петербург, I 57.
Березенко, Т., Николаев, V 129.
Берзин, Я., Олонецк. губ., I 139.
Берлин, Б. З., I 33.
Бернгарт, Г., V 7.
Бернштейн, Эдуард, I 112—113; II 73; V 134.
Бернштейн, Ф., II 33.
Берсон, Я., I 33.
Беслей, IV 4.
Беспрозванный, Ш., II 32.
Бессонов, Н., II 32.
Бессонов, III 30.
Бетя, IV 20.
Бещенко, М., Николаев, V 129.
Б.-Ж., III 15.
Билев, Рига, I 71, 76, 89.
Бинеман, Э. Л., Екатеринослав, IV 99.
Бирка, К., матрос с судна „Прут", IV 61.
Бирюков, (см. Воронов, П. М.).
Бисмарк, I 12; II 151—152; III 25, 58; IV 104; V 35.
Биск, И., Николаев, V 10.
Биссолати, III 60.
Б. К., III 146.
Блюцард (см. Трофимов, П. Л.).
Бобков, В. Е., Воронеж, III 60.
Бобриков, II 7.
Бобровский, В. С., Баку, IV 139.
Богданов, А. А. (Рядовой), I 2, 29, 85; II 10, 114; VI 27.
Богданов, В., Петербург, I 57.
Богданов, Н., Харьков, II 32, 101.
Богданович, VI 62.
Боголепов, Н. Н., Москва, III 52.
Богомольц, Одесса, I 30.
Богоявленская, Москва, I 139.
Богучарский (см. Яковлев).
Бодрицкий, А., Бакинск. тюрьма, IV 139.
Бодрый, V 20.
Бодэн, П., IV 25.
Бок (см. Махлин).
Болгов, Н., Петербург, II 76.
Болье-Леруа, Поль, V 5.
Больтон, Кин, Италия, V 57.
Большаков, Воронеж, IV 98.
Большунов, Самара, IV 134.
Бонапарт, Луи, IV 64.
Бондарев, Г. Ф., I 86—87.
Бондаренко, Я., Николаев, IV 55.
Бондаренко, Баку, IV 77.
Бонч-Бруевич, В. Д. (Дядя Том), I 2, 19, 77, 89, 91, 119, 120, 131, 139, 141, 143; II 6, 10, 31, 61, 78, 120, 144, 149, 160, 161, 164, 170; IV 11; V 97.
Бонч-Бруевич, В. М. (см. Величкина, В. М.).
Борд, М., II 33.
Борисов, Пермь, II 145; IV 139.
Борисов, II 47.
Борисов, Моск. тюрьма, III 18.
Борисов, И. А., Москва, III 52.
Борисов, П., Тверь, III 78.
Борисов, М., VI 8.
Борляев, А, Петербург, I 57.
Борн, Стефан, III 29.
Бородовский, Вятка, I 46.
Бородовицын, Воронеж, IV 98.
Борухова, А., II 32.
Борц, Б. Б., Керчь, I 86—87.
Борчанинов, Пермь, VI 68.
Брагинский, Д., IV 33.
Браиловский, IV 19.
Брайнин, З., II 33.
Брак, VI 139.
Браун, Г., VI 131.
Браун, I 27.
Брауэр, Казань, I 117; II 123.
Брегвадзе, М., Баку, I 137.
Бриан, II 117, 119; III 65.
Бродский, И., II 32.
Брока, Огюст, II 11.
Бронглино, Ф., I 33.
Брукер (см. Махновец, Л.).
Брусиловский, Одесса, IV 92.
Брусс, V 52.
Брылев, А. Н., Москва, III 52.
Буалье, IV 46.
Бубанов, Р., матрос с „Прута", VI 60.
Буданов, Д., Моск. тюрьма, I 33.
Будзинский, О., II 33.
Будиловский, Керчь, I 87.
Буйницкий, Баку, II 78.
Булгаков, Киев, II 52.
Булгаков, М., Архангельск, V 109.
Булыгин, II 34—35, 65, 110, 117, 132, 133, 164, 166; III 15, 86, 106; IV 41—42, 52, 108, 127, 133; V 39, 115; VI 19, 92.
Бумажкин, IV 141; V 137; VI 28.
Бунаков, IV 9.
Бургин, Г., II 32.
Буркин, III 104.
Бурлаков, IV 40, 141; V 110.
Бурцев, III 20.
Бурштын, Б., II 32.
Бусыгин, Н. П., Бак. тюрьма, II 147; V 139.
Бутенко, Е., матрос с „Прута", VI 60.
Бушен, Пермь, II 145.
„Бывший Артиллерист", сотр. „Искры", II 88—89.
Быков, Колпино, II 13.
Быков, Ив.-Вознесенск, II 163.
Быков, А., Бакинская тюрьма, V 139.
Быстрицкая, Николаев, V 55.
Быстрякова, Баку, II 147.
Бюлов, VI 124.
Бюхнер, II 86.

В.

В., Цюрих, III 59.
В., публицист „Искры", IV 7.
Ваганова, Псков, V 81.
Вагнер, Киев, I 16.
Вагулин, Моск. тюрьма, IV 80.
Вайнденбаум, Ф., II 32.
Вайнер, Г., II 32.
Вайнис, I 33.
Вайнштейн, Казань, II 123.
Вайнштейн, М., Якутск, V 109.
Вайншельбаум, А., II 33.
Ваксман, М., II 32.
Вакулинчик, Г., III 137.
Вален-т-ов, корресп. „Вперед", I 77.
Валериан (Любимов), II 166—167.
Валюша, V 137.
Вальян, I 45; II 117.
Вано (Стуруа, И. Ф.), I 91.
Вандервельде, Э., I 62; IV 13.
Ваня, З., V 47.
Варенко, Полесье, V 9.
Варенька (Фридолин), V 47.
Варлен, II 72; III 31; IV 4.
Варсемашвили, Д., Бак. тюрьма, IV 139.
Варшавский, III 146.
Василий, I 139; V 68, 110.
Василиса, IV 40.
Васильев, А., Петербург, I 57.
Васильев, М., Петербург, I 57.
Васильев (см. Ленгник).
Васильев, Баку, II 78.
Васильев, М. (См. Южин).
Васильев, Воронеж, IV 98.
Васильевский, Л. С., V 137.
Васильченко, Рига, I 89.
Васильченко, С., IV 19.
Васильчиков, Петербург, I 142.
Васинский, Красноярск, V 87.
Вассер, Л., Баку, IV 139.
Ватулин, М., II 33.
Вахрущев, Баку, II 186.
Вашакидзе, Кутаис, I 137.
Вашева, Баку, II 186.
В. Б., III 20.
В. В., I 40.
В. В., III 20.
Везинье, IV 4.
Великий, Николаев, IV 55.
Величкина, В. М., (Бонч-Бруевич), I 2; III 32, 36, 133; V 110; VI 45, 75, 82, 85, 90, 104.
Веллер, И., Бак. тюрьма, IV 139.
Велосипедист, I 139.
Вельдмерберг, С., Николаев, V 129.
Вельк, Курск, II 11.
Вельштейн, Одесса, I 30.
Велюнский, II 32.
Венгерова, VI 130.
Веревкин, Петербург, III 75.
Верный Товарищ, I 139.
Верховский, Г., II 32.
Верховский, Петербург, II 47.
Верхотуров, Якутск, IV 19.
Веселовский, Б., Олонецк. губ., I 139.
Вестлин, III 18.
Веткин, IV 101.
Ветлугин, Алапаевск, IV 16, 139.
Вивиани, II 117.

Виллих, III 30.
Вилонов, Н. (Чистяков), Уральский к-т, IV 139.
Вильгельм I, V 33.
Вильгельм II, II 53; IV 87, 103—107.
Винер, З., II 32.
Виноградов, Л., II 33.
Виноградов, Е., Петербург, I 57.
Виноградов, П., V 1, 25, 27, 112.
Виноградова, О., I 33; III 52.
Винокур, Б., Николаев. тюрьма, IV 55, 99.
Винокуров, А., Птб., I 57.
Винокуров, Б. И., II 143.
Вирениус, VI 138.
Витгенштейн, VI 53.
Витгефт, II 6.
Витлин, Л. И., IV 33.
Витман, А. Ф., III 18.
Витовский, Ив.-Вознесенск, IV 35.
Витохин, Баку, IV 77.
Витте, Ю., I 65—66, 68, 75, 83; II 64; III 46, 63, 89; V 5, 7; VI 49, 51, 60, 71, 78, 80, 85, 105—106, 121—123, 133, 135, 136, 141—142.
Вишневский, И., Москва, III 52.
Вишневский, И., Екатеринослав, IV 99.
Вишняков, М., I 33.
В. К. (см. Карпинский).
Владимир, I 49, 53, 60, 61, 66, 88; V 41; VI 121.
Владимир, II 124.
Владимир, III 81.
Владимир, III 145.
Владимиров, В.-Устюг, II 40.
Владыкин, Саратов, V 38.
Владыков, В., Николаев, V 129.
Власов, С., Олонецк. губ., I 139.
Власьев, V 63.
Внаровский, Москва, I 139.
Водовозов, Киев, I 16; II 50; VI 41.
Воинов, В. (см. Луначарский).
Волк, IV 122.
Волков, С., Самарск. губ., II 142.
Воловик, А., Екатеринослав, IV 99.
Володарская, Киев, IV 32.
Волонтер (Павлович, М.), II 88.
Волынский, VI 130.
Вольтер, II 49.
Вольгемут, III 53.
Волюкевич, В., II 32.
Вольф, С., II 32.
Вольф, VI 53—54.
Воля, III 20, 82.
Воробьев, Ростов, I 138.
Воробьев, М., матрос с „Прута“, VI 60.
Воробьева, Р., IV 33.
Воровский, В. В. (Орловский), I 2, 15, 16, 19, 27, 31, 34, 84, 103; II 18, 24, 39, 40, 90, 123, 151; III 24, 26, 40, 51, 60, 62, 89, 91, 101, 104; IV 65, 67, 73, 82, 105; V 51, 66, 68, 76, 93; VI 55, 75, 118, 131, 138, 140.
Ворон, III 81.
Воронов, Пермь, II 145.
Воронов, П. М. (Бирюков), Москва, III 52.
Вороницын, Моск. тюрьма, IV 80.
Воронцов-Дашков, III 75, 77.
Вочорадзе, М., Тифлис, I 91.
Врачев, Н., Ив.-Вознесенск, IV 35.
В. С. (см. Северцов, В.).
Всесвятский, Москва, I 139.
Второв, II 148, 149.
Вульфович, Александрополь, VI 62.
Вуренгейм, II 7—8.
Высоцкий, А., Моск. тюрьма, IV 80.
Вюрст, Кострома, I 139.
Вяземский, V 47.

Г.

Г. А., III 59.
Гаврилов, Казань, II 123.
Гаве, Луи, II 11.
Гагарин, III 141.
Гайндман, I 22—23; II 63.
Гайсинер, И., Баку, IV 139.
Гала, IV 82.
Галифэ, II 72.
Галошинский, А., II 33.
Гальнер, Л., IV 33.
Гальперин, Л. Е., Моск. тюрьма, IV 79.
Гальперин, Р., V 137.
Гаманюков, А., II 32.
Гамбетта, I 111.
Гамозин, Кострома, I 139.
Ган, А., II 32.
Ганейзер, Петербург, I 68.
Ганземан, V 32.
Ганна, I 91; IV 101.
Ганнушкин, Москва, II 135.
Ганченко, Д. Н., Керчь, I 86—87.
Гапон, Г., I 49, 52, 56, 58, 59, 61, 63, 66, 68, 69, 88, 94, 95, 96, 110; II 4, 13, 34, 40, 54, 93, 95, 166; III 139; IV 18, 77;
Гаприх, В., Одесса, II 100
Гарасев, Николаев, IV 55.
Гарданхадзев, V 9.
Гарелин, П., II 32.
Гарибальди, II 24.
Гарибузанов, Е., II 32.
Гарковый, Г., II 33
Гаркуль, А., II 32.
Гастев, А., II 33.
Гастон, Леру, III 86, 102—103, 130, 139; V 43; VI 2.
Гаузнер, А., Херсон, V 65; VI 98.
Гаупт, III 58.
Гвоздев, VI 74.
Гвяздовский, А., II 33.
Г. Г. В., Петербург, II 76.
Гдалин, С., II 32.
Гданский, Г., II 32.
Гдовский, А., II 33.
Гегель, II 53.
Гедеванов, Тифлис, I 91.
Гейден, Петербург, III 85—86.
Гейденблик, Одесса, IV 80; V 16.
Гейлиц, Минск, IV 95.
Гейне, V 132.
Гейнце, Н.-Новгород, IV 94, 114—115; V 80.
Гелашвили, А., Бак. тюрьма, IV 139.
Гельферих, V 5.
Генаев, В., Петербург, I 57.
Генкин, Б., Бобруйск, IV 120—121.
Геокчанц, А., II 32.
Георгий, V 47, 137.
Герасимов, И. А., IV 32.
Герденчик, Б., Баку, IV 139.
Гере, VI 126.
Гернин, В. Х., IV 33.
Герц, I 40.
Герцык, IV 119.
Гершанович, М., Могилев, I 115.
Гершельман, V 101.
Гершуни, II 1, 4.
Гессен, I 68; V 24—25; VI 49.
Гете, IV 71—72.
Гизо, 1830 г., V 116.
Гильфердинг, Рудольф, VI 107—108.
Гильченок, З., II 32.
Гиммер, Н., Моск. тюрьма, IV 80.
Гипс, Л., II 32.
Гипиус, VI 130.
Гипшман, Л., II 32.
Гительман, С. Н., Керчь, I 86.
Гиунашвили, Шакро, Кутаис, III 97—98.
Гладстон, III 25.
Глазов, Е. Н., IV 33.
Глазов, VI 85.
Глебов, I 46; II 38, 148; IV 131.
Глебов, В., II 32.
Глезмер, С. П., Петербург, II 65—68, 152; III 88.
Гликман, С. А., I 33.
Глинский, Николаев, VI 24.
Глоке, III 100.
Глотова, Москва, I 139
Глузман, П., II 33.
Глухов, В., Баку, I 137.
Глуэ, С., Пелымь, V 65.
Гмиря, Н. П., IV 33.
Гоберман, М., II 32.
Годенко, Г., IV 32.
Годовицкий, А., Олонецк. губ., I 139.
Гойхман, Д., II 32.
Голайкин, Н., матрос с „Прута“, VI 60.
Головин, Тифлис, V 9.
Головин, Ф., II 162; III 85; IV 42; V 69, 70, 94, 119.
Головкин, Петербург, II 75.
Головсов, Мелитополь, VI 42.
Головчинер, И., II 32.
Голубев, Т. С., Ив.-Вознесенск., III 18.
Голубев, И., Баку, IV 139.
Голубицкий, Казань, I 117; II 123.
Голубицкий, Николаев, IV 55.
Голубков, Кострома, I 139.
Гольдберг, II 33.
Гольдблат, И., II 32.
Гольденберг, И., IV 33.
Гольдман, Д. М., I 33.
Гольденштейн, I 33.
Голицын, I 75.
Голюков, Ф., II 33.
Гончаров, С., Херсон, V 65.
Горбаконь, Александрополь, II 14.
Горбунов, П., Пермь, II 145; IV 139.
Горбунов, Кострома, V 44.
Горелик, II 33.
Горемыкин, II 134; IV 42; VI 60.
Горнштейн, IV 32.
Горобова, Е., Бак. тюрьма, IV 139.
Горовиц, Р., II 32.
Горохов, Моск. тюрьма, IV 80.
Горский, I 27.
Горький, I 68, 76.
Горюнов, Н.-Новгород, IV 116.
Гостев, А., Моск. тюрьма, IV 80
Гостхоржевич, Ш. II, 33.
Готлиб, А., II 32.
Готмир, С., Николаев, V 129.
Гоффбард, И., Херсон. тюрьма, V 65.
Гоффенберг, Минск, VI 18.
Гохват, Л., II 32.
Гоц, А., II 33.
Грабов (ый), П., Николаев, IV 34, 55.
Грацианский, Кострома, I 139.
Грачев, Ф., Александрополь, VI 62.
Грегце, Рига, I 135.
Грейлих, Цюрих, III 58—59.
Гречка, А., VI 60.
Григорин, I 91.
Григориянц, Г., Бак. тюрьма, IV 139.
Григориянц, Артюн, Баку, II 186.
Григорьев, Казань, II 123.
Гриммер, Д., Моск. тюрьма, IV 79.
Гринберг, Л., Николаев, IV 34, 55.
Гринблат, Ш., II 33.
Грингмут, II 131, 134, 166.
Гриншпан, А., II 32.
Гробман, Х., II 32.
Гробовский, Петербург, I 57.
Гройс, Г. М., Керчь, I 87.

Гройсман, Л., II 32; IV 33.
Громобой, IV 20.
Громов, Тула, V 45.
Громова, Л., Тобольск, V 65.
Громова, П. Ф., IV 33.
Гросман, И., II 32.
Гросман, М., II 33.
Гросс, I 100; IV 78—79.
Грубецкий, Б., IV 19.
Грюнвальд, А., II 32.
Грюнер, С. А., Вологодск. губ., I 47; III 18; VI 74.
Г. С., V 89.
Гудков, I 139.
Гудовин, IV 33.
Гудович, Т. (Штерн), IV 33.
Гульбинская, К., Олонецк. губ., I 139.
Гульбинский, И., Олонецк. губ., I 139.
Гундер, М., II 33.
Гуральчик, Я., II 32.
Гурвич, М., Москва, I 86; II 32.
Гурченадзе, Г., Якутск, VI 74.
Гурвич, Н. Моск. тюрьма, I 33.
Гуревич, А., IV 32.
Гуревич, Р., IV 139.
Гуревич, И., IV 33, 139.
Гуревич, II 16.
Гурецкий, Э., II 33.
Гурнели, Д., Батум, I 117; II 14, 30.
Гурин, П. Г., Москва, III 52; V 65.
Гурович, Ф., IV 98—99.
Гурьянов, Тверь, IV 53.
Гусев, С. И. (Нация), I 2, 142; IV 122; V 122, 137; VI 26, 28.
Гусев, Рига, I 89.
Гусев, Воронеж, IV 98.
Гусев, Петр, Архангельск, V 47.
Гусенко, Красноярск, V 87, 108.
Густайнис, И. К., I 33.
Гутовский, В., II 32.
Гучков, VI 135.
Гуэн, Жюль, II 97.
Гэд, Жюль, I 22, 23; II 63, 117; III 144; V 115; VI 138—139.
Гэдист (см. Линдов).
Гэрре, V 132.
Гюго, В., IV 25.
Гюламбярианц, И., Бак. тюрьма, IV 139.
Гюисманс, IV 13.
Гюмген, II 47.
Гюшар, Париж, II 11.
Гюэ, II 155; III 99—100.

Д.

Д., IV 47.
Дабулер, Г., II 32.
Давид, I 40.
Давид, III 40, 82, 124; IV 101, 122; V 47, 110.
Давид, Е., V 89.
Давидов, IV 118, 119.
Давыдов, К., Москва, II 146.
Давыдов, А. А., IV 32.
Давыдов, М. А., Архангельск. губ., IV 32.
Давыдов, Воронеж, IV 98.
Давыдов, Москва, V 65.
Давыдов, Херсон, V 64.
Дайо, Арман, Париж, II 11.
Далин, VI 48.
Дальтон, V 92.
Даманский, Л., Луганск, I 19.
Дамскер, И., II 32.
Дан, I 44.
Даниельянц, Бак. тюрьма, IV 139.
Данилевский, Петербург, I 41.
Данилевский, В., II 32.
Данилов, VI 138.
Дантон, IV 49.
Д'Анунцио, VI 130.
Дарвин, Ч., I 17.
Даргольц, Ц., Якутск, V 109.
Дарин, III 59.
Дворецкий, И., Николаев, IV 55, 99.
Дворкович, А., II 32.
Девдариани, С., II 32.
Девинсон, матрос с „Прута", VI 60.
Девятов, Урал, IV 139.
Дед, I 139.
Дедов, III 82, 104, 146; V 137.
Дейненко, П., IV 12.
Дейтрих, II 8.
Дейч, II 148, 149, 166, 167.
Дембо, Ф., II 33.
Дементьев, Екатеринбург, I 47.
Деминский, Баку, II 18.
Демчинский, Г., Луганск. тюрьма, I 19.
Демчинский, Ростов, II 182.
Ден, Киев, I 134.
Дертев, К. Н., Сибирь, I 47.
Дерюжинский, V 125.
Дуакобиа, Ф., Бак. тюрьма, IV 139.
Джаншиев, III 20.
Джем (см. Елизарова, А. И.).
Джиолитти, II 90, 93; III 32, 59.
Джорж, Генри, II 47.
Джохадзе, Л., IV 20.
Дзержановский, Якутск, VI 19.
Дзюба, Н.-Новгород, IV 116.
Дианин, Петербург, I 41.
Дикин, Д., Николаев, IV 55.
Диллан, I 68.
Дмитриев-Байцуров, III 118.
Дмитриев, А., Сормово, IV 116; V 87.
Днепровский, Самара, IV 134.
Добковский, В., II 32.
Добролюбов, Екатеринослав, II 168.
Добрынин, Н. И., Ростов, II 182.
Добряков, V 96.
Довнарович, А., II 32.
Долгов, Воронеж, V 83.
Долгополов, Н. И., Н.-Новгород, I 86.
Долгорукий, Павел, Петербург, III 85.
Долгорукий, Петр, Петербург, III 85.
Долгоруков, II 33, 166.
Долженко, М., матрос с „Прута", VI 60.
Домбровский, Вятка, I 46.
Домбровский, В., II 143.
Доминско, Я., II 32.
Домогацкий, III 139.
Драберд, Вятка, I 46.
Дранков, В. И., Керчь, I 87.
Драбищев, О., II 32.
Дроздовский, Николаев, VI 45.
Друян, И., Херсон, тюрьма, V 65.
Дрюман, I 83.
Дуб, С., II 33.
Друбникова, Д. М., I 33.
Дубосарский, Харьков, II 160.
Дубровинский, Моск. тюрьма, IV 79.
Дудников, Сарат. тюрьма, IV 98.
Дунаев, Ив.-Вознесенск, IV 35.
Дургалов, Петербург, II 15.
Дурново, IV 124—125, 128; V 69, 70, 71, 94.
Дювиль, IV 4.
Дюкен, Петербург, II 100.
Дюко, II 116, 119.
Дюпон, IV 4.
Дюшато, Вятка, I 46.
Дяденька (Книпович, Лид. Мих.), Вольск, VI 41.
Дядя Том (см. Бонч-Бруевич, В. Д.).
Дядя Минай, III 146; IV 20; V 68, 110.

Е.

Е., Петербург, IV 18.
Евдокименко, И. Е., Полесье, V 9.
Евсеев, III 82, 124; V 47.
Егоров, II 38.
Егорова, Москва, I 139.
Еж, II 82; IV 40.
Езерская, Л., Москва, I 33, 86.
Езерский, V 11.
Езиоровский, К., IV 19.
Езлин, Б., II 33.
Елагин, Владимир, I 75.
Елена, IV 122.
Елецкий, III 20.
Елиава, Тифлис, I 91.
Елизарова, А. И. (Джем, Игорь), I 2, 77, 106, 132, 140; III 146; V 68, 110.
Елин, Симбирск. губ., V 126.
Елькин, Тверь, III 78.
Ельпатьевский, II 118.
Емельянов, И., Бак. тюрьма, IV 139.
Емельянова, М., Моск. тюрьма, I 33; IV 80.
Емельянова, О., Моск. тюрьма, IV 80.
Енукидзе, В., Баку, I 137.
Енукидзе, Б. В., Бак. тюрьма, IV 139.
Еремин, VI 75.
Ермолаев, Москва, II 132; VI 40.
Ермолюк, Ж., Тула, V 45

Ж.

Жаботинский, Г., II 33.
Жаров, Москва, I 139.
Жданов, О., Петербург, I 57.
Жданов, Вологда, I 43.
Железнов, Киев, II 52.
Желябов (Сокольский, Петр), II 123.
Жемчугов, Н.-Новгород, VI 40.
Жерве, Петербург, II 75.
Жилкин, Петр, Д., Чердынь, III 18; IV 32.
Жилкин, Н. П., Кременчуг, IV 32.
Жиро Ришар, I 84.
Житов, И., Бак. тюрьма, IV 139.
Житомирский, Таганрог, I 139.
Жогот, Р., II 32.
Жорэс, Ж., I 23, 83, 84; II 86, 87, 116, 117, 119; III 144; IV 26; V 115; VI 56 124,
Жуков, IV 119.
Жуковский, А., IV 32.
Журавлев, А., IV 19.
Журавлев, Красноярск, V 87.
Журд, IV 4.
Ж. Э., III 15.

З.

Забытый, II 61.
Заварин, А., Моск. тюрьма, I 33; IV 80.
Заварин, В., Кострома, I 139.
Завьялов, И., Петербург, I 57.
Загайная, С., I 139.
Загоскин, VI 130.
Зазикалов, Воронеж, V 105—106.
Зак, Одесса, IV 92.
Заков, Х., IV 19.
Закарнадзе, Батум, II 11.
Залвин, А., IV 19.
Залинский, Т., II 143.
Залкинд, Пермь, I 47.
Замбер, А., II 33.
Замятин, А. Н., Петербург, II 141.
Замятин, Н. (Сомов), IV 139.
Занозин, Ф., Бак. тюрьма, IV 139.
Зарецкая, Ш., IV 33.
Зарин, V 89.
Заславская, Николаев, IV 55.
Заславский, М., Херсон, тюрьма, V 65.
Засулич, В., I 1, 94, 113, 114; VI 130.

Зафтонов, М., Херсон, тюрьма, V 65.
Зах, IV 122.
Захар, VI 28.
Захарова, К., II 32.
Захарченко, матрос с „Прута", VI 60.
Заходер, I 33.
Захозов, А., Бак. тюрьма, IV 139.
Звонов, Н., Моск. тюрьма, I 33; IV 80.
Зеленый, Одесса, I 30.
Зеленый, VI 74.
Зеликман (Беляевская), IV 32.
Зенкевич, А., II 33.
Зетель, Г., IV 33.
Зиглин, Херсон. тюрьма, V 65.
Зильберглейт, С., II 32.
Зимин, Н. А., Воронеж, I 99.
Зина, IV 122.
Зингер, III 58; VI 131.
Зиновьев, III 130.
Зинченко, Николаев, IV 55.
Зисман, Х. II 32.
Златкин, Я. (Ценов), IV 139.
Злокинди, Херсон. тюрьма, V 65.
Змиев, Самара, IV 134.
„Золотая крышка", I 91.
Золя, Эмиль, II 11.
Зорин, Курск, II 11.
Зорин, Н., Николаев, V 129.
Зубатов, II 165, 178; IV 18.
Зубчанинов, Псков, V 81.
Зуев, Николаев, V 129.
Зуева, Николаев, V 129.

И.

И., почт. ящик, IV 141; V 19.
И., корреспонд. „Моск. Вед.", V 116—117.
Иваницкий, Харьков, II 101.
Иваныцин, Николаев, IV 34—55.
Иванов, В., Петербург, I 57.
Иванов, Н. А., Петербург, I 57.
Иванов, Киев, I 16.
Иванов, III съезд, II 68, 127—129.
Иванов, Ярославль, II 77.
Иванов, Ярославль, II 107.
Иванов, Г., II 33.
Иванов, Москва, II 141.
Иванов, К., II 33.
Иванов, Федул, Петербург, II 35—36.
Иванов, В. С., Ив.-Вознесенск, III 18.
Иванов, С. А., арест., Москва, III 52.
Иванов, Николаев, III 80; IV 54.
Иванов, Воронеж, IV 98.
Иванов, Н.-Новгород, IV 116.
Иванов, VI 60.
Иванова, А., Петербург, I 58.
Иванович, З., Моск. тюрьма, I 33.
Ивановский, Ф., VI 39.
Иванченко, Москва, I 139.
Иванчин-Писарев, Петербург, I 68.
Ивянский, Б., IV 33.
Игнатов, Н.-Новгород, I 86.
Игнатьев, VI 80.
Игорь (см. Елизарова, А. И.).
И. Д., VI 138.
Иевлев, Курск, V 105.
И. Ж., III 82.
Ижица, II 40, 170.
Избаш, Керчь, I 87.
Изгоев, I 33.
Измаил, IV 122; V 110.
Измаил, З., V 47.
Иконов, И. И., Керчь, I 86.
Икс, II 21.
Иле, IV 101, 122.
Ильин, Одесса, III 18.
Ильин (см. Ленин).
Ильштейн, Ромны, II 15.
Имшенецкий, Е. К., Москва, III 52.
И. Н., VI 138.
Индепендент, V 94.
Иннокентий, III 81, 82.
Интернационал, IV 40.
Иоанн, Колпино, IV 78.
Иоанос, И. Б., Керчь, I 87.
Иодко, П., Бак. тюрьма, IV 139.
Иолоп, Я., II 32.
Ионов, Воронеж, V 83.
Ионсон, II 7—8.
Ионтер, И., II 33.
Иосиф, К., IV 141.
Ирицкий, Либава, IV 75.
Исай, Тверь, II 55.
Ихлов, Д., Архангельск, V 109.

К.

К., Саратов, VI 132.
К. А., Ив.-Вознесенск, IV 56.
К. А., V 47.
Кабаков, Алапаевск, IV 139.
Кабанов, Москва, I 139.
Кабанцева (см. Крылова).
Кабрини, III 60.
Кавицкий, К., Петербург, I 57.
Каган, М., Могилевск. губ., I 115.
Каган, Г., II 33.
Каган, Е., II 32.
Каган, Р., II 32.
Каган, Ш., IV 32.
Кадыков, А. Г., Москва, III 52.
Казимиров, Воронеж, IV 98.
Казимов, Баку, II 17.
Кактынь, Рига, V 35.
Каландадзе, Я., II 32.
Каландадзе, Л., II 32.
Каландарашвили, Н., Тифлис, I 91.
Калафати (см. Махов).
Калашников, А. Ф., Ив.-Вознесенск, III 18.
Калинин, В. (см. Карпинский).
Калма(ы)ков, Б., Николаев, IV 34, 55.
Калугин, Кострома, I 139.
Калугин, Моск. тюрьма, IV 80.
Кальварийский, Х., II 33.
Каменев, Ф., Курск, V 105.
Каменева, II 61.
Каменецкая, V 65.
Кампгаузен, V 32.
Канаев, Москва, V 65.
Кандарели, Г., Бак. тюрьма, IV 139.
Канский, I 47, 68.
Кантор, В., II 32.
Кантор, З., Николаев, IV 34.
Кангели, Баку, II 16.
Каплан, Д., II 33.
Каплун, М., Одесск. к-т, IV 32.
Каприялянц, И., II 32.
Капустянский, Саратов, V 80.
Каразин, V 47.
Карангозов, Одесса, IV 92.
Карапетян, Бак. тюрьма, IV 139.
Кареев, Петербург, I 68.
Карнеев, Полесье, V 9.
Каролицкий, II 33.
Карпенко, А., Моск. тюрьма, I 33; IV 80.
Карпенко, Г., Моск. тюрьма, I 33.
Карпинский, В. (Калинин), I 2; II 104, 125, 127, 158, 184; III 14; IV 61, 69; VI 112.
Карпов, Л., Моск. тюрьма, IV 79.
Карпов, В., Николаев, V 129.
Карпович, II 1.
Каррер, Э., II 11.
Карфункель, Одесса, IV 92.
Карцевадзе, В., Бак. тюрьма, IV 139.
Карч, Ю., IV 19.
Касишак, М., V 135.
Катков, III 10; IV 126.
Катюша, I 139; VI 74.
Каульбарс, Одесса, VI 86, 128—129, 133.
Каутский, К., I 105, 113; II 21, 43, 44, 74, 137, 155, 157—158; III 8, 12, 20, 24—26, 100; IV 26—27, 38, 48, 87, 89, 90, 104; V 52, 53, 97, 116, 117, 132, 134; VI 6, 47, 56, 71, 124, 129.
Кауфман, V 5.
Каханов, Одесса, IV 30.
Кахиани, Бак. тюрьма, II 186.
Кац, Е., II 32.
Кацнельсон, Н. (см. Белевский).
Кашен, VI 139.
Кащевский, Николаев, V 155.
Кванишевский, Варшава, VI 84.
Квецинский, И. А., IV 33.
Квинтя, II 33.
Квита, Т., II 33.
Квятковский, Моск. тюрьма, IV 80.
Кевдин, Н.-Новгород, I 86.
Кедрин, Петербург, I 68.
Келлер, II 6.
Кеннан, И., V 42.
Керзон, IV 90.
Керцун, Яремск., II 40.
Кибардин, А. В., Чердынь, V 137.
Киквадзе, С., Бак. тюрьма, IV 139.
Кимборовский, Г., II 32.
Киндерис, И., II 32.
Кирилл, Одесса, IV 31.
Кириллов, Петербург, I 57.
Кириллов, Урал, IV 139.
Кирильченко, Н., Николаев, IV 55.
Кирхнер, Одесса, II 54.
Киселев, А. И., Петербург, II 76.
Киселев (Мавринский, И.), Пермь, IV 139.
Кисель-Загорянский, Николаев, IV 55.
Кистяковский, И. А., Киев, I 131.
Китаев, Якутск, III 146.
Кичитжиев, К. И., Керчь, I 86—87.
Клейгельс, Киев, II 40, 52; VI 115.
Клементин, III 146; IV 40; VI 74.
Климов, А., Николаев, IV 34; V 129.
Клитчоглу, С., Арханг. губ., V 109.
Клюзэрэ, II 24, 84—90.
Клюйко, Воронеж, V 83.
Клячко, С. М., Вятка, I 46.
Кнунианц, Богдан, Моск. тюрьма, I 33; II 135, 138.
Князев, И. С., IV 33.
Кобеко, Петербург, II 110.
Кобыльницкая, IV 33.
Ковалев, Кострома, I 139.
Ковалев, матрос с „Прута", VI 60.
Ковалевский, Максим, III 85, 133, 134, 135; VI 9, 40.
Ковальчук, С., II 33.
Коган, Ростов, I 42.
Коган, Гофштейн, I 33.
Кодиксов, П. В., III 18.
Кожеловский, Ив.-Вознесенск, IV 35.
Козлов, В. А., Кострома, I 139.
Козлов, Москва, IV 42.
Козлов, Николаев, IV 55.
Козловский, Пермь, II 145.
Козуба, В., матрос с „Прута", VI 60—61.
Койранская, Тифлис, V 104.
Коковцев, I 10, 119; II 68, 110—111, 131; III 17, 88, 107, 112—113; IV 105.
Кокорин, И. М., IV 33.
Кокушкин, Ф. А., Ив.-Вознесенск, III 18.
Колайдо, Т., Николаев, IV 55.
Колдун, М., IV 33.
Коленский, Х., II 32.
Колесников, Петербург, II 75.
Колесов, Н.-Новгород, V 86.
Колобнев, Сестрорецк, IV 72.

Колодный, М., II 33.
Коломийцев, П. И., IV 33.
Колосков, Д., IV 19.
Кольцов, VI 130.
Колюбакин, V 119.
Коля, II 124.
Командин, Л., Сормово, IV 116; V 87.
Комаров, Я., II 32.
Комиссаров, С., Бак. тюрьма, IV 139.
Комиссаров, Пермь, II 145.
Комитетчик, VI 18.
Компанийцев, В., Моск. тюрьма, IV 80.
Кондорок, Керчь, I 87.
Кондратевич, Батум, I 117.
Кондратенко, II 6; IV 6.
Кондратьев, А., Петербург, II 12.
Коневец, Скопин (Ряз. губ.), II 40.
Конз, 1850 г., II 108.
Кони, VI 48.
Кононов, Томск, II 35, 49.
Коноплев, А., Казань, IV 104.
Константин, III 82; VI 28.
Константинди, Харьков. VI 83.
Конторович, I 33.
Концевич, Е. И., IV 33.
Корсев, Моск. тюрьма, IV 80.
Коркунов, III 20.
Кормильцев, Скопин (Ряз. губ.), II 40.
Корнеев, Баку, III 18.
Корнели, III 44.
Коробицына, Л. А., III 19.
Коростишевский, Я., Тобольск, V 65.
Коррендорф, Олонецк. губ., II 162—163.
Короткевич, Харьков, II 101.
Корочайский, Петербург, I 41.
Корф, Петербург, III 85.
Корякин, Воронеж, I 99.
Косарев, Воронеж, IV 98.
Коста, III 60.
Костин, IV 82.
Костя, Одесса, IV 135.
Костя, VI 74.
Косых, П., Воронеж, IV 98.
Котельников, Ростов, I 138.
Котельников, К., Моск. тюрьма, I 33, 86; II 146.
Котленко, I 33.
Котлов, С. М., Полесье, V 9.
Котляров, III 18.
Котов, Н.-Новгород, IV 116.
Кох, Ю. Г., IV 33.
Кохадзе, Баку, II 147.
Кочутков, Моск. тюрьма, IV 80.
Кошева, Т., Петербург, I 58.
Кошевич, А. С., IV 33.
Кр. V 20.
Кравченко, Воронеж, V 83.
Краинский, Курск, II 11.
Краснобродский, Херсон, V 65.
Краснов, Кострома, I 139.
Красновский, М., IV 33.
Красовский, М. Ц., Петербург, VI 114, 134.
Крассуский, Петербург, I 41.
Крафт, Р., IV 49—50.
Креве, II 32.
Кремвель, II 158.
Кремер, Н., Рига, VI 20.
Кржистоновский, Херсон, V 65.
Кривоногов, Ф., Колпино, V 103.
Кривошеева, Е., Баку, I 137.
Кригер, И., Керчь, I 87.
Кригер, IV 6, 27; VI 55.
Кригэ, II 47, 107—109.
Крик, А., Петербург, I 57.
Криницкий, А., Пелым, V 65.
Крит, III 104; IV 141.
Кричевский, I 94, 130; II 116.
Кроль, Э. Х., Бак. тюрьма, IV 139.
Кроль(ю)ницкий, Н. А., Пермь, I 46; III 18.
Кромвель, О., III 90—91.
Кронид (П. П. Квитко), III 82; IV 101.
Кропоткин, III 59.
Кроун, М., II 32.
Крохмаль, В., Моск. тюрьма, II 32; IV 80.
Круковский, Я., II 32.
Крулицкая, М., III 33.
Крумбюгель, Л., Моск. тюрьма, I 33, 86; II 136.
Крупская, Н. К. (Ульянова), I 2; II 130—131.
Кручинина (см. Мандельштам, Л.).
Крыжановский, Одесса, IV 30—31.
Крылова, Т. П. (Кабанцева), IV 33.
Крым-Гирей-Султан, II 34, 95—96, 140.
Крынский, И., II 32.
Крысько, Ростов, I 138.
К. С. (Конст. Серг. Дорошенко), II 145; IV 101.
Ксения, V 110.
Кугушев, В., Олонецк. губ., I 139.
Кудрин, Н., IV 20.
Кузнецов, Д., II 33.
Кузнецов, Николаев, IV 34, 55.
Кузнецова, А. М., Саратов, IV 33.
Кузьмин-Караваев, II 65.
Кузяев, Бак. тюрьма, IV 139.
Куклин, Г., III 62, 146.
Куклин, Николаев, IV 55.
Кукля, Б., II 32.
Кулаков, Казань, I 115; II 122.
Кулерман, II 32.
Кулик, Б., II 33.
Куликовский, П. А., IV 33.
Кульберг, III 55.
Кульман, II 146.
Кульчицкий, А., Херс. тюрьма, V 65.
Кунин, Д., II 32.
Куницер, Лодзь, IV 19.
Кунц, Б., I 33.
Куперник, матрос с „Прута“, VI 60.
Куракин, Екатеринослав, III 80.
Куранов, М. II 32.
Куранов, Н.-Новгород, IV 116.
Курбатов, II 57.
Курган, Р., II 32.
Куриленко, II 76.
Куринный, Г. Я., IV 33.
Курлов, Минск, IV 95; VI 18.
Курляндский, Вильна, V 38.
Куроедов, I 75.
Куропаткин, I 9, 21—22; II 48, 86; IV 51; V 118.
Курц (см. Ленгник).
Кусмерин, III 18.
Кутайсов, Сибирь, III 60; V 46, 87.
Куценко-Шепест, Ф., IV 33.
Кучуев, М. Д., Бак. тюрьма, IV 139.
Кушнер, О., II 33.

Л.

Л., Н.-Новгород, VI 141.
Л., IV 82; V 110.
Л., Одесса, IV 30, 93; V 16.
Лаврентий, V 110.
Лавринов, Н.-Новгород, IV 116.
Лавриновский, Псков, V 81.
Лавринский, Орловск. губ., II 11.
Лагардель, III 65, 100.
Лазарев, Н.-Новгород, I 86.
Лаков, III 82.
Лакросс, IV 107.
Ламанов, Сормово, I 32.
Ланга, Отто, III 57.
Ландау, V 55.
Ланин, Рыбинск, II 119.
Лапидо, Ф., II 32.
Лапин, М., IV 33.
Лаптев, А., Олонецк. губ., I 139.
Лапуз, И. И., Керчь, I 87.
Лапшин, Кострома, I 139.
Ларион, II 82.
Лассаль, Ф., II 57; V 52; VI 53.
Лацис, И., Рига, VI 20.
Лафайет, II 46, 47, 158—160; IV 46.
Лафарг, Поль, VI 116, 138, 139.
Лебедев, В., II 33.
Лебедев, Казань, V 106.
Лебедева, М. О., Бак. тюрьма, IV 139.
Лебедевский, Саратов, V 80.
Лебедь, А., Птб., I 57.
Лев, V 68.
Левандовский, Рыбинск, II 56.
Левин, Могилев, I 115.
Левин, Г., II 32.
Левин, Л., II 32.
Левит, Э. Моск. тюрьма, IV 80.
Левицкий, А., V 9.
Левченко, А. К., Керчь, I 86.
Ледницкий, Москва, II 10.
Лежава, А. М., Н.-Новгород, I 86.
Лейкин, С., IV 19.
Лейтейзен (см. Линдов).
Леккерт, Бунд, Вильна, I 94.
Ленгник, Ф., (Васильев, Курц), Московск. тюрьма, I 33; II 37, 38, 40, 123, 191.
Ленин (Ильин), I 1, 2, 19, 28—30, 33, 36, 37, 45—47, 57, 60, 61, 65, 67—70, 72, 73, 75, 77, 78, 94, 96, 109, 113, 114, 124, 130, 138, 141, 142; II 18—19, 21, 24—28, 37—40, 58, 68, 71, 73, 81, 82, 85, 90, 97, 103, 112—114, 123, 130, 132, 148, 167—169, 171, 183, 188—190, 191; III 2, 3, 9, 20, 33, 34, 39, 44, 47, 54, 87, 104, 128—129, 131, 139, 146; IV 18, 22, 38, 61, 73, 85, 100, 102, 114, 121, 130; V 4, 8, 20, 25, 66, 68, 71, 72, 76, 78, 79, 83, 95, 99, 113, 115, 118, 11[illegible], 127, 135—137; VI 3, 8, 19, 21, 33, 36, 42, 49, 52, 60, 61, 68, 73, 75, 79, 91—93, 103, 124, 130, 143.
Лео, II 82.
Леонов, Москва, I 139.
Леонов, С., I 33.
Леонов, М. Г., Сибирь, IV 33.
Леонович, Москва, III 52.
Леонтьев, Т., Птб.; I 57.
Леонтьев, К. Н., Киев, II 82.
Леонтьев, Б. Н., Киев, II 82.
Леонтьева, Е. Н., Киев, II 82.
Лернер, Минск, I 139.
Леру, Г. (см. Гастон, Леру).
Лещинский, М., Моск. тюрьма, I 33; II 146; IV 80.
Либер, I 79; II 113.
Либерман, Ш., II 32.
Либинсон, Абрам, IV 33.
Либкнехт, В., II 127; III 11; V 78.
Ливенсон, Минск, IV 95.
Лившиц, А., Екатеринослав, IV 33.
Лившиц, А., Режица, IV 33.
Лильборн, III 90.
Лиман, А., IV 33.
Лина, III 146; IV 101.
Линдер, II 7.
Линдов, Г. (Гэдист, Лейтайзен), II 117; III 145; IV 26; VI 138, 139.
Линевич, Харбин, III 30; IV 51—53, 87.
Линкова, А., II 32.
Липовецкий, Николаев, IV 55.
Лисин, III 104; IV 101, 141; V 47.
Лиссагарэ, IV 4.
Литвиненко, Н.-Новгород, IV 115.
Литвинов, I 1.
Литвинов-Фалинский, I 13—14.

Литейщик, Воронеж, V 45.
Лифшиц, Александрополь, VI 62.
Лихтер, Ростов, I 138.
Личко, И., матрос с „Прута“, VI 60.
Л. М. (см. Мартов).
Лобко, II 131.
Логвинов, С. IV 19.
Лозинский, А., Бак. тюрьма, II 33, 147.
Лозинский, С., III 20.
Лозовский, Екатеринослав, III 80.
Локке, I 116; II 121—122.
Ло-ло, II 124; III 42, 146; IV 141; VI 48.
Ломов, V 89.
Ломтатидзе, В., II 33.
Ломтатидзе, Н., II 33.
Лонгэ, II 116; IV 4.
Лопатинская, М., Моск. тюрьма, IV 80.
Лопухин, I 139; II 1, 19, 103.
Лосталло, II 47—48.
Лубоцкий, Н.-Новгород, V 86.
Лука, V 110.
Луковский, Минск, IV 95.
Лукьянов, VI 85.
Луначарская, А. А., I 19.
Луначарский, А. В. (Воинов), I 2, 12, 19, 34, 65, 66, 85, 128, 138; II 46, 82, 103, 150, 156, 171; III 12, 67, 92, 136, 137; IV 27, 29, 52, 87, 89, 90, 106, 109, 112; V 54, 120; VI 57, 109, 129—131.
Лункевич, Киев, II 49—50.
Лунова, С., IV 33.
Лунц, Г., II 33.
Лурье, М., Якутск, II 32; IV 19.
Лутидзе, И., IV 33.
Лутугин, I 16, 134.
Лучик, Минск, I 101.
Лучицкий, Киев, II 52.
Лылов, М. Ф., Москва, III 52.
Лысенко, Одесса, IV 92.
Львов. В., Птб., II 75.
Львов, Н., Птб., III 85.
Львов, Г., Птб., III 85.
Лэди, III 146.
Любимов, Моск. тюрьма, IV 79.
Людмила, IV 82; V 47, 89.
Людовик XVI, I 10, 124, 128; IV 46, 51, 103, 108; V 8.
Люель, Х., II 32.
Люксембург, Роза, I 29, 80, 96, 105; II 92; VI 124.
Люльев, II 33.
Лютер, Николаев, IV 54.
Лядов, М., V 125.

М.

М., чл. Одесск. к-та, IV 134.
М., IV 82.
Ма, III 81.
Мавринский, И., (см. Киселев).
Магомет, VI 48.
Мазур, Г., II 33.
Мазур, Ш., II 33.
Мазурин, А., Москва, I 139.
Мазурин, В., Моск. тюрьма, I 33; IV 80.
Майоров, Ярославль, II 55.
Мак-Дональд, И. Р., VI 70.
Макаров, Птб., I 41.
Макаров, II 6.
Макаров, И., Николаев, IV 34, 55, 99.
Макаров, С., Николаев, IV 34, 55, 99.
Макеев, Сестрорецк, IV 55.
Макс, III 82.
Макс, Н., V 110.
Максим второй, V 137; VI 74.
Максимович, Варшава, II 166; III 17, 53.
Максин, Курск, II 11.
Малама, Кавказ, II 30.
Малкин, А., II 33.
Малон, IV 4.
Малыгин, С., II 33.
Мальцев, III 40, 82, 124; V 47.
Малышев, Воронеж, V 106.
Мальяр, II 156—157.
Малянтович, Москва, II 10.
Мамедбегов, Баку, II 18.
Манда, IV 49, 50—51.
Мандельштам, Л. П. (Кручинина), I 2; II 83, 189.
Мандельштам, Н., II 33.
Маневич, I 33.
Манилов, IV 85.
Манин, III 90.
Манох, Э., Екатеринослав, IV 98.
Мануилов, А. А., VI 33.
Манько, Москва, I 139.
Маня, IV 122.
Маргари, III 60.
Маргенштейн, Л., II 33.
Марголин, М., II 33.
Марголин, Птб., II 13.
Марголин, С., Екатеринослав, IV 99.
Марголис, М., II 33.
Маргулис, Одесса, IV 92.
Marianna, V 88.
Маркелов, И., Бак. тюрьма, IV 139.
Маркман, Д., II 33.
Марков, Тверь, II 55.
Марков, И., Полтава, IV 33.
Маркович, Я., II 33.
Маркс, К., II 19, 25, 27, 28, 46, 47, 57, 58, 70, 72, 77, 89, 106—109, 118, 137; III 24—32, 48, 54; IV 3—5, 63, 65, 72, 76, 85, 86, 104, 107, 128; V 32, 52, 78, 92, 115, 116, 122; VI 17, 47, 53—55, 87, 90, 131.
Мартин, Р., V 7.
Мартов, Л. (Л. М.), I 1, 29, 37, 79, 94, 96, 119; II 37, 71, 73, 74, 92, 112, 116, 123, 138, 145, 146, 168, 187, 191; III 20, 25, 31, 146; V 1, 3, 8, 70, 77, 81, 115, 135; VI 8, 12, 17, 32, 68, 108—109, 122, 125, 130.
Мартынов, I 14, 15, 65, 79, 80, 96, 119, 130; II 26, 69—75, 85, 87, 90, 92, 93, 114, 173; III 24, 27, 30, 31, 33; IV 5, 38; V 120—121; VI 125.
Мартынов, Москва, I 139.
Маршан, II 53.
Масалкин, П. И., Кутаис, I 139.
Маслянников, Г., Птб., I 57.
Матвеев, В. В., Моск. тюрьма, IV 33, 79.
Матвей, V 89; VI 28.
Маторин, И., Керчь, I 87.
Мау, Харьков, VI 83.
Мах, Эрнст, III 32.
Махарадзе, Тифлис, I 91.
Махвиладзе, Моск. тюрьма, IV 80.
Махлин („Бок“), Екатеринослав, II 101.
Махнов, М., Бак. тюрьма, IV 139.
Махновец, Ю., Воронеж, II 38; IV 98.
Махновец, Л. М. (Брукер), Воронеж, V 83.
Махов, К. (Калафати), II 13, 38, 170.
Маюшко, Е., Моск. тюрьма, IV 80.
Мегалинский, Ярославль, II 10.
Меграбов, Г., Баку, II 186.
Мегреладзе, С., Бак. тюрьма, IV 139.
Медведева, К., Моск. тюрьма, I 33; IV 80.
Медведева, С., Моск. тюрьма, IV 80.
Медведков, С., Птб., II 75.
Мезенцев, Либава, I 89.
Мейендорф, II 44.
Мейзин, III 38.
Мельцер, Самара, IV 134.
Мельник, С., II 33.
Менар-Дориан Поль, II 11.
Меньшиков, VI 31.
Мер, Ш., II 33.
Мера, Александрополь, V 62.
Мерин, Ш., II 33.
Меринг, Фр., VI 125, 131.
Мерис, И., II 11.
Метелкин, Кострома, I 139.
Мец, М., II 33.
Мещенников, Пермь, II 145.
Мешикова, А. В., Тверск. губ., III 78.
Мешковский, I 91.
Мещерин, Воронеж, V 45.
Мещерский, II 63, 131—132; III 106, 131; IV 74.
Мижуев, III 20.
Миковский, И., II 33.
Миколаюн, Рига, II 189.
Милешин, Ф., Птб., I 57.
Мильеран, II 72, 86, 112—113, 116; III 31
Мильтон, III 90.
Милюков, П. А., I 33.
Милюков, П. Н., IV 51, 52, 75, 76, 124; V 55, 56, 79, 80, 88; VI 57, 121.
Миляев, П. Е., IV 33.
Минасянц, А. II 33.
Минин, Н.-Новгород, IV 116.
Миноза, Александрополь, VI 62.
Минский, Якутск, III 146.
Минута, IV 40.
Минц, Я., II 33.
Минька, матрос с „Прута“, VI 60.
Миньон, V 20.
Мирабели, I 62.
Мирабо, III 133; IV 46.
Мирбо, Октав, II 11.
Миркин, Г., II 33.
Миролюбова, Е. И., I 33.
Мирский, Воронеж, I 17.
Миткевич, Б., II 33.
Митров, В., IV 33.
Митув—Гинзбург, Ю., II 33.
Митюшов, Моск. тюрьма, IV 80.
Митя, I 139; II 82.
Михайлов, Н., Птб., I 57.
Михайлов, Воронеж, IV 98.
Михлин, Я., II 32.
Мичник, А., Иркутск, V 47.
Миша, Саратов, V 80.
Мовшович, Казань, II 123.
Могилевский, В., II 33.
Могильницкий, В. М., Керчь, I 86, 87.
Могутников, Урал, IV 139.
Мозырь, Вильна, V 45.
Мокшин, Н., IV 33.
Молешот, II 86.
Молль, VI 53.
Молчанов, А., матрос с „Прута“, VI 61
Мольдер, М., Птб., I 58.
Монистов, Е. Ф., Москва, V 65.
Монтескье, II 51.
Монька, III 82, 104.
Моргулианц—Нерсес, II 186.
Мордухович, Александрополь, VI 62.
Морковин, Б., Киев—Харьков, I 139; II 101
Морозов, И., IV 33.
Морозов, Моск. тюрьма, IV 80.
Москвич, II 170.
Москов, И., матрос с „Прута“, VI 60.
Мотольский, П., II 33.
Мотя, VI 74.
Мохет, М., IV 33.
Мочедлобер, И., IV 119; V 42.
Мошков, Н.-Новгород, IV 115.
Мровик, А., IV 19.
Мруз, Ю., Керчь, I 87.
Мулов, М. Я., Ив.-Вознесенск, I.I 18.
Муляров, Я. Н., Полесье, V 9.
Мунгалов, Туринск, V 65.

Мунье, II 157—158.
Муравьев, I 10.
Муравьев, Москва, II 10.
Муравьев, П., Моск. тюрьма, II 33; IV 80.
Муравьев, V 58.
Муран, VI 48, 74.
Мурашко, К., II 33.
Мурашко, Е., Птб., II 75.
Муромцев, С., I 24
Мухачев, I 47.
Мухин, Кострома, I 139.
М. Х., III 82.
Мхеидзе, Кутаис, II 96; III 98.
Мымрецов, IV 107.
Мысовский, М. П., Минск, IV 95; VI 18—19.
Мышецкий, Птб., VI 12.
Мышецкий, V 137.
Мышкин, IV 101.
Мюнхельберг, П., Птб., I 57.
Мягков, III 20, 146.
Мякотин, Птб., I 68.

Н.

Н., Одесса, IV 140.
Н., V 38—39.
Набоков, Птб., I 74.
Наборщик, III 104; IV 101.
Наборщик, Саратов, III 119; IV 137.
Надворский, М., II 33.
Надеждин, II 93—94.
Надеждинский, Чердынь, III 18.
Нади, II 116.
Надлер, В., IV 33.
Надсон, I 137.
Назаров, П., Москва, I 139; II 33.
Назарьев, Птб., II 75.
Найденов, А. Г., I 86—87.
Накашидзе, I 33.
Накашидзе, Баку, II 16, 17, 166; III 92, 140.
Накашидзе, С., Кавказ, II 30.
Наполеон, I 139; II 19, 61.
Наполеон I, IV 5, 27, 64; V 26, 132.
Наркирьер, С., Моск. тюрьма, IV 80.
Насимович, Н. (см. Чужак).
Ната, почт. ящ., I 139; II 124.
Наумов, II 187.
Нахамкин, А., Николаев. тюрьма, IV 34, 55.
Нахимовский, М., II 33.
Нация (см. Гусев, С. И.).
Неаполь, III 82 104; V 137; VI 28, 48.
Неаполь № 2, V 68.
Неберо, М., II 33.
Небогатов, Либава, IV 75.
Невельштейн, В., Николаев. тюрьма, IV 99.
Невзоров, IV 59.
Нежданов, Тула, V 80.
Незенберг, Ш., II 33.
Ней(д)гарт, Одесса, III 18; IV 30.
Нейдельштейн, М., Николаев, IV 55.
Неизвестный товарищ, V 18.
Неклюдов, I 135.
Некрасов, Н. В., I 33.
Немирович-Данченко, I 22.
Немчинов, Рига, I 89.
Нерон, I 83.
Н.-И., Херсон, IV 18.
Никитин, М., Птб., I 57; V 103.
Никитин, Птб., III 85, 103.
Никитин, Моск. тюрьма, IV 80.
Никифоров, Л. М., Москва, I 139.
Николаев, М., Бак. тюрьма, III 18; IV 139.
Николай II, I 7, 10, 52, 115; II 11, 26, 44, 49, 52, 69, 77, 99, 144; III 64, 85, 102, 106, 131, 133, 139; IV 13, 35, 69, 87, 103, 105, 107—108; V 69, 78, 80, 86, 125; VI 58—59, 80, 105, 123, 135, 142—143.
Николай, Екатеринослав, II 168.
Николай—он, I 40.
Никон, III 131.
Никонов, IV 91.
Нина, III 82; IV 82; V 110.
Нищий, II 40; III 82, 146; IV 122; V 47, 68.
Новиков, I 139.
Новиков, А. И., Птб., I 134; III 73.
Новиков, Пермь, I 47.
Новикова, Пермь, I 47.
Новиков, П. П., Ив.-Вознесенск, III 18.
Новицкая, I 33.
Новосильцев, III 83; IV 42.
Новохатка, А., Архангельск, V 47.
Ногин, П. П., Чердынь, III 18; V 47.
Ногин, В. П., V 47.
Норкин, В., Бобруйск, IV 96.
Норский, Казань, I 117; II 123.
Носков, В., Моск. тюрьма, IV 79.
Ноткин, А., IV 33.
Нохинский, II 147.
Н. Ф., II 104, 125.
Н. Ц., V 59.
Ньювенгайс, Д., VI 99.

О.

Оболадзе, А., Баку, I 137.
Оболенский, I 142; II 7, 8; VI 89.
Обухов, А., Птб., I 57.
Обухов, Харьков, II 161.
Овечкин, Воронеж, IV 98.
Овчинкин, А., IV 33.
Оганесов, Бак. тюрьма, IV 129.
Оганье (р), II 117—119; VI 98.
Огородников, Н. А., I 139.
Одамский, В., Николаев, V 129.
„Одесский Рабочий", IV 19.
„Один из многих", II 61.
„Один из периферии", Одесса, II 123—124.
„Окружной организатор", Москва, V 22, 43.
Окунь, М., II 33.
Окштейн, И., Могилев. губ., I 115.
Олар, II 87; IV 103.
Old friend, IV 122.
Ольга, IV 82, 122; V 47, 137.
Ольденбургер, VI 64.
Ольминский, М. С., I 2, 25, 32, 42, 47, 70, 72, 78, 114, 119, 140; II 36, 39, 40, 104, 149, 170, 189; III 19, 20, 133, 139, 141, 146; V 20, 68, 137; VI 19, 48, 68, 75, 80, 104, 143.
Ольшанский, Николаев, V 129.
Ольштейн, Г., IV 20.
Оля, II 61; V 19.
Оля 333, V 47; VI 28.
Омега, I 139.
Омельчук, матрос с „Потемкина", III 124.
Опанашенко, П., II 147.
Орар, III 18.
Организатор 2-го района Рижского к-та, V 20.
Организатор Городского района, Птб., V 103.
Организатор, Канавино, V 47.
Орехов, П., Птб., II 76.
Орженский, М., Херсон, IV 20; V 20.
Оржеровская, А., IV 20.
Орлов, А., IV 33.
Орлов, Москва, I 139.
Орловский (см. Воровский).
Осмоловский, Пермь, II 145.
Остен, IV 4.
Остров, К. М., Вятка, I 46.
Остроумов, Птб., II 110.
Остроумов, А. В., Бак. тюрьма, IV 139.
Оттилия, IV 82, 101.
Охрамовский, Моск. тюрьма, I 33, 86.

П.

П., V 20.
П., Москва, V 88.
Павел, IV 122.
Павлинова, Вятка, I 46.
Павлов, И., Птб., I 57.
Павлов, Е., II 33.
Павлов, Н., II 177.
Павлов, III 20.
Павлова, М., II 33.
Палушкин, Моск. тюрьма, IV 80.
Панемоне, Р., II 33.
Панин, I 28; II 74.
Пан—к, Н., VI 38.
Панов, Ярославль, II 55.
Панов, С. (см. Теодорович).
Панченко, Д. Н., Керчь, I 86—87.
Панченко, М., Москва, тюрьма, III 52; IV 80.
Панфилов, Казань, V 18.
Параб, Г., II 32.
Парабин, Л., Москва, I 138.
Парамонов, Ростов, I 42; V 25.
Парамонов, М., Николаев, V 129.
Парвус, I 95—98, 114; II 39, 86, 87, 92, 94, 115, 116; III 123; IV 130; V 70—77, 79—83, 95, 135, 137; VI 8, 9, 11, 32, 45, 122.
Парийский, Ростов, II 181.
Пархоменко, IV 119.
Паршин, И., Николаев, IV 34.
Паршин, Н., Николаев, IV 34.
Паташин, П., IV 12.
Пауков, VI 28.
Паумин, А., II 33.
Паушкин, Моск. тюрьма, IV 80.
Пахомов, Б., Александрополь, VI 62.
Пене, III 90.
Пенлевэ, II 11.
Пергамент, Одесса, II 33, IV 92.
Переверзев, Москва, I 139.
Перельман, Б., Казань, I 117; II 123.
Перельмутер, Ф., II 33.
Перепелкин, VI 61.
Пересветов, П., II 33.
Перельшан, I 33.
Персин, И., Вильна, V 38.
Персон, Л., Казань, II 123.
Першин, Я., Олонецк. губ., I 139.
Петербуржец, III 20.
Петербуржец, организатор Невского района, VI 44, 48, 66, 75.
Петербужец, почт. ящ., V 89; VI 48.
Петерсон, Пермь, I, 47; II 145.
Петр Великий, I 12; III 73.
Петрашкевич, С., Олонецк. губ., I 139.
Петров, Птб., I 57.
Петров, Баку, II 78.
Петров, Птб., II 144.
Петров, Моск. тюрьма, IV 80.
Петров, Севастополь, V 101.
Петров, В., матрос с „Прута", VI 60, 62, 138.
Петрова, В., Архангельск, VI 74.
Петрункевич, И., III 85, 102—103, 106; IV 42, 43, 80, 83, 86, 125, 132, 133, V 80, 118.
Петух-Гальский, II 149.
Петухов, Вятка, I 46.
Печеник, М., II 33.
Печерина, IV 141.
Печерина, В., I 139.
Печуркин, Рига, I 77, 136.
Пешехонов, Птб., I 68.
Пивницкий, Н.-Новгород, IV 115.
Пизарский, Калиш, V 9.

Пикер, М., Николаев. тюрьма, IV 55, 99.
Пинди, IV 4.
Пинус, Н.-Новгород, IV 115.
Пиратинский, И., II 32.
Писарев, Екатеринослав, II 168.
Писаревский, VI 59.
Письменный, А. С., Керчь, I 86, 87.
Питум, Д., IV 33.
Плаксин, В.-Устюг, II 40.
Плевако, II 10.
Плеве, I 7, 10, 24, 30, 94, 135; II 77, 120, 142; III 81; V 84, 125.
Плесков, А., Херсон, V 65.
Плесский, Харьков, II 101.
Плеханов, Г. В., I 1, 35, 65, 94, 105, 112, 114, 119—130; II 17, 24—27, 37, 38, 40, 58, 73, 75, 112, 117, 138, 140, 191; III 24, 32, 48, 59, 81, 101; IV 18, 38, 40, 100, 130; V 32, 99, 127, 135, 136; VI 8, 17, 68, 130—131, 138, 140.
Плотников, Урал, I 47.
Плотников, Моск. тюрьма, IV 80.
Плугин, Вятка, I 46, 139.
Плюснин, Птб., II 76, 77.
Плюснина, Пермь, II 145.
П. Н., IV 82.
Победоносцев, I 10; II 131—132, 134; VI 117, 121.
Погон, Птб., IV 118.
Погребницкий, И., IV 33.
Подбородов, III 20, 124.
Подвычин (см. Руднев).
Подчищалов, Ярославль, II 99.
Покровский, М. Н. (учитель), IV 102, 114.
Полежаев, IV 141.
Полторацкий, Моск. тюрьма, IV 80.
Поляков, Одесса, III 18.
Полянин, А. Ф., Ив.-Вознесенск, III 18.
Померанец, Х., II 33.
Поназовская, Т., II 33.
Пономарева, Е., II 33.
Попандопуло, А., II 32.
Попов, Л., Казань, I 117; II 123.
Попов, И., Олонецк. губ., I 139.
Попов, Москва, I 46, 119; II 19.
Попов, Птб., I 41.
Попов, В., Птб., I 57.
Попов, Я., Казань, II 123.
Попов, Пермь, II 145.
Попов, Ярославль, II 182.
Попов, III 18.
Попов, Одесса, III 145.
Попов, Н. И., IV 33.
Попов, И. З. IV 33.
Попович, Н., Олонецк. губ., I 139.
Попович, III 20, 40; IV 122, 141.
Попп, Ф., Бак. тюрьма, IV 139.
Порецкий, Л., II 33.
Портная, Р., Бак. тюрьма, IV 139.
Портнов, М., II 33.
Постоловский, II 33.
Потапов, Моск. тюрьма, III 52; IV 80.
Потапов, Моск. тюрьма, IV 80.
Потресов (см. Старовер).
Починков, А., Птб., II 75.
Пошигорев, Н., Олонецк. губ., I 139.
Правдин, II 58.
Пренковский, II 32.
Преображенский, Елисаветград, I 115.
Преображенский, Кострома, I 139.
Пресняков, А., II 32.
Прибульский, Я., II 33.
Прикащиков, Баку, II 78.
Приспешников, IV 93.
Проезжий, Красноярск, V 61.
Прозорович, А., Николаев, V 129.
Прозорович, Ф., Николаев, V 129.
Прокопович, С. Н., I 68; III 20.
Прокофьев, Тула, VI 67.
Прокофьева, М. А., Бак. тюрьма, IV 139.
Пропагандист, IV 82; V 47.
Пропагандист, Н.-Новгород, IV 94.
Пропагандист, IV 101.
Протопопов, Чердынь. III 18.
Прохницкий, Птб., I 41.
Прохоров, II 189.
Прохоров, А., Моск. тюрьма, IV 80.
Пружинин, Ф. II 33.
П. С., III 44, 46.
Псишари, Ж., II 11.
Пузанов, Курск, II 11.
Пунаков, И., Урал. IV 139.
Пунге, Г. А., IV 33.
Пустынник, Рязань, II 40.
Путиловец, Птб., II 35.
Путятин, III 103.
Пуше, III 65, 66.
П—ца, III 124.
П—ца, Урал, IV 37.
Пшеславский, Тверь, IV 53.
Пэкслиф, VI 128.
Пятницкий, I 1.

Р.

Р., IV 82.
Рабинович, А., II 33.
Рабинович, Х., II 33.
Рабинович, И., II 33.
Рабочий, I 27, 96, 119, 121; II 57.
Рабочий (см. Правдин).
Рабочий (Захаров), VI 68.
Рабочий, Луганск, VI 69.
Рабочий, Москва, III 14.
Рабочий, Екатеринослав, III 80; VI 93.
Рабочий, Николаев, III 16, 97, 123; IV 34; V 129.
Рабочий юга, III 146; V 89, 110.
Рабочий, Двинск, IV 97, 121.
Рабочий, Ив.-Вознесенск, IV 120; V 13.
Рабочий Костя, IV 122.
Рабочий, Воронеж, V 106.
Рабочий из большинства, Одесса, V 47.
Рабочий, Мстиславль, VI 67.
Рабочий, Тула, VI 67.
Равич, С. IV 33.
Радилов, Д., Моск. тюрьма, IV 80.
Радциг, А. А., V 6.
Радченко, Полесье, V 9.
Радченко, И. Н., Якутск, V 137.
Раевский, земец, V 118.
Рамишвили, С., II 33.
Раппопорт, М., IV 33.
Рапп, IV 141.
Растощинский, М., Николаев, V 129.
Ратнер, III 22.
Ратников, Моск. тюрьма, IV 80.
Ребиндер, III 116.
Революционер, Берн, VI 42.
Резников, Ф., Харьк. к-т., IV 33.
Резников, матрос с „Прута“, VI 60.
Резцов, Птб., VI 114.
Рейнский, III 20, 40, 104.
Рени, Москва, I 139.
Ренненкампф, II 48.
Репин, Г. А. II 147.
Репина, V 110.
Ржевский, В., V 9.
Ривкин, Г., Моск. тюрьма, I 33, 86.
Ридер, II 33.
Рижский, III 122; IV 45.
Рижский, почт. ящ., III 146.
Ритман, С., II 32.
Рихтер, В. Н., Моск. тюрьма, I 33.
Ришелье, I 38.
Роберти-Де, IV 42; V 118.
Ровнер, Н., Херсон. тюрьма, V 65; VI 98.
Роганова, Е., Москва, I 139.
Рогачев, Херсон, V 65.
Рогачевский, Харьков, II 160.
Рогинский, Моск. тюрьма, IV 80.
Рогов, А., II 33.
Родин, А., IV 33.
Родичев, Птб., III 85, 106; IV 42; V 117, 118; VI 8.
Родлюс, II 33.
Рождественский, I 21; VI 138.
Рождественский, Твер. губ., III 78.
Рожков, Птб., I 116.
Рожков, II 78.
Рожков, Н., V 9.
Рожков, V 55.
Розенбаум, С. П., Екатеринослав, I 19.
Розенберг, П., Москва, III 52.
Розенберг, М., Москва, III 52; V 137.
Розенблюм, Г., II 33.
Розенблюм, Р., II 33.
Розенблюм, Д., II 32.
Розенбойм, С., Херсон, V 65.
Розенфельд, А., II 33.
Розенштейн, Ростов, II 182.
Розит, Г., II 33.
Розов, Б. А., Птб., II 75.
Рокамболь, I 64.
Роланд-Гольст, Г., IV 28—29, 87—89; V 52—53, 134.
Роллэн, Ледрю, IV 107.
Романов, Керчь, I 87.
Романов (см. Николай II).
Романов, Г. И., IV 33.
Романов, Николаев, IV 34, 55.
Романов, И., Бак. тюрьма, IV 139.
Рот, Киев, V 124.
Рошфор, IV 6.
Рощин, I 91; II 124.
Ртвеладзе, Г. Д., Бак. тюрьма, IV 139.
Рубакин, III 12.
Рубальский, II 33.
Рубин, К., IV 33.
Рубинштейн, М., Херсон, тюрьма, II 33; V 65.
Руднев, А., Воронеж, I 100.
Руднев, III 110; V 55.
Руднев (Подвыгин), Моск. тюрьма, IV 80.
Рудницкий, Л., II 32.
Рудштейн, Ш., IV 33.
Ружанский, А., II 33.
Рузер, Якутск, III 146.
Русанов, V 137.
Русин, Ф., II 38.
Руссак, Н., II 33.
Руссо, В., II 112.
Руссо, Ж. Ж., III 34.
Рутковский, А., IV 19.
Рыбаков, Х., II 32.
Рыбаков, В. М., Москва, III 52.
Рыбаков, С., Николаев, IV 34, 55.
Рыдзевский, I 68, 75.
Рыкова, Ф. И., III 18.
Рыковский, Москва, V 65.
Рэдерэр, IV 51.
Рюрик, IV 122.
Рябов, Моск. тюрьма, IV 80.
Рядовой (см. Богданов, А. А.).
Рязанов, Д. Б., I 27; II 21.

С.

С., Минск, III 19.
С., Птб. Нарвский район, IV 18.
Сабанеев, Одесса, IV 29.
Сабинин, В., II 33.
Саблер, II 131.
Саватеев, П., матрос с „Прута“, VI 61.

Савва, Баку, I 46.
Саввин, Н., Олонецк. губ., I 139.
Савелин, II 19.
Савин, IV 12.
Савинкин, Птб., I 74.
Савинов, Николаев IV 34.
Савинов, А., Кострома, IV 79.
Савков, В. И. („Изнов", „Кирюшин"), IV 33.
Сагаев, М., II 33.
Сазонов, Моск. тюрьма, I 30; IV 80; V 46.
Сазонов, II 56.
Сазонов, И. Л., Москва, V 65.
Сакин, Твер. губ., III 78.
Саккер, Одесса, IV 92.
Саксанов, А., II 33.
Салазкин, V 55.
Салмерон, III 49.
Салопаев, М., Моск. тюрьма, IV 80.
Самков, И., Керчь, I 87.
Самофалов, Г. М., Полесье, V 9.
Самохин, Е., IV 12.
Самсонов, Н. Птб., I 57.
Самыгин, М., Тюмень, V 109.
Сандаков, VI 55.
Сандрович, А., II 33.
Санетин, Ярославль, II 77.
Сан-Жур, Кострома, I 139.
Саперштейн, Ю., II 33.
Сапожников, А., Херсон, V 65.
Саркисов, Г. II 33.
Саркисов, А., Бак. тюрьма, IV 139.
Сарьян, Б., II 33.
Сасс, К., II 32.
Сат, V 110.
Сатана, IV 122.
Сатановский, В. (Вульке), провокатор, II 147.
Сафронов, П., Николаев, IV 34, 55, 99.
Сафьянц, Е., Бак. тюрьма, IV 139.
Сахаров, И., II 33.
Саша, V 68.
Сашин, VI 101, 126.
Сваровский, Николаев, IV 54.
Сватиков, Ростов, I 42.
Свентицкий, VI 45.
Свердлин, С., II 33.
Свердлова, М., IV 33.
Светлик, II 75.
Свидляй, И., Птб., I 57.
Свирский, Г., II 33.
Свистунов, Воронеж, V 105.
Сволочевский, Николаев, V 54.
Святой, П., II 32.
Святополк-Мирский, I 7, 10; II 44, 68, 74, 75, 83, 142; IV 127.
С. Г., III 59.
Северцов, В. (В. С.), I 38; II 7, 88, 174; III 91, 146; IV 7, 21, 40; V 59.
Севрюк, А. А., Вятка, I 46.
Сегалов, Л. Л., I 33.
Седачев, Е. Ф., Москва, V 65.
Секретарь Рижского к-та, V 130.
Селиванов, V 38.
Семевский, Птб., I 68.
Семенов, С. Т., I 33.
Семенов, М. Б., Саратов, V 80.
Семенова, V 20.
Сементяева, Е., Моск. тюрьма, IV 80.
Семенчиков, Р. М., Ив.-Вознесенск, III 18.
Сеньков, Г., Керчь, I 87.
Сеньобос, Ш., II 11.
Серафима (Афанасьева, С.), I 139.
Серая Шапка, Екатеринослав, II 168.
Сербский, Киев, V 124; VI 93.
Сергей, Птб., I 56.
Сергей, князь, II 1, 5, 10, 11, 39, 44, 54.
Сергей, С., V 47.
Серговский, Кострома, I 139.
Серов, И. Ф., Птб., II 12.
Сибиряк, V 47.
Сидор из Е., I 91.
Сидоренко, VI 55.
Сидорович, Якутск, IV 19.
Сизаско, Самара, IV 134.
Сизоненко, матрос с „Прута", VI 60.
Сикорский, Якутск., III 146.
Сикорский, V 124; VI 93.
Сильвин, М., Моск. тюрьма, IV 80.
Сима, I 139.
Симановский, Птб., II 75.
Симон, Г., IV 125.
Синица, IV 141.
Синюк, Х., II 33.
Сиц, IV 101.
Скворцов, Казань, I 117.
Скворцов, И. И. (Степанов), Москва, III 52.
Скирженский, Вятка, I 46.
Скорлато, Н., II 33.
Скоробогатов. А., IV 33.
Скрыпник, Н., Екатериносл. к-т, III 19.
Скутельский, М., II 33.
Сладков, Симбирск, V 126.
Следзинский, Л., II 32.
Слепков, Е. Н., Птб., II 36.
Слепцов, Тверь, VI 106.
Слетов, С., II 33.
Слехман, Херсон. тюрьма, V 65.
Слобабский, Херсон. тюрьма, V 65.
Слоним, Л., II 33.
Смана, Херсон. тюрьма, V 65.
Смирнов, Птб., I 116; II 35, 54, 98.
Смирнов, Е., III 20.
Смирнов, А. М., Москва, III 50.
Смирнов, сотр. „Правды", Москва, III 140.
Смоленский, Ярославль, II 10.
Снипис, Н., Рига, VI 20.
С. О., III 45.
Соколов, А., Птб., I 57.
Соколов, Н. Н., Кострома, I 139.
Соколов, Казань, II 123.
Соколов, В. Н., IV 33.
Соколов, Кострома, IV 137—138.
Соколовский, Уфа, III 28.
Соколовский, М., Николаев, IV 55.
Сокольский, П. (см. Желябов).
Солдат, I 129.
Солдат, Остров, Ломж. губ., III 93.
Солдат, Плоцк, V 10.
Соловьев, Казань, II 122.
Соловьев, III 146; IV 82; V 89, 137; VI 74.
Соловьев, Алапаевск, IV 130.
Солодевник, И., Полесье, V 9.
Солодевник, Н., Полесье, V 9.
Соломин, село Великое, II 147.
Соломон, II 50.
Соломонов, Харьков, II 160.
Солончаков, Колпино, IV 79.
Сольский, Казань, I 117.
Сомов (см. Заятин, Н.).
Сомов, Муром, V 12.
Сонде, II 189.
Сонзин, Ш. Л., IV 33.
Сорокин, Н., Бак. тюрьма, IV 139.
Сорика, Е., Моск. тюрьма, I 33.
Сорокин, Птб., I 132.
Соснай, С., Екатеринослав, IV 99.
Сосник, Я., II 33.
Соханский, Птб., I 15.
Спасский, Ю., Кострома, I 139; VI 116.
Спектор, Б., Николаев. тюрьма, IV 55, 99; V 65.
Спиридович, Таганрог, I 139.
Спиридонов, Птб., I 41.
Спица (Спц.—В. И. Невский), I 139; II 124; III 20, 82; IV 82; V 68, 89, 110.
Срулевич, Л., Херсон. тюрьма, V 65.
С. С., V 2; VI 135.
С. С. Д., II 124.
Сталь, V 68, 137.
Станчинский, А. П., IV 33.
Старовер (Потресов) I 1, 35, 37; II 115; III 91, 117; IV 38, 88, 108; V 81, 121; VI 130.
Староста, III 104.
Старчевский, II 33.
Стасова, Е., I 33.
Стахович, М. А., IV 11; V 80, 95; VI 118, 135.
Стейнлен, II 11.
Степанов, I 27.
Степанов, И., Птб., I 57.
Степанов, К. Д., Птб., II 76.
Степанов, Я., Моск. тюрьма, IV 80.
Степняк-Кравчинский, III 20.
Стессель, II 14.
Стефанова, М. В., IV 33.
Стиннес, II 156, 158.
Столварт, С., IV 19.
Стольчневский, Пермь, I 47; II 145.
Столяров, И., Бак. тюрьма, II 33; IV 139.
Строев, Н., I 51, 134.
Стромилов, Тверь, IV 53.
Струве, П. Б., I 11, 37, 85, 112, 130; II 4, 65, 134, 173; III 21—23, 33, 46, 63, 86, 115; IV 11, 12, 22, 26, 27, 38, 42, 64, 113, 127; V 25, 77; VI 41, 56, 105, 121, 135.
Струнина, Х., II 33.
Стэд, В., IV 95.
Стэдман, VI 70.
Субъект, IV 101, 122; VI 48, 74.
Суворин, А., I 38, 65, 66, 74; II 6—7, 166; IV 42; VI 128.
Суворин (сын), III 134.
Сулима, III 51.
Султанов, Баку, II 18.
Сулханов, Н., Тифлис, I 91.
Суписский, III 38.
Сухомлинов, Киев, VI 115.
Сухотин, Красноярск, V 87.
Сызранцев, И., Рязань, II 40.
Сычев, И. Х., IV 33.

Т.

Талейран, I 65.
Тан, III 141.
Тара, VI 74.
Тараракси, Балашов, IV 133.
Тарас, III 82.
Тарасевич, Одесса, II 180.
Тарасова, I 33.
Таратута, А., Бак. тюрьма, II 32; IV 139.
Тараянц, А., Бак. тюрьма, IV 139.
Тарвердов, Р., Бак., тюрьма, IV 139.
Таргонский, И. А., Николаев, V 129.
Таргонский, А., Николаев, V 129.
Таркомянц, Г., Бак. тюрьма, IV 139.
Татосов, Баку, II 17.
Ташлицкий, М., II 33.
Твэн, Марк, V 49, 51.
Теверьбянов, М., Херсон. тюрьма, V 65.
Тейс, IV 4.
Теминдаре, Халил-Огид, Керчь, I 87.
Темкин, Ш., IV 33.
Теодорович, И. (Панов С.), II 2; V 109; VI 34, 36, 48, 58, 61, 104.
Теофилия, IV 122; V 19.
Тер-Акопов, Г. II 33.

Тер-Гю, II 149.
Терентьев, Москва, IV 80.
Теруан, де-Мерикюр, II 156—157.
Терции, I 91.
Тесленко, Н., Москва, I 131; III 21; V 9.
Тетерев, Птб., V 80.
Тетеркин, Птб., II 13.
Тиль, Харьков, II 101.
Тимошенко, П., Николаев, V 129.
Титов, М., Птб., I 57.
Титов, матрос с „Прута", VI 60, 62, 138.
Титов, Н. Г. Птб., II 36.
Титов, С., Моск. тюрьма, IV 80.
Тихомиров, Л., I 66.
Тихон, VI 48, 74.
Тобиас, Н., Моск. тюрьма, IV 80.
Товбель, Е. И., Птб., I 57.
Тов. из Н., V 20.
Товарищ из Мингр.-Имер. к-та, V 19.
Токвиль, I 38.
Толаквадзе, И., II 33.
Толстой, Л. Н., I 131; II 1; III 63.
Толь, II 183.
Томякова, М., Птб., I 58.
Тонкин, V 47; VI 28.
Торгашов, Б. П., IV 33.
Торгашова, Н., Моск. тюрьма, IV 80.
Тори, III 82.
Тороненко, В., матрос с „Прута", VI 60.
Трапезников, Москва, I 139.
Трепов, I 66, 68, 74, 100, 131; II 14, 120, 146, 151, 162, 166; III 102—103, 106; IV 73; V 71, 79, 117; VI 30—31, 33, 61, 77, 79—80, 105—107, 114, 117, 121, 129, 133, 143.
Третьяков, Д., II 33.
Тригер, Я. В., Керчь, I 87.
Трипольский, Самара, IV 134.
Триупп, II 141.
Троицкий, А., Моск. тюрьма, I 33; IV 80.
Троп, М., Екатеринослав, IV 99.
Трофимов, П. Л., Керчь, I 87.
Трофимов, Т., IV 20.
Трофимов, Н., Бак. тюрьма, IV 139.
Троцкий, Л., I 28, 65, 85, 113, 119, 130; II 92—94; V 88; VI 130.
Трубецкой, С., I 23, 24; II 52 166, 178; III 85—87, 103, 106, 139; IV, 31, 126; V 100, 117.
Трубецкой, Е., Москва, VI 19, 33, 60, 118.
Трунин, Д., IV 12.
Тукманкин, С. П., IV 33.
Тула, VI 48.
Тулянов, А., I 33.
Тумаковский, III 116.
Тун, III 20.
Туратти, I 62; III 32, 33.
Тушинский, Птб., I 41.
Тушинский, Ш. Х., Херсон. губ., IV 33.
Тырнов, Скопин, II 40.
Тюрн, К., II 33.
Тюхменов, VI 137.

У.

У—в, IV 11—12.
Уваров, Саратов, V 38.
Ульянов, И., Бак. тюрьма, IV 139.
Ульянова (см. Крупская, Н. К.).
Уманский, Николаев, IV 55.
Уманский, Одесса, IV 80.
Умбрейт, III 99.
Уоркер, Г., III 20.
Урицкий, М., Олекминск., IV 65.
Урусов, II 132.
Урядов, С., Птб., II 36.
Усачев, Николаев, IV 55.
Успенский, Екатеринослав, II 168.
Уткин, Муром, VI 19.
Ухов, А., Херсон. тюрьма, V 65.
Учитель (см. Покровский М.).

Ф.

Фадеев, Моск. тюрьма, IV 80.
Файнгор, Одесса, IV 92.
Факторович, Моск. тюрьма, IV 80.
Фармацевт, V 98.
Федорин, Саратов, V 80.
Федоров, Харьков, II 101.
Федоров, Птб., III 85, 87, 103.
Федорова, Пермь, I 47.
Федя, III 82, 104.
Фейербах, Людвиг, II 86.
Фекла, IV 122; V 20, 110; VI 28.
Фельд, VI 28.
Фельдман, К., V 47.
Феодосеев, М., Николаев, IV 34, 55, 99
Феологов, Балашов, IV 133.
Фердинанд, V 57.
Фиалковский, И., II 33.
Фигнер, В., I 139.
Филажемнов, Н. М., Москва, III 52.
Филианов, Е., Бак. тюрьма, IV 139
Филимонов, матрос с „Прута", VI 60.
Филиппов, М., Птб., I 57.
Фишельс, Л., II 33.
Фишер, I 46.
Фишер, М., II 33.
Фл., IV 75.
Флакс Х., II 33.
Фланцвайг, И., II 33.
Флессель, II 46.
Флитер, Б., II 33.
Фойницкий, I 131; V 125.
Фольмар, VI 124—125.
Фомин, Ф., Моск. тюрьма, I 33.
Фомин, I 46.
Фомин, В., Птб., I 57.
Фомин, Москва, V 65.
Фортессер, Д., II 33.
Фостов, Д., Бак. тюрьма, IV 139.
Франкель, IV 4.
Франс, Анатоль, II 11.
Фред, V 110.
Фредерикс, I 16; III 86, 102.
Фрейгин, М., II 33.
Френкель, Ш., II 33.
Фридеберг, V 132, 134; VI 125.
Фридман, Николаев, IV 34, 55.
Фридов, IV 20, 101, 141; V 47.
Фридолин, В., III 18; IV 33.
Фридрих Великий, IV 27.
Фролов, Самара, IV 134.
Фролов, Г., Бак. тюрьма, IV 139.
Фрумовский, А., II 33.
Фулон, II 46.

Х.

Хабаровский, И., Херсон. тюрьма, V 65.
Хазак, И., II 33.
Хайкин, С. А., IV 33.
Халецкий, З., II 33.
Харитон (см. С. И. Гусев).
Харитонов, Батум, II 11.
Харченко, Баку, II 78.
Хачманьян, Бак. тюрьма, IV 139.
Хволлес, Одесса, IV 92.
Хвостов, Тверь, IV 53.
Хелай, Тифлис, I 91.
Хемиш, М., II 33.
Хижняков, Птб., I 68.
Хилков, VI 79, 81.
Хилков, Воронеж, IV 98.
Хлебников, Гомель, IV 136—137.
Хлынов, А., II 32.
Хлынова, Пермь, I 47.
Хмельницкий, Одесса, I 30.
Ходоровский, И. Николаев. тюрьма, IV 55, 99.
Холин, И. Н., II 33; IV 33.
Хоменко, Николаев, IV 34.
Хомяков, II 134; IV 11, 12.
Хорава, II.
Хорват, II 48.
Хохлов, Самара, IV 134.
Х. Т., I 91.
Х. У., III 20. 59.
Худяков, Пермь, II 145.
Худякова, Е., Пермь, I 47; II 33.
Хундадзе, Баку, II 40.

Ц.

Цанарделли, II 90.
Царьков, Моск. тюрьма, IV 79.
Цветков, В. П., IV 33.
Цветков, Москва, VI 59.
Цеблинский, Калиш, V 9.
Цедербаум, С., II 33.
Цезарь, Екатеринослав, II 168.
Цельмин, Ц., II 33.
Ценов (см. Златкин Я.).
Ценский, IV 122.
Цеслюк, Ф., матрос с „Прута", VI 60.
Цивцивадзе, II 33.
Цинцадзе, Г., II 33.
Циприцкий, Баку, IV 77.
Цихоцкий, Киев, VI 41.
Цицишвили, Тифлис, V 9.
Цукер, III 82; IV 141.
Цукерблюм, С., Екатеринослав, I 139.
Цукерман, М., IV 20.
Цулукидзе, А. (Сандро), Кутаис. губ. V 11.
Цыван, Е., II 33.
Цыганов, IV 82, 101, 142.
Цыпин, III 20.
Цыпкин, Ш., II 33.
Цыпкина, Ш., II 32.

Ч.

Чайка, IV 141.
Чальников, Красноярск, V 87.
Чвань, П. Ф., Полесье, V 9.
Череванин, I 98; II 74; V 3, 32, 70, 135; VI 8, 82, 122.
Червинский, П., IV 19.
Червяков, С., II 32.
Черкасов, Николаев, IV 54.
Черилов, И. И., Москва, III 52.
Чернецкий, III 38.
Чернин, Ростов, II 182.
Чернов, М. А., I 33.
Черномордик, С., Моск. тюрьма, I 33, 86; II 146.
Чернорыжий, Николаев, IV 55.
Черный, И., матрос с „Прута", VI 60, 138.
Чернявский, А., II 33.
Черняк, П., IV 33.
Черняков, В., Птб., I 57.
Чертков, С., Екатеринослав, IV 99.
Чертынь, Я., Пелымь, V 65.
Чесунов, Тула, V 45.
Четвертинников, Г., Птб., III 107.
Чигирин(ов) И., Николаев, IV 34, 55.
Чигрина, А., Николаев, V 129.
Чижик, О., II 33.
Чижик, М., II 33.
Чиквиладзе, Гурия, II 96.
Чиковани, Батум, II 11.
Чиликина, Н., Моск. тюрьма, IV 80.

Чирикова, М., Птб., I 58.
Чирков, Чердынь, III 18.
Чистяков (см. Вилонов, Н.).
Чичкин, Москва, I 139.
Член комитета, Баку, V 85.
Член Минской группы, V 109.
Член организации, Минск, VI 67.
Член организации, Ошмяны, V 16.
Член организации, Сморгонь, IV 98.
Член районного к-та, IV 101.
Чоткев, Д., Бак. тюрьма, IV 139.
Чуб, Е., II 33.
Чубарев, Одесса, IV 80.
Чувильский, Г., матрос с „Прута", VI 60.
Чугунов, А., IV 33.
Чугунов, М., матрос с „Прута", VI 60—61.
Чудновский, Одесса, IV 92.
Чудной, V 47, 89; VI 28.
Чужак (Насимович, Н.), I 2; III 101, 111; IV 9, 74, 92, 112; V 68, 127; VI 20, 63.
Чуркин, Птб., II 36.
Чухин, матрос с „Прута", VI 55, 60, 61.
Чухнин, VI 137.
Чхеидзе, Гурия, II 96.
Чхиквишвили, В., II 33.

Ш.

Шаберникова, С., Моск. тюрьма, I 33.
Шавишвили, Баку, II 147, 186.
Шаевич, II 178.
Шалин, IV 4.
Шаляпин, III 56.
Шапиро, М., II 33.
Шапиро, С., II 33.
Шапиро, Николаев, IV 55.
Шапиро, Пелымь, V 65.
Шаппер, III 30—31; VI 53—54.
Шарапов, IV 124—125; V 25, 80.
Шаров, Николаев, IV 55.
Шарыгин, Д., Бак. тюрьма, IV 139.
Шатилов, Лодзь, VI 88.
Шатобарев, Н., Олонецк. губ., I 139.
Шатров, Екатеринослав, III 80.
Шатунов, Мелитополь, II 183.
Шауман, Финляндия, II 7.
Шаумиан, С. Г., I 33.
Шафир, II 33.
Шахназарова, М., Тифлис, V 104.
Шахов (Малинин), II 18, 37—38.
Шаховской, III 85; IV 42; V 100.
Шах-Тахтинский, Баку, II 18.
Шварц, Казань, II 123.
Шварц, И., Екатеринослав, IV 99.
Швейц-Букштейн, II 33.
Швейцер, В., Бак. тюрьма, II 33; IV 139.
Швейцер, Ростов, II 181.
Шебатинц, Н. И., Керчь, I 86, 87.
Шеврильон, А., II 11.
Шевчик, Я., II 143.
Шейн, В., Симбирск, V 126.
Шейндельс, Минск, IV 95.
Шелгунов, Екатериносл., II 168.
Шендриков, И., Бак. тюрьма, IV 139.
Шендриков, Д., Бак. тюрьма, IV 139
Шепелев, С., Олонецк. губ., I 139.
Шереметьев, II 132.
Шеффер, Рига, IV 120.
Шидловский, I 110, 111, 134; II 2, 12, 13, 15, 19, 35, 36, 39, 52—56, 60, 102, 110, 112, 145, 146, 160; III 13, 17, 76, 112; V 128.
Шиллер, Г. И., Каменец-Подольск, IV 20.
Шиллер, V 91.
Шилов, Пермь, II 145.
Шингарев, V 6.
Шипов, Д., II 133—134, 166; III 34, 85, 86, 106, 134; IV 11, 12; V 95; VI 118, 135.
Ширяй, Птб., I 41.
Ширяк, С., IV 33.
Шиф, М., II 32.
Шкапин, Г. М., IV 34.
Шлахтман, Х., II 33.
Шлессер, Ю., Рига, VI 20.
Шлиманзон, А., II 33.
Шлиппель, VI 125.
Шлихтер, А. Г., Киев, II 36.
Шлюкер, И., II 33.
Шляхтман, Р., II 33.
Шмаков, VI 59.
Шмелев, М., Николаев, IV 55; V 129.
Шмерин, Ю., II 33.
Шмидт, Э., Моск. тюрьма, IV 80.
Шнапер, И., Архангельск, V 109.
Шнеерсон, Ф., I 33.
Шнеерсон, Ц. А., I 33.
Шнеерсон, Ростов, I 138.
Шнитников, Птб., I 68.
Шорин, Николаев, IV 55.
Шоффер, Минск, VI 18—19.
Ш—Ре, III 20.
Шредер, шпион, III 58.
Шригман, Москва, I 139.
Штейнман, М., Туринск, V 65.
Штейн, Р., II 33.
Штейнман, Г., II 33.
Штейтнайдер, А., Херсон. тюрьма, V 65.
Штеккер, II 157.
Штерн (см. Гудович).
Штеренбоген, Николаев, IV 53.
Штруме, Александрополь, VI 62.
Штумм, III 66.
Штюрмер, Птб., I 142; V 125.
Шувалов, А., Николаев, IV 34.
Шувалов, Москва, VI 18.
Шугар, V 47, 89.
Шугнев, Николаев, IV 55.
Шумах, А., II 33.
Шумейер, I 62.
Шумков, С. М., Бак. тюрьма, IV 139.
Шустер, Н., II 33.
Шустерман, Ш., II 33.

Щ.

Щеглов, Кострома, II 120.
Щедрович, В., Птб., I 58.
Щека, В., Птб., I 57.
Щепкин, V 119; VI 59.
Щербаков, Москва, I 139.
Щербаков, Николаев, IV 55.
Щербатов, II 132.
Щетка, III 20.
Щукин, Тверь, III 78.

Э.

Эдельман, Г., II 32.
Эдуард, IV 101.
Эйгенсон, И., IV 33.
Эйдензон, М., II 32.
Эйертон, III 90.
Экк, Г., IV 4.
Эльденберг, Е., Москва, III 52.
Элькин, Г., Моск. тюрьма, IV 80.
Эльм, V 133.
Эмма, I 91.
Эмме, Т., Николаев, V 10.
Энгельгард, I 24.
Энгельс, Ф., I 114; II 19, 39, 46, 47, 57, 70—72, 77, 137; III 24, 25, 31, 47, 49, 51—54, 59; IV 3, 21, 37, 85, 86, 104; VI 47, 53.
Эпштейн, В., Сибирь, IV 36.
Эрве, Густав, VI 99.
Эриксон, О., III 18.
Эспиров, К., Бак. тюрьма, IV 139.
Эстрин, А., II 32.
Эфрон, I 139.

Ю.

Южанин—рабочий, Птб., VI 23.
Южин, М. (Васильев, М.), II 166, 168; III 17, 29, 74, 115.
Южный рабочий, V 137.
Юза, IV 122; V 89, 137; VI 28.
Юонис (см. Ионас).
Юрий, I 91.
Юрковский, Моск. тюрьма, IV 80.
Юрш, Пермь, VI 68.
Юрьев, Николаев, IV 53.
Юсим, А., II 33.
Ючинчук, I 118.
Ю. Ю., I 139; II 40; IV 82.

Я.

Яблоновский, с.-д., Моск. тюрьма, IV 80.
Яворский, Р., II 33.
Явруков, А., Бак. тюрьма, IV 139.
Якерсон, И., Архангельск, V 109.
Якоби, И., 1848 г., VI 7.
Яков, IV 40.
Яковенко, Москва, I 139.
Яковлев (Богучарский), I 68.
Яковлев, Л. А., Птб., II 81, 100—101.
Яковлев, Ф., II 32.
Яковлев, Николаев, IV 53.
Яковлева, Е., Птб., I 58.
Якушевский, Харьков, II 101.
Яницкий, Ф., II 32.
Янченко, Моск. тюрьма, IV 80.
Янчул, Я., Полесье, V 9.
Яппа, Александрополь, VI 62.
Ярмонкин, Манчжурия, II 48.
Ярославский, Вятка, I 46.
Ярчиков, Д., Птб., I 57.
Ярцева, Птб., II 45.
Яснопольский, Киев, II 52.
Яхонин, Кострома, IV 138.
Яхонсон, А., II 33.
Ящин, З., IV 33.

УКАЗАТЕЛЬ

ОРГАНИЗАЦИИ, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ и УЧРЕЖДЕНИИ.

А.

Ага, ф-ка, Николаев, IV 19.
Акатуй, рудник, IV 19.
Акционерное о-во ниточной мануфактуры, Виндзево, II 143.
Алапаевский, завод, II 143; IV 37.
Алапаевский рудник, IV 139.
Алафузовский завод, Казань, I 116; II 121—122.
Александровский завод, Екатеринослав, I 70.
Александровский сахарн. рафинадный з-д, Одесса, III 112.
Александровский завод, ПТБ, III 143; V 102, 103; IV 65.
Александровская орг. РС-ДРП, IV 19.
Александропольская Военная Группа РС-ДРП, IV 75; VI 47, 62.
Алексеева, ф-ка, Москва, VI 22.
Алексеевский рудник, II 57.
Алексеевский завод, ПТБ, IV 136.
Альбомная фабрика, ПТБ, II 13.
Амстердамский конгресс, II 86, 46, 116, 152, 153; V 136.
Амурская районная Орг. РС-ДРП, Екатеринослав, II 167.
Анонимного о-ва механический завод, Иваново-Вознесенск, I 136.
Анонимного трамвайного о-ва мастерские, Казань, II 122.
Арбса, завод, Одесса, III 36, 54, 120.
Аркуса, завод, III 36.
Арматурный завод, ПТБ, I 133.
Арматурный завод, Екатеринослав, II 80.
Армянская с.-д. рабочая партия, I 103, 108; IV 17; VI 29.
Армянская Революционная Федерация (Дрошакисты), IV 99; VI 35.
Армянский революционный к-т, II 29.
Артиллерийский завод, ПТБ, I 133.
Архангельский к-т РС-ДРП, III 3; IV 52, 131.
Асвадурова спичечная фабрика, Одесса, III 54, 120.
Астраханский к-т РС-ДРП, II 18, 80, 89, 124; III 2, 20, 62; IV 19, 40.
Атлас, механический завод, ПТБ, IV 136; V 102, VI 65, 66.
Ашкинази, III 55.

Б.

Байцуровский завод, Тула, IV 138.
Бакинская группа типографских рабочих, IV 141.
Бакинский к-т РС-ДРП, I 90, 105, 117,—118, 139; II 19, 24, 38, 39, 59, 82, 103—104, 146, 147, 149, 169; III 20, 57, 62, 75, 77, 102; IV 19, 99, 120, 131, 141; V 19, 84, 85, 88; VI 27, 34, 36, 46—47, 103,
Бакинская орг. РС-ДРП, I 46.
Бакулина, фабрика, Ив.-Вознесенск, III 76.
Балакирева, мастерская, Москва, VI 95, 96.
Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих организ., группа, Баку, I 118; II 19, 39, 82, 124, 148, 149; III 20.
Балаханский районный к-т РС-ДРП, Баку, IV 141.
Балтийский вагонный з-д, Рига, I 70, 91; IV 98, 119, 136; V 130; VI 140.
Балтийский завод, ПТБ, I 100; IV 140; V 160.
Банакера ф-ка, Москва, VI 22.
Баранчинский завод, Урал, IV 37.
Бари, завод, Москва, I 69.
Бартельса, булочная, Москва, VI 94.
Бартушевича, завод, Рига, V 37.
Батумский к-т РС-ДРП, II 39, IV 131.
Башкирова завод, Н.-Новгород, II 57; V 136.
Бежицкий (Брянский) завод, Брянск, V 131.
Бека, завод, II 13.
Беккендорфа, промыслы, Баку, V 14.
Беларуска Соцялистычна Грамада, II 39.
Белгородский район. к-т, Баку, IV 19, 141.
Бельгийская фабрика, Кострома, I 136.
Бельгийская с.-д. партия, III 11.
Бельгийский з-д, Екатеринослав, IV 76, 97.
Белянкина, кож. завод, Добрянка, Могилев. губ., V 14.
Бемера, ф-ка, Одесса, VI 46.
Берга, завод, ПТБ, IV 136, 140.
Беринга, з-д, Саратов, IV 13; V 109.
Берладира, ф-ка, Балта, III 16.
Берлинэ, лесопильня, Рига, V 37.
Берлинская группа РС-ДРП, I 41; II 39, 82; IV 17, 81; VI 47.
Берлинский к-т немецкой с.-д., III 96.
Бернская группа РС-ДРП, I 91, 138; II 39, III 17; VI 28, 47, 140.
Биби-Эйбатское товарищество, II 186.
Библиотека и архив РС-ДРП, Женева. I 34, 47; III 140.
Bildung und Iugend Verein (бунд.), Гомель, III 96.
Бильская группа РС-ДРП, IV 17.
Бободана, ф-ка, III 56.
Боевая орг. Финской партии активного сопротивления, V 40.
Бобруйская группа РС-ДРП, II 39; IV 96, 121; V 45, 66.
Большакова, ф-ка, Москва, VI 95.
Борисовская гр. РС-ДРП, V 67.
Борисоглебская группа РС-ДРП, II 189; III 146; IV 19, 101, 128, 129, 133, 141; V 19, 88; VI 27, 103.
Бремера, з-д, Одесса, IV 140.
Бременский съезд, V 132.
Бродского, хим. з-д, Одесса, III 36.
Бродского, сах. з-д, Одесса, III 36.
Бродского, спич. ф-ка, Одесса, III 119, 120.
Бродского, сах. з-д, Черниговск. губ. III 112.
Бродского, мельница, Киев, IV 138.
Бромлей, з-д, Москва, I 69; VI 65, 95.
Брянская группа Орловского к-та РС-ДРП, V 131.
Брянский з-д, Екатеринослав, I 70; II 168; III 57, 79; IV 76, 97, 129; V 13, 129; VI 83.
Брянский к-т РСДРП, II 192.
Бурылина, ф-ка, Ив.-Вознесенск, III 76.
Бутырлина, ф-ка, Ив.-Вознесенск, III 94.
Бутырский районный к-т РС-ДРП, Москва, VI 95.
Бухштаба, чуг.-литейный з-д, Керчь, I 87.
Бюро Комитетов Б-ва, I 108, 109, 118, 121, 126, 137; II 3, 5, 18, 34, 35, 37, 39, 59, 60, 68, 71, 80, 81, 101, 103, 112, 113, 116, 124, 145, 148, 149, 168, 189, 192; III 2, 39, 102, 110, 123, 146; IV 14, 16, 58, 81, 130; V 67.

В.

Вагонный и ж.-д. з-д, ПТБ, IV 136.
Вагоностроительный з-д, ПТБ, V 63.
Вайнштейна, мельница, III 54, 55.
Вальтуха, з-д, Одесса, IV 140.
Вартца, ф-ка, Москва, VI 95.
Варшавско-Венские ж.-д. мастерские, Варшава, II 8.
Варшавская Военно-Револ. (социалист.) организация (Центральная гр.) РС-ДРП, II 189; III 62, 101; IV 12, 93; V 66, 100.
Варшавские ж.-д. мастерские, ПТБ, II 13.
Варшавский к-т РС-ДРП, V 42.
Вейхельта, з-д, Москва, I 69.
Веккер, Бунд. организац., Лондон, V 60.
Венская касса им. Чернышевского, II 19.
Верх-Исетский, з-д, Урал, IV 37.
Виленская группа РС-ДРП (ЦК), III 81; IV 58; V 14, 38, 45, 46, 66, 81, 109, 137; VI 40.

Виленский к-т Бунда, VI 40.
Винклера, з-д, ПТБ, IV 136.
Витебская группа РС-ДРП, IV 141; V 10, 19, 45, 66, 109; VI 42, 47, 103, 117, 140.
Владикавказские ж.-д. мастерские, Ростов, I 138; II 16.
Владимирская орг. (группа) РС-ДРП, II 82; VI 97, 98.
Военная с.-д. орг., Лодзь, V 60.
Военная орг. РС-ДРП, Ломжа, III 38.
Военно-Революцион. орг., Польша, IV 39.
Военно-социалист. орг. при Рижском с.-д. фед. к-те, I 91.
Вологодская Гр. Сев. к-та РС-ДРП, IV 56; VI 103.
Вольно-Экономическое о-во ПТБ, I 73, 75.
Вольская орг. РС-ДРП, VI 41.
„Вооруженное восстание", орг., II 103.
Воронежская „Касса Борьбы", I 17; II 138, 139; III 60; IV 131.
Воронежский к-т РС-ДРП, I 17, 32, 46, 137; II 18, 59, 80, 138, 139, 189; III 3, 52, 61; IV 57, 130, 131, 141; V 19, 59, 88, 137; VI 74, 103.
Воронежский уездный земельный к-т, IV 9.
Воронежского товарищества, з-д, I 17.
Воронина, бумагопрядильн. ф-ка, ПТБ, I 133, II 98.
Восточного о-ва, з-д, Баку, IV 19.
Восточное Бюро ЦК РС-ДРП, IV 58.
Вотана, промысел, Баку, V 14.
Всеобщая конфедерация Труда, Париж, V 65.
Всероссийский агрономический съезд, IV 10.
Всероссийский ж.-д. союз, VI 81.
Всероссийский крестьянский союз (см. крестьянский союз).
Всероссийский съезд адвокатов, III 21.
Всероссийский съезд педагогов, IV 11.
Всероссийский съезд учителей, III 140.
Всероссийский учительский союз, III 73.
Второй съезд РС-ДРП, I 18; II 74, 102, 113, 125, 147, 188; III 1, 2, 101, IV 131; V 27, 28, 40, 46; VI 103, 125, 130.
Вулкан, ф-ка, Варшава, VI 86.
Выборгская районная орг. РС-ДРП, ПТБ, II 59, 146.
Вышневолоцкая Гр. Тверского комитета РС-ДРП, IV 81; V 31.
Вятский к-т РС-ДРП, VI 27.

Г.

Габай, ф-ка, Москва, VI 94.
Газовый з-д, Варшава, I 72.
Гальперина, з-д, Баку, V 84.
Гантера, з-д, Москва, VI 95.
Гантке, з-д, Саратов, IV 13.
Гартмана, з-д, Луганск, II 55.
Гаусмана, мех. з-д, Воронеж, I 17; V 105.
Гдовское сел.-хоз. о-во, V 9.
Гейдельбергская Гр. (м.) РС-ДРП, I 62; IV 100; V 137.
Гейста, з-д, Казань, II 121.
Гельферих-Саде, з-д, Харьков, III 29; IV 94.
Гена, маслоб. з-д, Одесса, III 36, 54, 136, 145; IV 31; VI 46.
Генеральный Совет I Интернационала, IV 4.
Гепнера, ф-ка, Лодзь, IV 9.
Герцыкова, кож. з-д, Добрянка, Могилев. губ., V 15.
Гильманса, ф-ка, Москва, VI 95.
Гловера, ф-ка, Рига, IV 136.
Гломадзина и Хинель,- винокур. з-д, Курск. губ., II 34.
Гельберга, кож. з-д, Казань, V 106.
Гольма, з-д, Галенсберга, Рига, IV 136.
Гольдштейна, ф-ка, II 16.
Гомельская гр. РС-ДРП, III 96; IV 17; V 66.
Гомельский к-т „Бунда", III 96.
Гопнера, з-д, Москва, I 69; VI 95.
Горелина, ф-ка, I 136.
Горецкая орг. РС-ДРП, IV 17.
Горнозаводский к-т РС-ДРП, II 18; III 2.
Горнозаводский Союз РС-ДРП, I 19.
Гофмана, меб. ф-ка, Москва, VI 95—96.
Граера, з-д, I 70.
Гребнера, ф-ка, Митава, II 165.
Гренадерский полк, ПТБ, II 48.
Греттера, маш. з-д, Киев, I 70.
Грибанова, ф-ка, Великий-Устюг, II 52.
Гриевс и Матиас, з-д, Бердянск, II 187.
Грозненская гр. РС-ДРП, VI 103.
Грозненская гр. Бакинск. к-та РС-ДРП, V 19.
Грозненская гр. Терско-Дагестанского к-та РС-ДРП, IV 100.
Грузинская гр. РС-ДРП, IV 99.
Группа балтийских рабочих РС-ДРП, III 16.
Группа Белого передела, ПТБ, II 141; III 133.
Группа „Борьба", II 82.
Группа „Голос Труда", Москва, VI 27.
Группа городовых московской городск. полиции, IV 111.
Группа демократов, ПТБ, II 39.
Группа заводских рабочих, ПТБ, II 103, 178, 188.
Группа полицейских, Баку, IV 110.
Группа солдат, Рига, II 36.
Группа с.-д., II 82.
Группа фармацевтов, II 36; III 60.
Грязнова, ф-ка, Ив.-Вознесенск, II 189; V 63.
Гужон, з-д, Москва, I 136; VI 22.
Гурвича, кож. з-д, Сморгонь, I 101.
Гурийская орг. РС-ДРП, V 12.
Гутта, стек. з-д, Борисов, Минск. губ., V 67.

Д.

Давосская группа РС-ДРП, VI 103.
Данцигера, з-д, Рига, IV 119; V 36, 37.
Дармштадская Гр. (м.) РС-ДПР, IV 100; V 137.
Дарьинская, ф-ка, Ив.-Вознесенск, V 63.
Двигатель, вагонный з-д, Ревель, I 89.
Двинский к-т РС-ДРП, III 62, 95; IV 33, 141; V 66, 137.
Двинский к-т Бунда, III 62, 95.
Декош, ф-ка, Ковно, V 9.
Дербенеева, фабрика, Ив.-Вознесенский, I 136; III 76.
Джутмана, з-д, Рига, V 37.
Джутовская мануфактура, Рига, IV 119.
Дидерихса, з-д, ПТБ, IV 136.
Динга, ф-ка, Москва, VI 95.
Дмитрова, ф-ка, Москва, VI 95.
Днепровский, з-д, Екатеринослав, I 70.
Доброва, з-д, Н.-Новгород, II 57; V 136.
Доброва и Набгольц, з-д, Москва, VI 95.
Добрянская орг. Полесского к-та РС-ДРП, III 140; IV 17.
Долгова, з-д, II 189.
Домбровского, типография, I 116.
Донецкого о-ва металлический з-д, I 136.
Донецкий союз РС-ДРП, I 46; II 80, 169, 192; III 3, 81.
Донской к-т (м.) РС-ДРП, I 46, 138; II 18, 80, 192; III 2; IV 19; V 3, 67.
„Донцы", VI 27.
Дрошакисты (см. Армянская Рев. Федер.).
Дружковский рудник, II 57.
Дубинского, мельница, Харьков, III 56.
Дукат, таб. фабр., Москва, VI 94.
Дукс, з-д, Москва, VI 95.
Дятькова, з-д, Брянск., V 131.

Е.

Екатеринбургская группа (б) РС-ДРП, II 38, 59.
Екатеринбургский к-т РС-ДРП, IV 36, 37, 101, 139.
Екатерингофская бумагопряд., I 133.
Екатеринославская группа РС-ДРП, IV 131.
Екатеринославский к-т РС-ДРП, I 19, 45, 90; II 18, 19, 59, 80, 82, 124, 189, 190, 192, III 2, 3, 19, 20, 55, 76, 81, 102; IV 14, 19, 33, 58, 99, 139; V 88.
Екатеринославский к-т РС-ДРП, заводской район, II 167; V 19.
Екатеринославский к-т Бунда, IV 14.
Екатеринославский комитет Поалей-Цион, IV 14, 117.
Екатеринославский к-т с.-р., IV 14.
Еленова, типография, Луганск, IV 69.
Елизаветпольская гр. РС-ДРП, IV 77.
Елизаветградский к-т РС-ДРП, I 90; II 192; III 98—99; V 63.

Ж.

Жако, ф-ка, Москва, I 69; VI 65.
Жако, з-д, Одесса, VI 46.
Железно-дорожный союз при МК РС-ДРП, III 62, 102; VI 27, 48.
Железопрокатный з-д акцион. о-ва, ПТБ, II 13.
Женевская гр. РС-ДРП, II 39, 169; III 20; IV 17, 40; V 137; VI 28, 103, 140.
Женевский, клуб (б-в), I 62.
Житомирский к-т РС-ДРП, I 90.

З.

Забрат, з-д, II 186.
Заграничное Бюро ЦК РС-ДРП, II 72.
Залогина, ф-ка, Тверь, III 123; V 44.
Засенгофская мануфактура, Рига, V 36.
Земля и Воля, III 20.
Земский съезд от июля и 12/25 сентября 1905 г. в Москве, IV 41; V 94.
Зибрехта, А., ф-ка, Москва, VI 64.
Зибрехта, К., ф-ка, Москва, VI 64, 65, 96.
Зильбера, кож. з-д, Добрянка, Могилевской губ., V 15.
Зимина, ф-ка, Орехово-Зуево, II 56.
Зиновьевский машинный з-д, I 70.
Знобера, з-д, Брянск., V 131.
Золотаревский, чуг.-лит. з-д, I 87.
Зотова, ф-ка, Кострома, I 136; III 82; VI 38, 116.
Зотова, ф-ка, Москва, VI 95.

И.

Иванова, мех. з-д, I 17.
Иваново-Вознесенская гр. Сев. к-та, I 189; III 76, 94; IV 35, 56.
Иваново-Вознесенский к-т РС-ДРП, IV 57; VI 140.
Ивоть, з-д, Брянск, V 131.
Игольный з-д, Рига, V 36.
Иенский съезд Германск. с.-д., VI 129.
Ижорский з-д, Колпино, I 100, 116; II 19; V 63.
Ильинского, типография, Ив.-Возн., III 76.
Имбера, мельница, III 36.

Имеретино-Мингрельский к-т (б) РС-ДРП, II 38, 59; III 97, 116, 118; IV 131; V 12, 18.
Ингульский полк, IV 50.
Интернациональное Соц. Бюро, Брюссель, II 34; IV 40.
Иркутская Городская Дума, III 49, 50.
Иркутский к-т РС-ДРП, III 51, 62; V 47; VI 47, 103.
Исполн. Ком. студ. соц. дем. Организации в ПТБ, II 19.

К.

Кавказское Бюро ЦК РС-ДРП, IV 131.
Кавказский Рабочий Союз РС-ДРП (к-т), I 46, 90, 118, 137, 139; II 18, 39, 80, 143; III 3, 20; IV 97, 99, 131; V 19, 83; VI 27, 47, 72.
Кавказского Союза РС-ДРП II съезд, IV 131; V 12.
Кавказских к-тов РС-ДРП конференция, I 19, 108.
Кавказская конференция меньшевиков, V 27.
Кадиевский рудник, II 57.
Казанская группа учащихся, I 139.
Казанские ж.-д. мастерские, Москва, I 69; VI 96.
Казанский к-т РС-ДРП, I 117, 139; II 18, 38, 39, 59, 121, 123; III 3, 62, 77; IV 130, 131; V 99, 107, 109, 125; VI 27, 46, 48, 62.
Казанского к-та РС-ДРП Военная Группа, V 104, 109; VI 27.
Казанское Общество Трезвости, II 122.
Казачья Воля, Революционная группа, Новочеркасск, IV 33.
Казачья Воля, Военная группа, Донск. к-та, Новочеркасск, V 38.
Казенный пробочный з-д, II 13, 124.
Калашникова, механ. з-д, Ив.-Вознесенск, I 136.
Кана, ф-ка, Одесса, VI 46.
Кантональный Совет, Швейцария, III 59.
Каплана, з-д, Рига, V 36.
Карлсруйская группа (б) РС-ДРП, II 39; IV 17, 100.
Карльф, группа РС-ДРП, V 137.
Касса Борьбы, Воронеж (см. Воронежск. касса Борьбы).
Касселя, з-д, Рига, V 36.
Катерина, шахта, Домбровский район, II 9.
Кашина, ф-ка, Кострома, I 136; III 82, 94, 114; VI 38, 39.
Кашинцева, см. мельница, Ив.-Вознесенск, IV 120.
Кашинцева, ф-ка, Ив.-Вознесенск, V 63.
Келлер, ф-ка, II 9.
Кельнский съезд профсоюзов, V 133, 134.
Кекинская ф-ка, II 58.
Керчинская Городская Дума, V 79.
Кивовица, ф-ка, II 16.
Киево-Воронежские ж.-д. мастерские, I 17.
Киевский к-т РС-ДРП, I 46; II 18, 19, 36, 39, 59, 80, 82, 192; III 2, 3; IV 19, 92, 33, 39; V 137; VI 27.
Киевский к-т ПС-Р, II 19.
Киевский к-т Революционной Украинской Партии, II 19.
Киевская организация учащихся соц.-дем., II 19.
Киевский съезд русской группы Международ. союза криминалистов, I 131.
Киевская студенческая организация, II 39.
Кирилловская группа РС-ДРП, I 90.
Кишиневская организация РС-ДРП (к-т,м.), IV 19; V 10.
Клинцовская организация РС-ДРП, IV 17.
Ключникова, типография, I 116.
Коварского, винокурен. завод, Сморгонь, I 101.
Ковровская гр. РС-ДРП, IV 97.
Когана, таб. ф-ка, Киев, IV 39.
Коломенский завод, Коломна, V 43.
Колпинская орг. РС-ДРП, IV 78.
Колпинский з-д, Колпино, II 13, 146; IV 91.
Комарова, меб. ф-ка, Москва, VI 95.
Комиссия Булыгина, II 34, 35, 110.
Комиссия Коковцева, II 110—111; III 17, 88, 112.
Комиссия Шидловского, I 110, 119, 133, 134, 138; II 2, 12, 13, 16, 19, 35, 36, 39, 53, 56, 60, 77, 82, 99, 102, 110—112, 124, 134, 145—146, 153, 167, 169; III 13, 17, 35, 37, 76, 112; IV 78; V 78, 95.
Комитет благосостояния, III 51.
Комитет Восточного района РС-ДРП, II 82.
Комитет заграничных орг. РС-ДРП (б), III 62; IV 17, 19, 81, 100.
Комитет общественного блага Парижской коммуны, IV 4.
Комитет Общественного спасения, Харьков, VI 83.
Комитет русских тружеников, Баку (орг. провокаторов), IV 77.
Конгресс французск. объед. соц. партии, в Шалоне, VI 138, 139.
Конституционно-демократическая партия, III 64, 86.
Конференция кавказск. к-тов (см. Кавказск. к-тов).
Конференция Кавказск. меньшев. (см. Кавказск. меньш.).
Конференция предводителей дворянства, Петербург, V 69.
Конференция Сев.-Зап. края РС-ДРП, 1-я областная, I 19, 33, 108; V 66, 85.
Конференция южных к-тов РС-ДРП, I 19, 108; V 17.
Коншина, ф-ка, Серпухов, V 43.
Копысская гр. РС-ДРП, IV 17; V 15, 38, 88.
Корешкова, мастерск., II 78.
Корпорация средних техников, Москва, VI 59.
Корзинкина, ф-ка, Ярославль, III 30.
Корякина, канатный з-д, III 57.
Костеобжигательный, з-д, II 13.
Костромская Городская Управа, IV 137.
Костромская группа Северн. к-та РС-ДРП, I 139; II 56, 60, 103, 189—190; III 82, 146; IV 56.
Костромской к-т РС-ДРП, I 139; IV 57, 79; V 44, 129, 136; VI 38, 47, 74, 117.
Котельный завод, Петербург, V 44.
Красноярский к-т РС-ДРП, V 87, 108—109, 137; VI 27, 74, 101—103, 117.
Крахмальникова, ф-ка, Одесса, IV 92.
Кременчугский к-т РС-ДРП, II 192; III 3.
Крестовникова, свечной завод, Казань, II 121, 122; V 106.
Крестьянская орг. Малороссии, IV 39.
Крестьянский съезд Крестьянского Союза, V 60.
Крестьянский Союз, Всероссийский (орг. либер.), IV 74; V 21, 22; VI 109.
Крестьянский Союз п. с.-р., III 20.
Криворожского о-ва, рудник, I 136.
Кригмана, з-д, II 189.
Крулля, з-д, I 89.
Крымский Союз РС-ДРП, I 46; II 18, 80, 192; III 2, 96, 145; IV 71; VI 41.
Кубанский к-т РС-ДРП, I 46; II 18, 192; III 2.
Кузнецова, ф-ка, Рига, I 43, 71; II 56; III 120.
Кузнецова, чаеразвесочная, Москва, VI 22.
Кузовникова, мастерская, Пермь, III 116.
Куницера, ф-ка, II 9.
Курбатова, з-д, Н.-Новгород, II 57; V 136.
Курские вагонные мастерские, Москва, VI 65.
Курский к-т РС-ДРП, II 18, 124, 192; III 3; IV 131; V 105, 136; VI 103.
Курский к-т п. с.-р., V 105.
Курского губ. земства, типогр., I 105.
Курского губ. правления, типогр., VI 97.
Кутаисский к-т РС-ДРП, IV 101.
Кучкорышки, ф-ка, Вильно, II 16.

Л.

Ланге, судостроит. з-д, Рига, IV 119.
Лангензинен, з-д, ПТБ, II 13.
Латышский с.-д. союз, Рига, I 70; III 14, 55, 121; IV 119; VI 29, 49.
Лаферм, ф-ка, ПТБ, I 142.
Лашавера, з-д, Екатеринослав, V 13.
Леве, ф-ка, Киев, IV 39.
Левенсон, типография, Одесса, II 54.
Левенсон, з-д, Баку, III 102.
Левина, газовый з-д, Одесса, III 36, 119.
Левинсона, типография, Курск, V 105.
Лейпцигская гр. РС-ДРП, I 62; II 39; IV 17; VI 28, 47.
Лейтнера, з-д, Рига, V 36.
Либавская военно-социалист. организация, IV 141; V 88; VI 74.
Либавская гр. РС-ДРП, IV 81, 141; V 17, 39, 88; VI 27, 47, 117.
Либавская гр. РС-ДРП, Профсоюз сапожников, VI 27.
Либавская гр. РС-ДРП, ж.-д. центр, VI 74.
Либермана, лит. з-д, II 183.
Либермана, типография, Курск, V 105.
Либигта, механ. з-д, Казань, V 106.
Лига русских с.-д. (м) заграничная, I 29; II 18, 38—39, 80; III 2; IV 100.
Ликфельд акц. о-ва, стекольный завод, Торошковичи, II 143.
Лильпоп и К°, чуг. лит. з-д, I 72.
Лиманский полк, IV 52.
Липская, ф-ка, II 16.
Лист, з-д, Москва, VI 65, 74, 95.
Литовская соц. партия, I 108.
Лобохна, з-д, Брянск, V 131.
Лоевская орг. РС-ДРП, IV 17.
Лозанская гр. РС-ДРП, IV 17, 40, 81; V 137; VI 28, 47, 103, 140.
Локке, бочарный з-д, Казань, I 116; II 121, 122.
Ломовацкие рудники, II 57.
Лондонская гр. РСДРП, IV 17; V 137; VI 103.
Луганская орг. РС-ДРП, II 169; III 16; IV 19.
Льежская гр. РС-ДРП, VI 103.
Лысьвенская орг. РС-ДРП, IV 16.
Лысьвенский з-д, Урал, II 78, 145.
Любарского, з-д, II 77.
Любимова, з-д, II 145.
Людинова, з-д, Брянск, V 131.
Люлька, з-д, Одесса, IV 140; VI 46.
Лютера, меб. ф-ка, I 89.

М.

Майера, з-д, I 89.
Максвеля, з-д, ПТБ, II 13; IV 136; V 102; VI 90.
Малоярославский полк, II 47, 116.
Мальникова, з-д, Баку, III 102.

Мальцевский стекольный з-д, (Радица), Брянск, I 70; V 131.
Манташова, з-д, II 147, 186.
Мантеля, маш. з-д, Рига, V 36, 37.
Маракушева, ф-ка, Ив.-Вознесенск, III 76.
Марковых, з-д, Тула, IV 138.
Маркуса, з-д, ПТБ, IV 136.
Мауснера, з-д, Рига, V 36.
Международное Собрание рабочих, Баку, IV 99.
Международное Соц.-Бюро, I 45; III 101; IV 13; V 135, 136.
Меллера, ф-ка, Москва, VI 65.
Мельцера, меб. ф-ка, ПТБ, II 13; III 112.
Мензиса, з-д, II 14.
Мессаксуди, таб. фаб., Керчь, I 87.
Металлургический з.-д, Екатеринослав, I 136.
Металлургический з-д, ПТБ, V 44.
Минская гр. (б) РС-ДРП (Сев.-Зап. к-та), I 101, 103, 105; II 59, 189; III 19, 81, 82; IV 39, 95, 131; V 38, 39, 45, 66, 88, 108, 109.
Минская орг. учащихся, III 81.
Минские ж.-д. мастерские, III 81.
Минский к-т Бунда, I 101, 105; III 81.
Минский к-т РС-ДРП, V 108.
Минский полк, II 180.
Мирзабекьянца, ф-ка, II 16.
Миркина, кож. з-д, Казань, V 106.
Митавская гр. РС-ДРП, II 103.
Митвейдская гр. РС-ДРП, IV 17, 40; V 137; VI 28, 47, 103.
Митлера, хлебопекарня, I 72.
Михайлова, з-д, Москва, VI 43.
„Михайловский хутор", сах. завод, Орловск. губ., II 34.
Михельсона, з-д, Рига, 37.
Михиной, ф-ка, Кострома, III 88; IV 79; VI 38.
Миусский трамвайный парк, Москва, VI 96.
Могилевская орг. РС-ДРП, IV 17.
Мозера, ф-ка, II 16.
Мозырская гр. РС-ДРП, IV 138.
Морозова, В. и С. ф-ка, Орехово-Зуево, II 56, 57; III 114.
Морозова, ф-ка, Тверь, III 78, 112; V 44, 137.
Московская гр. РС-ДРП, IV 141; VI 74, 97.
Московская Судебная Палата, I 85.
Московская центр. орг. учащихся, II 149.
Московский к-т РС-ДРП, I 1, 19, 33, 45, 74, 90, 118, 137, 138; II 18, 39, 59, 69, 71, 80, 82, 101, 103, 124, 135, 138, 144, 145, 149, 162, 164, 169, 185, 189; III 3, 13, 20, 57, 62, 94, 101; IV 16, 19, 37, 57, 131, 141; V 41, 43, 88, 109, 137; VI 22, 27, 42, 43, 47, 48, 72, 74, 94, 103, 117, 140.
Московский к-т РС-ДРП, Окружная орг., IV 16, 17, 58, 81; V 21, 22, 42, 43, 109, 125, 137.
Моск. орг. РС-ДРП, конференция, III 101.
Московский к-т п. с.-р., II 70.
Московский металлопрокатный з-д, VI 65.
Московский Рабочий Союз п. с.-р., II 159, 160, 169.
Московский Союз булочников, II 144.
Московский Союз ж.-д. служащих Московского узла, II 185.
Московский центр. Союз типографск. рабочих, II 149.
Москов. центр. Унив. орг., II 39.
Московско-Брестские ж.-д. мастерские, I 69; III 102.
Московско-Виндавск.-Рыбинск. ж.-д. мастерские, II 39, 56.
Московское о-во сельского хозяйства, I 74; V 9.
Мотовилихинский з-д, Пермь, IV 98; VI 67, 68.
„Мотор", з-д, Рига, V 36.
Мстиславская гр. РС-ДРП, VI 67.
Муромская гр. РС-ДРП, VI 97.
Мытищинский ваг. з-д, V 43.
Мюльнера, з-д, III 36.
Мюнхенская гр. РС-ДРП, I 62; II 39; IV 17, 100.

Н.

Народная Воля, III 20; V 58.
Народный Союз, II 177; IV 80.
Науна, з-д, ПТБ, V 102.
Национальный Совет Объед. Франц. Соц. Партии, II 154.
Невская район. орг. РС-ДРП, ПТБ, II 146.
Невский (Семяниковский) судостроительный з-д, ПТБ, I 51, 56, 88, 133; II 13, 144; IV 35, 136, 140; V 61, 102, 103, 127; VI 58, 90.
Некрасова, типография, Минск, III 113.
Немляндера, з-д, II 82.
Нечаева-Мальцева, ф-ка, VI 98.
Нижегородский к-т РС-ДРП, I 19, 33, 45, 90, 137, 139; II 18, 59, 80, 186; III 3; IV 39, 57, 131; VI 97.
Нижегородские ж.-д. мастерские, I 69.
Нижегородский биржевой к-т, I 32.
Нижне-Днепровская район. орг. РС-ДРП, Екатеринослав, II 167.
Николаевская гр. (м) РС-ДРП, II 169.
Николаевская объед. орг. с.-д. к-тов, IV 37, 141.
Николаевский к-т РС-ДРП, I 19; II 18, 59, 80, 124, 169; III 3, 62, 80, 102, 123; IV 19, 34, 130, 131; VI 98.
Николаевский к-т п. с.-р., III 15.
Николаевский к-т Поалей-Цион, III 15.
Никольская мануфактура, II 82.
Нобеля, з-д, Баку, II 13; V 84.
Новозыбковская гр. РС-ДРП, IV 17, 33.
Новороссийского о-ва, з-д, III 52.
Ново-Самсониевская мануфактура (Шау), ПТБ, II 13.
Новоторжская гр. Тверского к-та РС-ДРП, IV 80; V 38, 88.
Нью-Кэстль, гр. РС-ДРП, IV 17; VI 140.

О.

Обершмуклера мельница, Керчь, I 87.
Обуховский з-д, ПТБ, I 88, 132; II 12, 13, 19, 174; III 112; IV 136, 140; V 61, 63, 102, 103, 128; VI 44, 75, 91, 140.
Общество взаимопощи учащихся, Н.-Новгород, I 83.
Общество взаимного вспомоществования рабочих механического производства (Зубатовское об-во), ПТБ, I 44, 100; IV 77.
Общество друзей русского народа и присоединенных к России народов, II 11.
Общество охранения народного здравия, Елизаветград, I 115.
Общество охранения народного здравия, Одесса, I 30.
Общество распространения ремесла и грамотности, Елизаветград, I 115.
Общество содействия начальному образованию, Курск, IV 51.
Одесская гр. (м) ЦК РС-ДРП, I 103, 139; II 192; III 3; IV 19, 134; V 67, 88; VI 26, 27.
Одесский к-т РС-ДРП, I 19, 30, 33, 45, 46, 90, 103, 105, 137, 139; II. 18, 39, 59, 80, 82, 123, 168, 189; III 3, 102, 138, 145; IV 30, 32, 131, 134, 140; V 88; VI 25,—27, 46, 68, 140.
Одесский к-т Бунда, III 137, 141; VI 26.
Одесские ж.-д. мастерские, II 78.
Организацион. комиссия (меньш.), (после III съезда), V 122—124; VI 29, 30, 44.
Организац. Ком. Инт. при Одесск. к-те, II 124.
Организационная ком. Петерб. Техн. Института с.-д., II 39.
Ореховский, з-д, Александровск, II 14.
Орловский к-т РС-ДРП, II 192; IV 131; V 131.
Орловско-Брянский к-т РС-ДРП, II 18; III 3.
Орлово-Еленевский рудник, Екатеринославск. губ., II 57.
Оршанская орг. РС-ДРП, IV 17.
Охтинская бумагопрядильная, ПТБ, II 98.
Ошмянская орг. РС-ДРП, V 16, 45.

П.

Паля, ф-ка, ПТБ, I 88; II 13, 143, 144; IV 136; V 102; VI 90.
Парижская гр. РС-ДРП, I 62, 91; II 39, 103; IV 17.
Парижская коммуна, IV 3, 5.
Парижский Союз Труда, I 62.
Патронный з-д, II 13, 55.
Первая русская партия в защиту самодержавия, Двинск, III 133.
Первый Интернационал, IV 4.
Первый съезд РС-ДРП, V 28.
Перлова, ф-ка, Москва, VI 94.
Пермская группа РС-ДРП, II 38, 59.
Пермские ж.-д. мастерские, II 78; III 116.
Пермский к-т РС-ДРП, II 189, 192; III 20, 62, 102; IV 98, 139; VI 67.
Петербургская группа (м) ЦК РС-ДРП, I 108, 138; II 16, 39, 82, 149; III 3, 123; V 3, 95, 123, 137; VI 45, 117.
Петербургская Городская Дума, I 74.
Петерб. объед. с.-д. Студенч. организация, I 18; II 60, 82, 98, 101, 103; V 137; VI 27.
Петербургский к-т РС-ДРП, I 18, 19, 33, 45, 46, 50, 53, 67, 88, 90, 105, 108, 116, 118, 134, 137, 138; II 13, 18, 19, 39, 53, 59, 60, 69, 71, 80, 82, 92, 102, 104, 124, 145—146; III 3, 60, 102; IV 55, 81, 131, 136, 140, 141; V 88, 103, 109, 127; VI 23, 27, 47, 74, 103, 107.
Петербургск. Вагоностроительный завод, I 111.
Петербургск. металлический з-д, II 103.
Петербургский Федеративный Объед. Совет (П. К. и Петерб. гр. РС-ДРП), VI 117.
Петербургское Собрание представ. средн. учебн. заведений, I 139.
Петербургское об-во помощи политическ. ссыльным и заключенным, II 19.
Петербургское о-во содействия фабр.-зав. промышленности, II 40, 65; III 88.
Петербургский орудийный з-д, II 12.
Петровский з-д, I 136.
Пименовская ф-ка, II 16.
Пирвица, з-д, Рига, V 36.
Пироговский съезд, II 117, 118, 124, 137, 149, 169, 180; IV 10, 113.
Пихлад, з-д, Рига, V 37.
Платонова, з-д, ПТБ, IV 136.
Поалей-Цион (см. Николаевский к-т, Екатеринославский к-т).
Познанского, ф-ка, Лодзь, III 122.
Полесский к-т РС-ДРП, II 18, 59, 80, 192; III 3, 96, 116, 118, 120, 140, 141; VI 14, 17, 101, 131, 138; V 15, 19, 66.

Полесск. к-та орг. РС-ДРП, районный съезд, IV 17.
Полтавская гр. РС-ДРП, IV 33.
Полушина, ф-ка, I 136.
Польская соц. партия (ППС), III 18, 38, 39, 68; IV 17; V 17, 29, 44, 112, 113.
„Помощь", о-во, I 42.
Попова, таб. ф-ка, Одесса, III 137; IV 140.
„Порядок", типография, II 54.
Поссель, з-д, ПТБ, II 13.
Посселя, з-д, Вильно, V 45.
Поссет, з-д, ПТБ, IV 136.
Представительство РС-ДРП в Междунар. Соц. Бюро, V 135, 136.
Прикамская группа РС-ДРП, VI 27.
Провиданс, з-д, ПТБ, II 13.
Проводник, ф-ка, II 189.
Проволочный з-д, Рига, V 36.
Проволочный з-д, Либава, V 61.
Професс. Союз Типографов при Сарат. к-те РС-ДРП, IV 18.
Пряничникова, з-д, I 136.
Псковский к-т РС-ДРП, II 19; III 3.
Путиловский з-д, ПТБ, I 44, 45, 51, 54, 56, 100, 116, 133; II 13, 35, 53, 54, 98; III 112, 113; IV 136, 140; V 63.
Пфафа, пивов. з-д, I 89.

Р.

Рабочий к-т, ПТБ, VI 114.
Рама, мех. з-д, Казань, I 116; II 121; V 106.
Ранталлера, ф-ка, Москва, II 189; VI 22.
Растеряева, з-д, ПТБ, II 13.
Рачинско-Лечхумская район. орг. РС-ДРП (Кавказ), III 103.
Ревдинский, з-д, Урал, IV 37.
Революционная Украинская Партия, VI 27, 29.
Реномэ, ф-ка, Москва, VI 95.
Республиканско-демокр. Союз, II 149.
Рестеля, маш. з-д, Одесса, II 100; III 54, 55, 114.
Речкина, вагонн. з-д, ПТБ, I 100; II 13; IV 136.
Рижская военно-соц. орг. при с.-д. федерат. к-те, I 91; II 124, 129; VI 63.
Рижская гр. РС-ДРП, II 39, 192.
Рижские ж.-д. мастерские, II 189.
Рижский к-т РС-ДРП, I 19, 33, 45, 76, 90, 105, 134, 137; II 18, 19, 59, 124, 165, 169, 186, 189; III 3, 19, 20, 55, 62, 96, 102, 121, 122; IV 19, 38, 44, 121, 131; V 20, 36, 37, 66, 88, 109, 130, 137.
Рижская орг. Бунда, III 121.
Рижский с.-д. федеративный к-т, I 91, 105, 135; III 3, 121.
Рижский Революционный к-т, VI 140.
Рижский с.-д. Союз ж.-д. служащих, II 186, 189.
Рижский Союз Типографских рабочих, II 185, 186, 189.
Рогозы, ф-ка, Тамбов. губ., III 17.
Российская бумагопрядильня, ПТБ, I 133; II 13, 35.
Российско-Американск. резиновая мануфактура, ПТБ, II 13.
Российский Освободительный Союз (РОС), III 66, 70, 71, 75, 117.
Ростовская гр. РС-ДРП, II 192; IV 56.
Ростовский к-т РС-ДРП, II 121.
Ротшильда, промысл., Баку, V 14.
Руанский конгресс жоресситов (Франция), II 116.
Руднева, з-д, Ставрополь, VI 64.
Рудничный Союз РС-ДРП, III 81.
Русско-Балтийский вагон. з-д, Рига, II 189; V 36, 37.
Русское о-во пароходства и торговли, I 87; III 114.
Русское о-во производства стальных перьев, II 189.
Русское о-во фабрично-заводских рабочих, ПТБ, I 45, 88.
Рыбинская группа Сев. к-та РС-ДРП, II 39; III 20; IV 56.

С.

Самарский к-т РС-ДРП, II 18, 59, 80, 101, 142, 189; III 3; IV 18, 121, 131, 134; V 78, 88; VI 27, 47, 48, 74.
Сан-Галли, з-д, ПТБ, VI 2.
Сапожникова, типография, II 54.
Саратовская Губ. Зем. Управа, VI 94.
Саратовские ж.-д. мастерские, I 70; IV 13.
Саратовский к-т РС-ДРП, I 105; II 18, 19, 59, 80, 124; III 3, 20, 119; IV 13, 14, 19, 58, 59, 66, 67, 92, 97, 98, 100, 131; V 21, 46, 109, 137; VI 47, 102, 103.
Саратовского к-та РС-ДРП, с.-д. проф. союз портных, VI 74.
Свешникова, механ. з-д, Казань, I 116; II 121, 122.
Свирского, з-д, ПТБ, IV 136.
Свисновская орг. РС-ДРП, IV 17.
Свободное Слово, группа, I 139.
Севастопольск. к-т РС-ДРП, IV 135; VI 137.
Северное Бюро ЦК РС-ДРП, IV 58.
Северо-Западное Бюро ЦК РС-ДРП, IV 58.
Северо-Западный (Союз) к-т РС-ДРП, I 91; II 18, 80, 189, 192; III 3, 62, 81, 95, 96, 145, 146; IV 103, 131; V 40, 45, 46, 66, 109, 125, 137; VI 41, 47, 74.
Северо-Русский Раб. Союз, I 139; III 20; V 28.
Северный к-т (Союз) РС-ДРП, I 19, 33, 45, 91, 118, 137, 138; II 18, 59, 60, 77, 80, 82, 101, 147, 190; III 3, 30, 35, 123; IV 56, 58, 131; V 88.
Съезд гр. Северо-Западн. Союза РС-ДРП, V 46.
Съезд II РС-ДРП (см. Второй съезд).
Съезд III РС-ДРП (см. Третий съезд).
Съезд Германск. с.-д. в Иене, V 107, 132.
Съезд заграничн. орг. (б) РС-ДРП, II 39.
Съезд Лиги (м) заграничных с.-д., I 29.
Съезд литераторов-пропагандистов при ЦК, V 27.
Съезд металлозаводчиков, I 13.
Съезд народных учителей, ПТБ, VI 114.
Съезд нефтепромышленников, ПТБ, VI 34.
Съезд орг. Полесск. к-та РС-ДРП, IV 17.
Съезд промышленников и торгов., IV 41.
Съезд „Союза Союзов", ПТБ, IV 59; V 130.
Семенова, з-д, II 13, 76.
Семеновская орг. РС-ДРП (Полесского к-та), IV 17, 141; V 9.
Семянниковский, з-д, (см. Невский з-д).
Сенникова, механ. з-д, Казань, V 166.
Сенькова, джутовая ф-ка, Вязники, III 17.
Серпуховская гр. РС-ДРП, Москов. к-та, III 102.
Сергинские з-ды, Урал, IV 37.
Сестрорецкий к-т РС-ДРП, IV 55.
Сестрорецкий оружейный з-д, I 49; III 118; IV 79.
Сибирский Союз (к-т) РС-ДРП, I 91; II 18, 39, 49, 80, 82, 149; III 2, 3; V 46, 136, 137; VI 27, 47, 103.
Сидерса з-д, II 143.
Симбирская гр. РС-ДРП, I 139; V 99; VI 140.
Симбирское Губ. Земство, I 74.
Сименса, з-д, ПТБ, IV 136.
Симонова, з-д, Москва, VI 42.
Сипягина, з-д, Ставрополь, VI 64.
Сириус, з-д, Рига, IV 37.
Сиу, ф-ка, Москва, VI 95.
Смирнова, ф-ка, II 56.
Смоленская Гор. Дума, V 79, 95.
Смоленский к-т РС-ДРП, II 18, 39, 101, 189, 192; III 2; V 66.
Смолякова, з-д, II 55.
Сморгонская гр. (орг.) РС-ДРП, I 101; IV 98; V 45, 66, 109.
Сморгонская орг. Бунда, I 101.
Собрание русских фабричных рабочих, ПТБ, I 51.
Совет депутатов Московск. типо-литограф. рабочих, VI 96.
Совет Партии, I 14, 18, 46; II 18, 37, 39, 59, 69, 71, 73, 74, 79, 81, 114, 123, 124, 147, 149, 167, 190, 192; III 2, 8, 81; IV 38, 130, 131; VI 130.
Совет съезда нефтепромышленников, II 17.
Совет Томского Университета, II 49.
Соколова, типография Ив.-Вознесенск, III 74.
Сокольского, мельница, I 87.
Сормовская гр. РС-ДРП, II 186. 192; V 136.
Сормовский з-д, II 14, 57; V 136.
Соц.-дем. Професс. Союз Саратовских типографов, III 119; IV 137.
Соц.-дем. ж.-д. Союз Тульского к-та, V 45.
Соц.-дем. Королевства Польского и Литвы, I 108; II 81; IV 7, 8, 17; V 44, 100, 109, 135; VI 29.
Соц. гр. Московск. помощников присяжн. поверенных, V 65.
Соц.-рев. (см. Николаевск. к-т с-р).
Социалистический Союз Японии, I 45.
Союз русских рабочих (Зубатовский), ПТБ, I 54; II 58, 59, 178.
Союз агрономов и статистиков, Курск, IV 52.
Союз адвокатов, Курск, IV 52.
Союз адвокатов, Киев, V 39.
Союз армян студентов в Европе, II 141; III 82.
Союз бакинских рабочих, V 85, VI 34, 36, 45, 47.
Союз борьбы за освобождение рабочего класса, V 28.
Союз ветеринаров, Курск, IV 52.
Союз ж.-д., Курск, IV 52.
Союз женского равноправия, Курск, IV 52.
Союз истинно-русских людей в Бессарабии, III 133.
Союз коммунистов, III 28, 29, 48.
Союз конторщиков, Курск, IV 52.
Союз конторщиков и бухгалтеров, VI 12.
Союз освобождения, либерал., I 37; II 3, 134, 172; III 44, 46, 63, 64, 73, 86, 107, 113, 143; IV 10, 12, 75, 76, 113, 114; V 56, 69, 70; VI 109, 135.
Союз офицеров, V 41.
Союз приказчиков, Курск, IV 52.
Союз равноправия женщин, IV 12.
Союз республиканских-демократов, II 162.
Союз синдикатов парижских рабочих, II 189.
Союз русских людей, III 132.
Союз служащих по выбору и найму, Курск, IV 52.
Союз Союзов, IV 41, 52, 60, 74, 83, 124, 132; V 2, 25, 39, 72, 73, 75, 99, 130; VI 33, 114, 117, 118, 136.
Союз учителей, Курск, IV 52.
Ставропольская гр. п. с.-р., VI 63.
Ставропольская орг. учащихся с.-д., IV 63.
Ставропольский к-т РС-ДРП, VI 74.
Сталелитейный з-д, Саратов, IV 13.
Старо-Самсониевская мануфактура, ПТБ, II 13.

Сталя, механ. з-д, Воронеж, I 17; II 189; IV 98.
Страсденгофская мануфак., Рига, IV 136.
Судостроительный з-д, ПТБ, II 13.
Суздальская гр. Всеросс. союза учителей и деятелей по народному образованию, IV 93.
Сызранская гр. РС-ДРП, IV 121.
Сысертский з-д, Урал, IV 37, 139.
Сытина, типогр., Москва, VI 21.

Т.

Таганрогская гр. РС-ДРП, V 67.
Тайное общество террористов консерваторов, Белый передел, ПТБ (см. гр. Белого Передела).
Тамбовская партия патриотов, III 133.
Тамбовская гр. РС-ДРП, VI 26.
Ташкентская гр. РС-ДРП, V 109; VI 21, 27.
Тверская гр. с.-р., II 19.
Тверская гр. РС-ДРП, II 192.
Тверской к-т РС-ДРП, I 19, 33, 45, 91, 137, 141; II 18, 19, 39, 59, 80, 82, 149; III 2, 3, 37, 78, 82, 123; IV 19, 33, 55, 81, 99, 130, 131; V 42, 137.
Тер—Акопова, з-д, Н.-Новгород, I 32; V 62.
Терещенко, з-д, Москва, VI 65, 95.
Терско-Дагестанск. к-т РС-ДРП, II 149; IV 100.
Техническое о-во, Баку, V 85.
Тилля, ф-ка, Москва, VI 64, 65.
Тильмана, з-д, Ковно, III 143.
Тильманса, з-д, Москва, VI 65, 94,
Тимофеева, мельница, Ставрополь, VI 63.
Типография Южной России, Николаев, II 164.
Тифлисская военная гр. РС-ДРП, IV 75.
Тифлисский к-т РС-ДРП, I 137, 138; II 59. 82; IV 77, 97, 99, 101, 131; V 83, 109,
Томский к-т РС-ДРП, I 91; II 39, 60, 82; VI 27, 45, 47, 74.
Торнтона, ф-ка, ПТБ, I 88; VI 90.
Третий Съезд РС-ДРП, II 25, 37, 39, 59, 60, 72, 73, 80, 99, 101, 103, 124, 125, 128, 147, 168, 188, 192; III 1, 2, 4, 8, 10, 24, 37, 39, 49, 101, 105, 110, 114, 115, 117, 127, 128, 146; IV 15, 17, 18, 21, 24, 37, 39, 45, 59, 70, 71, 99, 130, 132, 141; V 16, 17, 21, 23, 27, 31, 33, 39, 42, 45, 53, 67, 88, 122, 124, 135, 136; VI 11, 27, 43, 67, 102, 116, 124, 126.
Трубной з-д, ПТБ, IV 136; VI 65.
Тульский к-т РС-ДРП, I 137; II 18, 59, 80, 149, 169; III 3, 20, 35; IV 19, 32, 57, 131; V 88; VI 47, 117, 140.
Тульский патронный з-д, IV 138.
Тульский с.-д. ж.-д. союз, VI 67.
Ткшкевича, ф-ка, Вильна, II 16.
Тюлевая ф-ка, ПТБ, II 13.

У.

Украинская Революц. партия, II 19.
Украинский с.-д. Союз (Спилка), I 108; III 3; IV 39, 141; VI 47, 61.
Уманский з-д, II 54, 78.
Унион, з-д, Рига, III 96.
Урал—Волга, з-д, II 57.
Уральский к-т (Союз) РС-ДРП, I 47; II 38, 59, 80; III 3; IV 131, 139.
Уральский Союз с.-д. и с.-р, IV 139.
Уральско-Уфимский к-т РС-ДРП, II 18, 59.
Уфимский к-т РС-ДРП, III 123; IV 19, 139.
Ушковых, з-д, II 122.

Ф.

Фарфоровый з-д, ПТБ, V 102; VI 65.
Федоссийская орг. РС-ДРП, V 42.
Фельзера, з-д, Рига, II 183; IV 119; V 36.
Фельске, меб. ф-ка, Москва, VI 95.
Фендерта, з-д, Одесса, III 114.
Фендрих, з-д, Одесса, III 54.
Феникс, з-д, Рига, IV 98, 119, 136; V 35.
Филиппова, булочная, Москва, VI 94.
Финляндская партия активного сопротивления, V 40.
Финляндская соц. партия, I 108.
Фишера, меб. ф-ка, Москва, VI 95.
Фокина, ф-ка, II 56.
Франко-русский з-д, I 51, 133; II 13.
Французский з-д, Николаев, II 54, 144, 145, 188; III 15.
Фрейбургская гр. РС-ДРП, II 39; IV 17; V 137.
Фридбергская гр. РС-ДРП, IV 17, 40, 100; V 137.

Х.

Хаймовича, з-д, ПТБ, IV 136.
Харбинская гр. РС-ДРП, III 62.
Хартонова, типография, I 116.
Харьковская гр. („Вперед“) РС-ДРП, II 59, 101, 189, 190, 192; III 30; IV 94, 95, 131; V 17, 41.
Харьковский к-т РС-ДРП, I 46, 104, 138; II 18, 90, 101, 103, 192; III 2, 20; IV 33; V 17.
Харьковское Земское Собрание, I 74; II 40.
Хатисова, з-д, II 147.
Хачатурова, з-д, II 186.
Херсонский к-т РС-ДРП, IV 18, 33, 141; VI 103.
Хартицкий, з-д, II 14.
Христианское братство борьбы, II 31, 96, 103.

Ц.

Цельма и Бема, з-д, Рига, IV 136.
Цементный з-д. Брянск, V 131.
Центральное Бюро „Союза Союзов“, V 39.
Центр. к-т Армянской Револ. Федерации (Дрошакисты), VI 35.
Центральный к-т Бунда, I 101.
Центральный к-т РС-ДРП, I 1, 17, 19, 32, 33, 46, 79, 91, 103, 105, 107, 109, 118, 134, 137; II 18, 37, 39, 53, 60, 69, 71, 74, 77, 79, 81, 101, 103, 123, 124, 127, 129, 145, 147, 149, 166, 167, 169, 188, 190, 192; III 1, 4, 6, 7, 9, 20, 39, 40, 61, 62, 81, 82, 92, 95, 101, 102, 108, 122, 123, 146; IV 14, 17, 18, 22, 37, 38, 56, 58, 67, 71, 81, 100, 101, 121, 130, 131, 139, 141; V 17, 21, 27, 38, 40, 46, 66, 67, 78, 79, 88, 93, 103, 106, 109, 115, 122, 123, 130, 131, 133, 135, 137; VI 15, 16, 20, 21, 27, 29, 30, 41, 43, 44, 48, 49, 67, 72, 74, 116, 117, 126, 140, 141.
Центр. к-т гэдистов (Франц.) (до объед. франц. соц. партии), II 117.
Центр. к-т Германской с.-д., VI 126.
Цент. к-т жоресистов (до объед. франц. соц. партии), II 117.
Центр. к-т Латышск. с.-д. партии, III 121.
Центр. к-т Национальной Гвардии Парижской Коммуны, IV 4.
Центр. к-т Союза Освобождения, III 66, 69, 72, 74; V 55.
Центр. к-т ППС, I 72.
Центр. к-т п. с.-р., II 169.
Центр. к-т Союза фармацевтов, Москва, I 139.
Центральный Союз Московск. типографск. рабочих, I 25.
Центральный стачечный к-т, ПТБ, VI 92.
Цинделя, ф-ка, Москва, I 69; VI 95.
Цюрихская гр. РС-ДРП, I 62, 91; II 39, 82, 189; III 20, 62; IV 17; V 137; VI 47, 140.

Ч.

Челябинская гр. РС-ДРП, V 47.
Черноморский котельный з-д, Николаев, II 54, 149, 188; III 16, 114; V 80.
Черногородский районный к-т, Бак. к-т, III 102.
Чернышева, ф-ка, V 43.
Четвертый с ъезд РС-ДРП, VI 101.
Чешера, ф-ка, ПТБ, I 119; II 13, 143.
Читинский к-т РС-ДРП, II 78, VI 27, 47.
Чугунный з-д, ПТБ, II 13; IV 136, 140; VI 90.
Чумакова, ф-ка, Кострома, I 136; III 82; VI 38.
Чусовский, з-д, II 187, 189.

Ш.

Шапова, ф-ка, Ив.-Вознесенск, V 63.
Шау, бумагопрядильня, I 51.
Шварцкопфа, з-д, Москва, VI 95.
Шейблер и Рун, ф-ка, II 9.
Шель, з-д, III 36.
Шемякина, ф-ка, Москва, VI 95.
Шершевского, таб. ф-ка, Гродно, III 115.
Шестопалова, хим. з-д, III 36.
Шибаева, ф-ка, Богородск, III 114; V 43.
Шибаева, лес. з-д, Серпухов, III 102.
Шидловский (см. Комиссия Шидловского).
Шифмана, мех. з-д, III 36.
Шифмановича, обойная ф-ка, I 101.
Шихова, з-д, II 186.
Шмидта, мебельная ф-ка, Москва, VI 64, 94, 96.
Шнейдера, типогр., Николаев, II 164; IV 54.
Шодуар, трубопрок. з-д, Екатеринослав, IV 97.
Шостенский, з-д, I 51.
Шоф, оруж. з-д, I 142.
Шполянского, з-д, Одесса, III 54, 119, 120.
Шреде, ф-ка, I 69.
Штиглица, бумагопряд., ПТБ, I 51; II 13.
Шубинский рудник, II 57.

Щ.

Щербакова, ф-ка, II 163.
Щербинский рудник, II 57.

Э.

Эггольм, ф-ка, Москва, VI 95.
Эзау, з-д, Екатеринослав, IV 76; V 129; VI 93.
Эйгеля, ф-ка, Одесса, II 16; VI 46.
Эмигрантская касса при Женевск. гр. загран. орг. РС-ДРП, IV 40.
Эпштейна, з-д, Борисов, Минск. губ., V 67.
„Эрбе“, з-д, Рига, IV 98, 119; V 36.
Эриксона, ф-ка, ПТБ, II 13.
Этна, з-д, Рига, III 96; V 36, 37.

Ю.

Юго-Восточные ж.-д. мастерские, I 17.
Южно-русский з-д, Киев, I 70; II 57; IV 39.
Южно-русский союз с.-д., Харьков, I 104.
Южно-русский рабочий союз, III 19; V 28.
Южно-русский ж.-д. союз, I 138.
Южно-русский пивовар. з-д, Одесса, VI 46.
Южно-русское общество печатного дела, II 54, 78.
Южно-русское товарищество кож. производства, Одесса, II 15.
Южная конференция меньшевиков (см. конфер. меньш.).
Южное Бюро ЦК, IV 58.
Юзовский з-д, I 70.
Юлиус, пробочн. ф-ка, Одесса, III 54, 120.

Я.

Якобсона, з-д, Минск, III 79.
Якобсона, з-д, Москва, VI 65.
Яковлева, типография, Екатеринослав, IV 97.
Яковлева, типография, Москва, VI 42.
Яковлева, типография, Саратов, VI 96.
Яковлева, типография, Томск, VI 45.
Якубовича, типография, II 164.
Ярославская гр. Сев. к-та РС-ДРП, II 60, 82; IV 56.
Ярославские ж.-д. мастер., Москва, VI 96.
Ярославский к-т РС-ДРП, IV 57, V 19; VI 103.
Ясюнинская ф-ка, II 163.

УКАЗАТЕЛЬ

ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕЧАТИ.

А.

Адрес Харьковского Земства, листок, I 139, II 40.

Александровская орг. РС-ДРП, листок работникам и работницам („Товарищи, голод согнал"...), IV 19.

Александропольская военная с-д. организация, листовка: К солдатам александропольского гарнизона, VI 47.

Амвросий, Правда о ростовских событиях, V 29.

Астраханский к-т РС-ДРП, листки: Денежный отчет за февраль, II 124; Заявление Астраханских организованных рабочих Думе, IV 40; К астраханским гражданам, III 62; К бондарям, IV 40; К жестянникам, IV 40; К обществу (о заключенных в тюрьмах), III 20; К приказчикам, III 62, IV 4; К рабочим и работницам на рыбных промыслах, II 189; К рабочим и служащим трамвая, II 189, III 20; Ко всем астраханским гражданам (о перевооружении милиции), IV 40; Ко всем булочникам, IV 59; Ко всем гражданам (о гибели эскадры Рождественского), IV 19; Ко всем рабочим г. Астрахани, IV 19; О гибели эскадры Рождественского, IV 40; Отчет к-та, III 20, 62, IV 59; Полиция и милиция, IV 40; Рабочий листок № 5 (1-е мая), III 20, IV 59; Резолюция трех собраний к III съезду, III 62; Сказка о попе и чорте, IV 40; „Товарищи! Пролетариат всей России", IV 19; Требование бондарей, IV 40; Требование группы приказчиков, IV 40.

„Aus der Weltpolitik", нем. еженед., I 96.

Б.

Базаров. Очерки по истории Германии в XIX в., III 20.

„Бакинские Известия", II 147.

Бакинский к-т РСДРП, листовки: Армия III 20, IV 19; Бакинские преступления царского правительства, II 19, 23—24, 105; „Безумные жестокости, происходившие"... II 19; „Будьте готовы", II 82; Бюллетень, III 20, IV 19; Бюллетень Балаханского района, IV 19, 59; „В то время как мы празднуем 1-е мая" (об обращении с арестованными), III 62; Война внешняя и война внутренняя, II 149; „Вот уже 3 недели как вся жизнь в Баку замерла"... VI 47; Встреча наместника, III 72, 102; Девятый вал, IV 101: Долой сверхурочные подрядные работы, IV 14; Еще о холуях его величества, IV 19, V 19; К Биби-эйбатским и балаханским рабочим французского о-ва, IV 101; К матросам и пароходным служащим, IV 141; К нашей программе, III 20, IV 19: К новой жизни, IV 101; К рабочим, III 102; К рабочим Белого городка о з-де Ротшильда, V 47; К рабочим з-да Восточного о-ва в Белом городке, IV 19, V 47; К рабочим з-да Левинсона, V 19; К рабочим Каспийского машиностроительного завода, IV 121; К рабочим механических заводов, I 105; К служащим в ресторанах, в гостиницах и к домашней прислуге (от Центр. группы домашних служащих), III 20, IV 19; К солдатам, II 82, III 20, IV 121; К солдатам бакинского гарнизона, II 82; К типографским рабочим от Центр. группы бакинск. типографск. рабочих при Бакинском комитете, II 149; Казакам, IV 101; Ко всем, IV 19; Ко всем бакинским рабочим, II 103, III 102, IV 141, V 47; Ко всем гражданам, II 39; ко всем ж.-д. служащим, II 102; Ко всем плотникам, малярам, каменщикам, штукатурам, и всем чернорабочим, IV 141; Ко всем полицейским, IV 19, V 19; Ко всем рабочим, I 105; Ко всем рабочим Восточного о-ва в Белом городке, IV 121; Ко всем рабочим и служащим депо, IV 101; Ко всем рабочим пароходных обществ, IV 141; Ко всем типографским рабочим г. Баку, IV 19; Конституционный базар, V 19; Массовая политическая стачка, IV 19; Накануне, II 82, III 62; Наша неудача, III 102, V 19; Наши умиротворители, V 19; Новая политика лисьего хвоста, I 90; О манифесте 18-го февраля, II 149; Они столковались, IV 12; от рабочих „Арамазда", 5 мая, III 62; Ответ „К-ту Русских Тружеников" (составлен организованными ж.-д. рабочими с-д.), III 102, V 19; Открытое письмо бакинских ж.-д. рабочих всем ж.-д. служащим, VI 19; Стихотворение (на 1-е мая), III 62; Открытое письмо губернатору Накашидзе, II 103; Отчет Бак. к-та, I 139, II 103, III 20, 62, IV 19, 121, 141, V 19, VI 47; Отчет Бак. к-та за время стачки на механическом з-де, II 82; „Чего мы хотим?" (№ 58), III 20, IV 19; Отчет кассы Красного Креста, IV 19, V 19; Отчет Биби-Эйбатского районного к-та, V 19; Отчет городского районного к-та, IV 19, 141; Отчет Черногородского районного к-та, III 102, IV 141; „Офицеры и солдаты", II 82; Первое мая, III 20, IV 19; Песня рабочих, IV 19, V 19; По поводу забастовки ж.-д. рабочих, II 169; Последняя ставка, III 102, V 19; Позорный торг, IV 141; „Последний раз встречаем мы 1-е мая!" III 20; Постановление выборных представителей от мастеровых и рабочих нефтепромышленного и торгового о-ва, V 47; Постановление собрания в 1000 чел., II 19; Правда о войне, I 105; Программа партии, III 60: Рабочие и самодержавие, IV 19, V 19; Резолюция о посылке делегатов на съезд нефтепромышленников, VI 27; Резолюция собрания в 500 чел., II 19; Резолюция собрания в 2000 чел., II 19; Резолюция собрания в 3000 чел., II 39; Самодержавие народа, IV 19, 59; Солдат, IV 19; Солдатская памятка, II 82; Суд над судом, IV 59; „Товарищи! Гибель флота Рождественского"..., IV 19; „Товарищи!" IV 19; „Товарищи! Кровавые февральские дни уже миновали" IV 12; „Товарищи солдаты" III 62; Требования рабочих з-да Шихова, IV 121; Требование служащих в ресторанах, в гостиницах и домашней прислуги г. Баку, III 102; Требование рабочих механич. мастерск. г. Баку, III 102; Царь и бояре, IV 141; Темная полоса, V 85, 88; „Товарищи", V 19; „Товарищи солдаты!" V 19; Требование рабочих механической мастерской, V 19; Требование служащих в ресторанах и домашней прислуги, V 19; Требование рабочих табачной ф-ки Мирзабекова, V 19; Требование ремесленников, V 47.

Балаханский районный к-т РС-ДРП (Баку), листок: „Товарищи"... (о бойкоте т-ва бр. Нобель), IV 141.

Балаханских и биби-эйбатских рабочих (группа Баку) листовки: Гражданам (17 февраля), II 39; Извещение 9 апреля, II 149; Листок от 18 апреля, III 20; Ко всем рабочим, I 91, 139; По поводу забастовки з-да Вотан, II 82; Рабочий листок № 1, II 149; Резолюция по вопросу о III парт. съезде, II 124; Резо-

люция против III съезда, II 149; Резолюция собрания в 500 чел. II 19.
Батумский к-т РС-ДРП, листовки: Бюллетень, II 15; Резолюция о съезде, II 38.
Бебель, А. Професс. союзы и политические партии, VI 46; Христианство и социализм, II 97, 103, 189.
Беларуска соцъялистычна Грамада, Царево жниво, II 39.
Белогородский районный к-т РС-ДРП, Баку, листовки: К рабочим Белого городка о з-де Ротшильда, IV 141.
Белорусский Вестник, Минск, IV 95, VI 18—19.
Бернгардт, Георг. Бедная—богатая Россия, V 7.
Библиотека русского пролетариата, III 62, 146.
„Биржевая Газета", I 74.
Богородская группа окр. орган. Моск. к-та РС-ДРП. К рабочим Богородско-Глуховской мануфактуры, IV 82.
Борисоглебская группа РС-ДРП, листовки: Балашовский погром, IV 141; Восстание в Одессе, V 19; Гражданам г. Борисоглебска, V 19; Заявление рабочих представителям земств и дум, V 88; К карочанским крестьянам, IV 141; К плотникам и другим рабочим, V 19; К рабочим ж.-д. мастерских, IV 141, V 19, VI 27; К рабочим и работницам ремесленных мастерских г. Борисоглебска, VI 27; К солдатам и их матерям, V 19; К солдатам, V 19; Новые царские милости, V 19; Отчет Борисоглебской группы, II 189, III 146, IV 19, 122, V 19, 88, VI 103; Подписной лист на вооружение самообороны, IV 141.
„Борьба", газ. Рижского к-та Латышской С.-Д., III 121.
„Борьба Пролетариата", орган Кавказского союза РС-ДРП, IV 99, 132, V 12, 19 VI 27, 47, 64, 72.
Браке. Долой с-д.! VI 42.
Буржуазия и монархия, статья, IV 103.
Бурцев. За сто лет, III 20.
Бюро К-тов Большинства, листовки: Воззвание к партии, от 12/III—1905 г., II 80; Ко всем рабочим, II 34, 35; К рабочим, II 39; К учителям, II 82; Об отношении к либералам, II 3—5; Ответ германским товарищам, II 37; Почему мы отказались выбирать депутатов в комиссию Шидловского, II 39.

В.

„Варшавский Дневник", I 72, 90.
Варшавская военно-революционная организация РС-ДРП, листовки: Братья-солдаты, II 189; Заявление, III 62.
В. Б. На рубеже XIX столетия, III 20
В. В. Судьбы капитализма, VI 91.
Ведомости Петербургского Градоначальства, I 54.
„Вечерняя Почта", III 27.
Виленская группа РС-ДРП, листовки: Ко всем виленским кожевникам, V 109, 137; Ко всем гражданам (на еврейском языке), VI 40; Либералы и пролетариат, VI 40; Лист. виленской группы, V 38, 46; По поводу голодовки в Виленской тюрьме, III 81; По поводу открытия памятника Екатерины II в Вильне, III 81.
Виноградов, П. Политические письма, V 25.
Витебская группа Сев.-Зап. к-та РС-ДРП, листовки: Девятое января—девятое июля, IV 141; Денежный отчет группы, IV 59; К борьбе, V 19; К борьбе, товарищи!" V 109; К крестьянам и рабочему люду, IV 81; К рабочим ф-ки Колбаловского, IV 81, V 19; Ко всем гражданам, V 19; Контр-революция на Кавказе, VI 117; „Крестьяне, к вам наше слово", IV 81, V 19; „Куда нас гонят?" VI 47; Отчет группы, VI 47; На 9-е января, стихотворение, V 19; Открытое письмо витебскому губернатору, V 109; Отчет за сентябрь, VI 140; По поводу гибели эскадры Рождественского, IV 81; Программа РС-ДРП (брош.), V 19; События 9-го января, II 189.
Витте. Записки, III 63.
Владимирская организация РС-ДРП. — К приказчикам, листок, II 82.
Воинов, В. Как петербургские рабочие к царю ходили, II 103.
Война и революция, брошюра, V 19, VI 46.
Вологодская группа Ярославского к-та РС-ДРП, листовки: К рабочим и крестьянам, VI 103; Кровавый царь, VI 103; Отчет группы, VI 103.
„Вооруженное восстание", организация, листовка: „К оружию, граждане", II 103.
Вооруженное восстание и работа в войсках, статья из № 98 „Искры", IV 7.
Воронежский к-т РС-ДРП, листовки: К городскому району, V 68; К крестьянам, V 68; К обществу, II 189, III 146, V 19; К первому мая, V 19; К рабочим з-да Столя, II 189, IV 59, V 19; К ремесленникам г. Воронежа, IV 59; К солдатам, V 19; К юго-восточным рабочим, V 68; ко всем рабочим и работницам г. Воронежа, IV 141, V 68; Отчет к-та, IV 141, V 88, 137, VI 74; Русская армия разбита, II 189.
Восточного района к-та РС-ДРП, Рабочий класс и поп Гапон, листок, II 82.
Второе письмо Гапона, листок, IV 121.
Вятский к-т РС-ДРП, Стачка земских служащих, VI 27.

Г.

Гавас, франц. телегр. аг-ство, II 2.
Гапон, Г. Заявление в Интерн. Соц. Бюро, II 34.
Гауптман, Г. Ткачи, V 29.
Геркнер. Рабочий вопрос на Западе, V 29.
Глезмер. Памятная записка (об отношении к рабочим), II 65—67.
Год войны, брошюра, V 19, 107.
„Голос Народа", газ., орг. франц. анархистов-синдикал., III 65, V 65.
„Голос Труда", орган МК РС-ДРП, V 138—139, II 101—102, 149, IV 34, 45, 81, V 29, 88, VI 27, 99.
Гомельская орг. РС-ДРП, Полесского к-та, листовки: К рабочим гомельских ж.-д. мастерских, IV 121; Ко всем, V 19.
Горький, М. На дне, III 77.
„Готовьтесь к вооруженному восстанию!" листок, IV 99.
„Гражданин", газ., II 63, III 106, 131, IV 128, V 114.
Грозненская группа Бак. к-та РС-ДРП, листовки: Бюллетень об июньских событиях, V 19; К обществу, V 19; К рабочим владикавказской линии, V 19; К солдатам, V 19; Ко всем рабочим г. Грозного, V 19; Резолюция бакинских рабочих по поводу „временных правил" о выборных от рабочих в комиссии, V 19.
Группа „Борьба", Ко всем служащим Николаевской ж. д., листок, II 82.
Группа демократов, листовки: О девятом и одиннадцатом января в Петербурге, II 39; Резолюция банкета инженеров, II 39 — 40; „Товарищи рабочие!" II 105;
Группа заводских рабочих, Петербург, „Долой забастовки, долой агитаторов!" II 103.
Группа солдат, К солдатам, лист., II 19.
Группа с-д., лист., К обществу, II 52; К рабочим и всему трудящемуся люду, II 52, Резолюция 330, II 82.
Группа студентов, Письмо к профессорам; л. II 39.
Группа фармацевтов, Заявление, л., II 36.
Губернские Ведомости, Воронеж, II 139.
Губернские Ведомости, Харьков, IV 83.

Д.

Дан. Всероссийское учредительное собрание, брошюра, V 107.
Два члена РС-ДРП г. Ярославля, л., К товарищам соц.-демократам, VI 103.
Двинский к-т РС-ДРП, листовки: В бой за свободу, III 95; К учащимся, III 95; На улицу, III 95; Об образовании к-та, III 95; О прекращении политической забастовки, III 95; По поводу созываемой в Витебске комиссии, III 95; Призыв к забастовке учеников реального училища, III 95; Формулировки требований рабочих различных ф-к, III 95; Царский мир, V 137; „Что случилось, товарищ?" IV 141.
Декларация 22-х, III 9.
Десятилетие Морозовской стачки, V 29.
„Деятель", газ., II 122.
Джаншиев. Эпоха великих реформ, III 20.
Дикштейн. Кто чем живет? III 146.
День, газ., IV 128.
Доклад Лопухина к-ту министров, лист., I 139, II 1, 2, 103.
„Донская Речь", газ., IV 111.
Донской к-т РС-ДРП, листовки: Крестьяне бунтуют, IV 19; „Оружие народу", IV 101; Резолюция, принятая на собрании рабочих Ростова и Нахичевани, IV 19, 101; Письмо рабочего казакам, IV 19; Поражение самодержавия IV 19.
„Донцы", листок №№ 1, 2, 3, 4, VI 27.
„Дружеские Речи", орг. монархистов, III 131.

Е.

Егорьевская группа окр. орг. МК РС-ДРП, Ко всем рабочим г. Егорьевска, листок, IV 82.
Екатеринославский к-т РС-ДРП, листовки: Адрес рабочих Днепровского завода к Птб. рабочим, I 90; Бюллетень, IV 101; В бой за свободу, II 167; Денежный отчет к-та, IV 19; К гражданам, II 167; К приказчикам и приказчицам, II 82; К рабочим и работницам Екатеринослава, II 82; К служащим всех ж.-д., IV 101; К фармацевтам, II 82; Ко всем, II 82, III 20; Ко всем гражданам России, IV 102; Ко всем организованным товарищам, III 102; Ко всем рабочим и работницам, IV 19; Ко всем рабочим г. Екатеринослава об учреждении Гос. Думы, V 88; Ко всем рабочим г. Екатеринослава о еврейском погроме, V 88; „Крестьяне, со всех концов России"... IV 19; Летучий листок 18/I, II 82; Листок от 11/IV, III 20; О царском мани-

фесте 18 февраля, III 102; По поводу собрания о-ва приказчиков, III 20; По пути к социализму, III 20; Привет кавказским рабочим, I 105; „Российские граждане, крестьяне и рабочие", V 88; „Товарищи рабочие!", IV 19; Требование мальчиков заготовщиков, IV 101; Чего мы требуем, II 82.
Екатеринославск. к-т РС-ДРП и Екатериносл. орг. Бунда, листок, К дамским портным, II 19.
Екатеринославское рабочее движение, V 29.
Елисаветпольская группа РС-ДРП, листки, Бюллетень № 1, IV 77; „Граждане", IV 77; Ко всем рабочим, IV 77.
Елисаветградский к-т РС-ДРП, листок, К гражданам, I 90.

Ж.

Железнодорожный Союз при МК РС-ДРП, листки: К ж.-д. рабочим Тульских мастерских, III 102; К рабочим Моск.-Брест. ж. д., III 102; Резолюция рабочих г. Егорьевска, VI 27.
Житомирский к-т РС-ДРП и Житомир. к-т Бунда листовка, К запасным, I 90.

З.

Заграничная организация РС-ДРП (б), листки: К с-д., работающим за границей, IV 19; Устав загр. орг. РС-ДРП, IV 19.
„Заря", журнал, I 113, III 20, V 29, 71, 98.
Засулич, В. Очерки истории Междун. о-ва рабочих, V 29.
Земские адреса, лист., I 139.
Золя, Э. Жерминаль, V 29.
Зомбарт. Социализм и социалистическое движение, V 29.

И.

Иваново-Вознесенская группа РС-ДРП, листовки; К рабочим ф-ки Грязнова, II 189; Ко всем рабочим с. Кохмы, II 189; Отчет, II 189, IV 140.
„Иверна", газ. грузинская, V 9, VI 47.
„Известия Совета Рабочих Депутатов", Птб., VI 117.
Извещение о конференции с-д. организаций России, IV 121. V 19.
Извещение о конференции крестьянских работников к-та Восточного района, VI 73.
Извещение Совета Партии, II 89.
Извещение о III съезде, III 8—9, IV 15, V 88.
Из тифлисского рабочего движения, V 29.
Ильин (Ленин). Развитие капитализма в России, III 20.
Имеретино-Мингрельский к-т РС-ДРП, Резолюция о съезде, II 38.
Иркутский к-т РС-ДРП, листовки: К товарищам рабочим Иркутских каменоломен, IV 59; Ко всем рабочим и работницам г. Иркутска, VI 103; Летучий листок, V 19, 47, VI 47; Отчет к-та, VI 74; „Рабочие, в Чите идет с 27 июля громадная стачка", VI 103; Резолюция 20—21 марта, III 62.
„Искра", I 1—2, 11—14, 16—17, 23, 27—28, 33, 37—38, 44, 46, 63—65, 70, 79—81, 85, 94—98, 104, 108—109, 113—114, 117, 119, 121, 130, 137—138, 141; II 18—19, 21, 24—28, 34, 37—38, 59, 63—64, 69, 73—75, 85, 87—88, 92, 94, 112—116, 120, 123, 136, 138—140, 145—146, 168—169, 186, 188—189; III 8—9, 18—20, 24—25, 48, 51—53, 56, 61, 82, 91—92, 101, 109—110, 113, 123, 144—145; IV 2—3, 7, 15, 18, 21—24, 32, 33, 37—39, 45, 71—73, 81, 84—85, 91, 95, 97, 100, 108—109, 117, 125, 129—130; V 1, 4, 8, 16—17, 19, 26—29, 31—33, 42, 46—47, 50, 54, 56, 58, 67, 70—72, 79—80, 82, 95, 98—99, 101, 105—106, 109, 115, 117, 119, 127—128, 131—133, 135—136; VI 4, 8, 12, 18—20, 26, 49, 52—53, 55—57, 66, 69, 72—73, 103, 108—109, 124—126, 128, 130.
Исторический очерк рабочего движения в Петербурге, V 29.
История революционных партий в России, V 107.

К.

Кавказский Союз РС-ДПР, листовки: Бюллетень, IV 101; Борьба пролетариата, V 19; Вскользь о партийных разногласиях, бр.. V 19; Заявление союзного к-та и члена ЦК., I 90; К деревенской бедноте, бр., V 19; К запасным, V 19; К крестьянам, V 19; К организованным рабочим, V 19; К организованным рабочим Тифлиса, I 139; К солдатам, V 19; Ко всем рабочим и работницам, V 19; На новый путь, бр., V 19, О социализме, бр., V 19; Первое мая, V 19; Разновидность оппортунизма, бр.; V 19; Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, бр., V 19; „Революционные песни", бр., V 19; Резолюции, I 139; Резолюция собрания 500 рабочих, II 39; Устав принятый на II партсъезде, бр., V 19; Что выяснилось, III 20, V 19.
Казанский комитет РС-ДРП, листовки: Всенародное Учредительное Собрание, VI 27; Второе письмо Гапона, III 62; „Граждане, холера идет", VI 27; К гражданам (о холере), III 62; К запасным, III 62, V 105; К народным учителям, VI 27; К обществу, III 62; К приказчикам г. Казани, VI 27; К рабочим и работницам Алафузовского з-да, I 117; К столярам, V 106, 109; К товарищам приказчикам, III 62; Ко всем нижним чинам, III 62; Ко всем рабочим (18-го апреля), III 60; Ко всем солдатам казанского гарнизона, V 105; Какая политическая свобода нужна русскому народу, I 137; Канун революции, I 137; Новый обман (манифест о Гос. Думе), V 106, 109, 125; О порядках на заводе Крестовниковых, VI 27; Образец мирского приговора об отказе от уплаты податей, VI 27; Общие требования рабочих Алафузовских ф-к и з-дов, VI 27; Общие требования солдат, V 105; Одна, а не две палаты, V 106; Отчет за апрель, III 62; Отчет фонда стачечникам, I 139; Петербург 8 и 9 января, I 137; Правда о войне, V 105; Призыв к слесарям, V 106; Приложение к № 1 „Рабочий", VI 27; Резолюция Каз. к-та о партийных разногласиях, II 38—39; Солдатская памятка, V 105; Требование слесарей, V 106; Требование столяров, V 106; Царь последний, V 106; Экономическое требование солдат, V 105.
Казанский к-т РС-ДРП, военная группа, листки: Требования солдат, VI 27; Экономические требования солдат, V 109.
Казанская группа учащихся, Резолюция сходки, лист. I 139.
Казанского университета союзный совет, листки: Бюллетень № 12, 14 и адрес В. Фигнер, I 139.
К деревенской бедноте, бр., V 27, 29.
К крестьянам (Черниговск. губ.), л., III 140.
Как боролись бельгийские рабочие за свободу, V 29.
Как вам быть? статья, V 141.
Как у нас в городке (стихотв.), I 139.
Какая политическая свобода нужна русскому народу? л., V 19.
Какое страхование нам нужно? л., IV 121, V 19.
Кампфмейер. Очерки из истории немецк. культуры, V 29.
Каутский К. Аграрный вопрос, III 20; Классовые интересы, IV 48; Крестьяне и революция в России, II 21; Национальность нашего времени, V 29; Социальная революция, IV 87; Социальная революция и соц. реформы, II 137; Эрфуртская программа, III 20, IV 81, V 97, VI 18.
Киевский к-т РС-ДРП, листки: Бюллетень № 3, IV 39; В Петербурге восстание, IV 39; Девятнадцатое февраля, II 19, IV 39; К горожанам, IV 39; К дамским портным, IV 39; К железнодорожным рабочим, IV 39; К запасным, IV 59; К обществу (по поводу стачки фармацевтов), IV 39; К рабочим всех стран, IV 39; К рабочим Неедли и Унгермана, IV 39; К рабочим Гретера, IV 39; К рабочим табачной ф-ки Когана, IV 39; К рабочим Южно-русского з-да, IV 39; К рабочим арсенала, IV 39; К рабочим пароходных обществ, IV 39; К рабочим ф-ки Леве, IV 39; К типографским рабочим, IV 39; К фармацевтам, IV 39; Ко всем рабочим и работницам, IV 39; Ко всем типографским рабочим, II 19; Ко всем трудящимся, II 19; Крестьяне и царское правительство, IV 19; Мукденская бойня, IV 39; Мукденский разгром, IV 39; Надгробное слово Серг. Ал., IV 39; Наши требования, IV 39; Отступление Николая II, II 19, IV 39; Отчет с 10 марта по 10 мая, IV 39; Падение Порт-Артура, IV 39; Программа РС-ДРП, IV 39; Солдатская памятка, IV 39; Суд идет, II 19, 39, IV 39; Царизм накануне всенародного восстания, II 89, IV 39; Царская милость, IV 39; Царские погромы, IV 39; Царь прощает, IV 39; Что дает царский указ? IV 39.
Киевский к-т РС-ДРП, группа Бунда и к-т Рев. Укр. Партии, л., К солдатам, VI 27.
Киевский к-т РС-ДРП, студенч. орг., Заявление, л., II 39.
Киевская организация учащихся с.-д., листок, II 19.
Киевский к-т Революционной Украинской Партии, „Товарищи робітники", л., II 19.
Киевский к-т с.-р., Ко всем киевским рабочим, л., II 19.
Кимрская группа окр. орг. МК РС-ДРП, К рабочим села Кимры, л., IV 82.
Кирилловская группа РС-ДРП (Новгородской губ), листки: К интеллигенции, I 90; К крестьянам, I 90.
Кишиневская орг. РС-ДРП, Резолюция забастовавших сапожников и заготовщиков, л., IV 19.
Клюзэрэ. Армия и демократия, II 25; Мемуары, II 25.

К крестьянам, лист., IV 121.
К оружию, л. (с.-р.), II 158.
К пассажирам (воззвание ж.-д. служ. в Неаполе), II 93.
К рабочим ф-ки Вал. Ефимова и комп., II 82.
Ко всем запасным рядовым, л., II 169.
Ко всем солдатам, л., IV 121.
Ко всем рабочим Курска, л., II 124.
Ко всем рабочим Петербурга, л., II 178.
Коалиционное собрание в Киеве, резолюция об образовании вооруженного академического легиона, л., II 39.
Коломенская группа окр. орг. МК РС-ДРП, К рабочим коломенского з-да, л., IV 82.
Колпинский заводский к-т Птб. к-та печатников. „Товарищи, свыше 15 лет прошло с того времени", л., IV 59.
„Коммуна", франц. газ., II 24.
Копыльская группа РС-ДРП, Ко всем дорожным рабочим в Тишковичах, V 88.
Коркунов. Государственное право, III 20.
Корниш. Конец одной эпопеи, III 43.
Костромская группа Северн. к-та РС-ДРП, листки: Бюллетень, III 82, IV 101, VI 74; Во время забастовки, II 60; „Вставайте, граждане", II 103; Гражданская война в Баку, VI 74; Единение царя с народом, VI 47; Иваново-Вознесенским рабочим, III 146; К земцам, II 60; К костромским рабочим, I 139; К обществу, III 146; К рабочим и всему народу, VI 74; К рабочим и крестьянам, VI 74; К солдатам, VI 101; К товарищам, II 103; К учащимся г. Костромы, VI 74; Ко всем, VI 74; Ко всем гражданам, VI 117; Ко всем костромским рабочим и работницам, II 103, III 62, IV 101 VI 74; Ко всему обществу, II 189; Мир с Японией, VI 74; Новая мобилизация, II 60; Они столковались, IV 101; О петербургских событиях, II 60; От сушильщиков Кашина, III 80; Отчет, II 189, VI 74; Отчет кассы, III 146; Первое мая, III 146; Призыв к забастовке, II 60; Солдатская памятка, II 185, III 146; „С раннего детства закабалили нас", IV 101; Требование рабочих ф-ки Кашина, III 82; Требование рабочих ф-ки Зотова, III 82; Требование рабочих ф-ки Михина, III 82; Четырнадцатое декабря, II 60.
Красное знамя, бр., V 27, 29.
Красноярский к-т РС-ДРП, листовки: К рабочим ж.-д. мастерских и депо, VI 103; Ко всем, VI 117; Ко всем гражданам, V 109; О мире, V 137; О союзе ж.-д. служащих и рабочих, VI 74; Они спешат, VI 117; Открытое письмо Красноярского к-та и. д. енисейского губернатора, V 109; Отчет к-та, VI 27, 103.
Краткий систематический свод действующих циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губ. жанд. управлений, по наблюдению за местным населением и по производству дознания, V 96.
Крафт, Рудольф. Восточно-азиатская война и народная милиция IV 49.
"Крестьяне, к вам наше слово!" листовки, IV 121, V 38, 107.
Кричевский. Чартистское движение, V 29.
К солдатам, листок, V 117.
Купля-продажа, л., V 19.
Курский к-т РС-ДРП, листки: К гражданам и гражданкам, II 24; К гражданам, об избиении учащихся 12 февраля, V 136; К ж.-д. служащим, V 136; К приказчикам, V 136; К рабочим портняжного цеха (призыв к забастовке), V 136; К ремесленникам, V 136; К солдатам, II 124, V 136; К типографским рабочим, призыв к забастовке, V 136; К цивилизованному миру, V 19; Ко всем рабочим, II 124, V 136; Ко всем рабочим и работницам портновского цеха, VI 103; На падение Порт-Артура, V 136; На первое мая, V 136; „Нет, мы не будем молчать", II 124; По поводу взятия Порт-Артура, II 124; Резолюции, II 124; Солдатская памятка, V 136; „Товарищи, с каждым днем", II 124.

Л.

Лассаль, Ф. О косвенных налогах, V 29; О сущности конституции, IV 92, V 29.
Ленин, аграрная программа, III 20; Две тактики с.-д. в демократической революции, IV 121, V 25, 26, 115, VI 36, 46, 52; Задачи русской с.-д., III 128; IV 12, V 109; Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией, I 19, 29, 46 119; Земская кампания и план „Искры", I 1, 33, 114, V 29; К деревенской бедноте, III 20; О временном правительстве, V 29; Озлобление против войска, I 141; Письмо к товарищу, I 28, II 123, 169; План петербургского сражения, I 141; Почему я вышел из редакции, I 46; Царь-батюшка—баррикады, I 141; Что делать, I 45, 51, 79—81, 105, 113, 122; II 25, 123; IV 22, V 29, VI 46; Шаг вперед, два назад, I 2, II 112—115.
Либавская группа РС-ДРП, листовки: „В Либаве вспыхнула всеобщая забастовка", V 47; Все остается по-старому, V 19; „Грозно и стройно провел пролетариат свою всеобщую забастовку", V 88; К рабочим, IV 141; К полугодовщине январских дней, V 18; К солдатам, V 88; Ко всем либавским ж.-д. рабочим и служащим, VI 117; „Не прошло еще месяца с тех пор", VI 27; Они столковались, IV 141; Отчет группы, VI 27; По поводу мобилизации, V 47; Революция началась, IV 141; 40 человек—8 лошадей, IV 141; Царское правительство доживает свои последние дни, V 18.
Либавская гр. РС-ДРП, ж.-д. центр., листовки: „Несколько месяцев назад", VI 74; Объявление начальника Либаво-Роменской ж. д., VI 74.
Либавская гр. РС-ДРП, проф. союз сапожников, Ко всем либавским сапожникам, л., VI 27.
Либавская военно-социалистическая организация, листки: „В последнее время благодаря волнению, охватывающему всю русскую землю"... IV 14; К матросам и солдатам г. Либавы, V 19; Летучий листок в казармы (почему кричат долой самодержавие), VI 74.
Либавская военно-революционная организация, К солдатам харьковск. гарнизона, V, 41.
Либералы и с.-д.. бр. V 29.
Либеральная программа, бр., V 29.
Либкнехт. Пауки и мухи, IV 121, V 38, 88.
Лозинский, С. История второй французской республики, III 20.
Луганская организация РС-ДРП, листки: К рабочим и работницам патронного з-да, IV 19; Ко всем рабочим ж.-д. мастерских, IV 19.
Луначарский, А. В. Плеть и посул, ст., I 19; По истории револ. борьбы европейского пролетариата, ст., I 19; Самодовольные флюгера, ст., I 19; Твердый курс, I 19.

М.

Манифест I съезда РС-ДРП, V 29.
Манифест с.-д. делегатов и членов, участвовавших на 6 конгрессе союза студентов-армян Европы, II 141.
Маркс, К. Гражданская война во Франции, IV 3; Капитал, I 35, VI 91; Коммунистический манифест, I 35, 39, II 27, 103, IV 2, V 19, VI 7; Наемный труд и капитал, V 29; Разоблачение относительно процесса коммунистов в Кельне, III 24; Труд, прибыль и заработная плата V 29.
Мартин, Рудольф. Будущность России и Японии, V 7.
Мартов, Л. Красное знамя, III 20; Рабочее дело в России, III 20.
Мартынов. Две диктатуры, I 80, 130, II 19.
Мартыновские искровцы, статья, I 105.
Международное значение русской революции, ст., III 24, IV 104.
Менгер, А. Новое учение о государстве, V 29.
Мижуев. Крестьянское царство, III 20; Передовая демократия современного мира, III 20.
Миколе Романову последнему (юмористическое письмо Михаилу Романову), I 139.
Милитаризм и рабочий класс, V 29,
Минская группа РС-ДРП, листки: К минским гражданам, III 81; К солдатам, I 105, III 81; К учащимся, III 81; Ко всем пекарям, III 81; Ко всем товарищам, III 81; Отчет Минской гр. за июль, V 88; По поводу приезда царя, III 81: Порт-Артур, Ляоян, III 81; Своеобразные руководители (о Бунде), III 81.
Минская группа РС-ДРП и к-т Бунда Ко всем, л., I 105, III 81.
Мирбо. Дурные пастыри, V 29.
„Миссионерское Обозрение", журнал, I 42.
Митавская группа РС-ДРП, листки: Встревожилось начальство, II 103; К учащимся, л., II 103.
„Московские Ведомости", газ., I 110, II 105, 137, 183, III 132, IV 128—129 V 51, 114—116, VI 21, 31, 51, 94.
„Московская Неделя", орг. освобожденцев, II 134.
Московская группа РС-ДРП, листки: Программа РС-ДРП, принятая на II съезде партии, IV 141; Московский рабочий листок № 4, VI 74.
Московская центр. орг. учащихся, Приветствие партсъезду, II 149.
Московский к-т РС-ДРП, листки: Борьба началась, III 102; В бой за свободу, II 169, III 62, 102; Бюллетень, VI 103; VI 140; Бюллетень о всеобщей забастовке, VI 47; Вперед, орг. МК IV 81; „В Петербурге началась всеобщая стачка", I 138 — 139; Всеобщая забастовка, VI 140; „В России идет забастовка за забастовкой", III 102, IV 82; Вся Россия волнуется, VI 74; Голос Труда, орг. МК, III 62, 102, IV 81, 82, 101; Горе побежденным, IV 82; Городской район 27 сентября, VI 74; Да здравствует стачка, II 149; Девятнадцатое февраля, II 49, Девятое января, IV 81; Денежный отчет

окр. орг. МК за май, IV 59; Довольно молчать! IV 82; Долой мобилизацию, IV 141; Заявление группы „Голос Труда", VI 27; Иваново-Вознесенская стачка, IV 19; Инструкции организаторам, работающим в окр. орг. МК, IV 59; К населению, VI 117; К новобранцам, VI 117; К народным учителям, II 82; К орехово-зуевским рабочим, V 109; К рабочим николаевской группы, II 82; К рабочим пуговичной ф-ки Ранталера, II 189; К обществу, III 102; К солдатам, II 149, 169, III 102; К рабочим Люберецкого тормозного з-да, IV 59; К артиллеристам, IV 121; К офицерам русской армии (открытое письмо), IV 82; К рабочим и работницам ф-ки Черных („Задумались ли вы?"), IV 82; К рабочим и работницам знаменской мануфактуры Полякова, IV 82; К рабочим о забастовке, I 138; К рабочим товарищества московской красильной ф-ки, IV 82; К рабочим лесопильного з-да Шибаева, IV 81; К рабочим ткацкой ф-ки Мараевой, IV 81; К рабочим текстильной московской мануфатуры, IV 81; К рабочим и работницам винного склада, IV 82; К рабочим з-да „Нью-Йорк" (на ст. Люберцы), IV 82; К рабочим и работницам Богородско-Глуховской мануфактуры, V 109; К рабочим цементного з-да в Подольске, V 109; К товарищам, уезжающим в деревню, II 169, III 62; К учащейся молодежи, IV 74; Ко всем ж.-д. служащим моск. узла, II 189; Ко всем моск. рабочим, VI 140; Ко всем рабочим и низшим служащим городских предприятий, III 62; Ко всем рабочим и работницам г. Москвы, III 102, IV 59; Ко всем рабочим Иваново-Вознесенска, III 62; Ко всем рабочим ф-ки Чернышева, IV 59, 82; Ко всем рабочим и солдатам г. Москвы (по поводу одесских событий), IV 82, 121; Ко всем рабочим Москвы от раб. з-да „Нью-Йорк" на ст. Люберцы, IV 59; Ко всему цивилизованному миру, IV 121; Канун революции кончился, I 149; „Крестьяне, к вам наше слово", IV 81; Комиссия Булыгина IV 141; Кровавый царь, VI 117; Кто будет платить контрибуцию, IV 121; Майские, III 102; Милостью пушек, пулеметов, ружей и нагаек, III 123; Московский рабочий листок, IV 101; Настало время, когда и камни говорят, I 138—139; На Дальнем Востоке, III 102; Накануне вооруженного восстания, IV 59; Новое поражение царских войск, II 169; Обращение к членам партии (заявление 19-ти), I 90; О комиссии Шидловского, II 24, 169, III 102; О манифесте-указе сенату и рескрипте 18 февраля, II 149; О событиях в Баку, II 149; О конференции районных представителей, III 102; О гибели эскадры, IV 141; О различных союзах, IV 81; О средствах партии, IV 81; О партийной кассе, IV 81; О стачке в Иваново-Вознесенске, IV 81; Открытое письмо, II 124; Они заговорили, III 102; Отчет комитета, IV 19, 101, VI 103; Об эскадре Рождественского, IV 81; Они столковались, IV 81, 121; Опять мобилизация, IV 82; От группы городовых, IV 19; Первое мая, II 189, III 102; Пропагандистская программа, IV 18; По поводу земского съезда, VI 27; По поводу мобилизации, IV 141; По поводу назначения Трепова, IV 141; Программа минимум, IV 81; Письмо крестьянина с ответом МК, II 169; Постановление собрания булочников г. Москвы, II 144, 169; Прибавление к № 1 газ. „Голос Труда", II 149; Проект резолюции, II 82, 141, 189; Рабочий класс и фабриканты, III 20, IV 81; Резолюция рабочих Никольской мануфактуры, II 82; Рост и нужды с.-д. организации, III 102; Резолюция по вопросу об организации деревенских к-тов, V 109; Резолюция окр. организации по вопросу об отделении от МК и резолюция МК, V 137; резолюция ЦК о Гос. Думе, VI 140; Светлый праздник, II 169, III 20; „Слушайте, рабочие и солдаты", VI 127; События развертываются быстрее, II 39, 149; События в Иваново-Вознесенске, IV 141; Социализм и политическая свобода, II 169; Старая погудка на новый лад, II 169; „Товарищи, многие из вас", II 149; Требование з-да Тильманса, VI 74; Требование механического з-да Листа, VI 74; Требование рабочих ф-ки Сиу, IV 82; Царская казна и народный карман, VI 27; Царская милость, II 39; Царские опричники на работе в Иваново-Вознесенске, IV 59; Что дала нам стачка? III 62; Шестое июня, IV 141; Экономика и политика, IV 81.

Московский к-т П. С.-Р., листки: Листок о 5 феврале, II 40; Программа, II 160.

Московский рабочий союз с.-р., листки: К обществу, II 169; На пятое апреля назначен суд, II 169.

Мускатблит. Народное представительство, V 29

Н.

На первое мая, бр., III 123; IV 81.

Наблюдается стремление буржуазии к организации, л., I, 139.

„Народный Листок" № 1, II 149, 184.

Народный Союз, Тула (черносотенная орган.), листовка, II 177.

„Националь", франц. газета, V 118.

„Наша Жизнь", газ., I 8, 68; III 64, 134; V 25, 54; VI 41, 109.

„Наши Дни", газ., I 68, 74, 119; III 64.

Наши задачи, брошюра, VI 46.

Наши требования, брошюра, VI 46.

Нет силы более терпеть, л., I 139.

„Нива", журнал, II 98.

Нижегородский к-т РС-ДРП, листки: Девятое января, IV 40; Денежный отчет к-та с 5 мая по 5 июня, IV 59; К булочникам, IV 40; К крестьянам, IV 40; К нижегородским гражданам, I 90; К плотникам, IV 40; К рабочим, I 139; Кто виноват, IV 40; Отчет за 6 месяцев, IV 40; Программа с.-д. партии, I 139; Устав партии, IV 40.

Николаевская объединенная орган. с.-д. к-тов, листки: В тюрьме голодовка, IV 141; „Прошел уже целый месяц после последней всеобщей забастовки", IV 141.

Николаевский к-т РС-ДРП, листки: Заявление, II 124; К обществу, IV 19, 59; К рабочим и работницам ф-ки Ага, IV 19; К солдатам, II 124; Ко всем приказчикам и служащим г. Николаева, III 102; Ко всем работникам и работницам Николаева (гибель балтийской эскадры), III 102; Ко всем солдатам и матросам г. Николаева, III 62; Первое мая, III 62, 80; „Товарищи, стачка окончилась", II 124.

Никон, Московский Епископ. Голос из обители преподобного Сергия о печальных событиях последнего времени на Руси, бр., III 131.

„Новая Жизнь", газ. (б), VI 123, 130.

„Новая Заря", IV 91.

„Новое Время", газ., I 74; II 6, 113, 178; III 43; V 115, 117; VI 31, 51, 106, 121, 123.

„Новости", газ., I 74, II 43, 139; III 44.

Новоторжская группа РС-ДРП, Народ и война, л., V 88.

Новые царские милости, л., IV 121.

Новый обман, л., V 107.

Нужды деревни, (изд. Стаховича и Львова), III 20.

О.

О возобновлении забастовки в Петербурге, л., III 61.

О войне с Японией, л., V 19.

О податях и налогах, V 29.

О событиях в Ив.-Вознесенске, л., V 107.

О социализме, брошюра, V 7, 27.

О стачках в Иваново-Вознесенске, л., I 139.

О штрафах, брошюра, V 29.

Об Учредительном Собрании, V 107.

Общество друзей русского народа и присоединенных к России народов, воззвание, II 11, 12.

Одесская группа при ЦК РС-ДРП, лист.: Граждане и гражданки с прибывшего эскадренного броненосца, IV 19; Ко всем о Гос. Думе, VI 27; Ко всем гражданам, IV 19; Ко всем работникам и работницам г. Одессы, I 105; Ко всем русским гражданам, I 139; Царь и депутация от рабочих, I 139.

Одесский к-т РС-ДРП, листки: Бюллетень Одесск. к-та о стачке, IV 122; О комиссии Коковцева, III 102; 19 февраля, II 100; Долой войну, IV 122; Жертвуйте на стачку, IV 122; Итоги стачки, IV 122; К городским строителям и слесарям, IV 122; К ж.-д. рабочим, IV 122; К запасным, I 90; К рабочим ж.-д. мастерских, IV 122; К рабочим консервного з-да, IV 122; К рабочим пробочного з-да Арбса, IV 122; К рабочим сапожного, портняжн. и булочного цехов, IV 122 К рабочим ф-ки Жака, IV 122; К рабочим цементного завода, IV 122; К солдатам, I 90, 138; К чулочницам, IV 122; Ко всем гладильщикам, IV 122; Ко всем коробочникам, IV 122; Ко всем Одесским рабочим, IV 122; Ко всем рабочим и работницам г. Одессы, I 90, 105; IV 122; Комиссия Шидловского, IV 122; Манифест и рескрипт 18 февраля, II 82; Начало революции в России, I 138; Отчего безработица и где выход, I 138; 1-е мая, II 189; Петербургский пролетариат пережил ужасные кровавые дни, I 90, 138; Письмо из Одесской тюрьмы, IV 122; Политика насилия и обмана, II 82; Последняя карта царизма и задачи общества, I 90; Призыв к забастовке, II 39; Призыв к всеобщей стачке, IV 122; Решения Одесского к-та, V 88, VI 27; Страшное преступление самодержавия, I 138; „Товарищи, по всем ж.-д. вспыхнула забастовка", VI 140; „Товарищи, собирайтесь на митинги", VI 140; Требование рабочих завода Шполянского, IV 122 Чего надо требовать, II 82.

Ольминский. Первый шаг, статья, II 40.

Они заговорили, брошюра, III 123; IV 81, V 19.

Орг. Ком. Инт. при Одесском к-те РС-ДРП, Бюллетень № 4, II 124.
Орг. Ком. Петербургского Универс. Отжившее русское самодержавие, л., II 19.
О. К. Т. И., листок от 27 января, II 82.
Орехово-Зуевская группа Окр. Орг. МК. РС-ДРП: К рабочим Викуло-Морозовской мануфактуры, л., IV 82.
Орловский (Воровский), листки: О Гос. Думе, V 109; Совет против партии, I 19, 46; II 18, 59, 123.
„Освобождение", орган Союза Освобождения, I 1, 39, 83, 85, 111, 121, 122, 130; II 3, 65, 68, 101; III 21, 44, 63, 86, 115; IV 11, 12, 22, 38, 42, 73, 74, 83, 85, 110, 112, 113, 126, 129; V 2, 4, 25, 56, 60, 71, 77, 94, 115, 118; VI 52, 73, 109, 122.
Основной государственный закон Российской империи, I 25.
Основы полицейской службы, II 40.
Отчет о собрании в Женеве 2-го сентября 1904 г., II 18—19.

П.

Память 9 января, л., V 107.
Парвус. I 96; Война и революция, III 123, IV 81.
Партия правового порядка, воззвание, VI 134.
Первый шаг, брошюра (изд. МК), III 102, IV 81, 121.
Перед последней борьбой (стихотв.), л., I 139.
Пермский к-т РС-ДРП, листовки: Бессмысленная преступная война с Японией, IV 59; „Вот уже 4 месяца"..., III 20; К жел.-дор. рабочим, IV 101; К мотовилихинским рабочим, IV 59; К пермским приказчикам, IV 59; К пермским рабочим, IV 101; К чусовским рабочим, II 189; Капиталистический способ производства, III 62; „Стачка началась"..., IV 102; „Товарищи рабочие, ваша стачка показала вам"...,IV 59; „Товарищи рабочие, все мы можем"..., III 102; „Товарищи, стачка началась"..., IV 59; Требования рабочих завода Мотовилиха, III 102; IV 59; 14-го мая по произволу полиции"..., III 102.
„Петербургская Газета", I 74.
Петербургская группа (м) РС-ДРП, л.: Гос. Дума или Учредительное Собрание, V 95, 137; Долой позорную бойню, IV 59; К борьбе, I 91; К рабочим и работницам Петербурга, II 39; К рабочим Сименс и Гальске, IV 59; К рабочим патронного завода (по поводу гибели эскадры Рождественского), IV 59; Комиссия Булыгина, III 123; Манифест для выборов в комиссию Шидловского, II 146; „Не упал еще занавес", II 82; Ответ царю, I 138; III 123; Отчет 15 февр.—15 марта, II 149; По поводу комиссии Шидловского, II 82; „Рабочие, требуйте прекращения войны"..., IV 59.
„Петербургская Рабочая Неделя", газ., изд., Птб. к-та, II 124.
„Петербургские Ведомости", I 74, IV 19.
Петербургский к-т РС-ДРП, листки: Бюллетень П. К., I 105; IV 101; Вы шли к царю, I 90; Граждане! отечество в опасности, I 90; К офицерам, I 138; II 82; К рабочим, I 105; К рабочим и крестьянам (об учреждении Гос. Думы), V 88; К рабочим казенно-пробочного з-да, II 124; К рабочим машиностроительного завода, I 138; К рабочим Немляндера, II 82; К рабочим Обуховского завода, II 39; К рабочим патронного завода, III 102; К солдатам, I 90; Ко всем, I 90; Ко всем наемным служащим, II 124; Ко всем петербургским рабочим, I 90; Ко всему обществу, II 97, 103; Ко всем рабочим з-да „Атлас", VI 74; Ко всем рабочим мастерских Николаевской ж.-д., V 109; Ко всем рабочим и работницам г. Петербурга, VI 103, 117; Кризис самодержавия, I 90; Милостивые убийцы, I 119, 138; Мир, V 137; Новая мобилизация, I 90; Новая наглая ложь русского правительства, I 138; О съезде земцев, I 90; Общие требования рабочих, I 138; II 19; Отчет с 21-го по 31-е января, I 138; Падение Порт-Артура, I 90; 1-й листок о революционных днях в Петербурге, I 90, II 19; По поводу речи царя к рабочим, II 19; Подлая комедия во дворце, I 90; Полгода прошло с тех пор, VI 27; Рабочим Обуховского завода, II 19; Седьмой листок о революционных днях в Петербурге, II 19; „Товарищи, свыше 5 лет прошло с того времени", IV 59; „Товарищи, царь услышал просьбу", I 105; Требования условия избрания в комиссию Шидловского, II 19; 3-й листок о революционных днях, V 105; 4-й листок о революционных днях в Петербурге, I 105, II 39; Что нам нужно, V 137; Что нужно для удовлетворения народных нужд, II 149; Что такое Учредительное Собрание, II 124, IV 59; 6-й листок о революционных днях в Петербурге, I 105.
Петербургская объед. студенческая с.-д. организация, листки: Листок № 1, 2, 4, 5, 10, 11, II 82, 97, 98 103; Постановление сходки 7-го февраля, II 82; Резолюция, принятая 13/IX на сходке ПТБ университета, V 137, VI 27.
„Петербургский Листок", I 74; II 13.
Петербургское собрание представителей средне-учебных заведений, ко всем учащимся, л., I 139.
Петербуржец. Рабочее движение в Петербурге в 90-х г., III 20.
Петиция Петербургских рабочих к царю, л., IV 121.
Петиция учеников Слуцкой гимназии, II 109.
Письмо 29 товарищей из бакинской тюрьмы, VI 73.
Письмо из Петербурга, л., I 139.
Письмо к партийным организациям, I 14.
Письмо к Плеханову, л., V 19.
Плеханов. К вопросу о захвате власти, статья, III 24; Наши разногласия, VI 88; Русский рабочий в революционном движении, V 29; Социализм и политическая борьба, V 29; Чего не делать, статья, I 18.
Полесский к-т РС-ДРП, листки: Летучий листок Полесского к-та № 4, 5, IV 101, 121; Отчет к-та с конца мая по 1-е июля, IV 101.
Политическое обозрение, л., V 19.
Полный текст протоколов III съезда РС-ДРП, I 29; VI 48, 131.
Последние друзья самодержавия, л., IV 121.
„Последние Известия", орг. Бунда, I 26; III 62; IV 38; V 31—32, 126—127, VI 19—20, 54.
Постановление Совета депутатов моск. типо-литографск. рабочих, VI 96.
Почему царь не хочет мира? л., IV 121.
„Правда", журн., Москва, III 144; VI 130.
„Правда", орган Украинского с.-д. союза VI 61—62.
Правда для солдат, л., IV 121.
Правда о войне, л., I 138, V 19.
„Правительственный Вестник", I 54; III 30.
Правительственное сообщение, Одесса, IV 31.
„Право", журн., I 74, IV 91, V 24, VI 109—110.
„Приволжский Край", газ., Саратов, III 110, 119; IV 14; VI 138.
Приказ по войскам Екатеринославского гарнизона с приложением статьи „Правительство готовится", III 146.
Прикамская группа РС-ДРП, л.: „Товарищи! часть рабочих нашего завода уже знает, что в единении их сила"..., VI 27.
Программа РС-ДРП, III 20.
Проект устава РС-ДРП, II 66.
Программа Союза Освобождения, III 44.
Проект программы РС-ДРП, III 20.
Прокопович, С. Местные люди о нуждах России, III 20.
Протокол рабочих Обуховского завода 13 февраля 1905 г., II 12—13.
Протокол собрания рабочих С.-Петербургского орудийного з-да 13 февр. 1905 г., II 12.
Проф. интеллигенция и с.-д., статья, IV 102.
Прошение городовых г. Риги, II 48—49.
Псковский к-т РС-ДРП, листки: К обществу, II 19; об избиении учащихся, II 19.
Пыпин. Обществ. движ. при Александре II, III 20.

Р

„Рабочая Газета", V 1, 3, 8, 29.
„Рабочая Мысль", V 29, VI 52.
„Рабочее Дело", I 14, 27, 29, 65, 79, 94; II 73, 115; V 14, 28—29, 121.
Рабочее Дело в России, брошюра, V 29.
Рабочие о парт. расколе, брошюра, VI 46.
„Рабочий", IV 58; V 27, 46, 107; VI 27, 47.
Газета „Рабочий", орган Казанского к-та РС-ДРП, V 106; VI 27, 62.
Рабочий. Рабочие и интеллигенты в наших организациях, I 27; II 113.
Рабочий—один из многих, авт. ст.: „Ко всем товарищам, сознательным рабочим, IV 18.
Рабочий день, брошюра, V 29.
„Рассвет", либер. газ, III 139; VI 19, 35.
„Рассвет", с.-д. журн. для сектант., I 19.
„Революционная Россия", орган с.-р., I 23, 39, 93—95; III 20, 98; V 27, 131, 133; VI 88, 90—91.
Революционный авантюризм, статья, III 20.
Резолюция Нижегородского земства, 10 января, л., I 139.
Резолюция студентов-медиков IV курса, л., I 139.
Резолюция студентов Киевского Университета, л., II 19, 34.
Резолюция типографских рабочих в Риге, II 185.
Республиканско-демократический Союз, программа, II 146.
„Реформа", французск. газета, V 118.
Речь Петра Алексеева, V 29.
Рижская группа РС-ДРП, листки: Всеобщее вооруженное восстание народа, V 19; Только для членов, II 39.
Рижская военно-социалистическая организация при Федеративном к-те, листки: К офицерам, II 124; К солдатам, I 91; II 149; Письмо из казармы, II 149; Почему бунтуют рабочие и крестьяне, II 149.
Рижский к-т РС-ДРП, листки: Воззвание Гапона, I 90; Вооружайтесь! I 105; Долой

Госуд. Думу! V 19; Жертвам царизма (стихотворение), I 105; Извещение о III съезде РС-ДРП, IV 19; Итоги 1-го мая, III 62; К запасным, V 47; К обществу, I 105; К рабочим кожевенного завода Долгова, II 124; К рабочим з-да Феникс, IV 101; V 37; К рабочим Балтийского з-да, V 37; К рижским гражданам, V 47; К солдатам (40 человек—8 лошадей), III 102; К студентам, I 90; ко всей учащейся молодежи, V 137; Ко всем, II 19; Ко всем рижским рабочим, III 102; IV 101; V 37; Ко всем рижским печатникам, IV 121; Кто и как будет выбирать представителей в Гос. Думу? V 47; Листок „Группы солдат", II 36; Листок Рижского к-та, II 186, 189; III 19; IV 44—45; Место капитала, III 102; Мир с Японией и война с народом, V 109; Нужна ли рабочим политическая свобода, I 90; О Гос. Думе (по-латышски), V 88; Одна, а не две палаты, V 37; Они сговорились, V 37; 1-е мая, III 20, 62; Последняя ставка царизма, II 124; Приглашение к забастовке 1-го мая, III 20; Программа РС-ДРП, II 169; Рабочим Балтийского з-да, V 37; Рабочим Джутовой мануфактуры, V 37; Рабочим з-да Данцигера, V 37; Рабочим з-да Пихлау, V 37; Рабочим з-да Эрбе, V 37; Революция началась, V 37; Резолюция 120 рабочих, II 169; Свобода буржуазная—свобода пролетарская, IV 121; V 37; Солдаты, I 105; „Товарищи, выходите на улицу" I 105; Три конституции, V 37; Чего хотят с.-д. (программа для интеллиг. кружков), V 47.

Рижский к-т РС-ДРП совместно с Рижск. с.-д. Федеративным Комитетом, л., Ко всем рижским рабочим, I 105.

Рижский с.-д. Федеративный к-т, листки: Наши требования, I 91; Продолжайте генеральную стачку, I 91.

Рижский стачечный к-т (с.-д.), Помогайте стачечникам, л., I 91.

Роланд-Гольст. Генеральная стачка и с.-д., IV 28.

Рубакин. Искорки, III 12.

„Русская Газета", I 51.

„Русские Ведомости", газ., Москва, I 24; III 27, 64, 107, 113, 134; IV 8, 41; V 1, 24, 117—118; VI 21, 71.

„Русский Листок", монарх. газета, Москва, II 164; VI 22, 43, 96.

„Русское Богатство", журн., III 22.

„Русское Дело", IV 124, 128.

„Русское Слово", II 164.

„Русь", газета, I 74; III 106, 134; IV 74, 125; V 80; VI 37, 63.

Рыбинская группа Северного к-та РС-ДРП, листки: К забастовавшим рабочим М.-В.Р. ж. д., II 39; К рабочим Рыбинска и его окрестностей (№ 7 и 9), III 20.

Рядовой. Либеральная программа, I 85; Из-за чего война, II 10; Наши недоразумения, II 113; О социализме, IV 27.

Рязанов. Разбитые иллюзии, I 27.

С.

Самарский к-т РС-ДРП, листовки: Господа и братцы, VI 48; 9-е января—9-е июля, V 88; К гражданам, V 88; К крестьянам, V 88; VI 48; К рабочим о Гос. Думе, VI 48; К самарским колбасникам, V 88; Ко всем рабочим, V 78; Ко всем рабочим о Гос. Думе, V 88; Новая царская милость (о Гос. Думе), брошюра, VI 27, 74; Отчет, II 189; V 88; VI 47, 48; Песни борьбы, V 88; Письмо крестьян Сквирского уезда, ко всем сельским работникам, VI 48; Последние друзья самодержавия, II 189; Последние оплоты царизма, VI 48; Программа РС-ДРП, V 88; Требование колбасников, V 88; Черная сотня в Самаре, V 88.

Самодержавие и стачки, брошюра, III 87—88; V 29.

„Саратовский Дневник", газета, III 119; IV 14.

Саратовский к-т РС-ДРП, листки: „Громовым ударом пронеслось по Руси" II 19; Для членов Саратовской орг. (постановление к-та, IV 100; Извещение о конференции с.-д. съезда, III 119; К гражданам, II 19; III 117; К крестьянам, VI 47; К певцам, танцорам и хористам в трактирах, VI 47; К рабочим, II 19; К саратовским работникам, VI 74; К товарищам крестьянам, II 124, 189; III 20; V 42; Ко всем гражданам, I 105; II 124; Листок, политич. известий, № 7, II 19; Манифест петербургских рабочих, III 119; Новая бойня на Дальнем Востоке, II 124; О войне, III 119; Они заговорили, III 119; Отчет, II 19; 1-е мая, III 20, 119; Постановление к-та, IV 101; Призывной листок, III 119; Программа для занятий с крестьянскими кружками, III 20; Резолюция Берегового района 1—2 сентября, VI 47; Резолюция по поводу событий в Одессе, Лодзи и др., IV 101; Рост сознания пролетариата, V 19; Саратовский листок, IV 101; „Товарищи мельники", V 19.

Саратовский к-т РС-ДРП, Береговая районная организация, листки: Денежный отчет, V 109; К грузчикам, V 109; К рабочим мельникам, V 109; К рабочим з-да Беринга, V 109.

Саратовский к-т РС-ДРП, профессиональный рабочий с.-д. Союз на заводе Беринга, „Товарищи, как ни сгущались черные тучи", л., V 109.

Саратовский к-т РС-ДРП, проф. Союз портных, листовка, денежный отчет за август, VI 74.

Саратовский к-т РС-ДРП, Правление союза столяров, листовка: Ко всем товарищам столярам, VI 47.

Саратовский к-т РС-ДРП, Професс. Союз Типографщиков, листки: „Мы, типографы Саратова", III 19; отчет типографского Союза за июнь 1905 г., IV 101; По типографиям, VI 47.

„Саратовский Листок", газета, III 119; IV 14.

„Свет", газета, ПТБ., I 74; V 50.

„Свобода", листок анархистов, Швейцария, III 58.

„Северо-Западное Слово", газета, Вильна, VI 19.

Северный к-т РС-ДРП, листки: К ж.-д. рабочим, III 123; IV 56; К ивановознесенским рабочим, III 123; IV 56; К рабочим, IV 58; К рабочим Корзинкинской ф-ки, IV 56; К солдатам (о войне), I 138; III 123; IV 56; К солдатам и запасным, I 91; К ярославским рабочим, IV 56; Ко всем, III 123; IV 56; Ко всем гражданам, I 138; Ко всем рабочим, I 138, IV 53; Ко всем ярославским рабочим, III 123; IV 56; Листок ЦК о морском сражении, III 123; Они столковались, IV 101, V 88; Первое мая, III 123; IV 56; Первый шаг, брошюра, I 138; Правда о войне, I 138.

Северный к-т и Ярославский к-т РС-ДРП, Отчет за январь и февраль, л., II 82.

„Северный Край", газета, Кострома, I 139.

Северо-Западный к-т РС-ДРП, листовки: Внешний мир и внутренняя война, VI 47; Война и безработица, III 81; Долой Гос. Думу, V 125, 137; Извещение Сев.-Зап. к-та, III 81; К народу (по поводу казни Плеве), III 81; К солдатам, III 81; К цивилизованному миру, III 81; Ко всем гражданам, III 81; Ко всем рабочим, III 81; Новая мобилизация, III 81; Отчет Союза за август, VI 74; Песни революции, I 91; Порт-Артур и Ляоян, III 81; Рабочие и все русские граждане, III 81; Царские победы и наши требования, III 81.

„Северо-Западный Край", газета, Минск, IV 95; VI 18—19.

Северцов, В. Приложение тактики и фортификации к народному восстанию, брош., III 146; IV 40.

Семеновская орг. Полесского к-та РС-ДРП, О черной сотне, л., IV 141.

Серпуховская группа МК РС-ДРП, листки: К рабочим лесопильного завода Шибаева, III 102; К рабочим ф-ки Хутарева, V 109; Ко всем рабочим и работницам г. Серпухова, IV 82; Тяжело жить рабочему, V 137.

Сестрорецкий к-т РС-ДРП, К сестрорецким оружейникам, IV 55.

Сибирский Союз РС-ДРП, листки к гражданам, VI 27, 47; К солдатам, I 91; Кассовый отчет за январь, II 82; Ко всем рабочим Сиб. и Забайк. ж.-д., II 39; О царских милостях, II 149; Отчет Союза, V 137; VI 103; Отчет стачечной кассы, VI 103; Подымайтесь солдаты, VI 27; Сборный лист № 23, VI 103; Сибирский с.-д. листок, V 46, VI 47; „Царские войска переходят на сторону народа" VI 27, 47,

Симбирская гр. РС-ДРП, к рабочим г. Симбирска, л., I 139.

„Слово", газета, IV 41.

Смерть царизма, статья из L'Humanite, I 83.

Смирнов, Е., Государственный строй и политическая партия в Зап. Европе и Соед. Штатов, II 20.

Смоленский к-т РС-ДРП, листки: О манифесте 18 февраля, II 189; Ответ царю, II 39; Резолюция рабочих, II 189; Три указа, II 189.

Сморгонская группа РС-ДРП, листки: „Все выше поднимается революционная волна", V 109; К обществу, I 101; Ко всем рабочим и работницам г. Сморгони, I 101; Падение самодержавия и наши требования, I 101; Собрание Вологодской Думы 3 декабря 1905 г., I 139.

Солдатская памятка, л. IV 75, 117, 121; V 88.

Сормовская орг. РС-ДРП, листки: Высочайший манифест, V 136; К солдатам, V 136; Кто будет платить контрибуцию, V 136; На баррикады (песня), V 136; О Гос. Думе, V 136; О Сормовской боевой дружине, V 136; Отчет, V 136; По сбору для раненых, V 136.

„Социал-Демократ.", газета (м), I 139; III 113, 123; IV 81; V 19, 47, 98; VI 17, 34—35.

„Социал-Демократ", орган Кавказских меньшевиков, IV 101, 130—132.

Ставропольский к-т РС-ДРП, листовки: Ко всем запасным, VI 74; Призыв к политической забастовке, VI 74.

Стачки в Иваново-Вознесенске, V 29.

Стачка лжи, брошюра, V 38.

Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия, III 20.
„Сын Отечества", газета, I 74; III 64; IV 110; V 50, 55; VI 19.

Т.

Ташкентская группа РС-ДРП, листовки: Война или мир, VI 21, 27; История неумолима, V 109.
Тверской к-т РС-ДРП, листовки: В виду распространившихся ложных слухов о событиях 26-го мая, IV 19; Вышневолоцким рабочим, IV 61; Демонстрация, как средство борьбы с самодержавием, II 82; Денежный отчет к-та, IV 59; Извещение о демонстрации в Пречист. Бору, IV 81; К гласным Тверского губ. Земск. собрания, II 19; К крестьянам Кумардинской волости, III 82, 123; IV 81; К крестьянам Первитинской волости, III 82, 123; IV 81; К новобранцам, I 91; К рабочим и работницам ф-ки Залогина, II 149; К рабочим ситцев. отд. ф-ки Морозова, V 137; К слушателям и рабочим Бурашевской колонии, III 92, 123; К учащимся, IV 81; Как господа с царем в сделку вошли, IV 59; Какое страхование нам нужно, III 123; IV 81; Ко всем гражданам, II 82; III 123; IV 81; Ко всем тверским рабочим и крестьянам, II 82; Ко всем тверским рабочим и работницам, V 137; Комиссия Булыгина, IV 81; „Крестьяне, к вам наше слово," IV 81; Крестьянам, III 123; IV 81; Летучий листок, III 82, 123; IV 81; Майские лозунги, III 82, 123; IV 81; Майские требования, III 82, 123; IV 81; Милостью пушек, пулеметов, ружей и нагаек, III 123; IV 81; Настало время (к тверским рабочим), II 82; Он прощает, III 123, IV 81; Они упрямы, IV 81; Опять мобилизация, III 123; IV 81; Ответ царю, II 13; IV 81; Отчет к-та, II 82; III 123; IV 59, 81; Первое мая, III 82; IV 81; По поводу демонстрации 1-го мая, IV 81; По поводу погрома, произведенного офицерами в саду, III 82; По поводу столкновения с офицерами, III 123; IV 81; Пора кончать, III 123; IV 81; Рабочие и земские гласные, II 39; Рабочим вагоностроительного з-да, III 123, IV 81; Рабочим и работницам Залогинской ф-ки, III 123; IV 81; Рабочим Морозовской ф-ки, IV 81; Рабочим стекл. з-да, IV 81; Русский рабочий и Зимний Дворец (памяти Степана Халтурина), III 123; IV 81; Служащим и рабочим Бурашевской колонии, IV 81; Солдатская памятка, III 82, 123; IV 81; Учащимся, III 123.
Темир-Хан-Шурская группа РС-ДРП, „Россия находится накануне крупных событий," IV 101.
„Типографский Листок", № 1—3, IV 97.
Тифлисский к-т РС-ДРП, листки: К гражданам, II 82; К Тифлисской мелкой буржуазии, IV 101; Ко всем гражданам (к избиению мирных граждан в здании гор. самоуправления), V 109; Три конституции, V 18.
„Товарищам, собравшимся на съезд по приглашению орг. комитета" (письмо), III 3.
Толстой, Л. Не убий, IV 75.
Томский к-т РС-ДРП, листки: Венок убитому товарищу, II 39; К завтрашним гражданам, II 39; К началу академического года, VI 27; К рабочим (о предателях народной свободы), I 91; К рабочим Томска и ст. Тайги, VI 47; К революционному студенчеству, I 91; К служащим ж.-д., II 82; Листки № 75, II 35; Наконец-то, I 91; Отчет к-та, II 82; VI 74; Порт-Артур к русскому народу, I 91; Резолюция собрания в 700 человек, II 39 Резолюция томских студентов, VI 47; Тайная телеграмма Стесселя, I 91.
Требования Ижорских заводов, л., II 19.
Требование рабочих, л., III 61.
Требование служащих Моск.-Винд. ж.-д., л., I 139.
Три конституции, листок (изд. Пролетария), III 146; IV 43; V 19.
Троцкий, Л. Наши политические задачи, I 113, 130.
Тульский к-т РС-ДРП, листки: К крестьянам, II 169; К ополченцам, запасным и солдатам, IV 19; К учителям и ученицам, II 149; О Гос. Думе, V 88; О свободе собраний, VI 117; Отчет к-та, II 169, V 88; Почему происходит резня на Кавказе, VI 47; Резолюция тульских рабочих, III 20.
Тун. История революционного движения в России, III 20; V 29.

У.

Украинский с.-д. Союз (Спилка), листовки: Как отобрать землю у помещиков и уделов, IV 141; Матрос до солдата, VI 47.
Уоркер, Г. Развитие австралийской демократии, III 20.
Устав Бессарабской патриотической Лиги, III 131.
Уфимский к-т РС-ДРП, отчет кассы к-та, л., IV 19.
Учредительное Собрание, бр., V 107.

Ф.

Форма протоколов и постановлений, общепринятые членами отдельн. корпуса жанд. при производстве дознаний по Госуд. преступлениям, V 96.

Х.

Харбинская гр. РС-ДРП, Отчет, л., III 62.
„Харбинский Вестник", IV 53.
Харьковская группа „Вперед", Задачи рабочего класса, л., II 189
Харьковский к-т РС-ДРП, листки: К заготовщикам обуви, III 20; Карточка, распространенная на заседании юридич. о-ва 19/III. с требованием созыва Учредит. Собрания, л., II 103; Ко всем работникам и работницам Харькова, III 20.
„Харьковский Листок", III 29.
Херсонская орг. РС-ДРП, листовки: Гос. Дума и пролетариат, VI 103; К обществу, IV 121, 141; К солдатам, IV 141.
Христианское братство борьбы, к обществу, II 96, 103; Листок, II 31.
Хроника № 1, брош., V 19.

Ц.

Царь и либеральные депутаты, л., V 38.
Царь и парад, л., II 103.
Царь последний, брошюра, VI 46.
ЦК РС-ДРП, листки: В бой за свободу, IV 40; Воззвание от 4/III 1905 г., II 79—80; Война и революция, IV 40; Война против войны, III 81; Граждане Петербурга (по поводу слухов о погроме, подготовляемом полицией против интеллигенции), IV 59; Земская депутация, V 19; Из сообщения ЦК местным организациям, I 105; Извещение о конференции, V 19; Извещение о II съезде, III 81; Извещение о III съезде, V 106; VI 46; К крестьянам, V 19; К рабочим и крестьянам (о заключении мира), V 88; VI 27; К рабочим и крестьянам (об учреждении Гос. Думы), V 88; VI 27; К русскому пролетариату, III 81; К русскому народу (по поводу манифеста), VI 117; Какое страхование нам нужно, IV 40; Ко всей учащейся молодежи, V 137; Ко всем гражданам, III 81, VI 20, 27, 47, 74; Ко всем рабочим и работницам, I 91; Ко всему пролетариату, III 81; „Крестьяне, к вам наше слово," III 102; IV 40; V 42; Крестьяне и рабочие, VI 27; Купля-продажа, III 81; Летучий листок, V 29; Майский листок, IV 40; Наши задачи, III 102, V 19; Наши требования, V 106 Новая мобилизация, I 32; Об объединении партии, V 137; Объединение буржуазной демократии, IV 40; Они заговорили, IV 40; От ЦК к Петербургск. группе при ЦК (по поводу 1-го мая), IV 59; Открытое письмо председателю Совета партии Плеханову, II 147; Открытое письмо Троцкого к профессору Милюкову, V 88; Первое мая, III 123; V 19; Первый шаг, III 123; Песни на 1-е мая, IV 40; План кампании по поводу Гос. Думы, VI 117; Политическое обозрение, III 81; Правда о войне, III 81; Проект резолюции о Гос. Думе, V 137; Рабочие о парт. кризисе, брошюра, IV 122, 141; „Русские рабочие и вы все русские граждане," I 105; Совершилось, III 102; Слово и дело, III 81; Социал-демократ, газета, IV 40;
ЦК РС-ДРП, Восточное бюро. Извещение о конференции крестьянских работников восточного района, л., V 88.
ЦК РС-ДРП, информационное бюро. Перечень вопросов, по которым необходимо иметь сведения бюро, л., V 137.
ЦК Латышской с.-д. Под усиленной охраной, л., III 121.
ЦК п. с.-р., листки: По поводу 10-летия царствования Николая II, II 169; Пора (письмо к либералам), II 169.
ЦК Союза фармацевтов, обращение к фармацевтам, л., I 139.
Центральный Союз Московских Типографских рабочих. Летучий Листок, II 149.
„Цнобис-Пурцелли", газета, Грузинская, нац.-либ., VI 47.

Ч.

Черная сотня, л., V 19.
Читинский к-т РС-ДРП, листовки: Ко всем тов. стачечникам по Сиб. ж. д., VI 47; Письмо ж.-д. рабочих ст. Обь к товарищам по линии Сиб. ж. д., VI 47; Царский мир, VI 27; Что было в Красноярске? VI 47.
Читинские ж.-д. рабочие, листок: Ко всем товарищам стачечникам, VI 45.
Что ты спишь, дурачок? л., III 61.

Ш.

Шахов. Борьба за съезд, брош., II 18, 37, 190—191.
Шушинская гр. РС-ДРП, листовки: Воззвания, IV 121; Ко всем трудящимся, IV 121.

Э.

Энгельс, Ф. Бакунисты за работой, III 49; Крестьянская война в Германии, II 70; Переворот г. Дюринга в науке, IV 86; Семья, собственность и государство, V 29.
„Экономическая Газета“, II 105.
Экстренный отчет Красного Креста, л., I 105.

Ю.

„Южный Край“, газ., VI 83.

Я.

Ярославский к-т РС-ДРП, листовки: Булыгинская Дума, IV 121; V 19; Ждать нельзя, V 19; Памяти павших, VI 103.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

I. ПРОГРАММА и ТАКТИКА РС-ДРП (б.)

1. Программа.

а) Аграрный вопрос:

К изменению аграрной программы (письмо к III съезду), II 45—47; II 125—127; о сельском пролетариате, II 106—107; национализация земли, II 106 — 110; к критике аграрной программы с.-р. (Ленин), V 111—113.

2. Тактика.

а) Задачи пролетариата в буржуазной революции:

Задачи пролетариата в буржуазной революции, I 8, (Луначарский), I 63—65, (Гусев, С. И.), V 120 — 121; гегемония пролетариата (Ленин), I 36 — 39; опыт германской революции 1848 г., V 30—35; перманентная (непрерывная) революция, VI 126—128.

б) Революционно - демократическая диктатура пролетариата и крестьянства (временное революционное правительство):

О демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, постановка вопроса (Ленин), II 68—75, 85—88, 90—95; опыт Парижской Коммуны, IV 3—5; резолюция III съезда, III 3—4; об участии во временном революционном правительстве (Ленин), III 24—33, 48—54, 127—129; вопрос „Рабочего“ из Двинска и ответ редакции, IV 121.

в) Организация вооруженного восстания:

Всеобщая стачка и вооруженное восстание (Листок Бюро Комитетов Большинства), II 124—126; вооружение пролетариата (после событий 9-го января), I 50, 79—82; резолюция III съезда о вооруженном восстании, III 3; резолюция Харьковской Группы „Вперед“ о вооруженном восстании, II 190; правильное политическое руководство и вооруженное восстание (Воровский и Северцов), III 90—91; задача пролетариата—вооруженное свержение самодержавия, III 65, 105—107; резолюция Иваново - Вознесенской организации, V 129; Костромской организации, II 56; Рижской организации, V 105; К восстанию на „Потемкине“ (Ленин), III 123—124, 127—131, 136—139; (Северцов), IV 5—7; к событиям в Нижнем Новгороде и Балашове, IV 128—130; к событиям в Риге 8/IX (Ленин), V 76—78; к Московским событиям (Ленин), VI 2—3, 30—33; к всероссийской политической забастовке (Ленин), VI 49—50; к манифесту 17-го октября, VI 77—79; к организации восстания (Северцов, В), II 174—176, V 57—59; к выработке плана вооруженного восстания, военно-техническая часть (Северцов), II 88—90, 176—177, III 68—71, (Линдов), IV 24—26.

г) С.-д. и крестьянское движение:

С.-д. и крестьянское движение, I 40, (Ленин), II 21—22, 106—107 (Карпинский), IV 69; проект резолюции III съезда (Ленин), II 21—22; резолюция III съезда, III 4—5; революционные крестьянские комитеты, II 125—126; о работе в деревне (письмо с.-д.), II 9—10; тактические указания крестьянам (из воззвания Саратовского К-та), VI 102—103.

д) Отношение к политике царского правительства:

К поражению царского правительства в войне с Японией, I 21—23; к миру царского правительства с Японией (Воровский), V 49—51; резолюция III съезда об отношении к тактике правительства накануне переворота, III 4; отношение к комисии Шидловского, I 109—111; к выборам в комиссию Шидловского, II 13, 16; резолюция рабочих с-д. г. Рыбинска о выборах в комиссию Шидловского, II 56; о выборах в комиссию Булыгина (воззвание Бюро Комитетов Б-ва), II 34—35 (Ленин), II 132—133; к бойкоту выборов в Булыгинской Думе (Ленин), IV 83—85, 123 — 126, V 1—4, 72—83 (Листки ЦК), V 78 — 79 (Резолюция ЦК), V 93—94 (Ленин), VI 60; ответ Парвусу (Мышецкий), VI 8—12; воззвание ЦК РС-ДРП, VI 20—21; резолюция конференции с.-д. организации, VI 29—30 (Ленин), VI 50—51 (Воровский), VI 52—55; решение местных организаций: Витебская группа, V 85—86, Кавказский союз, VI 72, Казанский к-т, V 125, Московская окружная организация (проект крестьянского приговора), V 125, Одесса, VI 25—26, Петербург (резолюция ремесленого района), V 43, Рижская организация, V 43, Самарский к-т, V 78—79, Саратовский к-т, VI 24, Северо-Западная краевая конференция, V 66, Северо-Западный союз, V 125, Тверская организация, V 38, Манифест 17-го октября, VI 105—107, 122—123, 126—128 (Ольминский), VI 142—143.

е) Отношение к либеральной буржуазии:

Отношение к буржуазной демократии (Ленин), I 35—37; поддержка конституционного движения буржуазии, I 9; земская кампания и задачи с-д, I 16; земский собор и политика с.-д. (Северцов, В.), II 6—7; проект русской конституции либералов („Основной государственный закон Российской империи“) (Ленин), II 171—174; против соглашения с либералами (листок Б. К. Б.), II 3—5; резолюция III съезда, III 6; программа „Союза Освобождения“ (Ленин), III 44—47; „демократизм“ либералов (к.-д.), III 63—65; ответ московского корреспондента газ. „Вперед“ г. Струве, IV 11 — 12; к посещению делегацией земских и городских деятелей царя (Ленин), III 85 - 87, 102—104, 106—107, 139 (Ольминский), III 139 — 140; съезд земских и городских деятелей, июль, IV 41—44; к решению съезда о бойкоте Булыгинской Думы, IV 126 — 128; к решению съезда „Союза Союзов“ о бойкоте Булыгинской Думы, IV 59—60 (Ленин), V 2; к бойкоту Булыгинской Думы, V 24—25; к участию либералов в Вулыгинской Думе, V 54—55; к соглашению либеральной буржуазии с самодержавием (Ленин), V 94—95, 115—119, VI 36—38; отношение к либеральным союзам (Ленин и Воровский), V 72—76; к участию с.-д. в съездах либер. союзов, IV 10—11, 112—114; заявление группы московских пом. присяжных поверенных, V 55—57; резолюция всерос. съезда адвокатов (Воровский), III 21—24; борьба с либералами, II 2; (Листок группы с.-д.), II 12 (Луначарский), IV 106—109, V 25—27 (Чужак), IV 73—74 (Луначарский), VI 127—129.

ж) Отношение к с.-р:

К проекту программы партии с.-р., I 39—41; аграрная программа с.-р. (Ленин), V 112; к соглашению с с-р. (после событий 9-го января), I 93—95; резолюция III

съезда, III 5; листок Моск. к-та партии с.-р., II 158—160; к оценке крестьянского движения (Ленин), VI 86—92.

3. Организационный вопрос.

а) Устав:

Проект устава партии (Бюро Комитетов Б-ва к III съезду), II 68—72, 127—129; устав партии, принятый III съездом, III 6—9; к организационному уставу Германской с.-д. (Сашин), VI 124—126.

б) Работа парторганизатора:

Инструкция Окружной организации при Московском к-те, IV 16—17; письмо ответственного парторганизатора Одесской организации, II 168.

в) К легализации партии:

(После манифеста 17-го октября), VI 101.

4. Агитация и пропаганда.

Резолюция III съезда, III 6; резолюции съезда литераторов, проекты программы проп. занятий, V 27—31; программа занятий с крестьянскими кружками, III 19—20; об издании местных парторганов (к изданию органа Рижским комитетом) III 18—19, IV 44—45; план пропработы (из отчета ответственного пропагандиста при ЦК), VI 15—17.

5. С.-д. и массовые рабочие организации.

С.-д. и профсоюзы, IV 1—3; к уставу профсоюзов Саратовск. к-та (Воровский), IV 65—67 (Борисов), VI 3—8; (письмо из Саратова), VI 46; проект резолюции ЦК, VI 116—117; Рабочий Союз Российского Освободительного Союза, III 66—75.

6. С.-д. и религия.

Отношение к религии, II 131—132.

7. Борьба с меньшевизмом.

а) Вопросы тактики:

Задачи с.-д. в революции (роль с.-д., как авангарда), I 12—13, 96—98 (Ленин), I 121—123; отношение к буржуазной демократии (Ленин), I 35—37; план земской кампании „Искры“, письмо Парвуса Ленину (Ольминский), I 114.

Временное революционное правительство: Об участии пролетариата во временном революционном правительстве, вопрос о гегемонии пролетариата (к брошюре Мартынова „Две диктатуры“) (Ленин), II 68—75, 85—88, 90—95, I 130; к статье Плеханова: „к вопросу о захвате власти“, III 24—33; к решению конференции меньшевиков, IV 23; революционное самоуправление или временное революционное правительство (к статье Мартова в Венской „Рабочей Газете“ (Ленин), V 3—4, 8; резолюция кавказской конференции меньшевиков, V 27; к выступлению в № 247 „Последних Известий“ Бунда, V 31—34.

Вооруженное восстание: к разногласиям по вопросу о вооруженном восстании (после конференции меньшевиков), IV 21—24; в связи с восстанием на „Потемкине“ (Воровский), IV 71—73; к выступлению в № 247 „Последних Известий“ Бунда, IV 31—34 (Ленин), V 127.

Булыгинская дума. Отношение к выборам в булыгинскую думу (Ленин), V 1—4, 71—72, 115—118 (Гусев), V 121—122; выступление иркутских меньшевиков, V 47; к резолюции южной конференции меньшевиков (Ленин), VI 4—19; к выступлению „Сиб. Соц.-Дем. Листка“ (Ольминский), VI 21; к резолюции конференции с.-д. организации (Ленин), VI 50—52, 72—73.

б) Организационный вопрос:

Организационные задачи, борьба с „теорией организации—процесса“, I 9 (Ольминский), I 112—114; „автономизм“ и „бюрократизм“, II 112—116; „программа к-та Сормовских и Нижегородских рабочих с.-д.“ (Воровский), II 24—29; письмо рабочего Правдина о брошюре „Рабочего“: Рабочие и интеллигенты в наших организациях, II 57—58; организационный устав южной конференции меньшевиков (Ленин), V 135.

в) Разрыв с меньшевиками:

История кризиса, объявление раскола (Ленин и Воровский), I 18—19; к выходу Ленина из редакции „Искры“, ответ Плеханову (Воровский), VI 130; заявление меньшевиков и ЦК (без б-в) о „прекращении организационной обособленности меньшинства“, I 46; против „примиренческих шагов“ отдельных большевиков, I 65; к предложению Совета Партии „примирения“ с меньшевиками (письмо из Н.-Новгорода), II 73—75; ответ Бюро К-тов Б-ва на предложение А. Бебеля об организации третейского суда, II 37; к постановлению Совета Партии от 10/III о предложении А. Бебеля и участии Сов. Партии на III съезде (Ленин), I 37—38; соглашение Бюро К-тов Б-ва с ЦК о созыве III съезда (Ольминский), I 119, II 79—81; к постановлению Совета Партии от 7-го апреля, II 123—124; постановление ЦК от 21-го апреля о представителе в технической комиссии, II 166—167; заявление тт. Ба, Мем и др. о солидарности с письмом ЦК председателю Сов. Партии Плеханову, III 81; резолюция собрания от 6/III ответственных организаторов при Пет. к-те, II 102; резолюция заключенных N-ской тюрьмы членов РС-ДРП от 24/III, III 39; письмо представителя Северного к-та в Костроме местным к-там, II 81—82; резолюция Луганской организации, II 169 (от 10/V), III 149; резолюция Николаевского к-та, II 169; резолюция Одесского к-та, I 137, VI 26; резолюция Рижской организации 1-го района, III 149; резолюция Тверского к-та, октябрь 1904 г., I 141; деятельность меньшевистских комитетов в Харькове, Киеве и Ростове, I 104—105; дело Бакинского к-та, I 46, 118; (к всеобщей стачке в Баку), V 83—85, VI 73; дело Воронежского к-та, II 138—140; в Екатеринославской организации, письмо рабочего, II 190; в Нижегородской организ. VI 141—142; дело Московского комитета, II 145—146; дело Тифлисского к-та (возвзвание Кавказского Союзного комитета), I 137—138; резолюция III съезда „об отколовшейся части партии“, III 5; извещение ЦК о III съезде, III 1, 8; сообщение меньшевиков о III съезде во французской социалистической прессе, IV 39; к резолюциям конференции меньшевистской организации, III 110—117; резолюции уральских организаций, III 149—151; письмо одесского рабочего, IV 18—19; захват заграничными меньшевиками партийного имущества после III съезда, IV 37—38.

Представительство РС-ДРП в Международное Соц. Бюро: письмо Плеханова, III 101; резолюция южной конференции меньшевиков и ответ Ленина, V 135—136; резолюция Костромского к-та, V 136.

К вопросу об объединении (после III съезда): Открытое письмо ЦК организационной комиссии (меньшев.) об объединении, IV 70—71; протоколы и комментарии к ним совещания ЦК и орг. ком. (меньш.), V 122—124; резолюция конференции Сев.-Зап. края, V 66—67; резолюция Одесского к-та, V 67; в Петербурге, сходки 29/VIII, V 128—129.

8. III съезд партии.

Борьба за съезд: К созыву съезда (Ленин и Воровский), I 18—19; конференции комитетов (1) трех южных, Одесский, Екатеринославский и Николаевский), 2) четырех Кавказских и 3) шести северных, (Петербург., Московск., Тверской, Рижский, Северный и Нижегородский)] за созыв III съезда и образование Бюро К-тов Б-ва, I 19, 33; извещение Б. К. Б., I 107—108; подготовка к III съезду, порядок дня (Ленин), I 108—109; борьба ЦК (м.) и Совета Партии против съезда, II 59; резолюция Бакинских меньшевиков о III съезде, II 146; предложение ЦК в Бюро К-та Б-ва о совместной подготовке съезда, II 79-81.

Местные организации за III съезд: Резолюция Батумского к-та, II 38; Воронежского к-та, I 46; Екатеринославского к-та и организации (центр. кружка рабочих Брянского завода и с.-д. кружка „Миша“), II 169, 188—189; Имеретино-Мингрельского к-та, II 38; Казанского к-та, II 38. Минской группы, I 103, II 189; Московского к-та, I 118: Николаевской организации, III 15; Одесской организации (собрания организаторов и центр. кружка), I 103—104, II 168; Пермской группы, II 38; Петербургской организации, II 59, 101—103; Самарского к-та, II 101; Северного к-та, I 118, II 101; Смоленского к-та, II 101; Уральского к-та, II 38; Харьковской организации, II 101; к постановлению Совета Партии от 8/III, II 18—19.

Извещение ЦК после III съезда, III 1—2; порядок дня съезда, III 3; резолюция III съезда, III 2—8; заявление и резолюция Сев.-Зап. к-та, III 145—146; к выступлению кавказских меньшевиков в № 3 „Соц.-Демократа“, IV 130—132, резолюция либавской группы о III съезде, IV 81; резолюция Рижской организации, IV 121; резолюция Саратовского к-та, IV 58—59.

9. Деятельность партийных организаций.

а) Заграничные организации партии:

Извещение комитета заграничных организаций о съезде групп содействия „Вперед“, II 39; постановление ЦК, IV 17; резолюция конференции южно-германских организаций РС-ДРП, IV 100; Бернская группа содействия РС-ДРП („Вперед“), I 138; открытое письмо заграничным товарищам совещания работников Казанской, Симбирской и Нижегородской губ., V 98—99.

б) Российские организации:

Съезд групп Северо-Западного к-та, резолюции, V 45—46; первая областная конференция Северо-Зап. края, резолюции, V 66—67; совещание южных комитетов, V 17;
Армавир, V 67;
Баку, I 137, II 23—24, IV 120, V 83—85, VI 46;
Борисов, V 67; Борисоглебск, V 88;
Брянск, V 130—132;
Вильно, IV 58, V 46, VI 41;
Витебск, IV 96, V 85—86;
Владимирская окр. группа, VI 97—98;
Вологда, IV 141; Вольск (Сарат. губ.), VI 41;
Воронеж, I 17, III 60—61, IV 36, 98, V 61, 67—68, 82—83;
Грозный, IV 100—101;
Двинск, III 61—62, 95;
Екатеринослав, II 167—168, III 57, 78, 79, 81, IV 14—15, 58;
Иваново-Вознесенск, II 163—164;
Имеретия-Мингрелия (Кавказ), III 97—98, 116—118;
Кавказ (Кавказский Союз), IV 99;
Казань, I 137, II 38—39, IV 117 118, V 18, 106—107, VI 46—47;
Коломна, V 130;
Ковров, VI 97;
Копысь, V 38;
Кострома, III 123; V 44, 129;
Курск, V 12, 136;
Либава, IV 141, V 17—18;
Луганск, III 16;
Мелитополь, III 96;
Минск, III 19, 81—82, IV 39, V 39—40, 88, 108—109, VI 66—67, 139—140;
Москва, I 119, 137, II 101—102, III 61, 101, IV 37, 58, 141, V 11, 42—43, VI 22—23, 42—43, 72;
Мстиславль, Могилевск. губ., VI 67;
Муром, V 12, VI 97;
Нижний-Новгород, II 186—187, V 136, VI 66;
Николаев, II 149, 188, III 15, 123, IV 37;
Одесса, I 138, II 60, 103, 123, 189, III 141—142, 145, IV 139—140, V 88, VI 24—25, 46, 68—69;
Орел, III 122;
Орша, II 36;
Ошмяны, V 15—16;
Петербург, I 118—119, 132—133, 138, II 53, 59, 97, 103, IV 18, 34, 35, 140—141, V 102—103, VI 23, 43—45, 117;
Полесье (Полесский к-т), IV 17—18;
Рига, II 164—165, 186, III 19, 55—56, 120—122, IV 38—39, 99, 139, V 37, 38, VI 63;
Ростов, I 138;
Самара, III 143, V 88;
Саратов, IV 99—100;
Северный к-т, I 138, IV 56—58;
Семеновка (Полесье), IV 14, V 9;
Сестрорецк, IV 55;
Сибирский Союз, V 46;
Сморгонь, IV 98, V 109;
Сызрань, IV 18;
Таганрог, V 44, 67;
Тверь, III 37—38, 77, 78, 142, IV 80—81, 117;
Тифлис, IV 100—101, V 18;
Томск, II 35;
Тула, II 78, V 88, 130;
Харьков, I 138, V 17;
Херсон, IV 18;
Ярославль, II 77.

II. РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА.

1. 9-е января 1905 года.

В Петербурге (Ленин), I 45, 87—88, 47, 50, 62, 141—142, 100, 75—76, 66, 132—133, 129, 68, 73—75.
Отклики по стране: Батум, I 70; Брянск, I 70; Варшава, I 72, 90, II 8—9; Вильно, I 70; Виндава, I 71—72; Гельсингфорс, I 73, II 7—8; Гомель, I 70; Екатеринослав, I 70, 90; Киев, I 70; Ковно, I 69; Колпино, IV 77—78; Либава, I 71—72, 89; Лодзь, I 73; Минск, I 99—101; Митава, I 71; Могилев, I 89; Москва, I 69, 85—86, 130—131, 136, II 5—6; Нарва, I 70; Новгород, I 131; Олонецк, I 139; Ревель, I 71, 89; Рига, I 70—71, 76—77, 88—89, 99, 134—136; Саратов, I 70; Слоним, I 137; Сморгонь, I 101; Тифлис, I 70; Феодосия, II 14.

2. Восстание на „Потемкине“.

Восстание на „Потемкине“, III 123—124, 146, IV 29—32, 45—47, 134—136.

3. Октябрьские дни.

(Ленин), VI 1—3, 49—50; (Ольминский и Величкина), VI 79—91; (Ленин), VI 92—93, 94—96, 102, 105—107, 112—115; (Воровский), VI 117—118, 131—138, 141, 143.

4. Рабочее движение.

Александровск, II 14.
Баку, I 32, 117, II 186, III 57, 76—77, V 14, 83—85.
Балта, III 16; Батум, I 117; Бахмут, I 136—137; Бобруйск, IV 95—96, 120—121.
Варшава, I 10, III 53—54; Вильно, II 16, V 14, 38, 45; Воронеж, I 17, 32, 136, V 45, 105, 106.
Гомель, III 96, IV 136—137.
Двинск, III 95—96, IV 96—97; Добрянка, Могилевской губ., V 14—15.
Екатеринбург, IV 36—37; Екатеринодар, I 11—12; Екатеринослав, I 136, III 57, 80, IV 46, 97, 120, V 13, 129;
Иваново-Вознесенск, I 136, II 56—57, III 34—35, 76, 93, 94, IV 34, 35, 55, 56, 120, V 12—13; Игнатовка, Киевск. у. IV 96; Имеретия-Мингрелия (Кавказ), III 97—98.
Казань, I 116, II 121—123, III 77, V 106; Калиш, V 9; Керчь, I 87; Киев, I 16, II 36, IV 138; Ковно, III 143; Колпино, IV 77—79, V 63—64; Копысь, Могилевской губ., V 15; Кострома, I 136, III 94, IV 79, 137, 138, V 44, 62—63, VI 38—39; Красноярск, V 61, 87—88, VI 45; Курск, III 36, V 105.
Либава, V 61—62; Лодзь, III 122—123; Луганск, II 55, IV 138, VI 69.
Мелитополь, II 183; Минск, IV 95, V 9—10; Митава, II 165; Могилев, I 115; Москва, I 11, 31, 130, II 143, 144, 164, 185, III 14, 61; VI 18—22, 64—65.
Нижний-Новгород, I 11, 16, 32, II 54, 98—99, 161, III 141, IV 93—94, 114—116, V 62, 86—87; Николаев, II 54—55, 78, 123, 144—145, 164, III 15—16, 55, 80, 96—97, IV 33—34, 53—55, V 129, VI 23—24.
Одесса, I 11—12, 30, II 15—16, 100, 165, III 36, 54—55, 119—120, 141—142; Омск; I 101; Орехово-Зуево, II 56, III 57.
Пермь, II 78, 145, IV 98; VI 67—68; Петербург, I 11, 15—16, 18, 100, 116, 134, II 12—14, 16, 35—36, 53—54, 58, 76—77, 98, III 14, 143—144, IV 35—36, 136, V 61, 127—128, VI 57—58, 65—66.
Рига, I 43—44, II 185—186, III 14—15, 96, IV 98, 119—120, 136, V 35—37, 130, VI 19—20; Ромны, II 15; Ростов, II 16, 121, III 36; Рыбинск, II 56, 99.
Самара, III 30, 119; Саратов, I 2, 31, III 119, IV 13—14, 97—98, 137, VI 96—97; Сестрорецк, III 118—119, IV 79; Симбирск, I 136; Сормово (см. Н.-Новгород); Сухум-Кале, I 136.
Тверь, II 55, III 37—38, 78, V 44; Тифлис, I 117, V 83, 103—104; Томск, VI 45; Тула, III 35—36, IV 138—139, V 44—45; VI 67.
Харьков, I 11, III 30, 56, IV 94—95.
Чита, I 117, II 78, VI 45.
Ярославль, II 55—56, 99, III 38.
Обзор рабочего движения (Южин-Васильев), II 166, 187—188, III 16—17, 27—29, 112—115; обзор движения на Урале, IV 15—16, 36—37 (Рабочий Захаров), VI 68.
К образованию „Союза фармацевтов“, II 36, 101, III 60, V 97—98.
Устав Зубатовского „Общества временного взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве“, IV 44.

5. Крестьянское движение.

Витебская губерния, II 142.
Воронежская губ., III 52.
Екатеринославская губ., II 141.
Кавказ, I 137, II 50—51, 94—96, 120—121, 140—141, III 17, VI 64.
Калужская губ., II 31—32.
Крестецкий уезд, V 81.
Курская губ., II 10—11, 32, 34, 44.

Мозырь, IV 138.
Олонецкая губ., II 163.
Орловская губ., II 34, 52.
Подольская губ., III 141.
Псковская губ., V 81, 100.
Саратовская губ., VI 94.
Симбирская губ., V 126.
Тамбовская губ., II 142—143.
Тверская губ., IV 33.
Харьковская губ., II 76, 141.
Хвойники, Минская губ., III 118.
Черниговская губ., II 51—52, 98, III 140.
Юрьевец, Костромской губ., VI 61.
Съезд „Крестьянского Союза" в Москве, V 60—61 (Карпинский), VI 109—112; письмо крестьянина, II 76; обзор крестьянского движения (Калинин-Карпинский), III 12—13, V 67—68.

6. В армии и флоте.

Александрополь, VI 62; Варшава IV 76; Витебск, VI 42; Владикавказ, V 102; Гродно (Чужак), VI 20; Елисаветполь, IV 76—77; Киев, IV 13; Либава, IV 12—13, 75; Мелитополь, IV 41—42; Минск, IV 134; Моршанск, IV 92; Николаев, III 31—33, IV 50—51; Новая Александия, IV 50—60; Остров, Ломжинской губ., III 93; Петербург, III 116; Рига, IV 12, V 59; Севастополь, V 101; Тула, V 80; Харбин (Манчжурия), II 47—48, III 30, 33, IV 53, V 82, Челябинск, II 48.

События в команде судов Небогатова, IV 12—13.

Обзор (Чужак-Насимович), IV 90—92; VI 62—63; из жизни армии, I 132, II 47, 178—180; IV 12, 118—119, V 41—42, 60, 81—82.

Восстание на „Пруте", VI 54—62.

7. Либерально-буржуазное движение.

Батум, II 11, 14—15; Варшава, I 131—132, IV 93; Витебск, V 99—100; Вологда, I 42—43; Воронеж, I 99; Екатеринослав, IV 55, VI 93; Елисаветград, I 115; Кавказ, II 29—31; Казань, I 115, VI 58; Керчь, V 79; Киев, I 16, 131, II 34, 49—50, V 39, 124, VI 41, 93; Кострома, I 42; Курск, II 11, IV 51—53; Кутаис, I 117; Ломжа, III 38—39; Мелитополь, I 131; Минск, VI 18—19, 40; Москва, I 100, 130, II 78—79, 117—118, 161—162, III 33—34, 73—74, V 9, 59, VI 40, 58—59; Нежин, I 115; Нижний-Новгород, I 86; Новочеркасск, IV 12, 33; Одесса, II 33—34, 180—181, IV 92—93; Пермь, III 115—116; Петербург, I 8, 16, 133—134, II 10,58—59, III 74—75, 140, IV 132, V 125—126; Рига VI 59—60; Ромны, II 11; Ростов, I 42, II 181—182; Саратов, I 31, II 49, 98; Ставрополь, VI 63; Тверь, VI 132—133; Тифлис, II 78; Томск, I 131, II 49; Тула, VI 63; Харьков, I 115, II 160—161, IV 75—76, VI 93—94.

8. Погромная деятельность царского правительства.

Баку, II 16—18, 23—24, 29, IV 77; Балашов, IV 133.

Белосток, V 38.
Мелитополь, II 181—182.
Новочеркасск, III 30; Одесса, VI 115—116.
Петербург, II 34.
Самара, IV 133—134; Суздальский уезд, IV 134.
Эривань, III 92.

9. Тюрьма, ссылка, аресты жертв революционной борьбы.

а) Тюрьма: Акатуй, рудник, IV 19—20; Баку, II 40, 186.

Екатеринослав, I 19, III 76; Кострома, I 139.

Луганск, I 19.

Москва, I 33, 43, 86, IV 79—80, V 65; Николаев, IV 99, 139.

Одесса, I 46, III 17—18, IV 80, V 16.

Пермь, I 47, IV 139.

Петербург, I 86; Херсон, V 64—65.

б) Ссылка: Вятка, I 46; Ив.-Вознесенск, III 18; Колымск, IV 19; Олонецкая губ., I 139, II 162, III 52; Чердынь, III 18; список бежавших из ссылки, VI 74.

в) Аресты: Екатеринослав, I 139, II 101, IV 98—99; Елисаветград, I 47; Казань, II 123; Киев, I 114, II 82; Москва, I 139, III 52; Н.-Новгород, I 33; Николаев, V 129; Одесса, IV 92; Саратов, V 80; список подлежащих аресту и розыску, IV 32—33.

г) Жертвы: Бауман, Н. Э. (Ленин), VI 103; Бобков, В. Е., III 60; Гусенко, V 108; Дудников, IV 98; Сандро-Цулукидзе, А., V 11· Яковлев, А. Я., II 81, 100—101.

ПОПРАВКА.

В выпусках III, IV, V газет „Вперед" и „Пролетарий", в ряде статей и заметок, принадлежащих тов. **Н. Чужаку**, после подписи: „Н. Чужак" в скобках ошибочно значится—„А. Насимович". Следует читать—Н. Насимович.

Редакция.